ПАМЯТНИКИ
ЛИТЕРАТУРЫ
ДРЕВНЕЙ
РУСИ
Вторая половина XV века

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1982

ПАМЯТНИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ

ДРЕВНЕЙ

РУСИ

Вторая
половина
XV века

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1982

Р1
П15

Вступительная статья
Д. С. ЛИХАЧЕВА

Составление и общая редакция
Л. А. ДМИТРИЕВА
Д. С. ЛИХАЧЕВА

Оформление художника
В. В. ВАГИНА

П $\frac{4702010100-333}{028(01)-82}$ 43-82

ЛИТЕРАТУРА ЭПОХИ ИСТОРИЧЕСКИХ РАЗМЫШЛЕНИЙ

Определение, вынесенное в заглавие этой статьи, посвященной литературе второй половины XV века, может показаться странным. В самом деле, какая литература не «размышляет», не оценивает, не озабочена будущим своей страны? Да, действительно, литература «думает», но в каждую из эпох она думает о своем, о том, что ей особенно нужно, что волнует народ, что подсказано историческими обстоятельствами.

Во времена Владимира I Святославича и Ярослава Мудрого литература была озабочена будущими судьбами Русской земли, ее предназначением в мировой истории. Были созданы «Слово о Законе и Благодати» и «Начальная русская летопись». Во второй половине XV века, накануне окончательного освобождения от иноземного ига, эти думы об исторических судьбах снова посетили русскую литературу, овладели умами читателей, но при этом в своих более разнообразных и широких аспектах.

Что такое государственная власть, какие на нее накладываются обязанности перед народом? Почему некоторые из мировых держав сходят с исторической сцены, подпадают под чужеземное иго и как сохранить свою национальную независимость? Кому, какому княжеству принадлежит право возглавить всю Русскую землю? До каких пределов простирается власть государя над своими подданными и в какой мере государь отвечает за их нравы и грехи перед богом?

Еще московский государь не обрел всей полноты власти и независимости в исторической действительности, но литература уже готовилась ответить на вопросы будущего устроения Русского государства. И, может быть, потому, что ответы на эти вопросы были излишне категоричны,— литература оказалась в какой-то мере ответственной, как мы увидим в дальнейшем, не только за все положительные, но и за отрицательные деяния и Ивана III, и Василия III, и Ивана IV.

Особый интерес появляется к загадочным предсказаниям исторических катастроф (видение пономаря Тарасия, видение Зосимы на пиру у Марфы Борецкой, предсказывающее падение Новгорода, и т. п.) и не менее загадочным возвышениям властителей, обретению престола, царственных регалий и т. д.

* * *

Вторая половина XV века — это время, когда Русь становится одним из сильнейших государств Восточной Европы. Москва завершает объединение великорусских земель и выходит на европейскую политическую арену. Историки часто повторяют рассказ о том, как в 1487 году на рейхстаге

в Нюрнберге император Фридрих III и князья Священной Римской империи с удивлением узнали о существовании Московии и слушали рассказ о ней своего посла рыцаря Поппеля. Но Московию не надо было открывать. К ней и в предшествующие века постоянно обращались за помощью и греки, и балканские славяне. В Русской земле уже в XIV веке начинали видеть будущую опору на Востоке и юге Европы от надвигающейся османской опасности.

Падение трехсотлетнего ордынского ига на Руси совершилось без генерального сражения — простым «стоянием на Угре» в 1480 году двух войск — московского и ордынского, в результате которого войско хана Ахмата отказалось от попытки перейти небольшую мелководную реку Угру и повернуло назад. Это совершилось ровно через сто лет после Куликовской победы, а перед тем Москва военной силой покорила последнего своего опасного соперника — Новгород Великий. Два новгородских похода Ивана III в 1471 и 1478 годы решили судьбу не только Новгорода, но и всей русской страны.

Образование мощного единого национального государства поставило перед русским народом целый ряд политических, исторических и нравственных проблем, разрешать которые должна была в первую очередь общественная мысль и литература.

Что представляла собой русская литература в этот знаменательный период? Несомненно: русская литература развивалась своим путем, но путь этот на всем его протяжении постоянно перекрещивался с путями литератур других европейских стран — Византии, Болгарии, Сербии, Молдаво-Валахии; в меньшей мере, но все же достаточно ощутимо — Моравии, Чехии и Польши. Русская литература вплоть до XVI века не знала строгих границ, а в то время, к которому мы обращаемся сейчас в нашем очерке, не было ощутимых границ ни с Украиной, ни с Белоруссией в составе Польско-Литовского государства. Три братских восточно-славянских народа имели общий литературный язык — в основе своей болгарский по происхождению и мало различавшийся по своим разговорно-национальным и диалектным особенностям во всех восточно- и южнославянских странах.

При всем своеобразии пути русской литературы,— своеобразии, определившемся уже в первый век ее возникновения,— русская литература развивалась рядом с европейской. Она имела многие сходные черты со средневековыми литературами Запада, много общих памятников, общие эстетические нормы, сходное (христианское) мировоззрение и сходные общественные проблемы, возникавшие в результате того, что феодализм во всех странах при всем различии в проявлениях был в существе своем именно феодализмом и в общественном строе этих стран не было принципиальных различий.

Вторая половина XV века на Западе — это период Ренессанса в культуре. Чтобы выяснить сходства и различия русской литературы с западноевропейской, необходимо прежде всего дать четкий ответ на вопрос о том — был или не был Ренессанс в России, а если не было его как культурной формации, то коснулись ли России проблемы, поднятые Ренессансом в европейской культуре?

Наряду с итальянским Ренессансом, который считается обычно наиболее идеальным проявлением ренессансных явлений вообще, как известно, существовал Северный Ренессанс,— Ренессанс стран к северу от Альп,— Франции, Германии, Нидерландов, Англии, скандинавских стран. Существовали, кроме того, чешский и польский варианты Ренессанса. Ренессансы отдельных стран далеко не равноценны. Но ведь оценки и не столь существенны: Ренессанс — это не оценочная категория, а историческая. Так называют эпоху, переходную к культуре Нового времени. Новое время в России вступило в свои права значительно позднее — на переломе от XVII века к XVIII. И с этой точки зрения в России Ренессанса в XV и XVI века не было, но тем не менее не могли не быть отдельные ренессансные явления в общественной мысли, в изобразительном искусстве, в зодчестве и в литературе, вызванные к жизни развитием ремесел, городской жизни, влиянием ренессансного окружения.

В стране классического Ренессанса, Италии, процесс шел путем развития элементов светского гуманистического мировоззрения. В странах севернее Альп — путем развития идей религиозного «обновления». Своеобразие Северного Ренессанса заключалось во внимании к религиозной морали, к попыткам обновления старых норм религиозной и церковной жизни. Элементы русского Ренессанса связаны с попытками исторического осмысления нравственного долга страны и личности в жизни страны, роли личности в государстве. В России ренессансные явления сказывались главным образом в попытках эмансипации искусств, в развитии литературы как искусства и потребностях увидеть в человеке самостоятельную ценность, осмыслить роль и значение человека в истории. Процесс занял длительное время. Вторая половина XV века была только одним из его периодов. Процесс шел незаметно и подспудно. Он не был поэтому резко и определенно выражен.

Русские города, в первую очередь Новгород и Псков, пытались выйти из феодального окружения, развить в себе элементы капитализма и буржуазных отношений, но уже на грани двух веков были подчинены единому русскому централизованному государству.

Точка зрения Хейзинги, рассматривающего Ренессанс как «закат Средневековья» [1] и стремящегося найти элементы Ренессанса в позднем Средневековье, вполне применима и к русским культурным явлениям XV и XVI веков, обладающими еще более ярко выраженной особенностью — отсутствием строгих границ между отдельными эпохами.

Итак, в России Ренессанс не вступил в свои права, но веяния Ренессанса оставили след в русской литературе, изобразительном искусстве, зодчестве, общественной мысли. Они были ослаблены тем, что церковь не только не уступила своих позиций, но в силу ряда причин усилила их. Поэтому крайне замедлилось и усложнилось главное явление Ренессанса — секуляризация жизни. Усилившийся интерес к личности человека, к его внутренней жизни, как мы можем отметить и для XVI века, продолжал осуществляться в пределах церковного мировоззрения.

---

[1] J. Huizinga. Das Problem der Renaissance. — Wege der Kulturgeschichte, Munich, 1930.

При этом светское гуманистическое мировоззрение Ренессанса даже в своих очень незначительных формах проникало на Русь не через изобразительное искусство и не через философию, а главным образом через литературу. Одним из признаков этого проникновения было обращение литературы к проблемам светской жизни и освобождение литературы и литературных жанров от задач церковно-воспитательных, усиление развлекательности, а с другой стороны,— в связи с тем, что вопросы государственного строительства заняли на Руси первостепенное место в эпоху образования централизованного государства,— в литературе стали обсуждаться также и вопросы взаимоотношения личности и государства.

Секуляризация совершалась как бы косвенно. Парадоксальным образом в искусство всех видов входили результаты обмирщения, его последствия, но не само обмирщение,— явления вторичные раньше, чем первичные.

Одним из таких интереснейших явлений в литературе было стремление к созданию в произведении загадок, к сюжетности повествования, к почти фольклорной ответно-вопросной форме и т. д.

Наряду с большими историческими произведениями все большее место в исторической литературе начинают занимать повествования, посвященные только одному событию, одной исторической личности, одному явлению, причем эти события, явления и личности составляют как бы повод для размышлений о смысле происходящего. Собственно, этот процесс начался ранее, что сказалось в появлении произведений, посвященных Куликовской битве, Дмитрию Донскому, тому или иному вражескому нашествию.

Во второй половине XV века и в начале XVI века наряду с документальной историей развивается историческая легенда («Повесть о Вавилонском царстве»), «историческая басня» («Повесть о Басарге»), рассказы о занимательных исторических событиях в далеких странах («Александрия») — событиях, не имеющих прямого отношения к тем, которые непосредственно касались современников.

* * *

Вторая половина XV века — время удивительного разнообразия, разнообразия мировых тем и пятисотлетних (полутысячелетних) традиций — перевернутых, поставленных вверх дном, переиначенных, обмененных местами внутри жанров и традиций, примененных заново — к новому содержанию.

Это явление тем более поразительно, что в целом традиционность средневековой литературы — выражение ее творческой силы. Эта традиционность совсем не похожа на традиционность Нового времени. В средневековой традиционности — не вялость творчества, а напротив — стремление облечь резкую и отчетливую мысль в жесткие, прочные формы, причем иногда формы разнообразные, резко несхожие, готовые пронзить воображение какой-то исступленной нереальностью.

Этикетные формулы, традиционные образы ложатся почти спаянными, соединены друг с другом намертво, и чем больше текст переписывается и соответственно меняется, тем больше они объединяются между собой ритмом — ритмом, за которым следят и переписчики, и читатели, нередко

читающие произведения вслух,— то для себя, то для многих слушателей одновременно.

По тексту древнерусских произведений как бы плывут голоса их многочисленных читателей, и этим сглаживаются все шероховатости, вбивается в текст каждое слово, подгоняются его грамматические формы, а иногда заменяются отдельные слова и целые блоки слов, чтобы они плотнее ложились друг к другу.

Литературных традиций в древнерусской литературе — не одна и не две. Их много, они живут рядом — совсем несхожие, контрастируя друг с другом, заставляя читателей перестраиваться каждый раз на новый лад, даже на новую напевную манеру чтения вслух.

Новое потому так легко создается в Средневековье, что оно не отменяет старое, а только по-новому его организует. Новый стиль — либо переделывает, либо переносит жанровые границы, переставляет стиль из одних жанровых рамок в другие, создает, как мы увидим в дальнейшем, некие антистили и антижанры.

Представляя себе древнюю русскую литературу как литературу малоподвижную и однообразную, мы просто не видим ее, имеем дело с собственными о ней представлениями, из которых часто бессильны вырваться, привыкнув к традициям новой литературы и литературным вкусам Нового времени.

Создавая новый стиль, древнерусские авторы не разрушают прежние традиции, а творят как бы основу для новой традиции на основе старых и создают ее не свободной, а снова жесткой и упрямой, сильно ритмизованной и как бы готовой существовать вечно. Готовность к вечному существованию — это готовность не только выкованной формы, но и закованного в нее громадного содержания — содержания, которое сразу и жестко себя выражает и посвящает себя самому важному в жизни не только отдельного человека, но и народа, страны.

Два явления, на первый взгляд противоположных, характерны для литературы второй половины XV века: усиление в ней чисто литературной занимательности, перестройка традиций именно в этом направлении и усиление интереса к историческим судьбам народов, к историософским проблемам. И то развитие, которое происходит в области формы, соответствует расширению содержания. Новые проблемы могли решаться только в условиях новой, более широкой формы.

* * *

Обратимся к памятникам.

В «Сербской Александрии» русского читателя привлекало сознание значительности совершаемых исторических событий. Перед читателем развертывалась гигантская картина мировой истории, охватывающая весь известный тогда мир — от «Окиян-реки» на Западе до Индии на Востоке. Эта мировая история была полна рокового смысла, роковой предрешенности, в ней действовали нравственные силы. Моральная правота Александра, его прямодушие и отсутствие бессмысленной жестокости обеспечивали ему победу над сильнейшим врагом — персидским царем Дарием. В сознании читателя появлялись исторические аллюзии. Дарий отождествлялся с ордынскими ханами, а Александр, на стороне которого было сочувствие автора и чи-

тателей,— с русскими князьями. Это отождествление, как и во всяких аллюзиях, не было и не могло быть полным, но чем загадочнее, тем заманчивее оно выступало через строй сказочных деталей, фантастических образов и подробностей. Читатели видели, что любимый герой неизменно побеждает сильнейшего противника, сами мечтали о такой же победе над своими врагами, и при этом победе, сопровождаемой великодушным прощением врага — особенно рядовых пленников, которых Александр отпускает с единственным наставлением: никогда против него не сражаться.

Вера в вещие сны, во вмешательство чудесных сил не была в «Александрии» проявлением простого суеверия,— это была прежде всего вера в осуществление мечты и в торжество исторической справедливости.

В «Александрии» читателя заинтриговывали всевозможные фантастические подробности, экзотика, своеобразие Востока, с которого двигались на Русь завоеватели и которые сами когда-нибудь должны были быть побеждены.

Фантастика «Александрии» и в самом деле была изумительной. Разве не интересовало, например, читателей волшебное платье Поликсены, которое менялось в зависимости от того, на какой камень она смотрела. Не менее интересовало их одеяние персидского царя Сескерсена, украшенное змеиными глазами, или скатерть Дария из сапфира-камня, за которой кто ел — «никогда в унынии не бывал». Или перстень египетской царицы Клеопатры, который делал Александра невидимым и позволял ему дерзко смеяться над своим врагом.

Разве не могли также не утешать русских читателей слова Дария: «Кому боги противятся, тому честь на бесчестие заменяется, того близкие и любимые друзья оставляют». Хорошо было сказано в «Александрии»: «За возвышением в круге времени следует падение, и всякий возвышающийся унизится». Мысль об изменчивости счастья в истории особенно утешала тех, кто был внизу колеса фортуны, тем более что признаки начинающегося на Руси возвышения были уже налицо.

Слова Дария о том, что «персы многие годы дань брали с македонян, ныне же головами своими македонянам платят», могли восприниматься как пророчество о будущем величии Руси, тем более что они напоминали хорошо известные слова хазар о полянах в «Повести временных лет»: «Станут они когда-нибудь собирать дань и с нас, и с иных земель».

Интересовали читателя в «Александрии» волшебники, мудрецы, мудрость исторических действующих лиц, фантастические и удивительные народы, их нравы и многое другое.

В другом роде, но не менее значительной для русского читателя была «Повесть о взятии Царьграда турками». Эта повесть отличалась сравнительно с «Александрией» большей фактичностью.

Если сравнить две повести о взятиях Константинополя—одну начала XIII века о взятии его крестоносцами в 1204 году и другую конца XV века о захвате его турками в 1453 году, то сразу становится заметным их принципиальное различие по своим повествовательным приемам. Первая, начала XIII века, о взятии Константинополя крестоносцами стремится достоверно передавать события в их реальной последовательности, ее интерес — в ее документальности. Вторая — конца XV века о взятии Константинополя

турками — построена на единой эмоциональной волне и держит читателя в ожидании рокового конца. Героизм защитников и ожесточенность нападающих в этой последней повести введены в рамки исторической предопределенности падения Константинополя. Читатель постепенно входит в курс событий и их значения.

«Повесть о взятии Царьграда турками» построена как сюжетное повествование, в котором главное внимание уделялось боевой деятельности обоих войск — нападавших и защитников,— длившейся около полугода.

Штурм сменяется штурмом с нарастающим ожесточением нападающих и нарастающим ощущением безнадежности положения защитников. Штурмующие применяют все новые и новые средства, вводят в действие невиданной величины пушку, а осажденные продолжают сражаться с прежним ожесточением.

С самого начала повести читатель догадывается, что защитники города обречены. Рок навис над городом. После четвертого штурма, окончившегося победой защитников, в то время когда турки готовят пятый штурм, из храма Софии исходит пламя и подымается к небесам. Казалось бы, все указывает на предстоящую гибель, но защитники, вопреки указаниям судьбы, сражаются со все большим и большим упорством. Один из главных героев повести — военачальник Зустунея сбит ударом каменного ядра в грудь, но, несмотря ни на что, встает все же на ноги и нечеловеческим усилием воли продолжает руководить защитой. Когда Зустунея вторично выведен из строя, сам царь Константин бросается в бой и выбивает турок из города. Но кровавый дождь вновь свидетельствует о неминуемой гибели Царьграда. В день падения Царьграда Константин сражается с турками на улицах города и погибает под мечами нападающих. Сбывается древнее пророчество о том, что Константин создал Царьград и при Константине же Царьград погибнет.

Рок, судьба, историческое предопределение не только доминируют в рассказе, но определяют и его острую сюжетную завязку, и трагическую развязку.

Характерно увеличение в рассказе литературной занимательности и рост ощущения роковой предопределенности исторических событий вообще. И то и другое — типичные явления исторического повествования и восприятия истории как таковой — даже вне письменных произведений. Может быть, этому способствовало ожидание в XV веке конца мира.

«Слово похвальное инока Фомы тверскому князю Борису Александровичу» по существу представляет собой три раздельных произведения, возможно и одного автора (инока Фомы), но написанных в различной манере. Эти три произведения знаменуют собой появление идеологии и психологии абсолютизма еще до реального возникновения его в русской жизни,— его как бы «идейную подготовку». Все три произведения восхваляют тверского великого князя как абсолютного и безупречного во всей своей политике монарха. Первое произведение — «Смиренного инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче» восхваляет Бориса в традициях похвальных слов святым. Во втором произведении — «О том же великом князе Борисе Александровиче» — найдены уже, помимо житийных, какие-то особые светские приемы восхваления. Третье

произведение — «Слово о том же великом князе Борисе Александровиче» представляет собой не просто похвальное слово, а «похвальную историю» его царствования, в которой явственно проступают черты будущей «Степенной книги» и «Летописца начала царства» XVI века. Поиски новых жанровых форм неизбежно были связаны с тем, что в поле зрения авторов попадали такие стороны жизни, которые оказывались вне его при использовании иных жанров.

Сохранившиеся в единственной рукописи произведения Фомы или нескольких авторов, если они принадлежат различным лицам,— единственный в своем роде триптих не только литературного, но и чисто источниковедческого характера. Описание строительства городов во втором произведении носит исключительно интересный характер, особенно для историков русской архитектуры.

Опытному глазу заметны и некоторые общие сдвиги в самом летописном повествовании: большее внимание к простым людям, непосредственно принимавшим участие в событиях, более реальный взгляд на ход событий и большее место, уделяемое истолкованию значения событий в ходе исторического процесса.

События мировой истории соединялись в сознании русских людей с русскими событиями.

Когда огромное войско хана Ахмата, в ответ на отказ Ивана III платить ему дань, подошло к реке Угре, а с другой стороны к той же реке подошло русское войско и стояли оба войска друг против друга сорок дней, не решаясь начать битву,— стало ясно, что наступили решающие дни: быть или не быть Руси в иноземной зависимости. Может, именно этим — значительностью и судьбоносностью события — и объяснялось то, что прежде столь решительные противники теперь стояли и не начинали битвы, и в конце концов Ахмат ушел без боя, придя к решению, что попытка принудить Русь к прежней зависимости ни к чему не приведет.

Но пока оба войска стояли друг против друга, напряжение с обеих сторон достигло крайних пределов. Московский митрополит Вассиан Рыло[1] от имени всего русского народа и всей русской церкви ободрял Ивана III, побуждая к активным действиям, напоминая ему всеми примерами мировой истории и решимостью пращура его Дмитрия Донского о необходимости сбросить чужеземную зависимость. Когда в конце концов войско Ахмата ушло, значение совершившегося не было все еще достаточно осознано. Казалось, что окончание зависимости от Орды могло бы явиться только результатом решительного сражения. Уход ордынского войска представлялся еще только временной передышкой, и поэтому составленная вскоре же после события «стояния на Угре» повесть о них продолжала решительно призывать Ивана III и всех его воевод к свержению ига. Как это иногда бывает в истории, современники не во всем и не до конца осознают значение совершившегося. Поэтому «Повесть о стоянии на Угре» завер-

[1] Прозвание «Рыло» происходит от глагола «рыть» и подчеркивает в Вассиане его строительную деятельность — главным образом по устройству запруд и прудов.

шалась энергичным призывом не только к современникам, но и ко всем потомкам современников сохранить Русскую землю от иноземного ига: «О храбри мужествении сынове рустии! Подщитеся свое отечество, Рускую землю, от поганых сохранити, не пощадите своих глав, да не узрят очи ваши разпленения и разграбления домов ваших, и убьяния чад ваших, и поругания над женами и дѣтми вашими, яко же постарадаша инии велицыи славнии земли от турков».

И в самом деле: в призывах Вассиана Рыло и автора «Повести о стоянии на Угре» была своя доля правды, хотя в обоих произведениях не было еще осознано, что столь давно ожидаемое освобождение Руси уже совершилось. Но была осознана ценность национальной свободы, государственной независимости, и в этом главным образом и заключалось значение обоих произведений. Неверие в совершившееся в силу особой веры в грандиозное, невероятное его значение! Хотелось еще и еще утвердить великого князя в необходимости продолжать борьбу, когда борьба по существу была уже окончена без особых усилий и когда великий князь уже «перестоял» без боя хана Ахмата! В истории есть события, наступление которых неизбежно. Именно таким неизбежным было столетиями ожидаемое национальное освобождение Руси. Может быть, именно поэтому, в силу осознания неизбежности конца ордынского господства, ушел от берегов Угры и хан Ахмат?

Историческое повествование смешивается в историко-литературном процессе XV века с баснословием и исторической легендой. То и другое заключает в себе как бы предчувствие будущего абсолютизма с его жестокостью и произволом.

В повести о валашском деспоте Дракуле, возникшей как запись народных рассказов об этом румынском тиране, основная проблема — это проблема жестокости и произвола главы тиранического государства. Нет никакого сомнения в том, что образ тирана в «Повести о Дракуле» однозначный — это только отрицательное действующее лицо, поражающее читателей изобретательностью своих казней. В нем нет положительных качеств. И не случайно в начале повести он назван дьяволом. Как дьявол, мучитель, изверг он и изображается в повести.

Каждую свою жестокость Дракула сопровождает ироническим нравоучением. Это не восстановление справедливости, как думают некоторые современные читатели повести; это — насмешка, издевательство над жертвой или жертвами, глумление над ними, отрицание самого принципа, нравственной нормы, ради которой якобы они — эти мучения — производятся. Было бы совершенно неправильно видеть в этих насмешках Дракулы какое-либо оправдание автором его поступков. «Шутки» Дракулы подчеркивают полную бесчувственность мучителя по отношению к своим жертвам. Дракула как бы возлагает вину за мучения на самих жертв. Не сняли послы перед ним шляп — «утвердил» этот обычай — приколотил шляпы к головам послов гвоздями. Захотели нищие избавиться от нищеты — запер их в доме и сжег: избавил и их, и страну от бедности. Сказали монахи Дракуле, что люди его, которых он сажал на кол, мученики,— посадил и их на кол,— причислил к мученикам. Так же точно поступал позднее и другой тиран

средневековья — Иван Грозный. Когда Грозный приказал казнить игумена Псково-Печерского монастыря Корнилия, он якобы сказал, что Корнилий ангел и следует его послать к ангелам на небо.

Казни, которым подвергает Дракула свои жертвы, напоминали, кроме того, об особом характере средневекового законодательства, в котором очень часто характер наказания соответствовал характеру преступления. Дракула глумился над своими жертвами, пародируя нормы средневекового законодательства. Но в описании «шуток» Дракулы нет и тени оправдания его жестокостей; есть только ужас перед всесилием тирана. Впрочем, в жестокостях Дракулы есть элемент занимательности. О них не без интереса должен был читать средневековый читатель. В жестокости средневековые люди видели элемент рока, какой-то непонятной высшей предопределенности. К тому же столь распространенная в средние века вопросно-ответная форма эпизодов повести заставляла задумываться, ставила перед читателем как бы загадки. Повесть о Дракуле казалась средневековым читателям историческим повествованием и заставляла читателей задумываться над смыслом трагических судеб людей в истории.

Элемент загадочности, вопросно-ответной формы дает себя знать и в другой повести XV века — «Повести о купце Дмитрии Басарге и сыне Борзосмысле». Но в «Повести о Дмитрии Басарге» есть еще и своеобразное преодоление излюбленной средневековой вопросно-ответной формы. Царь-язычник в некоем царстве, где живут христиане, загадывает купцу, а вернее его малолетнему сыну, загадки. Но только на две из них дает ответ малолетний сын. Третью же загадку он как бы опережает, воспользовавшись доверием к нему царя-язычника. Малолетний сын обманом овладевает престолом доверившегося ему царя, а затем совершает все свои добрые дела: освобождает народ, выпускает из темниц иноземных купцов и патриарха той страны, а затем утверждает свое царство, получив поставление на престол от освобожденного им патриарха и женившись на принявшей христианство дочери свергнутого и убитого им царя-язычника.

Русские читатели с особым интересом читали повесть о Басарге, видя в ней как бы доказательство легкой возможности избавления от тирании.

Сквозь все произведения второй половины XV века как бы брезжит надежда на лучшее будущее страны.

Прием, по которому повествование начинается не с начала событий, а с их середины и уже одним этим ставит перед читателями как бы загадки, распространяется на все повествовательные жанры. Собственно, неожиданные начала повествований появились уже в середине XV века. В середину событий вводили жития новгородских святых, написанные при архиепископе Евфимии II, отдельные летописные повести, повести о смерти того или иного исторического лица и т. д. Повествовательные жанры тем самым как бы эмансипируются от реального хода событий и приобретают собственные внутренние закономерности развития сюжета. Характерно, что то же самое появляется и в агиографии. Правда, необходимо заранее сказать, что этот прием отразился лишь в некоторых произведениях, большинство же «средних» агиографических произведений пишется еще по старым класси-

ческим канонам агиографических жанров. Однако частичное нарушение этих канонов жанра было уже чрезвычайно знаменательно.

Необычно в жанровом отношении «Житие Михаила Клопского». Житие начинается не со сведений о родителях святого и его детстве, а прямо с таинственного появления святого в монастыре в ночь на Ивана Купалу.

Вчитайтесь внимательно в «Житие Михаила Клопского». Разве не нарушены в нем основные каноны житийного жанра? Оно начинается так, как никогда не начинается и не могло начинаться житие святого. С самого начала оно открывается загадкой: появлением в монастыре неизвестного лица — не то человека, не то духа.

Таинственно попав в монастырь, Михаил продолжает себя вести в нем не менее таинственно: не отвечает, кто он, лишь повторяя обращенные к нему вопросы. Старцы монастыря примиряются с его присутствием только тогда, когда убеждаются, что он не бес. Только после того, как в монастыре побывал сын Дмитрия Донского, князь Константин Дмитриевич, узнавший в таинственном пришельце своего «свойтина», стало известно его имя — Михаил. Благодаря исследованиям В. Л. Янина выясняется, что Михаил Клопский действительно был «своитином» московских князей — он был родственником воеводы Дмитрия Донского, Дмитрия Боброка, женатого на сестре Дмитрия Донского Анне.

Все это совсем не похоже на житийные этикетные каноны, но во всем поведении Михаила есть многое от других канонов — фольклорных. В частности, вопросно-ответная форма диалога и мудрые, вернее, мудреные ответы, которые заставляют задуматься не только присутствующих при этой сцене в повествовании, но и самих читателей. Читатель следит за разгадкой появления таинственного незнакомца с таким же любопытством и заинтересованностью, как и сами монахи, в монастырь которых попал Михаил.

«Чудеса», которые производит Михаил Клопский, тоже не очень «агиографические» по своему характеру. Они напоминают собой скорее действия колдуна, чем святого. Он не исцеляет, а наказывает, «напускает порчу».

Все это говорит о том, что «Житие Михаила Клопского» прошло через народную трансформацию. Уйдя от литературного канона, оно обратилось к каким-то мало для нас ясным фольклорным канонам XV века [1].

Таким же необычным с точки зрения агиографического жанра представляется и «Рассказ о смерти Пафнутия Боровского» Иннокентия. Смерть святого, изолированно от всего остального его жития, описывалась в средневековой литературе только в мартириях — произведениях, посвященных страданиям святых за веру. Но Пафнутий — не мученик и описание его тихой и скромной смерти отнюдь не мартирий. Однако построено это описание смерти отдельно от всей его остальной жизни, ведется так, что читатель ждет развития событий с захватывающим интересом.

«Рассказ о смерти Пафнутия Боровского» совсем не так безыскусствен и прост, как это обычно считается. Это вовсе не простая запись событий, случившихся в последние дни жизни Пафнутия. Напротив, это очень

[1] Фольклорные каноны, хотя и медленно, но меняются так же, как меняются и каноны литературные.

искусное литературное произведение, в котором литературность круто замешана на бытовом материале, введена в ткань повествования и сказывается во множестве мелочей. И любопытно: чудо также стало материалом литературной интриги, предсказание вызывает не столько религиозное благоговение, сколько литературную заинтересованность в чтении.

Поведение Пафнутия Боровского с самого начала повествования загадочно. Его слова непонятны его келейнику — Иннокентию. Только потом выясняется, что Пафнутий предчувствует свою кончину. Повествование Иннокентия поразительно именно с точки зрения литературного умения, а вовсе не безыскусственной простоты записей о последних днях жизни святого. Впервые в русской литературе предстает перед читателем образ рассказчика, как бы не понимающего того, что происходит, как бы «не догадывающегося» о значении слов святого, намекающего на свою предстоящую кончину. Пафнутий говорит не прямо, а как бы недоговаривая или прибегая к загадкам. Когда Иннокентий просит Пафнутия поучить его с братией, как предотвратить размыв плотины, Пафнутий отвечает: «Нѣсть ми на се упражнения, понеже ино дѣло имамъ неотложно...» По существу с этого ответа и начинается повествование. Перед читателем встает вопрос: какое же дело может быть более неотложно, чем начавшийся размыв плотины, грозивший погубить мельницу? Ответ на этот вопрос следует вскоре. Пафнутий зовет к себе Иннокентия и объясняет ему свое «неотложное дело», но объясняет опять-таки иносказательно, не прямо: «Нужу имам, ты не вѣси, понеже съуз хощеть раздрѣшитися». Каким же узам надлежит порваться? Снова не понимает его Иннокентий, и снова один за другим следуют «необычные глаголы» Пафнутия и непонимание их значения Иннокентием.

Пафнутий делает вид, что вкушает пищу, даже хвалит ее, чтобы не заставлять братью по его примеру отказываться от еды: «Ядите, а я со вами, понеже добра ⟨хороша. — *Д. Л.*⟩ суть». Как разъясняет Иннокентий: «...видящим... чрѣвообьястна себе показоваше». В этом уже какое-то небольшое проявление юродства: не только скрывать свои подвиги христианского аскетизма, но и показывать обратное, скрывать свое благочестие, даже прибегая к обману.

В поучениях Пафнутия звучат новые идеалы: не брать на себя больше своих возможностей,— это не только не на пользу, но и во вред душе, не возноситься над немощными братьями — ни в мыслях, ни в поступках, быть милосердным к ним, как и к собственной плоти своей. Но прежде всего — спешить делать добро. Не просто делать добро, но спешить, не откладывать.

Только постепенно перед читателем начинает раскрываться загадка всего поведения Пафнутия. Интерес читателя постепенно переходит в ожидание столь торжественно, длительно и значительно подготовляемой Пафнутием своей кончины. Перед нами своеобразный церемониал: церемониал в жизни и церемониал в литературном изображении. Все земное и суетное отходит в сторону. Самое важное отстраняет от себя Пафнутий, не принимает посланцев князя и самого князя, не вкушает пищи и питья.

В этом отвержении старцем всех сует мира сего постепенно раскрывается перед читателем вся его мудрость. И если в начале повествования старец

Пафнутий предстает перед нами как простой человек в окружении скромного монастырского быта, то под конец, когда он умирает, читатель ясно видит, каким великим он был. Весь град, «не точью игумени, и съвященници, и мниси, но и содержащии того града намѣстници и прочий общий народъ» при известии о смерти старца направляются в монастырь поклониться его гробу.

Иннокентий знает в тот момент, когда пишет свою «Записку», что означают все слова Пафнутия и что вообще означает его поведение, но он не сообщает раньше времени об этом читателю, возбуждая его интерес и доводя до предельного напряжения свое повествование.

Мистическое предчувствие используется Иннокентием как главный стержень литературной занимательности повествования. Повествователь знает, но не говорит раньше времени, изображая себя наивным и недоумевающим. Это прием литературы Нового времени, как бы проникший раньше времени в литературу древнюю.

Появление в литературе внешней занимательности — это факт чрезвычайной важности в литературном развитии. Это один из самых значительных признаков начавшейся литературной эмансипации от ее подчинения дидактическим и «сообщающим» задачам.

Иннокентий пишет: «Отцы и братья! Пусть никто не осудит меня за то, что часто себя называю. Увы моему окаянству! Но если про себя умолчу, то ложь напишу». Последние слова замечательны: правда стала ощущаться по-новому. Если прежде правда была некиим идеальным осмыслением действительности, то теперь она стала слепком с действительности, из которой ничто не могло быть исключено — в том числе и сам автор, и даже — автор по преимуществу.

Тема смерти чрезвычайно характерна для всего европейского искусства XV века. Но именно на ней, на теме смерти, на том, как она предстает перед людьми этого времени, наиболее ярко может быть представлено различие между русским и западноевропейским «видением» мира и жизни.

Если в позднеготической или, скорее, раннеренессансной книге, изданной в Нидерландах в 1460 году, которая учила людей счастливо умирать, на гравюре изображена явившаяся к постели умирающего мужчины толпа посетителей, среди которых и души умерших и ангелы, задача которых отогнать от умирающего демонов, стремящихся унести душу умирающего в ад[1], то смерть русских праведников совершается в тиши уединения. Пафнутий всячески стремится отдалить от себя людей, уединиться, скрыться от людей, желающих принять от него благословение. Пафнутий умирает, зная о приближающейся смерти, иногда намекая на готовящееся событие окружающим, но только для того, чтобы ему не докучали с мирскими заботами, оставили его спокойно приготовиться к смерти.

Смерть в русских житиях святых вовсе не страшное событие, а скорее радостное.

---

[1] Отто Бенеш. Искусство Северного Возрождения. Его связь с современными духовными и интеллектуальными движениями. М., 1973, с. 58.

* * *

«Хождение за три моря» как будто бы принадлежит к жанру хождений: и в хождениях в Святую землю, и в хождении в не названную в заглавии страну «за три моря» (в некую неизвестность) одинаковым образом описываются достопримечательности, расстояния между ними и пути к ним, но «достопримечательности» эти диаметрально противоположны: в хождениях в Святую землю — это святыни, в хождении в языческую страну — это в основном то, что может интересовать «грешного» купца — товары и условия путешествия. И если в хождениях в Святую землю укреплялась вера, то в «Хождении» Афанасий Никитин с горечью пишет: «Ино, братии рустии християня, кто хощет поити в Ындѣйскую землю, и ти остави вѣру свою на Руси, да воскликнув Махмета да поити в Гундустанскую землю».

Не случайно Афанасий Никитин называет свое хождение — «грешным хождением». Соблазны подстерегают его на каждом шагу. И самый главный из соблазнов — соблазн необычной для средневекового сознания религиозной терпимости. Пример этой терпимости подали Афанасию сами индусы, и такой, что он не мог не оценить его в полной мере. Индийцы неоднократно предлагали Никитину перейти в свою веру, но был и такой эпизод, когда Афанасий открыл им свою веру,— они доверились ему, не стали от него ничего скрывать — ни о еде своей, ни о торговле, ни о своих молитвах, ни о вере. Доверие настолько установилось, что и жен своих индийцы перестали от него прятать.

В своем длительном хождении Афанасий Никитин запутался в церковном календаре. Он забыл, когда Пасха, когда пост, и стал поститься вместе с местными жителями. Иными словами, он частично признал их веру. Он даже молился на их языке и в своих записках священные слова молитв пишет на тюркских наречиях. Это воистину своеобразное «антихождение» — «хождение наоборот» и Святая земля «навыворот». Парват в Индии — все равно, что Иерусалим для русских, пишет он, а для магометан — Мекка. Статую бута он сравнивает со статуей Юстиниана Великого в Константинополе, которую знает, очевидно, по описанию ее в хождении Стефана Новгородца. Он проводит аналогии между религиями и приходит к заключению: «...а правую веру один бог знает».

Составляя свое произведение как «грешное хождение» — хождение по смыслу своему прямо противоположное хождениям в Святую землю, Афанасий чувствовал себя вполне свободным от литературного этикета церковных хождений. Он пишет как думает: записывает, очевидно, во время самого путешествия, записывает для себя и для своих товарищей, кто вздумает последовать его примеру и отправиться «за три моря». Брал он, по-видимому, товары с родины в долг и первое время описывал свои злоключения, чтобы оправдаться по возвращении перед своими заимодавцами, не очень доверяя своей памяти, а потому записывая имена и названия, потом становится заметно его стремление собрать полезные сведения для своих купцов-товарищей, а под конец он пишет и для себя — только для себя, а потому на тюркских наречиях, чтобы никто не смог прочесть на родине то, что он записал.

Его записки поражают поэтому своей простотой и безыскусственностью, но они и искусны, ибо пишет он, хоть и не следуя традиции, то все же отталкиваясь от нее.

Одно из самых «продвинутых» в историко-литературном отношении произведений конца XV века — «Повесть о Хмеле». Это своеобразное литературное «предчувствие» сходного произведения конца XVII века — «Повести о Горе-Злочастии». И тут и там рок персонифицируется, пьянство или горе становятся двойниками человека, преследующими его и доводящими до гибели.

«Повесть о Хмеле» — одна из первых персонификаций отвлеченного начала в русской литературе, благодаря которой в литературу властно входит фантазия.

«Повесть о Хмеле» очеловечивает Хмель. Хмелю предоставляется авторское слово. Хмель говорит похвальное слово самому себе, подчеркивая свое могущество, первенство, славу — и ничтожество тех, кто в его власти. Хмель красуется и играет перед читателем или слушателем.

«Тако глаголеть Хмель ко всякому человеку, и ко священническому чину, и ко князем и боляром, и ко слугам и купцемь, и богатым и убогым, и к женамъ такоже глаголеть...»

Ритмическая организация речи переходит в стихи. Это нечто среднее между высокой литературой, повернутой иронически на низкую тему, и скоморошьим раешником.

* * *

Литература не стоит на месте. Развивается ее содержание, система жанров, стили, язык. Самые пути ее развития — и те также меняются в зависимости от исторической обстановки, социального расклада сил и культурной ситуации. Следовательно, каждая эпоха в той или иной степени является переходной. Переходной являлась и литература второй половины XV века. У каждого переходного периода есть свое «будущее». Было это будущее и для литературы XV века. Чтобы понять до конца литературу любого периода, необходимо знать ее будущее — «будущее» своего времени. Но к будущему той или иной эпохи принадлежит только то, что является закономерно, что продолжает наметившиеся в предшествующий период тенденции. Но случайности тоже играют свою роль в развитии литературы. Появление талантов с ярко выраженной индивидуальностью может быть своего рода общественной закономерностью. Может быть закономерным и направленность талантов, их характер. Однако все же создание того или иного произведения, даже его сохранность, отдельные темы — часто обусловлены причинами случайными.

Кратко остановимся только на тех явлениях первой половины XVI века, которые были продиктованы всем развитием литературы второй половины XV века и не явились простой случайностью.

XVI век в литературе продолжил ту линию развития, которая сформировалась в XV веке. Все больше и больше начинает в литературе проявляться государственная тема и светские заботы, огромную силу набирает публицистика, вера в возможность разумными мерами преобразовать страну,

создать общество на основах рационального распределения обязанностей среди всех слоев населения. У публицистов XVI века формируется стремление найти «вечные», разумные, логические, незыблемые основания для новой социальной справедливости. Публицистическая мысль наполняет собой произведения любых традиционных литературных жанров этого периода, а вместе с тем продолжается и процесс жанрообразования на основе «деловых» видов документов — челобитных, писем, постановлений церковного собора, статейных списков и т. п. Публицистический задор заставляет в XVI веке браться за перо рядового монаха и митрополита, холопа и боярина, мелкого служилого дворянина и самого царя. Значение литературы настолько возрастает, что появляется стремление в письменном виде обобщить весь предшествующий литературный опыт и все предшествующие литературные произведения: исторические — в Степенной книге царского родословия и Лицевом своде, ежедневное чтение—в Великих Четьих-Минеях, где каждому дню года соответствовал бы свой подбор произведений, и притом немалый, все наставления к повседневной жизни — в Домострое, все церковные наставления — в Стоглаве и т. д. и т. п.

Под огромным небом русской действительности литература все растет в своем общественном значении, все больше занимает места в жизни страны, становится одной из самых влиятельнейших сил в государстве.

Д. Лихачев

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Вторая половина XY века

АЛЕКСАНДРИЯ

ПОВЕСТЬ И СКАЗАНИЕ ИЗВѢСТНО САМОДЕРЖЦА, ЦАРЯ ВЕЛИКИЯ МАКЕДОНИЯ, И НАКАЗАНИЕ КО ХРАБРЫМЪ НЫНЕШНЯГО ВРЕМЕНИ. ЧЮДНО ПОСЛУШАТИ, АЩЕ КТО ХОЩЕТЪ

К воинъством устремляющеся — полезно и честно слышати добродѣтелна и велеумна мужа Александра, великаго царя македонскаго, како и откуду бысть и како и отколе прииде. И сих ради добродѣтелеи всеи подсолнечнои царь и самодержецъ назвася. Подобает же сего чтущимъ разумѣти, и разумевающимъ сего воинъствомъ и добродѣтелемъ уподобитися и смысла да разумѣти елицы.

Бысть же великое божие промышление создавши собѣ храмъ и сего седмъ утвердивша столпъ. И в пять тысящ сего стояния, царствующу великаго Рима Таркинию царю, начальствующу же израильтескими людьми и еврейскому господству от архиерей Иеремѣю пророку, господствующу восточным странамъ Криксу сыну, Дарию, обдержащу Индию, Египтом же великимъ обладающу Нектанаву волхву, царю сущу, тогда Ридийскимъ странамъ и Македонъской земли и Еладцкими отоки обладающу Филипу греку сущу и еллину. Родися ему сынъ тогда, и нарече имя ему Александръ, по греческому языку «избранне муж». Избранъ сеи и младъ и красенъ, смиренъ же и благообразенъ ко всѣмъ зрящимъ его. Сеи же ни есть от телеснаго утворения, но о всем виновнаго благимъ великаго божия промысла. Помагающе же симъ имяше естественое добродѣтелеи суть си: непотворно и во языце же непоколебимо имать, имания же вся яко тлѣнная и мимотекущая вменяше, долготерпелив же к согрешающимъ безмѣрно. Сими же четырми добродѣтелми четыремъ вселеньскимъ концемъ царь и самодержецъ назвася. Елико невозможно есть в книзе сей написати, ни на сердце человѣку не взыде, ни во умъ человѣку неподатливу не внидеть. Александровы добродѣтели, душевныя и телесныя, преди рекоша.

АЛЕКСАНДРИЯ

ПОВЕСТЬ И СКАЗАНИЕ ИЗВЕСТНОЕ О САМОДЕРЖЦЕ, ЦАРЕ ВЕЛИКОЙ МАКЕДОНИИ, И НАСТАВЛЕНИЕ ХРАБРЫМ НЫНЕШНЕГО ВРЕМЕНИ. ЧУДНО ПОСЛУШАТЬ, ЕСЛИ КТО ХОЧЕТ

К воинству устремляющимся — полезно и честно услышать о добродетельном и многоумном муже Александре, великом царе македонском, кто он есть, и как и откуда пришел, и благодаря каким добродетелям стал царем и самодержцем всей вселенной. Подобает же читающим понимать, а понимающим — уподобиться воинству и добродетелям его, смыслу сего внимая.

Создал же великий божий промысл себе дом и утвердил его на семи столпах. И когда простоял он пять тысяч лет, и в великом Риме царствовал Тарквиний-царь, а над израильскими людьми и над еврейской державой начальствовал от первосвященников пророк Иеремия, в восточных же странах господствовал сын Крикса, Дарий, державший во власти Индию, и Египтом великим владел волхв Нектанав, бывший там царем,— в те времена Придийскими странами, и Македонской землей, и Элладскими островами владел грек Филипп, язычник. Родился у него тогда сын, и дал он ему имя — Александр, что по-гречески значит «избранный муж». И действительно, он был молод, красив, для всех видящих его был смирен и благообразен. И было это не от телесной природы, но от великого божия промысла, источника всякой благости. Имел он к этому и естественные добродетели: справедлив; непоколебим был в слове своем; богатства все считал тленными и преходящими; к согрешающим был терпелив безмерно. Благодаря этим четырем добродетелям стал царем и самодержцем над четырьмя концами вселенной. Обо всем этом ни в книге этой невозможно написать, ни в сердце или уме неподатливого человека это не вместится. Итак, о добродетелях Александра, душевных и телесных, мы сказали вначале.

Повесть начнемъ о рожении его и о храбрости его. Глаголюще бо быти его сына царя Филипа. Но нѣсть тако, занеже лжа, но египецкаго царя Нектава, великаго волхва, сынъ и Олимпияды, жены Филиповы. Случи же ся сице. Нектанавъ, царь египетцкии, волшебною хитростию и звездочетию египетскимъ украшенъ зело. Не бранми, ни ратьми, ни вои, ни оружиемъ противляхуся, но помощницу собѣ имѣя волшебную хитрость, с сею всѣмъ противляяся градомъ. Его бо о сем вси околнии царие недооумѣющеся и стуживщеся. Совѣтъ сотвориша, глаголюще: «Что сотворимъ лукавому и волшебному сему египецкому князю? Вся бо благая земли нашея богатства волшебнымъ ухищрениемъ вземъ и к своей земли приложи. Мы же сихъ стражуще недоумеваемъ. Но к тому не терпимъ лукаваго сего Аркуса, но вкупе вси собравшеся, на землю египецкую вси устремимся, и Нектанава из царства изгонимъ, и благая своя опять собѣ приимемъ, бесплодну бо ему и без наслѣдия, лукаву бо ему и страшливу, и сама та супротивитца ему египецкая земля». Бяху бо совещавшеся языцы на Нектанава: перси, ивери, арапи, кияне и ефиопи, еглаги и инии восточнии цари и языцы мнози.

Сихъ египецкии краишницы видевъ Верверехъ многое множество неисчетно, восплакався рече: «О горе тобѣ во градехъ великии Египте! До небесъ вознесеся и до ада снидеши! Руки бо твои быша на всѣхъ и ныне же руки всѣхъ на тобѣ! Сладости бо насытився медовныя, горкаго достиглъ еси яда вкусити!» И тако к Нектанаву устремися. И притекъ, о нашествии ему возвестивъ неисчетное восточнымъ воискомъ. Приступив же к нему рече: «Вѣдомо да ти есть, о царю, яко смертию изменяеши живот свои днесь. Дарии же, перскии царь, иже мнитца богомъ, на межу земля твоея прииде со всѣми восточными цари, и ранами ранити имает тебе ради Египетъ. Да совокупи и ты вся воя на брань и прямо имъ устремимся. Ничто же бо имать успѣти силнеи воисце и храбрымъ витяземъ волшебная чародѣиства; царь на царя, мужъ на мужа, конь на коня — обои честь с помощника имуще. Царьство множествомъ людеи состоится, яко же море со своими волнами, и тако страшно плавающимъ является». Сие же Верверему к Нектанаву рекшу, посмеявся царь, рече ему: «Ты оубо вѣрную ти службу совершилъ еси. Рать бо множествомъ людеи не бывает, но добрыми и храбрыми сердцы. Многажды бо левъ единъ множество стадъ еленеи разганяетъ, единаго волка напрасное скочение многа стада овецъ разгонитъ. Ты оубо на отреченную ти работу отъиди и тѣхъ часто исходи и ко мнѣ вѣсти подаваи». И сие рекъ, Верверега посла.

Сам же книги расписа по всѣмъ градомъ и странахъ египецкихъ, готовитися повелѣ и всѣмъ на брань быти и за землю, и за отчину и за царство битися. Но идѣже богъ не хощетъ, человѣкъ ни-

Повесть же начнем о рождении его и о храбрости его. Говорят, что он сын царя Филиппа. Однако это не так, ложь это, ибо сын он египетского царя Нектанава, великого волхва, и Олимпиады, жены Филипповой. Случилось же это так. Нектанав, египетский царь, был силен в чародействе и в египетском искусстве читать по звездам. Не бранями и ратями, не воинами и оружием удерживал он врагов, но имел себе в помощь чародейство и им противостоял всем городам. Поэтому все соседние цари в растерянности пребывали и страхе. И собрались они на совет, говоря: «Что сделаем с этим коварным волхвом, египетским князем? Все богатства земли нашей с помощью волхвования взял и к своей земле присоединил. А мы страдаем и не знаем, что делать. Но не потерпим больше этого коварного Аргуса, и, собравшись все вместе, на землю Египетскую устремимся, и Нектанава из царства изгоним, и все свое опять себе вернем, ведь бесплоден он — нет у него наследников; ведь зол он и пуглив — сама Египетская земля будет против него». Совещались же против Нектанава народы: персы, иверы, арапы, кияне, ефиопы, еглаги, и иные восточные цари, и народы многие.

Увидел это неисчислимое множество народов Верверех, египетский краишник, и со слезами сказал: «О горе тебе, великий среди городов Египет! До небес вознесся и до ада снизойдешь! Руки твои были на всех, а ныне руки всех — на тебе! Сладости насытился медовой, горького пришло время вкусить тебе яда!» И устремился к Нектанаву. Прийдя, возвестил ему о нашествии с востока несчетного войска. Приступил к Нектанаву и сказал: «Да будет известно тебе, царь, что на смерть меняешь сегодня жизнь свою. Дарий, персидский царь, что считает себя богом, на границу земли твоей пришел со всеми восточными царями и ранами будет ранить Египет из-за тебя. Собери и ты все войско на битву, и устремимся против них. Ибо не может противостоять сильному войску и храбрым витязям волшебное чародейство; пусть идут царь на царя, муж на мужа, конь на коня — оба имеют помощником свою честь. Царство ведь из множества людей состоит, как и море из волн, и этим страшит плавающих». Когда Верверех сказал это Нектанаву, посмеялся царь и сказал ему: «Ты выполнил порученную тебе службу. Войско же сильно бывает не множеством людей, но крепкими и храбрыми сердцами. Ведь один лев стада оленей разгоняет, и неожиданное нападение одного волка разгонит многие стада овец. Ты же иди к порученной тебе работе и часто о врагах мне вести подавай». И сказав это, Вервереха отослал.

Сам же грамоты во все города и части Египта разослал, веля готовиться к войне и биться за землю, за отечество, за царство. Но где бог не хочет, человек ничего сделать не может.

что же можетъ. Царь же в полату вниде волшебную, леканомандию терти начат волшебную и златую лохань воды налиявъ, от *воска* две рати в водѣ сотворивъ, и видевъ свою рать побиваему от перские рати, боги же египецкие виде в корабли варваръскимъ вводящи воиску ... во Египетъ, в недооумѣние впаде и восплакався рече: «О горе тебѣ Египте! На многия лѣта прославися вкупе со царемъ своимъ и во едино лѣто погибе! Нѣсть бо радости, иже не преложится на жалость, ни слава на земле, иже вмале являетъ, а вскоре погибаетъ. Добре рече: «Надѣющеся волшебнои хитрости, подобни суть насланяющимся на воду — егда же опрется, тогда и погрузится и безчестие имяи в себѣ». Царь же Нектанавъ, быти ему во Египте, не могии с тыми братися, жалостию и срамотою объятъ бывъ. Браду же и главу остригъ, в полунощи же изъ царьскихъ домовъ изыде, в далнии в Филипус, в Македонъскии градъ, доиде. Никому же его не знающи, сѣде же ту нѣ в коем мѣсте скровнемъ, врач же сказовашеся быти и мастер хитрыи от египетцких звездочетецъ суще.

Египтяне же о нашедшей на нихъ рати пострадаша много, ко дворомъ царя своего Нектанава притекоша, и сего не обрѣтше, и восплакашася горко. Писание же обретоша на одрѣ его, глаголюще сице: «Любимыи мои Египте, зла вашего не могу терпѣти и во ину страну отъидох и по тридесятехъ лѣтехъ паки прииду к вамъ». Сие же написание обрѣтше, египтяне же Нектанава измолевавше во злате, на столпѣ высоце средѣ града Египта поставиша, вручивше ему писание оно, на главу же ему венецъ златъ наложиша. Сами же к Пасидону потекоша, богу своему, моляхуся о Нектанаве вопрошаху его. Он же во снѣ явися имъ и рече: «По тридесятехъ лѣтехъ имать приити и меч неуломленъ десницы перской имать приити и заступити и враги ваша перси покорити под ноги ваша».

В Македонии же бывъ великъ Нектанавъ и от македонянъ мняшеся быти великъ врач нарицашеся и волхвъ от нихъ.

Царь же македонъскии Филип имяше жену именемъ Алимпияду. И многою скорбию смущаше царьскую славу и богатство, понеже безплодна, не имущи отрочати, красна же бѣ зело. И зряше Филипъ, мужъ ея, неплодну, раскидашеся союзъ любве, еже к неи имѣяше. Отходящу же ему на путь, в сердости призва ю и рече еи: «О милыи свѣте очию моею и душе моя, Алимпиядо, яко аще до возвращения моего не будет ти отрочате, не к тому очи мои узриши, ни на перси мои любезно возлежеши». И сие рекъ еи, отъиде на воину.

Алимпияда же в скорби и в тузѣ оставши, недоумѣющи, что сотворити. Едина же от отроковицъ ея, видящи ю, яко неплодства ради скорбитъ, рече ко Алимпияде: «Царице, есть во граде нашемъ человѣкъ египтянинъ, хитръ мужъ дѣломъ и словомъ. Его же возможно мню быти, вся прошения сердца твоего совершит ти, точию аще виде тя повелиши».

Вошел царь в волшебную палату и начал совершать волшебную леканомандию: в золотую лохань воды налив, сделал на воде из воска два войска и увидел, что его войско побиваемо персидским и что боги египетские в корабле варваров вводят войско в Египет,— и не знал, что ему делать. И со слезами сказал: «О горе тебе, Египет! Многие годы славился ты вместе с царем своим и в один год погибаешь! Ибо нет радости, которая бы не заменилась печалью, ни славы на земле, которая не была бы недолгой и вскоре бы не исчезла. Хорошо сказано: «Надеющиеся на чародейство подобны опирающимся на воду,— как только обопрется, сразу и погрузится с бесчестием». Не мог царь Нектанав врагам сопротивляться и пребывал в стыде и печали. Остриг бороду и голову, в полночь ушел из царского дворца и в дальний Филипуст, македонский город, пришел. Никто его там не знал, он поселился тайно в некотором месте, назвавшись врачом и искусным египетским мастером в чтении по звездам.

Египтяне же от напавшего на них войска много пострадали. Ко дворцу царя своего Нектанава прибежали и, не найдя его, заплакали горько. На постели его нашли такое писание: «Любимые мои египтяне, бед ваших вынести не в силах, и в иную страну ушел, через тридцать лет вновь приду к вам». Египтяне, найдя это писание, сделали изображение Нектанава из золота и на высоком столпе среди города Египта его поставили, в руку дав ему писание его, а на голову возложили золотой венец. А сами поспешили к Пасидону, богу своему, и о Нектанаве его вопрошали. Он же во сне явился им и сказал: «Через тридцать лет придет, и от меча персидской десницы защитит вас, и врагов ваших — персов — положит под ноги ваши».

Нектанав же в Македонии был знаменит и почитался македонянами как великий врач и волхв.

Македонский царь Филипп имел жену по имени Олимпиада. Многою скорбию смущала она царя, так что царская слава и богатство не радовали его: не было у нее детей, хотя красива она была весьма. Видя ее бесплодие, царь Филипп, муж ее, терял любовь, которую имел к ней. И когда отъезжал он на войну, призвал ее и в сердцах сказал: «О милый свет очей моих и души моей, Олимпиада! Если до моего возвращения не будет у тебя ребенка — очей моих больше не увидишь и на грудь мою любезно не ляжешь». И сказав это, ушел на войну.

Олимпиада, оставшись в печали и скорби, не знала, что делать. Одна из ее отроковиц, видя, что скорбит она из-за бесплодия, сказала Олимпиаде: «Царица, есть в нашем городе человек — египтянин, муж искусный делом и словом. Он может, я думаю, все желания сердца твоего исполнить, если только

Она же се слышавши, вскоре повелѣ еи призвати его. И пришедшу ему, рече царица к Нектанаву: «О человѣче египтянине, истинна ли есть слышания о тебѣ, яко можеши хитростию своею разрешити сооузъ утробы моея неплодство и силному царю Филипу сердце утвердити и любвѣ своеи и безмѣрную жалость на радость претворити. И возмездия от мене благая примеши, и от македонянъ великъ назовешися». Нектанав же сие видевъ и неизреченному сиянию доброте лица ея дивися и очима на ню взирая и главою покивая стоящи. Она же, помышляющи, един ако хотяше вещати, к нему рече: «Что ми труды даеши, человѣче? Аще сия умѣеши, дѣиствуи, не ликуи». Он же приразився добротою лица ея, устрелен бысть любовию сердца ея. Волховныи же чародѣи бысть и ко царицы рече: «Виждь боги с тобою хотят быти, царице, Амона, и Пинеса, и Неркулия великаго. Да аще сему вход сотвориши, мати великаго царя наречеши себе». Се же слышавши царица возрадовася зело прелестнымъ и волховнымъ его рѣчемъ, яко да чадомъ мати назовешися чающи. Рече еи близъ полаты царевы клѣть сотворити еи малу повелѣ — яко да к неи бога Амона призовет.

Сеи же прелести бывши, видевъ подобну жену Нектанавъ, лестно бо есть ко всякому падению превращати жены. И самъ вниде к неи Нектанавъ во образе Амона. Таков же образъ Амоновъ: глава орля и на неи роги василисковы и опашия аспидова и ноги аспидовы и лвовы, крила же грипсовы злати и черни. Сицевъ образъ Амонов. Вниде же к неи с мечтаниемъ и пребывъ с нею и паки изыде с мечтаниемъ.

Сею прелестию прелстившися Олимпияда и страхъ сущи в сердцы вземши, въ царскихъ домехъ живетъ. Нектанавъ же приступивъ къ царицы рече еи: «Блажена еси ты в женахъ, Олимпиядо, вселеннеи царя во чреве прияла еси. Внегда же время рожения твоего придетъ, тогда призови мене к собѣ — елика ти реку, то и сотвори».

Часу же рожения приспѣвшу, приступивъ Нектанавъ къ царицы рече: «Подержи в собѣ, царице, не роди, дондеже благорастворенъ час приидетъ, аще бо в сии час родиши, то раба родиши непотребна человѣкомъ. Но мало пождавши родиши, дондеже небесныя планиты станутъ на ставу, и стихия уставятся, и тогда царя царемъ породиши и велеумна человѣка, великаго Александра».

Месяца марта въ 12 день в час девятыи рождьшуся отрочати и излѣзшу паки на свѣтъ, и проплакавъ и рече: «В четыредесятое лѣто паки возвращуся к тобѣ, мати». Олимпияда же, вземши отроча, ко Дафенеону Аполону отнесе в церковь, и от того отрочищу благословитися моляшеся. И от книгочиная Аполоновых и волхвовъ искаще увѣдати, каково убо отроча сие хощетъ быти. Волшебною хитростию сии к мудрымъ

повелишь ему увидеть тебя». Она же, услышав это, велела скорее призвать его. И когда он пришел, говорит царица Нектанаву: «О египтянин, истинно ли то, что я слышала о тебе — будто искусством своим можешь разрушить бесплодие утробы моей и сердце царя Филиппа утвердить в любви его, безмерную печаль в радость обратив. Вознаграждение богатое от меня получишь и македонянами будешь прославлен». Нектанав же, видя ее, неизреченному сиянию красоты лица ее дивился, стоял, и глядел на нее, и головою кивал. Она же, думая, что хочет он говорить наедине, сказала ему: «Что затрудняешь меня, человек? Если умеешь — действуй, не медли». Он же, пораженный красотою ее, пронзен был любовью в сердце. Будучи же чародеем, говорит царице: «Видишь, боги — Амон, Пинес и Неркулий — с тобою хотят быть. Если позволишь им войти, матерью великого царя станешь». Услышав его обманные и лукавые слова, царица очень обрадовалась, желая стать матерью. Нектанав же велел ей близ царской палаты сделать клеть малую — чтобы он призвал к ней бога Амона.

И совершил этот обман Нектанав, видя таковую жену, ибо хитер был обращать жен ко всякому падению. И сам вошел к ней Нектанав в образе Амона. А образ Амона таков: голова орла, на ней рога василиска, хвост аспида, ноги аспидовые и львиные, крылья грифона черно-золотые. Таков вид Амона. Вошел к ней Нектанав наваждением и, побыв с нею, наваждением же и вышел.

Обманутая этим Олимпиада, приняв в сердце страх, живет в царских дворцах. Приступил Нектанав к царице и сказал ей: «Блаженна ты в женах, Олимпиада, царя вселенной приняла в чреве своем! Когда же время придет тебе родить, призови меня к себе — что тебе скажу, то и сделай».

И когда наступил час рождения, пришел Нектанав к царице и сказал: «Придержи в себе, царица, не роди, пока не придет благоприятный час, если сейчас родишь, то родишь раба, ненужного людям. Подожди немного — пока небесные планеты расположатся в подобающем порядке и стихии установятся, тогда царя над царями родишь и многоумного человека — великого Александра».

Месяца марта в двенадцатый день, в час девятый родился ребенок, и лишь только появился он на свет, плача сказал: «Через сорок лет возвращусь к тебе, мать!» Олимпиада, взяв дитя, отнесла его в церковь к Дафенеону Аполлону, прося благословить дитя. И желали узнать от книжников Аполлоновых и волхвов — каким будет этот ребенок. Волшебным образом

являшеся Нектанавъ и рече сице, яко отроча сие всеи подсолнечнои будетъ царь и благостию и разумомъ и мудростию великъ явлься. Отца же своего убивъ, по четыредесятому лѣту возвратится к матери своеи, к земли.

Филипу же на воисце ему сущу, брани ему тамо много сотворшу и паки к макидоняномъ возвращающуся, явися ему богъ его Амон во сне во образе льва рогомъ златымъ, на немъ руку Александрову носяя, глаголя: «Радуися и веселися, царю Филипе, яко супостата своего победил, а сына Александра повилъ еси, великого нарочита царя суща». Филипъ же от сна возбудився, о видѣнии размышляше, сего к Менадру и Аристотелю исповѣдуетъ, двема македонскома философома. И в тои часъ орелъ великъ летѣлъ чересъ шатер царя Филипа, яице напрасно испусти на крыло Филипово. Филип же ужасесе, с постели своея скочивъ, и яице на землю спадше и разбившуся яицу, змея из него изыде, на вратех же умре. Ту же прилучися премудрыи Аристотель и рече: «Поистине, царю Филипе, истинно видил еси в нощ сию».

И в тои часъ вѣстницы от Македония приидоша ко царю Филипу и дары ему красны от Алимпияды принесоша, о отрочати возвестиша рождениемъ. Филип же вскоре в Македонию прииде и радости велии исполнився о рождении отрочати. Пришедшу же Филипу во свои градъ, отрочати же его стрѣтшу, о семъ царь любезно возрадовася и вселюбезно его приим и целоваше его радуяся, глаголя: «Радуися, вторый прекрасный Иосифе, вторыи храбрыи Целюшу, днесь бо ми даръ свершенъ от бога исходитъ. Аще ми в сии часъ умрети, обаче смерти не вменю, родив чадо». И потомъ царь Филипъ призвавъ великаго Аристотеля, мужа искусна и украшенна всякою философскою хитростию и словом и дѣломъ: «Сего отрока, даннаго мнѣ от бога, વземъ, научи Омировым писменомъ и прочимъ словеснымъ хитростем».

Александръ же упражняшеся на учения, «Илияду» и «Очисяю» всю за год изучи и «Органъ великии» за другии годъ изучивъ. О семъ возненавидѣша его подобнии ему отроцы. Всякая зависть и ненависть почитати добродѣтель и всякому добру нарочиту послѣдует ненависть велика. Рекоша ему отроцы и яко: «Аще бы к Нектанаву волъхву пошелъ бы ты, и онъ бы тебе научил небеснаго круга хожению и часовныхъ хожении хитрости преступления». Сия же слышавъ Александръ, к матери своеи рече: «Аще хощеши мене научити, мати, египетцкому мудрецу Нектанаву предаи мене на учение. Слышах искусна сущи мастера небесныхъ звѣздъ подвигомъ». Скоро по мастера посла Алимпияда, Александра же предасть ему на учение, рече к нему: «Научи его, мастере, своеи хотрости». Таино рече к нему: «Предаи, Нектанаве, своему от своих си. Богатство всяко славно есть, такожде и мудрость

явился к мудрым Нектанав и сказал, что дитя это всей вселенной будет царем, велик будет благостию, разумом и мудростью. Отца же своего убьет и в сороковой год возвратится к матери своей, земле.

Когда же Филипп, на войне быв, многие битвы совершил и снова к македонянам возвращался, явился ему бог его Амон во сне в образе льва с золотым рогом и, на руке неся Александра, сказал: «Радуйся и веселись, царь Филипп, так как врага своего победил и сына Александра родил — великого избранного царя». Проснувшись, Филипп об увиденном размышлял и рассказал об этом Менандру и Аристотелю — двум македонским философам. И в это время большой орел пролетел через шатер царя Филиппа и яйцо нечаянно выронил на край его одежды. Филипп испугался и с постели своей вскочил, а яйцо упало на землю, и, когда разбилось яйцо, змея из него выползла, и, когда хотела вползти обратно, умерла. Тут случился премудрый Аристотель и сказал: «Истинно то, что видел ты этой ночью».

И в тот же час пришли вестники из Македонии и прекрасные дары ему от Олимпиады принесли, возвестив о рождении сына. Филипп вскоре в Македонию вернулся, весьма радуясь рождению сына. Когда же пришел Филипп в свой город, дитя его встретило; царь обрадовался, и с любовью его принял, и целовал его, и говорил: «Радуйся, второй прекрасный Иосиф и второй храбрый Ацелеш! Сегодня мне дар совершенный от бога исходит. Если я в сей час умру — то и смерть не страшна, ибо родил дитя». После этого царь Филипп призвал великого Аристотеля, мужа искусного и отличавшегося философской мудростью и в речах и в делах, и сказал ему: «Возьми этого отрока, дарованного мне богом, и научи его Омировым писаниям и прочим словесным искусствам».

Александр же, успешно занимаясь, «Илиаду» и «Одиссею» всю за год изучил, а «Орган великий» за второй год выучил. Поэтому возненавидели его занимавшиеся вместе с ним отроки. Всякая добродетель навлекает на себя зависть и ненависть, и всякого избранного преследует ненависть великая. Сказали ему отроки: «Если бы к Нектанаву-волхву пошел ты, он бы тебя научил движению небесного свода и значению перемены времени». Услышав это, Александр матери своей сказал: «Если хочешь меня научить, мать,— египетскому мудрецу Нектанаву отдай меня для обучения. Слышал я, что он искусен в знаниях о движении небесных звезд». Олимпиада быстро послала за учителем и отдала ему для обучения Александра, сказав: «Научи его, учитель, своему искусству». И тайно сказала ему: «Передай, Нектанав, своему от своих. Всякое богатство славно и мудрость

похвална есть, аще к требующимъ подѣлуетца». Сие же слышавъ отецъ его Филипъ рече: «Поистине отрокъ сеи есть от небеснаго промысла, понеже небесная вещает учения». Нектанав же научи его всеи египетцкои хитрости.

Во единъ же от дни в мудрыхъ Аристотель, четыреста дѣтеи собравъ, сверстницы Александру, и хотяше нарокъ испытати Александровъ. И перед двемастома Александра постави и Птоломѣя, нѣкоего уношу, сына суща великаго воеводы Филипова. Филипъ повелѣ во грить нарядитися, и сразившимся двемястома дѣтеи и бѣ видети зело украшено и, вземше мѣста, предержаху, им же рать творяху; егда же кого окровавляху, и яко побеженъ из боя исхожаше. Александръ же паче всѣхъ преспеваше, супротивных добывъ; от всѣхъ детеи прославлен бысть яко царь. И видѣвъ сие, даскалъ его чюдныи Аристотелъ дивляшеся, глаголя: «Благочестиву мужю богъ помогает и врази ему не злобствуютъ. Злочестиву мужу ни ближнии его друзи не могутъ». К нему же рече Аристотелъ: «Господине Александре, аще царь наречешися земныи, что мнѣ добро сотвориши, дидаскалу своему?» Он же рече к нему: «Велеумну мужу не подобает прежде дания обѣщаватися. Да аще вознесуся, ты со мною великъ будеши зѣло: лоза бо не прилепляется далних древъ, аще высока суть, но ближнихъ прилепляетца, аще и мала суть. Такожеде и царь, великия власти по достоянию присных же вѣрует и любитъ во вѣки».

Обычаи же бѣ Александру до обѣда ко Аристотелю ходити на учение, по обѣде же, к вечеру к Нектанаву ходити на учение волшебнои хитрости. От него же изучи хожения 12 небесных живинъ и седмих планит, Солнца, Луну, Завес Акинтос, Кроносъ, Фровити, Ерьрасия — же на згедосе писана бяху по своему подобию. Видѣв же вся Александръ к дидаскалу своему рече: «Возвести ми, о учителю, како великаго божия промысла тваремъ знахоря сотвори тя?» Онъ же к нему рече: «Богъ же великии недовѣдомыи и неизслѣдимыи и непостижимыи, промыслив сыи недомыслено никако; ими же судбами онъ вѣсть человѣческому объяви роду, яко да содѣтель о твари своеи и познаваетца». Алекандр же гнѣвомъ рече: «Вся сыи виде, о Нектанаве, смерть свою знаеши ли какова хоцет быти?» Нектанавъ же рече к нему яко же: «Вѣдаю, научяютъ насъ звѣздная течения, яко от чада моего хощу убиенъ быти». Сего же Александръ невѣрнымъ быти мнѣвъ и рину его с великия горы Геотцкаго камени близъ царьскаго судища. Александръ рече: «Вѣмъ глаголи, мастере, погрешилъ еси». Нектанаву же долу летящу нудно, но некако глас свои испусти и рече: «Не утаился еси, сыну мои, Александре, сего ни единому свѣдущу, токмо матери твоеи, царицы Алемпияде и тобѣ днесь увѣдавшу. Аз же, сыну мои, Александре,

похвальна, если взыскующим уделяют от себя». Услышав обо всем этом, отец его Филипп сказал: «Поистине отрок этот — от небесного промысла, ибо о небесном говорит учении». Нектанав же научил его всей египетской мудрости.

В один же из дней мудрый Аристотель собрал четыреста юношей — сверстников Александра, желая испытать судьбу Александра. И над двумястами поставил во главе Александра, а во главе других двухсот Птоломея, некоего юношу, сына великого воеводы Филиппова. Филипп повелел им снарядиться, и весьма красивое было зрелище, когда они стали сражаться: заняв места, их удерживали и на них сражались; если кого-то ранили до крови, тот выходил из боя как побежденный. Александр же всех превзошел, противников захватив; всеми юношами был прославлен как царь. Видя это, учитель его, чудный Аристотель, удивлялся, говоря: «Благочестивому мужу бог помогает, и враги ему не вредят, а злочестивому мужу ни ближние его, ни друзья не могут помочь». И сказал Аристотель: «Господин Александр, если станешь царем земным, что мне доброго сделаешь, учителю своему?» Он же сказал ему: «Многоумному мужу не подобает прежде, чем дать, обещать. Если же вознесусь, и ты со мною велик будешь: лоза ведь не прилепляется к дальним деревьям, хотя они и высоки, но к ближним, хотя и малы они. Так же и царь, великих чтит по достоинству их, присным же верит и любит вовеки».

Обычай был у Александра — до обеда к Аристотелю ходить на учение, а после обеда, к вечеру, к Нектанаву — учиться волшебной мудрости. У него изучил он движение двенадцати небесных животных и семи планет — Солнца, Луны, Завеса Акинтоса, Кроноса, Фровити, Ерьрасия,— они были изображены на таблице в должном порядке. Видя все это, Александр учителю своему сказал: «Скажи мне, учитель, как ты достиг знания великого божия промысла о существах сотворенных?» Он же ему ответил: «Бог великий, непознаваемый, непонимаемый, непостижимый, промысливший все, немыслим никак; ему ведомыми путями явил себя человеческому роду, так что как создатель созданием своим и познается». Александр же с гневом сказал: «Все ты знаешь, о Нектанав! Смерть твоя, знаешь ли, какова будет?» Нектанав же сказал ему: «Знаю из движения звезд, что сыном своим убит буду». Александр же счел это неверным и сбросил его с большой горы — с Геотского камня, недалеко от царского судилища, говоря: «Видишь, мастер, ошибся ты». Нектанав же, падая вниз, едва успел вымолвить: «Не осталось для тебя тайной, сын мой Александр, об этом никто не знает, кроме матери твоей Олимпиады, и тебя, сегодня узнавшего. А я, сын мой Александр,

к темному отхожу аду, в долниишая земли сущи доле, идѣже предани суть вси еллиньстии бози от великаго бога Саваофа». И сие рекъ, издше египетцкии царь Нектанавъ. Сия же слышавъ Александръ раскаявся немало, на рамо свое вземъ, ко Алимпияде матери своеи отнесе. Олимпияда же о сем видѣвши, ужасеся и ко Александру рече: «Что се сия бысть?» Онъ же рече к неи: «Возвести ми, мати моя, о семъ, аще воистинну отецъ мнѣ сеи бысть». Она же вся си сказоваше ему истинну. Александръ же велми прослезився о немъ и с честию повелѣ его вкопати.

В тои же часъ вѣстникъ прииде к Филипу царю, глаголя: «Вѣдомо да есть ти, царю, яко в стадех твоих конь чюден явилъся есть, добротою бо от иных конь избранъ. Волуя же глава на десноi его бедрѣ с роги свилася и рог межи ушима вырос с локот единъ». Филип же повелѣ его привести. И сего красотѣ подивися царь и повелѣ сотворити ему клѣть желѣзну и повинныхъ вметати повелѣ к нему. Сему же бывшу, никто х коню тому приступити смѣяше. Александръ же приходя к нему часто; конь же всяку отметая ярость, тихо ко Александру трепеташе повиновением ко царю своему и всаднику. Единою же прозоромъ за ухо емъ, с тихостию послѣдоваше ему яко юнецъ яремник повиновениемъ. Видѣвъ Александръ его тихость замокъ отломивъ и вниде к нему и сего оседлав, всѣде на него, на конское урыскание поѣхавъ. Витяземъ же тогда македонъскимъ на конское урыскание текущим, царь же Филипъ с высокие полаты глядаше и сматряше коегождо храбра течения и лѣпо на конѣ седѣние. И сему сице бывшу и се Александръ на вологлавомъ кони внезапу въѣхавъ, македоньстии же конницы с коней ссѣдоша, яко царю поклонишася, дивляхуся, зряще мастерское сѣдѣние на вологлавомъ кони. К потечищу же поѣхавъ, изрядно паче всѣхъ витязевъ потече и твердосилну коню устави с нужею. И на 4 изворѣчь градъ созда и нарече имя ему Драмъ сии рѣчъ потечище. И сему царь Филипъ подивися, иже не наукомъ конии отрока того потечение, и видѣвъ рече: «О горе приближающимся македонским предѣломъ, иже поостримъ меча Александру и попрани будутъ и падутъ от македонянъ». И посем яве рече, яко: «Подобие Раклия витязя видех днесь на вологлавомъ кони текуща».

От того же дни собра царь Филипъ тысящю юнощъ Александру сверсныхъ, предавъ, глаголя: «С нимъ ловите и к воиству искушаитеся, вкупе же и стреляити».

Во Алимпиятцких странахъ двѣ колѣсѣ сотворена бѣста близъ сущи Дафенеона и Аполона, и на тѣхъ колесех витязи восходяще от елинскаго ухищрения которыи собѣ нарокъ пытаху себѣ. Сие же Александръ слышавъ, вожделѣвъ тамо поити, Филипу сие возвестивъ. И не пущаше его, глаголя: «Не

к темному отхожу аду, в нижайшие места земли, где помещены все эллинские боги великим богом Саваофом». И, сказав это, умер египетский царь Нектанав. Услышав это, Александр весьма раскаялся, на плечо свое его взял и к Олимпиаде, матери своей, отнес. Олимпиада, увидев, ужаснулась и Александру сказала: «Что это?» Он же ей сказал: «Скажи мне, мать моя, правда ли, что он отец мне?» Она же сказала ему всю правду. Александр много плакал о Нектанаве и с честию повелел его похоронить.

В то время вестник пришел к царю Филиппу и сказал: «Да будет тебе, царь, известно, что в стадах твоих появился удивительный конь, который красотою среди других коней выделяется. На правом бедре его — воловья голова с рогами, и рог меж ушами вырос с локоть». Филипп же повелел его привести. И его красоте удивился царь, и повелел сделать ему клетку железную, и преступников к нему бросать. И никто к коню тому подойти не осмеливался. Александр же приходил к нему часто; конь же, всякую оставляя ярость, кротко Александру повиновался, царю своему и всаднику. Однажды Александр властно за ухо его взял, и с кротостью конь последовал за ним, как бык-подъяремник. Видя его кротость, Александр замок сломал, и вошел к нему, и, оседлав, сел на него, и отправился на конное состязание. Витязи македонские на то же состязание ехали, и царь Филипп с высоких палат на них глядел, любуясь храбрым видом и красивой посадкой на коне каждого из них. И когда это происходило, вдруг на вологлавом коне выехал Александр. Македонские же конники с коней сошли и, как царю, ему поклонились, дивясь тому, как ловко сидит он на вологлавом коне. На ипподроме он лучше всех витязей проехал и крепкого, сильного коня с трудом остановил. И на четырех источниках город создал, и дал ему имя Драм, что значит «место для бега». Царь же Филипп удивился езде отрока на необъезженном коне и, видя это, сказал: «О горе приближающимся к македонским границам, ибо острым мечом Александра побеждены будут и падут от македонян». И потом громко сказал: «Сегодня увидел я подобие Ираклия-витязя, едущего на вологлавом коне».

После того дня собрал царь Филипп тысячу юношей, сверстников Александра, и, передав их Александру, сказал: «С ним охотьтесь и к воинскому делу привыкайте, вместе и стреляйте».

В Олимпиадских странах были сделаны две колесницы, недалеко от Дафенеона и Аполлона. Восходя на те колесницы, витязи в эллинском искусстве судьбу свою испытывали. Услышав об этом, Александр пожелал туда пойти. И сказал он об этом Филиппу. Но тот не отпускал его, говоря: «Не

подобает ти, сыну Александре, на олимбиядстемъ колесѣ веннатися, юну сущу. Но обаче волю не творю, но с радостию, сыну мои, поиди велми укрепляемъ». И тогда Александр потребная собѣ от царя Филипа, отца своего,— витязеи искусных и добротеченныя коня и всякую честь царские потребы — во Алимпиядьтцкие отоки вниде. Ту бо 4 игры елиномъ бяху.

Ту же Александръ пришедъ с неглиторъскими витезми поручи братися, с Лаоламбадаушемъ и с Калестенаушемъ. Онъ же с воеводою своимъ Птоломѣемъ. И тогда двема завертѣвшимася колома, 4 стекошася витязи и ударившимся им, Александр же Калестенауша убивъ, Птоломѣи же Лаолабауша сорва. Людие града того зряще, елико бо болѣи не помнѣшася быти двое оружнии красно являшеся. И ту стоя философъ нѣкии именемъ Фруние рече: «Мудрость и храбрость не многолѣтиемъ, но твердыми и добрыми сердцы». И вопроси филосов, кто и откуду есть Александръ. Симъ же рекшим: «Македонскаго царя сынъ». Филосов же рече, яко: «Слышахъ от учитель глаголющи, яко востати царь имает от Македонии, изыти мечю от Филипова града и тои поразит все земли западныя и сокрушит вся царя восточныя». И рече: «Егда ты еси хотяи приити, милостивъ буди нашему граду, сын Филиповъ». О сих же Александръ посмеявся рече: «Не мое се хотѣние, философе, но вышнему промыслу содѣвающу».

И сие рек, в Македонию отиде и пришедъ обрѣте Филипа царя, отца своего, Олимъпияду пустившу, матерь его, иную же вмѣсто ея вземъшу и на браку яко жениху веселящуся. К Филипу же Александръ приспѣ, яко победоносец в полату вшедъ. Отецъ же с радостию и любовию срѣте его и с собою на трапезе посади. В раскаянии же бывъ, о семъ поникъ седяше. Наставивыи же его Олимпияду пустити, а иную поняти за себе, приступль же к Филипу, рече: «Веселися, царю, болшую первыя взял еси — первая бо блудница бяше, сия же целомудренна есть». Сие же слышавъ, Александръ ярости исполнився, рече: «Не быти тому, отче Филипе, мнѣ живу сущу». Сам же яко левъ рыкнувъ, с престола скочивъ, столъ же мало приимъ, 3 убивъ, инии же не хотяще ис полаты скакаху.

Сие же Филипъ видѣвъ, во ужасе быв и страсе велице, Олимпияду на царьство возвративъ, прочюю же во своя си отпусти.

Сему же тако бывшу, в немощъ велику впадъ царь Филипъ. Слышав же Сиверная страна кумане, пятсотъ тысящъ собравшеся на Македонию приидоша. И сие Филипу царю возвестиша. Филипъ же в скорбъ велику впадъ, Александра повелѣ призвати к себѣ и рече: «О любимыи мои сыну Александре, се время пришло есть битися за отеческую землю».

подобает тебе, сын Александр, на олимпиадской колеснице венок получать, ибо юн ты. Однако не настаиваю, но с радостию, сын мой, иди, ободряемый». И тогда Александр, нужное себе у царя Филиппа, отца своего, взяв — витязей искусных, и быстрых коней, и все потребное для царской чести,— в Олимпиадские острова отправился. Тут были у эллинов четыре игры.

Когда Александр пришел туда, с неглиторскими витязями выпало ему состязаться — с Лаомбадаушем и с Калестенаушем,— вместе с воеводою своим Птоломеем. И когда помчались обе колесницы, и четыре витязя сблизились, и ударили друг по другу, Александр Калестенауша убил, а Птоломей сбросил Лаомбадауша. Люди города того, смотревшие на это, не помнили, чтобы перед ними когда-либо явились два столь прекрасных воина. И стоявший тут некий философ по имени Фруние сказал: «Мудрость и храбрость приобретаются не многолетием, но твердым и благородным сердцем». И спросил философ, кто и откуда Александр. Ему же ответили: «Македонского царя сын». Философ же сказал: «Слышал я от учителей, что восстанет царь из Македонии, поднимется меч от Филиппова города и он поразит все земли западные и сокрушит всех царей восточных». И добавил: «Когда ты придешь, милостив будь к нашему городу, сын Филиппов». Посмеялся над этим Александр и ответил: «Не мое это желание, философ, но действие высшего промысла».

И, сказав это, пошел в Македонию, и, прийдя, узнал, что отец его царь Филипп его мать Олимпиаду прогнал, а иную вместо нее взял и на браке женихом веселится. Александр вошел во дворец к Филиппу, прославляемый как победитель. Отец с радостью и любовью встретил его и посадил с собою на пиру; сам же, раскаиваясь, сидел, склонив голову. А тот, что посоветовал ему Олимпиаду отпустить, а иную взять за себя, приступив к Филиппу, сказал: «Веселись, царь, лучшую, чем первая, взял ты,— ибо первая блудница была, эта же целомудренна». Услышав это, Александр ярости исполнился и сказал: «Не быть этому, отец Филипп, пока я жив». Рыкнул, как лев, с престола вскочил и, стол малый схватив, троих убил. Иные же из дворца выскакивали.

Видя это, Филипп в ужасе был и в страхе великом, возвратил Олимпиаду на царство, а другую отправил восвояси.

После того как это случилось, в немощь великую впал царь Филипп. Узнав об этом, северный народ, кумане, пятьсот тысяч собрались и пришли к Македонии. Царю Филиппу об этом сообщили. Филипп, опечалившись, Александра велел призвать к себе и сказал: «О любимый мой сын Александр, пришло время постоять за отеческую землю».

Travelling —簡

Веремъ воиско на бои устремися, македонские воиски яко 4 тысящи с нимъ. Сам же воиску куманску исходивъ и сихъ неурядно видѣвъ стоящих; в нощи же с воями пришедъ, огню много около ихъ наложити повелѣ и трубамъ многогласным ударити повелѣ и пушками бити около их повелѣ. Сие же кумане видѣвше, ненадѣемо убояшася и начаша бежати, с полунощи бежавшим имъ и до солнечнаго течения и замесившеся вкупе македоняне и кумане. Убиено бысть от куман 8 тысящъ, от македонян же 2 тысящи убиено бысть. Александръ же во слѣдъ ихъ три дни и три нощи за ними гнаше и уби от нихъ 108 тысящъ. Конеи же множество и оружия от них приятъ, яко победоносецъ ко отцу возвратися и с собою десят тысячъ куманъ приведе живых и сих предъ царемъ Филипом поставити повелѣ и предъ всѣми людми македоняны речѣ: «Видите ли, друзи, яко божии промыслъ предаде вы в руки македоньскии и мечъ вашъ наострися на македонянъ и ныне притупися, царя же вашего убивъ, Атламеша, и вас живых ухватих. Да аще хощете живот свои купити и землю вашу к моеи примесити и воедино с македоняны быти?» Они же рекоша: «Кралю Александре, отколе богъ помогаетъ тебѣ, поготову мы вѣдаемъ тебѣ помогати. Коли царя нашего убилъ еси Атламыша, мы, господине, твои есмы, постави намъ царя и насъ в землю нашу отпусти». Сих Александръ увѣривъ и постави имъ царя братучада своего первенца именемъ Ванцатура, мала убо тѣломъ, но великъ храбростию. И сих куман с честию отпусти.

Сему же бывшу сице Анаксархоносъ никто, пелапоньскии царь, слышав нашествие куманско на Македонню, сотвори ухищрение сицево. Никогда ему минувшу мимо Македонию и честь ему царь Филип воздавъ и дары многи и с честию его полюби и отпусти. Царь же Анаксархоносъ устреленъ бывъ лѣпотою жены Филиповы въ сердце, отаи к неи любовъ имѣяше въ сердцы своем. И се вѣдущи Соломонъ рече: «Человѣче, не буди уязвен лѣпотою чюжие жены, яко твою жену не видиши уязвену». Нашествие же Македонию ставшеся, 12 тысящъ воиска собравъ, к Филипу царю прииде, лукавствие свое скрывает, Олимбияду искаше восхитити. И видѣвъ же его пришествие царь Филип, радостенъ бывъ. Слышав же Филипъ во срѣтение его изыде со Алимбиядою. Видѣвъ же Анаксархоносъ, восхитивъ ю, побѣже, Филипъ же за ним вмале гоняше. Бяше же ту Александръ приспѣлъ, Анаксархоносову постиже воиску, Филипа же урвана обрѣте и по главѣ сѣчена и по деснои нозѣ. Се бо мало поминув, Олимпияду, матерь свою, отнял, с осмию тысящами вои Анаксархоноса постиже на мѣсте нарицаемем Змиски. Разбивъ войско и самого жива ухвати, приведе ко отцу своему Филипу. Филипа же обрѣте одва дышуща. «Востани,— рече,— о царю

Взяв войско, Александр устремился на бой; македонского же войска с ним было четыре тысячи. Сам он куманское войско разведал и увидел, что враги стоят в беспорядке; ночью с воинами пришел, и повелел огня много около них зажечь, и в трубы многогласные трубить, и из пушек стрелять. Увидев это, кумане от неожиданности испугались и побежали, и с полуночи бежали они до солнечного восхода, смешались вместе македонцы и кумане. Убито было куман восемь тысяч, македонян же — две тысячи. Александр преследовал их три дня и три ночи и убил их сто восемь тысяч. Взяв коней множество и оружия, победителем к отцу возвратился, приведя с собою десять тысяч пленных, и их пред царем Филиппом поставить повелел, и перед всеми людьми македонскими сказал: «Видите, друзья, божий промысл предал вас в руки македонские, меч ваш наострился против македонян, а ныне притупился, царя же вашего, Атламеша, я убил, а вас в плен взял. Хотите ли жизнь свою сохранить и, землю вашу с моей соединив, заодно с македонянами быть?» Они же сказали: «Король Александр, если бог помогает тебе, то и мы готовы тебе помогать. Поскольку царя нашего убил Атламеша, мы, господин, твои. Поставь нам царя и нас в землю нашу отпусти». Заключив с ними мир, Александр поставил им царем любимого племянника своего именем Ванцатура, малого телом, но великого храбростью. И куман с честию отпустил.

И когда это случилось, некто Анаксархонос, пелапонский царь, узнав про куманское нашествие на Македонию, предпринял такое злое дело. Некогда, когда он проходил мимо Македонии, честь ему царь Филипп воздал, и дары дал многие, и с почетом его отпустил. Царь же Анаксархонос, пораженный красотою жены Филипповой, с тех пор к ней любовь имел в сердце своем. Всеведущий Соломон сказал: «Человек, не уязвляйся красотою чужой жены, чтобы свою жену не увидеть уязвленной». Когда же произошло нашествие на Македонию, то, собрав двенадцать тысяч войска, он пришел к царю Филиппу, скрывая свое коварное намерение похитить Олимпиаду. Узнав о его приходе, царь Филипп обрадовался и вышел ему навстречу вместе с Олимпиадой. Увидев Олимпиаду, Анаксархонос похитил ее и бежал, Филипп же с немногими его преследовал. Тут Александр приспел, настиг Анаксархоносово войско, Филиппа же нашел поверженным на землю, раненного в голову и в правую ногу. И, недалеко пройдя, Олимпиаду, свою мать, отнял, и с восемью тысячами воинов Анаксархоноса настиг на месте, называемом Змиски; разбив войско и самого его захватив живым, привел к отцу своему Филиппу. Филиппа же застал едва дышащим. «Встань, — сказал, — царь

Филипе, врагу своему стани на горле и отомстися рукою своею». Филип же едва воставъ и взем мечъ рукама своима и заклавъ его. «Жалость дому моего снѣсть мя, иди, душе моя, с нечестивыми во аадъ». И се рекъ, Александра благослови, глаголя: «Сыну Александре, руки всѣхъ на тобѣ и твои на всѣхъ». И се рекъ умре царь македонскии Филипъ. И ту стоящии рекоша: «Да когда будет противитися Александру». Алимпияда же ту стояще плакашеся. Филипа на злате столѣ положиша, во градъ отнесоша, с плачемъ велицем сего погребоша в церькви с честию.

Александръ же, сын его, самовластен назвася, грамоты по всѣмъ градомъ земли своея посла, всякому к Филипу собратися повелѣ. Собравшим же ся всѣмъ македоняномъ и всѣмъ малым же и великимъ, к сим же Александръ рече: «О друзи мои и братия моя и милии мои паче всѣхъ македоняне, царь вашъ Филипъ, а мои отецъ, умре. И в животѣ своемъ царьствие држаше по достоянию, и мнѣ же господьствовати како повелеваете?» Тогда выступивъ мудрыи Филонъ рече: «О кралю Александре, всякъ возрастъ человѣческии чину потребенъ есть». Александръ же рече: «Старость есть честна, а немноголѣтна». И ту стоя Селевкушъ рече: «О кралю Александре, Соломонъ же великии въ мудрости царь в книгахъ пишет: «Царьство множествомъ людеи состоитца, царь же несовѣтникъ и невѣренъ сам собѣ ратникъ же, совѣтенъ полезная сотворитъ своеи земли». И ту стоя Антиохъ рече: «Кралю Александре, старымъ убо царемъ подобает течение домовное, старии бо покоя требуютъ, младым же царемъ подобает царьствовати яко да потрудившеся во младости своеи, а на старость покои обрящут». И ту стоя Андигонъ рече: «Кралю Александре, подобает и нам еще спящих и ближних нас цареи устремимся на них и сихъ побивше, всее избавимся забавы». И сим же 4-мъ совѣтомъ приятым бывшимъ от Александра, и присныи его любимыи воевода Птоломеи рече: «О царю Александре, подобает намъ воиску пременити во свѣтлая оружия и белегъ твои на щитехъ написати, яко да знаютъ, которому царю воюемъ; да не рекутъ сусѣди наши, яко и мы царемъ Филипомъ умерли есми». Се же слышавъ Александръ, угодно явися и по земли царьства своего посла и по вся кузнецы и по щитари, в Филипус собратися повелѣ. На всякии же день мастеры его оружие коваху в цело оружие по 4-ста витязь. На шоломех же василисков рогъ со аспидовыми крылы. И копи же бяху на лвовых кожахъ предъставлени, хакизма же фарижемъ во корокодиловыхъ кожахъ чинина. Сия же сотвори Александръ и к ошествию на брань готовляшеся.

Филипп, врагу своему наступи на горло и отомсти за себя своею рукою». Филипп же с трудом встал и, взяв меч в руки, убил его. «Печаль о доме моем снедает меня. Иди, душа моя, с нечестивыми во ад». И, сказав это, Александра благословил, говоря: «Сын Александр, руки всех на тебе и твои — на всех». И, сказав это, умер царь македонский Филипп; и стоящие тут сказали: «Кто будет противиться Александру?» Олимпиада же, тут стоя, плакала. Положив на золотой стол, Филиппа в город отнесли и с плачем великим погребли его в церкви с честью.

Александр же, сын его, самодержцем стал, послал грамоты во все города земли своей, всем к Филиппусту собраться повелев. Когда же собрались все македоняне, и все малые, и все великие, им Александр сказал: «О друзья мои и братья мои, милые мне более всех македоняне! Филипп, царь ваш, а мой отец, умер. При жизни своей царствовал он по своему достоинству, мне же как накажете править?» Тогда выступил мудрый Филон и сказал: «О король Александр, каждый возраст человеческий своего чина требует». Александр сказал: «Старость честна, но немноголетна». И тут стоящий Селевкуш сказал: «О король Александр, Соломон, великий в мудрости царь, в книгах пишет: «Царство из множества людей состоит, царь же, не советующийся и не доверяющий, сам себе враг; советующийся полезное сотворит своей земле». И стоящий тут Антиох сказал: «Король Александр, старым царям подобает жизнь домашняя, ибо старые в покое нуждаются. Молодым же царям следует царствовать так, чтобы, потрудившись в молодости своей, на старость покой обрели». И стоящий тут Андигон сказал: «Король Александр, следует нам пойти войной против соседних нам царей прежде, чем они сами это сделают, и, покорив их, избавиться от такой опасности». И когда эти четыре совета приняты были Александром, близкий к нему любимый воевода Птоломей сказал: «О царь Александр, подобает нам войско переодеть в светлые доспехи и знак твой на щитах написать, чтобы знали, какого царя мы воины; да не скажут соседи наши, что мы вместе с царем Филиппом умерли». Это, выслушав, Александр одобрил и по землям царства своего послал за кузнецами и щитарями, в Филиппусте им собраться повелев. За день мастера его изготовляли вооружение для четырехсот витязей. На шлемах воинов были рога василиска с аспидовыми крыльями, и щиты были львиной кожей укреплены, попоны же для коней из крокодиловых кож были сделаны. Так Александр готовился к походу на войну.

О ПОСЛАНИИ ДАРИЕВЕ

Дарии же, царь персkии, слышавъ, яко умре царь македонъскии Филипъ, посла з грамотою в Македонию имеюще сицево писание: «Дарии, царь над цари, токмо земныи богъ вкупе съ солнцемъ по всеи вселеннеи сияетъ и всѣмъ земным царемъ царь и господьствующим господинъ, ко обретающимся в Македонию пишу. Слышание царьству моему пришло есть, яко царь вашъ Филипъ умре и отрока мала на царьствии своемъ оставил есть, сего не укреплена лѣты и млада умомъ суща. О смерти же Филипове аз оскоръбѣхъ, отрока же его млада суща пожалѣхъ еще не научена, яко да вскормивъ его, паки по царьским обычаемъ почетъ и украсивъ, паки на отчину его и на царьство возвратимъ. Грамоту же мою прочетше, скоро ко мнѣ приведите. Кандаркуса же к вамъ послах, вѣрна суща, землею вашею благолѣпно обладати. Воиско ваше во время потребы къ царьству моему присылаите и дани сугубы по достоянию принесите. Филипово же детя приведите к царьству моему со всѣми царьства его белези ...боле бо есть 40 царьских сыновъ во дворѣ моемъ водворяютца. Да аще сего недостоина царьствию вижю, иного в него мѣсто царьствовати пошлю к вамъ». Сию же грамоту Кандаркусъ в Македонию принесъ. Македоняне приемше его, к воеводе Птоломѣю приведоша. Птоломѣи же поемъ ихъ, въ Филипусъ приведе ко Александру. Антиох же сих срѣте, гельмъ Александровъ против ихъ изнесе и поклонитися имъ повелѣ. Кандаркусъ рече к нему: «Аще копью Александрову поклонюся, то нѣсте подручни царю Дарию и азъ не смѣю очию Дариевых видети». Антиохъ же рече к нему: «Аще сего не сотвориши, живота своего лишишися». И тако приступив копию поклонися Александрову. И вземъ Антиох ко Александру приведе. Пришедшу же ему въ царьскии домъ, Александра видѣвъ на престоле своемъ высоце сѣдяща. Престолъ его украшенъ зело искусным златомъ и зеленымъ камениемъ и слоновыми костьми. Посолъ же приступивъ поклонися и грамоту дасть ему; сам же стоя дивляшеся дивному образу Александрову: венецъ же на главѣ его бяше от самъфира каменя и великаго бисера с мерсиновымъ листвием сплетенъ, о десную его и о лѣвую стояше множество витязеи венчанныхъ. Селевкущ вземъ грамоту Дариеву, прочте. Александръ же слышавъ писание, ярости исполнився и гнѣва и грамоту приимъ раздра и к нимъ со яростию рече: «Не подобает царю Дарию главы зряще к ногам бесѣдовати. Не тако бо Македония безглавна есть, яко же Дарию мнитца быти». И сия рекъ въскоре отпусти ихъ и листъ отписа к Дарию, писан сице: «Александръ витязь, македонскии царь, сынъ Филипа царя и матери царицы

О ПОСЛАНИИ ДАРИЯ

Дарий, царь персидский, услышав, что умер царь македонский Филипп, послал в Македонию грамоту, в которой было написано: «Дарий, царь над царями, земной бог, вместе с солнцем во всей вселенной сияющий и всем земным царям царь и господствующим господин,— к находящимся в Македонии пишу. Моего царственного слуха достигла весть о том, что царь ваш Филипп умер и отрока малого на царстве своем оставил, не укрепленного годами и молодого умом. О смерти Филиппа я опечалился, отрока же его, малого, еще не наученного, пожалел и хочу воспитать его, после чего, по царским обычаям почтив и украсив, снова в отечество его на царство возвратить. Грамоту мою прочтя, немедля его ко мне приведите. Кандаркуса же, верного мне, к вам послал землею вашею должным образом управлять. Войско ваше в случае необходимости к царству моему присылайте и дани удвоенные приносите. Дитя же Филиппа приведите к царству моему со всеми знаками царства его, ибо более сорока царских сынов в доме моем живут. Если же найду его недостойным царства, иного вместо него царствовать пошлю к вам». Эту грамоту Кандаркус в Македонию принес. Македоняне, приняв его, к воеводе Птоломею привели. Птоломей же, взяв их, в Филиппуст привел к Александру. Антиох их встретил, шлем Александров навстречу им вынес на копье и поклониться повелел. Кандаркус же ему сказал: «Если копью Александрову поклонюсь, то вы — не подданные Дария и я не посмею очей Дариевых увидеть». Антиох же отвечал ему: «Если этого не сделаешь, жизни своей лишишься». И, подойдя, поклонился тот копью Александрову; взяв его, Антиох к Александру привел. Войдя в царские палаты, Кандаркус увидел Александра, сидящего на высоком престоле, украшенном чистым золотом, зеленым камнем и слоновой костью. Подойдя, посол поклонился царю и грамоту дал; сам же, стоя, удивлялся дивному виду Александра: венец на голове его был в виде сплетенных миртовых листьев с сапфиром и жемчугом, справа и слева от него стояло множество витязей в венцах. Селевкуш, взяв грамоту Дария, прочел ее. Александр, услышав написанное, пришел в ярость и гнев, и, взяв грамоту, разорвал ее, и в ярости сказал им: «Не следовало царю Дарию, когда есть голова, к ногам обращаться. Ибо Македония не безглавна, как это Дарию кажется». И, сказав это, вскоре отпустил их, и такую грамоту послал Дарию: «Александр-витязь, македонский царь, сын Филиппа-царя и царицы

Алимъпияды, Дарию, царю перскому. Благодарю тя о отцы моемъ желающа. Листъ же твои к людемъ моимъ прочтох, се благодарихъ о земли нашеи пекущу ти ся. Мене же суща млада пожалих, в полате твоеи воспитати требуеши. Млеко ссущимъ отрокомъ не подобает в царьскихъ домех напитатися, не изволих и толъстых мясъ ясти. Пожди убо мене вмалѣ, дондеже от сесцу матере моея отторгнуся и тако в персидьское чести царьства твоего водворитися имамъ, пришедъ со всѣми македоняны. Кандаркуса же послалъ еси к нам македоняномъ быти царя, не к тому пошли его сѣмо, не можеши бо видети его к тому. Не тако бо македоняне безглавны суть, яко же тебѣ мнитца быти». Оружие же македонское Кандаркусу Александръ далъ, рекъ: «От царьствия моего бежи, егда же брань сотворятъ македоняны с персы, носи сие оружие, да тебе познавше, персы не убиют». Посол же к Дарию возвратися и листъ Александров дастъ ему. Прочетъ же Дарии листъ посмеявся. Кандаркусъ же к нему рече: «Не подобает ти, царю, таковыи *лист* приимъ смѣятися, в мало бо лѣтнои юности обретохомъ многолѣтную старость. Да болящаго зуба ... подобает скоро изврещи, да не здравыи вредит. Не исторгъ кипариса млада, а старемъ не трудися».

О семъ Дарии не брегъ, еще Клитовоша, нѣкоего от вѣрных своихъ, в Македонию ко Александру посла, повелѣ пересмотрѣти Александрово все. Александру же посла струглу, и коло древяно, и две скрынии порожжихъ, и два узлы великих маку, и листъ давъ ему, глаголя такъ: «Дарии, царь надъ цари, богъ перскии, дѣтяти моему Александру радоватися. Не тако бо помышляю тебѣ быти и преобидих тя в первом моемъ листе. Вѣдомо да есть ти, яко младых мудрование нагла суть. Се же послах к тебѣ тую струглу, яко да ею играеши и вертиши колесом же младенцы играютъ, и двѣ скрынии порожнихъ и два узла маку, яко да двѣ скрынии наполниши трилѣтными данми, макъ же перечти — число увѣдаеши воиску моему. Дани ко мнѣ пришлеши, связанъ ко образу моего царьства приведенъ будеши и милости тебѣ не будет». Сии листъ Клитоушъ announcementземъ в Македонию ко Александру вниде. Александру же в немощи предъста и поклонися и листъ ему дастъ и ковчеги, и струглу, и макъ предъ Александромъ постави.

Александру же листъ приимшу и прочетъ, главою покививъ и рече: «Неизочтения гордыни твоего высокоумия, Дарии, богу небесному подобляшеся, а ни человѣкъ подобяшеся быти, до небесъ вознесеся и до ада снидеши». Макъ же вземъ начя его жвати, ковчеги же разбити повелѣ и листъ к Дарию отписа сице: «Александръ, царь македоньскии, Дарию, перскому царю, всяку честь творящему. Ты еси самъ детиному безумию подобенъ, игралища вдалъ еси, самодержцу земли

Олимпиады, Дарию, персидскому царю! Благодарю тебя за печаль об отце моем. Грамоту твою к людям моим прочел и благодарен тебе за то, что о земле нашей заботишься. Меня же, малого, ты пожалел и в доме твоем воспитать хочешь. Сосущим молоко младенцам не подобает в царских домах питаться, не хочу и жирного мяса есть. Подожди меня немного, пока от сосца матери моей оторвусь, и тогда персидскую часть царства твоего займу, придя со всеми македонянами. Кандаркуса ты послал к нам, быть царем у македонян; больше не посылай его сюда, ибо тогда вновь не увидишь его. Не так македоняне безглавны, как это тебе кажется». Доспехи же македонские Кандаркусу Александр дал, сказав: «От царства моего беги, когда же война будет у македонян с персами, одень эти доспехи, чтобы тебя, узнав, с персами не убили бы». Посол же к Дарию возвратился и грамоту Александра дал ему. Прочтя ее, Дарий посмеялся. Кандаркус же ему сказал: «Не следует тебе, царь, такую грамоту получив, смеяться, ибо в малолетней юности нашли мы многолетнюю старость; больной зуб следует быстро удалить, чтобы здоровые не повредились; не вытащив кипариса молодого, старый и не пытайся».

Этим советом Дарий пренебрег, Клитовуша, некоего из верных своих, в Македонию к Александру послал, повелел узнать все об Александре. Александру же послал юлу, деревянный шар, и два сундука пустых, и два больших узла мака, и такую грамоту дал ему: «Дарий, царь над царями, бог персидский, дитятю моего Александра приветствует! Не так думал о тебе и обидел тебя в первой моей грамоте. Будет тебе известно, что младенческие умствования наглы. Вот послал к тебе юлу, играй ею и верти шар, которым младенцы играют, и два сундука пустых, и два узла мака, чтобы ты два сундука наполнил трехлетними данями, мак же сосчитай и узнаешь число моего войска. Дани ко мне пришли, иначе будешь приведен ко мне связанным и милости тебе не будет». Взяв эту грамоту, Клитовуш в Македонию к Александру пришел. Александру же в немощи предстал, и поклонился, и грамоту ему дал, и сундуки, и юлу, и мак перед Александром положил.

Александр, грамоту приняв, прочел, головою покачал и сказал: «Неизмерима гордыня твоего высокоумия, Дарий,— богу небесному уподобляешься, а не человеку, до небес вознесся и до ада низойдешь». И, взяв мак, начал его жевать, сундуки разбить велел и грамоту к Дарию написал: «Александр, македонский царь, Дарию, персидскому царю, всякую честь творящему. Ты сам младенческому безумию уподобился: игрушками, что ты дал мне, самодержцу земли

сими образы образуеши мя ты. Круг бо кола сего всю землю преликует». И посла отпусти к Дарию.

В то же время Архидонъ, селуньскии царь, прислалъ сына своего Александру на служение и листъ имѣюще сице. Александръ же листъ приимъ и прочте и радостенъ бывъ; Поликратуша к собѣ со усердиемъ призва, о писанных ему умилися и листъ к нему писати повелѣ: «Любимому моему брату Архидону, селунскому царю, Александръ, царь македоньскии, радоватися повелѣ. Листъ бо твои прочет, не толико даромъ твоимъ радостенъ быхъ, но и преклонныимъ и любимым рѣчемъ. Глаголет бо притча, яко преклоненыя главы ни мечъ не сечетъ. Сынъ твои со мною да будет, а ты въ царьствии своемъ, а мнѣ на помощъ 12 тысящъ посылаи на годище и 300 талантъ злата даваи». Селунское же царьство приимъ поиде во Антину.

О АНТИНЕ ГРАДЕ

Антина де градъ великъ, всяким же земнымъ украшениемъ украшенъ и мщениемъ. 12 же рытареи държаху его и вселенскою землею и господьствомъ окоръмляху судомъ неправеднымъ. Слышавше же Александрово пришествие к собѣ, совѣтъ сотвориша, Александру ли предатися или ко граду его не припущати.

Софликии же философ ихъ ту стоя рече: «Не подобает намъ со Александромъ битися, Александръ бо куманы убивъ и приимъ ихъ и Синаксарха, пелагонитскаго царя, убивъ и землю ихъ прииме, Архидона, селуньскаго царя, мирно к нему пришедша, на царьствии и на законе его остави». Другии же философ рече: «Отнелѣ же Антина стала, ни единъ царь не приялъ еси. Никогда же великъ царь на Антину прииде, рвавъ много ничто же успѣ, но разбиетъ от насъ отшедъ и побѣже, единъ во атоцех Македонскихъ утону. Не подобает намъ таковымъ сущимъ силным Филипову сыну повинутися». Диоген же никто, вышщи сихъ паче всѣхъ философ, рече: «Ходих во Олимбиядцкии отокъ третьего лѣта, сего Александра видѣхъ, пришелъ бѣ на олимпиядцкое коло урыстовати и витяжьства пытати. Урани же нѣ*кто* от Алимпиядцкихъ отокъ. Азъ же рекохъ тогда: «Сии юноша славою земскою великъ будетъ». Да сие вся есть видети мнѣ подобаетъ. Мужие антиньстии, Александру не противитися целоумну в мужествѣ, аще младъ есть, земскою славою великъ и воиском крѣпокъ есть зело. Да подобно есть намъ с честию и з дарми срѣсти, благочестив же Александръ добро намъ сотворитъ и намъ не приразився в Рим поидетъ». Сего же антиняне не возлюбивше, филосoфа же Диогена укориша: «Во всемъ,— ркуще,— мудрецы доволни мудрости». Он же зжалився отиде от града и ко Александру прииде и все ему повѣда.

уподобил меня — шар ведь этот всю землю изображает». И посла отпустил к Дарию.

В то же время Архидон, селунский царь, прислал сына своего Александру для служения и грамоту. Александр же, грамоту приняв, прочел и радостен был; Поликратуша к себе с усердием призвал, к написанному был милостив и грамоту в ответ написать велел: «Любимому брату Архидону, селунскому царю, Александр, царь македонский, радоваться повелел. Грамоту твою прочел — не только дарам твоим рад, но и покорным и любезным речам. Говорит ведь пословица, что покорную голову и меч не сечет. Сын твой со мною будет, а ты в царстве своем, мне же в помощь двенадцать тысяч воинов посылай в год и триста талантов золота». Селунское же царство приняв, пошел в Афины.

ОБ АФИНАХ

Афины же город большой и всяким земным украшением украшен. Двенадцать риторов владели им и всею вселенскою землей управляли, судя неправедно. Услышав о приходе Александра к ним, совещались — предаться ли Александру или же к городу его не подпускать.

Софликий, философ их, тут стоявший, сказал: «Не следует нам с Александром воевать, ибо Александр куман победил, и взял их под свою власть, и Анаксарха, пелапонского царя, убил и землю захватил, Архидона же, селунского царя, мирно к нему пришедшего, на царстве и на законе его оставил». Другой же философ сказал: «С тех пор как Афины возникли, ни один царь не брал их. Некогда великий царь на Афины пришел; и воевав много, ни в чем не успел, но, разбитый, от нас отступил и бежал, один меж островов македонских утонул. Не следует нам, столь сильным, Филиппову сыну повиноваться». Диоген же некто, наибольший из всех философов, сказал: «Ходил я в Олимпиадский остров третьего лета и этого Александра видел. Пришел он на олимпиадской колеснице состязаться и воинскую доблесть испытать. Ураний же, некто с Олимпиадских островов, там был. Я же сказал тогда: «Этот юноша славою земною возвеличен будет». И вот теперь я это вижу. Мужи афинские, не противьтесь Александру, совершенному в разуме и мужестве, он, хотя и молод, земною славой велик и войском крепок. Следует нам с честью и с дарами встретить его, благочестивый же Александр добр к нам будет и, не причинив вреда, в Рим пойдет». Это мнение афинянам не полюбилось, и философа Диогена укоряли, говоря: «Во всех мудрецах довольно мудрости». Он же, сожалея о них, ушел из города к Александру и все ему рассказал.

Александрь же ярости и гнѣва наполнися, воя своя по достоянию наряди и во Антиньское царьство прииде и под градом ставъ, во град же посла Арфакса, мужа куманянина. Сему же языка антиняне не разумѣша, по всемъ граде своемъ искаща, едва единого наидоша, сего толмачемъ вопрошаху повелѣние ему Александрово повѣдати. Он же рече: «Великии царь Александрь рече: «Дадите ми дань и воиско и царству моему приклонитеся; аще сего не сотворите, мечь македоньскии вашу землю поразити имать, аще повелѣнию моему не хощете поклонитися». Сия же слышавше антиняне, Александрову посланию поругашася. Куманом же обоим рѣчемъ их посмѣяшася и сего отпустивше ко Александру, отказаше сице: «Не подобает тебѣ, Александре, Антине назватися царемъ, мнози подобни тебѣ цари Антине подручни суть, мнози витязи и философи во Антине болши твоих водворяются. Доволен буди в Македонии царствовати, яко же хотя вшелъ еси здѣ и не хоте отидеши отсюду». И се рекше посла отпустиша и своему толмачю голову отсекоша пред ним, рекоша, яко: «Толмача не требуем Александровымъ рѣчамъ». Александрь же то слышавъ разгнѣвався, рече: «О горе земли, ею же мнози обладають». И се рекъ, воиску своему на брань направитися повелѣ и с четырех странъ рвати повелѣ. Убиииству же тогда велику сотворившуся. Кумане же Александровы со единые страны крѣпко налегоша, бяше еже видети стрѣлы летяща во градъ яко облакъ. Гражане же о семъ стуживше, напрасно граду врата отворивше и из града выскочивше, Александровых куман десять тысяч убиша и от Александровых македонян четыреста конных убиша. Бенестрами из града хитростию огнь извергоща, Александрово воиско мало огнемъ не опалиша. Сему же сотворившуся вечер прииде. Александръ во станы отиде, стражи около воиска постави, властели старые призвав и рече: «Что сотворимъ лукавымъ симъ гражаномъ; земли не разрушивше на град приидохомъ и себѣ осрамотѣхомъ. Да что подобает намъ сотворити?» Диоген же антинскии философ рече ко Александру: «Царю Александре, града Антины не можеши не потомився взяти, есть бо множество людеи и рвецъ в немъ, боле двухъ сотъ тысяч. Сотвори хитрость, да изманимъ их на дворъ с собою битися и сихъ яко невѣжи побиемъ, а градъ возмемъ». И сотвори хитрость Александръ, яко нѣколи потому грецы сотворили. Повелѣ от града двигнутися воиску и самъ с ними отиде. На станех же остави 10000 воловъ, 40000 овець и листь написан тако: «Мужие антинстии, не вѣдах силы боговъ вашихъ великие и к вамъ приидох, поразити васъ хотя, богомъ вашимъ приразихся. Во снѣ бо в нощь сию явльшася, много мнѣ страшна рекоша и сихъ азъ убояхся и в землю свою возвратихся, овецъ и волов оставив много,

Наполнился Александр яростью и гневом, воинов своих нужным образом приготовил, и в Афинское царство пришел, и, под городом став, послал в город Арфакса, куманянина. Его языка афиняне не поняли, искали толмача по всему городу своему — едва одного нашли и через толмача спрашивали Арфакса, чтобы он повеление Александра сообщил. Он же сказал: «Великий царь Александр повелел: «Дайте мне дань и войско и к царству моему присоединяйтесь, если же этого не сделаете и повелению моему не повинуетесь — меч македонский вашу землю поразит». Это услышав, афиняне Александрово послание бранили, над словами же обоих куман посмеялись и, посла отпустив к Александру, передали так: «Не подобает тебе, Александр, стать царем в Афинах, много подобных тебе царей Афинам подвластны, много витязей и философов в Афинах, больших, чем твои. Довольствуйся Македонским царством; по своей воле пришел сюда и уйдешь отсюда не по своей воле». И, это сказав, посла отпустили, а своему толмачу голову отсекли перед ним, сказав: «Не нуждаемся в переводчике Александровых речей». Александр, услышав об этом, разгневался и сказал: «Горе земле, которою правят многие». И, сказав это, войску своему к бою приготовиться повелел и с четырех сторон напасть на город, и битва тогда великая была. Кумане же, которые были с Александром, с одной стороны крепко налегли, и стрелы их летели в город, как облако. Горожане, этим досаждаемые, неожиданно городские ворота отворили и, выйдя из города, у Александра куман десять тысяч убили и македонян четыреста конных. С помощью баллист из города огонь извергли и Александрово войско чуть не спалили огнем. Когда это случилось, вечер пришел, Александр в лагерь вернулся, охрану около войска выставив, вельмож старых призвал и сказал: «Что сделаем с коварными горожанами? Землю не воевав, к городу пришли и себя осрамили. Что следует нам делать?» Диоген же, афинский философ, сказал Александру: «Царь Александр, город Афины не сможешь без труда взять, ибо множество людей и воинов в нем — более двухсот тысяч. Сделай хитрость — давай выманим их из города с нами биться и побьем их, так как они неискусны в битве; и так возьмем город». И сделал хитрость Александр, как некогда греки: повелел от города отступить своему войску и сам с ним ушел. В лагере же оставил десять тысяч волов, сорок тысяч овец и такую грамоту: «Мужи афинские, не ведал великой силы богов ваших и к вам пришел, поразить вас желая, но сам богами вашими поражен. Ибо этой ночью они во сне мне явились, много страшного мне сказали, и я, их убоявшись, в землю свою возвращаюсь; оставил овец и волов много

сихъ далъ есмъ богомъ вашимъ пожрите, их же о мнѣ помолитеся». И се рекъ Александръ с воиском своимъ отиде 12 поприщъ от града и в лузи скрывся. Гражане же вси на станы приидоша и листъ написан наидоша и рекоша: «От страха побѣже сынъ Филиповъ». И тако вси из града изыдоша, бѣ бо боле 200 тысяч пѣших и 100 тысяч конных.

В ту же нощъ философ антинскии именем Примах видѣ сонъ: великии храмъ бога Аполона падеся и пиргове вси антинскаго града обронишася и врата великие Ариева леду падошася и Александра видѣ на лву во градъ Антину въѣхавша и по ширинамъ града класие пшенично рустуче и македоняне зелено и незрѣло серпы пожинаху. Сия же исповѣдавъ и по Александре не веляше гнати. Они же сего яко не чювше во слѣдъ Александра идяху.

Александръ же сихъ ждаше со всѣми вои нарядився при Касталистем лузѣ. Постиже их на Виталском поле. Трубоглашения же и воиску увѣдѣвше и из луга исходящее и убояшася и сами к собѣ рекоша: «О коликимъ прелщениемъ прелсти нас сынъ Филипов». Видѣша, яко не мощи убежати, и не хотяще на бои идоша. Александръ же сих преодолѣ и побѣгоша. И множех убиваху и чрез все Витальское поле гнаху и да антинского града и замесившеся обои и вкупе во врата града приидоша македоняне и антиняне. Бяше же видети жалостно, дѣти же и жены ко всѣмъ своим на срѣтение идяху, обои убивахуся. Воплю же до небесъ досяжющу и кровем же по странам града текущим, обои замесишася македоняне и антиняне посредѣ града сечахуся.

Александръ же посредѣ ихъ на вологлавом конѣ ѣздяше, сѣчи престати молящеся. И сихъ не могии уставити, ярости наполнишася. Жены же антинстии одираху лица своя, ко Александру вопияху: «Милостивъ буди намъ, царю Александре». Александръ же, не могии уставити сѣчи, повелѣ градъ запалити. Людие же и жены на станы отошли и спасшеся. Тогда великий и дивны богъ их Аполон антинскии со всѣми своими боги згорѣ.

Слышав же Александръ рече: «Аще бы се бози были, спаслися бы сами от огня». Жалость и радость смесивъ рече: «Ныне македоньская оружия антиньскою кровию окровавишася произволениемъ моим, а ихъ недоумѣниемъ». Дигеон же философ рече: «Мудра накажи — премудрие будет, безумнаго же — возненавидит тя. Дай премудру вину — премудрие будет». Восплакася градъ Антина вся, смятошася вси отоцы вселеньстии. Александръ же се слышав рече: «Главы не разбивъ, мозгу не выняти».

Оттоле Александръ воставъ поиде, отрядив с собою 400 тысяч воиска. Тогда сретоша его вси царие тракиньстии, и мореистии, и далматиистии, и полуцы, и гостиницы, и тривалиистии;

в дань и в жертву богам вашим,— обо мне помолите». И, сказав это, Александр с войском отошел на двенадцать поприщ от города и скрылся в лесу. Горожане же все пришли в лагерь и, грамоту написанную найдя, сказали: «От страха побежал сын Филиппов». И так все из города вышли — более двухсот тысяч пеших и ста тысяч конных.

В ту же ночь философ афинский, по имени Примах, видел сон: великий храм бога Аполлона упал, и все башни афинского города обрушились, и врата великого Ареопага упали; и Александра видел на льве в город афинский въезжавшего, а на площадях города колосья пшеничные росли, и македоняне их, зеленые и незрелые, пожинали. И, об этом сне рассказав, не велел гнаться за Александром. Они же, как бы не слышав, шли вслед за Александром.

А Александр ждал их со всеми воинами, приготовившись у Касталийского леса, и напал на них на Витальском поле. Афиняне испугались голосов труб и войска, выходящего из леса, и сами себе сказали: «О, как хитро обманул нас сын Филиппов!» Видя, что невозможно убежать, поневоле шли на бой. Александр же их одолел, и побежали они. Многих из них убивали и преследовали через все Витальское поле до афинского города, и, смешавшись вместе, к воротам города пришли македоняне и афиняне. И печально было смотреть, как дети и жены к своим навстречу шли и побиваемы были; вопль же до небес доходил, и кровь по всему городу текла, и, смешавшись вместе, македоняне и афиняне посреди города сражались.

Александр среди них на бологлавом коне ездил, уговаривая прекратить битву, но не мог их остановить, ибо исполнились ярости. Жены же афинские, раздирая лица свои, Александру кричали: «Смилуйся, царь Александр!» Александр же, не могущий прекратить битвы, повелел зажечь город. Люди и жены в лагерь отошли и спаслись. Тогда великий и дивный бог их Аполлон афинский со всеми своими богами сгорел.

Услышав об этом, Александр сказал: «Если бы это боги были, спасли бы себя от огня». Печаль и радость объединяя в себе, сказал: «Ныне македонское оружие в афинской крови не только по моей воле, но и по их неразумию». Диоген же философ сказал: «Мудрого накажи — мудрее будет; безумного же — возненавидит тебя. Дай премудрому наставление — премудрее будет». Восплакался город Афины весь, в тревоге были все острова вселенские. Александр, услышав об этом, сказал: «Головы не разбив, мозг не вынуть».

Оттуда Александр пошел, взяв с собою четыреста тысяч войска. Тогда встретили его все цари тракийские, и морейские, и далматинские, и полуцы, и гостиницы, и триволийские;

дары ему многи принесоша безчисленныя и стяги златы царские и многоцѣнныя; *дани* на 12 *лѣтъ*; царских именъ лишишася, сартапом же повелѣша ся звати.

О ПРИХОЖЕНИИ К РИМУ

Александръ же к Риму уклонися. Слышавше же римляне Александра идуша к нимъ и смятошася и совѣтъ сотвориша. «Да что сотворимъ,— рекоша,— добро ли есть намъ Александра в Римъ пустити с честми и з дарми многими, и на отеческих уставех и градех милостию непобедимою на законех быти». К богу же своему Амону в церковъ притекоша, моляхуся возвестити им о Александре. Во снѣ явися имъ богъ Амон, рече: «Мужие римляне, не боитеся Александра — сынъ мои есть; нѣкогда, дошедшу ми в Македонию, матери его Алимпияде примесихся и родися Александръ; но с честию его срѣтше, поклонитеся яко царю и самодержавнаго прославите».

Римляне же с честию и со славою великою срѣтоша, бяше же дивно срѣтение их: 4 тысящи сретоша его венчанных витязь на парѣжах и 2 тысящи девицъ срѣтоша его, одѣяния червлена злато вязена бяше на них. И прочихъ людеи 1000 и 40, вси изношаху дафиново вѣтвие со златом. Иереи же римьстии срѣтоша его носяще великие свеща в руках. Изыдоша к нему носяще одѣяние велико и многоценно Соломона, царя евреискаго, иже у них положил Навходоносоръ, царъ персkии, нѣкогда приял Иеросалим. Принесоша ему блюдъ самотворных 1000 и 200 с камением многоценным, иже поставил бяше Соломон царь в церкви, Святая Святых, и венецъ Соломоновъ, в нем же три камени бяху, 12 пригод с него исцелении и иных каменеи 1000 — по числу сыновъ иизраилевых. Изнесоша ему стему злату царску многоцѣнну Сивилии царицы волховную. Изведоша ему парижь под хакизмомъ коркодиловымъ, оседлана седлом от камени андрамана. Изнесоша ему оружие Елгаменеуша короля; изнесоша ему копие ланпандилово з бисером и с камениемъ многоцѣнным Якша Теломоника и прочих копии 17; изнесоша ему щитъ Таркнена, римъскаго царя, кожею аспидовою попят. Сие же славное стрѣтение царь Александръ видѣвъ, радостен бывъ велми и много вои своих почестно нарядив; македонян же с собою на конех поимаше, на чюднаго коня Дучипала всѣде и коруну положи на главу свою Клеопатре египецкои царицы, 12 камении многоцѣнных в немъ; кони же подвоньи и трубы по подобию нарядив, на стрѣтение римляном идоша.

Близу же им бывшимъ, витязи и девицы поклонишася Александру, с конеи не ссѣдоша и рекоша: «Многа лѣта, царю Александре, всего свѣта царю»; и се рекоша на страну

дары ему принесли бесчисленные и стяги золотые царские многоценные, и дани за двенадцать лет; царских титулов они лишились — сатрапами должны были называться.

О ПРИХОЖДЕНИИ К РИМУ

Александр же к Риму направился. Когда услышали римляне, что Александр идет к ним, обеспокоились и совет созвали: «Что сделаем,— сказали они,— следует ли принять нам Александра в Риме с почетом и дарами многими, чтобы по милости непобедимой нам сохранить отеческие порядки и законы». К богу же своему Амону в церковь пришли, моля возвестить им об Александре. Во сне явился им бог Амон и сказал: «Мужи-римляне, не бойтесь Александра — он сын мой: некогда, прийдя в Македонию, я с матерью его Олимпиадою соединился и родился Александр; с честью его встретив, поклонитесь как царю и его, самодержавного, прославьте».

Римляне с честью и со славою великою встретили его, была же дивной встреча их: встретили его четыре тысячи витязей увенчанных на конях и две тысячи девиц в красных с золотом одеяниях. И прочих людей тысяча четыреста; все несли лавровые ветви с золотом. Иереи же римские встретили его, неся большие свечи в руках. Вышли к нему, неся одеяние великое, многоценное Соломона, царя еврейского, которое у них положил Навуходоносор, царь персов, некогда взявший Иерусалим. Принесли ему золотых блюд тысячу двести с камнями многоценными, которые поставил Соломон-царь в церкви, во Святая Святых, и венец Соломонов, в нем же три камня были и иных камней тысяча, от двенадцати несчастий он исцелял — по числу сынов Израилевых. Вынесли ему золотой венец царский многоценный Сивилии-царицы, волшебный. Вывели ему коня под попоной крокодиловой, оседланного седлом из камня андрамана. Вынесли ему оружие Елгаменеуша-короля; вынесли ему копье лanпандиловое Якша Теламоника с жемчугом и с камнями многоценными, и прочих копий семнадцать; вынесли ему щит Таркнена, римского царя, кожею аспидовой обтянутый. Видя же эту славную встречу, царь Александр радостен был и много воинов своих почетно приготовил, а македонян с собою на конях взял, на чудного коня Дучипала сел и возложил на голову свою корону египетской царицы Клеопатры — двенадцать камней многоценных в ней; коней запасных и трубы как подобало приготовив, навстречу римлянам пошли.

Когда же они приблизились, витязи и девицы поклонились Александру, с коней не сходя, и воскликнули: «Многая лета, царь Александр, всегда света царь», и, сказав это, в сторону

отъѣхаша, друзии же приидоша и тии прославиша его; инии же вси с конеи ссѣдоша и прославиша царя Александра. Посем же приидоша иереи со свѣщами и с кадилницами и покадиша его вонями различными. И тако веселящеся во град римъскии приидоша и приведоша его в храм бога своего Аполона поклонитися. Срѣте иереи Аполоновъ, и покади его, и поклонися ему, и принесе ему злато и ливанъ и измирну, сия убо царская дарования суть. Изнесоша ему писание, имуще сицево: «В лѣто *5000* востати имат козелъ единорог и поженет пардусы западныя и превозносящихся и паки к востоку поиде, идѣже двоерогии овенъ, ему же рози до небесъ, и сего единемъ рогомъ в сердце. И потрясутся миди и финицы, восточнии велицыи и страшнии языцы, и острия меча перьскаго притупит и, в Римъ пришедъ, царь совершенъ прославитца, и сему время прия весь Иеросалим безо всякия пакости и рати».

И сие писание Александръ слышав и прочее, вопросив дати хотя толкование писанию. Философ же рече ему: «Александре, во дни иевреиского пророка Данила, слышахом, яко в писании наших западныи царь пардус наречетца, овна же двоерогаго перьское нарицается царство, козла же единорогаго македонское нарицает царство, яко же мнится быти, остру сущу и храбру, понеже яве сие творит чюдное твое в Римъ пришествие». И сие слышав Александръ, радостен быв велми и рече яко же: «Промыслу божию воля есть, да будет тако, силнии падоша, а немощнии препоясашася силою». И ту ему веселящу в Риме с римляны и македоняны, и приидоша ему вся царствия западныя, дары многоцѣнныи принесоша ему, молящеся не ратовати их. Александръ умилися, повелѣ дани дати 12 лѣтома и воиско ему. Лаомендуша же, своего приснаго любимаго друга, в Риме царя постави и всѣмъ западнымъ царемъ повелѣ его слушати.

И тако шествие творяше къ югу. Злата же много и воиско земъ, на ужескии страны, и тамо царства многа крѣпка порази, и вселенную всю прошед, до Окияна реки дошедъ великие, иже всю вселенную обтече. И во узскихъ странах земли тои обрѣте звѣри человѣкообразны и многии двоеглавнии змиевы, ноги имѣяху, и с ними рать сотвори велику и сих победилъ, звѣри же суще оружия не имѣяху, вскоре падошася. И в гвоздинную гору нѣкую дошедше, жены многи дивии на Александра восташа и рать велику сотвори с ними и во един часъ от воиска его сто поразиша. Вси бо жены тѣ крылаты и ногты велики, аки серпы, тѣло же все во власех, и прилетаю очи издираху воемъ. Се же слышавъ Александръ повелѣ тростие запалити. Жены же тѣ, въ пламени изгараху крилы же, и на земли падаху. Сих же македоняне прискачюще побиваху и сихъ множество паче дватцати тысяч убиша.

отъехали, другие же пришли, и они прославили его, остальные же все с коней сошли и прославили царя Александра. После этого пришли иереи со свечами и кадильницами и покадили его ароматами разными. И так, веселясь, в город римский вошли и привели его в храм бога своего Аполлона для поклонения. Встретил его иерей Аполлонов, и покадил его, и поклонился, и принес ему золото, и ливан, и мирру — ибо таковы дары царям. Вынесли ему писание: «В пятитысячный год восстанет козел единорогий, и погонит пардусов западных, превозносящихся, и вновь на восток пойдет, где двурогий овен, у которого рога до небес, и поразит его своим рогом в сердце. И потрясутся мидийцы и финикийцы восточные, великие и страшные народы; и острие меча персидского притупит он, и, в Рим прийдя, как царь совершенный прославлен будет, и тогда овладеет Иерусалимом без разорения и войны».

И это писание услышав, и прочее, Александр просил объяснить его. Философ же сказал ему: «Александр, в дни еврейского пророка Даниила слышали мы, что в писаниях наших западный царь пардусом называется, овном же двурогим — персидское царство, козлом же единорогим македонское называется царство, быстрое и храброе, что являет чудное твое в Рим пришествие». И, слыша это, Александр обрадовался и сказал: «Промысл божий изволил, чтобы сильные пали, а немощные препоясались силою». И когда тут он веселился в Риме с римлянами и македонянами, пришли к нему все царства западные, дары многоценные принесли ему, прося не воевать их. Александр смилостивился, повелел дани ему давать двенадцать лет и войско. Лаомендуша же, близкого к себе, любимого друга, в Риме царем поставил и всем западным царям повелел его слушать.

И потом пошел на юг. Золота много и войска взяв, к южным странам отправился, и там царства многие сильные победил, и, вселенную всю пройдя, дошел до Океана-реки великой, что всю вселенную обтекает. И в южных странах земли той нашел зверей человекообразных и много двуглавых змей, ноги имеющих, и с ними в бой вступил великий, и их победил: звери, оружия не имея, вскоре погибли. И до железной горы дошел, где множество огромных жен на Александра восстало, и бой великий он имел с ними. И в один час из его войска сто человек поражено было, ибо все жены те крылаты и ногти у них огромные, как серпы, тело же все в волосах, и, прилетая, они глаза раздирали воинам. Услышав об этом, Александр повелел тростник поджечь, и жены те, так как их крылья в пламени сгорали, на землю падали. Македоняне же, подбегая к ним, побивали их, и множество, больше двадцати тысяч убили.

Акияна реки дошедше, во вселенную паки возвратишася. Воиску почити повелѣ и повелѣ околним государьством корабли многи сотворити, триста тысяч кораблеи, величеством тысяча в него людеи всядетъ со всѣми потребами. К востоку отправи их, по великои Осистеи странѣ и по варварехъ. Пред ними воеводу Птоломѣя и Филона посла, во Египте и с ними срочися снятися. Повелѣ имъ земли и грады приимати и от сихъ воиско и дани брати. Сам же в корабли вшедъ и, дунувшю югу бурну, к востоку поиде над *треми* тысячами кораблеи, и Антиоха воеводу над иными треми тысячами сотвори, Селевкия надь иными треми тысячами кораблеи, Византа же и иные витязи остави далече от града Ликия. И оттоле отшедшимъ, остави на околе 1000 волов, 40 000 овецъ. Множество кораблеи поиде и людемъ на 4 части разделившимся по морю и пловяху 30 днии и 30 нощи.

Александръ же идяше ко Египту и ту прsuccessive приста, идѣже идет Нилъ река в море, ту град созда во имя свое Александрию. Селевкии же с своими корабли в Ликеи приставъ и ту градъ во имя свое созда и нарече имя ему Селевкию. Антиох же пристав с своими корабли, ту градъ во имя свое созда и нарече имя ему великая Антиохия. Византь же с своими корабли в тесноту Триньскаго моря приставъ и ту град во имя свое созда и нарече имя ему Византия. О семъ Александръ много оскорбися, не вѣдаетъ, кто гдѣ приталъ, по 30 днии увѣда о Селевкии, и Антиоху, и Византу и о градех ихъ. И потом съѣхашася вси и на том мѣсте создаша градъ вси и нарекоша имя ему по серпьскому языку «Единосердыи станъ». И в томъ граде 6 месяць сотвориша, конское воинство составиша. Птоломѣи же и Филон ко Александру рекоша, елико прилучися имъ боевъ на пути, мнози чюднии царие варварстии и онтиописких и сих всѣхъ победивше и ко Александру приведоша связанных. И сихъ Александръ увѣривъ и во свою землю отпустивъ, заповѣдавъ, яко 12 лѣтомъ 100 тысяч воиска давати ему.

И оттоле Александръ со всѣми вои во Асию прииде, ту градъ созда именем Трипол. О семъ Александръ здумавъ рече: «О велемошнии македоняне, не подобает намъ воинство оставити, нѣсть бо во граде твердости, но мы храброю силою многие грады приимахомъ и разбихомъ».

И всю Асию приимы и ко стране Апридиискои возвратишася. Преди же, иже в лѣта нѣкая еллины приимше и разбиша нѣкия ради жены именем Еленуши короля акедоньского сына Мелеушева. Краля придискаго Приялъмужа сынъ именемъ Александръ и Вариж на вѣре earliest веземъ и в Трою принесе, благодарения явлься ко своему благодателю и Мелеушу кралю. Мелаушъ Селевкия, и Киликия, и Пелагония, и с Пелопоникия

Дойдя до Океана-реки, возвратились во вселенную. Александр велел войску отдохнуть, соседним же государствам велел построить много кораблей — триста тысяч, тысяча людей в каждый входит со всем необходимым — и на восток отправил их, в Азию и к варварам. Перед ними послал воеводу Птоломея и Филона, в Египте договорившись встретиться с ними; повелел им земли и города принимать и от них войско и дань брать. Сам же в корабли вошел и, когда подул южный ветер, отправился к востоку во главе трех тысяч кораблей, а Антиоха воеводой над другими тремя тысячами сделал, Селевка же над другими тремя тысячами кораблей. Византа же и иных витязей оставил далеко от города Ликия. И от того места отошли, оставив в лагере тысячу волов и сорок тысяч овец. Множество кораблей пошло и людей, и на четыре части они разделились, и плавали тридцать дней и тридцать ночей.

Александр же приплыл к Египту и, пристав при впадении Нила в море, город создал во имя свое — Александрию. Селевк же со своими кораблями в Ликии пристал и тут город во имя свое создал — Селевкию. Антиох же, пристав к берегу со своими кораблями, создал город во имя свое — Великую Антиохию. Визант же со своими кораблями в проливе Триньского моря пристал и тут город во имя свое создал — Византию. О том Александр много скорбел, что не знает, кто где пристал: но через тридцать дней узнал о Селевке, и об Антиохе, и о Византе, и о городах их. И после этого съехались все, и на том месте создали город, и дали ему имя, по-сербски означающее «Единосердный стан». И, в том городе пробыв шесть месяцев, составили конное войско. Птоломей же и Филон Александру рассказали, какие случились им бои на пути, со многими царями варварскими и онтиопийскими, и всех их победив, к Александру привели связанными. И их Александр успокоил, и в свои земли отпустил, велев им двенадцать лет сто тысяч войска давать ему.

И оттуда Александр со всем войском в Азию пришел, и тут город создал Триполь. И, подумав, Александр сказал: «О многомощные македоняне, не подобает нам забывать воинские дела — ибо не в укрепленном городе сила, но мы своей храбростью многие города взяли и разбили».

И всю Азию покорив, к стране Придийской возвратились, которую раньше в некие времена эллины взяли и разбили, некоей ради жены по имени Еленуши — жены Мелеуша, сына короля акедоньского. Короля придийского Приемуша сын по имени Александр Вариж, воспользовавшись доверием, взял ее и в Трою привез, так отблагодарив своего благодетеля — Мелеуша-короля. Мелеуш, на помощь себе призвав царей и витязей Селевкии, и Киликии, и Пелагонии, и Пелопоникии,

цари и витязи на помошь себѣ призва, жены ради своея на Трою прииде. И всю Придиискую землю плѣнивъ и вся живущая в земли тои мечю предали и десят лѣтъ градъ троискии великии рвали и прияша, весь мужескии полъ огню и мечю предаша, яко же Омиръ во своихъ книгах пишетъ. Ту бо тогда мнози витязи падоша от еллинъ. Искони бо намъ взаконися от женъ великим лукавымъ зломъ повинным быти — первое бо Адамъ женою прельстися, великии храбрыи Самсонъ женою погибе, мудрыи Соломонъ женою ада наслѣди — тако же и в Трои мнози неизреченнии храбрии витязи и цари за едину жену погибоша.

И ту Александръ прииде, живущии же в Трои срѣтоша его с честию великою и дары ему многи принесоша: оружие Целеша краля, сына короля Прелеша, на лвовѣ кожи приставлено, и положивше на щиту Якша Теламоника. И ко Александру принесоша перстень и даша ему египетцкои кралицы от камени андракса, имѣя силу такову: иже в великую немош впадет, на него посмотрит и исцелѣетъ. Изнесоша ему образ госпожи Менеры вписана на иконе, вся елико совершишася. Изнесоша ему одеяние Поликсении госпожи, дщери короля Приемуша, иже ею прелшал Ацелеш, егда от грекъ отвержеся ко Трои приступи. Его же убиша братия ея лукавьствомъ на вечери в храмь, уби же его Апелонъ трогоделскии Алекидушъ. Одеяние же дѣиствомъ: коли облачашеся в него господжа Поликсения, тогда 4 различнии показоваше на собѣ позирающимъ от различнаго камени; егда на зелено камение позираше, приразяшеся зеленое бѣлому лицу, подобяшеся дузе небеснеи вскоре сияющи и падиному позлащенному перию; егда же на черленое позираше камение, прелшевашеся черленъ к бѣлости образу дивному и розному виду ея; егда же в немъ поступаше различна блистания от каменнаго вида, от одеяния того блисташе. Сие одѣяние Александръ видѣвъ и подиви же ся женѣ тои паче всѣхъ женъ и сию похвали не токмо за еи дивное одеяние, но и за вѣру и любовь, иже ко Ацелешу по смерти его показа. Ацелешу бо умершу, иному мужеви не восхотѣ назватися жена, глаголаше в собѣ: «Ему же весь мирь недостои бѣ витяжству и красотѣ и добротѣ, како его забыти, а иному нарекуся жена». Ни в порабление себѣ восхотѣ дати, Трою бо разбившим греческим царем, но изволи паче смерть Ацелешевъ гроб, нежели жива поработитися в Лагонискую землю. Симъ бо умнымъ женамъ, иже к мужемъ своимъ честь и любовъ соблюдають, двоя хвала имъ есть — и от бога мьзда, а от людеи честь, иже изволиша с мужи своими умрети, нежели срамотно живымъ быти. Изнесоша ему венецъ тое же госпожи, егда на главу полагаше его, тогда невидимъ биваше во дни, в нощи же яко огнь светяшеся. Изнесоша ему бележецъ

жены ради своей к Трое пришел, и, пленив Придийскую землю, они всех живущих в земле той мечу предали; и десять лет великий город троянский осаждали, и, взяв, весь мужской пол огню и мечу предали, как Омир в своих книгах пишет. Здесь тогда многие витязи погибли от эллинов, от начала суждено нам из-за жен в великом лукавом зле повинными быть — первым Адам из-за жены вошел в соблазн, великий храбрый Самсон из-за жены погиб, мудрый Соломон из-за жены в ад последовал,— также и в Трое многие несказанно храбрые витязи и цари из-за одной жены погибли.

И когда Александр пришел туда, все живущие в Трое встретили его с честию великою и дары ему многие принесли: оружие короля Ацелеша, сына короля Прелеша, на львиной коже, и положили на щит Якша Теламоника. И принесли Александру перстень египетской царицы, из камня андракса, имеющий такое свойство: если кто, тяжело заболев, на него посмотрит, то исцелится. Вынесли ему образ госпожи Менеры, по которому узнано было, что постигнет Трою. Вынесли ему одеяние Поликсении-госпожи, дочери короля Приемуша; с нею обручился Ацелеш, когда, от греков отступив, в Трою пришел. Его убили братья ее обманом, на вечери в храме, убил же его Аполлон трогодельский, Алекидуш. Одеяние то имело такое действие: когда облачалась в него госпожа Поликсения, тогда четыре разных вида являла смотрящим на нее от влияния разных камней; когда на зеленый камень она глядела, то присоединялось зеленое к белому лицу, уподобляясь сияющей дуге небесной и золотому оперению павлина; когда же на красный смотрела камень, то присоединялось красное к белости дивного вида ее; когда же начинали блестеть разные камни, то все одеяние блестело. Это одеяние увидев, Александр подивился жене той, выше всех жен, и похвалил ее не только за дивное одеяние, но и за верность и любовь, которую она к Ацелешу после смерти его проявила. Ибо когда Ацелеш умер, другому мужу не захотела стать женой, говоря: «Весь мир недостоин его доблести и красоты; как его забуду и другому стану женой». И в рабство себя не захотела дать, когда Трою разгромили греческие цари, но предпочла умереть на могиле Ацелеша, чем идти в рабство в Лагонийскую землю. Этим умным женам, что мужьям своим честь и любовь сохраняют, двойная хвала — и от бога награда, и от людей честь, так как решили с мужьями своими умереть, а не жить в позоре. Вынесли ему венец этой же госпожи — кто на голову его наденет, то днем невидим станет, ночью же как огонь светится. Вынесли ему воинскую

оружныи превелеможнеишаго Еликтора, бисеромъ и камениемъ украшен, со скоропииными зубы и аспидовыми зубы, ногты, и одеяние его, иже от рыбьи кожи бѣ. И принесоша ему книгу нѣкоего философа от Рима, кою бяше о Трои разорение от искони и до скончания. И то Александръ прочеть, иже подвиги великих витязъ, жалости и радости наполнився и рече: «О колики силнии падошася за лукавьствие мерские и лукавые жены таковыя».

Александръ же во град троискии вниде и вопрошаше, гдѣ витяземъ гроби суть. Они же ведоша его к нимъ. វземъ ливанъ и измирну, гробы их покади, проплакав к нимъ рече: «О дивии в человѣцех храбрии витязи, лвове, Алелешукторе, Якъшунесторе, аще живых бы вас виделъ, честь по достоянию дал бых вамъ, да отколе отнюду же изыдосте, вамъ мертвымъ жерьтву и ливан воздаю. Но блажени есте и по смерти своеи, понеже велицыи и дивии исписасте же в повѣстех и прилучистеся Омиру». Се же слышавше философи ко Александру рекоша: «Великии царю Александре, Ацелешъ, Ферлеша короля сынь, по отцы же брать есть тебѣ, а от Амона бога и Федите жены родился есть, а ты, царю Александре, от Амона бога и от Алимпияды царицы родилъся есть, по прилучаю яко от единаго отца еста. Да аще смерть прилучит ти ся, царю, болшими похвалами подвиги царьствия твоего мы исписати имамы, нежели Омир о придиискиx и еллиньских цареи». Александръ же рече к нимъ: «Болши бы ми от Омирьских исписаниих царевъ *конюх* назватися, нежели от ваших списаниих единои земли назватися царемъ».

Сему же бывшу Александр паки в Македонию возвратися со всими силами македоньскими и прочими цари и воисками их, иже в западнѣи странѣ мечемъ прияли бяху. И с сими яко победоносецъ в Македонию прииде, шесть на десят лѣтъ имѣлъ в далнихъ странах отшед от Македония. Мати же Алимпияда царица и мудрыи еи казател Аристотелъ со всѣми македоняны и з женами и з девицеми на рецы Скамудруши и с честными великими дары царя Александра срѣтоша и оттуду вси в Филипустъ градъ приидоша. И ту Александръ повелѣ македоняномъ 3 месяцы в домех своих почити и кони кормити и оружия направити. И еще на востокъ поити хотя и паки в Македонии Аристотеля и матерь свою остави. Вземъ с собою 100 тысяч воиска, сущих единаких македонян оружием и бележцы и вси вооружены единаки гелмове и роги на нихъ, на щитех же лвовы главы и на всѣх единаки кахизма коркодилова на фарижех. И тако взятъ всѣмъ шатры, около царева шатра поставити, никому же иному не вмешатися в македоньскии полкъ. Повелѣ же избрати 2 тысяшши благообразных женъ и симъ колесницы и шатры отрядити

эмблему могущественнейшего Еликтора, жемчугом и камнями украшенную, с зубами скорпиона и зубами и когтями аспида; и одеяние из рыбьей кожи. И принесли ему книгу некоего философа из Рима — о разорении Трои, от начала и до конца. Александр прочел о подвигах великих витязей, печали и радости исполнился и сказал: «О, сколь сильные погибли из-за коварства мерзкой и коварной жены».

Александр в город Трою вошел и спросил, где могилы тех витязей; жители отвели его к ним. Взяв ливан и мирру, могилы их покадил и со слезами к ним обратился: «О дивные среди людей, храбрые витязи и львы Алелешуктор и Якшунестор, если бы живых вас увидел, честь достойную воздал бы вам, поскольку же ушли от нас, то вам, мертвым, жертву и ливан воздаю. Но блаженны вы и по смерти своей, потому что о вас, великих и дивных, написал в повестях Омир». Услышав это, философы Александру сказали: «Великий царь Александр, Ацелеш, сын короля Прелеша, по отцу брат тебе, потому что от Амона-бога и Фетиды-жены родился, а ты, царь Александр, родился от Амона-бога и от Олимпиады-царицы; поэтому вы от одного отца. И если смерть случится тебе, царь, то большими похвалами подвиги твоего царствования мы опишем, нежели Омир придийских и эллинских царей». Александр же сказал им: «Лучше бы мне в Омировых писаниях царевым конюхом быть, нежели в ваших писаниях всей земли царем».

После этого Александр опять возвратился в Македонию со всеми силами македонскими, и с прочими царями, и войсками их, которых на западе мечом покорили. И с ними победителем в Македонию пришел, шестнадцать лет пробыв в дальних странах. Мать же его, царица Олимпиада, и мудрый наставник Аристотель со всеми македонянами, и с женами, и с девицами, с великими достойными дарами на реке Скамудруще встретили царя Александра, и оттуда пришли все в город Филиппуст. И тут Александр повелел македонянам три месяца в домах своих отдыхать, коней кормить и оружие готовить. И решил пойти в поход — на восток, и оставил в Македонии Аристотеля и мать свою. Взял с собою сто тысяч войска, все они были македоняне в одинаковых доспехах, и все вооружены одинаковыми шлемами, и рога на них, на щитах же львиные головы, и у всех одинаковые крокодиловые попоны на конях. И всем им свои шатры около царского шатра велел поставить, никому же другому не смешиваться с македонским полком; и повелел выбрать две тысячи красивых жен и им колесницы и шатры приготовить.

повелѣ, терьяха же нѣкоего над ними постави, вся от них разумно управляти. Коли которыи воинъ жены требоваше, к терьяху пришедъ, златницу подаваше и, колки нощеи держаше, толко златницъ даваше. Вся убо воиска воюющих со Александром по уставу и подобию нарядившеся, 100 тысячь македонян тако с собою нарядив: егда царь Александрь на конь вседаше, тогда вси на конех обретахуся, и вси с нимъ во единомъ бяху, вси единацы коньми и оружие и свитами. Воевода всѣмъ Птоломѣи бяше, мужь любимъ и праведен, всякие добродѣтели исполнен, любим же Александромъ бяше велми. Егда кого македонян убиваху на бои, и от иных воискъ избираху изручна мужа и сими на мѣсто поставляше, никогда 100 тысячь македонян не умаляшесе.

СКАЗАНИЕ О ВОСТОЧНЫХЪ СТРАНАХЪ

Александръ шествие творя к востоку. Которые волею к нему приидоша, сии честь и прощение от него прияша, которые ему противляхуся, тѣмъ грады разбиваше, иных мечю предаваше.

О семь же страх и трепет вси Асиискии страны обдержаше — и цари палестиньстии и евреиское царьство и египетцкое царство. Вси бо тии Дарию подручни бяху и мнози от нихъ к Дарию притекоша, о напрасномъ нашествии македонянъ. Дарии же, царь перьскии, с вѣстми посла ко Александру с листомъ: «Дарии, царь надъ цари, великии, силныи гордѣниемъ и земскою славою, равен богомъ небесным, единако с солнцемъ от востока и до запада. Вѣсть во уши мои прииде, сыну Филиповъ, яко всю Елладию объятъ, и до великаго Рима дошедъ, и вси западныя цари подмял еси, и сихъ до конца затеръ еси, и до Окияна реки дошелъ еси, не точию о семъ доволенъ еси, но и нижнюю Варварию и Еофиопию и вся западныя страны, подручная царьствию моему, поколебалъ еси и много богатества взялъ еси, и симъ еще не доволенъ еси, на Асию и Фругию, моея земли, наступилъ еси с подобными тебѣ гусари, с македоняны и отроки. В забитии положилъ еси подручную работу, к перьскому царству вси земьстии прилагаются царие. Да доволенъ буди тебѣ во отечествии обрестися, Еладиею обладати. Оставляем ти законную дань, юже отецъ твои ко царству моему приношаше. И сие помилование над тобою чиню за неизочтеную твою худость и за безмѣрную твою наглость, иже с подобными тебѣ гусарми учинилъ еси. Аще ли сему не повинешися, и силою перьскою поиду на тя и не может тебѣ вся вселенная предо мною укрыти, пред мечемъ моимъ казнити тя имам».

Приим же Александръ листъ и прочетъ его и в тои часъ раздра, посла же повелѣ со гнѣвомъ на древѣ распяти, а инымъ главы

Терьяха некоего же над ними поставил, всем у них разумно управлять. Когда какому-то воину жена нужна будет, к терьяху придя, златницу ему даст и, сколько ночей держит ее, столько златниц и дает. И все войска Александра, по уставу, как подобало, устроились; сто тысяч македонян было при царе Александре: когда он на коня садился, тогда все на конях, и все с ним вместе были, все одинаковы — конями, оружием, одеждой. Воеводой над всеми Птоломей был, муж, любимый Александром и справедливый, всякой добродетели исполненный. Когда кого-то из македонян убивали в бою, то из других войск добирали достойных мужей и их на место македонян ставили, так что никогда число македонян — сто тысяч — не уменьшалось.

СКАЗАНИЕ О ВОСТОЧНЫХ СТРАНАХ

Александр совершал поход к востоку. Кто добровольно к нему приходил, те честь и прощение от него приняли, а кто ему сопротивлялся, города тех разрушал, иных мечу предавал.

Поэтому страх и трепет охватили все страны Азии — палестинских царей, и еврейское царство, и египетское царство. Все они Дарию подвластны были, и многие из них прибежали к нему, сообщая о неожиданном нашествии македонян. Дарий же, персидский царь, отправил к Александру послов с грамотой: «Дарий, царь над царями, великий, сильный гордостью и земною славою, равный богам небесным, вместе с солнцем от востока и до запада сияющий. Весть ушей моих достигла, сын Филиппов, что всю Элладу захватил ты и до великого Рима дошел, всех западных царей покорил и подчинил их себе до конца, и до Океана-реки дошел, и не только этим не удовлетворился, но и нижнюю Варварию, и Ефиопию, и все западные страны, подвластные моему царству, поколебал, и много богатств взял, и этим еще недоволен, на мои земли Азию и Фригию пришел с подобными тебе разбойниками-македонянами и отроками. Забыл служение подвластное; от персидского царства все земные цари зависимы. Доволен будь в отечестве своем находиться, Элладою обладать. Оставляем за тобою положенную дань, которую отец твой царству моему приносил. И этим милость тебе оказываю — за неизочтенное твое ничтожество и за безмерную твою наглость, которую с подобными тебе разбойниками проявил. Если же этому не покоришься, то с силою персидскою пойду на тебя, и мечом моим казню тебя, и не сможет тебя вся вселенная от меня укрыть».

Принял Александр грамоту, прочел ее и тотчас разорвал, и с гневом повелел посла на дереве распять, а иным головы

отсещи повелѣ. Македоняне же приступльше к нему и рекоша: «Царю Александре, не подобаеть ти посла убити». Он же к нимъ рече: «Не ко царю послани суть, но к разбоинику и гусарю». И се рекъ половину их пусти к Дарию и к нимъ рече: «Не зазираите мене о семъ, но царю вашему ругаитеся, азъ бо царя его имам, а он мене разбоиника нарече; да егда вас к разбоинику послалъ есть, тогда вамъ главы отсѣклъ есть; царь бо посла никогда не убивает, да вы к разбоинику пришедше погинули есте. Азъ же не яко разбоиникъ, но яко царь живот вамъ дарую». Они же к нему рекоша: «Аще нас убиеши, царю Александре, самъ себѣ дѣлом разбоиника наречеши. Дарию же малу тщету нанесеши, закон же царьскии нами разориши, но умилися о нас, доволни бо есми имя твое в Персиде прославити». О семъ слове Александръ умилися и к Дарию их с листом посла: «Александръ царь Дарию, перьскому царю. Листъ твои приимъ и писания твоя в нем прочтох и благодарих, понеже не бѣ в немъ царского устава, ни подобия. Ты претиши нам, како западныя царства приемше разорили есми. Вѣдомо да есть ти, яко всякъ человѣкъ ищетъ от нижних на вышняя преити и взыти, и се мы разумѣвше, на западе прияли есми и на востокъ идемъ. Ты претиши намъ, глаголя: «Вся вселенная полна есть имени моего и не может тебѣ укрыти и всѣхъ македонянъ», их же гусари наречеши. Ты велиши нас бити и ухватити, а мы к царству твоему сами идемъ. Да аще нас младых и крѣпких мниши быти, но паче камени адаманта твердѣиши явимся тебѣ, паче перцовых зернъ лютѣиши, государие всему твоему наречешся. На великии промыслъ надѣемся, ему же ты противишися равен быти. Но не утаися в персехъ, противу насъ изыди. Сут бо жены украшены с тобою, македоняне же суть лвове неутолимии, волею своею смерть за живот купуют». Дарии же листъ Александровъ прочет, ярости и гнѣва наполнився, рече к послу, иже бяше ходилъ ко Александру: «Коего возраста есть Александр, каков умомъ есть, явите ми, и коего лѣта рождение его, колика воиска у него есть». Они же рекоша к нему: «Лѣта есть нынѣ тридесятнаго, ум же многолѣтенъ в немъ есть, красен же и храбръ есть зело и судитъ право, мудрость же его по листомъ познаи, царю, воиска же с нимъ видѣхомъ пятсоть тысяч. Премудрыи же Соломан в книгах своихъ пишет: «Посмеяния устъ и поглядание очию, поступанию ногамъ возвещаетъ еже о мужи». Дарии же все во умъ приимъ и рече: «Воистину сии суть великихъ цареи белези, но сему не мню истинну быти». Повелѣние же по земляхъ своих и странах расписати повелѣ — на поле Сенар воиску собирати повелѣ, идѣже языцы столпъ создали, бяху боящеся втораго потопа нашествия. Ту языкомъ размешение бысть, ту воиску собиратися повелѣ.

отсечь. Македоняне же приступили к нему и сказали: «Царь Александр, не подобает тебе посла убивать». Он же им ответил: «Не к царю посланы они, но к разбойнику и бандиту». И половину из них отпустил к Дарию, сказав им: «Не меня осуждайте за это, но царя вашего вините, ибо я царем его считаю, а он меня разбойником назвал; когда вас к разбойнику он послал, тогда вам и головы отсек; ибо царь посла никогда не убивает, а вы, к разбойнику прийдя, уже погибли. Я же не как разбойник, но как царь жизнь вам дарю». Они же ему сказали: «Если нас убьешь, царь Александр, сам себя на деле разбойником явишь. Дарию малый убыток нанесешь, закон же царский нами нарушишь, смилуйся над нами, мы же имя твое в Персиде прославим». И Александр смиловался, и к Дарию их с грамотою послал: «Александр-царь Дарию, персидскому царю. Грамоту твою получил, и писания твои в ней прочел, и благодарен, хотя не было в ней ни царского устава, ни подобия. Ты обвиняешь нас в том, что западные царства, покорив, мы разорили. Да будет тебе известно, что всякий человек хочет от нижних к высшим перейти и возвыситься, и мы, понимая это, западные земли покорили, и на восток идем. Ты же угрожаешь, говоря: «Вся вселенная полна имени моего и не может тебя укрыть и всех македонян», которых ты разбойниками называешь. Ты велишь нас разбить и схватить, а мы к царству твоему сами идем. Ты считаешь нас молодыми и крепкими, а мы тверже камня адаманта окажемся для тебя, лютее зерен перца, и государями над всем твоим станем. На великий промысл надеемся, которому ты противишься, желая равным ему быть. Но не скрывайся среди персов, против нас выходи. Твои персы — жены украшенные, а македоняне — львы неутолимые, добровольно своею жизнью жертвуют». Дарий же грамоту Александра прочел, яростью и гневом наполнился и сказал послу, что ходил к Александру: «Каков возрастом Александр, каков умом, скажите мне, и когда родился, и сколько войска у него?» Они же сказали ему: «Лет ему сейчас тридцать, ум же его многолетен, красив он и храбр весьма и судит справедливо, мудрость его по грамоте познай, царь; войска с ним видели пятьсот тысяч. Премудрый же Соломон в книгах своих пишет: «Смех уст, и взгляд, и поступь ног сообщают о муже». Дарий обдумал все это и сказал: «Поистине это знамения великих царей, но не верю, чтобы это было истинно». Повеление же по землям своим и странам отправить приказал: на поле Сенар войско собрать, где народы столп создали, боясь второго потопа. И тут, где разделение народов было, войску своему собраться повелел.

Во Иерусалим же и во Египет писа листъ, глаголя: «Не передаваитеся Александру, татеви и гусарю, аз бо силою перскою изручю васъ».

ШЕСТВИЕ ТВОРЯ КО ИЕРОСОЛИМУ

Александръ же earlierъ воя своя, во Июдеискую землю и на евреиское царство во Иеросалимъ отъиде. В то же время обладаше евреисками сонмищи и иеросалимскимъ царством пророкъ бога Саваофа именемъ Еремея. И к симъ царь Александръ посла пусти с листом: «Александръ, царь над цари, сынь Филиппа царя и царицы Алимпияды, ко обретающимся началником евреиского царства. Да есть вамъ, яко сотворилъ мя богъ вышнии царя паче всѣхъ царь в роде моемъ и вся западную страну и Рим приимъ, да вас доидох. Аще угодно есть вамъ мнѣ поклонитися и самѣмъ на отеческих законех быти и отчину и землю без боязни держати, и вѣстника ко мнѣ с словомъ пошлите и дани воиску моему пошлите». Се же слышавше евреискии сонмъ молвою великою одержими бываху, листъ же Александровъ *прочетше,* вѣстника ко Александру послаша с листомъ: «Евреискии сонмъ бога Саваофа людие, живущеи во Иеросалиме, Александру царю радоватися. Елико повѣдалъ еси намъ, с радостию увидѣхомъ. Вѣдомо да есть царствию твоему, яко отнелѣ же преидохом Чермное море, ни единому повинухомся царю, но водимы есми рукою высокою и мышцею непобедимою Саваофа бога. Се же напослѣдокъ времен разгнѣвавшуся на ны великому богу, поработи нас Навходоносору, царю перьскому. Много же лѣтъ в порабощении быхомъ и паки возвратившееся во свою землю и нынѣ есми подручни перскои десницы, еи же вся вселенная подручна есть. Аще ли тебѣ предадимся, нынѣ или утро Дарии пришед, вся красная земли нашеи разрушит. Аще ли Дария победиши и острию мечю перскому притупиши, во Иеросалимъ с миром прийдеши и царь всеи вселеннеи от евреи наречешися, аще ли Дария не победиши, во Иеросалимъ невозможно ти внити». Евреи же единого с листомъ послаша ко Александру. Александрь же листь прочетъ и другии отписа к ним, рече: «Александръ, царь над цари, всѣмъ живущим во Иеросалиме пишу. Елика писасте ко мнѣ, ту познахъ. Не подобает вамъ, людемъ бога живаго, подручным быти человѣку идолослужителю. Да не задержав, ко мнѣ дани принесите. Азъ бо, не поклонився богу во Иеросалиме, на бои к Дарию не поиду. Вѣдомо да есть вамъ, яко Дариевы десницы напрасно избавити вас хощу». Вѣстника же евреиска *отправи,* а самъ ко Иеросалиму поиде. Пророкъ же Иеремѣя пришествие его слышав, совѣтъ сотвориша со иеросалимляны: «Добро есть,— рече,— намъ Александра пустити во град.

В Иерусалим же и в Египет написал грамоту: «Не предавайтесь Александру, вору и разбойнику, ибо я силою персидской выручу вас».

ПОХОД К ИЕРУСАЛИМУ

Александр же, взяв войско свое, в Иудейскую землю, в еврейское царство к Иерусалиму пошел. В то время владел еврейским народом и иерусалимским царством пророк бога Саваофа по имени Иеремия. И к ним отправил царь Александр посла с грамотой: «Александр, царь над царями, сын Филиппа-царя и царицы Олимпиады, к нынешним начальникам еврейского царства. Знайте, что бог вышний сделал меня выше всех царей в роде моем, и, всю западную страну и Рим покорив, я до вас дошел. И если хотите вы мне подчиниться, и отеческие законы сохранить, и отечество и землю без боязни держать, то вестника ко мне с ответом пришлите, а войску моему — дани». Услышав это, еврейский народ был в сомнении великом; послание Александра прочтя, вестника к Александру послали с грамотой: «Еврейский народ, бога Саваофа люди, живущие в Иерусалиме, Александра-царя приветствуют. Что нам сообщил ты, с радостью мы узнали. Да будет известно царствию твоему, что с тех пор как перешли мы Красное море, ни одному не повиновались царю, но водимы рукою высокой и мышцею непобедимой Саваофа-бога. Но в последние времена, когда разгневался на нас великий бог, поработил нас Навуходоносор, царь персидский. Много лет мы в порабощении были и снова вернулись в свою землю; и ныне подвластны персидской деснице, ей же вся вселенная подвластна. И если тебе предадимся, то сегодня или завтра Дарий, прийдя, все блага земли нашей разрушит; если же Дария победишь и острие меча персидского притупишь, то в Иерусалим с миром придешь и царем всей вселенной евреями назван будешь. Если же Дария не победишь, то в Иерусалим не войдешь». Евреи одного из своих с грамотой послали к Александру, Александр грамоту прочел и другую написал к ним: «Александр, царь над царями, всем живущим в Иерусалиме пишу. Что написали вы мне, я узнал. Не подобает вам, людям бога живого, подвластными быть человеку-идолопоклоннику. Не медля, дани ко мне принесите. Ибо я, не поклонившись богу в Иерусалиме, на бой с Дарием не пойду. Знайте, что от Дариевой десницы избавлю вас». Вестника еврейского отправив, к Иерусалиму пошел. Пророк же Иеремия, о приходе его услышав, совещался с иерусалимлянами: «Нужно нам Александра пустить в город.

Видѣхъ бо в нощь сию во снѣ пророка Данила глаголюща ко мне: «Се грядет к вамъ, о нем же азъ древле прорекох, иже бо от персь пострадахомъ, сии Александръ возмездие нам платити имаетъ». Се же людемъ угодно явися. Александрь же в ту нощь видѣ сонъ: явися ему пророкъ Иеремѣя во одеянии архиерея Аарона и рече ему: «Александре, поиди во Иеросалимъ и ту поклонися богу Саваофу, и поклонився ему, на Дария иди и сего победивъ, персомъ государь наречешися». Александрь же, от сна воставъ, властелем своим сонъ исповѣда и ко Ерусалиму поиде. И приближившуся ему ко граду, слышав же сего пророкъ Иеремѣя, всякому дыханию на срѣтение царю поити повелѣ. Сам же во одежи архиереискои со свещами и с кадилницами стрѣтоша и покадиша. Александръ же, видѣвъ пророка Иеремѣю, и ко властелемъ своимъ рече: «Сего пророка видех в сию нощъ». И тако Александръ ссѣдъ с коня и поклонися ему до земли и целова ризы его. Пророкъ же Иеремѣя покадивъ его и благослови и за руку имъ его въ церковъ введе, Святая Святых, поклонитися, юже созда Соломан царь. Александръ же вопрошаше пророка: «Возвести ми, в коего бога вѣруете?» Пророкъ же рече ему: «Во единаго бога вѣруемъ, иже небо и землю сотворил и вся видимая и невидимая, иже око не видѣ и ухо не слыша, ни на сердце человѣку не взыде». О семъ Александръ удивися и рече: «Поистинне велику богу раби есте вы; да вѣрую аз в него, исповѣдую, дѣла бо его яве творитъ; дарую ему дани, иже от вас взял бых яко от прочих языкъ; богъ вашъ во мнѣ да будет и миръ его со мною да будет». Взем же пророкъ злата много с людми града того и сии ко Александру принесоша. Он же не восхотѣ взяти ничто же, но вмѣсто дара дасть богу Саваофу. И се рекъ, отъиде от земли еврейские, восхотѣ поити ко Египту. Проводи же его пророкъ Иеремѣя до полудни и сказа ему пророчество Данила пророка, иже преже бѣ, ко Александру рече: «На помошъ призываи бога Саваофа и силу перьскую победити имаеши и всему от востока и до запада царь наречешися, егда вся си совершиши, тогда и близу рая доидеши и ту человѣки наидеши, и жены есть от женъ Адамовых, согрешениемъ не живут, дебелостию плотьскою обременении же, яко же и мы, но мирно нынѣ како живут, близу аггельскаго жития; сии блажени от бога наричутся. Сих же увидиши, Александре, вся, иже о возвращении твоемъ, пророкуть ти». И паки рече ко Александру: «Не остави нас в жалости, возми нѣчто от нас любве ради». Александрь же к нему рече: «Яко же велиши, святыи отче, да сотворю». И повелѣ пророкъ принести камень лихнитарии, на нем же бѣ вписано имя бога Саваофа, его же на гельме ношаше Исусь Навгинь, егда на бои хождаше на иноплеменники. Повелѣ ему принести меч Голияда иноплеменника, его

Видел я ночью этой во сне пророка Даниила, сказавшего мне: «Вот идет к вам тот, о ком я давно пророчествовал, ибо от персов мы пострадали, Александр же возмездием за нас воздаст». И это народ одобрил. Александр же в ту ночь видел сон: явился ему пророк Иеремия в одеянии первосвященника Аарона и сказал ему: «Александр, иди в Иерусалим, и там поклонись богу Саваофу, и, поклонившись ему, на Дария иди; победив его, государем персов станешь». Восстав ото сна, Александр вельможам своим сон рассказал и пошел к Иерусалиму. Когда же он приблизился к городу, услышавший об этом пророк Иеремия всему живому навстречу царю пойти повелел, сам же, в одеждах первосвященника, со свечами и кадильницами встретил его и покадил. Увидев пророка Иеремию, вельможам своим Александр сказал: «Этого пророка видел я этой ночью». И Александр сошел с коня, поклонился ему до земли, и целовал ризы его. Пророк Иеремия покадил его, и благословил, и, за руку взяв, в храм ввел, поклониться в Святая Святых, что создал царь Соломон. Александр спросил пророка: «Скажи мне, в какого бога веруете?» Пророк же сказал ему: «В единого бога веруем, который небо и землю сотворил и вся видимая и невидимая, что око не видит, и ухо не слышит, и на сердце человеку не приходит». Александр удивился и сказал: «Поистине великого бога вы рабы; да верую и я в него и исповедую его; ибо явны дела его; даю ему в дар дани, которые от вас взял, как и от прочих народов, бог ваш во мне да будет и мир его со мною да будет». Взял пророк Иеремия с людьми города того много золота и принесли его к Александру. Он же не захотел ничего взять, но в дар принес богу Саваофу. И, сделав это, пошел из земли еврейской, собираясь отправиться к Египту. Пророк Иеремия провожал его до полудня и передал ему пророчество пророка Даниила, что было прежде, и еще сказал Александру: «На помощь призывай бога Саваофа — и силу персидскую победишь, и всему от востока до запада царем станешь, и когда все это совершишь, тогда дойдешь до места, близкого к раю, и там людей найдешь и жен, что от жен Адамовых, живут без согрешения, хотя и плотью обремененные, как мы, но спокойно, близко к ангельскому житию; они блаженными от бога называются. И когда их увидишь, Александр, они все о возвращении твоем скажут тебе». И еще сказал Александру: «Не оставь нас в печали, возьми что-либо в знак любви». Александр же ему сказал: «Как ты велишь, святой отец, так и сделаю». И повелел пророк принести камень лихнитарий, на котором написано имя бога Саваофа; его на шлеме носил Иисус Навин, когда на бой ходил с иноплеменниками. Повелел ему принести меч Голиафа, иноплеменника, которого

же на рати уби пророкъ Давидъ, царь евреискии; повелѣ ему принести гелмъ Самсона силнаго со змиевыми ногты и копие Самсоново и оружие его, ему же ни едино настояще оружие, ни желѣзо; принесоша ему щитъ от анта гвоздия, его же разбити ни едино желѣзо можетъ, иже бяше был Атана, сына Саулова. Гражане же дароваша его и даша сто тысяч купль микдал и конеи 200. И тако благослови его пророкъ и самъ Александру рече: «Не к тому, Александре, землю свою видиши». И отпусти его с миромъ. Александръ же во Египет отъиде.

О ПРИХОЖЕНИИ КО ЕГИПТУ

Египтяне же прямо ему на бои готовляхуся, не хотяще повинутися Александру. Он же с своими вои оступи около града Египта, крѣпко рвати повелѣ. В то же время зноеве бяху велицы. Езеро же близъ Египта быстро и студено бяше велми. Царь же Александръ от безмѣрнаго зноя прохладитися восхотѣ, окупася и превзя его водная студенъ естественую доброту и в немошъ в велику впаде. Египтяне же немошъ Александрову слышавше, лукавьствие сотвориша. Листь скоро сокровенно ко Александрову врачю писаше Филиппу: «Великии врачю Филиппе, Александра аще врачебнымъ былием умориши, ты всему Египту царь будеши». Филип же сий листь приимъ, много смѣяся и раздра и к нимъ листь отписа: «О безумнии и несмысленнии послове египетьстии, аще бы царствию вашему хотѣлъ бых, скоро бы Александръ мои дал бы мнѣ; многая силна и болша царствия вашего, иже мечемъ своимъ приял — царствия вся си аз ни во что же вмених, преобидѣхъ и презрѣхъ, Александра же единаго изволих имѣти паче всѣхъ царствии земских и богатьств, вес бо миръ не достоинъ ни единому власу, отпадающу от главы его. Вѣдомо да есть вамъ, яко Александръ здравъ есть, но хитрость вамъ творимъ, яко невѣрьствие ваше искусити. Заутра же его увидите на великомъ конѣ здрава ѣздяща и весела». Сеи листь египтяне видѣвше и убояшася и ко Александру листь таино писаша: «Вѣдомо буди царствию твоему, великии Александре, яко Филип, врач твои, ядовитым зелием уморити тя хощет, за невѣрие живота своего, невѣрен бо ти есть». И листъ ко Антиоху принесоша, Антиох же ко Александру принесе. Александръ же листъ прочетъ и в руцѣ своеи держаше и в тои час Филипъ врачь прииде, кубокъ полон нося зелия растворена, и ко Александру глаголя в таинѣ: «Александре царю, сие зелие пивъ, исцелѣеши от немощи». Восстав же Александръ, в руце кубокъ приемъ, прослезися и рече к Филипу: «Любимыи мои Филипе, велико мнѣ сие пиво пити». Филип же к нему рече: «Пии, царю, не сумнися,

в бою убил пророк Давид, царь еврейский; повелел ему принести шлем Самсона сильного со змиевыми когтями, и копье Самсоново, и оружие его, которому никакое оружие не противостоит, ни железо; принесли ему щит из металла анта, который разбить не может никакое железо, прежде он был у Атана, сына Саулова. Горожане подарили Александру сто тысяч мер миндаля и двести коней. Благословил его пророк и сказал Александру: «Не увидишь больше, Александр, своей земли». И отпустил его с миром. Александр же в Египет пошел.

О ПРИХОДЕ В ЕГИПЕТ

Египтяне же против Александра к бою готовились, не желая ему покориться. Осадив город Египет со своим войском, он во всю силу воевать с ними повелел. В то время зной был сильный; озеро же близ Египта было быстрое и холодное. И царь Александр от чрезмерного зноя прохладиться захотел, искупался, и превозмог холод воды его природное здоровье, и он заболел. Египтяне же, услышав о болезни Александра, коварство учинили: быстро написали тайное письмо к врачу Александра Филиппу: «Великий врач Филипп, если Александра врачебным зелием уморишь, царем всего Египта будешь». Филипп же, получив письмо, много смеялся и, разорвав его, так отписал им: «О безумные и несмысленные послы египетские, если бы царства вашего захотел, то скоро Александр дал бы его мне; много сильных и больших вашего царств он мечом своим взял — царства все эти я счел за ничто, пренебрег ими и презрел их, Александра предпочтя всем царствам земным и богатствам, ибо весь мир недостоин одного волоса с головы его. Знайте, что Александр здоров, а это — хитрость, чтобы коварство ваше испытать. Завтра же увидите его на великом коне ездящим, здоровым и веселым». Получив это письмо, египтяне испугались и написали к Александру тайное письмо: «Да будет известно царствию твоему, великий Александр, что Филипп, врач твой, не уверенный в своей жизни, ядовитым зелием уморить тебя хочет,— неверен он тебе». И это письмо к Антиоху принесли, Антиох же Александру принес. Александр письмо прочел и в руке своей его держал, и в это время Филипп-врач вошел, неся кубок, полный растворенного зелия, и Александру тайно говорит: «Царь Александр, это зелие выпив, избавишься от болезни». Встав, Александр в руку кубок взял, прослезился и сказал Филиппу: «Любимый мой Филипп, хорошо ли мне это пить?» Филипп же ему ответил: «Пей, царь, не сомневайся,

полезно ти будетъ, от немощи исцелѣеши». Александръ же еще к нему рече: «Не на ползу ми даеши сие пиво, Филиппе». Филип же цареву сумнинию проразумѣвъ, ваемъ кубок, половину испивъ. Царь же видѣвъ к Филипу рече: «От руки твоея мнѣ смерть сладка есть». И се ваемъ царь испии, Филипу же листъ египетъскии дасть. Филип же прочетъ листь, главою покивавъ и много проплакавъ рече Александру: «О великии царю Александре, на главѣ твоеи всѣхъ цареи земских главы висятъ; да аще сие хотѣлъ быхъ сотворити, твоея главы падением вся вселенная поколебати. Вес бо миръ не достоинъ единому власу падающу от главы твоея, тебе убивъ, которому царю назваться бых рабъ; на лутче бы мнѣ живу в землю внити, нежели твоею смертию весь миръ поколебати». Александрь же рече: «Врачь царя не убиваетъ, вѣра бо велика в немѣ». И се рекъ, ляже спати весь день до вечера. Возбодився сяде с македоняны и много веселився. И всю нощъ покоино спав. Заутра же повелѣ воиску вооружатися, и со всѣх странъ ко граду напрасно повелѣ итти, и пушек сто поставити повелѣ около града и бити во градъ. И много людеи во граде избиша. Бяше же видети стрѣлы летяща во град яко облакъ, египтяне же чрез день не можаху глядити, из града великими гласы начаша вопити: «Помилуи нас, царю Александре, старъ убо от нас отшел еси и паки пришел еси к намъ младъ».

Александрь же египтян вопрошаше: «Како от вас старъ отидохъ и младъ к вамъ приидох, скажите ми?» Они же отвещавше: «Нектанава царя имѣхомъ, ему же еси сынь ты, отходя от нась писмо свое остави у нас. Написано так: «Отхожу от васъ старъ и прииду к вам младъ; се будет пришествия моего бѣлѣгъ — егда ко образу своему прииду и поклонюся, иже на столпѣ средѣ Египта стоит, тогда венецъ от руки его спадет». Александръ же слышав, поиде во Египетъ и къ столпу прииде, и приступль ко образу его, и урвася венецъ з главы образа на Александра. И ту Александръ повелѣ сотворити 4 столпы великии, на единомъ столпѣ повелѣ себе во злате сотворити, на второмъ столпѣ повелѣ Птоломия воеводу создати, на третем же Антиоха, на четвертом Филона храбраго повелѣ сотворити, всѣх же к востоку зрѣти сотвори. На Нектанавов же столпъ Александръ вшедъ, по Египту погляда, высок бо бѣ велми, и повелѣ разбити всего. Врача Филиппа царя граду Египту сотвори. Сам же во Египте сокровище многих цареи первых обрѣте.

Сему же бывшу вѣстники приидоша ко Александру царю, глаголяще: «Вѣдомо да есть ти, царю Александре, Дарии, великии царь перскии, со всѣми восточными силами на Ефратъ реку прииде». Александръ же слышав и воя своя вся собра, къ Ефрату рецы идяше. Ефрата же реки не дошел,

полезно тебе будет, избавишься от болезни». Александр ему говорит: «Не на пользу даешь мне это питье, Филипп». Филипп, сомнение царя поняв, взял кубок и выпил половину. Царь, увидев это, сказал Филиппу: «От руки твоей мне смерть сладка». И, взяв кубок, выпил, а Филиппу письмо египетское дал. Прочел Филипп, головою покачал и, много плакав, сказал Александру: «О великий царь Александр, от головы твоей всех царей земных главы зависят; да если бы я сделал это, твоей головы падением вся вселенная поколебалась бы. Но весь мир недостоин волоса, падающего с головы твоей; тебя убив, какому царю стал бы я рабом! Лучше мне живым в землю сойти, чем твоею смертью поколебать весь мир». Александр же ответил: «Врач царя не убивает, велика вера ему». И, сказав это, лег спать и проспал весь день до вечера. Проснувшись, сел с македонянами и много веселился.

И всю ночь спокойно спал. Утром же повелел войску вооружиться и со всех сторон быстро подойти к городу, и сто пушек повелел поставить вокруг и из них бить по городу. И много людей в городе убили. Стрелы летели в город как туча, так что египтяне днем не могли смотреть и начали громко кричать: «Помилуй нас, Александр, старым ты ушел от нас и снова пришел к нам молодым».

Александр же египтян спросил: «Как это я от вас старым ушел и молодым к вам пришел, скажите мне?» Они ответили: «Был у нас царь Нектанав, которому ты сын; уходя от нас, он письмо нам оставил. Написано в нем так: «Ухожу от вас стар и приду к вам молод; вот будет знак моего прихода — когда к статуе своей приду и поклонюсь, той, что на столпе в Египте стоит, тогда венец с руки ее спадет». Александр, услышав это, вошел в Египет и к столпу пришел; когда подошел он к статуе, упал венец с головы ее на Александра. И тут Александр повелел сделать четыре больших столпа, на одном столпе повелел себя в золоте изобразить, на втором столпе — воеводу Птоломея, на третьем — Антиоха, на четвертом — храброго Филона, и чтобы все на восток смотрели. Александр взошел на столп Нектанава, Египет осмотрел, так как очень высок был этот столп, и повелел его разбить. Врача Филиппа царем города Египта сделал. Сам же в Египте сокровища многих прежних царей нашел.

И когда это было, вестники пришли к царю Александру, говоря: «Знай, царь Александр, что Дарий, великий царь персидский, со всеми силами восточных земель на реку Евфрат пришел». Услышав это, Александр собрал все свое войско и отправился к реке Евфрат. Не доходя до реки Евфрат, он

воиско преписати повелѣ и обрѣте 6-сотъ тысячь конных, а пѣших 1000 и 400. Дарии же воиско свое преписати повелѣ и обрѣте 1000 тысяч конникъ и тысячю тысяч пѣших. В тои день лазуку Дариева ухватиша и ко Александру приведоша; и сихъ обѣсити повелѣ, яко да возвесят воиску перьскому число. Они же к нему рекоша, истинну исповѣдаша. Александръ же держити их повелѣ до вечера. И воиску же своему всему повелѣ — всякому человѣку огнь сотворити; лазуку же Дариева на высоку гору возведе и показа имъ воиско, они же видѣвше безчисленное множество огнеи. И тако отпусти их Александръ, рече им: «Законъ есть македоняном, его же на бою хватят, тому главу отсекают и никого же бо оживляют. Да аще з Дариемъ вы на бои не ходите, боле бо человѣку свои живот, нежели всего свѣта имѣние. Царю же вашему рцыте: «Царю ... подобает со царем битися. Егда битися начнем, ищи мене на златои колесницы ездяща межу лвовы знамены, гдѣ видиши позлащены гелмы и типаны парижи, ту есть македоньскии полкъ». И се рекъ, отпусти их. Лазуки же к Дарию царю пришедше, вся сказаша ему, яже видѣша, Александра хваляху много и воиско его повѣдаху много. Дарии же повелѣ имъ языки урѣзати, да бы персомъ не исповѣдали. Сам же на бои воиску повелѣ направити, совѣт же сотвори с вои своими, глаголя: «Не подобно тебѣ самому, царю, на бои поити, Александръ бо гусарь есть, от малых царей есть царь, Дарии великъ на земли паче всѣхъ царей». И се угодно цареви явися Дарию. Дарии же царь великаго воеводу своего Миманда на свое мѣсто устави и рече к нему: «6-сотъ тысячь избранных персъ веземъ, 200 тысячъ ефиопъ, 200 тысяч мидии, 4-ста тысяч пѣших со стрелами и сихъ всѣх возми, Тигръ реку прешед, Александра, сына Филипова, ко царству моему приведи. Аще ли пред тобою побегнет, а ты гони, не остави его, боги прерьскими укрепляемъ». Миманда же воиско веземъ, Тигръ реку прешед, воиску Александрову возрѣвъ, на бои направитися повелѣ. Александръ же перьское воиско видѣвъ, воиску своему повелѣ готовымъ быти, и вседоша на кони вси. Тогда Александрь, собрав воиско свое, рече к нимъ: «О всесилнии и любимии и велемощнии македоняне, елики македоньстии витязи, покровъ и промыслъ великаго бога, его же видѣста, како великии Римъ прияли есми, и западу всему государи назвахомся, и отоки морьстии прияхомъ, Иерусалимъ прияли есми, ту богу небесному поклонихомся и, его помощъ веземше, Египет прияли есми и великаго царя Дария перьскаго дошли есми. Аще сего убием, государи всему его будем, аще ли нас побиет, то вся вселенная пред образом его укрыти не может; лутче бо намъ ныне всѣмъ на бою умрети, нежели пред персы бѣгати; всякому велеумну

повелел войско свое переписать, и было шестьсот тысяч конных, а пеших тысяча четыреста. И Дарий свое войско переписать повелел, и было в нем тысяча тысяч конных и тысяча тысяч пеших. В тот день разведку Дариеву схватили и привели к Александру; он велел их повесить, так как хотел, чтобы они сообщили о численности персидского войска. Они же ему сказали, истину сообщив; Александр велел задержать их до вечера. И войску своему приказал, чтобы каждый воин костер разложил; разведку же Дариеву на высокую гору возвел и показал им войско, и они увидели бесчисленное множество огней. И, отпуская их, Александр сказал: «Закон есть у македонян — кого в бою схватят, тому голову отсекают и никому не оставляют жизнь; поэтому вместе с Дарием вы на бой не ходите, ибо дороже человеку своя жизнь, нежели богатства всего мира. Царю же вашему скажите: «Царю подобает с царем биться; когда начнем битву, ищи меня на золотой колеснице среди знамен со львами,— где увидишь золоченые шлемы и отборных коней, тут и македонский полк». И, сказав это, отпустил их. Разведчики к царю Дарию пришли и все сказали ему, что видели, Александра хвалили много и сообщили, что войско у него огромное. Дарий же велел им языки отрезать, чтобы они этого персам не сказали. А сам велел войску к бою приготовиться и советовался со своими воинами, и сказали ему: «Не подобает тебе, царю, на бой идти, так как Александр — разбойник, из малых царей царь, а ты, Дарий — велик на земле, больше всех царей». И это одобрил царь Дарий, великого воеводу своего Миманда вместо себя поставил и сказал ему: «Шестьсот тысяч избранных персов возьми, двести тысяч эфиопов, двести тысяч мидийцев, четыреста тысяч пеших лучников — и, с ними реку Тигр перейдя, Александра, сына Филиппова, к царству моему приведи. И если пред тобою побежит, то ты преследуй, не оставляй его, богами персидскими укрепляемый». Миманд же, взяв войско, реку Тигр перешел, войско Александрово осмотрел и велел к бою готовиться. Александр, увидев персидское войско, войску своему велел приготовиться, и сели все на коней. Тогда Александр, собрав свое войско, сказал: «О всесильные, любимые, могучие македоняне, вы видели, каков промысл великого бога о македонских витязях и какова помощь его, как великий Рим мы взяли и западу всему государями стали, и острова морские подчинили, Иерусалим покорили, и тут богу небесному поклонились, и, с его помощью Египет завоевав, до великого царя Дария дошли. Если его убьем, государями над всем его будем, если же он нас победит, то вся вселенная нас от него укрыть не сможет; поэтому лучше нам ныне в бою умереть, нежели от персов бежать; всякому многоумному

мужу смерть почтена болши есть, нежели срамныи животъ. Вѣдомо да есть вамъ, яко разбити их имамы, понеже царя их с ними нѣтъ, всяко бо воиско безглавни суть без царя. И зрите ихъ неурядно на бои идущих, сии вскоре бѣгати начнутъ, безглавни суть. Знаите и вы, яко перси овцы наричются, македоняне же волцы суть, пред единем бо волком много бѣгает овецъ. Перси бо погнани суть, а вы своею волею с царем своимъ идете на бои. Молюся вамъ, милая братия, храбро на бои сеи поидѣте, паче иных, колико бо воиско на воиско идетъ, тогда остроту воиска их отнимает». И се рекъ Александръ, на великого коня всѣдъ и гелмъ на главу свою постави и воиско все надвое раздели, самъ в македоньскомъ полку по уставу ѣде. Антиоха и Птоломѣя со двема полки на бои посла. И тако напрасно мечи ударишася, персы же, не могуще македоньскимъ противитися мечем, начаша бѣгати. Александръ же взамѣсь с ними идяше и тако до Дариева окола приспѣша. Дарии же, видѣвъ воиско разбито, на борзого коня всѣдъ, побѣже. Александръ же сихъ разбивъ, мертвых повелѣ вкопати в землю, живых же с честию отпустити, тако рекъ имъ: «Рцыте царю вашему Дарию: «Доволен буди оброки своими, Дарии». Миманда же воеводу Дариева уби. И тако двигъся со околомъ своимъ, Ефрат реку преиде и мосты разметати повелѣ.

Дарии же, перьскии царь, по всеи земли своеи посла, воиску в Вавилоне собиратися повелѣ, и две тысящи тысящей воиска собрав, на Сенарьское поле иде, на Александра. Александръ же много множества видив воиска Дариева и страх на сердцы своемъ имѣяше, сего македоняном не являше. На высокомъ мѣсте ставъ, рече: «О велемошнии мои вои и милии македоняне мои, вѣдомо да есть вамъ, яко всякии бѣгая борзи его гонящаго, единому рыкнувшю лву, мнози умирают звѣри. А намъ узаконися всегда гнати и убивати, персом же узаконися бѣгати и умирати пред нами. Дареи бо велико воиско навелъ есть на нас, не хотѣлъ намъ чести сотворити, убивая многих, *многие* чести достоин есть. А мы Миманда воеводу убихомъ, да аще Дария убием, то безпечални будем. Вси бо с перваго иже боя утекоша, на сии бои не приидутъ». И се рекъ Александръ на бои поиде, имѣя с собою тысячю тысяч вооруженных. И воиску своему смотрѣти повелѣ, иже хто преже боя побѣгнет и сии яко ратникъ без рассуждения умирает.

В ту же ношъ явися Александру пророкъ Иеремѣя во снѣ, глаголя: «Поиди, чадо Александре, без сумнѣния на Дария, с собою имѣя помошника бога Саваофа, *носи же на главѣ своеи камень имѣяще имя бога Саваофа,* его же дах ти во Иеросалиме. Усты же своими глаголи на бои идя: «Единь святъ, единъ господь, небо и землю созда, на херувимех почиваяи, Аданаи, Саваофъ богъ». И сие рекъ, победиши и весь свѣтъ

мужу смерть почетнее, нежели позорная жизнь. Знайте, что мы разобьем их, потому что царя их с ними нет, а всякое войско безглавно без царя. Смотрите, как они неустроенно на бой идут, вскоре они побегут, ибо безглавны они. Знайте вы, что персы — овцы, а македоняне — волки, а от одного волка много овец бежит. Персы ведь идут по принуждению, а вы своею волею с царем своим идете на бой. Прошу вас, милые братья, храбро идите на этот бой, храбрее, чем на иные, ибо когда войско на войско наступает, то воинский пыл противника уменьшается». И, сказав это, Александр на великого коня сел, шлем на голову надел и войско разделил надвое, сам в македонском полку по уставу ехал, а Птоломея и Антиоха с двумя полками на бой послал. И когда сильно мечами ударили, персы, не в силах македонским противиться мечам, побежали. Александр же, смешавшись с ними, шел, и так достигли лагеря Дария. Дарий, видя, что войско разбито, сев на быстрого коня, бежал. Александр, разбив их, мертвых повелел похоронить, а живых с честию отпустить, сказав им: «Скажите царю вашему Дарию: «Довольствуйся оброками своими, Дарий». Миманда же, воеводу Дариева, убил. После этого, подняв свой лагерь, Евфрат-реку перешел и мосты разрушить повелел.

Дарий же, персидский царь, во все земли свои послал повеление войску в Вавилоне собраться и, две тысячи тысячей войска собрав, пошел на Сенарское поле, на Александра. Александр, увидев многое множество войска Дариева и страх в сердце своем имея, не показал его македонянам. На высокое место став, сказал он: «О могучие мои воины и милые македоняне мои, знайте, что всякий бежит быстро, если его преследуют; когда рыкнет один лев, многие умирают звери. Нам стало законом всегда преследовать и убивать, персам законом стало — бегать от нас и умирать. Дарий-царь, приведя против нас большое войско, сам того не желая, нам честь оказал, ибо, победивший многих, многой же чести достоин. Миманда-воеводу мы убили, и если Дария убьем, то не будет нам печали. Все, что с первого боя бежали, на этот бой не придут». И, сказав это, Александр на бой пошел, имея с собою тысячу тысяч воинов. И войску своему объявить повелел — если кто перед боем побежит, тот, как враг, без суда умрет.

В ту же ночь явился Александру пророк Иеремия во сне и сказал: «Иди, чадо Александр, не сомневаясь, на Дария, с тобою помощь бога Саваофа; носи на голове шлем с камнем, на котором имя бога Саваофа, что я дал тебе в Иерусалиме. Устами повторяй, идя на бой: «Един свят, един господь, небо и землю создавший, на херувимах почивающий, Адонай, Саваоф-бог». И, так сказав, победишь, и весь свет

противитися не можетъ». Александръ же видевъ сонъ, радостен бысть велми, смѣло на бои идяше. И со обою страну трубамъ ратнымъ ударившимъ, и воисками двема сразившамся, бѣ видети вопль человѣческии и конскии, звукъ оружныи. Сѣчъ от утра до полудни бывши и персы побегоша, а македоняне за ними три дни и три нощи гнаша, четыреста тысячь их убиша, двѣсте тысяч живых ухватиша и ко Александру приведоша. Александръ же к нимъ рече: «К тому на бои не ходите». Сихъ живых повелѣ пустити. Дарии же в Персипол, градъ столныи свои, утече.

Александръ же поиде к Вавилону. Гражане же вавилонскии за сто верьстъ не даваху Александру ко граду приступити. Таковъ бив Вавиленъ величествомъ, яко рецы Ефрату притекающи в онъ, непреходнеи суще велицеи, идѣже изрядно течаше, ту на конех бродяху. Александръ же выше града с воиском своимъ ставъ, воду же посредѣ воиска своего копати повелѣ, ископавше сице прямо рецы широко. Во едину нощъ вавилоняне жертву велику богом своимъ творяху, вси в храмъ Аполоновъ собрашеся, Александръ же с вои своими в нощи пришед, Ефратъ реку от града в поле отведе и воднымъ путемъ рѣчнымъ с воискомъ своимъ во градъ прииде и, не могии принятися, запалити его повелѣ. Вавилоняне же сие видѣвше, ко Александру вопияху, молящеся: «Помилуи насъ, македоньскии Александре, всего свѣта царю, перьскии государю». Тогда Александръ угасити огнь повелѣ. И тогда поклонишася ему вси вавилоняне и прославиша Александра царя и дары ему дивныя и многоцѣнныя принесоша. Изнесоша злато Дариево, иже бѣ ту 2000 талантъ, и 1000 коней зобных Дариевых, изведоша ему 100 лвовъ во златых чепех, 1000 пардусов ловныих, 100 париж аравитцких, иже паче бяху изрочни всѣх конеи земскихъ, изнесоша ему 2000 блюдъ златых настолных Дариевых, изнесоша ему 10 000 тысяч оружия цѣла со златомъ и бисеромъ многоцѣннымъ, изнесоша ему кубов златых приправленых с различным камениемъ многоцѣннымъ, изнесоша ему збруи коньские от рыбьи кожи, иже желѣзо похватити не можетъ, изнесоша ему одеяние Сескерсена, царя перьскаго, иже бяше сотворено от змиевых очеи со многоцѣнным камениемъ, иже бяше былъ всему свѣту царь, изнесоша ему венецъ Сонхоса царя, изнесоша ему скатерть настолную, иже от самфира камени, Дария, царя перьскаго, егда бо на неи ядяше, николи злосердъ не бываше. Ту Александръ сотвори в Вавилоне 30 днеи.

Дарии же слышавъ, перскии царь, яко взял Александръ Вавилонъ, жалости великия наполнився, рече: «Окаянныи аз, како всего своего лишихся в животѣ моемъ, како боговъ небесных силние явихся, ни человѣкъ земных достоинъ бых, единъ от малых царь силу мою разруши и разори. Окаянныи азъ,

противостоять тебе не может». Александр же, увидев сон, обрадовался и смело пошел на бой. Затрубили трубы ратные с обеих сторон, и два войска сразились, и были крики людей, и ржание коней, и звон оружия. Сечь была с утра до полудня, и побежали персы, а македоняне преследовали их три дня и три ночи, четыреста тысяч их убили, двести тысяч живыми схватили и к Александру привели. Александр сказал им: «Больше на бой не ходите», и повелел отпустить их. Дарий же в Персиполь, столицу свою, убежал.

Александр пошел к Вавилону. Горожане же вавилонские за сто верст не подпускали Александра к городу. Так был велик Вавилон, что река Евфрат в него втекала, непроходимая и большая, и где она протекала, там на конях ее переходили. Александр же выше города по течению ее с войском своим расположился и повелел войску своему копать, и выкопали рядом с рекой широкий ров. В одну из ночей вавилоняне, жертву великую богам своим совершая, все в храм Аполлона собрались, Александр же с воинами своими реку Евфрат от города в поле отвел, и по руслу реки вошел с войском своим в город и, не в состоянии взять его, зажечь велел. Вавилоняне же, увидев это, Александра просили: «Помилуй нас, Александр, царь македонский, всего света царь, персидский государь». Тогда велел Александр погасить огонь. И поклонились ему все вавилоняне, и прославили Александра-царя, и дары ему дивные и многоценные принесли. Вынесли золото Дария — было его две тысячи талантов,— и тысячу коней тучных Дария вывели ему и сто львов в золотых цепях, тысячу охотничьих пардусов, сто коней аравийских, что были лучше всех коней на земле; вынесли ему две тысячи блюд настольных Дария; вынесли ему десять тысяч тысячей доспехов с золотом и многоценным жемчугом; вынесли ему кубки золотые с разными многоценными камнями; вынесли ему сбруи конские из рыбьей кожи, которую железо не берет; вынесли ему одеяние Сескерсена, персидского царя, украшенное змеиными глазами, с многоценными камнями,— он был всему свету царь; вынесли ему венец Сонхоса-царя; вынесли ему скатерть настольную Дария, персидского царя, украшенную сапфиром,— тот, кто на ней ел, никогда в унынии не бывал. И пробыл Александр в Вавилоне тридцать дней.

Дарий же, персидский царь, услышав, что взял Александр Вавилон, печали великой исполнился и сказал: «О несчастный я, всего своего лишился при жизни своей, считал себя богов небесных сильнее, а оказался ничтожнее людей земных, один из малых царей силу мою разрушил и разорил. О несчастный я,

Дареи, честь бо моя первая тихо ко мнѣ посмѣяся, на конецъ горко мнѣ озрѣся. Но поистинне добре есть рекъ: «Сеюще с радостию неправедное, сии с плачем и жалостию пожнут». Великии бо в мудрости евреискии царь Соломонъ в писаниих рече: «Иже с радостию чюжая взимаютъ, то з жалостию своя отдают». Аз убо чюжая веземъ с радостию и своих ныне лишихся з жалостию. Но лутче бы мнѣ на бою от македонян убиену быти, нежели злѣ живу сущу персы царствовати. Персы бо на многа лѣта данъ взимаху от македонянъ, ныне же главами своими македоняномъ платяху». Сие же персы слышавше, царя своего Дария тѣшаху, глаголюще: «О великии царю Дарии, великим кораблемъ велика падения суть, велицы вѣтри колебают великие древа... Тако и царства множествомъ людеи состоитца, яко же и море великими волнами страшно являетца плавающимъ. Да не скорби, царю, о семъ, вчера бо Александръ разбилъ есть, а утро мы побиемъ его, немало бо подвизати имают велемошнии витязи перьстии о своеи отеческои земли».

Яви же ся нѣкии любимыи и милостивыи присный властелин Дариевъ, ту стоя, рече: «Великии царю Дареи, мене миловал еси много лѣтъ и велико добро сотворил еси мнѣ, да я, видав тя печална, ныне животъ свои жалость твою отдамъ, Александра же животом своимъ убию». Дарии же к нему рече: «О любимии мои, здѣлаите ми се. Аще сие сотвориши, Александра убиеши, Персиду всю от напасти свободиши, смерть твоя вмѣсто живота вменитца и мнѣ царство от руки твоея дасться и ты от персь великъ наречешися». И се рекъ, Авис македонское знамение на оружие свое веземъ и во Александрово воиско вниде. Александру оружену ѣздящу и свое воиско переписоваше, Авису же близ его приѣхавшю в македоньскои збруи и ко Александру приближися, Александръ же во оружии стоя. Авис же веземъ меч свои, Александра же по очима хотя ударити и не улучи его и по верху шолома удари и верхъ шолома ссече и космъ верха его яко бритвою устригъ. Александръ же мнѣвъ, яко от своих ему невѣра бысть, и рече: «Не удари мене рука перьская, но удари мя рука македоньская». Авись же повторити хотя, и ухватиша его, и меч у него исторгоша, и шеломъ с него сняша, и ко Александру его приведоша. Александръ же к нему рече: «Кто и откуду еси, человѣче, и какъ тебѣ имя есть?» Он же к нему рече: «Имя ми есть Авис, персянинъ есмь, Дариевъ присныи властелинъ, любовию государя моего обдержимъ есмь, тебѣ убити хотѣхъ животом моим, государя же моего смертию твоею обвеселити хотѣхъ. Но елико могох, тако сотворих, богъ же елико хощет, да творит». Александръ же к нему рече: «О безумныи Ависе, се ты волю государя своего сотворил еси и по твоему изволению ныне умерлъ еси,

Дарий, ибо судьба моя прежде благосклонно мне улыбалась, теперь же смотрит на меня сурово. Но поистине хорошо сказано: «Сеющие с радостью неправедное, с плачем и печалью пожнут». Великий в мудрости еврейский царь Соломон в писаниях сказал: «Кто с радостью чужое взимает, тот в печали свое отдаст». И я чужое взял с радостью и своего ныне лишился с печалью. Лучше бы мне в бою македонянами убитым быть, нежели, бесславно живя, над персами царствовать. Персы многие годы дань брали с македонян, ныне же головами своими македонянам платят». Персы, слыша это, царя своего Дария утешали, говоря: «О великий царь Дарий, великим кораблям и великие падения, великие ветры колеблют великие деревья. Царство из множества людей состоит, как море из больших волн, которыми устрашает плавающих. Не скорби, царь, об этом,— вчера Александр разбил нас, а завтра мы разобьем его, немало потрудятся многомощные витязи персидские для своего отечества».

И пришел некто, любимец его, близкий к нему вельможа, и сказал: «Великий царь Дарий, ты благоволил ко мне много лет и много добра сделал мне, и я, видя тебя печальным, ныне жизнь свою за печаль твою отдам и Александра ценою своей жизни убью». Дарий же ему сказал: «О любимый мой, сделай это для меня. Если Александра убьешь, всю Персию освободишь от беды, то смерть твоя жизнью станет и мне царство рукою твоею дастся; ты же персами прославлен будешь». После этих слов Авис взял македонское вооружение и присоединился к войску Александра. Александр тогда вооруженный ездил, производя смотр войску. Авис в македонских доспехах подъехал близко к Александру; Александр же был в доспехах. Авис вытащил меч свой, собираясь ударить Александра по глазам, но не попал, по верху шлема ударил, и отсек его, и волосы сверху, как бритвой, отрезал. Александр, думая, что это измена от своих, сказал: «Не ударила меня рука персидская, но ударила меня рука македонская». Авис же во второй раз ударить хотел, но схватили его, и меч у него вырвали, и, шлем с него сняв, к Александру привели. Александр спросил его: «Кто ты, и откуда, и как твое имя?» Он же ему сказал: «Имя мое Авис, перс я, близкий к Дарию вельможа; любовью к государю моему объятый, хотел тебя убить и, отдав жизнь мою, государя моего смертью твоею развеселить. Я сделал то, что смог; только бог, что хочет, то свершает». Александр же ему сказал: «О безумный Авис, вот ты волю государя своего исполнил и по своей воле ныне умер,

мене же богу соблюдшу. Ты ныне умерлъ еси, но понеже за государя своего поболѣл еси и главу свою за него положил еси, яко единь от македонян се сотворил еси — от руки моея живот тебѣ дарую, понеже сотворил еси дѣло, иже никто же сотвори нигдѣ. Здравъ ко царству своему поиди и тако ему рцы: «Дарии, перскии царю, его же богъ хранит, того человѣкъ не убивает, его же ли богъ не хранит, того вси руки человѣчи не могут укрыти. И да преломи неуломное свое сердце и царству моему поклонися, дани мнѣ даи, с подручными цари почиваи». Авис же к Дарию пришед, возвести ему, иже сотвори и како Александръ живот ему дарова от руки своея. Дарии же покивав головою и рече: «Елика может, да сотворит, богъ елика хощет, да будет». Ависъ же рече к нему: «Тобѣ ныне всю работу мою меч платих, живот мои от рук Александровы взях. Вся бо, елика сотворил ми еси, нынѣ животом моимъ оплатих тебѣ; яко тобою мертвъ есмь, Александром же живъ есми. Елико могох, то и сотворих, богъ же, его же любит, того и сохранит. Да кланяюся тобѣ, царю Дарии, работати хощу тому, иже животъ ми дал есть». Дарию поклонився, ко Александру отъиде.

Жалостен быв Дарии и рече: «Ему же бози противляются, ему же честь на безчестие преминуетца, того ближнии и любимии его друзи оставляют. Добре бо рече: «Возношение годишнаго кола имаеть *и низношение низко*, да всякии бо возносяися смирится». И се рекъ, Ависа дарова и наказа ко Александру: «Александре царю, не превозносися до конца, всяк бо возносяися смирится вскоре. Сонхосъ бо царь зѣло превознесеся, от дивиих людеи смирень бысть, и аз бо вознесся, от моих смирен бых. Тобѣ аще возможно есть, буди доволенъ оброки своими, аще ли неугодно явится, то лутче есть намъ царством нашим и богатьствомъ смерть получити, яко же неудобно есть мнѣ поклонитися тобѣ, тако и тобѣ неудобно есть поклонитися мнѣ, царь бо царю не кланяется николи же, но единому умершу, другии мирует. Но готов буди на бран... десятыи день иду на тя с останочными персы и с непобедимы индѣяны, бившися с тобою или тебѣ и твоих побиемъ, или с моими на отческои земли нашеи с честию умремъ; и богу о семъ мѣрила права в руку содержащу». И се рекъ Дарии, Ависа отпусти. Авис же ко Александру пришед, вся реченная Дариемъ ко Александру рече. Александръ же покивав главою рече: «О царствии мира ни с ким нѣсть, царство бо велика гора есть и высока зело, иже к вѣрным красна и сладка есть являетца, понеже водами и овошми различными украшено зело, к невѣрным же непреступна, но пристрашна есть. И на красоты ея позирая, неудобь изсѣсти ему мнится, точию аще разумно оправляти сию вѣсть».

меня же бог сохранил. Ты ныне мертв, но поскольку о государе своем заботился, голову свою за него отдал, поступил как македонянин,— рукою своею жизнь тебе дарю, потому что ты совершил подвиг, которого никто и нигде не совершал. Невредимым к царю своему возвращайся и так скажи: «Дарий, персидский царь, кого бог хранит, того человеку не убить, а кого бог не хранит, того все руки человеческие не могут укрыть. Преклони непреклонное свое сердце и царству моему подчинись, дани мне дай и вместе с подвластными царями пребывай в мире». Авис пришел к Дарию и сообщил ему о том, что он сделал и как Александр жизнь ему своею рукою подарил. Дарий, покачав головою, сказал: «Что можем, то делаем, бог же, что хочет, то будет». Авис же сказал ему: «Тебе ныне мечом отслужил всю свою службу, жизнь мою из рук Александровых заново получил. Все, что ты сделал мне, жизнью своей оплатил тебе, и для тебя мертв, а благодаря Александру жив. Что я мог, то и сделал, бог же, кого любит, того и сохранит. Кланяюсь тебе, царь Дарий, а служить хочу тому, кто жизнь мне дал». И, Дарию поклонившись, к Александру ушел.

Опечалился Дарий и сказал: «Кому боги противятся, тому честь на бесчестие заменяется, того близкие и любимые друзья оставляют. Хорошо сказано: «За возвышением в круге времени следует падение, и всякий возвышающийся унизится». И, сказав это, Ависа одарил и так велел передать Александру: «Царь Александр, не превозносись безмерно, ибо всякий возносящийся унизится вскоре. Сонхос-царь весьма превознесся и от диких людей унижен был, и я вознесся и от своих унижен. Удовлетворись своими оброками, если же это тебе не угодно, то лучше нам смерть принять за царство наше и богатство, так как невозможно мне поклониться тебе, так же и тебе невозможно поклониться мне, ибо царь царю не кланяется никогда, но когда один умирает, другой царствует. Но готовься к войне, через десять дней иду на тебя с оставшимися персами и непобедимыми индийцами; в сражении или мы тебя и твоих воинов победим, или с моими на отеческой земле нашей с честью умрем; справедливая мера — в божиих руках». И, сказав это, Дарий Ависа отпустил. Авис же, к Александру прийдя, все это Александру передал. Александр же, покачав головою, сказал: «О царстве нет мира ни с кем, ибо царство — это гора большая и высокая, для верных красивой и сладкой является, потому что водами и плодами различными украшена, для неверных же неприступна и страшна. И тому, кто красоту ее имеет перед собой, кажется невозможным сойти с нее, если знает, как разумно управлять ею».

Александру же в ту ношъ пророкъ Иеремѣя явися с Филинѣсом, иереом Ерусалимскимъ, и рекоша к нему: «Дерзаи, чадо Александре, самъ себѣ посла сотвори, и Дария царя исходи, и вижьдь воиско велико индѣиское, иже ведет Дарии на тя; и сими, юже от сих македоняне имают, исходою своею от сердца избавиши. Аще Дарием увѣданъ будеши, и мы помощию бога Саваофа избавим тя». Встав же Александръ от сна, Птоломѣю и Филону, и Антиоху сонъ свои сказа. И на походе к нимъ рече: «Аще смерть мнѣ тамо случитца, вся земъская царства раздѣлите». Они же с плачемъ держаху его, глаголюще: «Аще сие сотворити мыслиши, то первое всѣмъ намъ главы отсѣцы». Он же к нимъ рече: «Аще божию промыслу годе будет мене убити, а вы не можете мене оборонити. Аще ему годе будет блюсти мя, вси перскии руки не могут мене убити».

И се рекъ, в Персиду поиде яко посол к Дарию и листь понесе к Дарию. Одежу на собе персидьскую ноbackslash-free ся, сверху же его плаш финическии и со аспидовыми роги и со златыми печатми ношаше. Дарии же порастас, сирѣч встрѣчю велику, сотвори, яко бы чюден послу Александрову явился. И тако Александръ вниде и, листь вземъ, Дарию дал и рече к нему: «Государь мои Александръ, царь царемъ, тобѣ, царю перьскому Дарию, мною поручи радоватися. И листь прочетъ, скоро ко мнѣ другии отпиши». Дарии же седяше на нѣкоемъ мѣсте высоком, около его лица ангельская сотворена бяху, ему же яко богу со свещами предстояху. Вся же полата от злата искусна сотворена бяше, столпи же златии и с камениемъ многоцѣннымъ украшени бяху, четыре камени у четырех углех тое полати бяше. Листь же Дарии приимъ, дивляшеся Александрову одѣянию и клобуку. Листь же велегласно повелѣ чести. Персянинъ же нѣкто нача чести, еже умѣяше македонскии слова. И листь же написа сице: «Александръ, царь над цари, сынъ Филиппа царя и царицы Алимпияды, всему свѣту царь вышняго бога изволением. Помниши ли, Дарии, перскии царю, егда дань отца моего от Македонии взимавшу и се умершу, мнѣ же на престолѣ его младу сущу оставшу, понудим бысть ты своимъ нерадным злым обычаемъ мене от царства моего согнати, иного македоняном государя вмѣсто мене сотворити и мене от очинные земли отгонити. Се же видив, божие всевидное око, иже вся бываемая видитъ, всих сердец помышления знаетъ и мѣрами праведными мѣритъ, ныне тобѣ, а заутра мнѣ, ими же судбами государь отечеству моему сотвори мя и царя всему свѣту. Ты млада мя суща повелѣ привести, азъ же в мужество приспѣвъ, самъ к тебѣ пришелъ есмь. Яко же ты всему моему государь хотѣ назватися, тако и аз *днесь господинъ всему твоему назвася. Не тако азъ* немилостивъ, яко же

Александру же той ночью явился пророк Иеремия с Филинесом, священником иерусалимским, и сказали они ему: «Дерзай, чадо Александр, стань сам своим послом, о Дарии-царе разузнай и рассмотри великое войско индийское, что ведет Дарий на тебя; и этим своим осмотром освободишь свое сердце от того, что беспокоит македонян. Если Дарием узнан будешь, мы с помощью бога Саваофа избавим тебя». Восстав ото сна, Александр Птоломею, Филону и Антиоху сон свой рассказал и, уходя, сказал им: «Если смерть мне там случится, все земные царства разделите». Они с плачем удерживали его, говоря: «Если ты это намереваешься сделать, то сначала всем нам головы отсеки». Он же им ответил: «Если промыслу божьему угодно будет, чтобы меня убили, то вы не можете меня защитить. Если же ему угодно будет уберечь меня, то руки всех персов убить меня не могут».

И сказав это, в Персиду пошел послом и грамоту понес к Дарию. Одежда на нем была персидская, а сверху плащ финикийский с аспидовыми рогами и золотыми печатями. Дарий же парастас, то есть встречу великую, устроил, чтобы удивить посла Александрова. Вошел Александр и, взяв грамоту, подал Дарию, говоря ему: «Государь мой Александр, царь над царями, тебе, царю персидскому Дарию, через меня передает приветствие. И, грамоту прочитав, быстро мне другую отпиши». Дарий же сидел на высоком месте, около него ангелы изображены были и перед ним, как перед богом, предстояли. Палата же вся из золота сделана была, столпы золотые были украшены многоценными камнями, и четыре камня в четырех углах палаты были. Грамоту взяв, Дарий удивлялся одеянию Александра и клобуку, грамоту же громко читать велел. И какой-то перс, знающий македонский язык, начал читать. В грамоте было написано так: «Александр, царь над царями, сын Филиппа-царя и царицы Олимпиады, всего света царь изволением вышнего бога. Помнишь ли, Дарий, персидский царь, как ты дань от отца моего, из Македонии, взимал, и когда он умер, оставив меня на престоле своем совсем юным, велел ты, по своему злому обычаю, меня с царства моего согнать, иного македонянам государем вместо меня сделать, а меня от отеческой земли отогнать. Но видя это, божие всевидящее око, которое видит все, что есть, всех сердец помыслы знает и справедливыми мерами отмеряет — сегодня тебе, а завтра мне,— меня государем отечества моего сделало и царем всего света. Ты, когда я был юн, велел привести меня к себе, я же, возмужав, сам к тебе пришел. И как ты над всем моим государем хотел стать, так я теперь господином над всем твоим стал. Не так я немилостив, как

тебѣ мнѣтца быти; но поклони непреклонную свою гордыню и пад, поклонися мнѣ, и дани мнѣ даи, и буди государьствуя персидьцкою землею. Аще ли тебѣ неугодно явитца, ты персомъ государь еси и сим радъ еси заклатися от македоньских мечеи. Буди готовъ со всѣми силами своими на бои въ 15 день на Синарьстеи рецы, со всѣми моими стати имамъ». И сии листь Дарии прочетъ, ко властелемъ своимъ озрѣвся и рече: «Надѣеши ли кто таковое подвиже и таковъ ярости от Македония изыти». Александръ пред нимъ стоя рече: «Не чюдно, аще македоняне всимъ свѣтомъ обладают». Дарии же к нему рече: «За что?» И рече: «Вси бо суть единосерди, и мудрии, и любимии, и храбрии без конца суть, воиско бо сии имѣюще непоколебимо». Велможа же Дариев, ту стоя, рече ко Александру: «Почто тако к великому государю отвещеваеши». Он же к нему рече: «Силнаго государя воленъ посолъ и вѣренъ слуга». И се рекъ, отступи. Дарии же к нему рече: «Буди у нас на вечери, дондеже листъ ко Александру отпишу».

Тако Дарии на вечере сѣде с своими велможи, Александра же на поклискарьскомъ мѣсте посади прямо ему. И ясти поставиша; егда служити начаша, тогда Александръ чашу испивъ в недра скры. Тогда слуга Дарию возвести сие. Дарии же повелѣ другую налити. Александръ же и тую выпив в надра и скры. Един же от велможъ Дариевых ко Александру рече: «Не подобаетъ на царскомъ столѣ седящу тако творити». Он же к нему рече: «У государя моего, Александра царя, первую чашу и другую испивъ, всякии собѣ беретъ». Се же персы слышавше удивишася. Кандаркусь же нѣкто, его же Дареи в Македонию посылал бяше господствовати, с вечеря воставъ, к Дарию рече в таи: «Вѣдомо да есть тебѣ, царю Дареи, яко днесь бози всю волю твою свершиша». Он же рече: «Како?» Кандаркус же рече: «Сии посолъ македоньскии самъ Александръ есть, сынь Филипов». Дарии же, радости наполнився, к нему рече: «Аще сие истинна есть, то аз всему свѣту самодержецъ есми». И тако нача часто обращатися ко Александру тихимъ лицемъ, мнѣ собѣ невѣрну быти, рече: «Всих глава глав не обещаетца на концы». «Аще есть сеи истина не будетъ, чести всее лишюсь у тебе и главу мою мечем отсеци». О сем же Кандаркусу глаголющю, Александръ же тако домыслися, яко преже ухвачения перстеня искаше в тоболе своемъ вольховалного, иже бѣ взялъ в Трои граде в Клеопатре, египецкои царицы, коли бо тои перстен на руку полагаше, тогда невидимъ от всѣхъ бываше. В руку же его веземъ, на перстъ его не положи, хотя Дарие искусити малодушие. Дарии же безмѣрною радостию возвеселися и рече: «Прилична ми тя ко Александру, человѣче, глаголютъ быти». Александръ же к нему рече: «Поистинне, великии

тебе кажется, преклони непреклонную свою гордыню и низко поклонись мне, дани мне дай и будь государем в персидской земле. Если же тебе это кажется невозможным, то ты персам враг и радуешься их убиению от македонских мечей. Приготовься со всеми силами своими на бой в пятнадцатый день на Арсинорской реке, и я со всем своим войском там буду». Эту грамоту Дарий прочел, к вельможам своим обернулся и сказал: «Ожидал ли кто-нибудь такого рвения и такой ярости от македонян». Александр, стоя перед ним, сказал: «Не удивительно, если македоняне всем светом владеют». Дарий же его спросил: «Почему?» И он сказал: «Ибо все они едины сердцами, и мудры, и храбры беспредельно, и войско их непоколебимо». Стоящий тут вельможа Дария сказал Александру: «Как можешь так великому государю отвечать?» Он же ему ответил: «У сильного государя вольный посол и верный слуга». И сказав это, отступил. Дарий же ему велел: «Будь у нас на пиру, пока я грамоту Александру напишу».

На пиру Дарий сел со своими вельможами, а Александра на посольском месте посадил, напротив себя. Поставили еду, и когда начали прислуживать, Александр, выпив из чаши, спрятал ее за пазуху. Слуга Дарию сообщил об этом. Дарий велел вторую налить. Александр же и ту, выпив, за пазуху спрятал. Один из вельмож Дария сказал Александру: «Не подобает, за царским столом сидя, так делать». Он же отвечал ему: «У государя моего, царя Александра, каждый, выпив первую и вторую чашу, себе их берет». Услышав это, персы удивились. Некто Кандаркус, которого Дарий в Македонию посылал господствовать, встав из-за стола, Дарию тайно сказал: «Знай, царь Дарий, что сегодня боги сделали то, что ты хотел». Он же спросил: «Как?» А Кандаркус сказал: «Этот посол македонский — сам Александр, сын Филиппов». Дарий обрадовался и сказал: «Если это правда, то я — всего света самодержец». И стал часто приветливо обращаться к Александру, и, сомневаясь, сказал: «Не станет всех глав глава рисковать своей головой». — «Если это окажется неверным, пусть чести всей лишусь у тебя и голову мне мечом отсеки». Когда Кандаркус это говорил, Александр, опасаясь, что его схватят, стал искать в тоболе своем перстень волшебный, который взял в Трое,— Клеопатры, египетской царицы, ибо тот, кто перстень этот на руку надевал, становился невидимым. И, в руку его взяв, на палец не надел, так как хотел испытать малодушие Дария. А Дарий обрадовался безмерно и сказал: «Говорят мне, что ты похож на Александра». Александр же ему ответил: «Поистине, великий

царю, истинну реклъ еси. Александръ же,— рече,— царь приличности ради любит мя велми. Приличен бо есми к нему, мнози бо мнѣ Александра мняше». Тако Дареи в размышление впаде и не повелѣ его ухватити. Трапезу же ногою ринувъ, ложницу отъиде со свъщами, мысля, како его ухватити. Свѣщи же з Дариемъ отнесоша, Александръ же со властели в великом храме оста и ту стоящу ему во тмѣ и совлече с себе многоцѣнное одѣяние и македоньскую коруну, перстен же волховныи на перстъ возложи. И тако ко вратомъ града притек, и чашу златую из надръ веземъ, и дастъ сторожу, и рек: «Возми чашу сию и держи, Дарии бо царь посла мя стражу нарядити добро». И отвори ему врата. На другая же врата пришед, и другую чашу веземъ, сторожу дастъ, и рекъ: «Возми чашу сию и держи ю, Дарии бо царь послалъ мя еси воеводу призвати к себѣ, да стражу крѣпку утвердити». И тако отвориша ему. Скоро из града же изшед и на великаго коня всѣд, на Арсинорскую реку пред свѣтом приспѣ, и сию реку измершу обрете, и на одну страну преѣде цѣлъ. Ту бо его ждаху воеводы Птоломѣи и с Антиохомъ и Филономъ и любимыи Андигон. Александръ же исповѣда имъ, яже ему в Персиде случися.

Дарии же, в ложницу вшед, 12 велмож своих призвав, к нимъ рече: «Вѣдомо да есть вамъ, яко сии македоньскии посолъ Александръ есть». Они же к нему рекоша: «Аще се истинна есть, бози перстии умилосердишася на нас». Дарии же рече Кандаркусу и Клису, лидоньскому царю: «Александра ухватите». Они же, свѣщи велики веземше, в великом храме его искавше много и о немъ вопрошаху и не обретоша, ко вратом же града текоша и у вратареи вопрошаху о немъ. Вратари к нимъ рекоша: «Два сосуда злата в сии часъ человѣкъ принесль к намъ и здѣ остави, в воиску отъиде, глаголя, яко: «Царь послал мя в воиску стражи нарядити и воеводу призвати». Кандаркусь же лукавьство Александрово позна, 300 добрых конникъ взем с собою, сами на борзы кони всѣдше, на реку Арсинарскую в солнычнои восход приспѣша и обретоша реку растаявшуся. Александра на онои странѣ узрѣша, в недоумѣнии быша, и сумнѣшася, и посрамишася. Александръ же к нимъ рече: «Почто вѣтра гоните, его же не можете сустичи? Не вѣсте ли, македонских конеи и Арсинорская река удержати не может. Но возвратившеся, цареви вашему рцыте: «На чаши твоеи хвалим тя, во дни же сии ищи мне со всѣмъ воискомъ у Арсинарские реки на брезѣ». И се рекъ Александръ в воиско свое поиде. Дариевы же возвратишася и вся ему о Александре возвестиша. Река же Арсинорская всяку нощъ померзаше, на всякии же день розмерзашеся и течаше водою. Дарии же царь Александрово лукавство видѣвъ, жалостно проплакав рече: «Видите ли,

царь, правду сказал ты. И царь Александр ради этого сходства очень любит меня. Похож я на него, и многие меня за Александра принимают». Задумался Дарий и не приказал его схватить. И, оттолкнув стол ногою, в спальню ушел со свечами, обдумывая, как его схватить. Свечи же вслед за Дарием вынесли, а Александр с вельможами в большом зале остался и, стоя в темноте, совлек с себя многоценное одеяние и македонскую корону, а перстень волшебный на палец надел. И, подойдя к воротам городским, чашу золотую из-за пазухи вынул и дал стражу, сказав: «Возьми эту чашу и держи, ибо царь Дарий послал меня стражу привести в порядок». И открыли ему ворота. Ко вторым воротам пришел и, взяв вторую чашу, дал ее стражу, говоря: «Возьми эту чашу и держи ее, ибо царь Дарий послал меня воеводу призвать к нему, чтобы он стражу усилил». И отворили ему. Он же, быстро из города выйдя и на великого коня сев, Арсинорской реки перед рассветом достиг и, найдя эту реку замерзшей, на другую сторону ее благополучно переехал. А тут его ждали воеводы Птоломей, Антиох, Филон и любимый Андигон. Александр рассказал им все, что с ним в Персиде случилось.

Дарий же, войдя в спальню, призвал двенадцать вельмож своих и сказал им: «Знайте, что македонский посол — сам Александр». Они ему ответили: «Если это правда, то боги персидские смилостивились над нами»; и Дарий приказал Кандаркусу и Клису, лидонскому царю, схватить Александра. Они же, взяв большие свечи, искали его в большом зале, и спрашивали о нем, и, не найдя его, поспешили к городским воротам, и у привратных стражей спрашивали о нем; те же им ответили: «Два золотых сосуда сейчас человек нам принес и, здесь оставив, к войску пошел, говоря: «Царь послал меня к войску устроить стражу и призвать воеводу». Кандаркус, обман Александров поняв, триста всадников добрых взял с собою, и на быстрых конях к солнечному восходу достигли реки Арсинорской, но лед на реке уже растаял. Александра же на другой стороне увидели и, посрамленные, остались в растерянности и смущении. Александр же им сказал: «Зачем ветер преследуете, которого не можете догнать? Не знаете разве, что македонских коней и Арсинорская река сдержать не может. Возвратитесь к царю вашему, скажите: «За чаши твои благодарю тебя, в эти дни ищи меня со всем войском на берегу Арсинорской реки». И, сказав это, Александр к войску своему отправился. Посланные же Дарием возвратились и все ему об Александре рассказали. Река Арсинорская каждую ночь замерзала, днем же лед таял, и река текла водою. Дарий, Александров обман узнав, печально плача, сказал: «Видите,

коликим лукавъством прелсти нас сынъ Филиповъ, землю нашу приимъ и царство мое взя. О невѣрная и неуставная чести, тако к человѣком управну сладка являшеся и напослѣдокъ горчаиша яда змиева являшеся».

И к Пору, индинскому царю, листь писа, силен бо бысть велми и любим Дарию бяше 36 языкомъ царь. Листь же Дариевь сицѣ: «Иже в богох богу, всѣмъ царемъ царю, великому индѣискому Пору Дарии перьскии, окаянныи и неволныи, унылыи, радоватися тебѣ пишу. Мною да пришло есть в слух царства твоего от многих, да и малое, елико намъ македонскии отрокъ нанесе. Подручество, еже к намъ имаше, сего некако избѣгъ и нас государьскии наѣха, и вси страны земли моея, до Вавилона града, к своеи земли западнои приложи. И сего перси, не вѣде како, убояшася и противитися не могут ему. Двожды бо с нимъ бихомся и двожды бо нас разби. Да о семъ молюся великому величеству, на нас призри и руку помощи даи. Да третицею на бои изыду к нему или убию их, или от них побежен буду. Вѣдомо да есть вамъ, яко непобедима сила индииска есть; ты же равен богомъ еси. Милостив буди унылым моим молбам, воиско мнѣ пошли, избави мя от лютых и немилостивых македонян. Подобает бо мнѣ поклонитися силному тобѣ царю». Пор же листъ Дариев приим и сии прочет, главою покивав, рече: «Нѣсть на земли радости, иже не приложитца на жалость. Дарии бо нѣколи точен богу бысть, ныне же от македонян гоним бысть». Призва велмож своих и рече им: «4 тысячи тысяч вземше вои и к Дарию на бои на помош идѣте. Александра живаго ко мнѣ приведѣте, жаден бо еси видети отрока того, млада бо и смыслена глаголют его быти». И собравшеся к Дарию поидоша. Слышав же Дарии пришестие их и мало нѣкако от великие скорби в радость прииде. Персом же братися повелѣ и всѣхъ бысть 10000 тысячеи, и на Александра со всѣмъ поиде. Воеводы же индѣиские воиски на Олександра исходу послаша и сих Александровы стражи ухватиша... и ко Александру приведоша. Александръ же их на высоко древо возвѣсити повелѣ, и воиску же своему вооружатися повелѣ, и на бои их урядив, и на Дария поиде, исходником глядати повелѣ. Егда же близ воиска Дариева быша, и тогда Александръ исходники пусти. Исходницы же воеводам Дариевым повѣдаша: «Воиско силно и остро видели есми велми, сердито и борзо идут на бои, не сумнящеся ничто же, вси же оружены быша добрѣ конми, до 4000 тысячеи бяху». Индияне же страхом великим содержими бяху, на бои яко силою водими бяху. И соступившемася двема воискома, солнце от *праха* помрачися, страх же индиян и македонян объятъ. Вкупе и замесившеся вси, единии з другими не знахуся. Вѣтръ же бурныи дохнувъ и начаша сечися, весь день измесишася.

как коварно обманул нас сын Филиппов, землю нашу и царство мое взяв. О изменчивая и неведомая судьба, людям сперва сладкой являешься, а напоследок горче яда змеиного».

И к Пору, индийскому царю, написал грамоту, ибо был это сильный, любимый Дарием царь над тридцатью шестью народами. Грамота же Дария была такова: «Богу среди богов, всем царям царю, великому индийскому Пору — Дарий, несчастный, притесняемый, печальный,— приветствую тебя. Думаю, что достигло слуха царского твоего от многих хоть немногое о том, что нам македонский отрок причинил? Подвластен был нам, но вышел из-под нашей власти, и на нас как государь напал, и все страны земли моей, до Вавилона-города, к своей земле западной присоединил. И персы, не понимая, как это произошло, испугались и противостоять не могут ему. Дважды с ним бились, и дважды он нас разбил. И прошу великое величество — окажи нам милость и руку помощи дай; в третий раз выйду на бой против него и либо разобью их, либо ими побежден буду. Известно вам, что сила индийская непобедима; ты же равен богам. Милостив будь к печальным моим мольбам, войско мне пошли и избавь меня от лютых и немилостивых македонян. Мне же подобает поклониться тебе, сильному царю». Пор, грамоту Дария взяв, прочел ее и, покачав головою, сказал: «Нет на земле радости, что не заменится печалью. Дарий некогда равен богу был, ныне же македонянами преследуем». Призвал вельмож своих и сказал им: «Четыре тысячи тысяч возьмите войска и к Дарию на помощь идите. Александра приведите ко мне живым, ибо жажду видеть этого отрока, молод, а разумен он, говорят». И, собравшись, к Дарию пошли. Услышав об их приходе, Дарий от большой скорби к радости перешел. Персам же повелел собраться, и было их десять тысяч тысячей, и пошел со всеми на Александра. Воеводы же индийского войска к Александру разведку послали, но Александровы стражи ее схватили и привели к Александру. Александр велел их на высокое место возвести, а войску своему приказал вооружиться и, к бою их приготовив, на Дария пошел, лазутчикам же смотреть велел. И когда подошли близко к Дариеву войску, то Александр лазутчиков отпустил. Они же воеводам Дария поведали: «Войско сильное и быстрое видели мы, решительно и быстро идут на бой, не страшась ничего, все вооружены, на хороших конях, до четырех тысяч тысячей их». И охватил индийцев страх, на бой почти принуждением повели их. И когда сошлись оба войска, солнце от праха померкло и страх охватил индийцев и македонян. Вместе смешались все, и одни других не узнавали. Ветер бурный подул, и начали сражаться,— весь день, смешавшись, бились.

Александръ же не могии терпѣти, со заставою своею тысяща тысяч избранных витяз посредѣ ихъ вниде самъ на златои колесницы ѣздя. Индияне же и персы, сего узрѣвше, страхом великим одержими бяху, побегоша.

Дарии же, то видѣвъ, отчаявся, в недоумѣние впаде и, вся остави, побѣже напрасно, сия словеса глаголя: «Окаянныи аз, како небесным подобляхся и земных сподобихся, како всему свѣту царь бых, в моем отечествии не сподобихся умрети». Се ему глаголющу, к Персиполю, граду своему, бежаше, сустигоша же его два велможи, Кандаркус и Аризванъ, присныи и любимыи его властели, единъ от страны, а другии от другои мечи его прободоша и с коня его сорваша, свергше его с коня, едва жива оставиша.

Александръ же единаго воеводу призва, рече: «Ко индиискои и перскои воисце поиди и к нимъ рцы: «Царь вашъ Дарии убиен есть, не мозите бѣгати, но стоите. Аще ли начнете бѣгати, в сии день умрете». И ко индианом глаголетѣ: «Стоите, не боитеся, ко царю вашему съ честию вас отпущу. Аще ли побѣгнете, в сии день умрете от меча». И Селевка посла индияном всимъ конное оружие взяти и иных, живых ко царю их отпусти. Филон же к нимъ рече повелѣние Александрово, они же на землю падоша, поклонишася, знамена же все Поровы, и великии трубы, и кони вся оружия к Филону приведоша; от него прошения приимше, во свою землю отъидоша. На походе же рече к нимъ Филонъ: «Царю своему Пору рцыте: «Буди доволен индииским царствомъ во своеи храброи земли, руки помощи чюжим на македонянъ не посылаи. Вѣдомо да есть тобѣ, Поре, индиискии царю, яко Филон по милости Александрове персомъ государь назвася и сусѣд тобѣ буду». Перси же се слышавше, от инъдиян отдѣлишася и Филону приступиша и сему во Александра мѣсто поклонишася. Елико македоняне добыв радовахуся, яко Александру работати сподобишася.

Александръ же гнаше своим полком до великаго Персиполя приспѣ. И не дошедшу ему до града, види Дария на пути лежаща, мало жива суща, едва дышуща, ко Александру вопияше: «Александре царю, ссѣди скоро, глас мои услыши». Александръ же озрѣвся, рече: «Кто еси ты?» Дарии же рече: «Азъ есми Дарии царь, его же коло годишное до небеса возвыси, се ныне неуставная честь до ада сниде. Аз есми Дареи, иже некогда всему свѣту царь бых, ныне во отечествии моем не сподобихся умрети. Аз есми Дареи, иже от многих тысячь людеи почитаемъ бых, а се здѣ самъ на земли повержен лежу. Да ты, Александре, самовидець был еси мнѣ, от коликие славы отпадох и каковою смертию умираю. Да таковои смерти и ты убоися, не остави мене в праху сем под коньскими ногами умрети; не тако бо ты немилостивъ, яко персы

Александр не стерпел, с отрядом своим — тысячей тысяч лучших витязей — в середину сражающихся сам въехал на золотой колеснице. Индийцы и персы, увидев его, охваченные страхом великим, побежали.

Дарий, видя это, отчаявшись, не знал, что делать, и, оставив все, пустился в бегство, такие слова говоря: «Несчастный я, небесному подражал и земному уподобился, всего света был царем и в своем отечестве не удостоился умереть». И когда он говорил это и к Персиполю, своему городу, бежал, настигли его два вельможи, Кандаркус и Ариzван, близкие к нему и любимые им начальники, пронзили его мечами, один с одной стороны, а второй — с другой, и, сбросив его с коня, едва живым оставили.

Александр же, некоего воеводу призвав, сказал: «К индийскому и персидскому войску пойди и скажи им: «Царь ваш Дарий убит, не бегите, остановитесь. Если же побежите, в сей день умрете». И индийцам скажите: «Остановитесь, не бойтесь, к царю вашему с честью вас отпущу. Если же побежите, в сей день умрете от меча». И Селевка послал к индийцам все вооружение всадников и иных воинов взять и живых к царю их отпустить. Филон передал им повеление Александра, они же, на землю пав, поклонились и знамена Пора, трубы, всех коней и оружие Филону передали; и, мир от него получив, в свою землю пошли. Прощаясь с ними, сказал им Филон: «Царю своему Пору скажите: «Доволен будь индийским царством в своей храброй земле и помощи другим против македонян не оказывай. Да будет известно тебе, Пор, индийский царь, что я, Филон, милостию Александра государем персов стал и соседом тебе буду». Персы, услышав это, от индийцев отделились, к Филону подошли и ему поклонились, как самому Александру. И радовались тому, что Александру служить удостоились, так же как македоняне радовались своей победе.

Александр же со своим полком достиг великого Персиполя. И когда дошел он до города, увидел Дария, лежащего на пути, едва живого; с трудом дыша, он Александру кричал: «Царь Александр, сойди с коня скорее ко мне». Александр, оглянувшись, спросил: «Кто ты?» Дарий же сказал: «Я царь Дарий, которого круг времен вознес до небес, а ныне изменчивая судьба до ада низвела. Я Дарий, что некогда всего света царем был, ныне же в отечестве своем не удостоился умереть. Я Дарий, что многими тысячами людей почитаем был, и вот здесь на земле поверженный лежу. Ты сам, Александр, видел, какой славы я лишился и какой смертью умираю. Такой смерти ты побойся, не оставь меня во прахе под ногами коней умирать; ведь не так ты немилостив, как персы,

немилостиви суть, но вѣмъ тя благоутробна быти и благодателя ко своимъ злотворнымъ; тако бо всим велеумным подобает быти, добро бо рече: «Не воздаи зло за зло, яко да богъ от зла избавит тя». Сие же Александръ слышавъ, Дариевым речем умилися и скоро с коня ссѣдъ и плашъ с себѣ снемъ, Дария покры, македоняномъ же повелѣ на златую колесницу положити его и во град его понести повелѣ. И самъ Александръ насилное древо順 вземъ на рамо и понесе его, и к Дарию рече: «Се тебѣ по достоянию царску честь воздаю; да аще живъ будеши, болши сих узриши, аще ли умреши, тѣло твое по достоянию имам честити царски». И тако двигшеся внутрь града во царскии в него двор внесоша и на златом одрѣ положиша.

Александръ во многоцѣнное одѣяние облечеся и венецъ царя Соломана на главу положи и жезлъ златъ в руку свою вземъ, на престолѣ великом царя Дария сѣде. И тако персы вкупе с македоняны ко Александру приступиша и поклонишася, рекуще: «Многа лѣта Александру, великому, всего свѣта царю, перскому государю». И приведоша пред него перскую царицу со дшерью Роксаною.

И сих видевъ Дарии, и пренеможе душею, и поболѣ сердцем, и много умилися и прослезися, Роксану за руку приимъ, жалостно пригорнувъ к своему сердъцу: «О душе, и сердце, и милыи свѣте очию моею, вселюбезная дши моя Роксана, се тебѣ мужа ненадежнаго от Македонии приведох, не моим хотѣнием, но божиимъ произволением, сего богъ персом господина сотвори и всему нашему государьству и имѣнию. Не тако бо аз напрасно мнѣхъ бракъ твои сотворити, яко же ныне прилучися быти, но вси подсолнычнии цари и князи на веселость брака твоего привести хотѣх и радость твою со многимъ сотворити веселиемъ. Вмѣсто же браков красных многи ныне пролишася крови македоньскии и перскии. И мы, елико могохом, толико и подвизахомся, *богъ же,* ими же судбами вѣсть, нашеи сопротивитися ярости и свою сотвори волю, неутолимии звѣри персы превозносимыми соедна македоняны и от обоих сих вкупе сотворити. И тобѣ повелеваю, дши моя, Александра по достоянию держати и сего яко государя и царя... Приими, Александре, прекрасныи и милыи очию моею свѣте, приими, Александре, единородную дшер мою Роксану, яже в радости велицеи, благодѣствѣ родих, ныне же сию з жалостию великою оставивь, бо во ад отхожю и тамо всегда имам быти, идѣже вси рожении человѣцы на земли. Не будет бо на земли моеи и мнѣ в крове моеи ползы, егда во адово истлѣние отхожу, не имамъ опят возвратитися. И сию яко рабу собѣ приими, аще угодно ти есть, жену собѣ поими, красна бо есть и мудра велми и благородну родителю есть дши». И сию 3-жды целовал, ко Александру приведе. Александръ же со престола воставъ и Роксану за

но знаю, что ты благороден и благодетелем являешься для делающих тебе зло; такими и следует быть всем многоумным, ибо хорошо сказано: «Не воздай злом за зло, и бог от зла избавит тебя». Услышав это, Александр сжалился и, быстро сойдя с коня и плащ с себя сняв, покрыл им Дария, а македонянам велел на золотую колесницу положить его и в город его нести. И сам носилки взял на плечо, и понес его, говоря Дарию: «Вот тебе по достоинству царскую честь воздаю; если жив будешь, больше этого увидишь, если же умрешь, телу твоему по достоинству окажу царский почет». И, войдя в город, в царский дом его внесли, и положили на золотом одре.

Александр облекся в многоценные одеяния, венец царя Соломона на голову надел и, взяв в руку золотой жезл, сел на престоле великом царя Дария. Персы вместе с македонянами к Александру подошли и поклонились ему, говоря: «Многая лета Александру великому, всего света царю, персидскому государю». И привели к нему персидскую царицу с дочерью Роксаной.

Увидел их Дарий, изнемог душою и, болея сердцем, много сожалея и плача, Роксану за руку взял, печально прижав ее к своему сердцу: «О душа, сердце и милый свет очей моих, вселюбезная дочь моя Роксана, вот тебе мужа нежданного из Македонии привел, не по своей воле, но божиим произволением; его бог господином персов сделал и всего нашего государства и богатств. Не таким неожиданным, думал я, будет брак твой, как это ныне случилось, но всей вселенной царей и князей на веселый твой брак привести хотел и радость твою отпраздновать с большим веселием. Вместо же брака красного много ныне пролилось крови македонской и персидской. Мы, что смогли, то и сделали, бог же, известными ему путями, нашей воспротивился ярости и свою сотворил волю, неутолимых зверей-персов соединил с превознесенными македонянами, их обоих вместе свел. Тебе повелеваю, дочь моя, к Александру достойно относиться, как к государю и царю. Прими, Александр, прекрасный и милый свет очей моих, прими, Александр, единородную дочь мою Роксану, которую в радости великой и благоденствии родил, ныне же с печалью великой оставляю, ибо в ад отхожу и буду всегда там, где и все рожденные на земле люди. И не будет в кровных моих на земле мне нужды, так как в адово истление отхожу и не смогу возвратиться. Ее же как рабу прими; если угодно тебе, возьми в жены, ибо прекрасна она, и мудра, и благородного родителя дочь». И, трижды поцеловав ее, к Александру подвел. Александр же с престола встал и Роксану за руку

руку приим с радостию, ея полюби, и любезно целова, и на престоле с собою посади, и венец, з главы своея снемъ, на главу ея постави, и перстень, с руки ея снем, и на руку свою положи. К Дарию рече: «Виждь, господине Дарии, увѣри сердце, Роксана бо до живота царствовати имать». Дари же радостен бывъ велми, Роксане, дшери своеи, рече: «Буди царьствующи в вѣки со Александром, ему же весь *свѣт* недостоин единому власу отпадающа от главы его». И се рекъ, царицу свою за руку приимъ, Александру рече: «Се мати твоея в мѣсто Алимпияды есть». К персом же озрѣвся, рече: «Люби, Александре, персы, вѣрны бо государю своему суть. И жалость моя,— рече,— на радость преложися. Кандарвуша же и Оризвана, убиицы мои, по достоянию их почти». И се рекъ и умре царь силныи Дарии. Александръ же со всѣми силами проводи до гроба с великою честию.

Кандарвуша же и Оризвана призвати повелѣ и к ним рече: «Почто государя своего убили есте?» Они же к нему рекоша: «Смерть его тебе государя сотвори». Александръ же к ним рече: «Аще благодателя своего убили есте, мене ли, чюжаго, не убиете?» И се рекъ, обѣсити их повелѣ, глаголя: «Проклят есть, иже государьскаго убиицу хранит». Пришедъ во градъ, с Роксаною венчася. Роксана же паче всѣхъ женъ земьских краснѣишии не токмо лѣпотою образною, но и душевными добродѣтелми украшена бысть.

Александръ же писал листь к матери своеи Алимпияде в Македонию и наказателю своему Аристотелю: «Александръ, царь над цари промыслом бога вышняго, госпожи и матери моеи, царицы Алимпияде и Аристотелю, моему учителю, пишу радоватися. И се есть седмое лѣто, яко отоидох оттуду, за всих седми лѣтъ не писах вамъ, ни поручихомся, иже в нас. Се же согрешение нѣсть от нас ни от любве сие есть, но, сопротиву великому царю Дарию стоящим нам, и его разбивающе, от него разбиваеми, и о семъ ум свои упразнивше, писати к вам не поспѣхом. Ныне же вѣдомо да есть, яко з Дариемъ 3-жды бившеся и его победихом. Се же персы видѣвше, царству моему поработившеся вси. Дарии же живота изменися, а дшерь свою Роксану вмѣсто дара мнѣ дал есть. Аз же безмѣрную ея красоту видев, жену себѣ понял. Вѣдомо да есть вамъ, отнелѣже женьская любов сердца моего не обняла есть, ни ко мнѣ мысль не нахожаше о вас и о домашних; да отнелѣ же женьскою любовию в сердце устрелен бых, оттоле о мирских мислити начах; ни убо вменях дотоле, гдѣ убити мя хотяху, гдѣ ли убити хотѣхъ. Яко есми здѣ в Персиполи граде великом с Роксаною царицею от персъ славимъ, всеи Персиде царь. И вы о соби пишите к нам и сами в Македонии здрави будите».

взял с радостью,— полюбилась она ему,— и любезно ее целовал, и на престоле с собою посадил, и венец, со своей головы сняв, на ее голову возложил, и перстень, с руки ее сняв, на руку свою надел. Дарию сказал: «Смотри, господин Дарий, и успокой сердце свое, ибо Роксана до конца жизни своей царствовать будет». Дарий же радостен был и сказал Роксане, дочери своей: «Царствуй вовеки с Александром, весь свет не стоит одного волоса с его головы». После этого царицу свою за руку взял и Александру сказал: «Вот мать тебе, как и Олимпиада». К персам обернувшись, добавил: «Люби, Александр, персов, ибо верны они государю своему. Печаль моя радостью заменяется. Кандаркусу и Аризвану, убийцам моим, достойным образом воздай». И, сказав это, умер сильный царь Дарий. Александр со всем своим войском проводил его до могилы с большими почестями.

Кандаркуса же и Аризвана призвать велел и спросил: «Зачем государя своего убили?» Они же ему сказали: «Смерть его тебя государем сделала». Александр им сказал: «Если вы благодетеля своего убили, неужели меня, чужого вам, не убьете?» И велел их повесить, говоря: «Проклят тот, кто убийцу государя пощадит». И, придя в город, с Роксаною венчался. Роксана же, из всех жен земных наипрекраснейшая, не только красотою телесною, но и душевными добродетелями отличалась.

Александр же написал письмо матери своей Олимпиаде и наставнику своему Аристотелю в Македонию: «Александр, царь над царями, промыслом вышнего бога, госпоже и матери моей, царице Олимпиаде и Аристотелю, моему учителю — приветствую вас. Уже семь лет, как я ушел от вас, и за все семь лет не писал вам, не передавал, что с нами. Это согрешение наше не от нелюбви к вам, но потому, что, когда мы воевали с великим царем Дарием, побеждая его или им побеждаемые, ни о чем другом думать не могли и писать вам не успевали. Теперь же узнайте, что с Дарием трижды сражались мы и его победили. Персы, видя это, царству моему покорились. Дарий же умер, а дочь свою Роксану как дар мне дал. Я, безмерную красоту ее видя, взял ее себе в жены. Знайте, что до тех пор, пока любовь к женщине сердца моего не охватила, никогда не приходила мысль о вас и о домашних, а с тех пор, как любовью к женщине в сердце ранен, начал о земном думать; до этого безразлично было мне, меня ли убьют или я убью. Сейчас я в городе Персиполе великом с Роксаною-царицей, персами прославляемый, всей Персиде царь. И вы о себе пишите нам и сами в Македонии здравствуйте».

Александръ же всих македонянъ в свиты перские перемени, персы же в македоньские свиты облече; достояния бо злата многа Дариева изнаиде и всему воиску розда и кони кормити повелѣ имъ. Столпъ же великъ посреди Персиды создати повелѣ; на столпъ же взошедъ, велегласно слышати всѣмъ рече: «Вѣдомо буди всемъ, перси и македоняне, яко аз вся многобожия идольская проклинаю, на серафимех почиваемому поклоняются богу, небо и землю сотворшему, от херувим славимому, и неизреченному, и неисписанному, тресвятыми гласы славимому». И се рекъ: «Боже богом, всѣмъ видимым и невидимым, помошник ми буди, и вся идолы, иже от земля, иже и от моря, ты потреби и искорени». И тако с столпа сниде, имения Дариева осмотри и изнаиде в Персиде злата Дариева: 12 пирга, полна искусна злата, 12 скринии полныих, 20 кубль полныих каменья и бисера, и сему же числа не бѣ; и тысячу тысячеи конеи тучных, лвов, пардусов ловных и соколов взводных 6 сот. И тым всем воиско свое направи и свое воиско преписа и на Перскомъ поли и обрѣте конных оруженных 4000 тысячеи. И в Персиде с Роксаною пребысть, и Селевка в Персиде остави, на Клиса, лидоньскаго царя поиде.

Сии же не хотя ему поклонитися и людие же его свезавше ко Александру приведоша. Толика богатства в него Александръ изнаиде, елико око не види, ни ухо слыша. И се Александръ всему воиску своему отдаде. И тако вси языцы приим, на десную страну воиска поиде до красные земли.

СКАЗАНИЕ О СКОТѢХЪ ДИВНЫХ, О ЗВѢРООБРАЗНЫХ ЧЕЛОВѢЦѢХЪ, И О ЖЕНАХ ДИВИИХ, И О МУРАВЯХЪ, И О ПТИЦАХЪ, И О ЛЮДЕХЪ ДИВИИХ

Александръ же к востоку поиде и тамо обрѣте многи языки безсловесных, скоти бо суть дивии и звѣри человѣкообразни. И по тои земли 10 днеи хожаше и жены обрѣтоша дивии, долги же бяху 3 же сажени всякая, космата же бяху яко свинии и очи же ихъ сияху яко звѣзды. И на воиско Александрово наидоша и много от воиска убиша, дондеже другое воиско прииде; и много женъ тѣхъ убиша безчисленно.

И оттуду 8 днии хожаше и на землю нѣкую песчану дошедше, мравии же в тои земли быша таковыи, яко одна от них коня ухвативши и во утлину утекаху. И ту Александръ соломы носити повелѣ и запалити и мравии згорѣша. И оттуду воставъ, реки доиде, еи же ширина бяше день ходу, и мость на тои рецы сотворити повелѣ, и сего сотвориша за 60 дни и все воиско по тому преиде.

И ту в земли тои люди обрѣте колико локтя величеством, ко Александру приидоша и поклонишася, много меду принесоша

Всех македонян Александр переодел в одежды персидские, а персов — в македонские одежды; золота много у Дария нашел и всему войску раздал; и коней кормить велел. И столп высокий посреди Персиды соорудить велел; на столп взошел и громким голосом всем сказал: «Знайте все, персы и македоняне, что я многобожие идольское проклинаю, поклоняюсь на серафимах почивающему богу, небо и землю создавшему, херувимами славимому, неизреченному и неописуемому, тресвятыми гласами славимому». И сказал: «Бог богов, всего видимого и невидимого, помощник мне будь и всех идолов и от земли и от моря ты истреби и искорени». И со столпа сошел, богатства Дария осмотрел и нашел в Персиде золота Дариева: двенадцать башен, полных чистого золота, двенадцать ковчегов полных, двадцать мер, полных камней и жемчуга, которому не было числа; и тысячу тысяч коней тучных, львов, охотничьих пардусов и соколов подъемных шестьсот. И этим всем войско свое снабдил, и сделал ему смотр на Персидском поле, и оказалось вооруженных всадников четыре тысячи тысячей. И, в Персиде с Роксаной побыв, против Клиса, лидонского царя, пошел, оставив Селевка в Персиде.

Тот не хотел ему покориться, но народ его, связав, к Александру привел. Столько богатства у него Александр нашел, сколько ни око не видело, ни ухо не слышало; его Александр войску своему отдал. И, приняв под свою власть все народы, с войском отправился на восток к лучшим землям.

СКАЗАНИЕ ОБ УДИВИТЕЛЬНЫХ ЖИВОТНЫХ И ЗВЕРОПОДОБНЫХ ЛЮДЯХ, И О ЖЕНАХ ДИКИХ, И О МУРАВЬЯХ, И О ПТИЦАХ, И О ЛЮДЯХ ДИКИХ

Александр на восток пошел и там нашел много бессловесных скотов диких и зверей человекообразных. И десять дней шел по той земле, и жен нашел диких, высотой были в три сажени каждая, косматы, как свиньи, и глаза их сияли, как звезды. И напали они на войско Александрово, многих из войска убив, пока не подошло второе войско; много тогда жен тех убили — бесчисленно.

И оттуда восемь дней шли, и дошли до некой земли песчаной, муравьи в той земле таковы были, что один из них, схватив коня, в нору убегал. И тут Александр велел носить солому и зажечь ее, и муравьи сгорели. И, оттуда отправившись, до реки дошел, ширина ее была — день хода, и мост через ту реку сделать велел, и сделали его за шестьдесят дней; и все войско по нему перешло.

И тут, в земле той, людей нашел величиною в локоть; они к Александру пришли и поклонились ему, много меда принесли

ему и финикъ, тии бо люди птицы нарекаютца. Александръ же градъ созда в земли тои и царя имъ постави от них, и научи их человѣчески жити; землю их за 100 днии едва преиде. Толико бо множество меду принесоша, воиску бо за год доволяше. И Питисово царство прошедше, на поле долго и широко дошедше, езеро бяше на полѣ томъ, вода бо сладка велми и быстро; на краи же ѣзера того образъ человѣчь во златѣ здѣла, стояще, поле же то полно человѣческих костеи. Александръ же на конѣ борзо поѣде ко образу тому и слова греческая на столпѣ томъ написаны изнаиде, имѣюще тако: «Человѣцы, аще кто хощет на востокъ поити, здѣ дошедъ, паки возвратися, ни же бо имаеши дале поити. Аз бо есми Сонхось, иже всему свѣту бых царь и краи земли видети хотѣхъ и с воиском на се поле приидох, и восташа на мя дивни языцы, и воиско мое великое разбиша, и мене на семъ поле убиша». И сия словеса Александръ прочет, убояся, яко македоняне сих не прочтутъ, поставецъ златъ веемъ, и тѣло Сонхосово огнувъ. И ту станом стали с воискомъ. Македоняне же у него прошаху: «Что писмо у златаго образа пишет?» Он же к нимъ рече: «Сладку пищу напредъ намъ возвещает землю». И сими гласы их тѣшаху.

Видѣша люди дивии в горѣ, и гордии, и видѣнием страшнии, двѣ сажени *долги*, главы космати же вси, воиско же видевше, не бѣгают. И ко Александру возвестиша. Александръ же, вшед на конь, на видѣние их изыде, и видѣвъ их от мѣста на мѣсто приходящих, лукаво на воиско его поглядаху, убояся зело и рече: «Сии суть людие, иже Сонхоса нѣкогда разбиша». И се рекъ, воиску повелѣ вооружатися и стобор высок поставити повелѣ. Едину жену веемъ, к людем дивиим поиде, ко единому их жену посла. Жена же, пришедши близу его, приближися и сяде; он же, сия притиснув, нача ясти. Жена же гласом великим возопи; воиску же Александрову потекше отняти ю, человѣка дивия копием udариша. Он же гласом великим рыкнув, жену пустив. Глась же его услышавше дивии людие, множество их наиде на воиско Александрово, числа не бѣ, древиемъ и камением воиско убиваху. Александров полкъ около обогнаша, дондеже Антиох с своим полком приспѣ и паки впреки их по широку полю погна. Александъ же на кони в межу их впаде, единаго их ухвати за верхъ, во околъ вомча. Бысть же 10 лѣтом дѣтишъ и выше всѣхъ бысть людеи питомых. И ту их уби Александръ тысячю тысячь, Александровых 2000 тысяч пало. Таковь же их законъ: егда кого их окровавляше, похвативше дружина его изъѣдаху его.

Во утрии же день велможи и воеводы Александровы рекоша: «Александре царю, доволно есть намъ, всю землю приимше, мало починути, нежели в чюжихъ землях от дивиих людеи

и фиников, и те люди птицами называются. Александр же город создал в земле той, и царя над ними поставил, и научил их человеческой жизни; землю их за сто дней только прошел; меда же принесли так много они, что войску на год хватило. И Питисовое царство пройдя, на поле длинное и широкое пришел Александр, и озеро было на поле том, и вода в нем сладкая и быстрая; на берегу же озера того стояла статуя человека, из чистого золота сделанная, а поле полно было человеческих костей. Александр на коне быстро подъехал к статуе и такие слова греческие на столпе том обнаружил: «Люди, если кто-либо из вас хочет на восток пойти, пусть, до этого места дойдя, обратно возвратится, ибо нельзя дальше идти. Я, Сонхос, всего света был царь и края земли увидеть хотел, с войском моим на это поле пришел, и напали на меня дикие народы, войско мое большое разбили и меня на этом поле убили». Эти слова Александр прочел и, испугавшись, как бы македоняне их не прочли, взяв золотую ткань, обернул ею статую Сонхоса. И тут войско лагерем стало. Македоняне у него спрашивали: «О чем сообщают письмена у золотой статуи?» Он же им сказал: «О прекрасных землях впереди они сообщают». И такими словами их успокоил.

Увидели людей диких в горах, гордых, страшных на вид, две сажени ростом, с косматыми головами. Увидев войско, они не убегали; о них Александру сообщили, Александр же, сев на коня, отправился их посмотреть и, видя, что они с места на место переходят, коварно на войско его поглядывая, сильно испугался и сказал: «Это те люди, что некогда Сонхоса разбили». И сказав это, велел войску вооружиться и забор высокий поставить. Одну жену взяв, к диким людям пошел и к одному из них жену послал. Жена, подойдя, рядом с ним села; он же, схватив ее, начал есть. Жена же громким голосом закричала; и воины Александра поспешили, чтобы отнять ее, и человека дикого копьем ударили. Он, громко зарычав, жену отпустил. Услышав его голос, бесчисленное множество диких людей с дубинами и камнями напало на войско Александра. Александров полк в лагерь отогнали, пока не подоспел Антиох со своим полком, и тогда снова погнал их по широкому полю. И на коне в середину их въехал, и, одного из них схватив за волосы, в лагерь привез. Было же десять лет детищу, и был он выше всех обычных людей. Здесь Александр убил их тысячу тысяч, Александровых же воинов две тысячи тысяч пало. Такой у них был обычай: если кого-то из них ранят, хватают его товарищи и съедают.

На другой день вельможи и воеводы Александровы сказали: «Царь Александр, хотим мы, всю землю покорив, отдохнуть немного, а не погибать в чужих землях от диких людей».

погинути». Александрь же умилися, рече имъ: «О любимии мои велможи, не к тому вы маломошни будете, вес бо свѣтъ приимше, на конец приспили есми и тако за все почивати имамъ». Оттуду воставше дивиих людеи землю преидоша.

СКАЗАНИЕ О ЦАРЬ РАКЛИИ И СЕРАМИДЕ ЦАРИЦЫ, И О СТОЛПѢХ, И О ЛЮДЕХ ДИВИИХ, И О ЛЮДЕХ ПСОГЛАВНЫХ, И О *РАЦЕХЪ*, И О ЛЮДЕХ НАГИХЪ, БЛАЖЕНИИ

Въ землю нѣкую дивную красную приидоша, иже полна овощи различнаго бысть. И ту два столпа высока изнашли, златом искусным сотворена, Ираклия царя образ и Серамиды царицы бѣ на них. И к симъ столпом Александръ пришедъ, плакася много и рече: «Дивии во человѣцех Раклию царю и царицы Серамиды, како добре в мѣстех сихъ царствовасти, добре и умросте, память ваша и по смерти стоитъ». И во царство ихъ пришед, с воиском своимъ ста и 6 дни ту стоявъ и дворы пусты Раклиевы нашли, златомъ, и бисером, и камением украшены. И внутреннюю пустыню идоша 6 днии, люди чюдны нашли, 6 рукъ у единаго и 6 ногъ; ко Александру направишася на бои, битися с ним не могоша. Александръ же сихъ много убивъ и много живых ухвати, и хотѣ их во вселенную извести их, зане обычая их не знаху, что ядят, и сии вси помроша. И землю их за 6 днии преѣде, во псоглавыи люди воиде. Тии бо человѣцы, все тѣло их человѣческо, глава же песья, глас же их единова человѣческии глаголюще, а другое, яко пси лаяху. И сих Александръ много избивъ и землю их за 10 днии преиде, на море нѣкое приидоша и ту воиску повелѣ почити. Коне же умершю ту в воисцѣ, государь же его отвлек, поверже при мори. Рakь же морскии вышед коня вовлече в море. И тако рацы исходяще кони ухапаху и в море утекаху. Се же Александръ слышавъ, тростие повелѣ запалити. И ту их множество згорѣ.

Оттоле воставъ, на иное мѣсто преиде при мори том, овощи различнии многи бяху, и воиску почити повелѣ. Отокъ же внутрь моря узрѣ и тамо внити хотяще. И древо сотворити повелѣ и ко отоку поити хотя. *Филон* же к *нему* рече: «Александре царю, не ходи ты преж во оток тои, не вѣси бо, что обрете, погинеши тамо; но аз прежде тобе доиду и ты тамо по мнѣ идеши». Александръ к нему рече: «Да аще ты тамо погинеши, любимыи мои присныи и вѣрныи друже, Филоне, кто о тобѣ мене утѣшити имаеt, *цѣне* бо мнѣ глава твоя есть паче всѣхъ земских глав». Филон же к нему рече: «Царю Александре, Филон же умретъ, другаго Филона на мѣсте обрящеши, аще ли ты умрешi, другаго Александра не обрящет Филонъ». И се рекъ Филонъ, вшедъ в

Александр смилостивился и сказал им: «О любимые мои вельможи, воспряньте духом, ибо, весь свет покорив, мы достигли конца и вскоре за все отдохнем». И, поднявшись оттуда, землю диких людей прошли.

СКАЗАНИЕ О ЦАРЕ ИРАКЛИИ И СЕМИРАМИДЕ-ЦАРИЦЕ, И О СТОЛПАХ, И О ЛЮДЯХ ДИКИХ, И О ЛЮДЯХ ПСОГЛАВЫХ, И О РАКАХ, И О ЛЮДЯХ НАГИХ, БЛАЖЕННЫХ

И пришли они в некую землю удивительную и прекрасную, что полна была различных плодов. И тут нашли два высоких столпа, сделанных из чистого золота, статуи царя Ираклия и царицы Семирамиды были на них. Придя к этим столпам, Александр плакал много и сказал: «Дивные среди людей, Ираклий-царь и царица Семирамида, хорошо в этих местах вы царствовали, хорошо и умерли, память о вас и по смерти осталась». И, в царство их придя, с войском своим там шесть дней пробыл; пустые дворцы Ираклиевы нашли, золотом, жемчугом и камнями украшенные. И, в глубь пустыни пойдя, через шесть дней людей чудных встретили, шесть рук у каждого и шесть ног, и против Александра они выступили на бой, но сражаться с ним не могли. Александр многих из них убил, многих живыми схватил и хотел их во вселенную вывести; но не знали, что едят они, и они все умерли. И, землю их за шесть дней пройдя, к псоглавым людям пришли; у них все тело человеческое, а голова песья; говорят же они так: то как люди, то как псы лают. Александр много их убил и землю их за десять дней прошел. И вышли они к некоему морю, и тут Александр войску велел отдохнуть. И издох конь в войске, хозяин же его отволок и бросил на берегу. И вылезший рак морской коня утащил в море. И другие раки, выходя, коней хватали и в море убегали. Услышав об этом, Александр тростник велел зажечь, и тут множество раков сгорело.

Оттуда в другое место пришли на берегу того моря, различных плодов там много было, и тут войску велел отдохнуть Александр. В море он увидел остров и туда попасть захотел. Корабль велел сделать и к острову собирался отправиться. Филон же сказал ему: «Царь Александр, не ходи первым на остров, не знаешь ведь, что там, погибнешь; лучше я прежде тебя пойду, и ты туда после меня пойдешь». Александр ему сказал: «А если ты там погибнешь, любимый мой, близкий и верный друг Филон,— кто меня утешит в печали по тебе, для меня голова твоя всех на земле ценнее». Филон же ему сказал: «Царь Александр, если Филон умрет, другого Филона вместо него найдешь, если же ты умрешь, другого Александра не найдет Филон». И, сказав это, Филон взошел

голию, плавати нача ко отоку. Ото утра до нощи доплыв, и люди тамо изнаиде, грѣческими глаголющих языки, мудри же вси и красни зело, нази же вси. И сих видев Филонъ и ко Александру возвратися и все ему повѣда, иже видѣ тамо.

И тако Александръ вшед и друзих в голию с собою вземъ 30, и отока оного доиде. Людие же отока того срѣтоша и поклонишася ему и рекоша: «Александре, почто пришел еси к намъ, что взяти хощеши от нас, нази бо есми вси, яко же ты зриши, овощем же отока сего питаемся». Александръ же рече к нимъ: «Ничто от вас требую, за чюдо же пришел есми видети. Возвестите мнѣ, како, имени моего не вѣдуще, се ми рекоста». Они же к нему рекоша: «Имя бо твое преж многих лѣтъ возвести намъ Раклии царь. Наше же пришествие здѣ речем ти. Раклии царь с Серамидою царицею елиномъ царь бысть, Тракинскою землею царствоваше, иже от вас наречетца Македония. Неправдѣ мнози землю ту постигши, лжество, клятвопреступление, кровомѣшьство, се Раклии царь видѣвъ языкъ нашествие на землю, то видѣвъ рече: «Мужу велеумну царские домы ни во что же есть, но лутче в пустыни жити, мудрыи бо в человѣцехъ глаголетъ Соломан: «Лутче есть муже от великия немощи страдати, нежели человѣческих беззаконии терпѣти». И се рекъ Раклии 1000 голии сотвори и, правыи и истинныя люди от земли своея собравъ и з женами и з детми своими, в голиях сих постави и сам со царицею своею неправды ради и беззаконья от всего побѣже, цылыи год по морю плавалъ, до земли доиде, идѣже ты столпове изнашел еси и образ златъ изваян виделъ еси. И ту на многа лѣта царствоваше Раклии царь сладко и добро с Серамидою царицею, оба легоша и умроша. Нась же в земли тои безглавных остави, голии вси спаливъ, яко да аще в беззаконную землю не поидемъ. Мы же злому первому обычаю послѣдовавше и тако богъ разгнѣвався на нас за беззаконие наше, дивних людеи и тых на нас попусти и царство наше разориша и многих наших убиша. Мы же недоумѣюше, гдѣ во вселенную поити, во царствии своем не могуще жити от тых людеи, здѣ вселихомся и питаемся овощемъ симъ и разумъ философским и книгами тѣшимся. И ничего ти у нас взяти, толко от мудрых наших». Сему же Александръ подивися житию их и рече: «Поистиннѣ, ни едино от земских чести болши словеснаго разума почтена есть, человѣкъ бо на земли почтен есть паче тысяч многих бисера и камения безцѣннаго. Соломань бо мудрыи в книгах пишет: «Муж мудръ сокровище неисчерпаемое есть, мужу мудру нѣсть измѣны от сущих ничто же, муж мудръ множествомъ людеи обладаетъ». И се рекъ Александръ 6 философ с собою вземъ и изо отока поиде.

на корабль и поплыл к острову. С утра до ночи плыл и, достигнув острова, людей там нашел, на греческом говорящих языке, мудры все и прекрасны были весьма и наги. И увидев их, Филон к Александру возвратился и все ему рассказал, что видел там.

И Александр, взойдя сам и тридцать человек с собою на корабль взяв, к острову приплыл. Люди же этого острова встретили его, поклонились ему и сказали: «Александр, зачем пришел к нам, что взять хочешь у нас? Ведь мы ничего не имеем, сам видишь, и плодами острова этого питаемся». Александр же сказал им: «Ничего от вас не требую, как на чудо пришел посмотреть на вас. Скажите мне, как имя мое узнали?» Они же ему сказали: «Имя твое много лет назад сообщил нам царь Ираклий. А о приходе нашем сюда расскажем тебе. Ираклий-царь с царицей Семирамидою у эллинов царем был, в Тракинской земле царствовал, которая у вас называется Македонией. И когда нечестие многое ту землю постигло, ложь, клятвопреступление и кровосмешение, царь Ираклий, видя это нашествие народов на землю, сказал: «Для многоумного мужа царские дворцы ничто, лучше в пустыне жить, ибо мудрый среди людей Соломон говорит: «Лучше мужу от тяжелой болезни страдать, чем человеческие беззакония терпеть». И, сказав это, Ираклий тысячу кораблей построил, и, праведных и честных людей земли своей собрав, с женами и детьми их, в корабли их поместил, и сам с царицею своею от нечестия и беззаконий бежал, и, целый год по морю проплавав, земли достиг, где ты столпы нашел и статую золотую видел. И тут много лет царствовал Ираклий-царь сладко и добро с царицей Семирамидой. Но оба легли и умерли. Нас же в земле той безглавыми оставили, все корабли спалив, чтобы мы в землю беззакония не вернулись. Мы же к прежним злым нравам вернулись, и разгневался бог на нас за беззаконие наше, и предал нас нападению диких людей; царство наше они разорили и многих из нас убили. Мы же, не зная, как во вселенную вернуться, и в царстве своем не имея возможности жить из-за тех людей, здесь поселились и питаемся плодами этого острова, философией и книгами утешаемся. И нечего тебе у нас взять, разве что мудрецов наших». Александр удивился их жизни и сказал: «Поистине нет на земле ничего почтеннее, чем разум слова, ибо человек на земле достойнее многих тысяч бесценных камней и жемчуга. Мудрый Соломон пишет: «Муж мудрый — сокровище неисчерпаемое, мудрому мужу ничто не изменит, муж мудрый над множеством людей властвует». И, сказав это, Александр шесть философов с собой взял и с острова ушел.

Исходящу же ему, рече к нимъ: «Что напреди отсюду есть?» Они же к нему рекоша: «Ничему же напреди быти, токмо макаринскии отоки во Акияне море... есть, идѣже людие блажени живутъ, иже наги мудрецы наричются, они убо всякие страсти нази суть». Александръ же к философомъ рече: «Откуду сии во отоцех сихъ вселишася?» Они же к нему рекоша: «Адаму бо, праотцу нашему, преступившу заповѣди божию, изгнану бывшу и в тои отокъ всельшуся, и бысть 100 лѣтъ в том отоце, на раи же позирая всегда плакашеся, красныя доброты раиския поминая. И ту два сына роди, Каина и Авеля. И сих любвѣ дияволъ позавѣдев, братъ на брата сотвори. Каин уби Авеля. Скорбию же великою оскорбися праотецъ нашъ Адамъ и прабаба наша Евва, и раиское изгнание поминающе и на раи позираше, сына своего Авеля мертва пред собою зряще, плачюще всегда. Содѣтель всѣхъ, небу и земли творецъ и господь, неизреченную жалость и безмѣрную скорбъ праотца нашего Адама видѣвъ, глас к нему посла, глаголя: «О земнороднии, о перьстнии создани первии человѣцы, Адаме и Евво, почто смерть Авелеву скорбите. Во второе пришествие мое паки востати и имают». Авеля в землю вкопати повелѣ. На его же мѣсто другаго сына роди, мужа праведна и благочестива умомъ всегда благая мысляща, именемъ Сифа. Адам же изо отока того позираше, о изгнании поминаше всегда. Ангел же к ним рече: «Адаме, здѣ всегда во злосердии пребывати имаеши, но отсюду изыди и во вселенную поиди, 7000 лѣтъ преидет, тогды опять узриши раи». Адаме со Еввою изо отока того изведе. И Сифа, сына их, и с чады своими во отоце семъ остави. И тии суть наги мудрецы, от Сифа родишася Адаму внуцы суть, яко же и мы, намъ братия суть. 6 днеи ходу до нихъ есть». Александръ же с вои своими поиде, *отока же некоего малаго* достиг, высокъ велми. И на него взошедъ и образъ свои во злате на столпѣ высокомъ постави, и в руцы десной держаше меч и ным показоваше к Македоньским отоком. Оттоле двигся с вои своими, 6 днеи прешед, до мѣста нѣкоего приспѣ. Гора же высока бяше ту, за ту же гору человѣкъ привязанъ бяше веригами гвоздинными, велми высокъ, 1000 сажен в вышину, 200 сажен ширина. И сего Александръ видевъ, ... подивися и к сему не смѣюще приступити. Плачющу бо человѣку тому, за 4 дни глас его слышати. И тако же к горѣ велицеи пришедше, жену велику обретохом веригами привязана, 1000 сажен в долготу и 200 сажен толстоту, змѣи же великъ от ногу свился, за уста держаше ю, глаголати не дастъ. Тако 8 днии прешедше, ѣзеро много и змѣи много бысть, яко муки, в них же грѣшнии человѣцы мучитися имут. И ту Александръ с вои своими станомъ ставъ, плоты повелѣ сотворити, во оток макаринскии хотя поити. Филона же

Уходя, он спросил их: «Что находится впереди?» Они ему сказали: «Ничего нет впереди, кроме Макаринских островов в Океане-море, где люди блаженные живут, что нагомудрецами называются, так как они от всех страстей свободны». Александр спросил философов: «Откуда они на острова эти пришли?» Они сказали: «Когда Адам, праотец наш, преступил заповедь божию и из рая изгнан был, на острове том поселился, и пробыл сто лет на острове том, и, на рай глядя, всегда плакал, прекрасные красоты райские вспоминая. Здесь двух сыновей родил, Каина и Авеля. И, любви их дьявол позавидовав, брата против брата восстановил, и Каин убил Авеля. Печалью великою опечалились праотец наш Адам и праматерь наша Ева, и, изгнание из рая вспоминая, на рай глядя и сына своего Авеля мертвым перед собою видя, плакали непрестанно. Создатель всего, творец неба и земли, неизреченную печаль и безмерную скорбь праотца нашего Адама видя, глас ему послал: «О порожденные землею, из праха созданные, первые люди, Адам и Ева, зачем о смерти Авеля скорбите? Во второе пришествие мое восстанет». И повелел Авеля в земле похоронить. А вместо него другого сына родил Адам, мужа праведного и благочестивого умом, всегда доброе мыслящего, по имени Сиф. Адам же, с острова этого глядя, об изгнании всегда воспоминал. И сказал ему ангел: «Адам, ты здесь всегда в унынии пребывать будешь; уйди отсюда, пойди во вселенную; когда семь тысяч лет пройдет, тогда опять увидишь рай». И Адама и Еву с острова этого вывел, а Сифа, сына их, с чадами его оставил на острове этом. Они и есть нагомудрецы, от Сифа родившиеся, внуки Адама, как и мы, и нам братья. Шесть дней хода до них».

Александр со своим войском некоего малого острова достиг, высокого весьма. И, взойдя на него, статую свою из золота на столпе высоком поставил, держащую меч в правой руке, которым указывала она на Македонские острова. Оттуда пошел с войском своим и, пройдя шесть дней, некоего места достиг. Гора высокая была тут, и к той горе человек привязан был железными цепями: очень высокий, тысяча саженей в высоту и двести саженей в ширину. Видя его, Александр удивился, и не смели они к нему подойти. И плакал тот человек — четыре дня голос его еще слышали. И, к другой огромной горе придя, жену огромную нашли, цепями привязанную, тысячу саженей в длину и двести саженей в ширину; и змей большой о ногу ее обвился, за уста держал ее, говорить не давая. Пройдя восемь дней, озеро увидели и много змей в нем было,— это место мучений, где грешные люди мучиться должны.

Здесь Александр, с войском своим лагерем став, плоты велел делать, к Макаринскому острову собираясь плыть, и, Филона

с собою поим, тамо преѣха. Видѣв же во отоце томъ древа высока зело, красна, овошми украшена, едина зрѣяху, друзии же цветяху, инии презреваху, плода же ихъ множество на земли лежаху. Птицы же краснии на древехъ различными сладкими пѣсни пояху. Под листвием же древъ тѣх людие лежаху и источницы сладкими ис корении тѣхъ древъ течаху. Внутрь же вшедъ Александръ, единаго их срете и рече: «Миръ тебѣ, брате». Он же ко Александру рече: «Всѣмъ радость буди, Александру, суетнаго свѣта царю». Александръ же к ним глаголати хотѣ, они же не хотѣша, ко Александру рекоша: «Ко старѣишим нашим внутрь поиди, они тя вземше, ко старѣишинам приведут, Иованту. Он тебѣ вся о души твоеи и о смерти скажетъ, и о животѣ нашем, и животѣ вашемъ, и о всѣх, яже увѣдати хощетъ». Александру внутрь шествующу, множество людеи тых сретаху его и в лице его целовахом и вси ему хождение, иже о немъ, прорицаху. Се видѣвъ Александръ подивися, боги же мнѣвъ быти, а не человѣки. И тако ему вещающе ко Иованту царю своему ведяху его.

Иовант же бѣ под нѣким древом лежа, вода же красна близу течаше, простер же его и покровъ от листвия древ тых. Иовантъ же Александра видевъ главою покивав и рече: «Что к намъ пришел еси, неуставнаго суетнаго свѣта царю». И сего примъ за руку, близ себѣ посади. Александръ же близ сяде. Иовантъ же главу его приимъ руками обьят и сию сладко облобызавъ рече: «Радуися, всѣхъ главъ главо, егда бо весь миръ и свѣтъ приимеши, и к тому господарьства своего и отечества не узриши, но егда вся земъская приобрящеши, тогда ада наслѣдиши». И се слышав Александръ оскорбися душею, ко Иованту рече: «Почто сие слово рече ми?» Иовантъ рече к нему: «Велеумну мужю не подобает толковати». Александръ же рече к нему: «Аще велиши, да принесем ти, что потребно, иже в нашеи земли». Они же вси рекоша: «Даи же намъ бесмертие». Александръ же рече к нимъ: «Смертен есми самъ, како вамъ безсмертие дамъ?» Александръ Филону повелѣ хлѣбъ чистъ принести и вино. Иовантъ же видев, ничто же не приятъ, но рече: «Не нам есть сия пища, но вамъ; намъ пища от дрѣва сего, питие от воды». И много ему дивных речеи исповѣда. Александръ подивися, прослезивъ рече: «Воистинну, сии человѣцы божественное житие живут». Ко Иованту же рече: «Откуду сии здѣ вселишася?» Он же к нему рече: «Адамовы внуцы есми, яко же и вы. Адамъ бо отсюду отшедъ, мы здѣ остахомъ, сынове Сифовы есмо мы, сына Адамова, иже ему вмѣсто Авеля дастъ ему». Иовантъ же ко Александру рече: «Почто перские ризы носите и различная брашна ясте?» И много с ним глаголюще о всемъ бяху. Александръ же рече: «Скажите ми, како вы

с собой взяв, на остров приехал. Увидел на острове том деревья весьма высокие и красивые, плодами украшенные,— одни из них зрели, другие цвели, иные же перезрели, и множество плодов на земле лежало. Птицы красивые на деревьях разные сладкие песни пели. Под листвой же тех деревьев люди лежали, и сладкие источники из-под корней тех деревьев текли. Войдя в глубь острова, Александр встретил одного из этих людей и сказал: «Мир тебе, брат». Он же Александру сказал: «Всем радость да будет, Александр, суетного света царь». Александр с ними говорить хотел, они же не хотели, сказав Александру: «К старейшим нашим пойди, они приведут тебя к Иованту. Он тебе все о душе твоей и о смерти скажет, и о нашей жизни, и о вашей жизни, и обо всем, что ты хочешь узнать». Когда же Александр шел внутрь, множество людей тех встречали его и целовали и все прорицали о походе его. Видя это, Александр удивлялся, думая, что это боги, а не люди. И, говоря ему все это, они к Иованту, царю своему, его вели.

Иовант же лежал под неким деревом; прекрасная вода недалеко текла; постель его и покров из листьев деревьев тех были. Иовант, увидев Александра, головою покачал и сказал: «Что к нам пришел ты, царь изменчивого и суетного мира?» И, взяв его за руку, рядом с собою посадил. Александр сел рядом. Иовант же, голову его руками обняв и ее сладко поцеловав, сказал: «Приветствую тебя, всех глав глава, ведь когда всем миром и светом овладеешь, государства своего и отечества больше не увидишь; и когда все земное приобретешь, тогда ад унаследуешь». Услышав это, Александр опечалился душою и спросил Иованта: «Зачем это сказал мне?» Иовант сказал ему: «Многоумному мужу не следует разъяснять». Александр сказал ему: «Если велишь, принесем тебе, что нужно, из того, что есть в нашей земле». Они же все сказали: «Дай нам бессмертие». Александр ответил: «Я сам смертен, как вам бессмертие могу дать». И велел Филону чистый хлеб принести и вино. Иовант же, увидя это, ничего не взял, но сказал: «Не для нас эта пища, а для вас; наша пища — от дерева этого и питье — вода». И много ему удивительного рассказал. Алекандр удивился и со слезами сказал: «Поистине эти люди божественной жизнью живут». Иованта же спросил: «Как вы здесь поселились?» Он же ему ответил: «Адамовы внуки мы, как и вы. Когда Адам отсюда ушел, мы здесь остались, сыновья Сифа мы, сына Адамова, который вместо Авеля дан был ему». Иовант спросил Александра: «Зачем вы персидскую одежду носите и разнообразные яства едите?» И много с ним говорил обо всем. Александр спросил: «Скажите мне, как вы

рожаетеся, занеже женьскаго пола не вижю у вас». Ивантъ же рече к нему: «Есть у нас жены, но не здѣ, во иномъ отоку есть, но егда единова к нимъ приходим, и с ними бывше 30 днии и опять возвращаемся, егда же кому родится отроча, по томъ не сочетается уже к жене. Младенцу же 3 лѣта минет..., мы к себѣ возмемъ мужескии полъ, а женскии з женами есть». Александръ же к нему рече: «Хотѣлъ бых отока того видети, аще вамъ годно есть». «Отока доидеши, но ничто же тамо узриши, здѣ бо дошел, внутрь не глядаи, не будет бо человѣкъ живъ, толко внутрь поглядает». Александръ же воставъ во отокъ он поиде и обрѣте в немъ изъдъ мѣден, яко градъ, и около обшедъ, внутрь позрѣти не смѣя, богу единому возможно, человѣку же ни единому.

Столпъ во отоце том поставити повелѣ и себѣ на немъ в злате написати повелѣ, словеса же греческая на нем написа: «Александръ, царь македоньскии, иже весь свѣтъ прешедъ и до отока того доиде, и макариньскии отокъ видѣхъ, и ту елинских боговъ не видѣхъ и не обретохъ, яко елиньстии бози в далнеиших ада, в тартаре, в геоне мучими суть со дияволом повелѣниемъ бога Саваофа. Да аще другии хто приидет во отокъ сии, на вся глядаи, *внутр же не поглядаи,* богу бо единому возможно, человѣку же ни единому приступно». И тако в макариньскии отокъ вниде. Макарии бо по сербьскому языку наричютца блаженни. Ко Иованту приступивъ Александръ рече: ««Возвести ми, многомудрыи блаженыи Иованте, что напреди есть». Он же к нему рече: «Река сия, в неи же отоцы наши есть, Акиянъ наричется, всю вселенную та обтечетъ и вси реки в ню текутъ. По онои же странѣ гору, яже зриши, овошми различными украшену, то есть мѣсто вами зовомо Едемъ, иже господь богъ Саваоф искони лѣтомъ насади раи на востоце. И ту Адама, праотца нашего, вселил бяше. Он же завистию дияволею испаде, заповедь божию преступити, из рая изгнанъ есть». Александъ же к нему рече: «Могу ли, дошед, рая видети?» Ивантъ же к нему рече: «Не имат душа во плоти рая видети, горою бо великою мѣдяною огражденъ есть, во вратѣхъ же его шестокрилатии херувими с пламенными оружии стоятъ. Но поиди, Александре, откуду пришел еси, послѣдуи же четыремъ рекамъ, иже от рая идут, во вселенную поиди, иного паче сихъ видети не можешъ. Рекам же симъ имена суть: Гион, Фисон, Тигръ, Ефратъ». Александръ же из отока поиде, вси его любезно целоваху. Александръ же к нимъ рече: «Аще не бы ми скорбъ за македонян, яко в чюжих землях погинуть, здѣ с вами остал бых, и во второе пришествие божие близу рая обрелся бых». Ивантъ к нему рече: «Поиди с миромъ, Александре, все приимъ землю, самъ в нее приидеши».

рождаетесь, ибо женского пола не вижу у вас». Иовант сказал ему: «Есть у нас жены, но не здесь, а на другом острове. Однажды к ним приходим и, с ними пробыв тридцать дней, возвращаемся; когда же у кого-то родится дитя, больше не сочетается с женою. И когда младенцу три года будет, мужского пола мы себе берем, а женский с женами остается». Александр сказал ему: «Хотел бы я остров тот увидеть, если вы позволите».—«Острова этого достигнешь, но ничего там не увидишь, ибо, до него дойдя, внутрь не смотри, потому что не останется человек живым, если внутрь посмотрит». Александр встал, и к острову тому отправился, и нашел там сооружение из меди, подобное городу, и, вокруг него обойдя, внутрь посмотреть не смел, богу это только можно, а людям — никому.

Александр столп на острове том поставить велел, и себя на нем в золоте изобразить, и надпись по-гречески на нем сделал: «Александр, царь македонский, который весь свет прошел, и острова этого достиг, и Макаринский остров видел, и тут эллинских богов не нашел, потому что эллинские боги повелением бога Саваофа в глубинах ада, в тартаре, в геенне мучатся с дьяволом. И если кто другой на остров этот придет, на все пусть смотрит, внутрь же не заглядывает, это только богу возможно, для людей же недоступно». И на Макаринский остров вернулся. «Макарии» же по-сербски значит «блаженные». К Иованту придя, Александр спросил: «Скажи мне, многомудрый блаженный Иовант, что впереди?» Тот ему ответил: «Река, в которой острова наши находятся, Океаном называется, всю вселенную обтекает, и все реки в нее впадают. На этой стороне ее — гора, которую ты видишь, плодами разными украшенная,— это есть место, называемое вами Эдемом, где господь бог Саваоф в начале времен создал рай на востоке. И тут Адама, праотца нашего, поселил. Он же по зависти дьявола пал, заповедь божию преступив, и из рая изгнан был». Александр же спросил: «Могу ли я рай увидеть?» Иовант сказал ему: «Не может душа во плоти рай увидеть, ибо великой горой медной огражден он, в воротах же его шестикрылые херувимы с пламенным оружием стоят. Иди, Александр, туда, откуда ты пришел, следуй течению четырех рек, которые из рая текут; во вселенную пойди, ничего, больше этого, увидеть не можешь. Имена рекам этим — Геон, Фисон, Тигр, Евфрат». Александр с острова пошел, и все его любезно целовали. Александр же сказал им: «Если бы не забота моя о македонянах, чтобы они в чужих землях не пропали, здесь с вами остался бы я и во второе пришествие божие рядом с раем находился». Иовант ему сказал: «Иди с миром, Александр, всей землею овладев, сам в нее придешь».

И на десную страну устремися со востока. И тако оттоле поиде Александръ с воиском своимъ, 10 днеи прешедъ, поля нѣкоего доиде, ровъ глубок на поли томъ обрѣте. И сего преити не могъ и комару на немъ *гвоздѣну* сотвори, и ту воиско свое преведе вся, на комаре слова написа греческии, египетски и перска: «Александръ царь на краи земли дошед и по сеи комаре воиско свое преведе». И оттуду четыре днии прешед, темную землю наиде.

И ту со избранными македоняны на кобылах, имѣющих *жеребцы,* жеребцы же на станохъ остави, они же в темность внидоша. И нощъ ходиша едину. Антиоху же лечити воиско повелѣ. Сам же рече к нимъ, пошедшимъ, чтобы всякий человѣкъ взял, хто что возмет, камен, или древо ли, или персть. И хто повелѣние сотворилъ, много злата изнесоша, а хто повелѣния не сотворилъ, и тые много и каялися, изнесоша бо каменья драгаго и бисер великии и протчая.

И оттоле четыре дни идоша и сретоша Александра двѣ птицы человѣкообразни и к нему рекоша: «Александре царю, почто гнѣвъ *наносиши на* себѣ в земляхъ сих? Но поиди немедля, ждет тебѣ Индѣя вся и Пор великии; господарство же его пришед, разрушити имаши. И на десную страну походи и дивнеишее первых узриши».

СКАЗАНИЕ О ЕЗЕРЕ, ОЖИВЛЯЮЩЕМУ СУХИЕ РЫБЫ, И О СПОЛИНАХЪ, И О СОЛНЕЧНОМЪ ГРАДЕ, И О ОДИНОГИХ ЛЮДЕХ

Александру же идущу от темные земли 6 днеи, езера нѣкоего дошед и ту станомъ своимъ сташа и ясти искати начаша. Кухор же Александров, повар, рыбы сухие омыти во езере томъ хотя, егда же ихъ в воду измочи, и рыбы сухие ожиша и во езеро втекоша. Александръ же се слышавъ и подивися и воиску всему купатися повелѣ и с конми их искупавшися, вси здрави и крѣпцы быша.

И оттоле дванадесятъ днии прешедше, на другое нѣкое езеро дошед, в немъ же вода сладка, яко сахарь. При краи же его ходи Александръ, купатися хотя. И се рыба из езера того исхожаше. Александръ же видев побеже, рыба же гонящи его и сунуся на брегъ на сухо... Александръ же рыбу тое ухватив и распластал, наиде во чреве ея камень яко гусиное яице, свѣтлостию же яко солнце сияше. Александръ же за фонаря мѣсто на копьи посреди воиска ставляше. В ту же нощъ жены от езера того исходяху, и около воиска хожаху, и дивными нѣкими чюдными гласы красно и жалостно пояху. Сих македоняне слышавше, дивляхуся шесть днии. И оттоле пришедше, на мѣсто нѣкое лужно доидоша. И ту человѣцы на них восташа, от пояса къ горѣ человѣкъ, и от пупа долу конь,

И направился Александр направо от востока. И, пройдя оттуда с войском своим десять дней, Александр поля некоего достиг, на котором был глубокий ров. И чтобы через него перейти, мост железный сделал и по нему войско свое провел все, на мосту же надпись сделал по-гречески, по-египетски и по-персидски: «Царь Александр до края земли дошел и по этому мосту войско свое перевел». И оттуда четыре дня пройдя, до темной земли дошел.

И тут избранные македоняне на кобылах, имеющих жеребят, в темноту вошли, а жеребят в лагере оставили. И ночь одну ходили там. Антиоху же Александр лечить войско велел. А сам сказал тем, кто туда пошел, чтобы всякий человек взял бы что-нибудь — камень, или дерево, или землю. И те, кто повеление исполнил, много золота вынесли, а кто повеления не исполнил, те сильно раскаивались, потому что исполнившие повеление вынесли драгоценные камни и жемчуг крупный и прочее.

И оттуда четыре дня шли они, и тогда встретились Александру две птицы человекообразных, и они ему сказали: «Царь Александр, зачем гнев на себя навлекаешь, пребывая в этих землях? Иди не медля, ждет тебя Индия вся и Пор великий; придя, господство его разрушишь. Вправо иди и более удивительное, чем прежде, увидишь».

СКАЗАНИЕ ОБ ОЗЕРЕ, ОЖИВЛЯЮЩЕМ РЫБ, И ОБ ИСПОЛИНАХ, И О СОЛНЕЧНОМ ГОРОДЕ, И ОБ ОДНОНОГИХ ЛЮДЯХ

И когда Александр шел от темной земли шесть дней, до озера некоего дошел, и тут они лагерем стали, и начали искать, что поесть. Повар же Александра хотел вымыть в озере сушеных рыб,— когда же их в воду опустил, рыбы ожили и в озеро уплыли. Александр, услышав об этом, удивился и всему войску купаться велел, и, вместе с конями своими искупавшись, все здоровы и крепки были.

И пройдя от того места двенадцать дней, на другое озеро пришел Александр, в котором вода была сладкой, как сахар. По берегу его он ходил, собираясь искупаться. И вдруг рыба из озера того выскочила; Александр, увидев ее, побежал, рыба же преследовала его и бросилась на берег. Александр схватил рыбу, разрезал и нашел в чреве ее камень с гусиное яйцо, который светился как солнце; Александр его вместо фонаря на копье посреди войска ставил. В ту же ночь жены из того озера вышли и около войска ходили, дивными, чудесными голосами красиво и печально пели. Македоняне, услышав, дивились этому шесть дней. И оттуда пришли в некое лесистое место, и там люди на них напали — выше пояса люди, а от пупа вниз — кони,

исполини сии наричются. И сих множество бысть и Александра наѣхаша, *стрелы ношаше и луки*. Стрѣлы же ихъ гвоздия не имѣяху, но увѣрчено в стрелахъ от камении адаманта. Сих видевъ Александръ повелѣ ровъ великъ копати, и тростием и травою повелѣ покрыти, и на бои ихъ повелѣ поманити. Они же на бои приидоша, хитрости на собя не вѣдуще. Александръ же на нихъ поиде с воиском и многих от них уби, инии мнози в ровъ впадоша, десят тысячь живых ухватиша и во вселенную изведе; толико они борзи бяху, яко ничему у нихъ утечи, и такови они стрелцы бяху, яко ничто же грешаху. И симъ Александръ оружия направи, стрѣлы и мечи научи ихъ носити, и много ему на бранех помогаху. Егда же ихъ во вселенную приведе и вѣтру студену дохнувшю на них, вси изомроша. Александръ же оттоле сто днии пришед, ко предѣлом вселеньским приближися.

И ту в Солнечныи град прииде и в солнычныи храмъ уклонися. Писмена же ту наиде, иже о смерти его написано. И оттуду десят днии пришед, и люди изнаиде о единои ноги, одеяния же в них овчии бяху. И много их ухватиша и ко Александру приведоша. Александръ же вопроси их: «Что есте вы?» И рекоша они: «Александре царю, умилися о нас, отпусти нас, немощи ради нашеи вселихомся в пустыняхъ сих». Александръ же пустити повелѣ. Они же, отшедше, на высоты гор взыдоша, по каменью скачюще, начаша смѣятися, глаголюще: «О безумныи Александре, како всѣхъ премудрил еси, мы же тебе премудрихом. Како бо нас пустилъ еси, мяса бо наша слаждьши всѣхъ мяс, кожа наша тако тверда есть, яко желѣзо не имет, богатьства же у нас много есть, бисера великаго и камения многоцѣннаго нѣсть числа». Александръ же посмеявся и рече: «Поистиннѣ, всяка соица отъ языка своего погибает». И се рекъ, воиску своему без оружия направитися повелѣ, и на гору ону с воиском взошедъ, и около горы обшедъ, двѣ тысящи живых ухватиша, и в станы их приведоша, и сь ихъ кожи веляше одирати, и кожи сушити повелѣ. Мяса же персомъ и египтом ести дасть. В ложищах ихъ множество камения многоцѣннаго изнаиде, без числа. И тако шесть днии прешед, на индѣиские предѣлы прииде. И ту Александръ смеяся, многа месяцъ бо имѣяще не смѣявся, отнелѣже смерть проповѣдана, оттоле всегда жалостенъ бяше. Всякии бо человѣкъ, смерть свою проповѣдав, жалостию радость пременяет.

На предѣлы же индѣиские прииде, Поръ же, великии царь, слышав, вѣстника ко Александру и листь, имѣющъ сице: «Поръ, великии индѣскии царь, точен индѣиским богом, Александру, македоньскому царю, пишу. Яко перскаго царя Дария смерть превознесена тя много сотвори, от безумия своего сие претернѣти имаеши. Не вѣси бо, пред силою моею не может тя

исполинами они называются. И много их было, на Александра напали, стрелы имея при себе и луки. На стрелах же их не было железных наконечников, но прикреплены к стрелам наконечники из камня адаманта. Увидев их, Александр велел большой ров выкопать, и тростником и травою его прикрыть, и на бой их велел выманить; и они на бой пришли, о ловушке, сделанной для них, не зная. Александр с войском на них напал и многих убил, а много других в ров упало, десять тысяч их живыми схватил и во вселенную привел; настолько они быстры были, что никто не мог от них убежать, и такие они были стрелки, что никогда не промахивались. Их Александр оружием снабдил, стрелы и мечи научил их носить, и много они ему в битвах помогали. Когда же во вселенную их привел и холодный ветер подул на них, все они умерли. Александр же, пройдя от того места сто дней, к пределам вселенной приблизился.

И тут в Солнечный город пришел, и в храм Солнца вошел, и нашел тут письмена, в которых о смерти его было написано. И оттуда десять дней пройдя, встретил людей с одной ногой, одеяния же у них были овечьи. И много их схватили, и к Александру привели. Александр же спросил их: «Кто вы такие?» И сказали они: «Царь Александр, смилуйся над нами, отпусти нас, из-за немощи своей поселились мы в этих пустынях». Александр велел их отпустить. Они же, отойдя, на вершины гор взошли и, по камням прыгая, начали над Александром смеяться, говоря: «О глупый Александр, всех перехитрил ты, а мы тебя перехитрили. Как же ты отпустил нас, когда мясо наше лучше всех мяс, а кожа наша настолько тверда, что ее железо не берет; и богатств у нас много — крупному жемчугу и камням многоценным нет числа». Александр посмеялся и сказал: «Поистине всякая сойка от языка своего погибает». И, сказав это, войску своему велел приготовиться к бою без оружия, и, на гору с войском взойдя и окружив ее, две тысячи живыми схватили и в лагерь их привели; и велел с них кожи сдирать и эти кожи сушить. Мясо же их персам и египтянам дал есть. В логовищах их много камней драгоценных нашел — без числа. И, пройдя шесть дней, к индийским границам пришел. Тут Александр сделался весел, хотя много месяцев до этого не смеялся,— с тех пор как о смерти своей узнал, всегда печален был. Ведь и всякий человек, о смерти своей узнав, от радости к печали переходит.

И когда он на границы индийские пришел, Пор, великий царь, услышав об этом, вестника к Александру послал с грамотой: «Пор, великий индийский царь, равный индийским богам, Александру, македонскому царю, пишу. Смерть персидского царя Дария много тебя превознесла. И из-за безумия своего ты пострадаешь. Не знаешь ли, что от войска моего не может

укрыти вся вселенная? Мнѣ бо разгнѣвавшуся, вся поднебесная постояти предо мною не можетъ. Да буди доволен блудостию своею, прощения от мене прияти молися, и дани, еже от земля взялъ еси, принеси ми, сам же в Македонию втецы, животомъ своим промышляи. Аще ли сему не увѣришися, не к тому в Македонии укрытися не можеши, но и во вселеннеи не укрыешися». Скоро листь Александръ прочетъ, к Пору другии писа: «Александръ, царь над цари, не своимъ храброванием, но божиим промышлениемъ, великому Пору индиискому пишу. Ты ко мнѣ пишеши, яко Дариево убиение мене превознесе. Ведомо да есть тобѣ, Дарии богом подобляшеся, яко же и ты. Азъ же боги ваша победихъ. Ты же не велиши себѣ противитися, ащь богъ силнѣишии, почто Дарию не поможе, аще ли можаше или не смѣя? Аз с помощию бога Саваофа не яко на бога, но яко на наимника человѣка иду, и человѣкъ бо недостоин богом нарещися быти, бога никто же николи же видѣ. Ты же свою силою на бои иди, яко да болшия чести македонян сподобиши, толикою храбростию разбити тя имам. Аще ли живаго ухватим тя, не у макариньскии отокъ послати имамъ, иже боги твои тамо мниши быти, но во адъ, долнеишая земли и с ними мучитися имаеши, они бо суть тамо в геоне, яко же мнѣ Иовантъ, макаринскии царь, сказа. Буди доволен оброки своими».

И тот листь послу Порову Александръ дал, а сам же листь к матери своеи Алимпияде и учителю своему Аристотелю писа в Македонию: «Александръ царь Алимпияде царицы и матери моеи, радоватися пишу и Аристотелю и казателю моему. Четыре бо лѣта преминуша, мати моя, отнелѣже к вам не писах, сердоболству о семъ вамъ много же лѣта мню, и мысльми многими обуреваеми есми, яко же корабль нѣкиими многими обуреваемъ волнами, тако сердце наше потоплена суть жалостию за вас. Много бо вас во снѣ видех, к вамъ сердечным обычаем влекомъ бѣ и жалостных вас и радостных видех. Ум бо во снѣ многожды течетъ и зритъ далняя мѣста. Тако от сна воставъ, ложное его мечтание и видѣние упустив, и жалостен обема бывах, от сна же воставъ прелестна, немало скорбенъ буду. Тако бо вси стражут, иже сердечную любов имѣютъ. Вѣм бо тя единородну сыну неизреченную любовъ имѣти; твою бо любовъ, иже ко мнѣ, мое известует сердце, сердцу жалость и *радость* указует. Да о семъ всѣмъ согрѣшении милостива буди и согрѣшения наша прости; *не убо от нелюбве,* писах вамъ, пропущати к вамъ книг не могох. С востока бо идохом, во Индѣиских странах стахом; да еликая дивная прилучишася, се сь вамъ листь скажет. Вѣсте бо, яко преж вамъ писах, яко перьское царство прияхомъ и царя их убихомъ, дшер его поях жену себѣ; и вкупе македоняне с персы соединих. И тако всихъ сих поимъ,

укрыть тебя вся вселенная? Ибо, когда я разгневаюсь, вся поднебесная противостоять мне не может. Оставь глупость свою, моли прощение от меня принять, и дани, что от земель взял, принеси мне, сам же в Македонию беги, о жизни своей заботясь. Если же этому не подчинишься, не только в Македонии не сможешь укрыться, но и во вселенной не укроешься». Александр быстро грамоту прочел и к Пору свою написал: «Александр, царь над царями, не своею доблестию, но божиим промыслом, великому Пору индийскому пишу. Ты мне пишешь, что победа над Дарием меня превознесла. Знай, что Дарий уподоблял себя богам, так же, как и ты. Я же богов ваших победил. Ты не велишь тебе сопротивляться, но если ты сильнее богов, почему Дарию не помог,— или же мог, но не посмел? Я же с помощью бога Саваофа на тебя не как на бога, но как на подвластного человека иду, ибо человек недостоин называться богом, бога никто никогда не видел. Ты же со всею силою своею на бой иди, чтобы тем большей чести македонян удостоить — с тем большею храбростью разобью тебя. Если живым тебя схватим, то не на Макаринский остров пошлем, где, ты думаешь, боги твои пребывают, но в ад в глубинах земли, и с ними вместе терпеть муки будешь, ибо они там, в геенне, как мне Иовант, макаринский царь, сказал. Будь доволен оброками своими». И эту грамоту Александр дал послу Пора, сам же письмо матери своей Олимпиаде и учителю своему Аристотелю написал в Македонию: «Царь Александр царице Олимпиаде, матери моей, и Аристотелю, наставнику моему, приветствие пишу. Четыре года минули, мать, как я вам не писал, сердцем болеете об этом вы много лет, думаю, и мы мыслями многими обуреваемы, и как корабль, многими обуреваемый волнами, так сердце наше потоплено печалью о вас. И часто вас во сне, сердечной привязанностью к вам влекомый, видел и печальных и радостных. Ибо ум во сне далеко простирается и видит далекое. И, ото сна восстав, обманчивое видение упустив, печалью объят был, и, от сна восстав обманного, в немалой скорби буду; и так страдают все, кто сердечную любовь имеет. Ибо знаю твою неизреченную любовь к единородному сыну, и о твоей любви ко мне мое сердце свидетельствует, любовь сердцу печаль и радость указывает. И по этому всему к согрешению нашему милостива будь и согрешения наши прости нам; ибо не от нелюбви, как я уже писал вам, посылать письма я не мог. С востока идем и в Индийской стране остановились; все удивительное, что случилось, это письмо вам расскажет. Вы уже знаете, так как я писал вам прежде, что персидское царство мы покорили и царя их убили, дочь же его я взял в жены себе и вместе македонян и персов соединил. И с ними

во Иерусалимъ приидох. Люди же града того в великаго бога вѣрующе изнаидох и сего силнеиша бога паче всѣх богов вашихъ видех. И поклонихся ему и вѣровах в него. Имя же есть ему богъ Саваоф, невидим же есть человѣческима очима, но умом единым едва довѣдомъ есть. И оттуду востах, во Египетъ приидох и ту египетскаго *царя* обретох на столпѣ, иже царство свое остави и в чюжю отбѣгъ землю. Имѣя разумъ, да разумѣетъ. И ту еллиньские боги похулих, и от серафимъ славимаго бога Саваофа помощию вооружився, и с Персиды на краи земли ходих. Отнелѣже к вамъ писах, страны и мѣста прешед нужно и силню, горы непроходны и поля непрезрѣма, и дивии же человѣкъ доидох, иже нѣкогда великаго и силнаго Сонхоса царя *разбише... И ту образь Сьнхоса цара* обретох на столпѣ высоце златомъ искуснымъ написан. И на томъ столпѣ высоце разбои его выписан бысть, како его дивии человѣцы разбиша. Азъ же помощию бога Саваофа их разбих. И оттуду востав с воиском своимъ, луги многи преидох, ширина их день ходу, и тако до царства Раклиева и Серамиды доидох. И образы их на столпѣхъ высоких на злате написаны быша. И оттуда воставъ, к востоку доидох и человѣки различни наидох, 6 рукъ и 6 ногъ имяху, и звѣри, их же не возмогох исписати к вамъ. И тако к макаринскимъ отокам идох, и ту боги ваша исках видети, и ни единаго же не обретох, но паче и макариньскии царь с клятвою возвести ми, яко еллиньстии бози в долнеиших ада мучими суть вси. И отоки ихъ прешед и мѣста глядах, идѣже праотецъ нашъ Адамъ жилъ бяше, иже Едемъ наричется, в нем же богъ раи насади на востоце. Азъ же восхотѣхъ итти тамо, мнѣ же макаринскии царь не даваше итти тамо и глаголя: «Не может человѣкъ во плоти рая видети, пламенным же оружиемъ стрегомъ есть и опалити тя имать». И се слышав, азъ во вселенную возвратихся и, не вѣдущимъ намъ, рекамъ послѣдовахом четыремъ, иже от рая во вселенную текутъ, и на десную страну шествии творяще, за год во вселенную изыдохомъ, и на землю Индѣскую, на индѣискаго царя Пора идохом и вои сотворити с нимъ мыслим, яко да скорѣе сотворится повелѣние. И здравствующи буди, госпоже мати моя, с моимъ казателем Аристотелемъ и нам о собѣ писуите».

СКАЗАНИЕ, ЕГДА ПРИИДЕ АЛЕКСАНДРЪ НА ИНДѢИСКАГО ЦАРЯ ПОРА И ПОБЕДИ ЕГО

Пор же, индѣискии царь, по вселеннеи воиско свое собравъ и преписати повелѣ и обрѣте их 1000 тысяч и десят тысяч лвов, иже бяше на брань учинены ходити. И сию неизреченную Порову силу македоняне видѣвше и прочии языцы,

в Иерусалим пришел. И узнал, что люди этого города в великого бога веруют, и увидел, что это самый сильный бог, сильнее всех богов ваших; и я поклонился ему, и уверовал в него. Имя ему — бог Саваоф, невидим человеческими глазами, но умом только постигаем. И оттуда в Египет пришел, и тут египетского царя увидел на столпе, того, что царство свое оставил и в чужую бежал землю. Имеющий разум да разумеет. И тут эллинских богов отверг, и, помощью бога Саваофа, славимого серафимами, вооружась, из Персиды к краю земли ходил. С тех пор, как писал вам, страны и места пройдя трудные, горы непроходимые и поля необозримые, до диких людей дошел, которые некогда великого и сильного Сонхоса-царя убили. И статую царя Сонхоса нашел на высоком столпе, из чистого золота сделанную, и на том столпе высоком о поражении его написано, как его дикие люди разбили. Я же, помощью бога Саваофа, их разбил, и, оттуда пойдя с войском своим, леса многие прошел, ширина которых — день хода, и до царства Ираклия и Семирамиды дошел. И статуи их на столпах высоких из золота сделаны были; и оттуда к востоку отправился и нашел разных людей, шесть рук и шесть ног у них было, и зверей, которых описать вам не могу. И Макаринских островов достиг, и здесь богов ваших хотел увидеть, и ни одного не нашел, напротив того, макаринский царь, поклявшись, сообщил мне, что эллинские боги в глубинах ада терпят муки. И, острова эти пройдя, видел место, что Эдемом называется, где праотец наш Адам жил, в котором бог рай посадил на востоке. И когда я хотел пойти туда, мне макаринский царь не велел, говоря: «Не может человек во плоти рай видеть, ибо пламенным оружием охраняется он и оно опалит тебя». Услышав это, я во вселенную возвратился, и, не зная пути, мы следовали по течению четырех рек, что из рая во вселенную текут, и, в правую сторону идя, через год во вселенную вышли, и на землю индийскую на индийского царя Пора идем, и в битву с ним вступить думаем, чтобы скорее исполнилось повеленное. И в здравии пребывайте, госпожа моя мать, с моим наставником Аристотелем, и нам о себе пишите».

СКАЗАНИЕ О ТОМ, КАК ПРИШЕЛ АЛЕКСАНДР НА ИНДИЙСКОГО ЦАРЯ ПОРА И ПОБЕДИЛ ЕГО

Пор же, индийский царь, со всей вселенной войско свое собрал и смотр ему сделать велел, и было у него войска тысяча тысяч и десять тысяч львов, обученных для войны. И когда эту несказанную силу Порову увидели македоняне и другие народы,

убояшася зело, помыслиша Александра предати Пору, индѣискому царю, и рекоша: «Сами живот свои испросимъ у него». В Македонию бежати помышляху. Птоломѣи же, воевода Александровъ, сие слышав, Александру исповѣда. Александръ же, сие слышав, воиску свою къ собѣ призвав и к ним рече: «О любимии македоняне и велемошнии, всѣхъ языкъ силнеишии и лутчии витязи, таковы свѣтъ приимше и всесилнии победивше десница, а ныне от нехрабрых и непотребныхъ убоястеся индѣянъ. Не токмо они насъ изести имуть, яко вамъ мнитца. Да аще вас омерзил есми, вы сами убиите мя. Аще ли вамъ Поръ что сотворити может, самъ аз к нему добра вашего для иду. Но вѣдомо вамъ есть, македоняне, аще Александра изгубите, не к тому Македонию узрите, но порабощение языком всѣмъ будете и злѣ в чужих землях умрете. Не такую бо честь вы у отца моего Филипа и от всѣхъ языкъ имѣете, яко же вы со мною нынѣ царствуете. Вѣдомо да есть вамъ, яко мнѣ 3 лакти доволе есть земли, вы же во вселеннеи укрытися не можете. Вѣдомо да есть вамъ, яко отколе невѣру сию ко мнѣ приказасте нынѣ, на конец лѣтомъ поработитися имате государьство ваше перьскому языку и вас всѣхъ до конца погубивше и отчинную вашу и землю и Македонию приимутъ. Азъ же нынѣ к Пору самъ иду на бои, аще сего убию, то аз есми всю побѣжая землю, а не вы; аще ли мене убиет онъ, вы вси злѣ имате умрете». Македоняне же, сие слышавше и много плакавше, ко Александру приступиша и рекоша: «Великии царю Александре, буди намъ вкупе с тобою умрети, нежели жити без тебѣ много. Невѣрьство же сие не мы приказали есми, но невѣрнии, нехрабрии перси, суседи бо тии индѣяномъ и устрашают нас. Нас бо индѣяне добре знают». И сие Александръ слышавъ и на персы разгнѣвався и в женьские свиты облече ихъ и убрусы женьские на главы постави всѣ.

И тако на бои направитися повелѣ всѣмъ. И воиско свое переписав и обрѣте 6000 тысячеи. И тако листь в Персиду писа к Филону, послал бо бѣ его к Роксаны царицы и персы господьствовати: «Александръ, царь над цари, моему любимому Филону. Вѣдомо есть тобѣ, яко всю приимше землю здрави до Индѣи доидохом и сугуб с Пором, индѣискимъ царемъ, стоимъ. Да в кии час листь мои приимешъ, в тои час со всѣмъ воискомъ западнымъ на Индѣю гряди, ко мнѣ же вѣстника пошли, яко да азъ отсюду на него поиду». Александръ на бои к Пору поиде. И сставшимася двема воискома, Поръ напередь 10 000 львовъ пусти. Александръ же противу их буиныхъ воловъ неускихъ пусти. Лвове же с ними сразившеся и паки на свое воиско возвратишася. Александръ же воиску своему на три части разделитися повелѣ. На бои идоша, трубамъ ратнымъ великим ударившимъ, съѣхавшеся.

то сильно испугались, думали Александра выдать Пору, индийскому царю. И сказали: «Сами жизнь свою выпросим у него», в Македонию думая бежать. Птоломей же, воевода Александра, узнав об этом, Александру сообщил. Александр, услышав об этом, войско свое к себе призвал и сказал: «О любимые и могучие македоняне, всех народов сильнейшие и лучшие витязи, вы весь свет завоевали и сильнейших врагов победили, а теперь испугались трусливых и немощных индийцев. Не могут они нас победить, как вам это кажется. И если я опостылел вам, то сами меня убейте; если же вы ждете от Пора добра, то сам я к нему ради вашего блага пойду. Но знайте, македоняне, если Александра погубите, Македонию больше не увидите, будете в порабощении у всех народов и бесславно в чужих землях умрете. Не было такой чести вам при отце моем Филиппе от всех народов, как теперь, когда вы со мною царствуете. Знайте, что мне трех локтей земли хватит, а вас вся вселенная не укроет. Знайте, что, раз вы измену эту явили ныне, в конце времен станет подвластным государство ваше персам, и, вас всех погубив, отеческую землю вашу, Македонию, они захватят. Я же теперь к Пору иду на бой, если его убью, то я победитель всей земли, а не вы; если же он меня убьет, то вы все бесславно умрете». Македоняне, слыша это, плакали и, обступив Александра, сказали: «Великий царь Александр, лучше нам вместе с тобой умереть, чем без тебя жить долго. Измену же эту не мы проявили, но изменчивые, трусливые персы, соседи они индийцам, и пугают нас. А нас индийцы уже по прошлому знают». Услышав это, Александр на персов разгневался, в женские одежды одел их и платки женские на головы им повязал.

И велел он к бою всем готовиться. Войско свое осмотрел, и было у него шесть тысяч тысячей. И грамоту в Персиду написал к Филону, которого послал прежде к царице Роксане, чтобы персами правил: «Александр, царь над царями, моему любимому Филону. Знай, что, всю покорив землю, мы до Индии дошли и против Пора, индийского царя, стоим. И как только грамоту мою получишь, тотчас со всем западным войском в Индию иди, а ко мне пошли вестника, чтобы я против Пора вышел». И Александр на бой с Пором пошел. И когда сблизились два войска, Пор выпустил вперед десять тысяч львов; Александр же против них много буйволов неприрученных пустил. Львы с ними сразились и возвратились к своему войску. Александр войску своему на три части разделиться велел. Пошли они на бой, и, когда в трубы военные затрубили, съехались оба войска.

Поръ во окол свои отъиде, Александръ такоже. И в том бои Поровых убиша двѣсте тысяч людеи, Александровых тритцат пять тысяч, македонянъ 500. Се же Поръ видѣвъ, воиско свое прииде и всѣмъ рече: «О велемошнии велможи, саратаи индѣистии, се с македоняны бившеся, приразихомся, да что сотворимъ к тому?» Они же к нему рекоша: «Великии царю Поре, не к тому людеи посылаи на брань, но великии лепанди и дивныи лвове». Поръ же 100 тысяч лепандъ приведъ, рекше слоны, и ковчеги на них древянии сотвори и в коемъждо ковчеге по двадесят человѣкъ вооруженных, и на бои на Александра пошли. Александръ же повелѣ своимъ всѣмъ прапорцы на кони поставити и на бои к нимъ борзо поиде, людеи же пѣших оруженных двѣсте тысяч поведе, ноги слоном подсекати повелѣ. Слонове же прапорныи звукъ слышавше, уполошишася и побегоша. И ту Поровых людеи Александръ убии 400 тысячь, Александровых же убиша 1000 и 500. И Поръ все свое воиско веземъ, реку преиде, нарицаемую Алфион, с корабли же сию реку прехождаху. И Поръ на брегу реки со всѣмъ воискомъ стоя со всѣми силами своими.

И в тои час Филон от Персиды с великою силою приспѣ ко Александру, с тысячью тысяч людеи вооруженных, и 100 тысяч конеи зобных Александру приведе, 1000 тысячь камелии, иже на потребу, и принесе ему диядиму многоцѣнну и стему безцѣнну от Роксаны царицы, и 1000 литръ злата. И ту стоя Филонь рече: «Милыи мои государю и всѣмъ царемъ царю, великии хинкире и наасаре, Александре царю. Не подобает намъ противу индѣискому царю Пору много корисмати, но скоро на них наѣхавше, яко не на храбрых и не искусных быти». Александръ же о пришествии Филонове радостень бысть велми. Филоново же пришествие увѣдѣвше, македоняне охрабившеся велми, индѣяне же слышавше, страх великъ объятъ их. Филон же ко Александру рече: «Великии царю Александре, елико Поръ противъ насъ стоитъ, толико воиско его храбреиши бываетъ; да пусти на них мене с покойнымъ воиском моимъ». Александръ же к нему рече: «Порово воиско силно есть велми, река же сия непроходна есть *конскими* ногами». Филон же к нему рече: «Македонскии десницы непоколебими суть, македоньским же конем ни едина река не стоит. Нароком же твоимъ облецы мене и молитвою твоею облецы мене, и на Пора пусти мене, много бо может нарокъ силнаго господина и честна; нарокомъ твоимъ, Александре, и горы не стоят и реки, ни луги. Ни подобно тебѣ с Пором битися, много бо царей подручных тобѣ есть, яко же Поръ; мнѣ подобает с ним битися, а не тебѣ, он бо есть индѣискии царь, аз же по твоеи милости перскии господинь есми, перское бо господство индѣискому равно есть». Александръ же к нему рече: «Како реку преидеши?» Он же к

Потом Пор в лагерь свой отступил, Александр тоже. В этом бою у Пора убили двести тысяч людей, а у Александра тридцать пять тысяч и македонян пятьсот. Узнав об этом, Пор к войску своему пришел и сказал: «О могучие вельможи, сатрапы индийские, вот с македонянами бились мы и побиты ими, что сделаем теперь?» Они же ему ответили: «Великий царь Пор, не людей посылай на бой, а больших елефантов и диких львов». И Пор привел сто тысяч елефантов, что значит «слонов», и башни на них деревянные сделал, и в каждой башне было по двадцать человек вооруженных,— и они на бой с Александром пошли. Александр же велел своим воинам на коней колокольчики повесить, и на бой быстро пошел, и пеших воинов двести тысяч повел с собою, которым ноги слонам подрезать велел. Слоны, услышав звон колокольчиков, испугались и побежали. Здесь у Пора Александр убил четыреста тысяч, у Александра же убили тысячу пятьсот. Пор, все свое войско взяв, переправился через реку, называемую Алфион,— на кораблях через эту реку переправлялись. И Пор на берегу реки со всем своим войском стоял, со всеми силами.

И в это время Филон из Персиды с огромной силою пришел к Александру с тысячью тысяч воинов, и сто тысяч коней откормленных Александру привел, тысячу тысяч верблюдов для разных нужд, и привез ему диадему многоценную и венец бесценный от царицы Роксаны и тысячу мер золота. И, стоя перед Александром, Филон сказал: «Милый мой государь и всем царям царь, великий хонкиарь и наасарь, царь Александр. Не следует нам, стоя против индийского царя Пора, долго медлить, но сразу на них нападем, как на трусливых и плохих воинов». Александр приходу Филона рад был весьма. Македоняне, узнав о приходе Филона, стали храбрее, а индийцы, услышав о нем, страхом были объяты. Филон же Александру сказал: «Великий царь Александр, пока Пор против нас стоит, то и войско его храбро; но пусти на них меня с отдохнувшим войском моим». Александр сказал ему: «Войско Пора сильно, а река эта непроходима для конских ног». Филон же ему сказал: «Македонские воины непоколебимы, а македонским коням ни одна река не страшна. Славою же твоею одень меня и молитвою твоею покрой меня, и пошли меня против Пора, ибо многое может слава сильного и достойного государя; славе твоей, Александр, ни горы не противостоят, ни реки, ни леса. Не подобает тебе с Пором сражаться, ибо много царей подвластных у тебя, таких, как Пор; мне подобает с ним сразиться, а не тебе, ибо он индийский царь, я же, благодаря твоей милости, персидский государь, а персидское владение индийскому равно». Александр ему сказал: «Как через реку перейдешь?» А он

нему рече: «Яко же ты узриши». И Александръ дасть ему 1000 тысячь людеи оруженных и пѣших другую 1000 тысяч. Филон же повелѣ всякому воиннику пѣшего за собою на конь взяти с мечем. И стоящим, и егда воиско Порово нача обѣдати, тогда Филон со всѣмъ воиском удари в реку и сию из мѣста изгнаша на поле пред ними, скваснишася мнози, заднии же посуху преидоша. Прешедшим же реку, пѣшии с конеи сседоша, и на околъ наѣхавше, сѣчю велику сотвориша конницы и пѣшии. Александръ же Филонове храбросте подивися и тако сотвори, яко же Филон, реку преиде. Индѣяне же много бившеся и побегоша. Александръ же сихъ постизая, многих убивая и иных живых ухватиша. Порово воиско 1000 и 500 людеи убиено бысть. Пору же из боя бежащу и тако плача глаголаше: «Увы мнѣ, окаянному, како силнии падоша, а немошнии препоясашася силою, како македоньскии царь Дариеву силу победивъ и у космы мои, яко чинакъ, увязе и силу мою разруши. Сих ни Афилонская река воздержати возможе». Александръ на околъ Поровъ наиде, пленити землю индѣискую посла. Поръ же в *столнои* во град свои вниде и ко околнимъ языком посла и глаголя им: «Вѣдомо да есть вамъ, друзи мои и братия моя, яко вселенную примъ и Дария царя убивъ, Александръ, македонскии царь, и до нас доиде; трижды мя разби и силу мою разруши, на Афилон реку пришед, и землю мою пленить. Да молюся вамъ на помош мнѣ приити, аще бо меня разорит, вы постояти пред нимъ не можете». Се же слышавше языцы, иже на сѣвернои странѣ, в тои час к Пору на помош приидоша, бысть же их 6000 тысячеи, Поровых 4000 тысячеи, Александровых же 1000 тысячеи. Обои же направишася, на бои приидоша.

Ставшимъ супротивъ двема воиска, Александръ же Филону повелѣ в посолство поити к Пору с листомъ, имѣющь сице: «Александръ, наакарь, великии хонкиаръ, Пору, индѣискому царю, пишу радоватися. Вѣдомо да есть тебѣ, яко преклонные главы ни меч не сечет; аще Дарии мнѣ поклонитися... хотѣ, всему своему государь был бы и животъ имѣлъ бы. Да и ты сего гордыни подобяся превозносишися много, не вѣси бо, яко всякъ превозносяися смирится. Пизматар бо великъ индѣяном указался еси, и сих безумно на заколение приводиши. Да аще индияне тебѣ милы суть, мнѣ же македоняне милы суть, отнынѣ же довлѣетъ воиском битися. Я и ты да ся биемъ, неподобно бо есть за Александра и за Пора всему свѣту погибнити и опустѣти; да аще ты мене убиешъ, государь всемъ моимъ будеши, аще аз убию тебѣ, по правде всеи Индѣи буду государь. Аще ли животу своему радъ еси, буди государьствуя землею своею, мнѣ же дани давай, воиску ... давай. Едино, кое годно ти есть, мнѣ отпиши». Сеи же листъ

ему ответил: «Увидишь как». Александр дал ему тысячу тысяч всадников и еще тысячу тысяч пеших воинов. И Филон велел каждому всаднику пешего за собой на коня посадить с мечом. И так они стояли; когда же войско Пора начало обедать, Филон со всем войском бросился в реку и ее из русла вытеснили в поле перед ними, многие вымокли, а задние посуху перешли реку. Когда же переправились, пешие воины с коней сошли, и, напав на лагерь, в битву вступили и конные и пешие. Александр храбрости Филона подивился и, сделав то же, что и Филон, реку перешел. Индийцы после долгой битвы побежали. Александр, преследуя их, многих убил, а других в плен захватил. Из войска Пора тысяча пятьсот людей убито было. Пор же с боя бежал и, плача, говорил: «Увы мне, несчастному, сильные пали, а немощные препоясались силою; македонский царь силу Дария победил и к волосам моим как репейник прилип, силу мою разрушив. Их и Алфионская река удержать не может». Александр, заняв лагерь Пора, послал покорять землю Индийскую. Пор же, в столицу свою войдя, к соседним народам послал, сообщая им: «Знайте, друзья и братья мои, что, вселенную захватив и убив царя Дария, македонский царь Александр до нас дошел; трижды меня разбил и силу мою разрушил, к реке Алфион пришел и землю мою завоевывает. И прошу вас на помощь ко мне прийти,— ведь если меня победит, вы противостоять ему не сможете». Услышав это, северные народы тотчас пришли к Пору на помощь; было же их шесть тысяч тысячей, у Пора четыре тысячи тысячей, у Александра же одна тысяча тысяч. И, приготовившись, на бой вышли.

И когда встали друг против друга два войска, Александр велел пойти Филону послом к Пору с такой грамотой: «Александр, наасарь, великий хонкиарь, Пора, индийского царя, приветствует. Знай, что склоненную голову и меч не сечет; если бы Дарий мне покорился, государем над всем своим был и жизнь сохранил бы. И ты, ему в гордыне уподобляясь, очень превозносишься,— не знаешь ли, что всякий возносящийся унижен будет. И большим врагом индийцев ты оказался, которых из-за безумия своего на смерть ведешь. И если индийцы тебе милы,— а мне македоняне милы,— отныне довольно войскам нашим сражаться. Мы с тобой будем сражаться, ибо не должен из-за Александра и Пора весь свет погибнуть и опустеть; и если ты меня убьешь, государем над всем моим будешь, если же я убью тебя, то по справедливости всей Индии государем стану. Если жизнью своей дорожишь, правь землею своею, а мне дани давай и войско. Что тебе из этого угодно, мне напиши». Эту грамоту Филон

Филонъ вземъ и к Пору отиде. Поръ же сии листъ перед индѣяны прочетъ и радостен быв о семъ и рече: «Аз с тобою битися имам, а воиски наши на сторонѣ стоят». И к Филону рече: «Ты ли перскии государь, Дариевъ намѣстник перскии?» Филон же рече: «Азъ есми Филон, Дариевъ намѣстникъ, Александром любимыи, персомъ государь и скорымъ финикомъ и Линьскои земли». Пор же к нему рече: «Отнынѣ государьствовати не может Александръ, от руки моея умрет; ты же животом своимъ промышляи и мои буди, и персомъ государь и от Индѣи дам ти 4 часть». Филонъ же к нему рече: «Я нынѣ государь персомъ. Ты же ми 4-ю часть Индѣи даеши, Александръ всю Индию мнѣ далъ есть; егда сию прииметъ, тогда мнѣ в неи царствовати». Индѣяне же ту стоящии к Филону рекоша: «Почто тако силному царю говориши?» Филон же к ним рече: «Силнаго государя волен посол и вѣрен слуга и страха не имаетъ». Пор же к Филону рече: «Буди мои и дшер мою дам ти и по смерти моеи всеи Индѣи государя сотворю тя». Филон же к нему рече: «Вѣру ими ми, Поре, яко от любве Александровы *не может менѣ* разлучити весь поднебеснои свѣт, *вес бо миръ* недостоин есть единаго власа от главы его отпадающа». И се рек Филон ко Александру отъиде, к Пору рекъ: «Поѣдь на бои борзѣе, ждетъ тебѣ Александръ во всем оружии на великомъ кони сѣдя». И Александръ во оружии заѣха, Филона вопрошаше: «Каковъ есть Поръ?» Филон же рече к нему: «Тѣла великаго есть, толстъ, но велми гнѣлъ; и поиди, убити его имаши, *нароку бо твоему всевѣдыи* помогаетъ». Александръ же, имя бога Саваофа призвавъ, рече: «Боже великии, иже на святых почиваяи, помошник ми буди нынѣ на индѣискаго Пора. Единъ свять господь Саваоф». И се рекъ, в руку копие приимъ, прямо к Пору поѣха. Пор же прямо ему поѣха с воиски своими. И стѣкошася оба, копьи ударишася и копьи обломишася, рогатины исторгоша и с ними... сто крат ударишася, мечи исторгоша и сихъ притупиша. И тако приступивъ Александръ к Пору рече: «Такова ли вѣра твоя, Поре, воиско твое помощи тебѣ дает». Поръ же к воиску озрѣвся, хотя их уставити. Александръ же к нему приспѣ, Дучипала коня острогами гараздо удари и к Пору скоро прискочи, и бурдуномъ его под десную пазуху удари и прободе его. Дучипал же коня его зубами за шею похвати и к земле его притище. Поръ же нс коня урвася и злѣ душу свою отдадѣ. Индѣяне же, сие видѣвше, начаша бѣгати. Александръ же поиде за ними, терая их, 3 тысячи убии и многих живых похватиша. Тѣло же Порово вземъ, на златом одрѣ постави и в столныи град его, во Илиюполь, принесе. Царица же его Темищра, власы главы своея до земля распростерши и одеяние многоцѣнное на себѣ раздравши, со двемасты тысяшми владыкъ

взял и к Пору пошел. Пор же ее перед индийцами прочел и, обрадовавшись, сказал: «Я с тобою сражаться буду, а войска наши пусть в стороне стоят». И к Филону обратился: «Это ты государь персов, преемник Дария?» Филон сказал: «Я — Филон, преемник Дария, любимец Александра, государь персов и быстрых финикийцев и Лидонской земли». Пор же ему сказал: «Отныне Александр не будет править, так как от руки моей умрет; ты же, о жизни своей заботясь, на мою сторону стань и, оставаясь государем у персов, Индии получишь четвертую часть». Филон ему сказал: «Я ныне государь персов. Ты мне четвертую часть Индии даешь, Александр всю Индию мне дал; когда ее покорит, тогда мне в ней царствовать». Стоящие тут индийцы сказали Филону: «Как можешь так с сильным царем говорить?» Филон им ответил: «У сильного государя посол свободен, он верный слуга и страха не имеет». Пор же Филону сказал: «Стань моим, и дочь мою отдам тебе, и по смерти моей государем всей Индии будешь». Филон ему ответил: «Поверь мне, Пор, что весь поднебесный мир не может заставить меня отказаться от любви к Александру, потому что весь мир недостоин одного волоса с его головы». И, сказав это, Филон к Александру отправился, сказав Пору: «Поезжай скорее на бой, ждет тебя Александр уже при оружии на своем великом коне». И Александр в своем вооружении выехал, и Филона спросил: «Каков Пор?» Филон же сказал ему: «Телом велик и толст, но гнил; иди, убить его должен, ибо судьбе твоей всеведущий помогает». Александр же, имя бога Саваофа призывая, сказал: «Великий боже, почивающий на святых, помощником мне будь ныне против индийского царя Пора. Един свят господь Саваоф». И, сказав это, в руку копье взял, и поехал навстречу Пору. Пор же против него выехал с войском своим. И, сблизившись, копьями ударили друг друга, и копья обломились, рогатины извлекли и ими сто раз сразились, мечи вынули и их притупили. Тогда приблизился Александр к Пору и сказал: «Так-то ты верен слову своему, Пор,— войско твое помощь тебе посылает». Пор на войско оглянулся, чтобы их остановить. Александр Дучипала сильно пришпорил, и, к Пору быстро подскочив, кинжалом его под правый бок ударил, и пронзил его. А Дучипал коня его зубами за шею схватил и к земле пригнул; Пор упал с коня и бесславно душу свою отдал. Индийцы же, увидя это, пустились в бегство, Александр пошел за ними, преследуя, три тысячи их убили и многих в плен захватили. И, взяв тело Пора, на золотом одре его положил, и в столицу его Илиюполь принес. Царица же его Клитемищра, волосы свои до земли распустив и одеяние многоценное на себе разодрав, с двумястами тысячами вельмож

с плачемъ великимъ и рыданиемъ тѣло Порово сретоша, жалостно его плакаша. Александръ же его повелѣ поставити на златом одрѣ и стему великую на главу его постави; и тако со всим воиском оплака его и с честию великою вкопати повелѣ.

И ту Александръ 12 днии стоя, во Илиюполь вниде. И введоша его царство Порово, толико дивна внутрь его видѣ, *иже око не видѣ и ухо не слыше.* Полата бо его на четыре перестрѣлы долга и широка вельми, златы же стѣны бяху, покровъ весь златъ и столпове вси златы, жемчюгом и камением украшени бяху; *и всех же великих цареи боеве писаны в тои полате и 12 месяцов в человѣческих образехъ изваяни, бяху же 12 добродетелеи человѣческих изваяни в злате* женскими образы, всяко по своему подобию, и часовникъ мѣсячныи и смена лунная верху полаты тое сотворена бяху. И приведоша к нему 1000 тысяч конеи зобных Поровых и 100 тысячь фарижи индѣискихъ под хакизмы серменеми, приведоша ему 100 тысяч лвов ловных Поровых, 20 тысяч пардусовъ, 1000 тысяч оружия цела и коруну Порову от камения самфира, и перстен Поров многоцѣнныи от аметиста камени, и блюд настолных 100 тысяч, рогов слоновых 8 тысяч, и кубцовъ настолных многоцѣнных, с камениемъ и з жемчюгомъ и златомъ украшенных 30 тысяч, и прочих вещеи украшенных, иже нѣсть возможно исповѣдати. И ту Александръ годъ сотвори со всѣми вои своими и любимаго Антиоха сотвори индѣяномъ господьствовати.

СКАЗАНИЕ О ЦАРѢХЪ, И О КНЯЗЕХ МНОГИХ, И О ЖЕНАХ О МАЗАНЬСКИХ, И О ЕВРИМИТУ, МЕРСИЛОНСКОМ ЦАРИ, ИМѢЯ МНОГИ ЯЗЫКИ ПОД СОБОЮ ПОГАНЫХ, ИХ ЖЕ АЛЕКСАНДРЪ ЗАЗИДА, И О КАНДАКИИ ЦАРИЦЫ УСЛЫШИТЕ

Услышавше околнии цари разрушение Порово, сии приидоша мнози цари и князи, поклонишася Александру, и дары ему принесоша мнози. Александръ же на Мизаньскую землю поиде. И повелѣ Александръ град мизанскии жен оступити и рвати крѣпко. И толики они жены рваху искусно из града, яко никому же ихъ побороти могущу. Александръ же се слышав и подивися. Жены же оны посла послаша ко Александру с листомъ: «Вѣсть некако во уши наши прииде, о миродержече Александре царю, яко весь свѣт приимъ, з женьскиимъ поломъ битися хощеши. Да сие намъ невѣрно мнитца, иже тобѣ с нами битися, не вѣси бо, что прилучится тобѣ. Аще бо нас разбиеши, малу честь обрящеши, аще ли мы тебе разбиемъ, велика ти срамота будет. Да молимся тебѣ, молбы наша не презри, но образ свои написав даи намъ

с плачем великим и рыданием тело Пора встретила. Александр велел положить его на золотом одре, и венец ему на голову возложил, и вместе со всем войском оплакал его, и велел с большой честью похоронить.

Пробыв тут двенадцать дней, Александр в Илиюполь вошел. И когда ввели его в царство Пора, столь много дивного внутри он увидел, что ни око никогда не видело, ни ухо не слышало. Дворец Поров был в четыре полета стрелы длиною и очень широк, стены золотые, и кровля вся золотая, и столпы золотые, жемчугом и камнями украшены, и битвы со всеми великими царями изображены были во дворце, и двенадцать месяцев в образе людей изваяны были, и двенадцать добродетелей человеческих сделаны из золота в виде женщин, каждая так, как ей должно, и часовник месячный, и смена фаз луны вверху палаты той изображены были. И привели к нему тысячу тысяч коней тучных Поровых и сто тысяч коней индийских под сетчатыми попонами, привели ему сто тысяч охотничьих львов Пора, двадцать тысяч пардусов, принесли тысячу тысяч доспехов, и корону Пора из камня сапфира, и многоценный перстень Пора из камня аметиста, и блюд настольных сто тысяч, бивней слоновых восемь тысяч, и многоценных кубков настольных, камнями, жемчугом и золотом украшенных, тридцать тысяч, и множество других прекрасных вещей, так что невозможно рассказать. И тут Александр год пробыл со всем войском своим и любимца своего, Антиоха, сделал государем над индийцами.

СКАЗАНИЕ О ЦАРЯХ И КНЯЗЬЯХ МНОГИХ, И О ЖЕНАХ МАЗАНЬСКИХ, И О МЕРСИЛОНСКОМ ЦАРЕ ЕВРЕМИТЕ, ИМЕВШЕМ ПОД СВОЕЙ ВЛАСТЬЮ НЕЧИСТЫЕ НАРОДЫ, КОТОРЫХ АЛЕКСАНДР ЗАКЛЮЧИЛ, И О ЦАРИЦЕ КАНДАКИИ УСЛЫШИТЕ

Когда услышали соседние цари о поражении Пора, пришли к Александру многие цари и князья, и поклонились ему, и дары принесли многочисленные. Александр же на Мазаньскую землю пошел, и велел город мазаньских жен осадить, и воевать с ними упорно. Но столь эти жены искусно оборонялись, что никто победить их не мог. Александр, услышав это, удивлялся. А жены эти послали к Александру посла с грамотой: «Весть наших ушей достигла, о миродержец царь Александр, что ты, весь мир покорив, с женским полом сражаться хочешь. Но думаем, что тебе не следует с нами воевать, ибо не знаешь, что тебя ожидает. Если нас победишь, немного тебе от этого чести будет, а если мы тебя победим, то большой позор тебе будет. И просим тебя, не откажи нам в мольбе нашей и образ свой пришли нам,

вмѣсто тебѣ да над нами царствует. И к царству твоему дали есми дары многоцѣнныи, честнѣе злата и камени многоцѣннаго и бисера, и 100 жен и венец царицы нашея Клитевре, и сии бо жены прекрасныи на потребу тебѣ и властелем твоимъ. Умилосердися о нас, малая наша приношения, яко вѣрных своих раб, *прими* и надежу намъ отпиши».

Листы же Александръ приимъ, красоту женъ тѣхъ видѣвъ и подивися. Листь же к нимъ писа: «Александръ, царь над цари, сестрѣ моеи Клитиврѣ, амизаньскои царицы, пишу радоватися. Листъ вашъ приимъ и писания ваша узнах и на дарех ваших хвалю вас. Да не подобаше вамъ благообразных к нам посылати. Мы бо вси мужи победители есми земьскии, како от женъ победитися хотѣхомъ? И копие мое к вамъ послах, да межи вами царствует в мѣсто мое. И 30 воиски тысяч людеи ко мнѣ посылаите на помощь, имам бо поити на мерсилоньскаго царя Евримиврата, моеи не хотяща повинутися власти». Птоломѣи же, воевода его, ту стоя рече, яко глумно: «Царю Александрѣ, даи же ми оными женами владѣти и царствовати; аще ми царства их не даси, и ты ми сих 100 даи, да их въ царство приведу». Александръ же о семъ насмеявся и рече: «Ты воевода силе моеи еси, едина бо их довлѣетъ тобѣ». Птоломѣи же рече к нему: «Александре царю, ты великъ, убоялся еси их».

И оттуду Александръ двигъся на Евримитра, миръсилоньскаго царя. Евримиврат же, сие слышав, всю воиску собра, 8 тысяч оруженных, на Александра прииде, и посылку посла, да стража Александрова ухватят. Александръ же Селевка посла воеводу съ 1000 тысячь воиски и в нѣкое мѣсто скрытися повелѣ ему. Емиврат же с воискомъ своимъ на воиско Александрово прииде. Селевкъ же его напрасно срѣте и разби ихъ и живаго его ко Александру приведе. Александръ же главу ему отсечи повелѣ.

Языцы же сии невѣрнии от странъ слышавше и убояшася и к сѣвернои странѣ побегоша. Александръ же побиваше их до высокихъ великих горъ, иже холми Сѣвернии зовутся, и ту мѣсто видѣвъ подобно, зазидати их повелѣ, яко да к тому во вселенную не изыдутъ. И ту ставъ, богу помолися и невидимымъ тваремъ, рекъ: «Боже вышьнии, услыши мя в час сии; нѣсть бо тебѣ, иже невозможно, тои бо рече, и быша, и ты повелѣ, и создашася; ты бо еси единъ, предвѣчныи, безначалныи, невидимыи богъ, и твоимъ повелѣниемъ и твоим именем сотворих вся си и предал еси в руце мои весь мирь; да молю всехвалное имя твое, сие прошение мое сотвори и сими двема горамо повелѣ сccтупитися». И в тои час оныи двѣ горы сступишася, на 12 локотъ близу не сстася. Александръ же видѣвъ, прослави бога, врата же мѣдная великая сотвори, ту *замаза* сунклитом. Сунклит же есть таковаго естества,

чтобы он вместо тебя над нами царствовал. А тебе мы даем дары многоценные честные — золото, драгоценные камни и жемчуг, сто жен и венец царицы нашей Клитевры. Жены эти прекрасные для тебя и твоих вельмож. Смилуйся над нами, малое наше приношение как от верных рабов своих прими и обнадежь нас своим ответом».

Александр принял грамоту, а красотой тех жен удивлен был. И грамоту в ответ написал: «Александр, царь над царями, сестру мою Клитевру, мазаньскую царицу, приветствую. Грамоту вашу получил, и написанное вами знаю, и за дары ваши благодарю вас. Но не следовало вам красивых жен к нам присылать, ибо мы победители всех мужей на земле и не хотим, чтобы жены нас победили. Копье мое к вам послал, пусть среди вас царствует вместо меня, и войска тридцать тысяч ко мне присылайте на помощь, так как хочу пойти на мерсилонского царя Евремита, не желающего мне подчиниться». Воевода Птоломей, стоя тут, сказал в шутку: «Царь Александр, сделай меня царем и владетелем над этими женами, а если же царства их не дашь, так хоть этих сто дай, чтобы я их проводил». Александр посмеялся и сказал: «Ты воевода всего войска моего, а одной из них достаточно, чтобы победить тебя». Птоломей же ответил ему: «Царь Александр, велик ты, а испугался их».

И оттуда Александр пошел на мерсилонского царя Евремита. Евремит, узнав об этом, все войско свое собрал, восемь тысяч воинов, и навстречу Александру пошел, и послал людей, чтобы передовой отряд Александра захватили. Александр отправил воеводу Селевка с тысячью тысяч войска и в некоем месте укрыться велел ему. Евремит с войском своим выступил против Александра, но Селевк неожиданно напал на него, разбил и, взяв его в плен, к Александру привел, и велел Александр голову ему отсечь.

Нечистые же народы, услышав это, испугались и к северу побежали; Александр преследовал их до высоких гор, которые Северными холмами называются, и видя, что место подходящее, велел их там запереть, чтобы они больше во вселенную не вышли. И тут став, помолился богу и невидимым силам, сказав: «Всевышний боже, услышь меня, ибо нет для тебя невозможного, что ты сказал, то и стало, ты велел — и создалось; ибо ты единый, предвечный, безначальный, невидимый бог, и твоим повелением, и твоим именем сделал я все это, ты дал в руки мои весь мир; молю всехвальное имя твое, просьбу мою исполни и этим двум горам вели сойтись». И тотчас две горы сошлись, на двенадцать локтей друг до друга не дойдя. Увидев это, Александр прославил бога, и ворота медные сделал тут, и замазал их сунклитом. Сунклит же имеет такое свойство —

ни огнь его похватити можетъ, *ни желѣзо.* Внутрь же вратъ за три поприща купину насади и ту поганыя языки заклепи. Врата же такъ Аспидьска нарицаются. Сут же языцы ти, иже заклепи Александръ: готти, магогти, анагосии, агиси, азанихи, авенреси, фитии, анвы, фарзании, климеади, занерииди, теании, мартеани, хамони, агримарды, ануфиги, псоглави, фердеи, алане, сфисони, кенианиснеи, салтари. Сии же языцы погании бяху и сихъ Александръ заклепи за великаго ради поганьства ихъ. И оттуду паки во вселенную возвратися, многи грады и островы приимъ.

Слышавше же пришествие его Клеопила Кандакия, царица амастридонская... изуграва хитра послав, Александровъ образ исписати. Сеи же, исписавъ, Кондакии принесе. Царица же красоту образа видивши, подивися, и в ложни его храняше; Александрову хитрость разумѣла бяше, како самъ во всякии грады исходникъ творяшеся и како Дариево царство приялъ бяше, посол себѣ творя. Сие слышавши, Клеопила Кандакия царица ухватити его надѣяшеся. Сему же бывшу, Александръ до царствия Кандакии царицы приспѣ. Каньдакия же царица Пору, индѣискому царю, сватья бѣ, сынъ бо ея Карторъ Порову дочь понялъ. Александръ же ка Амастридоньскои земли приближися. Сие слышав, агримъскии царь Кандавлус, сынъ Кандакии царицы, от царствия своего побеже со женою и со имѣниемъ своимъ и к матери своеи Клеопиле Кандакии, царицы амастридонскои. Евагридъ же, силурьскии царь, видевъ его от Александрова страха бежаща, воста на нь и разби, и жену его и дшерь и все имѣние его взятъ. Кандавлусь же со стом конникъ въ Мастридонъ к матери своеи *побеже.* Стражи же Александровы ухватиша его и вопрошашу его: «Кто, откуду еси?» Он же имъ всю истинну сказа. Они же, поимше его, ко Александру приведоша его. Александръ же сие слышавъ, яко Кандавлус, Кандакии царицы сынъ, ухвачен бысть, и скрыся, и вмѣсто себѣ Антиоха воеводу на престоле царском посади. Сам же, яко единъ от властелеи, Антиоху предстояше, хотяше бо Амастридоньское царство исходити. Антиоху же рече: «Прикажи его мнѣ, да аз пред тобою поставлю его и о всемъ его роспрошаи, и мнѣ его предаи блюсти». И тако Антиох повелѣ Кандавлуса привести. Александръ же шед, приведе пред Антиоха. Кандавлуса же Антиохъ вопрошаше и глаголя: «Откуду бежа мнѣ в руце впаде?» Он же рече: «От страха твоего бежахъ к матери моеи, амастридонскои царицы Кандакии. Евагрид же, сумежникъ мои силурьскии царь, воста на мя и разби мя и все имение мое взя, и жену, и дшерь мою. Азъ же яко единъ от боя оттекохъ и на твои наидох стражи; и они мя ухватившe и к тебѣ приведоша. На мнѣ ... *свершися днес* нѣкоего злочестиваго человѣка притча, иже ото лва бѣгая

ни огонь его не берет, ни железо. За воротами же в три поприща терновник посадил; и так заключил нечистые народы. И те ворота Аспидскими называются. Вот какие народы заключил Александр: готти, магогти, анагосии, агиси, азанихи, авенреси, фитии, анвы, фарзании, климеади, занерииди, теании, мартеани, хамони, агримарды, ануфиги, псоглавые, фердеи, алане, сфисони, кениансней, салтари. Это были нечистые народы, и их Александр заключил по причине их нечистоты. И оттуда опять во вселенную возвратился, многие города и острова покорив.

Услышав о его приходе, Клеопила Кандакия, амастридонская царица, искусного художника послала, чтобы он написал портрет Александра. Тот написал и принес Кандакии. Царица же, красоту его видя, удивлялась и в спальне своей этот портрет хранила; знала она о хитрости Александра, что он сам на разведку в разные города ходит и что получил царство Дария, побывав там под видом посла. Зная об этом, царица Клеопила Кандакия надеялась захватить его. В то время Александр царствия царицы Кандакии достиг. А царица Кандакия Пору, индийскому царю, сватьей была, так как сын ее Картор дочь Пора взял в жены. Александр подошел к Амастридонской земле. Узнав об этом, агримский царь Кандавлус, сын царицы Кандакии, из царства своего бежал вместе с женой и богатством к матери своей, Клеопиле Кандакии, амастридонской царице. Евагрид, силурский царь, видя, как он бежит, страшась Александра, вышел против него и разбил, и жену его, и дочь, и все богатства его взял. А Кандавлус с сотней всадников в Амастридон, к матери своей, бежал. Воины же Александра захватили его и спрашивали: «Кто ты и откуда?» Он же им все о себе рассказал. Они привели его к Александру. Александр же, услышав, что Кандавлус, сын царицы Кандакии, схвачен, вместо себя воеводу Антиоха на царском престоле посадил, а сам как один из вельмож перед Антиохом стоял, ибо хотел в Амастридонское царство сходить и его разведать. И Антиоху сказал: «Прикажи, чтобы я его перед тобою поставил, и о всем его расспроси, и мне его передай». Антиох велел привести Кандавлуса. Александр пошел и привел его к Антиоху. Кандавлуса же Антиох спрашивал: «Откуда бежал и как в руки мои попал?» Тот сказал: «Страшась тебя, бежал к матери моей, амастридонской царице Кандакии. Евагрид же, сосед мой, силурский царь, напал на меня и разбил, и все богатства мои взял, и жену, и дочь мою. Я один с боя убежал и твоих воинов встретил; они меня схватили и к тебе привели. На мне исполнилась ныне притча о некоем злосчастном человеке, который, убегая ото льва,

и на древо высоко збѣже, на краи езера стоящее, и на россоху вместився, отъ страха лвова обезпечалився; и на верхъ древа выше себѣ погляда и змия увидѣ, хотяща его поглотити, и в недоумѣнии быв и рече, восплакався: «Злочестивым всемъ вся неволная прилучаются». И се рекъ, во езеро скочи, глаголя: «Лутче мнѣ есть от коркодила во единъ часъ изьедену быти, нежели ото лва или от змеи горкую смерть приимати». Тако же и мнѣ прилучися, Александре царю: от страха твоего бежалъ и на стражи твои ударихся». Антиох же на царскомъ престолѣ седя Кандавлусу рече: «Злочестивым же вся многа зла наносятся и от нихъ на поконь умирають. Ты же, злочестне, отколе се еси на мене намѣрилъ, азъ бо тобѣ жену твою возвратити имамъ и дшерь твою и имѣние твое все и все свое возми и мене гостя имѣи и приятеля». И рекъ глаголя ко Александру: «Антиоше воевода, воиско мое взем, на Евагрида, силурскаго царя, поиди; да аще Кандавлусову жену и дшерь з добромъ вратитъ имѣние их все, привед его ко мнѣ на вѣру. Аще ли не возвратит всего, его и всю землю его плени и грады его разбии и связанна приведъ его ко мнѣ. И егда сие свершиши, тогда к матери его, Клеопиле, царицы Кандакии мастридоньскои, в посольстве послати тя имамъ». Кандавлусь же сие слышав и клабукъ снемъ, Антиоху на ногу падъ поклонися, Александра его мня быти, рече: «О великии царю Александре, всѣх ли неволных ты милуеши, и тако за толику добродѣтелъ всему свѣту царя богъ тебѣ сотвори. Да отколе образ твои сподобихся видети, всю прилучившую ми ся скорбъ радостию изменихъ». И се рекъ Кандавлус, Антиоху поклонися. Александръ же за руку его приимъ, во околъ свои отъиде.

И на Евагрида поиде, силурьскаго царя. И взя с собою избранных воинник 400 тысяч. Идущим же имъ путем, Александръ Кандавлусу глаголаше: «Аще жену твою возму и тобѣ в руку дамъ, что ми от тебѣ добро будет?» Кандавлусъ же к нему рече: «Нѣсть возможно языкомъ изглаголати толика добра учинившу, все бо имѣние тобѣ дамъ и мою главу в руце твои дамъ. Елика возможна ти есть, потшися за мя. Да что егда отсюду возвратимся, тогда Александра молити имамъ, яко пуститъ тебѣ в посолство к матери моеи Клеопиле. И возмездие великое и дары что сотворит ти и третиего сына сотворити тя имать тобя собѣ». Приспѣвши же во Евагридову землю, на три полки воиско разделивъ: 100 тысяч воиска на плѣнъ в землю пусти, и 100 тысячь на Евагрида посла, и 100 тысячь в лугу близ града скры. Человѣка же в земли тои ухвати и листь ему даде и рѣчми ко Евагриду научи: «Вѣдомо да есть тобѣ, Евагриде царю, яко Александръ, царь царемъ, всеи земли государь и всему свѣту, до здѣ прииде. Непреломъство твое видя и худое поношение твое,

влез на высокое дерево, стоящее на берегу озера, и, на ветвях его поместившись, от страха перед львом избавился, но, на верх дерева, выше себя, посмотрев, змея увидел, собирающегося его проглотить, и, не зная, что ему делать, воскликнул: «Со злосчастными все беды случаются». И, сказав это, в озеро прыгнул, говоря: «Лучше мне крокодилом в один миг съеденным быть, чем от льва или от змея принять горькую смерть». Так и со мною случилось, царь Александр: испугавшись тебя, я бежал и на воинов твоих натолкнулся». Антиох, на царском престоле сидя, сказал Кандавлусу: «Злосчастным все беды выпадают, и от них они наконец умирают. Ты же, злосчастный, поскольку ко мне попал, от несчастья избавился, я тебе жену твою возвращу, и дочь твою, и все богатства твои, все свое получишь, а я буду твоим гостем и другом». И сказал Александру: «Воевода Антиох, войско мое возьми и на Евагрида, силурского царя, пойди; и если жену Кандавлуса, и дочь, и богатства его добром вернет, приведи его ко мне для примирения, если же не возвратит, то всю землю его покори и города его разори, а его связанным ко мне приведи. И когда это выполнишь, к матери его Клеопиле Кандакии, амастридонской царице, послом тебя пошлю». Услышав это, Кандавлус клобук снял и Антиоху в ноги поклонился, думая, что это Александр, и сказал: «О великий царь Александр, всем несчастным ты помогаешь; и за столь великую добродетель всего света царем бог тебя сделал; поскольку же я тебя удостоился видеть, то все мое горе в радость для меня обратилось». И, сказав это, Кандавлус Антиоху поклонился. Александр же, за руку его взяв, в лагерь свой отвел.

И пошел на Евагрида, силурского царя, взяв с собою четыреста тысяч отборных воинов. И когда они шли, Александр Кандавлуса спросил: «Если жену твою возьму и в руки тебе передам, чем отблагодаришь меня?» Кандавлус же ему сказал: «Невозможно словом выразить то, чем обязан буду тебе, столько добра сделавшему; все богатство мое тебе отдам и голову свою в руки твои отдам. Сколько можешь, постарайся ради меня, и когда отсюда возвратимся, то Александра просить буду, чтобы отправил тебя послом к матери моей Клеопиле. И она вознаграждение великое и дары даст тебе, и третьим сыном у нее будешь». И когда дошли до земли Евагрида, Александр разделил войско на три полка: сто тысяч войска пленить землю послал, сто тысяч на Евагрида и сто тысяч в дубраве около города спрятал. И жителя той земли захватил, и, грамоту ему дав, научил его, что нужно сказать Евагриду: «Знай, царь Евагрид, что Александр, царь царей, государь всей земли и всего света, до этих мест дошел. И видя твое упорство и глупость твою,

Антиоха воеводу прислал есть здѣ и тако тебѣ глаголетъ: «Дани к намъ принеси и жену Кандавлусову и дшерь и все имѣние его возврати. Аще ли сего не сотвориши, смертию злою умрети имаеши». Евагрид же, се слышав, исходники посла на Александра. Исходницы к нему пришедше рекоша: «Мало воиска Антиохово есть». Евагрид же, сие слышав, на бои ко Александру поиде. Александръ же воиско сокровено из лугу изведе, Евагрида разби. Евагрид же, страха Александрова убояся, самъ на мечь налегъ, прободеся. Александръ же на град пришедъ, до конца его разбии и имѣние его взял, и жену Кандавлусову и дшерь возврати; пленове же вся announced вземъ, в воиско свое отъиде. Кандавлусь же ко Антиоху пришед, поклонися ему, яко Александру. Антиох к нему рече: «Вся своя вземъ, к матери своеи поиди». Кандавлусь же к нему рече: «Великии царю Александре, вся моя погодья свершил еси и сие прошение мое соверши — сего воеводу своего Антиоха пошли к матери моеи и вся хотѣния *твоя* совершити имает, велми бо его на сем воиску видѣх мудра и хитра и вѣрна тебѣ». Антиохъ к нему рече: «Вся, елика требуеши, совершити *имам»*. Александра призвав, к нему рече: «Поиди, воевода Антиоше, ко Клеопиле, мастридонскои царицы, с сыномъ ея Кандавлусомъ и рцы еи: «Александрь царь на межу земли твоея прииде и дани от тебе ждет. Аще сего не сотвориши, со всѣми силами на царство твое иду». Александръ же ко Антиоху рече: «Вели листь писати к неи». Кандавлусь же стоя рече: «Не подобает книги писати такову мудру послу, яко же еси ты». И тако оба поклонишася Антиоху, отъидоша. Антиохь же повелѣ Кандавлуса даровати одеянием многоцѣнным македоньским и кучмом перскимь многоцѣннымъ и парижемъ индѣискимъ под хакизмом коркодиловым. Александръ же на свои стань... поведъ и честиль его и честными дары даровалъ его и в посольство к матери его поиде.

На пути же Александра облобызаше много, к нему глаголаше: «Воистинну, на всеи поднебесной земли подобна тебѣ человѣка не видѣхъ; аще другаго подобнаго тобѣ имает Александръ, по правде, всему свѣту царь есть, такии два человѣка имѣя». О семъ Александръ Кандавлусу рече: «Вѣру ими ми, Кандавлусе брате, много у Александра болшихъ мене и старшихъ людеи есть: Филонъ, Птоломѣи воевода, и по томъ Селевкъ, и по немъ Андигон, и по сихъ меншии есми я, Антиохъ». Кандавлус же к нему рече: «И всихъ сихъ видѣхъ, но тебе паче всѣхъ болши мню, достоинь бо еси ты над всѣми царствовати». Александръ же искушаше его, увѣдати хотя, како любит его. Он же к нему отвеща, глаголя, яко: «И смерть вмѣсто живота приял быхъ, аще ми ся случет с тобою умрети, не разлучюся с тобою». И тако глаголаше,

воеводу Антиоха прислал сюда, и он тебе говорит так: «Дани нам принеси, и жену Кандавлуса, и дочь его, и богатства его возврати. Если же этого не сделаешь, смертью злою умрешь». Евагрид же, услышав это, разведку послал к Александру. Они же, к нему вернувшись, сказали: «Мало войска у Антиоха». Евагрид, услышав это, на бой с Александром пошел. Александр же спрятанное войско из леса вывел и Евагрида разбил; Евагрид, боясь Александра, сам, бросившись на меч, пронзил себя. Александр пришел к городу и полностью разрушил его, и богатства его взял, и Кандавлусу жену и дочь возвратил; и, взяв добычу, к своему войску пошел. Кандавлус же, придя к Антиоху, поклонился ему как Александру. Антиох ему сказал: «Все свое возьми и к матери своей иди». А Кандавлус отвечал ему: «Великий царь Александр, все мои желания ты исполнил и это мое прошение исполни — воеводу своего Антиоха пошли к матери моей; все, что ты желаешь, он совершит, ибо в этой войне я увидел, что он весьма мудр и искусен и верен тебе». Антиох же ему сказал: «Все, что желаешь ты, исполню». И Александра призвав, приказал ему: «Пойди, воевода Антиох, к Клеопиле, амастридонской царице, вместе с сыном ее Кандавлусом, и передай ей: «Царь Александр к границам земли твоей пришел и даней от тебя ждет. Если этого не сделаешь, со всеми силами своими на царство твое пойду». Александр Антиоху сказал: «Вели грамоту написать к ней». Стоявший тут Кандавлус сказал: «Не нужно писать грамоты для такого мудрого посла, как ты». И оба поклонились Антиоху и ушли. Антиох велел подарить Кандавлусу многоценное одеяние македонское, кучму персидскую и коня индийского под крокодиловой попоной. Александр повел его в свой лагерь, с почетом принял его и, дорогими дарами одарив, послом к его матери пошел.

На пути Кандавлус много целовал Александра, говоря ему: «Поистине на всей поднебесной земле подобного тебе человека не видел; если второй подобный тебе есть у Александра, вот уж поистине всего света он царь». На это Александр Кандавлусу ответил: «Поверь мне, брат Кандавлус, много у Александра людей, которые больше и старше меня — Филон, воевода Птоломей, после него Селевк, а после него Андигон и потом меньший из них я, Антиох». Кандавлус же ему сказал: «Всех их я видел, но тебя среди них наибольшим считаю, достоин ты над всеми царствовать». Александр же испытывал его, желая узнать, насколько он любит его. Тот же ему сказал: «Даже смерть вместо жизни приму, и если случится мне с тобою умереть, не разлучусь с тобою». И так беседуя,

до пещеры великия нѣкия дошедше. Кандавлусь же ко Александру рече: «Любимыи мои Антиоше брате, яко в сеи великои пещере, глаголютъ, бози еллинстии вси суть, по смерти своеи в пещеру сию вхожаху. Да аще хощеши увѣдати, яко о смерти своеи, и мала ступивъ, уклонися и в пещеру сию внидеши». Александръ же к нему рече: «Такова ли любовъ твоя ко мнѣ, Кандавлусе брате, како велиши мнѣ внити здѣ?» Кандавлусь же пригнувъ его к собѣ, проплакавъ рече: «О любимыи брате мои Антиоше, не рекох ти *внидеши* здѣ. Но сказах ти, яже живутъ в пещере тои». Александръ же мало ступивъ, уклонися, в пещеру вниде. Вьшедшу ему внутрь, и ту мечтания нѣкая звѣрообразная сретоша его. Он же имя Саваофа бога призвав и все прах бысть. Чюдна же нѣкая и дивная в пещере тои видѣвъ: человѣки же многи связанны опаки руками; и ту Ираклия видѣвъ, и Аполона, и Крона, и Ермона, иже еллинстии боги мняху. И сихъ Александръ виде связаны веригами, и к единому приступивъ от чюднех онѣхъ, вопрошаша. Он же к нему рече: «Поиди, Александре, болши сих узриши. Вси бо сии быша елиньстии цари, яко же и ты нынѣ, и за гордыню велику, богу небесному подобящеся, ... и на сих богъ разгнѣвався и в пещеру сию повелѣ сихъ ввовещи; и душа их здѣ мучитися имут до скончания вѣка. И скончавшим же ся седмимъ вѣкомъ, в тартар огнену поити мучитися имут в бесконечные вѣки всегда». Александръ же к нему рече: «Звѣрообразнии сии человѣцы, что суть?» Он же к нему рече: «Сии суть, иже злѣ и немилостивно на сем царствовавше». Александръ же к нему рече: «Мню, яко нѣгде видѣх тя». Он же к нему рече: «Да аще на дивии человѣки ходилъ еси». Александръ же к нему рече: «Како имя есть?» Он же к нему рече: «Аз есми Сонхос, царь индѣискии, иже нѣкогда весь свѣтъ приимъ и гордынею вознесохся, и на востокъ, края земли доити хотѣхъ, и дивии человѣцы восташа на мя и разбиша мя и ту мене убиша. Ангели же *дошедше*, мя связавше и в сию в пещеру всадиша мя. И здѣ мучюся за безумною мое превозношение. Стрежися и ты, Александре, да не вознесешися и здѣ приведенъ будеши».

И тако Александръ посредѣ ихъ ходя и Дария, царя перскаго, посредъ ихъ узрѣ. Дарии же его увидев, жалостно проплакавъ рече: «О мудрыи во человѣцех Александре, а и ты ли здѣ осужден еси с нами быти?» Александръ же рече: «Нѣсмь осужен, вас видети приидохъ». Дарии же к нему рече: «Пожди мало, да скажу ти дивная нѣкая чюдная, иже прилучит ти ся на пути. Вѣдомо да есть тобѣ, како сия Клеопила, мастридоньская Кандакия царица, образ твои преписала есть и познати тя имает, но поиди, не сумнися, богъ бо, в него же вѣруеши, от руки ея избавит тя. Коснути же здѣ не мози».

они до некой большой пещеры дошли. Кандавлус сказал Александру: «Любимый мой брат Антиох, говорят, что в этой большой пещере все эллинские боги находятся, после смерти своей в пещеру эту попадают. И если хочешь узнать о смерти своей, то, немного пройдя, сверни в сторону и в пещеру эту войдешь». Александр же ему сказал: «Так вот какова любовь твоя ко мне, брат Кандавлус, если велишь мне войти сюда?» Кандавлус прижал его к себе и, плача, сказал: «О любимый брат мой Антиох, не сказал я тебе: «Войди сюда». Но сказал тебе, кто живет в этой пещере». Александр, немного пройдя, свернул в сторону и вошел в пещеру. Когда же вошел он внутрь, встретились ему некие зверообразные призраки. Он же имя бога Саваофа призвал, и все в прах превратилось. Нечто чудесное и дивное в пещере той он увидел: много людей со связанными сзади руками: Геракла увидел здесь, и Аполлона, и Кроноса, и Гермеса, которых эллинскими богами считают. Александр видел, что связаны они цепями, и, подойдя к одному из них, о чудесных явлениях этих спросил. Тот же ему сказал: «Иди, Александр, больше, чем это, увидишь. Все они были эллинскими царями, как и ты теперь, и за чрезмерную гордыню, так как они богу небесному себя уподобляли, бог на них разгневался и в пещеру эту велел их бросить; и души их здесь мучиться будут до конца времен. Когда же кончится седьмой век, в тартар огненный пойдут мучиться на бесконечные времена, навсегда». Александр же его спросил: «Кто такие эти зверообразные люди?» Тот ему ответил: «Это те, которые жестоко, без милосердия, царствовали». И Александр ему сказал: «Кажется мне, что где-то видел тебя». Он же ответил: «Тогда, когда ты на диких людей ходил». Александр спросил: «Как имя твое?» И тот ему ответил: «Я Сонхос, царь индийский, что некогда весь свет покорил, и гордынею вознесся, и на восток до края земли дойти хотел,— но дикие люди напали на меня, разбили и убили меня. И пришли ангелы, связали меня и в эту пещеру заключили. И здесь терплю муки за безумное мое превозношение. Берегись и ты, Александр, чтобы не вознесся и сюда не был приведен».

Когда Александр среди них ходил, он увидел и Дария, царя персидского. Дарий же, увидев его, печально заплакал и сказал: «О мудрый среди людей Александр, неужели и ты осужден здесь с нами быть?» Александр ответил: «Не осужден, но пришел вас видеть». Дарий же ему сказал: «Задержись немного, расскажу тебе нечто удивительное, что случится с тобою в пути. Знай, что у Клеопилы Кандакии, амастридонской царицы, есть портрет твой и узнает она тебя; но иди, не сомневайся, бог, в которого ты веруешь, от руки ее избавит тебя. Здесь же не задерживайся».

И паки Дарии, прослезився, к нему рече: «Милыи мои сыну Александре, како персидьское царство стоитъ и какова любовъ дшери моея Роксаны предлежитъ к тебѣ». Александръ же к нему рече: «Персида бо со мною мируетъ, яко же и с тобою была. Роксана же, дши твоя, со мною над всѣмъ свѣтомъ царствует». Дарии же к нему рече: «Внутрь пещеры вшедъ, ту и Пора царя узрѣши». Александръ же Пора увидѣвъ и рече ему: «О великии индѣискии царю Поре, яко нѣкогда богом подобяся, здѣ же яко единь худыи человѣкъ мучишися». Поръ же к нему рече: «Тако мучатся вси здѣ, иже земскою славою превозносящеся. Блюдися и ты, Александре, да не превозносися, да не сведешися здѣ мучитися». И сие глагола: «Честь женѣ моеи Клитемищре соблюди». Александръ же к нему рече: «Буди печалуя мертвыми, а живыми не пецыся». И се рекъ Александръ от пещеры тоя изыде, и до Кандавлуса прииде и, обрѣте его плачюща много, мнѣша бо, яко Александръ в пещере погибе. Егда же его видѣ, радостию скоро притек к нему, целовав его и рекъ: «Почто, Антиоше брате, мешкал еси и много мене устраши; но поистиннѣ, видѣхъ ныне, яко государя твоего Александра царя нарокъ великъ есть, увидѣх бо тя цѣло. Но скажи ми, иже в пещере тои видѣ». И тако оба дивящеся, до Кандакии царицы приидоша.

Клеопила же царица, пришествие сына ея видѣвше, радостна бысть велми, и с престола своего воставши, далече его вьстрѣти; слышала бо есть, яко Александръ убилъ есть. Радостию великою возрадовася и вопрошаше сына своего, вся увидати хотящи случившаяся ему. Кандавлус начатъ повѣдати еи; Александра же матери своея привед и рече еи: «Се Антиох, Александровъ воевода есть, и сеи живот мнѣ далъ есть и жену мою и дшер от Евагрида он изручи и вся, елика мнѣ случишася добро, он сотвори мнѣ все. Да приими его в сына мѣсто себѣ, мати моя, много бо он у Александра милостивен есть». Царица же, сие слышавши, за горло Александра приимши, облобыза его много и рече: «Добре пришел еси, сыну мои, силнаго государя посол, воевода Антиоше». Доброту же лица его зрящи дивляшеся, к нему глаголюще: «Третии сынъ ми еси ныне, Антиоше». Александръ же воставъ и посолство еи нача правити. Она же рѣчи и бесѣде его дивися, образа его сматрящи, и по образу помысли, егда се ... есть Александръ. Любезно его целоваше и рече: «Хотѣла бых, Антиоше, от насъ не отъѣдеши, но с моими сыны и со мною царствовати будеши и ко Александру *не вратишися опять; и отколе сие невозможно есть,* и воставь, со мною въ царскии дворы вниди и царская моя имѣния вижъ, иже что хощеши, возми сие. И да ти сотворю листъ ко Александру

И опять Дарий со слезами к нему обратился: «Милый мой сын Александр, как персидское царство пребывает и какова любовь дочери моей Роксаны к тебе?» Александр же ответил ему: «Персия при мне благоденствует, как и при тебе, а Роксана, дочь твоя, со мною над всем светом царствует». И Дарий ему сказал: «Внутрь пещеры войди, там царя Пора увидишь». Александр, увидев Пора, сказал ему: «Великий индийский царь Пор, некогда ты богам уподоблялся, здесь же как один из ничтожных людей терпишь муки». Пор же ему ответил: «Так мучаются здесь все, что земною славою превозносились. Берегись и ты, Александр, и не превозносись, чтобы не был осужден здесь мучиться». И еще добавил: «Честь жены моей, Клитемищры, сохрани». Александр сказал: «Заботься о мертвых, а не о живых». И, сказав это, Александр из той пещеры вышел, и, к Кандавлусу прийдя, нашел его плачущим, потому что тот думал, что Александр в пещере погиб. Когда же увидел его, то с радостью быстро подбежал к нему и, целуя его, сказал: «Зачем, брат Антиох, ты долго был там и этим напугал меня; но поистине убедился я ныне, что велико счастье государя твоего, царя Александра, ибо вижу тебя невредимым. Но скажи мне, что в пещере этой видел». И так, удивляясь оба, к царице Кандакии пришли.

Царица Клеопила, узнав о приходе сына, обрадовалась весьма и, встав со своего престола, его встретила; слышала она, что Александр убил его. Радостью великою возрадовалась и расспрашивала сына своего, желая узнать все, что случилось с ним. Кандавлус начал ей рассказывать, Александра же к матери своей подвел и сказал ей: «Вот Антиох, воевода Александра, он мне дал жизнь и жену мою и дочь от Евагрида освободил, и все, что случилось со мною хорошего,— все он мне сделал. Прими его вместо сына, мать моя, ибо он у Александра в большой милости». Царица же, услышав это, обняла Александра, целовала его много и сказала: «Добро пожаловать, сын мой, сильного государя посол, воевода Антиох». И красоту лица его видя, удивлялась и сказала ему: «Третьим сыном мне будешь отныне, Антиох». Александр встал и посольство начал править. Она же речам его и манерам удивлялась и, глядя на него, подумала, что это и есть Александр. Любезно его целовала и сказала: «Хотела бы, Антиох, чтобы ты от нас не отъезжал, но вместе с моими сыновьями и со мною бы царствовал, а к Александру не возвращался; но поскольку это невозможно, то встань, и в царский дворец войди, и царские мои богатства посмотри, и что захочешь, то возьми. И дам тебе грамоту к Александру,

и дани ему дамъ; посла моего пошлю к нему с тобою и честию великою отправлю ему тебѣ». И се рекши, Александра поимши за руку, в царскии полаты его введе. И ту ему сказа чюдная нѣкая и много царска бисера и камения множество и злата без числа. И введе его в ложницу свою и преписанныи образ его глядя и рече ему: «Что от всѣхъ одержало ти есть, Александре, иже в дому моемъ видел?» Он же ужаснувся, к неи рече: «Антиох имя мое есть, Александру рабъ аз есми». Царица же к нему рече: «Аз Александра имамъ тебѣ быти, тобѣ же Антиохомъ называтися не подобаетъ. Аще увидѣнию моему *не вѣруеши,* на образ сеи поглядаи и белег образа своего вижь». Он же рече: «Поистинне, приличен есми ко Александру, за то мене любит велми». Она же рече: «Ты самъ еси, воистинну, азъ ныне всему свѣту назвахся царица, царя бо всему свѣту в руку держу. Но да вѣдомо да есть тобѣ, царю Александре, яко же хотя вшел еси здѣ, и яко же хощеши не изыдеши отсюду». Се слышав Александръ образ свои изменяти начат, зубы же своими скрежеташе, очима своима сѣмо и овамо позирая, промышляше. Царицу же в ложницы убити мысляше, сам же бы до коня втекъ и на среку себе вергъ, или умрети, или ожити, глаголя: «Лутче есть господину велику почестне умрети, нежели срамотно жити». Кандакия же царица, видѣ образ его пременяюшься, к дверемъ поступи. Александръ же сию похвативъ рече: «Не имаеши на двор изыти, но здѣ злѣ умрети. Аз же, здѣ тебе убивъ, и на двор изыду и оба сыны твоих убию и самъ с ними почтенно умру». Кандакия же царица радостно ко Александру приступи и к нему приплетшися, за горло похвати его и любезно целовавши и рече ему: «О великии Александре, мои сыну и господине, и не оскорби мое сердце, ни злаго о себѣ помысли, ни от мене смерти убоися, аз бо убити тя не мышлю. Ныне же тебе накажю, сына своего, и многими дарми почтивши тя, в воиско твое отпущу тя с честию, понеже нѣсть достоино такова человѣка от земли погубити, мудростию и храбростию украшена велми, но паче соблюсти и почтити. Кто ли бы хотѣлъ тобѣ убити, то всему свѣту кровникъ бы былъ; главою твоею и животом весь свѣтъ содержитца и миръ страхомъ твоимъ стоитъ. Да не подобаетъ мнѣ всих главъ отсещи главу. Но хотѣла бых сына имѣти тя, Александре, и с тобою всему свѣту назватися царица. О сем бо, Александре, безпечален буди, не тако бо аз безумна есмь, яко же тебѣ мнится быти, да животом твоим весь свѣтъ поколебати, вес бо миръ недостоинъ есть ни единому власу, отпадающа от главы твоея. Но яко первая мати твоя корати тя имамъ: не к тому, Александре, посолство твори, не вѣси бо *не*уставные чести наношения. Да не подобна есть тобѣ, всих главъ на концы обѣшатися, смертию бо

и дани ему дам; посла моего пошлю к нему с тобою и с великою честью отправлю тебя к нему». И, сказав это, Александра взяла за руку, и в царские палаты его ввела, и тут показала ему нечто чудесное — много царского жемчуга, множество камней и неисчислимое количество золота. И ввела его в свою спальню и, на портрет его глядя, сказала: «Что тебя из всего, что в доме моем видел, Александр, привлекло?» Он ужаснулся и сказал ей: «Антиох мое имя, я слуга Александру». Царица же сказала: «Я знаю, что ты Александр, не подобает тебе называться Антиохом. Если в знание мое не веришь, на портрет этот посмотри и черты облика своего узнай». Он ответил: «Поистине похож я на Александра, за это он любит меня весьма». А она сказала: «Ты — сам Александр; воистину я ныне царицей всего света стала, ибо царя всего света в руках своих держу. И знай, царь Александр, что по своей воле ты вошел сюда, но по своей воле отсюда не выйдешь». Услышав это, Александр изменился в лице, заскрежетал зубами и, озираясь вокруг, обдумывал, что ему делать. Царицу в спальне решил убить, а самому, до коня добежав, броситься навстречу либо смерти, либо спасению, думая: «Лучше великому господину честно умереть, чем позорно жить». Царица Кандакия, видя, как он изменился в лице, к дверям отступила. Александр, схватив ее, сказал: «Не выйдешь отсюда, но здесь бесславно умрешь. Я же, убив тебя, во двор выйду и обоих сыновей твоих убью и сам с ними умру честно». Тогда царица Кандакия радостно подошла к Александру, и, прижавшись к нему и за шею его обняв, любезно поцеловала, и сказала ему: «О великий Александр, сын мой и господин, не печаль мое сердце и беды для себя не предполагай, ни смерти от меня не бойся, ибо я убить тебя не думала. Отныне назову тебя сыном моим, многими дарами почтив тебя, к войску твоему отпущу тебя с честью, ибо недостойно такого человека на земле погубить, мудростью и храбростью отличающегося, но следует охранять и почитать. Тот, кто захотел бы тебя убить, для всего света стал бы кровным врагом. Головою твоею и жизнью весь свет держится, и мир страхом перед тобою существует. И не подобает мне всех глав отсечь голову. Хотела бы сыном тебя иметь, Александр, и с тобою стать всего света царицей. Поэтому успокойся, не так я безумна, как это тебе кажется, чтобы, лишив тебя жизни, весь свет поколебать, ибо весь мир недостоин одного волоса с твоей головы. Но как настоящая мать твоя хочу укорить тебя: больше не ходи, Александр, послом, ибо не знаешь превратностей судьбы. Не следует тебе, всех глав главе, рисковать своею головою, ибо

своею весь мир снѣсти хощеши». Александръ же ѣи поклонився, рече: «Отнынѣ мати мнѣ буди в мѣсто Алимпияда». Кандакия же, целовавши его и за руку емьши, на дворъ ведши. В тои часъ прииде сынъ ея Дориф, от Александровых стражеи розбитъ, едва самъ утекъ, воиско же свое изгуби. И слышал бяше, яко Антиохъ, Александровъ воевода, в посолствѣ к матери его пришел есть, борзо прииде, Антиоха убити хотя. Кандакия же се слышавши, к Дорифу, сыну своему, рече: «Не подобаетъ тебѣ сие сотворити; Александръ бо брата твоего от иного зла избавилъ есть и жену и дшер и все имѣние отврати и жива его к намъ с честию отпусти, от погубления избави от Евагрида, силурскаго короля, и посла к намъ послалъ есть, милостивнаго своего Антиоха, любовъ и миръ свои к нам держати. Да в мѣсто добра и чести, иже подобаше намъ ему сотворити, главу ему отсещи хощеши. Нынѣ, мои сыну, лутче есть тобѣ умрети нынѣ, нежели Александрова посла в дому моемъ убити». Дорифъ же матери своеи не послушаше, глаголя: «Единаго Александрова человѣка не даси ми убити, понеже от моих людеи много тысячь убилъ есть. Да вѣру ими ми, мати моя, яко Антиохъ днес живота не имаетъ». Сие же Кандавлусова жена слышавши, скоро къ Кандавлусу прибѣже, глаголющи: «Вѣдомо да есть тобѣ, братъ твои Дорифъ убити хощетъ любимаго твоего Антиоха мечем». Кандавлусь же сие слышавъ, скоро прииде к нимъ в полату, Дорифа же обрѣте нагъ меч держаща, и мати его средѣ меча держаше и с ним рвучися, да Александра не убиетъ. Сеи же припадъ, мечь из руки его взя и хотяше его имъ ударити. И карати его нача, глаголя: «Неподобниче, страшливче, аще храбръ мнишися быти, самъ ты на немъ коби поищи; истинну бо ти глаголю, аще похватит мечь, 100 таковых убиет, яков же ты еси, постояти не могутъ; аще ли храбръ мнишися быти, иди убии его во Александрове стражи; аще ли убиеши его здѣ, то всѣхъ насъ убилъ еси. Тебѣ же вся вселенная пред Александромъ укрыти не можетъ. Александръ бо, государь его, во единомъ мечномъ ударении великаго Пора индииского, тестя твоего, убилъ есть». Кандакия внутрь завѣса вшедши со Александромъ и на дворъ его изведе. Видѣв же Дорифъ, приступи к нему, хотя его убити. Александръ же кордъ свои примъ, к Дорифу рече: «Вижу, убити мя хощеши; но знаи, яко смертью и самъ умрети имаеши; не тако бо македоняномъ смерть пристрашна есть, яко же тобѣ мнитца быти. Да аще мене, посла Александрова, убиеши, государь же мои Александръ на взыскание мое приидет, гдѣ укрытися хощеши? Вѣру ими ми, аще и во утробу матерню влезше, отнюду же еси изшел, и ту укрытися не можеши. Аще бы се Александр, государь мои, зналъ, яко Кандакия царица послы убивает, не послал бы мене

смертью своею весь мир погубишь». Александр поклонился ей и сказал: «Отныне матерью мне будешь, подобно Олимпиаде».

Кандакия поцеловала его и, за руку взяв, повела во двор. В то время прибыл сын ее Дориф, сторожевыми отрядами Александра разбитый; едва сам убежал, а войска своего лишился. И услышав, что Антиох, воевода Александра, послом к его матери пришел, поспешил к ним, намереваясь убить Антиоха. Кандакия, узнав об этом, сказала Дорифу, сыну своему: «Не следует тебе этого делать, ибо Александр брата твоего от беды избавил, жену, дочь и все богатства вернул ему и живого к нам отпустил с почетом, от гибели избавив его — от Евагрида, силурского короля,— и посла к нам прислал, любимца своего Антиоха, с любовью к нам и миром. А ты, вместо добра и чести, которые следует нам ему воздать, голову ему отсечь хочешь. Ныне, сын мой, лучше тебе умереть, нежели посла Александра в доме моем убить». Дориф же матери своей не хотел повиноваться, говоря: «Ты одного из людей Александра не даешь мне убить, а он моих людей много тысяч убил. Верь мне, мать моя, что Антиох жив не будет». И это услышала жена Кандавлуса, и, поспешно прибежав к Кандавлусу, сказала: «Знай, что брат твой, Дориф, хочет убить мечом любимого тобою Антиоха». Кандавлус, услышав это, быстро пришел к ним во дворец и увидел там Дорифа, держащего обнаженный меч, и мать, которая держала его за меч, не давая ему убить Александра. Тогда, подбежав, он меч из руки брата выхватил и хотел его им ударить. И начал корить его, говоря: «Недостойный трус, если храбрым себя считаешь, сам с ним попытай своего счастья; ибо истинно говорю тебе, когда он возьмет меч, то сто таких, как ты, убьет, и противостоять ему не смогут; если храбрым считаешь себя, иди и убей его посреди войска Александра, ибо, убив его здесь, всех нас этим погубишь. Тебя же вся вселенная от Александра не сможет укрыть, ибо Александр, государь его, одним ударом меча убил великого Пора индийского, тестя твоего». Кандакия же внутрь вошла и вывела Александра во двор. Увидев его, Дориф подошел к нему, намереваясь его убить. Александр взялся за свой меч и сказал Дорифу: «Вижу, убить меня хочешь; но знай, что и сам смертью умрешь; не так македонянам смерть страшна, как ты думаешь. А если меня, посла Александра, убьешь и государь мой Александр искать меня придет, где укроешься? Поверь мне, что и в утробе матери, откуда ты вышел,— и там укрыться не сможешь. И если бы Александр, государь мой, знал, что царица Кандакия послов убивает, не послал бы меня

к вамъ, но самъ со всѣми силами, без посла пришелъ бы здѣ». Дориф же сие слышав, убояся. Кандакия же царица рече Александру: «Мудрыи, премудре, всякии ... страх сердечны язычьная мудрость покрываетъ». И тако с Кандавлусомъ, сыномъ своимъ, Александра за горло похвати и з Дорифом его смириша. И ту ему гостившу много, и дарми его дариша. И дарова ему царица Кандакия венецъ свои с камениемъ и бисеромъ многоцѣннымъ. И сокровенно рекши ему: «Возми сие, Александре, отнеси дшери моеи, жене своеи, Роксанѣ». И дарова ему перстень от четырех камении хитростию магнитъскою составлен, и дарова ему оружие от анкита гвоздия, приставлена на аспидове кожи, фарижа бѣлая анфарскаго, бисернымъ седлом оседлана, и дарова ему гелмъ орелъ, орлу на персехъ словеса пишет тако: «Александръ наасарь, великии хонкиярь бысть, за всего свѣта государьствует». И ту ему много гостившу, Кандакия царица проплакавъ рече: «Не к тому, Александре, посломъ себѣ сотвори, не вѣси бо невѣрныя чести неуставнаго случения». И рекши, отпусти его с честию великою, и дани ему на десят лѣтъ дарова. Он же не восхотѣ, глаголя: «Отмолити ю имамъ у Александра». Она же к нему рече: «Аще дань оставиши, познаютъ тебе сынове мои. К нам же предложение любовъ твою даи и приятелство к намъ непотворну соблюди». И се рекши, за горло его похвати и к нему с плачемъ рече: «Рада быхъ сына имѣти тебе, Александре». И се рекши, отпусти его. Проводиста же оба сына ея, Кандавлус и Дориф да Александрова окола. Стражи Александровы сретоша его, и с конеи ссѣдоша, и поклонишася ему. Кандавлусу же и Дорифу Александръ рече: «Вѣдомо да есть вамъ, яко самъ есми аз Александръ царь». Се же они слышавше и рекоша: «Аще ты еси Александръ, мы ныне измерли есми». Александръ же за горло похвативъ ихъ, рече: «Не имаете вы от мене умрети, азъ бо соблюду васъ любовию и честию, матери бо вашеи Кандакии Клеопиле сынъ есми, вам же братськии обдержим есми». И ту даровалъ ихъ Александръ и с честию отпусти.

Александра же ту сретоша Птоломѣи воевода и Антиохъ и много к нему с плачем рекоша: «Что, Александре, животомъ своимъ вселенную всю смести хощеши: что главу свою назад мещеши, сам на посолствѣ ходя, безо чти умрети имаеши, нас же, в чюжих земляхъ оставив, всихъ погубити имаши. Да не тако, Александре, пизматар намъ буди, яко же не дѣломъ твориши, но вес приимши свѣтъ, и тако поидемъ в Персиду, и ту, дому дошедше, господства земская разделиши намъ по подобию и по достоянию». Ту Александръ пришед воиску свою, гостьбу многу и веселие сотвори с людми своими.

к вам, но со всеми силами своими, без посла, пришел бы сюда». Дориф, услышав это, испугался. Кандакия же царица сказала Александру: «Мудрый, премудрейший, всякий страх сердца мудростью языка покрывает». И вместе с Кандавлусом, сыном своим, Александра за шею обняла и с Дорифом его примирила. И после того, как он долго гостил тут, дарами его одарила; и подарила ему царица Кандакия венец свой с камнями и многоценным жемчугом. И тайно сказала ему: «Возьми это, Александр, отнеси дочери моей, своей жене Роксане». И подарила ему перстень с четырьмя камнями, искусно соединенными магнитной силой, и подарила ему оружие из анкитового железа, на аспидовой коже, белого анфарского коня с расшитым жемчугом седлом, подарила ему шлем с орлом, а на груди орла надпись: «Александр, наасарь, великий хонкиарь, всего света государь». И тут, после того как он долго гостил, царица Кандакия, плача, сказала: «Не ходи больше, Александр, послом, ибо не знаешь превратностей судьбы». И, сказав, отпустила его с великой честью, и дань ему за десять лет дала. Он же не захотел взять ее, говоря: «Упрошу Александра не брать ее». Сказала она ему: «Если дань оставишь, поймут мои сыновья, кто ты. К нам же любовь имей и искреннюю дружбу сохрани». И, сказав это, за шею его обняла, и с плачем ему сказала: «Рада была бы сыном тебя иметь, Александр». И, сказав это, отпустила его. Оба сына ее, Кандавлус и Дориф, проводили его до лагеря; воины Александра встретили его и, сойдя с коней, поклонились ему. Кандавлусу и Дорифу Александр сказал: «Знайте, что я царь Александр». Они, услышав это, сказали: «Если ты Александр, мы теперь погибли». Александр же, обняв их, сказал: «Вы от меня не умрете, но сохраню вас с любовью и почетом, ибо матери вашей, Клеопиле, я сын, и к вам же братские чувства имею». И тут, одарив их, Александр с честью отпустил.

Встретили его воевода Птоломей и Антиох и с плачем сказали: «Зачем, Александр, рискуя жизнью своею, всю вселенную поколебать хочешь; зачем головою своею рискуешь: сам послом ходишь,— бесславно умрешь, а нас, оставив в чужих землях, погубишь. Не будь, Александр, врагом нашим, каким на деле и не являешься; и, покорив весь свет, пойдем теперь в Персиду, и, вернувшись домой, земные владения разделишь между нами, по заслугам и достоинству каждого». И вернувшись к войску, Александр пировал много и веселился с людьми своими.

СКАЗАНИЕ О ВОЗВРАЩЕНИИ АЛЕКСАНДРОВЕ В ПЕРСИДУ К РОКСАНЕ ЦАРИЦЕ, И О РАЗДЕЛЕНИИ ЗЕМЛИ СВОИМЪ ВЛАСТЕЛЕМ, И О ПРОРОКУ ИЕРЕМѢЮ, ИЖЕ СКАЗА ЕМУ СМЕРТЬ

Александръ же собрав свои вои и двигнуся в Персиду, ко царицы своеи поиде к Роксане. И в Персиду пришед, многи радости ту сотвори и ту земьская царства раздели.

Антиоху же даде Индѣское царство и всю Мирсилоньскую землю и Сѣверьскую; Филону же даде Персидцкое царство и всю Асию и Килекею; Птоломѣю же даде сладкую и красную землю Египетъ и Ерусалимъ, и Палестину всю, и Межюрѣчие Сѣверьское и сладкии Предекиския отоки; Селевкушу же Римское царство; Леомедушу же даде Немецкую землю и Парижское царьство. Вся же сия по достоянию раздели, с Роксаною царицею своею год сотвори с великою радостию и с веселием.

Оттуду Александръ двигъся з дворомъ своимъ в Вавилонь поиде. И в ту нощъ явися ему пророкъ Иеремѣя, глаголя: «Гряди, чадо Александре, на уреченное тебѣ мѣсто, сего числа четыредесятого лѣта *свѣршилося есть и четвероставное тѣла* твоего естества днес, Александре, *разьступитися* имает; от земля бо заимодано есть и паки возвратитися ему. Вѣдомо да есть тебѣ, яко, всю обшед землю, отечества своего узрѣти не имаешъ; руки же служащих тобѣ, от них же благая укушаеши, отравнаго яда имаши вкусити от них. И в Вавилоне походи и воиско свое раздели и царская земли раздели и укрепи. И в землю, от нея же изшелъ еси, и паки в ню внидеши, и в небытие будеши. Душа бо нетлѣнна поиметца, в невѣдомо мѣсто божиим промысль отведется, тѣло же тлѣнно в земли тлѣннои останет, и ту разсыпався, в небытие будет. И паки на скончании вѣкомъ от земли востати имает, тлѣнное существо в нетлѣние облечетца и ту со душею паки сстався, вкупе соединитца. И ту познавшемася има, яко нѣкима любимыма другома, во мнозе видѣвшимася има, истинно радостенъ имъ будет и весело и любезно имъ зело. Тако душамъ с телесы сстанокъ будетъ. Александрѣ, о всѣмъ нынѣ вѣруи, стати бо имут вси на Страшнем судищи и на великом торжищи, идѣже престоли поставятца и Ветхии денми сядетъ, судии страшныи и нелицемѣрныи, тысяща тысяш аггелъ окрестъ его и многоочитии серафими и шестокрилатии херувими. Тогда всяка душа, облекшися во свое тѣло, судом возмездие приимут, с тѣлом вкупе согрешиша, с тѣлом же и мзду приимут. Тогда благая сотворше убо, приимут жизнь вѣчную, злая же сотворше, муку вѣчную приимут, и тогда конца лѣтомъ не будетъ. Тогда бо мужескии полъ и женьскии родитися не может, и ни на комъ лѣпости не будет и грубости, ни возраста умалена, ни различия лицемъ, черности и белости, ни русости,

СКАЗАНИЕ О ВОЗВРАЩЕНИИ АЛЕКСАНДРА В ПЕРСИДУ К ЦАРИЦЕ РОКСАНЕ, И О РАЗДЕЛЕНИИ ИМ ЗЕМЕЛЬ МЕЖДУ ВЕЛЬМОЖАМИ, И О ПРОРОКЕ ИЕРЕМИИ, КОТОРЫЙ ПРЕДСКАЗАЛ ЕМУ СМЕРТЬ

Александр собрал свое войско и направился в Персиду к царице своей Роксане. И, придя в Персиду, устроил тут много празднеств, и земные царства разделил.

Антиоху дал Индийское царство и всю Мерсилонскую и Северскую землю; Филону дал Персидское царство и всю Азию и Киликию; Птоломею дал сладкую прекрасную землю Египет, и Иерусалим, и всю Палестину, и Междуречье Северское, и сладкие Придийские острова; Селевкушу дал Римское царство; Лаомендушу дал Немецкую землю и Парижское царство. И, все это по достоинству разделив, с Роксаною, царицей своею, год провел в радости и веселии.

И оттуда Александр со всем двором своим в Вавилон пошел. И в ту же ночь явился ему пророк Иеремия, говоря: «Иди, чадо Александр, на назначенное тебе место, ныне исполняется сорок лет, Александр, и четырехсоставное тело твое должно распасться; от земли взятое в нее же возвращается. Знай, что, обойдя всю землю, отечества своего не увидишь; из рук, служащих тебе, из которых ты блага вкушаешь, из них же и яд вкусишь. В Вавилон иди, и раздели войско свое, и земли царства своего раздели и укрепи. И в землю, из которой вышел, вновь в нее войдешь, и в небытии будешь. Ибо нетленная душа будет взята и в неведомое место божиим промыслом отведется, тело же тленное в тленной земле останется и, рассыпавшись, в небытии будет; в конце же времен от земли вновь восстанет, и тленное существо в нетление облечется, и тут вновь соединится с душою. И когда узнают они друг друга, как некие любящие друзья, часто встречавшиеся, поистине радостно им будет, и весело, и любезно. Так душа с телом соединится. Всему этому верь, Александр, ибо встанут все на Страшном суде, на великом торжище, где престолы поставят и сядет Ветхий деньми, судия грозный и нелицеприятный; тысяча тысяч ангелов вокруг него и многоочитые серафимы и шестикрылые херувимы. Тогда всякая душа, облекшаяся в свое тело, на суде возмездие примет, с телом вместе согрешила, с телом же и наказание примет. Тогда сотворившие добрые дела примут жизнь вечную, сотворившие же злые дела муку вечную примут, и тогда конца времен не будет. Тогда ни мужской пол, ни женский родиться не будет, не будет ни красоты, ни уродства, ни возрастов, ни различия в лицах, ни черных, ни белых, ни русых,

ни смуглости, но тѣло во единомъ естествѣ будет, точию причастное с собою имуще, иже есть лѣтное и крѣстное и помысленное, прочая же дѣла тогда оскудѣют, душа же всегда безьсмертна будетъ. Тогда убо, Александре, всякии человѣкъ познати имает своего любимаго, не точию же любимых, сих же видано, их же слышано, увидит и познает на ономъ грозном судищи и торжищи ономъ великомъ. Ту бо, Александре, познати тя имуть вси, их же обидилъ еси здѣ, и с тобою обидимии познати тя имуть тамо. Да вѣдомо есть тобѣ, не к тому живъ узриши мене, но тамо узрити мя имаешъ, идѣже вси предстанутъ, иже вси от вѣка умершии на Страшнемъ судищи своемъ великаго бога Саваофа». И се рекъ Иеремѣя пророкъ, невидимымъ бысть.

Александръ же от сна воставъ, в недоумѣние впаде и се изступлении ума бывъ, на постели своеи седяше и плакашеся горко и ужасно видѣние помышляя. Сердце бо его обуряваемо бяше, яко же корабль нѣкии в пучине морстеи вѣтры и волнами обуреваемъ. В мысли впаде, ужасно видѣние помышляя, на перинницы сяде, плакашеся. Филонь же и Птоломѣи заутра приидоша и плачющася его обретоша и стемы златы из главъ своих свергоша, перстию главы своя посыпаша и приступиша ко Александру, плачющеся и глаголюще: «Почто, Александре, жалостию радость пременяеши, почто сеи скорби предалъ еси себѣ». Александръ же к нимъ рече и видѣние имъ сказа седя. Они же дивную рѣчь слышавше и ужасошася много, утѣшити же его хотяше сладкими бесѣдами и глаголаху: «Не тако, Александре, подобно есть ношнымъ мечтаниемъ умные отступити совести, сон бо такъ намъ мнитца быти: от *многого* спанья и *от лиха пития* главные омокрываемъ мозгъ, в нем же живетъ царь совестемъ — ум; человѣку велми спящу, от соннои влаги велми омокреваему мозгу, умерзитъ себѣ и многая невещественным своим окомъ позирает и видитъ оная, яже видел или слышалъ когда, тѣхъ всѣхъ зритъ и тѣми дѣиствует. Сония видѣния, Александре, душевное бо зрѣние мнимо быти. Тѣло бо тлѣнно яве зрит тлѣнная сия видимая, душа же, нетлѣнна сущи и невещественa и умна сущи, вся, елика восхощет и мыслитъ, сихъ зритъ, аще и далняя мѣста есть и ближняя, свое бо есть бытие, идѣже хощет, тако бо по подобию божия образа создася. И приплетет бо сию к мертвенному тѣлу, яко да имъ дѣиствует, оживляющи то, яко же огнь вѣтром распалаетца, или яко кузнецъ нѣкии златыи хитростию желѣзными растворяя рукодѣлии, или яко же корабль нѣкии волны морскии прескоча, не собою носимъ есть, но вѣтреннимъ дыханием. Тако бо тело душею окормляемо есть, тою бо стоится и водится и носитеся, яко же нѣкая два юнца окормляюще рало, дондеже, иже составивыи ся богъ всихъ и промысленикъ

ни смуглых, но тело в едином естестве будет, сохраняя только то, что причастно ему от времени, креста и разума, прочее же все исчезнет, а душа пребудет вечно бессмертна. Тогда, Александр, всякий человек узнает своих любимых,— не только тех любимых, которых видел, но и тех, о которых слышал, увидит и встретит на этом грозном суде и на этом великом торжище. Там, Александр, узнаешь всех, кого обидел здесь, и тобою обиженные узнают тебя там. Знай, что больше при жизни не увидишь меня, но увидишь меня там, где предстанут все, от века умершие, на Страшном суде великого бога Саваофа». И, сказав это, пророк Иеремия невидим стал.

Александр, пробудившись, в растерянности был и в смятении ума, на постели сидел и плакал горько, об ужасном видении думая. И сердце его было в потрясении, как некий корабль в пучине морской, обуреваемый ветрами и волнами. И, в размышления впав, об ужасном видении думая, на ложе своем сидел и плакал. Филон и Птоломей утром пришли и, застав его плачущим, золотые венцы с голов своих сбросили, землею головы посыпали и подошли к Александру, плача и говоря: «Зачем, Александр, радость на печаль заменяешь, зачем скорби предаешься?» Александр же о видении своем рассказал. Они, услышав удивительный рассказ, ужаснулись и, желая утешить его приятными речами, говорили: «Не следует, Александр, из-за ночных мнимых образов удаляться от разума, ибо сновидения, как нам думается, происходят так: от долгого сна и от излишнего пития увлажняется головной мозг, в котором живет царь сознания — ум; и когда человек долго спит, мозг весьма увлажняется сонной влагой и ум духовным оком своим смотрит и видит многое, что видел уже и что слышал когда-то, и все это видит в действии. Сновидение, Александр, это зрение души. Тело тленно и наяву видит тленное, видимое, душа же, будучи нетленной, невещественной и мыслимой, все что хочет и что мыслит, то и видит, и далекое и близкое, ибо ее бытие, где захочет; такой по подобию божиего образа создана. Ибо бог присоединил ее к мертвенному телу, чтобы, оживляя его, им управляла, подобно тому, как огонь от ветра разгорается, или как кузнец обрабатывает золото с помощью железа, или как корабль по морским волнам плывет, не сам собою носим, но дующим ветром. Так и тело душою управляется, ею существует и водится и носится,— они как два быка, тянущие вместе плуг до тех пор, пока соединивший их, все промысливший бог

распряжет. Душа бо поиметца, а тѣло оставится, душа бо к нему, яко невеществена, тѣло же к земли, яко вещественно и тлѣнно. Аристотел же и учитель твои мудрыи, Александре, в книгах своих пишет, глаголя, яко статися имут душа с ними же согрешиша телѣсы тогда, егда порожение второе будет, егда мертвии от гроб востанутъ. И Соломон мудрыи рече, праведных душа в руце божии, глаголетъ, быти, грѣшных же душа в тартаре, в геоне мучитися имутъ, в долнеишихъ земли, глаголетъ, быти. Аристотел же мудрыи и Платон великии мира сего кончина, глаголютъ, быти тогда, егда довершится число отпадшаго древа ангельскаго чина праведных человѣкъ душами. Сие же, Александре, и евреискии пророкъ Иеремѣя согласуетъ, глаголя, тако бо есть». И се слышав Александръ и подивися и в недоумѣнии быв, глаголаше: «Слава тобѣ, чюдныи, дивныи, непостижимыи, и неисписанныи, и недовѣдомыи, и неизслѣдимыи боже, иже от небытия вся в бытие приведъ, и благорастворяя вся великимъ своимъ промысломъ. Како небеса сотвори единемъ словом, сии же видиния своего не премениша, ни обетшаша; како землю колику и ту ничим же утвердилъ есть, сия же плодовъ своихъ не измени, ни обычая; како морьския волны и воды многия, на единомъ стояще мѣсте и всегда умножаемы бывающе, не изсякнутъ, ни от предѣлъ преидоша, ни волю измениша естествъ, но содержими силою и различными колеблемо вѣтры, устава своего не измениша, ни благораствореннаго дыхания; како солнычное сияние, толицыми сущими лѣты, теплости и свѣтлости не измени; како лунныи кругъ, овогда умножающеся, овогда оскудевающъ, на новину и ветшину устава своего не измени; или како телеса человѣческая четырми сплетена стухиями, душу божествену в них всади, яко же нѣкоего всадника на четырехъ равно текущих утверди точилех, дондеже равно 4 стоятся стухия, дотоле и тѣло человѣческое непоколебимо стоит, егда ли от 4 тѣхъ составъ едино или умножится или оскудѣетъ, тогда растлится и от души распряжется тлѣнное человѣческое тѣло. Аще ли промыслом твоимъ, боже, или врачевною хитростию паки 4 тыи соимутся колеса, иже суть составы, тогда паки душею здравьствует».

И от того дне убо всегда в недоумѣнии пребываше царь Александръ и мысляше в себѣ глаголя: «Когда се постигнет мене смертъ, и кто будетъ память мою творити по моеи смерти? Будет ли се тамъ видѣние и познание, егда душа с телесы сстатися имуть на великомъ торжищи?» И тако мысльми многими помышлении: «Будет ли тѣломъ востание паки или не будет, в тое же тѣло души паки приити имут или ни?» Дивляше бо ся и глаголаше: «Како раставшеся и распадошася кости, в тое же паки бытие приидут?» И тако помышляя

разъединит их. Душа возьмется, а тело останется, душа к нему отойдет, потому что невещественна, а тело к земле, ибо вещественно и тленно. Аристотель же, мудрый учитель твой, Александр, в книгах своих пишет, что соединятся души с теми телами, вместе с которыми согрешили, когда второе рождение будет, когда мертвые восстанут из гробов. И мудрый Соломон сказал, что души праведных в руке божьей, грешных же души в тартаре, в геенне мучиться будут, в глубинах земли. Мудрый же Аристотель и великий Платон говорят, что конец мира будет тогда, когда восполнится число отпавших ангелов душами праведников. Это, Александр, и еврейский пророк Иеремия подтверждает, говоря, что это так». И, слыша это, Александр дивился, и, недоумевая, говорил: «Слава тебе, чудный, дивный, непостижимый, невыразимый, непознаваемый и непонимаемый боже, из небытия в бытие все приведший и благоприятствующий всему своим великим промыслом. Ты небеса создал единым словом, они же вида своего не изменили, не разрушились, и землю создал, столь огромную, и ее ничем не укрепил, она же ни плодов своих не изменила, ни обычаев; тобою морские волны и многие воды на одном месте стоят и постоянно умножаются, не иссякают, и из пределов своих не выходят, и естества своего не изменяют, но удерживаются силою и колеблются многими ветрами, которые ни образа своего не изменяют, ни благоприятного веяния; и солнечное сияние, когда столько лет прошло, в силе тепла и света не изменилось; и луна, то увеличивающаяся, то убывающая, ни новая, ни старая, порядка своего не изменяет; и тело человеческое ты составил из четырех стихий, и душу божественную к нему присоединил, как некоего наездника, скачущего на четырех, вместе соединенных колесницах; до тех пор, пока в равенстве четыре стихии находятся, тело человеческое непоколебимо, когда же из этих четырех составов что-то одно или увеличится, или уменьшится, тогда распадается и от души отделяется тленное человеческое тело. Если же промыслом твоим, боже, или врачебным искусством снова колесницы те, суть составы, соединятся, тогда тело снова с душою вместе в здравии будет».

И с того дня всегда в недоумении был царь Александр, и, размышляя, говорил себе: «Когда постигнет меня смерть, где будет моя память о себе после моей смерти. Будем ли мы видеть и узнавать, когда души с телами соединятся на великом торжище». И много о том думал: «Будет ли воскресение тел или не будет, в то же ли самое тело душа придет или нет». И с удивлением говорил: «Как могут разделившиеся и распавшиеся кости к прежнему виду вернуться?» И думая об

глаголаше, яко: «Вся могии божии великии промысль, их же созда от небытия в бытие, тои же можетъ в тую же привести совесть в первое бытие». И многая таковая помышляя и рече: «Яко возвеличишася дѣла твоя, господи, вся премудростию сотворил еси».

И се рекъ в Вавилонь поиде, яко же нѣкии человѣкъ на уреченное мѣсто на умертвие свое идяше. Тогда убо Александръ царь, всего свѣта государь, смерть свою помышляя и неутѣшимъ бываше. Егда же приспѣ на поле, нарицаемое Сенарь, в земли, зовемои Авсидиистеи, идѣже праведныи и богатыи Иевъ жилъ бяше, и ту Александръ станомъ своимъ стал, силныи же воиски по тому полю падоша. Велможи же Александровы скорбна его зряще и жалость его изменити хотяще, на гору высоку его возведоша и всему воиску вооружатися повелѣ, на поли на ономъ на единомъ мѣсте собратися повелѣ. И сих позрѣвше, ко Александру рекоша: «Александре царю, силныи господине, почто скорбию великою потопляеши сердце свое, зриши, се толицемъ людемъ сотвори тя богъ ныне царя, да подобаетъ тебѣ веселитися и радоватися велми». Александръ же главою покивав и прослезився рече...: «Зрите ли всихъ сихъ, в пятидесятныхъ лѣтех вси под землю заидутъ». Бѣ бо ту видети болши *паче миръяд* тысячь людеи, конеи же безчисленное множество; бяху ту собрани вси языцы: индѣяне, и сирии, и мидии, и евреи, и финицы, еглефи, еламити, и халдѣи, и лидии, и нѣмцы, и греки, и инииии восточнии и западнии языцы вси. И ту Александръ великии пиръ воиску своему сотвори. И ту от востока и до запада и сѣвера и юга и от моря всего вси власти и князи со многолѣтными данми и с поклоном ко Александру приидоша.

В тои же день прииде от Македонии от матери Александровы Алимпияды царицы казател его и учител Аристотел. Видевъ его Александръ и возрадовася велми и за выю его приимъ и облобызаше его сладко, глаголя: «Добро пришел еси, многочестная и безцѣнная глава; добре пришел еси, неугасимыи светилниче и казателю всему миру, философе великии и казателю дивныи Аристотелю; добре пришел еси ми, его же мудрости подивишася *еллини,* ему же почюдишася халдѣи, его подивишася хитрости египтяне и волховнии мудрецы. Но возвести ми убо, чюдныи во человѣцѣхъ, любимыи мнѣ дидаскале, учителю мои, како западная страна мируетъ, жива ли есть вселюбимая мати моя и сладкая Алимпияда царица, и како, яже о нас, по всеи вселеннеи чюется. Вѣрно ли человѣкомъ есть, яко, всю приимше землю, рая доидохомъ и многъ, его же ты в книгах своихъ указуеши и краи земли во Едеме на востоце; и того бо рая близу доидохомъ, и до Макаринскихъ отокъ во Акияньстеи рецы, идѣже еллинстии мудрецы и душамъ человѣческимъ, глаголютъ, быти. Но то

этом, говорил: «Всемогущий великий божий промысл все, что создал из небытия в бытие, может восстановить в прежнем бытии». И, о многом подобном думая, говорил: «Сколь велики дела твои, господи, все премудростию сотворил ты».

И, сказав это, в Вавилон пошел, как человек идет на назначенное ему место смерти. И был тогда царь Александр, государь всего света, о смерти своей думая, безутешен. Когда же достиг Александр поля, называемого Сенар, в земле Авсидийской, где праведный богатый Иов жил, лагерем стал, войско же его на поле расположилось. Вельможи Александра, видя его скорбным и желая печаль его прогнать, на высокую гору его возвели, всему войску велели вооружиться и на поле этом всем вместе собраться. И глядя на них, сказали Александру: «Царь Александр, сильный господин, зачем скорбью великой заполняешь сердце свое,— видишь, над сколькими людьми тебя бог царем сделал, и следует тебе веселиться и радоваться». Александр же покачал головой и со слезами сказал: «Видите их, в пятьдесят лет все в землю пойдут». И было тут больше десяти миллионов человек, коней же бесчисленное множество; были тут собраны все народы: индийцы, сирийцы, мидийцы, евреи, финикийцы, еглефи, еламиты, халдеи, лидийцы, немцы, греки и иные восточные и западные народы. И тут Александр большой пир для своего войска устроил, и пришли поклониться Александру все правители и князья — от востока до запада и от севера до юга и от моря — с данями за много лет.

В тот же день пришел из Македонии, от матери Александра царицы Олимпиады, наставник его и учитель, Аристотель. Увидев его, Александр весьма обрадовался, за шею его обнял и поцеловал его сердечно, говоря: «Добро пожаловать, многочтимая и бесценная глава; добро пожаловать, неугасимый светильник и наставник всего мира, великий философ и учитель дивный Аристотель; добро пожаловать тот, чья мудрость удивила эллинов, которому дивились халдеи, искусству которого удивлялись египтяне и мудрые чародеи. Но скажи, удивительный среди людей, любимый мною дидаскал, учитель мой,— как запад живет, жива ли вселюбимая мать моя и любезная царица Олимпиада и что о нас во вселенной слышно? Знают ли люди, что мы, покорив всю землю, до рая дошли, о котором ты в книгах своих пишешь, что он на краю земли, в Эдеме, на востоке; и до рая дошли, и до Макаринских островов в реке Океане, где, как говорят эллинские мудрецы, души людей пребывают. Но там

аз души ни единоя не вѣдих, но яко же со истинною макаринскии князь нам сказа, не ту имъ, глаголетъ, быти, но в долнейших земли, во адовых реках, и ту имъ ждати, рече, ослабу и откопление от вышняго промысла и великаго бога Саваофа». И се Аристотел слышавъ, подивися, ко Александру тако отвеща: «Благодарю бога, сподобльшаго мя видѣти свѣтлое и красное лице твое, и силныи, и славныи, и дивныи в человѣцѣхъ, всего свѣта государю, великии Александре царю. Вселенная бо вся, иже о тобѣ, чюдишася велми, возрадовася зѣло о великои славе твоеи, елика богъ даровал ти есть, яко же ни единому другому человѣку. Македонская земля и радуется и веселится, цветет, яко кринъ межу земъскими царствии и бога непрестанно молятъ за тя всегда, другаго не имаютъ таковаго добыти ни царя, ни господина, яко же тебе, Александре. Вѣдомо да есть тобѣ, яко вселенная вся недостоина есть ни единому власу от главы твоея падающу. Госпожа твоя мати благо днесь здравствуетъ и жалостно тебѣ позирающи видети или слышати, мирно в Македонии царствуетъ, и жалостию и радостию умъ пременяющи, во страсе всегда сущи, в недоумѣнии бывши, хощет бо сподобитися видети лице твое свѣтлое. *Молит* бо тя много, глаголющи: «Не преслушаи мене о семъ, всѣлюбезныи мои сыну и милыи свѣте очию моею, но услыши мене, насытитися твоея свѣтлости и со всечестною твоею свѣтлостию царицею Роксаною. Аще ли тобѣ в Македонию невозможно приити к намъ, к царству твоему приидомъ, идѣже ты повелѣши, и твоего насытитися мнѣ сладкаго вида; живот бо свои вскорѣ смерти изменити имамъ».

О сихъ словесех Александръ умилися и рече: «Блажю всякого сына, отеческому повинующеся повелѣнию». И се рекъ Аристотеля за руку приимъ, на обѣдъ сяде. Вси же велможи его, велицыи князи и господьства земъская по достоянию и по подобию *сѣдоша.* Филона же и Птоломѣя и Селевка на особномъ столѣ посади близу царския трапезы конец подножия. Аристотеля же и учителя своего и Лаомендуша, Поликратушева сына, его же любяше зело, конец престола своего на шестом степени посади близу царские трапезы конец подножия. Преполовившуся обѣду, воставъ Аристотел, дары Александру и царицы принесе, иже бяше послала ему Алимпияда царица, мати его. И принесе ему стемы двѣ, едину Александру, а другую Роксане, великии с великимъ жемчюгомъ и с камением многоцѣнным, и два фарижа бела, оседлана слоновыми седлы с камениемъ и со златомъ и сребромъ, и 100 конеи зобных, и кучму царскую з жемчюгомъ и с камением многоцѣнным, и 1000 оклопии, приставленых на лвовых кожах, и 4 роги слоновых, и два перстни драгии, и хакизмо парижское от коркодиловы кожи и з жемчюгомъ и с камением многоцѣнным,

я души ни одной не видел, и, как истинно макаринский князь нам сказал, не там они, а в глубинах земли, в адовых реках, где они ожидают свободы или осуждения от вышнего промысла и великого бога Саваофа». Слыша это, Аристотель удивлялся и так сказал Александру: «Благодарю бога, удостоившего меня видеть светлое и прекрасное лицо твое, сильный, славный, дивный среди людей, государь всего света, великий царь Александр. Ибо вселенная всему, что ты совершил, дивилась и обрадовалась весьма великой славе твоей, которою бог одарил тебя, как ни одного другого человека. Македонская земля радуется, веселится и цветет, как цветок среди земных царств, и бога непрестанно македоняне молят о тебе,— другого такого не будет у них, ни царя, ни господина, как ты, Александр. Знай, что вся вселенная не стоит одного волоса с головы твоей. Госпожа мать твоя ныне в добром здравии и хочет видеть тебя или слышать, мирно в Македонии царствует, то печалясь, то радуясь, в страхе всегда и в недоумении пребывает, хочет сподобиться видеть лицо твое светлое. И много просит тебя: «Не оставь меня без внимания в этом, возлюбленный сын мой и милый свет очей моих, но услышь меня, дай насытиться твоею красотою и достойнейшею красою царицы Роксаны. Если тебе в Македонию невозможно прийти к нам, то мы к тебе придем, куда ты велишь, и насыщусь сладким видом твоим, ибо жизнь моя вскоре сменится смертью».

Этим словам Александр умилился и сказал: «Заслуживает похвалы сын, повинующийся родительскому повелению». И, сказав так, взял Аристотеля за руку и сел пировать. Все же вельможи его, великие князья и земные государи сели по своему достоинству каждый. А Филона, Птоломея и Селевка за особый стол посадил у подножия царского стола. Аристотеля же, своего учителя, и Лаомендуша, сына Поликратуша, которого он очень любил, около престола своего на шестой ступени посадил рядом с царским столом. В середине пира Аристотель встал и принес Александру и царице дары, которые послала царица Олимпиада, его мать. Принес два венца, один Александру, другой Роксане, с жемчугом и многоценными камнями; двух коней белых, оседланных слоновыми седлами с камнями, золотом и серебром; и сто тысяч коней тучных, и царскую кучму с жемчугом и многоценными камнями; и тысячу щитов, обтянутых львиной кожей; и четыре слоновых бивня, и два драгоценных перстня, и попону для коня из крокодиловой кожи с жемчугом и многоценными камнями,

и 100 блюд златых настолных, и листь, имеющъ сице: «Всесладкии и вселюбезныи и милыи свѣте очию моею, Александре сыну, всего свѣта царю, вселюбезная и вожделѣнная мати твоя Алимпияда пишу. Вѣдомо да есть царству твоему, яко отнелѣже в Македонии видѣния твоего разлучихся, оттоле сердце мое и душа рат межи собою сотвориста велику и умирити их не могох, да всегда со слѣзами ихъ внимаю, твое помышляюще от мене разлучение, сыну мои, и вся царская богатества и злата и ни во что же вменяю, твоего помышляющи улишения. Не *тако аз* немилостива есмъ, яко же мнится тобѣ быти. Да аще возможно тобѣ к намъ в Македонию приити, аще ли тобѣ невозможно есть, мы к царству твоему приидемъ, да твоего насыщюся всесладкаго вида, живот бо свои, сыну мои, вскоре смертию заменю».

И тако скончавшуся обѣду, нѣкии от велмож его рече ко Александру: «Александре царю, достоит тебѣ от земль болшие дани взимати». Александръ же к нему рече: «Ни градаря таковаго ненавижу, иже и с корениемъ зелие исторгающе».

И ту Александръ на гостьбѣ тои узрѣ персенина нѣкоего от велмож своих и стара велми, иже браду свою *вапсалъ* бяше, яко млад человѣком указуется. И рече ему: «Любимыи мнѣ и милыи Каньсире, иже кая полза от вопсания сего хощет быти, колѣна ногамъ своимъ *вопсаи,* има же да укрепится; аще ли псаломъ старость крепиши, ни глаголю тебѣ — не вопсаися,— яко да вапсило тебѣ не превратит мене себѣ млада, и старостию напрасно умрети имаеши». О семъ властели его много смеялися.

Другии же нѣкто велможа у Александра бѣ, ему же имя Александръ, страшлив же сии бяше велми, и всякого боящеся и из бою утекаше. Александръ же к нему рече: «Человѣче, любо имя измени или нравъ; и мое имя тобою срамотно есть».

И в тои же день ко Александру приведоша 3000 гусареи и рекоша ему властели, обѣсити сихъ всѣхъ. Он же к ним рече: «Да коли лице мое видели суть, то не имает ни единь их умрети; судьям бо дано убивати, царю же дано есть миловати». И сотвори ихъ Александръ ловцы собѣ.

И въ тыи дни приведоша ко Александру человѣка индѣянина, славно такова стрелца глаголаху быти, яко сквозѣ перстень стрелу простреляше. Александръ же стреляти ему повелѣ. Он же не хотѣ. И паки ему в другии повелѣ и он не восхотѣ же. Александръ же повелѣ ему главу отсещи. Ведуще же его и рекоша ему: «Почто, человѣче, животъ свои отдаде за едино стреление?» Он же к нимъ рече: «Десять днии имамъ, отнелѣже за лук не приимах, и убояхся, яко пред нимъ погрешу и славу мою изгублю». Сии же Александръ слышав и похвали его много и с честию отпусти его, зане изволи смерти нежели славу изгубити.

и сто золотых блюд настольных, и письмо: «Всесладкий, вселюбезный, милый свет очей моих, сын Александр, царь всего света, вселюбезная и желающая видеть тебя мать твоя Олимпиада, пишу тебе. Знай, что с тех пор, как не вижу тебя больше в Македонии,— с того времени сердце мое и душа воюют во мне и примирить их не могу, но всегда со слезами им внимаю, думая о нашей разлуке, сын мой; все царские богатства и золото — ничто для меня, когда думаю о твоем отсутствии. Не так я немилостива, как ты думаешь. И если можешь, к нам в Македонию приди, если же невозможно, мы к тебе придем, и насыщусь всесладким видом твоим, ибо жизнь моя вскоре сменится смертью».

И когда кончился пир, некто из вельмож Александра сказал ему: «Царь Александр, следует тебе с земель большие дани брать». Александр же ему ответил: «Не люблю садовника, который с корнем растение вырывает».

И тут на пиру Александр увидел некоего перса из своих вельмож, уже очень старого, который бороду свою красил, чтобы казаться молодым. И сказал ему: «Любимый и милый Кансир, если может быть польза тебе от краски, крась колени ног своих, чтобы они укрепились: если ты краской старость укрепляешь, то не говорю тебе, чтобы ты не красился, но краска тебя не изменит и ты, считая себя молодым, от старости неожиданно умрешь». И вельможи его этому много смеялись.

И другой был вельможа у Александра, звали его Александром, но был он очень труслив, всего боялся и с битв убегал. И Александр сказал ему: «Послушай, либо имя измени, либо нрав; мое имя тобою позорится».

В тот же день к Александру привели три тысячи разбойников, и сказали ему вельможи, чтобы он повесил их всех. Он же им сказал: «Поскольку они меня увидели, то ни один из них не умрет; ибо судьям дано убивать, царю же дано миловать». И сделал их Александр своими охотниками.

И в тот день привели к Александру человека, индийца, столь славного стрелка, что, как говорили, он сквозь перстень стрелою попадал. И Александр велел ему стрелять. А он не захотел. И тот вновь ему приказал, он же опять не стал; и Александр велел ему отсечь голову. Когда же повели его, то спросили: «Зачем ты жизнь свою отдаешь за один выстрел?» Он же сказал им: «Десять дней, как за лук я не брался и боюсь, что перед ним промахнусь и славу мою погублю». Услышав это, Александр похвалил его и с честью отпустил, потому что он предпочел умереть, чем славу свою погубить.

И ту Александру нѣкии от воинник приступивъ и рече: «Великии царю Александре, дши едина у мене есть и ныне омужити ю хощу, да помози». Александръ же 1000 талантъ злата ему дати. Он же рече: «Много ми есть, Александре царю». Александръ же рече ему: «Царскии даръ велику честь требует».

И ту Александръ Аристотеля, учителя своего, дарова, стему велику дасть ему, и одеяние многоцѣнное Пора, индѣискаго царя, 10 тысяч талантъ злата, 10 кулобъ великого бисера, и в Македонию его посла, повелѣ ему привести матер свою к себѣ, Алимпияду царицу, на стан великии к нему во Египетъ в Палестинскои земли. Сам же ту с Роксаною царицею оста.

И ту Александру человѣкъ нѣкто прииде и рече ему: «Царю Александре, преж сихъ малых дней, ловящу ми при краи реки на Тигре, сокровище велико изнаидоша злата, да аще хощеши, поиди и возми сие, много множество есть». Александръ же рече к нему: «Всяко злато въ божиих руцех есть, да аще хотѣл бы богъ, мнѣ бы явилъ, но понеже тобѣ есть объявилъ, да поиди, возми сие». Он же ко Александру рече: «Елико требовах, от него взях, останок же возми ты, царю. Множество бо есть много, два дни и двѣ нощи, елико хотѣхъ и носих, к тому же не требую». Александръ же подивися сему и, на конь всѣдъ, на мѣсто то поиде, множество же злата виде и рече: «Егда от Дариевых сокровищъ злато сие есть». И тако повелѣ всему воиску взяти. И толико его множество бѣ, елико вси до воли взяша, Александру же сто кубловъ от него оста.

Сему же бывшу, и се Алимпияда царица, мати Александра царя, от Македонии прииде. Александръ же и вси цари и велможи нарядивъ и во всеи силѣ и воиско свое направи. Кони поводныи великии под бисерными седлы и златыми учреди, и трубы гласовныи, и органи, и тимпаны псалтырныи, и мусикииски хитрости по достоянию урядив, и колесницу велику со златом и бисеромъ и с камением украшену на срѣтение матери своеи посла. И преж себе Роксану царицу посла, 1000 владыкъ посла с нею. Видѣвши же сие Алимпияда возрадовася велми и позирающи на ню, дивляшеся добротѣ ея и лѣпости, изрядному ея разуму; и сладко сию облобызающи и к сердцу своему пригорнувши, рече: «Благодарю тя, боже мои, яко далъ еси Александру подобну ему жену. Добрѣ обрѣла тя есмь, сердце, и душе, и милыи свѣте очию моею, вселюбезная дши моя Роксана». Роксана же к неи рече: «Добре пришла еси, и великая и свѣтлая, всего свѣта царица, государя моего мати, мнѣ же госпоже, Алимпияда царица». И тако на колесницу вседоша и поѣхаша. По том же Александръ срѣте их в чюднои великои и дивнои порастаси со всѣми своими вои и велможи, вси же на великих

И тут к Александру некий воин подошел и сказал: «Великий царь Александр, дочь у меня есть и сейчас выдать замуж ее хочу, помоги мне». Александр велел дать ему тысячу талантов золота, а он сказал: «Это много, царь Александр». Александр же ответил: «Царский дар великой чести требует».

И тут Александр учителя своего Аристотеля одарил, венец дал ему и многоценное одеяние великого индийского царя Пора, десять тысяч талантов золота, десять мер крупного жемчуга, и в Македонию его послал, велев ему привести свою мать, царицу Олимпиаду, к себе, в свой лагерь, в Египте, в Палестинской земле. Сам же там вместе с царицей Роксаной остался.

И тут к Александру некий человек пришел и сказал ему: «Царь Александр, несколько дней тому назад, когда я ловил рыбу в реке Тигр, огромные сокровища нашел, золото; если хочешь, пойди и возьми, потому что много его». Александр же сказал ему: «Все золото в руках божиих, если бы хотел бог, то мне бы его открыл, но поскольку тебе показал, то иди и возьми его сам». Тот ответил Александру: «Сколько нужно было, взял из него, остальное возьми ты, царь. Его так много, что два дня и две ночи я носил сколько хотел, и мне больше не нужно». Александр удивился этому, и, сев на коня, к тому месту поехал, и, видя множество золота, сказал: «Наверное, это золото из сокровищ Дария». И велел своему войску брать его; и так много его было, что все брали сколько хотели, и Александру сто мер от него осталось.

И когда это было, царица Олимпиада, мать царя Александра, из Македонии пришла. Александр всех царей и вельмож собрал и все свое войско привел в порядок, коней под жемчужными седлами с золотом приготовил, которых вели на поводу, трубы, органы, тимпаны псалтырные и все музыкальные инструменты, как подобало, приготовил и колесницу, украшенную золотом, жемчугом и камнями, навстречу матери своей послал. Прежде себя царицу Роксану отправил и тысячу вельмож с нею. Увидев все это, Олимпиада возрадовалась и, глядя на Роксану, дивилась ее красоте и необыкновенному уму; и, сладко целовав ее и к сердцу своему прижав, сказала: «Благодарю тебя, боже, за то, что дал Александру достойную его жену. Рада увидеть тебя, сердце мое, душа и милый свет очей моих, вселюбезная дочь моя Роксана». Роксана же ей сказала: «Добро пожаловать, великая и светлая царица всего света, государя моего мать, мне же госпожа, царица Олимпиада». И сели они на колесницу и поехали. Александр встретил их чудесным и дивным образом, со всеми своими воинами и вельможами,— все они были на великих

конех и всякии велможа пред своимъ полкомъ в царскои стеме и на златои колесницы направе ѣхаша. Александръ же ѣха у великои толши македонскаго стана на великом кони в финическом одеянии, на главѣ же его перская кучма стратокомиловым перьемъ, на кучме венецъ Клитоврии, амазинскои царицы. Егда же близу сташа, тогда царицы обе слезоша, саговѣ свияне по полю тому вергоша, и ту на них ставше, Александра дождаше. Александръ же от далеко с коня на землю ссяде и с велможами своими к матери прииде пѣшъ. Мати же его видѣвше, за горло его похвати и сладко целующи и рече: «Добре обрѣла тя, сыну и всего свѣта господине, Александре царю». И се рекши к раномъ поидоша. Бяше же видети ту дивныи чюдныи и красныи станок. Егда же к стану приѣхаша, тогда полкове по достоянию разрядишася и рядомъ около их оба пол идяху. Вси же трубы псаловныи udариша, органы и прасковицы, различнии мусѣкиискии свѣрили; и не бѣ ту слышати и ни единаго гласа от трубнаго вопля и от коньскаго уристания. И тако в стань свои приидоша. Велможи же по достонию седоша. Александръ же сѣде на великомъ своемъ на златомъ престоле, о правую же страну сѣде его мати Алимпияда, о лѣвую же страну сѣде Роксана, жена его; и ту веселящеся много. Александръ же начатъ еи сказывати боеве вси великии, иже сотвори з Дарием, царем перскимъ, и прочими восточными и западными цари. Сие же слышавши Алимпияда царица дивляшеся. И тако повелеваше трубамъ ударити, иже зовутца сирини намелии. Такови же органы суть: 3000 писковъ имают, гласове же вси различни суть, дебели, и тонцы, и высоцы, и низцы, и тако жалостно слышати их и сладцы, яко всяки человѣческии разумъ дивляшеся. И ту веселившеся много Александръ царь со Алимпиядою царицею, матерею своею, и с Роксаною царицею, с престола восташа, цари же в шатры разыдошася.

Во единыи от днии повелѣ Александръ младымъ витязем торгатися, в другии же день из луковъ стреляти, во иные же дни нѣкую игру играху, иже зоветца каруха, дивна же есть и чюдна зело.

Тогда ко Александру приступиста два витязи македонина, иже Александръ велми любяше, от млада их бяше сохранилъ, брата же присная бяху, матер же в Македонии имяху, за многая лѣта сию не видели бяху. Она же имъ часто поручеваше и писаше многа, яко приидуть к неи в Македонию видети их. Они же любви Александровы отторгнутися не могуще, во мнозѣхъ лѣтех к матери своеи не приидоша. Мати же их, твердую вѣру ко Александру видѣвши, яко отторгнутися от его любви не имають, дивно чюдно и диво достоино сотвори и повести велицеи. Отравныи ядъ со ухищрениемъ

конях и каждый вельможа ехал перед своим полком в царском венце и на золотой колеснице. Александр же ехал в окружении македонских воинов на великом коне в финикийском одеянии, на голове его была персидская кучма со страусовыми перьями, на кучме венец Клитевры, мазаньской царицы. Когда же они сблизились, обе царицы сошли и, встав на ковры, которые по полю тому были расстелены, ждали Александра. Александр далеко от них с коня на землю сошел и с вельможами своими к матери подошел пешим. Мать, увидев его, за шею его обхватила и, сладко целуя, сказала: «Рада видеть тебя, сын и всего света господин, царь Александр». И, после того как она это сказала, они пошли в дивный и прекрасный лагерь. Когда к нему подъехали, то полки разделились и рядом с ними с обеих сторон шли. И все трубы псалмовные затрубили, зазвучали органы, и прасковицы, и различные свирели; и не было слышно ни единого голоса из-за звучания труб и конского топота. Так они в лагерь прибыли. Вельможи согласно их достоинству сели. Александр же сел на великом своем золотом престоле, по правую сторону от него села его мать Олимпиада, по левую сторону села Роксана, жена его; и тут они много веселились. Александр стал рассказывать о всех великих битвах, которые были у него с Дарием, персидским царем, и прочими восточными и западными царями. Слыша это, царица Олимпиада дивилась. И велел он затрубить в трубы, которые называются сирини намелин. А эти инструменты три тысячи звуков имеют, все голоса различны — густые и тонкие, высокие и низкие, и столь печально звучат они и сладко, что дивится им всякий человеческий разум. И тут веселился много царь Александр с царицею Олимпиадой, матерью своею, и с царицей Роксаной. И встали они затем с престола, и в шатры свои разошлись.

В один из дней велел Александр молодым витязям сражаться; в другой день из лука стрелять; в иные же дни в некую игру играли, которая называется каруха, дивна она и чудна.

Тогда к Александру подошли два витязя-македонянина, которых Александр очень любил, смолоду они у него были; братья же родные были они, мать их в Македонии была, и много лет они ее не видели. Она же их часто просила и писала, чтобы пришли к ней в Македонию и она увидела бы их. Они, из-за любви к ним Александра, покинуть его не могли и много лет к матери своей не приходили. Мать же их, видя, что из верности Александру они не оставят его, совершила достойное удивления и великой повести. Отравный яд искусно

у глакизме примеси, иже наричется рефне. И то сотворивши и сыномъ своимъ посла и листь писа к нимъ: «Сладкима сынома моима и милыма красныма двема, Левкудушу и Врионушу, любимая ваша мати Менерва, вамъ пишу радоватися. Вѣсте добре, сынове мои, яко се 20 лѣтъ лица вашего не видѣхъ, ни вы мене узрите; многожды бо к вамъ писах, желающи вас видети, вы же всегда поручаетеся, глаголюще, яко: «От любве Александровы отторгнутися не можемъ». Да вѣдомо вамъ буди, сынове мои, яко всяка слава и богатество во своих почтено есть и сладко, в чюжих же вамъ сущим, ни во что же злато бо ваше... мертво лежитъ. Да клятвою заклинаю васъ, во млеко, еже воскормихъ васъ, яко приидѣте и видите мя. Аще ли Александръ васъ не пустит, гликизмо вамъ рефно дахъ, и Александру вкусити даите, егда бо от него вкусит, в тои час вас отпустит». Левкодушь же и Врионушъ листь матери своея прочетше, Левкодушъ же матери своеи зазрѣвь и посмѣяся, Врионуша же зелие то веземъ и сохрани. Левкодушъ же к нему рече: «Заверзи сие, не имамъ ни единыя ползы в немъ». Бяше бо Левкодушъ конюшеи бояринъ у Александра царя, Врионуш же чашу подаваше Александру царю. Врионуш же лукавое на сердцы своемъ держаше, просил бо бяше у Александра македонскаго царство многажды, Македонии, Александръ же к нему рече: «Всю вселенную разделити имамъ, Македонии же никому не дамъ, до живота бо имамъ владѣти ею самъ, по смерти же моеи да владѣти будет, кому богъ дастъ Александров нарокъ... и крѣпка десница, и острыи мечь». О семъ Врионушъ на Александра злобу имыи, зелие оно хотѣ Александру подати. Возрѣ же на красоту лица его, паки не восхотѣ, и держа сие 6 лѣтъ, не могии Александра отравити, не даваше ему брат его Левкодушъ, но караше его, глаголя: «Боися бога, о человѣче, не убиваи мужа дивна и чюдна, его же мудрости еллини подивишася, его же храбрости перси и индѣяне почюдишася, от него же потрясеся вся подсолнычная земля, восточная и западная и южная и сѣверная, его же убояшася вси морстии отоцы. Аще бо сего погубиши, брате, то вес свѣтъ смертию его смести его хощеши и самъ злѣ умрети имаеши». И хотяше Левкодушъ Александру сказати сие, но Александръ бы ему не вѣровалъ, понеже Врионуша любяше зело. Птоломѣю же воеводе сказати хотяше, но размысливъ рече: «Аще брата моего убиютъ, и мене с нимъ убиютъ». И Врионуша часто караше, он же сего не послушаше, добре бо рече: «В неразумное сердце терние внидет, и вскоре не изыдет».

Исперва бо от лукавых жень убииство сотворися, яко же древле Евга ради от древа раискня пища отлучихомся, Соломан бо, мудрыи во человѣцех, женою лукавою ада наслѣди,

смешала со сладостью, что называется рефне, и, приготовив его, сыновьям своим послала вместе с письмом: «Сладкие сыны мои, милые, прекрасные Левкодуш и Врионуш, любимая ваша мать Менерва, пишу вам приветствие. Хорошо знаете, сыновья мои, что вот уже двадцать лет лиц ваших не видела и вы меня не видели; много писала вам, желая вас видеть, вы же всегда говорите: «Александра оставить мы не можем». Знайте, сыновья мои, что всякая слава и богатства среди своих почтенны и милы, когда же вы среди чужих находитесь, ваше золото мертвым лежит. И клятвою заклинаю вас, молоком, которым вскормила вас,— придите и увидьтесь со мною. Если же Александр не отпустит вас, посылаю вам сладость рефне и Александру вкусить ее дайте, когда же он ее вкусит, тотчас отпустит вас». Левкодуш и Врионуш письмо своей матери прочли, Левкодуш мать укорил и посмеялся, а Врионуш зелье взял и сохранил. Левкодуш сказал ему: «Не думай об этом, нет в нем никакой пользы». Был Левкодуш конюшим у царя Александра, а Врионуш чашу подавал царю Александру. Врионуш лукавство в сердце своем имел, ибо просил он у Александра Македонское царство много раз; Александр же сказал ему: «Всю вселенную отдам, Македонию же никому не дам, до конца жизни буду владеть ею сам, по смерти же моей пусть владеет ею тот, кому бог даст счастье Александра, крепкую десницу и острый меч». Поэтому Врионуш, на Александра злобу имея, зелье это хотел Александру дать. Но посмотрел на прекрасное лицо его и не дал, и держал его шесть лет, не в состоянии Александра отравить, и не давал ему это сделать брат его, Левкодуш, укорявший его, говоря: «Бойся бога, человек, не убивай мужа дивного и чудного, мудрости которого эллины удивлялись, храбрости которого персы и индийцы изумились, от него потряслась вся земля под солнцем, восточная, западная, южная, северная, которого испугались все морские острова. Если его погубишь, брат, то весь свет смертью его низвергнешь и сам бесславно умрешь». И хотел Левкодуш Александру сказать об этом, но Александр бы ему не поверил, потому что Врионуша любил весьма. И воеводе Птоломею сказать хотел, но подумал: «Если брата моего убьют, то и меня с ним убьют». И Врионуша часто корил. А тот его не слушал, ибо хорошо сказано: «Если в неразумное сердце тернне войдет, то быстро не выйдет».

Ибо от начала из-за коварных жен совершались злодеяния,— так в древности из-за Евы райской пищи лишились, мудрый среди людей Соломон из-за жены коварной в ад последовал,

и Самсону великому в крѣпости и женское ухищрение одолѣ, Иосиф прекрасныи от лукавые жены много претерпѣ. И ту бо великого Александра, макидоньского царя, лукавьство женьское постиже.

Во един бо день Александрь гостбы велики велможемъ и воемъ своимъ сотвори. В тои бо день дары от Востока ему принесоша, и на томъ обѣде велику веселость сотвори. Има же Александръ чашу самотворну от андракса каменя и дивна бяше и многоцѣнна велми, тою же всегда Александрь пияше. Тогда Александръ женѣ своеи Роксанѣ тою чашею напив подаваше. Врионуша же сие чаши не соблюде и, ко Александру сию чашу несоша, и испусти ею из рукъ и разбися, Александръ же о семъ разсердився, Врионуша побранихъ мало. Врионуша же за злобу ону на умъ498 веземъ и сие на сердцы храняше на своего си благодателя безумно, и ту его хотя отравити, но не дасть ему братъ его Левкодушъ. Таков бо сии лукавъ бяше и гордивь, зломнивыи Врионушъ, помышляше бо в себѣ, глаголя: «Аще Александра отравлю, царь всему свѣту буду».

В тои день приидоша ко Александру от Иеросалима иевреи, принесоша ему шатеръ великъ велми и сказаша ему глаголя, яко пророкъ Иерѣмѣи умре. Александръ же сие слышавъ и оскорбися немало.

И в тои день приидоша к нему мужи мнози от града, его же создал бяше, Александрию, ко Александру рекоша: «Царю Александре, град, его же еси создал бяше, Александрѣю, не можемъ никако жити в немъ». Александръ же рече: «За что?» Они же к нему рекоша: «Змѣи великии от реки египетцкие изходитъ и людеи ухватает и ядомъ умираютъ». Александръ же к нимъ рече: «Идѣте во Иеросалимъ, и *кости* пророка иевреиска Иеремѣя вземше, на крестъ града сихъ узидаите, того бо молитва ядъ исцѣлетъ змиин». Они же шедше и тако сотвориша, и от того часу и до нынѣ змѣи во Александрѣи человѣка ухватити не можетъ.

И в тои день жена нѣкая ко Александру приступивъ сии рече: «Александре царю, муж мои злобит мя и бранит мя много». Александръ же рече: «Всякои женѣ глава есть мужь, мнѣ же нѣсть дано судити жены пред мужемъ». Она же, Александра понудити хотящи, да мужа еи убиет, и рече: «Царю Александре, мене убиетъ, тебѣ же невѣрен есть». Александръ же к неи рече: «Нѣсть ти дано мужю судити, во царствии бо моемъ жены да не судят мужем. Горе бо человѣку, им же жена обладает, горе бо,— рече,— земли тои, в неи же жена царствуетъ, о горе тѣмъ людемъ, ими же жена обладаетъ, жена бо на едину потребу от бога сотворися, дѣтородства ради, мужу же жена подручна есть». И се рекъ и языкъ еи повелѣ урѣзати.

сильного Самсона великого женское коварство одолело, и Иосиф прекрасный от коварной жены много претерпел. И великого Александра, македонского царя, коварство женское настигло.

В один из дней Александр устроил большой пир для своих вельмож и воинов, в тот же день дары с Востока ему принесли. И на этом пиру он весьма веселился. У Александра была самотворная чаша из камня андракса, дивная и многоценная, из нее всегда пил Александр; в этот раз выпив из той чаши, он передал ее жене своей Роксане. Врионуш неосторожно эту чашу обратно Александру нес и выронил ее из рук, и разбилась чаша. Александр из-за этого рассердился и Врионуша немного побранил. Врионуш за это зло в себе затаил и в сердце хранил, безумный, против своего благодетеля, и хотел его тут же отравить, но не дал брат его, Левкодуш. Столь коварен был, горделив и злопамятен Врионуш, что думал в себе: «Если Александра отравлю, царем всего света буду».

В тот день пришли к Александру из Иерусалима евреи, принесли ему большой шатер и сказали, что пророк Иеремия умер. Александр, услышав это, опечалился немало.

В тот же день пришли к нему мужи многие из города, который он создал, из Александрии, и сказали Александру: «Царь Александр, в городе, который ты создал, в Александрии, никак не можем жить». Александр спросил: «Отчего?» Они же ему ответили: «Огромный змей из египетской реки выходит и кусает людей, и они от яда умирают». Александр сказал им: «Идите в Иерусалим, и возьмите кости еврейского пророка Иеремии, и в городе своем их положите, ибо его молитва от змеиного яда исцеляет». Они пошли и сделали это, и с того времени и доныне змей в Александрии людей не кусает.

И в тот же день некая жена к Александру пришла и сказала ему: «Царь Александр, муж мой сердится на меня и бранит меня много». Александр ответил: «Всякой жене глава муж ее, мне же не дано судить жену перед мужем». Она же хотела вынудить Александра, чтобы он ее мужа убил, и сказала: «Царь Александр, меня он убьет, тебе же неверен». Александр ей отвечал: «Не дано тебе судить мужа, в царстве моем жены пусть не судят мужей, ибо горе тому человеку, которым жена владеет; горе той земле, в которой жена царствует; горе тем людям, которыми жена владеет, ибо жена для одной цели богом создана — для рождения детей; и жена мужу подвластна». И, сказав это, язык ей велел урезать.

В тои же день двородержьцы приступиша ко Александру и рече Дандушъ, милостныи и любим бяше велми у Александра и вѣрень ему есть, кротокъ же сии тѣломъ, но храбръ велми и конникъ добръ воинъ велми, ко Александру рече: «Государю великии царю Александре, подобно есть, яко властели твои домове свои да видят, много бо лѣтъ, яко отнелѣже от домов своих зашли суть». Ту Александръ повелѣ дары многоцѣнны принести и ту велможи свои повелѣ дарити царскими стемами многоцѣнными, и диядимами, и великимъ царскимъ одеяниемъ, индѣискими и перскими фарижи, и много множество неизчетно злата и бисера разда. И тако всякому во свое царство отправитися повелѣ. Сам же с матерею своею и з женою своею и свободными витязи в Виталскии горы ловити поиде.

В тои же день Врионушъ ко Александру приступивъ рече: «Александре царю, даи мнѣ македонское царство». Александръ же к нему рече: «Любимыи мои Врионуше, я всему свѣту царь есмь, но людие македоньскимъ царемъ зовут мя, но возми собѣ Ливию, и Киликию всю, и великую Антиохию». И сего же Врионушъ не восхотѣ, но помышляше во умѣ: «Аще Александръ умретъ, всему свѣту царь буду». И тако яд растворивъ Александру дастъ. Александръ же сие вкушъ, в тои час студен бысть яко крошецъ и очюти, яко отравлень бысть и рече: «О любимыи мои и милыи, врачю Филиппе, вѣдомо да есть тобѣ, яко в сладком вине вкусих горкии ядъ». Филип же сие слышав и стему з главы поверже и былия нѣкая теплеиша с целым теряком Александру дасть пити. Сие же слышав Врионушевъ братъ Левкодушъ, Александрове смерти очима не могии видети, на меч налегъ прободеся. Александръ же ко врачю своему Филиппу рече: «Можеши ли от смерти избавити, Филиппе?» Филипь же рече к нему с плачем: «О всего свѣта царю, идѣже хощетъ богъ, побежается естества чин, да не возможно ми есть помощи дати, понѐже ядовитая студень преодолѣвает сердца твоего теплоту. Но сие помощи ти могу, три дни живъ будеши, дондеже вся царства урядиши земская». Сие же Александръ слышавъ и главою покивав и рече, прослезився: «О суетная слава человѣческая, како вмале являешися, а вскоре погибаеши. Но добре рече рекии: «Нѣсть на земли радости, иже не приложится на жалость, ни есть слава, иже не преидетъ». О земля, и солнце, и твари, плачитеся днес мене, вмале бо на свѣтъ явихся и вскоре под землю отхожу. О земле, мати моя, красныи человѣки упитаеши, напрасно к себѣ приемлеши. О неуставная человѣческая чести, како мнѣ тихо посмеяся и напрасно паки мене к земли отсылаеши. Всесилнии и всемошнии и любимии мои македоняне, аще возможно вамъ смерти мя избавити днес, да

В тот же день подошли к Александру двороуправители, и Дандуш — весьма любимый Александром, верный ему, невелик был телом, но весьма храбр и хороший воин — сказал Александру: «Великий государь, царь Александр, следует вельможам твоим увидеть свои дома, потому что много лет прошло с тех пор, как из своих домов ушли». Тут Александр велел дары многоценные принести и одарить вельмож царскими венцами многоценными, и диадемами, и царскими одеяниями, индийскими и персидскими конями, и огромное множество золота и жемчуга раздал. И велел всем в свои царства отправляться. Сам же с матерью своею, и с женою своею, и со свободными витязями в Витальские горы охотиться пошел.

В тот же день Врионуш к Александру пришел и сказал: «Царь Александр, дай мне Македонское царство». Александр ответил ему: «Любимый мой Врионуш, я всего света царь, но люди македонским царем меня называют; возьми себе Ливию, и всю Киликию, и великую Антиохию». Этого Врионуш не захотел, но подумал: «Если Александр умрет, всего света царем буду». И, растворив яд, дал его Александру. Александр вкусил его, и тотчас стал холоден, как камень, и понял, что он отравлен, и сказал: «Любимый и милый врач Филипп, знай, что со сладким вином вкусил я горький яд». Филипп, услышав это, венец с головы сбросил и теплой настойки с терьяком дал выпить Александру. Услышал об этом брат Врионуша Левкодуш и, чтобы смерть Александра не видеть, бросился на меч. Александр же врача своего Филиппа спросил: «Можешь ли ты от смерти меня избавить, Филипп?» Филипп сказал, плача: «О всего света царь, там, где хочет бог, побеждается чин естества, мне же невозможно помочь тебе, потому что холод яда преодолевает тепло твоего сердца. Могу помочь тебе только так: три дня будешь жить, пока не распорядишься всеми царствами своими земными». Услышал это Александр, головою покачал и сказал со слезами: «О суетная слава человеческая, как ненадолго приходишь и как быстро исчезаешь. Хорошо сказано: «Нет на земле радости, которая не заменится печалью, ни славы, которая не пройдет». О земля, и солнце, и твари, оплачьте сегодня меня, ненадолго на свет появился и рано под землю ухожу. О земля, мать моя, прекрасно людей вскармливаешь и неожиданно к себе берешь. О изменчивое человеческое счастье, как мне ласково улыбнулось и неожиданно опять к земле меня отсылаешь. Всесильные, всемогущие, любимые мои македоняне, если возможно вам от смерти меня избавить сейчас, чтобы

с вами всегда буду, бийтеся с смертию ныне за мя, похитити мя от вас пришла есть». Се же слышавше македоняне и с плачем великим ко Александру глаголаху: «Александре царю, силныи государю, аще возможно есть смерти откупити тя, животъ нашъ вси дали быхом за тебѣ, но сие намъ невозможно есть. Но ты добре на земли пожил еси и смерть твоя почтена есть болши, нежели чии животъ. Походи, Александре, походи на уготованное тобѣ мѣсто, на земли бо добре царствовал еси, и тамо рая наслѣдити имаеши».

Филип же, Александровъ врачь, мску живу разсѣкъ и в ню всади Александра. Александръ же вся земьская царства и великия государства и вси князи и властели по достоянию урядив. Алимпияду же матерь и Роксану царицу приимъ, Филона призвав и Птоломѣя и рече: «О любимая моя присная два брата, Филоне и Птоломѣю, жену свою и матер свою предаю вамъ ныне, яко мою поминающе сердечную любов, сихъ почтено до смерти дохраните, Македонское же царство добре соблюдите. Тѣло же мое в Александрѣи положите, мене же паки узрѣте тогда, егда мертвии от гроб востанут. Но вѣдомо да есть вамъ, яко напослѣдокъ лѣтом перси Македониею обладати имутъ, яко же мы днес персы». И се рекъ Александръ, Роксану за руку приимъ и сладко ею облобызаше, глаголя: «О Дариева дши, мои милыи свѣте очию моею, всего свѣта царице Роксано, вѣси ли, отнелиже любов моя *приплѣте* к тебѣ, колко извѣщения сердца моего указах тебѣ, яко же ни единъ муж к своеи женѣ, тако же и ты указа мнѣ любов и честь вѣрну соблюде, яко же ни едина жена ко своему мужю. Вѣдомо да есть тобѣ, яко ныне любовъ наша расторгнутися имаетъ, отхожю убо во адъ, отнюду же возвратитися не имам. Остани з богомъ, милая моя любви». И се рекъ Александръ, целовав отпусти. И тако властели на целование призва и со всѣми по ряду целовася и с плачем к нимъ рече: «Любимии мои и милии македоняне витязи и вси прочии языцы, Александра другаго не имаете изнаити». И се рекъ, глаголя: «Приведите ми великаго моего коня Дучипала». Дучипал же, видѣ Александра умирающа, жалостно проржа и ногами землю бия, Александров облобызаше одръ. Александръ же за гриву сего похватив и рече: «О милыи мои Дучипале, не к тому другии Александръ всядет на тебе». И ту Александръ Врионуша оного зазрѣвъ и к нему рече: «О милыи мои любимыи Врионуше, ни вѣси ли, колико благая же сотворих тобѣ, почто зло за добро воздал ми еси, почто отравнаго яда напои мя. Но проклят да есть гоподинь тои, иже государьскаго убиицу хранитъ, и проклят да есть, иже ... блудника хранитъ, и проклят да есть господинь тои, иже здавцу градцаго хранить, но злаго убивъ, да ся зла укротит». И ту Дучипаль скочивь,

с вами всегда был, сражайтесь со смертью ныне за меня, похитить меня от вас пришла она». Услышали это македоняне и с плачем великим Александру говорили: «Царь Александр, сильный государь, если возможно было бы у смерти выкупить тебя нашей жизнью, все бы отдали жизнь за тебя, но это невозможно. Славно ты пожил на земле, и смерть твоя почтеннее, чем чья-либо жизнь. Иди, Александр, иди в назначенное тебе место; на земле славно царствовал ты и там рай унаследуешь».

Филипп же, врач Александра, мула живого рассек и в него посадил Александра. И Александр всеми царствами земными и великими государствами распорядился, и всех князей и правителей по их достоинству распределил. Олимпиаду, свою мать, и царицу Роксану взяв и призвав Филона и Птоломея, сказал: «Любимые мои, родные братья, Филон и Птоломей, жену свою и мать передаю вам, чтобы, помня о моей сердечной любви, вы их в почете до смерти оберегали; и о Македонском царстве позаботьтесь. Тело мое положите в Александрии; меня увидите вновь, когда мертвые из гробов восстанут. Но знайте, что в последние времена персы будут владеть Македонией, как мы сейчас персами». И, сказав это, Александр Роксану за руку взял и сладко ее поцеловал, говоря: «О Дариева дочь, милый свет очей моих, всего света царица Роксана, знаешь ли, что с тех пор, как любовь соединила меня с тобою, явил я тебе столько доказательств сердечной склонности, сколько ни один муж своей жене не являл, и ты явила мне любовь, и честь мою верно сохранила, как ни одна жена своему мужу. Знай, что ныне наша любовь расторгнется, ибо ухожу в ад, откуда нет возврата. Оставайся с богом, милая моя любовь». И, сказав это, Александр поцеловал ее и отпустил. И вельмож для прощания призвал, и всех их целовал, и с плачем сказал им: «Любимые мои, милые македонские витязи и все другие народы, второго Александра вы не найдете». И добавил: «Приведите ко мне великого коня моего, Дучипала». Дучипал, увидев умирающего Александра, печально заржал и, бия ногами землю, облобызал постель Александра. Александр за гриву его схватил и сказал: «Милый мой Дучипал, второй Александр на тебя не сядет». И тут Александр того Врионуша увидел и сказал ему: «Милый мой, любимый Врионуш, не знаешь разве, сколько блага я тебе сделал,— зачем злом за добро воздал мне, зачем отравным ядом напоил меня. Да будет проклят тот господин, который убийцу государя щадит, проклят тот, кто грешника щадит, проклят тот господин, который сдавшего город щадит, но пусть убьет злого, чтобы зло прекратилось». Тут Дучипал вскочил,

Врионуша зубы за горло ухвати и к земли его притиснувь, ногами до смерти уби. Александръ сие видѣвъ и рече: «Пии, брате Врионуше, яже ми еси предал чашу». Птоломѣи же разсѣкъ его, псомъ повелѣ повращи. Александръ же на властели и на велможи возрѣвъ и рече: «О любимии мои и милии, всего свѣта царие велицыи и велможи и прочии витязи, како всю вселенную прияли есмо, богатую и пустую землю, и рая доидохомъ оного, идѣже Адамъ, праотецъ нашъ, бяше, и вся красная земли видех, и высину неба разумѣхъ, и глубину моря узнах, но убежати не могох напраснаго смертнаго серпа. Вы, зряще мя умирающа, помощи ми хощете ли и не можете. Но поиду убо, идѣже суть вси от вѣка умершии, вы же останете з богом, мене до смерти своеи поминающе; и видѣтися имамъ с вами тогда, егда мертвии от гробъ востанут на судищи griномъ страшномъ и на великом торжищи». И се рекъ Александръ издъше, в земли нарицаемеи Гесем, во странѣ Халдѣистеи, близу Египта, в Межурѣчии Съверстемъ, на рецѣ Ниле, на мѣсте, идѣже Иосифъ Прекрасныи седмъ житницъ фараону царю сотворилъ бяше. И толикъ плачь и жалость сотворися ту, елико никто нигдѣ видѣ, ни слыша. И тако велможе, вземши тѣло его, во Александрѣю донесоша. Плакавши же мати его, Олимпияда царица, и Роксана царица, и цари, и велможи, и вси князи земьстии, и жены, и дѣти, и несмысленни скоти. Роксана же царица одеяние многоцѣнное на себѣ до земли раздра и власы главы своея простерши, с плачем жалостно ко Александру яко к живу глаголющи: «О Александре, всего свѣта царю, силныи господине и государю, присматар ли мнѣ бяше, понеже в чюжихъ земляхъ мене остави. Сам же яко солнце заиде с солнцемъ под землю. О земля и солнце, и горы, и холми, плачитеся со мною днес и точите *очи* мои источник слез, дондеже езеро наполните и горы напоите пелыневу горку, ядовиту мнѣ зело». И се рекши, на двор повелѣ излѣсти, сама же по конецъ Александра сѣдши, яко жива его облобызающи, глаголаше: «Александре царю, македоньское солнце, аще ми есть с тобою умрети, тебѣ разлучитися не имам». И се рекъ, меч Александровъ вземши и на нь налег, живот свои скончa. Птоломѣи же и Филон столпъ великъ создаста и высокъ среди Александрии града и на немъ ковчег златъ, тѣло же Александра царя и Роксаны царицы поставиша, идѣже до днес ту стоит. Велможи и цари и всякъ отъиде во свою землю. Александрѣя же царство Птоломѣю прилучися. Аминь.

и схватил Врионуша зубами за горло, и, к земле его прижав, ногами до смерти забил. Александр увидел это и сказал: «Пей, брат Врионуш, из той чаши, что передал мне». Птоломей же рассек его тело и псам велел бросить. Александр на правителей и на вельмож посмотрел и сказал: «Мои любимые, милые, великие цари всего света, вельможи и все витязи, всю вселенную покорили мы, богатые и необитаемые земли, и до рая дошли, где был Адам, праотец наш; я все прекрасное, что есть на земле, видел — и высоту неба узнал, и глубину моря исследовал, но не смог избежать жестокого серпа смерти. Вы же, видя меня умирающим, помочь мне хотите, но не можете. И пойду я туда, где все от века умершие пребывают, вы же оставайтесь с богом, меня до смерти своей вспоминая; и увижусь с вами тогда, когда мертвые из гробов восстанут на том Страшном суде и на великом торжище». И, сказав это, умер Александр, в земле, называемой Гесем, в стране Халдейской, около Египта, в Междуречии Северском на реке Ниле, на том месте, где Иосиф Прекрасный семь житниц сделал фараону-царю.

И такой плач и такая печаль тут были, каких никто нигде не видел и не слышал. И вельможи, взяв тело его, в Александрию принесли. Плакала мать его, царица Олимпиада, и царица Роксана, и цари, и вельможи, и все князья земные, и жены, и дети, и бессловесные животные. Царица Роксана многоценное одеяние на себе разорвала до земли и, распустив волосы, с плачем печально к Александру как к живому обратилась: «Александр, всего света царь, сильный господин и государь, разве враг ты мне, что в чужой земле меня оставил? Сам же как солнце с солнцем зашел под землю. О земля, и солнце, и горы, и холмы, плачьте со мною сегодня, лейте слезы, очи мои, как источник слезный, пока не наполните озера и пока не напоите горькую гору полынную, столь ядовитую для меня». И, сказав это, велела всем выйти, сама же около Александра села, поцеловала его, как живого, и сказала: «Царь Александр, македонское солнце, даже если мне придется с тобою вместе умереть, с тобою не разлучусь». И, сказав это, меч Александра взяла, и, бросившись на него, окончила жизнь свою. Птоломей и Филон большой и высокий столп сделали посреди города Александрии, и на нем поставили золотой ковчег, и в нем положили тела Александра и царицы Роксаны, там он и доныне стоит. Вельможи, цари и все остальные разошлись в свои земли; Александрийское же царство Птоломею досталось. Аминь.

СЛОВО О РАХМАНАХ

СЛОВО О РАХМАНЕХЪ И О ПРЕДИВНОМ ИХЪ ЖИТИИ

Егда убо дошедшу Александру царю до внутрених индианъ и округъ идущи всея земля, Окианъ великая рѣка и в великы рахманьскы островъ вниде. Их же чюдное и паче человекъ Александръ видѣ житие, иже к богу всея твари благочестивую службу ихъ, чюдися зѣло и дивися муж тѣхъ вокровенныя премудрости. На том же мѣстѣ столпъ постави и написа сице: «Азъ, великы царь Александръ, идохъ даже и доселе».

В том бо островѣ живуть глаголемии макровии, рекше долгожителе, живут бо множайшихъ до ста и 50 лѣт, за многую чистоту и благорастворении дождевнѣмъ. И в том убо островѣ, по неизреченному божию строению, всякы овощь на вся времена никогда же оскудѣваеть, зане бо ту ово цвететь, ово ж растеть и ово обымають. Ту же и велици индисции орѣси ражаються и неудобьсѣянная, имъ преугодная воня, и магнитъ камень.

В рахманех же языкъ есть благочестивенъ и житие без стязания зѣло имуще, и наслѣдиа тѣхъ от божиа судьбы изслѣдовавшим, и при рѣцѣ живуть нагимъ тѣлом, всегда бога хвалят. В них же нѣсть ни четвероногых, ни земледѣлания, ни желѣза, ни храмовъ, ни ризъ, ни огня, ни злата, ни сребра, ни вино, ни мясоядения, ни соли, ни царя, ни купли, ни продажи, ни свару, ни боя, ни зависти, ни велможь, ни татбы, ни разбоя, ни игръ, ни на насыщение текуть, но мокраго и сладкаго дождя и добраго насыщаются и всякиа болѣзни тлѣния кромѣ суть и мало овоща и сладкия воды примают и вѣрують искрено к богу и бес престани молятся.

И мужие убо на единой странѣ Окиана живуть, жены же ихъ об онъ полъ рѣкы живуть, глаголемыя Галы, иже течеть во Окианъ ко странѣ Индийстѣй. Преходят же убо мужие к женамъ своимъ месяца июля да август, в них же сущи

СЛОВО О РАХМАНАХ

СЛОВО О РАХМАНАХ И О ВЕСЬМА УДИВИТЕЛЬНОЙ ИХ ЖИЗНИ

Когда царь Александр дошел до внутренней Индии и обошел землю, он достиг великой реки Океан и рахманского острова. Александр, увидев их чудесную и недоступную другим людям жизнь, их благочестивую службу богу, творцу всего сущего, дивился таинственной премудрости этих людей. На месте же том поставил столп и написал: «Я, великий царь Александр, дошел до этого места».

А на том острове живут так называемые макровии, то есть долгожители, ибо доживают многие из них до ста пятидесяти лет благодаря великой чистоте и добрым свойствам дождей. И на том острове, по неизреченному божьему промыслу, никакие плоды никогда не оскудевают во все времена года, ибо в одном месте цветет, в другом растет, а в третьем собирают урожай. Тут же произрастают огромные и труднодоступные индийские орехи, с чрезвычайно приятным запахом, и встречается камень магнит.

У рахман же народ благочестив, и живут они совершенно без стяжания и, уведав жребий, посланный им божьей судьбой, обитают нагие у реки и всегда восхваляют бога. У них же нет ни четвероногих, ни земледелия, ни железа, ни храмов, ни риз, ни огня, ни золота, ни серебра, ни вина, ни едения мяса, ни соли, ни царя, ни купли, ни продажи, ни распрей, ни драк, ни зависти, ни вельмож, ни воровства, ни разбоя, ни игр, они не стремятся к пресыщению, но насыщаются сладкой дождевой влагой и свободны от всяких болезней и тления, довольствуются небольшим количеством плодов и сладкой воды, и веруют искренно в бога, и беспрестанно молятся.

А мужья живут с одной стороны Океана, жены же их живут за рекой, именуемой Гала, которая течет в Океан в сторону Индии. Приходят же мужья к своим женам в месяце июле и

солнцу к намъ и ко встоку ходящу, ибо мокри бывше, тогда движутся на счетание женамъ. Тако бо глаголють и про Нилъ рѣку, яко не в то время наводнится, но преполовльшися жатвѣ, напаяваеть Египеть, яко солнцю всюдѣ зрящу восточны поясъ, и инѣмъ срищущемся рѣкамъ изсякнувшемъ, сему же далече сущу. Сътворше с женами своими 40 дний и пакы назад бредуть. Жена же пакы два дѣтища родивши и к тому уже не бредеть муж к ней, ни она ко иному не приближится, паки весма никако же за многое воздержание. И аще ключится неплодвѣ обрѣстися и за 5 лѣт приходящу мужу ея и пребывая с нею, и аще же не родить, к тому не приближается к ней пакы. И того ради есть не многочеловечна страна ихъ, зане мала сладость в них есть и естественое воздержание. И о толицѣ убо есть рахманьскаго жития пребывание.

Рѣку же ону глаголють неудобь прѣходиму, зане звѣрь в ней есть, глаголемы зуботомитель, Звѣр жь той великъ есть, в рѣцѣ той живы, яко можеть и слона пожрети цѣла, зане превеликъ есть зѣло той звѣрь. И за 40 дни, *егда бредуть мужи те,* бѣжить божиимъ повелѣниемь. Но и змиеве убо суть велици зѣло во препустых тѣхъ странах, яко лактей 70 в долготу, и толстота велиа и страшна. А скорпиа обрѣтаются лакти в доле, и мравиа пяди в доле, и того ради непроходимы суть пустыя тѣ страны и не живеть в них никто ж страха ради ядовитых звѣрей. Слонове же ражаются во странах тых мнози и яко же стадници ходят пасущесь сами.

августе, когда солнце движется к нам и к востоку, ибо они направляются на сочетание с женами, когда полны влаги. Так же рассказывают и про реку Нил, что она не в то время наводняется, как другие реки, а в середине жатвы и напояет Египет, когда солнце находится в восточном поясе, а остальные реки все вместе иссякают, Нил же находится вдалеке от них. Проведя со своими женами сорок дней, эти люди вновь отправляются обратно. Когда же жена родит двух детей, тогда уже муж к ней не ходит, и она также ни с кем не сближается, блюдя великое воздержание. А если она окажется бесплодной и если муж к ней приходит в течение пяти лет и пребывает с нею, и она не родит, то уже более он к ней не является. Вот почему страна их немноголюдна, ибо мало у них наслаждений и соблюдается воздержание. Таков образ жизни рахман.

Реку же ту считают малопроходимой, ибо в ней обитает зверь, именуемый «зуботомителем». Так велик этот зверь, в той реке живущий, что может проглотить целого слона. А на сорок дней, когда приходят мужи те, по божьему повелению он убегает. Но и змеи тоже очень велики в этих пустынных землях, около семидесяти локтей в длину, а толщины великой и страшной. А скорпионы попадаются длиной в локоть, а муравьи длиной в пядь — вот почему эти пустынные страны непроходимы и не живет в них никто из страха перед ядовитыми зверями. Слоны же водятся в тех странах во множестве и, собираясь в стада, пасутся сами.

СКАЗАНИЕ О ДОЧЕРИ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

ОТ АЛЕКСАНДРА МАКИД*ОНСКОГО*

Бяше царь Александръ Великый паче всѣх царей. Сынъ Филиппа царя всѣ царьствиа въсприятъ и вси языци поклонишася ему. Едини нагомудреци не приаша его, ни женьское царство. Нагомудреци бо зрять, еже глаголеться, смотрят господа на небесѣхъ сѣдя на престолѣ, того ради не прѣдашася Александру царю.

Имяше же Александръ едину дщерь и много о ней боляше.

Егда приатъ звѣря, которыяй разбиваху вся въйскы, и пришедъ впа*де* в ливадахъ при водѣ, иде же исхожаху раци и похващаша воя. И единъ педопулъ приатъ рыбу сушену и иде к водѣ той, да ю измыет, и обрѣте изворъ малъ, и вметну рыбу ону, она же ожиша и удари в воду — и тъй бо бяше породимъ кладязь. И прииде юноша спѣшно и възвѣсти Александру царю. Александръ же вложеныя рыбы не вѣроваше бо своему слузѣ, яко тако случися. И какъ вложи Александръ сухыа рыбы в воду ту и в томь часѣ ожиша.

И приим Александръ единъ крондирь, и взят от воды, и запечата, и предасть ю единому апроду, и рече ему: «Аще кто отпечатает, то азъ погублю тебе и род твой». Александръ же знаяше, колико лѣт хощеть жив быти, егда будет ему къ смерти, да испиеть воды породимскиа, да родится и не умрет.

Дщи же его Панориа, видѣ юношу, велми стрѣгущи кондирь, и Панориа рече къ юноши: «Повѣж ми кондирь тъй». И глагола к ней онъ: «Не вѣмь, госпоже моя». Она же рече: «Дай мнѣ, яко да поне вижду его». Юдрѣй рече: «Госпоже, велико запрѣщение имамъ от отца твоего Александра». Она же много имѣние ему даваше и многыми муками прѣщаше ему,

СКАЗАНИЕ О ДОЧЕРИ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

ИЗ ИСТОРИИ ОБ АЛЕКСАНДРЕ МАКЕДОНСКОМ

Был царь Александр Великий выше всех царей. Сын Филиппа-царя, он все царства покорил, и все народы поклонились ему. Только нагомудрецы не признали его, да еще амазонки. Ибо нагомудрецы зрят, как говорится, видят господа на небесах, сидящего на престоле, того ради не покорились Александру-царю.

Была же у Александра единственная дочь, и много он о ней заботился.

И вот, взяв зверей, с которыми он сокрушал все войска, вступил Александр в низины у вод, откуда выходили раки и хватали воинов. Один же воин, взяв сушеную рыбину, направился к воде, чтобы помыть ее, и нашел небольшой родник, и бросил ту рыбу; она же вдруг ожила и, всплеснув, ушла в воду — ибо то был райский источник живой воды. И поспешил юноша к Александру, и рассказал об этом царю. Александр же не поверил рассказу слуги о рыбе и тому, что так случилось. Но когда и Александр положил сушеных рыб в ту же воду, они тотчас же ожили.

Тогда взял Александр некий сосуд, наполнил водой из источника, запечатал и передал верному слуге, сказав ему: «Если кто распечатает сосуд, то я предам гибели и тебя, и род твой». Ибо Александр, зная, сколько лет ему жить, решил, что, когда наступит час его смерти, выпьет воды живой, возродится и уже не умрет.

Дочь же Александра Панория, увидя, как юноша усердно оберегает сосуд, сказала ему: «Поведай мне, что в том сосуде?» И ответил ей он: «Не ведаю, госпожа моя». Она же сказала: «Дай мне, хоть посмотрю его». Юдрей же сказал: «Госпожа, строгий запрет дан мне от отца твоего Александра». Она же многие дары ему предлагала и многими муками угрожала,

и зѣло скорбяше, како узнаеть, что есть в кондари. И пакы рече Юдрею: «Лязи съ мною и повѣж ми». Тогда упадеся на ню и слегся с нею, и повѣсть ей все. И егда усну Юдрѣй, и она закла его, и поверже и в кошници, и взят кондирь, и испить из него воду, и бысть невидима и бесмертна. Тогда Александръ проклять ю, и тако пребывает.

и очень домогалась, как бы узнать, что же в сосуде. И вновь говорит Юдрею: «Ляг со мною и поведаешь мне». Соблазненный ею, лег он с нею и поведал ей все. Когда же уснул Юдрей, она заколола его и сбросила в корзину, и взяла сосуд, и выпила из него воду, и стала невидима и бессмертна. Тогда Александр проклял ее, и так она живет до сих пор.

СКАЗАНИЕ О ВАВИЛОНСКОМ ЦАРСТВЕ

СЛОВО О ВАВИЛОНѢ, О 3 ОТРОКЪ. ПОСЛАНИЕ ОТ ЛЕУКИЯ ЦАРЯ, А ВО КРЕЩЕНЬИ НАРЕЧЕНАГО ВАСИЛИЯ, ЕЖЕ ПОСЛА В ВАВИЛОНЪ ИСПЫТАТИ ЗДНАМЕНИЯ У СВЯТЫХ ТРЕХЪ ОТРОКЪ ОНАНЬИ, ОЗАРЬИ, МИСАИЛА

А первое посла 3 человѣкы крестьяньскаго роду и сурьскаго. Они же рекоша: «Неподобно нам тамо ити, но пошли из Грекъ гричина, из Безъ обяжанина, из Руси русина». И посла, яко хотяхут.

Бяше близъ Вавилона за 15 дний, рече имъ царь Василѣй: «Аще будетъ здначение святыхъ здѣ, да не отлучюся от Ерусалима, но буду подобникъ вѣрѣ хрестьяньстѣй и поборникъ на врагы иновѣрныя за род хрестьяньскый».

И поидоша 3 мужи, Гугрий грѣцинъ, Яковъ обѣжанинъ, Лаверъ русинъ, и ехали 3 неделѣ до Вавилона. И приидоша тамо и не видиша града: оброслъ бо бяше былиемъ, яко не видити полаты. Они же пустиша кони и нашли бо бяху путецъ, малаго звѣри хождение. Бяше бо в былии томъ елико трава, а двѣ части гада, но не бысть им страха. И поидоша путемъ тѣмъ и приидоша ко змию.

Бяшет ту лѣствица от древа кипариса прилождена чрез змѣя, а написано бо бяше на ней 3 слова: грѣческы, обезскы, рускы. 1-е слово грѣческы: «Котораго человѣка богъ принесеть к лествицѣ сей...» 2-е слово обезскы: «Да лѣзеть чрес змѣя без боязни...» Третьее слово рускыи: «Да идеть с лѣствицѣ чресъ полаты до часовницѣ». Бяшеть бо лѣствиця та 18 степенѣй: така бяшеть толстота змѣя того. Взидоша горѣ, оже тамо — другая лѣствиця внутрь, написано тако же.

И преидоша чрес полаты, бяху бо полаты полны гада, но не створиша им ничто же.

Они же пришедше и влѣзоша в церковъ, и наполнишася благоуханиия уста их: бяху бо много дѣяния въ церкви написана. И поклонишася гробомъ святыхъ 3-хъ отрокъ

СКАЗАНИЕ О ВАВИЛОНСКОМ ЦАРСТВЕ

СЛОВО О ВАВИЛОНЕ, О ТРЕХ ОТРОКАХ. ПОСОЛЬСТВО ЦАРЯ ЛЕВКИЯ, НАРЕЧЕННОГО В КРЕЩЕНИИ ВАСИЛИЕМ, КОТОРЫЙ ПОСЫЛАЛ В ВАВИЛОН ИСПРОСИТЬ ЗНАМЕНИЯ У СВЯТЫХ ТРЕХ ОТРОКОВ — АНАНИИ, АЗАРИИ, МИСАИЛА

Сначала он хотел послать трех человек, христиан сирийского рода. Они же сказали: «Не подобает нам идти туда, но пошли из Греции грека, из Обезии обежанина, из Руси русского». И он отправил посланцами тех, кого они хотели.

Когда они были за пятнадцать дней пути до Вавилона, царь Василий сказал им: «Если здесь будет явлено знамение святых, то я не отрекусь от Иерусалима, но буду приверженцем веры христианской и поборником против врагов иноверных за род христианский».

И пошли три мужа, грек Гугрий, Яков-обежанин, русин Лавер, и ехали до Вавилона три недели. А когда пришли туда, не увидели града: все быльем поросло так, что не видно было дворца. Пустили они коней и нашли тропу, по которой ходили малые звери. В зарослях же тех была лишь часть травы, а две части гадов; но не было у них страха. И они пошли тем путем и пришли к змею.

Через змея была положена лестница из кипарисового дерева, а на ней была надпись из трех частей: по-гречески, по-обежски и по-русски. Первая надпись по-гречески: «Которого человека бог приведет к лестнице этой...» Вторая надпись по-обежски: «Пусть перейдет через змея без боязни...» Третья надпись по-русски: «Пусть идет с лестницы через палаты до часовни». И была та лестница из восемнадцати ступеней: такова толщина того змея. Взошли они на верх ее, а там — другая лестница, вниз, в город, и написано на ней то же.

А когда они проходили через палаты, то палаты были полны гадов, но те не причинили им никакого вреда.

Когда же они подошли к церкви и вошли в нее, уста их наполнились благоуханием, ибо в церкви было написано много деяний святых. Поклонились они гробам святых трех отроков —

Онаньи, Озарьи и Мисаила и ркоша: «Приидохомъ к вам по божию изволению и великаго царя Василия богохранимаго просить от вас зднамения». И стояше кубокъ на гробѣ Онаньинѣ златъ с камениемъ драгымъ с жемцюгом украшеным, полнъ мура и ливанъ, и стекляницю, того не видихом. Мы же, вземше ис кубка того, быхомъ веселѣ. И воставше от сна мыслихомъ взяти кубокъ с виномъ и нести ко царю. И бысть нам глас от гроба въ 9-й час дни: «Не возмете зднамения здѣ, но идите в царевъ домъ, возмите зднамение!» Они же ужасны быша велми. И бысть имъ глас 2-е: «Не ужасайте, идите!»

Они же вставше идоша. Бяше бо царева полата от часовницѣ. И внидоша в цареву полату и видиша ту одръ стоящъ, и ту лежаше 2 вѣнця царя Навходоносора и царицѣ его. Они же вземше, видиша грамоту, написано грѣческымъ языком: «Си вѣнци створенѣ бысть, егда Навходоносоръ царь створи тѣло златое и постави на полѣ Дирѣлмстѣй». Бяху бо вѣнци тѣ от камени самфира, измарагды и жемчюга великаго и злата аравита. «Си венци *сокров*ены бысть доселѣ, а нына положена бысть и на царѣ богохранимом Василии и царѣцѣ блаженнии Александрѣ молитвами святых 3 отрок».

И вшедъ въ 2-ю полату и видѣша запоны и памфиры царьскыя, идѣ же прияша руками, и бысть все, акы прах. И бяхут ту ларци со златомъ и сребром, и отвергше, видиша злато и сребро и камение многоцѣнное и драгое. И взяша камень великых числомъ 20 донести цареви, а собѣ, яко могут отнести, и взяше кубокъ таковъ же, яко же у трех отроков.

И приидоша къ церкви и вшедше поклонишася трем отрокомъ, и не бысть им глас. И начаша тужити, и вземше от кубка того, испивше и быхомъ весели. И бысть им глас заутра свитающи дни неделному и рекошач имъ: «Умыемъ лице свое!» И узрѣвше кубокъ церковный с водою, и умывше лица своя, и воздаша хвалу богу и трем отрокомъ. Отпѣвше и заутренюю и часы, и бысть имъ глас яко: «Взясте зднамение, поидите путемъ своим, богомъ водими, къ царю Василию». Они же, поклонишася, испивше по 3 стекляницѣ и поидоша къ змии. И прислонивше лѣствицю, полѣзоша чрес змѣя, и принесоша все, еже имѣяху.

Сынъ жѣ обѣжанинъ, именемъ Яковъ, запенъся съ 15 степени и полетѣ долу и убуди змѣя. И въсташа на змѣи чешуя, акы волны морьскыя. Они же, вземше друга своего, поидоша сквозѣ былие с полу дни и видѣша коня и другы своя. Егда начаша вскладывати бремя на своя коня, и свистну змѣй. Они же от страха быша акы мертвии.

Анании, Азарии и Мисаила — и сказали: «Пришли к вам по велению божию и великого богохранимого царя Василия просить от вас знамения». И стоял на гробе Анании золотой кубок, украшенный дорогими камнями и жемчугом, полный мирра и ливана, и стеклянная чаша, подобной которой и не видывали. Они же пригубили из того кубка и возликовали. А восстав от сна, подумали было взять кубок с вином и нести к царю. Но был им глас от гроба в девятый час дня: «Не отсюда возьмете знамение, а идите в царев дом и там получите знамение!» Они же пришли в великий ужас. И был им глас вторично: «Не ужасайтесь, идите!»

И, встав, они пошли. Царева же палата была у часовни. И когда они вошли в цареву палату, тут они увидели ложе, а на нем — два венца: царя Навуходоносора и царицы его. Они же, взяв их, увидели грамоту, написанную греческим языком: «Эти венцы были сделаны, когда царь Навуходоносор воздвиг золотого идола и поставил его на Дирелмесском лугу». И были те венцы из сапфира, измарагда, крупного жемчуга и аравийского золота. «До сих пор эти венцы были скрыты, а ныне молитвами трех святых отроков должны быть возложены на богохранимого царя Василия и на блаженную царицу Александру».

А войдя во вторую палату, они увидели царские одежды, порфиры, но едва прикоснулись к ним руками, как все обратилось в прах. И стояли тут украшенные золотом и серебром ларцы, и, открыв их, увидели они золото, серебро и драгоценные камни. И взяли они двадцать великих камней, чтобы отнести к царю, а себе взяли столько, сколько могли унести, а также взяли и кубок, такой же, какой был на гробнице трех отроков.

Затем они вернулись к церкви и, войдя в нее, поклонились трем отрокам, но не было им гласа свыше. И стали они тужить, но отпили из кубка того и возликовали. А утром на рассвете воскресного дня был им глас, изрекший: «Умоем лица свои!» И они увидели церковный кубок с водой, умыли лица свои и воздали хвалу богу и трем отрокам. Когда же они отпели заутреню и часы, был им глас такой: «Знамение вы взяли, теперь, ведомые богом, пойдите своим путем к царю Василию». Они же поклонились, испили по три чаши и пошли к змею. И, приставив лестницу, перебрались через змея, и перенесли все, что с собой взяли.

Сын же обежанин, именем Яков, запнулся, и с пятнадцатой ступени полетел вниз, и разбудил змея. И поднялась на змее чешуя, как волны морские. Они же, подхватив друга своего, пошли сквозь заросли и к полудню увидели коней и своих слуг. А когда они начали укладывать на коней своих принесенное, свистнул змей. Они же от страха пали замертво.

А гдѣ стояше царь Василѣй, ожидая дѣтей своих,— бяшеть я нарекъ собѣ акы дѣтѣй,— бяше бо змѣя того свистъ и тамо. И падше от свиста того, ослеплѣ бяхут, и мнозѣ от стадъ их изомроша, яко до 3000: подошелъ бо бяше за 15 дний. И отступиша от того мѣста за 16 дний и рече: «Уже мои дѣти мертвѣ». И пакы рече: «Еще пожду мало».

Сии же въставше, яко от сна, и поидоша, и постигоша царя за 16 дний, и пришедше, поклонишася цареви. И рад бысть царь и вси вои его. И сказавше ему по единому.

Патриарх же взем 2 вѣнца и, прочетъ грамоту, възложи на царя Василия и на царицю на Александрѣю, родомъ арменина наречеся. Царь же, announcedвземъ кубокъ, повелѣ наполнити сухимъ златом, а камений 5 драгих посла въ Ерусалимъ к патриарху. А что собѣ принесоша, поведавше царевѣ злато и сребро и камение драгое и жемчюгъ великый. Царь же не взяше ничего же, но еще дасть имъ по 3 *перпера* злата. И отпусти я и рече им: «Поидѣта с миромъ, гдѣ суть отци ваши и матери, и прославите бога, и 3 отрокы, и царя Улевуя, а во крещеньи нареченнаго Василия».

Царь же оттолѣ восхотѣ ити во Индѣю. Давидъ же царь критьскый рече: «Поиди на страны полунощныя, на врагы иновѣрныя, за род крестьянескъ!»

Свист змея достиг и того места, где стоял царь Василий, ожидая детей своих,— ибо нарек он их своими детьми. От того свиста ослепли и пали замертво многие из их братии, до трех тысяч, ибо царь подошел к Вавилону на пятнадцать дней пути. И отступил он от того места на шестнадцать дней пути и сказал: «Уже дети мои мертвы». А затем сказал: «Еще подожду немного».

Те же, вставши, как ото сна, пошли, и настигли царя за шестнадцать дней пути, и, прийдя, поклонились царю. И рад был царь и все войско его. И они рассказали ему всё,— каждый по очереди.

Патриарх же взял два венца и, прочитав грамоту, возложил их на царя Василия и на царицу Александрию, родом из Армении. Царь же, взяв кубок, повелел наполнить его чистым золотом, а пять дорогих камней послал в Иерусалим к патриарху. И обо всем, что они принесли для себя,— о золоте, и серебре, и драгоценных камнях, и крупном жемчуге,— посланцы поведали царю. Царь же не взял себе ничего, но и еще дал им по три золотых монеты. Отпустил их и сказал им: «Идите с миром к отцам вашим и матерям и прославляйте бога, и трех отроков, и царя Улевуя, в крещении нареченного Василием».

Оттуда царь пожелал было идти в Индию. Давид же, царь критский, сказал: «Пойди на страны северные, на врагов иноверных, за род христианский!»

ПОВЕСТЬ О ПОСАДНИКЕ ДОБРЫНЕ

ПОВѢСТИ ДРЕВНИХ ЛѢТЪ, ЯЖЕ СЪДѢЯШАСЯ В ВЕЛИКОМЪ НОВѢГОРОДѢ

О посадникѣ Добрынѣ. Въ лѣта благочестивых великих князей наших русскыхъ живущимъ новогородцемъ в своей свободѣ и со всѣми землями в мѣре и совокуплении, прислаша нѣмцы от всѣх седмидесяти городов посла своего. Биша челомъ архиепископу новогородцкому, и посадником, и тысяцкимъ, и всему Великому Новугороду, глаголюще: «Милыи наши съсѣды! Дайте намъ мѣсто у себе, посредѣ Великого Новагорода, гдѣ поставити божница по нашей вѣре и обычаю». И новгородцы отмолвиша им, рекуще: «Милостию божиею и его пречистыя богоматери и отца нашего, господина архиепископа, благословением и молитвою у нас, в вотчинѣ господы нашей великих князей русских, в Великом Новѣгородѣ, стоят всѣ церкви православныя, нашей вѣры христианьскиа. Ино кое причастие свѣту къ тмѣ? Так же и вашей божницы быти как в нашем градѣ?»

Бѣ же тогда посадник степенный Добрыня именемъ. И нѣмцы, слышавше жестокий отвѣтъ от архиепископа и от всего народа, и своимъ лукавствомъ биша челомъ посаднику Добрынѣ и даша ему посул великъ. О семъ бо и Соломонъ рече: «Всѣ послушают злата». Посадник же Добрыня и съ злыми своими совѣтники повели немцом говорити старостам купецкимъ и купцомъ новгородцкимъ: «Толко нашей божницѣ — храму святых верховных апостолъ Петра и Павла не быти у вас въ Великомъ Новѣгородѣ, ино вашимъ церквамъ у нас, по нашим городомъ, не быти же».

И, то слышавше, старосты купецкие и всѣ гости новогородцкие начаша бити челомъ господину своему отцу архиепископу, имя рек, и всему Великому Новугороду, рекуще: «Пожалуйте, territorialповолите нѣмцомъ поставити ропату по их обычаю

ПОВЕСТЬ О ПОСАДНИКЕ ДОБРЫНЕ

ПОВЕСТЬ ДРЕВНИХ ВРЕМЕН О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ

О посаднике Добрыне. В годы правления наших благочестивых великих князей русских, когда жили новгородцы по своей воле и со всеми землями были в мире и союзе, прислали немцы от всех семидесяти городов послов своих. И били они челом архиепископу новгородскому, и посадникам, и тысяцким, и всему Великому Новгороду, говоря так: «Милые наши соседи! Дайте нам место у себя, посередине Великого Новгорода, где мы могли бы поставить божницу по нашей вере и нашему обычаю». И новгородцы ответили им, говоря так: «Милостью божьей и его пречистой богоматери и благословением и молитвой отца нашего, господина архиепископа, у нас, в вотчине государей наших, великих князей русских, в Великом Новгороде, стоят только церкви православные, нашей веры христианской. Разве может свет со тьмой соединиться? Так и ваша божница как может стоять в нашем городе?»

Степенным же посадником был тогда Добрыня. И немцы, услышав непреклонный ответ архиепископа и всего народа, по своему лукавству били челом посаднику Добрыне и дали ему посул великий. Об этом ведь и Соломон сказал: «Золота все послушаются». Посадник же Добрыня, вместе с злыми своими сообщниками, велел немцам вот что сказать старостам купеческим и купцам новгородским: «Если нашей божницы — храма святых верховных апостолов Петра и Павла — не будет у вас в Великом Новгороде, то и вашим церквам у нас, в наших городах, тоже не бывать».

И, услышав это, купеческие старосты и все купцы новгородские начали бить челом господину своему, отцу архиепископу и всему Великому Новгороду, так говоря: «Окажите милость, разрешите немцам поставить свою ропату по их обычаю

и вѣрѣ, и мѣсто имъ дайте, гдѣ полюбят, занеже не будет их божницы здѣ, ино нашимъ церквамъ у ихъ не быти». Таже и посадникъ Добрыня за старостъ и за гости начат говорити: «Толко не будет наших церквей по немецкимъ городомъ, ино нашим гостем новгородцкимъ велми будет нужно». И архиепископъ и новгородцы, послушав посаднича совѣта и гостей своих челобитья, поволиша немцомъ поставити ропату, а мѣсто имъ укажет посадникъ, гдѣ будет прилично. И нѣмцы избраша себѣ мѣсто посреди града, в торгу, гдѣ стоит церковь деревяна святаго Иоанна Предотечи.

Посадникъ же Добрыня, ослѣплен мздою и наученъ диаволомъ, повелѣлъ церковь святаго Предтечи снести на ино мѣсто, а то мѣсто отвелъ нѣмцом. Предтеча же господень не терпя вражия навѣта и его злаго совѣтника, что испоругалъ святый его храмъ мзды ради. В нощи убо той услыша понамарь тоя церкви Предтечевы глас, глаголющь ему: «Заутра на третьемъ часу дневномъ иди на Великий мостъ и повели новгородцемъ смотрити Добрынина посаднича чюда». И понамарь заутра възвѣсти новгородцомъ, яко же слыша. И абие стекошася множество народа на Великий мостъ видѣти — что хощет быти?

И како же поѣха посадник Добрыня с вѣча къ своей улицы чрез Волхово въ насадѣ с людми своими, и внезапу прииде вихръ и, веземъ насад, align="">възнесе на высоту яко боле дву саженей и удари о воду. И ту потопе посадникъ Добрыня къ дну, а прочих всѣх переимаша в судех в малыхъ перевозники. И тако неводы, мрежами и ужи едва възмогоша вывлещи тѣло его из рѣки. За свое же лукавьство не получи и погребениа, яже есть обычай православнымъ.

Сия ми повѣда игумен Сергий Островьского манастыря от святого Николы, отець Закхиевъ, нынѣшнего игумена Хутиньского.

О той же ропатѣ. И яко же совръшиша нѣмцы ропату свою, и наяша иконников новгородцких и повелѣша имъ написати образ Спасовъ на ропатнемъ углу, на полуденнѣй странѣ в верху, на прелесть христианом и на соблазнъ. И яко же написаша иконописцы образ Спасовъ на ропатѣ, а архиепископа не доложа, и открыша покровъ, и абие въскорѣ томъ часѣ прииде туча з дождемъ и з градом, и выбило градом и мѣсто то, иде же былъ написан образ Спасовъ, и левкас смыло дождемъ, яко же не явитися ни знамению писаниа.

Сиа же до зде.

и вере, и место им отведите, где они захотят, потому что если не будет их божницы здесь, то и нашим церквам у них не быть». Тогда же и посадник Добрыня в поддержку старост и купцов начал говорить: «Если не будет наших церквей по немецким городам, тогда и нашим купцам новгородским очень будет плохо». И архиепископ, и новгородцы, вняв совету посадника и челобитью своих купцов, разрешили немцам поставить свою ропату, а место им укажет посадник, где подойдет. И немцы выбрали себе место посередине города, на торгу, где стоит деревянная церковь святого Иоанна Предтечи.

Посадник же Добрыня, ослепленный мздой и подстрекаемый дьяволом, велел церковь святого Предтечи перенести в другое место, а то место отвел немцам. Предтеча же господень не стерпел навета дьявола и козней его злого сообщника, который надругался над святым его храмом за мзду. В ту же ночь услыхал пономарь той церкви Предтечевой голос, сказавший ему: «Завтра, когда наступит третий час дня, иди на Великий мост и вели новгородцам смотреть на чудо, которое свершится с Добрыней-посадником». И пономарь назавтра возвестил новгородцам об услышанном им. И сразу стеклось множество народа на Великий мост смотреть — что же произойдет?

И вот когда посадник Добрыня с людьми своими поехал с веча на свою улицу в насаде через Волхов, то внезапно налетел вихрь, и, подхватив насад, поднял его на высоту более двух саженей, и ударил им о воду. И тут пошел посадник Добрыня ко дну и утонул, а остальных всех выловили перевозчики на малых судах. А тело Добрыни неводами, сетями и веревками едва смогли извлечь из реки. За свое лукавство не удостоился он погребения, какое свершается по православному обычаю.

Это рассказал мне Сергий, игумен Островского монастыря святого Николы, духовный отец нынешнего игумена Хутынского монастыря Закхея.

О той же ропате. Когда немцы построили ропату свою, то наняли новгородских иконописцев и велели им написать образ Спасов на ее стене, на южной стороне вверху, чтобы прельщать и соблазнять христиан. И вот когда написали иконописцы Спасов образ на ропате, не сообщив об этом архиепископу, и сняли покров, то сразу в тот же час нашла туча с дождем и с градом, и выбило градом то место, где был написан образ Спасов, и левкас смыло дождем, так что и следа не осталось от того, что было изображено.

На этом закончим.

О ЗЕМНОМ УСТРОЕНИИ

ГАЛИНОВО. ИЗ ИПОКРАТА

Мирь от четырих вещи съставися: от огнѣ, от въздуха, от земля и от воды. Съставлен же бысть и малый мирь, сирѣчь человѣкь, от четыри стихия, сирѣчь: от кръви, от мокроты, от чръмну жльчь и от чръну. И убо кръвь видѣниемь чръвлена, въкушением же сладка, подобна убо есть въздуху, яко мокра и топла. Флегма же, яже есть мокрота, видѣниемь бѣла, въкушением же слана, подобна убо есть водѣ, яко мокра и студена. Чръмнаа же жлъчь видѣниемь жлъта, въкушением же горка, подобна убо есть огню, яко суху и топлу. Чрънаа жлъчь видѣниемь чръна, въкушением же кисела, подобна убо есть земли, яко суха и студена.

Симь убо стихиом умалѣющимся, или умножающимь, или одебелѣвающимся выше естества своего, или прѣмѣншимся и отступившимь от своих имь мѣсть и проходящим в необычнаа мѣста, многообразно и многоразлично сътварѣють человѣка болѣти.

И речемь убо, и где и въ коих мѣстех прѣбывають. Мокрота убо — под слѣзеною быти ей, продыхает же и исходить сквозѣ уста и ноздря. Кръвь же прѣбываеть около сердца въ прѣграду, и оттуду раздѣлѣется и проходить сквозь флевы и артирию, и когда умножится, продыхаеть и исходит сквозѣ нось; инуду бо не имать, ни же можеть изыти. Чръмнаа жлъчь прѣбываеть под ятром въ прилѣпленую ятру пунгиицу и продыхаеть сквозѣ уши; и каль убо, его же исчищаемь въ ушиу, то есть чръмнаа жлъчь. Чрънаа же жлъчь — под слѣзеною, и та прѣбывает въ присажденную вънутрѣ мошничку, и продыхает и та сквозѣ очи; гурѣли бо, яже измываем от очию — тыя от чръныя жлъчи суть.

Сия прѣдреченныя стихия, тъкмущимся и равно прѣбывающим, здравствуеть животное. Человѣкь въсѣкый бо въ

О ЗЕМНОМ УСТРОЕНИИ

ГАЛЕНОВО НА ГИППОКРАТА

Мир из четырех веществ составился: из огня, из воздуха, из земли и из воды. Составлен был и малый мир, то есть человек, из четырех стихий, а именно: из крови, из мокроты, из красной желчи и из черной. Кровь на вид красная, на вкус же сладкая, подобна она воздуху, поскольку мокра и тепла. Флегма же, то есть мокрота, на вид белая, а на вкус соленая, подобна она воде, поскольку мокра и холодна. Красная желчь на вид желтая, а на вкус горькая, подобна она огню, поскольку он сух и тепл. Черная желчь на вид черная, а на вкус кислая, подобна она земле, поскольку суха и холодна.

Когда эти стихии умаляются, или умножаются, или накапливаются выше своей меры, или, изменившись и поступив со своих мест, проникают в необычные места, многообразно и многоразлично причиняют человеку болезни.

Скажем же и о том, где и в каких местах они пребывают. Мокроте определено быть под селезенкой; просачивается же и исходит сквозь рот и ноздри. Кровь пребывает около сердца за преградой, а оттуда разделяется и проходит через вены и артерию, и когда умножится, просачивается и исходит через нос; ибо иного пути не имеет и не может иначе выйти. Красная желчь пребывает под печенью в прикрепленном к печени пузыре, а просачивается сквозь уши, и ведь сера, которую вычищаем из ушей,— она и есть красная желчь. Черная же желчь — под селезенкой, и она пребывает в приращенной внутри мошоночке, а просачивается она сквозь глаза, ибо то, что вымывается из глаз, происходит из черной желчи.

Когда эти вышеназванные начала пребывают во взаимном соответствии и равенстве, животное бывает здоровым. У всякого

прѣдреченныя стихия инь инѣмь възрастомь растеть и множится. Паче убо въ отрочяти до 14 лѣт умножается кръвь,— яко же и въ пролѣтии, сирѣчь март, априль, май, заеже быти топла и мокра. Въ юноши же 30 лѣт умножавается чръмнаа жлъчь,— яко же и въ лѣто, сирѣчь июнь, иуль, август, заеже быти ему топлу и суху. Въ съвръшеном же мужи 45 лѣт умножавается чрънаа жлъчь,— яко же и въ есени, сирѣчь септемврий, октеврий, ноеврий, заеже быти ему суху и студену. Въ старым же 80 лѣтѣмь умножавается флегма, сирѣчь мокрота,— яко же и въ зимѣ: декеврий, генуарий, февруарий,— заеже быти ей студена и мокра.

И убо отрочятю растворение есть топло и мокро, яко от кръви, и сего ради овогда играють, овогда же смѣются, и егда же плачят, скоро утѣшаются. Юноши же растворение есть топло и сухо, яко от чръмну жлъчъ, и сего ради суть бръзѣйшии и сверѣпѣйшии. Съвръшенаго же мужа растворение есть сухо и студено, яко от чръну жлъчь; и сего ради суть топлѣйшии и благостоателнѣшии; егда гнѣваются, едва утѣшаются. Старому же растворение есть студено и мокро, яко от мокроты; сего ради суть печални и дряхли, късни и непоминателни, и егда гнѣваются, прѣбывають неутѣшими.

И се вѣждь, яко кръвь убо милостивну и податливу сдѣлаеть душу; мокрота же, еже есть флегма,— кънснѣйшую и заботливѣйшу; чръмнаа жлъчъ — бръзѣйшу и сверѣпѣйшу, чрънаа же жлъчь — честнѣйшу и благостоателнѣйшу.

Познавают же ся непщеваниа и вины болѣзнемь, пръвѣе убо, от възраста: аще бо отрочя есть боляй, кръвь есть виновна; аще ли же юноша,— чръмнаа жлъчь; аще ли же старь, флегма есть оскръблѣющиа. Второе же, познавается и от врѣмень вина: аще убо пролѣтное врѣмя есть, кръвь есть повинна; аще ли же лѣто, чръмнаа жлъчь есть повинна; аще ли же есень, чрънаа жлъчь есть повинна; аще ли же зима, мокрота есть повинна.

Чювства же въ человѣцѣ суть пять: видѣние, обонѣние, слышание, въкушение и осазание. И убо видѣние — от ефера, обонѣние же — от въздуха, въкушение же — от мокраго, осязание же — от земля.

Въпрос: Колики суть душевныя чясти?

Отвѣт: Три: словесное, яростное и желателное.

Въпрос: Когда здравьствуеть человѣкь и когда изнемагаеть?

Отвѣт: Здравьствуеть убо, когда съчетателно по силѣ и равностоателно стоять четыри стихия прѣдреченныя, въ въсемь равенствѣ же и утиши.

Въпрос: Что есть здравие?

Отвѣт: Здравие есть благорастворение пръвымь, от них же съставлено есть тѣло: от топлаго, и студенаго, и сухаго, и мокраго.

человека вышеназванные стихии по-разному в разном возрасте растут и множатся. У ребенка до четырнадцати лет особенно умножается кровь,— как она умножается весной, то есть в марте, апреле, мае, потому что она тепла и мокра. У юноши до тридцати лет умножается красная желчь,— как она умножается летом, то есть в июне, июле, августе, потому что оно тепло и сухо. У совершенного же мужа до сорока пяти лет умножается черная желчь,— как она умножается осенью, то есть в сентябре, октябре, ноябре, потому что она суха и холодна. В старце же восьмидесяти лет умножается флегма, то есть мокрота,— как она умножается зимой: в декабре, январе, феврале,— потому что она холодна и мокра.

У детей характер пылкий и податливый — под влиянием крови, и потому они то играют, то смеются, и когда плачут, быстро утешаются. У юношей же характер пылкий и страстный — под влиянием красной желчи, и потому они самые быстрые и вспыльчивые. У совершенных же мужей характер сухой и холодный — под влиянием черной желчи; и потому они самые суровые и крепкие, и когда гневаются, с трудом утешаются. У старцев же характер холодный и податливый — под влиянием мокроты; потому они печальны и дряхлы, медлительны и забывчивы, и когда гневаются, пребывают неутешными.

Знай и то, что кровь делает душу милостивой и податливой; мокрота же, то есть флегма, медлительной и забывчивой; красная желчь — быстрой и свирепой, а черная желчь — честной и крепкой.

Распознаются поводы и причины болезней, во-первых, по возрасту: если ребенок болеет, кровь виновна; если юноша — красная желчь; если же старец — флегма причиняет вред. Во-вторых, причины распознаются и по временам года: если стоит весна, кровь повинна; если лето, красная желчь повинна; если же осень, черная желчь повинна; если же зима, мокрота повинна.

Чувств же у человека пять: зрение, обоняние, слух, вкус и осязание. Зрение — от эфира, обоняние — от воздуха, вкус — от влаги, осязание же — от земли.

Вопрос: Сколько у души частей?

Ответ: Три: словесная, яростная и желающая.

Вопрос: Когда бывает здоровым человек и когда изнемогает?

Ответ: Здоровым бывает, когда вышеназванные четыре стихии сочетаются по силе и находятся в равновесии, в полном равенстве и покое.

Вопрос: Что такое здоровье?

Ответ: Здоровье есть хорошее сочетание начал, из которых составлено тело: теплого, холодного, сухого и влажного.

Въпрос: Что есть врачь?

Отвѣт: Врачь есть естьству служитель и въ болѣзнехь сподвижникь. И съвръшенъ убо есть врачь, иже видѣниемь и дѣаниемь искусень; изряднѣйши же — иже въсѣ творя по правому слову. Врачество есть художьство: мѣра здравьствующимь, исцѣлитель болящимь.

Человѣкь имат чясти въ тѣлѣ пять: руцѣ двѣ, нозѣ двѣ и главу. Стихия же двенадцать: върхъ, уши, очи, ноздря, уста, сосци, ръцѣ, тѣло, колѣнѣ, нозѣ.

Има же и година стихия: пролѣть, лѣто, есень и зима. И пролѣть убо начинается от 24 мартиа мѣсяца, даже до 24 иуниа. Бывает же умножение кръви; подобает убо пущати кръвъ и творити очищение утробѣ съ воифимы; пища же — зелие топло; бѣжати же сытости рыбныя, и вина топла, и вечеря късную.

Лѣто же начинается от 24 иуниа, даже до 24 септвериа. Бывает же умножение чръныя жлъчи; и подобаеть себе упакоавати и не ясти много; огрѣбати же ся от елика суть люта; и пити подобаеть воду студену; и вечеря докосна огрѣбатися; ясти же мало рыбы студены; очищениа же утробѣ и пущениа кръви бѣжати.

24 септевриа начинается есень,— до 24 декевриа. Подобаеть бѣжати от въкушениа многых овощей, и студеных водь, и множьство вина, и утрѣных студений, и не съвлачити себе, аще и задушно будет, и хранити себе от гнѣва и ярости, и от въсѣкых снедей множьства. Пущати же кръвь и очищати утробу от яда воифимою, умалившися лунѣ.

24 же декевриа,— даже до 24 мартиа,— начинаеться зима. И умножаваеть же ся флегма, яже есть мокрота. Подобает же ясти елика имуть топлоту, яже суть сия: напе, ръдъквы, кромидь, лукь бѣлый, прасы, пиперь, зинзиверь, карофалъ; пити же и укропь съ мѣдомь и съ мьстомь варѣнѣмь, иже глаголется ипсима; огрѣбати же ся рыбь прѣсных сытость, и от зелиа, и вечеря късную.

АЛЕКСАНДРОВО

Никто же да непщуеть бездушну быти сѣмени, одушевленно бо впадаетьсе въ утробу, и растить, и множится: бездушное же ни же растеть, ни же множится. Прѣжде же въсѣх сердце зиждится и въображавается; и убо мужьскый поль творится създание въ 30-ти днехь, женьскый же въ 32. Егда же отрочя въобразится съставми съвръшенѣ, тогда, удовом растящимь и костемь утвръждьшимся, възимаеть к себѣ кръвь от плъти, и прочее ту костия мазга напаваема, утвръждаются кости и члѣнове и от другь друга състоются. Егда убо

Вопрос: Что такое врач?

Ответ: Врач есть слуга природы и помощник в болезнях. А совершенный врач тот, кто способен искусно видеть и действовать; превосходнейший же — кто все делает правильно. Врачевание есть искусство: мера здравствующим, исцеление болеющим.

Человек имеет частей в теле пять: руки две, ноги две и голову. Элементов же двенадцать: темя, уши, глаза, ноздри, рот, груди, руки, тело, колени, ноги.

Имеет и год составные части: весну, лето, осень и зиму. Весна начинается 24 числа марта месяца, длится до 24 июня. Бывает же умножение крови; и подобает пускать кровь и делать очищение желудка слабительным; пища же — овощи теплые; избегать следует пресыщения рыбой, вина теплого и ужина позднего.

Лето начинается 24 июня, длится до 24 сентября. Бывает же умножение черной желчи; и подобает давать себе покой и не есть много; остерегаться всего острого; пить следует воду холодную; ужинов поздних остерегаться; есть немного холодной рыбы; очищения желудка и пускания крови избегать.

24 сентября начинается осень,— до 24 декабря. Подобает избегать вкушения множества овощей, холодной воды, большого количества вина и остерегаться утренних заморозков, и не раздеваться, даже если будет жарко; беречь себя от гнева и ярости и от пресыщения всяческой снедью. Пускать же кровь и очищать утробу от съеденного слабительным, когда умалится луна.

24 же декабря начинается зима — и длится до 24 марта. И умножается флегма, то есть мокрота. Есть подобает то, что содержит теплоту, а именно: горчицу, редьку, лук, чеснок, лук-порей, перец, имбирь, гвоздику; пить же горячую воду с медом и с виноградным суслом вареным, что называется варево; остерегаться же пресыщения пресными рыбами, овощей и позднего ужина.

АЛЕКСАНДРОВО

Никто пусть не думает, что бездушно семя, ведь одушевленным оно попадает в утробу, и растет, и множится: бездушное же не растет и не множится. Прежде всего сердце созидается и образуется; и зародыш мужского пола формируется за тридцать дней, а женского — за тридцать два. Когда же ребенок полностью оформится частями тела, тогда с ростом членов и твердением костей он берет себе кровь от плоти, и постепенно, по мере того как костный мозг напивается, укрепляются кости и члены тела приходят во взаимное соответствие. Когда же

и нокте прѣстомь вѣкорѣнѣются, тогда движение сътворить. И убо мужьскый поль въ третий мѣсяць движится, женскый же въ 4-тый и полъ. Егда же движение будеть отрочят, тогда и млѣко събываеть матери. Млѣко убо бываеть от снѣдей и питий, и ис каче же въходить въ съсцых и, съгрѣваемо, бываеть бѣло и сладко.

И аще убо сѣмя от обоих крѣпчайше вънидеть, мужьскый поль бываеть отрочя; аще ли же немощнѣйше, бываеть женска пола. И аще убо сѣмя мужа будеть множайше, бываеть отрочя подобно отцу; аще ли же женско, бываеть подобно матери; аще ли же от обоихь равно будеть, бываеть обоимь подобно. И аще убо утроба тѣсна будеть, дробно и немощно будет отрочя; аще ли же пространна, крѣпко и дебело будет. И аще прѣдреченное сѣмя въ обоих ложехь или множайших въпадет, близньчнаа или множайша бывають отрочата. И аще убо въ десных странах въпадеть, отроча мъжьскый пол бываеть, аще ли же въ лѣвых, женьскый пол будет. И растеть же и питается отрочя кръвмии нисходящиими повъсемѣсячными от утробы пупкомъ. Двѣ бо флевы, от утробь въсходимы даже до самых съсець и възводяще кръвь, яже побѣлѣваеть жилами съсцьными, и служителница пищи отрочьстѣ бывають.

И аще убо прѣжде рождениа хощеши познати, каково будет роженное, посади имущую въ чрѣвъ на земли, простръты имущи нозѣ, и помалѣ призви ту приити к тобѣ: и аще, въстающи, десную ногу прьвѣе въздвигнеть, мужьскъ полъ родится: аще ли же левую, женскый пол будеть.

И глаголят бо, яко семя, бѣло в утробу въшедшее, прьвѣе въ кръвь растварѣется, таже въ плъть и въ друго растворение зиждется и въображавается. И третины убо, и девятины, и четыридесятины сего ради бывають, яко сѣмя убо, въ утробу въшедшее, въ третий дѣнь прѣмѣнѣется въ кръвь, и живописуется сердце; в девятый же съгустѣвается въ плоть, и съставлѣется въ уды члѣновы; въ сороковой же въ видѣние съврьшено въображавается. Подобно въ яко по числу днехь и мѣсяцехь: третий бо мѣсяць движется въ утробѣ одушевлено отрочя мужьска полу; женьскый же въ четвертый пол; в девять же растварѣется и въсхожденое тъщится. Бываеть убо мужьскъ пол топлоты ради сѣмени, женскы же лишениа ради и студени. Съгустѣнию убо въскорѣ бываему, въмужавается убо отрочя, умалѣему же, женскый полъ бываеть. Късно бо съгустѣваемо, късно и въображавается. Отнуду же мужьска убо полу отрочята и вънутрь 40-тих днех въображаема отпадают; женьскаго же пола и по 40-тих плотна и невъображена обрѣтаются.

Есть же былие, творящее мужьска полу и женска: ово убо творит мужьскаго полу, ово же женьскаго, пиваему утро.

и ногти на пальцах зародятся, тогда начнет двигаться. Плод мужского пола на третьем месяце двигаться начинает, женского же — на четвертом с половиной. А когда ребенок начинает двигаться, тогда и молоко появляется у матери. Молоко же бывает от пищи и питья, и поднимается в груди, и, согреваясь, делается белым и сладким.

И если семя у обоих сильное, мужского пола бывает ребенок; если же послабее, бывает женского пола. И если семя мужа будет больше, ребенок будет похож на отца; если же женское, будет похож на мать; если же у обоих одинаково, будет похож на обоих. И если утроба окажется тесной, дитя будет маленьким и немощным, если же пространной — будет крепким и полным. И если вышеупомянутое семя в два ложа или в большее число впадет, двойней или большими по числу окажутся дети. И если с правой стороны впадет, ребенок мужского пола будет, а если с левой, женского пола. Растет же и питается ребенок кровью повсемесячной, проходящей из утробы через пуповину. Две вены, от утробы восходящие до самых грудей и возводящие кровь, что делается белой в сосудах груди, служат для питания ребенка.

И если прежде рождения хочешь узнать, каким будет рожденное, посади имеющую в чреве на землю, с вытянутыми ногами, и через небольшое время позови ее прийти к тебе; и если, вставая, правую ногу она поднимет первой, ребенок мужского пола родится; если же левую, женского пола будет.

И говорят, что семя, белым в утробу вшедшее, сначала преобразуется в кровь, затем в плоть и в другие составы складывается и образуется. И третины, девятины и четыредесятины потому справляются, что семя, в утробу вшедшее, в третий день изменяется в кровь, и появляется сердце; в девятый же день сгущается в плоть, и составляются части тела; в сороковой же день полностью складывается облик. Подобное числу дней — и в месяцах: ибо на третий месяц шевелится в утробе одушевленное дитя мужского пола; женского же — на четвертый с половиной; а на девятый месяц открывается оболочка и оно старается выйти. Получается же ребенок мужского пола под влиянием теплоты семени, женского — по причине ее недостатка и холодности. Ибо когда загустение происходит быстро, получается мужским по полу дитя, а когда медленно, женского пола бывает. Ведь медленно густеющее медленно и образуется. Совершенно же заканчивается сложение мужского пола детей в течение сорока дней; женского же пола младенцы и по сорока днях оказываются недоформированной плотью.

Есть травки, от которых получается мужской пол и женский: от одной получается мужской пол, а от другой женский, если пить утром.

Рьцѣмь убо и о кончании человѣка. Въ третий измѣнѣется и прѣмѣние видѣниа отпущаеть; въ 9-ты жь раздрушается и съливается всѣко, съхранѣему сердцу; въ 40-ты же и самое то сердце раздрушается. Сего ради и третины, девятины и 40-тины творятся умрьшимь.

О ШИРОТѢ И ДЛЪГОТѢ ЗЕМЛИ

Земли растоание есть от въстока даже до запада стадие 25 тъмь, от сѣвера же до полудниа 12 и пол тъмы. Двоицею бо есть длъгота широка, нежели широты.

О СТАДИЕХЬ И О ПОПРИЩЕХЬ

Стадие имат съжений 100, пъприще же — съжений седмь сот и 50. Есть же убо едино поприще стадий 7 и пол. Сиа убо мы от землемѣрець прияхом.

Земля же по еллинох глаголется «Хайа», по гръкох же «Ги», по иудеох же «Адаманъ». Сего ради иже от нея рожденнаго «Адама» нарицят.

О ЗЕМНОМ УСТРОЕНИИ

Земное устроение: ни же четвороуглъна есть, ни же троеуглъна, ни же пакы округла, но устроена есть яйцовидным устроениемь. И им же образом имат яйце въ вьняшнемь боку жлъчию глаголемую, извъне же яду имат бѣлту и чрьпку — жлъчь же стоит посрѣдѣ,— сице ми и о Земли розумѣй. Землѣ есть жлъчь, яйцу посрѣдѣ, нѣбо же, въздух — бѣлта, чрька яйцу: яко же окружает чрюпка яйцу вьнутрьшнее, сице окружаеть и Земля небо и въздух; Землѣ же есть посрѣдѣ.

И елико отстоить Землѣ небо видимое нами, толико отстоит под Землею на четырех странъ, глаголя же въстока и запада, и сѣвера же, и полудниа: въсюду же окружаема есть Землѣ небомь — и горѣ, и долу, и от четырех странъ. Им же образом окружаемо есть посрѣднѣе яйцу от чрюпия его, сице и Землѣ окружаваема есть небомь и стоит на срѣдѣ, и небо же обращается и исходить под нею непрѣстанно и над нею, яко же видимо.

Землѣ же висить на въздусѣ посрѣдѣ небесныя празности, не прикасаяся нигде небесному тѣлу, и отстоит отвъсюду от небесъ неприкосновенна. Елико нас отстоить небо, толико отстоит небо под Землею от въсѣхь странъ. Землѣ же не стоить ни на чесом же иномь, но на въздусѣ висит.

Нѣции же глаголят, яко на седмих стлъпох стоить Землѣ, еже нѣсть истина. Аще бо на седмих столъпох Землѣ висела бы,

Скажем же и о кончине человека: в третий день он изменяется и претерпевает перемены во внешнем виде; в девятый же разрушается и разлагается весь, только сохраняется сердце; в сороковой же и самое сердце разрушается. Потому-то и третины, девятины и сорочины творятся умершим.

О ШИРОТЕ И ДОЛГОТЕ ЗЕМЛИ

У Земли расстояние от востока до запада — двадцать пять десятков тысяч стадий, от севера же до юга — двенадцать с половиной десятков тысяч. Так что вдвое долгота больше широты.

О СТАДИЯХ И О ПОПРИЩАХ

Стадия содержит сто саженей, поприще же — семьсот пятьдесят саженей. Равняется одно поприще семи с половиной стадиям. Это мы от землемеров узнали.

Земля по-эллински называется «Хайя», по-гречески же «Ги», а по-еврейски «Адаман». Потому-то от нее рожденного «Адамом» зовут.

ОБ УСТРОЕНИИ ЗЕМЛИ

Земля по устроению ни четырехугольна, ни треугольна, ни дискообразна, но устроена яйцевидной. И по образу яйца, у которого внутри так называемый желток, а снаружи белок и скорлупа,— желток же находится в середине,— такою и Землю представляй. Земля — это желток в середине яйца, а небо и воздух — белок и скорлупа яйца: как окружает скорлупа внутренность яйца, так окружают и Землю небо и воздух; Земля же находится в середине.

И насколько отстоит Земля от неба, видимого нами, настолько оно отстоит от Земли со всех четырех сторон, а именно на востоке, западе, севере и юге: отовсюду окружена Земля небом — и сверху, и снизу, и с четырех сторон. Наподобие того, как окружена внутренность яйца его скорлупой, так и Земля окружена небом и пребывает в середине, небо же обращается и движется непрестанно под нею и над нею, как и видимо.

Земля висит в воздухе посреди небесной пустоты, не прикасаясь нигде к небесному телу, и отстоит отовсюду от небес, неприкосновенна. Насколько отстоит небо от нас, настолько отстоит небо под Землей со всех сторон. Земля не опирается ни на что иное, только на воздухе висит.

Некоторые говорят, что на семи столпах стоит Земля, но это неверно. Если бы на семи столпах висела, на что опирались

стлъпи где быша были вѣдрузени? Глаголят бо они къ нам: «И како Соломонъ глаголеть: «Прѣмудрость създа себѣ храм и утвръди стлъпъ седмь»? Убо которых ради стлъповъ глаголет?» — И мы отвѣщаемь, глаголяще къ ним, яко стлъпы глаголеть Соломонъ седмих вѣковъ, или седмь звѣздъ великых, или седмь дарованиа духовнаа. О сих стлъпох глаголеть Соломонъ.

Инии же глаголят, яко над водами носима есть землѣ, приводяще два свѣдетеля, глаголяща: «Утвръждьшому Земля на водах». Обрѣтают же ся и ти не истинствующе. Како аз оглаголя, 4 стихия суть, съставлѣющаа миръ: огнь, въздух, вода и землѣ. Сиа убо четыри потрѣба есть да будут равно съпряжна; и тогда съставлѣют миръ. И елма прочее съравнѣются и стоять убо, како да будет вода множайшаа паче инѣх трех стихиах, яко мощи носити Земля? Явѣ, яко не на водах стоить Землѣ.

Но и инии творци глаголят: «Иже на водах Земля обѣсивый». Мы же къ нимь глаголемь, яко не глаголят творци, яко Землѣ носится водами; но заеже есть землѣ растворена съ водами, и воды съ землею, и не отлучаються от друг друга, сего ради рѣша творци: «Иже на водах Земля повѣшей».

Землѣ же не висить на водах, но тъчию от божестъвныя силы. Се убо въ «Иовѣ» глаголеть: «Где бѣ, егда основах Земля, — възвѣсти ми, аще вѣси». Си прѣжде вѣдрузитися земли на водах, «утвръдих» же глаголя. Не стоит же на водах, но, искушая богъ Иова, просто бесѣдует, яко се есть истинно. И зри въ прѣдних словесех — и на стлъпохь ея стояти глаголеть, рече бо: «Кто положи мѣрила на Земли? На чемь же стлъпи ея вѣдрузени суть?» Вънимай, молю тя: аще «на водах» глаголал би, и мы хотѣхом глаголати на водах Земля быти; аще ли же пакы стлъпы глаголал бы, а воды не глаголалъ, глаголали быхом на стлъпох Земля стояти. Видим же, яко и воды глаголеть, и стлъпы. Се прочее учить нас, яко ни же водами носится, ни же стлъпы, но тъчию божиею силою, — яко прѣмудрость и силу божию воды и стлъпы именова: прѣмудрость убо воды, силу же стлъпы.

Землѣ же ни на чем же висит, тьчию на въздусѣ, яко же Иоаннь Дамаскинь глаголеть: «Вѣдрузивы ни на чем же Земля повелѣнием си». Чюжду же ся и о глаголящих Земли висити на водах. Се бо видимь прѣмо нама, яко нападый нѣкоторый прах врѣху воды многы не стоить врѣху, но низ падает, въ самое дно водамь. Паче же воды дрѣжутся въ нѣдрох Земли. Аще ли же и нѣции глаголять многажди, яко по смотрению божию а не на ничьсом же Землѣ стоит, и се есть истинно.

Аще ли же пакы глаголят, яко понеже съравнена суть вода съ прѣстию, но видимь прѣсть множайший водою, васнь хощет

бы столпы? Они нам говорят: «А как же Соломон говорит: «Премудрость создала себе дом и утвердила столпов семь»? О каких же столпах он говорит?» И мы в ответ говорим им, что столпами Соломон называет семь веков, или семь звезд великих, или семь дарований духовных. Об этих столпах говорит Соломон.

Другие говорят, что над водами носима Земля, приводя двух свидетелей, говорящих: «Утвердившему Землю на водах». Оказываются и они неправы. Как я уже сказал, четыре стихии составляют мир: огонь, воздух, вода и земля. Необходимо, чтобы эти четыре стихии были равно сопряжены; тогда только составляют мир. А если, стало быть, они равны и такими остаются, как же может вода превосходить количеством иные три стихии, что необходимо, чтобы она смогла носить Землю? Ясно, что не на водах пребывает Земля.

Еще и другие авторы говорят: «На водах Землю повесивший». Мы им отвечаем, что не говорят авторы, что Земля носима водами; но поскольку земля смешана с водами и воды с землей и они не отлучаются друг от друга, поэтому и сказали авторы: «На водах Землю повесивший».

Земля держится не на водах, но только божественной силой. Об этом ведь в «Иове» говорится: «Где был ты, когда я полагал основания Земли? Скажи мне, если знаешь». И прежде чем сказать, что водрузилась Земля на водах, сказал «утвердил». Не стоит же она на водах, но, испытывая Иова, бог просто говорит, как это обычно. И смотри, в предыдущих словах он говорит, что и на столпах она стоит, ибо сказал: «Кто положил меры на Земле? На чем столпы ее утверждены?» Слушай, прошу тебя: если бы он «на водах» сказал, и мы говорили бы, что на водах Земля держится; если бы, опять же, о столпах сказал, а о водах не сказал, говорили бы, что на столпах Земля стоит. Видим же, что и о водах говорит, и о столпах. А это учит нас, что ни водами она не носима, ни столпами, но только божьей силой,— потому что премудрость и силу божию водой и столпами он наименовал: премудрость — водами, а силу — столпами.

Земля же ни на чем висит, только на воздухе, как Иоанн Дамаскин говорит: «Водрузивший ни на чем Землю повелением своим». Удивляюсь я и говорящим, что Земля держится на водах. Ведь видим своими глазами, что упавший на поверхность воды какой-нибудь прах долго не держится наверху, но опускается вниз, на самое дно вод. Скорее воды держатся в недрах Земли. А если некоторые говорят многократно, что, по усмотрению божию, ни на чем Земля стоит, это и есть истинно.

А если еще скажут, что, поскольку вода уравнена с Землей, по-видимости же Земли больше, чем воды, значит, должно

быти вода под Землею многа, яко да съравнится съ пръстию, носити Землю, мы же пакы глаголемь, яко и се от ненаказаниа глаголете. Океанскаа бо рѣка, обтичяй въся Земля окръсть, множайша Земля, одръжит паче Землею въсею видимыя нами. Съ тѣмь убо и морскыя воды съравнѣетнѣется вода съ пръстию. Яко же убо магнить любить желѣзо, и желѣзо магнита, и вънегда узрятся, не раздѣлѣются от друг друга, но съединѣются обоа, симь образомь вода съ пръстию любятся и не отлучаются, и суть растворена тако.

Вѣдѣти же подобает, яко им же образом имат яице жлъчию посрѣдѣ, около же жлъчия есть мязьдрица, връху же мяздрица бѣлта яйцу, по бѣлтѣ же пакы другаа мяздрица, и по ней чрюпка, и окружается едино от другаго, сице разумѣи и о мирѣ. Есть яко же яйце: есть убо жлъчь та вънутръшнѣа Землѣ, окръсть же Земли есть въздух, яко же мездрица; въздуха же окружаеть небо, яко же и бѣлту окружает мяздрица яичьна; небо же окружаеть другое небо, яко же връху бѣлты яичныя друга мездрица есть; и тако едино небо друга имат, инъ — иное, даже до девятаго небесе. Зри, прочее: яко же и мяздрица яичнаа, и другаа мяздрица връху бѣлты, и чрюпка его окружають окръсть жлъчь и никогда отлучаются, но въсюду окружается кругь их, и посрѣдѣ их есть жлъчь та, сице суть и окръсть Землею въздух и небеса, и не отлучаются никогда, но отвъсюду окружают Землю — и от горѣ, и от долу, и отвъсюду. Земля же носится на самой срѣдѣ, яко же нѣкое перо, ибо колико отстоить небо от горнѣго лица земнаго, толико отстоить от лица долнѣго, и от въстока, и запада, и сѣвера, и полудния. И отвъсюду отстоить Землѣ от небесъ, и не прикасается ему.

О ЕЖЕ КОЛИКО ОТСТОИТ НЕБО ОТ ЗЕМЛИ

Отстоит небо от Земли 365 тем пъприща, яже обходить человѣкь, по халдеох, за 5 сът лѣт. Тожде отстоание отстоить небо от Земля и окръсть ея. Се же сказаша звѣздоблюстели и землѣмѣрителие.

О ТРУСѢ

Нуждно есть и о трусѣ вѣдѣти. Подобает же прочитающему внимати трудолюбнѣ, и глаголемь, яко Землѣ имат жилы въздушны, въ них же въходят и исходят вѣтри. Сия убо жилы суть вънутрь, въ сердци Земли, престранны и широкы, връху же лица Земли суть тѣснѣишы. Прочее, наплѣншимся жиламъ Земли вѣтры и хотящим изыти вънѣ вѣтромь убо

быть много воды под Землей, чтобы она уравнялась с Землей, и, значит, она должна носить Землю, мы и еще ответим, что и это от невежества говорите. Ведь Океанская река, обтекающая вокруг всю Землю, превосходит Землю и занимает места больше всей видимой нами Земли. Если считать с теми морскими водами, вода окажется равной Земле. Как магнит любит железо, а железо магнит, и когда увидят друг друга, не отдаляются друг от друга, но соединяются оба,— подобным образом и вода с сушей любят друг друга и не разлучаются, и так перемешаны.

Следует знать, что наподобие яйца, у которого желток в середине, а вокруг желтка — пленочка, поверх же пленочки яичный белок, по белку же — опять другая пленочка, а сверху ее — скорлупа, и одно окружено другим,— так же надо представлять себе мир. Он как яйцо: тот внутренний желток — это Земля, а вокруг Земли, как пленочка, воздух; воздух же окружен небом, как и белок окружает пленочка яйца; небо же окружает другое небо, как и поверх яичного белка есть другая пленочка, и таким образом одно небо заключает в себе другое, другое — иное, и так до девятого неба. Смотри наконец: подобно тому, как яичная пленочка, и другая пленочка, что поверх белка, и скорлупа его вокруг окружают желток и нигде не отходят, но со всех сторон обходят его кругом, так что посреди них помещается этот желток, так же и вокруг Земли есть воздух и небеса, и не отходят они нигде, но отовсюду окружают Землю — и сверху, и снизу, отовсюду. Земля же как какое-нибудь перо носится в самой середине, ибо насколько отстоит небо от верхней поверхности Земли, настолько же отстоит оно от нижней поверхности, и на востоке, западе, севере и юге. Отовсюду отстоит Земля от неба и не соприкасается с ним.

О ТОМ, НАСКОЛЬКО ОТСТОИТ НЕБО ОТ ЗЕМЛИ

Отстоит небо от Земли на триста шестьдесят пять десятков тысяч поприщ, каковое расстояние проходит человек, согласно халдеям, за пятьсот лет. То же расстояние отделяет небо от Земли и вокруг нее. Об этом сказали астрономы и геометры.

О ЗЕМЛЕТРЯСЕНИИ

Нужно и о землетрясении знать. Подобает читающему трудолюбиво внимать, а мы скажем, что Земля имеет воздушные жилы, в которые входят и выходят ветры. В глубине, в сердцевине земли, эти жилы пространны и широки, а сверху, у земной поверхности, более тесны. Так что, когда наполняются земные жилы ветрами и стремятся выйти на волю ветры

многом и великом сущемь, заеже быти имь вънутръ, въ сердци Земли, широкы жилы, и пришедше къ лицу Земли, и обрѣтше жилы тѣсны къ лицу и не могуще изыти, и понуждаеми и понужают землю и съмущають её въ мѣсто оно, на нем же вѣтри сълучятся, и потрясается землѣ она. И никто же убо да речет, яко: вѣтрь ли поколѣблеть землю? Нѣсть бо ино стихио крѣпчайше сего, егда же многажди и домы разарѣет, и дубы искоренѣвает, таже вѣеть съ всею свободою. Аще ли же множицею не вѣруеть кто, възрите на человѣка,— яко и мы тожде страждемь, исплъншимся многажди главным жилам нашим вѣтръ, хотящу тому изыти; и заеже быти жилам главнымь тѣснымь къ лицу, понуждаемь вѣтръ нашь, исходящь, съмущает нашу плът. Таже не възя, но глава тъчию; сице и о земли: не въсю съмущаеть, но иде же приближаются исходящеи вѣтри. И яко же, многажди многом вѣтром исходящимь от главъ наших, великъ трепет бывает и глаголемаа каон, сица кыхать, сице и о Земли разумѣвай: вѣтром силнѣишим исходящимь от вънутрънних боку ея, великъ трусъ сдѣвают. И се нѣсть ино.

Единою же тъчию, на распятии господни, бысть естествень трус, о нем же Давидъ глаголеть: «Призираяй на земля и творя ея трястися». И есть тако.

О ЧЕТЫРЕХ СТИХИЯХЬ

Се показуемь вамь и о четырех стихиах и глаголемь, яко въздух пръвый инѣх стихиах есть, вторый же вода, третий же пръсть, четвертый же огнь. Въздух бо раждаеть воду, вода раждаеть пръсть, от пръсти же раждаеться огнь.

Есть же огнь убо топлъ и сух, въздух сух и мокръ, вода же студена и мокра, и пръсть топла и мокра. Суть же пръсть и вода долу влѣкущаа, яко тяжчайшаа, въздух же и огнь горѣ влѣкущаа яко легчайшаа.

О ЧЕТЫРЕХЬ МОРЕХЬ

Четыри морѣ суть в мирѣ. И едино убо есть от псоглавъ и раздѣлѣется от обръшиа земля тою и идет посрѣдѣ Египта и Едема, простирает же ся и идет къ Индии, и раздѣлѣеть Индию на полы, и достижет даже до Океанскыя рѣкы, обходящыя въсю Землю, и на конци Индийского мѣста съмѣшается съ Окианомь онемь. Сие же море нарицается Чръмное — сего ради: пръсть его чръмна есть, и вода его видится чръмна, и сего ради Чръмно наричется. Друзии же пакы

многие и сильные, то из-за того, что внутри, в сердцевине Земли, они находятся в широких жилах, а когда подходят к поверхности Земли, находят у поверхности жилы узкие, они оказываются не в состоянии выйти, и, будучи понуждаемы, понуждают и землю и тревожат ее в том месте, на котором ветры окажутся, и потрясается та земля. И никто пусть не говорит: может ли ветер поколебать землю? Нет ведь стихии крепче него, когда он многократно и дома разрушает, и дубы вырывает, а затем веет со всей свободой. Если же по-прежнему кто-нибудь не верит, пусть посмотрит на человека: ведь и мы то же претерпеваем, когда многократно переполняются наши головные жилы ветром и тот стремится выйти; из-за того, что головные жилы более узки у лица, ветер наш, будучи понуждаем, выходя, потрясает нашу плоть. Однако не всю, но только голову; и то же с землей: не всю потрясает, но только там, где исходящие ветры подходят к поверхности. И как если многократно и много воздуха выходит из голов наших, большое бывает потрясение и так называемое чихание — то же разумей и о Земле: когда из ее внутренних областей выходят сильные ветры, они производят большое землетрясение. И это не иначе.

Однажды только, во время распятия господня, было естественное землетрясение, о котором Давид говорит: «Призирает на землю, и она трясется». Это так.

О ЧЕТЫРЕХ СТИХИЯХ

Здесь рассказываем вам и о четырех стихиях и говорим, что воздух — первая стихия среди других стихий, вторая же — вода, третья — земля, а четвертая стихия — огонь. Ибо воздух порождает воду, вода порождает землю, из земли же рождается огонь.

Огонь тепл и сух, воздух сух и влажен, вода же холодна и влажна, а земля тепла и влажна. Земля и вода влекутся вниз как более тяжелые, а воздух и огонь тянутся вверх как более легкие.

О ЧЕТЫРЕХ МОРЯХ

Четыре моря есть в мире. Одно находится в стране псоглавых, и разделяется у завершения земли той, и идет между Египтом и Эдемом, и продолжается, и идет к Индии, и разделяет Индию на половины, и достигает даже до Океанской реки, обходящей всю Землю, и на оконечности Индийской земли смешивается с этим Океаном. Это море называется Красным по такой причине: земля его красна, и вода его кажется красной, из-за этого оно Красным и называется. Другие же его

Чрьмно то наричят, занеже человѣкь нѣкый тамо живяше именемь Чрьмный, и от человѣчьскаго именованиа и море Чрьмно наричят.

О БИСРОХ

Въ том бо Чрьмномь мори бываеть бисерь множьство. И како бывает, слыши. Въ том мори суть чашуля, сирѣчь шивады, и пины наричятся. Сия убо пины стоять на приморие къ краю Чрьмнаго морѣ, кааждо их имущи уста своа отврьста, еже вънити что сънѣдно въ пищу ей. Стоящи бо той, имущи уста отврьста, бывающим тамо чястымь и великым млъниамъ множицею, яко же прѣжде рѣхом, уста ея стояща отврьста, вмѣщается млънийна сила въ вънутрьшних шивады оны, и та, убоавшися, затварѣеть чрѣпины своя, и млъния въходит въ зѣницы очесем ея, и сьдѣвается бисерь. И тако бывают бисри.

Яко же бо сице тамо бисри бывают, тѣм же образом и пречистаа Мариа, прѣочищена бывши от всѣкоя скврьны: пришедши божестьвнаа млъниа съ небесъ, сынъ и слово божие, вмѣщся въ пречистую богородицу Марию, бесцѣнень бисерь от нея бысть, о нем же писано есть: «Бисера от божестьвныа млъния, Христа рождьши». И прѣмудрь есть купець тъ, иже отдаеть всѣ, елика имат, и купить самого Христа, истиннаго бисра. И довлеть о семь.

То бо Чрьмное море имат нѣдро и раздѣлѣеть посрѣде Египта и Ерусалима; и то есть нѣдро, раздѣлшееся иногда Моисеом. И то есть прьвое море.

Второе же море есть Александрийское, иже начинается убо от горних прѣдѣлъ Александрьскых; простирает же ся къ Киликии, и приближается даже до Сикелия, и тамо съединѣвается съ третием морем.

Третие же море начинается убо от Византия и простирается даже до Аламания и Калаврия, и обращается и проходит посрѣди Гадаринскыя земля и тако, обходя, съединѣвается и то съ Акеаном къ западным странам. Есть же то третие море сланѣйшее от инѣх, понеже Гадарийстии прѣдели слани суть; и проходя то посрѣди горъ онѣх, сланость множайшую възимает. На то бо и Римъ лежить.

Четверътое же море есть великое, зовомое Чрьное, зане не имат островы. Дрьжит же се от Сиракусы иже къ сѣверу и простирается къ Иверии, Асии и Алании и обращьшеся, простирается къ Византии, и съ третиемь моремь съединѣвается сквозѣ Византийскою тѣснотою. Есть же тѣснота Византийскаа брьзотечна, заеже тещи морю и брьзити. Суть же и рыбы тамошняя сладчайша паче всѣх рыбъ. Сия убо четыри суть тьчию морѣ; другаа же блата наричятся.

называют Красным, потому что некий человек там жил по имени Красный, а от человеческого имени и море Красным называют.

О ЖЕМЧУГАХ

А в том Красном море жемчуга множество. И слушай, как он появляется. В том море есть раковины, то есть шивады, которые и пинами называются. Эти пины стоят у самого берега Красного моря, каждая из них держа свои створки открытыми, чтобы могло войти что-нибудь съедобное в пищу ей. Когда она стоит, держа створки открытыми, случаются там многократно частые и сильные молнии, и так как, как я сказал, створки она держит открытыми, сила молнии попадает внутрь этой шивады, а та, испугавшись, закрывает свои створки, и молния входит в зрачки ее глаз, и получается жемчуг. Так появляются жемчужины.

Подобно тому как там жемчужины появляются,— так же было и у пречистой Марии, преочищенной от всякой скверны: после того как сошла божественная молния с небес — сын и слово божие — и вошла в пречистую богородицу Марию, бесценная жемчужина из нее родилась, о которой написано: «Бисер от божественной молнии, Христа родившая». И премудр купец тот, кто отдает все, что имеет, и покупает самого Христа, истинный бисер. И довольно об этом.

То Красное море глубоко и разделяет Египет и Иерусалим; та глубина расступилась некогда перед Моисеем. И это — первое море.

Второе же море — Александрийское, которое начинается от верхних границ Александрийских; простирается же до Киликии, и подходит даже к Сицилии, и там соединяется с третьим морем.

Третье же море начинается от Византия, и простирается вплоть до Аламании и Калабрии, и поворачивает, и проходит посреди Гадаринской земли, и так, проходя, соединяется и оно с Океаном в западной стороне. Это третье море самое соленое из всех, поскольку Гадаринские пределы солены; проходя посреди гор тех, оно воспринимает большую соленость. На нем и Рим лежит.

Четвертое же великое море — называемое Черным, поскольку не имеет островов. Оно включает пространство от Сиракуз к северу, и простирается к Иверии, Азии и Алании, и, повернув, простирается к Византию, и соединяется сквозь Византийский пролив с третьим морем. Пролив Византийский быстротечен, ведь течет и стремится море. Рыбы же тамошние вкуснее всех рыб. Только эти четыре суть моря; другие же называются озерами.

О ОКЕАНСТѢЙ РѢЦѢ

Окресть же всея земли есть рѣка, глаголемаа Океань. Та рѣка имат источникь къ въсточнѣй странѣ. И убо поль источника раздѣлѣется и идеть къ сѣверьской странѣ, пол же къ южной странѣ, и окружаеть единь едину страну земли, другый же другую, таже окруживше въсю землю, пакы съединѣваются на запад. Имат же вся земля на срѣду его, и прѣз него, сирѣчь об онь пол его, друга землѣ нѣсть; но абие от сѣвера, вънѣ его страны, суть обращениа Земли къ долнѣй странѣ, долу нисходя, и тамо глаголятся долнѣишая страны Земли.

Есть же источникь тыяжде рѣкы врата райскаа. И тамо шед Макарие Римскый, и не могы вяще ходити. Пишется о немь, яко 20 пъприщь бысть вънѣ рая въ днехь онѣх. Понеже изьвънѣуду океанскаго источника есть рай, яко же писано есть о немь: «Насади богь рай на въстоцѣ».

Подобает же вѣдѣти и се, яко Океанскаа рѣка множайше мѣсто дръжить, нежели въсею землею.

О ОБЛАКОХ

Окрѣсть въсею Землею въ вънутръшних странахь Океана есть землѣ губовидна, сирѣчь сфуггаровидна, слаба и мягка; и оттуду исходить дыхание земное, яко же пара плѣснива, сирѣчь мѣгла. Тожде убо дыхание въсходить къ высотѣ въздушнѣ, въсходящее же выше, огустѣваемо и одебелѣваемо, бываеть облакь, есть же въздух съ водою смѣшень. И яко сущаа вода тяжчаиша от въздуха, отлучается вода и падаеть долу на землю, въздух же расходится въсюду. Се же явлѣется и въ нас въ врѣмя зимное, дыханию нашему изь усть исходящу: вода убо, раздѣлѣема, яко же роса, падаеть по брадах наших, дыхание же расходится на въздух. Сице убо и облакох: водѣ, въздуху сущу раздѣлѣема от другь друга, вода убо нисходить къ земли, и бываеть дъждь, въздух же разливается и растачается. Но виждь и разумѣеши: раздѣлѣемѣ бо водѣ и низьходящий къ земли, аще убо топлъ вѣтръ будеть тогда, съходить дъждь вода она: аще ли же, съходящий водѣ, дъхнет вѣтръ студень и сърящется съ водою и съразится, съгущается вода она и бывает градь. И аще убо высочайше будеть огустѣние оно, нисходя, град онь бываеть валчават, зане раставаются рози его окрѣсть ради далечнаго отстоаниа. Аще ли же долу будет огустѣние, съходящи къ земли, нѣсть валчавать, но имат рогы около, зане яко съниде не растаашеся рогове, понеже съниде мало отстоание.

ОБ ОКЕАНСКОЙ РЕКЕ

Вокруг всей земли есть река, называемая Океан. Источник та река имеет в восточной стороне. И половина источника отделяется и идет к северной стороне, половина же — к южной, и окружает одна половина одну сторону земли, другая — другую, а затем, окружив всю землю, они вновь соединяются на западе. Вся суша помещается посреди него, и помимо него, то есть по другую его сторону, другой земли нет. Сразу за севером, с другой его стороны,— поворот Земли к нижней стороне, спуск вниз, и там, говорят, нижняя сторона Земли.

Источником той реки являются райские ворота. Туда и шел Макарий Римский, но не смог дальше идти. Написано о нем, что он был примерно в двадцати поприщах от рая в те дни. Потому что за океанским источником находится рай, как о нем написано: «Насадил бог рай на востоке».

Подобает знать и то, что Океанская река большее место занимает, нежели вся земля.

ОБ ОБЛАКАХ

По всей Земле, во внутренних пространствах Океана, есть земля губковидная, или сфунгаровидная, слабая и мягкая; и оттуда исходит дыхание земное, вроде пара гнилого или тумана. Это дыхание восходит к высоте воздушной; по мере же восхождения, сгущаясь и уплотняясь, оно превращается в облако, каковое представляет собой воздух, смешанный с водой. И так как вода тяжелее воздуха, вода отделяется и падает вниз на землю, а воздух расходится повсюду. То же происходит и у нас во время зимнее, когда наше дыхание выходит изо рта: ведь вода, отделяясь, выпадает, как роса, на наших бородах, а дыхание расходится в воздухе. То же и в облаках: когда вода и воздух отделяются друг от друга, вода нисходит к земле, и бывает дождь, воздух же разливается и растворяется. Но смотри и понимай: когда вода отделяется и нисходит к земле, если тогда случится теплый ветер, вода эта сходит дождем; если же во время схождения воды дохнет холодный ветер и встретится и столкнется с водой, вода эта твердеет и получается град. И если на высоте произойдет это затвердение, выпадая, град этот бывает округл, потому что растаивают покрывающие его выступы по причине далекого отстояния. Если же затвердение случится внизу, перед выпадением на землю, он будет не округлым, но с выступами вокруг, потому что, пока падал, не растаяли выступы, так как падал с небольшой высоты.

Аще ли же множицею пакы облаку горѣ сущу на высотѣ, не у еще раздѣлшойся водѣ от въздуха, но и еще въедино сущемь, аще сълучится въздух студень и дъхнет и съ дебелымь онем облакомь съразится, абие стуждается, и бываеть снѣгь, и падает на землю. И се истинно есть.

Зри и зде, долѣ, подобнаа, бываемаа на полехь: яко же бо горѣ облакь бываеть, сице здѣ мъгла бываеть. И яко же аще есть будет зде топлъ вѣтръ, роса оть мъглы бываеть, сице и горѣ: аще топлъ вѣтръ будеть, дъждь изъ облака к намь исходить. И яко же зде аще, раздѣлшися водѣ от мъглы, и повѣеть студень вѣтръ, бывает ледь, сице и горѣ, раздѣлшися водѣ от облака, аще повѣеть вѣтръ студень, град бываеть. И яко же зде аще дъхнеть въздухь студень прѣжде даже раздѣлитися водѣ от мъглы, слана бываеть, сице и горѣ, аще прѣжде раздѣлениа воднаго от облака студень повѣваеть вѣтръ, снѣгь бываеть. И тако бываеть. И бываеть облакь, или снѣгь, или град, или дъждь, яко же бываеть и зде: вьмѣсто облака мъгла, вьмѣсто града ледь, вьмѣсто снѣга слана и вьмѣсто дъжда роса. И есть тако.

О ГРОМОВОХ И МЛЪНИАХЪ

Громове же и молниа бывают сице. Умножшимся вѣтром горѣ, и овому убо само идущу, овому же онамо, инь убо вѣтръ инудѣ инъ облакъ носит, инъ же другы, и яко же срящутся и, створше съражение друг съ другомь, грохот испущають съ огнем. И им же образомь и кремень, съразився съ желѣзомь, грохот испущает съ огнемь, сице и облаци, друг съ другом съражаеми, грохот испущают и огнь. Грохот убо есть громъ, огнь же есть молниа. Сего ради не другоици бывают громове и молния, но точию егда облаци бывают; тогда и громове бывают.

Бывают же громове убо прьвѣе, молния же послѣжде. Мы же пръвее видимъ молнию, и послѣжде слышим гром. И тако есть, зане зрѣние человѣчьское скорѣише есть, и абие некоснителнѣ зрить еже хощет узрѣти, не коснить. Сего ради и молнию скоро зрит. Слышание же косно чювьство есть, и коснит слышати громьный грохот, и слышити его послѣди же молния. Се же зри да видиши и на сѣкущихь дръва: аще отдалече нас есть сѣкый, сѣчиво убо видимь, ударяющее дрѣво, грохоть же не абие слышимь, но, мимо шедшу неколику часу, тогда и грохот слышимь. Тѣмжде образомь и молнию убо некоснѣ видимь, громъ же — послѣжде.

Но тыя молния от съражениа облакох бывают, и есть неврѣждена, никого же врѣдящи. Аще ли пакы, съражающимся облакомь, аще случится отпадет нѣкая чясть огньна от огнѣ

Если опять же, когда в высоте находится большое облако, в котором вода еще не отделилась от воздуха, но вместе они пребывают,— если случится тогда холодный воздух, и подует, и с этим полным облаком соприкоснется, оно тут же охлаждается, и получается снег, и выпадает на землю. И это истинно.

Наблюдай и здесь, внизу, подобное, бывающее на полях: подобно тому как вверху облака бывают, здесь бывает туман. И как если здесь будет теплый ветер, роса выпадает из тумана, так и вверху: если будет теплый ветер, к нам из облака выпадает дождь. И как здесь, если выделится вода из тумана и повеет холодный ветер, получается лед, так и вверху, если, когда отделилась вода от облака, подует холодный ветер, получается град. И как здесь, если дохнет воздух холодный прежде, чем отделится вода от облака, бывает иней, так и вверху, если прежде отделения воды от облака подует холодный ветер, бывает снег. Так и бывает. И как бывает облако, или снег, или град, или дождь,— так бывает и здесь; только вместо облака — туман, вместо града — лед, вместо снега — иней и вместо дождя — роса. Это так.

О ГРОМАХ И МОЛНИЯХ

Громы же и молнии получаются так. Когда усиливаются ветры вверху и один из них дует в одну сторону, а другой в другую, и один ветер порой одно облако несет, другой другое, и когда они встретятся, столкнувшись друг с другом, испускают грохот с огнем. И подобно тому как кремень, столкнувшись с железом, испускает грохот с огнем, так и облака, друг с другом сталкиваясь, грохот испускают и огонь. Грохот есть гром, огонь же — молния. Потому не иначе бывают громы и молнии, но только когда есть облака; тогда и громы бывают.

Возникают же громы сначала, а молнии потом. Мы же сначала видим молнию, а потом слышим гром. Это происходит оттого, что зрение человеческое более быстрое чувство и сразу же, незамедлительно, видит то, что хочет увидеть, не медлит. Слух же — медлительное чувство, и медлит слышать громовый грохот, и слышит его после молнии. Наблюдай, и то же увидишь на примере рубящих деревья: если дровосек находится далеко от нас, мы видим, как топор ударяет дерево, стук же слышим не сразу, но после того, как пройдет некоторое время, только тогда слышим стук. Так же точно и молнию видим сразу, а гром слышим погодя.

Эти молнии бывают от столкновения облаков, и они безвредны, никому не вредят. Но если при столкновении облаков так случится, что отпадет какая-то огненная часть от небесного

небеснаго и, сънидше, съединится съ облачною молниею, тогда она млъния нисходит на землю, и что обрящет — или человѣкь, или скотъ, или дрѣво, попалѣеть то.

О ДЕНЬНИЦАХЬ

Видимыя и къ земли падаемыя звѣзды, глаголють человѣци, яко звѣзды суть и падают. Инии же глаголють, яко мытарьства суть лукавая. Но ни же звѣзды суть, ни же мытарьства, но отломлениа суть огньна от небеснаго огня, и падають долу. И елико нисходять низу, растаплѣются и съливаются пакы на въздусѣ; сего ради ни же на земли видѣ кто когда падшаяся от них, но всегда на въздусѣ съливаются и расыпають. И глаголются деница. Звѣзды же никогда же падають, точию на второе пришествие Христово. Тогда бо небеса свиются и звѣзды спадут. Подобнѣ и мытарьстии дуси тогда поидут въ огнь вѣчный. Но яко же рѣхомь — от небеснаго круга суть прѣломлѣниа пламеновидна. И есть истиньно се.

Небо едино убо есть по сущьству, девят же по числу. И убо единое небо по образу вѣка сего, иже прѣжде сътворениа миру, другое же небо по образу вѣка иже по въскресени, и судѣ, и въздаании.

огня и, спадая, соединится с облачной молнией, тогда эта молния сходит на землю и что встретит — или человека, или скот, или дерево — сжигает это.

О ДЕННИЦАХ

Про видимые к земле падающие звезды люди говорят, что это настоящие звезды и что они падают. Другие говорят, что это хитрый обман. Но это не звезды, не обман, а огненные обломки от небесного огня, и они падают вниз. И по мере того как опускаются вниз, они расплавляются и затем растворяются в воздухе; потому-то на земле никто никогда их не видел упавшими, но всегда они растворяются и рассыпаются в воздухе. А называются они денницами. Звезды же никогда не падают, разве что во второе пришествие Христово. Тогда ведь небеса совьются и звезды спадут. Подобным образом и духи лжи тогда попадут в огонь вечный. Итак, как я сказал, это суть пламенновидные обломки от небесного круга. И это истинно.

Небо же едино по природе, а по числу девятерично. И есть одно небо, соответствующее образу века сего, каковое небо было прежде сотворения мира; другое же небо — по образу того века, который будет после воскресения, суда и воздаяния.

ПОВЕСТЬ О ВЗЯТИИ ЦАРЬГРАДА ТУРКАМИ В 1453 ГОДУ

В лѣто 5803 царствующу в Риму богосодѣтелному великому Костянтину Флавию, со тщанием великим отвсюду собрав *оземствованных* христиан, начат укрепляти и разширяти вѣру христьянскую, церкви божиа украшати, а ины преславны вздвизати, а идолы сокрушати и домы их в славу богу превращати. И к тому законы многы устави, яко идолская капища святителем Христовым и христьяном точию владѣти и рядити. В среду же и в пяток поститися страстѣй ради Христовых, а недѣлю празновати въскресения ради Христова. Жидом же отинуд жертвы не творити, и на распятие не осуждати никогоже, нечестия ради креста Христова. И раб имъ не покупати никомуже. И на златнице образ его написати. И бысть радость велия повсюду христьяномъ.

Въ 13 же лѣто царства его, совѣтом божиим подвизаем, въсхотѣ град создати въ имя свое и посла мужей достойных в Асию и в Ливию и в Европию на взыскание и изобрание преславна и нарочита мѣста на созданье таковаго града. Онѣм же возвращающемся, сказаваху цесарю различныя мѣста преславная, а наипаче похвалиша ему Макидонию и Визандию. Он же болма прилежааше мыслию на Трояду, идѣже и всемирная побѣда бысть греком на фряги. И сице умышляюще царю въ дни и в нощи, слыша в снѣ глас: «Въ Визандию подобаеть Костянтину-граду създатися». И абие цесарь, възбудився от сна, вскорѣ посылаеть в Визандию магыстров и градцкых *дѣлателси* готовити мѣсто. Сам же цесарь, оставив в Риму кесари два сына, Консту и Констянтина, а сыновца своего Адаманта — в Вретанию, поидѣ с материею

ПОВЕСТЬ О ВЗЯТИИ ЦАРЬГРАДА ТУРКАМИ В 1453 ГОДУ

В году 5803 (295) воцарившийся в Риме поспешник божий великий Константин Флавий, с великим тщанием собрав отовсюду пребывавших в изгнании христиан, стал укреплять и распространять веру христианскую, божьи церкви украшать, а другие, преславные, созидать, а идолов сокрушать и храмы их перестраивать во славу богу. К тому же не раз издавал он указы, что языческими храмами могут владеть и распоряжаться лишь святители Христовы и христиане. В среду же и пятницу повелел поститься, в память о муках Христовых, а в воскресение праздновать в память о его воскресении. Евреям же не разрешил жертвы приносить и запретил осуждать кого-либо на распятие, чтобы не осквернять память о кресте Христовом. И рабов не велел никому из них покупать. И на монетах велел образ свой чеканить. И была радость великая среди всех христиан.

На тринадцатый же год царствования своего, наставлением божьим подвигнут, решил город создать во имя свое и послал вельмож именитых в Азию, и в Ливию, и в Европу, чтобы отыскали они и выбрали наилучшее и достойное место для строительства такого города. Вернувшись, рассказали они цесарю о различных местах преславных, а особенно расхваливали Македонию и Византию. Он же всего более склонялся мыслью к Трое, где греки одержали известную всему миру победу над фрягами. И когда раздумывал об этом царь дни и ночи, услышал он во сне голос: «В Византии подобает создать Константин-град». И цесарь, воспрянув от сна, немедля послал в Византий магистров и градостроителей, чтобы они подготовили место. Сам же цесарь, оставив в Риме кесарями двух сыновей, Консту и Константина, а племянника своего Адаманта послав в Британию, отправился с матерью

своею Елѣною въ Вѣзандию, с нею же взят и жену свою Максимину, дщерь Диоклитияна царя, и сына своего Констянтина ... и Ликиния, зятя своего, и два брата своих — Далмата и Констяндиона, и Долматова сына — Далмата же, и Констяноновых два сына — Галу и Улияна. И пришед в Визандию, виде на том месте семь гор и глушиц морских много. И повелѣ горы рыти и нижняя мѣста наполняти, и на глушицах столпы каменые ставити и на них своды сводити и ровняти место, а сам цесарь пребывааше в Визандию. Егда же уготовиша мѣсто, събра цесарь велмож и мегистан и магистровъ, и начат умышляти, како быти стенам и стрелницам и вратам градцким, и повелѣ размерити место на три углы, на все стороны по семи вѣрстъ, тако бо бѣ место то межи дву морь — Чернаго и Бѣлаго.

И се змий внезапу вышед из норы, потече по мѣсту, и абие свыше орел, спад, змия похвати и полетѣ на высоту, а змий начат укреплятися вкруг орла. Цесарь же и вси людие бяху зряще на орла и на змию. Орѣл же, възлетев изъ очью на долгъ час, и пакы явися низлетающь и паде съ змием на то же мѣсто, понеже одоленъ бысть от змия. Людие же, текше, змия убиша, а орла изымаше. И бысть цесарь во ужасе велицем и, созвав книжники и мудреци, сказа им знамение. Они же, поразсудив, сказаша цесарю: «Се место Седмохолмы наречется и прославиться и возвеличиться в всѣй вселеннѣй паче иных градов, но понеже станеть межи дву морь и бьем будеть волнами морьскими — поколебимъ будеть. А орел есть знамение крестьянское, а змий — знамение бесерманское. И понеже змий одолѣ орла, являеть, яко бесерменство одолеет христьянства. А понеже крестьяне змиа убиша, а орла изымаша, являет, яко напоследок пакы христьянство одолеет бесерменства и Седмохолмаго *приимут* и в нем въцесаряться».

Великий же Констянтин о сем возмутися зѣло, но обаче словеса их повеле написати, а *магистры* и градцкые дѣлатели раздѣли надвое, ибо единой странѣ повелѣ размерити градцкие стѣны и стрелници и начати град дѣлати, а другой странѣ повелѣ размерити улици и площади на римской обычай. И тако *начаша* дѣлати церкви божиа, и двор царский, и иные домы славны велможам и мегистаном и всем сановником и воды сладкие приводити. В седмое же лѣто видѣ цесарь мало живущих въ градѣ, зане велик бо бѣ зело, и тако сотвори: послав из Рима и от иных стран, събрав достославных велмож и мегистан, рекше сановник, с множеством людей ихъ ту приведе и, домы велиа создав, *дасть* им жити в градѣ

своей Еленой в Византий, взяв с собой и жену свою Максимину, дочь императора Диоклетиана, и сына своего Константина, и Лициния, зятя своего, и двух братьев своих — Долмация и Константина, и Долмациева сына, также Долмация, и двух сыновей Константина — Галла и Юлиана. И, прибыв в Византий, увидел на месте том семь холмов и много заливов морских. Повелел холмы раскапывать, а низины засыпать, и в заливах столбы каменные ставить, и над ними возводить своды, и разравнивать землю. А сам цесарь находился в Византии. Когда же было подготовлено место, собрал цесарь вельмож, и мегистанов, и магистров и начал обсуждать, где стоять стенам, и башням, и воротам городским. И велел размерить место на три стороны, и каждая сторона длиною в семь верст, так как было то место между двумя морями — Черным и Белым.

И вдруг выползла из норы змея, и поползла по земле, но тут ниспал с поднебесья орел, схватил змею и взмыл ввысь, а змея стала обвиваться вокруг орла. Цесарь же и все люди смотрели на орла и на змею. Орел же на недолгое время скрылся из глаз, и, показавшись снова, стал снижаться, и упал со змеей на то же самое место, ибо одолела его змея. Люди же, подбежав, змею убили, а орла у нее отняли. И был цесарь в великом страхе, и, созвав книгочеев и мудрецов, рассказал им об этом знамении. Они же, поразмыслив, объявили цесарю: «Это место «Седьмохолмый» назовется, и прославится, и возвеличится во всем мире больше всех городов, но поскольку встанет город между двух морей и будут бить его волны морские, то суждено ему поколебаться. А орел — символ христианский, а змея — символ мусульманский. И раз змея одолела орла, то этим возвещено, что мусульманство одолеет христианство. А так как христиане змею убили, а орла отняли, явлено этим, что напоследок снова христиане одолеют мусульман, и Седьмохолмым овладеют, и в нем воцарятся».

Великий же Константин был всем этим очень встревожен, однако велел записать предсказание. А магистров и градостроителей разделил на две группы: одним из них велел размерять место под городские стены и башни и начинать возводить укрепления, а другим наметить улицы и площади по римскому обычаю. И так начали строить церкви божьи, и дворец царский, и другие прекрасные здания для вельмож, и мегистанов, и всех сановников, и свежую воду проводить. На седьмой же год увидел цесарь, что мало жителей в городе, ибо очень он велик, и вот что сделал: послал собрать из Рима и из иных земель славных вельмож и мегистанов, иначе говоря — сановников, и со множеством людей привел их сюда, и, построив богатые хоромы, поселил их в городе

со устроением великим и царскыми чины, яко и своя домы и отчьства им забыти. Създа же цесарь и полату великую, иподрому предивную и двѣ *цмполѣ* устрои, рекша улицы покровены на торгование. И назва град Новый Рим.

Потом же созда церкви преславные: Софею великую, Святыхъ апостолъ, и Святыа Ирины, и Святаго Мокия, и Архангела Михаила. Постави же и пречюдный он столпъ багряный, его же из Рима принесе морем трею лѣты до Цесаряграда, зане велик бе зѣло и тяжек; от моря же до торгу лѣтом единым привезен бысть, цесарю часто приходящу и злато много дающу людем брежения ради. И положи *в* основаниа 12 кош, их же благослови Христос, и от дрѣва честнаго и святых мощей на утвѣржение и сохранение предивнаго и единокаменнаго оного столпа. И постави на нем кумир, еже принесе от Солнечнаго града фругийскаго, имущаго на главѣ семь луч. Тако же и ины вѣщи предивны и достохвалны принесе изъ многых стран и градов. И преукрасив град, възда ему честь велию обновлением, и праздникы и торжествы великими на многые дни. И так устави, да ся зовет град той Цесарьградом. И бысть радость велиа во всѣх людѣх.

Днем же минувшим, пакы цесарь с патриархом и съ святители, събрав всь священнический чин, также и весь синглит цесарьскый и множество народа, сътвориша литию *и* молбы, молением дающе хвалу и благодарение всемогущей и живоначалной троици, отцу и сыну и святому духу, и пречистые богоматери. И предаша град и всяк чин людцкый въ руце всесвятей богородици и Одигитрие, глаголюще: «Ты убо, всенепорочная владычица и богородица, человѣколюбивая естьством сущи, не остави град сей достоания твоего, но яко мати крестьянскому роду заступи и съхрани и помилуй его, наставляа и научая в вся времена, яко человѣколюбивая и милостивая мати, яко да и в нем прославиться и возвеличиться имя великолепиа твоего в вѣкы». И вси людие рекоша: «Аминь!» И благодариша цесаря и похвалиша добрый его разум и еже къ богу желание.

Цесарь *же* понужрааше стратиг и градцкиих наказателей храмы святыхъ и домы мирскиа съзидати на исполненья града. Велможам же и мегистаном и всем нарочитым людем *тако* заповѣда: аще кто сподобится коей степѣни царскаго чина, да сотворит собѣ память достойну, дом да воздвигнет или обитель славну или ино здание дивно, яко да населиться град преславными дѣлесы. Тако же и по нем царствующеи цесари и цесарици, кыиждо въ свое время подвизаашеся вещь преславну сотворити: овыи бо на взыскание и собрание страстей господних и пречистые богоматере ризы и пояса,

со всеми удобствами, и даровал им придворные чины, чтобы забыли они о своем прежнем доме и родине. Построил цесарь и дворец огромный, и дивный ипподром, две имполы построил, то есть крытые улицы, предназначенные для торговли. И назвал город Новым Римом.

Потом построил церкви преславные: Софию великую, Святых апостолов, Святой Ирины, и Святого Мокия, и Архангела Михаила; установил и предивную розовую колонну, которую везли из Рима в Царьград морем три года, ибо была она очень велика и тяжела, от моря же до торговой площади целый год ее везли; и цесарь постоянно приходил и одаривал людей золотом, чтобы они обращались с ней осторожно. И положил в основание двенадцать корзин, благословленных Христом, и части древа честного и святых мощей, чтобы вечно стояла крепко дивная та колонна из единого камня. И поставил на ней статую, привезенную из Солнечного города фригийского, на голове которой было семь лучей. Так же и иные вещи дивные и достохвальные привез из разных земель и городов. И, украсив город, прославил его обновление праздниками и торжествами, длившимися много дней. И так установил, что будет именоваться город тот Царьградом. И обрадовались безмерно все люди.

Через несколько дней цесарь с патриархом и архиереями, снова собрав весь клир церковный, а также весь синклит царский и множество народа на богослужение, вознесли молитвы, славя и благодаря в них всемогущую и живоначальную троицу — отца и сына, и святого духа, и пречистую богоматерь. И предали город и весь народ в руки святой богородицы Одигитрии, говоря: «Ты же, непорочнейшая владычица и богородица, человеколюбивая по природе своей, не оставь город этот милостью своей, но, как мать христианскому роду, защити, и сохрани, и помилуй его, наставляя и поучая во все времена как человеколюбивая и милостивая мать, да прославится и в нем и возвеличится имя великое твое вовеки!» И все люди воскликнули: «Аминь!» И прославили цесаря, и восхвалили великую мудрость его и благочестие.

Цесарь же повелел стратигам и городским старейшинам сооружать храмы святым и мирские здания, застраивая город. Вельможам же, и мегистанам, и всем знатным людям так приказал: если кто из них удостоится какого-либо чина на службе царской, то пусть оставит по себе достойную память: воздвигнет дом, или обитель славную, или иное прекрасное здание, чтобы город исполнен был достойными творениями. Так же и цесари и цесарицы, царствовавшие после Константина, каждый во время свое стремились совершить какое-либо славное деяние: одни подвизались в отыскании и обретении страстей господних или ризы и пояса пречистой богоматери,

и святыхъ мощей, и божествѣных икон, но и того самого богомужнаго нерукотвореннаго образа, иже от Едеса; овыи же на прибавлѣние града и домов великых, ины пакы на воздвижение святыхъ обителей и храмов божиих, якоже великий Иустиниян цесарь и Феодосий Великий и цесарица Евдокия и ины мнози. И тако наполниша град преславными и дивными вещми, ими же и блаженный Андрѣй Критцкий, удивився, рече: «Воистинну град сей выше слова и разума есть». К сим же и пренепорочная владычице, мати Христа, бога нашого, во вся времена бяше цесарьствующий град сохраняюще и покрывающе, и от бѣд спасающе, и от неисцелных напастей премѣняюще. Такыми убо великими и неизреченными благодѣянми и дарованми пресвятыа богородица сподобися град сей, яко и всему миру, мню, недостойну быти тому. Но убо понеже естьство наше тяжкосердно и нерадиво, и яко неистовы еже на нас милость божью и щедрот отвращаемся и на злодѣяния и бѣзакония обращаемся, ими же бога и пречистую его матерь разгнѣваемъ и славы своеа и чьти отпадаем, якоже есть писано: «Злодѣяниа и безакониа *превратят* престолы силных», и паки: «Расточи грьдыя мысли сердца их, и низложи силныя съ престолъ»,— тако же и сий царствующий град неисчетными согрѣшенми и безаконми от толиких щедрот и благодѣяний пречистые богоматери отпадшеся, тмочислеными бѣдами и различными напастьми много лѣта пострада.

Тако же и нынѣ, въ послѣдняя времена, грѣх ради наших, овогда нахождением неврьных, овогда гладом и повѣтреи частыми, овогда же междуусобными бранми, ими же оскудѣша силнии и обнищаша людие, и преуничижеся град, и смирися дозѣла, и бысть яко сѣнь въ виноградѣ и яко овощное хранилище в вѣртоградѣ.

Сия убо вся увѣдев, тогда властвующей туркы безбожный Магумет, Амуратов сынъ, в миру и в докончанье сый съ цесаремъ Костянтином, абие збираеть воя многа землею и морем, и пришед внезаапу град обьступи со многою силою. Цесарь же съ прилучившимися велможами и вси людие града не вѣдяаху что сотворити, понеже людцкаго собрания не бѣ и братиям цесаревым не сущимъ. И послаша къ Магумету салтану посланники, хотя увѣдати бывшее и о миру глаголати. Он же, безвѣрен сый *и лукавъ,* посланникы *отосла,* а град повелѣ бити пушками и пищалми, а ины стѣнобьеные хитрости нарежати и приступы градцкые уготовляти. Сущие же людие в градѣ, грекы и фрягове, выеждая из града, бьяхуся с турки, не дающе им стѣнобьеныя хитрости нарежати, но убо силе велице и тяжце сущи, не возмогоша им никоея пакости сотворити, зане един бьяшеся с тысящею, а два — съ тмою.

и святых мощей, и божественных икон, и того самого богомужного нерукотворного образа из Эдессы; другие отличались в строительстве города и великих зданий, иные же, как цесарь Юстиниан Великий, и Феодосий Великий, и царица Евдокия, и многие другие,— в создании святых монастырей и храмов божьих. И так наполнили город творениями преславными и дивными, которым и блаженный Андрей Критский подивился, сказав: «Поистине город этот непостижим ни слову, ни разуму». Поэтому и непорочная владычица, мать Христа, бога нашего, во все времена царствующий град хранила, и берегла, и от бед спасала, и избавляла от тяжких напастей. Вот таких великих и неизреченных благодеяний и даров пресвятой богородицы удостоился город сей, с которым, думаю, и весь мир не может сравниться. Но так как по природе своей мы грубы сердцем и нерадивы, и, словно безумные, отворачиваемся от милости бога и щедрот его к нам, и обращаемся на злодеяния и беззакония, которыми гневим бога и пречистую его мать, и славы своей и чести лишаемся, как писано: «Злодеяния и беззакония разрушат престолы могучих», и еще: «Источат гордые мысли сердца их, и низвергнут могучих с престолов»,— так и этот царствующий город бесчисленными согрешениями и беззакониями лишился стольких щедрот и благодеяний пречистой богоматери и в течение многих лет страдал от неисчислимых бед и различных напастей.

Так вот и ныне, в последние времена, по грехам нашим,— то из-за нашествия неверных, то из-за голода и болезней, то в междоусобных распрях,— утратили могущество свое сильные, и обнищал народ, и в уничижение впал город, и ослабел безмерно, и стал точно шалаш в саду и словно амбар посреди цветника.

Узнав обо всем этом, властвовавший тогда турками безбожный Магомет, Амуратов сын, который жил в мире и согласии с цесарем Константином, поспешно собрал множество воинов на суше и на море и, неожиданно приступив к городу, окружил его большими силами. Цесарь же с оказавшимися при нем вельможами и все жители города не знали, что предпринять, ибо воинов было мало и братьев цесаревых не было. И послали к Магомету-султану послов, чтобы узнать, что же произошло, и договориться о мире. Он же, коварный иноверец, послов не принял, а город повелел обстреливать из пушек и пищалей, и собирать различные стенобитные орудия, и готовиться к приступу. Находившиеся же в городе люди, греки и фряги, выезжая из города, бились с турками и не давали им устанавливать стенобитные орудия, но так как пришли враги в силе несметной, то они не смогли нанести им никакого урона, ибо один бился с тысячей, а два — с десятком тысяч.

Сие же видѣв, цесарь повеле велможам и мегистаном раздѣлити воином градцкия стѣны, и овны, и врата, также и всих людей, и клаколы ратные на всѣх странах изъставити, да коиждо их вѣсть и хранит свою страну, и вся яже на бранную потребу устраяеть, и да бьеться с турки съ стѣны, а из града не выежчати. Такожe и пушки и пищали уставити по приступным мѣстам на обранение стѣнам.

А сам цесарь с патриархом и съ святители и всь священный собор, и множество жен и дѣтей хожаху по церквам божьим, и молбы и моления дѣюще, плачуще и рыдающе, и глаголюще: «Господи, господи, страшное естьство и неисповедимая сила, юже дрѣвле горы, видѣвше, взтрепѣташа и тварь потрясеся, солнце же и луна, ужасшеся, блистанием их погибѣ, и звѣзды небесныа спадоша. Мы же, окаянныи, тая вся презрѣв, съгрѣшихом и бѣзаконовахом, господи, пред тобою ... и тмократне разгнѣвахом и озлобихом твоего божества, забывающи твоих великых дарований и препирающе твоих повелений, и яко неистови еже на нас милости и щедрот твоих отвратихомся и на злодѣяние и бѣзаконие обратихомся, ими же далече от тебѣ отступихом. Вся сиа, иже наведѣ на ны и на град твой святый, праведным и истинным судом сътворил еси грѣх ради наших, и нѣсть нам отврьсти усты что глаголати. Но убо всепѣтый и преблагословеный господи, създание и творение есмя твое и дѣло рук твоих — не предай же нас до конца врагом твоим, и не разори достояния твоего и не *отстави* милость твою от нас, и ослаби нам в врѣмя се, в еже обратитися нам и покаятися твоему благоутробию. Сам бо владыка реклъ есть: «Не приидох праведных спасти, но грѣшным на покояние, в еже обратитися им и живым быти». Ей, господи, цесарю небесный, ослаби, ослаби нынѣ пречистыа ради богоматере твоеа и святых патреархъ и цесарей, преже угодивших твоему божеству въ градѣ сем». Сия вся и ина многа изрекшим, тако же и пренепорочнѣй богородице от среды сердца стонанием и рыданием по вся дни моляхуся.

Цесарь же объеждааше вкруг града почасту, укрѣпляя стратигъ и воин, такожe и всѣх людий, да не отпадут надѣжею, ни ослабляют съпротивлением на врагы, но да уповають на господа всѣдрьжителя — той бо нашь помощник и *защититель* есть; и пакы обращашеся на молитву.

Турки же по вся места бьяхуся без опочиванья день и нощ, пременяющеся, не дающе нимала опочити градцкиим, но да ся утрудят, понеже уготовляхуся къ приступу; и так творяху отбои до 13 ден. В 14-й же день турки, откликнувше свою безбожную молитву, начаша сурны играти и в варганы и накры бити

Узнав об этом, приказал цесарь вельможам и мегистанам расставить воинов по всем городским стенам, и башням, и воротам, а также и всех горожан, и колокола воинские разместить на всех сторонах, чтобы каждый знал и оборонял свою сторону, и готовил бы все необходимое для боя, и бился бы с турками со стены, а из города бы не выезжал. И для обороны стен велел установить пушки и пищали на местах, где ожидался приступ.

А сам цесарь с патриархом и архиереями, и весь церковный клир, и толпы женщин и детей ходили по церквам божьим и молитвы и мольбы возносили, плача, и рыдая, и возглашая: «Господи, господи! Грозно естество твое и непостижима сила; древле и горы, познав силу ту, затряслись, и все сотворенное содрогнулось, солнце же и луна ужаснулись, и блеск их померк, и звезды небесные ниспали. Мы же, несчастные, всем этим пренебрегли, согрешали и беззаконничали, господи, перед тобой, и многократно гневили и озлобляли тебя, боже, забывая твои великие благодеяния и попирая твои заветы, и, словно безумцы, отвернулись от милостей твоих к нам и щедрот, и предались злодеяниям и беззакониям, и тем далеко от тебя отступили. Все, что навел ты на нас и на город твой святой, по справедливому и истинному суду свершил ты за грехи наши, и не можем открыть мы уст своих, ибо нечего сказать. Но, всепрославленный и преблагословенный господь,— мы создание твое и творение и дело рук твоих,— не предай же нас навеки врагам твоим, и не разори богатства твоего, и не лиши нас милости твоей, и пощади нас в час этот, в который до́лжно нам одуматься и покаяться перед твоим милосердием. Ибо сам владыка сказал: «Пришел я не праведников спасти, но для покаяния грешников, чтобы обратились они к богу и остались живы». О господи, царь небесный, пощади, пощади ради пречистой богоматери твоей и святых патриархов и цесарей, прежде угодивших тебе, боже, в городе этом». Все это и многое другое возглашали, также и пренепорочной богородице молились каждый день от всего сердца со стенаниями и рыданием.

Цесарь же часто объезжал город вдоль стен, воодушевляя военачальников и воинов, а также и всех людей, чтобы не теряли они надежды, не ослабляли бы сопротивление врагам, а уповали бы на господа-вседержителя: он ведь наш помощник и защитник; и снова обращался цесарь к молитве.

Турки же нападали на город со всех сторон непрерывно, день и ночь, сменяя друг друга, не давая нисколько отдохнуть горожанам, чтобы те изнемогли, так как готовились к приступу; и так вели бои в течение тринадцати дней. На четырнадцатый же день турки, прокричав свою безбожную молитву, начали в зурны трубить, и в варганы, и в накры бить,

и, прикативши пушкы и пищали многие, начаша бити град, такоже стрѣляти и из ручных и из луков тмочисленых. Гражане же от бесчисленнаго стреляния не можаху стоати на стѣнахъ, но, западше, ждаху приступу, а инии стрѣляху ис пушек, ис пищалей, елико можаху, и многы туркы убиша. Патриархъ же и святители и весь священнический чин бяху непрестанно молящеся о милости божии и о избавлении града. Егда же туркы начааху — уже всих людий съ стен збиша, абие вскрычавши все воинство и нападоша на град вкупѣ со всѣх стран, кличюще и вопиюще, овыи со огни различными, овыи с лѣствицами, овыи съ стѣнобитными хитростьми, и ины многы козни на взятие града. Градцкие же люди также вопияху и кричаху на них, бьющеся с ними крѣпко. Цесарь же объежаше по всему граду, понужая люди свои, дающе им надѣжу божию, и повелѣ звонити по всему граду *на* созвание людем. Турки же паки, услышавше звон велий, пустиша сурныа и трубныя гласы и тумбан тмочисленых. И бысть сеча велиа и преужасна: от пушечного бо и пищалного стуку, и от зуку звонного, и от гласа вопли и кричаниа от обоих людей, и от трескоты оружия — яко молния бо блистааху от обоих оружия — также и от плача и рыданиа градцкых людей, и жон, и дѣтей, мняашеся небу и земли совокупитися и обоим колѣбатися, и не бѣ слышати друг друга что глаголеть: совокупиша бо ся вопли, и крычаниа, и плач, и рыданиа людей, и стук *пищалный* и звонъ клаколный в един зук, и бысть яко гром велий. И паки от множества огнѣй и стреляниа пушек и пищалей обоих стран дымное курение згустився, покрыло бяше град и войско все, яко не видѣти друг друга съ кѣм ся бьет, и от зелейнаго духу многим умрети. И так сѣчахуся имаяся *за руки* на всѣх стенах, дондеже нощная тьма их раздѣли: туркы убо отидоша въ свои станы и мертвыа своя позабывше, а градцкие людие падоша от труда яко мертвы, токмо страж единыхъ оставиша по стѣнам. Наутрия же повеле цесарь собрати трупиа, и не обрѣтоша людей: вси бо бяху спяща утрудився. И посла цесарь къ патриарху, да повелит священником и дьяконом собрати мертвыа и погрѣсти я. И абие собрашася множество священник и дьяконов и взяша мертвыя и погрѣбоша их. Бяху же числом грѣков 1740, а фряг и армен 700. Цесарь же, взем боляр, поидѣ по стенам града, хотяще видѣти ратных, понеже не бѣ от них ни гласа, ни послушаниа, вси бо бяху опочивающе. И видѣша полны рвы трупиа, а ины в потоцѣх и на брѣзех; и помѣтиша всѣх убьенных до 18 тысяч и стенобитныа сусуды мнози, их же повелѣ цесарь пожещи. И тако поидѣ съ патриархом

и, подкатив множество пушек и пищалей, стали обстреливать город, а также стрелять из ручного оружия и из многочисленных луков. Горожане же из-за беспрерывной стрельбы не смогли находиться на стенах, но, попрятавшись, ждали приступа, а другие стреляли сколько могли из пушек и из пищалей и перебили много турок. Патриарх же, и святители, и весь причт церковный непрестанно молили о милосердии божьем и избавлении города. Когда же турки пошли на приступ, вынудив всех людей покинуть стены,— возопили все воины и напали на город со всех сторон одновременно, с кликами и воплями, одни со всевозможными факелами, другие с лестницами, третьи со стенобитными машинами и другими ухищрениями для взятия города. Горожане же, так же с криками и воплями, ожесточенно бились с ними. Цесарь же объезжал весь город, ободряя людей своих, вселяя в них надежду на бога, и велел звонить в колокола по всему городу, созывая людей. Турки же, услышав громкий звон, снова затрубили в зурны и трубы и стали бить в бесчисленные тимпаны. И была сеча яростна и страшна: от грохота пушек и пищалей, и звона колокольного, и воплей и криков с обеих сторон, и треска оружия — словно молнии, блистало вооружение сражающихся,— а также от плача и рыдания горожан, и женщин, и детей казалось, что небо смешалось с землей, и оба они содрогаются, и не было слышно, что воины говорили друг другу, так слились вопли, и крики, и плач, и рыдания людей, и грохот пищалей, и звон колокольный в единый гул, подобный сильному грому. И тогда от множества огней и пальбы с обеих сторон из пушек и пищалей клубы густого дыма покрыли весь город и все войско так, что не видели друг друга сражающиеся и многие умирали от порохового смрада. И так бились врукопашную на всех стенах, пока ночная темнота их не разъединила; турки отошли в свои станы, забыв даже об убитых своих, а горожане попадали от усталости, словно мертвые, только стражей одних оставили на стенах. Наутро же цесарь приказал собрать трупы, и не нашли людей, ибо все спали, изнемогши в бою, и послал цесарь к патриарху, чтобы он повелел священникам и дьяконам собрать и похоронить мертвых. И тотчас же собралось множество священников и дьяконов, и собрали мертвых, и похоронили их: было же греков числом тысяча семьсот сорок, а фрягов и армян семьсот. Цесарь же, взяв с собою бояр, прошел по городским стенам, чтобы увидеть, где же воины, ибо ни их не было слышно, ни они ничего не слышали, а все спали. И увидел цесарь, что все рвы завалены трупами, а иные в воде и по берегам, и насчитали всех убитых до восемнадцати тысяч, и множество стенобитных орудий, которые цесарь приказал сжечь. И так пошел с патриархом, и

и съ святители и со всеми съборы в святую великую церковь молбы и благодарение вздаяти всесилному богу и пречистые богоматере, чаяху бо уже отступити безбожному, толико падѣние видѣв своим.

Он же, бѣзвѣрный, не тако помышляаше, но в 2 день посла видѣти мертвыя своя, и яко сказаша ему много мертвых, вскоре посла мнози полкы взяти трупиа своя. Цесарь же заповѣда, да не дѣют их никоторою бранью, яко да очистят рвы и потоци. И тако взяша своя трупы безбранно и пожгоша и. Видѣв же безбожный туркъ, яко не успѣ ничтоже, но паче своих погуби, и повелѣ магистром вскорѣ прибавити пушки и пищали мнози на битье града и ины стенобитныя козни готовити. И в сѣдмый же день паки безвѣрный повеле ити войску къ граду и тако ся бити, якоже и первие, без опочивания.

Цесарь же Костянтин посылаше по морю и посуху въ Аморею къ братии своей, и въ Венецѣю и въ Зиновию о помощи. И братия его не успѣша, понеже распря велия бѣ межу ими, и с арбанаши ратовахуся. И фрягови не восхотѣша помощи, но глаголаху в себѣ: «Не дѣйте, но да возмутъ и туркы, а у нихъ мы возмемъ Царьградъ». И тако не бысть ниоткуду помощи. Един токмо зиновьянин князь, именем Зустунѣя, приидѣ царю на помощь на дву караблях и на дву катаргах воруженных, имѣа съ собою 600 храбрых. И проидѣ *сквозе все* рати морскиа турскаго и доидѣ до стены Цесаряграда. Его же видѣв, цесарь обрадовася зѣло, дающе ему честь велию, понеже вѣдом бяше цесарю. И тако испроси у цесаря хужшее мѣсто града, идѣже болши приступают туркове. И придадѣ ему цесарь людий своих на исполнение двою тысящь, и бьяшася с туркы толма храбро и мужествене, яко отступити от того мѣста всѣмъ *туркомъ* и к тому не приходити на то мѣсто. Зустунѣя же не токмо свое мѣсто снабдяше, но и по стѣнам града обхожаше и укрѣпляше и наставляа люди, да не отпадутъ надежда, и на бога упование неподвижно дрьжати, и не ослабляти въ дѣлехъ, от всеа душа и от всего сердца братися съ невѣрными, и — «господь богъ поможетъ ны». Таковыми убо словесы многыми уча люди и наставляа их, яко изнаказан бѣ дозѣла ратному дѣлу, и возлюбиша его вси людие и послушаху его во всѣм, иже сказываааше им.

Туркы же бьяшеся по всем мѣстом, якоже преди рекохом, без опочиваниа, премѣняющеся, занеже множество тѣм бяху их. В 30 же день по прьвом приступѣ паки прикатиша пушкы и пищали и ины стѣнобитныя сосуды и им же не бѣ числа всеми силами. В них же пушкы бяху 2 велице, иже ту сольяны: единой ядро в колѣно, а другой в пояс. И начаша бити град

со святителями, и со всем клиром в святую великую церковь вознести молитвы и воздать благодарение всесильному богу и пречистой богоматери, ибо надеялись все, что теперь отступит безбожный, увидев, сколько воинов его перебито.

Он же, неправоверный, не так рассуждал, а на другой день послал посмотреть на погибших своих, и когда поведали ему о множестве убитых, тут же отправил много воинов собрать трупы своих. Цесарь же повелел не чинить им препятствий, пока не очистят рвы и потоки. И так они взяли трупы своих невозбранно и сожгли их. Увидел безбожный турок, что ничего не добился, только своих воинов погубил, и повелел воеводам немедля увеличить число пушек и пищалей для обстрела города и готовить другие стенобитные машины. И на седьмой день снова неправоверный приказал идти войску на приступ и сражаться, как и в первый раз, без отдыха.

Цесарь же Константин посылал по морю и по суше в Морею, к братьям своим, и в Венецию и Геную, прося помощи. Но братья его не поспели, ибо шли между ними большие распри, и с албанцами они воевали. И фряги не захотели помочь, но рассуждали меж собой так: «Не вмешивайтесь, но пусть одолеют их турки, а у них мы отнимем Царьград». И так не пришло ниоткуда помощи. Один только генуэзский князь, именем Зустунея, пришел на помощь к цесарю на двух кораблях и двух военных катаргах, имея с собой шестьсот воинов. И преодолел сопротивление турок на море, и достиг стен Царьграда. Увидев его, очень обрадовался цесарь, оказал ему великие почести, ибо знал его и раньше. И тот попросил у цесаря самый опасный участок стены, где больше всего приступают турки. И цесарь отдал под его начало две тысячи своих людей, и бился он с турками столь храбро и мужественно, что от того места отступили все турки и уже более туда не приходили. Зустунея же не только свое место оборонял, но и обходил весь город по стенам и укреплял и наставлял людей, чтобы не теряли надежды, и сохраняли непоколебимую веру в помощь бога, и не уступали в деле, и всей душой и всем сердцем готовы были биться с неверными, «и господь бог поможет нам». Такими вот словами постоянно воодушевлял людей и наставлял их, ибо был весьма искусен в воинском деле, и полюбили его все люди, и слушались каждого его слова.

Турки же осаждали город со всех сторон, как мы и прежде говорили, не зная сна, меняя друг друга, ибо было их множество тысяч. На тридцатый день после первого приступа снова, собрав все свои силы, подкатили пушки, и пищали, и всякие стенобитные машины, которым нет числа. Были у них две пушки огромных, тут же отлитых: у одной ядро высотой до колена, а у другой — до пояса. И начали стрелять по городу

непрестанно со всѣе стороны полные, а противу Зустонѣя навадиша пушку болшую, зане на том месте бѣ стена градцкая и ниже и хуже. И яко удариша по тому месту, начат стена колѣбатися, а в другые удариша — и сбиша стены с вѣрху акы саженей пять, в третьи же не успѣша, зане ноч успѣ. Зустунея же то мѣсто ночью задѣла и другою стѣною дрѣвяною съ землею снутри подкрѣпи. Но что мочно бѣ учинити против такые силы? Наутрия же пакы начаша бити то же мѣсто из многых пушак и пищалей. И яко утрудиша стѣну, навадив, стрѣлиша из болшие пушкы, уже чаяху разорити стѣну. И божиим велением *поиде* ядро выше стены, токмо семь зубов захвати. И ударися ядро по церковной стѣне и распадѣся яко прах. И видѣвше ту сущие людие благодариша бога. И яко уже о полудне — навадиша в другые. Зустунея же, *навадив* пушку свою, удари в тое пушку, и разсѣдеся у ней зелейник. Се же видѣв, безвѣрный Магмет взьярися дозѣла и возопи велиим гласом: «Ягма, ягма!» — сиреч на разграбление града. Абие вскрича воинство все, приступиша къ граду всеми силами, по землѣ же и по морю всякими дѣлы и хитростьми на взятие града. Градцкые же люди, вшед на стѣнах от мала и до велика, но и жены мнози противляхуся им и бьяхуся крѣпце, яко патриарху и святителем и всему священническому чину токмо остатися по церквам божьим и молитися с рыданием и стонанием.

Цесарь же паки объежааше по всѣму граду, плачуще и рыдающе, моля стратиг и всих людей, глаголюще: «Господа и братия, малы и велици, днесь приидѣ час прославити бога и пречистую его матерь и нашу вѣру христьянскую! Мужайтеся и крѣпитеся, и не ослабляйте в трудѣх, ни отпадайте надѣжею, кладающе главы своа за православную вѣру и за церкви божиа, яко да и нас прославит всещедрый богъ!» Сия и иная многа вопиюще цесарю к людем, и повелѣ звонити по всему граду; тако же и Зустунѣй, рыщуще по стѣнам, укрѣпляше и понужааше люди. И яко слышаша люди звон церквѣй божьих, абие укрѣпишася и охрабришася вси и бьяхуся с туркы крѣпчае *перваго,* глаголюще друг другу: «Днесь да умрем за вѣру христьянскую». И якоже прѣди писахом: кый язык может исповедати или изрещи тоа бѣды и страсти — падаху бо трупиа обоих стран, яко снопы, съ забрал, и кровь их тѣчааше, яко рѣкы, по стѣнам. От вопля же и крычания людцкаго обоих, и от плача и рыдания градцкаго, и от зуку клаколнаго, и от стуку оружиа и блистаниа мняшеся всему граду от основаниа превратитися. И наполнишася рвы трупиа человѣча довѣрху,

не переставая по всей стороне, выходящей на поле, а там, где был Зустунея, поставили большую пушку, ибо в том месте стена городская была и ниже и обветшала. И когда ударили по тому месту, стена зашаталась, ударили в другой раз и разрушили верх стены саженей на пять, в третий же раз выстрелить не успели, так как настала ночь. Зустунея же то место за ночь заделал, и укрепил другой деревянной стеной, и землею подсыпал изнутри. Но что можно было противопоставить такой силе? Наутро снова начали стрелять в то же место из многих пушек и пищалей. И когда расшатали стену, прицелились и выстрелили из большой пушки, надеясь на этот раз ее разрушить. Но по божьей воле прошло ядро выше стены, только семь зубцов захватило. И ударилось ядро в стену церкви, и рассыпалось в прах. И, увидев это, бывшие поблизости люди возблагодарили бога. И уже к полудню навели пушку во второй раз. Зустунея же, наведя пушку свою, попал в ту пушку, и разорвало у нее зелейник. Увидев это, неправоверный Магомет страшно разъярился и возопил громким голосом: «Ягма, ягма!» — то есть: «На разграбление города!» Тут же возопили все его воины, приступили к стенам всеми силами, по земле и по воде, всякими способами и хитростями, чтобы захватить город. Горожане же все от мала до велика взошли на стены, даже женщины многие участвовали в бою и смело сражались, так что лишь патриарх, и святители, и клир церковный остались в церквах божьих и молились с рыданием и стенанием.

Цесарь же, как и прежде, объезжал весь город, плача и рыдая, умоляя стратигов и всех людей, говоря им: «Господа и братья, простые и знатные, ныне пришел час прославить бога и пречистую его мать и нашу веру христианскую! Мужайтесь и крепитесь и не поддавайтесь слабости в деле своем, не теряйте надежды, слагая головы свои за православную веру и за божьи церкви, и да прославит нас всещедрый бог!» Такими и многими другими словами призывал цесарь людей и велел звонить в колокола по всему городу; так же и Зустунея, обходя все стены, укреплял и воодушевлял людей. И когда слышали люди звон колоколов в церквах божьих, тотчас же все укреплялись духом, и наполнялись храбростью, и бились с турками яростнее, чем прежде, говоря друг другу: «Умрем ныне за веру христианскую!» И как прежде мы писали: ка́к словами можно поведать и рассказать о тех бедах и страданиях, ибо убитые с обеих сторон, словно снопы, падали с заборол, и кровь их ручьями стекала по стенам. От воплей же и криков сражающихся людей, и от плача и рыдания горожан, и от звона колоколов, и от стука оружия и сверкания его казалось, что весь город содрогается до основания. И наполнились рвы доверху трупами человеческими,

яко чрес них ходити турком, акы по стѣпенем, и битися: мрьтвыа бо им бяху мостъ и лесница къ граду. Тако и потоци вси наполнишася и брѣгы вкруг града трупиа, и крови их, акы потоком силным, тѣщи, и пажушинѣ Галатцкой, сиреч *Лименю* всему, кроваву быти. И облизу рвов по долинам наполнитися крови, тако силнѣ и нещаднѣ сечахуся. И аще не бы господь прекратил день той — конѣчная бо уже бѣ погибель граду, понеже гражане вси уже бяху изнемогъше.

Нощи же наставши, туркы отступиша къ станом своим, акы уставше, а градцкие люди падоша, къй же и гдѣ успѣ от труда. И не бѣ тоя нощи слышати ничтоже, развѣе стонание и вопль сеченых людей, кои еще живи бяху. Наутрия же цесарь повелѣ священником и дьяконом такоже собрати трупия и погрѣсти а, а иже еще бяху живы, роздати врачем. И собраша мрьтвых грѣков и фряг и армен и иных пришлых людей 5700. Зустунѣя же и вси велможи поидоша по стенам града, смотряще стен и трупия неврьных, и тако сказааше цесарю и патриарху до 35000 убьеных. Цесарь же бѣ плача и рыдая не престааше, видяще падѣние своих людей, а помощи ниоткуду чающе, и неотступное дѣло неврьных. Патриархъ же и всь клирик, тако и всь синклит цесарьский, взяша цесаря и поидоша, утѣшающе его, к вѣликой церкве на молитву и благодарение всемилостивному богу, такоже и множество благородных жен и дѣтей съ царицею, понеже вси людие бяху еще опочивающе от безмерныя и неприемныя истомы. И повелѣ патриархъ позвонити по всему граду, заповѣдая всѣм людем, иже не бяхуть на брани, и женам, и дѣтям, къиждо их, да поидуть къ своему приходу, молящеся и благодаряще бога и всенепорочную его матерь, владычицю нашу богородицу и приснодѣву Марию. И бяше видѣти во всем градѣ всѣм людѣм и женам притичющим къ божиим церквам со слѣзами хваляще и благодаряще бога и пречистую богоматерь. И тако проводиша день тъй и всенощное пѣние.

Безвѣрный же трупиа своих людей не восхотѣ взяти, помышляаше мѣтати их порокы в град, да согниют и усмердят град. Неции же в них, знающе град, сказовааху им величества града и пространства и яко не коснѣться им смрад. И абие, пришед со многою силою, взяша их и пожгоша. Крови же, оставшей в рвѣхъ и в потоцѣх, згнившеся, смрад приношааше велий, но обаче граду не поврѣди, вѣтру относящу. И сим тако бывающим, никако не ужасеся безбожный, но в 9 день паки повелѣ всему воинству приступити къ граду и брань творити по вся дни, а пушку ону велию паки повѣле предѣлати того крѣпчае.

так что через них карабкались турки, как по ступеням, и сражались, мертвецы же были для них как бы мост и лестница к стенам городским. И все ручьи окрест города были завалены трупами, и устланы ими берега их, и кровь, как могучий поток, текла, и залив Галатский, то есть Лиман, весь побагровел от крови. И рвы, и низины наполнились кровью, настолько ожесточенно и яростно бились. И если бы по божьей воле не окончился тот день, окончательно погиб бы город, ибо совсем изнемогли горожане.

Когда же наступила ночь, турки в изнеможении отступили к своим станам, а горожане падали с ног от усталости и засыпали кто где мог. И не было слышно в ту ночь ни звука, разве стоны и вопли раненых воинов, которые были еще живы. Наутро же цесарь приказал священникам и дьяконам собрать трупы и похоронить их, а тех, кто был еще жив, передать врачам. И подобрали убитых греков, и фрягов, и армян, и иных пришлых людей пять тысяч семьсот. Зустунея же и все вельможи прошли по городским стенам, осматривая их и считая трупы неверных, и назвали цесарю и патриарху число убитых — до тридцати пяти тысяч. Цесарь же беспрестанно плакал и рыдал, видя гибель своих людей и упорство неверных и ниоткуда не ожидая помощи. Патриарх же и весь клир, а также и весь синклит царский окружили цесаря и, утешая его, направились в великую церковь помолиться и возблагодарить всемилостивого бога, а с ними и множество благородных женщин и детей с царицей, ибо все остальные люди еще спали от безмерной и невыносимой усталости. И повелел патриарх звонить в колокола по всему городу, призывая всех людей, не участвовавших в бою, и женщин и детей отправиться по своим приходам, молиться и благодарить бога и всенепорочную его мать, владычицу нашу богородицу и приснодеву Марию. И было видно повсюду в городе, как все мужчины и женщины устремились к божьим церквам, со слезами славя и благодаря бога и пречистую богоматерь. И так проводили тот день и ночь в молитвах.

Неверный же не хотел убирать трупы своих воинов, задумав метать их катапультами в город, чтобы разлагались там и смердели. Но те из людей его, которые знали город, рассказали ему о его величине и размерах и о том, что не повредит им смрад. И тогда сошлось множество турок, собрали они трупы и сожгли их. Кровь же, оставшаяся во рвах и потоках, разлагаясь, издавала сильный смрад, но, однако, не повредило это городу, ибо относило его ветром. И никак не устрашило безбожного происшедшее, но на девятый день снова он приказал всему войску подойти к стенам города и биться не переставая день за днем, а пушку ту огромную приказал заново перелить крепче прежнего.

Сия же увѣдав велможи и Зустунѣя, собрався вкупѣ с патриархом, начаша увѣщавати цесаря, глаголюще: «Видим, цесарю, яко сей бѣзвѣрный не ослабѣет дѣлом, но паче готовиться на болшее дѣло. И что сотворим, помощи ниоткуду чающе? Но подобает тобѣ, цесарю, изыти из града на подобное мѣсто, и услышавше людие твои и братия твоа к тебѣ приидут на помоч, но и *арбанаша* убоявся приидут к сим же, еда како и он безбожный, устрашився, отступить от града». Сия и ина многая изрѣкше цесарю и кърабли и катаргы даяхут ему Зустунѣевы. Цесарь же на долгь час умльча, испущая слезы, и тако рече им: «Хвалю и благодарю съвѣт ваш и вѣм, яко на ползу ми есть сия вся, понеже могут сия тако быти. Но како аз се сътворю и оставлю священъство, церкви божия и цесарство и всих людей? И что ми сърчеть вселѣнная, молю вы, рцетѣ ми. Ни, господини мои, ни, но да умру здѣ с вами». И падъ поклонися им, плачуще горко. Патриархъ же и вси ту сущии людии всплакаша и превратиша рѣчи, да не паче мльва будет в людѣх. И послаша паки въ Амморѣю, и во всѣ острови, и в фрязех о помощи.

Гражане же в день бьяхуся с туркы, а ночи влазяаху в рвы, и пробиваху стѣны ровныя от поля, и изныряху землю по застенью в многые мѣста, задѣлающе многы съсуды зъ зелием с пушечным; такоже на стѣнах уготовляаху многые съсуды, наполняюще смолья и сѣры горючее съ смолою и с посканию, и с зелием с пушечным. Днем же минувшим 25, тако бьющеся по вся дни, паки безбожный повелѣ прикатити ону пушку велию, бѣ бо увязана обручи железными, чаяху укрѣпити ю. И яко пустиша ю впервие, абие разсядѣся на многыя части. Он же, безвѣрный, мняшеся поруган быти, и вскоре заповѣда туры прикатити къ граду всеми силами, иже бяху велици и покровѣнны. И егда уставиша туры по всему брѣгу рва, хотяаху, наполнивше рвы дрѣвесы и хврастием и землею, придвинути и приклонити туры къ граду и тако подкопати стену в многые мѣста и извѣрнути на землю. И яко приступиша множество людей рвы засыпати, абие *граждане* зажгоша сосуды зелѣйныя, иже бяху задѣланы вне рва, и внезаапу взгрѣме земля, акы гром велий, и подъяся с турами и с людми, яко буря силная, до облакы, и бѣ слышати трескот, и сътрение тур, и вопль и стонание людцкых страшно, яко обоим бѣжати: гражане убо съ стен во град, а туркы от града далеча. И падааху с высоты людие и дрѣвеса: ины в град, а ины *в рати,* и наполнишася рвы туркы. И яко взыдоша паки гражане на стѣну и видѣша во рвѣ множество туркъ,

Узнали об этом вельможи и Зустунея и вместе с патриархом стали уговаривать цесаря, так говоря: «Видим, о цесарь, что этот безверный не откажется от своего замысла, но снова готовится к большему приступу. И что сделаем, ниоткуда не ожидая помощи? Однако следует тебе, цесарь, уехать из города, куда сочтешь нужным, и, услышав об этом, единоплеменники твои и братья твои придут к тебе на помощь, и даже албанцы, устрашившись, придут с ними: вдруг тогда он, безбожный, испугается и отступит от города?» Это и многое другое говорили цесарю и предлагали ему корабли и катарги Зустунеевы. Цесарь же долго молчал, обливаясь слезами, и так им ответил: «Хвалю и ценю совет ваш и знаю, что дан он мне на мое же благо, ибо может все так и случится. Но как же я поступлю таким образом и покину священнослужителей, и церкви божьи, и царство, и всех людей? И что обо мне скажет весь мир, молю вас — ответьте мне? Нет, господа мои, нет, но да умру здесь с вами». И, пав, поклонился им, горько плача. Патриарх же и все находившиеся тут люди заплакали и прекратили уговоры, чтобы слух о том не дошел до людей. И снова послали в Морею, и на все острова, и к фрягам, прося помощи.

Горожане же днем бились с турками, а ночью спускались во рвы и делали подкопы в откосах рва в сторону поля, и прокопали землю за стенами во многих местах, закапывая множество сосудов с пушечным порохом; также и на стенах приготовляли множество сосудов, наполняя их смолой, и серой с коноплей, и пушечным порохом. Когда в таких ежедневных боях прошло двадцать пять дней, безбожный приказал снова прикатить ту огромную пушку, ибо, надеясь скрепить, ее стянули железными обручами. И когда выстрелили из нее, тотчас же разлетелась пушка на множество частей. Он же, безверный, увидев, что постигла его неудача, вскоре приказал, собравшись всей силой, подкатить к стенам огромные крытые туры. И когда установили туры по всему краю рва, хотели, заполнив рвы бревнами, хворостом и землей, придвинуть и прислонить туры к стене и так, подкопавшись под стену во многих местах, обрушить ее на землю. И когда люди, приступив во множестве к стенам, стали засыпать рвы, горожане зажгли сосуды с порохом, закопанные по ту сторону рва, и внезапно загремела земля, словно гром великий, и поднялась вверх с турами и с людьми, как от бури сильной, до самых облаков, и был так страшен треск рушащихся тур и вопли и стоны людские, что побежали и те и другие: горожане со стен — в город, а турки — подальше от стен. И падали с высоты люди и бревна: одни в город, а другие на войско, и рвы наполнились трупами турок. И когда взошли снова горожане на стену и увидели во рве множество турок,

абие зажигааху бочкы съ смолою и пущааху на них, и погорѣша вси. И тако божиим промыслом в той день избавися град от бѣзбожных турокъ. Злонравный же Магумет со множеством воин своих издалѣча бяше смотря бывшее и помышляюще, что сотворити. Такоже и ратные вси, убоявшеся, отступиша отъ града. Грѣки же, вышед из града, побивааху во рвѣх туркы, кои еще живи бяху, и, собравше их въ многые кучи, съжигахут их вкупѣ со оставшими турами.

Цесарь же с патриархом и весь священный клирик бяху по всѣм церквам молящеся и благодаряше бога, чающе уже конец бранемъ. Такоже и тъи зловрьный Магумет многа дни совѣтовавше, преложиша отступити въсвояси, зане уже и морскый путь приспе, и чааху отвсюду помоч граду. Но убо понеже беззакония наша превзыдоша главы наша, и грѣхы наша отяготѣша сердца наша, в еже заповѣдей божиих не послушати *и въ путѣхъ его не ходити,* гнѣва его камо убѣжимъ? Цесарю убо во градѣ с патриархом тако и вси людие совет съвѣщааша не благ, глаголюще: «Понѣже он, зловѣрный, тако многа дни стоит безбранно, паки готовиться, но да пошлем к нему о миру»; еже и сотвориша. Он же, лукавый, се слышав, порадовася в сердци своем, чающе, нужа некая приидѣ граду, и, отложше свое отступление, нача съвѣщевати о миру. И тако отвѣща посланником: «Понеже цесарь тако благо съвѣща и просит мир, и азъ се сотворю, но да изыдеть цесарь изъ града въ Амморѣю, такоже и патриархъ и вси людие, иже въсхотят, без врѣда, оставивше мнѣ град пустъ, и азъ мир вѣчный сътворю, да не вступлюся въ Амморѣю, ниже в островѣх его ни которою хитростию в вѣкы. А иже не всхотят изыти из града, да будут во имени моем без врѣда и безъ пѣчали».

Сия вся слышавше, цесарь и патриархъ и вси людие, абие встенавше от среды сердца и руце на небо воздвигше, глаголаху: «Заступниче наш, господи, призри от высоты славы твоеа, низложи грьдыню сквѣрнаго сего и избави град достояниа твоего, ибо людие есмя владычества твоего и овча пажити твоеа, живущеи в дворѣ твоем в единое стадо, и камо изыдем, оставивше пастыря и наставника своего? Ни, господи цесарю, ни, но да умрем вси здѣ въ святѣм дворѣ твоем и в славу величествиа твоего». Сия вся изрѣкшим, паки уготовляхуся на брань, кающеися о послании къ *Могамѣту,* зане тѣм удрьжаху его.

Днем же трием минувшим, сказаша окаанному турку, яко пушка она велия слияся добрѣ, и тако съвѣщевааше еще поискусити ю, и повелѣ паки воинству всему поити къ граду, и брань творити по вся дни. Се же бысть за наши грѣхы божие попущение, *яко* да збудуться вся прежереченная

тотчас же зажгли бочки со смолой и побросали на них, и те все сгорели. И так с божьей помощью избавился город в тот день от безбожных турок. Злонравный же Магомет со множеством воинов своих смотрел издали на случившееся и думал, что же предпринять. Так и враги все, испугавшись, отступили от городских стен. Греки же, выйдя из города, перебили во рвах еще оставшихся в живых турок и, собрав их в несколько куч, сожгли вместе с уцелевшими турами.

Цесарь же с патриархом и весь священный клир молились во всех церквах и благодарили бога, надеясь, что уже настал конец войне. Так же и тот зловерный Магомет, много дней просовещавшись, решил уже отступить восвояси, ибо уже открылся морской путь и ожидалась отовсюду помощь городу. Но так как беззакония наши поднялись выше глав наших, и от грехов наших отяжелели сердца наши, и не слушаем мы заповедей божьих и по путям его не ходим, то куда скроемся от его гнева? В городе цесарю и патриарху дали люди плохой совет, говоря так: «Поскольку он, зловерный, столько дней стоит под городом не воюя и снова готовится, пошлем к нему с предложением мира»,— что и сделали. Тот же, коварный, услышав об этом, возрадовался в сердце своем, решив, что какие-то тяготы претерпевает город, и, раздумав отступить, начал переговоры о мире. И так ответил послам: «Раз цесарь решил так мудро и просит мира, и я так же поступлю; но пусть уйдет цесарь из города в Морею, а также — без помех — патриарх и все люди, которые того захотят, оставив мне город пустым, и я заключу мир навеки, и не возымею коварных умыслов, и не нападу ни на Морею, ни на острова его. А те, кто не захочет покинуть город, пусть будут под властью моей без опасности для себя и без горя».

Услышав все это, цесарь и патриарх и все люди восстонали из глубины души и, простирая руки к небу, восклицали: «Заступник наш, господь, призри с высоты славы своей, низложи гордыню нечестивца этого и избавь город свой, ибо мы люди твои и овцы пажити твоей, живущие во дворе твоем единым стадом, и куда мы уйдем, оставив пастыря и наставника своего? Нет, господин наш и царь, нет, но да умрем все здесь на святом дворе твоем и во славу величия твоего». И, сказав так, снова приготовились к боям, сетуя о посольстве своем к Магомету, ибо этим удержали его.

Через три дня доложили окаянному турку, что ту пушку огромную отлили на славу, и так порешили еще раз испробовать ее, и приказал он войску своему снова приступить к городу и биться не переставая. Это все за грехи наши бог допустил, чтобы сбылось все предсказанное

о градѣ сем при Костянтинѣ Велицѣм цесарѣ и Лвѣ Премудрѣм и Мефодием Паторомским. Убо в 6 день маиа мѣсяца *паки* безвѣрному повелевшу бити града в то же мѣсто, идѣже и прьвѣе бьяхут и изо многых пушек по три дни. И яко утрудиша стѣну и удариша из болшие пущкы, и спаде камение много. В другие удариша, и распадеся стѣны великое мѣсто, но уже вечеру наставшу, туркы начаша стрѣляти изо многых пушек в то же мѣсто, тако и чрез всю нощь, не дающе гражаном задѣлывати того мѣста. Грѣкы же тоя ночи уготовиша башту велию против того всего мѣста. Наутрия же паки туркы удариша из болшие пушкы пониже того мѣста и вывалиша стѣны много, и тако в другие и в третьи. И яко уже учиниша мѣсто велико, абие вскрычав, множество людий вскочиша на то место, друг друга топчюще, тако же и грѣкы из града, и сечахуся лицем к лицу, рыкающе, акы дивии звѣри. И бѣ страшно видѣти *обоих* и дрьзости и крѣпости. Зустунѣя же пакы собра многые люди, вскрычав, нападѣ на туркы тако мужественѣ, яко въ мъгновении ока съби их *с* стены и наполни ров мертвых. Амурат же некый яныччанин, крѣпок сый тѣлом, смѣшався з грѣкы, доидѣ Зустунѣя и начат сѣщи его лютѣ. Грѣчин же некый, скочив *с* стѣны, отсѣче ему ногу секирою и тако избави Зустунѣя от смерти. Флабурар же паки западный, Амар-бей съ своими полкы нападѣ на грѣкы, и бысть сѣча велия. Тако же из града Рахкавѣю стратигу со многими людми преспѣвшу на помоч грѣком, бьяшеся крѣпко с туркы, и прогна их даже до самого Амар-бѣа. Он же, видѣв Рахкавѣя лютѣ секуща турокъ, обнажив меч, нападѣ на нь, и сѣчахуся обои лютѣ. Рахкавѣй же, наступив на камень, удари его мечем по плѣчю обѣруч и разсече его надвое: силу бо имяше велию в руках. Турки же, вскрычавше злостию, окружиша тмочислѣне и сечаху его. Грѣки же *нужахутся* крѣпко отъяти его и не возмогоша, но и падоша мнози, и разсѣкоша *турки Рахкавея* на части и тако прогнаша грѣков в град. И бысть грѣком плач и ужасть велиа о Рахкавѣе, понеже ратник бѣ велий и мужествѣн и цесарю любим. И уже ночи наставши, преста сеча и разидошася обои. И туркы убо начаша пакы стрѣляти из пушек на разрушенное мѣсто, а гражане начаша башту ширити и дѣлати крѣпко о всѣй прогалинѣ и навадиша в ню пушкы многие тайнѣ, зане башта бѣ изнутри града. Наутрия же яко видѣша туркы стѣну не задѣлану, вскорѣ наскачиша и бьяхуся з грѣки. Греки же, бьющеся с ними, побѣгааху от них, а турки вскрычааху на них, и вскоре нападоше множество их, чающе уже одолѣвше. *Съгустившем же ся* многим турком,

о городе этом еще при Константине Великом цесаре и Льве Премудром, и возвещенное Мефодием Патарским. В шестой день мая месяца снова безверный повелел стрелять по тому же месту стены, по которому били из многих пушек уже три дня. И когда расшатали стену, ударили из большой пушки, и рухнуло много каменьев. Еще раз ударили, и обвалилась большая часть стены, и хотя уже настал вечер, турки стреляли из многих пушек в то же место, и так всю ночь, не давая горожанам заделывать брешь. Греки же в ту же ночь построили большую башту напротив пролома. Наутро же турки снова ударили из большой пушки пониже разрушенного места, и вывалилась большая часть стены, и так во второй раз, и в третий. И когда образовался большой пролом, множество людей с боевым кликом бросилось к тому месту, толкая друг друга, туда же устремились и греки из города, и стали рубиться, встретившись лицом к лицу, рыкая, словно дикие звери. И было страшно видеть дерзость и крепость сражающихся. Зустунея же снова собрал много воинов и с кличем напал на турок столь смело, что в мгновение ока сбросил их со стены и наполнил ров трупами. Амурат же некий, янычар, могучий телом, смешавшись с греками, пробился к Зустунее и начал яростно с ним рубиться. Тогда один грек, соскочив со стены, отсек ему ногу секирой и так избавил Зустунею от смерти. Флабурар же западный Амар-бей со своим полком напал на греков, и разгорелась жестокая битва. Тогда из города подоспел на помощь грекам стратиг Рахкавей со многими людьми и в яростной схватке с турками отогнал их до того места, где находился Амар-бей. Тот же, увидев, как Рахкавей беспощадно рубит турок, обнажил меч и напал на него, и оба ожесточенно рубились. Рахкавей же, встав на камень и взяв меч в обе руки, ударил противника по плечу и рассек его надвое, ибо имел в руках великую силу. Множество турок с яростными криками окружили его и рубили. Греки же всеми силами пытались его отбить, но не смогли, хотя многие из них пали; и рассекли турки Рахкавея на части, и прогнали греков в город. И зарыдали греки и пришли в отчаяние от гибели Рахкавея, ибо был он доблестный и мужественный воин и любим был цесарем. И уже когда наступила ночь, прекратилась сеча и разошлись оба войска. И турки начали снова стрелять из пушек по разрушенному месту, а горожане начали расширять башту и возводить ее по всей ширине пролома, и поместили в ней многие пушки скрытно, ибо та башта была в пределах города. Наутро же турки, увидев незаделанный пролом в стене, тотчас же ворвались и напали на греков. Греки же, обороняясь, отступили перед ними, а турки издали боевой клич и напали в великом множестве, рассчитывая, что уже одержали победу. Когда же сгрудилось много турок,

грѣки же разбѣгоша и пустиша на них пушкы и побиша много туркъ. И яко испустиша пушкы, внѣзаапу нападѣ на них из града Палеолог, стратиг сингурла, со многыми людми и бьяше их крѣпко. Въсточный же флабурар Мустафа вскорѣ наидѣ на грѣкы со многою силою, и сечааше их сурово, и прогна их в градъ, и уже хотяху стѣну отъяти. Феодор же тисячник, совокупився съ Зустунѣем, поскориша на помощ, и бысть сѣча велия, но убо туркы усиловахут ихъ. Цесарь же бяше въ притворе великия церкви со всеми боляры и стратиги, съвѣтуя о устремлении безбожнаго, глаголюще: «Се уже по вся дни непременно сѣкущеся с туркы, колико тысящ погибѣ нашого люду, и аще вперѣд такоже будет — всѣх нас погубят и град въсприимут. Но собравшеся съ избранными и назнаменавшеся, изыдѣм из града ночию в подобное врѣмя и, богу помогающу, нападѣм на них, якоже иногда Гедеон на мадиямлян, или да помрем за божиа церкви, или да избавление получим». Тако убо съвѣтующе, мнози на то укланяхуся, надѣяху бо ся на цесаря, зане вѣдяаху храбрости и силу его, велик бо бѣ зѣло и исполин силою. Кир Лука же и архидуксъ и Николай епархъ умльчаша на долгъ час и тако рекоша: «Се уже пять мѣсяць прошли, отнелиже начахом братися с туркы, просяще милость божию, и аще будеть воля его, еще можем и ины пять мѣсяць братися с ними. Аще ли же не будет божией помощи, и тако сотворим — единым часом вси погыбнем и град погубим». Великий же доместик и с ним логофет *и* ини мнози велможи съвѣщааху, да изыдеть цесарь из града, взем съ собою избранных колико мочно, на отсѣку града, не дающе турком толико дрьзостнѣ приступати къ граду, и издалѣча потрѣбная провадити; и паки: да услышав христьяне збѣруться к нѣму многые люди. И тако умышляющим им, сказаша цесарю, яко *уже* туркы взыдоша на стѣну и одолѣвают гражан. Цесарю же погнавшу напрасно и всѣм велможам и стратигом, и, минувше цесаря и велмож, стратиги поскориша на помощь и срѣтоша народ мног бѣгающе, и бья, возвращаху их. Зустунѣя же съ инѣми стратиги бьяхуся с турки уже въ градѣ, овогда побѣгающе прѣд туркы, овогда окрѣпльшеся, возвращахуся и боряхуся с ними. А ини турки, мнози мосты сотворше, на конях въѣжяху. Стратигом же всѣм, сънѣмшимся съ Зустунѣем, нападаху на турки сурово и *взвратиша ихъ* до стѣны. Но убо турком многым, вшедшим въ град, конным и пѣшцем, возвратиша паки стратиг и бьяху их нещаднѣ, съваху бо ся на них, аки дивии звѣри. И аще не бы ускорил цесарь к ним, конечная уже бѣ погыбѣль граду. Достигшу же цесарю, вопияше на своих, укрѣпляя их, и, возрыкав яко лѣв, нападѣ на туркы со избранными своими *пѣщци* и конникы, и сѣчаше ихъ крѣпко:

греки расступились, и ударили по ним из пушек, и многих убили. И когда отстреляли пушки, внезапно напал на врагов из города Палеолог, стратиг сингурла, со множеством людей и бился с ними жестоко. Восточный же флабурар Мустафа стремительно напал на греков с большими силами, и яростно рубился с ними, и прогнал их в город, и уже хотел овладеть стеной. Однако тысячник Федор, соединившись с Зустунеей, поспешил на помощь, и разгорелась ожесточенная схватка, но все же турки одолели их. Цесарь же был в притворе великой церкви со всеми боярами и стратигами, обсуждая намерения безбожного и говоря так: «Вот уже который день без устали рубимся с турками, сколько тысяч наших людей погибло, и если и дальше так будет — всех нас перебьют и город возьмут; собравшись с избранными своими, выйдем из города ночью в удобное время и, с божьей помощью, нападем на них, как прежде Гедеон на мадианитян — или умрем за божьи церкви, или добьемся избавления». Так советовал он, и многие к тому же склонялись, ибо знали храбрость и силу его; был он могуч телом и силой подобен исполину. Кир Лука архидука и епарх Николай долго молчали и сказали так: «Вот уже пять месяцев прошло с той поры, как начали воевать с турками, моля о милости божьей, и если будет воля его, то можем и еще пять месяцев сражаться с ними. Если же не будет божьей помощи и так поступим — в один час все погибнем и город погубим». Великий же доместик и с ним логофет и многие другие вельможи советовали, чтобы вышел цесарь из города, взяв с собой отборных воинов сколько можно, чтобы снять осаду и не давать туркам так дерзко приступать к городу, и со стороны получить необходимое; и еще — услышав об этом, соберутся к нему многие христиане. И пока так размышляли, донесли цесарю, что турки уже взошли на стену и одолевают горожан. Цесарь же и все вельможи и стратиги вскочили на коней, и, обогнав цесаря и вельмож, стратиги поспешили на помощь, и встретили множество бегущих людей, и с побоями возвратили их. Зустунея же с другими стратигами бился с турками уже в городе, то отступая перед врагами, то, получив подмогу, возвращался и сражался с ними. А другие турки, соорудив несколько помостов, въезжали в город на конях. Стратиги же все, объединившись с Зустунеей, напали яростно на турок и оттеснили их до стен. Однако многие турки, ворвавшись в город, конные и пешие, снова заставили стратигов отступить и ожесточенно бились с ними, набрасываясь на них, словно дикие звери. И если бы не поспешил к ним цесарь, пришел бы конец городу. Но цесарь, подоспев, кликнул, ободряя своих, и рыкнув, словно лев, напал на турок с отборными своими пехотинцами и конниками, и рубил их беспощадно:

их же бо достижаше, разсѣкаше их надвое, а иных пресѣкая на полы, не удрьжаваше бо ся меч его ни о чем. Турки же скликахуся против крѣпости его, и друг друга понюкаше на нь, и всякым оружием суляху его, и стрѣлы безчислены пущаху на нь, но убо, якоже речеся, бранныа побѣды и цесарское падѣние божиим промыслом бывает: оружия бо вся и стрѣлы суетно падаху и, мимо его лѣтающе, не улучахут его. Он же, един имѣя мѣч в руцѣ, сечаше их и, на них же возвращашеся, бежаху от него и путь ему даяху. И погна ихъ къ разрушенному мѣсту, и ту, затеснившимся, побиша их много, а иныхъ збиша из града и за рвы. И тако божиею помощью в той день цесарь избави град, и уже вечеру бывшу, турки отступиша.

Наутрия же епархъ Николай повѣле гражаномъ избьенных туркъ выметати из града и за рвы на показание безбожному, и бысть их числом, якоже рѣкоша, до 16000. И по совѣщанию взяша их туркы и пожгоша. Епарху же паки повелѣ разрушеное мѣсто все заставити дрѣвом и башту дѣлати, чающе има уже отступити, окааным. Безбожный же Магумет не тако съвѣща, но по три дни събрав баши свои и санчакбиев, тако рече имъ: «Видим убо, яко гауровѣ охрабришася на нас, и тако браняще с ними не одолѣем ихъ, понеже о единем мѣсте токмо братися, о разрушимѣм, многыми людми невмѣстно, а малыми людми — премогают нас и тако одолѣют нас. Но да сътворим пакы ягму, якоже и первие, придвинувше туры и лѣсница къ стѣнам града на многые мѣста, и, раздѣлившимся гражаном по всѣм мѣстам на сопротивление, абие приступим крѣпко къ разрушимому мѣсту». И еже съвѣща окаанный божиим попущением тако и сотвори: туры убо и лѣсници и ины козни многы приступные повелѣ уготовляти, а воином паки повелѣ братися съ гражаны. И тако бьяхуся по вся дни, не дающе гражаном опочивания.

В 20 же первый день маиа, грѣх ради наших, бысть знамение страшно в градѣ: нощи убо против пятка *освѣтися* град весь, и видѣвше стражи тѣчаху видѣти бывшее, чааху бо — туркы зажгоша градъ; и вскликаше велием гласом. Собравшим же ся людѣм мнозем, видѣша у великие церкви Премудрости божиа у вѣрха из вокон пламеню огнѣну велику изшедшу и окружившу всю шею церковную на длъгъ час. И собрався пламень въедино, пременися пламень и бысть, яко свѣт неизреченный, и абие взятся на небо. Онѣм же зрящим, начаша плакати грько, впиюще: «Господи помилуй!». Свѣту же оному достигшу до небесъ, *отврьзошася* двѣри небесныя и, приявше свѣтъ, пакы затворишася. Наутрия же, шедше, сказааше патриарху.

кого настигал — рассекал надвое, а иных разрубал пополам, ибо ничто не могло удержать его меч. Турки же призывали друг друга воспротивиться силе его и напасть на него, и всякое оружие метали в него, и стрелы бесчисленные в него пускали, но, как говорится, победа в бою и поражение царское по божьему промыслу свершается: оружие все и стрелы попусту падали и, пролетая мимо, не задевали его. Он же, имея лишь меч в руке, рубил их, и те, на кого он нападал, обращались в бегство и расступались перед ним. И погнал их к разрушенному месту, и здесь их, стеснившихся в узком проломе, перебили множество, а иных вытеснили из города и за рвы. И так с божьей помощью в тот день цесарь избавил город, и когда наступил вечер, турки отступили.

Наутро же епарх Николай приказал горожанам выбросить за стены и за рвы убитых турок, чтобы увидел их безбожный, и было числом их, как говорят, около шестнадцати тысяч. И, посовещавшись, собрали турки трупы и сожгли. Епарху же цесарь снова повелел заделать бревнами разрушенное место и построить башту, надеясь, что уже отступят они, окаянные. Но безбожный Магомет не так думал, но три дня спустя, собрав башей своих и санчакбеев, сказал им: «Видим, что гяуры набрались храбрости, и так, сражаясь с ними, не одолеем их, ибо в одном-единственном месте — в проломе — трудно сражаться множеству людей, а если в небольшом числе выходим, то превосходят нас силой и одолевают. Но снова пойдем на приступ, как и в первый раз, придвинув туры и лестницы к городским стенам во многих местах, и, когда разойдутся горожане по всей стене, чтобы воспротивиться нам, снова приступим всей силой к разрушенному месту». И как решил окаянный, так и сделал по-божьему попущению: приказал готовить туры и лестницы и другие осадные орудия, а воинам приказал снова биться с горожанами. И так бились день за днем, не давая горожанам отдыха.

В двадцать первый же день мая за грехи наши явилось страшное знамение в городе: в ночь на пятницу озарился весь город светом, и, видя это, стражи побежали посмотреть, что случилось, думая, что турки подожгли город, и вскричали громко. Когда же собралось множество людей, то увидели, что в куполе великой церкви Премудрости божьей из окон взметнулось огромное пламя, и долгое время объят был огнем купол церковный. И собралось все пламя воедино, и воссиял свет неописуемый, и поднялся к небу. Люди же, видя это, начали горько плакать, взывая: «Господи помилуй!» Когда же огонь этот достиг небес, отверзлись двери небесные и, приняв в себя огонь, снова затворились. Наутро же пошли и рассказали обо всем патриарху.

Патриархъ же, собрав боляр и совѣтников всѣх, поиде къ цесарю, и начаше увѣщавати его, да изыдеть из града и съ царицею. И яко не послуша их цесарь, рече ему патриархъ: «Вѣси, о царю, вся прежереченная о градѣ сем. И се нынѣ пакы ино знамение страшно бысть: свѣт убо он неизрѣченный, иже бѣ съдѣйствуя въ вѣлицѣй церкви божия Премудрости съ прежними свѣтилникы и архиерѣи вселенскими, такоже и ангелъ божий, его же укрѣпи богъ при Устиянѣ цесари на съхранение святыа великиа церкви и граду сему, в сию бо нощь отъидоша на небо. И се знаменуеть, яко милость божиа и щедроты его отъидоша от нас, и хощет бог предати град нашь врагом нашим». И тако прѣдстави ему онѣх мужей, иже видѣша чюдо, и яко услыша цесарь глаголы их, падѣ на землю яко мертвъ и бысть безгласен на мног час, едва отольяше его араматными водами. Вставшу же ему, рече патриарху и всѣм боляром, да запрѣтят с клятвою онѣм людѣм, да не възгласят сия народом, яко да не отпадуть въ отчаяние и ослабѣют дѣлами. Патриархъ же паки начат крѣпко увѣщевати цесаря, да изыдет из града, тако же и боляре всѣ, глаголюще ему: «Тебѣ, цесарю, изшедшу из града съ елицыми всхощеши, паки, богу помогающу, мочно есть и граду помощи, и ины грады и вся земля надѣжу имѣюще, тако вскорѣ не предадутся безвѣрным». Он же не уклонися на то, но отвѣщеваше им: «Аще господь богъ нашь изволи тако, камо избѣгнѣм гнѣва его». И паки: «Колико цесарей прежде менѣ бывшеи, велицы и славны, тако пострадааша и за свое отчество помроша; аз ли пакы послѣдней сего не сътворю. Ни, господи мои, ни, но да умру здѣ с вами». И отступи от них. Зустунѣя же паки, пришедше со инѣми боляры, много увѣщевааху цесаря со слезами и рыданием, да изыдет из града. И не послуша их.

В 2-й же день, егда услышаша людие отшествие святаго духа, абие растаяшася вси, и нападѣ на нихъ страх и трѣпет. Патриархъ же бяше укрѣпляа их и учаще не отпасти надѣжею. «Но *дерзайте* убо, чада, дрьзайте,— глаголаше,— и на господа бога спасениа нашего возложим и к нему руцѣ и очи от всѣя душа возвѣдем, и той нас избавить от врагов наших и вся сущая на нас вражия совѣщания ражденеть». Сицѣвыими и ины многыми бяше укрѣпляа народа. И тако съ святители и всеми съборы, вземше священныа иконы, обхожааху по стѣнам града по вся дни, просяще милости божию, со слѣзами глаголюще: «Господи боже нашь, безсмертный и безначалный, съдѣтелю всѣя твари, видимыя и невидимыя, иже нас ради, неблагодарных и злонравных, сшед съ небесе, воплотився и кровь свою за ны пролья, призри убо и нынѣ, владыко и царю, от святаго жилища

Патриарх же, собрав бояр и всех советников, пошел к цесарю и стал уговаривать его покинуть город вместе с царицей. И когда не внял ему цесарь, сказал патриарх: «Знаешь, о цесарь, обо всем предсказанном городу этому. И вот ныне опять иное страшное знамение было: свет неизреченный, который в великой церкви божьей Премудрости сопричастен был прежним святителям и архиереям вселенским, а также ангел божий, которого ниспослал, укрепляя нас, бог при Юстиниане-цесаре для сохранения святой великой церкви и города этого, в эту ночь отошли на небо. И это знаменует, что милость божья и щедроты его покинули нас, и хочет бог предать город наш врагам нашим». И тут представил ему тех мужей, которые видели чудо, и когда услышал цесарь их рассказ, пал на землю, словно мертвый, и пролежал безгласный долгое время, едва привели его в чувство ароматными водами. Когда же встал он, то сказал патриарху и всем вельможам, чтобы запретили под клятвой тем людям рассказывать обо всем народу, чтобы не впали люди в отчаяние и не ослабели в деяниях своих. Патриарх же снова начал настойчиво уговаривать цесаря, чтобы он покинул город, и все вельможи также говорили ему: «Ты, цесарь, когда уйдешь из города с теми, с кем захочешь, с божьей помощью сможешь и городу помочь, и другие города и вся земля обретут надежду и в скором времени не отдадутся неверным». Он же не согласился на это, но отвечал им: «Если господь бог наш соизволил так, где скроемся от гнева его?» И еще: «Сколько цесарей, бывших до меня, великих и славных, также пострадали и погибли за свое отечество, неужели я, последний, не сделаю этого? Нет, господа мои, нет, но да умру здесь с вами». И отошел от них. Зустунея же снова, придя с несколькими вельможами, долго уговаривал цесаря, со слезами и рыданием, уйти из города. И не послушался он их.

На другой же день, когда услышали люди, что покинул их святой дух, растерялись все, и охватил их страх и трепет. Патриарх же укреплял их дух и убеждал не оставлять надежды. «Исполнитесь решимости, чада, дерзайте,— говорил,— и на господа бога возложим надежду на избавление наше, и к нему простреем руки и устремим взоры от всего сердца, и он избавит нас от врагов наших и все вражеские умыслы разрушит». Такими и иными подобными словами укреплял он дух народа. И так со святителями и со всем причтом, взяв священные иконы, ежедневно обходил весь город по стенам, взывая к милости божьей, со слезами возглашая: «Господи боже наш, бессмертный и безначальный, создатель всего живого, зримого и невидимого, который нас ради, неблагодарных и злонравных, сойдя с небес, воплотился и кровь свою за нас пролил,— воззри на нас и ныне, владыка и царь, из святого жилища

твоего на смерѣнныа рабы твоа, и приими грѣшное наше моление, и приклони ухо твое и услыши глаголы наша, конѣчне погыбающих. Согрѣшихом бо, господи, согрѣшихом на небо прѣд тобою, и мерскими дѣлы и студными всячскы себѣ непотрѣбны сътворше небу и земли, и тоа самыя врѣменныя жизни, и нѣсмя достойны възрѣти на высоту славы твоеа, озлобихом бо твою благодать и разгнѣвахом твое божество, преступающе и препирающи твоих заповедѣй и не послушающи твоих повелѣний. Но убо сам, цесарю и владыко, чловѣколюбец и незлобив сый, долготрьпѣлив же и многомилостивъ, пророком своим рек, яко «Хотѣнием не хощу смерти грѣшнику, но яко еже обратитися и живу быти»; и пакы: «Не приидох праведных призвати, но грѣшных на покаание». Не хощеши бо, владыко, создание твоих рук погубити, ниже благоволиши о погибели чловѣчестѣй, но хощеши всѣм спастися и в разум истинный приити. Тѣм же и мы, недостоинии, создание и творение твоего божества быв, не отчаваемся своего спасениа, на твое же безчислѣнное благоутробие надѣяся, припадаем и вслѣдуем, всем сердцемъ молим и ищем милость твою. Пощади, господи, пощади, их же искупил еси животворною кровию своею, и не предай же нас врагом и суперником владычствиа твоего, и избави нас от обьстояниа днешняго и обышедших ны зол и напастѣй. Свободи по множеству милости твоеа, и изми нас по чюдесѣм твоим, и даждь славу имени твоему, да посрамяться врази твои и да постыдяться от всякыя силы, и крѣпость их да сокрушиться, да разумѣют, яко ты еси богъ нашь, господь Иисус Христос, въ славу богу отцу».

Таковыми убо и иными многыми молебными глаголы по вся дни молящеся, чааху спасениа своего, тако и вси людие бяху притычюще къ святым божиим церквам, плачуще и рыдающе, и руце на небо воздѣюще, *просяще* у бога милость. Но убо елико преже благодатѣй и даров божиих и пречистыа богоматери благодѣяний сподоблени быхом, толико нынѣ, грѣх ради наших, помилованиа и щедротъ божиих лишени быхом. «Егда бо,— рече,— простретѣ рукы ваша къ мнѣ — отовращу *очи* мои от вас, а и аще придѣте явити ми ся — отовращу лице свое от вас». И паки: «Елико сътвориши, елико дѣлаеши — ненавидит сия душа моа». Таковым убо отвѣтом и мы нынѣ, грѣх ради наших, уподобихомся, и молбы и молениа наша неприятна суть богови.

Туркы же, якоже предирекохом, по вся дни брань творяще гражаном, не почиваауху. А окаанный Магумет, собрав воин своих, раздѣли имъ мѣста къ приступу: убо карачбѣю противу цесарскых полатъ и дрѣвяных врат и Калисариа, а бегиларбѣем — восточному — противу Пигии и Златаго

твоего, на смиренных рабов твоих, и не отвергни грешных наших молений, и склони ухо свое и услышь нас, находящихся на краю гибели. Ибо согрешили мы, господи, согрешили перед небом и перед тобой, и мерзкими делами и бесстыдными всячески себя осквернили перед небом и землей в этой преходящей нашей жизни, и недостойны воззреть на высоту славы твоей, ибо ожесточили твое благоволение и разгневали твое божество, и презрели твои заветы и не послушали твоих велений. Но ты же сам, цесарь и владыка, человеколюбец, незлобивый, долготерпеливый и многомилостивый, возвестил через пророка своего: «Не хочу по воле своей смерти грешнику, но если обратится ко мне, да будет жив»,— и другое: «Не пришел я праведников призвать, но привести к покаянию грешников». Ведь не хочешь ты, владыка, погубить творение рук твоих и не жаждешь погибели людской, но хочешь, чтобы все спаслись и обратились к истине. Поэтому-то и мы, недостойные, будучи созданием и творением твоего божества, не теряем надежды на свое спасение, и, уповая на твое беспредельное милосердие, припадаем к тебе, и следуем за тобой, всем сердцем молим и жаждем милости твоей. Пощади, господи, пощади тех, кого искупил ты животворной кровью своей, и не предай нас врагам и супостатам владычества твоего, и избавь нас от осады этой и окруживших нас зол и напастей. Освободи по великой милости своей, и спаси нас чудесами твоими, и прославь имя свое, да будут посрамлены враги твои и примут позор от всякой силы, и могущество их да сокрушится, да уразумеют, что ты — бог наш, господь Иисус Христос, во славу богу-отцу».

Вот такими и многими другими молитвенными словами день за днем молились, надеясь на спасение свое. Также и все люди стекались к святым церквам божьим, плача и рыдая и руки к небу простирая, моля у бога милости. Но если прежде стольких благодатей и дарований божьих и пречистой богоматери благодеяний сподобились, то теперь, грехов ради наших, милости и щедрот божиих лишились. «Когда же,— говорит,— простреете руки ваши ко мне, то отведу глаза свои от вас, а если и придете предстать передо мной — отверну лицо свое от вас». И другое: «Что ни сотворишь, что ни сделаешь — все ненавистно душе моей». Вот такого же ответа и мы заслужили грехов ради наших, и мольбы наши и молитвы чуждыми остались богу.

Турки же, как было сказано раньше, ежедневно бились с горожанами, не зная сна. А окаянный Магомет, собрав воинов своих, распределил среди них места для приступа: карачбею напротив императорского дворца и деревянных ворот и Калисария, а бегиларбеям — восточному — против Пиги и Золотого

мѣста, а западному — противу Хорсуни всѣя. Сам же безвѣрный нарек себя посреди ихъ, противу врат святаго Романа и разрушеннаго мѣста. Столу же морскому Балтауглию и Загану — обѣ стенѣ от моря, яко да окружат всь град и в едино врѣмя и в един час ударити бранию на град по земли же и по морю. И тако урядив сквѣрный.

В 26 день маия, проповѣдником их откликавше сквѣрную свою молитву, абие взкрычавше всѣ воинство скакаху къ граду. И прикативше пушкы, и пищали, и туры, и лесница и грады древяные, и ины козни стѣнобитныя, им же не бѣ числа. Тако же и по морю придвинувше корабли и катарги многыа, и начаху бити град отвсюду, и мосты на рвѣх нарѣжати, и яко уже збиша съ стѣн всих гражан, въскорѣ придвинувше грады дрѣвяные и туры высокиа и лесница тмочисленыа, нужахутся силою взойти на стѣну, и не даша им грѣкы, но сѣчаахуся с ними крѣпко. Баши же, и воини и нарядчики их понужающе туркъ и бьюще их, въсгликааху и вопиаху на них. Магумет же окаанный со всѣми чины врат своих, заиграв въ всѣ игры и в тумбаны, и вопли великими возшумѣша, аки буря силная, и приидѣ на полое мѣсто и таким суровством мняше бо внѣзаапу похитити град. Стратигом же многим преспѣвшим зъ Зустунѣею на помощ, бьяхуся с турки крѣпко, и бысть пагуба велиа гражаном. Но убо еще часу суда не приспѣвшу, премогахуся с ними. Цесарь же и велможи с ними скакааху по всѣму граду, плачуще и рыдающе, молящеся боляром, и стратигом, и воином всим, тако и всему народу, да не отпадуть надѣжею ни да ослабѣют дѣлом, но *дѣрзостию* и вѣрою несумнено братися съ врагы, и господь богъ поможет ны. И повелѣ звонити по всему граду на *собрание* людѣм. И собравшеся всѣм людѣм по стѣнам, бьяхуся с туркы, и бысть сѣча велия, яко страшно и жестоко видѣти обоих дрьзость и мужества.

Патриархъ же со всѣми съборы бяше въ святѣй велицѣй церкви, неотступнѣ моля бога и пречистую его богоматерь о поможении и укрѣпление на врагы. Егда же услыша звону, вземше божествѣныя иконы, изыдѣ прѣд церковь, и ста на молитву, осѣняюще крестом весь град, и рыдающе и глаголюще: «Вскресни, господи боже, и помози нам, конечне *погыбающим,* и не отрыни людий своих до конца, и не дай же достояниа твоего в поношение сыроядцем сим, да не рекут: «Гдѣ есть богъ их?», но да познают, яко ты еси богъ наш, господь Иисус Христос, въ славу богу-отцу». Сицѣ и къ святей богоматере возглашающе: «О всѣсвятаа владычицѣ, стани, руцѣ въздѣв къ сыну своему, богу нашему, и утиши, владычицѣ, иже на нас гнѣв божий и пагубу,

места, а западному — напротив всей Корсуни. Сам же безверный объявил, что станет напротив ворот святого Романа и разрушенной стены. Столу же морскому Балтауглию и Загану — обе стены со стороны моря, чтобы окружить весь город и в одно и то же время, в один и тот же час ударить по городу и с суши и с моря. И так назначил нечестивый.

В двадцать шестой день мая, едва муллы их откричали скверные свои молитвы, тотчас же, возопив, с боевым кличем, ринулось все войско на город. И подкатили пушки, и пищали, и туры, и лестницы, и деревянные башни, и иные орудия стенобитные — всему этому нет числа. Также и с моря приблизились корабли и многие катарги, и начали обстреливать город отовсюду, и возводить мосты через рвы, и как только вынудили горожан отступить со стен, тут же придвинули деревянные башни и туры высокие и бесчисленные лестницы, пытаясь силой взобраться на стены, и не дали им греки, но яростно бились с ними. Баши же, и воины, и начальники их силою гнали турок, избивая их, призывая и угрожая. Магомет же окаянный со всеми чинами врат своих, под звуки всех музыкальных инструментов и тимпанов, с громкими кликами, подобными реву бури, приступил к разрушенному месту стены и в такой грозной силе рассчитывал быстро захватить город. Но многие стратиги с Зустунеей подоспели на помощь, мужественно бились с турками, и немалая тягота была горожанам. Но еще не настал судный час, и еще могли сопротивляться врагам. Цесарь же в окружении вельмож объезжал весь город, с плачем и рыданием моля вельмож, и стратигов, и всех воинов, и весь народ, чтобы не теряли надежды, не поддавались слабости в деле своем, но с отвагой и непоколебимой верой боролись бы с врагами, и поможет им господь бог. И повелел звонить в колокола по всему городу, сзывая людей. И собрались все люди на стены, сражаясь с турками, и разгорелась яростная битва, так что страшно было видеть дерзость и мужество сражающихся.

Патриарх же со всем причтом находился в святой великой церкви и неустанно молил бога и пречистую его богоматерь о помощи и даровании силы против врагов. Когда же услышал звон, то, взяв божественные иконы, вышел перед церковью и стал на молитву, осеняя крестом весь город и с рыданиями возглашая: «Воскресни, господи боже мой, и помоги нам, совсем уже погибающим, и не отвергни людей своих до конца, и не дай на поношение сыроядцам этим достояния своего, да не спросят они: «Где же бог их?» — но да узнают, что ты — бог наш, господь Иисус Христос, во славу богу-отцу». Также и к святой богоматери обратился: «О всесвятая владычица, стань, руки воздев к сыну своему, богу нашему, и укроти, владычица, божий гнев на нас и отведи погибель, —

уже бо, пресвятаа госпоже, при устѣх адовѣх есмя; поскори, о всемилостивая и человѣколюбивая мати, и измий нас, обьемше дѣсною ти рукою, преже даже не пожрет ны адъ, яко да и всѣм прославиться и возблагодарить все святое и великолѣпное имя твое».

Сице вопиюще и моляся не престааху, царю же преспѣвшу к полому мѣсту, и видѣвъ брань тяжчайшу, ста и сам ту и вси велможи, и яко сказаша ему безбожнаго устремленье, абие возопи к воином, плачюще: «О братиа и друзи! Нынѣ врѣмя обрѣсти славу вѣчную за церкви божиа, за православную вѣру, и сотворити что мужьствѣное на память послѣдним». И ударивъ фарис, хотяше бо проскочити разрушеное мѣсто и доступити Магумѣта на отомщение крови христьянъские. И яша его велможи и оружники пѣсца нужею, занѣ нѣвмѣстно бѣ дѣло, Магумѣтю безбожному в силѣ тяжьсцѣ сущу. Цесарь же, обнаживъ мѣч, обратися на турки, и якоже кого достигаше мечем по раму или по рѣбром — пресѣкаше ихъ, турки же, ужасшися крѣпости царевы, бѣжаху и разлучахуся. Стратиги же и воины и вси людие, очютивше своего цесаря, охрабришася вси и скакаху на турки акы дивии звѣри. И тако пробиша и за рва. Магумет же ста крѣпко и повелѣ туркъ, бьяше, возвращати на грѣкы, и бысть сѣча премрачна, зане стрелы их *помрачиша* свѣт. Грѣкы же пакы съ обеих стран стены мѣтаху на турки смолы горячие и смолья пучмы великыи зажигающе. И уже солнцу зашедшу и нochи наставши, сѣча же не преста, но огни безчислѣные безбожный сотворше, сам скакаше по всѣм мѣстом, крыча и вопиа, понужающе своих, чааше иже пожрети град. Но убо грѣки и прочие люди сущеи на стѣнах, огражашеся дрьзостию, впияху друг другу: «Поскорим, братие, на осуженое мѣсто и помрем за святыа церкви». И тако сѣчахуся крѣпко с турки до полунощи и съгнаша их съ забрал и съ градовъ их на землю, и преста сеча. Но нѣ отступиша отъ града окаянныи, брѣгуще своих градов и иных align кознѣй. Наутриа же греки возхотѣша зажещи в многих мѣстехъ козни их и грады дрѣвяные, и не даша им турки стрѣлянием многым из луков и из пищалей. Падение же обоих стран, а наипаче ранных — кто можеть исчести.

От дѣвятое же годины *того* дни паки безвѣрный повелѣ бити град возлѣ разрушеного мѣста изо многых пушек и пищалей. И навадивше пушку болшую, удариша в башту, тако и в другие, и в третьи, и разбиша башту, *и тако проиде той день.* Ночи же наставши, Зустунѣа паки съ всѣю дружиною и фряги всѣ начаша башту съзидати. Христьянское же согрѣшенье не возхотѣ се, но, прилѣтев ис пушки, ядро камѣнное

уже ведь, пресвятая госпожа, мы в пасти адской; поспеши, о всемилостивая и человеколюбивая мать наша, и спаси нас, обняв правой своей рукой, прежде чем поглотит нас ад, чтобы перед всеми прославлено было и возблагодарено святое и прекрасное имя твое».

Пока так взывали и молились не переставая, цесарь подоспел к разрушенному месту и, видев ожесточенную битву, остался здесь сам со всеми вельможами своими, и когда поведали ему о натиске безбожного, с плачем воззвал он к воинам: «О братья мои и друзья! Ныне настало время обрести славу вечную за церкви божьи, за православную веру, и явить мужество перед лицом потомков». И, пришпорив коня, хотел пробиться через разрушенное место и добраться до Магомета, отомстить ему за кровь христианскую. Но силой удержали его вельможи и пешие воины, ибо немыслимо было это дело, так как Магомет безбожный был с несметной силой. Цесарь же, обнажив меч, напал на турок и кого ударял мечом по плечу или по груди, того рассекал пополам; турки же, в ужасе перед силой цесаря, бежали врассыпную. А стратиги, и воины, и весь народ, видя своего цесаря, исполнились храбрости и бросались на турок, словно дикие звери. И так прогнали их за ров. Магомет же стал недвижимо и приказал побоями возвращать турок на греков, и шла битва в сумраке, ибо стрелы затмевали свет. Греки же снова по обе стороны стены лили на турок горячую смолу и бросали горящие вязанки смолистого хвороста. И даже когда зашло солнце и настала ночь, битва не прекращалась, так как приказал безбожный зажечь бесчисленные факелы и сам скакал повсюду, крича и взывая, понукая своих, рассчитывая поглотить город. Однако греки и остальные люди, находившиеся на стенах, огражденные доблестью, кричали друг другу: «Поспешим, братья, на суженое место и умрем за святые церкви». И так бились крепко с турками до полуночи и сбросили их с забрал и со стен на землю, и прекратилась битва. Но не отступили от города окаянные, охраняя свои осадные башни и иные орудия. Наутро же греки попытались во многих местах поджечь осадные орудия их и башни деревянные, и не дали им этого сделать турки, непрестанно обстреливая из луков и пищалей. Убитых же с обеих сторон, а тем более раненых никто не смог бы сосчитать.

В девятом часу того дня безверный снова приказал обстреливать стену вокруг разрушенного места из многих пушек и пищалей. И изготовили пушку большую, ударили в башту, также и второй раз, и третий, и разрушили башту. И так прошел этот день. Когда же настала ночь, Зустунея снова со всей дружиной и с фрягами начал возводить башту. Но по грехам христианским не удалось это: ибо прилетело каменное ядро из пушки и,

на излетѣ и удари Зустунѣа по персѣм и разрази ему перси. И падѣ на землю, едва его отльяша и отнесоша и в дом его. Боляре же и вси людие и фряговѣ, иже бѣша с ним, растаахау и не вѣдааху, что сотворити. Се же бысть изволѣнием божиим на конѣчную погибѣль граду, понѣже полое оно мѣсто он храняше великою силою и мужеством, храбръ бо бѣ, и мудръ, и ратному дѣлу преискушен. Егда же сказаша цесарю, абие распадѣся крѣпостию и истаяше мыслию, и скоро поидѣ к нѣму, такоже и патриархъ и вси велможи и врачевѣ, утѣшающе его, хотяху бо, аще бы мощно было, душа своа вдунути в него. Обьяше бо их скорбь и пѣчаль велиа о нем, занеже братом его имѣяше цесарь, многыя ради вѣры его и бодрости. Врачевѣ же чрес всю ону нощ тружахуся о поможении его и едва исправиша ему грудь, вшибленое мѣсто от удара. И абие отдохнул отъ болезни. И даша ему мало брашна и питие, и тако опочи той нощи.

Оставшей же дружинѣ его у башты, създидааху башту, но нѣ успеша ничтоже. Зустунѣя же пакы повелѣ сѣбя нести тамо и начат дѣлати башту съ усердием великим. Но дню уже преспѣвшу, егда видѣша туркы башту дѣлающих, вскорѣ пустиша на них изо многых пушек и не даша им дѣлати. Онѣм же постанившимся от пушек, вскорѣ наскачиша множество туркъ на полое мѣсто, такоже и грѣки против, и бысть брань велиа. Флабурар же некый со многыми срачины яростнѣ нападѣ на грѣки, в них же бяху 5 страшных возрастом и взором, и бьяху гражан нещадно. Тако же из града протостратор и сынъ его Андрѣй со многими людми поскориша на турки, и бысть сѣча ужасна. Видѣвша же съ стѣны три братеники пять мужей онѣх срачин, бьюще тако силнѣ гражан, скачиша съ стѣны, нападоша на них и сечахуся с ними лютѣ, яко удивитися турком и не дѣяти их, чающе убиеным быти от *них*. И убиша *гражане* дву срачин. Тако, въскричав, *нападоша* на них множество туркъ, онѣм же, обраняющеся от них, уидоша в град. Бяху же трие ты инафтыи един грѣчин, а другый угрин, а третий арбонаш. О полом же мѣсте сеча не преста, но паче растяше, турком бо *в* велицѣй силѣ приступлше, сечахуся и погоняху гражан сурово. Стратиги же и велможи вкупѣ съ Зустунеем мужествоваху крѣпко, и падоша множество людий от обоих странъ. Но еже богъ изволи, тому не преити: прилѣтевшу убо склопу, и удари Зустунѣа и сразн ему дѣсное плѣчо, и падѣ на землю аки мертвъ. И падоша над ним боляре его и вси людие, крыча и рыдая, и поношаше его проч, тако и фряговѣ вси поидоша за ним. Туркы же, слышав рыдание и смятѣние людцкаго, абие възкличав, напустиша всеми полкы и потопташа гражан и вгнаша их в град, бья

падая, ударило Зустунею в грудь и разбило ему грудь. И упал на землю, едва его отлили водой и перенесли в дом его. Бояре же, и все люди, и фряги, бывшие подле него, растерялись и не знали, что же делать. Это случилось по изволению божьему на полную погибель городу, ибо это разрушенное место он оборонял благодаря великой силе своей и мужеству, ибо храбр был, и умен, и искушен в ратном деле. Когда же сказали о том цесарю, покинула сила его и смешались мысли, и поспешно отправился к нему, а также патриарх, и все вельможи, и врачи; и утешали Зустунею, и готовы были, если бы было можно, свою душу вдунуть в его тело. Ибо охватила их скорбь и печаль великая о нем, так как цесарь почитал его как брата за его верность и твердость духа. Врачи же всю ночь протрудились, помогая ему, и немного подлечили ему грудь, пострадавшую от ушиба. И тогда отпустила его боль. И дали ему немного поесть и попить, и так заснул он в ту ночь.

Соратники же его, оставшиеся возводить башту, мало что успели. Зустунея же снова приказал отнести себя туда, и начали строить башту с великим усердием. Но уже настал день, и когда турки увидели возводящих башту, тут же обстреляли их из многих пушек и не дали им строить. Когда же попрятались греки от пушечного огня, тут же бросилось множество турок к разрушенному месту, а греки — им навстречу, и завязалась ожесточенная битва. Флабурар же некий с многими сарацинами яростно напал на греков, и было среди них пятеро огромных ростом и страшных с виду, и рубили они горожан беспощадно. Из города же выступили поспешно против турок протостратор и сын его Андрей со многими людьми, и началась яростная сеча. Тогда три воина-побратима, увидев со стены, что сарацины истребляют горожан, сбежали оттуда, напали на турок и яростно схватились с ними, а те, ошеломленные, не сопротивлялись им, страшась быть убитыми. И сразили горожане двух сарацинов. Тогда с боевым кличем набросилось на них множество турок, они же, защищаясь от них, отступили в город. Были же те трое: один — грек, другой — венгр, а третий — албанец. Но не прекратилось сражение у разрушенного места, а все разгоралось, ибо турки пришли в великом множестве, рубились и упорно теснили горожан. Стратиги же и вельможи вместе с Зустунеей доблестно мужествовали, и пало немало людей с обеих сторон. Но что изволил бог, тому не миновать: метнули копьем и попали в Зустунею, и ранили его в правое плечо, и упал тот на землю, словно мертвый. И склонились к нему бояре его и все люди, стеня и рыдая, и унесли его оттуда, и все фряги пошли вслед за ними. Турки же, услышав рыдание и увидев смятение среди людей, снова с кликом напали всеми силами, и расстроили ряды горожан, и оттеснили их в город, сражая

и сеча их. Видѣв же стратигы и вси гражанѣ болма пребывающих туркъ, начаша бѣжати, и егда постигахут их нужею, возвращахуся и боряхуся с ними. И погыбель конечная уже бѣ постигла град, аще бы не поскорилъ цесарь со избранными своими. Царю же приспѣвшу, срѣте Зустунѣа еще жива суща, и возплакася о немъ горко, и начаша возвращати фрягъ с молением и рыданием, и не послушаше его. И, пришед, *поношаше* своих *о* слабости их и *немужествѣ*, и абие возвращаше бѣгающих, а самъ нападѣ на туркы и, понюкнувъ своим, внидѣ в ратных, бьяше ихъ мечемъ по плещу и по рѣбром; аще и по коню ударить — падаху подъ ними, и не удрьжеваше бо мечь его ни збруи, ни конская сила. Туркы же искликахуся и другъ друга понюкаше на нь, сам же не смѣяше. Оружия же, иже мѣтаху на нь, якоже прѣди рѣкохомъ, вся суетно *падаху* и мимо его лѣтающе, *не* улучахуть его, еще убо часу не преспѣвшу. *Он* же на нихъ возвращашеся, бѣжаху от него, и разлучахуся, и даяхут ему путь. И тако прогнаша турковъ к полому мѣсту, и *сгустившимся* ту *множеству* народу, побиша их гражане безчислено, закалаху бо их аки свинѣй, дондеже проидоша полое мѣсто, а иже бѣжаша на сторону по улицам — тамо побьени быша. И тако божиим промыслом в той день избавися град: турки бо отъидоша от града, а гражане же падаху опочивати, и не бѣ тоя нощи ничесоже.

Цесарь же с патриархом и вси воини поидоша в великую церковъ и возблагодариша бога и пречистую его матерь и похваляху цесаря. И тако неции сказаша яко и сам цесарь в сердци своем вознесеся, но и отшествие *поганых* чаяху, не вѣдаху бо божие изволение. Магумет же, видѣвъ толикое падѣние своих и слышав цесареву храбрость, тоя ночи не спа, но совѣтъ велий сотвори: хотяше бо тоя ночи отступити, зане уже и *морский* путь преспѣ и корабли многые придут на помощ граду. Но да збудеться божие *изволение*, съвѣт той не съврьшися. И яко уже о семой годинѣ тоя ночи начат наступати над градом тма велиа: воздуху убо на аере огустившуся, нависеся надъ градом плачевным образом, ниспущаше аки слѣзы капли велици, подобные величеством и взором буйвалному оку, червлѣны, и терпяху на земли на долгъ час, яко удивитися всем людем и в тузе велицей и во ужасе быти.

Патриярхъ же Анастасие вскоре собрав весь клирик и синклит, поидѣ къ цесарю и рече ему: «Свѣтлейший цесарю, вся прежереченная о градѣ сем добрѣ веси, тако и отшествие святаго духа видѣ. И се пакы нынѣ тварь проповѣдует погибели града сего. Молим тя: изиди из града, да не вси вмѣсте погинем. Бога ради изиди!» И повѣдаша ему

их и рубя. Увидели стратиги и все горожане, что все прибывает число турок, и обратились в бегство, когда же силой удерживали греков, то возвращались они и вступали в бой. И уже настал бы час погибели городу, если бы не поспешил цесарь с отборными воинами. Подоспев, цесарь застал Зустунею еще живого и горько оплакивал его, и начал возвращать фрягов с мольбами и рыданием, и не послушали его. И своих попрекал он слабостью и отсутствием мужества, и снова возвратил отступивших, а сам напал на турок и, криком ободрив своих, ворвался в ряды врагов, нанося им удары по плечам и по груди; если же и коня поражал — падал тот перед ним, и не удерживали меч цесарев ни конские доспехи, ни сила конская. Турки же, перекликаясь, побуждали друг друга напасть на него, а сами не решались. Оружие же, которое метали в него, как мы уже говорили ранее, все падало всуе и мимо него пролетало, не задевая, ибо не настал еще его час. Он же устремился на них, и побежали от него турки во все стороны, расступаясь перед ним. И так отогнали турок от разрушенного места и столпилось там множество врагов, и без числа перебили их горожане, закалывая, точно свиней, пока они проталкивались через пролом, а те, которые разбегались в разные стороны по улицам — там были перебиты. И так по божественному промыслу в тот день избавился город: турки отступили от стен, а горожане, падая на землю, тут же засыпали, и не произошло ничего в ту ночь.

Цесарь же с патриархом и все воины собрались в великой церкви, и возблагодарили все бога и пречистую его мать и прославили цесаря. И некоторые говорили, будто бы и сам цесарь в сердце своем возгордился, и даже понадеялись на отступление поганых, не ведая божественной воли. Магомет же, видя, что столько его воинов пало, и прослышав о храбрости цесаря, не спал в ту ночь, но собрал большой совет: хотел уже в ту ночь отступить, ибо и морской путь открылся, и много кораблей могло прийти на помощь городу. Но чтобы свершилась воля божья — не суждено было тому сбыться. Когда наступил седьмой час ночи, распростерся над городом глубокий мрак: воздух в высоте сгустился, навис над городом, словно оплакивая его и роняя, как слезы, крупные красные капли, подобные по величине и по виду буйволовым глазам, и оставались они на земле долгое время, так что дивились все люди и пришли в отчаяние великое и ужас.

Патриарх же Анастасий, тотчас же собрав весь клир и синклит, пошел к цесарю и сказал ему: «Светлейший цесарь, все прежде возвещенное о городе этом ты хорошо знаешь, также и отшествие святого духа видел. И вот сейчас стихии возвещают гибель города сего. Молим тебя: покинь город, да не погибнем все вместе. Бога ради — уходи!» И напомнили ему

много дѣяний прежних цесарей сим подобна. Тако же и клирик весь и сунклит много глаголаше ему, да изыдет из града. И не послушаше их, но отвѣщаваше им: «Воля господня да будетъ!»

Магумет же окаанный, яко видѣ тму велию над градом, созва книжник и молнъ и вопроси их: «Что есть сия тма над градом?» И рекоша ему: «Знамение велико есть и граду пагуба». Он же, безбожный, повелѣ вскоре уготовити вся воя и пусти напред тмочисленыи оружникы пѣсца, и пушки, и пищали, и за ними всѣ войско. И прикатив против полого мѣста начаша бити о всем том мѣсте, и яко отступиша далѣче гражанѣ от полого мѣста, поскориша песца очистити путь ратным и рвы изровняти. И тако напустиша туркы всеми полкы и потопташа гражан, конником мало сущим. Стратигом же и мегистаном и всим конником приспѣвшим, покрѣпиша народ и боряхуся с турки. Цесарю же пригнавшу со всеми велможи и со избранными своими конники и песца оружники, и нападѣ на турки, уже многу суще войску внутри града, и смешався с ними, сечахуся тяжким и звѣрообразным рвением и прогнаша их к полому мѣсту. Бегиларбей же восточный, велику сущу и *мощну,* воскричав со всѣю силою восточною и нападѣ на грѣки, и размѣси полки их, и прогна их, и, взем копие, напусти на цесаря. Цесарь же, подав ему щит, отвѣде ему копие и, ударив его мечем въ главу, и разсече его до сѣдла. И абие возопиша турки многими гласы и, падши, отъяша его и отнесоша. Цесарь же, пригласив своих, со восклицанием многым внидоша во все полки их, и, бья их, прогнаша из града.

Но карачбѣю баше, собравшу множество войска, придѣ гуфою и гордостию великою на полое мѣсто, и внидѣ в град, и прогна цесаря и всих гражанъ. Цесарь же, паки помолився стратигом и всим мѣгистаном и вельможам, тако и народу, укрѣпи их и, возвратився, нападоша на турки, уже отлосше живота, и паки прогнаша их из града. Но аще бы горами подвизали, божие изволение не премочи: «аще бо,— рече,— не господъ созиждеть храм, всуе тружаемося жиждущеи». Турком убо множеством много суще, пременяхуся на брань, гражаном же всѣгда единым; отъ многаго труда изнемогаху и падаху, аки пияни. Тако же и цесарю и всим воином ни откуда же помоч чающе, разпадоша крѣпостию и истаяша мыслию, объяша бо их скорбь и печаль велия.

Магмет же окаанный, слышав восточнаго бегиларбеа убийство, плакаше много: любляше бо его мужества ради его и разума, и возъярився, поиде сам своими враты и со всеми силами, а на цесаря повелѣ навадити пушки и пищали, бояше бо ся его, да не изыдет из града со всеми людьми

много подобных же поступков прежних царей. Так же и клир весь и синклит долго убеждали его, чтобы он покинул город. И не послушал их, но отвечал: «Да будет воля господня».

Магомет же окаянный, увидев тьму великую над городом, призвал к себе мудрецов и мулл и вопросил их: «Что предвещает этот мрак над городом?» И ответили ему: «Знамение предивное это — городу погибель». Он же, безбожный, приказал немедленно изготовить всех воинов к бою и пустил впереди бесчисленных вооруженных пехотинцев, и пушки, и пищали, а следом и все остальное войско. И, прикатив и поставив пушки напротив разрушенной стены, начали обстреливать все то же место, и когда отступили горожане далеко от пролома, поспешили воины пешие расчистить путь войску и засыпать рвы. И так надвинулись турки всеми полками и рассеяли горожан, ибо было среди тех мало конных. Стратиги же, и мегистаны, и все конники подоспели, поддержали сражающихся и вступили в бой с турками. Сюда поспешил и цесарь со всеми вельможами, и с избранными своими конниками, и с пешими воинами, и напал на турок, когда уже много врагов прорвалось внутрь города, и, смешавшись с ними, отчаянно рубился, яростью уподобляясь зверю, и отогнали их к разрушенному месту. Бегиларбей же восточный,— а был он огромного роста и могуч,— издав клич, со всеми силами восточными напал на греков, и расстроил полки их, и отогнал их, и с копьем в руке напал на цесаря. Цесарь же щитом отвел его копье и, ударив его мечом по голове, рассек до седла. И тут возопили турки в один голос, и, склонившись над ним, отбили его у греков, и унесли. Цесарь же, созвав своих, с клика ми врезался в ряды врагов и, избивая их, прогнал из города.

Но карачбей баша, собрав множество воинов, устремился со своим полком к разрушенному месту и, вступив в город, оттеснил цесаря и всех горожан. Цесарь же, снова обратившись ко всем стратигам, и всем мегистанам, и к вельможам, и к народу всему, вооружил их, и, вернувшись, напал на турок, не щадя жизни, и снова выбил их из города. Но если бы и горами могли двигать, все равно божью волю не превозмочь. «Если же,— говорится,— не господь воздвигает храм, то всуе трудятся строящие его». Турок же было многое множество, а горожане — изо дня в день все те же — от великой усталости изнемогли и падали, словно пьяные. К тому же и цесарь и все воины ниоткуда не ждали помощи, оставили их силы и ослабела воля, охватили их скорбь и печаль великая.

Магомет же окаянный, услышав, что убит бегиларбей восточный, долго его оплакивал, ибо любил его за мужество его и разум, и, разъярившись, пошел сам со своими вратами и со всеми силами, а на цесаря приказал нацелить пушки и пищали, страшась, как бы не вышел он из города со всеми людьми

и нападет напрасно на нь. И пришед безбожный ста против полого мѣста и повелѣ первое бити из пушек, из пищалей, да отступят гражане. Таче напусти Балтавулия башу со многыми полкы и три тысяща избранных и заповѣда им, да улучат цесаря, аще и до смерти постражут, или ис пищали убьют его. Стратиги же и мегистаны и вси велможи, видев устрѣмление безвѣрнаго, пришедша в силѣ тяжше, и стрѣляния *зѣлнаго,* отвѣдоша цесаря, да не всуе умреть. Онъ же, плача *горько, рече* им: «Помните слово, еже рѣх вам и обѣт положих: не дѣйте менѣ, да умру здѣ с вами». Они же отвѣщаваху: «Мы вси умрем за церкви божиа и за тебя». И, взем, отвѣдоша его от народа и много увѣщаху его, да изыдеть из града, и, дав ему конечное целование, стоня и рыдая, возвратишася вси на уреченное место.

Балтаулию же приспевшу со многою силою, стретоша его стратиги на полом мѣсте, но не возмогоша удержати его, и вниде в градъ всѣми полки и нападѣ на гражан. И бысть сеча крѣпчайшая всѣхъ прежних, и падоша стратиги и мегистаны и вси велможи, яко ото многых мало отъидоша на извѣщение цесарю, тако и гражан и турков, им же не бѣ числа. Тритысящники же рыстаху и совахуся на всѣ страны, аки дивии звѣри, ища себѣ лову цесаря. Магмет же окааный, паки вскорѣ урядив, разсылаше всю свою рать по всем улицам и по вратам цесаря бречи, а сам ся оста токмо сь яничаны, обрывся во обозе, и пушки и пищали уставив, бояше бо ся цесаря. Цесарь же, яко слыша божие изволение, поидѣ в великую церковъ и паде на землю, прося милость божию и прощенье согрѣшением, и простився с патриархом и со всеми клирикы и съ цесарицею. И, поклонився на всѣ страны, поидѣ из церкви, и абие возопиша весь клирик и весь народ сущий ту, и жены и дѣти, им же не бѣ числа, рыданием и стонанием, яко мнѣтися церкви оной великой колѣбатися, и гласи ихъ, мню, до небесъ достигаху.

Идущу же цесарю из церкви, сей едино пререк: «Иже хощет пострадати за божиа церкви и за православную вѣру, да поидет со мною!» И всѣд на фарис, поидѣ къ Златым вратам, чаяше бо стретити безбожнаго. Всѣхъ же воин *собрашася* с ним до трѣю тысящ, и обрѣте во *вратѣх* множество туркъ, стрѣгущи его, и побивше их всѣх, поидѣ во *врата,* но не можааше пройти от многаго трупиа. И паки срѣтоша их множество туркъ, и сечахуся съ ними и до нощи. И тако пострада благовѣрный царь Костянтин за церкви божия

и не напал бы внезапно на него. И пришел безбожный, стал против разрушенного места и приказал прежде всего стрелять из пушек и пищалей, чтобы отступили горожане. Затем послал Балтаулия-башу с многими полками и три тысячи отборных воинов своих и приказал им, чтобы разыскали цесаря хотя бы ценой жизни или из пищали бы убили его. Стратиги же, и мегистаны, и все вельможи, догадавшись о замысле безверного, устремившегося в такой силе великой, и видя яростную пальбу, увели цесаря, дабы не погиб он понапрасну. Он же, горько сетуя, говорил им: «Вспомните, что я сказал вам и какой зарок положил: не удерживайте меня, да умру здесь с вами». Они же отвечали: «Мы все умрем за церкви божии и за тебя». И насильно увели его от воинов и долго убеждали, чтобы он уехал из города, и, отдав ему последнее прощание со стонами и рыданием, возвратились все на свои места.

Когда же подоспел Балтаулий с большими силами, то встретили его стратиги у разрушенного места, но не смогли сдержать его, и пробился он в город со всеми своими полками, и напал на горожан. И завязалась битва еще более ожесточенная, чем прежде, и погибли в ней стратиги, и мегистаны, и вельможи все, так что из многих мало кто смог потом принести весть цесарю, а погибших горожан и турок не счесть. Тритысячники же рыскали и разъезжали повсюду, словно дикие звери, охотясь за цесарем. Окаянный же Магомет, снова собрав свои полки, послал их по всем улицам и ко всем воротам в поисках цесаря, а сам остался только с янычарами, окопавшись в лагере своем, расставив пушки и пищали, ибо страшился цесаря. Цесарь же, словно услышав веление божье, отправился в великую церковь и пал на землю, прося бога о милости и прощении за грехи, и попрощался с патриархом, и со всем причтом, и с царицей. И, поклонившись на все стороны, вышел из церкви, и снова раздались вопли всего клира и находившегося тут народа, жен и детей, которых было не счесть,— все рыдали и стонали, так что казалось, что эта огромная церковь зашаталась, и голоса их, думается мне, достигли до небес.

Цесарь же, выходя из церкви, одно только промолвил: «Кто хочет пострадать за божьи церкви и за православную веру, пусть пойдет со мной!» И, сев на коня, поскакал к Золотым воротам, рассчитывая там встретить безбожного. Всех же воинов собралось с ним до трех тысяч, и увидел он в воротах множество турок, подстерегавших его, и, перебив их всех, устремился в ворота, но не смог проехать из-за множества трупов. И снова двинулись им навстречу турки в бесчисленном множестве, и бились с ними до самой ночи. И так пострадал благоверный царь Константин за божьи церкви

и за православную вѣру мѣсяца мая въ 29 день, убив своею рукою, якоже оставшеи сказаша, болма 600 турков. И збысться реченное: Костянтином създася и паки Костянтином и скончася. Зане согрѣшением осужденне судом божиим врѣменем бывают, злодѣяние бо, рече, и безаконие превратит престолы силных.

О велика сила грѣховнаго жала! О, колико зла творит преступление! О, горѣ тобѣ, Седмохолмий, яко погании тобою обладают, ибо колико благодатѣй божиих на тебѣ восияша, овогда прославляя и величая паче иных градов, овогда многообразне и многократнѣ наказая и наставляя благыми дѣлы и чюдесы преславными, овогда же на врагы побѣдами прославляя, не престааше бо поучая и къ спасению призывая и *житѣйским* изообилием утѣшая и украшая всяческы! Тако же и пренепорочная мати Христа бога нашего неизреченными благодѣянии и неизчетными дарованми помиловаше и храняше во вся времена. Ты же, яко неистовен, еже на тебѣ милость божию и щедрот отвращашеся и на злодѣяние и безаконие обращашеся. И се нынѣ *открыся* гнѣв божий на тебѣ и предасть тебѣ въ руце врагом твоим. И кто о сем не восплачеться или не возрыдает! Но убо паки да придѣм къ предлѣжащому.

Царица же в он же *час* прия прощение от цесаря и иночство прия. Оставшии же стратиги и боляре, взем царицю и благородных дѣвиц и младых жен многых, отпустиша в Зустунѣевы карабли и катарги во островы и в Аммарию къ племянам. Народи же по улицам и по двором не покаряхуся турком, но бьяхуся с ними, и падоша от них того дни много людий, и жен, и дѣтей, а иных полоняху. Тако же и в овнах сущеи воини не предаша овны, но бьяхуся з двоими турки — вне града сущими и внутри града. *И* в день *одолѣваеми* бѣжаху и скрывахуся в пропастех, а ночи вылазяху и побиваху турков. А инии люди, и жены, и дѣти метаху на них свѣрху полат керамиды и плиты и паки зажигаху кровли полатные древяные и мѣтаху на них со огни, и пакость им дѣяху велию.

И ужасахуся баши, сензякбѣи и не вѣдяаху, что сотворити, но послаша къ салтану: «Аще не сам внидѣши во град, не одолен будет град». Он же взыскание сотвори велие о цари и о царици и не смѣяше в град ити, и бысть в размышлении в великом. И позва боляр и стратиг, их же поимаше на боех и их же баши взяша на свои рукы, и вда им слово свое крѣпкое и дары, посла их с баши и санчакбѣи рещи гражаном по всем улицам и сущим в овнах слово салтаново с клятвою: «Да престанет брань

и за православную веру месяца мая в 29-й день, убив своей рукой, как сказали уцелевшие, более шестисот турок. И свершилось предсказанное: Константином создан город и при Константине погиб. Ибо за согрешения время от времени бывает возмездие судом божьим, злодеяния ведь, говорится, и беззакония низвергнут престолы могучих.

О великая сила жала греховного! О, сколько зла рождает преступление! О, горе тебе, Седьмохолмый, что поганые тобой обладают, ибо сколько благодатей божьих в тебе просияло, порой прославляя тебя и возвеличивая более всех иных городов, иногда самым различным образом и многократно наказуя и наставляя дивными деяниями и чудесами преславными, порой прославляя победами над врагами, и беспрестанно поучая и к спасению призывая, и жизненным обилием радуя и украшая всячески! Так же и пренепорочная мать Христа, бога нашего, неизреченными благодеяниями и неисчислимыми дарованиями миловала и оберегала тебя во все времена. Ты же, словно безумный, отворачивался от божественной милости к тебе и щедрот и тянулся к злодеяниям и беззаконию. И вот теперь явил бог свой гнев на тебя и предал тебя в руки врагам твоим. И кто об этом не восплачет или не зарыдает! Но вернемся снова к описываемому.

Царица в тот же час, попрощавшись с цесарем, постриглась в монахини. Оставшиеся стратиги и бояре, взяв царицу, и благородных девиц, и многих молодых женщин, отправили на кораблях и катаргах Зустунеевых на острова и в Морею к единоплеменникам. Народ же на улицах и в домах не сдавался туркам, но сопротивлялся им, и погибло в тот день множество людей, и женщин, и детей, а других захватили в плен. Точно так же и воины, находившиеся в башнях, не сдались, но бились с турками на обе стороны — с находившимися за пределами стены и внутри ее. И днем, одолеваемы, бежали и скрывались в пропастях, а ночью выходили и нападали на турок. А иные люди, и жены, и дети швыряли на них с крыш домов черепицу и плитки, а то еще зажигали деревянные крыши домов и бросали в них горящими предметами, причиняя им немало вреда.

И ужасались баши и санчакбеи и не знали, что сотворить, но послали к султану: «Если сам не войдешь в город, не будет город усмирен». Он же подробно расспрашивал о цесаре и царице, и не решался войти в город, и находился в полном замешательстве. И призвал бояр и стратигов, которых захватили в бою и которых пленили баши, и дал им свое поручительство, и одарил их, и послал их с башами и с санчакбеями объявить горожанам по всем улицам и тем, кто находится в башнях, верное слово султаново: «Пусть прекратится битва

без всякого страху и убийства и плѣнения, аще ли же ни — всих вас, и жены и дѣти ваши меч поясть».

И сему бывшу, преста брань, и вдашася вси боляром и стратигом и башам на руки. И се слышав, салтан возрадовася и посла град чистити, улици и поля. Въ 11 же день посла санчакбѣев по всем улицам съ многими людми бречити израды. А сам поидѣ со всеми чины врат своих в врата святаго Романа къ вѣликой церквѣ, в ню же бяху собраны патриархъ и весь клирикъ и народу безчислено, и жен и дѣтей. И пришед на полѣ у великия церкви, слезе с коня и пад на землю лицем, взят персть и посыпа главу, благодаряще бога. И почюдився оному великому зданию, тако рече: «Воистину людие сии быша и проидоша, а ини по них сим подобни не будут». И поидѣ в церковь, и видѣ мрьзость запустение в святилище божие и ста на мѣсте святѣм его. Патриархъ же и весь клирик и народ возопиша слезы и рыданми, и падоша прѣд ним. Он же, помаяв рукою да престанут, и рече им: «Тобѣ глаголю, Анастасие, и всѣй дружинѣ твоей и всему народу: з днешняго дне *да* не убояться гнѣва моего, ни убийства, ни пленения». И, обратився, рече башам и санчакбѣем, да запретят всему войску и всякому чину моих врат, да не дѣють весь народ градцкий, и жен и дѣтей ни убийством, ни пленением, ни иною враждою никоторою. «Аще ли же кто преступит нашего повелѣния — смертию да умрет». И повѣлѣ выслати вон, да поидут коиждо въ свой дом, хотяше бо видѣти уряд и сокровища церковнаа, да сбудеться реченное: «И вложит руце своя въ святаа жрьтвеннаа и святая потребит, и дасть сыновом погибели».

Народу же идущу до дѣвятыа годины, и еще многым сущем въ церквѣ, не дожда — изшед из церкве. Видѣ изшедших полно поле и во все улици идущих много, и удивися толику народу от одноа храмины изшедчим, и поидѣ къ царскому двору. И ту срете его некый сербин, принесе ему цесареву главу. Онъ же возрадовася зѣло и вскоре позва боляр и стратиг и спроси их, да рекут ему истинну, аще то есть глава цесарева. Они же, страхом одержими, рекоша ему: «То есть сущаа глава цесарева». Он же облобыза ю и рече: «Явна тя богъ миру уроди, паче же и цесаря, почто тако всуе погибѣ!» И посла еи къ патриарху, да *обложет* ю златом и сребром, и сохранит ю, якоже сам вѣсть. Патриархъ же, взем, положи ю в *ковчезецъ сребрян* и позлащен и ... скры ю в великой церкви под престолом. От иных же паки слышахом, яко оставшеи от сущих съ цесаремъ у Златых врат, украдоша его тоа нощи, и отнесоша его в Галату, и сохраниша его.

и не опасаются ни убийства, ни плена, если же нет — то все вы, и жены, и дети ваши будете преданы мечу».

И после этого прекратилось сопротивление, и сдались все боярам и стратигам и башам. И услышав об этом, обрадовался султан, и послал очищать город, улицы и площади. В одиннадцатый же день послал санчакбеев по всем улицам с многими людьми, чтобы предотвратить внезапное нападение. А сам двинулся со всеми чинами врат своих в ворота святого Романа к великой церкви, в которой собрались патриарх, и весь клир, и народу множество, и жен, и детей. И, придя на площадь у великой церкви, сошел с коня, и пал ниц на землю, взял горсть земли и посыпал голову, благодаря бога. И подивился этому огромному зданию, так сказав: «Воистину люди эти были и ушли, а иных после них, им подобных, не будет». И вошел в церковь, и увидел запустение в святилище божьем, и встал на месте святом. Патриарх же, и весь клир, и народ возопили со слезами и рыданиями и пали ниц перед ним. Он же, дав знак рукой, чтобы перестали, обратился к ним: «Тебе говорю я, Анастасий, и всем окружающим тебя, и всему народу: с этого дня да не убоятся гнева моего, ни смерти, ни плена». И, обернувшись, повелел башам и санчакбеям, чтобы запретили всем воинам и всем чинам врат его притеснять народ городской, и жен, и детей, ни убийством, ни пленением, ни каким-либо иным злом. «Если же кто нарушит наше повеление — да будет наказан смертью». И приказал всем разойтись, чтобы каждый отправился в свой дом, ибо хотел увидеть красоту церковную и сокровища, чтобы сбылось предсказанное: «И возложит руки своя на святыни жертвенные и святыни погубит и отдаст сынам гибели».

Когда народ еще выходил из церкви вплоть до девятого часа и многие еще оставались в ней, не дождался он и вышел из храма. И, видя вышедших полную площадь и множество идущих по всем улицам, поразился, что столько людей вместило одно здание, и направился к царскому дворцу. И тут вышел ему навстречу некий серб, и принес голову цесаря. Он же очень обрадовался, и тут же призвал к себе бояр и стратигов, и спросил их, правда ли, что это голова цесарева? Они же, охваченные страхом, отвечали ему: «Это действительно голова цесаря». Он же поцеловал ее и сказал: «Явил тебя бог всему миру, истинного цесаря, что же так понапрасну погиб!» И послал голову патриарху, чтобы, украсив ее золотом и серебром, сохранил ее, как сам знает. Патриарх же, взяв ее, положил в серебряный позолоченный ларец и спрятал под престолом в великой церкви. От других же слышали мы, что оставшиеся с цесарем у Золотых ворот украли тело его в ту ночь, переправили в Галату и похоронили его.

О цесарици же бывшу велику испытанию, сказаша султану, яко великый дукас и великий домѣстик и анактос, и протостраторов сын Андрѣй и братанич его Асан Фома Палѣолог, и епархъ градцкий Николай отпустиша царицю въ карабли. И абие *повѣле* их, истязав, посещи.

И сим сицѣ бываемым и тако съврьшаемым грѣх ради наших: беззаконный Магумет седѣ на престолѣ царствиа благороднѣйша суща всѣх иже под солнцем, и изообладаше владающих двѣма части вселѣнныя, и одолѣ одолевших гордаго Артаксерксиа, невмѣстима пучинами морскими и воя водя ширя земля, и потреби потребивших Троию предивну и семьюдѣсятми и четырма крали обраняему. Но убо да разумѣеши, о окааннѣ, аще вся прежереченная Мѣфодием Патаромскым и Лвом Премудрым и знамения о градѣ сем съврьшишася, то и послѣдняа не преидут, но такожe соврьшитися имут. Пишет бо: «Русий же род съ прежде создателными всего Измаилта побѣдять и Седмохолмаго приимуть съ прежде законными его и в нем въцесарятся и судрьжат Седмохолмаго русы, язык шестый и пятый, и насадит въ нем зелье и снѣдят от него мнози в отмщение святым». И пакы въ последнем видѣнии Даниловѣ: «И востанет великый Филиппъ съ языкы осмьнадѣсят, и собѣруться в Седмохолмом, и сразиться бой, иже не бысть николиже, и потѣкутъ по удолием и по улицам Седмохолмаго, яко *реки,* крови человѣческыа, и *возмутиться* море от крови до Тѣснаго устия. Тогда Вовус возопиет, и Скеролаф восплачет, и Стафорин речет: «Станитѣ, станьте, мир вам и отмщение *на непослушных.* Изидѣте на дѣсные страны Седмохолмаго и обрящете человѣка у двою столпов стояща, сединами праведными, и милостива, носяща нищаа, взором остра, разумом же кротка, средняго врьстою, имѣюща на дѣснѣй нозѣ посреди голѣни *бѣлег.* Возмите его и вѣнчайте *цесарем.* И вземше четыри ангелы живоносны и ввѣдут его въ святую Софиа, и вѣнчаютъ и цесаря, и дадят в дѣсную руку его оружие, глаголющи ему: «Мужаися и побѣжай врагы своя!» И восприем оружие от *тоа* аггела и поразить измаилты, и ефиопы, фругы, и татаре, и всяк род. И убо *измаилты* раздѣлить натрое: прьвую часть побѣдит оружием, вторую крестить, третью же отженет с великою яростию до Единадубнаго. И въ возвращение его открыються сокровища земная, и всѣ обогатѣють, и никтожe нищ будеть, и земля дасть плод свой седмѣрицею, оружия ратная сътворят серпове. И царствует лѣт 32, и по нем въстанет ин от него. И тако, поувидѣв *смерть* свою, идѣт въ Иерусалимъ, да предасть цесарство свое богу, и оттолѣ вцаряться четыри сыновѣ его: прьвый в Римѣ,

Когда же стали настойчиво расспрашивать о царице, то сказали султану, что великий дука, и великий доместик, и анактос, и сын протостраторов Андрей, и племянник его Асан Фома Палеолог, и епарх городской Николай посадили царицу в корабль. И султан тут же приказал их, допросив, убить.

И так случилось и свершилось по грехам нашим: беззаконный Магомет воссел на престоле царства, благороднейшего среди всех существующих под солнцем, и стал повелевать владевшими двумя частями вселенной, и одолел одолевших гордого Артаксеркса, чьих кораблей не вмещали просторы морские и чьи войска занимали всю ширь земли, и победил победивших Трою дивную, семьюдесятью четырьмя королями обороняемую. Но да познай, о несчастный, что если свершилось все, предвещанное Мефодием Патарским и Львом Премудрым и знамениями о городе этом, то и последующее не минует, но также совершится. Пишется ведь: «Русый же род с прежде создавшими город этот всех измаилтян победят и Седьмохолмый приимут с теми, кому принадлежит он искони по закону, и в нем воцарятся, и удержат Седьмохолмый русы, язык шестой и пятый, и посадят в нем плоды, и вкусят от них досыта, и отомстят за святыни». И также в последнем видении Даниила: «И поднимется великий Филипп с восемнадцатью народами, и соберутся в Седьмохолмом, и разразится бой, какого не было никогда, и потечет кровь человеческая, подобно рекам, по ложбинам и по улицам Седьмохолмого, и замутится море от крови до Тесного устья. Тогда Вовус возопит, и Скеролаф возрыдает, и Стафорин возгласит: «Встаньте, встаньте, мир вам и отомщение супостатам. Выйдите из Седьмохолмого на правую сторону его, и увидите человека, стоящего у двух столпов, украшенного сединами, милосердного, одетого нищенски, взглядом острого, умом же кроткого, среднего роста, имеющего на правой ноге на голени знак. Приведите его и венчайте цесарем на царство». И, взяв его, четыре ангела живоносных введут его в святую Софию, и венчают его на царство, и дадут ему в десницу оружие, говоря ему: «Мужайся и побеждай врагов своих!» И, взяв оружие у тех ангелов, поразит он измаилтян, и эфиопов, фрягов, и татар, и всякий народ. А измаилтян же разделит на три части: одних победит оружием, других — крестит, третьих же прогонит с великой яростью до Единодубного. И когда возвратится он, откроются людям сокровища земные, и все разбогатеют, и никто не будет нищим, и земля принесет плоды сам-семь, а из оружия воинского сделают серпы. И процарствует он тридцать два года, и после него станет другой от рода его. И затем, предвидя смерть свою, отправится в Иерусалим, чтобы предать царство свое богу, и с той поры воцарятся четыре сына его: первый в Риме,

а вторый в Алѣксандрию, третий въ Седмохолмом, четвертый в Сѣлуни».

Сия убо вся и ина многаа прорицаниа и знамениа писаниа съдрьжить о тебѣ, градѣ божий, их же всещедрый и всеблагый богъ да соврьшить на премѣнение и на попрание сквѣрныя и на безбожныя сея вѣры атманскыя, и на обновление и укрѣпление всѣя православныя и непорочныя вѣры християнстѣй, нынѣ и присно, и в вѣкы вѣком. Аминь.

Списатель же сим азъ многогрѣшный и безаконный Нестор Искиндѣр. Измлада взят быв и обрѣзан, много врѣмя пострадах в ратных хожениих, укрываяся семо и онамо, да не умру въ оканной сей вѣре. Тако и нынѣ в сѣм великом и страшном дѣле ухитряяся овогда болѣзнию, овогда скрыванием, овогда же совѣщанием приятѣлей своих, уловляа врѣмя дозрением и испытанием великым, писах в каждый день творимая дѣяниа вне града от турков. И пакы, егда попущением божиим внидохом въ град, врѣмянем испытах и собрах от достоврьных и великих мужей вся творимая дѣяниа во градѣ противу безвѣрных и въкратце изложих и християномъ предах на въспоминание преужасному сему и предивному изволению божию. Всѣмогущая же и животворящая троица да мя приобщить пакы стаду своему и овцам пажити своеа, яко да и азъ препрославлю и возблагодарю великолѣпное и превысокое имя твое. Аминь.

второй в Александрии, третий в Седьмохолмом, четвертый в Солуни».

Эти вот и иные многие прорицания и знамения записаны о тебе, град божий, их же всещедрый и всеблагой бог претворит на сокрушение и на попрание скверной и безбожной этой веры оттоманской и на обновление и укрепление всей православной и непорочной веры христианской ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Написал же все это я, многогрешный и беззаконный Нестор Искандер. Измлада пленен был и обрезан, долгое время страдал в ратных походах, спасаясь так или иначе, чтобы не умереть в окаянной этой вере. Так вот и ныне в этом великом и страшном деле ухитрялся я, когда под видом болезни, когда скрываясь, когда с помощью приятелей своих, изыскивать время все рассмотреть и обо всем разузнать, подробно записывал день за днем обо всем, что совершалось вне града у турок. И затем, когда попущением божьим вошли мы в город, со временем разузнал и собрал от надежных и великих мужей сведения о том, что делалось в граде в борьбе с безбожными и вкратце изложил и христианам передал на память о преужасном этом и предивном произволении божьем. Всемогущая же и животворящая троица да приобщит меня снова к стаду своему и к овцам пажити своей, чтобы и я прославил и возблагодарил великолепное и превысокое имя ее. Аминь.

ИНОКА ФОМЫ
СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ

СМИРЕННАГО ИНОКА ФОМЫ СЛОВО ПОХВАЛНОЕ О БЛАГОВѢРНОМ ВЕЛИКОМЪ КНЯЗИ БОРИСѢ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ

Елма преподобному и похваляему възвеселяться людие, и, яко же рече Соломан, паче же и нами видимый и иже посреди нас не невидомо свѣтило великое — великий князь Борис Александровичь, и иже хвалимый и прославляемый от востока до иже и до запада, и како же мы и не возвеселимься, и иже толику радость даровалъ богъ Тверской земли. И иже по благодати божии и даннаго богомъ на утвержение Тверской земли и на крѣпость человеческому роду да въсхвалимъ и почтем благороднаго и благовѣрнаго и иже от чрева матерня богомъ обѣтованнаго, и иже быти ему земному оку, и ище всѣм вкупѣ радость и веселие и безс печали житие. И яко же рече Иван Дамаскын, идѣже нѣсть печали, и ту радость и веселие.

И егда же хто х кому любовь имѣя, и другому же тому похваляющи, и слышащему же о друзѣ и его добрая похваления, тои велика радость бываетъ слышащему. Или како же мы не възвеселимься и от всѣх земль славимому и похваляемому государю нашему и защитнику Тверской земли, великому князю Борису Александровичю, въ всѣх странахъ и языцех. И понеже бо самодобродительна и такова государя являет богъ и иже от Владимера, добрѣ да ублажим богомъ преблагословеннаго.

И княжение его в мирѣ сем велелѣпотно от чюдес божиих. И како сбытся Писание пророком Давидом, глаголющимъ: «И иже въ отець твоихъ быша сынове твои», и сий бо великий князь Борисъ Александрович, на отчии престолѣ богом утвержаемъ, и преспѣваем въ всяку благодать добродители, и всим добропреступенъ, и руцѣ имѣя по многу щедры, и богочтецъ, и священнолюбець, и всим вкупѣ сладокъ и вжелиненъ, и далечих сущих близ себе сотворяет, и всих душа и сердце теплою любовию к себе привлачитъ.

ИНОКА ФОМЫ СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ

СМИРЕННОГО ИНОКА ФОМЫ СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ О БЛАГОВЕРНОМ ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ БОРИСЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ

Если, как сказал Соломон, когда прославляют праведника, возвеселяются люди, то как же нам не возвеселиться, когда среди нас находится нами видимый и нам не безвестный, светило великое, великий князь Борис Александрович, хвалимый и прославляемый от востока и до запада, и как же нам не возвеселиться, когда даровал бог таковую радость Тверской земле. Восхвалим же и почтим того благородного и благоверного, кто божией благодатью дан на утверждение Тверской земле,— того, кому от материнской утробы было богом предназначено стать земным властителем на всеобщую радость, и веселие, и на беспечальное житие. Как сказал Иоанн Дамаскин, где нет печали, там радость и веселие.

Когда кто-нибудь питает к кому-то любовь, а в это время другой человек любимого им хвалит, то тому, кто слышит о друге добрые слова, бывает великая радость. Неужто же мы не возрадуемся, в то время как государь наш и защитник Тверской земли, великий князь Борис Александрович, прославляется и восхваляется во всех странах, и землях, и народах. И так как столь добродетельного государя от рода Владимирова дарует нам бог, то достойно прославим его, богом прославленного.

И княжение его в мире сем преукрашено чудесами божиими. И подобно тому, как сбылись слова пророка Давида в Писании о том, что «в отцов твоих стали сыновья твои», так и сей великий князь Борис Александрович на отеческом престоле богом утверждается и преуспевает во всяческих благих добродетелях, доступен всем и щедр на руку, почитатель бога и ревнитель всего священного, и всем вокруг дорог и желанен, сотворяет дальних ближними себе и теплою любовью привлекает к себе души всех и сердца.

И всим о всем по бозѣ на него упование имущим, и радовашеся вся земля Тверская, и яко дарова имъ богъ такова государя, и пастыря, и истиннаго христолюбца, и богоутвержаема на отчимъ престолѣ. И овии же Моисея того имснуют, и роководством божиимъ новаго израиля, богомъ спасенный град Тверь, добрѣ правящи, и инии же втораго Констянтина за великое его человеколюбие. И хто убо хощет изглаголати всея вселенныя похвалы о великом томъ самодрьжци. Но яже въ пророцѣхъ слышанная но здѣ убо дѣлом съвершаеться. И, яко же рече, юноша, и девы, и старци со юнотами, вси вкупѣ единодушно и радостно въпиаху и глаголющи: «Велий еси, господи, и чюдна дѣла твоя». И кто възглаголеть силы твоя, господи, яко даровалъ еси нам новаго Ярослава, сего самодержавнаго великаго князя Бориса Александровичя.

И понеже увеличися власть его и възвысися слава имени его въ страны далечиа, и о сем бо государѣ слышавше мнози людие в далних землях и въ царствиих, и абие радостно прихожаху, видити его хотяше, многорадостное то и свѣтловидное лице, ркуще в себѣ: «Благословенъ господь, устроивый бес печали житие въ славней земли, глаголемей Твери, и въ крѣпкой державнѣй власти великаго князя Бориса Александровича». И пакы: «О сем рече Иевъ, иже око бѣ слепым и вож хромымъ». Въ истинну рку: око и вожь. И нѣсть бо такова въ человецѣхъ, и иже бы видивь лице его, а не възвеселился, великого князя Бориса Александровича. И о сем бо рече Иаковъ целомудрому Иосифу: «Наипаче царскыя славы обьятъ мя лице твое». Азъ же мня: лице великого князя Бориса Александровича, свѣтящеся паче камени сапфира и тѣмпазиа. И кождо нас на него зряще и всякого веселиа исполнитися. И инии же мнозии человеци прихожаху с великимъ тщаниемъ, токмо желая слышати и многосладъкую гласну и мудростную его рѣчь. Но о сем же ми мниться рече пророкъ Даввидъ: «Сладка есть словеса твоя паче меда устом моимъ». И азъ же мню, тако есть уста великаго князя Бориса Александровича, сладъше меду и сота всѣм человекомъ. И того бо ради славимо имя его от востока и до запада, и до самого царствующего града, рку же и до Рима.

И в которая бо бяше времена бывшу стязанию о православной вѣре христианомъ с римляне, царю же цариградскому Иоанну *възвѣстившу в послании:* «И здравьствуй възлюбленный брате о Христе». И примъ же царская послания *великий князь Борис Александрович,* и сихъ прочетъ предъ всим народомъ, и многыя радости душею и тѣлом исполнися, из глубины сердца въздыхая, и велми благодаря бога, и глаголя: «Боже великий, сподоби мя приобѣщнику быти святому сему и Вселеньскому собору и еще же и по отеческой вирѣ поборнику быти».

И когда все обо всем на свете на него возымели упование, возрадовалась вся земля Тверская, что даровал им бог такого государя, и пастыря, и истинного христолюбца, утвержденного богом на отеческом престоле. И одни Моисеем его именуют, с божией помощью новым Израилем, богом спасаемым городом Тверью, мудро правящим, другие же — вторым Константином, за великое его человеколюбие. И кто вознесет похвалы всей вселенной великому тому самодержцу? Ведь то, о чем мы слышали от пророков, теперь на деле совершается. Ведь, как сказано, юноши, и девы, и старцы с младенцами,— все вместе единодушно и радостно возглашают и говорят: «Велик ты, господи, и чудны дела твои». И кто опишет силу твою, господи, даровавшего нам нового Ярослава — сего самодержавного великого князя Бориса Александровича.

И поскольку расширилась власть его, и возвысилась слава имени его далеко по странам, то многие люди в дальних землях и царствах, услыхав об этом государе, с радостью спешили прийти, желая увидеть его многорадостное и исполненное светом лицо, говоря про себя: «Благословен господь, устроивший беспечальную жизнь в славной земле, называемой Тверью, в крепкой державе великого князя Бориса Александровича». И еще: «О таком сказал Иов, что око был слепым и опора хромым». Воистину скажу: око и опора. И не найдется никого среди людей, кто бы не возвеселился, увидав лицо великого князя Бориса Александровича. О подобном ему сказал Иаков целомудренному Иосифу: «Сильнее царской славы покорило меня лицо твое». Я же подразумеваю лицо великого князя Бориса Александровича, светящееся ярче каменьев сапфира и топаза. Всякий из нас, кто посмотрит на него, исполнится многого веселья. И другие многие люди приходили с великим рвением, желая единственно слышать его сладкогласную и исполненную мудрости речь. Мне даже мнится, что это о нем сказал пророк Давид: «Слаще меда устам моим слова твои». Я знаю: таковы уста великого князя Бориса Александровича, слаще меда они и сота всем людям. И потому прославляется имя его от востока и до запада, и до самого царствующего града, то есть и до Рима.

В некие же времена, когда препирались о православной вере христиане с римлянами, царь цареградский Иоанн возвестил в послании: «Здравствуй, возлюбленный брат во Христе». И принял царские послания великий князь Борис Александрович, и прочитал их пред всем народом, и многой радости, душевной и телесной, исполнился, из глубины сердца воздыхая, и крепко благодаря бога, и говоря: «Боже великий, сподоби меня быть причастным сему святому и Вселенскому собору, еще же и поборником стать за отеческую веру».

И того ради сътворяет праздникъ свѣтел и призываетъ на трапѣзу своего отца, боголюбиваго и епископа Илию, и все священное славословие, и вси свои помѣстнии, и князи, и велможии. И такоже многочествовавъ посланныхъ царскыхъ, и многы дары давъ имъ, и отпусти ихъ ко своему царю. И скоро своего посла устрояетъ ко Вселеньскому собору, именем Фому, и повели ему прилѣжно смотрити, и аще ли что от седмаго собора приимутъ или приложат, «того слышати и не хотим». Сицевое же имущи с Фомою писание, еже къ царю:

«Кало Иоанну царю! Преславнейшему, и свѣтлийшему, и богом вѣнчанному самодрьжцу Греческиа земли, царю Иоанну — князь великий, Борисъ Александровичь, всея державы Тверьскиа земля. О Христѣ радоватися намъ со честною державою царьствиа твоего!

Писаниа же твоя, еже ми еси прислал к намъ, и азъ сиа любовно приахъ, и в немъ же добрѣ вимы, что же писано о соединении святыя божиа Христовы церкви, но яко да будетъ святый вселеньский соборъ по первому преданию святыих правилъ и по чину святыхъ седми соборъ. Мы же о сем добрѣ радуемься, и колика сила, потолику чтимься поборати по христианьской вирѣ. И того ради послахомъ, яко свое лице, ко святому Вселеньскому собору и къ честнѣй державѣ твоей. И прочее все и извѣститися от наших посланныхъ и о всемъ. Да здравьствуетъ святое ти царствие».

Фома же, посолъ великаго князя Бориса Александровича, приимъ таковая писаниа и поиде от Твери на Новгородцкую землю, и оттоле на Пьсковьскую землю, а оттоле на Немецкую земълю, и оттоле на Курвскую землю, а оттоле на Жмотьскую земьлю, и оттоле на Прускую землю, а оттоле на Словенъскую землю, и оттоле на Любутскую землю, а оттолѣ на Морьскую землю, и оттоле на Жуньскую землю, а оттоле на Свѣйскую земьлю, и оттоле на Флореньзу.

И ту наехалъ есми папу римьскаго Евгениа, и святого царя цариградскаго Иоанна, и вселеньскаго патриарха Иосифа, и весь святый вселеньский съборъ. А с патриархом было митрополитовъ 22. И Фома же, посолъ великаго князя Бориса Александровичя, подаде царю писание и еже име в руцѣ своей. И царь же повели чести е предо всим народомъ, и иже сущим окрестъ его.

И егда же прочтеться писание, еже от великаго князя Бориса Александровичя ко царю о православной вирѣ извѣстуе укрѣпление, и вси убо ту удивишася о величествие дара божиа, и иже тому от бога даровася. Царь же въздохнувъ из глубины сердца и рече: «И да хвалимъ убо и прославляемъ хвалимаго от аггелъ беспрестани бога и поклонимься ему, и ему же кланяються херувими и серафими беспрестани, и яко

И по причине этой устраивает праздник светел и зовет на трапезу своего отца, боголюбивого епископа Илию, и все славное духовное сословие, и всех своих подданных, князей и вельмож. И, чествовав много посланников царских и одарив их многими дарами, отпустил их к своему царю. И вскоре снаряжает на Вселенский собор своего посла именем Фому, и повелевает ему прилежно следить, чтобы если что отнимут или прибавят к Седьмому собору, то «того и слышать не желаем». И такое с Фомою отправляет послание к царю:

«Доброму Иоанну царю! Преславнейшему, и светлейшему, и богом венчанному самодержцу Греческой земли, царю Иоанну — князь великий, Борис Александрович, всей державы Тверской земли. О Христе радоваться нам с честной державой царствия твоего!

Что до послания твоего, которое прислал к нам, то я его принял с любовью, и в нем одобряю, что писано о соединении святой божией Христовой церкви, и да будет святой Вселенский собор по первому преданию святых правил и по чину семи святых Вселенских соборов. Мы со своей стороны крепко радуемся этому и стремимся, сколько есть силы, ратовать за христианскую веру. И для того мы послали представителями своими своих послов на святой Вселенский собор и к честной твоей державе. Обо всем прочем получишь известие от наших посланных. Пусть здравствует твое святое царствие».

И Фома, посол великого князя Бориса Александровича, взял это послание и отправился из Твери в Новгородскую землю, и оттуда в Псковскую землю, а оттуда в Немецкую землю, и оттуда в Курляндскую землю, а оттуда в Жмудскую землю, и оттуда в Прусскую землю, а оттуда в Словенскую землю, и оттуда в Любекскую землю, а оттуда в Морьскую землю, и отда в Жуньскую землю, а оттуда в Шведскую землю, и оттуда во Флоренцию.

И здесь встретил я папу римского Евгения, и святого царя цареградского Иоанна, и вселенского патриарха Иосифа, и весь святой Вселенский собор. А с патриархом было двадцать два митрополита. И тот же Фома, посол великого князя Бориса Александровича, подал царю послание и то, что ему было поручено. И царь повелел читать его пред всеми людьми и пред бывшими окрест него.

И когда было прочтено послание, извещающее царя о крепости в православной вере великого князя Бориса Александровича, тогда все, бывшие там, удивились величию дара божия, дарованного князю от господа. Царь же, вздохнув из глубины сердца, изрек: «Восхвалим и прославим бога, беспрестанно славимого ангелами, и поклонимся тому, кому непрестанно кланяются херувимы и серафимы,

такова князя даровалъ есть богъ Руской земли и намъ пособника по вирѣ крестьяньстей». И вселеньский же патриархъ Иосифъ рече: «Ветхая мимо идоша, и новая вамъ възвѣщаю: вира благодатная от нашея земли Греческыя да и до Рускыя земли простреся, еваггельский же источникъ наводънившася, и лѣпо и намъ с великымъ княземъ Борисомъ славити святую троицу. И яко такова князя в Руси николи же слышахомъ». И по сем вси митрополиты начаша ублажати великого князя Бориса, и единъ по единому кождо ихъ.

Ираклийский митрополитъ Антоней рече: «И азъ по силѣ своей хощу дати хвалу богу и великому князю Борису, и яко же есми его видил, и яже о немъ слышю: от дѣтскиа младости и паче всего Христа възлюбивъ и възмуживъ же и крѣпостию съвершаяся, а мужство ... сти же и силѣ. И каково ти благодарение въздамъ, и яко толико святителие о твоей добродители повѣстують».

Трапезоньский же митрополитъ Дорофий рече: «Писано бо есть, яко от двою или триехъ свѣдителей станетъ всякъ глаголъ истиненъ. Не токмо бо единымъ кымъ хвалимо имя его, великаго князя Бориса Александровича, но того бо ради бысть славимо имя его, от конець земли исходяще и в мере».

Кизицкий же митрополитъ Митрофанъ рече: «Что тя нареку, христолюбче, великий князь Борисе! Но воистинну еси другъ правдѣ, а смыслу мѣсто, и милостыни гнѣздо».

Никийский же митрополитъ Висарионъ рече: «И аще бы сей здѣ былъ самъ великий князь Борисъ Александровичъ, и то быхъ въспросилъ его, какъ вниде в него страхъ божий и како разгорися в немъ любовъ Христова, и како възлюби Христа выше земных мудрець. И есть бо мнозии велицеи князи на Руси, но не доспѣша таковаго тщаниа и труда, еже послати и видѣти святый сей соборъ, и яко же сей великий князь Борис».

Никомидѣйский же митрополитъ Макарей рече: «Брате Висарионе, и аще и нѣсть здѣ самого великаго князя Бориса, и с кымъ бы намъ побесѣдовати о его мужествѣ и смысле, и мы въспросимъ посла великаго князя Бориса». И рече: «Повиждь нам, Фомо, после великаго самодержавнаго, откуду се припахну благоухание на великаго князя Бориса, и откуду сий испи памяти жизнь сладкую чашу, и толикии труды показа, и ихъ же инъ никто же показа в Руси».

Лакомидѣйский митрополитъ Мефедей рече: «Но кто исповѣсть великаго князя Бориса Александровичя многыя нощныя милостыня и дневныя щедроты и ко всѣм требующимъ милость и яко же о немъ слышахомъ».

Терновский же митрополитъ Игнатей рече: «Созываетъ нас обычное слово к похвалѣ великаго князя Бориса. Но подобаетъ

за то, что такового князя даровал бог Русской земле, а нам пособника в вере христианской». А вселенский патриарх Иосиф сказал: «Старое миновало, новое же вам возвещаю: вера благодатная распространилась от нашей Греческой земли вплоть до Русской земли, евангельский источник исполнился вод, и надлежит нам вместе с великим князем Борисом славить святую троицу. А подобного князя на Руси мы никогда не знавали». И затем все митрополиты стали восхвалять великого князя Бориса, один за другим, каждый из них.

Гераклитский митрополит Антоний сказал: «И я в меру силы моей хочу воздать хвалу богу и великому князю Борису, ибо я видел его, а теперь о нем слышу: с детских лет больше всего Христа возлюбив, и возмужав, и приближаясь к зрелости, и мужество... И как возблагодарю тебя, когда столь много повествуют святители о твоей добродетели».

А трапезундский митрополит Дорофей сказал: «В Писании сказано, что присутствием двух или трех свидетелей подтверждается истинность всякого слова. А имя великого князя Бориса Александровича не только кем-то одним восхваляется, но прославляется имя его от края земли и до моря».

А кизикский митрополит Митрофан сказал: «Как нареку тебя, христолюбивый великий князь Борис! Воистину ты друг правды, вместилище мудрости, гнездо милосердия».

А никейский митрополит Виссарион сказал: «Если бы был здесь сам великий князь Борис Александрович, то я бы вопросил его, как вошел в него страх божий, как разгорелась в нем любовь Христова и как возлюбил Христа больше земных мудрецов. Ибо хоть и много есть великих князей на Руси, но никто не возымел такой заботы и труда, чтобы направить послов для участия в святом соборе — только один великий князь Борис».

А никомидийский митрополит Макарий сказал: «Брат Виссарион, хоть и нет здесь самого великого князя Бориса, с кем бы нам следовало побеседовать о его мужестве и мудрости, но мы расспросим посла великого князя Бориса». И сказал: «Поведай нам, Фома, посол великого самодержца, откуда припахнуло благоухание на великого князя Бориса, и кто дал ему испить сладкую чашу смысла жизни, и явить таковые труды, каких никто еще не являл на Руси».

Лакедемонский митрополит Мефодий сказал: «Кто возвестит многие милостыни великого князя Бориса Александровича, подаваемые ночью, и щедроты, изливаемые днем, ко всем нуждающимся в милосердии, о которых мы слышали!»

А тырновский митрополит Игнатий сказал: «Созывает нас обычай на похвальное слово великому князю Борису. Но подобает

вамъ и еще приложити ему похвалу, и да не оскудно слово ваше будет».

Амасийский же митрополитъ Иасафъ рече: «От нивы жатва, а от винограда плоды снѣдныя. Иже нива пожата будет, исщиститься, а лоза, егда обѣзана будет, тои и смириться. А слава великого князя Бориса, иже на всякъ день повсюду слышана, не оскудиваетъ».

Молодовский же митрополитъ Димианъ рече: «Чюдна есть святыхъ отець и похваления о великомъ князи Борисе, и свѣтло есть его благочестие простреся по всей земли».

Ставропольский же митрополитъ Исаиа рече: «И азъ же слышю великаго князя Бориса житие его аки блаженнаго Иакова, а незлобие же Моисиово, и благоговиние целомудреннаго Иосифа».

Родоский же митрополитъ Нафанаилъ рече: «Есть ми мала нужа днесь к вашей любви и совѣщати множеству глаголемыхъ, и не слышимъ бо иного князя таковаго в Руси, и яко же великий князь Борисъ».

Милитинский же митрополитъ рече: «Милостыни же и щедроты великого князя Бориса по всимъ землямъ поминаеми суть».

Драмаский же митрополитъ Дорофий рече: «Но много деръзновениа имѣетъ к богу великий князь Борисъ. И помогаетъ ми слово написанное; «И милость на суди хвалиться»; «Блажени милостиви, яко ти помиловани будутъ». Тако же и великаго князя Бориса милостыни и щедроты, не токъмо в Руской земли творимая, но и до Царствующаго града и до Святыя горы, реку же, и до самого Иерусалима дотече, и яко же нѣкая денница».

Мелетиньский же митрополитъ Матфѣй рече: «Кый убо есть разумъ или кый умъ постигнути можетъ повестование о великомъ князи Борисѣ, и яко же какъ о немъ слышимъ».

Тритриасийский митрополитъ Калистъ рече: «Аще ли есть вѣра права, то и дѣла благочестиваго великаго князя Бориса, яко же о немъ повестуетъ святый соборъ».

Ганский же митрополитъ Генадий рече: «Изъ Христова послушества приведу всѣмъ вамъ: «И аще ли кто напоитъ чашу воды въ имя ученика, и той мъзду прииметь». И князь же великий Борис не единого напиталъ, ни дву, ни 10, ни градъ, но многы грады и области припиталъ во своей отчинѣ».

Афилонский же митрополитъ Софроний рече: «И есть же сладостенъ убо райский цвѣт, и сладъчае того слышати великого князя Бориса».

Иверский же митрополитъ Иона рече: «И азъ мню великаго князя Бориса, подобенъ есть великому царю Констянтину. Онъ бо съ святыми отци на *1*-м съборѣ былъ. А великий князь

вам умножить похвалу ему, и да не оскудевает при этом слово ваше».

Амасийский же митрополит Иоасаф сказал: «От нивы — урожай, а от виноградной лозы — плоды. Нива, когда пожнут ее, опустеет, а лоза, когда ее срежут, захиреет. Слава же великого князя Бориса, которая разносится всякий день повсюду, не оскудевает».

А молдавский митрополит Дамиан сказал: «Дивны похвалы святых отцов великому князю Борису, и светло простерлась весть о его благочестии по всей земле».

А ставропольский митрополит Исайя сказал: «И я слышу о великом князе Борисе, что житие его — как у блаженного Иакова, а незлобивость — Моисеева, а благочестие — целомудренного Иосифа».

А родосский митрополит Нафанаил сказал: «Следует мне ныне присоединиться ко множеству того, что сказано здесь вашей любовью, ибо не знаем другого такого князя на Руси, каков великий князь Борис».

А мителенский митрополит сказал: «О милостях и щедротах великого князя Бориса говорят во всех землях».

А драмасский митрополит Дорофей сказал: «Имеет большое дерзновение пред богом великий князь Борис. Да поможет мне это сказать слово Писания: «Судия славен милосердием»; «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут». Так вот и великого князя Бориса милостыни и щедроты творятся не только в Русской земле, но, как свет зари, разливаются до самого Царьграда, и до Святой горы, и даже скажу — до самого Иерусалима».

А меленикский митрополит Матфей сказал: «Чья мысль и чей разум может постигнуть повествуемое о великом князе Борисе то, что о нем мы слышим».

Титриасийский митрополит Каллист сказал: «Как праведна вера, так праведны и дела благочестивого великого князя Бориса, о коем повествует святой собор».

А ганский митрополит Геннадий сказал: «Из Христова поучения напомню вам всем: «Кто напоит только чашею воды во имя ученика, получит награду». А великий князь Борис напоил не одного, не двоих, не десятерых, не один-единственный город, но многие города и земли в своем отечестве накормил он».

Афилонский же митрополит Софроний сказал: «Сладостен райский плод, но слаще того слышать великого князя Бориса».

А иверский митрополит Иона сказал: «Я мыслю великого князя Бориса подобным великому царю Константину. Ибо тот со святыми отцами на Первом соборе был. А великий князь

Борисъ с нынѣшними отци въ Ферарѣ, присла своего боярина, а самому бо ему не бывше за то долготы и ради путныя».

Сардийский же митрополитъ Дионисий рече: «Добро есть всѣмъ намъ возопити вѣровавъшимъ святописцу Давиду: «Сий день, иже сътвори господь! Възрадуемся и възвеселимься в онъ!» Но воистинну възрадоватися намъ подобаетъ, слышащи такова государя. И его же желахом, того и увидѣхомъ, и его же чаяхомъ, и того и усмотрихом, и яко же великъ намъ пособникъ по вѣрѣ христианской князь великий Борисъ. И нынѣ же в немъ и в насъ едина вѣра, и едино крещение, и едино поклоняние святыя троици, отца, и сына, и святого духа».

И сиа же похвала святыхъ отець о великомъ князѣ Борисѣ и слышавъ же Фома посолъ тфѣрский. И егда о немъ святымъ отцемъ глаголящимъ единъ по единому, и тогда онъ вся глаголы повелѣ писати, и принесе на Русь. И мы же почтохомъ такова писаниа и удивихомься, и яко же они ни видѣша, ни знаша великого государя, токмо слышаша, и написаша таковая похвалениа. А мы же повсегда трапезе его съпричастници быхомъ и его здравиемъ в велицей тишинѣ пребываемъ, и какъ умолчимъ изрядныя его добродители. Писано бо есть: «И аще ли кто близъ златаря приидетъ и аще бо от злата того приметь нѣкую лучю; или кто на высокое мѣсто взыдет, и аще ли будетъ и велми малъ, но далече видитъ». Тако же и азъ, почетшу *онѣхъ* отець похвалениа о великомъ князѣ Борисѣ, и да приведу посреди тоя похвалыи азъ похвалу великому князю Борису Александровичю.

Но весь умъ изступаю, помышляя онѣхъ высокое похваление. Но приведу к симъ Давида господь глаголя: «Обрѣтох мужа по сердцу моему и посажю его на престолѣ моемъ до вѣка». И азъ же сего самодержавнаго государя, великого князя Бориса Александровичя, новаго Давыда нареку, не токмо бо единъ господь обрете его по сердцу его и по совѣту, но и вси богоименитии людие рекоша в себѣ: «Обрѣтохомъ по сердцу и душамъ нашимъ утѣшение». И азъ о немъ рку: «Въистинну утѣшитель словом, и видѣниемъ, и даанием». Пишетъ бо в Бытии но рече: «Благословенъ богъ Симовъ». И азъ рку: «Благословенъ богъ великого князя Бориса Александровича, и иже от толикаго и великаго събора таковая похвалениа о немъ изыдоша». И паки но рече: «Распространитъ господь Афета, и вселиться села Симова». И азъ же о семъ рку: «Распространилъ богъ языцы людийстии на земли, и вселишася в села великого князя Бориса Александровича». И аще бы возьможно, то весь бы миръ былъ богом въ обѣтованной той земли. Но елико приходяшихъ в села великого князя Бориса Александровича! Въистину

Борис — с нынешними отцами в Ферраре; прислал своего боярина, а сам не прибыл только из-за долготы пути».

А сардийский митрополит Дионисий сказал: «Подобает нам всем, верующим святому псалмописцу Давиду, возопить: «Сей день, который сотворил господь! Возрадуемся и возвеселимся ныне!» И воистину возрадоваться нам подобает, слыша о таком государе. Ведь чего мы желали, то и увидели, и чего чаяли, то и усмотрели — что великий нам пособник в вере христианской великий князь Борис. И ныне в нем и в нас одна вера, одно крещение, одно исповедание святой троицы — отца, и сына, и святого духа».

И таковую похвалу святых отцов великому князю Борису слышал Фома, посол тверской. И в то время как святые отцы один за другим говорили о князе, он повелел записывать все их слова и принес на Русь. Мы же прочли записанное и подивились тому, как они, не видевши, не зная великого государя, только слышав о нем, смогли написать такие похвалы. А мы, постоянно бывая сопричастниками его трапезы и в великой тишине пребывая его заботами,— как мы умолчим о необычайной его добродетели? Ибо писано: «Если кто приблизится к золотых дел мастеру, не приимет ли тот от золота хоть один луч, или тот, кто взойдет на возвышенное место, не будет ли видеть далеко, хотя бы был и весьма мал?» Так вот, прочитав этих отцов восхваления великому князю Борису, приведу же и я среди тех похвал свою похвалу великому князю Борису Александровичу.

Но прихожу в исступление ума, помышляя о совершенстве их похвалы. Впрочем, приведу к этому — как говорит господь о Давиде: «Нашел мужа по сердцу себе и посажу его на престоле моем до конца веков». И я сего самодержавного государя, великого князя Бориса Александровича, назову новым Давидом, ибо не одному только господу полюбился он сердцем и разумом, но и все боголюбивые люди сказали себе о нем: «Обрели утешение сердцам и душам нашим». И я о нем скажу: «Воистину он утешитель словом, обличьем и делом». Ибо написано в Бытии, что сказано: «Благословен бог Симов!» А я скажу: «Благословен бог великого князя Бориса Александровича и то, что от такого великого собора таковые похвалы ему принесены». И еще сказано: «Распространит господь потомков Иафета, и населят землю Симову». А я об этом скажу: «Распространил бог народ человеческий по земле, и населил он селения великого князя Бориса Александровича». И если бы то было возможно, то весь бы мир был в той богом обетованной земле. И сколько приходит народу в селения великого князя Бориса Александровича! Воистину

по Еуаггелию глаголеть: «И ничто же ихъ не вредитъ». И того ради и от князей, и от велможь, и даже и до простыхъ людий желаютъ въ господарствѣ томъ быти.

Но аще кто иметъ мнѣти, что же сиа написахъ по дару или по страсти, и той почти онѣхъ святыхъ отець похваления, и какъ почтиша великого князя Бориса. И той кто онѣхъ научи? И кто ли сихъ подвиже таковѣмь образомъ того хвалити? Или кто упремудри ихъ в таковое съгласное, иже от разлѣчныхъ мѣстъ святители събрани, и ни единъ ни единому знаемъ, но и вси единогласно благоподобными хвалами величали великого князя Бориса? И азъ же, яко онѣхъ великаго похвалениа, от многаго нѣчто мало рку о своем государѣ великомъ князи Борисѣ *Александровиче.*

И что нареку азъ великого князя Бориса Александровичя? Но нареку его Съломоний. Нѣсть ли чли, и иже слыша южескаа царици премудрость Соломоню и прииде от конець земли и слышати хотя премудрость Соломоню? И мнѣ же мнѣть, дивние Соломона здѣ: слышаша велиции рустии князи и велможии премудрость и крѣпость великаго князя Бориса Александровича, въ богомъ обѣтованной той земли царствующа, и приидоша от конець земли не токмо премудрости слышати, но и видѣти славнаго того государя и питатися от царскыя тоя и сладкоядныя тоя трапезы.

И что же нареку тя, великого кьнязя Бориса Алексанъдровича? И нарку его Тивириа кесара правосудна. Но Тиверий не повели людемъ своимъ въ красныхъ ризахъ и въ златыхъ блистаниихъ предъ собою ходити. И сий же самодержавный государь, великий князь Борисъ Александровичь, не такъ, но бесчисльно даа людемъ своимъ, и повелевая въ своей полате въ красныхъ блистаниихъ пред собою ходити, а самъ же царскымъ вѣнцемъ увязеся. Воистину, въ древнихъ царехъ нѣсть таковаго слыхати, красна лицемъ, и ризами, и наипаче же и добродительми, и яко же великий князь Борисъ Алексанъдровичь.

И понеже не могу изообрести честнаго его хождениа, и ризнаго его украшениа, и красоты лица его, и старческаго его мудрованиа въ юностнѣмъ тѣлѣ, и обычай сладкый, с кротостию смѣшенъ, и тои же нареку его, самодержавнаго и братолюбиваго, наипаче же и боголюбиваго великого князя Бориса Александровича, и нареку его Премудраго Лва, и иже столпы красны несказанни созидаа. Великий князъ Борисъ Александровичь той не столпы бо созидая, но великии ограды съоружая, и в нихъ церкви божии поставляя, и събирая преподобныя мнѣхи и святолѣпныя старца, и яко столпи красновѣдныя, и ими же бы рѣщи утвержати и просвѣщати всю поднебесную.

можно сказать по Евангелию: «И ничто им не вредит». И потому все, и из князей, и из вельмож, вплоть до простых людей, желают пребывать в том государстве.

Но, может быть, кто-нибудь подумает, что все это я написал за вознаграждение или из страха,— пусть тогда он прочтет похвалы сих святых отцов и узнает, как прославили они великого князя Бориса. Кто же их научил этому? И кто подвигнул их восхвалять его таковым образом? И кто надоумил их на таковое согласие, что, будучи собранными из различных мест, не зная друг друга, святители все единогласно величали благими похвалами великого князя Бориса? И я, подобно их великой похвале, от многого малое нечто скажу о своем государе, великом князе Борисе Александровиче.

Кому уподоблю я великого князя Бориса Александровича? Назову его Соломоном. Не читали ли, как южская царица, прослышав о премудрости Соломона, пришла с края земли, желая убедиться в премудрости Соломона? Здесь же, мнится мне, удивительнее Соломона: узнали великие русские князья и вельможи о премудрости и могуществе великого князя Бориса Александровича, царствующего в богом обетованной той земле, и пришли с разных концов земли не только премудрости наслышаться, но и лицезреть славного того государя и насыщаться от царской и сладкой этой трапезы.

И как еще назову тебя, великого князя Бориса Александровича? Уподоблю его кесарю Тиберию Справедливому. Но Тиберий не разрешал своим подданным ходить перед собою в прекрасных одеяниях и в блистании злата. А сей самодержавный государь, великий князь Борис Александрович, напротив, бесчисленно одаривая людей своих, повелевает им в своей палате предстоять пред собой в великолепном блеске, увенчав себя самого царским венцом. Воистину не слыхано, чтобы среди прежних царей кто-либо был так прекрасен лицом и одеждами, наиболее же всего — добродетелями, как великий князь Борис Александрович.

И так как не могу найти слов, чтобы описать его величественную походку, прекрасные его одеяния, красоту лица его, мудрость старца, таящуюся в молодом теле, добрый нрав, соединенный с кротостью, то и назову его, самодержавного и братолюбивого, наиболее же всего — боголюбивого великого князя Бориса Александровича, назову его Львом Премудрым, который созидал несказанно прекрасные столпы. А великий князь Борис Александрович,— тот не столпы созидал, но сооружал великие стены, и воздвигал в них церкви божии, и собирал преподобных монахов и святолепных старцев, подобно прекрасным столпам, о которых следовало бы сказать, что на них утверждается и ими просвещается вся поднебесная.

Но мнит ми ся, и Лва премудрие великий князь Борисъ Александровичь. И о чем бо столпы ставя? И никий же успѣхъ человекомъ, но токмо на видѣние. А князъ великий Борисъ Александровичь многы церкви постави, и иже просвѣщаютъ и освѣщаютъ всякого человека, грядущаго в миръ.

И Августа его нареку, и при немо же имена человечьская напишася и вѣроваша. Но зрит ми ся, и сего изященнѣе. При ономъ бо человечьская имена написашася; сего же самого, великого князя Бориса Александровича, имя написася и прославися въ всѣхъ языцехъ. И о семь же азъ рку споводъ в Давидово: «Велиций же князь Борис Александровичь, възлюбилъ еси правьду и възненавидѣлъ еси безаконие. И сего ради помаза тя богъ паче причастникъ твоихъ и прославил тя есть паче всѣхъ великихъ князей рускыхъ».

Но что нареку сего самодержавнаго и любимийшаго ми государя, великого князя Бориса Александровича? Но Семиона ли его нареку златоструйнаго и любокьнижнаго или Птоломию книголюбца? Но воистинну се новы Птоломию великий князь Борисъ Александровичь, но повсюду събирая святыя книги и поучашася ими, еже ко спасению.

Но почто много глаголю! Но Констянтина ли царя его нареку, или Устиана царя, или Феодосѣя, царя благочестиваго, иже и соборы утвердиша православна ихъ крестианства? Но понеже правовѣрный царь Констянтинъ первый по Христе приятъ благочестие, а сей доброчестивый великий князь Борисъ Александровичь а по Владимерѣ приатъ такую великославную честь, и похвалу, и доброславие. И инъ же никто же в Руси не токмо самъ в вѣрѣ утверьдися, но и огради все свое державство божествеными добродительми.

Или Моисѣя великого нареку его, иже ветхаго законодавца, еже проведе израиля немокреными стопами сквозѣ Черьмное море? Великий же князь Борисъ Александровичь новый есть Моисѣй человеколюбивый, но и когожедо насъ преводя от убожества и от скорбнаго житиа въ свое радостное и богомъ обѣтованное царство.

Или Иосифа его нареку, и его же постави богъ господина надо всѣмъ Египтомъ? Но той толико пшеницею препиталъ градъ Египет, и елико си новый намъ Иосифъ, великий князь Борисъ Александровичь но препиталъ есть многыя области и веси.

Но и что тя нареку, великий князь Борисе Александрович и христолюбче! Но, воистину, еси другъ правдѣ и мыслу мѣсто, а милостыни гнѣздо. Шестословенъ еси именемъ, а седмотысещенъ еси смысломъ. Хвала еси и слава въ всѣхъ языцех седмьдесятых, еже на земли.

И искахъ много и в толькованныхъ и въ царствиихъ, не обрѣтохъ

Но мнится мне, что и Льва мудрее великий князь Борис Александрович. Ибо зачем тот столпы ставил? Никакого в том прибытка людям, только на обозрение. А великий князь Борис Александрович многие церкви поставил, которые просвещают и освящают всякого человека, грядущего в мир.

И Августу его уподоблю, при котором была перепись всем людям и люди начали веровать. Но видится мне, что и того он лучше. При том все люди были переписаны; этого же, великого князя Бориса Александровича, самого имя записано и прославлено во всех народах. И о сем же я скажу в согласии со словом Давидовым: «О великий князь Борис Александрович! Возлюбил ты правду и возненавидел беззаконие. И сего ради возвысил тебя бог больше других, подобных тебе, и прославил тебя больше всех великих князей русских».

Но кому все-таки уподоблю сего самодержавного и любезного мне государя, великого князя Бориса Александровича? Не Симеону ли златоструйному и книголюбивому, не Птоломею ли Книголюбцу? И воистину он — новый Птоломей, великий князь Борис Александрович, собирающий повсюду святые книги и учащийся по ним тому, что ведет к спасению души.

Но что много рассуждаю! Может быть, уподоблю его царю Константину, или царю Юстиниану, или Феодосию, царю благочестивому, укрепившим соборами православное христианство? Тот правоверный царь Константин первый принял христианское благочестие, а сей благочестивый великий князь Борис Александрович от Владимира принял таковую же великославную честь, и хвалу, и доброславие. И, как никто другой на Руси, не только сам так утвердился в вере, но и укрепил всю свою державу божественными добродетелями.

Или уподоблю его великому Моисею, законодателю древних, проведшему народ израильский неомоченными стопами чрез Красное море? Великий же князь Борис Александрович, новый Моисей человеколюбивый, кого из нас не привел от ничтожества и многотрудной жизни в свое радостное и богом обетованное царство.

Или уподоблю его Иосифу, которого поставил бог властителем над всем Египтом? Но тот пшеницею напитал только город Египет, а сей новый наш Иосиф, великий князь Борис Александрович, напитал многие местности и села.

Кому же тебя уподоблю, великий князь Борис Александрович, христолюбец! Воистину ты — друг правды, вместилище разума, гнездо милосердия. В твоем имени только шесть букв, но семь тысяч раз велик твой разум. Хвала и слава ты среди всех семидесяти языков, сущих на земле.

Много искал я в премудрых книгах и среди существовавших

таковаго ни въ царѣхъ царя, ни въ князѣхъ князя, но яко же сего великого князя Бориса Александровича.

Но и что же реку, но не довлѣет ми вся лѣта живота моего тоя похвалы писати. Но занеже поучаетъ мя Григорей *Богослов,* глаголя: «Но никое же добро можетъ величати человека, яко же любиваго доброта». Но еще же Иаковъ, братъ божий, учит ны: и иже кто слыша честь государя своего веселиться, тъй съвершенъ есть. Но, воистину, подобаетъ намъ веселитися, видѣвъ его честное княжение, великого князя Бориса Александровича, и много бо показуеться самовластно, покоривым бо от него честь, а непокоривым казнь.

И мнози бо преже нас бывшю но желааху видѣти таковаго государя и яже мы видимъ, но не видѣша, но и слышати не сподобишася.

Но о Христе самодержавный государь, милосердуй о всѣх по обычаю доброму, и нашеа худости писаниа приими, но яко же оноя вдовици двѣ лѣпте, на похваление твоея добродители. Но понеже, господине, от дѣлъ твоихъ причту приведох ти. Но от днесь бо мнози боголюбци, сынове твѣрскии въ слѣдъ тебе текутъ, но обретъше тя проводника, и яко же Моисий новыя израиль. Но и отселе ти пою пѣснь побѣдную, яко же и Мариамъ древле, но и отвсюду себѣ честь и веселие привлачающи твоимъ здравиемъ. И еще же, господине и присный нашь государю, но надѣемься и мы не забытнии познани тобою быти, и жаждуще от тебе милости, и яко же и еленъ воды. Но и богъ милости, и отець щедроты, и любы единороднаго его сына и пресвятого его и животворящаго духа, и пречистии его богоматери и да будетъ великимъ ти господствомъ но вкупѣ и с любящими тя и с любимыми тобою, но буди покрываемъ и съхраняемъ от вышняго рукы нынѣ, и присно, и в вѣкы вѣкомъ. Аминь.

Иже по благодати божии даннаго намъ Исус Христомъ на утверждение земъли, и на крѣпость, и на устроение человечьскому роду, и яко же боголюбивымъ и богоугоднымъ, хощу вамъ внести слово. Но и молю вы, да протягнете ми своя *слухи* и способьствуйте ми истиннѣ. Но понеже бо велику радость дарова богъ человечьскому роду, и яко же бо неизмѣримая глубина точимъ беззавистии источникы воды, и источници пакы пущаютъ неудержимыя, и рѣкы проливающеся и всю землю напаяютъ. И земля творитъ плоды. Писано бо есть: «Глаголи въ уши слышащимъ».

Но хощу вам повѣдати повѣсть дивну о великомъ князѣ Борисе Александровиче, но и всяко бисера честнѣиши. Но и сотворите убо себѣ достойны бисеру приатиа, но послушайте истины. И нѣсть бо се еже вамъ невѣдомо, но посреди вас преддержана стоитъ.

царств, но нигде не нашел ни среди царей царя, ни среди князей князя, кто бы был подобен сему великому князю Борису Александровичу.

И что бы я ни сказал, не хватит мне всей моей жизни, чтобы написать все похвалы; но поучает меня Григорий Богослов, говоря: «Никто не может так восхвалить человека, как любящий его». Еще же и Иаков, брат божий, учит нас, говоря, что тот совершенен, кто радуется славе господина своего. И воистину подобает нам радоваться, видя его, великого князя Бориса Александровича, славное княжение, исполненное многого самовластия, ибо покоряющимся — от него честь, а непокоряющимся — казнь.

Многие, жившие прежде нас, желали бы видеть такого государя, какого мы пред собою видим, но не увидели, и даже слышать не сподобились.

О ты, самодержствующий во Христе государь, пекись обо всех по обычаю доброму, прими от нашего смирения писание, подобно двум лептам той вдовицы, на похвалу твоей добродетели. Привел я, господин, здесь примеры дел твоих. Но теперь многие боголюбцы, из тверичей, подражают тебе как праведнику и как новый народ богоизбранный новому Моисею. И за это я, как в древности Мариам, пою тебе песнь победную, приобретая себе твоими заботами отовсюду честь и веселие. И еще, господин наш и государь наш навеки, имеем мы надежду не быть тобою забытыми, а быть приближенными к тебе, и жаждем твоей милости, как олень воды. Милостию божией, щедротами отца, любовью единородного его сына, и пресвятого его и животворящего духа, и пречистой его богоматери да возвеличится власть твоя в соединении с любящими тебя и любимыми тобою, да будешь сохраняем и покрываем рукою всевышнего ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

О том, кто божией благодатью дан нам Иисусом Христом на укрепление нашей земли и на укрепление и на устроение человеческого рода, вам, как боголюбивым и богоугодным христианам, хочу предложить я слово. Однако прошу вас, приклоните уши ваши ко мне и помогите мне чистосердечно. Ибо великую радость даровал бог человеческому роду, источая, как неизмеримая глубина, свободные источники вод, а источники сами испускают неудержимые потоки, и реки, проливаясь, землю всю напояют. И земля родит плоды. Сказано: «Говори в уши слышащим».

Итак, хочу вам поведать дивную повесть о великом князе Борисе Александровиче, более драгоценную, чем всякий жемчуг. Но сотворите и себя достойными воспринять жемчуг и узнайте истину. Речь ведь пойдет не о том, что вам неведомо, но о том, что среди вас возвышается.

И сий убо славноименитый, иже въ Христа благочестивый, и благородный, и богомъ вѣнчаный, самодержавный и богомъ възлюбленный и великий князь Борисъ Александровичь но всея державы тфѣрьскыя и еще сый из млада и добрѣ наказанъ бысть родители страху божию, и святая Писаниа добрѣ вѣдый, и имиже на всякъ день поучашеся и праотеческымъ тщаниемъ путемъ шествовати. Но понеже бо Царскый градъ Констянтиномъ хвалиться, а Кыевъ же Владимеромъ, а Тфѣрьская же земля, тѣх ублажающе, Михаилом хвалящеся, но того бо ради богъ не инъ коренъ въстави, но Михаиловъ, великого князя Бориса Александровича. Но и мнѣт ми ся, богъ тамо преводя оного, а здѣ се продводитъ плодъ его. Но князь же великий Борисъ Александровичь, стяжая Констянтинову доблесть, а Владимирову вѣру, и Ярославово мужество, а Михаиловъ разумъ, и о человечьскои богобоязнество, но и надо всими же си миръ и святыню гоняще. И миръ убо реку, еже ко странамъ и в мирная всегда готовляяшеся, а святыню же, еже преже всего церкви божии любляяше и о тыхъ попечениемъ сердце свое боляяше всегда. И еще же и всѣмъ доброприступенъ и от далече сухищъ близъ себе сътворяетъ.

Но понеже въ дни Августа царя рожешуся господу нашему Исусу Христу. И въ дни иже благочестиваго великого князя Бориса Александровича многы церкви поставлены бысть и въ имя господа нашего Исуса Христа, и иже просвѣщают всякого человека, грядущаго в миръ. И Августу бо власть приимъшу, но мъногыя власти престаша. А князю же великому Борису *Александровичу* власть приимше тфѣрскаго чиноначальства, гордыя съ власти сверже, а смиренныя на престолѣ со собою посади, но и еще же и иная власти, не покоряящаяся ему, но покорны сътвори.

Но яко же бысть въ дни Авраама, егда бѣ плененъ бысть Лотъ, сынъ брата его, и погна Авраамъ въ слѣд ихъ до *Дана* с треми сты и 18, и порази ихъ, и отъятъ вся стада ихъ, и възврати сыновца своего. И тако же бысть и въ дни великаго князя Бориса Александровича. И нѣкто от предѣлъ московскихъ, именемъ Колычевъ, и тъй прииде в силѣ тяжцѣ, хотя пленити сына брата его, князя Юрия Александровичя. И сие же слышавъ князь великий Борисъ Александровичъ, но яко же пленитъ Колычевъ сына брата его, и посла своихъ воеводъ крѣпчайшихъ. И биаша ихъ, и гнаша ихъ до Сижешкы, и еже есть ошуюю Ржевы. И яко же бо онъ побѣди ошую у Дамаска, но тако же великий князь Борисъ Александровичь побѣди москвичь ошуюю Ржевы. И възврати вся стада ихъ и вся имениа ихъ обо с треми сты и 18, а воеводы же великого князя Бориса Александровичя — съ единымъ стомъ. И приведоша к великому князю Борису

Сей славноименитый, по-христиански благочестивый, благородный, богом возлюбленный и богом венчанный самодержавный великий князь всей тверской державы Борис Александрович еще измлада был хорошо воспитан родителями в страхе божием и хорошо знал святые книги, по которым всякий день поучался шествовать путем праотеческого благочестия. И так как Царьград славен Константином, Киев — Владимиром, а Тверская земля, почитающая их обоих, Михаилом прославлена, то поэтому бог вывел великого князя Бориса Александровича не от какого-то другого корня, но от Михаилова. И мнится мне, что бог, направляя в том мире одного, направляет в этом мире и потомка его. Ибо великий князь Борис Александрович стяжал Константинову доблесть и Владимирову веру, Ярославово мужество и Михаилов разум, и еще, как всякий человек,— богобоязненность, но выше всего этого поставил мир и святость. Мир, говорю, потому что всегда стремился к миру со странами, а святость, потому что прежде всего любил церкви божии и о них всегда болел сердцем своим. И еще — всем он доступен и издалека пришедших к себе приближает.

Во времена царя Августа родился господь наш Иисус Христос. А во времена благочестивого великого князя Бориса Александровича поставлено было множество церквей во имя господа нашего Иисуса Христа, просвещающих всякого человека, грядущего в мир. И когда Август стал править, прекратилось правление многих других властителей. Так же и когда великий князь Борис Александрович принял правление над Тверью, отторг он гордых от правления, а смиренных посадил с собою рядом на престоле, а иных непокорных властителей покорными себе сотворил.

И как было во дни Авраама, когда пленен был Лот, сын брата его, и преследовал Авраам пленивших Лота до Дана с тремястами восемнадцатью своими воинами, и победил их, и отнял все стада их, и вернул племянника своего,— так же было и во дни великого князя Бориса Александровича. Некто из московских пределов, именем Колычев, пришел в силе тяжкой, желая пленить сына брата его, князя Юрия Александровича. Услышав о том, что собирается пленить Колычев сына брата его, великий князь Борис Александрович послал своих сильнейших воевод. И побили они москвичей, и преследовали их до Сижешки, что находится слева у Ржева. И как тот победил слева у Дамаска, так и великий князь Борис Александрович победил москвичей слева у Ржева. И тот возвратил все стада их и имение с тремястами и восемнадцатью воинами, а воеводы великого князя Бориса Александровича — с одной сотней. И привели к великому князю Борису

Алексанъдровичю боле 500 человекъ, кроме мертвыхъ и язвенныхъ. И иная же его мужества кто изочтетъ.

Но еще же созидаетъ церкви, и смышляетъ грады, и ихъ же не лет хитрости ихъ никому же глаголати, и веси строитъ. Но аще кто обиленъ будетъ человечьскою мудростию и ограждену имат душу мысльми человечьскыми, а чти и славы великого государя не повѣдаетъ, тъ ни въ что же вмѣниться мудрость его.

Но и мнози уцвѣти разлѣчны, но единъ же держай цвѣты. Но и мнозии убо есть велиции князи, но не сутъ таци, но яко же государь нашь великий князь Борисъ Александровичь. И сей бо есть по бозѣ нашему граду держава и утвержение.

Но аще ли кто речетъ, но что же сиа лаская написахъ, то неси ли слышали прежних летописцевъ, но да коиждо ихъ величал своего царя. И тъ колми паче и мы должнии величати своего государя, великого князя Бориса Александровича, но сей бо есть нашего града похвала. И нѣсть ли чли писаннаго, и еже рече: «Бога бойтеся, а князя чтите»? И азъ же иного не имамъ чимъ чтити его, но развѣе пишу добрая его дѣяния. Но понеже обличает мя нѣкий ратай. И никогда бо Дионисию царю гонящю путемъ, и видѣвъ его ратай, и не имѣя чимъ царя почтити, но въскочивъ в рѣку, и почерпе воды обѣма рукама, и принесе царю. И царь же приа, и разсмѣяся, и въ честь ему вмѣни. Но и сами вѣсте, не мощно есть, рукама почерпши воды, даръ принести самодерьцю. Но царь приа за бодрость принесшаго и. И нѣсть ли слышали Павла, глаголюща: «И никто же бо своего ищетъ, но дружняго». Но аще ли другу си велитъ честь творити, но тои колма паче должнии есмы государевы чести искатъ.

Но дивлюся вашей любьви! Тъи почто не писасте преже мене о таковомъ государи, но съй бо есть земъли вашей честь. Но и о томъ не творю вас виноватыхъ, ни укоряю вас, и еже вы не писасте. Но понеже бо коиждо васъ жену иматъ, а инъ дѣти питаетъ, и инъ о дому печеться, а инии въ вънинствѣ ходятъ, но и коижедо вас на поручную службу отходитъ. Но и о семь не хулны естѣ, но хвалими. Но понеже бо мы ни дѣтей имѣемъ, ни домовъ, ни полат, но то есть наше дѣло, иже писати честь государя нашего великого князя Бориса Александровича. И того бо ради почтени быхомъ от него, и яко же хотимъ слово имѣти и слова желати. И иже аще ли человекъ слова не желаетъ, но тъи паче безсловеснаго скота.

Но должникъ бо есмь, тъ сладцѣ отдаю долгъ, ни бо нищету приносит, но богатство ми приноситъ. Но понеже словесное убожество то богатство ражаетъ. Но и слово аще ли отдамъ, и тои вси имате его, и съ всѣми вами плодъ принесутъ.

Александровичу больше пятисот человек, не считая убитых и раненых. А прочие его мужественные деяния кто перечислит?

И еще он созидает церкви и основывает города, мудрого устройства которых ни у кого нет слов описать, и строит села. И какою бы кто ни был преисполнен человеческою мудростью и какую бы ни имел душу, укрепленную человеческим разумом, но если он не постигнет чести и славы великого государя, то ни к чему будет мудрость его.

Много есть цветов различных, но только один ухаживает за ними. Много есть великих князей, но нет такого, как государь наш великий князь Борис Александрович. И сей по милости божией есть держава и опора нашему городу.

И если кто из вас скажет, что все это написал я из лести, то разве не слыхали вы о летописцах прежних времен, как каждый из них возвеличивал своего царя? Но сколь же более должны мы возвеличивать своего государя, великого князя Бориса Александровича,— ведь он есть слава нашего города. И разве не читали вы, что сказано: «Бога бойтесь, а князя чтите»? А я не имею ничего другого, чем бы мог почтить его, кроме как описанием добрых его деяний. Так служит мне укором некий землепашец. Ибо в некие времена, когда царь Дионисий шествовал путем своим, увидал его один землепашец, и не имея ничего, чем бы можно было почтить царя, бросился в реку, почерпнул обеими руками воды и принес царю. И царь принял, и улыбнулся, и поставил ему это в заслугу. Сами понимаете,— нельзя, почерпнув руками воды, дар принести самодержцу. Но царь принял дар ради старания того, кто принес его. И разве не слыхали вы, как Павел говорит: «Никто не ищи своего, но каждый пользы ближнего»? И если ближнему полагается честь творить, то сколь более нам полагается искать, чем почтить государя своего.

И дивлюсь любви вашей! Почему до меня не писали о таковом государе, что является славой вашей земли? Впрочем, в том не виню вас, не укоряю, что не писали. Ибо каждый из вас имеет жену, а кто и детей воспитывает, один о хозяйстве печется, а другие в воинстве ходят, и всякий из вас отправляется на порученную ему службу. И за то не хула вам, а хвала. Ну, а мы ни детей не имеем, ни домов, ни палат, и потому это наше дело — писать о славе государя нашего, великого князя Бориса Александровича. Потому и в чести ходим у него, что печемся о слове. Ибо тот человек, который не печется о слове, хуже бессловесного скота.

И так как я — должник, то с радостью отдаю долг, не нищету мне это приносит, но богатство. Ведь сказанное слово рождает это богатство. Ибо если я скажу слово, то оно будет принадлежать всем вам, и все вместе мы обретем прибыток.

И сия же азъ написахъ не к вамъ, но вы бо добрѣ вѣдаете его и извѣстно знаете его, таковаго государя, и иже в земляхъ пресловущаго. Но вы бо моего писаниа не требуете, но понеже бо есте всегда с нимъ. Но написахъ сиа новорожнымъ младенцемъ, но да тии нѣкогда възрастутъ, и възмужаютъ, и доидутъ в мѣру мужъства своего, и достигнут в разумъ сверщенъ, и друг другу почетше наше писание, и възвистятъ княжение великого князя Бориса Александровича. Но яко же и въ Писании речеся: «Въспроси отца своего, и възвѣстит ти, и старци твои рекут тебѣ, елико видѣша и слышаша».

О ТОМЪ ЖЕ ВЕЛИКОМЪ КНЯЗѢ БОРИСѢ АЛЕКСАНЪДРОВИЧЕ

Милость божию, и человеколюбиемъ господа нашего Иисуса Христа, и благодать святого духа, дарованную обилно, сказаю вамъ, братие, сынове рода тферскаго, и причастници трапезе великого князя Бориса Александровича, велико и ветхо съкровище и неудобъ знаемо человекы, но обаче дивъствуи радости откровение, добро и силно богатство, но еще же и неоскудѣваему, ближнимъ и далнымъ велици дарове даеми. Но славенъ зѣло, и честенъ, и истинный строитель богомъ спасенаго града Тфѣри самодержавный государь, великий князь Борисъ Александровичь. Но, воистинну, царьскаа ядь, и от него же мнози препитаеми бываютъ. И понеже не от своего произволениа хотимъ сказати, но от многа мало нѣчто о великомъ томъ государѣ и от дѣлъ того государя. Яко же бо ритори и философи си рече и лѣтописци но велми прикланяютъ своя *слухи* о бывшихъ межи царей ратий ополченна и вельми слушаютъ, но и да кождо възвеличитъ своего государя, мужесътвовавша крѣпко, но и колми паче есть намъ лѣпно похвалити своего государя, великого князя Бориса Александровича. Но понеже вдохну в него богъ мысль благу, и еже наполняти миру отець своихъ. Но не токмо наполни, но и усугуби, но ревнуя по своемъ праотцѣ, великомъ князе Борисе Александровиче. Но си бо преже его благодатию божиею но вся благая о бозѣ дѣлааше. Но тако же и сий великий, естественый и изрядный в добродѣтелѣхъ великий князь Борисъ Александровичь, но тая же дѣла дѣлааше, еже о бозѣ. И въ книгахъ писано есть, и иже сынъ не можетъ творити, и аще ли не видитъ отца творяща. Но сий же великий князь Борисъ, и еже что видѣ у праотець своихъ, и то все творяше, но еще и напольняяше, но пребываетъ выше власти.

Но кто ли его исповѣдати можетъ строениа! Но смышляетъ грады, и строитъ монастыри, а дѣлаетъ веси, но всяко художьство и хитрость управляетъ. Но еще же чресъ предѣлы и книгами гораздъ и х кому же хощетъ, к тому бесѣдуетъ,

Но все это я написал не для вас, ибо вы хорошо знаете его и ведаете, что он — государь, знаменитый в разных странах. И вам не требуется мое писание, ибо вы всегда находитесь с ним рядом. Я написал это для новорожденных младенцев, чтобы и те, когда повзрослеют, и возмужают, и достигнут зрелости, и обретут совершенный разум, прочли друг другу наше писание и рассказали о княжении великого князя Бориса Александровича. Ведь как сказано в Писании: «Вопроси отца своего, и возвестит тебе, и старцы твои рекут тебе, что видели и слышали».

О ТОМ ЖЕ ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ БОРИСЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ

Милость божию, и человеколюбие господа нашего Иисуса Христа, и благодать святого духа, дарованную обильно, поведаю вам, братья, сыновья рода тверского и причастники трапезы великого князя Бориса Александровича, великое и старинное сокровище, недоступное людям, но удивляющее и радующее их откровение, обильное, знатное и неоскудевающее богатство, несущее ближним и дальним великие дары. Достоин славы и чести истинный правитель богом спасаемого города Твери самодержавный государь, великий князь Борис Александрович. Воистину он сам — царская трапеза, насыщающая многих. И мы будем говорить не о своих измышлениях, но от многого малое скажем о великом том государе и его делах. Ибо если риторы и философы, а также и летописцы весьма усердно приклоняют слух к известиям о бывших между царями битвах, чтобы каждому возвеличивать своего государя, крепко сражавшегося, то сколь более достойно нам прославить своего государя, великого князя Бориса Александровича. Ибо вдохнул в него бог мысль благую — исполнить меру отцов своих. Но не только исполнил, но и усугубил ее, ревнуя своему праотцу, великому князю Борису Александровичу. Сей был прежде него благодатью божией, творил всяческие благие дела по милости божией. Так же и сей великий, и изрядный в добродетелях прирожденный великий князь Борис Александрович такие же дела творил по милости божией. Ведь и в книгах записано, что сын не может делать того, чего не делает его отец. А сей великий князь Борис, что видел у праотцев своих, то все делал, да еще с избытком, превосходя могущество предков своих.

И кто может описать его дела! Замышляет строительство городов и строит монастыри, возводит деревни и руководит всяким ремеслом и художеством. И при этом беспредельно сведущ в книгах и с кем захочет — с каждым может вести беседу,

и никто же отвѣщати ему можетъ, но всѣми владѣетъ. И всѣх питаетъ, но и всѣхъ даруетъ и от всѣхъ дары приемлетъ. Но того бо ради сугуба радость бываетъ всѣмъ крестианомъ и веселие неизреченное. Но и вси людие радостию ликоствуютъ, видяще богомъ спасеный градъ Тфѣрь добрѣ стоитъ и красящеся великимъ княземь Борисомъ Александровичемъ.

И ничто же о немъ начнемъ глаголати, от ниска но и до высока доидемъ. И понеже от праотечества его начати но даже до днесь. Но праотци бо великого князя Бориса Александровича преже его великиа манастыри съградиша и множество мниховъ совокупиша, но еще же и выши того грады содѣяша нѣкиа.

Но отселе же начнемъ глаголати строение великого князя Ивана Михайловича. И съй убо устрои манастырь близу богомъ спасенаго града Тфѣри на рѣцѣ Тмацѣ и нарѣкова церковъ 3-ю святители молебници спасу, но якоже столпи твердии и непоколебимии моляться неотступно Христу за православныи князи и за все христианство. А князь же великий Александръ Ивановичь и иный манастырь устрои на рѣцѣ Перемере и нарече Благовещение пресвятыя богородици, но еже есть начатокъ спасению.

А князь же великий Борисъ Александровичь, ревнуя праотцемъ своимъ, и устрои манастырь на рѣцѣ Въръщинѣ и нарѣковахъ церковь самого творьца, начатку тому спасеному, господа нашего Иисуса Христа, но и еже ему на небеса Възнесению. Но и от сего же разумѣитѣ, яко от ниска начахом и до высока доидохомъ. Но понеже князь великий Иванъ Михайловичь устроилъ церковь молебници, ходатайци о нашемъ спасении, а князь же великий Борисъ Александровичь но вышша того устрои церковь избавление и оцѣщение еже от грѣхъ и небеса въсшествие, но радость, и утѣшение, и обѣщание о послании святого духа, еже и бысть. Но къто сихъ премудрие явиться! Онъ бо устрои мание, а другий же начаток спасению, а съи иже въ совершение дѣла приидеть, но устрои церьковь избавление от грѣхъ и обѣщание о радости, еже и бысть.

Но понеже бо аще кто слугу царева почтитъ, но той от царя честь приметь. Но и аще ли кто самого царя почтитъ, но и болма той велицей чести и даромъ достоинъ есть. А князь же великий Борисъ Александровичь но и самого царя велико чтяаше Христа, но тако же и слугы его. Но и инъ храмъ устрои самому царю Христу на вратѣхъ богомъ спасенаго града Тфѣри. И нарекова же имя храму тому еже «Входъ въ Иерусалимь». Но тамо бо входъ господу нашему Иисусу Христу въ градъ Иерусалимь, и от дѣтей еврейскыхъ велику почесть приимъ, но яко царемъ израилевымъ звахутъ его

и никто не может спорить с ним, но всех переубеждает. И всех насыщает, всех одаряет и от всех дары приемлет. И через все это бывает сугубая радость и веселье несказанное всем христианам. И все люди радостно ликуют, видя, как славно стоит и красуется великим князем Борисом Александровичем богоспасаемый город Тверь.

И что бы мы ни стали о нем говорить, всегда, начав с малого, дойдем до великого. Ибо, если с праотцев его начнем, все равно дойдем до нынешних дней. Ведь праотцы великого князя Бориса Александровича раньше него создали великие монастыри и собрали множество монахов и, больше того, построили разные города.

Отсюда начав, станем говорить о строительстве великого князя Ивана Михайловича. Сей устроил монастырь близ богом спасаемого города Твери на реке Тьмаке и назвал церковь в честь Трех святителей, спасителевых богомольцев, твердых и непоколебимых столпов, которые неотступно молятся Христу за православных князей и за все христианство. А великий князь Александр Иванович другой монастырь создал, на реке Перемере, и назвал в честь Благовещения пресвятой богородицы, которое есть начало спасению.

Великий же князь Борис Александрович, соревнуясь со своими праотцами, устроил монастырь на реке Ворщине и назвал церковь в честь самого творца и совершителя того спасения, господа нашего Иисуса Христа, в честь его на небеса Вознесения. И теперь убедитесь, что, начав с малого, дошли мы до великого. Ведь великий князь Иван Михайлович создал церковь в честь богомольцев и ходатаев о нашем спасении, а великий князь Борис Александрович, больше, создал церковь в честь избавления и очищения от грехов и на небеса восшествия, в честь радости и утешения, и обещания о ниспослании святого духа, что и сбылось. Кто же из них более премудр? Один устроил предвестие спасения, другой — начало спасения, а сей завершил дело, построив церковь в честь избавления от грехов и обетования радости совершенной, что и сбылось.

Известно, что тот, кто воздаст честь царскому слуге, достоин царской чести. Но тот, кто воздаст честь самому царю, достоин почестей и даров еще бо́льших. А великий князь Борис Александрович воздал честь самому царю великому Христу, а также и слугам его. И другой храм он поставил самому царю Христу, на вратах богом спасаемого города Твери. И дал имя храму тому «Вход в Иерусалим». Тогда, при входе господа нашего Иисуса в город Иерусалим, он от детей еврейских великие почести принял, называли его царем

и «осанна в вышнихъ» вопиахуть ему, и понеже еще мнози не вѣровахутъ в него, и симъ же и ризи свои постилахутъ под ногама его по пути. А здѣ же въсквозѣ той пречестнѣйший храмъ входъ сотворенъ въ богоспасеный градъ Тфѣрь, но да всяк человекъ входяще и исходяще поклоняеться, но почесть велику и възмѣздие от бога принимаше, и вмѣсто ризнаго постилания но главы своя постилааше пред честнѣйшимъ тѣмъ храмомъ и велегласно, яко единеми усты въпиющимъ имъ и глаголющимъ: «Многа лѣта ти, великий князь Борисъ Александрович, но яко же таковый входъ устроилъ еси въ богоспасеный градъ Тфѣрь. Но и великое спасение тобою приобрѣтаемъ».

Но и слуги же почти царя Христа, святыхъ великихъ мученикъ, тезоименита же себѣ Бориса и брата его Глѣба. И устрои имъ храмъ среди своего двора от камени бѣлаго, и украси в немъ иконами, и златом, и жемъчюгомъ, и камениемъ драгымъ, и паникадилами, и свѣщьми, но и яко же было и при Соломонѣ въ Святая Святыхъ. Ни умъ человечьи не дотечетъ, ни языкъ извѣстовати тоя красоты не можетъ; но понеже земънымъ человекомъ в томъ храмѣ стояти, яко же и на небеси мнѣтися. Но и иная же премудрости и строениа великого князя Бориса Александровича но кто изочтетъ, яко же и послѣдняя скажемъ.

Но яко же изъ млада святая Писаниа добрѣ вѣдый, понеже бо и господь, запрещая, глаголаше: «Пытайте Писаний, но яко же в тѣхъ жизнь вѣчную имаге», но того бо ради великий князь Борисъ Александровичь всѣмъ сердцемъ пытаетъ святого Писаниа, и въ строениихъ бо смысленый и славнѣйшихъ въ всѣхъ земляхъ великий князь Борисъ Александровичь, но вдохновенъ же бысть милостию спасителя бога, и нача собѣ помышляти, и да бы гдѣ градъ создалъ, но собѣ памети достоинъ, но яко же и праотци его. И нача смотрити мѣста, но яко же бы граду приходно быть. И усмотри же мѣсто близъ града Тфѣри на устие на Тмацкомъ. Есть храмъ святого Христова мученика Феодора. Но тол бо дивно мѣсто тое, но, въистинну, по желанию сердца великого князя Бориса Александровича. И далъ ему богъ мѣсто таково, но никимъ же ни копанно, ни сыпано. Но съ проста реку: но богомъ съдѣланно, и яко же бы искони приходно граду быти, но не прѣспѣ ему время. И нынѣ же помощию божиею и мыслию великого князя Бориса Александровича и съвѣтомъ всѣхъ людей и нача великий князь Борисъ Александровичь велми любити мѣсто тое, и наипаче же видя толь преславущь храмъ великого Христова мученика Феодора внѣ града стояща. И о томъ велико попечение имѣя, и да бы такий храмъ не внѣ града былъ, но въ градѣ. И того ради великий князь Борисъ Александровичь призываютъ ту суща

израильским и восклицали ему: «осанна в вышних», и в то время, как многие еще не веровали в него, они устилали одеждами своими путь под ногами его. А теперь сквозь сей пречестнейший храм вход сотворен в богоспасаемый град Тверь, дабы всякий человек, входя и выходя, поклонялся, принимая великие почести и воздаяние от бога, и, вместо постилания одежд, простирая свою голову перед честнейшим тем храмом и вместе со всеми в один голос громогласно восклицая: «Многая лета тебе, великий князь Борис Александрович, за то, что вход такой устроил в богоспасаемый город Тверь! Великое спасение получим мы твоими заботами».

Также воздал он честь и слугам Христа, святым великим мученикам, тезоименному себе Борису и брату его Глебу. Создал им храм из белого камня посреди своего двора и украсил его иконами, и золотом, и жемчугом, и каменьями дорогими, и паникадилами, и свечами, как при Соломоне в Святая Святых. Ни умом помыслить, ни языком описать той красоты; когда смертный человек в том храме стоит, кажется ему, что он на небесах. Прочих же премудрых замыслов и построек великого князя Бориса Александровича не счесть. И потому последнее скажем.

Смолоду хорошо изучивши святое Писание,— ибо господь учил: «Испытайте Писание, ибо через него получите жизнь вечную», и потому великий князь Борис Александрович испытует всем сердцем святое Писание,— и искусившись в строительстве, прославившемся по всем землям, великий князь Борис Александрович, будучи вдохновлен милостью спасителя бога, стал помышлять, где бы город поставить, достойный памяти о себе, как то и предки его делали. И стал выбирать места, где бы град удобно поставить. И усмотрел место близ города Твери на устье Тьмаки. Есть там храм святого Христова мученика Феодора. И так дивно место то, воистину таково, как желало сердце великого князя Бориса Александровича. И дал ему бог место такое, никем не рытое, не насыпанное. Просто сказать: богом сделанное и как бы искони уготованное для города, но не сразу настало для того время. Теперь же помощью божией, и по замышлению своему, и по совету всех людей великий князь Борис Александрович крепко возлюбил место то, а больше всего из-за того, что увидел столь преславный храм великого мученика Христова Феодора вне града стоящим. И возымел великую заботу о том, чтобы таковой храм находился не вне города, но внутри него. И для того призывает великий князь Борис Александрович бывшего

святителя своего и вси свои помѣстнии князи и боляре, еще же и аръхымандриты и игумены. И повелѣ всѣмъ быти въ храмѣ великого Христова мученика и воина Феодора. И ту повелѣ служити божественую литоргию. Егда же свершену бывшю божественому и великому дѣлу и тогда повели великий князь Борисъ Александровичь всѣмъ изыти на мѣсто тое, идѣже хощетъ основати градъ. Но онѣмь же изсшедъшимъ съ кресты, и с свѣщами, и с кандилы, а князю же великому Борису Александровичю по нихъ идущу, и ту народу сущу многу. И егда же приидоша на мѣсто то, и идѣже хощетъ основатися градъ, и князь же великий Борисъ Александръровичь въздвигнувый гласъ свой и велегласно нача глаголати ту сущему народу: «Мужи и братие, сынове рода тфѣрскаго, но вамъ слово рку, како ми поручи богъ престолъ отца моего, великого княжениа тфѣрскаго; но оттолѣ и до и нынѣ велми въжелахъ и да бы гдѣ градъ създалъ, но яко же и праоци наши съставиша грады собѣ памяти достойны. Но не приспѣ ми время. И нынѣ же помощию божиею и помощию святого великого мученика Христова Феодора и излюби ми ся сие мѣсто, и на семъ мѣсте хощу основати градъ. Но хощу того яко же съвѣти мои, тако же и съвѣти ваши — утверждение вашему великому граду Тфѣри».

«И нынѣ же богъ мира и молитвами святого Христова мученика Феодора и да уединитъ мысль твою съвершити град сий»,— и егда же народу сие изрекшим, и тогда великий князь Борисъ Александровичь повели святителю молитву сътворити на основание града. И егда же наченъшу святителю молитву, и кьнязь великий Борисъ Александровичь въздыхая из глубины сердца своего и нача в собѣ молитву творити, глаголя: «Господи, владыко превѣчный, Христе царю, но сотворивый небо и землю, и бес тебе бо ничтоже не съвершаеться, ни дѣло, ни слово! Но и нынѣ молитвою святого твоего мученика Феодора призри на мене, раба своего, и на новое се мѣсто. И дай же ми, господи, совершити градъ сий. Но понеже ты и веси си вся, совеси, и яко же мнѣвъ и въжделѣхъ оградити святого мученика твоего Феодора. И утверди мя, господи, праведнѣ и *несъвратънѣ* молитвою его. Но помози ми, господи, съвершити градъ сий». И сиа изрекъ но повелѣ рубити. И святитель же преже самъ нача рубити.

И по семь же великий князь Борисъ Александровичь призва мужи хитры и изообрете ихъ, яко же и Моисѣй новаго Веселеила, и пристави ихъ къ съвершению таковаго дѣла в лѣтъ 6955, месяца априля 23.

А самъ же великий князь Борисъ Александровичь поиде на свой дворъ в новооснованной той градъ и сътвори пиръ веселъ, и не токмо на то позванънымъ, но и прилучившимься.

там своего святителя и всех своих поместных князей и бояр, а также архимандритов и игуменов. И повелел всем прийти в храм великого Христова мученика и воина Феодора. И здесь повелел служить божественную литургию. И когда было совершено божественное и великое дело, тогда великий князь Борис повелел всем выйти на место то, где он желал основать город. И вышли все с крестами, свечами и кадилами, а великий князь Борис Александрович шел последним, и много было там народу. И когда пришли на то место, где хотел он основать город, великий князь Борис Александрович, возвысив голос свой, стал громкогласно говорить бывшему тут народу: «Мужи и братья, сыновья рода тверского, к вам мое слово, о том, как вручил мне бог престол отца моего, великое княжение тверское; с тех пор и доныне всегда помышлял я о создании где-то города, ибо и предки наши возводили города, достойные своей памяти. Но не приспело время мне строить. Ныне же помощью божией и святого великомученика Христова Феодора выбрал я это место и на месте сем хочу основать город. Но хочу не только по мыслям моим, но и по вашим советам утвердиться в решении моем об укреплении великого города Твери».

«Бог всего мира и молитвы святого мученика Христова Феодора да направят мысль твою ныне на создание этого города»,— и когда народ сказал это, тогда повелел великий князь Борис Александрович святителю сотворить молитву на основание города. И когда начал святитель молитву, тогда стал великий князь Борис Александрович, вздыхая из глубины сердца, творить про себя молитву, говоря: «Господи, владыко предвечный, Христе царю, сотворивший небо и землю! Ничто не свершается без тебя, ни дело, ни слово! И ныне молитвами святого мученика твоего Феодора воззри на меня, раба твоего, и на новое место это. И дай, господи, мне силы возвести город сей. Ибо ты ведаешь все, ведаешь и о том, как я стремился и мечтал обнести городской стеной храм святого мученика твоего Феодора. Утверди меня, господи, праведно и непоколебимо молитвою его. И помоги мне, господи, довести до конца создание города сего». И, сказав это, повелел рубить город. Святитель же прежде всех сам рубить начал.

Потом великий князь Борис Александрович призвал искусных мужей, выискал их, как Моисей нового Веселеила, и приставил их к исполнению такового дела, в 6955 (1447) году, в апреле месяце, в 23-й день.

А сам великий князь Борис Александрович вернулся на свой двор в новооснованном городе и задал веселый пир не только для тех, кто был зван, но и для тех, кто оказался там случайно.

И такъ потомъ дѣлатели начаша дѣлати. Богъ же невѣдомо помогаше имъ о дѣле томъ молитвою святого мученика Феодора, но яко дивитися всѣмъ зрящимъ борзейшему тому дѣлу. И от сего разумѣваху мнози, яко приятъно есть дѣло то богу и святому его мученику Феодору; и егда же кто кого видя иныя грады създидая, и то городню двѣма или тремя недѣльма създидаютъ, а сего же града городню двѣма или трема деньма созидааху.

Князь же великий Борисъ Александровичь, видя еже от бога поможение и поспешение великого Христова мученика Феодора ко трудолюбному его дѣлу, и часто нача приижати в той новооснованный градъ и ко святому Христову мученику Феодору. И нѣкогда бо ему веселящуся у святого Христова мученика Феодора, и бывъ въ своемъ веселии глаголяще, како именовати градъ. И нѣкто же бо от премудрыхъ, и разумныхъ, и великыхъ старець, и сѣдиною процвете, и наипаче же и добродѣтельми, и той рече: «Феодоровъ градъ наречеться». И князь же великий Борисъ Александровичь упремудри старца. И градъ же по старческому словеси любественое имя сотваряетъ, но понеже любовъ имѣя к великому мученику Феодору, и по той великой любвѣ, еже к великому мученику Христову Феодору великого князя Бориса Александровича и нарече градъ Любълинъ, рекше любовъ имѣя к великому Христову мученику Феодору. И потому градъ нарече Любовенъ.

И еще же и иная сътроениа великого князя Бориса Александровича, и кто ихъ изъчтеть! И не токмо сьй единъ градъ Любовенъ постави себѣ во утѣшение, но и иныи многы грады созда. Но създа великий градъ запустѣвший именемъ Кашинъ. И толико бо лѣтъ запустѣвъ, яко не удобь памяти человеческой достигнутъ, и ни основанию градъскому знатися. И князь же великий Борисъ Александровичь тъй градъ, запустивший от многыхъ лѣтъ, но единымъ лѣтомъ въздвигнувый его. И еще же и иный градъ въ области Клинской въздвигнувый, тако же за многыя лѣта запустѣвший. Праоческый же и оческия грады вся понови.

И кто бо таковый пастырь и сътроитель обретеся, но яко же великий князь Борисъ Александровичь! Остеняетъ бо многы грады, и остененяетъ же и самого его Христосъ. И нѣсть бо слово дѣяниа премудрейше. О глубина мудрости и строениа великого князя Бориса Александровича, яко же несказанно и неизреченно строение его бысть! Но о семъ бо великому Иоанну Златаусту въ своей епистолии къ ринфомъ пишетъ рекый: «Есть хитрость создателная, и есть хитрость зижительная, и есть хитрость дѣлателная». Но князь же великий Борисъ Александровичь всякиа хитрости навыкъ, яко же инъ никто же: задалную хитрость, и еже церкви божии многы създаша;

И так после того строители начали строить. А бог в том деле невидимо помогал им молитвами святого мученика Феодора, так что дивились все наблюдавшие на быстроту того дела. И благодаря этому уразумевали многие, что дело то приятно богу и святому его мученику Феодору; ведь когда бы ни созидали другие города, всегда возводили городню в течение двух или трех недель, а городню этого города возводили два или три дня.

И великий князь Борис Александрович, убедившись в божией помощи и содействии великого мученика Христова Феодора трудолюбному его делу, стал часто наезжать в тот новоснованный город, ко храму святого мученика Христова Феодора. И однажды, когда радовался он молитвенно в храме святого мученика Христова Феодора, спросил он, радуясь духом, как назвать город. И некто из премудрых, разумных и великих старцев, украшенный сединами, а больше того — добродетелью, ответил: «Надо назвать Феодоровым городом». Но великий князь Борис Александрович превзошел в мудрости старца. И, слушаясь слов старца, дал городу полюбившееся ему имя, но так как великий князь Борис Александрович питал любовь к великому мученику Феодору, то по той великой любви к великому мученику Христову Феодору нарек он город Любовен, что значит любовь к великому мученику Христову Феодору. И потому назван город Любовен.

Есть и другие деяния у великого князя Бориса Александровича, и кто перечислит их! Не один только город Любовен поставил он себе в утешение, но создал и многие другие города. Заново возвел великий запустевший город по имени Кашин. Столько лет находился тот в запустении, что невозможно было постигнуть того человеческой памятью, невозможно было найти и основания городских стен. А великий князь Борис Александрович за один год восстановил этот запустевший с давних лет город. Также восстановил он и другой город, в Клинской области, подобным же образом находившийся много лет в запустении. Праотеческий же и отеческие города он все обновил.

И где еще найдется такой пастырь и строитель, как великий князь Борис Александрович! Он ограждает стенами многие города, а его самого ограждает Христос. Но не мудрее слово, чем деяние. О глубина мудрости и дел великого князя Бориса Александровича,— ни пересказать, ни описать его деяний! Об этом пишет великий Иоанн Златоуст в своем послании к раифянам: «Есть искусство творить, и есть искусство созидать, и есть искусство делать». А великий князь Борис Александрович владеет всеми искусствами, как никто другой: искусством творить, так как сотворил много церквей божиих;

зижителную, еже преже всего запустѣвшиа грады созидаше; дѣятелную, еже села и веси добрѣ строяше, понеже человеческая вся от бога строима есть.

И да не рекуть намъ ненаказании, и от кыхъ книгъ пишемъ о великомъ князе Борисѣ *Александровиче.* Но и о въсемъ вели от апостольскыхъ заповѣдѣй научимься. И аще ли хощеши почести душиспасителныи книги, и тъ почти святыхъ отець житиа ихъ; и аще ли хощеши посланий чести, то апостольскыи книги имаши; и аще ли хощеши повѣстныхъ книгъ, то почти Царства. Но зри иже и сего — отложно ли есть чести Царства? И аще ли отложно тои писати о прежнихъ царехъ, но нѣсть ли писано, и котораго какова суть дѣяниа и вьинства или строениа? Но и мы же о прежних царехъ слышимъ, и тъ отверзеныима ушима слышимъ. И нынѣ же нынѣшняго царя, государя великого князя Бориса Александровича не слышимъ, но и видимъ и до святого спаса добрѣ строаща. И то и како о немъ пытаемъ или от кыхъ книгъ сиа пишемъ, и яко предрекохомъ, не от къннгъ бо, но от строениа самого того государя. Яко же есть писано: «Всяко бо древо от плода познано будетъ». Но и того ради словеси потребу далъ есть намъ богъ, и яко да совѣты сердечныя друг другу открываемъ. И азъ прииму слово святого Дионисиа Арепагита, но яко же полѣзно есть всяко здание градское человекомъ. Но князь же великий Борисъ Александровичь не собѣ грады съзидааше единому в потѣшение, но и всѣмъ человекомъ во великое прибѣжище и во упокоение, а собѣ же на великую память творяше, но понеже писано есть: «В память вѣчную будетъ праведникъ». Но, воистинну, реку: «В память». Отеческыя же грады поновляаше, но и еще же и новыя примышляяше. От благаго корени то и вѣтвь процвете блага. Но понеже строение великого князя Бориса Александровича облиставаетъ, и яко же нѣкаа денница или яко нѣкай венець благолѣпенъ. Но, вьистинну, достоинъ есть великий князь Борисъ Александровичь вѣнцу царьскому. Но смотряю же и ужасаюся! Но мню вѣра есть велика оного отца, великого князя Олександра Ивановича, но иже от благаго корени прозябшаго, и богъ тамо *предводит* оного, а здѣсе предводитъ и плодъ.

Ино да не мнитъ кто в васъ ласканиа быти словеса моя сиа, но да исъстинныя вещи посреди васъ предъстоятъ. Но «память праведнаго с похвалами», и рече премудрый Соломонъ. Но да аще есть убо всѣхъ праведныхъ память с похвалами, и кто ли не принесетъ похвалы великому князю Борису Александровичю, и кто ли не прославитъ его! И тъ и не требуетъ бо и самъ от насъ похвалы. Но точию мы убоимься притчи лениваго оного раба, съкрывъшаго таланътъ государя своего и имъ прикуп *не* сътворшаго. Но что не бо дивние

искусством созидать, так как воссоздал заново находившиеся прежде в запустении города; искусством строить, так как построил много сел и весей; ведь все в людях строится богом.

Пусть не спрашивают нас невежды, из каких книг пишем мы о великом князе Борисе Александровиче. Всему научаемся мы из апостольских заповедей. Если хочешь читать душеспасительные книги, то читай жития святых отцов; если хочешь послания читать, то возьми апостольские книги; если хочешь повествований, то читай Книги Царств. И обрати внимание, разве запрещено читать Книги Царств? И если бы даже и запрещено было писать о прежних царях, то не написано ли все-таки о том, каковы деяния, и войны, и строительство каждого. И сами мы слушаем о прежних царях, и слушаем отверстыми ушами. Ныне же, о нынешнем царе, государе и великом князе Борисе Александровиче не только слышим, но и видим его, укрепленного святым спасом. А откуда о нем узнаем и из каких книг о нем пишем, это я уже прежде сказал: не по книгам, но по делам самого того государя. Ибо сказано: «Всякое древо по плоду его познано будет». Для того и дал бог нам дар слова, чтобы мы открывали друг другу свои сердечные помыслы. И я воспользуюсь словом святого Дионисия Ареопагита, что полезно жителям городов всякое здание. Великий же князь Борис Александрович созидал города не одному себе на радость, но делал это для надежной защиты и успокоения многих людей, а себе — на долгую память, ибо сказано: «Вечная память будет праведнику». Воистину скажу, вечная память. Он обновлял города отцов и при этом еще замышлял и новые. Если корень хорош, то и побеги будут хорошие. Потому и сияет все, что построено великим князем Борисом Александровичем, как некая заря или как некий венец прекрасный. Воистину достоин царского венца великий князь Борис Александрович. Смотрю и трепещу! Думаю: велика вера отца его, великого князя Александра Ивановича, от благого корня порожденного: бог в том мире руководствует им, а здесь руководствует и сыном его.

И для того, чтобы никто из вас не считал эти слова мои лестью, пусть предстанут перед вами подлинные дела. «Окружает похвала воспоминание о праведнике»,— сказал премудрый Соломон. Но если воспоминание о всех праведниках следует окружать похвалами, то кто же не воздаст хвалы великому князю Борису Александровичу и кто не прославит его! Сам он не требует от нас похвал. Но только нам самим следует убояться, вспомнив притчу о том ленивом рабе, который утаил талант своего господина и не получил на него прибыли. Что есть более дивно

и преславнѣе, еже похвалити истиннаго строителя и пастыря, великого князя Бориса Александровича!

Но аще ли речемъ, по достоянию похвалити его не можемъ. Но не мощно бо, реку вамъ, иже рукама почерпше воды, и да принести самодержцу. Но еже имамъ, то и принесемъ. От многа мало нѣчто о немъ рцемъ, но боязнию съпрятуяся и в лѣпоту украшая его. И честною багряницею его украшаема видящи, и нищетою усердиа не спокрываемься. Но той бо от нашихъ не требуетъ ничтоже, но точию бо о немъ благомыслие. Но слава бо послѣдовати вѣсть благовѣрнымъ и похвалити премудрыхъ. А мнѣ же цвететъ сердце и точитъ умъ, но язык ми косенъ и худословесен и толикое величество исповѣдати. И да вы отверзите уста своя и способьствуйте ми истиннѣ. Но вижте благолѣпное церьковное устроение великого князя Бориса Александровича, и вижьте градъ его зданиа, и вижте чюдныхъ весей дѣлание. Но понеже бо есть на небѣсехъ дѣло аггельское бога славити, а на земли же человекомъ бога въсхваляюти въспѣвати, а князя чтити. Но приведемъ к сему и Давида царя, но еже рече: «Пасый иизраиля». Но рци ми яснѣе, кому то рече? И азъ же реку: въистинну, пастырь бѣ великий князь Борисъ Александровичь, еже пасы и строа новый иизраиль, богомъ спасеный градъ Тферь. Но преже бо его мнози пастыри быша. Великий князь Иван пастырь бѣ, и великий князь Александро пастырь же бѣ, но не устъроиша тако богомъ спасенаго града Тфѣри, но яко же великий князь Борисъ. Но не похуляю тихъ, но другаго строение похваляю. «Упасе бо,— рече Давыд,— люди своя рукою Моисѣовою и Ааронею». И князь же великий Борисъ Александровичь пася и строя богомъ спасеный градъ Тфѣрь благословениемь же Ивановым и Александровым и избра Давида, раба своего, пасти Иисзраиля в достоание себѣ. Но воистинну бо реку: новы есть Давидъ великий князь Борисъ Александровичь, пасы и строя достоание праотець своихъ. Но что убо еще ли не разумѣете достоинства! И изъявлю вамъ истинну. Но видѣте ли, какъ царскому и праоческому престолу достоинъ есть великий князь Борисъ Александровичь. Но речемь же ему вси, яко единеми усты: «Благословенъ великий князь Борисъ Александровичь, яко же храняй законъ господень! Благословенъ и въ градѣ, благословенъ и на селѣ, и благословенъ во всякомъ своемъ строении, благословенъ и на всякомъ мѣстѣ и нынѣ, и присно, и в вѣкы вѣкомъ».

СЛОВО О ТОМЪ ЖЕ ВЕЛИКОМЪ КНЯЗЕ БОРИСЕ АЛЕКСАНЪДРОВИЧЕ

Благоволение убо моего сердца и молитва еже к богу, и свѣдител ми есть о семъ богъ, яко же не лжу, но хощу вамъ повѣдати

и славно, как не прославление истинного попечителя и пастыря, великого князя Бориса Александровича!

Но что бы мы ни сказали, не сможем по достоинству похвалить его. Ибо нельзя, говорю вам, зачерпнув руками воды, принести ее самодержцу. Но что имеем, то и принесем. Из многого хотя бы нечто малое о нем скажем, сами одевшись страхом и в красоту облекая его. И видя его украшенным славной багряницей, не постыдимся своего убогого усердия. Ему ведь от нас ничего не нужно, только добрых о себе мыслей. Достойно возвещать о благоверных и воздавать хвалу премудрым. Но хоть горит мое сердце и жаждет этого ум, но язык мой медлителен и худословесен для того, чтобы поведать о таком величии. Откройте же и вы уста свои и способствуйте мне истинно. Посмотрите на благолепное устроение церквей великим князем Борисом Александровичем, посмотрите на созидание им городов, посмотрите на постройку чудесных сел. Дело ангельское — на небесах бога славить, а на земле дело человеческое — воспевая, бога восхвалять, а князя чтить. Приведем к этому и слова царя Давида, сказавшего: «Паси израиля». Но скажите мне яснее, о ком это сказано? И я скажу: воистину пастырь — это великий князь Борис Александрович, пасущий и устрояющий новый израиль, богом спасаемый город Тверь. И прежде него было много пастырей. Великий князь Иван был пастырем, и великий князь Александр тоже был пастырем, но не устроил так богом спасенного города Твери, как великий князь Борис. Не похуляю их, но только его дела прославляю. «Упас,— сказал Давид,— людей своих рукою Моисеевой и Аароновой». Великий же князь Борис Александрович упас и устроил богоспасаемый город Тверь по Иванову и Александрову благословению, избрав Давида, раба божиего, пасущего народ израильский, примером себе. Воистину скажу: новый Давид — великий князь Борис Александрович, пасущий и устрояющий достояние своих праотцев. Ужели еще не постигаете его достоинства. Истину вам объявляю. Видите, как достоин царского и праотеческого престола великий князь Борис Александрович. Скажем же ему все в один голос: «Благословен великий князь Борис Александрович, хранящий закон господень! Благословен в городах, благословен и в селах, благословен во всяком своем деле и на всяком месте ныне, и присно, и во веки веков».

СЛОВО О ТОМ ЖЕ ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ БОРИСЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ

Желает мое сердце, и о том молитва моя к богу,— бог тому свидетель, что я не лгу,— хочу вам поведать истинные вещи,

истинныя вещи, и иже вами не невѣдомы, но посреди васъ предстоа и тъ есть. Но понеже бо древнии философи повести пишуще, ово от прежнихъ писаннаго почли суть, а другое сами слышавъ, а иное видевъ. Но и мнози же писаша лѣтописци, а ничто же сами видевъ, но токъмо слышавъ, но понеже бо много сотворялося в далнихъ мѣсьтехъ, въ Аравехъ, и въ Персехъ, и в Мидѣнехъ, и в Риму. И то вся си писана сутъ, а ничто же видѣвъ, но точию слышавъ. И еще же и ветхыя книги писана сутъ Царства, но понеже бо когожедо си полагалъ на сердци котораго ихъ каковъ былъ царь, или правосуд, или въинъ, или доброзраченъ, и да коиждо величали своего си царя, и иже по тѣхъ родове будут но да и прочитаютъ на воспоминание онѣхъ царевъ. Но азъ же самовидець сый и святому тому дѣлу, но еже хощу вамъ повѣдати, не от инѣхъ слышавъ, но самъ сый вся си видѣвъ. Понеже бо царскый венець кто хощет составити, и да сбираетъ драгое камение бесцѣнное, и да не примеситъ къ свѣтлому тому камению темнаго камениа, ни иного ничего же. И аще ли примѣситъ, но да безс красоты сотворитъ лщение то свѣтлое и да всю лѣпоту вѣнца того без лѣпоты сотворитъ. Но мы же то все познавъ и посмотривъ, и помыслихомъ в себѣ и рѣхомъ, но яко ти и они мужии писаша о прежнихъ царех, надѣяшеся от нѣхъ никаку честь приати, а от рода в родъ память, но недостойно есть, реку, и намъ в забытии положити благочестие великого князя Бориса Александровича. Но сплетемъ ему яко злату пленицю, и ничтоже от себе приносяще, но от добраго того произволениа. И аще ли и велми худо наше плетение противу оного великого того государьства, но и нѣчто от многа мало подадимъ ему, но яко же оноя вдовици двѣ лѣпте бысть.

Ибо къняжащу ему во своей отчинѣ въ богомъ спасеномъ градѣ Тфѣри, и бысть же княжение его тихо и безмятежно, но и увеличися власть его, на отчим престолѣ богомъ утвержаемъ и преспѣваемъ, въ всякомъ дѣле совершенъ, но яко же и во многыхъ странахъ со завистию имъ глаголати о преспевании его. И кьнязь же великий Борисъ Александровичь полагая себѣ на сердци святое Писание и еже рече: «Богатство аще ли спѣетъ, то не *прилагаите* сердца». И колико ему время спѣетъ, и той болма въ смирении пребываетъ, и ко всѣмъ земълямъ в мирная всегда готовляшеся и хвалу въздая богу рекы: «Боже, насытил мя еси земныхъ благъ, и не лиши мя еще небеснаго царствиа».

И всеблагый же богъ хотя бес печали и свою милость удивити на любящихъ, и его же бо отець сына биетъ, того и милуетъ, и хотяше бо болма прославити его и искусити, яко злато в горнилѣ, и обрѣсти его достойна себѣ, и еще же — дабы не возносилъся, но во вся бо лѣта княжениа

не неведомые нам, но хорошо вам известные. Ведь древние мудрецы, сочиняя повести, одно почерпали из того, что было еще до них написано, другое сами слышали, а иное и видели. Также и многие летописцы писали о том, чего они сами не видели, а только слышали об этом, ибо многое происходило в дальних краях — в Аравии, в Персии, в Мидии, в Риме. И это все описано, не будучи увидено, только услышано. Так же написаны и древние Книги Царств, как кому бог на сердце положил о том, каков был каждый из царей — справедливый, или воинственный, или благообразный,— чтобы каждый народ, сколько будет в нем поколений, величал своего царя и чтобы вспоминал о тех царях, читая о них. А я — очевидец святому тому делу, о котором хочу вам поведать не от других услышав о нем, но сам все видев. Тому, кто желает создать царский венец, следует сбирать драгоценные каменья, и нельзя ему смешивать светлых тех камней с темными камнями или с чем-нибудь другим. Если же смешает, то лишит красоты то светлое сияние и обезобразит всю красоту венца того. И узнав и рассмотрев все это, мы помыслили в себе и решили: раз прежние мужи писали о прежних царях, не помышляя получить от них какую бы то ни было честь, а только ради памяти из рода в род, то не подобает, скажу, и нам предавать забвению благочестие великого князя Бориса Александровича. Сплетем же ему как бы золотой венок, не привнося ничего от себя самих, а только из добрых его деяний. Если и весьма худо будет наше плетение по сравнению с величием его княжения, то при этом хотя бы подадим ему от многого малое, как та вдовица две свои лепты.

Ибо княжит он в своей отчине, в богоспасаемом городе Твери, и княжение его тихо и безмятежно, а власть его возросла, и бог укрепляет его и споспешествует ему на отеческом престоле, и преуспевает он во всяком деле, так что и во многих государствах с завистью говорят о его успехах. Но великий князь Борис Александрович запечатлел в своем сердце слова Священного писания, гласящие: «Богатство если течет вам в руки,— не прикипайте сердцем к нему». И чем больше стекается к нему счастья, тем больше пребывает он в смирении и, стремясь к миру со всеми странами, воздает хвалу богу, говоря: «Боже, насытил меня земными благами, не лиши меня и небесного царствия».

Всеблагой же бог, не желая зла, но желая показать свою милость к любящим его (ибо которого сына отец бьет, того и милует), восхотел еще больше прославить его и испытать, как золото в горне, для того, чтобы обрести его достойным себя, и еще — для того, чтобы не возносился, а то за все годы княжения

его и ничтоже зла приатъ, но и от всѣхъ земль честь велику и дары многы приимаше. И о семъ бо рече, моляся, великий Павелъ: «И да даст ми ся томитель, да ся не превозношу, да сосуд буду избранъ богу». Да то какъ глаголаше? Но понеже бо взятъ бѣ высоко, но никако же тѣмъ хотяше ся превознести, но наипаче смѣряшеся.

Но любяй же богъ великого князя Бориса Александровича, и попусти на него скорьбь, и да бы ся не превозносилъ, но понеже увеличися власть его и възвысися слава имени его въ страны далечиа. И понеже бо таковая скорбь от многыхъ лѣтъ на мнозѣхъ градѣхъ не бывала, но на великаго же мужа, и искуси великыи, рку.

И яко же пишетъ въ царскых лѣтописцехъ, при великомъ цари Устианѣ и при великомъ цари Феодосии таковыя и незабвеныя пожары быша. Но тако же и при семъ великомъ князѣ Борисе Александровиче но великий незабвеный пожаръ бысть на великом градѣ Тфѣри, но яко же ни основанию градскому статися. И сей же бысть пожаръ в лѣтъ 6957. Но учинися таковая наказаниа владыкы Христа.

И князь великий Борисъ Александровичь но по великомъ томъ пожарѣ и иде в той бывший градъ къ святому Спасу. И видѣ многы церкви погорѣвша и многы домы с товаромъ. И очеса бо бяше ему слез исполнени, и из глубины сердца въздыхая и рече: «Владыко превѣчный, Христе царю, помилуй мя пречистыя твоея матере молитвами! И не остави мя въ унынии семъ быти! Бес тебе бо ничтоже съвершаеться, ни дѣло, ни слово. Но повелѣниа полагаеши, и не мимо идутъ. Но обаче воля твоя да буди. Но яко же ти угодно, тако и буди. Имя твое благословено отнынѣ во вѣкы!» И пришедшу же ту сущаго града епископу его, и поучаше его от божественыхъ Писаний, и яко не скорбѣти о прилучшихъся ему скорбѣй. И въспоминаа ему о прежнихъ царехъ и о пожарѣхъ, но таковаа на нихъ милованиа владычня и каковая онѣхъ владычня терьпѣниа. И еще же и пророка Давыда, глаголюща, приводя ему: «Многы скорби праведнымъ, но и от всѣхъ ихъ избавить господь», и: «Без наказаниа не сутъ сынове», и пакы: «Аще ли наказание терпите, и яко же сыновемъ вамъ обрѣтаеться богъ». И князь же великий Борисъ Александровичь испущаше от очию слезы, яко источникъ, и утѣшашеся святительскыми глаголы. И самь же ему с великымъ смирениемъ отвѣщааше: «Но сиа вся грѣх ради нашихъ». И поминаа ему того же Давыда, глаголюще: «Многы раны грѣшному. И мню же, яко упова на господа обрящетъ милость».

И мы же все того дѣлъма воспоминаемъ вамъ, но понеже и на среду хощемъ привести великое его смирение, и великий его разумъ, и обычай его, с кротостию смешенъ.

своего не испытал он никакого зла, только принимал от всех земель великую честь и многие дары. Об этом сказал, молясь, великий Павел: «Да дастся мне мучитель, чтобы не превозносился я, да сделаюсь сосудом избранным бога». Почему сказал так? Потому, что вознесен был высоко, но никак не хотел этим возгордиться, а еще больше смирился.

И бог, любя великого князя Бориса Александровича, послал на него беду, дабы не возгордился он тем, что возросла власть его и простерлась слава имени его до дальних стран. Ибо, скажу я, не случалась такая беда уже много лет ни в одном из многих городов, но пришла к великому мужу и искусила великого.

И, как сказано в царских летописцах, подобные незабываемые пожары бывали при царе Юстиниане Великом и при царе Феодосии Великом. И так же при великом нашем князе Борисе Александровиче такой великий и незабываемый пожар случился в великом городе Твери, что не уцелело даже основание городских стен. И этот пожар случился в 6957 (1449) году. Учинилось таковое наказание от владыки Христа.

И великий князь Борис Александрович пошел после того великого пожара в тот бывший город ко святому Спасу. И увидел погоревшими многие церкви и многие дома с товарами. И наполнились очи его слезами, и он, воздыхая из глубины сердца, сказал: «Владыко предвечный, Христе царю, помилуй меня пречистой твоей матери молитвами! Не дай мне пребывать в унынии! Ибо ничто не совершается без тебя, ни дело, ни слово. Как ты повелеваешь, так и бывает. Да будет воля твоя! Как тебе угодно, так пусть и будет. Благословенно имя твое ныне и вовеки». И пришел в это время епископ того города, и стал поучать его словами из божественного Писания, что не следует сокрушаться о случившихся несчастьях. И напоминал ему о прежних царях и пожарах: какова была к ним милость владыки, и каково было их благочестивое терпение. Также и слова пророка Давида приводил ему: «Многие скорби выпадут на долю праведным, но от всех избавит их господь», и еще: «Ненаказанные, вы — не сыновья», и еще: «Если претерпеваете наказание, то как сыновья становитесь богу». И великий князь Борис Александрович проливал из очей потоки слез, словно воду из источника, и утешался святительскими словами. И сам отвечал ему с великим смирением: «Все это за грехи наши». И поминал ему того же Давида, говоря: «Многие раны грешному. Но знаю, что уповающий на господа обрящет милость его».

Мы же все это ради того напоминаем вам, что хотим показать великое его смирение, и разум его великий, и нрав его, полный

Но яко же князь бѣ и воевода, но реку же пастырь овцам. Но понеже бо когда его вижду за домъ святого Спаса добрѣ стояща, и то княземъ его и воеводою зовутъ. А его же когда вижу о людехъ пекущася, и тъ пастыря его нарицаю. А егда же его вижу ко церкви божии прилѣжаща, и тогда истинное овча нарицаю его стада Христова.

И по скорбии же дний тѣхъ, минувшимъ днемъ двѣма или трема, прииде вѣсть таковая, яко же и не хотѣхомъ и слышати, но что же король великопольский и краковьский и великий князь литовъский Казимиръ съ всѣми силами, и еще же и многыхъ земль с нимъ люди, идетъ на домъ святого Спаса но и на великого князя Бориса Александровича.

И тогда бо сущу в Новѣгородѣ недругъ бысть великому князю Борису и князю Дмитрею, зовомому Шемяцѣ. И в тая же времена и тъй хотяаше нѣгдѣ украину взяти великого князя Бориса Александровича. Но бяше бо и та земъля многонародна. И егъда же сие слышавше людие невеселыя тѣя вѣсти, и они бо во иныя грады помышляху ити, а инии на бѣгъство готовляхуся. Но и прихожааху к великому князю Борису Александровичю и помышляяху ему, но да бы во инъ градъ шелъ, и глаголюще ему: «Но есть обычай многымъ государемъ, и егда же какому пожару бывшю, и тогда во иныи грады преходятъ и пребываютъ. И нынѣ на тебе толикиа и великиа силы подвигнушася, но и ты же здѣсе хощеши пребывати без града». Но и князь же великий Борисъ ни слышати того не хотяаше, но рекы: «Не буди мнѣ тако, но что же оставя ми домъ святого Спаса, да поити во иный градъ. И кую хвалу азъ приобрящу. Но богъ нам прибѣжище и сила, помощникъ въ скорбѣхъ, обрѣтших ны зѣло. На господа уповая и не изнеможемъ. И нѣсте ли чли Писаниа: «Надѣющейся на господа, яко гора Сионъ, не подвижиться въ вѣкы». И на господа упование кто стяжа, но выше всѣхъ скорбящихъ. И нѣсте ль слышали великого мученика Христова Дмитриа, и какъ о своихъ си людехъ глаголаше: «Но, господи, аще ли погубиши ихъ, то и азъ с ними погибну». Но и мы же поревнуимъ Христову *мученику* Дмитрию и на помощь призываемъ его. Но аще ли ми лучится и глава своя положити за домъ святого Спаса и за вся люди, но велми благодарю бога и его пречистую матерь. А не буди ми въ градѣ сидѣти, а людемъ моимъ въ пленъ веденымъ быти. И вы же себѣ сотворите градъ, и азъ же вамъ оставлю въ градѣ святителя и свою княгиню. А самъ сяду на конь, но еже хощетъ богъ, тъ сътворитъ». И нача въоружатися, и посла по всѣ свои князи и боляре, но и еще же посла по брата по своего по молодшаго, по князя Ивана Андрѣевича. И той к нему прииде въборзѣ со многыми людми.

кротости. Был он как князем и воеводой, так и пастырем овцам, скажу я вам. Ибо когда вижу его твердо стоящим за дом святого Спаса, тогда зову его князем и военачальником. А когда вижу его о людях пекущимся, тогда пастырем его именую. Когда же вижу его приходящим к церкви божией, тогда именую его истинной овцой стада Христова.

И спустя два или три дня после тех скорбных событий пришло такое известие, что не хотелось даже и верить ему,— о том, что король великопольский и краковский и великий князь литовский Казимир со всею силою и со множеством людей из разных земель идет на дом святого Спаса и на великого князя Бориса Александровича.

Тогда княжил в Новгороде недруг великого князя Бориса, князь Дмитрий, именуемый Шемяка. И в это же самое время захотел и он отнять часть порубежной земли великого князя Бориса Александровича. А была та земля многонаселенной. И когда услышали люди невеселые те вести, то стали помышлять об уходе в другие города, а кое-кто и к бегству готовиться. И стали приходить люди к великому князю Борису Александровичу и советовать ему, чтобы шел он в другой город, говоря ему: «Есть обычай у многих государей,— когда случится какой-либо пожар, переходить в другие города и пребывать там. Ныне же поднялись на тебя столь великие силы, а ты хочешь оставаться здесь, без городских стен». Но великий князь Борис и слышать о том не хотел, а сказал: «Не будет того, чтобы я, оставив дом святого Спаса, пошел в другой город. Какую славу приобрету я тем? Бог нам прибежище и сила, помощник в скорбях, обступивших нас сильно. Будем уповать на господа и не ослабнем. Разве не читали мы в Писании: «Надеющийся на господа, как гора Сион, не подвигнется вовеки»? Кто возымел упование на господа, тот достойнее изо всех скорбящих. И разве не слыхали мы о великом мученике Христове Димитрии, как говорил он о своих людях: «Господи, если ты погубишь их, то и я с ними погибну»? Будем же и мы подражать мученику Христову Димитрию и призовем его на помощь. Если и случится мне положить свою голову за дом святого Спаса и за всех людей, то радостно возблагодарю за это бога и пречистую его матерь. Но не будет того, чтобы я отсиживался в городе, а люди бы мои были в плен ведомы. Выберите себе город, и я оставлю вам в нем святителя и свою княгиню. А сам сяду на коня, и что богу угодно, то и будет». И стал вооружаться, и послал по всех своих князей и бояр, и также послал за братом своим младшим, за князем Иваном Андреевичем. И тот скоро пришел к нему со многими людьми.

И слышавъ же сие король литовский Казимиръ, но яко же грядетъ к нему великий князь Борисъ въ сретение, но нѣ боящеся кознѣй его ни лаания, но хотяй гордыню его попрати милостию и его пречистыя матере молитвами. И король же повели воеводамъ своимъ порубежнымъ с воеводами великого князя Бориса Александровича мирствовати, и воеводы же великого князя Бориса с воеводами литовскыми начаша миръ соеждати. И доиде слово то и до великого князя Бориса, но яко же воеводы литовские со его воеводами миру хотяаше, и онъ же не токмо повели воеводамъ миръ взяти межи себя, но и еще и х королю посла свои послы; и король же с великою радостию миръ взя, и разидошася кыждо во своя си. Милостию божиею и молитвами пречистыя богоматери и здравиемъ государя нашего великого князя Бориса Александровича съблюдена бысть Тфѣрская земля от нахожениа онихъ.

И мы же сице возопиемъ: «О великий уме, о промыслу людьскый! О дивная и преславная дѣла: пастухъ молчитъ, а овци волковъ одолѣваютъ!» Но князь же великий Борисъ Александровичь против въоружашеся, а воеводы миръ взяша. Ни оружиемь бо прогнани волци, ни стрѣляны, и въ свояси возвратишася. Но сами заратишася и сами же вспять поидоша. Ни человеческый глас на нихъ не глагола, но своя ихъ совѣсть обличааше. И воскорѣ яко паучина преторжесяѧ. А князь же великий Борисъ Александровичь акы жестокы камыкъ стояше неподвижно в дому святого Спаса и въ своей отчине, в великомъ княжении Тфѣрскомъ.

И мы же ему сице рцемъ: «Радуйся, новый страстотерпче, таковы бѣды подъя, ниже инъ никто же! Радуйся, въинѣ, иже онии волкы отгнавъ ни оружиемъ, ни стрѣлами, но великымъ своимъ разумомъ!»

Но князь же великий Борисъ Александровичь хвалу въздая богови и его пречистой матери и нача съвѣт съвѣщевати со своимъ епископомъ и со своими князьми и боляры, и да бы изгыбший градъ въставити. И вси иже людии с радостию совѣщашася. Но и малыми деньми той великий градъ поставленъ бысть, но и въси людие радостно ликоствуют и глаголюще: «Многая лѣта ти, великий князь Борисъ Александровичь! Но яко же остѣняеши грады, и остѣняетъ же тя самого господь Иисус Христосъ. Но понеже бо не видѣхомъ и в первая лѣта тако устроена и украшенна великого града Тфѣри, но яко же и нынѣ мы видимъ».

Но мню вѣра оного отца, великого князя Олександра, богъ тамо предводитъ, и плодъ его въ всю бо землю изыде. Рече: «Боголюбая держава твоя и в конець вселенныя христолюбивая твоя дѣла, но въ всю землю и в конци ея».

И услышал о том литовский король Казимир, что идет ему навстречу великий князь Борис, не боясь его козней и бранных речей, желая попрать его гордыню милостью божией и молитвами пречистой богоматери. И повелел король своим порубежным воеводам замириться с воеводами великого князя Бориса Александровича, и стали воеводы великого князя Бориса Александровича обсуждать условия мира с литовскими воеводами. И дошла та весть до великого князя Бориса, что литовские воеводы хотят мира с его воеводами, и он не только повелел воеводам замириться между собой, но еще послал и к королю своих послов; и король с великою радостью принял мир, и разошлись каждый восвояси. Милостию божией, и молитвами пречистой богоматери, и здравием государя нашего, великого князя Бориса Александровича была спасена Тверская земля от их нашествия.

И подобает нам так воскликнуть: «О великий ум, о промысел человеческий! О дивные и славные дела: пастух молчит, а овцы волков одолевают!» Вооружался на врагов великий князь Борис Александрович, а его воеводы мир заключили. Не оружием прогнаны волки, никем не стрелянные, а возвратились восвояси. Сами начали войну, и сами вспять повернули. Не повелел им того человеческий голос, но собственная совесть изобличила. И вскоре, как паутина, распались. А великий князь Борис Александрович остался, как твердый камень, неподвижно стоять в доме святого Спаса и в своей отчине, в великом княжестве тверском.

И мы скажем ему так: «Радуйся, новый страстотерпец, таковые беды принявший, как никто иной! Радуйся, воин, прогнавший таких волков не оружием, ни стрелами, а великим своим разумом!»

И великий князь Борис Александрович, воздав хвалу богу и пречистой его матери, стал держать совет со своим епископом и со своими князьями и боярами о том, чтобы восстановить разрушенный город. И все, что ни есть, люди радостно с этим согласились. И в короткий срок был поставлен тот город заново, и все люди радостно ликовали, говоря: «Многая лета тебе, великий князь Борис Александрович! Ты ограждаешь стенами города, и тебя самого ограждает господь Иисус Христос. Ибо и в прежние годы не видели мы так прекрасно устроенного и украшенного города Твери, каким видим его ныне».

Но помышляю о силе веры отца его, великого князя Александра, бог направляет его в том мире, и наследие его наполняет всю землю. Сказано: «Излюблена богом держава твоя, и распространилась слава о христолюбивых делах твоих по всей вселенной, и по всей земле, и во все ее концы».

Но и от всѣхъ же земль прихожааху къ нему и великиа дары приношааху к нему. Но ово от царствующихъ мѣстъ, а ово от Рима. И не токмо же от вѣрныхъ царей честь велику и даръве примааху, но и от невѣрныхъ царей. Но не от инѣхъ слышахъ сиа, но самовидѣць есми тому, ино еже приидоша послѣ от далекиа земли, от Шаврукова царьства, и ихъ же нѣсть просто слыхано в нашей земли. Такое бо имя тъй ордѣ, но понеже бо неудобъ входима нашими устами за долгость пути. И принесоша к великому князю Борису Александровичю многыя дары; камъкы драгия и отласы чюдныя. Но азъ же есмь грубый невѣжа но не доидох тамо, и идѣже ми ихъ было число видѣти. Но и токмо видѣхъ многы бремена, носима человекы. Овии глаголютъ двадевять камок, а инии же глаголютъ 3—9. Но не видѣ числа, но токъмо видѣ: много. Но еще же и иныя многы дары княземъ и боляромъ даша. И князь же великий Борисъ честь великую подаваше имъ противу, но не токмо за дары, но и за великиа труды ихъ, но понеже бо от толь далекиа земли, а с толими многыми дарми, и идоша бо 9 месяць от своея си земли до великого князя Бориса Алексанъдровича.

Но способствуйте же ми и вы. Истиннѣ но вижете славу и честь великого князя Бориса Александровича. Но отколѣ славы и чти собѣ не приобрѣте! И вижте же и чюдныхъ его весей дѣлание но градная его здания, пасый же и строя богомъ покрываемый градъ Тфѣрь благословениемъ Ивановымъ и Александровымъ, но яко же рукою Моисѣовою и Аронею. И всеблагый же во троици богъ славимый и да умножитъ лѣта лѣтомъ великому князю Борису Александровичю но княжение его въ тишинѣ да устроитъ, но яко да и мы въ его государствѣ тихо и безмятежно поживемъ нынѣ и всегда и в вѣкы вѣкомъ.

О ТОМЪ ЖЕ ВЕЛИКОМЪ КНЯЗѢ БОРИСѢ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ СЛОВО ОТ ЛѢТОПИСЦА ВКРАТЦѢ. ЛѢТА 6953

Нѣкто от прироженна великихъ князей московъскыхъ, зовомый князь Дмитрей, а прозваны от людий Шемяка, сын князя Юриа Дмитреевича, и той бѣ в докончание с великымъ княземъ Василиемъ Московьскымъ, но, реку же, и с велимъ княземъ Борисомъ с Тфѣрскымъ. Но честь велику и дары многы от нихъ взимааше. Но понеже бо ни помяну о томъ и еже нихъ к нему любы, но акы нѣкая ехидна гнѣвомъ дыша, и хотя убити брата своего старийшаго великого князя Василиа, но еже и сотвори. Но прииде от града Углеча, и градъ Москву изгониша безвѣстно, и възяша его. А с нимъ братъ его, князь Иванъ Можайский. А великому же князю Василию тогда бывшю в монастыре святыя Троица, еже зоветься Маковець, въ обители старца Сергиа. И князь же Дмитрей

И со всех земель приходили к нему, и великие дары приносили к нему. То из столичных городов, а то и из Рима. И не только от правоверных царей великую честь и великие дары принимали, но и от неверных царей. И об этом я не от другого кого слышал, но сам был очевидцем того, как пришли послы из далекой земли, из Шаврукова царства, о которых даже и не слыхано в нашей земле. Такое имя у той орды, что нашим устам и не произнести его из-за большой его длины. И принесли многие дары к великому князю Борису Александровичу: дорогие камчатные ткани и чудные атласы. Я же, грубый невежда, не дошел до того места, где можно бы было сосчитать их число. Только видел много тюков, перетаскиваемых людьми. Одни говорят, что восемнадцать камчатных тканей, а другие, — что двадцать семь. Но я не видел, каково их число, только видел: много. И еще дали многие дары князьям и боярам. И великий князь Борис воздавал им в ответ великую честь не только за дары, но и за великие труды, ибо пришли из столь далекой земли и со столь многими дарами, и шли из своей земли до великого князя Бориса Александровича девять месяцев.

Помогайте же и вы мне. По правде узнайте о чести и славе великого князя Бориса Александровича. Чем только не стяжал он себе чести и славы! Видите, как строит он прекрасные села, созидает города, пасет и оберегает благословением Ивана и Александра, как рукою Моисеевою и Аароновою, богом покровительствуемый город Тверь. И да умножит всеблагой, в троице славимый бог годы жизни великого князя Бориса Александровича и пошлет тишину его правлению, чтобы и мы в его государстве жили тихо и безмятежно ныне, и всегда, и во веки веков.

О ТОМ ЖЕ ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ БОРИСЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ СЛОВО ИЗ ЛЕТОПИСЦА ВКРАТЦЕ. ГОД 6953 (1445)

Был некто из рода великих князей московских, по имени Дмитрий, прозванный людьми Шемякой, сын князя Юрия Дмитриевича. И держал он мир с великим князем Василием Московским, а также, надо сказать, и с великим князем Борисом Тверским. И получал от них честь великую и многие дары. И не помня любовь их к себе, дыша, как ехидна, гневом, захотел он погубить старшего своего брата, великого князя Василия, что и сотворил. Пришел из города Углича, и напал внезапно на город Москву, и взял его. И с ним брат его, князь Иван Можайский. А великий князь Василий был тогда в монастыре святой Троицы, что зовется Маковец, в обители старца Сергия. И князь Дмитрий,

ни крестного цѣлованиа убояся, ни любвѣ великого князя Василиа к себѣ не воспомяну, но посла тамо брата своего, князя Ивана, и повели его изымати. А преже того таковымъ крестнымъ цѣлованиемъ укрѣпишася, но яко и грамоту проклятую межи собя написаша, но и старца Сергиа в поруку вписаша, яко же не помыслити никоего же зла брату на брата. Но князь же Дмитрей крестное цѣлование забылъ и поручника старца Сергиа выдал. И изымавъ великого князя Василиа без вины, и приведе его на Москву, и ослепи, и посла его в заточение, иже в прежереченый градъ Угличе и съ его великою княгинею Мариею, а самъ сѣдилъ на великомъ княжение. А не помянух пророческого словеси: «Но что ся о злобе силъный умыслилъ еси неправду. И сего ради разрушит тя богъ, и въсторгнет тя от села твоего, и корень твой от земля живущихъ». И еже и бысть. Но тое же зимы княгиню великую Софию посталъ въ Галичь, а дѣти же великого Василиа, князь Иванъ да князь Юрий побѣгоша в Муромъ, а с ними же князей и боляръ много, и сѣдоша в Муромѣ.

Но той же зимы побѣже князь Василей Ярославичь, шуринъ князя великаго Василиа, в Литву, но бояше бо ся и той того же убийства.

Но той же зимы по малѣхъ днехъ посла князь Дмитрей владыку рязанского Иону да коломенского владыку Варламиа в Муромъ к дѣтемъ великого князя Василиа, но зовы ихъ на Москву, а ркучи: «Поидите на Москву къ своему отцу. А что ся стало, ино того уж не воротить. А азъ отца вашего хощу жаловать, а вамъ удѣлы подаю по вашей волѣ; а в томъ въ всемъ вамъ имаються владыкы, и ихъ же есми к вамъ послалъ». И они же подумавъ и вѣру имше его словесемъ, но наипаче же святительскым, и рекоша в собѣ: «Но аще ли си единъ въсхощет княжити, но и приложитъ зло ко злу, но аще ли и нас побиет, то воля господня да буди». И поидоша на Москву по крестному его к нимъ целованию и надѣющеся от него обѣщаное имъ приати. А онъ же ни во умъ сего приа таковаго обѣщаниа, и ни крестнаго целованиа убояся, и ни святительскыхъ глаголъ усрамися, ни писаннаго въспомяну: «Но аще ли весь мир приобрѣсти, а душу погубити, кака есть полза». И егда же тѣ дѣти великого князя Василиа приидоша, но инъ же поимавъ их, и яко незлобивыхъ младенець, и пославъ и в той же прежереченый град Углече в заточение. Но и въсхотѣ быти единъ самодерьжець, а не веды, кому же богъ хощеть власть дати, тому и дастъ.

Но богу же о нѣхъ нѣчто лучшее прозрѣвъ. В лѣто 6954 и взяша князя великого Василиа ис прежереченнаго града Углеча и сь его княгинею и з дѣтми и послаша его в болшее заточение, и неудобь входимо всѣми человекы, но еже градъ

не убоявшись крестного целования и не вспомянув о любви к себе великого князя Василия, послал туда своего брата, князя Ивана, и повелел взять его. А перед тем поклялись с крестным целованием и грамоту с клятвой подписали между собой, вписав в нее старца Сергия поручителем, что никакого зла не будет замышлять брат на брата. Но князь Дмитрий крестное целование забыл и поручителя, старца Сергия, предал. И, схватив без вины великого князя Василия, привел его на Москву, и ослепил, и послал его в заточение в упоминавшийся прежде город Углич, с великою княгинею его Мариею, а сам сел на великое княжение. И не вспомнил пророческих слов: «Что, сильный в злобе, замыслил неправду! Накажет тебя за это бог, отторгнет тебя от селения твоего и корень твой от земли живущих!» Что и сбылось. И в ту же зиму послал он в Галич великую княгиню Софью; а дети великого князя Василия, князь Иван и князь Юрий, побежали в Муром, и с ними много князей и бояр, и остались в Муроме.

И в ту же зиму бежал в Литву князь Василий Ярославич, шурин великого князя Василия, ибо стал бояться и он такого же убийства.

И в ту же зиму, по прошествии немногих дней, послал князь Дмитрий рязанского владыку Иону и коломенского владыку Варлаамия в Муром, к детям великого князя Василия, зовя их в Москву и говоря: «Приходите на Москву, к своему отцу. А что случилось, того уж не воротишь. А отца вашего я хочу жаловать, а вам уделы вручу, какие захотите; а порукой во всем том владыки, коих послал к вам». И они, подумав и поверив его словам, а еще больше словам святителей, сказали про себя: «Если сей пожелает один княжить, то прибавит тем зло ко злу, и если и нас захочет убить, то пусть будет воля господня». И пошли к Москве, полагаясь на крестное его целование и надеясь получить от него обещанное им. А он и в уме не держал такового обещания, и не убоялся крестного целования, и не устыдился святительских слов, и не вспомянул сказанного: «Что за польза в том, чтобы приобрести весь мир, погубив при этом душу». И когда те дети великого князя Василия пришли к нему, то он, схватив их, как незлобивых младенцев, послал в тот же преждеупомянутый город Углич в заточение. И возжелал быть один самодержцем, не ведая того, что бог кому хочет дать власть, тому и дает.

А бог им и нечто лучшее уготовал. В 6954 (1446) году схватили и послали великого князя Василия вместе с княгинею и детьми из прежденазванного города Углича в еще худшее заточение, губительное для всех людей, а именно — в город

Вологда, и предъстоящи ему близъ Студенаго моря. Но и тамо ему повелѣша жити.

Но той же зимы князь Дмитрей послал посла своего к великому князю Борису Александровичю, а ркучи такъ: «И сталося, брате, в нашей земли, но что же братъ нашь, князь великий Василей, целовал тотаромъ, но что же твою отчину, великое княжение тферьское, да и наши отчины хощет предати тотаромъ. Но и мы же то одумавъ со своею братиею и со всею землею, но великого же князя Василиа поимали. И того ради и тобѣ възвѣщаемъ, но да и ты бы еси намъ способьствовалъ по христианствѣ, но и еще же и по своей отчинѣ».

И князь же великий Борисъ Александровичь в той час посла своего воеводу, князя Ондрѣя Дмитреевича, а веля ему извѣстно опытать о великомъ князѣ Василии, но и от очию же слезы испущаше. И вдохновенъ бысть милостию спасителя бога и въсхотѣ же стати по своемъ братѣ по великомъ князѣ Василии, но яко же Ярославъ тако же и сотвори.

И той же зимы послал князь великий Борисъ на Вологду намѣстника своего кашинскаго, князя Феодора Шуйскаго, по своего брата, по великого князя по Василиа. А слово же свое рекъ въ слухъ всѣмъ человекомъ: «Но буди вамъ вѣдомо, оже нам богъ даст но хощемъ быти за един, Борис — Василей, а Василей и Борис». И промчися слово то и до Московскиа земли, но слышав же людие, князѣ и боляре, от великихъ даже и до простых, но иже сих два воеводы но совокупляються, и полѣтеша же яко высокопарнии орли или яко пчелы на собрание цвѣтовно. От всѣхъ странъ стицахуться людие в дом святого Спаса и к великому князю Борису Александровичю, но и онъ же приимаа их, и упокоиваа ихъ, и утѣшая ихъ, и подмагаше ихъ иже кто чимъ скуденъ, но и писано бо есть: «Ваш избыток во онѣх недостатокъ будет». Но и всѣх ихъ отпущаще ко своему брату, к великому князю Василию.

Но и мы же на преднее взыдемъ. Князь же Феодоръ прежереченый Шуйский прииде на Вологду к великому князю Василию, рекый: «Брат твой, князь великий Борисъ Александровичь, повѣствуетъ: «Брате, князь великий Василей, сталося в нашей земли таково но паче же над тобою, над нашимъ братомъ, но что же и от статиа вѣка и донынѣ такова бѣда не бывала. Но и нынѣ милостию божиею и твоею любовию ко мънѣ, моего брата, но послахомъ к тобѣ, яко свое лице, но чтобы еси шелъ в домъ святого Спаса и в мою отчину. И мы же помощию божиею но какова сила, по толику потщимъся по тобѣ поборствовати». Но и сие слышав князь великий Василей и въздохнувъ из глубины сердца своего, и прослезися, и рече: «Похвалю убо всещедраго и милостиваго бога и его пречистую матерь от добродители своего брата, великого князя Бориса, и яко не остави мене

Вологду, стоящий неподалеку от Студеного моря. И там ему повелели жить.

И в ту же зиму князь Дмитрий послал посла своего к великому князю Борису Александровичу, говоря так: «Случилось, брат, в нашей земле, что брат наш, великий князь Василий, принес татарам целование, чтобы предать им твою отчину, великое княжение тверское, и наши отчины тоже. И мы, обсудив это со своими братьями и со всей землею, схватили великого князя Василия. И о том возвещаем тебе, чтобы и ты помогал нам защищать христиан, а также и свою отчину».

И великий князь Борис Александрович тотчас же послал своего воеводу, князя Андрея Дмитриевича, наказав ему разузнать истину о великом князе Василии, а сам проливал слезы. И, вдохновлен милостью спасителя бога, пожелал вступиться за своего брата, великого князя Василия, и поступил так, как некогда Ярослав.

И в ту же зиму послал великий князь Борис в Вологду наместника своего кашинского, князя Феодора Шуйского, за своим братом, за великим князем Василием. И сказал свое слово громко, обращаясь ко всем людям: «Да будет вам ведомо, на то, конечно, воля божия, но хотим мы в единстве быть: Борис и Василий, Василий и Борис». И донеслось то слово и до Московской земли, и все люди, князья и бояре, от знатных до простых, узнав, что объединяются оба эти военачальника, воспарили, как орлы, и, как пчелы, полетели на скопление цветочное. Со всех сторон стали стекаться люди в дом святого Спаса к великому князю Борису Александровичу, и он принимал их, и упокоивал их, и утешал их, и помогал им, кто в чем оскудел, ибо написано: «Ваш избыток восполнит чужой недостаток». И отпускал их всех к своему брату, великому князю Василию.

Мы же к прежнему возвратимся. Упомянутый прежде князь Феодор Шуйский, придя на Вологду к великому князю Василию, возвестил: «Брат твой, великий князь Борис Александрович, передает: «О брат, великий князь Василий, сотворилась в нашей земле такая беда, и больше всего над тобой, над нашим братом, какой от начала века и доныне никогда еще не бывало. Ныне милостью божией за твою, моего брата, любовь ко мне послали мы к тебе, как себя самого, посла нашего, чтобы шел ты в дом святого Спаса, а в мою отчину. А мы с божией помощью, сколько станет сил, будем защищать тебя». И, услышав это, великий князь Василий вздохнул из глубины сердца своего, прослезился и сказал: «Воздам хвалу всещедрому и милостивому богу и его пречистой матери за добродетель моего брата, великого князя Бориса, что не оставил меня

въ скорби сей пребывати. Но понеже бо нѣкогда пришедшу на меня дядѣ моему, князю Юрию с тымѣ же съ своимъ сыном, со княземъ съ Дмитреемъ, изгонивъ мене со стола моего и отечества, и аз же не обрѣтохь обиталища ни у кого же, но развѣе в дому у святого Спаса и у съвоего брата, у великого князя Бориса Александровича. И онъ же преупокоил мя».

Князь же великий Борисъ плакашеся о своемъ брате, о великомъ князѣ Василии, и отпадении государства его. И князь же великий Василий плакашеся о милосердии и о любвѣ брата своего, великого князя Бориса и еже к нему. И князь же великий Борис плакаше, но преже бо видѣша брата своего великого князя Василиа добролѣпна, и добровидна, и господскым саномъ почтена, и нынѣ же уничижиина и нищевидна, но от своей братии поруганна. Но князь же великий Василей ко слезамъ слезы прикладаше, но поминая же от своей братии ему поругание, и от государьства своего отпадение, и еже и великого князя Бориса к нему любественое. И плакастася оба на многочасии.

Тако же и великии княгини, Настасиа с великою княгинею Мариею, обымастася и ти плакастася неутѣшно. Но яко и многимъ человекомъ, зрящимъ таких государей плачющеся, и от очию источникы слез ронящу. И плакавшеся им на долъзѣ, и поимастася оба по руцѣ и поидоста вечеряти. И тако же и великая княгиня Настасиа с великою княгинею Мариею, имьшеся и ти по руцѣ, и поидоста на ту же трапезу вечеряти, и сѣдоста ясти. И егда же имъ было ясти, или пити, или веселитися, и тогда онѣ въ веселиа мѣсто плачь предлагаше. И великий же князь Борисъ обьимься со своимъ братомъ, с великим князем Василиемъ, и плакастася. Тако же и великия княгиня Настасиа обымъшеся со своею снохою, великою княгинею Мариею и ти плакастася; но и нѣсть иже утѣшающаго ихъ, но развѣе рече пророкъ Давыдъ: «Обратилъ еси плачь мой в радость мнѣ».

Той же зимы послал князь великий Борис своего посла Ивана Давыдовичя на Москву, ко князю Дмитрею, а веля ему отступити великого княжениа и великому князю Василию отдати да и сыну его, князю Ивану, а великую княгиню Софию веля ему выпустити и казнь отдати. И князь же Дмитрей княгиню великую хотя выпустити и казнь отдати, а великого княжениа отпуститися не хотя.

Но той же зимы по малехъ днех князь Дмитрей Юриевичь, зовомы Шемяка, собрав въя своя многии поиде с Москвы на Волокъ, а ркучи тако людемъ: «Иду на великого князя Василиа. И аще ли станет за него князь Борис, то и на Бориса иду». Но кто сему велерѣчию не удивиться, но и единому не одолѣвъ, а на другаго хвалиться? А княгиню же свою посла в Галичь, а Москву осадилъ.

пребывать в скорби сей. Ведь и раньше, когда приходил на меня дядя мой, князь Юрий, со своим сыном, с тем же князем Дмитрием, и изгнал меня из моей отчины, со стола моего, ни у кого не нашел я прибежища, кроме как в дому святого Спаса, у брата своего, великого князя Бориса Александровича. И он упокоил меня».

Великий же князь Борис плакал о своем брате, великом князе Василии, и о падении государства его. А великий князь Василий плакал от любви и милосердия к нему брата его, великого князя Бориса. Великий же князь Борис плакал о том, что прежде видел брата своего, великого князя Василия, красивым и благообразным, украшенным властительским саном, а ныне — уничиженным и обнищавшим, поруганным своими же братьями. И великий князь Василий снова и снова проливал слезы, вспоминая надругательство над собою братьев своих, потерю престола и любовь к себе великого князя Бориса. И плакали оба долгое время.

Также и великие княгини, великая княгиня Анастасия с великою княгиней Марией, обнимались друг с другом и плакали неутешно. И многие люди, видя таких государей плачущими, проливали из очей потоки слез. И проплакав долго, взяли оба князя друг друга за руки и пошли к вечерней трапезе. Также и великая княгиня Анастасия с великою княгинею Марией, взявшись тоже за руки, пошли к той же трапезе и сели есть. Но в то время, когда следовало им есть и пить и веселиться, тогда они вместо веселья слезы проливали. Великий князь Борис плакал, обнявшись со своим братом, великим князем Василием. Также и великая княгиня Анастасия, обнявшись со своею снохою, великою княгинею Мариею, плакали обе; и не было им утешения, только слова пророка Давида: «Претворил плач мой на радость».

В ту же зиму послал великий князь Борис посла своего Ивана Давыдовича в Москву, ко князю Дмитрию, повелевая ему отступиться от великого княжения и отдать его великому князю Василию и сыну его, князю Ивану, и великую княгиню Софью веля ему отпустить и от наказания избавить. И князь Дмитрий был готов отпустить великую княгиню и от наказания избавить, но отступиться от великого княжения он не желал.

И в ту же зиму, не по многих днях, пошел князь Дмитрий Юрьевич, именуемый Шемякой, собравши все свое воинство, от Москвы на Волок, сказав людям так: «Иду на великого князя Василия. А ежели станет за него князь Борис, то и на Бориса пойду». И кто не подивится такому велеречию: еще и одного не одолел, а уже о втором похваляется. А княгиню свою послал в Галич и Москву осадил.

Но той же зимы послал князь великий Борисъ на Волокъ ко князю Дмитрею посла своего, Александра Садыка, а ркучи таково: «Повествует князь великий Борис: «Но что стоишь въ отчинѣ брата моего, великого князя Василиа, а мою пустошишь! Но и ты бы пошел въ свою отчину и да оттоле билъ челомъ брату моему. А не поидешь прочь, ино азъ готов со своимъ братомъ на тобя»; а срок ему положил в неделю.

И онъ же и срока не ждалъ, и побеже не готовыми дорогами. А посла великого князя Бориса со собою взял и послѣди же отпусти его с честию и с челобитиемъ к великому князю, чтобы самъ пожаловал а у брата бы ся печаловал.

Но той же зимы по малых же днехъ послалъ князь великий Борис воеводу своего Лва, а князь великий Василей своего воеводу Плещеева к Москвѣ. И толь бо дивно: с града изгониша в малѣ 90 или во 100 человекъ, и намѣстника изымаша, и град засѣдоша. А во градѣ том николико тем человекъ сѣдило. Но кто же *смеяше* руки подняти противу такых дву государей.

Но той же зимы за малы дни поиде князь великий Борисъ за княземъ Дьмитреемъ, собрав выя своя многа. А с ним брат его, князь великий Василей, выиде от славнаго града Тфѣри. За 30 поприщь до градака, зовомаго Редена, и прииде вѣсть, что дѣи князь Дмитрей побеже в далняя части земля. И князь же великий Василей нача молити великого князя Бориса, да бы ся възъвратил, но понеже князь Дмитрей показа плещи свои, а очи свои възвратил воспятъ и побеже. Но князь же великий Борис и умерети обѣщашеся с великим князем Василиемъ. И егда же умолим бысть от него, и тогда подаде брату своему честь велику, великому князю Василию, и дары многы, и отпусти его на первое его государство.

И князь же великий Василей восхотѣ поити ко граду Углечю, и идѣ же было княжение Дмитреево жилище, а его узилище. И князь же великий Борис отпусти с нимъ силных своихъ и крѣпчайшихъ воеводъ, Бориса Захариинича да брата его Семена Заахариинича и с ними множество, а преидоша малыми деньми. И приидоша под град прежереченный град Углече, и гражане же не восхотѣша града отворити. И князь же великий Василий посла к великому князю Борису а рекый: «Бес тебе, брате, и малый град не отвориться мнѣ». И князь же великий Борисъ посла к нему своего сына боярского и с нимъ пушечника с пушками, именем Микулу Кречетникова. Но таковъ бѣяше той мастеръ, но яко и среди нѣмець не обрѣсти такова. И егда же привезоша пушкы, и тогда въеводы великого князя Бориса Александровича, Борисъ да Семенъ, яко добрии и храбрии въини служаху государю своему,

И в ту же зиму послал великий князь Борис на Волок ко князю Дмитрию посла своего, Александра Садыка, возвещая следующее: «Так говорит великий князь Борис: «Что захватил отчину брата моего, великого князя Василия, а мою опустошаешь?! Следует тебе идти в свою отчину и оттуда бить челом брату моему. А не пойдешь прочь, тогда я пойду со своим братом на тебя»; и дал ему срок неделю.

Он же и срока не выждал, и бросился в бегство неподготовленными дорогами. А посланца великого князя Бориса взял с собою, потом же отпустил его с почестями и с челобитьем к великому князю, прося у него самого прощения и ходатайства за себя перед братом.

И в ту же зиму, не по многих днях, послали: великий князь Борис — своего воеводу Льва, а великий князь Василий — своего воеводу Плещеева — к Москве. И дивно: небольшим числом, в девяносто или сто человек, освободили город, и захватили наместника, и овладели городом. А ведь в городе том находилось несколько десятков тысяч человек. Но никто не посмел руки поднять на таковых государей.

И в ту же зиму, через несколько дней, пошел великий князь Борис, собрав все свое воинство, на князя Дмитрия. А с ним его брат, великий князь Василий, вышел из славного города Твери. И за тридцать поприщ до городка под названием Редына пришла весть о том, что-де князь Дмитрий побежал в дальнюю часть страны. И великий князь Василий стал уговаривать великого князя Бориса возвратиться, поскольку князь Дмитрий уже повернул вспять и бросился в бегство. Но великий князь Борис обещался стоять до смерти за великого князя Василия. И когда все же умолен он был им, тогда воздал ему, брату своему, великому князю Василию, великую честь и многие дары и отпустил его княжить в его пределы.

И пожелал великий князь Василий пойти к городу Угличу, бывшему местом княжения Дмитрия, а его — узилищем. И великий князь Борис отпустил с ним сильных и крепчайших своих воевод, Бориса Захарьича с братом его Семеном Захарьичем, и с ними множество воинов, и совершили они переход за немного дней. И когда подошли под преждеупомянутый город Углич, не захотели горожане отворить города. И великий князь Василий послал сказать великому князю Борису: «Без тебя, брат, не отворится мне и малый город». И великий князь Борис послал к нему своего сына боярского и вместе с ним пушечника с пушками, по имени Микула Кречетников. Таков был этот мастер, что не найти подобного и среди немцев. И когда привезли пушки, тогда воеводы великого князя Бориса Александровича, Борис и Семен, служащие как добрые и храбрые воины государю своему,

великому князю Борису Александровичю, и начаша вооружатися в мѣстныа браня, а пушкы же поставиша под самым градомъ и повелѣша бити, а сами начаша приступати, но яко всѣмъ москвичамъ дивитися храборству ихъ, и дерзности их, и великому ихъ умѣнию. И гражане же видѣвше дерзность сыновъ тфѣрскых и великого князя Василиа крѣпость, и убояшася, и град отвориша. И князь же великий Василей ничто же зла граду тому не сотвориша, и омири их и град осади. И поиде за своим недругом, за княземъ Дмитреем, къ Ярославу, и с ним великого князя Бориса Александровича Борис Захариинич да Семенъ.

Но той же зимы государь нашь князь великий Борисъ Александрович восхотѣ поискати изгыбшей драгмы, и собрать расточенныя, и совокупити во едино стадо, и да будет един пастырь, но еже восхотѣ поити ко граду Ржевѣ. И бысть тако. И посла преже себе своихъ воевод, князя Дмитрея Феодоровича да Григориа Никитича. Гражане же ржевичени како же не восхотѣша отворити, но и еще же, показующе мужество свое, выхожааху изь града и биахуся с воеводами великого князя Бориса. И воеводы же великого князя овии биаху, а иныхъ руками имааху и присылаху к великому князю Борису Александровичю, а веля ему самому государю подступати под град, понеже князь великий Борис не восхотѣ сам поити под той мал град. Но градок той аще ли мал, но твердъ, и велми приправы градскые на нем велми много.

Князь же великий Борис Александровичь и восхотѣ на свою утѣху поехати ниже есть лѣтнее обиходище яко же и преже и во свой град, еже зовомый Опокы. Не предстояшу же ему близ того града прежереченаго Ржевы, но яко же бысть зрѣимо, и посла ко ржевичем своего болярина Констянтина Констянтиновича, а веля им град отворити, а рекый: «Прадѣдина есть наша, а коими се было дѣлы досягли были наши братиа, великие князи московские. А нынѣча милостию божиею нашего ся намъ отступают. Но вы на кого держите град сий?» Они же смердове, аки аспиди глухии, затыкающе ушеса свои и не хотяаше слушати речей государевых, но наипаче град постраиваше и себя укрѣпляаше. И начаше посады зажигати сами.

И слышав же сие князь великий Борис Александрович и посла своихъ воевод, Данила Григориевича да Карпа Феодоровича, и иных многых воевод, а веля имъ гасити посады, а гражаномъ претити. И они же пришед, сташа под градомъ. И к тому же не смѣяше никто из града исходити.

А наутрие же князь великий Борис въсхотѣ посмотрити града. И поехал в малѣ под град, а мня ся утаити, да бы не познан был гражаны того града, и поехааше в тайнѣ.

великому князю Борису Александровичу, стали готовиться к предстоящей брани, а пушки поставили у самой городской стены и приказали стрелять; сами же двинулись на приступ, и все москвичи дивились их отваге, и дерзости, и великому их ратному искусству. И горожане, увидав отвагу сынов тверских и твердость великого князя Василия, исполнились страха и отворили город. И великий князь Василий, не сотворив никакого зла тому городу, умиротворил их и занял город. И пошел за своим недругом, князем Дмитрием, к Ярославлю, и вместе с ним воеводы великого князя Бориса Александровича, Борис Захарьич и Семен.

В ту же зиму задумал государь наш, великий князь Борис Александрович, вернуть потерянную драхму, собрать тех, кто был разлучен, и соединить их в единое стадо, чтобы был один пастырь, иными словами, пожелал пойти к городу Ржеву. И так и сделалось. И послал впереди себя своих воевод, князя Дмитрия Федоровича и Григория Никитича. Жители же Ржева не только не захотели отворить городских ворот, но даже стали, показывая свою смелость, выходить из города и биться с воеводами великого князя Бориса. И воеводы великого князя одних из них побивали, а других просто ловили и отсылали к великому князю Борису Александровичу, прося самого его, государя, подступить к городу, так как великий князь Борис сам не пожелал пойти к тому малому городу. Но городок тот хотя и мал, но крепок и снабжен множеством укрепительных сооружений.

Великий же князь Борис Александрович решил поехать себе на потеху в обычное, как и прежде бывало, ежегодное свое путешествие в свой город, называемый Опоки. И проходя неподалеку от того города Ржева, о котором прежде шла речь, так, что виден был город, послал он своего боярина Константина Константиновича ко ржевичам, повелевая им отворить город, сказав при этом следующее: «Прадедина это наша, а коим образом завладели ей наши братья, великие князья московские, неведомо. Нынче же милостью божией наше нам отдают. А вы для кого удерживаете город сей?» Но ржевские смерды, как глухие аспиды, затыкали уши свои, не желая слышать речей государевых, и все больше укрепляли город свой и самих себя. И стали сами сжигать свои посады.

И узнав об этом, великий князь Борис Александрович послал своих воевод, Данилу Григорьевича, и Карпа Федоровича, и многих других воевод, веля им тушить пожары в посадах и останавливать горожан. И они, подойдя, стали под городскими стенами. И теперь уже никто не смел выйти из города.

А поутру пожелал великий князь Борис посмотреть на город. И поехал к городской стене с немногими людьми, и, не желая быть узнанным жителями того города, поехал тайно.

И егда же таяшеся, и тогда наипаче являемъ бывааше, и яко денница пред солнцем или яко заря пред свѣтомъ. И мнози бо человеци видѣвъ государя, но овии в борзе совгоняхут противу его, а инии с коней метахуся. Но и елма ихъ отривааше, но тои болма ихъ пребывааше. Князь же великий Борис Александрович, но яко солнце свѣтящеся посреди всѣхъ человекъ. Но понеже бо и писано есть: «Не может град укрытися верху горы стоя». И тако же и сей славный государь, великий князь Борисъ Александрович, не может утаитися в таковой велицей силѣ. Но яко же луна в нощи, тако и онъ свѣтяся посреди всѣхъ человекъ.

И озрѣвъ той град прежереченый Опокы, и на утрии же день в понеделничной выступи князь великий Ворисъ Александрович сам и с нимъ князей и боляръ множество, и поиде ко граду Ржеве. Но тольми бо видѣти дивно, яко же всѣмъ человекомъ дивитися премудрости и храбрости славнаго того государя, но како уставляше полкы, но яко же бысть кому ногот учився такой хитрости, но не мощи навыкнути, но тако великий князь Борис розряди полкы; и видѣти же гражаном, но яко же бысть нѣкая великая рѣка лиющися и пакы море колыблющеся и так блещахуся, яко нѣкии свѣтилници горяще издалеча зрѣти. И бысть гроза силна, како исполчишася ко граду. Но и бысть дивъству достойно зрѣние. Но таци бо суть храбрии у великого князя Бориса Александровича, овѣх двѣ или три за единою дскою вратною под град приидоша, а иныи за щиты нолны до самы стены прискакааху. Но съ града же биаху овии пушками, а инии пращами, а друзии камение метааху, а овии стрѣлами, яко же дождем пущаху. Но милостию божиею но ничимъ же невреженѣ вои великаго князя Бориса Александровича.

И наутрии же день суботный повелѣ князь великий Борисъ пушками бити град, и тол бо грозно, но яко же от великого того грому многым человеком падати. А инии начаша туры рядити и повезоша под град, а инии воду отъаша у града.

И бысть туга во градѣ немала; но и толь бо дивно видѣти, но яко же и град содѣла турами противу града и пушкы поставиша; но и ржевичи же видѣвъше храбрость и умѣние великого князя Бориса Александровича и дерзость сыновъ тфѣрскых и убояшася. И начаша присылати и бити челом славному государю, великому князю Борису Александровичю, но да бы сотворил милость над градом; и князь же великий Борисъ обѣщася помиловати их. И въи же великого князя Бориса глаголюще: «Но повели намъ приступати ко граду и да предадим мы град огню». И князь же великий Борис не повели прошению их быти, но хотяаше милость сотворити на градѣ. Но вои же великого князя Бориса устраивахуся ко граду. И гражане же

И, скрываясь, обнаружил себя еще сильнее, как луч перед солнцем, как заря перед рассветом. Ибо, увидав государя, многие из людей сбежались к нему, а некоторые из них бросались ниц с коней. И сколько ни отгоняли их, еще больше их сбегалось. Великий же князь Борис Александрович, как солнце, сиял посреди других людей. Ведь сказано: «Не может город укрыться, наверху горы стоя». Так же и сей прославленный государь, великий князь Борис Александрович, не может утаиться при таком великом могуществе. Как луна в ночи, так же и он светится посреди людей.

И, осмотрев тот упомянутый прежде город Опоки, в понедельник утром выступил сам великий князь Борис Александрович со множеством князей и бояр на город Ржев. И столь было чудно зрелище, что все люди дивились премудрости и храбрости славного того государя: так снарядил он полки, что и тот, кто с младых ногтей был обучен таковому искусству, не смог бы устроить так, как снарядил полки великий князь Борис; они представлялись горожанам как некая великая река текущая или даже как море волнующееся и так блистали, что издалека казалось, будто видны зажженные светильники. И был грозен приход их, как подступили они к городу. И удивительно было видеть, какие храбрые воины у великого князя Бориса Александровича,— кто вдвоем или втроем, под прикрытием одной только доски от ворот, подступали к городской стене, а иные с одними только щитами до самой стены добирались. А ведь с городской стены били,— одни из пушек, другие из пращей, кто метал каменья, а кто пускал стрелы как дождь. Но милостью божией ничто не повредило воинам великого князя Бориса Александровича.

И на следующий день в субботу приказал великий князь Борис бить по городу из пушек. И так было то страшно, что многие люди падали от одного только великого грохота. И стали одни снаряжать туры и подводить их к городской стене, а другие лишили город воды.

И была в городе скорбь немалая, ибо страшно было им видеть, как возникла новая стена из туров напротив городской стены и поставлены пушки; и ржевичи испугались, увидев храбрость и умение великого князя Бориса Александровича и отвагу тверичей. И стали присылать челобитчиков к славному государю, великому князю Борису Александровичу, прося смилостивиться над городом; и князь великий Борис обещал помиловать их. А воины великого князя Бориса взывали: «Прикажи нам приступить к городу, чтобы предать его огню!» Но великий князь Борис не повелел быть по их просьбе, желая оказать городу милость. Воины же великого князя Бориса подступали к городской стене. А горожане

беспрестани присылaaxy и биючи челомъ великому князю Борису Александровичю, и да бы их помиловал.

И князь же великий Борис пожаловал ихъ и сотвори над ними милость. И гражане же с радостию отвориша град в той же день, в который день приступил князь великий Борис Александрович под град, и в той день и отвориша.

И князь же великий Борис не восхотѣ въехати во град того дни. Но поехал во свой град прежереченый Опокы. И егда же въихалъ въ град Опокы, и тогда того же дни прииде к нему посолъ от его брата, от великого князя Казимира королевича, именем Давъкши, и принесе ему дары велиции от злата, и от камок драгых, и от сосудов златых, и от оружиа, и от коней борзых и иноходых. И егда же подаваше великому князю Борису злато или камкы, и онъ повелѣвая своим приимати, а самъ ни о чемъ же о томъ не брегоша. Но егда же подаде ему меч, а молвячи от него ему брата, но веля ему тѣмъ мечемъ непокорящаяся ему казнити, а покорящаяся ему честь им въздаяти, и тогда князь великий Борис своима рукама приимъ меч той. И ржевичи же видѣвъ той промыслъ и храбрость славнаго государя, но велми устрашишася, и ркущи в собѣ: «Но храбръ съй князь. Но ни о чемъ же не обрежет, а меч любит».

Но князь же великий Борис восхотѣ поехати ко граду Ржеве в день въскресениа. И полѣтѣ, яко же высокопарний орлъ на свой ловъ. И ржевичи же срѣтоша его на полѣ, и архимандриты же, и игумены, и попове, и прочии людие вси града того сретоша со кресты великого князя Бориса Александровича. И бысть радость велика во градѣ том, но яко дарова им богъ государя, и пастыря, и истиннаго христолюбьца, и защитника земли ихъ.

Но князь же великий Борис слушав божественыи литоргии въ храми пречистыя Богородици, но и оттолѣ поиде на свой дворъ. И позвавъ пировати своих князей и воевод и тъ земцевъ сущих и подаде имъ честь великую. И пребыв во градѣ том два дни, а на третей день поѣхал во свояси.

Но той же зимы на Федоровѣ недели приидоша воеводы великого князя Бориса, Борис Захариинич да Семен со всѣмъ войском добри здрави.

И той же зимы князь Дмитрей выпусти великую княгиню Софью из нятиа.

Но той же зимы приидоша посли от Великого Новагорода и добиша челом великому князю Борису Александровичю на всей волѣ, но как положи богъ по сердцу великому князю Борису Александровичю, как и пожаловати. И тако они челомъ добили и поруб тфѣрской весь отдаша; а что воеводы тферскиа ходив повоевали землю ихъ и что иное у них поимали, и тому всему погреб.

беспрестанно слали челобитчиков к великому князю Борису, прося помиловать их.

И великий князь Борис пожаловал их, сотворил им милость. И горожане с радостью отворили город; в который день подступил великий князь Борис Александрович к городу, в тот день и открыли.

Но великий князь Борис не пожелал в этот день войти в город. Он поехал в свой упоминавшийся уже прежде город Опоки. И когда въехал он в город Опоки, пришел к нему в тот же день посол от его брата, великого князя королевича Казимира, по имени Давкши, и принес ему великие дары,— золотом, и дорогими камчатными тканями, и золотыми сосудами, и оружием, и борзыми конями и иноходцами. И когда подносили великому князю Борису золото или камчатные ткани, то он, веля все то своим принимать, сам не радел ни о чем из того. Но когда поднесли ему меч со словами его брата, чтобы он тем мечом непокоряющихся ему казнил, а покоряющимся честь воздавал, то великий князь Борис собственными руками принял меч тот. И ржевичи, увидав это предначертание и храбрость славного государя, сильно устрашились, говоря себе: «Да, храбр сей князь. Ни о чем не печется, а меч любит».

И великий князь Борис пожелал поехать к городу Ржеву в воскресный день. И полетел, как высокопарящий орел на лов свой. И ржевичи встретили его в поле, и архимандриты, и игумены, и попы, и все другие люди того города встретили со крестами великого князя Бориса Александровича. И была великая радость городу тому, что даровал им бог государя, и пастыря, и истинного христолюбца, и защитника их земле.

И великий князь Борис, прослушав божественную литургию в храме пресвятой Богородицы, пошел оттуда к своему двору. И позвал пировать своих князей, и воевод, и местных жителей, там бывших, и воздал им великую честь. И оставался в городе два дня, а на третий день поехал восвояси.

И в ту же зиму на Федоровой неделе вернулись воеводы великого князя Бориса, Борис Захарьич и Семен со всем войском, живы и здоровы.

И в ту же зиму князь Дмитрий освободил из плена княгиню Софью.

И в ту же зиму пришли послы из Великого Новгорода и били челом великому князю Борису Александровичу, чтобы пожаловать ему их по своей воле, как положит бог на сердце великому князю Борису Александровичу. И так били они челом, и все, что было награблено в Тверской земле, вернули; а что тверские воеводы завоевали из их земель и прочее, что у них захватили, то все забыть.

Но той же зимы послал князь великий Василей на князя на Дмитрея да на князя на Ивана на Ондрѣевича на Кострому дву царевичъ, Трегуба да Агуба, а с ними брата своего князя Михаила Андрѣевича и множество войска.

Но той же зимы князь великий Василей обручал дщерь у великого князя Бориса, княжну великую Марию за своего сына, за князя Ивана. И был на обручение томъ боголюбивый епископъ тфѣрскый Илиа и вси князи и велможии, и елико их под областию великого князя Бориса, а з другиа страны — самъ князь великий Василей, а с ним князей и боаръ множество. Но таковѣй бо тѣснотѣ сущи, но яко же ни граду их не вместити. И бысть радость велиа. Но яко же и преди рекохомъ, но обратил богъ плач на радость. И москвичи же радовашеся, яко учинися Москва Тфѣрь, а тфѣричи радовашеся, яко же Тфѣрь Москва бысть, но и два государя *воедино* совокупишася.

Но той зимы прииде князь Василей со Тфѣри на Москву и седе на великое княжение владимерское помежениемъ и любовию брата своего великого князя Бориса.

Но той же зимы послал князь великий Василей к великому князю Борису помыслы свои постраивати мира, но наипаче же собѣ взяти любовъ сердечную.

И ей сбыстся в лѣто 6956. Прииде литва нѣкъто воеводка, именем Ярославко, князя Ивана Бѣлскаго и засѣде Ржеву крамолою и совѣтом ржевскым. И того же лѣта послал князь великий Борис свою силую ко Ржевѣ. И онѣ же стоаше и волости повоевали, а града же не взяша и отступиша.

И той же осени король великопольский краковские и великий князь литовский Казимиръ собра вья свои многи и восхотѣ поити ко Тфѣри на великого князя Бориса. И слышав же сие князь великий Борис, и поиде противу, и събра своя силы многы, и еще же прииде к нему на помощь князь Иван Ондрѣевич Можайский. И слышавъ же сие король, но яко князь великий Борис грядет противу со многою силою, и начаста межи себя послы ссылати, и в той час взяста межи себе миръ и възвратистася коиждо во свояси. А Ржевы отступися король великому князю Борису. В лѣто 6957 князь великий Борис Александрович посла свои намѣстникы опять на Ржеву.

В лѣто 6960 женися у великого князя Бориса сынъ князя великого Василиа, князь великий Иван. И поя за себе княжну великую Марию. И того же лѣта поча князь великий Борис ставити церковъ каменную на своемъ дворѣ святого Михаила на сѣнѣх. И того же лѣта князь великий Борис повелѣ около Тфѣри ровъ копати.

В лѣто 6961 приходил князь Дмитрей Шемяка под град Кашинъ. Но прииде бо не яко есть обычай есть князем или

И в ту же зиму послал великий князь Василий на князя Дмитрия и на князя Ивана Андреевича в Кострому двух царевичей, Трегуба и Агуба, и вместе с ними брата своего, князя Михаила Андреевича, и множество войска.

И в ту же зиму обручил великий князь Василий сына своего, князя Ивана, с дочерью великого князя Бориса, великой княжной Марией. И был при том обручении боголюбивый епископ тверской Илия и все князья и вельможи, сколько их ни есть под властью великого князя Бориса; а от другой стороны — сам великий князь Василий и с ним множество князей и бояр. Так было там многолюдно, что город не мог всех вместить. И была радость великая. Как и сказали мы раньше, обратил бог плач на радость. И москвичи радовались, что учинилась Москва Тверью, а тверичи радовались, что Тверь стала Москвой, два государя соединились в одно.

И в ту же зиму пришел князь Василий из Твери в Москву и сел на великое княжение владимирское помощью и любовью брата своего, великого князя Бориса.

И в ту же зиму послал великий князь Василий к великому князю Борису известить о намерениях своих не только мир держать, но и более того — держать между собой любовь сердечную.

И вот что случилось в 6956 (1448) году. Пришел из Литвы некий воевода князя Ивана Бельского по имени Ярославко и захватил Ржев благодаря измене и заговору ржевичей. И в том же году послал великий князь Борис свое войско ко Ржеву. И они город осадили, и принадлежащие ему земли завоевали, но города не взяли и отступили.

И в ту же осень Казимир краковский, король великопольский и великий князь литовский, собрал множество своего войска и возжелал пойти на Тверь, на великого князя Бориса. И, узнав об этом, великий князь Борис выступил ему навстречу, собрав множество сил, да еще пришел к нему на помощь князь Иван Андреевич Можайский. И король, услыхав, что великий князь Борис идет на него со многими силами, стал обмениваться с ним послами, и в тот час заключили между собой мир, и каждый возвратился восвояси. А Ржев король уступил великому князю Борису. В 6957 (1449) году великий князь Борис Александрович послал опять своих наместников во Ржев.

В 6960 (1452) году женился сын великого князя Василия, великий князь Иван, и взял за себя дочь великого князя Бориса, великую княжну Марию. И в том же году начал великий князь Борис строить на своем дворе церковь каменную во имя святого Михаила, на сенях. И в том же году повелел великий князь Василий вокруг Твери ров копать.

В 6961 (1453) году приходил князь Дмитрий Шемяка под город Кашин. И пришел не так, как это в обычае у князей

воеводам мужествовати явѣ, но яко есть хищникъ тайно прииде и никому же есть вѣдущи; но не бѣ бо сынъ свѣту, не ходитъ въ дне, но прииде в нощи до звону заутреняго. И людемь же тогда всѣмъ по божественым церквам молитву творящим, но бяше день неделный. Нача же и посады зажигати. А людей же въ граде велми мало, но понеже бо никому невѣдомо; а намѣстници же тогды на Кашине были: Иван Яковлич, да Констянтин Федоровичь, да братъ его Феодоръ Феодорович. И начаша совѣщеватися с тысящникы земьскыми и с боляры, и ркуще в собѣ: «И аще ли нас мало, но поидем противу ихъ. Но силенъ бо есть богъ милостию своею. Но аще ли восхощет богъ, той малыми великая побѣдит. И нѣсте ли слышали писаннаго, но единъ тысящу побѣдит, а два тму, и аще ли богъ повелит». И поидоста противу, и ркуще: «Господи, услыши молитву нашю! И на тя, господи, уповах, спаси нас! Не на лук бо нашь уповаемъ. Ни оружие соблюдает нас, но яко ты еси самъ царь богъ наш, но аще ли восхощеши, но та вся возможна тебѣ. Но и мы же о тебѣ похвалимься весь день, и о имени твоем уничижим вся въстающая на ны. И ненавидящая ны потребѣ, господи. Но и нынѣ, господи, самъ видиши князя Дмитрея церкви божии огневи предающа. И о сем не премлъчи, боже. И аще ли бы ны враг пришел, рекъше тотаринъ, но претерпѣли бы быхом от него. Но сей, иже единово крещениа християнства с нами, а дѣла тотарьская творит, но еже образовъ божиих не пощадил. И уста его умножишася злобы, и сердце его собра безаконие собѣ. Но ты же, господи, не предай же нас до конца в руцѣ врагу церквам божиимъ, но и о семъ познаим, яко не възрадуеться о нас враг, и в поношение безумному не дай же нас». И в той час поидоста изъ града противу ратным. И помощиею же божиею и частиюм государя нашего, великого князя Бориса Александровича, но овѣх бѣша, а овѣх живых поимаше, а инии язвленнии злѣ живот свой скончаша.

И князь же Дмитрей видѣвъ помощь божию воеводам великого князя Бориса, но побѣже, и прииде на мѣсто, глаголемое Киасово. И въсхотѣ стати от труда почити, но и видѣ свое войско безсчислено умирающи, иже суть язвлении. Не токмо ти умирающи злѣ, но и еще и здравыхъ болши 500 человекъ отступиша от него. Но ведущи, яко надежда его обетшевает и съвѣты его богъ разсcыпает и оттолѣ побѣже. И никто же его не вѣсть, гдѣ бѣ, но взыскахом бо его и не обрѣтохомъ и мѣста его. Мнози бо глаголют: сей здѣ или ондѣ, но и никто же его не вѣсть. Но мню, послѣдняя его зрит в погибель.

И той же осенѣ посла князь великий Борис за тым же князем Дмитреемъ воеводу своего, князя Андрѣя Дмитреевича да

и воевод — мужествовать явно,— но тайно, как хищник, пришел, когда никто об этом не ведал; не будучи сыном света, не пришел днем, а пришел в ночи до звона заутреннего. В то время все жители молились в церквах божиих, ибо день был воскресный. И начал жечь посады. А людей в городе было очень мало, так как никто не подозревал о нападении; а наместниками тогда в Кашине были: Иван Яковлевич, да Константин Федорович, да брат его Федор Федорович. И стали они совещаться с земскими тысяцкими и боярами, говоря себе: «Хоть и мало нас, но пойдем на них. Ибо силен бог в милости своей. Если бог захочет, он и слабыми победит сильных. Разве не знаем мы, что сказано: «Один одолеет тысячу, а двое — десять тысяч, если бог повелит». И выступили против врагов, говоря: «Господи, услышь молитву нашу! На тебя уповаем, господи, спаси нас! Не на луки наши уповаем! Не оружие оберегает нас, но ты один, царь и бог наш; что ты пожелаешь, все возможно тебе. И мы о тебе всегда радуемся и именем твоим победим всех, восстающих на нас. Уничтожь ненавидящих нас, господи. Видишь сам ныне, господи, как князь Дмитрий предает огню церкви божии. Не оставь этого без наказания, господи! Если бы враг на нас пришел, скажем, татарин, тогда бы еще стерпели это от него. Но этот — одного с нами крещения, христианин, а дела татарские творит, не щадит икон божиих. Исполнились злобы уста его, и сердце его стяжало беззаконие. Но ты, господи, не предай нас окончательно в руки врага церкви божией, да убедимся мы, что не восторжествует над нами враг, и не выдай нас на поношение безумцу!» И в тот же час выступили из города навстречу войску. И божией помощью и счастьем государя нашего, великого князя Бориса Александровича, одних побили, других живыми взяли в плен, третьи же, получив раны, сами бесславно испустили дух свой.

И князь Дмитрий, увидав божию помощь воеводам великого князя Бориса, обратился в бегство, и пришел на место, называемое Киасово. И захотел остановиться здесь, чтобы оправиться от потерь, видя в своем войске бесчисленное число людей, умирающих от ран. И не только погибали раненые, но еще и здоровые больше пятисот человек покинули его. И поняв, что ему не остается надежды, что разрушает бог его замыслы, бросился князь Дмитрий снова в бегство. И никто не знает, где он, ибо искали его и не нашли даже следов его. Многие говорят о нем, будто находится он тут или там, но никто не знает, где он на самом деле. Я только думаю, что ждет его последняя погибель.

В ту же осень послал великий князь Борис за тем князем Дмитрием своего воеводу, князя Андрея Дмитриевича,

князя Михаила Дмитреевича же, и иных многих. Но и они же за ним хожаше много и не нашедше его, но понеже крыяшеся в пустых и непроходимых мѣстех; и воеводы же великого князя Бориса приидоша добри здрави.

Но той же осенѣ послал князь великий Борис посла своего Ивана Давыдовича в Суздаль обручати за себя княжну, дщерь княжу Александрову Суздальскаго. Той же зимы, за неделю до мяснаго заговѣниа, приведена бысть княжна Настасиа за великого князя Бориса. И вѣнча их Илиа, владыка тфѣрский въ святом Спасѣ; и народу же ту сущи многу, не токмо ихъ церкви не мѣстити, но ни граду. Но бысть радость и веселие велие, но не токмо, но и на многы дни.

Но той же зимы заложи князь великий Борис город среди езера и нарекы имя ему Троки. И съверъши его во едину неделю.

Но хвалимъ убо преблагаго бога и подавшаго нам государя таковаго и земли Тфѣрской строителя; но сиает бо яко солнце и златыи луча испущающи. Но о сем бо и Павелъ апостолъ учит ны, яко же добрыми словесы почитайте государя своего. Но понеже бо и земля напааема, но что всѣяно в ню сѣмена, и то с прибытком възрастит.

И хотя бо кто добрая словеса изглаголати о своемъ государи, и да просит у бога слова на отверзение устомъ, и аще ли человекъ ища разума, той долженъ есть навыкнути слову. Но яко же рече Исаиа пророкъ рече: «Господь даст ми языкъ». И Приточникъ же рече: «Сотове медвении словеса добраа, и сласть же ихъ — исцеление души»; и: «По воздании же устъ его въздасть ему». Понеже бо и Павелъ апостолъ к римляномъ рече: «Но возлюбихъ бо вы, да нѣкое слово подах вы». Но да возлюбите и вы уста глаголюща добро о великомъ князи Борисѣ.

И сей благовѣрный и благородный и христолюбивые великий князь Борис Александровичь но ун сый оста отца своего великого кънязя Александра Ивановича, но и прият скыпетры тфѣрскаго чиноначалиа; брат его старѣйший князь великий Юрий...

и князя Михаила Дмитриевича, и многих других. Но и они искали его долго и не нашли, ибо он скрывается в пустынных и непроходимых местах; и воеводы великого князя Бориса вернулись живы и здоровы.

В ту же осень послал великий князь Борис своего посла Ивана Давыдовича в Суздаль сватать за себя княжну, дочь князя Александра Суздальского. И в ту же зиму, за неделю до мясного заговенья, приведена была княжна Анастасия за великого князя Бориса. И венчал их Илия, владыка тверской, в храме святого Спаса; и было так много народу, что не только в церкви все не вмещались, но даже и в городе. И были радость и веселье великое не только в этот день, но многие дни.

И в ту же зиму заложил великий князь Борис город посреди озера и нарек имя ему Троки. И возвел его за одну неделю.

Так восхвалим преблагого бога, даровавшего нам такого государя и попечителя о Тверской земле, ибо сияет он, как солнце, и излучает золотые лучи. Тому учит нас и апостол Павел, чтобы добрыми словесами воздавали честь государю своему. Ведь увлажняемая земля с избытком взрастит семена, что посеяны в нее.

Тому же, кто хочет сказать доброе слово о своем государе, следует просить у бога слова в отворение уст своих, и человеку, ищущему разума, следует владеть словом. Ибо как сказал пророк Исайя: «Господь даст мне язык». И Приточник сказал: «Медвяные соты — слова добрые, сладость их исцеляет душу»; и «Воздастся ему по словам его». Ибо и апостол Павел сказал римлянам: «Ибо возлюбил вас и подам вам слово некое». Так возлюбите же и вы уста, говорящие добро о великом князе Борисе.

Сей благоверный, и благородный, и христолюбивый великий князь Борис Александрович в юном возрасте остался без отца своего, великого князя Александра Ивановича, и принял скипетр тверского владычества; брат его старший, великий князь Юрий...

ПОВЕСТЬ О ЖИТИИ МИХАИЛА КЛОПСКОГО

Прихожение Михайлово. Чюдо 1-е, иже уродиваго Христа ради, еже есть на Клопско на Веряжи.

Прихожение Михайла, уродивого Христа ради, къ святѣй Троицѣ на Клопско при Феодосии, нареченнѣмъ на владычество.

Чюдо 1. А пришолъ канунъ дни честнаго рожества Иоанна в нощъ. И попъ Макарий, покадивъ церковь на 9-й пѣсни, да пошелъ в келью, ажь келья отомчена. Войде в келью, ажь старець сѣдитъ на стулѣ, а пред ним свѣща горитъ, а пише сѣдя «Дѣаниа», святаго апостола Павла и плавание. И попъ, уполошивсяя, да пошолъ въ церковь да сказалъ Феодосию игумену и чернцамъ.

И игуменъ,798земъ кресть и кадило, и прииде х кельи и с чернцы, ажь сѣнцы заперты. И онъ посмотрѣлъ в окно в кѣлью, ажь старець сѣдя пише. И игуменъ сътвори молитву: «Господи Исусе Христе, сыне божий, помилуй нас, грѣшных!» И онъ противъ сътворилъ молитву. И игуменъ трижды сътворилъ молитву, и он противъ игумена тако же 3-жды сътворилъ молитву.

И Феодосий молви ему: «Кто еси ты, человекъ ли еси или бѣсъ? Что тебѣ имя?» И онъ ему отвѣщаетъ тѣ же рѣчи: «Человекъ ли еси или бѣс? Что тебѣ имя?» И Феодосий спросить его второе и третьее. А онъ противъ 3-жды тѣ же рѣчи отвѣщаетъ.

И повелѣ Феодосий игуменъ у сѣнець верхъ содрати, а у кѣльи двери выломити. И вшед в кѣлью игуменъ да почалъ по кѣльи темьаном кадить да и старца кадить учялъ. И онъ от темьяна закрывается, а крестомъ знаменается. И игуменъ еще въспроси его Феодосий: «Какъ къ нам пришелъ?

ПОВЕСТЬ О ЖИТИИ МИХАИЛА КЛОПСКОГО

Явление Михайлы. Чудо первое юродивого Христа ради из Клопска, что на реке Веряже.

Приход Михайлы, юродивого Христа ради, в монастырь святой Троицы на Клопске при Феодосии, избранном на владычество.

Чудо первое. А пришел ночью, в канун Иванова дня. Поп Макарий, покадив церковь на девятой песне, пошел в келью, а она открыта. Вошел поп в келью, а там сидит на стуле старец, а перед ним свеча горит, и переписывает он «Деяния», святого апостола Павла плавание. И поп, переполошившись, вернулся в церковь да рассказал об этом Феодосию-игумену и чернецам.

И игумен, взяв крест и кадило, пришел с чернецами к келье, а сенцы в келью уже заперты. И посмотрел игумен в окно в келию, а там сидит старец и пишет. Тогда игумен сотворил молитву: «Господи Иисусе Христе, сыне божий, помилуй нас, грешных!» И старец в ответ тоже сотворил молитву. И игумен трижды творил эту молитву, и он в ответ игумену тоже трижды творил эту молитву.

И Феодосий говорит ему: «Кто ты есть — человек ли или бес? Как твое имя?» А он ему отвечает теми же словами: «Человек ли ты или бес? Как твое имя?» И Феодосий спросил его во второй и третий раз. А он в ответ трижды повторил те же слова.

И повелел игумен Феодосий в сенцах крышу содрать, а в келье дверь выломать. И, войдя в келью, начал игумен келью фимиамом кадить и старца стал кадить. И тот от фимиама прикрывается, а сам осеняет себя крестным знамением. И еще спросил его игумен Феодосий: «Как ты пришел к нам?

Откуду еси? Что еси за человекъ? Что ти имя твое?» И старець ему отвѣща тѣ же рѣчи: «Какъ еси к нам пришолъ? Откуду еси? Что твое имя?» И не могли ся у него допытати ту имени.

И Феодосий млъви старцам таково слово: «Не бойтеся, старци, богъ намъ послалъ сего старца».

И потомъ позвонили обѣднюю и попъ Макариа къ церкви. И начали обѣднюю пѣть. И гдѣ пришло пѣть «Единородный», ажь старець иде въ церковь и онъ *почал* пѣть «Единородный» и «Блажено» и «Апостолъ», и все обеденное пѣтье пѣл и до конца. И попъ, отпѣвъ обѣднюю, да Феодосию далъ проскуру, и Феодосий далъ старцу, да молвитъ: «Пойди к намъ въ трапезу хлѣба ясть!» И онъ с нимъ в трапезу. И отъѣдши хлѣба, да Феодосий рече ему: «Буди у насъ, старче, живи с нами». Да самъ Феодосий ввелъ его в келию.

Чюдо 2-е, о разбойникѣх. По малѣ по томъ времени вышелъ Феодосий игуменъ и старци из церкви от обѣдней, отпѣвъ обѣднюю, ажь явилися три мужи у церкви. И Феодосий игуменъ подастъ им проскуру, *ино два взяли проскуру,* а одинъ не взялъ. И рече старець Феодосию: «Зови их хлѣба ясть, занеже издалеча пришли».

Да сѣли за трапезою, да не ядять. И спроси их старець: «О чомъ, дѣтки, не ядите?» И оны ркуть: «Есть, господине, у нас товарищи». И онъ одного послалъ: «Позови товарищовъ». И онъ шед да позвалъ их. Ажь идутъ 12 человѣкъ со оружьемъ к тѣмъ трема. И понуди их старець хлѣба ясть,— ани не хотятъ хлѣба ясть. *Инии хлеба вкусиша,* а одинъ, старѣйшина от них, ни хлѣба не вкушал и нача сердцемъ стонати. И котории хлѣбъ яша, тии пошли прочь, а два от них разболѣлися. И единому прерѣкоша: «*Постригися* — здравъ будеши!», а другому рече: «Иди, молви своимъ другомъ: по ся мѣста не украдите, не разбиете, останите грѣховъ своих». А товарища ихъ постригоша и даша имя ему Дорофѣй.

Чюдо 3-е о Михайлѣ. Како позналъ князь Костянтинъ его. По томъ времени приѣхал князь Костянтинъ Дмитреевичь съ княгинею своею причаститися и манастыря кормити на Преображение господне. И заставили его Книгу честь *Иева праведнаго за обедом.* И князь, услышавъ голосъ его, да посмотрѣ въ очи и позна его. Да молви ему: «А се Михайло, Максимовъ сынъ». И онъ противъ молви князю: «Богъ знаетъ!» И Феодосий игуменъ ему молвит: «Чему, сынко, имени своего намъ не скажешъ?» И онъ противъ молвит: «Бог знаетъ!» И с тѣх мѣстъ сказалъ свое имя — Михайло. И почали его звать Михайломъ.

Откуда ты? Что ты за человек? Как имя твое?» И старец отвечал ему теми же словами: «Как ты к нам пришел? Откуда ты? Как имя твое?» И не могли допытаться у него о его имени.

И Феодосий молвил старцам такие слова: «Не бойтесь, старцы, бог нам послал этого старца».

И потом позвонили к обедне, и поп Макарий пошел в церковь. И начали служить обедню. И когда пришло время петь «Единородный», то старец вошел в церковь и тоже начал петь «Единородный», пропел и «Блаженный», и «Апостол», и всю обеденную службу пропел до конца. И поп, отслужив обедню, дал Феодосию просвиру, а Феодосий дал ее старцу и молвил: «Иди к нам в трапезную хлеб есть!» И он со всеми пошел в трапезную. И когда поели, то Феодосий говорит ему: «Оставайся у нас, старец, живи с нами». И сам Феодосий ввел его в келью.

Чудо второе, о разбойниках. Спустя немного времени как-то Феодосий-игумен и старец, после того как окончилась обедня, вышли с обедни из церкви, а у церкви стоят трое неизвестных. И Феодосий-игумен дал им просвиру, и двое из них взяли просвиру, а один не взял. И старец говорит Феодосию: «Зови их хлеб есть, ведь они издалека пришли».

Сели в трапезной за стол, да не едят. Тогда спрашивает их старец: «Почему, детки, не едите?» А они говорят: «Есть, господин, у нас еще товарищи». И он одного послал: «Позови товарищей». И тот пошел и позвал их. А их идет, к тем троим, еще двенадцать человек с оружием. И стал старец понуждать их поесть хлеба — не хотели есть. И некоторые из них поели, а один, старший среди них, и хлеба не захотел попробовать, и охватил его сердечный недуг. И те, которые поели, пошли прочь, а двое из них разболелись. И одному из них старец сказал: «Постригись — тогда выздоровеешь!», а другому сказал: «Иди, скажи своим друзьям: с этих пор больше не крадите, не разбойничайте, отступитесь от своих грехов». А товарища их постригли и дали ему имя Дорофей.

Чудо третье о Михайле. Как узнал его князь Константин. Вскоре после этого, на Преображение господне, приехал князь Константин Дмитриевич со своей княгиней, чтобы причаститься и монастырь накормить. И за обедом заставили старца читать Книгу Иова праведного. И князь, услышав голос его, посмотрел ему в лицо и узнал его. И говорит ему: «А ведь это Михайла, Максимов сын». И он в ответ молвил князю: «Бог знает!» И Феодосий-игумен ему сказал: «Почему, сынок, имени своего нам не назовешь?» И он молвил в ответ: «Бог знает!» И с тех пор назвал свое имя — Михайла. И начали его звать Михайлом.

И князь молвитъ игумену и старцамъ: «Поберегите его — намъ человекъ той своитинъ!» И с тѣх мѣстъ началъ беречи его игуменъ и братья.

Чюдо о кладязѣ. И тогды у Веряжи вся вода высохла. Пойде понамарь по водицу къ церкви, ажь Михайла пише на пѣску: «Чашю спасениа прииму, имя господне призову. Ту будет кладяз неисчерпаемый». И какъ обѣднюю отпѣли и понамарь сказал игумену. И пойде игуменъ и Михайло на берегъ и позри игуменъ, ажь писано на пѣску. И спроси игуменъ у Михайла: «Что, Михайло, писано на пѣску?» И Михайло глаголеть: «Чашу спасениа прииму, имя господне призову. Ту будеть кладязь неисчерпаемый». И сътвори игуменъ и Михайло молитву. И покопа мало и пойде вода опругомъ. И явися кладязь неисчерпаемый и до сего дни.

По времени же не малѣ прииде князь Костянтинъ Дмитреевичь в монастырь къ Троицѣ святой на Клопско благословится у игумена Феодосиа и у Михайла ѣхать на Москву. И молвит князь таково слово: «Зовуть мя братья». И Михайла рече ему: «На Москву будешь у своей братьи. А устрой нынеча в домъ церковь каменную святую Троицу при собѣ, а богъ тебѣ, чядо, устроить на небесѣхъ каменыа полаты невидимо».

И рече князь Феодосию и Михайлу: «Ест ли у вас таковы мастеры?» И Феодосий рече ему: «Есть, княже». И посла игуменъ по мастеровъ по Олександра и по Ивана, и по Олисѣа. И рече князь мастерамъ: «Можете ли ми сего лѣта устроити церковь камену?» И рекоша мастеры: «Можемъ, господине, а в ту церковь святого Николу, что на Ляткѣ».

И урядися князь с мастеры: и даст имъ задатка 30 рублевъ, а после имъ взяти 100 рублевъ да по однорядки. И хлѣбъ им ясти в трапезѣ оприщно наймитовъ.

И заложиша церков на царя Костянтинов день. И, свершиша церковь до раменъ, *и не сташа камени.* Нѣгде чего добыти стало — погодье велико двѣ недели. И мастеры хотѣли прочь побѣжать. И князь началъ скорбѣти, что церковь не свѣршена — занеже ему на Москву ѣхать. И Михайло князю молвить: «Княже, не скорби! Богъ дастъ во утрѣ тишину». И бысть в утрѣ тишина. И посла̀лъ по камение в лодьях. Ино имъ повѣтерие с каменьемъ и сѣм и там. А свершиша святую Троицу на Дмитреевъ день.

И князь хоче к Москвѣ, и Михайло рече ему: «Жди до пути — будут по тебе, княже, честныи люди. А ты, княже, не забуди своего манастыря и нас, нищих. А мы,

И князь сказал игумену и старцам: «Бережно относитесь к нему — этот человек наш свойственник!» С тех пор игумен и братья начали оберегать его.

Чудо об источнике. Как-то в Веряже вся вода высохла. Пошел пономарь за водой для церкви и увидел, что Михайла пишет на песке: «Чашу спасения приму, имя господне призову. Тут будет источник неисчерпаемый». И как обедню отпели, пономарь сказал об этом игумену. И пошли игумен и Михайла на берег, и посмотрел игумен, что написано на песке. И спросил игумен у Михайлы: «Что, Михайла, написано на песке?» И Михайла говорит: «Чашу спасения приму, имя господне призову. Тут будет источник неисчерпаемый». И сотворили игумен и Михайла молитву. И покопали немного, и истекла вода ключом. И забил источник неисчерпаемый, и течет до нынешнего дня.

По прошествии немалого времени пришел в Троицкий святой монастырь на Клопске князь Константин Дмитриевич, чтобы благословиться на поездку в Москву у игумена Феодосия и у Михайлы. И так говорит князь: «Зовут меня братья». И Михайла сказал ему: «Будешь в Москве у своих братьев. А нынче построй в монастыре, пока ты здесь, каменную церковь святой Троицы, а бог тебе, чадо, устроит за это каменные невидимые палаты на небесах».

И говорит князь Феодосию: «Есть ли у вас для этого мастера?» И Феодосий ответил ему: «Есть, княже». И послал игумен Феодосий за мастерами Александром, Иваном и Елисеем. И спросил князь у мастеров: «Можете ли мне в этом году построить церковь каменную?» И отвечали мастера: «Можем, господин, такую же, как церковь святого Николы на Лятке».

И договорился князь с мастерами: дал им в задаток тридцать рублей, а потом им получить сто рублей да по однорядке. А кормиться им, без работников, в монастырской трапезной.

И заложили церковь в день памяти царя Константина. И, когда возвели церковное строение в рост человека, окончился камень. И не было возможности нигде ничего достать — стояла непогода великая две недели. И мастера решили прочь уйти. А князь начал горевать, что церковь не достроена, а ему уже в Москву пора ехать. И Михайла говорит князю: «Князь, не тужи! Бог даст наутро тишину». И утром стало тихо. И послали за камнем в ладьях. И дул попутный ветер, когда и туда ехали и обратно с камнем. А завершили храм святой Троицы на Дмитриев день.

И князь решил ехать в Москву, а Михайла говорит ему: «Жди подходящего времени — прибудут тебя звать, княже, честные люди. А ты, князь, не забудь свой монастырь и нас, нищих.

доколѣ свѣтъ стоит, а за тебе бога молимъ». А поѣхалъ князь на Москву к братьи и приняли его с честью.

А в то время немоглъ владыка Иванъ 3 года и взяша мужа честна у святого Спаса на Хутынѣ на владычество — Семиона. И сведоша его *на сени,* и бысть три года не поставленъ, и постави его митрополитъ и бысть три года, и потомъ сведоша его. И сведоша на сѣни Феодосиа, мужа честна, по проречению Михайлову и по жребию на владычьство. И поживъ на владычьствѣ три года и потомъ сведоша его с сѣней и бояри послаша его в монастырь. И поживе в манастырѣ два годы при Еуфимии: и послѣ Феодосиа введоша мужа честна на сѣни Омельяна, нареченаго на владычьство Еуфимья.

Бысть налога на монастырѣ от посадника Григорна Кириловича. Приде Григорей в манастырь на Великъ день къ церкви, к обѣдней, святѣй Троици. И игуменъ, отпѣвъ обѣднюю, да вышелъ из церкви. И посадникъ удръжа игумена и чернцовъ на манастырѣ. И рече посадникъ игумену таково слово: «Не пускай ни коней ни коровъ на жары — то земля моя. Ни по рѣки по Веряжи, ни по болотомъ, ни под дворомъ моимъ не ловити. А почнете ловити, и язъ ловцамъ вашим велю ногы и руки перебити».

И Михаилъ рече посаднику: «Будеши без рукъ и без ногъ, мало в водѣ не утонеши!»

И посла игуменъ и Михайло ловцевъ на рѣку ловити и на болота. И вышелъ посадникъ, ажь ловци тоню волокут. И онъ пошол к ним, к рѣки, да и в рѣку за ними сам сугнавъ, да ударилъ рукою, да хотѣлъ другой ряд, такъ мимо ударилъ да палъ в воду, мало не утонулъ. Люди подняли его, пришедъ, да повели его, ано у его ни рукъ ни ногъ по пророчьству Михайлову.

И привезли его в манастырь порану. И Михайло не велѣл на манастырь пускати, ни кануна приимати, ни свѣщи, ни проскуры. И они поѣхали проч з грозбою: «Мы ся пожалуемъ владыцѣ да Великому Новугороду, что вы за посадника не хотите молбену пѣть да канону и проскуръ не приимаете». И пошли къ владыцѣ жаловатися и к Новугороду Яковъ Ондрѣановъ сынъ, Феофилат Захарьинъ сынъ, Иванъ Василъев. И владыка послалъ своего протопопу да протодиакона к Михайлу и къ игумену: «Пойте за посадника молебенъ да обѣднюю». И Михайла рече протопопу и протодиакону: «Молимъ бога о всем миру, не токмо о Григорьи. Поѣздишь по манастыремъ, попросишь у бога милости!»

И поѣхал посадникъ по манастыремъ да почалъ давати милостыню, и по всѣмъ городцким манастырем ѣздилъ год да

А мы, доколе свет стоит, будем за тебя бога молить». И поехал князь в Москву к братии, и приняли его с честью.

А в то время болел владыка Иван три года, и избрали на владычество честного мужа из Спасского Хутынского монастыря Семиона. Возвели его на владычный престол, и три года владычествовал без поставления, а потом поставил его митрополит, и владычествовал еще три года, и после этого свели его со владычества. И возвели на владычный престол, по пророчеству Михайлы и по жребию, Феодосия, мужа честна. И пробыл на владычестве три года, и потом свели его с владычного престола бояре и отослали назад в монастырь. И после этого прожил он еще два года в монастыре при владыке Евфимии: после Феодосия на владычный престол возвели владыкой мужа честного Емельяна, нареченного на владычестве Евфимием.

Разгневался однажды на монастырь посадник Григорий Кириллович. Пришел Григорий в монастырь в Великий день на обедню в церковь святой Троицы. И игумен, отпев обедню, вышел из церкви. А посадник удержал игумена и чернецов на монастырском дворе. И сказал посадник игумену такие слова: «Не пускай ни коней, ни коров на жары — то моя земля. И ни по реке Веряже, ни по болотам, ни около двора моего не ловите рыбы. А начнете ловить,— прикажу я рыболовам вашим руки и ноги переломать».

И Михайла сказал посаднику: «Сам будешь без рук и без ног, и в воде едва не утонешь!»

И послали игумен и Михайла рыболовов на реку и на болота ловить рыбу. И вышел посадник, а рыболовы тянут сети. И он пошел к ним, к реке, да и в реку сам за ними погнался, ударил кого-то рукою да хотел в другой раз ударить, но промахнулся да упал в воду и едва не утонул. Подоспевшие слуги подняли его да повели, а у него, по пророчеству Михайлы, руки и ноги отнялись.

И рано утром привезли его в монастырь. А Михайла не велел его в монастырь пускать, ни принимать от него ни кануна, ни свечей, ни просвир. И поехали они прочь с угрозами: «Мы пожалуемся владыке и Великому Новгороду, что вы не хотите за посадника молебен служить и ни просвир, ни кануна не принимаете». И пошли Яков Андреанов сын, Феофилат Захарьин сын, Иван Васильев жаловаться владыке и Новгороду. И послал владыка своего протопопа да протодьякона к Михайле и к игумену: «Отслужите за посадника молебен и обедню». А Михайла говорит протопопу и протодьякону: «Молим мы бога о всех людях, не только о Григории. Пусть поездит по монастырям, попросит у бога милости!»

И поехал посадник по монастырям и начал давать милостыню, и целый год и полтора месяца ездил он по всем новгородским

полтора месяца и нигдѣ себѣ милости не обрѣлъ от бога, ни в коемъ монастыри. Приѣхавъ послалъ ко владыцѣ: «Не обрѣлъ есми в монастырех собѣ помощи». И владыка рече ему: «Поѣдь нынеча в монастырь святыа Троици да проси милости у святыа Троици да у старца у Михайла».

И посла владыка своих поповъ да и посадника. И приѣхавъ да велѣлъ молебенъ пѣти да обѣднюю. Да внесли посадника на коврѣ в церковь и перекреститися не может. И начаша молебенъ пѣти святыа Троици. И дойде до конца, и онъ почалъ рукою двигати, а годъ весь да полтора месяца ни рукою ни ногою не двигивалъ. И пошли съ Евангелием на выход, и он прекрестился да сѣлъ. И дойде до переноса и он сталъ на ноги и стоялъ до скончания.

И, отпѣвъ обѣднюю, пошли в трапезу и поставя обѣд. И посадникъ рече: «Святаа братья, хлѣбъ, осподо, да соль!» И Михайла противъ того: «Еже уготова богъ его любящимъ и заповѣди его хранящим, а зачинающимъ рать богъ его погубить!»

И бысть от Михайла наученъ Посахне посадникъ, и бысть с тѣх мѣстъ добръ до Михайла и до манастыря.

Хватя старцы Михайла на Святой недѣли, аже его в манастырѣ нѣт. И явися в городе у святыа Софѣя в притвори. И позна его Посахне Григорей Кириловичь. По заутренѣй да молвит: «Михаилъ, яжь хлѣба с нами в одномъ мѣстѣ». И онъ молвит: «Богъ знаетъ!» И пристави к нему человека. И хватя, ажь Михайла ни бывало. И пойде попъ ис церкви на Клопскѣ, ажь Михайла стоить в притворѣ у церкви. И мало хлѣба отъѣли, аже Посахне человека прислалъ смотрѣти Михайла — есть ли в манастырѣ, ажь в манастырѣ.

Бысть брань о землѣ Олферью Ивановичу с Ываном с Семеновичемъ с Лошиньскимъ. И пророче Михайло Олферью Ивановичу: «Будеши без рукъ и без ногъ и нѣмъ!» И пришедши Олферий к церкви святѣй Богородици в Курецко и молви: «Брате Иване, то земля моя!» Да по руки ударилъ, да рукавицею ударилъ в землю. Да по рукавицу наклонился и уя у него рука и нога, и языкъ проч отнялся и не говоритъ.

В та же лѣта възвели владику Еуфимиа Другаго на сѣни. И поживѣ 3 года нареченымъ, *а не поставленым.* И приѣде владыка на Клопско кормить манастыря. И сѣдячи владыка за столом да молвит: «Михайлушко, моли бога о мнѣ, чтобы было свершение от князя великого!» И у владыкы в руках ширинка. И онъ ширинку дергъ из рукъ вонъ у владыкы да на главу владыкы: «Доѣдешъ в Смоленско и поставят тя владыкою». И ѣздилъ владыка в Смоленско и сталъ

монастырям и нигде, ни в одном из монастырей, милости от бога не обрел. Вернувшись домой, послал посадник сказать владыке: «Не обрел я себе помощи в монастырях». И владыка говорит ему: «Теперь поезжай в монастырь святой Троицы да проси прощения у святой Троицы да у старца у Михайлы».

И послал владыка в монастырь своих попов с посадником. И когда приехали, то велел Михайла молебен петь и обедню служить. Посадника внесли в церковь на ковре, а он и перекреститься не может. И начали петь молебен святой Троице. И когда дошли до конца,— начал он рукой двигать, а ведь целый год и полтора месяца ни рукою, ни ногою не мог пошевелить. Когда пошли с Евангелием на выход,— он перекрестился да сел. А когда дошли до переноса,— он встал на ноги и стоял до конца службы.

И, отпев обедню, пошли в трапезную, где был приготовлен обед. И посадник сказал: «Святая братия, хлеб да соль вам, отцы!» А Михайла в ответ: «Что уготовил бог любящим его и заповеди его соблюдающим, а того, кто зачинает рать — бог накажет!»

И был так посадник Посахно научен Михайлой и с тех пор стал добр и к Михайле, и к монастырю.

Хватились раз старцы Михайлы на Святой неделе, а его в монастыре не оказалось. Он же в это время появился в городе, у святой Софии, в притворе. И узнал его Посахно Григорий Кириллович. И говорит ему, как кончилась заутреня: «Разговейся вместе с нами». А он в ответ: «Бог знает!» И велел посадник своему человеку присмотреть за ним. Хватились, а Михайлы как не бывало. А в это время из церкви на Клопске пошел поп и видит — стоит Михайла в церковном притворе. И немного поели, а Посахно прислал человека узнать — не в монастыре ли Михайла, а он уже в монастыре.

Поспорили из-за земли Олферий Иванович с Иваном Семеновичем Лошинским. И предсказал Михайла Олферию Ивановичу: «Отнимутся у тебя руки и ноги и онемеешь!» Вот пришел Олферий к церкви святой Богородицы в Курецке и говорит: «Брат Иван, здесь моя земля!» Ударил он по рукам с Иваном Семеновичем Лошинским и рукавицею оземь. Наклонился поднять рукавицу и отнялись у него рука и нога, и язык отнялся, так что и говорить не может.

В те же годы возвели на владычный престол владыку Евфимия Второго. И владычествовал он три года избранным, но не поставленным. Как-то приехал владыка в Клопский монастырь братию кормить. Вот, сидя за столом, владыка и говорит: «Михайлушка, моли бога за меня, чтобы было от великого князя согласие на поставление». А в руках у владыки платок. И Михайла выхватил платок из рук владыки да возложил его на голову владыке: «Поедешь в Смоленск, и там тебя поставят во владыки». И ездил владыка в Смоленск и был

владыкою. И приѣхавъ владыка опять к Михайлу и рече Михайлу: «Богъ мене свершилъ и митрополитъ и зовуть мя на Москву». И Михайло рече владыкѣ: «На Москву тебѣ ехати и добиешь челомъ князю великому и митрополиту». И приѣхалъ владыка къ князю и добилъ челомъ митрополиту по пророчеству Михайлову.

Приѣхалъ тогды князь Дмитрей Юрьевич в Новъгород и приѣхалъ на Клопско у Михайла благословится. И рече: «Михайлушко, бѣгаю своей отчинѣ — збили мя с великого княженья!» И Михайла рече: «Всякая власть дается от бога!» И князь воспроси: «Михайлушко, моли бога, чтобы досягнути мнѣ своей отчинѣ — великого княжениа». И Михайла рече ему: «Княже, досягнеши трилакотнаго гроба!» И князь, того не рядячи, да поѣхалъ досягати великого княжениа. И Михайла рече: «Всуе тружаешися, княже, чего богъ не дастъ». И не бысть божия пособья князю.

И в то время спросили у Михайла: «Пособил бог князю Дмитрею?» И Михайла рече: «Заблудили наши!» И они записали тотъ день. Аже так ся и было. И опять прибѣглъ в Великий Новъгород. И приѣхалъ опять князь на Клопско манастыря кормить и у Михайла благословится. Накормилъ и напоил старцовъ, и Михайлу далъ, с себе снемъ, шубу. И проводить почяли князя с манастыря, и Михайла за голову князя погладит да молвитъ: «Княже, земля вопиет!» И трижды молвитъ. Аже князь канунъ Ильина дни преставился.

Погибе из манастыря олень и Михайла с нимъ. И пребысть Михайло и олень 3 недѣли невѣдомо гдѣ. И преставися Феодосий канунъ Покрова дни. И послаша ко владыкѣ Еуфимью проводить Феодосиа, и онъ не поѣхалъ. И три дни лѣжал не похороненъ. И люди добрыи скопяся из города, игумены честныи и попы и понесъ Феодосиа ко гробу хоронити; посмотря, аже иде Михаилъ, а олень за нимъ, а не привязанъ ничѣмъ: только у Михайла мошку въ руках, а онъ за мошком идет. И положиша Феодосиа въ гробѣ, и положиша честно его.

Разболися Михайло месяца декабря на Савинъ день, ходя к церкви. А стоялъ на правой сторонѣ у церкви въ дворѣ, противъ Феодосиева гроба. И почалъ кто говорить ему игуменъ и старцы: «Чему, Михайло, не стоишъ въ церкви, а стоишъ на дворѣ?» И онъ им промолви: «Ту язъ хощю полежати!»

И до преставления его житья в монастырѣ 50 лѣтъ да 6 месяць. А не требовалъ ни постели, ничего, а келъю топиль наземомъ да коневым калом, а самъ на писку лежалъ.

А дары взялъ на Феодосиевъ день на своихъ ногах и да взял с собою кандило и темъянъ, да пошел в келъю. И послал

поставлен владыкой. И приехал владыка опять к Михайле и говорит ему: «Бог меня поставил и митрополит и зовут меня в Москву». И Михайла сказал владыке: «В Москву тебе ехать и бить челом великому князю и митрополиту». И ездил владыка к князю и бил челом митрополиту, как предсказал Михайла.

Приехал в ту пору в Новгород князь Дмитрий Юрьевич и пришел в Клопский монастырь благословиться у Михайлы. И говорит он: «Михайлушка, скитаюсь вдали от своей вотчины — согнали меня с великого княжения!» А Михайла в ответ: «Всякая власть дается от бога!» И князь попросил: «Михайлушка, моли бога, чтобы мне добиться своей вотчины — великого княжения». И Михайла говорит ему: «Князь, добьешься трехлокотного гроба!» Князь же, не вняв этому, поехал добиваться великого княжения. И Михайла сказал: «Всуе стараешься, князь,— не получишь, чего бог не даст». И не было божьей помощи князю.

И в то время спросили у Михайлы: «Пособил бог князю Дмитрию?» И Михайла сказал: «Впустую проплутали наши!» Записали день, в который это было сказано. И так оно и оказалось. Опять прибежал князь в Великий Новгород. И опять приехал он в Клопский монастырь братию кормить и у Михайлы благословиться. Накормил и напоил старцев, а Михайле дал шубу, с себя сняв. Когда стали князя провожать из монастыря, то Михайла погладил князя по голове да промолвил: «Князь, земля по тебе стонет!» И трижды повторил это. Так и случилось — накануне Ильина дня князь преставился.

Раз исчез из монастыря олень и Михайла с ним. И три недели неведомо где пропадали и Михайла и олень. А накануне Покрова дня преставился Феодосий. И послали за владыкой Евфимием, чтобы проводил Феодосия, а тот не поехал. И три дня лежал Феодосий непохороненным. И собрались люди добрые из города, игумены честные и попы и понесли Феодосия к могиле, хоронить; смотрят, идет Михайла, а олень за ним, ничем не привязан: только у Михайлы клочок мха в руке, и олень за клочком мха идет. И положили Феодосия в могилу, и честно погребли его.

В декабре месяце на Саввин день разболелся Михайла, но в церковь ходил. А стоял справа у церкви, на дворе, против могилы Феодосия. И стали спрашивать его игумен и старцы: «Почему, Михайла, не стоишь в церкви, а стоишь на дворе?» И он им ответил: «Тут я хочу полежать».

И до преставления своего прожил он в монастыре пятьдесят лет и шесть месяцев. А постели и ничего другого не требовал себе, а спал на песке, а келью топил мусором и конским навозом.

На Феодосиев день Михайла сам принял святые дары и, взяв с собою кадильницу и фимиам, пошел в келью. Послал

к нему игуменъ питъ и ѣсть от трапезы. И они пришли, ажно заперто. И они отперли, ажь темьанъ ся куритъ, а его в животи нѣть.

И почали искати мѣста, где его положити — земля меръзла. И спомянуша черньцы и игуменъ испытати того мѣста, где самь стоялъ Михайла. И онѣ того мѣста досмотрѣша, ажь земля тала. И они ту его погребоша честно.

Нѣхто христолюбивый купец, Михайло Марковъ, имѣя любовъ ко святому старцу Михайлу. Идущю ему торговати за море, и бывшю ему за моремъ год и возъвращуся ему взадъ, идущю по морю, и бысть буря велия, валы великы, и бьющуся кораблю о дно моря и бысть бѣда велия. Нача купець плакати и призывати бога на помощь и угодника его Михайла. Рече же купець Михайлу: «Господине Михайло, былъ еси мнѣ помощникъ при животи, нынѣ о мнѣ грѣшнем богу помолися!» И явися купцу Михайла в той час на морѣ, а дръжи корабль за нос и невидим бысть. И бысть тишина велия. Избавльшуся кораблю от потопа.

И пришедшю купцю в домъ свой, прославиша бога и угодника его Михайла. И обрекъся память творити до своего живота. И бысть тако.

Иное пророчение — Микифору попу. Панагѣю украл, и онъ молвить, Михайло, Микифору попу: «Будеши похапъ!» И с техъ мѣстъ у попа ни ума и ни памети. И повелѣ Михайло горнъ раскопати, ажь панагѣя в горну.

Инное. Бысть налога на манастыръ от Еуфимия владыкы от Пръваго: захотѣлъ куны взяти. И взяша конъ воронъ изъ манастыря. И Михайло владыцѣ рече: «Мало поживеши, останется все!» И с тѣхъ мѣсть разболися владыка и преставилъся.

Приѣхал посадникъ Иванъ Васильевич Немиръ на манастыръ, а Михайла по манастырю ходит. И Михайло спросил посадника: «Что ѣздѣши?» И посадникь отвѣща ему: «Быль есмь у пратещи своей, у Ефросеньи, да приѣхалъ есмъ у тебя благословится». И Михайло рече ему: «Что твоя, чадо, за дума — ѣздишь думаешь ж жонъками?» И посадникъ рече ему: «Будет у насъ князь велики на лѣто да хочет воевать землю, а у нас есть князь — Михайло Литовъской».

И отвѣща ему Михайло: «То у вас не князь — грязь! Разошлите послы к великому князю, добивайте челом. И не уймете князя, будеть с силами к Новугороду, и не будеть вамъ божия пособия. Станет князь великий в Бурегах и роспустить силу свою на Шолонѣ, и попленить новгородцевъ многых: иных на Москву сведеть, а иных присѣчет, а иных на окупъ

игумен ему от трапезы еды и питья. И когда пришли к нему, то келья была закрыта. Открыли, и фимиам еще курился, а его уже не было в живых.

И стали искать место, где его положить, и везде земля была мерзлая. И надумали чернецы и игумен проверить то место, где стоял Михайла. Попробовали они копать в этом месте, и оказалась земля тут талой. И погребли они его здесь честно.

Некий христолюбивый купец, Михайла Марков, глубоко чтил святого старца Михайлу. Когда однажды пошел он торговать за море и, пробыв за морем год, возвращался назад, то поднялась сильная буря, вздымались волны великие, било корабль о дно моря, наступила великая беда. Начал купец плакать и призывать бога на помощь и его угодника Михайлу. Взывает купец к Михайле: «Господин Михайла, был ты мне помощником при жизни своей, теперь о мне, грешном, богу помолись!» И явился Михайла купцу без промедления на море, удерживая корабль за нос, и сразу исчез. И наступила полная тишина. Избавился корабль от потопления.

И когда вернулся купец в дом свой, то прославил бога и угодника его Михайлу. И взял на себя обет чтить память святого до своей смерти. Так и было.

А вот другое пророчество Михайлы — Никифору-попу. Украл тот панагию, и он, Михайла, говорит Никифору-попу: «Ума лишишься!» И после этих слов у попа ни ума, ни памяти. И велел Михайла печь разобрать, а панагия в печи.

И еще. Стал владыка Евфимий Первый притеснять монастырь — захотел деньги с монастыря получить. И взял из монастыря коня вороного. И Михайла владыке говорит: «Мало тебе жить, останется все!» И с тех пор разболелся владыка и преставился.

Приехал посадник Иван Васильевич Немир в монастырь, а Михайла по монастырю ходит. И Михайла спросил посадника: «Что ездишь?» И посадник отвечает ему: «Был я у пратещи своей, у Ефросинии, да приехал к тебе благословиться». И Михайла сказал ему: «Что это, чадо, за совет у тебя такой — ездишь да с бабами совещаешься?» И посадник в ответ ему: «Летом придет на нас князь великий — хочет подчинить себе землю нашу, а у нас уже есть князь — Михаил Литовский».

И ответил ему Михайла: «То у вас не князь — грязь! Пошлите послов к великому князю и бейте ему челом. А не умолите князя, придет он со своим войском к Новгороду и не будет вам божьей помощи. Станет князь великий в Бурегах, и пошлет силу свою по Шелоне, и попленит новгородцев многих, иных в Москву уведет, а иных — казнит, а у иных выкуп

даст. А Михайло князь о вас не станет, помочи от него не буде. И послати вамъ преподобнаго отца владыку да посадникы, да добивать челом ему, челобитье примать да и куны изъемлеть. Да по малѣ времени князь великый опять будетъ, да город возметь, да всю свою волю учинитъ, да богъ дасть ему».

И събысся тако.

Богу нашему слава и нынѣ, и присно, и въ вѣкы. Аминь.

потребует. А Михаил-князь за вас не встанет, помощи вам от него не будет. И придется посылать вам преподобного отца владыку да посадников да бить великому князю челом, и он челобитье ваше примет, и много денег с вас потребует. Да в скором времени после того князь великий опять придет и город возьмет да все по своей воле установит, и бог поможет ему».

Так все и сбылось.

Богу нашему слава и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

ПОВЕСТЬ ОБ ИОНЕ, АРХИЕПИСКОПЕ НОВГОРОДСКОМ

Месяца ноевриа 5 день въспоминание о житии чюдодѣиствии и о преставлении о блаженемъ Ионъ архиепископѣ великаго Новаграда, иже бысть по вторемъ архиепископѣ Еуфимии чюдотворци, иже на Вежищахъ. В лѣто 6976-е до лѣта 9-го.

Вспомянути и блаженнаго нашего пастыря Иону добро понемалымъ словом. В чин же и зде приложися въспомянути его по преподобнемъ архиепископѣ нашемъ Еуфимии, иже въсиавшу пред очима нашима, и добродѣтелеи его, и благодѣянии всѣ мы примателе и свидѣтеле суще. Толико бо трудися за люди своя, паству свою добрѣ пасыи, яко добрыи пастырь — въистину Еуфимие! Въ время изнеможениа благодушьствуяи и предстоя стаду своему по господню словеси: «Не оставляа стада и бѣгая наемническы, но душу свою полагая за пасомыа своя».

Преже бо зѣло малѣх днеи епископьства его въздвижеся Витовтъ, князь виленьскии, аки волкъ гладенъ человеком нападая плоти их, оружиемъ хапая иже полнъ и своеродных кровей. И со всѣм литовским множествомъ ходя на Великии Новъград оборити и поплѣнити хотя. И Порховъ градъ уже аки в неводѣ обиатъ воиска множествомъ, и борити тои начинаше, и вся злая творити не умолчеваше. И от сего всему Великому Новуграду в подвизѣ велицѣ сущу и мнозѣ трудѣ, не многом бо преже с Нѣмци боришася, таже и гладом дручени быша, таже и от своего князя насиловани; тѣм же суровыи волкъ яко время гладству своему обрѣте, на уставшая люди уже и много трудившаяся преже приидe пожрети мысля. Преступивъ мирныя клятвы беззаконно и пагубно, обаче послѣди въздасть ему господь ординьскими цари! Цари бо ординьстии с своими татары

ПОВЕСТЬ ОБ ИОНЕ, АРХИЕПИСКОПЕ НОВГОРОДСКОМ

Месяца ноября в пятый день воспоминание о житии и чудесах и о преставлении блаженного Ионы, архиепископа Великого Новгорода, который был после второго архиепископа Евфимия-чудотворца, что в Вяжищах. От года 6976 (1468) до года 6979 (1471).

Теперь хорошо вспомнить и блаженного нашего пастыря Иону, хотя бы в кратком слове. Кстати вспомнить его здесь после преподобного архиепископа нашего Евфимия, что воссиял пред очами нашими и чью добродетель и благодеяния все мы испытали и были свидетелями им. Ведь так много потрудился он за людей своих, хорошо пася паству свою, как добрый пастырь — воистину Евфимий! Во время бедствий спокойно вел стадо свое, по господнему слову: «Не оставляй стадо, бегая как наемник, но душу свою положи за подопечных своих».

Совсем незадолго до епископства его поднялся на новгородцев Витовт, князь виленский, подобно голодному волку нападая на людей, оружием поражая даже тех, в ком текла родная ему кровь. И со всей многочисленной литовской силой пошел он на Великий Новгород, покорить и пленить стремясь его. И город Порхов уже, словно неводом, объял множеством войск, и осаду его начал, не переставая совершать зло. И оттого весь Великий Новгород был в сильном изнеможении и военных заботах, так как незадолго до этого с немцами воевал, а также голодом был истощен и насилиями собственного князя; и вот этот свирепый волк, словно одолеваемый голодом, напал на уставших и давно измученных людей, задумав пожрать их. Беззаконно и преступно нарушил он мирный договор, за что после воздаст ему господь через ордынских царей! Ведь ордынские цари с татарским своим

многое его литовьское воиньство излѣзшее на ня в поле, аки худы нѣкиа животны, иже от пещеръ изскачющая погубиша, и силныа коня его и комони отъяша, самому Витовту в малѣ полцѣ утекшу, и полскыя грады и великая села без заставы оставивъ, свое спасение токмо ища. Их же татарьстии руцѣ пусты ему вся положиша мнозѣмъ гнѣвом царя ихъ.

Егда же борющу сему Витовту град Порховъ и Великому Новуграду злѣ прѣтящу, тогда блаженному Еуфимию с послы Великаго Новаграда от архиепископа Емелиана, иже Еуфимиемъ преименованнаго, к ратнику сему о смирении ходившу. И много к нему трудися, всяко к лукавьству его таиная бо лсти Витовтова сердца прилѣжными къ богу молитвами претворити на благо и преложити на истину мняшеся, видимую же его злобу множеством сребра укрощаваше. И толико трудися в молитвах к богови и в дарох к ратнику, донелѣже того въ своя възвратитися сотвори преподобныи, и, граду своему многу радость исходатаивъ, прииде.

Не по мнозѣ же Емелиану честному почившу, сии възведенъ бысть въ архиепископьство. В нем же колико трудися, и вьгнѣвѣх своего князя иже на град его, и ратною рукою въздвизающася на своя нелѣпотно двоицею. Ходатаиствуя посреди и тружаяся зело и ового дарми укротя и тяжестию сребра утоляа, овыя же благыми словесы утѣшая, мировати къ князю своему увѣщавая. Изряднѣе же доброту показа на плененыа и блаженныи, якоже и въспоминаниих о нем сказася и блаженным Ионою, в повелѣном списании в лѣта яже архиепископьства его.

Сего же самого приснопаметнаго преподобника и святителя Иону въспомянути приложися нынѣ к памети Еуфимиевы, по нем бо архиерѣиския престолъ Великаго Новаграда церкве украшаше и пастырьская исправляше достоино и праведно. Аще и в мало лѣт прилучися ему настояти, тридесяте бо лѣт точию пасе Христово стадо, но многу и велику свѣтлость показавъ изряднаго благопребываниа и добродѣяниа.

Съвершену бо ему сущу старостию помазание архиерѣиства приатъ, юностию же крѣпостию поощряемъ на благодѣиствиа. Прежде же архиерѣиства в пустыни рекомѣи Отни архимандрита Харитона добродѣтелеи подвигы прохожаше честныи сеи муж. В тои бо пустыни Отни своих власовъ отъятие и мира отречение сътвори, ту и обѣты господеви въздаде; тогда тои потребами велми скуднѣи еще. И понеже ту от многъ лѣтъ постяся бѣ и благожизнию дѣтелии и благодѣтию, и игуменьства тоя обители достоинъ бывъ, прозвитерства даръ имыи. Мнози же от гражанъ и честных немало пустыни тоя уединению чюдящеся и живущая в неи чтяху, наипаче же игумена ихъ, сего Иону, зело любяще, добрыми дѣлы

войском его многочисленное литовское войско, напавшее на них в поле, словно какие-то дикие звери, выскочившие из пещер, погубили и могучего коня его, и остальных коней захватили, а сам Витовт с небольшим полком бежал, оставив польские города и большие села без застав, думая лишь о своем спасении. И опустошили их татарские руки из-за сильного гнева их царя.

В то время, когда этот Витовт наступал на город Порхов и угрожал Великому Новгороду, блаженный Евфимий с послами Великого Новгорода от архиепископа Емелиана, который потом был Евфимием назван, ходил к воителю этому говорить о мире. И много потрудился он, стараясь лукавство и затаенное в сердце коварство Витовта усердными к богу молитвами переменить на добро и справедливость, а явную его злобу множеством серебра укрощая. И до тех пор усердствовал преподобный в молитвах к господу и в дарах к завоевателю, покуда тот не возвратился восвояси, а он, добившись большой радости для города своего, вернулся.

Когда вскоре после этого умер честной Емелиан, Евфимий был поставлен архиепископом. Много потрудился он, когда разгневался князь на город его и дважды поднимал неприязненно оружие на свой город. Усиленно посредничал Евфимий между горожанами и князем, одного укрощая дарами и утоляя тяжестью серебра, других же утешая добрым словом, уговаривая помириться с князем своим. Еще большую доброту проявил он к пленным и блаженным, как это видно по воспоминаниям о нем и в сказании, написанном по повелению блаженного Ионы в годы его архиепископства.

Самого же приснопамятного праведника и святителя Иону следует вспомнить, вспоминая о Евфимии, ибо после Евфимия архиерейский престол церкви Великого Новгорода украшал Иона и долг пастырский исполнял достойно и праведно. Хотя и недолго пришлось ему настоятельствовать — только тридцать лет пас он стадо Христово,— но успел проявить светлость многой доброты и благих дел.

Уже в старости пришлось ему принять помазание архиерейское, но с силой юношеской вдохновлялся он на благие дела. До архиерейства же прошел этот честной муж добродетельный путь подвижничества в Отенской пустыни архимандрита Харитона. В той Отенской пустыни постригся он и отрекся от мира, там дал и обеты господу; тогда монастырь этот был еще очень беден. И многие годы посвятил он тут постнической и добродетельной жизни и удостоился стать игуменом этой обители, имея дар пресвитерства. Многие же горожане и честные люди немало дивились уединению той пустыни и почитали ее обитателей, а особенно сильно любили игумена их, этого Иону, ибо видели, что сияет он добрыми делами

яко свѣтящася мужа видяху и смирениемъ украшена, многым разсудителна же и незлобива, в простотѣ ходяща, по апостолу. Тѣм же и спомогаху ему от имѣнии своих, тои же приходящая ему имѣниа не собѣ сокровищьствует, но въ общину всѣм живущимъ ему полагает, ими же и обители помощь умышляет; потребная тои пристраяет, и приходы искуповая, яко же и иныя обители стяжаша.

Сеи блаженный Иона еще дѣтску ему сущу, произбранъ от бога въ благое, пронареченъ бывъ въ святительство Великому Новуграду. Отрочищу еще ему сущу, осиротѣвшу ему от родителю своею, вдовица нѣкая, матерьски поболѣвьши о немъ, въспита и́, приемъ того аки истовая родителница. Ею же вдану ему бывшу нѣкоему диакону наказатися священным книгам. Еще же и нищетѣ к сиротству присовокупившися ему, нездрава тѣлом творяшеть его, и чястое болѣзнемъ приложение худость ему придаяше. Кротостное обычая и тихое нрава по многу снабдѣвати обыче добрыи сеи, радованию же и игранию дѣтеи николи же приближатися изволи. И аще когда от учителя отхожаше съ множеством съ ученическим ему и улица граду к дому приходити бываше, всѣмъ яко дѣтемъ игранию радующимся, тои подале стояти отъ нихъ обычно имяше, егда и случашеся когда яко дѣтску позоровати.

Единою же честному Михаилу, уродивому мирови, богови же премудрому, въ градѣ первое шествие творящу, дѣтищу же сему стоящу на мѣстѣ укромнѣ, и мнозѣмъ съученикомъ его играющим. И блаженнаго Михаила узрѣвше, уродствено грядуща по улицы, вси дѣтие игры своя оставльше, аки на чюдо к Михаилови притекоша, смѣющеся о нем и ругающеся ему, измѣтаемая из домовъ сметиа на главу безумнѣ възметаху и камение по ногах метаху ему, не знаему ему сущу тогда. Ибо преже вселениа его на Клопско и первое въ градѣ явившуся и ходящу в первыи день пришествиа его в Великыи Новъград, въ епископьство блаженнаго Иоанна, иже позлати верхъ святѣи Софии.

И блаженныи Михайло, ни едино же радение о безумии дѣтеи творяше грядыи, но устремися въ уголъ улицы, идѣ же честное дѣтище се стояше в тихости своеи. Дневному свѣту уже оскудѣвающу и вечеру бывающу, но обаче внутрениа пресвѣтлы очеса Михаилови бываху. Притекъ бо взятъ отрочища сего за власы, и подъемъ его вышши себе, въпиаше ему: «Иване,— тако бо от святаго крещениа имя дѣтищу — учи книгы прилѣжно, имаши бо великому граду сему архиепископъ быти». И, обиемъ его, отиде. Яко нѣкогда господь нашь Исус Христос отрочя едино пречистыма си рукама обьемъ, учаше апостолы: «Иже, рече, не смирится, яко отроча се, не приметь цесарства божиа. И приемляи таково

и смирением украшен, во всем рассудителен и незлобив, и живет просто, по заповедям апостольским. Поэтому они помогали ему от имения своего, а он получаемое богатство не для себя копил, но отдавал в общественное имущество всех живущих с ним, принося этим помощь обители; устраивал, что нужно, для нее и приходы выкупал, которые стяжали другие обители.

Когда этот блаженный Иона был еще ребенком, бог избрал его для благого пути и предназначил ему быть святителем в Великом Новгороде. Будучи еще отроком, потерял он родителей своих, и вдова некая, по-матерински пожалев его, взяла к себе и воспитала его как родная мать. Она же и отдала его одному дьякону для изучения священных книг. К тому же к сиротству его прибавилась и бедность, поэтому телесные болезни одолевали его, а частые хвори сделали его хилым. Привык добрый отрок этот к кроткому поведению и тихому нраву, и к весело играющим детям никогда не приближался он. А когда возвращался от учителя со многими учениками по городским улицам домой, и все по-детски весело играли, то он обычно стоял в стороне, иногда только, как ребенок, взирая на них.

Однажды, когда честной Михаил, юродивый в миру, но мудрый в боге, шел в первый раз по городу, мальчик этот стоял в укромном уголке, а множество соучеников его в это время резвились. И, увидев блаженного Михаила, который, юродствуя, проходил по улице, все дети бросили игры свои, и подбежали к Михаилу, словно к некоему чуду, и, насмехаясь и издеваясь над ним, стали, по глупости своей, кидать выбрасываемый из домов мусор ему на голову и бросать камни под ноги, ибо тогда еще никто не знал его. Ведь это было до того, как Михаил поселился в Клопском монастыре, и тогда он впервые появился в городе и ходил по нему в первый день своего прихода в Великий Новгород, во время епископства блаженного Иоанна, который покрыл золотом купол святой Софии.

И блаженный Михаил проходил по улице, не обращая никакого внимания на безумие детей, но вдруг он устремился в конец улицы, где тихо стоял этот честной отрок. И хотя уже потухал дневной свет и наступал вечер, однако Михаил все видел светлым внутренним взором. Он подошел и, взяв отрока сего за волосы и приподняв его над собой, воскликнул: «Иван! — так назвали при крещении отрока,— изучай книги прилежно, так как быть тебе архиепископом сего великого города». И, обняв его, отошел. Так некогда господь наш Иисус Христос одного отрока обнял пречистыми своими руками, поучая апостолов: «Если,— сказал,— не смиритесь, как отрок сей, не обрящете царства божия. А кто примет этого

отрочя во имя мое, глаголаше господь, мене приемлет». Тако и блаженныи Михаило Иону сего дѣтска обьем, пророческимъ духомъ глаголаше ему внимати учению святых книгъ, именемъ нарицая, его же николи же знааше, Иваномъ, тому приглашая. Духовныма бо очима яко настоящая смотря, по мнозѣх лѣтех хотящаа ему быти, увидѣвъ божественым откровением пронареченное ему от бога святительство. Яко же древле и къ Иеремию пророку реченое от бога: «Зрю, яко преже реченое зачятся свѣм тя, и преже даже не родися, святих тя». И на семъ Ионѣ, помыслить кто, божие благословение тако же бываемо.

Преподобныи Михаило от далняа земля ново пришед и иного отчества сын странствуя прииде в незнаемъ град ему, аще и величества ради своего вселеннѣи всеи отдавна вѣдомъ град и славенъ. Но тои тогда первие вниде в сеи Великии Новъград, никогда же преже в нем бывавъ — како ли живущая в нем знаемы ему будуть, яже преже видѣны никогда же тѣмъ? И тако скоро, яко отдавна ему знаему, и свое присно отроча приемъ, будущая ему възвѣщаваше, аки послану ему ко отрочати Иванови бывшу. И аки сего ради прииде, да благословение божие подасть ему, не чаемое никогда же, чисту сердцемъ преподобнику сему и божиа яко зрящу по божию словеси. «Блажени бо,— рече,— чистии сердцемъ, яко тѣи бога узрять». Тѣмъ же не сматряше телесныма очима сиротьства и убожества и худости отрочищу, но яко съвѣт господень разуменъ ему, и сердечныма очима зря лежащее на немъ благословение. Моляще его и повелѣваше прилѣжно учити книгы, яко хотящу епископьствовати, и подобаеть многое множество божествеными просвѣщати, яко всѣм на нь зрящимъ, да не како не внемлемъ священныхъ книгъ разума. Многому медление подасть препятие кое добрых желательству не по нелѣпотѣ сана. Тако тогда прорече и заповѣда Ионѣ дѣтищу и еще чюдныи Михаило.

И лѣтомъ мнозѣмъ текущимъ и самому пророку почившу, и Иону старость преимаше, обаче слово божиа человека не мимо хожаше и время прореченое надстояше. По успении бо честнаго Еуфимиа жребием и нарокомъ всѣх людии и изволениемъ всего собора божие наречение архиепископьства прииде на Иону, и въ епископию възведоша его, радующися добродѣтели мужа и красящеся добронравиемъ того. Утѣшение приемше по добромъ своем пастыри Еуфимии Ионою к митрополитскому послы с ним абие послаша архиепископу и къ князю, молящеся желаемаго имъ пастыря рукоположити.

Тогда честному Ионѣ епископу рязаньскому миропольскиа архиепископиа власть своими управися епископы, и тои преподобныи архиереи Иона митрополиа правя. Древле

отрока во имя мое,— говорил господь,— тот меня примет». Так блаженный Михаил обнял отрока Иону, пророческим духом наказывая ему внимать учению Священного писания, и, никогда не зная прежде, назвал по имени — Иваном. Ведь духовными очами увидел как свершившееся то, что должно было произойти с Ионой через много лет, прозрев божественным откровением предназначенное тому от бога святительство. Так же и в древности Иеремии-пророку предсказано было богом: «Знаю тебя до твоего зачатия и прежде твоего рождения святил тебя». И на том Ионе, если размыслить, было такое же божие благословение.

Преподобный Михаил, из дальней земли пришелец и уроженец чужой страны, странствуя, пришел в незнакомый ему город, хотя своим величием всему свету давно уже известен город этот и славен. Но он тогда впервые пришел в сей Великий Новгород, никогда прежде не бывав в нем — откуда же жители его известны ему, если он их раньше никогда не видел? И сразу, словно давно знал,— как своего, принял отрока, предсказав тому его будущее, словно послан был он ко отроку Ивану. И словно пришел он ради того, чтобы дать никак не ожидаемое божие благословение ему, чистому сердцем преподобному, словно видящий божественное по божескому слову. «Блаженны,— сказано,— чистые сердцем, так как они бога узрят». Потому-то не взирал он телесными очами на сиротство и убожество и нищету отрока, но, поскольку свет господень явлен был ему, сердечным взором видел он лежащее на отроке благословение. Молил он его и повелевал прилежно изучать книги, потому что тому, кто будет епископствовать, подобает многое множество народа просвещать божественным, и как бы не оказалось на глазах у всех, что он не понимает смысла священных книг. Это многое замедлит и послужит препятствием в добрых желаниях, а не то, что сан епископский нехорош. Так тогда предсказал и заповедал Ионе, еще ребенку, чудесный Михаил.

Прошло много лет, и сам пророк почил, и к Ионе старость подошла, однако слово божия человека не миновало, и наступила предсказанная пора. Ведь после смерти честного Евфимия избранием и волей всех людей и решением всего собора божие предназначение архиепископства Ионе сбылось, и возвели его на епископию, радуясь и любуясь его добродетелями и добронравием. После доброго своего пастыря Евфимия, утешаясь Ионой, тотчас послали послов с ним к митрополиту, и архиепископу, и к князю, прося рукоположить желанного им пастыря.

Тогда митрополичья архиепископская власть была вручена собором русских епископов честному Ионе, епископу рязанскому, и тот преподобный архиерей Иона правил митрополией. Уже

наречену бывшу ему в митрополию рускую, и благословение патриарше преже принесено ему о семъ, еще живу сущу митрополитскому архиепископу. Ради царей ординьских шатаниа и насилиа татарьска неудобенъ путь къ Царюграду. Еще же и бывшаго ради лукавьства Митяева изволиша общею волею благословение напред приимати, поставленую произбираемымъ в митрополию и рукоположениемъ епископьства преже почтену бывшу донелѣ же живущу митрополиту. Умершу же тому тогда готову сущу нареченному и без труда многаго, епископу сущу, управят митрополию. Посему управися митрополиа честному Ионѣ епископу рязаньскому по Исидорѣ митрополитѣ. Сему же Исидору не по правилу пришедшу, но насильствомъ наскочившу на престолъ, преже бо его пронареченъ на престолъ Иона. Сего ради епископьством усаненъ сеи Иона митрополит. Сеи же о нем епископъ честнаго собора архиепископа Великому Новуграду нашего Иону радостно подастъ. Доброта бо в нем честных дѣтелии свѣтяшеся и толико подвижеся добродѣтелми на престолѣ своемъ, яко мнѣти его самого Еуфимиа или иже преже преподобно епископьствовавших. Вся бо епископьская тщашеся доброчести исправити и вся на добру жизнь управитися учаше. Самъ первие воображашеся доброжизниемъ и очи свои положи на вдовыа, сироты и на убогыя града, яко сему Иевова приглаголати: «Уста вдовыа благословиша мя, бых сирым аки отець. Не помолчях смирити нечестива, ни увратих суда силнаго ради и много мстих на насильствующемъ, и зяхъ от руку грѣшничю смиренаго, изведох суд нищему». Ако просвѣти жизни своея доброту, яко видѣвшим добрыа его дѣла и славити его ради бога отца по евангельскому гласу.

Изволи же ся честному отцѣ Ионѣ архиепископу нашему поновити обитель архимандрита Харитона Отню пустыню, в неи же древле постися, от приходящаго ему имѣниа, но не от церковнаго стяжаниа. От него же церкви великая строение приемлеть, и епископи и причетницы удовляются, и нищии назирание приемлють. Тогда бо всею лѣпотою все исполнено в велицеи церкви и вси урочнии причетницы удовляеми, не лишаеми же и нищии от сего, и невредимо имѣние то снабдимо бѣ. Тому же особъ приходящее имѣние избываемо, им же обнови великодарною десницею Отню пустыню. И лѣпу церковь камену богови тамо въздвиже въ имя святых триех святитель: Василиа Великаго, Григория Богослова, Иоанна Златаустаго; многою лѣпотою украсивъ тую хитрых живописец, священныя иконы поставивъ в неи, их же добрѣиши не обрѣтеся инъ живописець

давно был наречен он митрополитом русским, и было ему дано благословение патриаршее на это, еще при жизни его предшественника митрополита. По причине частых смен ордынских царей и насилия татарского труден был путь до Царьграда; из-за этого, а также из-за бывшего когда-то лукавства Митяева общею волею русских епископов решено было давать избираемому в митрополиты благословение на митрополитство заранее и рукополагать его, до поставления в Царьграде, собором епископов, пока еще жив митрополит. И когда тот умрет, то будет вместо него уже нареченный митрополит и беспрепятственно, оставаясь в сане епископа, начнет управлять митрополией. Вот почему управлялась митрополия честным Ионой, епископом рязанским, после Исидора-митрополита. А Исидор этот не честным путем, но насильственно захватил престол, так как раньше него наречен был на престол Иона. Из-за этого и сан епископа имел митрополит Иона. Он же с радостью предложил честному собору нашего Иону в архиепископы Великого Новгорода. Ведь светился тот добротой и честностью и так возвысился добрыми делами на престоле своем, что можно было сравнить его с самим Евфимием или с прежними преподобными епископами. Все, что требовалось от епископа, он стремился честно исполнять и всех на праведный путь наставлял. Сам первый стал образцом благообразной жизни и обратил очи свои на вдовых, сирот и на убогих в городе, как о том сказано Иовом: «Благословили меня уста вдовых, и был я сирым, как отец. Не молчал, чтобы смирить нечестивого, судил я нелицемерно и перед лицом сильных, по заслугам наказывал притеснителей, спасал от грешных рук смиренного, суд судил нищему». Так Иона осветил жизнь свою добротой, и люди, видевшие его добрые дела, прославляли его во имя бога отца, по евангельскому слову.

Честной отец Иона, архиепископ наш, решил на собственные средства, а не из церковных доходов, обновить обитель архимандрита Харитона, Отенскую пустынь, в которой подвизался когда-то. И была им церковь великая перестроена, и епископы с причтом получили все необходимое, а нищие — присмотр и уход. Тогда ведь очень красиво все сделано было в большой церкви, все нанятые причетники достойно вознаграждались и нищих ничем не обошли, а монастырская казна — в целости. Отдельно поступающие к Ионе доходы он отдавал щедрою рукой на обновление Отенской пустыни. И прекрасную каменную церковь богу поставил в ней во имя трех святителей: Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста; украсил ее многими украшениями, сделанными искусными мастерами, и поместил в ней святые иконы, которые были написаны изографом,

в то время и во дни наша. Тако же вся стѣны церкви и столпы нарочитыми живописцы подписа и весь олтарь, и *пол* мрамореном плинфом всюду помостивъ. Наипаче же священными книгами преисполнивъ тую: святая Еуангелиа съ златыми писмены и сребром позлащеном хитро покова с каменми честными. И священныа съсуды и от камене изборна и от сребра чиста положи, и священныя одежа свѣтлыи многы украшены с жемчюги съдѣла. К сим же и трапезницу камену созда, присовокупивъ еи и церковь во имя святаго Николы, упокоениа ради в зимныа мразы не могущим терпѣти. Еще же и славному Предтечи церковь созда, к паперти Трем святитель церкви приткнувь, возведе основаниа каменемъ и плинфомъ, да иже до комаръ, верхъ же тоя древесы покры, в неи бо гробъ себѣ ископа. Да не отяжгавъ каменныи верхъ, и коею виною не могии поддержатися, и внутрь падшу когда повредить гробъ его и истнитъ гробная и вся яже во гробѣ — и тоя ради вины не камениемъ, но древом покры церковь славнаго Предтечи. Многу бо вѣру имяше к великому и честному Предтечи, ибо и въ имя того наречено ему сущу, и честному празднику его родити матери его приспѣвши. Тѣм же и душу прилпену к нему имѣя яко тако и телеси своему в храмѣ его положитися хотяше, поручая съ душею и тѣло свое святому, не отторжену вѣру и любовь к нему извѣстуя блаженыи. Многая же села покупи обители и рыбная засѣданиа и въкупивъ и въ вся монастыря вѣчныя вклады за ню подавъ сребром да не достаточьная тои и оскудѣваемая, тии от своих преисполнени и утѣшают. Многу и велику тяжесть имѣниа ту истощи и малу сущу обитель велику сотвори, и скудну бывшу велми обогати сию. Толико же любочестенъ о божиих угодницех и теплъ, яко вся своя особная имѣниа свѣтлости их ради истощевати. Многу же и свѣтлу о немъ добродѣянию всюду обноситися и всѣм и любимъ и желаемъ, слышащим и видящим сладокъ, кротокъ бо и смиренъ по многу добродѣиственъ ко всѣм.

Тѣм же и московьстии князи много любяху его и с говѣниемъ почитаху, и писаниа множицею посылаху к нему, и от него въсписаниа желанно приимаху, бѣяше бо и разуменъ и в словех благъ. Множицею аки и пророчески вѣщати ему. Егда кои увѣщаваеми симъ къ смирению и не преклоняхуся на послушание, запрещениа кая тѣмъ наложити възвѣщаваше, и словесемъ его не погрѣшати николи же, и кротцѣ ему на лукавыа отвѣщавающу. И сего ради вси велможи говѣние велико к нему имѣяху, елма самому ему зѣло благонравну и благодѣиву. И в толицѣ высости сановнѣи

лучше которого не было тогда и не найти в наши дни. Также и все стены церковные, и столпы, и весь алтарь знаменитыми мастерами были расписаны, а пол всюду вымостили мраморной плинфой. Особенно же много вложил он в церковь священных книг: святые Евангелия с золотыми буквами, искусно окованные золоченым серебром и украшенные драгоценными камнями. И священные сосуды из чистого серебра с лучшими камнями в церковь дал, и множество светлых священных одежд, обильно украшенных жемчугом, сделал. К тому же поставил и каменную трапезную, пристроив к ней церковь во имя святого Николы для тех, кто не мог выносить зимнего холода. Еще и во имя славного Предтечи построил он церковь впритык к паперти храма Трех святителей, возведя основание ее вплоть до закомар из камня и кирпича, верх же ее покрыл деревом, а внутри нее выкопал себе гробницу. И для того, чтобы каменный свод, по какой-либо причине не удержавшись, не мог упасть внутрь и повредить гробницу его и разрушить гроб и все лежащее в нем,— Иона не камнем, но деревом перекрыл храм преславного Предтечи. Большую веру имел он в великого и честного Предтечу, так как назван был в честь него — ведь его матери в его святой праздник случилось родить Иону. Поэтому и душа Ионы стремилась к нему, потому и тело свое хотел он в его храме положить, предавая вместе с душой и тело свое святому, свидетельствуя этим о неотторжимой вере и любви к нему. Блаженный купил для обители многие села и рыбные угодья, и во все монастыри вложил вклады серебром за обитель навечно, чтобы небогатые и оскудевающие монастыри пополнить своими приношениями и тем утешить их. Огромные и обильные средства истратил он и превратил малую обитель в большую, бывшую бедной — в богатую. А с какой любовью пекся Иона о божьих угодниках, ведь все свое собственное имущество он истощил ради них. И вот всюду разнеслась весть о многочисленных прекрасных добрых его делах, и всеми был он любим, всем желанен, слышащим и видящим его —сладок, ибо кроток был и смиренен, ко всем безмерно доброжелателен.

Оттого-то и московские князья крепко любили его и с благоговением почитали, и не раз посылали послания к нему, и от него охотно принимали ответные писания, ибо был он умен и в словах добр. Много раз случалось говорить ему пророчески. Когда же те, кого он призывал к смирению, не преклонялись к послушанию, он велел их наказывать, и его слов никогда не нарушали, а сам он кротостью на зло отвечал. Поэтому все знатные люди относились к нему с великим почтением, так как сам он был благонравен и совершал добрые дела. И занимающего столь высокое положение

мужю древню и сединою многою украшену, гнѣва же и гордѣниа в немъ николи же имуща видяху, велику честь и боязнь к нему соблюдаху.

Прииде же московскии князь в Великии Новъград Василеи, сынъ Василиевъ, и с нимъ сынове его Георгии и Андрѣи мирно. И архиепископа посѣщая и дани своя приемля. Преже бо двократы при блаженнемъ Еуфимии ратию приходивъ бѣяше, тогда же миром приде и часто съ архиепископомъ бесѣдоваше и вся по прошению его творяше князь, вѣдыи великую его добродѣтель, и словесе устъ его непогрѣшателное. И любя зело, почиташе его князь, аки отца, и послушаше его въ всемъ. Тогда же и великое чюдо преподобнаго Варлама сотворися на постелници княжемъ Григории, иже рязаньских боляръ сынъ: от смерти бо того паки жити възведе и от тяжкиа болѣзни нецелимыя вскорѣ здрава его показа. Сему чюдеси самовидци быша — все множество градское и москвичь, всѣх бывших тогда въ граде, и архиепископъ и князь самъ и сынове его, и иже о нем боляре и воеводы. И сие умысли архиепископъ Иона в вѣчныя памяти вписати на увидѣние послѣдним родовомъ, еже и сотвори. Пахомию тогда попу сербину, от Святыя Горы пришелцу живущу у него, книжным слогням искусну. Сему повелѣвъ списати чюдо сие преподобнаго Варлама, одаривъ его множеством сребра, куны же и соболми почтивъ зѣло Пахомиа. Повелѣ же и житие с похвалным словом и канонъ преподобному Варламу списати, еще же и великому Ануфрию тако же послѣдование бдѣнию списати повелѣ, яко храму его внутрь Отни пустыни сущу, еи же и ктиторъ именовася блаженныи. Повелѣ же каноны и житиа списати и еще блаженныя княгини Олги началницы христианству в Рустѣи земли, иже въ святом крещении Елена наречена, и преподобному Савѣ, создавшему монастырь на Вѣшерѣ рѣкѣ, и преже его бывшему архиепископу блаженному Еуфимию. Не пощадѣвъ имѣниа множество истощевати свѣтлости ради памятем божиих угодникъ, аки к ним прильпнувъ кто бѣше и добродѣтели их яко любя, сего ради зѣло почиташеть я.

Бысть же зовому быти блаженному архиепископу нашему Ионѣ митрополитскымъ архиепископом Ионою и князьми Василиемъ и Иваном в Москву к себѣ ити. Ионѣ же архиепископу нашему и старостию одержиму яко труд великъ ему к толицѣ долготѣ путние, обаче жалость людеи своих понуди его толикъ труд пути подъяти. Вѣдяше бо ковъ на люди своя и на град зависти око поощряемо, подвижеся со обычною своею простотою и смирениемъ помощи граду и людемъ — добрыи воистину пастырь душу свою за овца своя готовъ положити! Бывшу же ему близ Москвы аки шестьдесят поприщь, въспомянувъ Сергиа преподобнаго, иже в Маковцѣ.

старца, украшенного сединами, никто не видел в гневе и гордыне, и все высоко чтили его и благоговели перед ним.

И вот пришел в Великий Новгород московский князь Василий, сын Василия, с миром, чтобы посетить архиепископа и дани свои забрать, а с ним его сыновья Георгий и Андрей. Раньше, при блаженном Евфимии, дважды приходил он с войной, а теперь с миром пришел, и часто беседовал с архиепископом, и все просьбы его исполнял князь, зная о его глубокой добродетели и о непогрешимости слов, исходящих из его уст. И, крепко возлюбя, князь почитал его, словно отца, и слушался его во всем. Тогда же и великое чудо преподобного Варлаама свершилось над княжеским постельничим Григорием, который был сыном рязанских бояр: тогда ведь Варлаам из мертвых вернул его к жизни и от тяжелой неисцелимой болезни быстро вылечил. Очевидцами этого чуда были множество горожан, и все москвичи, случившиеся тогда в городе, и архиепископ, и сам князь, и сыновья его, и бывшие при нем бояре и воеводы. И задумал архиепископ Иона записать это для вечной памяти, чтобы знали об этом следующие поколения, что и было сделано. Тогда жил при нем поп Пахомий, серб, пришелец со Святой горы, мастер книжных сочинений. Ему-то и повелел он описать это чудо преподобного Варлаама, одарив Пахомия множеством серебра и наградив его щедро кунами и соболями. Повелел он составить и житие с похвальным словом, и канон преподобному Варлааму, а также и великому Онуфрию — службу по чину, поскольку в Отенской пустыни стоял его храм, ктитором которого был сам блаженный. Повелел Иона составить житие и каноны блаженной княгине Ольге, первой христианке в Русской земле, нареченной в святом крещении Еленой, и житие преподобного Саввы, основавшего монастырь на Вишере-реке, и житие бывшего до него архиепископом блаженного Евфимия. Не пожалел он многие богатства истратить ради светлой памяти божьих угодников, которым предан был, любил их за добродетели и весьма чтил их.

И вот архиепископ митрополии Иона и князья Василий и Иван позвали блаженного архиепископа нашего Иону прийти к ним в Москву. И хотя архиепископу нашему Ионе из-за старости тяжко было это столь долгое путешествие, однако забота о людях своих понудила его пуститься в этот нелегкий путь. Знал ведь он, что строятся из зависти злые козни против людей его и города, поэтому-то с присущей ему простотой и смирением пришел он на помощь городу и людям, воистину — добрый пастырь, готовый душу свою положить за овец своих! Когда же он находился в шестидесяти поприщах от Москвы, то вспомнил преподобного Сергия, что в Маковце,

Ту к нему завѣщание положи, любвею же отдавна имѣя и храмъ почести съ избранными равно преподобнаго, не бяше бо и еще храма гдѣ въ имя преподобнаго Сергиа.

Егда же приближающю ся блаженному ко граду Москвѣ аки за три поприща, ту устрѣтоша его нѣции отъ боляръ княжих повелѣнием князеи и нѣколико честных игуменъ повелѣниемъ митрополита. И вшедшу ему въ град любезно прият бысть блаженным Ионою митрополитомъ и зѣло почтенъ. Приде же и къ князю, тако же любезно прият бысть и лѣпотною честию почтенъ усрѣтенми частыми свѣтлыми: внѣ двора княжа и внутрь боляры, на степенех же сынове княжи по чину своему усрѣтаху и под руцы водяще его, в преддверия же й самъ князь изыде въ срѣтение архиепископу и поддержа десницю его князь, вниде с нимъ в княжьская своя храмы. И елики тяжести даровъ принесены быша архиепископомъ радостно прият князь. Елико же пребысть время в Москвѣ, многою честию присно почитаемъ и от князя и митрополита и собирающеся церковная исправляху. Медлящу же князю отпусти архиепископа нашего Иону въ град свои, яко жалящу князю на град его, тѣм же и запиная от мнозѣ ему. Та же и множицею посылаше нарѣчие князь архиепископу боляры своими ласкаше и жаля на гражаны его, аки не по нелѣпотѣ от них чтомъ, и аще посулит ему въздвигнути руку на град свои.

Нѣкогда же бывшема вкупѣ, князю Василию и сынове его князю Ивану и преподобныма архиепископома Ионѣ митрополиту и владыки нашему Ионѣ, велику жалость князь изложи предъ святители на Великии Новъград, аки презираемъ от него, а ему великого княжениа власть над князьми рускими предержащу и сего ради искаше подъяти руцѣ на Великии Новъград. Иона же владыка отвѣщаваше за град и многа утѣшителная словеса въ увѣщание князя предглаголаше. Елма же князь неутѣшиму жалость имѣя ярость принмаше помногу, тогда старець подвих ся духомъ, свидѣтеля полагая митрополита, паче же самого того иже священьства духа аки зря, и вѣщаше, аще не приведеть от града его зависти ока, не приложит на любовную дѣтель и презрѣ молящася его о градѣ, въздвигнеть руку на послушныя его люди и ничѣм же обидѣвшая его раздѣляти неправедно произыдет,— да вонмем и себѣ,— еда како и в чадех его зависти око узрит кое и раздѣлениа послѣди близ будеть. «Нынѣ же молитву мою услыши,— глаголаше,— и блажаишее въсприими, яко князь благочестивъ паче же и над князи много благодѣяти мощну сущу. Неправды коея клевет ради нечестивых языкъ на правдивыя не подвигни и тихима очима своя повинныя сматряи и свободныя на работу примати не начинаи. Тебѣ самому дние приближаются

И из любви, которую давно питал к нему, тут и дал обет возвести храм в честь преподобного наравне с другими избранными святыми, потому что нигде еще не было храма во имя преподобного Сергия.

Когда же блаженный подошел к городу Москве на расстоянии трех поприщ, то по повелению князя и митрополита встретили его здесь княжеские бояре и досточтимые игумены. А когда вошел в город, то любезно и с большими почестями был принят блаженным Ионою-митрополитом. И когда пришел к князю, также любезно и с большой честью принят был им: вне княжеского двора и внутри него радостно встречали его бояре, на ступенях княжеские сыновья, каждый соответственно своему титулу, встретили Иону, ведя его под руки, а в дверях уже сам князь вышел навстречу архиепископу и, поддерживая его за правую руку, вместе с ним вошел в свои княжеские палаты. И с радостью принял князь все многие дары, что принес с собой архиепископ. Во все время пребывания Ионы в Москве много почестей было ему оказано князем, и митрополитом, и собиравшимися на церковные службы. Князь медлил отпускать архиепископа нашего Иону в город его, ибо имел он обиду на этот город, потому и Иону всячески задерживал. Не раз оказывал князь милость архиепископу через бояр своих, но негодовал на жителей его города за то, что те не воздают ему подобающих почестей, и грозился поднять руку на город свой.

Как-то, когда собрались вместе князь Василий с сыном своим, князем Иваном, и преподобные архиепископы Иона-митрополит и владыка наш Иона, поведал князь святителям о своей глубокой обиде на Великий Новгород за то, что не почитает тот его, имеющего власть великого княжения над русскими, и потому решился он поднять руку на Великий Новгород. Иона же владыка отвечал за свой город и сказал князю в утешение много успокоительных слов. И так как князь был полон неостывающей обидой и великим гневом, то старец собрался с духом и, беря в свидетели митрополита, а скорее словно самого духа священства видя, сказал, что если не отведет князь от города его яростного ока, не сменит гнев на милость, и пренебрежет его мольбой о городе, и обрушит руку на послушных ему людей, и несправедливо будет судить ничем не обидевших его, тогда — вдумаемся в это — увидит и в детях его зависть, а вскоре за тем и раздоры. «Ныне же услышь мою просьбу,— говорил Иона,— и увещевания мои прими, как благочестивый князь и превосходящий других князей во многих добрых делах. Из-за какой-либо нечестивой клеветы не накажи невиновных, спокойно взирай на повинных и не отдавай в рабство свободных людей. Ведь для тебя самого приближаются дни,

яко сынови же твоему Ивану хоругви рускиа съдержати, о семъ молитвы со всѣми своими къ всесилному богови прилѣжно възносити потщуся. Наипаче же свободу сынови твоему от ординьских цареи приати от бога испрошу за свободу града моего, еже о тебѣ, еще же молитвую господеви възвысити десницу сына твоего над всѣми и покорити ему вся супостаты его, и больши прародителеи прославитися властию и укрѣпитися княжению его в руку его и простертися силы его на многы, и страны великиа приати ему точию аще благочестивѣ поживет, и тихима очима владомыя смотрѣти будеть».

О сем пророчествѣ святителя старца услади князь и возвеселися зѣло о обѣщании свободы сынови своему отъ ординьских цареи, вѣдыи непогрѣшателное словесъ его. И внять о чадех любезных радостно, пред митрополитомъ обѣща архиепископу снабдѣти люди его, и всякъ гнѣвъ отложивъ, миръ Великому Новуграду дарова, утвердивъ смирение. Прошаше же князь у святителя тверду быти обѣщанию Ионину сынови его. Споспѣшествоваше же вси еи блаженныи митрополитъ, и тако уповавшу господню обѣщанию, яко же въ святемъ Евангелии сказася: «Аще два отъ вас совѣщастася о всякои вещи, еже аще просита, будеть вама отъ отца моего небеснаго, моляще же ся отпущаите аще что имате на кого». Сице князь жалость и гнѣвъ остави граду. Святителя же тезоименная молитися совѣщаста о прошении князя, еже приати свободу отъ мучительства ординьских царей и татаръ и укрѣпитися в руку его руским хоругвам. По умолчании же всѣх прослезися всеосвященны старець и проплака. Князь и митрополит о семъ велми дивящеся желѣста увидѣти от него вину плачя его. Тои же рече: «Кто озлобит людии моих толикое множество или кто смирить таковое величество града моего, аще не усобицы их смятуть их и разделение их низложить их, и лесть неправды расточить *их,* и лукавьство зависти развѣеть их. Обаче во дни моя да дасть господь мир и тишину и благословение людемъ моимъ». Тогда же архиепископъ Иона прошение предложи у обою князю монастырю своему управити суди, да снабдимъ будеть от насилиа многых и от самѣх намѣстниковъ их и самии поселяне и работницы монастырьстии всѣ да не судими будуть. Проувидѣ бо духомъ, яко людемъ его невозможно до конца содержати в свободѣ града своего продерзовающияся ради неправды в них и насилиа, сего ради взыска Отни пустыни свободу во вѣкы. Князи же таковое прошение радостно даруют, архиепископу грамоту списавше таковаго повелѣниа и печятавше обою князю въображениемъ надвою позлащеною печатию. Тогда же и самъ князь Василие вѣровавъ обѣщанным ему от святителя

когда твой сын Иван возьмет в свои руки русские знамена, и об этом стремлюсь я усердно возносить молитвы вместе со всеми своими людьми к всесильному богу. А больше всего прошу у бога освобождения твоему сыну от ордынских царей, за свободу моего города, а для тебя еще прошу, чтобы возвысил бог десницу сына твоего надо всеми, и покорил он всех своих врагов, и чтобы прославился он больше предков своих, и чтобы княжеская власть укрепилась в его руках, и распространилась далеко, и чтобы сильные государства подчинились ему, если только будет жить он благочестиво и на подданных смотреть милостивым оком».

Этим пророчеством святителя старца усладился князь и обрадовался очень предсказанию освобождения сына его от власти ордынских царей, зная пророческую силу слов Ионы. И с радостью восприняв слова о детях любимых, с радостью обещал архиепископу при митрополите охранять его людей и, уняв весь свой гнев, утвердив мир, его Великому Новгороду даровал. И просил князь у святителя твердого исполнения обещания Ионы сыну его. Помогал в этом и блаженный митрополит, и так они уповали на обещания господа, ибо в святом Евангелии сказано: «Если двое вместе захотят просить о чем-либо, то чего бы ни попросили — даст вам отец мой небесный», и «когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого». Так и князь обиду и гнев на город оставил. А оба тезоименитых святителя стали молиться о прошении князя, чтобы получил он свободу от мучений татар и ордынских царей и чтобы утвердились в его руках русские хоругви. А когда все замолчали, прослезился пресвятой старец и заплакал. Князь и митрополит очень удивились этому, желая узнать от него причину плача его. Он же сказал: «Никто не обидит такое множество людей моих, никто не смирит величия города моего, если только не раздерут их усобицы, не погубят их раздоры, не разведет их коварный обман, не развеет их зависть и хитрость. Однако при моей жизни да пошлет господь мир и тишину и благословение людям моим». Тогда же архиепископ Иона просил обоих князей дать право своему монастырю самому решать свои дела, чтобы оградить монастырь от всякого притеснения и от самих княжеских наместников и чтобы всех крестьян и работников монастырских не судили. Ибо видел он в душе, что его люди не смогут из-за лжи и насилия удержать свободным до конца город свой, и просил для Отенской пустыни независимости навсегда. И вот князья с радостью исполняют эту просьбу, составив о том грамоту архиепископу и скрепив ее двойной позолоченной печатью с изображением обоих князей. Тогда же и сам князь Василий, поверив в обещанное ему от святителя,

духовную грамоту списа, уставляа сыномъ своим и женѣ своеи грады во власти и како дани подаяти тѣм великому их князю, вящшему сынови его Ивану. Егда и еще ординьстии цари шатающеся будуть и яко не даяти тѣм тѣмъ дани великому их князю внегда потребить господь с лица руских князеи.

И тако съ многою честию и говѣниемъ князи отпустиша архиепископа нашего Иону. И свѣтло провожение преподобному князь и сынове его и боляре их сотвориша. И блаженныи Иона митрополитъ многу любовь к нему имѣя, тако же и князи великою любовию обиаты зряще на немъ во смирении великъ разумъ и кротость благообычаиное нрава. Съ сими же и добродѣтелна старца помногу толика благодать от бога даровася ему пред всѣми зрящими его и слышащими, никто же возборашеть его, но паче говѣяху к нему стыдящеся добродѣтелии его и вси боящеся непогрѣшателнаго словесе устъ его.

Пришедъ же отъ Москвы абие чюдесному Сергию отцу завѣщание исполняет: храмъ каменъ внутрь епископиа во имя его созда. И всею лѣпотою утвори й и образ его постави в неи, яко много любя преподобнаго, часто въ храмъ его приходя молитвы творяше священныя. Не по мнозѣ же посолъ борзоходныи отъ митрополита Ионы прииде къ архиепископу Ионѣ, книги нося повѣдающая постигшую болѣзнь святителя и ожидание блаженныя кончины его. И того ради моляшеся насладитися видѣниа его и утѣшитися о семъ, еще же да произбереть достоинаго на высокии престолъ митрополии епископа, да нѣкое лукавьство предваритъ, вмѣсто достоинаго нетакова. Самого же честныма си рукама гробу предасть и рукуположит митрополии епископа. Сиа книги митрополича прочет архиепископъ, проплакавъ на мнозѣ, рече: «Великиа благоты отщетевается Москва нынѣ и с нею вся Руская, таковую доброту мирови скрывая под землю». Абие же Иона архиепископъ митрополиту Ионѣ вписа книги, повѣдующая окрочение и самому старостию, яко болѣзнени нозѣ имѣя. Обѣща же ся ему насладитися видѣниа его по отложении телесе на воскресение общее святыхъ: «Болши ми тогда срадоватися ему въсприимающи мзду трудов своих, от началника пастыремъ». О произведении же епископа в митрополию, его же духъ его произбереть и благословить, самъ того готовъ приати.

По успении же преподобнаго святителя митропольскаго Ионы архиепископъ Иона понудивше помяновеннаго Пахомиа иже от Святыя Горы мниха попа списати последование «памяти» его и службы канонъ священному Ионѣ митрополиту, вѣдяще бо его добродѣтели. Сего ради и память его каноны почте, равно со святыми. Много же понужаше Пахомиа Иона, утѣшая

духовную грамоту составил, указав своим сыновьям и жене города во владение и то, какую им дань давать будущему великому князю, старшему сыну Ивану. А если же ордынские цари будут подстрекать их, чтобы не давали дани великому князю, тогда прогонит их господь от лица русских князей.

И так с большими почестями и благоговением отпустили князья архиепископа нашего Иону. Князь с сыновьями и их бояре устроили торжественные проводы преподобному. И блаженный Иона-митрополит глубокую любовь к нему питал, также и князья были полны любви, видя в смирении Ионы мудрость и кротость, благодушный нрав добродетельного старца. И столь глубокая благодать была дарована ему от бога перед всеми видящими и слышащими его, что никто не оспаривал его, но еще сильнее преклонялись перед ним, устыдясь его добродетелей, и все боялись непогрешимых слов уст его.

Вернувшись из Москвы, он тотчас исполнил обет, данный чудотворцу отцу Сергию: построил в епископии каменный храм в честь его имени. Храм он всячески украсил и поставил его образ в нем, ибо очень любил преподобного и, часто приходя в храм, молился. Вскоре же быстроходный посол от митрополита Ионы прибыл к архиепископу Ионе с грамотами, в которых сообщалось о болезни святителя и об ожидании им блаженной кончины. Поэтому тот умолял Иону, чтобы он доставил ему радость увидеться с ним и успокоиться тем, что он укажет на епископа, достойного занять высокое место митрополита, да будет этим предупреждено возможное коварство и недостойный не займет этого места. Просил он, чтобы Иона сам, пречистыми своими руками, предал его земле и рукоположил епископа митрополии. Архиепископ прочел это послание митрополита и, горько заплакав, сказал: «Большой благодати лишается ныне Москва и с нею вся Русская земля, хороня такую доброту мира». Тотчас же архиепископ Иона написал митрополиту Ионе послание, поведующее о том, что сам он объят старостью, к тому же и ноги больные. И обещал Иона, что порадуется встрече с ним после смерти, в день всеобщего воскресения святых: «Еще больше я порадуюсь с ним, получая награду от начальника пастырей». О поставлении же епископа на митрополию писал, что, кого Иона в душе изберет и благословит, того и он готов принять.

После смерти преподобного святителя, митрополита Ионы, архиепископ Иона просил упомянутого попа Пахомия, монаха со Святой горы, составить «память» и канон службы священному Ионе-митрополиту, зная о его добродетелях, и память о нем он почтил канонами, наравне со святыми. Много уговаривал Пахомия Иона, соблазняя

его и златомъ и соболми, да спишеть ему и еще канонъ преподобному Сергию, да уяснитъ память въ храмѣ его. Пахомие же не рачи послушати архиепископа, но готовяшеся самъ ити в Московскиа страны. Повнегда бо списати ему канонъ блаженному Ионѣ митрополиту, в нем же и назнамена в краех тропарем яко повелѣниемъ архиепископа Ионы списа каноны митрополиту Ионѣ. Самъ тои к тому невозможе его принудити писати или житиа или канонъ ни Михаилу Клопскому, ни иному, ни единому же, ему же хотяше память уяснити архиепископъ. Излиха бо божиим угодникомъ теплъ бѣаше Иона, яко же и предварше сказахомъ.

По преставлении же великого князя Василиа сынъ его Иванъ княжениа хоругви приемъ, абие посылаеть ко блаженному Ионѣ архиепископу в Великии Новъград, моля его молитвовати за нь ко всесилному богови, яко же преже обещася, въ еже утвердити княжение его и възвысити десницу его надъ врагы его и во всемъ поспешитися. Еще же и освобожении и мучительства отъ ординских циреи и татаръ. Архиепископъ же Иона възда ему нарѣчие, яко не погрѣшитъ надежа да помнить же несумнѣние отца своего, како вѣровавъ и в духовнои своеи вписа и заповѣда не истязати ему дани и по изведении Орды на братии его. И яко господь не презрит скорбящихъ слезъ и молитвъ многых, и имѣ же вѣсть судбами, проженет Орду, точию самъ да честиво поживет и тихима очима власть свою правити. Прочее же и паки воспоминает о монастыри своемъ о Отни пустыни, да дарует и тои грамоту свободную и суд свои утвердить по отца его грамотѣ монастырю, и печатию да утвердить. Таковое нарѣчие князь Иван от архиепископа слышавъ и прошение его внявъ с радостию, еже о монастыри его исполняетъ даровавъ имъ грамоту и свою по отца своего грамотѣ. И съ свободою суд свои утвердивъ имъ, яко же и преже в грамотѣ отца его князя Василиа. И изваяниемъ позлащеномъ воображениемъ князя печать грамотѣ надставив да не колѣбимо в вѣкы повелѣние его пребудеть.

Не точию же московьстии князи велиции к сему преподобнику многою любовию упространишася, но и тверьстии, и литовьстии, и смоленьстии, и полотстии, и нѣмецстии, и вси, и вси округъ сѣдящии страны во вся лѣта епископьства его тверду любовь имѣяху к нему, и миръ великъ к Великому Новуграду имѣяху такожe и ко всѣмъ предѣломъ его. И глубоку тишину вся страна та приятъ и не бѣяше слышаниа рати во вся дни его.

И гражане любовъ зѣло между собою поучениемъ его имуще, никако же николи же усобныя брани воздвигоша межу собою. Благоплодны же земля зѣло паче первых лѣтъ

его золотом и соболями, чтобы написал он для него еще и канон преподобному Сергию, да сохранилась бы память о нем в храме его. Пахомий же не очень внимал архиепископу, готовясь сам идти в московские пределы. Но пришлось ему составить канон блаженному митрополиту Ионе, а в нем указать в конце тропарей, что по повелению архиепископа Ионы написал он каноны митрополиту Ионе. Но не смог Иона заставить его написать ни жития, ни канона Михаилу Клопскому и никому другому, ни одному их тех святых, чью память хотел бы отметить архиепископ, Иона ведь очень заботился о божьих угодниках, как уже говорилось прежде.

После смерти великого князя Василия сын его Иван принял княжеское знамя и сразу же отослал послов к блаженному Ионе-архиепископу в Великий Новгород, прося молиться за него всесильному богу, как обещал раньше, чтобы утвердить его княжескую власть, и покорились бы враги под его руку, и все бы удавалось ему. Еще просил он молиться об освобождении от мучительств ордынских царей и татар. Архиепископ же Иона наказал ему,—чтобы не обмануться в надежде,— помнить, как твердо обещал его отец и в духовной своей записал и завещал: не мучить данью братию свою и после уничтожения Орды. И так как господь бог не оставит без ответа слезы скорбящих и моления многих, то как вершащий судьбами мира изведет он Орду, только сам князь пусть живет честно и спокойно правит своей вотчиной. И пусть в будущем также помнит князь о монастыре своем — об Отенской пустыни, и дарует ей грамоту свободную, и суд свой установит по грамоте, данной монастырю его отцом, и печатью скрепит. Услышав такое наказание от архиепископа и вняв с радостью его просьбе о монастыре, князь Иван исполняет ее, даруя и собственную грамоту монастырю вслед за грамотой отца. Утвердил он свободу и суд свой монастырю, как и прежде в грамоте отца его, князя Василия, было. И скрепили грамоту позолоченною печатью с изображением князя, дабы повеление его было непоколебимо.

И не только московские великие князья питали сильную любовь к этому преподобному, но и тверские, и литовские, и смоленские, и полоцкие, и немецкие, и другие все, и все соседние земли во все время его епископства крепко любили его, и в мире жили с Великим Новгородом и со всеми его пределами. А земля Новгородская пребывала в полной тишине, и не слышно было войн во все дни архиепископства его.

И новгородцы по наставлению Ионы жили в любови между собой, никогда не затевали междоусобных распрей друг с другом. А земля плодоносила больше, чем в другие годы,

и гобизнень по всеи земли Ноугородцкои и Псковскои и плодовито всѣми овощми бысть зѣло.

Такова благословениа обилна молитвами его господь богъ дарова граду нашему, и многоя благодаты вси насладишася, радость и веселие всѣмъ бѣяше, и не бяше вражды ни мятежа, но тихость и миръ и любы во вся лѣта епископьства его.

Единою при немъ нападе на град смертоносие. Тои же утѣшаше люди отъ Златаустовѣх словесъ, яко: «Сего ради язвими бываемъ им же согрѣшивше к богови, покаяниа не взыскахомъ о грѣсех своих. В тишинѣ и пространствѣ упитавшеся аки человецы отъ веселиа забвение страха божиа приемше прегрѣшиша, и сего ради язву смертную граду наведе. Но и се многиа милости и человеколюбиа есть его дѣло, не подвиже бо языки ни страны приведе на распленение и расхищение предая грѣх ради. Аще бо кто и азвенъ бысть, но обаче в дому своемъ есть, и вси свои изболѣзнующе ему суть. Аще и умрет кто, ближникъ своих руками съ священническами молитвами погребается, и священными службами помяновенъ бывает, и покаянным грѣхом милость от бога отлучает. И нынѣ к покаянию прибѣгше, милостива господа бога сотворите, унша дѣла своя творяще, и со здравиемъ спасение восприимете себе». Тогда же молитвовавше людие вси и храм въ имя святаго Сумеона в Зверинцах создаша. И тако язвѣ смертнѣи погыбшы, и божиа милость паки людемъ многа бысть. И паки радости людие о божиих дарованиих исполняхуся, безъ возмущениа и без скорби выну пребывающе, веселяхуся.

Блаженныи же архиепископъ Иона състарѣвся бѣяше, и нозѣ ему тяжестнѣ быша зѣло, и ко блаженнѣи кончине зряше, завѣтъ своею рукою списа о монастыри своемъ, яко не насиловати ему, снабдѣти же братии своеи, иже бывающим по нем архиепископом поручи самъ, яко же Иаковъ, прострѣ нозѣ свои на ложи своем и скончася во блаженную кончину праведных.

Подобающая о немъ пѣниа сотворше, вложиша на то устроеных ему ковчегъ дубовъ, честное тѣло его покрывше дъскою в ковчезѣ, на ней же назнаменаша лѣто и месяць и день преставлениа его. Поставиша тои въ гробѣ въ церкви славнаго предтечы и крестителя Иоана, его же самъ созда. Землею же того не посыпаша до четыредсяти днии, елико днии панахиды пѣвахуся. И понеже тѣло его и по четыредесятихъ днех не издасть воня, и по сихъ землею засыпати гроба его не произволиша, но верху гроба его дъсками древяными вышши лакти покрыша, аки вѣровавше добрѣи жизни его ради телеси его не смердѣти уповавше, яко же и прочим мертвецемъ. И второму лѣту уже исходящу по успении его и никто же до днесь смрад обонявъ явися от гроба его. Въ церкви тои присно людем поющим ту и у гроба его стоящим и мѣсту

и во всех новгородских и псковских пределах было изобилие всяких плодов.

Таково было благословение, дарованное господом богом городу нашему по его молитвам, и все наслаждались многочисленными благами, веселье и радость настали всюду, и не было ни вражды, ни мятежа, но тишина, мир и любовь — во все годы епископства его.

Однажды при нем охватила город моровая язва. Он же утешал людей словами Златоуста: «Потому наказывает нас бог, что согрешили против него, не покаялись в грехах своих. В мире и покое, насытившись всем, согрешили мы, как люди, забывшие за весельем о страхе божием, и за это бог навел на город наш смертоносную язву. Но и так много милости и человеколюбия оказывает он, не пустив за грехи наши другие народы и страны пленить и разорить нас. Если кто и заболел, то ведь в доме своем, и все родные ухаживают за ним. Если же кто и умрет, то руками своих близких, с молитвами священника будет погребен и поминают его в церковной службе, и с покаянием получает он милость от бога. И теперь, к покаянию прибегнув, умилостивите господа бога, делайте свои дела лучше и, выздоровев, получите спасение свое». Тогда все начали молиться и поставили храм во имя святого Симеона в Зверинцах. Так утихла смертоносная язва, и снова была дарована людям божья милость. И снова радовались люди божьим дарам, без тревог и печалей жили, веселясь.

Блаженный же архиепископ Иона состарился, тяжко заболели ноги его, и, предвидя блаженную кончину, своей рукой он составил завещание о монастыре своем, чтобы не притесняли его, а охранять братию свою поручил он архиепископам, что будут после него, и, словно Иаков, вытянул ноги на ложе своем и скончался блаженной смертью преподобных.

Сотворили подобающее пение над ним, положили честное тело его в устроенный для этого дубовый ковчег, покрыли доскою в ковчеге, а на ней отметили год, месяц и день кончины его. Поставили этот ковчег в гробнице, в церкви преславного Предтечи и крестителя Иоанна, которую Иона сам построил. Землею его не засыпали сорок дней, пока совершались панихиды. А поскольку тело его и после сорока дней не издавало запаха, то решили и тогда не засыпать его гробницу, но верх гроба его покрыли деревянными досками на высоту в локоть, так как верили в его добрую жизнь, надеялись, что не будет смрада от тела его, как бывает с другими мертвецами. И вот уже прошел второй год после успения его, а до сих пор никто в этой церкви не почувствовал запаха тления на его гробнице. В церкви этой всегда стояли поющие над гробом его, а место

мокру сущу и водну и лѣтомъ теплым бывшимъ, обаче преподобнаго святителя тѣло не издастъ воня и до днесь. И многа исцѣлениа бываху от телеси святаго отца даже и до днесь, с вѣрою приходящим человекомъ яцѣм же недугомъ кто одержимъ бываше.

Сиа ми воспомянушася о приснопамятнемъ семъ архиепископѣ Ионѣ, малая, иже инии оставиша иже болшая памети писавшеи, и елика ти оставиша аки мала и не вписаша к прочимъ своимъ писменомъ, мы приложихом воспомянути по блаженнем Еуфимии о священнемъ Ионѣ. Да дасть же господь и нынѣ молитвами его благословение, якоже и при немъ: земли обилие и любов и тишину странамъ и миръ граду и людемъ его. Богу нашему слава нынѣ и присно и в вѣкы вѣкомъ. Аминь.

мокрое, и водное, и летом теплое, однако тело преподобного святителя не издает запаха до сих пор. И от тела святого отца совершалось и до сих пор совершается много исцелений людей, страдающих каким-либо недугом и с верой приходящих сюда.

Все это вспомнилось мне о приснопамятном этом архиепископе Ионе, малое, потому что другие о нем не писали, писавшие большие воспоминания, и поскольку те пренебрегли им как чем-то малым и ничего не сказали о нем в прочих своих писаниях, мы постарались вспомнить после блаженного Евфимия о святом Ионе. Да подаст же господь и ныне по молитвам его благословение — как и при жизни его: земле обилие, и любовь, и тишину странам, и мир городу и людям его. Богу нашему слава ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

МОСКОВСКАЯ ПОВЕСТЬ О ПОХОДЕ ИВАНА III ВАСИЛЬЕВИЧА НА НОВГОРОД

О новогородцех и о владыцѣ Феофилѣ. Тое же осени ноемврия въ 8 день на собор архааггела Михаила преставися архиепископъ Новагорода Великаго Иона. Новогородци же по старинѣ, каковъ бяша обычай у них, створиша вѣче и начаша избирати от священноинок на архиепископью. И избравше трех, метнуша жребиа, и паде жребий на нѣкоего священоинока Феофила именем, и возведоша его на дворъ архиепископль. И *послаша к* великому князю Ивану Васильевичю посла своего Никиту *Ларивонова* бити челом и опаса просити, чтобы нареченому черньцю Феофилу пожаловал, *повелѣл* быти к собѣ на Москву и поставити бы его велѣл своему отцю митрополиту Филиппу на архиепископью Великого Новагорода и Пскова, яко же и преже сего было прид предних великих князеих.

Князь же великы по ихъ челобитию и прошению, ничто же къ преднему примышляя, но и легчѣ жалуя, посла их почтивъ отпусти съ всѣм, о чем ему били челом от всего Новагорода, отвѣт давъ ему таков: «Что отчина моя, Великий Новъгород, прислали ко мнѣ бити челом о том, что взял богъ отца их, а нашего богомолца архиепископа Иону, а избрали себѣ по своему обычаю по жребием священноинока Феофила, и яз ихъ, князь великый, жалую, и того нареченного Феофила. И велю ему быти к собѣ на Москву и къ отцю своему, митрополиту Филипу, стати на архиепископью Новагорода и Пьскова безо всяких зацѣпов, но по прежнему *обычаю,* какъ было при отци моем, великом *князе Василье.* и при дѣдѣ, и при прадѣдѣ *моем, и преже* бывших всѣх великых князехъ, *их же род есмы,* володимерских, и Новагорода Великого, и всея Руси». Тому же их послу Никитѣ Ларивонову пришедшу с ним в Новъгород и сказа им

МОСКОВСКАЯ ПОВЕСТЬ О ПОХОДЕ ИВАНА III ВАСИЛЬЕВИЧА НА НОВГОРОД

О новгородцах и об архиепископе Феофиле. Той же осенью, ноября в восьмой день, на праздник архангела Михаила преставился архиепископ Великого Новгорода Иона. И новгородцы по старине, как это было у них в обычае, созвали вече и стали выбирать из иеромонахов архиепископа. И, выбрав троих, бросили жребий, и выпал жребий некоему иеромонаху по имени Феофил, и возвели его во двор архиепископский. И послали к великому князю Ивану Васильевичу посла своего Никиту Ларионова бить челом и защиты просить, чтобы избранного ими чернеца Феофила почтил, велел бы к себе в Москву прибыть и поставить бы его велел своему отцу духовному, митрополиту Филиппу, на архиепископство в Великом Новгороде и Пскове, как то и прежде всегда бывало при прежних великих князьях.

Князь же великий, по их челобитью и прошению, не только к прежнему ничего не добавляя, но и в снисхождении жалуя, посла их, почтив, отпустил со всем, о чем просили его новгородцы, ответ дав ему такой: «Что вотчина моя, Великий Новгород, прислал ко мне бить челом о том, что взял бог отца их духовного, а моего богомольца архиепископа Иону, и потому избрали себе по своему обычаю согласно жребию инока Феофила, в том я, князь великий, их жалую и того избранного Феофила. И велю ему быть в Москву ко мне и к отцу моему духовному, митрополиту Филиппу, чтобы поставить на архиепископство Великого Новгорода и Пскова без всяких задержек, но по старым обычаям, как было то и при отце моем, великом князе Василии, и при деде, и при прадеде моем, и при прежних всех великих князьях, из рода которых и я, из владимирских, и новгородских, и всей Руси». И когда тот посол их Никита Ларионов воротился в Новгород и передал им

жалование великого князя, мнози же тамо сущии людие лучши, посадници их, и тысяцкие, и житие люди велми о семъ ради быша, и Феофилъ их.

Нѣкотори же от них: посадничи дѣти Исакова Борецкого съ материю своею Марфою и съ прочими инѣми изменьникы, научени дьяволом, иже горшѣе бѣсове быша прелестници на погибель земли своей и себѣ на пагубу, начяша нелѣпая и развращенная глаголати и на вѣче приходщи кричати: «Не хотим за великого князя московского, ни зватися вотчиною его! Волный есьмя Великый Новъгород, а московьский князь великы многи обиды и неправду над нами чинит! Но хотим за короля *полского и великого* князя литовского за Казимира!»

И тако възмятеся весь град их, и *въсколѣбашася,* яко пьяни: овии же хотяху за великого князя по старинѣ, к Москвѣ, а друзи — *за короля,* к Литвѣ. Тѣм же измѣнници начяшя наимовати худых мужиков въ вѣчников, иже на то все готови суть по их же обычаю. И приходящии на вѣче их, и звоняху за все колоколы, и кричаще, глаголаху: «За короля хотим!» И ини их противу им глаголаху: «За великого князя московьского хотимъ по старинѣ, как было преже сего!» И тѣ, наймиты тѣх измѣнников, каменье на тѣх метаху, котори за великого князя хотят. И велико неустроение бяше в них, и меж себе ратахуся, сами на ся въстающе.

Мнози же от них: старии посадници, и тысячские, и лучшие люди, тако же и житии люди глаголаху к ним: «Нельзѣ, брате, тому тако быти, яко же глаголете за короля нам датися и архиепископа поставити от его митрополита, латинина суща. А изначала отчина есмы тѣх великих князей, от перваго великого князя нашего *Рюрика,* его же по своей воли взяла земля *наша из* варягъ князем себѣ и съ двѣма *браты его.* По том же правнук его, князь *великий* Владимеръ, крестися и всѣ земли *наши крести:* рускую, и нашу словеньскую, *и мерскую,* и кривичскую, весь, рекше бѣлозерскую, и мурому, и вятичи, и прочая. И от того святаго великаго князя Владимира дажи и до сего господина нашего великого князя Ивана Васильевича за латиною есмя не бывали и архиепископа от них не поставливали себѣ, яко же вы нынѣ хотите ставити от Григория, называющася митрополитом *Руси,* а ученикъ то Исидоров, сущей латинин».

Тѣ же развратници, яко же и прежни еретици, научени дьяволом, хотяще на своем поставити, а на благочестие дерзнувше, а князю великому не хотяще покоритися, единако въпиаху: «За короля хотим!» А друзии глаголаху: «К Москвѣ хотим, к великому князю Ивану и къ отцю его, митрополиту Филиппу,— в православие!» Злодейци же онии,

пожалование великого князя, то многие там бывшие люди знатные, посадники и тысяцкие, и житьи люди очень тому рады были, и Феофил также.

Некоторые же из них: посадничьи дети Исаака Борецкого с матерью их Марфою и с остальными иными изменниками, подученные дьяволом, хуже бесов стали прельстителями на погибель земле своей и себе на пагубу, начали непристойные и соблазнительные речи высказывать и, на вече являясь, кричать: «Не хотим за великого князя московского, и вотчиной зваться его не хотим! Вольные все мы люди — Великий Новгород, а московский князь великий многие обиды и неправды над нами чинит! А хотим за короля польского и великого князя литовского Казимира!»

И так взволновался весь город их, и всколыхнулись все, как пьяные: те хотели за великого князя по старине, к Москве, а другие — за короля, к Литве. Те же изменники стали нанимать худых мужиков из участников веча, готовых на все, как обычно. И явясь на вече, звонили они во все колокола и, крича, говорили: «За короля хотим!» Другие же им возражали: «За великого князя московского хотим по старине, как было и до сего!» И те наймиты изменничьи каменье метали в тех, что за великого князя хотят. И великая смута была у них, и сражались друг с другом, и сами на себя поднялись.

Многие же из них: прежние посадники, и тысяцкие, и знатные люди, а также и люди житьи говорили им: «Нельзя, братья, тому так быть, как вы говорите: к королю нам перейти и архиепископа поставить от его митрополита, католика. Ведь изначала вотчина мы великих князей русских, от первого великого князя нашего Рюрика, которого по воле своей взяла земля наша из варягов князем себе вместе с двумя его братьями. А после и правнук его, князь великий Владимир, крестился и все земли наши крестил: русскую, и нашу словенскую, и землю мери, и кривичскую, и весь, то есть белозерскую, и муромскую, и вятичей, и остальных. И от святого того великого князя Владимира вплоть до господина нашего великого князя Ивана Васильевича за латинянами мы не бывали и архиепископа от них себе не поставляли, так чего ж вы теперь хотите ставить его от Григория, именующего себя митрополитом Руси, хотя он ученик Исидора и католик!»

Те же отступники, подобно и прежним еретикам, научены были дьяволом, желая на своем поставить, на благочестье дерзнув, и великому князю не желая покориться, единодушно вопили: «За короля хотим!» А другие говорили: «К Москве хотим, к великому князю Ивану и к отцу его духовному, митрополиту Филиппу,— в православие!» Злодеи же те,

противници сотворише себе православию, бога не бояшеся *и посол* свои послаша къ королю с *поминки* многими, Панфила Селифонтова *да Кирила* Иванова, сына Макарьина, глаголюще: «*Волни* есмы люди, Великий Новъгород, бьем челомъ тебѣ, честному королю, *чтобы* еси господарю нашему Великому Новугороду и нам господинъ был. И архиепископа вели нам поставити своему митрополиту Григорию, и князя нам дай из своей державы».

Король же прият дары их с любовию, и рад бывъ речемъ их, и много чтивъ посла их, отпусти к ним съ всѣми с тѣми рѣчми, чего хотѣли, и князя посла к ним Михаила, Олелькова сына, киевьского. *Новогородци* же прияша его честнѣ, намѣстников же князя великого не сослаша с Городища. А что был у них князь Василий Горбатой, брат суздалских князей, а того послаша в Заволочье, в заставу на Двину.

Слышавъ же сие князь велики Иван Васильевич, что въ вотчинѣ его, в Великом Новѣгородѣ, взмятение велико, и начат посылати к ним послы своя, глаголя тако: «Отчина моя естя, люди новогородстии, изначала: от дѣд, от прадѣд наших, от великаго князя *Владимера,* крестившаго землю Рускую, от правнука Рюрикова, первого великого князя *в земли* вашей. И от того Рюрика да иже и до *сего дни* знали есте единъ род тѣх великих *князей,* преже киевских, до великого князя *Дмитрея* Юрьевича Всеволода володимерьскаго, а от того великого князя да иже до мене род их, мы владѣем вами, и жалуем вас, и бороним отовселе, а и казнити волны же есмы, коли на нас не по старинѣ смотрите почнете. А за королем никоторым, ни за великим князем литовъским не бывали есте, какъ и земля ваша стала, а нынѣча от християньства отступаете к латинству чрес крестное цѣлование. Яз, князь великий, никоторые силы не чиню над вами, ни тягости не налагаю выше того, какъ было при отци моем, великом князи *Василье* Васильевиче, и при дѣде моем, и при прадѣде, и при прочих великих князеих рода нашего, но еще и жаловати вас хочю, свою отчину».

То же слышевше *новогородстии* людие, бояре их, и посадници, и *тысячские, и житии* люди, котори не хотяще *первого своего* обычая и крестнаго цѣлования *преступити,* ради быша вси сему и правитися *хотяще* к великому князю по старине.

А предречени Исаковы дѣти с прочими их поборники и с наймиты, яко *възбеснѣшали,* яко звѣрии дивии, безчеловеченъ разум имуще, князя великого пословъ рѣчей, такоже и митрополита Филиппа посла, ни слышите не хотяху. Но и еще наимоваху злых тѣх смердовъ, убиицъ, шилников, и прочих безименитых мужиков, иже скотем подобни суть, ничто же разума имущих, но точию едино кричание, иже и безсловесная и животъная не сице рычаху, *яко же они*

восставшие на православие, бога не боясь, послов своих отправили к королю с дарами многими, Панфила Селиванова да Кирилла Иванова, сына Макарьина, говоря: «Мы, вольные люди, Великий Новгород, бьем челом тебе, честной король, чтобы ты государю нашему Великому Новгороду и нам господином стал. И архиепископа повели нам поставить своему митрополиту Григорию, и князя нам дай из твоей державы».

Король же принял их дары с радостью, и рад был речам их, и, много почтив посла их, отпустил к ним со всеми теми речами, которых услышать они хотели, и князя послал к ним Михаила, Олелькова сына, киевлянина. И приняли его новгородцы с почетом, но наместников великого князя не выгнали с Городища. А бывшего у них князем Василия Горбатого, из суздальских князей, послали того в Заволочье, в заставу на Двину.

Прослышал об этом князь великий Иван Васильевич, что в вотчине его, в Великом Новгороде, смятенье великое, и стал посылать к ним послов своих, говоря так: «Вотчина моя это, люди новгородские, изначала: от дедов, от прадедов наших, от великого князя Владимира, крестившего землю Русскую, от правнука Рюрика, первого великого князя в вашей земле. И от того Рюрика и до сегодняшнего дня знали вы единственный род тех великих князей, сначала киевских, и до самого великого князя Дмитрия-Всеволода Юрьевича Владимирского, а от того великого князя и до меня род этот, владеем мы вами, и жалуем вас, и защищаем отовсюду, и казнить вас вольны, коли на нас не по-старому начнете смотреть. А ни за королем никаким, ни за великим князем литовским не бывали вы с тех пор, как земля ваша стала, теперь же стремитесь вы от христианства в католичество, нарушив крестное целование. Я, князь великий, никакого насилья вам не чиню, ни тягот не налагаю сверх того, что были при отце моем, великом князе Василии Васильевиче, и при деде моем, и при прадеде, и при прочих великих князьях рода нашего, да еще и жаловать вас хочу, свою вотчину».

Слышав же то, новгородские люди, бояре их и посадники, и тысяцкие, и житьи люди, которые не желали прежнего своего обычая и крестного целования преступить, рады были все этому и управляться хотели великим князем по-старому.

Но Исааковы дети, о которых было сказано, с прочими своими пособниками и с наймитами своими будто взбесились, точно дикие звери, человеческого разума лишенные, речей послов великого князя, как и посла митрополита Филиппа, и слышать не хотели. И еще нанимали злых этих смердов, убийц, мошенников и прочих безродных мужиков, что подобны скотам, нисколько разума не имеющих, но только один крик, так что и бессловесная скотина не так рычала, как эти

новогородстии людие, невѣгласи, осподарем зовяху себѣ Великим Новым городомъ. И ти приходяще на вѣче, бьяху в колоколы, и кричах, и лаяху, яко пси, нелѣпая глаголюще: «За короля хотим!»

И таково бѣ възмущение в них, яко же въ Иерусалимѣ *бысть, егда предасть его господь в руцѣ Титовѣ;* яко же бо ти тогда, тако и сии меж себе брань творяху.

Князь же великий, слышев сие, *скорбен* бысть и потужи си о них немало: «*Яко и не* въ православье еще быша, от Рюрика *и до* великого князя Владимера, не отступали *за иного* осподаря, а от Володимера да иже *до сего дне* его род знали единъ и правилися *всѣм великим* князем о всемъ, преже киевским, потом же володимерским, а се уже на послѣдних лѣтех все свое изгубити хотят, от христьаньства к латиньству отступающе. Но что сътворити, не вѣм, но точию положю упование на едином господѣ бозѣ и многомилостивъ о семъ». И тако възвѣщает о сем отцю своему, митрополиту Филиппу, и матери свои, великой княгини Марьи, и сущим у него бояром его, что поитти на Новгород ратью. Они же, слышав же сие, съвѣтуют ему, упование положив на бозѣ, исполнити мысль свою над новогородци за их неисправление и отступленье.

Въ той чяс князь великий *розослал* по всю братью свою и по всѣ епископы земля своея, и по *вся князи, и по бояре свои, и воеводы,* и по вся воя своя. И яко же вси снидошася *к нему,* тогда всѣмъ възвѣщает мысль *свою, что* итти на Новгород ратию, понеже бо *во всем* измѣнишя. И князь великий благословение *приим* от митрополита Филиппа, тако же и от *всѣх святитель* земли своея, и от всего священнаго *собора, начат* въоружатися итти на *них, тако же* и братья его, и вси князи его, и бояре, и воеводы, и вся воя его.

К Нову же городу посла грамоты розметные за их неисправление, а во Тфирь посла к великому князю Михаилу, помочи прося на новогородцев же. А къ Пьскову послал дьяка своего Якушку Шачебалцова мая въ 23, на праздникъ Възнесения господня, глаголя им: «Отчина моя, Велики Новъгород, отступають от мене за короля, и архиепископа своего ставити им у его митрополита Григория, латинина суща. И яз, князь великий, дополна иду на них ратью, а целование к ним сложил есмь. И вы бы, отчина моя псковичи, посадници, и жити люди, и *вся земля* псковьская къ брату вашему Новугороду цѣлованье сложили бы *есте* и поидите на них ратью с моимъ *воеводою,* княземъ Феодором Юрьевичем *Шуйскымъ или* съ его сыном, княземъ Васильемъ».

новгородские люди, невежды, называя себя «господарем Великим Новгородом». И они приходили на вече, били в колокола, и кричали, и лаялись, точно псы, говоря нелепое: «За короля хотим!»

И такова была смута у них, как в Иерусалиме, когда предал его господь в руки Тита; и как те тогда, так и эти друг с другом сражались.

Князь же великий, прослышав об этом, впал в скорбь и тужил о них немало: «Когда и не были еще в православии, от Рюрика и до великого князя Владимира, не отходили к другим государям, а от Владимира и вплоть до сегодняшнего дня знали один его род и управлялись великим князем во всем, сначала киевским, потом владимирским, а теперь, в последние годы, все свое благочестье хотят погубить, от христианства к католичеству отступая. Но что делать, не ведаю, а возложу всю надежду мою на единого господа бога, и будет он милостив ко мне в этом». И возвещает он об этом отцу своему, митрополиту Филиппу, и матери своей, великой княгине Марии, и бывшим при нем боярам его и о том, что хочет идти на Новгород ратью. Они же, услышав это, советуют ему, упованье на бога возложив, исполнить замышленье свое на новгородцев за их нарушения и отступничество.

И тотчас князь великий послал за всеми братьями своими, и за всеми епископами земли своей, и за всеми князьями, и боярами своими, и воеводами, и за всеми своими воинами. И когда сошлись все к нему, тогда сообщает им замысел свой — идти на Новгород ратью, ибо во всем изменил он. И князь великий, получив благословение от митрополита Филиппа, а также и от всех святителей земли своей, и от всего священного собора, начал готовиться к походу, а так же и братья его, и все князья его, и бояре, и воеводы, и все его воины.

В Новгород же послал князь грамоты разметные за неисправление новгородцев, а в Тверь послал к великому князю Михаилу, помощи прося на тех новгородцев. А в Псков послал дьяка своего Якушку Шачебальцева мая в двадцать третий день, на праздник Вознесения господня, веля сказать им: «Вотчина моя, Великий Новгород, отходит от меня за короля, и архиепископа своего ставить желают у его митрополита Григория, католика. И потому я, князь великий, иду на них всею ратью, а целование свое к ним я с себя слагаю. И вы бы, вотчина моя, псковичи, посадники, и житьи люди, и вся земля псковская, договоры с братом вашим, Новгородом, отменили и пошли б на них ратью с моим воеводой, с князем Федором Юрьевичем Шуйским или с его сыном, с князем Василием».

В 31 же день мѣсяца майя, в пятокъ, *послал князь* великый Бориса Слѣпца к *Вяткѣ, веля им* быти на Двиньскую землю ратью *же. А к Василью* Феодоровичю къ Бразьцю посла на *Устюгъ,* чтобы с устюжаны на Двину же ратью пошел, а зжидалъ бы ся с Борисом да с вятчяны.

Мѣсяца же иуния въ 6, в четверток, на Троецкой недели, отпустил князь великий с Москвы воевод своих, князя Данила Дмитреевича Холмовского да Феодора Давыдовича съ многим воинством, с ними же и князя Юрья Васильевича и князя Бориса Васильевича, дѣти боярские многи. А велѣл тѣм князь велики итти к Русѣ.

А въ 13 того же мѣсяца, в четверток, отпустил князь велики князя Ивана Васильевича Оболенского Стригу со многими вои, да с ним князей царевичевых Даньяровых со многими татары. А велѣл тѣм итти на *Волочек* да по Мьстѣй.

По сем же князь велики начат по церквам молебная свершати и милостыню *многу* расылати по земли своей и по церквам, и монастырем, священиком, и черноризцем, *и нищим.* В соборную же церковь пречистыя *владычице нашеа* Богородица приснодѣвы Мариа князь *велики, вшед къ* чюдотворнѣй икони пречистыя *Богородица* Владимерьския и многа моления съверши и слезы доволнии излия, тако же и пред образом Пречистыа чюдотворныя, юже сам чюдотворець *Петръ* написал. По сем же приходить къ гробу, иже въ святых отца нашего Петра митрополита чюдотворца, молебьна съвершая и слезы изливая, прося помощи и заступленья, тако же и у прочих святителей, в той же церкви лежащих, преосвященных митрополит Фегнаста, и Киприана, и Фотия, и Ионы, помолився.

И исшед оттуду, приходить в монастырь архааггела Михаила честнаго его чюда, и вшед въ церковь его, молебная совершает, призывая на помощь того воеводу небесных сил съ многим умилением. И паки входит в той же церкви въ придѣлъ Благовѣщенья богородици, идѣ же бяху цѣлбоносный гробъ, в немь же лежаху чюдотворныя мощи, иже въ святых отца нашего Алексѣа митрополита, рускаго чюдотворца, и тамо тако же помолися съ многими слезами.

И потом паки приходить въ церковъ архистратига Михаила, честнаго *собора* его и прочих бесплотных, и тако же *моления* совершает, *прося* помощи и заступленья от них. Приходит же паки в той же церкви къ гробомъ прародитель своих, лежащих ту великих князей володимерских и новогородцих и всея Руси, от великаго князя Ивана Даниловича и до отца его, великаго князя Василья, моля их и глаголя: «Аще духом далече есте отсюду, но молитвою помозите ми на отступающих православья державы вашея».

В тридцать первый день мая, в пятницу, послал князь великий Бориса Слепца к вятчанам, веля им всем идти на Двинскую землю ратью же. А к Василью Федоровичу к Образцу послал на Устюг, чтобы и он с устюжанами на Двину ратью пошел и соединился бы с Борисом да с вятчанами.

Месяца же июня в шестой день, в четверг, на Троицу, отпустил князь великий из Москвы воевод своих, князя Даниила Дмитриевича Холмского да Федора Давыдовича со многим воинством, а с ними и князя Юрия Васильевича, и князя Бориса Васильевича, и детей боярских многих. А велел всем им князь идти к Руссе.

А в тринадцатый день того же месяца, в четверг, отпустил князь великий князя Ивана Васильевича Оболенского Стригу со многими воинами, да с ним и князей царевича Даньяра со многими татарами. И велел им идти на Волочок да по Мсте.

А после этого князь великий начал по церквам молебны совершать и милостыню большую раздавать в земле своей — и по церквам, и по монастырям, священникам, и монахам, и нищим. В соборной же церкви пресвятой владычицы нашей Богородицы приснодевы Марии князь великий, подойдя к чудотворной иконе пречистой Богородицы Владимирской, многие молитвы принес и слезы во множестве пролил, так же и перед чудотворным образом пречистой, который сам чудотворец Петр написал. После же этого подошел к гробнице святого отца нашего Петра-митрополита чудотворца, молебен совершая и слезы проливая, прося помощи и заступничества, также и остальным святителям, в той же церкви погребенным, преосвященным митрополитам Феогносту, и Киприану, и Фотию, и Ионе, помолился.

И, выйдя оттуда, приходит в монастырь архангела Михаила, честного его чуда, и, войдя в церковь его, молебны совершает, призывая на помощь этого воеводу небесных сил с великим умилением. И снова входит в той же церкви в придел Благовещения богородицы, где стоял исцеляющий гроб, в котором лежат чудотворные мощи святого отца нашего Алексея-митрополита, русского чудотворца, и там так же помолился, со многими слезами.

И потом снова приходит в церковь архистратига Михаила, священного сонма его и прочих бесплотных, и также моленья совершает, прося у них помощи и заступничества. Приходит далее в той же церкви к гробницам прародителей своих, погребенных тут великих князей владимирских, и новгородских, и всея Руси, от великого князя Ивана Даниловича и до отца своего, великого князя Василия, молясь им и говоря: «Хоть духом отсюда вы и далеко, но молитвой помогите мне против отступников от правой веры в державе вашей».

И оттолѣ исшед, обходит вся съборныя церкви и манастыря, повсюду молебная съвершаа и милостыня доволно подавая. По сем же паки приходит и къ отцю своему Филиппу, митрополиту всея Руси, прося благословения и прощенья. Святитель же огражает его крестом, и молитвою въоружает его, и благославляет его на противныя и вся воя его, яко же Самоил Давыда на Гольяда.

Князь же велики Иван Васильевич, приим благословение от отца своего митрополита Филиппа и от всѣх епископъ земля своей и от всѣх священник, исходит с Мосъквы того же мѣсяца иуния въ 20, в четверток, на память святого отца Мефодья епископа *паторомска,* а с ним царевич Данияръ и прочии вои великаго князя, князи его мнози и вси воеводы, съ многою силою въоружився на противныя, яко же преже прадѣд его благовѣрный велики князь Дмитрей Иванович на безбожнаго Мамая и на богомерзкое тое воиньство татарьское, тако же и сей благовѣрный и велики князь Иоан на сих отступник.

Аще бо християне нарицахуся, а дѣла их бяху горѣе невѣрных, всегда бо измѣняху крестное целованье, преступающе, но и горѣе того начяша бѣситися, яко же преже написах: пятсот бо лѣтъ и 4 въ крещении быша за великими князи рускими православными, нынѣ же на послѣднее время, за 20 лѣт до скончания седмыя тысящи, въсхотѣша *отступити* за латиньского короля, и архиепископа своего въсхотѣша поставити от его митрополита Григорьа латынина; а князю великому много о сем посылающу к нимъ остатися от таковаго начинания. Тако же и митрополит Филип посылаше к ним, наказающе их, яко отець чада *своя,* по господню словеси, еже рече въ Еуагельи: «Аще съгрѣшит к тебѣ брат твой, шед обличи его пред собою и тѣм единемъ; и аще послушает тебя, приобрѣлъ еси брата твоего; аще ли тебе не послушаетъ, поими с собою два *или* три, пред усты бо двоих *или* трех свѣдѣтель станет всяк глаголъ. Аще ли и тѣх не послушает, повѣжь церкви; аще ли о церкви не радити почнет, буди ти, яко же иноязычникъ и мытарь». Си же паки людие новогородстии о всем о том не внимаху, но свое зломыслие творяху; то не горѣе ли си иновѣрныхъ? Невѣрнии бо изначала не знаху бога, ни научишася ни от кого же православию, перваго своего обычая идолопоклония держахся, а си многа лѣта бывши въ християнства и на конець нача отступати к латынству. И тако поиде на них князь великий не яко на христиан, но яко *на* иноязычникъ и на отступникъ православья.

Поиде же князь великий на Рождество Предотече на Волокъ. Тако же и братия *великого князя* поидоша кийждо их от

И, выйдя оттуда, обходит все соборные церкви и монастыри, повсюду молебны совершая и милостыни обильные подавая. После этого приходит к отцу своему Филиппу, митрополиту всея Руси, прося благословения и отпущения грехов. Святитель же ограждает его крестом, и молитвой вооружает его, и благословляет его и всех его воинов на врагов, как Самуил Давида на Голиафа.

Князь же великий Иван Васильевич, приняв благословение отца своего митрополита Филиппа и всех епископов державы своей и всех священников, выходит из Москвы того же месяца июня двадцатого, в четверг, в день памяти святого отца Мефодия, епископа патарского, а с ним царевич Даньяр и прочие воины великого князя, князья его многие и все воеводы, с большими силами собравшиеся на противников,— подобно тому, как прежде прадед его, благоверный великий князь Дмитрий Иванович, на безбожного Мамая и на богомерзкое его воинство татарское, так же и этот благоверный и великий князь Иван на этих отступников.

Ибо хотя и христианами назывались они, по делам своим были хуже неверных; всегда изменяли они крестному целованию, преступая его, но и хуже того стали сходить с ума, как уже прежде написал: ибо пятьсот лет и четыре года после крещения были под властью великих князей русских православных, теперь же, в последнее время, за двадцать лет до окончания седьмой тысячи лет, захотели отойти к католическому королю, и архиепископа своего поставить от его митрополита Григория, католика, хотя князь великий посылал к ним, чтобы отказались от такого замысла. Так же и митрополит Филипп не раз предостерегал их, поучая, будто отец детей своих, по господню слову, как сказано в Евангелии: «Если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним; и если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего; если же не послушает, возьми с собою двух или трех, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое твое слово. Если же и тех не послушает, скажи церкви; если же и церкви слушать не станет, то да будет он тебе, как язычник и мытарь». Но нет, люди новгородские всему тому не внимали, но свое зломыслие учиняли; так не хуже ли они иноверных? Ведь неверные никогда не знали бога, не получили ни от кого правой веры, прежних своих обычаев идолопоклонства держась, эти же долгие годы пребывали в христианстве и под конец стали отступать в католичество. Вот и пошел на них князь великий не как на христиан, но как на язычников и на отступников от правой веры.

Пришел же князь великий на Волок в день Рождества Иоанна Предтечи. Так же и братья великого князя пошли каждый от

себе: князь Юрья Васильевичь из своея отчины, а князь Андрѣй Васильевич из своея отчины, *а князь Борис Васильевич из своея отчины,* князь Михайло Андрѣевич с сыном Васильем из своея вотчины. А на Москвѣ князь великий оставил сына своего, великого князя Ивана, да брата его князя Андрѣя Меньшего.

На Петровъ день прииде князь великий в Торжек, приидоша же к нему в Торжекъ воеводы великого князя тфѣрьскаго, князь Юрья Андрѣевичь Дорогобужский да Иванъ Микитинъ Жито, со многими людми на помочь на новогородецъ же; а з Пскова прииде к великому князю в Торжекъ же посол Василей да Богдан съ Якушкою с Шачобалцовым, а присланы с тѣмъ, что цѣлование к Новугороду сложили, сами готови всѣ. Князь же великий с Торжку посла к нимъ Богдана, а с нимъ Козму Коробьина, чтоб не мочтая пошли к Новугороду, а Василья от себе не отпустил; и ис Торжку поиде князь великий.

Братья же великого князя всѣ со многими людми, кийждо из своея отчины, поидоша розными дорогами к Новугороду, плѣнующе и жгуще и люди въ плѣнъ ведуще; тако же и князя великого воеводы та же творяху, кийждо на кое мѣсто посланъ. Прежепосланны их воеводы великого князя, князь Данило Дмитреевич Холмъвский и Феодоръ Давыдович, идуще по новъгородцким мѣстом, идѣ же повелѣно им бяше, и распустиша воя своя на многия мѣста жещи и плѣнити и в полон вести и казнити без милости за их неисправление ко своему государю великому князю. Дошедшим же воеводамъ тѣмъ до *Русы,* поплѣниша и пожгоша мѣсто то; и пленивъ то и пожегъ, поидоша близ к Новугороду к рецѣ к Шелонѣ. И яко же приидоша на мѣсто, нарицаемое *Коростыня,* а у езера Илмяня на брезѣ, и внезаапу паки прииде на них безвѣстно по езеру рать в судѣх от Новагорода и из судъ вышед, приидоша таемъ под станы их, а им в то время оплошившимся. Сторожи же воевод великого князя, видѣвши их, возвестиша воеводамъ, они же в той час въоружившеся, поидоша противу их и многих избиша, а иных руками изнимаша; тѣмъ же изнимаемым самимъ межи себе повелѣша носы, и губы, и уши рѣзати, и отпущати их назад к Новугороду, а доспѣхи их, снимающе, в воду метаху, а ини огню предаша, не бяху бо имъ требѣ, но своими доспѣхи всѣ доволни бяху.

И оттоле паки возвратишася к Русѣ в той же день, оже в Русѣ иная рать пѣшая, множае первыи и сугубѣйшии, а пришли рѣкою же в судѣх Полою именемъ. Воеводы же великого князя и на тѣх пришед и побиша их, и посла к великому князю с тою вѣстью Замытского Тимофѣя, а пригонил к великому князю иуля въ 9 день на Коломну озеро; а сами

себя: князь Юрий Васильевич из своей вотчины, князь Андрей Васильевич из своей вотчины, князь Борис Васильевич из своей вотчины, князь Михаил Андреевич с сыном Василием из своей вотчины. А в Москве оставил князь великий сына своего, великого князя Ивана, да брата своего, князя Андрея Меньшого.

На Петров день пришел князь великий в Торжок, и подошли к нему в Торжок воеводы великого князя тверского, князь Юрий Андреевич Дорогобужский да Иван Никитич Жито, со многими людьми для помощи на новгородцев же; а из Пскова в тот же Торжок пришел к великому князю посол Василий да Богдан с Якушкой с Шачебальцевым, а присланы известить, что от присяги Новгороду отказались и сами готовы все. Князь же великий из Торжка послал к ним Богдана, а с ним Козьму Коробьина, чтобы немедля пошли на Новгород, а Василия от себя не отпустил; и из Торжка пошел князь великий.

Братья же великого князя все со многими людьми, каждый из своей вотчины, пошли разными дорогами к Новгороду, пленяя, и пожигая, и людей в полон уводя; так же и князя великого воеводы то же творили, каждый там, на какое место был послан. Ранее посланные же воеводы великого князя, князь Данило Дмитриевич Холмский и Федор Давыдович, идя по новгородским пределам, где им приказано было, распустили воинов своих в разные стороны жечь, и пленить, и в полон вести, и казнить без милости жителей за их неповиновение своему государю великому князю. Когда же дошли воеводы те до Руссы, захватили и пожгли они город; захватив полон и спалив все вокруг, направились к Новгороду, к реке Шелони. Когда же пришли они к месту, называемому Коростыней, у озера Ильменя на берегу, напала на них неожиданно по озеру рать новгородская в ладьях, которая, на берег выйдя, тайком подошла под их лагерь, так что они оплошали. Стража воевод великого князя, увидев врагов, сообщила воеводам, те же, тотчас вооружась, пошли против них и многих побили, а иных захватили в плен; тем же пленным велели друг другу носы, и губы, и уши резать и потом отпустили их обратно в Новгород, а доспехи, отобрав, в воду побросали, а другое огню предали, потому что не были им нужны, ибо своих доспехов всяких довольно было.

И оттуда вновь возвратились к Руссе в тот же день, а в Руссе уже другое войско пешее, еще больше прежнего вдвое; и пришли те в судах рекою под названием Пола. Воеводы же великого князя, и на тех пойдя, разбили их и послали к великому князю с вестью Тимофея Замытского, а примчался он к великому князю июля в девятый день на Коломну-озеро; сами

воеводы от *Русы* поидоша к Дѣмону городку. Князь великий посла к нимъ, веля им итти за рѣку Шолону сниматися со псковичи. А под Дѣмономъ велѣл стояти князю Михаилу Андрѣевичю с сыномъ своимъ княземъ Васильемъ и со всѣми вои своими.

А воеводы великого князя поидоша к Шолонѣ, и яко пришедшим имъ к берегу рѣки тоя, идѣ же брести чрез ея, оже в ту же пору прииде ту рать новгородская противу их з другия страны, от града своего, к той же рѣцѣ Шолонѣ, многое множество, яко и ужаснутися полком великого князя, понеже бо в малѣ бѣху, всѣ бо вои сущии под ними, не вѣдуще того, плѣняху мѣста их и окрестъ Новагорода.

А новгородцкие посадники и тысяцкие, и с купци, и з жити люди, и мастеры всякие, спроста рещи, плотници и гоньчары и прочии, котории родився на лошади не бывали и на мысли которым того не бывало, что руки подняти противу великого князя,— всѣх тѣх измѣнници они силою выгнаша, а которым бо не хотѣти поити къ бою тому, и они сами тѣх разграбляху и избиваху, а иных в рѣку Волховъметаша; сами бо глаголаху, яко было их сорок тысяч на бою том.

Воеводы же великого князя, аще и вмалѣ бѣста — глаголють бо бывши тамо, яко с пять тысяч их толико бѣ,— но видѣвше многое множество вои их и положи упование на господа бога и пречистую его матерь и на правду своего осподаря великого князя, поидоша напрасно противу их, яко лвы рикающе, чрес рѣку ону великую, ея же сами новогородци глаголють, никогда тамо броду имуще, а си, не пытающе брода, вси цѣли и здрави преидошя ея. Видѣвше же се, новогородци устрашишася зѣло, възмутишяся и восколѣбашеся, яко пьяни, а си пришед на них начяшя преже стреляти их, и возмутишяся кони их под ними, начяша съ себе бити их, и тако въскоре побегошя, гоними гнѣвом божьим за свою их неправду и за отступление не токмо от своего осподаря, но и от самого господа и бога.

Полцы же великого князя погнаша по них, колюще и секуще их, а они и сами бѣжаша, друг друга бьюще, кои с кого мога. Избиено же бысть их тогда многое множество, самим бо глаголющим, яко дванадесять тысущь *изгибе* их на боех тѣх, а изима их руками боле двою тысяч; изнимани же посадници их: Васили Казимеръ, Дьмитрей Исаковъ Борецькой, Кузма Григорьевъ, Яковъ Федоровъ, Матфѣй Селезеневъ, Васили Селезеневъ — два сестричича Казимеровы, Павелъ Телятевъ, Кузму Грузова, а житьих множество. Сбысться на нихъ пророчское слово реченное: «Яко пять вас поженет сто, а сто двигнета тмы». Бѣжащим же им на долзѣй, и кони их отдхошяся, и начаша рѣятися с них долов и въ воды, и въ болота, и в лѣсы, ослѣпи бо я господь, не знаяху

же воеводы от Руссы пошли к Демону-городку. Князь же великий послал к ним, веля идти за реку Шелонь на соединение с псковичами. Под Демоном же велел стоять князю Михаилу Андреевичу с сыном его князем Василием и со всеми воинами его.

А воеводы великого князя пошли к Шелони, и как подошли они к берегу реки той, там, где можно перейти ее вброд, в ту же пору вышла рать новгородская против них с другой стороны, от города своего, к той же реке Шелони, многое множество, так что ужаснулись воины великого князя, потому что мало их было — все воины княжеские, не зная этого, покоряли места окрест Новгорода.

А новгородские посадники, и тысяцкие, и с купцами, и с житьими людьми, и мастера всякие или, проще сказать, плотники и гончары, и прочие, которые отродясь на лошади не сидели и в мыслях у которых того не бывало, чтобы руку поднять на великого князя,— всех их те изменники силой погнали, а кто не желал выходить на бой, тех они сами грабили и убивали, а иных в реку Волхов бросали; сами они говорили, что было их сорок тысяч в том бою.

Воеводы же великого князя, хоть и в малом числе (говорят бывшие там, что только пять тысяч их было), увидев большое войско тех и возложив надежду на господа бога и пречистую матерь его и на правоту своего государя великого князя, пошли стремительно на них, как львы рыкая, через реку ту широкую, на которой в том месте, как сами новгородцы говорят, никогда брода не было; а эти и без брода все целые и здоровые ее перешли. Увидев это, новгородцы устрашились сильно, взволновались и заколебались, как пьяные, а наши, дойдя до них, стали первыми стрелять в них, и взволновались кони под теми, и начали с себя сбрасывать их, и так скоро побежали они, гонимые гневом божьим за свою неправду и за отступление не только от своего государя, но и от самого господа бога.

Полки же великого князя погнали их, коля и рубя, а они и сами в бегстве друг друга били, кто кого мог. Побито же их было тогда многое множество,— сами они говорят, что двенадцать тысяч их погибло в тех боях, а схватили живьем более двух тысяч; схвачены и посадники их: Василий Казимир, Дмитрий Исаакович Борецкий, Кузьма Григорьев, Яков Федоров, Матвей Селезнев, Василий Селезнев — два племянника Казимира, Павел Телятев, Кузьма Грузов, а житьих множество. Сбылось на них пророческое слово: «Пятеро ваших погонит сотню, а сотня потеснит тысячи». Так долго они бежали, что и кони их запалились, и стали падать с коней в воды, и в болота, и в чащобу, ибо ослепил их господь, не узнали

бо земли своей, ниже пути ко граду своему, от него же приидошя, но блудяху по лѣсомъ, и гдѣ выходящим имъ из лѣса, и тако имаху ихъ ратнии, а инии *ранени* блудяще и по лѣсомъ изомроша, а инии в водах истопоша; а котории с конь не сметашася, тѣх кони их принесоша къ граду, яко пьяных или спящих, а инии в оторопѣ и град *свой* пробѣгоша, мняще, яко и град их взят уже, възмятоша бо ся и въсколебашася, яко пьяни, и вся мудрость их поглощена бысть. А вои великого князя гонили по них дванадесят верстъ, и тако възвратишася от великия тоя истомы.

Воеводы же князя великого, князь Данило и Феодоръ Давыдович, ставьше на костех, сождашяся с воиньством своим и видѣша воя своя всѣх здравых и благодариша бога и пречистую его матерь и всѣх святыхъ. И начаша воеводы глаголати поиманым у них новогородцем: «Что ради вы с толиким множеством вои своихъ ни мала постоясте, и видяще малое наше воинство?» Они же рекоша к ним: «Мы бо видѣхом вас бесчисленое множество, грядущее на нас, не токмо противу и нас идущи, но еще инные полки видѣхом, в тыл по нас пришедших, знамена же имут жолты и болшие стяги и скипетры, и говоръ людцки мног и топот коньский страшен, и тако ужас нападе на ны, и страх обьят ны, и приятъ нас трепет». Бысть же *бо* сие иуля *въ* 14 в недѣлю по рану, на память святаго апостола Акилы.

Вои же князя великого и после бою того воевали много посады новогородские и до немецкого рубежа по рѣку Нерову, и великое мѣсто, зовомое Новое Село, поплениша и пожгошя. Воеводы же великого князя, мало отдохнувъ по бою том и съждався съ своими, послашя к великому князю Замятню с тою вѣстию, что поможе имъ богъ, рать новогородцкую побили. Он же прогонилъ к великому князю въ Яжолбици того же мѣсяца въ 18 день, и бысть радость велика великому князю и братьи его и всему воиньству их, бѣ бо тогда у великого князя и царевич Даньяръ, и братья его, благовѣрнии князи Юрьи, и Андрѣй, и Борисъ, и боаре их, и все воиньство их. И тогда обещася князь велики поставити на Москвѣ церковъ святого апостола Акилу, еже и бысть, а воеводы, князь Данило и Федоръ, другую церковь, Воскресение.

А в ту же пору был у великого князя из Новагорода от нареченнаго арьхиепископа и от всего Новагорода Лука Климентьев о опасѣ; князь велики дасть им опас и отпусти того с селищь противу Дѣмона; а князю Михаилу Ондрѣевичю и сыну его князю Василью воеводы новогородцкие, кои седѣли в городѣ Дѣмону, добили челом и предашяся на том, что их головами выпустити, а о ином ни о чем не стояти; а из города дали окупа сто рублев новогородцкую.

уже и земли своей, даже дороги к городу своему, из которого вышли, но блуждали по лесам, а как где-нибудь они выходили из леса, так хватали их ратники, а некоторые, израненные, блуждая в лесах, поумирали, а другие в воде утонули; которые же с коней не свалились, тех кони их принесли к городу, будто пьяных или сонных, но иные из них второпях и город свой проскакали, думая, что и город взят уже; ибо взволновались и заколебались, будто пьяные, и ума лишились. А воины великого князя гнали их двадцать верст, а потом возвратились в великой усталости.

Воеводы же князя великого, князь Даниил и Федор Давыдович, став на костях, дождались воинства своего и увидели воинов своих всех здоровыми, и благодарили бога, и пречистую его богоматерь, и всех святых. И стали воеводы говорить схваченным ими новгородцам: «Отчего вы с таким множеством воинов своих сразу бежали, увидев малое наше войско?» Те же ответили им: «Потому что мы видели вас бесконечное множество, идущих на нас, и не только идущих на нас, но еще и другие полки видели, в тыл нам зашедшие, знамена у них желтые и большие стяги и скипетры, и говор людской громкий, и топот конский страшный, и так ужас напал на нас, и страх объял нас, и поразил нас трепет». Было же это июля четырнадцатого в воскресенье рано, в день святого апостола Акилы.

Воины же князя великого и после боя того сражались часто по посадам новгородским вплоть до немецкой границы по реке Нарве, и большой город, называемый Новым Селом, захватили и сожгли. А воеводы великого князя, чуть отдохнув после боя того и дождавшись своих, послали к великому князю Замятню с той вестью, что помог им бог, рать новгородскую разбили. И тот примчался к великому князю в Яжелбицы того же месяца в восемнадцатый день, и была радость великая великому князю и братьям его, и всему войску их, ибо был тогда у великого князя и царевич Даньяр, и братья великого князя, благоверные князья Юрий, и Андрей, и Борис, и бояре их, и все войско их. И тогда дал обет князь великий поставить в Москве церковь памяти святого апостола Акилы, что и исполнил, а воеводы, князь Даниил и Федор, другую церковь, в честь Воскресения.

А в ту же пору был у великого князя из Новгорода от избранного архиепископа и от всего Новгорода Лука Клементьев за охранной грамотой; князь же великий дал им охранный лист и отпустил его из сел возле Демона; а князю Михаилу Андреевичу и сыну его князю Василию воеводы новгородские, которые были осаждены в городке Демоне, били челом и сдались с тем, что их живыми выпустят, а за другое что не держались; а с города дали выкупа сто рублей новгородских.

А от пьскович приде к великому князю в Ыгнатичи с Кузмою с Коробьиным посадникъ Никита с тѣмъ, что пьсковичи со всею землею своею вышли на его служьбу, своего осподаря, с воеводою князем Васильемъ Федоровичем, а идучи, начяшя новогородцкие мѣста грабити и жечи, и людие сѣчи, и, в хоромы запирая, жечи. Князь же велики послал к ним Савастьяна Кушелева да первого посла их Василья с ним с Полы с рѣки.

Мѣсяца того же въ 24 день, на память святых великомученик Бориса и Глѣба, прииде князь велики в Русу, и туто повелѣл казнити главною казнью новогородцких посадниковъ за их измѣну и за отступление: Дмитрея Исакова Борецького, да Василья Селезнева, да Ерѣмеа Сухощека, да Киприана Арзубьева; а иных многих посла на Москву да велѣл их вметати в тюрму, а мѣлких людей велѣлъ люди отпущати к Новугороду, а Василья Казимира, да Кузму Григориева, да Якова Федорова, да Матфѣя Селезенева, да Кузму Грузова, да Федота Базина велѣлъ отвести на Коломну да поковати их. А самъ поиде оттуду к Ильмерю озеру на усть Шелоны, и приде ту на мѣсто, зовомое Межуберегъ и Коростынь, въ 27 в суботу.

А в той же день был бой воеводам великого князя съ двиняны, Василью Федоровичю Образцу, а с ним устюжанеи и прочии вои, да Борису Слѣпцю, а с ним вятчане, а бой имъ был на Двинѣ *со* княземъ Васильемъ Шуйскимъ, а с ним заволочие всѣ *и* двиняне. Было же с ним рати 12 тысяч, а с великого князя воеводами было рати 4 тысячи без 30 человѣкъ. Бысть же бой им вышед ис суд *обои* пѣши, и начяша ся бити о третьемъ часѣ дне того, биша же ся и до *захожения* солнечнаго, и за руки емлющеся сѣчахуся, и знамя у двинянъ выбишя, а трех знаменщиковъ под нимъ убишя: убили бо первого, но и другой подхватилъ, и того убили, ино и третей взял, убивше же третьего, и знаме взяша. И тако двиняне възмятошяся, и уже к вечеру одолѣша полкы великого князя и избишя множество двинян и заволочян, а ини истопошя, а князь их ранен кинувся в лодку, убѣже на Колмогоры, многих же руками изнимаша, потомь же и градки их поимашя, и приведоша всю землю ту за великого князя. Убиша же тогда князя великаго рати 50 вятчянинов да устюжанина одного, да Борисова человѣка Слѣпцева Мигуна, а прочии вси богомъ сохранени быша.

О нареченем Феофилѣ и о новогородцех, како приидоша к великому князю бити челом. А в той же день на усть Шолоны в судѣх озером *Ильменем* нареченный Феофилъ с посадники и с тысяцкими и

А от псковичей пришел к великому князю в Игнатичи с Кузьмою с Коробьиным посадник Никита с тем, что псковичи всею землею своею вышли на его службу, своего государя, с воеводой князем Василием Федоровичем, и по дороге стали новгородские поселения грабить и жечь, и людей сечь, и, в дома запирая, жечь. Князь же великий послал к ним Севастьяна Кушелева да прежнего посла их Василия с ним от Полы-реки.

Месяца того же на двадцать четвертый день, на память святых великомучеников Бориса и Глеба, пришел князь великий в Руссу, и тут повелел казнить отсеченьем головы новгородских посадников за их измену и за отступничество: Дмитрия Исааковича Борецкого, да Василия Селезнева, да Еремея Сухощека, да Киприана Арзубьева; а иных многих сослал в Москву да велел их бросить в тюрьму, а незнатных людей велел отпускать в Новгород, а Василия Казимира, да Кузьму Григорьева, да Якова Федорова, да Матвея Селезнева, да Кузьму Грузова, да Федота Базина велел отвезти на Коломну да заковать их. А сам пошел оттуда на Ильмень-озеро к устью Шелони и пришел там на место, называемое Межбережье и Коростынь, двадцать седьмого в субботу.

И в тот же день был бой у воевод великого князя с двинянами, у Василия Федоровича Образца, а вместе с ним были устюжане и прочие воины, да у Бориса Слепца, а вместе с ним вятчане, бой у них был на Двине с князем Василием Шуйским, а с ним вместе были заволочане все и двиняне. Было же с ним рати двенадцать тысяч, а с воеводами великого князя было рати четыре тысячи без тридцати человек. И та и другая стороны бились на берегу, выйдя из лодок, и начали биться в третьем часу дня того, и бились до захода солнечного, и, за руки хватая, рубились, и знамя у двинян выбили, а трех знаменосцев под ним убили: убили первого, так другой подхватил, и того убили, так третий взял, убив же третьего, и знамя захватили. И тогда двиняне взволновались, и уже к вечеру одолели полки великого князя и перебили множество двинян и заволочан, а некоторые потонули, князь же их раненый бросился в лодку и бежал в Холмогоры; многих же в плен взяли, а потом и селения их захватили, и возвратили всю землю ту великому князю. Убили же тогда князя великого рати пятьдесят вятчан, да устюжанина одного, да человека Бориса Слепца, по имени Мигуна, а прочие все богом сохранены были.

О нареченном Феофиле и о новгородцах, как пришли они к великому князю бить челом. В тот же день пришли на устье Шелони в лодках озером Ильменем нареченный Феофил с посадниками, и с тысяцкими, и

съ житьими людьми *со* всѣх конецъ, и начяшя преже бити челом княземъ и бояромъ, и воеводам великого князя, чтобы печаловалися братьи великого князя, а они бы печаловалися брату своему великому князю, да и сами бы бояре печаловалися. Бояре же пришед с ними, бишя челом братьи великого князя, братья же великого князя, князь Юрьи, князь Андрѣй, князь Борис и князь Михайло Ондрѣевич съ сыномъ и бояре их биша за них челомъ великому князю. Князь же велики их дѣля пожаловал, велѣлъ тому нареченному черньцю Феофилу, и посадником, и тысячким, и прочим быти к себѣ на очи. Они же вшед к великому князю и начяша бити челом о своем преступлении и что руку противу его подняли, чтобы пожаловал осподарь, смиловался над ними, възвратил бы гнѣвъ свой не их ради челомъ битьа, но свое бо благосердие показал и согрѣшающимъ, не вѣлѣл бы боле того казнити, и грабити, и жещи, и плѣнити. Милосердовав же, князь великий показа к ним милость свою и прият челобитье их, утоли гнѣвъ свой, и в той часъ повелѣ престати жечи и плѣнити, плѣн, которой туто есть, отпустити, а которай отслан и отведенъ, и тѣх отдати.

А добиша челомъ великому князю 16 тысяч сребра новгородцкых рублевъ опрочѣ и братьи великого князя, и князей, и прочихъ: бояр, и воевод, и прочих всѣх, котори не *печаловалися* о них; а земля их вся пленѣна и пожжена, и до моря, не токмо бѣ тѣ, кои были с великим князем и з братьею *его*, но из всѣх земель их пѣшою ратью *ходил* на них, а псковская вся земля от себе их же воевали; не бывала на них такова война, как земля их стала.

О псковичех. А что послал *Севастьяна Кушелева* князь великий против псковичь, и тот срѣтил их за Порховымъ, а они идут от своего городка от Дубскова, *взялъ* из него 6 пушокъ, *к* Порхову. Савастьянъ же сказа имъ великого князя здравие да и побѣду на новгородци, а имъ велѣлъ князь великий борзѣе поити к Новугороду. Псковичи же ис-под Порхова отпустиша Савастьяна к великому князю, а с ним послы своя, Козму Сысоева да Стефана Афонасьева Винкова, а сами поидоша со всею силою своею к Новугороду. И не дошед Новагорода за 20 верстъ, стали у Спаса на Милцѣй, а Совостьянъ с тѣми послы с псковскими, с Кузмою да Стефаном, придоша к великому князю на усть Шолоны *иуля* въ 30 на заговѣние на Оспожинѣ, а князь Василей Феодорович Шуйской, воевода пьсковский, с посадники и прочими и с лутчими людми послѣ пословъ своих придоша к великому князю туто же, на усть Шолоны.

с житьими людьми от всех городских концов, и начали прежде бить челом князьям, и боярам, и воеводам великого князя, чтобы заступились перед братьями великого князя, а те бы заступились перед братом своим, великим князем, да и сами бы бояре заступились. Бояре же пошли вместе с ними и били челом братьям великого князя, братья же великого князя, князь Юрий, князь Андрей, князь Борис и князь Михайло Андреевич с сыном и бояре их били за них челом великому князю. Князь же великий ради них новгородцев пожаловал, велел тому нареченному чернецу Феофилу, и посадникам, и тысяцким, и прочим явиться пред его очи. Те же, войдя к великому князю, начали бить челом за свое преступление и за то, что руку против него подняли,— чтоб государь их пожалел, смилостивился над ними, прекратил бы гнев свой не ради их челобитья, но свою доброту показал бы к согрешающим, не велел бы больше казнить, и грабить, и жечь, и пленить. Смилостивившись, князь великий явил им милость свою и принял челобитье их, усмирил гнев свой, и тотчас повелел прекратить жечь и пленять их, и пленных, тут бывших, повелел отпустить, а каких уже отослал и увел,— и тех вернуть.

А били челом великому князю шестнадцатью тысячами серебром в новгородских рублях, кроме братьев великого князя и князей и прочих: бояр, и воевод, и всех остальных, которые ходатайствовали за них; а земля их вся пленена и сожжена до самого моря, ибо не только те были, которые с великим князем и с братьями его, но и со всех сторон пешею ратью ходили на них, и псковская вся земля от себя их завоевывала. Не бывало на них такого нашествия с тех пор, как и земля их стоит.

О псковичах. А что до того, что послал князь великий Севастьяна Кушелева навстречу псковичам, то тот встретил их за Порховом, а они идут от своего городка от Дубскова, захватив там шесть пушек, к Порхову. Севастьян сказал им о здоровье великого князя и о победе над новгородцами, а им велел князь великий быстрее идти к Новгороду. Псковичи же из-под Порхова отпустили Севастьяна к великому князю, а с ним и послов своих, Кузьму Сысоева да Степана Афанасьевича Винкова, а сами пошли всеми силами своими к Новгороду. И не дойдя до Новгорода двадцати верст, стали у храма Спаса на Милице. а Севастьян с теми послами псковскими, Кузьмой да Степаном, пришли к великому князю на устье Шелони июля тридцатого на пост Госпожин, а князь Василий Федорович Шуйский, воевода псковский, с посадниками и со знатными людьми остальными вслед за послами своими пришли к великому князю туда же, на устье Шелони.

И послѣ тѣх прихода стоял туто на единомъ мѣсте князь великий 11 день, упровляя новгородецъ, и пожаловал их, дасть имъ миръ на своей воле, как *сами* восхотѣ, а псковичемъ докончание взял с новогородци все выше перваго, как псковичи хотѣли. По том же князь великий дастъ новгородцемъ мир, и любовъ, и милосердие, и почтив нареченаго их Феофила и посадниковъ их, и тысяцкых, и прочих, котори с нимъ ходили, и отпусти их во свой им град. А за ними послалъ в Новъгород боярина своего Феодора Давыдовича привести Великий Новъгород весь к цѣлованию от мала даже и до велика и сребро на них имати; они же шед в Новъгород, сотвориша, яко же повѣлѣно бысть имъ.

А князь великий Иван Васильевичь володимерский и новгородцкий, всея Руси самодержецъ, возвратися оттуду к Москвѣ с побѣдою великою мѣсяца августа 13; тако же и вся братья его, и князи, и воеводы, и вся воя их и со многою корыстью.

А того же лѣта князь великий, ида к Новугороду, послал в Поле Никиту Беклемишева искати царевича Муртазы, Мостофина сына, звати его к себѣ служити. Никита же наѣде его в Поле и перезва его к великому князю, и прииде с ним къ сыну великого князя на Москву наперед прихода великого князя из Новагорода.

А того же лѣта вятчане, шед суды Волгою на *низъ,* взяша Сарай и много товара взяша и плѣнъ много поимаша. Слышавше же си татари Болшие Орды, понеже близъ ту начевали за єдинъ день, и тако многое их множество поидоша переимати их, и поимавше суды, и всю Волгу заступиша суды своими, хотяще их перебити. Они же єдинако пробишася сквозѣ их и удоша со всѣм. А под Казанью тако же хотѣша приняти их, и тамо поидоша мимо тѣх со всѣм в землю свою.

О великого князя приходе, как прииде из Новагорода на Москву. Лѣта 6980 мѣсяца сентебря въ 1 день, в началѣ индикта, еже есть новое лѣто, на память преподобнаго Семиона Столпника прииде князь великий в отчину свою, въ славный град Москву, побѣдивъ супостаты своя, казни противящихся ему, и не *хотящихъ* повинутися привед во всю волю свою, и многу корысть и славу приобрѣте.

И срѣте его Филиппъ митрополитъ со кресты близ церкве, толико с мосту з болшего сшед каменаго да клядязя площаднаго со всѣмъ освященым соборомъ. А народ московстий и многое их множество далече за градом стрѣчали его: ини за 7 верстъ пѣши, а инии ближе, малии и велици, славнии, неславнии,

И после прихода всех тех стоял тут на одном месте князь великий одиннадцать дней, разбирая дела новгородские, и ножаловал их, дал им мир по их желанию, как сами захотели, а псковичам договор заключил с новгородцами лучше прежнего, как псковичи хотели. После этого князь великий дал новгородцам мир, и любовь, и милость и, почтив нареченного ими Феофила и посадников их, и тысяцких, и прочих всех, которые с ним приходили, отпустил их в их город. А с ними послал в Новгород боярина своего Федора Давыдовича, чтобы привел весь Великий Новгород к крестному целованью, от мала и до велика, и серебро с них взял; те же пошли в Новгород и совершили все, что велено было им.

А Иван Васильевич, князь великий владимирский и новгородский, всей Руси самодержец, возвратился оттуда в Москву с победой великой месяца августа тринадцатого; также и все братья его, и князья, и воеводы, и все воины их с большой добычей.

Тем же годом князь великий, идя к Новгороду, послал в Поле Никиту Беклемишева искать царевича Муртазу, Мустафина сына, чтобы позвать его к себе на службу. Никита встретил его в Поле, и переманил на службу к великому князю, и пришел с ним к сыну великого князя в Москву еще до возвращения великого князя из Новгорода.

Тем же годом вятчане, идя судами вниз по Волге, взяли Сарай, и много товару награбили, и полон большой захватили. Прослышав о том, татары из Большой Орды, что кочевали оттуда за день пути, во множестве множеств пошли на перехват, и завладели судами, всю Волгу перегородили ими, желая вятчан перебить. Но только те пробились сквозь силу татарскую и ушли от них со всей добычей. И под Казанью хотели также их перехватить, но и там прошли они мимо застав с добычею всей в землю свою.

О великого князя возвращении, как пришел из Новгорода в Москву. В год 6980 (1471) месяца сентября в первый день, в начале индикта, то есть в начале нового года, на праздник преподобного Семиона Столпника, пришел князь великий в отчину свою, в славный град Москву, победив противников своих, казнив противящихся ему и не желавших повиноваться приведя под власть свою, и многую добычу и славу приобретя.

И встретил его Филипп-митрополит с крестами близ церкви, лишь с моста чуть сойдя с большого, с каменного, до колодца на площади, со всем освященным собором. А люди московские, многое множество их, далеко за городом встречали его, иные — пройдя навстречу семь верст пешком, а другие поближе, от мала и до велика, знатные, незнатные,

безчисленое их множество. А сынъ его, *князь* великий Иванъ, и брат его, князь Андрѣй Меньший, и князи его, и дѣти боярские, и бояре, и гости, и купци, и лучшие люди срѣтоша его наканунѣ Семеня дни, идѣ же бѣ ему ночевати. Велья же бысть радость тогода въ градѣ Москвѣ.

О ноугородцех, како истопоша на озере Илмени. Того же лѣта мѣсяца сентебря 2 день поидоша из Новагорода из осады многое множество людей и з женами, и з дѣтми по езеру в великих учанехъ, кииждо их по своим мѣстомъ. Глаголют бо, яко было суд тѣх великих 100 и 80, а по 50 человекъ в суднѣ и поболѣ. Яко бывшимъ им в пучинѣ озера того, и дохнувшу на них вѣтру велию и напрасну, и потопи всѣ суды оны, ни едино же от нихъ не избысть, и вся люди, тавар их истопе.

Тое же осени к королю пришелъ изо Орды Икирѣй со царевым послом, а король в ту пору заратился со иным королем, со угорским.

Тое же осени мѣсяца того же сентебря 10 прииде из Венеции Онтон Фрязинъ, а с ним пришел посол к великому князю из Венецѣи от дюки венецѣйского Ениколы Трона *Иван именем, Тривизан прозвище, а посланъ* к великому князю от того дюки и от всѣх земль сущих под нимъ бити челом, чтобы пожаловал князь великий, велѣл того *Тривизана* приводити до царя Ахмута Болшие Орды, а послал к нему со многими поминки и з челобитьем, чтобы пожаловал, шел имъ на помочь на турского салтана къ Царюграду. Тот же *Тривизан* пришед на Москву, и первое прииде къ Ивану Фрязину, к *денежнику* московскому, понеже бо той Иван Фрязин Волпъ тамошние земли *рожение* и знаем тамо, и зказа ему вся та, о чемъ пришел на Москву, а у великого князя еще не былъ. Фрязин же, нашъ денежникъ, не велѣл тому Тривизану о томъ бити челом великому князю, глаголя ему: «О *сем* ти ему бити челом, великому князю, да поминки великие подавати? А могу то яз здѣлати опроч великого князя и до царя допровожю тя». А к великому князю пришел Фрязин с тѣмъ Тривизаномъ, назвалъ его князьком венецийскимъ, а к сабѣ племенником, а рекши, пришел до него своим дѣлом да и гостьбою, да то у великого князя утаили.

А Онтон тогды от папы от Павла привезлъ листы к великому князю таковы, что послом великого князя волно ходити до Рима по всей земли Латинской и Немецкой, *и* Фрязкой, и по всѣм тѣм землям, котории земли под его папежство присагают, даже и до скончания вѣка; а по царевну бы по Софию, аморейскаго царя по Фомину дщерь, посылал.

бесчисленное множество. А сын его, князь великий Иван, и брат его, князь Андрей Меньшой, и князья его, и дети боярские, и бояре, и заморские гости, и купцы, и знатные люди встретили его в канун Семенова дня на месте его ночлега. Великая же радость была тогда в граде Москве.

О новгородцах, как потонули на озере Ильмене. Тем же годом сентября во второй день пошли из Новгорода из осады многие люди, с женами и с детьми, по озеру в больших лодках, каждый из них в своей лодке и на своем месте. И говорят, будто было судов тех огромных сто и восемьдесят, и по пятьдесят человек в каждом, а то и больше. И как вышли они на открытый простор, налетел на них ветер страшный стремительно, и потопил все суда те, ни одно из них не спаслось; и все люди, и все имущество их утонуло.

Той же осенью к королю пришел из Орды Кирей с царским послом, а король в ту пору воевал с другим королем, с венгерским.

Той же осенью, того же сентября месяца в десятый день, пришел из Венеции Антон Фрязин, а с ним пришел и посол к великому князю из Венеции, от дожа венецианского Николая Трона, по имени Иван, а по прозвищу Тривизан; и послан был к великому князю от того дожа и от всех земель, бывших под ним, бить челом, чтобы разрешил князь великий того Тривизана проводить к царю Большой Орды Ахмату, ибо послан к нему с большими дарами и с челобитьем, чтобы помог, пошел бы им в помощь на турецкого султана в Царьграде. И тот Тривизан, прийдя в Москву, первым делом пошел к Ивану к Фрязину, московскому монетному мастеру, так как тот Иван Фрязин Вольп той же земли по рождению и в ней известен, и сказал ему все то, зачем пришел в Москву, но что у великого князя еще не был. Фрязин же, наш монетчик, не советовал тому Тривизану бить на том челом великому князю, говоря ему: «Зачем бить тебе челом великому князю да подарки большие дарить? Лучше сам я то сделаю помимо великого князя и к царю провожу тебя». И Фрязин, прийдя к великому князю с тем Тривизаном, назвал его князьком венецианским и своим племянником и добавил, что прибыл к нему по своим делам да погостить, а все остальное от великого князя утаили.

Антон же тогда от папы от Павла привез письма к великому князю таковы, что послам великого князя вольно ходить до самого Рима по всей земле латинской, и немецкой, и фряжской, и по всем тем землям, которые под его папской властью находятся, и так до скончания века; а за царевной за Софьей, дочерью Морейского царя Фомы, посылал бы послов.

Тоя же осени Филипъ митрополит повелѣ готовити камение здати церковь святыя Богородица.

О пермьском епископѣ Филофѣе. Тое же осени мѣсяца ноября въ 8 поставленъ бысть *Перми* епископъ, *Филофѣй* именемъ, митрополитом Филиппомъ.

О ноугородцкомъ владыцѣ. Того же мѣсяца въ 30 прииде на Москву ставитися на архиепископью Новагорода Великого нареченый их Феофилъ, а с ним посадници пришли Александръ Сапсонович да Лука Феодорович. Тое же осени декабря въ 8 поставленъ Рязани епископъ Феодосий, архимандрит чюдовский, митрополитом Филипомъ, а были на поставлении его архиепископъ ростовский Васьян, суздалский епископъ Евфимей, коломенский Горонтей, сарский Прохор, пермский Филофѣй.

О новогородцком архиепископѣ Феофиле, како поставлен бысть. Вѣ 15 того же мѣсяца, в неделю, поставлен бысть Новугороду на архиепископью нареченной *их* Феофил преосвященым митрополитом Филипом всея Русии, а были на поставлении его вси прежереченнии епископи рустии и архимандрити, и протопопи, игумени честни и весь освященый соборъ славнаго града Москвы. По поставлении же своем билъ челом великому князю от себе *и* от всего Великого Новагорода с посадники и с тысячьскими, и со всѣми с тѣми, котории пришли с ним, о плѣненых, о Казимирѣ и о прочих товарищех его. Князь же велики приятъ челобитие их и тѣх всѣх отпусти с честию, а было их на Москвѣ 30. Самого же архиепископа *отпусти* того же месяця въ 23. Тоя же зимы повезоша камень на Москву на создание церкви святыя Богородици,

Той же осенью Филипп-митрополит повелел готовить камение, чтобы построить церковь святой Богородицы.

О пермском епископе Филофее. Той же осени месяца ноября в восьмой день поставлен был митрополитом Филиппом в Пермь епископ, по имени Филофей.

О новгородском владыке. Того же месяца в тридцатый день пришел в Москву ставиться на архиепископию Новгорода Великого избранный новгородцами Феофил, а с ним посадники пришли Александр Самсонович да Лука Федорович. В ту же осень декабря в восьмой день поставлен митрополитом Филиппом в Рязань епископ Феодосий, архимандрит чудовский, а были при поставлении его архиепископ ростовский Вассиан, суздальский епископ Евфимий, коломенский — Геронтий, сарский — Прохор, пермский — Филофей.

О новгородском архиепископе Феофиле, как поставлен был. Пятнадцатого дня того же месяца, в воскресенье, поставлен был преосвященным митрополитом всея Руси в Новгород на архиепископство избранный ими Феофил, и были на поставлении его все вышеуказанные епископы русские, и архимандриты, и протопопы, и игумены честные, и весь освященный собор славного града Москвы. После же своего поставления бил челом великому князю от себя и от всего Великого Новгорода с посадниками, и с тысяцкими, и со всеми теми, что пришли с ним, о пленных, о Казимире и о других товарищах его. Князь же великий принял их челобитье и всех отпустил с честью, а было их всех в Москве тридцать. Самого же архиепископа отпустил того же месяца в двадцать третий день. В ту же зиму повезли камень в Москву на строительство церкви святой Богородицы.

НОВГОРОДСКАЯ ПОВЕСТЬ О ПОХОДЕ ИВАНА III ВАСИЛЬЕВИЧА НА НОВГОРОД

В лѣто 6979 *вверже* князь великий Иванъ Васильевич нелюбие на Великий Новъгород, нача рать свою копити и нача посылати на новъгородцкиа волости. И взяша преже Русу и святыя церкви пожгоша, и всю Русу выжгоша, и поидоша на Шалону воюючи; а псковичи по князѣ пособляюще, и много зла новгородцьким волостем учиниша.

И новгородци изыдоша противу себе на Шалону, а к Русѣ послаша новгородци судовую рать, и пѣши бишися много, и побиша москвич много; и пѣшей рати паде много, а иныи разбѣгошася, а иных москвичи поимаша; а коневаа рать не пошла к пѣшей рати на срок в пособие, занеже владычнь стягъ не хотяху ударитися на княжю рать, глаголюще: «Владыка нам не велѣл на великого князя руки подынути, послалъ нас владыка на пьскович». И начаша новгородци вопити на больших людей, которыи приехали ратью на Шолону: «Ударимся нынѣ», кождо глаголюще: «Язъ человѣкъ молодый, испротеряхся конемъ и доспѣхом».

Моськвичамь же до понедѣлника отлагающим, бяше бо недиля.

И начаша ся бити, и погнаша новгородци москвичь за Шолону рѣку, и ударишася на новгородцевъ западнаа рать татарове, и паде новгородцевъ много, а иныи побѣгоша, а иных поимаша, а иных в полонъ поведоша, и много зла учиниша; а все то створися до великого князя. И послаша новгородци посла в Литву, чтобы король всѣл на конь за Новъгород. И посол ездил кривымъ путем в немци до князя немецкого, до *местера,* и възвратися в Новъгород, глаголюще, яко: «*Местеръ* не дасть пути чрес свою землю в Литву ѣхать».

НОВГОРОДСКАЯ ПОВЕСТЬ О ПОХОДЕ ИВАНА III ВАСИЛЬЕВИЧА НА НОВГОРОД

В год 6979 (1471) впал князь великий Иван Васильевич во гнев на Великий Новгород, начал войско свое собирать и стал посылать на новгородские земли. И взяли сначала Старую Руссу и святые церкви пожгли, и всю Старую Руссу выжгли, и пошли на Шелонь, воюя; псковичи же князю помогали и много зла новгородским землям нанесли.

И новгородцы вышли навстречу им на Шелонь, а к Старой Руссе послали новгородцы рекою войско и в пешем строю бились долго и побили много москвичей; но и пешего войска новгородцев полегло много, а иные разбежались, а других москвичи схватили; а конное войско не подошло к пешему войску на помощь вовремя, потому что отряды архиепископа не желали сразиться с княжеским войском, говоря: «Владыка нам не велел на великого князя руки поднять, послал нас владыка против псковичей». И стали новгородцы кричать знатным людям, которые прибыли с войском к Шелони: «Сразимся сейчас», но каждый говорил: «Я человек небольшой, подрастратился конем и оружием».

Москвичи же до понедельника отложили бой, ибо было воскресенье.

И начали они биться, и погнали новгородцы москвичей за Шелонь-реку, но ударил на новгородцев засадный татарский полк, и погибло новгородцев много, а иные побежали, а других похватали, а прочих в плен увели и много зла причинили; и все то случилось до приезда великого князя. И отправили новгородцы посла в Литву, чтобы король выступил в бой за Новгород. И посол ездил окольным путем к немцам, к князю немецкому, к магистру, и возвратился в Новгород, говоря: «Магистр не позволит пройти через землю свою в Литву».

И по малѣ времени прииде князь великий Иван Васильевич со всѣми силами на Русу, и болши зла учинишася. И бысть в Новѣгороди молва велика, и мятеж мног, и многа лжа неприазнена, сторожа многа по граду и по каменным кострам на переменах день и нощь. И раздѣлишася людие: инѣи хотяху за князя, а инии за короля за литовьского. И увѣдавъ, князь великий больма разгнѣвася и посѣче 4 боярина: посадника новгородцкаго Дмитрия Исаковича, *Василья Ивановича,* Киприана Сергиевича, Еремиа, владычня чашника,— полоняным глаголюще, яко: «Вы за короля задаватися хотѣсте»; а иных с собою поведе на Москву.

И пожгоша новгородци вси посады около Новагорода, и въ *Звѣринцах* церковь новаа святый Семионъ огорѣ, и Онтоновъ манастырь, и Полянку всю, и Юрьев манастырь, и Городище все, и Рожественый манастырь и церковь огори. И много бысть новгородцемь пагубы: и хлѣбъ дорог, и не бысть ржи на торгу в то время, ни хлѣба, толко пшеничный хлѣб, и того по оскуду. И бысть на лутьшии люди молва, яко тѣ приведоша великого князя на Новогород, а то богъ сердцевидець и суди им, зачинающим рать и обидящим нас.

В то же время князь великий Иван Васильевич посла рать свою за Волок, и князь Василей Васильевич и воевода заволоцкий Василей Микифорович изыдоша противу с своею ратью и съ заволочаны и с печеряны. И съступившимся имъ на ратный бой, и паде многое множество с обѣ половинѣ, а двинянѣ не тягнуша по князѣ по Васильи Васильевичѣ и по воеводѣ по Васильи по Микифоровичѣ, и шестники измогоша, и заволочанъ посѣкоша, и двинянъ иссѣкоша. А князя Василья Васильевича и воеводу Василья Микифоровича богъ ублюде, и приехаша в Новъгород в малѣ дружинѣ, а князю великому хотящю ити к Новугороду.

И езди нареченый владыка Феофил с посадники новгородцкими и с житьими людми на Коростынѣ и докончал мирѣ съ княземъ великим; и даша князю великому Ивану Васильевичю новгородци полшестѣнацать тысячи рублев, и целоваша новгородци крестъ князю великому, што за короля новгородцемь не задаватися и очицевъ из Литвы не приимать; а все то богу попущающу грѣх ради наших.

А перевѣтника Упадыша новгородци казниша, занеже перевѣт держалъ на Новъгород и хотѣл зла Великому Новугороду с своими единомысленики: 5 пушокъ желѣзом заколачивал, оттого мзду взем от злоначалнаго бѣса, и оттого в напасти и в поползение пагубное свѣта лишающася, якоже Павел рече: «Хощет и богатитися, впадают во зло». Како не вострепета, зло мысля на Великий Новъгород, не сытый лукавъства?

И немного спустя пришел князь великий Иван Васильевич со всеми силами на Руссу, и больше того зла причинили. И поднялась в Новгороде смута великая, и смятенье большое, и многие слухи враждебные, и стали дежурить на стенах города и в каменных башнях по очереди денно и нощно. И разделились жители: иные желали за князя, а иные за короля за литовского. И узнав то, князь великий страшно разгневался и казнил четырех бояр: посадника новгородского Дмитрия Исааковича, Василия Ивановича, Киприана Сергеевича, Иеремию, архиепископского чашника,— пленным говоря: «Вы королю предаться хотели»; а иных с собой повел в Москву.

И спалили новгородцы все посады вокруг Новгорода, а в Звеpинце церковь новая святого Симеона погорела, и Антониев монастырь, и Полянка вся, и Юрьев монастырь, и Городище все, и Рождественский монастырь с церковью сгорел. И многие беды обрушились на новгородцев: и хлеб вздорожал, и не было ржи в продаже в то время, ни ржаного хлеба, только пшеничный, да и того скудно. И поднялся на знатных людей ропот, будто те привели великого князя на Новгород, за то бог-сердцеведец им судья, зачинающим рать и обижающим нас.

В то же время князь великий Иван Васильевич послал войско свое за Волок, и князь Василий Васильевич и воевода заволоцкий Василий Никифорович вышли навстречу со своим войском и с жителями Заволочья и Печеры. И сошлись они в ратном бою, и пало многое множество с обеих сторон, а двиняне не пошли за князем за Василием Васильевичем и за воеводой за Василием за Никифоровичем, и ополченье выбилось из сил, и заволоцких порубили, и двинян порубили тоже. А князя Василия Васильевича и воеводу Василия Никифоровича бог сохранил, и прибыли в Новгород с небольшой дружиной, а князь великий хотел пойти на Новгород.

И поехал избранный на владычество архиепископ Феофил с посадниками новгородскими и с житьими людьми на Коростынь и заключил мир с князем великим; и дали князю великому Ивану Васильевичу новгородцы пятнадцать с половиною тысяч рублей, и целовали новгородцы крест князю великому в том, что королю новгородцам не предаваться и князей из Литвы не принимать; а все то случилось божьим попущением за наши грехи.

А изменника Упадыша новгородцы казнили, потому что изменил Новгороду и хотел зла Великому Новгороду со своими единомышленниками: пять пушек железом забил, за что, награду приняв от искусителя-беса, в напасть впал и в заблуждение пагубное, света лишаясь, как Павел сказал: «Желающие обогатиться впадают во зло». Как не вострепетал, замышляя зло на Великий Новгород, ты, исполненный коварства?

На мьзды ли предаеши врагом Новъгород, о Упадыщче, сладкаго брашна *вкусивъ* в Великом Новѣградѣ? О, колика блага не памятивъ, недостаточное ума достиглъ еси! Оле бѣда, рещи, и безаконное поумѣние тогда обрѣте лукаво зломыслие и кознь нечтивую, не язвами уязвити кого, но вся яже во гради погубити *и зборицу лукавому* предати, якоже тогда ратоборющимся. И злочтивому злочтива пагуба. Уне бы ти, Упадыше, аще не был бы во утробѣ матерьни, не бы былъ нареченъ предатель Новуграду. Но не возможе свершениа положити своему хотѣнию, ни восхотѣ благословениа, но возлюби клятву, прииде ему; и крестьяньстѣй вѣрѣ не гиблющи, якоже козни тоя неподобные и не успѣшное *злоимьство,* но богъ за милосердие щедрот, человѣколюбное долготрьпѣние и незлобивое его око како не презрит, и не оставляет благый богъ нашь, не даст нас во уловление сѣти их и в помнение нечестивых. Клятвы убоявшееся, братие, плоды покааниа принесем.

Но ты, милостивый Спасе, простри руку свою невидимую, изведи нас от всякого зла и буди нам смиренъ помощник в день печали нашия, егда вострепещет душа наша, видящи противныя силы. Но ты, милостивый господи, посли нам от вышняго честнаго престола твоего помощь и оружие непобѣдимое, честный крестъ, молитвами святыя богородица и всѣх святых. Христос зачало спасению, конець пагубѣ.

Ради мзды предаешь врагам Новгород, о Упадыш, сладкой жизни вкусив в Великом Новгороде! О, столько добра не вспомнив, немногого умом достиг ты! О беда, сказать, и беззаконная власть тогда обрела коварное зломыслие и обман нечестивый, не ранами поразить кого-то, но всех в городе погубить и сонму лукавых предать, с которыми тогда сражались. И злочестивому злосчастная гибель. Лучше бы тебе, Упадыш, не бывать в утробе материнской, и не был бы ты назван предателем Новгорода. Но не смог ни достичь свершения своих желаний, ни благословения не захотел, но предпочел проклятье и получил его; а христианская вера не гибнет, как погибли обманы те непотребные и безуспешное злодейство; бог по милосердию щедрот своих человеколюбивое долготерпение и незлобивое око от нас не отвратит,— и не оставит благой бог наш, не предаст нас в сети их и в помышление нечестивых. Проклятия устрашась, братья, плоды покаяния принесем.

Ты же, милостивый Спас, простри руку свою невидимую, отведи нас от всякого зла и будь нам мирным помощником в день печали нашей, когда вострепещет душа наша, видя враждебные силы. Ты же, милостивый господь, пошли нам от вышнего честного престола твоего помощь и оружие непобедимое, святой крест, молитвами святой богородицы и всех святых. Христос начало спасению, конец заблужденьям.

СЕВЕРНОРУССКИЙ ЛЕТОПИСНЫЙ СВОД 1472 ГОДА

В лѣто 6933. Преставися благовѣрный и христолюбивый князь велики Василей Дмитреевичь всея Руси мѣсяца февраля 27 по сборѣ въ вторник в 3 часа нощи.

Митрополитъ Фотѣй сь тоя же нощы посла по брата его Юрьа въ Звенигородъ Окинфа, онъ же, не ида на Москву, иде к Галичу, а на великомъ княжении сѣде Василей Васильевичь. И князь Юрьи взя перемирие до Петрова дни с нимъ.

Того же лѣта преставися князь велики Иван Михайловичь Тверской.

В лѣто 6934. На лѣто ходил Витовтъ ко Пьскову, а был под Опочками да под Вороночем.

В лѣто 6935. Моръ ⟨...⟩ великъ.

В лѣто 6936 Витофтъ ходилъ къ Новугороду и стоялъ у Порхова; они же добиша ему челомъ 5000 рублевъ, владыка зъ бояры новогородьскыми 5000 рублевъ другую даша ему, а за полонъ дастъ владыка свою тысячю рублевъ.

Тое же зимы мѣсяца ноября 17 преставися преподобный игумен Никонъ, чюдный старець в 5 час дни.

В лѣто 6937. Приходиша татарове к Галичю и града не взяша, а волости повоеваша, а на Крещение приидоша изгономъ на Кострому, и поплѣнише ю, и отъидоша на Низ Волгою. Князь же великы Василей, то слышавъ, посла за ними дядь своихъ, князя Андрѣя и Костянтина, и с ними Ивана Дмитреевича; они же до Нижнего Новагорода ходивъ, и не угонпша ихъ, и възвратишася.

В лѣто 6938. Въ Смоленьсце явися волкъ голъ, безъ шерьсти, и много людей ѣлъ, а в Троцехъ озеро стояло семь дней кроваво. Того же лѣта Витофтъ умре, бывъ на великомъ княжении 38 лѣт. И сѣде по немъ Швитригайло.

СЕВЕРНОРУССКИЙ ЛЕТОПИСНЫЙ СВОД 1472 ГОДА

В год 6933 (1425). Скончался благоверный и христолюбивый князь великий всея Руси Василий Дмитриевич двадцать седьмого февраля во вторник в три часа ночи.

В ту же ночь митрополит Фотий в Звенигород Иоакинфа послал за братом князя Юрием, но тот, не заходя в Москву, направился к Галичу, а на великое княжение сел Василий Васильевич. И князь Юрий заключил перемирие с ним до Петрова дня.

В тот же год скончался и князь великий Иван Михайлович Тверской.

В год 6934 (1426). Летом ходил Витовт на Псков, был под Опочкой да под Вороначем.

В год 6935 (1427). Моровое поветрие ⟨...⟩ страшное.

В год 6936 (1428). Витовт ходил на Новгород и стоял у Порхова, но жители откупились от него пятью тысячами рублей, да архиепископ новгородский с боярами еще пять тысяч рублей дали ему, а на выкуп пленных дал архиепископ от себя тысячу рублей.

В ту же зиму месяца ноября в семнадцатый день скончался преподобный игумен Никон, чудный старец, в пятом часу дня.

В год 6937 (1429). Приходили татары к Галичу и города не взяли, но волости пограбили, а на Крещение напали изгоном на Кострому и, взяв ее, ушли в низовья Волги. Князь же великий Василий, о том прослышав, послал за ними дядей своих, князей Андрея и Константина, и с ними Ивана Дмитриевича; те же, до Нижнего Новгорода дойдя, не догнали их и возвратились.

В год 6938 (1430). В Смоленске объявился волк голый, без шерсти, и многих людей поел, а на Троках озеро стояло семь дней кровавым. И в год тот Витовт умер, пробыв на великом княжении тридцать восемь лет. А сел на княженье после него

А князь Юрьи разверже миръ съ великымъ княземъ и, оставя Галичь, сѣде, шедъ, в Нижнемъ Новѣгородѣ; и князь великы посла на него рать с дядею своимъ, княземъ Костянтиномъ. Онъ же то слыша, и отъиде за Суру, и ста на брезе, и князь Костяньтинъ, стоявъ противу, възвратися, *зане* не бяше, какъ преити на нь. И князь Юрьи по отшествии ихъ паки прииде в Новъгородъ. Того же лѣта Айдаръ повоевалъ землю Литовьскую, и градъ взя Мченескъ, и Григорья Протасьева поимал, а Киева не доиде за 80 верстъ, воюя.

В лѣто 6939. Князь великы Василей посылалъ князя Феодора Давидовича Пестрого на Болгары, и, шедъ, взя ихъ. Въ то же лѣто знамение бысть на небеси: столпы огнены. Тогда же засуха велика была, земля и болота горѣл*и*, мъгла же стояла 6 недѣль, яко и солнца не видети, и рыбы въ водѣ мерли. Того же лѣта Фотѣй митрополитъ преставися. Князь великы въ Орду поиде, и князь Юрьи после поиде, и дастъ царь Махметъ великое княжение Василью Васильевичу.

В лѣто 6940. Преставися князь Андрѣй Дмитреевичь. И князь велики вышолъ и сѣде на великомъ княжении. И князь Юрьи иде въ свой Звенигородъ, а придалъ ему царь Дмитровъ.

В лѣто 6941. Женися князь великы Василей Васильевичь, февраля 8, и на той свадбѣ Захарья Ивановичь Кошкынъ имался за поясъ у князя Василья у Юрьевича у Косого, и князи и бояре разъѣхашася по домом. И князь Василей да князь Дмитрей Шемяка совокупяся, и поидоша къ отцю своему въ Галич. Тое же весны князь Юрьи Дмитреевичь съ дѣтми, Иванъ Дмитреевичь с ним, совокупя силу многу, и приидоша к Москве безвѣстно на великого князя, канунъ Мироносицам, в суботу, апрѣля 5, на Клязму, за 20 верстъ. Князь же великы выиде противу ихъ не во мнозе и, побився мало, и побеже къ Москве ⟨...⟩. И взявъ матерь и княгиню свою, и поиде къ Тфери, а со Тфери иде на Кострому. Князь же Юрьи сѣдъ на Москвѣ, и посла дѣтей своихъ, Василья да Дмитрея, за великымъ князем, и сказаша его на Костромѣ; онъ же и самъ поиде за нимъ и прииде х Костромѣ; и доби челомъ князь великы дяде своему, князю Юрью, и дастъ ему Коломну городъ въ удѣлъ, а миръ свелъ Семенъ Ивановичь Морозовъ, любовникъ княжь Юрьевъ. Москвичи же вси, князи и бояре, и воеводы, и дѣти боярьские, и дворяне, от мала и до велика,— вси поѣхали на Коломну к великому князю, не повыкли бо служити удѣлнымъ княземъ, и Иванъ Дмитриеевичь с дѣтьми. Видѣвше же се князь Василей да Шемяка, и убиша Семена Морозова, боярина отца своего, в набережныхъ

Свидригайло. Князь же Юрий расторг мир с великим князем и, Галич оставя, захватил, пойдя, Нижний Новгород; и князь великий послал на него войско с дядею своим, князем Константином. Тот же, это прослышав, ушел за Суру и стал на берегу, а князь Константин, постояв на другом берегу, возвратился, так как не знал, как настичь его. Князь же Юрий после отхода их снова вернулся в Новгород. В тот же год Айдар разорил землю литовскую, и город взял Мценск, и Григория Протасьева захватил, а Киева не достиг лишь на восемьдесят верст, продвигаясь вперед.

В год 6939 (1431). Князь великий Василий посылал князя Федора Давыдовича Пестрого на Болгары, и, отправясь, тот взял этот город. В тот же год предзнаменование было на небе: столбы огненные. Тогда же засуха большая была, земля и болота горели, мгла же стояла шесть недель, так что и солнца не видно, и рыба в воде дохла. В тот же год Фотий-митрополит скончался. Князь великий в Орду пошел, и князь Юрий за ним пошел, и дал царь Магомет великое княжение Василию Васильевичу.

В год 6940 (1432). Скончался князь Андрей Дмитриевич. И князь великий вернулся из Орды и сел на великом княжении. Князь же Юрий пошел в свой Звенигород, и добавил ему царь Дмитров.

В год 6941 (1433). Женился князь великий Василий Васильевич, 8 февраля, и на той свадьбе Захарий Иванович Кошкин тягался из-за пояса с Василием Юрьевичем Косым, а князь да бояре разъехались по домам. И князь Василий Косой да князь Дмитрий Шемяка, соединясь, отправились к отцу своему в Галич. В ту же весну князь Юрий Дмитриевич с сыновьями и с ним Иван Дмитриевич, собрав силы многие, пришли к Москве неожиданно на великого князя, в канун праздника Жен Мироносиц, в субботу 5 апреля, за двадцать верст от Москвы на Клязьму. Князь же великий вышел на них с небольшой силой и после короткого боя бежал в Москву ⟨...⟩. Князь же, взяв мать и жену свою, пошел в Тверь, а из Твери пошел в Кострому. Князь же Юрий, сев на княженье в Москве, послал сыновей своих, Василия да Дмитрия, за великим князем, и узнали те, что он в Костроме; тогда и сам князь Юрий пошел к нему и пришел в Кострому; и бил челом князь великий дяде своему, князю Юрию, и дал тот ему Коломну-город в удел, а мира добился Семен Морозов, любимец Юрия-князя. Москвичи же все: князья, и бояре, и воеводы, и дети боярские, и дворяне, от мала и до велика,— все поехали в Коломну к великому князю, ибо не привыкли удельным князьям служить, и Иван Дмитриевич с сыновьями тоже. Увидев все это, князь Василий да Шемяка убили Семена Морозова, боярина отца своего, в дворцовых

сѣнехъ, рекуще: «Ты учинилъ ту беду отцю нашему и намъ. Издавна еси коромолникъ, а нашь лиходѣй, не дашь намъ у отца нашего жити». И въструбивше, поѣхаша с Москвы и поидоша на Кострому. Князь же Юрьи видѣвъ, яко непрочно ему седѣние на великомъ княжении, и посла къ великому князю, да идетъ на свой стол, а самъ иде въ свой градъ в Рузу, а князь великы прииде с Коломъны на Москву и помирися со княземъ Юрьемъ, и докончалные поимали на том и крестъ целовали, что великому князю въ его отчину не въступатися, а князю Юрью княжения не хотѣти, ни дѣтей своихъ приимати, ни помочи имъ не дати на великого князя. И, умирився, князь Юрьи поиде въ Галич, а князь великы князя Юрья Патрекѣевича посла воеводою на Юрьевичи со всѣмъ своимъ дворомъ. Они же отступиша съ Костромы и сташа на Куси, а в то время приспѣша къ нимъ вятчане, и от отца прииде имъ помочь, и бысть имъ бой, и одолѣша Юрьевичи, и воеводу, князя Юрья Патрекѣевича, яли, и приидоша опять на Кострому и, какъ Волга стала, и ни пошли к Турдѣевымъ врагомъ ⟨...⟩.

В лѣто 6942. Князь великы, слышавъ измѣну дяди своего князя Юрья, что дѣтемъ своимъ помочь посылалъ на великого князя заставу, и поиде князь великы Галича воевати на зимѣ той, а князь Юрьи побеже на Бѣлоозеро; князь великы Галичь повоевалъ и пожеглъ, и в полонъ повелъ. Тое же зимы князь Юрьи посла по дѣти и по вятчан и, собравъ силу велику, поиде на великого князя; и срѣте его князь великы въ Ростовьской области, у Николы на горѣ, и бысть имъ бой в суботу Лазареву. И побѣди князь Юрьи, а войска его побили много, и прииде к Москвѣ на Страстной недѣли въ среду, и стоялъ под городомъ недѣлю, а на Святой недѣли городъ ему отворили в среду же ⟨...⟩.

И переможе князь Юрий и поиде к Москве. И пришед, Москву взя и княгини великие поимал и послал в Рузу, а сам сѣде на великом княжении; князь же велик убѣжал съ бою в Новгород Великый, и оттолѣ иде на Мологу, и къ Костромѣ, и к Новугороду Нижнему. Князь же Юрьи посла за ним дву князей Дмитреев съ силою. Того ж лѣта преставись князь Юрьи Дмитреевич на великом княжении на Москвѣ. А сын его князь Василей послѣ отца сѣде на великом княжении на Москвѣ; и сѣде един месяць. А князи Димитреи смиришась с великим князем и согнаша князя Василья с Москвы. А князь велик Василей Васильевич сѣде на своей отчинѣ, великом княжении московьском. А князь Василей поиде к Новугороду Великому и оттолѣ къ Костромѣ. А Шемякѣ дал князь велик Углич да Ржеву, а меньшему дал князю Дмитрею Бѣжицкой Верхъ. А князь Василей

сенях, приговаривая: «Ты вверг в беду эту отца нашего и нас! Издавна ты мятежник и наш лиходей, не даешь нам с отцом нашим жить!» И, вострубив, отправились с Москвы и пошли на Кострому. Князь же Юрий, увидев, сколь непрочно его княжение в столице, послал к великому князю, чтоб вернулся на свой престол, а сам пошел в свой город в Рузу; князь же великий пришел из Коломны в Москву и помирился с князем Юрием, и договорные грамоты приняли в том и крест целовали, что великому князю в вотчину Юрия не вмешиваться, а князю Юрию ни великого княжения не домогаться, ни сыновей своих не принимать и помощи им не давать против великого князя. Так, заключив мир, князь Юрий пошел в Галич, а князь великий князя Юрия Патрикеевича послал воеводой на Юрьевичей со всем своим двором. Те же отступили от Костромы и стали на речке Куси, и в то же время подоспели к ним вятчане, и от отца подошла им подмога, и дали они бой, и одолели Юрьевичи, и воеводу, князя Юрия Патрикеевича, схватили, и пришли опять к Костроме, а как Волга стала, пошли к Турдеевым оврагам ⟨...⟩.

В год 6942 (1434). Князь великий, узнав об измене дяди своего князя Юрия, что сыновьям своим помощь посылал, на великого князя сторожевой полк, пошел Галич разорить в зиму ту, а князь Юрий бежал к Белоозеру; князь великий Галич пограбил и сжег и в плен всех увел. В ту же зиму князь Юрий послал за сыновьями и за вятчанами и, собрав силу великую, пошел на великого князя; и встретил его князь великий в Ростовской волости, у монастыря Николы на горе, и был между ними бой в субботу Лазареву. И победил князь Юрий, хотя войска его побили много, и подошел к Москве на Страстной неделе в среду, и стоял под городом неделю, а в среду на пасхальной неделе отворили ему город ⟨...⟩.

И победил князь Юрий, и пошел к Москве. И прийдя, Москву взял, а княгинь великих схватил и сослал в Рузу, а сам сел на великом княжении; князь же великий бежал после боя в Новгород Великий, а оттуда пошел на Мологу, и к Костроме, и в Новгород Нижний. Князь же Юрий послал за ним двух князей Дмитриев с войском. Тем же годом скончался князь Юрий Дмитриевич на великом княжении в Москве, а сын его, князь Василий, после отца сел на великом княжении в Москве; и княжил один месяц. Ибо князья Дмитрии помирились с великим князем и изгнали князя Василия из Москвы. Князь же великий Василий Васильевич сел на великом княжении московском в своей вотчине. А князь Василий пошел к Новгороду Великому и оттуда к Костроме. Шемяке же Дмитрию дал князь великий Углич да Ржев, а меньшему князю Дмитрию дал Бежецкий Верх. А князь Василий

Юрьевич Косой нача сбирати воя на Костромѣ на великого князя.

В лѣто 6943. Князь Василей Юрьевичь собра силу велику и поиде с Костромы на великого князя, похваляся, съ многыми силами. Князь же великы противу ему поиде, и срѣтошася у Кузмы Демьяны на Которосли, в Ярославьской отчине, месяца генваря 6; и бысть им бой, и поможе богъ князю великому, а князь Василей убеже в Кашинъ, а рати его побили много. И князь великы посла за нимъ в погоню воеводъ своихъ: Феодора Михайловича Челядню, Василья Михайловича Шею, Андрѣя Феодоровича Голтяева, Володимера Андрѣевича Зворыкина, Михаила Чепечкына, и многыхъ людей двора своего; они же не угониша его и, пришедъ, сташа на Вологде, переимая вѣсти про князя. Князь же Василей, окопився и пригнавъ на Вологду, и тѣхъ всѣхъ воеводъ князя великого поималъ, и со всѣми людьми, и оттоле иде въ Заозерье и, пришедъ, ста у Дмитрея святаго на Устьи. И прииде на него изгономъ, безъ вѣсти, князь Феодоръ Дмитреевичь Заозерьскы, со многыми людми; он же поби ихъ и посѣче многых, и угони на Волочкѣ княгиню Марью, с дочерью и съ снохами, княжю Дмитрееву, а княжю Федорову матерь, а самъ князь Феодоръ утеклъ. И оттоле поиде князь Василей на Устюгъ, и там на Устюзѣ хотѣли его убити, на порании Велика дни, на заутрени, и бысть ему вѣсть. Онъ же единъ перебеже межи коръ Сухону, на Дымкову сторону, а кто не поспѣлъ людей его за нимъ, и устюжане тѣхъ побили, а что были иманци князя великого бояре, тѣхъ всѣхъ отполонили у него. Князь же Василей поиде в велице безверемянии, и посла по вятчанъ, и прииде на Кострому с вятчаны. Князь же великы то слышавъ, и собрав воя, поиде на него и, пришедъ, ста у Елпатия святаго на мысѣ; и нельзѣ имъ битися о рецѣ Костромѣ, и помиришася: князь великы дастъ ему городъ Дмитров; и былъ въ Дмитрове единъ месяць ⟨...⟩.

В лето 6944. Князь Василей Юрьевичь поиде изъ Дмитрова опять на Кострому, а к великому князю розметные послалъ, и владыку ростовьскаго, идучи, пограбилъ, и живе на Костромѣ до пути, и поиде къ Галичю, а из Галича на Устюг, а вятчане с нимъ. И стоя подъ городомъ 9 недѣль, и городъ взялъ, а князя великого воеводу Глѣба Ивановича убилъ Оболеньского, и десятинника владычня Иева Булатова повѣсилъ, и многих устюжанъ, бояръ и гостей, посѣклъ и повѣшалъ, поминая имъ ту злобу, что хотѣли его самого изъимати, а людей у него много побили; а бояръ князя великого отполонили.

Юрьевич Косой стал собирать воинов в Костроме против великого князя.

В год 6943 (1435). Князь Василий Юрьевич собрал силу великую и пошел из Костромы на великого князя, похваляясь, со многими силами. Князь же великий против него вышел, и встретились у Кузьмы и Демьяна на Которосли, в Ярославских пределах месяца января шестого; и был между ними бой, и помог бог князю великому, а князь Василий убежал в Кашин, войска же его много побили. И князь великий послал за ним в погоню воевод своих: Федора Михайловича Челядню, Василия Михайловича Шею, Андрея Федоровича Голтяева, Владимира Андреевича Зворыкина, Михайлу Чепечкина и многих других дворян; те же не настигли его и, возвратясь, стали в Вологде, собирая сведения о князе. Князь же Василий, собрав сторонников и примчавшись в Вологду, всех тех воевод князя великого схватил вместе со всеми людьми их, и оттуда пошел в Заозерье и, дойдя, стал у монастыря Дмитрия святого на Устьи. И пришел на него изгоном, без вести князь Федор Дмитриевич Заозерский со многими людьми; и Василий побил их, и погубил многих, и настиг на Волочке княгиню Марью с дочерью и с невестками, жену князя Дмитрия, и мать князя Федора, а сам князь Федор бежал. И после того пошел князь Василий на Устюг, и там в Устюге хотели его убить, на рассвете Великого дня, во время заутрени — но его предупредили. Тогда он один перебежал по льдинам Сухону на Дымкову сторону города, а кто из людей не поспел за ним, тех устюжане убили; а какие были в плену князя великого бояре, тех всех из плена освободили. Князь же Василий пошел в великом злочастье, и послал за вятчанами, и пришел к Костроме с вятчанами. Князь же великий, то услышав и собрав войско, пошел на него и, прийдя, стал у Ипатьевского монастыря на мысу. И трудно им было биться на этом мысу, и помирились они: князь великий дал ему город Дмитров, и находился тот в Дмитрове один месяц ⟨...⟩.

В год 6944 (1436). Князь Василий Юрьевич пошел из Дмитрова снова на Кострому, а великому князю объявил войну, и епископа ростовского по пути пограбил, и жил в Костроме до летних дорог, и пошел к Галичу, а из Галича в Устюг, и вятчане с ним. И стоял под городом девять недель, и город взял, а князя великого воеводу Глеба Ивановича Оболенского убил, и епископского десятинника Иова Булатова повесил, и многих устюжан, бояр и купцов, порубил и повесил, поминая им то зломышление, что хотели его самого схватить и людей его многих побили, и бояр князя великого освободили из плена.

Тое же зимы князю Дмитрею Шемякѣ жинитися было на Угличе, а поняти дщерь князя Дмитрея Заозерьского; и приѣхал на Москву князя великого звати на свадбу. И князь велик его поимал и послал на Коломну, а пристав у него Иван Старков, а Коломна за ним же.

А князь Василей Юрьевичь поиде со Устюга на Вологду, и ту его наѣхаша княжи Дмитреевы братии дворяне 500 человекъ.

И срѣти его князь велик у святого Покрова на Скорятинѣ в Ростовьской области, а с ним князь Дмитрей Юрьевич Менший, да в ту же пору служил князю великому Иван Баба дрюцьских князей, и зрядив копиа и поидоша вмѣсто и бишась, и побѣже князь Василей.

А князя Василья яша и, приведше на Москву, ослепиша его.

В лѣто 6945. Прииде на Москву Сидоръ митрополитъ ⟨...⟩.

В лѣто 6946. Сентября 5 Сидор пошел к Риму на 8 сборъ, похоронивъ княгиню Еупраксу.

Князю великому родися сынъ, князь Юрьи Болшей. Тое же осени князь великы посылалъ братью свою, два князя Дмитреа Юрьевичевъ, и прочихъ князей, и многыхъ воеводъ, с ними же многочисленыя полкы, на царя Махметя на Белеву, а ему же вмале сущу тогда, от иного царя убѣгшу. И убоявся князей русскых, и нача ся давати имъ въ всю волю ихъ, и въ закладѣ дѣти своя давати, и что гдѣ взяли, и не в великого князя отчине, полону, то все отдавали, и по тотъ день не чинити имъ пакости. Наши же, видѣвъше своихъ многое множество, а сихъ худое недостаточьство, и, разгордѣвшеся, поидоша на нихъ.

И бѣ нѣкто Григорей Протасиевъ сотвори крамолу, хотяше бо лестию промежъ ихъ миръ сотворити; князи же рустии емше сему вѣру, бѣ бо сей лестець при Махмету царю, и не веляше имъ битися, мняще мира. А сей въ то время Григорей Протасиевъ и посла ко царю, веля имъ въ то время приити на рустии полки съ вои своими, а рускимъ княземъ обѣщася стати заодинъ. Царь же Махметъ собрався своимъ худымъ воемъ поиде противу князей рускихъ, а князи превозношение во сердци ихъ имуще, поидоша противу ихъ кличюще, яко жрети хотящи; и гордости ради и множества грѣхъ опусти богъ на насъ худое оное малое безбожныхъ воинествъ, одолѣша тмочисленым полкомъ нашимъ, яко неправеднѣ хотящимъ и преже губящимъ; а *Григорей* Протасиевъ, онъ бояринъ ста съ татары на рустии вои, а слово свое измѣни. И многое множество избиено бысть рускихъ воинъ, яко единому агарянину десетим или выше того одолѣти, по реченному: «Яко языкъ погубль совѣтъ есть, и не есть въ них

В ту же зиму князь Дмитрий Шемяка должен был жениться в Угличе и взять дочь князя Дмитрия Заозерского; и приехал в Москву князя великого звать на свадьбу, а князь великий его схватил да сослал в Коломну; а пристав при нем был Иван Старков, коломенский наместник.

Князь же Василий Юрьевич пошел с Устюга на Вологду, и тут его разыскали князя Дмитрия братни дворяне пятьсот человек.

И встретил его князь великий у монастыря святого Покрова на Скорятине в Ростовской волости, а с ним князь Дмитрий Юрьевич Меньшой, да в ту же пору служил князю великому еще Иван Баба из друцких князей,— изготовив копья, сошлись вместе и бились, и побежал князь Василий.

И князя Василия схватили и, приведя в Москву, ослепили его.

В год 6945 (1437). Прибыл в Москву Исидор-митрополит 〈...〉.

В год 6946 (1438). Сентября 5 Исидор отправился в Рим на Восьмой вселенский собор, похоронив княгиню Евпраксию.

У князя великого родился сын, князь Юрий Старший. В ту же осень князь великий посылал двоюродных братьев своих, двух князей Дмитриев Юрьевичей, и прочих князей и многих воевод, а с ними и многочисленные полки, на царя Магомета к Белеву — в час, когда тот с малым войском стоял, от другого царя убежав. И испугавшись князей русских, начал он давать им на волю их все: и в заложники детей своих отдавать, и все, что набрали, даже если и не в пределах великого князя, пленных,— все то отдавали, но только чтоб не чинили им в тот день вреда. Наши же, увидев, что их бесконечное множество, а этих малое число, возгордясь, пошли на них.

И был некий Григорий Протасьев, замыслил коварство, желая хитростью меж ними мир заключить; князья же русские доверились ему, ибо был этот лжец при Магомете-царе, и отговорил он их от боя, надеясь на мир. Но в то же самое время этот Григорий Протасьев послал к царю, предлагая ему немедля идти на русское войско со всеми полками, а русским князьям пообещал, будто станет с ними заодно. Царь же Магомет, собравшись с плачевным своим войском, пошел против князей русских, но князья, высокомерие в сердце своем имея, вышли им навстречу с криками, будто желая их истребить; и вот самомнения ради нашего и множества грехов наказал бог нас: малое то и плачевное войско безбожных одолело многотысячные полки наши, в неправде ходящие и прежде всего себя губящие; а Григорий Протасьев, тот боярин, стал с татарами против русских воинов и слову своему изменил. И многое множество побито было русских воинов, так что один агарянин десять или более русских одолел, согласно сказанному: «Ибо они народ, потерявший

мудрости, не смыслиша разумѣти сиа вся, да приимуть грядуща; един тако поженеть тысящу, а два двигнета тму, аще не бы богъ отдалъ и господь предалъ»; и сицѣ надъ сѣми сотворися, сии ибо смиряяся мира прося, а си превозносошася и погибоша. Тогда убиша князей множество и бояръ, а князи обѣгоша въ малѣ дружинь.

В лѣто 6947. Приходил царь Магамет к Москве месяца иулиа 3 ⟨...⟩.

Того же лѣта князь великы Григорья Протасьевича поимавъ, и очи вымалъ. Царь же стоа у града десять дни и отъиде, а волости и села повоева ⟨...⟩

Посады пожже, а христьяньства в полон поведоша много, а граду Москвѣ ничто же сътвориша.

В лѣто 949. Митрополит Сидор убежал с Москвы. Тое же осени преставися князь Дмитрей Красной. Тое же зимы князь великы ходил на Новгород, и Дѣмон город взял, а мятля убили порховьского. Тогды ж преставися князь Юрьи Болшей, а другий князь Юрьи родися, мѣсяца генваря 22, на Тимофѣев день. А дотолѣ за год на тот же день родился князь велик Иван Васильевич, а крестил его игумен Зиновей троецьский.

В лѣто 6950. Князь великы роскынул со княземъ съ Дмитреемъ с Шемякою и поиде на него къ Углечю, онъ же побѣже в Бѣжицкый Верхъ, и князь великы за нимъ; и изгонити было его князю великому, и подалъ ему вѣсть Кулодарь Ирешьскый. Онъ же убеже, а Кулодаря князь великы доличився, да велѣлъ и́ кнутьемъ бити, по станомъ водя, да и дьячьство отнялъ у него. А самъ до Киясова дошедъ, да воротился, веснѣ бо сущи, и пришедъ на Москву, братью и вси люди распусти по домомъ. А со княземъ с Дмитреемъ князь Иванъ Можайскы въ одиначьствѣ былъ на Углечи у него, и князь великы его отзвалъ, а далъ ему Суздаль, а преже был за Черторижьскымъ. А князь Дмитрей, а с нимъ князь Александръ Черторижьской, после князя великого пришли ратью ольны до Сергеева манастыря безвѣстно, и не пусти ихъ игуменъ Зеновей, и ѣха напередъ самъ игуменъ и помири ихъ.

В лѣто 6951. Посылалъ князь великы воеводъ своихъ на Рязань, на царевича на Мустофу; они же шедше, и убиша его на рѣчке на Листани. Тогда же убьенъ бысть на томъ бою Василей Ивановичь Жукъ Лыков, коломеньской намѣстникъ, а Григорья Васильева сына Глѣбова застрелили в челюсть; тогда же мужьствова Феодоръ Васильевичь Басенокъ. Того же лѣта князь Иванъ Андрѣевичь поималъ боярина своего Андрѣа Дмитреева и с дѣтьми, а жену его Марью сжеглъ безлепъ. Та же зима была студена, а сѣно дорого.

рассудок, и нет в них смысла. О, если бы они рассудили, что с ними будет! Как бы мог один преследовать тысячу и двое прогонять тьму, если бы бог тех не предал и господь не отдал их!» И так с ними произошло: ибо эти в смирении мира просили, а те возгордились и погибли. Тогда убили князей множество и бояр, а князья бежали с малой дружиной.

В год 6947 (1439). Подходил царь Магомет к Москве месяца июля третьего 〈...〉.

В тот же год князь великий, Григория Протасьева схватив, глаза выколол. Царь же, простояв у города десять дней, отошел, а волости и села пограбил 〈...〉.

Посады пожег, а христиан в полон увел многих, но городу Москве ничего не сделал.

В год 949 (1441). Митрополит Исидор бежал из Москвы. В ту же осень скончался князь Дмитрий Красный. В ту же зиму князь великий ходил на Новгород и Демон-городок взял, да метельника порховского тогда убили. Тогда же скончался князь Юрий Старший, а другой князь Юрий родился, месяца января 22, на Тимофеев день. А за год до того в тот же день родился князь великий Иван Васильевич, и крестил его игумен троицкий Зиновий.

В год 6950 (1442). Князь великий прервал перемирие с Дмитрием Шемякою и пошел на него к Угличу, тот же побежал в Бежецкий Верх, а князь великий за ним; и совсем было догнал его князь великий, да известил того Кулодарь Ирежский. Князь убежал, а Кулодаря князь великий, уличив, велел кнутами бить, по округе водя, да и дьячество отнял у него. Сам же, до Киясова дойдя, вернулся, потому что наступила весна, и, прийдя в Москву, родню и всех людей распустил по домам. С князем же с Дмитрием князь Иван Можайский был в согласии в Угличе, и князь великий его отозвал и дал ему Суздаль, что прежде был за князьями Черторыйскими. А князь Дмитрий и с ним князь Александр Черторыйский после ухода князя великого дошли ратью до самого Троице-Сергиева монастыря неожиданно, но не впустил их игумен Зиновий, и поехал прежде сам игумен, и помирил их.

В год 6951 (1443). Посылал князь великий воевод своих под Рязань, на царевича на Мустафу; те же, дойдя, убили его на речке на Листани. Тогда же убит был в том бою Василий Иванович Жук Лыков, коломенский наместник, а Григория Васильевича сына Глебова застрелили в челюсть; тогда же доблестно действовал Федор Васильевич Басенок. В тот же год князь Иван Андреевич схватил боярина своего, Андрея Дмитриева, вместе с детьми, а жену его Марью беспричинно сжег. Зима же та была холодной, а сено дорого.

В лѣто 6953. Царь прииде к Мурому отъ Новагорода отъ Нижняго, и князь великы поиде противу ему к Володимерю и посла на него воеводы, они же шедше, и побиша татаръ подъ Муромомъ. Тогда же убиша Александра Иванова сына Костяньтиновича въ Гороховцѣ, под Орѣховцемъ, въ Новѣгородѣ Нижнем, а въ Новомъ затворишася воеводы князя великого, князь Феодоръ Давидовичь да панъ Юшко Драница. А коли князь великы былъ въ Володимери, а тое же зимы пришли литовьские воеводы: Судивой панъ, Иванъ панъ Гонцевичь, панъ Юрша, Захарья Ивановичь Кошкинъ, а с ними 7000 Литвы, и с Колуги взяли окупъ, а под Козельскомъ стояли недѣлю; а князь Михайло Ондрѣевичь слышавъ то, и посла князя Аньдрѣя Лугвицю, а съ нимъ 300 человѣкъ, а самъ бѣ боленъ тогда, чающе не многыхъ людей. Они же срѣтишася с ними в Суходрови и ударишася на нихъ, и литва побѣгоша, а наши погнаша. И приведоша ихъ на большие полкы, и ту убиша князя Андрѣя Васильевича Лугвицу Суздальского, а Судока изымаша и поведоша къ Литвѣ, а сами с тѣхъ мѣстъ възвратишася въ свояси.

Прииде Маматек царевич изгоном съ братом своим съ Ягупом на великого князя Василья Васильевича. И бысть имъ бой и сѣча зла у града у Суздаля на поли, и битых бысть обоих много, и поимал царевич князя великого да князя Михаила Андреевича, иуля въ 6, на память отца Сисоя, в пятницю. Того же лѣта Москва погорѣла в полночи, город, на съборъ архааггела Гаврила, а в нем осадѣ сущи, и много людей погорѣло, а инии потхлися.

В лѣто 954. Князь велик прииди от царевича ис полону на Дмитриевъ день в Переяславль, и прииде на Москву. И сдумавше князь Дмитрей Шемяка да князь Иван Андреевич Можайски, а с ними коромолил с Москвы Иван Старков, да и от гостей и от троицьских черньцев, и пришли к Москве изгоном, князь Дмитрей да князь Иван, а князь велик у Троици въ Сергѣевѣ монастырѣ. И князь велик сѣл Дмитрей на Москвѣ, а князь Иван скочив, и поимал князя великого у Троици, и приведше на Москву, ослѣпиша его, мѣсяца февраля въ 13 день. Того же лѣта родися князь Андрей на Углечи, августа 14.

В лѣто 955. Князь Дмитрей Шемяка собрав епископы со всее земли, и честные игумены, и прозвитеры, и, приѣхав на Углече, и укрѣпив князя великого крестным цѣлованиемь и проклятыми грамотами, и выпусти его ис поимания и с дѣтми, септября 15, и дасть ему Вологду въ удѣл. И прииде князь велик на Вологду и оттолѣ в Кирилов монастырь. Игуменъ же Трифон и со всею братьею

В год 6953 (1445). Царь подошел к Мурому от Новгорода от Нижнего, и князь великий вышел навстречу ему к Владимиру и послал на него воевод; они же, пойдя, побили татар под Муромом. Тогда же убили Александра, сына Ивана Константиновича, в Гороховце, под Ореховцем, в Новгороде Нижнем, а в Новом заперлись воеводы князя великого, князь Федор Давыдович да пан Юшко Драница. А когда князь великий был во Владимире, в ту же зиму пришли литовские воеводы: Судивой пан, Иван пан Гонцевич, пан Юрша, Захарий Иванович Кошкин, а с ним 7 тысяч литовцев, и с города Калуги взяли откуп, а под Козельском стояли неделю. А князь Михаил Андреевич, прослышав про то, послал князя Андрея Лугвицу и с ним триста человек; сам же болен тогда был и надеялся на немногих. Те же встретились с литовцами у реки Суходрови и напали на врага, литовцы побежали, а наши пустились в погоню. И навели они наших на основное войско, и тут убили князя Андрея Васильевича Лугвицу суздальского, а Судока схватили и увели в Литву, и сами после того возвратились к себе восвояси.

Пришел царевич Мамутяк со своим братом Ягупом на великого князя изгоном воевать. И был у них бой и сеча страшная у города у Суздаля на поле, и убитых было с обеих сторон много, и захватил царевич князя великого да князя Михаила Андреевича июля шестого, в день памяти отца Сысоя, в пятницу. Тем же годом Москва погорела в полуночи — с Кремля, от собора Архангельского, когда в нем скрывались в осаде, и многие люди сгорели, а иные задохнулись.

В год 6954 (1446). Князь великий вернулся от царевича из плена на Дмитриев день в Переяславль и пришел в Москву. И сговорились князь Дмитрий Шемяка да князь Иван Андреевич Можайский, а с ними замышлял зло в Москве и Иван Старков да кое-кто из купцов и из монахов Троицкого монастыря,— и пришли к Москве изгоном князь Дмитрий да князь Иван, а князь великий был в Троице-Сергиевом монастыре. И князем великим сел Дмитрий в Москве, а князь Иван в Троице-Сергиевом монастыре схватил князя великого Василия и, приведя в Москву, ослепил его месяца февраля в тринадцатый день. В тот же год родился князь Андрей в Угличе, августа 14.

В год 955 (1447). Князь Дмитрий Шемяка собрал епископов со всей страны, и честных игуменов, и священнослужителей, и, приехав в Углич, заставил князя великого поклясться крестным целованием и клятвенными грамотами, и выпустил его из заточения вместе с детьми пятнадцатого сентября, и дал ему Вологду в удел. И пришел князь великий в Вологду, а оттуда в Кириллов монастырь. Игумен же Трифон со всею братьею

благослови великого князя Василья Васильевичя и съ его дѣтми на великое княжение, а ркучи так: «Тот грѣх на мнѣ и на моей братии на главах, что еси цѣловал и крѣпость давал князю Дмитрею: а поиди, осподарь, съ богомъ, и со всею правдою на свою отчину на Москву на великое княжение, а мы за тебя, за осподаря, бога молим и благословяем». Князь же велики поиде ко Тфѣри и поиде вся сила московьскаа ко Тфѣри со вси страны к великому князю, из Литвы прииде князь Василей Ярославич, князь Семен Оболенской, князь Иван Ряпаловской, Феодор Басенок и иных бояръ и князей и воевод и дѣтей боярьских множество, и царевича два, Трегубъ-Каисим и Ягуп, и наѣхаша князя великого на Углечи. А тогды князь велик на Углечи сватался съ князем *великим* Борисом Александровичемъ за своего сына Ивана. И прииде на Москву февраля 17, в пяток Сырный.

В лѣто 956. Благовѣщение было свѣтлыя недѣли в понедѣльникъ. Того же лѣта моръ былъ на кони великъ да и люди мерли.

В лѣто 957. Декаб*ря* 15 владыка Иона рязанский поставлен бысть на митрополию на Русьскую землю, первой своими епископы, на Москвѣ. Тое же весны князь велик был на Рудинѣ селѣ въ Ярославлѣ, и приидоша на него князь Дмитрей Шемяка да князь Иван Можайскый со многими людми, и вмалѣ не бысть межи ими кровопролитиа. Князь же Иван Андрѣевич доби челом князю великому, и князь велики пожаловал его, дал ему Бѣжицьски Верхъ къ его отчинѣ, Можайску, а Шемяка поиде къ Галичу. Того же лѣта родися Борисъ у великие княгини Марьи, а князь великы был у Троици. Того же лѣта съкорые татарове были, догоняли до Похры; тогды полонили княгиню Марью съ снохою Степанидою, князя Василия Оболеньского, да Григорьеву жену Козлову Морозова.

В лѣто 958. Князь велики поиде в Галичь на князя Дмитрея, князь же Дмитрей, собравъ силу многу, и постави у самоѣ стѣны подлѣ города бой, да из города пособляху, бьюще князя великого ратныхъ, но противу божией силѣ ничтоже не успѣша и князя великого правдѣ: воскорѣ побѣже Шемяка. Мало не изымаша его, а силу его иныхъ биша, а иных поимаша, а град Галичь взяли, поможе богъ великому князю мѣсяца генваря 28, а князь Дьмитрей побеже к Новугороду к Великому. На томъ бою убьенъ бысть удалый Григорей Семеновичь Горъсткинъ, новогородский бояринъ, а положенъ бысть въ Ярославли у Спаса, в черньцех и в скимѣ нареченный инокъ Герма. Того же лѣта Владимиръ Григорьевичь Ховрин, гость да и бояринъ великого князя,

благословил великого князя Василия Васильевича вместе с его детьми на великое княжение, говоря так: «Тот грех на мне и на главах моей братии, что ты крест целовал и клятву давал князю Дмитрию: пойди, государь, с богом и со всею правдою в свою отчину, в Москву, на великое княжение, а мы за тебя, за господина, помолимся богу и благословим». Князь же великий к Твери пошел, а все войско московское к Твери со всех сторон к великому князю: из Литвы пришел князь Василий Ярославич, князь Семен Оболенский, князь Иван Ряполовский, Федор Басенок и других бояр и князей, и воевод, и детей боярских множество, и царевича два, Трегуб-Кайсым и Ягуп, и нагнали князя великого в Угличе. Тогда же князь великий сватал сына своего Ивана у князя великого Бориса Александровича. И пришел князь великий в Москву февраля семнадцатого, в пятницу Сырной недели.

В год 956 (1448). Благовещение пришлось на понедельник пасхальной недели. И был в тот год мор на коней великий, да и люди мерли.

В год 957 (1449). Декабря пятнадцатого епископ Иона Рязанский поставлен был на митрополию в Русской земле, первый в Москве митрополит, избранный своими епископами. Той же весною великий князь был в Рудине-селе под Ярославлем, и пришел на него князь Дмитрий Шемяка да князь Иван Можайский со многими людьми, и чуть не случилось между ними кровопролития. Князь же Иван Андреевич бил челом великому князю, и князь великий пожаловал его, добавил ему Бежецкий Верх к вотчине его, к Можайску, а Шемяка пошел к Галичу. В тот же год родился Борис у великой княгини Марии, а князь великий был в Троице-Сергиевом монастыре. В тот же год неожиданно татары напали и доходили до Пахры; тогда полонили княгиню Марию с невесткой Степанидой, князя Василия Оболенского да Соломониду Козлову, жену Григория Морозова.

В год 958 (1450). Князь великий пошел к Галичу на князя Дмитрия; князь же Дмитрий, собрав силу большую, вступил у самой стены подле города в бой, да из города ему пособляли, стреляя в ратников великого князя, но против божьей силы никак не преуспели и князя великого правды: тотчас побежал Шемяка. Чуть не схватили его, а войско его — иных перебили, а иных захватили, город же Галич взяли; помог бог великому князю месяца января двадцать восьмого, а князь Дмитрий убежал к Новгороду к Великому. В том бою убит был удалой Григорий Семенович Горсткин, новгородский боярин, и похоронен был в Ярославле в храме Спаса, в чернецах и в схиме нареченный иноком Германом. В тот же год Владимир Григорьевич Ховрин, купец и боярин великого князя,

поставилъ предъ своимъ двором церковь кирпичну Воздвижение честнаго креста. Того же лѣта бой былъ с татары на Бетюцѣ, тогды и Ромодана убили.

В лѣто 959. Георгиа было в Пяток велик Страстныя недѣли. Того же лѣта приходили татарове отъ Сиди-Ахметовы орды изгономъ, и слышавъ то князь велики и посла воеводу своего, князя Ивана Звенигородскаго, намѣстника коломенскаго, на берегъ к великой рецѣ Окѣ. И видѣ множество татаръ бесчислено, и побѣже отъ берега к великому князю, и повѣда ему силу велику татарьскую, а князь велики не успѣ собрати силы и выйде из града с Москвы, а во осадѣ остави Иону митрополита, да матерь свою, великую княгиню Софью, и свою великую княгиню Марью, а самъ поиде к рубежу ко тверьскому. Мѣсяца июля въ 2 прии*де* к Москвѣ царевичь, Сиди-Ахметовъ сынъ, а с ним князи великие ординские, и Едегерь со многими силами, и зажгоша дворы вси на посадѣ; и понесе вѣтръ огнь на город со всѣ страны, и бысть страсть велика всѣмъ людем. Святый же Иона митрополитъ повелѣ всѣмъ священикомъ пѣти молбены по всему граду, и множество народа молитися богу и пречистой его матери и великимъ чюдотворцемъ Петру и Алексию, и вѣтръ утиша, а татарове тое же нощи побѣгоша от града прочь, слышавьше въ градѣ шум велик, мняще князя великого пришедша со многими силами.

В лѣто 960. Князь велики Василей Васильевичь посылалъ сына своего, князя великого Иоана Васильевичя, Кокшенги воевати. Того же лѣта и женися князь велики Иванъ Васильевич, мѣсяца июня 4, и поятъ княжну Марью, дщерь князя великаго Бориса Александровича Тферьского. Того же лѣта князю великому родися сынъ у великиѣ княгини, князь Андрѣй меньший, мѣсяца августа 18.

В лѣто 61. Мѣсяца апрѣля в 9 выгорѣ Москва город от Беклемишова двора. Того же лѣта преставися великаа княгини Софья въ черницах у Вознесениа, июня 15. Того же лѣта князь Дмитрей Шемяка Юрьевич умре со отравы в Великом Новѣгородѣ. Того же лѣта царь турскы Царьгород взял.

В лѣто 962. Преставися Ефрѣм, архиепископъ ростовьский и арославский. Того же лѣта поставленъ бысть Феодосий Бывалцевъ епископомъ граду Ростову. Того же лѣта князь велики Василей Васильевич городъ Можаескъ взялъ, а князь Иванъ Андрѣевичь побѣжалъ в Литву к королю служыти.

В лѣто 63. Владыку Питирима Пермьского вогуличи убили. Того же лѣта приходили татарове от Сидиахметевы орды, и прелѣз Оку, грабили и полон имали, и прочь ушли; а Иван Васильевич Ощера изъстоялъ с коломенскою силою, да их упустил, не смѣл на них ударитися; тогды же убили тѣ

поставил перед своим двором церковь кирпичную Воздвижения святого креста. В тот же год бой был с татарами на реке Бетюке, тогда и Ромодана убили.

В год 959 (1451). Юрьев день пришелся на пятницу на Страстной неделе. В тот же год приходили татары из Сиди-Ахметовой орды изгоном, и, прослышав о том, князь великий послал воеводу своего, князя Ивана Звенигородского, наместника коломенского, на берег к великой реке Оке. И увидел множество татар бесчисленное, и побежал от берега к великому князю, и сообщил ему о силе великой татарской, а князь великий не успел собрать войско и вышел из града Москвы, а в обороне оставил Иону-митрополита да мать свою, великую княгиню Софью, и свою великую княгиню Марию, а сам пошел к рубежу тверскому. Месяца июля второго подошел к Москве царевич, Сиди-Ахметов сын, а с ним князья великие из Орды, и Едигер со многими силами, и зажгли дворы все на посаде; и разнес ветер огонь на город со всех сторон, и было страдание великое всем людям. Святитель же Иона-митрополит повелел всем священникам петь молебны по всему городу и множеству народа молиться богу и пречистой его матери, и великим чудотворцам Петру и Алексию, и ветер утих, а татары в ту же ночь скрылись от города прочь, услышав за стенами страшный шум и решив, что князь великий вернулся с огромным войском.

В год 960 (1452). Князь великий Василий Васильевич посылал сына своего, князя великого Ивана Васильевича, Кокшеньгу покорять. В тот же год и женился князь великий Иван Васильевич, месяца июня четвертого, и взял княжну Марию, дочь князя великого Бориса Александровича Тверского. В тот же год у князя великого родился младший сын у великой княгини, князь Андрей, месяца августа восемнадцатого.

В год 61 (1453). Месяца апреля девятого погорел град Москва со двора Беклемишева. В тот же год, июня пятнадцатого, скончалась великая княгиня Софья, черницей в Вознесенском монастыре. В тот же год в Великом Новгороде скончался от отравы князь Дмитрий Юрьевич Шемяка. Тем же годом царь турецкий Царьград взял.

В год 962 (1454). Скончался Ефрем, архиепископ ростовский и ярославский. В тот же год поставлен был Феодосий Бывальцов епископом города Ростова. В тот же год князь великий Василий Васильевич город Можайск захватил, а князь Иван Андреевич бежал в Литву к королю служить.

В год 63 (1455). Питирима, епископа пермского, вогуличи убили. В тот же год приходили татары из Сиди-Ахметовой орды, и, переправясь через Оку, грабили, и брали в полон, и прочь ушли; а Иван Васильевич Ощера стоял с коломенским войском, да их упустил, не решился на них ударить; тогда же те татары

татарове князя Семена Бабича. И пришед Феодоръ Басенокъ съ великого князя дворомъ, татар бил, а полон отимал.

В лѣто 964. Князь велики Василей Васильевич ходилъ ратью на Великий Новгород; новогородци же, собравъ силу многу, и пошли противу великого князя и пришли под Русу, а туто лучилися князя великого воеводы: князь Иоанъ Васильевичь Оболеньский Стрига з братьею, да Феодоръ Васильевичь Басенок, удалый воевода, новогородцевъ смердовъ били, а иных поимали ⟨...⟩. А князь велики тогды во Ажелобицахъ стоялъ, и приѣха к нему архиепископъ Еуфимий с лучшими людми и доби и челом великому князю на всей его воли. Того же лѣта преставися князь велики Иоанъ Феодорович Рязанский. Того же лѣта князь велики Василей Васильевич поималъ шурина своего, князя Василья Ярославичя, мѣсяца иуля въ 10.

В лѣто 66. Мѣсяца сентября 29 сгорѣ город Муромъ. Тое же осени, месяца октября 22, треть Москвы сгорѣ. Тое же зимы, февраля месяца 15, родися *великому* князю Ивану Васильевичу сынъ, и нарекоша имя ему Иванъ. Того же лѣта преставися Еуфимий архиепископъ новогородски. Того же лѣта князь велики посылалъ на Вятку Ряпаловьских; и Григорей Перфушков у вятчан посулы поимал да имъ норовил, ини Вяткы не взяли. Того же лѣта поставили церковь кирпичну святое Ведение на Симановьскомъ дворѣ в городѣ.

В лѣто 967. Поставили на Москвѣ Иону архиепископомъ Нову-городу Великому. Того же лѣта Иона митрополитъ у Пречистыѣ поставилъ придѣлъ, церковь камену во имя Похвалы святыя богородица. Того же лѣта князь велики, слышавъ, что Григорей Перхушковъ вятчаномъ норовил, и повелѣ его изымати, и вести в Муромъ, и посадити в желѣза, а на Вятку послалъ в свое мѣсто князя Ивана Юрьевичя, а с нимъ воеводы свои и дворъ с нимъ свой весь. Он же, шед, городы поималъ Орловъ да Котельничь, а под Хилинымъ стоялъ долго, бьяся на всякъ день; вятчяне же, видяще себе побѣждаемы всегда, и добиша челом князю Иоану на всей его воли, чего хотѣлъ огосударь князь велики.

В лѣто 968. Князь велики Василей Васильевичь былъ в Новѣгородѣ Великомъ миром. Тогды же *Фе*одоръ Васильевич Басенокъ пил у посадника и поѣха ночи на Городище, и удариша на него шилники, и убиша у него слу*гу*, именем Илейку Усатого, рязанца, а сам едва утече на Городище и с товарищи. Новогородци же, слышавше голку, и возмятошася, и приидоша всѣмъ Новым городомъ на великого князя к Городищу: чаяли, что князя великого сынъ пришелъ ратью на нихъ, и едва утолишася, мало упасе богъ от кровопролития. Того же лѣта, мѣсяца июля 14, буря была страшна велми,

убили князя Семена Бабича. Но, прийдя с дворянами великого князя, Федор Басенок татар разбил и полон возвратил.

В год 964 (1456). Князь великий Василий Васильевич ходил войной на Великий Новгород; новгородцы же, собрав войско большое, пошли навстречу великому князю и подошли под Руссу, а тут оказались князя великого воеводы: князь Иван Васильевич Оболенский Стрига с братьями да Федор Васильевич Басенок, удалой воевода. Новгородцев-смердов разбили, а иных схватили ⟨...⟩. А князь великий тогда в Яжелобицах стоял, и приехал к нему архиепископ Евфимий со знатными людьми, и бил челом великому князю, покоряясь его воле. В тот же год скончался князь великий Иван Федорович Рязанский. В тот же год князь великий Василий Васильевич схватил шурина своего, князя Василия Ярославича, месяца июля десятого.

В год 66 (1458). Месяца сентября двадцать девятого сгорел город Муром. В ту же осень месяца октября двадцать второго треть Москвы погорела. В ту же зиму, февраля месяца пятнадцатого, родился у великого князя Ивана Васильевича сын, и нарекли ему имя Иван. В тот же год скончался Евфимий, архиепископ новгородский. Тем же годом князь великий посылал на Вятку князей Ряполовских, но Григорий Перхушков у вятчан взятки брал да им благоволил, так что Вятки не взяли. В тот же год поставили церковь кирпичную святого Введения на Симоновском подворье в городе.

В год 967 (1459). Поставили в Москве Иону архиепископом Новгорода Великого. В тот же год Иона-митрополит в церкви Пречистой поставил придел, церковь каменную во имя Похвалы святой богородицы. В тот же год князь великий, прознав, что Григорий Перхушков вятчанам потворствовал, повелел его схватить и вести в Муром и посадить на цепь, а на Вятку послал наместником князя Ивана Юрьевича, а с ним воевод своих и дворян с ним своих всех. Тот же, отправясь, города захватил Орлов да Котельнич, а под Хлыновом стоял долго, сражаясь каждый день. Вятчане же, видя, что их всегда побеждают, били челом князю Ивану, покорясь его воле, чего и желал государь князь великий.

В год 968 (1460). Князь великий Василий Васильевич был в Новгороде Великом с миром. Тогда же Федор Васильевич Басенок пировал у посадника и поехал ночью на Городище, и напали на него шильники, и убили у него слугу по имени Илейка Усатый, рязанца, а сам едва убежал на Городище с товарищами. Новгородцы же, услышав шум, взволновались и пришли всем городом к великому князю в Городище; решили, что князя великого сын пришел войною на них, и едва успокоились; мало не уберег бог от кровопролития. В тот же год, месяца июля четырнадцатого, буря была страшная

лѣсъ ломило и хоромы рвало, а воо 18 день солнце гибло того же мѣсяца. Того же лѣта царь Ахмутъ Большые Орды, Кичи-Ахметевъ сынъ, приходилъ ратью к Переяславьлю к Рязаньскому и стоалъ под городомъ три недѣли, на всяк день приступая ко граду, бьющеся, граждане же, милостью божиею и пречистыя его матери, одолѣваху ему и много у него татаръ побили, а отъ гражан ни единъ врежденъ бысть; и поиде прочь с великим срамом, а на Казат улана мирзу велико нелюбие држа, тотъ бо бяше привелъ его, не чающе от Руси ничего съпротивления. Того же лѣта на монастырьском дворѣ на Троецкомъ Сергиева манастыря поставлена бысть церковь камена святое Богоявление, да того же лѣта перед княжимъ двором Васильевича, в Боровитьскихъ воротѣхъ, заложили церковь камену святаго Иоана Предтечи.

В лѣто 69. Преставися князь велик Борисъ Александрович Тферскый, февраля 18. А тое же весны преставися Иона митрополит киевский и всея Руси, марта 31. И поставиша на митрополию Феодосиа, архиепископа ростовьского, маа 3.

В лѣто 970. Мѣсяца генуариа 24, в день недѣлный, у Михаилова Чюда в монастыри, у гроба святаго Алексия митрополита чюдотворца простило черньца Наума, ему же бѣаше нога отъ рождениа прикорчена, и хожаше на деревяници, и бысть здравъ. Тоѣ же зимы, мѣсяца февраля 1, поставили на Москвѣ владыку на Рязань Давида, казначиа Ионина. Тоѣ же весны, в Великое говѣйно, на Федоровой нед*ѣли*, прииде вѣсть князю великому, что княжы Васильевы Ярославича дѣти болярьскиѣ и иныѣ дворяне хитростью коею хотѣша огосударя князя выняти с Углеча ис поимaниа, и обличися мысль их, и повелѣ князь велики имать ихъ, Володку Давидова, Парфена Бреина, Луку Посивьева и иных многихъ, казнити, бити и мучити, и конми волочити по всему граду и по всѣмъ торгом, а послѣди повелѣ имь главы отсѣщи. Множество же народа, видяще сиа, от боляръ и от купець великихъ, и от священиков, и от простых людей во мнозѣ быша ужасѣ и удивлении, и жалостно зрѣние, яко всѣхъ убо очеса бяху слез исполнени, яко николиже таковая ни слышаша, ниже видѣша в руских князехъ бываемо, понеже бо и недостойно бяше православному великому осподарю, по всей подсолнечной сущю, и такими казньми казнити, и кровь проливати во святый Великий пост. Тое же весны, не по мнозѣ времени, в той же во святый пост князь велики повелѣ у себя на хрептѣ труд жещи сухотныя ради болести, великая же княгини его и боляре *его* вси возбраняху ему, он же не послушавъ ихъ, и с тѣхъ мѣстъ разболѣся. Того же лѣта, мѣсяца марта 27, преставися благовѣрный и христолюбивый великий князь

очень, лес ломало и дома срывало, а в восемнадцатый день в тот же месяц солнце исчезло. В тот же год царь Ахмат из Большой Орды, сын Кичи-Ахмета, приходил войной к Переяславлю-Рязанскому и стоял под городом три недели, каждый день идя на приступ и сражаясь; горожане же, милостью божьей и пречистой его матери, одолевали его и много у него татар перебили, а из горожан ни один поранен не был; и ушел прочь в великом позоре, а на улана Казат-мирзу держал большую досаду, ибо тот и привел его, не ожидая от русских никакого сопротивления. В тот же год на монастырском дворе Троице-Сергиева монастыря поставлена была церковь каменная святого Богоявления, да в тот же год перед княжьим дворцом Васильевича, у Боровицких ворот, заложили церковь каменную святого Иоанна Предтечи.

В год 69 (1461). Скончался князь великий Борис Александрович Тверской февраля в восемнадцатый день. И той же весною скончался Иона, митрополит киевский и всея Руси, марта в тридцать первый день. И поставили на митрополию Феодосия, архиепископа ростовского, мая в третий день.

В год 970 (1462). Месяца января двадцать четвертого, в день воскресный, в Чудовом монастыре у гроба святого Алексия-митрополита и чудотворца исцелило чернеца Наума, у которого была нога от рождения искривлена, почему и ходил на костыле, и стал здоровым. В ту же зиму, первого февраля, поставили в Москве епископа на Рязань Давыда, казначея Ионы. В ту же весну, в Великий пост на Федоровой неделе, пришла весть князю великому, что князя Василия Ярославича дети боярские и иные дворяне хитростью некоей хотели своего государя князя высвободить в Угличе из заключения, и обнаружился замысел их, и повелел князь великий схватить их: Володьку Давыдова, Парфена Бреина, Луку Посивьева и иных многих,— казнить, пороть и пытать, и конями волочить по всему городу и по всем площадям, а после всего повелел им головы отрубить. Множество же людей, видя все это, из бояр, и из купцов знатных, и из священников, и из простых людей, в великом были ужасе и изумлении, и жалостно видеть, как очи всех были слезами залиты, ибо никогда до того о таком и не слыхивали, не то чтоб видели, чтобы так у русских князей бывало; ведь к тому же и недостойно православного великого государя, единственного во всей вселенной, подобными казнями казнить и кровь проливать в святой Великий пост. Той же весною, немного спустя, в тот же Святой пост князь великий повелел у себя на спине трут попалить из-за сухотной болезни; великая же княгиня его и бояре его все воспрещали ему, он же их не послушал и с тех пор разболелся. В тот же год, месяца марта двадцать седьмого, скончался благоверный и христолюбивый князь

Василей Васильевичь, а княжение великое дасть столъ свой сыну своему, князю великому Иоану Васильевичю. А князю Юрью дасть город Дмитровъ, да Можаескъ, да Серпоховъ, да Хотунь, да бабины села и волости, великиѣ княгини Софии. А князю Андрѣю болшему город Углечь Поле, да Бѣжецский Верхъ, да Звенигород, да мати его, великая княгини Мариа, после великого князя жывота придала ему Романовъ город на Волзѣ, а прежде того былъ Ярославьское княжение. А князю Борису дал город Волок Ламьски, да Ржеву, да Рузу, да послѣ князь велики Иван придалъ ему Вышегород Поротовьский да Марьины села Голтяевы, бабы его, ему же далъ. А сыну своему князю Андрѣю Меншему далъ городъ Вологду, да Заозерье на Кубенѣ, да князь велики Иоан послѣ придалъ ему городокъ Торусу, да Городець на Поротвѣ. Того же лѣта князь велики Иоанъ Васильевичь сѣде на столѣ отца своего на великомъ княжении в Володимери и на великомъ княжении в Новѣгородѣ Великом и Нижнемъ, и на всей Руской земли ⟨...⟩.

В лѣто 971. Во градѣ Ярославли, при князи Александрѣ Феодоровиче Ярославьскомъ, у святаго Спаса в монастыри во общинѣ явися чюдотворець, князь велики Феодоръ Ростиславичь Смоленский, и з дѣтми, со княземъ Костянтиномъ и з Давидомъ, и почало от ихъ гроба прощати множество людей безчислено. Сии бо чюдотворци явйшася не на добро всѣм княземъ ярославскимъ: простилися со всѣми своими отчинами на вѣкъ, подавали ихъ великому князю Ивану Васильевичю, а князь велики противъ ихъ отчины подавалъ имъ волости и села; а изъ старины печаловался о них князю великому старому Алекси Полуектович, дьяк великого князя, чтобы отчина та не за ними была. А послѣ того в том же градѣ Ярославли явися новый чюдотворець, Иоанъ Огафоновичь Сущей, созиратай Ярославьской земли: у кого село добро, инъ отнялъ, а у кого деревня добра, инъ отнялъ да отписалъ на великого князя ю́, а кто будеть сам добръ, боаринъ или сынъ боярьской, инъ его самого записал; а иныхъ его чюдесъ множество не мощно исписати ни счести, понеже бо во плоти суще цьяшосъ.

В лѣто 972. Мѣсяца генуаря 28 князь велики ⟨...⟩ рязаньский женися на Москвѣ, у великого князя Ивана Васильевичя, поятъ у него сестру, княжну Анну. Тоа же зимы, мѣсяца марта, поставили на Москвѣ Иосифа Грека архиепископом в Кесарию Филиппову ⟨...⟩.

В лѣто 973. Феодосий митрополит остави митрополию сентебря 13. Тоѣ же осени, мѣсяца ноабря 11 поставили на Москвѣ в митрополиты владыку суздальскаго Филипа,

Василий Васильевич, а княжение великое, престол свой, завещал сыну своему, князю великому Ивану Васильевичу. А князю Юрию дал город Дмитров, да Можайск, да Серпухов, да Хотунь, да бабки села и волости, великой княгини Софьи. А князю Андрею Старшему город Угличе Поле, да Бежецкий Верх, да Звенигород, да и мать его, великая княгиня Мария, после великого князя кончины добавила ему Романов-городок на Волге, а до того было за ним Ярославское княжество. А князю Борису дал город Волок на Ламе, да Ржев, да Рузу, да и после князь великий Иван добавил ему Вышгород на Протве да и села Марьи Голтяевой, бабки его, ему же отдал. А сыну своему князю Андрею Младшему дал город Вологду да Заозерье на Кубенском озере, да князь великий Иван после добавил ему городок Тарусу да Городец на Протве. В тот же год князь великий Иван Васильевич сел на престол отца своего на великом княжении во Владимире и на великом княжении в Новгороде Великом и Нижнем, и по всей Русской земле ⟨...⟩.

В год 971 (1463). В городе Ярославле, при князе Александре Федоровиче Ярославском, у святого Спаса в монастыре у братий явился чудотворец, князь великий Федор Ростиславич Смоленский, погребенный с детьми — с князем Константином и с Давыдом, и совершилось у их гроба прощение множества людей — исцелялись без числа. Всем же князьям ярославским эти чудотворцы явились не на пользу: распрощались те со всеми своими владеньями навеки, отдавали их великому князю Ивану Васильевичу, а князь великий взамен их владений дал им другие волости и села; и изначала хлопотал о владеньях тех перед князем великим прежним Алексей Полуектович, дьяк великого князя, чтобы владенья те никак не вернулись им обратно. А после того объявился в том же граде Ярославле новый чудотворец, Иван Агафонович Сущий, соглядатай Ярославской земли: у кого село доброе — то и отнял, а у кого деревня хорошая — тоже отнял да отписал на великого князя ее, а кто будет и сам хорош, боярин иль сын боярский, тут и его самого записал; а прочих его чудес великое множество невозможно ни написать, ни исчесть, потому что во плоти он есть цьяшос.

В год 972 (1464). Месяца января двадцать восьмого князь великий ⟨...⟩ рязанский женился в Москве, у великого князя Ивана Васильевича взяв сестру его, княжну Анну. Той же зимою в месяце марте поставили в Москве Иосифа Грека архиепископом в Кесарию Филиппову ⟨...⟩.

В год 973 (1465). Феодосий-митрополит оставил митрополию сентября 13. Той же осенью, месяца ноября одиннадцатого, поставили в Москве митрополитом архиепископа суздальского Филиппа.

В лѣто 975. Месяца апрѣля 22 преставися великаа княгини Марья трефянка, въ 3 час нощи. Того же лѣта Трифонъ остави архиепископью ростовьскую. Того же лѣта церковь каменую святое Вознесение обновлено внутри града ⟨...⟩.

В лѣто 76. Князь великий Иван Васильевич посылал под Казань царевича Каисыма, да с ним князя Ивана Юрьевича, да князя Ивана Васильевича Стригу, и дворъ князя великого. И сташя у Волги втаи. И татарове была на них были вышли из судовъ, а наши хотели их заскочити от брега, и нѣкто юноша, именем Айдаръ, постелник великого князя, наполнився духа *ратна,* и не отпустя их нимало от судна, и кликну на них, они же устрашившеся, и вмѣташашась в суды, и побѣгоша на Волгу; в той день сдѣяся спасение велико татаром здоровиемъ Айдаровым Григорьева сына Карповича. Тое же осени Филипп митрополит Възнесение свящалъ въ городѣ каменое. Тогды же и рать была на черемису. Тое же осени поставили архимандрита Спасовьского Васияна Рыла въ архиепископью на Ростовъ, декабря 13.

В лѣто 977. Мѣсяца майа 27, в недѣлю Слѣпаго, князь Андрѣй Васильевичь Болшей женилъся, понял княжну Елену, мизоцьского князя дщерь. Тоѣ же весны князь велики Иван Васильевичь посlалъ на Казань рать судовую, а берегомъ послал брата своего, князя Юрья Васильевичя, да князя Андрѣа Болшего, да с ними всѣ князи и воеводы свои, и двор свой весь.

И судовая рать наперед пришла, маа 21, в недѣлю 50-ю, на ранней зори, и взяти имъ было Казань, пришли безвѣстно. И пожаловал ихъ наш воевода, именем Иван Дмитреевич, нарицаемый Руно, отбилъ их от ворот прочь, а татаром спящим.

И послѣ того, мѣсяца июня 4, Хрипунъ княжь Семеновъ сынъ Ряполовьского бил татаръ на берегу за Волгою и уби лиходѣа татарина Колупая, всѣхъ пуще татаръ, и ординьских и казаньскихъ. Того же лѣта князя великого дѣти боарьскиѣ со устюжаны шли в судѣхъ Волгою мимо Казань, а чаяли, что рать великого князя подъ Казанью, и татарове переняли ихъ в судѣх, да с ними былъ бой велми крѣпок, и дѣтей боярьскихъ и устюжан побили, а иных поимали, а князя великого рать в ту пору была в Новѣгородѣ в Нижнем, понеже бо татаровѣ всю рать судовую ис-подъ Казани отбили. А убили тогды на Волзѣ князя Данила Васильевичя Ярославьского да Никиту Костянтинова сына Бровцина, да устюжанъ много, а Тимофѣя Плещѣева Юрлища полонили и иныхъ много ⟨...⟩.

В лѣто 978. Мѣсяца сентебря 1 князь Юрьи Васильевичь прийде под Казань со всѣми силами; и судовые рати

В год 975 (1467). Месяца апреля двадцать второго скончалась великая княгиня Марья тверитянка в три часа ночи. В тот же год Трифон оставил архиепископство ростовское. В тот же год церковь каменная в честь святого Вознесения обновлена внутри Кремля ⟨...⟩.

В год 76 (1468). Князь великий Иван Васильевич посылал под Казань царевича Касыма, да с ним князя Ивана Юрьевича, да князя Ивана Васильевича Стригу и дворян своих. И стали у Волги скрытно. И лишь вышли было татары на них из судов,— а наши хотели их отрезать от берега,— как юноша некий, по имени Айдар, постельник великого князя, исполнясь ратного духа и не дав им времени отойти от судов их, заорал, и они устрашились, и бросились в суда, и побежали на Волгу; так в тот день и случилось: спаслись татары по милости Айдара, сына Григория Карповича. В ту же осень Филипп-митрополит церковь Вознесения освящал в городе каменную. Тогда же и поход был на черемис. Той же осенью поставили архимандрита спасского Вассиана Рыло на архиепископство в Ростов, декабря тринадцатого.

В год 977 (1469). Месяца мая двадцать седьмого, в неделю о Слепом, князь Андрей Васильевич Старший женился, взял в жены княжну Елену, мезецкого князя дочь. Той же весною князь великий Иван Васильевич послал на Казань войско судами, а берегом направил брата своего, князя Юрия Васильевича, да князя Андрея Старшего, а с ними всех князей, и воевод своих, и дворян своих всех.

И корабельное войско раньше пришло, мая двадцать первого, в воскресенье, на Пятидесятницу, на ранней заре; и взять бы им город, так внезапно пришли они, когда татары еще спали. Но почтил их наш воевода, по имени Иван Дмитриевич, по прозвищу Руно: отогнал от ворот прочь.

И после того, месяца июня четвертого, Хрипун, князя Семена сын, из Ряполовских, разбил татар на берегу за Волгой и убил лиходея татарина Колупая, злейшего из всех татар — и ордынских, и казанских. В тот же год князя великого дети боярские с устюжанами шли в кораблях Волгой мимо Казани и надеялись, что войско великого князя еще под Казанью, а татары перехватили их на судах, и был у них бой весьма жестокий; и детей боярских, и устюжан перебили, а прочих схватили, а князя великого войско в ту пору было в Новгороде в Нижнем, потому что татары все войско, бывшее в судах, от Казани отбили. А убили тогда на Волге князя Данила Васильевича Ярославского да Никиту Константинова, сына Бровцына, да устюжан много, а Тимофея Плещеева Юрлища в плен взяли и других много ⟨...⟩.

В год 978 (1470). Месяца сентября первого князь Юрий Васильевич подошел к Казани со всеми войсками; и корабельная

поидоша пѣши под городом; татарове же выѣхавше из града и побившеся мало, и побѣгоша во град, а русь погониша ихъ и сташа подъ городомъ, и окружывше ихъ, якоже силный лѣсъ, и воду отъаша у нихъ. Царь же Обреимъ, видя себе в велице бедѣ, и нача посылати послы ко князю Юрью Васильевичю, прося мира, князь же Юрьи помирися с нимъ на всей своей воли и какъ надобѣ брату его, великому князю. Того же лѣта, мѣсяца августа 30, погорѣ град Москва нутрь весь.

В лѣто 979. Ноабря 8 преставися архиепископъ Иона Новуграду. Тоѣ же осени поставленъ Прохоръ игуменъ на епископью на Сарайскую. Тое же весны, мѣсяца майя 9 князь Борисъ Васильевичь женилъся на Москвѣ, а понялъ княжну Ульяну, дщерь князя Михаила Дмитреевичя Холмьского. Того же лѣта, мѣсяца иуня 20, князь велики Иванъ Васильевичь, з братьею и со всѣми силами, поиде к Новугороду к Великому со вси страны, воюючи и плѣняющи за ихъ измѣну и неисправление. Новогородци же, собравше силу велику, и поидоша к рецѣ Шелонѣ на бой противъ великаго князя. А в то время случися туто быти князя великого воеводамъ: князю Данилу Дмитреевичю Холмьскому, да Феодору Давидовичю, и княжю Юрьеву воеводѣ Василью Феодоровичю Вельяминову, и воеводы, видѣвше новогородцкую рать, и поидоша на нихъ за рѣку Шелону и, перебредше, начяша битися. Новогородци же, мало бившеся, и побѣгоша. Москвичи же погониша их, бьюще и сѣкуще, и плѣняюще, бѣ бо пришло ихъ мьножество зѣло, якоже и лѣсъ, а москвичь мало велми, понеже бо не ѣдинимъ мѣстомъ князя великого рать пошла, но многими дорогами. И ту поимавше посадниковъ лучшихъ и людей добрых новогородцевъ, окупъ с нихъ имаху, а посадниковъ приведоша к великому князю, он же, разьярився за их измѣну, и повелѣ казнити их: кнутьемь бити и главы их отсещи. Сий же бой былъ мѣсяца иуля ⟨...⟩.

Того же лѣта вятчанѣ Сарай взяли. Того же лѣта князя великого воеводы: Василей Феодорович Образець да Борисъ Тютшевъ Слѣпець, а с ними устюжане, да вологжанѣ, да вятчяне пришли на Двину в судѣхъ, и срѣте ихъ князь Василей Васильевичь Суздальский со многою силою новогородскою и со всѣми двиняны в судѣхъ же, и обославшеся межь себе, излюбиша, вышед на берегъ, битися, и бысть им бой великъ зѣло, и победиша князя Василья, и новогородцкую силу побили, мало ихъ осталось, а князь Василей утече. Вездѣ бо бог помогаше великому князю за его исправление.

В лѣто 980. Сентебря 1 князь велики прииде на Москву со многою користию, а нареченный владыка Феофилъ и с лучшими

рать пошла пешком под город; татары же выехали из города и, посражавшись немного, побежали в город, а русские погнались за ними, и стали под городом, и, окружив их, как могучий лес, воду переняли у них. Царь же Ибрагим, видя себя в большой беде, начал слать послов к князю Юрию Васильевичу, прося мира; князь же Юрий заключил с ним мир по своему желанию и так, как нужно было брату его, великому князю. В тот же год, месяца августа тридцатого, погорел город Москва внутри весь.

В год 979 (1471). Ноября восьмого скончался архиепископ Иона в Новгороде. Той же осенью поставлен Прохор-игумен епископом сарайским. Той же весною, месяца мая девятого, князь Борис Васильевич женился в Москве, а взял в жены княжну Ульяну, дочь князя Михаила Дмитриевича Холмского. В тот же год, месяца июня двадцатого, князь великий Иван Васильевич с братьями и со всем войском пошел к Новгороду Великому со всех сторон, покоряя и полоняя новгородцев за измену и непокорство. Новгородцы же, собрав большое войско, пошли к реке Шелони на битву с великим князем. А в то время случилось тут быть князя великого воеводам: князю Даниле Дмитриевичу Холмскому да Федору Давыдовичу, и князя Юрия воеводе Василию Федоровичу Вельяминову,— и воеводы, увидев новгородскую рать, пошли на них за реку Шелонь и, перейдя ее вброд, начали биться. Новгородцы же, немного сразившись, побежали, москвичи же погнали их, избивая, и посекая, и пленя, потому что ведь много очень пришло новгородцев, как деревьев в лесу, а москвичей было мало очень, поскольку не по одному пути князя великого войско пошло, но многими дорогами. И тут, схватив посадников знатных и людей богатых новгородцев, выкуп с них взяли, а посадников привели к великому князю; тот же, возъярясь за их измену, повелел казнить их: кнутами бить и головы им отрубить. Был же этот бой месяца июля четырнадцатого ⟨...⟩.

В тот же год вятчане Сарай взяли. В тот же год князя великого воеводы: Василий Федорович Образец да Борис Тютчев Слепец, а с ними устюжане, да вологжане, да вятчане пришли на Двину на судах, и встретил их князь Василий Васильевич Суздальский с большим новгородским войском и со всеми двинянами, тоже на кораблях, и, рассудя меж собою, выбрали, выйдя на берег, место сраженья, и был между ними очень большой бой, и победили князя Василия, и новгородское войско побили; мало их осталось, а князь Василий бежал. Так везде бог помогал великому князю за его справедливое дело.

В год 980 (1472). Сентября первого князь великий вернулся в Москву со многой добычей, а нареченный архиепископ Феофил

людми со останощными доби челомъ на всей воли его. Того же лѣта, месяца ноабря 8, поставили игумена Филофиа ис Ферапонтовы пустыни на Пермь во епископы. Тоѣ же осени, месяца декабря 8, поставленъ бысть во епископы на Рязань Феодосий, анхимандритъ Чюдский. Того же мѣсяца, 15, поставили на Москвѣ во архиепископы Феофила в Новьгородъ Велик. Тоѣ же зимы по Рожествѣ Христовѣ авися звѣзда велика, а от неа луч велик и долог и велми свѣтелъ, свѣтлие самоѣ звѣзды, а восхождаше о 6 часѣ нощи съ лѣтнего восхода солнечнаго и идяше к западу лѣтнему же; а лучь въперед от нея, а на конець луча того, аки птичь хвостъ распростертъ. Того же лѣта мѣсяца генваря явися другая звѣзда хвостата же над лѣтнимъ западомъ, хвость же еа тонокъ, а не добрѣ долог, вверхъ к той звѣздѣ концемь, а первыѣ звѣзды луч темнѣе; но первая звѣзда за 3 часы до восхода солнечнаго погибаше, на коем мѣсте ставилася, а та звѣзда другая по за*х*ождении солнца толико же часовъ, а на том же мѣсте являшеся. Тоѣ же зимы князь велики послалъ князя Феодора ⟨...⟩ Пестрого воевати Перми Великиѣ за ихъ неисправление. Тое же весны, мѣсяца апрѣля въ 30, Филипъ митрополитъ заложи церковь Успение святыя богородица на площади у своего двора, а разрушы церковь камену же, юже Петръ митрополит заложилъ; и выняша мощи святаго Петра митрополита, и Феогнаста, и Киприана, и Фотиа, и Иону митрополита ⟨...⟩.

Того же лѣта, июня въ 26, в пяток, приде вѣсть к великому княз*ю* ис Перми, что воевода его князь Феодоръ Пестрой землю Пермьскую взял, а которые князю великому грубили, тѣх всѣх поимал, к великому князю прислал, а землю всю привел за него. Того же лѣта, иуля въ 20, на Ильинъ день, въ 3 час нощи загорѣся посад на Москвѣ, и много дворов погорѣ, и церкви от Голутвинского двора. Того же лѣта безбожный царь Ахмут Кичиахметевич со всею Ордою поиде на Русь, и подшед близ Руси, и остави у цариц старых и болных и малых, и поиде съ проводники непутма, и проиде к рецѣ Окѣ под город под Олексин с литовского рубежа, а въ градѣ том бѣаше воевода, именем Симион Васильевичь Беклемишевъ, человѣкъ на рати велми храбръ. И повелѣ ему князь великий осаду распустити, поне же не успѣша доспѣха ничесо же запасти, чѣмь битися с татары. Он же захотѣ у них посула, и гражданѣ алексинци даваша ему 5 рублевъ, и захотѣ у них еще шестаго рубля, жѣне своей, и се глаголющи имь, приидоша татарове. Семенъ же побѣже за рѣку Оку съ женою и съ слугами, и татарове за нимъ в рѣку. И в то врѣмя приспѣ на бѣрегъ князь

с оставшимися в живых знатными новгородцами бил ему челом по всей его воле. В тот же год, месяца ноября восьмого, поставили игумена Филофея из Ферапонтова монастыря в Пермь епископом. Той же осенью, месяца декабря восьмого, поставлен был епископом в Рязань Феодосий, архимандрит Чудского монастыря. Того же месяца, пятнадцатого, поставили в Москве в архиепископы в Новгород Великий Феофила. Той же зимой после Рождества Христова явилась звезда великая, а от нее луч большой, и длинный, и очень светлый, светлее самой звезды; а всходила около шести часов вечера, там, где солнце встает летом, и шла к закату летнему; а луч впереди нее, а на конце луча того будто птичий хвост распростертый. В тот же год месяца января явилась другая звезда хвостатая, но на заходе летнем; хвост же ее тонок и не очень длинен, вверх, к той звезде концом, а луч темнее, чем у первой звезды; но первая звезда за три часа до восхода солнечного исчезала на том месте, где возникала, а эта другая звезда через столько же часов после захождения солнца на том же месте являлась. Той же зимою князь великий послал князя Федора 〈...〉 Пестрого воевать Пермь Великую за их непокорство. Той же весною, месяца апреля тридцатого, Филипп-митрополит заложил церковь Успения святой богородицы на площади у своего двора и разобрал церковь каменную же, которую Петр-митрополит еще заложил; и извлекли мощи святого Петра-митрополита, и Феогноста, и Киприана, и Фотия, и Ионы-митрополита 〈...〉.

В тот же год, июня двадцать шестого, в пятницу, пришла к князю великому весть из Перми, что воевода его князь Федор Пестрый землю Пермскую покорил, а тех, которые князю великому зло причинили, всех поймал и к великому князю отправил, земля же вся ему присягала. В тот же год, июля двадцатого, на Ильин день, в третий час ночи загорелся посад в Москве, и много дворов погорело и церквей, начиная от Голутвинского подворья. В том же году безбожный царь Ахмат Кичиахметьевич со всею Ордою пошел на Русь, и, дойдя до Руси, оставил с царицами старых и больных и малых, и пошел с проводниками по бездорожью, и подошел к реке Оке под городок под Алексин у литовской границы, а в городке том был воеводой Семен Васильевич Беклемишев, человек в бою очень храбрый. И приказал ему князь великий защитников распустить, потому что не успели никакого оружия запасти, которым с татарами биться. И он пожелал получить отступного с них, и горожане-алексинцы давали ему пять рублей, а он захотел от них еще и шестого, для жены своей; и пока так они толковали, пришли татары. И Семен побежал за реку Оку с женой и со слугами, да и татары за ним в воду. А в то время подоспел к берегу князь

Василий Михайлович Удалый не съ многыми людми, и нача с татары битися, и не пусти их через рѣку.

И по малѣ времени прииде князь Юрьи Васильевичь изъ Серпохова, со многими силами своими; и потом прииде князь Борисъ Васильевич, братъ его, с Козлова броду, з дворомъ своимъ; и часа того же князя великого воевода Петръ Феодорович Челяднинъ приспѣ со множествомъ вои, князя великого двором, и бѣ видѣти татаромъ велми страшно, такоже и самому царю, множество воа русского. А лучися тогды день солнечный: якоже море колиблющеся, или езеро синѣющеся, вси в голыхъ доспѣсехъ и в шеломцѣхъ сь аловци, и не мога царь ничтоже створити, и повелѣ к городу приступати татаромъ своимъ; они же крѣпко начаша битися с ними з города и убиша у нихъ много татаръ под Олексинымь. И почаше изнемогати во град людие, понеже нѣчим имъ битися, не бысть у нихъ никакова же запаса: ни пушокъ, ни тюфяковъ, ни пищалей, ни стрѣлъ. И татарове зажгоша градъ, и людие же градстии изволиша огнемъ згорѣти, нежели предатися в руцѣ поганых. Князи же и воеводы, видѣвше християньство погибаемо, и велми восплакахуся, зане не бѣ имъ куды пособити великиа ради реки Оки непроходимыя. Царь же и вьси татарове, видѣвше множество руси, наипаче бояхуся князя Юрья Васильевичя, понеже бо имени его трепетаху, и нелзѣ бѣ ступитися на бой, но чааху татарове и самого князя великого туто. И начаша кликати чрезъ рѣку наших татаръ, и приѣхаша к ним на берегъ противу ихъ, и вспрашаху про великого князя и про царевичя Данияра, и о братии великого князя. Они же сказаша, яко князь велики стоить под Ростиславлемъ со многими силами, а царевичь Даниаръ Касымовичь на Коломнѣ стоитъ своимъ дворомъ, а с ним множество воевь, великого князя воеводъ, а князь Андрѣй Васильевичь да брат его князь Андрѣй Васильевичь Менший стоятъ в Торусѣ, з дворы своими и со иными многими силами. Татарове же, удивльшеся множество воя русского, и воспросиша: «А сей кто стоить противъ царя?» И рекоша нашы: «А то князь Юрьи да князь Борис, братья великого князя, толко пришли с своими дворы». Татарове, слышавше, и сказаша царю своему, царь же часа того побѣже прочь.

А водя съ собою посла князя великого, киличиа Григориа Влънина, и блудучися того, егда князя великого царевичи възмут Орду и царици его. Тогды же княгини великая еха в Ростовъ, и разболѣся в Ростовѣ. Князь же великий прииде на Москву, и князь Юрьи с ним. И слыша матерьню болѣзнь, и погони навѣщати матери с меншею братиею. А князь Юрьи разболѣся и преставися, лѣта 81, сентября 12.

Василий Михайлович Удалой с немногими людьми, и начал с татарами биться, и не пустил их за реку.

А немного спустя пришел князь Юрий Васильевич из Серпухова со многими своими войсками; и потом подошел князь Борис Васильевич, брат его, от Козлова брода с дворянами своими; и тотчас же князя великого воевода Петр Федорович Челяднин подоспел со множеством воинов, князя великого дворян,— и было видеть татарам очень страшно, также и самому царю, множество воинов русских. А случился тогда день солнечный: будто море колеблющееся или озеро синеющее, все в обнаженных доспехах и в шлемах с яловцами, и не смог царь ничего поделать, и приказал к городу приступить татарам своим; осажденные же твердо стали сражаться с ними из города и убили у них много татар под Алексином. И начали уже изнемогать в городе люди, потому что нечем им стало сражаться, не осталось у них никакого запаса: ни пушек, ни ружей, ни пищалей, ни стрел. И татары подожгли город, а жители городские решили лучше в огне сгореть, чем сдаться в руки неверным. Князья же и воеводы, видя христиан погибающих, горько восплакались, ибо никак не могли пособить им из-за широкой реки Оки непроходимой. Царь же и все татары, видев множество русских, больше всего боялись князя Юрия Васильевича, потому что и имени его трепетали, и невозможно было начать боя — предполагали татары, что и князь великий сам тут. И начали звать через реку наших татар, а когда те подъехали на берег напротив их, стали расспрашивать про великого князя, и про царевича Данияра, и про братьев великого князя. Те же открыли им, что князь великий стоит под Ростиславлем со многим войском, а царевич Данияр Касымович в Коломне стоит со своими дворянами и с ним множество воинов и великого князя воевод, а князь Андрей Васильевич да брат его князь Андрей Васильевич Младший стоят в Тарусе с дворянами своими и с иными многими войсками. Татары же, подивившись множеству воинов русских, спросили: «А здесь кто стоит против царя?» И ответили наши: «А это князь Юрий да князь Борис, братья великого князя, только они и пришли со своими дворянами». Услышав все это, татары передали царю своему, царь же тотчас устремился прочь.

А с собою увел посла великого князя, киличея Григория Волнина, остерегаясь того, что князя великого царевичи захватят Орду и цариц его. Тогда же княгиня великая поехала в Ростов и разболелась в Ростове. Князь же великий пришел в Москву, и князь Юрий с ним, но, прознав о болезни матери, помчался навестить мать с младшими братьями. А князь Юрий разболелся и умер в год 81 (1472) сентября двенадцатого.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДОПОЛНЕНИЯ В ЕРМОЛИНСКОЙ ЛЕТОПИСИ, СВЯЗАННЫЕ С ВАСИЛИЕМ ДМИТРИЕВИЧЕМ ЕРМОЛИНЫМ

[6970] ⟨...⟩. Того же лѣта, мѣсяца июля 27, священа бысть церковь камена святый Афонасей на Москвѣ, во Фроловьскихъ воротехъ, а придѣлъ у неа святый Пантелѣймонъ, а ставилъ еѣ Василей Дмитреевъ сынъ Ермолина. Того же лѣта стѣна поновлена городная от Свибловы стрѣльници до Боровицких воротъ, каменем, предстательствомъ Василия Дмитреева сына Ермолина.

[6972] ⟨...⟩ Того же лѣта, мѣсяца июля 15, поставленъ бысть святый великий мученикъ Георгий на воротехъ на Фроловьскихъ, рѣзанъ на камени, а нарядомъ Васильевымъ, Дмитреева сына Ермолина.

В лѣто 974. Поставленъ бысть святый великий мученикъ Дмитрей на Фроловьскихъ воротехъ изнутри града, а рѣзанъ в камени, а повелѣниемь Василья Дмитреева сына Ермолина.

[6975] ⟨...⟩. Того же лѣта церковь камена святое Вознесение обновлено внутри града, что была заложила княгини великая Евдокия, после своего огосударя великаго князя Дмитреа Иоановича, повелѣниемъ великиѣ княгини Марьи, а предстательствомъ Василья Дмитреева сына Ермолина.

[6977] ⟨...⟩. Того же лѣта в Серьгеевѣ монастыри у Троици поставили трапезу камену, а предстатель у неѣ былъ Василей Дмитреевъ сынъ Ермолина. ⟨...⟩ Того же лѣта в Володимери обновили двѣ церкви камены, Воздвижение въ торгу, а другую на Золотыхъ Воротехъ, а предстательствомь Василья Дмитреева сына Ермолина.

[6979] ⟨...⟩. Того же лѣта во градѣ Юрьевѣ в Полскомъ бывала церковь камена святый Георгий, а придѣлъ святая Троица, а рѣзаны на камени вси, и розвалилися вси до земли; повелѣниемь князя великого Василѣй Дмитреевь тѣ церкви собралъ вси изнова и поставилъ, какъ и прежде.

[6980] ⟨...⟩. Тое же весны, мѣсяца апрѣля въ 30, Филипъ митрополитъ заложи церковь Успение святыя богородица ⟨...⟩. А предстатель были у тоѣ церкви Василей Дмитреевь да Иванъ Голова Володимеровъ, и промежь ихъ бысть пря, и отступися всего наряда Василей, а Иванъ почя наряжати.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДОПОЛНЕНИЯ В ЕРМОЛИНСКОЙ ЛЕТОПИСИ, СВЯЗАННЫЕ С ВАСИЛИЕМ ДМИТРИЕВИЧЕМ ЕРМОЛИНЫМ

[6970] (1462) 〈...〉. В тот же год, месяца июля двадцать седьмого, освящена была церковь каменная святого Афанасия в Москве при Фроловских воротах, с приделом в честь святого Пантелеймона; а ставил ее Василий Дмитриев сын Ермолин. В тот же год обновлена городская стена от Свибловой башни до Боровицких ворот камнем под руководством Василия Дмитриева сына Ермолина.

[6972] (1464) 〈...〉. В тот же год, месяца июля пятнадцатого, поставлено изображение святого великого мученика Георгия на воротах Фроловских, вырезанное из камня по подряду Васильеву Дмитриева сына Ермолина.

В год 974 (1466) 〈...〉. Поставлено было изображение святого великого мученика Дмитрия на Фроловских воротах изнутри кремля, а резан из камня, повелением Василия Дмитриева сына Ермолина.

[6975] (1467) 〈...〉. В тот же год обновлена внутри кремля церковь каменная святого Вознесения, которую заложила княгиня великая Евдокия после кончины своего государя великого князя Дмитрия Ивановича, повелением великой княгини Марии и по подряду Василия Дмитриева сына Ермолина.

[6977] (1469) 〈...〉. В тот же год в Сергиевом монастыре у Троицы поставили трапезу каменную, а руководствовал Василий Дмитриев, сын Ермолин. 〈...〉 В тот же год во Владимире обновили две церкви каменные, Воздвиженья на торгу, а другую на Золотых Воротах, по подряду Василия Дмитриева сына Ермолина.

[6979] (1471) 〈...〉. В том же году в городе Юрьеве-Польском развалившуюся до основания церковь каменную святого Георгия, с приделом святой Троицы, с резьбой по камню повелением князя великого Василий Дмитриев собрал и поставил как прежде.

[6980] (1472) 〈...〉. Той же весною, месяца апреля 30, Филипп-митрополит заложил церковь Успения святой богородицы 〈...〉. А руководителями были у той церкви Василий Дмитриев да Иван Владимиров Голова, и меж ними возникла ссора, и отступился от этой работы Василий, а Иван стал распоряжаться.

«ХОЖДЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ» АФАНАСИЯ НИКИТИНА

В лето 6983 ⟨...⟩. Того же году обретох написание Офонаса тверитина купца, что былъ в Ындѣе 4 годы, а ходил, сказывает, с Василиемъ Папиным. Азъ же опытах, коли Василей ходил с кречаты послом от великого князя, и сказаша ми — за год до казанского похода пришел из Орды, коли князь Юрьи под Казанию был, тогды его под Казанью застрелили. Се же написано не обретох, в кое лѣто пошел или в кое лѣто пришел из Ындѣя, умер, а сказывают, что, деи, Смоленьска не дошед, умеръ. А писание то своею рукою написал, иже его руки тѣ тетрати привезли гости к Мамыреву Василию, к дияку к великого князя на Москву.

За молитву святыхъ отець наших, господи Исусе Христе, сыне божий, помилуй мя, раба своего грѣшнаго Афонасья Микитина сына.

Се написах свое грѣшное хожение за три моря: 1-е море Дербеньское, дориа Хвалит*ьскаа*; 2-е море Индѣйское, дорѣя Гундустанскаа; 3-е море Черное, дориа Стебольская.

Поидох от Спаса святаго златоверхаго и сь его милостию, от государя своего от великаго князя Михаила Борисовича Тверскаго, и от владыкы Генадия Тверскаго, и Бориса Захарьича.

И поидох вниз Волгою. И приидох в манастырь Колязин ко святѣй Троицы живоначалной и къ святым мученико м Борису и Глѣбу. И у игумена благословив у Макария и у святыа братьи. И ис Колязина поидох на Углеч, и с Углеча отпустили мя доброволно. И оттуду поидох, с Углеча, и приѣхалъ есми на Кострому ко князю Александру с ыною грамотою

«ХОЖДЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ» АФАНАСИЯ НИКИТИНА

В год 6983 (1475) ⟨...⟩. В том же году получил записи Афанасия, купца тверского, был он в Индии четыре года, а пишет, что отправился в путь с Василием Папиным. Я же расспрашивал, когда Василий Папин послан был с кречетами послом от великого князя, и сказали мне — за год до казанского похода вернулся он из Орды, а погиб под Казанью, стрелой простреленный, когда князь Юрий на Казань ходил. В записях же не нашел, в каком году Афанасий пошел или в каком году вернулся из Индии и умер, а говорят, что умер, до Смоленска не дойдя. А записи он своей рукой писал, и те тетради с его записями привезли купцы в Москву Василию Мамыреву, дьяку великого князя.

За молитву святых отцов наших, господи Иисусе Христе, сыне божий, помилуй меня, раба своего грешного Афанасия Никитина сына.

Записал я здесь про свое грешное хождение за три моря: первое море — Дербентское, дарья Хвалисская, второе море — Индийское, дарья Гундустанская, третье море — Черное, дарья Стамбульская.

Пошел я от Спаса святого златоверхого с его милостью, от государя своего великого князя Михаила Борисовича Тверского, от владыки Геннадия Тверского и от Бориса Захарьича.

Поплыл я вниз Волгою. И пришел в монастырь калязинский к святой Троице живоначальной и святым мученикам Борису и Глебу. И у игумена Макария и святой братии получил благословение. Из Калязина плыл до Углича, и из Углича отпустили меня без препятствий. И, отплыв из Углича, приехал в Кострому и пришел к князю Александру с другой грамотой

великого князя. И отпустили мя доброволно. И на Плесо приѣхал есми доброволно.

И приѣхал есми в Новгород в Нижней к Михайло х Киселеву, *к намѣстьнику,* и к пошлиннику к Ывану к Сараеву, и они мя отпустили доброволно. А Василей Папин проѣхал мимо город двѣ недѣли, и яз ждал в Новѣгороде в Нижнем две недѣли посла татарскаго ширваншина Асанбега, а ѣхал с кречаты от великого князя Ивана, а кречатов у него девяносто.

И приѣхал есми с ними на низ Волгою. И Казань есмя проѣхали доброволно, не видали никого, и Орду есмя проѣхали, *и Усланъ,* и Сарай, *и Берекезаны* есмя проѣхали. И вьѣхали есмя в Бузанъ. Ту наѣхали на нас три татарины поганые и сказали нам лживые вѣсти: «Кайсым салтан стережет гостей в Бузани, а с ним три тысящи татар». И посол ширваншин Асанбѣгъ дал имъ по однорятке да по полотну, чтобы провели мимо Хазтарахан. А оны, поганые татарове, по однорятке взяли, да вѣсть дали в Хазтараханъ царю. И яз свое судно покинул да полѣз есми на судно на послово и с товарищи своими.

Поѣхали есмя мимо Хазтарахан, а мѣсяць свѣтит, и царь нас видел, и татарове к нам кликали: «Качма, не бѣгайте!» А мы того не слыхали ничего, а бежали есмя парусом. По нашим грехом царь послал за нами всю свою орду. Ини нас постигли на Богунѣ и учали нас стреляти. И у нас застрелили человѣка, а у них дву татаринов застрѣлили. И судно наше *меншее* стало на ѣзу, и они нас взяли да того часу разграбили, а моя была мѣлкая рухлядь вся в меншем судне.

А в болшом суднѣ есмя дошли до моря, ино стало на усть Волги на мели, и они нас туто взяли, да судно есмя взад велѣли тянути вверхъ *до* ѣзу. И тут судно наше *болшее* пограбили и четыре головы взяли руские, а нас отпустили голыми головами за море, а вверхъ нас не пропустили вѣсти дѣля.

И пошли есмя в Дербенть, заплакавши, двема суды: в одном судне посол Асанбѣг, да тезикы, да русаков нас десеть головами; а в другом судне 6 москвич, да шесть тверич, да коровы, да кормъ нашь. А въстала фуртовина на море, да судно меншое разбило о берег. А ту есть городок Тархи, а люди вышли на берегъ, и пришли кайтакы да людей поимали всѣх.

И пришли есмя в Дербенть, и ту Василей поздорову пришел, а мы пограблени. *И билъ есми* челом Василию Папину да послу ширваншину Асанбѣгу, что есмя с *нимъ* пришли, чтобы ся печаловал о людех, что их поимали под Тархи кайтаки. И Асанбѣг печаловался и ѣздил на гору къ Булатубегу. И Булатбегъ послал скорохода ко *ширван*шибегу, что: «господине, судно руское розбило под Тархи, и кайтаки, пришед, люди поимали, а товар их розграбили».

великого князя. И отпустили меня без препятствий. И в Плес приехал без препятствий.

И приехал я в Нижний Новгород к Михаилу Киселеву, наместнику, и к пошленнику Ивану Сараеву, и отпустили они меня без препятствий. А Василий Папин, однако, город уже проехал, и я в Нижнем Новгороде две недели ждал Хасан-бека, посла ширваншаха татарского. А ехал он с кречетами от великого князя Ивана, и кречетов у него было девяносто.

Поплыл я с ними вниз по Волге. Казань прошли без препятствий, не видали никого, и Орду, и Услан, и Сарай, и Берекезан проплыли и вошли в Бузан. И тут встретили нас три татарина неверных да ложную весть нам передали: «Султан Касим подстерегает купцов на Бузане, а с ним три тысячи татар». Посол ширваншаха Хасан-бек дал им по кафтану-однорядке и по штуке полотна, чтобы провели нас мимо Астрахани. А они, неверные татары, по однорядке-то взяли, да в Астрахань царю весть подали. А я с товарищами свое судно покинул, перешел на посольское судно.

Плывем мы мимо Астрахани, а месяц светит, и царь нас увидел, и татары нам кричали: «Качма — не бегите!» А мы этого ничего не слыхали и бежим себе под парусом. За грехи наши послал царь за нами всех своих людей. Настигли они нас на Богуне и начали в нас стрелять. У нас застрелили человека, и мы у них двух татар застрелили. А меньшее наше судно у еза застряло, и они его тут же взяли да разграбили, а моя вся поклажа была на том судне.

Дошли мы до моря на большом судне, да стало оно на мели в устье Волги, и тут они нас настигли и велели судно тянуть вверх по реке до еза. И судно наше большое тут пограбили и четыре человека русских в плен взяли, а нас отпустили голыми головами за море, а назад, вверх по реке, не пропустили, чтобы вести не подали.

И пошли мы, заплакав, на двух судах в Дербент: в одном судне посол Хасан-бек, да тезики, да нас, русских, десять человек; а в другом судне — шесть москвичей, да шесть тверичей, да коровы, да корм наш. И поднялась на море буря, и судно меньшее разбило о берег. И тут стоит городок Тарки, и вышли люди на берег, да пришли кайтаки и всех взяли в плен.

И пришли мы в Дербент, и Василий благополучно туда пришел, а мы ограблены. И я бил челом Василию Папину и послу ширваншаха Хасан-беку, с которым мы пришли — чтоб похлопотал о людях, которых кайтаки под Тарками захватили. И Хасан-бек ездил на гору к Булат-беку просить. И Булат-бек послал скорохода к ширваншаху передать: «Господин! Судно русское разбилось под Тарками, и кайтаки, придя, людей в плен взяли, а товар их разграбили».

И ширваншабегъ того же часа послал посла к шурину своему Алильбегу, кайтачевскому князю, что: «судно ся *мое* розбило под Тархи, и твои люди, пришед, людей поимали, а товаръ их пограбили; и ты чтобы, меня дѣля, люди ко мнѣ прислал и товар их собрал, занже тѣ люди посланы на мое имя. А что будет тебѣ надобе у меня, и ты ко мнѣ пришли, и яз тебѣ, своему брату, не бороню. А тѣ люди пошли на мое имя, и ты бы их отпустил ко мнѣ доброволно, меня дѣля». И Алильбегъ того часа люди отслал всѣх в Дербентъ доброволно, а из Дербенту послали их к ширванши в ърду его, коитулъ.

А мы поехали к ширъванше во и коитулъ и били есмя ему челом, чтобы нас пожаловалъ, чѣм доити до Руси. И он намъ не дал ничего, ано нас много. И мы, заплакавъ, да розошлися кои куды: у кого что есть на Руси, и тот пошелъ на Русь; а кой должен, а тот пошел куды его очи понесли. А иные осталися в Шамахѣе, а иные пошли роботать к Бакѣ.

А яз пошелъ к Дербенти, а из Дербенти к Бакѣ, гдѣ огнь горить неугасимы; а изъ Баки пошелъ есми за море к Чебокару.

Да тутъ есми жил в Чебокарѣ 6 мѣсяць, да в Сарѣ жил мѣсяць, в Маздраньской земли. А оттуды ко Амили, и тутъ жилъ есми мѣсяць. А оттуды к Димованту, а из Димованту ко Рею. А ту убили Шаусеня, Алеевых детей и внучатъ Махметевых, и онъ их проклялъ, ино 70 городовъ ся розвалило.

А из Дрѣя к Кашени, и тутъ есми был мѣсяць, а из Кашени к Наину, а из Наина ко Ездѣи, и тутъ жилъ есми мѣсяць. А из Диесъ къ Сырчану, а изъ Сырчана къ Тарому, а фуники кормять животину, батманъ по 4 алтыны. А изъ Торома к Лару, а изъ Лара к Бендерю, и тутъ есть пристанище Гурмызьское. И тут есть море Индѣйское, а парьсѣйскым языкомъ и Гондустаньскаа дория; и оттуды ити моремъ до Гурмыза 4 мили.

А Гурмызъ есть на островѣ, а ежедень поимаеть его море по двожды на день. И тут есми взял первый Великъ день, а пришел есми в Гурмыз за четыре недѣли до Велика дни. А то есми городы не всѣ писал, много городов великих. А в Гурмызе есть солнце варно, человѣка сожжет. А в Гурмызе был есми мѣсяць, а из Гурмыза пошел есми за море Индѣйское по Велице дни в Радуницу, в таву с конми.

И шли есмя морем до Мошката 10 дни; а от Мошката до Дѣгу 4 дни; а от Дѣга Кузряту; а от Кузрята Конбаату. А тут ся родит краска да лекъ. А от Конбата к Чювилю, а от Чювиля есмя *пошли* въ 7-ую недѣлю по Велице дни, а шли в тавѣ есмя 6 недѣль морем до Чивиля.

И тут есть Индийская страна, и люди ходят всѣ наги, а голова не покрыта, а груди голы, а власы в одну косу заплетены,

И ширваншах посла тотчас послал к шурину своему, князю кайтаков Халил-беку: «Судно мое разбилось под Тарками, и твои люди, придя, людей с него захватили, а товар их разграбили; и ты, меня ради, людей ко мне пришли и товар их собери, потому что те люди посланы ко мне. А что тебе от меня нужно будет, и ты ко мне присылай, и я тебе, брату своему, ни в чем перечить не стану. А те люди ко мне шли, и ты, меня ради, отпусти их ко мне без препятствий». И Халил-бек всех людей отпустил в Дербент тотчас без препятствий, а из Дербента отослали их к ширваншаху в ставку его — койтул.

Поехали мы к ширваншаху в ставку его и били ему челом, чтоб нас пожаловал, чем дойти до Руси. И не дал он нам ничего: дескать, много нас. И разошлись мы, заплакав, кто куда: у кого что осталось на Руси, тот пошел на Русь, а кто был должен, тот пошел куда глаза глядят. А иные остались в Шемахе, иные же пошли в Баку работать.

А я пошел в Дербент, а из Дербента в Баку, где огонь горит неугасимый; а из Баку пошел за море — в Чапакур.

И прожил я в Чапакуре шесть месяцев, да в Сари жил месяц, в Мазандаранской земле. А оттуда пошел к Амолю и жил тут месяц. А оттуда пошел к Демавенду, а из Демавенда — к Рею. Тут убили шаха Хусейна, из детей Али, внуков Мухаммеда, и пало на убийц проклятие Мухаммеда — семьдесят городов разрушилось.

Из Рея пошел я к Кашану и жил тут месяц, а из Кашана — к Наину, а из Наина к Йезду и тут жил месяц. А из Йезда пошел к Сирджану, а из Сирджана — к Тарому, домашний скот здесь кормят финиками, по четыре алтына продают батман фиников. А из Тарома пошел к Лару, а из Лара — к Бендеру — то пристань Ормузская. И тут море Индийское, по-персидски дарья Гундустанская; до Ормуза-града отсюда четыре мили идти.

А Ормуз — на острове, и море наступает на него всякий день по два раза. Тут провел я первую Пасху, а пришел в Ормуз за четыре недели до Пасхи. И потому я города не все назвал, что много еще городов больших. Велик солнечный жар в Ормузе, человека сожжет. В Ормузе был я месяц, а из Ормуза после Пасхи в день Радуницы пошел я в таве с конями за море Индийское.

И шли мы морем до Маската десять дней, а от Маската до Дега четыре дня, а от Дега до Гуджарата, а от Гуджарата до Камбея. Тут родится краска да лак. От Камбея поплыли к Чаулу, а из Чаула вышли в седьмую неделю после Пасхи, а морем шли шесть недель в таве до Чаула.

И тут Индийская страна, и люди ходят нагие, а голова не покрыта, а груди голы, а волосы в одну косу заплетены,

а всѣ ходят брюхаты, а дѣти родятся на всякый год, а детей у них много. А мужики и жонкы всѣ нагы, а всѣ черны. Яз куды хожу, ино за мною людей много, да дивуются бѣлому человѣку. А князь ихъ — фота на головѣ, а другая на гузнѣ; а бояре у них — фота на плещѣ, а другаа на гузне, княини ходят фота на плещѣ обогнута, а другаа на гузне. А слуги княжие и боярьские — фота на гузне обогнута, да щит, да меч в руках, а иные с сулицами, а иные с ножи, а иные с саблями, а иные с луки и стрелами; а всѣ наги, да босы, да болкаты, а волосовъ не бреют. А жонки ходят голова не покрыта, а сосцы голы; а паропки да девочки ходят наги до семи лѣт, сором не покрыт.

А ис Чювиля сухом пошли есмя до Пали 8 дни, *до индѣйскыя горы*. А от Пали до Умри 10 дни, и то есть город индѣйскый. А от Умри до Чюнеря 7 дни.

Ту есть Асатхан Чюнерскыа индийскый, а холоп меликътучаровъ. А держит, *сказывають*, семь темъ от меликъточара. А меликътучар седит на 20 тмах; а бьется с кафары 20 лѣт есть, то его побивают, то он побивает ихъ многажды. Хан же Асъ ѣздит на людех. А слонов у него много, а коней у него много добрых, а людей у него много хоросанцев. А привозят ихъ из Хоросаньские земли, а иные из Орапской земли, а иные ис Туркменскые земли, а иные ис Чеботайские земли, а привозят все морем в тавах — индѣйские карабли.

И яз грѣшный привезлъ жеребца в Ындѣйскую землю, и дошелъ есми до Чюнеря богъ далъ поздорову все, а стал ми во сто рублев. Зима же у них стала с Троицына дни. А зимовали есмя в Чюнерѣ, жили есмя два мѣсяца. Ежедень и нощь 4 месяцы всюда вода да грязь. В тѣ же дни у них орют да сѣют пшеницу, да тутурган, да ногут, да все сьѣстное. Вино же у них чинят в великых орѣхех — кози гундустанская; а брагу чинят в татну. Кони же кормят нофутом, да варят кичирисъ с сахаром, да кормят кони, да с маслом, порану же дают имъ шешни. В Ындѣйской же земли кони у них не родят, вь их землѣ родятся волы да буйволы, на тѣх же ѣздят и товар, *иное* возят, все дѣлают.

Чюнерей же град есть на острову на каменом, не одѣланъ ничѣм, богом сотворен, А ходят на гору день по одному человѣку: дорога тесна, а двема поити нелзѣ.

В Ындѣйской земли гости ся ставят по подворьем, а ѣсти варят на гости господарыни, и постелю стелют на гости господарыни, и спят с гостми. Сикиш илиресен ду шитель бересин, сикиш илимесь екъ житель берсен, достур аврат чектур, а сикиш муфут; а любят бѣлых людей.

все ходят брюхаты, а дети родятся каждый год, а детей у них много. И мужчины, и женщины все нагие да все черные. Куда я ни иду, за мной людей много — дивятся белому человеку. У тамошнего князя — фата на голове, а другая на бедрах, а у бояр тамошних — фата через плечо, а другая на бедрах, а княгини ходят — фата через плечо перекинута, другая фата на бедрах. А у слуг княжеских и боярских одна фата на бедрах обернута, да щит, да меч в руках, иные с дротиками, другие с кинжалами, а иные с саблями, а другие с луками и стрелами; да все наги, да босы, да крепки, а волосы не бреют. А женщины ходят — голова не покрыта, а груди голы, а мальчики и девочки нагие ходят до семи лет, срам не прикрыт.

Из Чаула пошли посуху, шли до Пали восемь дней, до Индийских гор. А от Пали шли десять дней до Умри, то город индийский. А от Умри семь дней пути до Джуннара.

Правит тут индийский хан — Асад-хан джуннарский, а служит он мелик-ат-туджару. Войска ему дано от мелик-ат-туджара, говорят, семьдесят тысяч. А у мелик-ат-туджара под началом двести тысяч войска, и воюет он с кафарами двадцать лет: и они его не раз побеждали, и он их много раз побеждал. Ездит же Асад-хан на людях. А слонов у него много, и коней у него много добрых, и воинов, хорасанцев, у него много. А коней привозят из Хорасанской земли, иных из Арабской земли, иных из Туркменской земли, иных из Чаготайской земли, а привозят их все морем в тавах — индийских кораблях.

И я, грешный, привез жеребца в Индийскую землю, и дошел с ним до Джуннара, с божьей помощью, здоровым, и стал он мне во сто рублей. Зима у них началась с Троицына дня. Зимовал я в Джуннаре, жил тут два месяца. Каждый день и ночь — целых четыре месяца — всюду вода да грязь. В эти дни пашут у них и сеют пшеницу, да рис, да горох, да все съестное. Вино у них делают из больших орехов, кози гундустанские называются, а брагу — из татны. Коней тут кормят горохом, да варят кхичри с сахаром да с маслом, да кормят ими коней, а с утра дают шешни. В Индийской земле кони не водятся, в их земле родятся быки да буйволы — на них ездят и товар и иное возят, все делают.

Джуннар-град стоит на скале каменной, не укреплен ничем, богом огражден. И пути на ту гору день, ходят по одному человеку: дорога узка, двоим пройти нельзя.

В Индийской земле купцов поселяют на подворьях. Варят гостям хозяйки, и постель стелют хозяйки, и спят с гостями. (Если имеешь с ней тесную связь, давай два жителя, если не имеешь тесной связи, даешь один житель. Много тут жен по правилу временного брака, и тогда тесная связь даром); а любят белых людей.

Зимѣ же у них ходит *люди* фота на гузнѣ, а другая по плечем, а третья на головѣ; а князи и бояре толды на себя въздевают *порткы,* да сорочицу, да кафтан, да фота по плечем, да другою опояшет, а третьею голову увертит. А се оло, оло абрь, оло акъ, олло керем, олло рагим!

А в том в Чюнерѣ ханъ у меня взял жеребца, а увѣдал, что яз не бесерменянин — русинъ. И он молвит: «Жеребца дам да тысящу златых дам, а стань в вѣру нашу — в Махмет дени; а не станеш в вѣру нашу, в Махмат дени, и жеребца возму и тысячю златых на головѣ твоей возму». А срок учинил на четыре дни, в Оспожино говѣйно на Спасов день. И господь богъ смиловался на свой честный праздникъ, не оставил милости своеа от меня грѣшнаго и не велѣлъ погибнути в Чюнерѣ с нечестивыми. И канун Спасова дни приѣхал хозяйочи Махмет хоросанецъ, и бил есми ему челом, чтобы ся о мнѣ печаловал. И он ѣздил к хану в город да меня отпросил, чтобы мя в вѣру не поставили, да и жеребца моего у него взял. Таково осподарево чюдо на Спасовъ день. Ино, братие рустии християня, кто хощет поити в Ындѣйскую землю, и ты остави вѣру свою на Руси, да воскликнув Махмета да поити в Гундустанскую землю.

Мене залгали псы бесермены, а сказывали всего много нашего товара, ано нѣт ничего на нашу землю: все товаръ бѣлой на бесерменьскую землю, перец да краска, то и дешево. Ино возят ачеи моремъ, ини пошлины не дают. *А люди иные намъ провести пошлины не дадут.* А пошлин много, а на море разбойников много. А разбивают все кафары, ни крестияне, не бесермене; а молятся каменым болваном, а Христа не знают, ни Махмета не знают.

А ис Чюнеря есмя вышли на Оспожин день к Бедерю, к болшому их граду. А шли есмя мѣсяць до Бедеря; а от Бедеря до Кулонкеря 5 дни; а отъ Кулонгеря до Кольбергу 5 дни. Промежу тѣх великих градов много городов; на всяк день по три городы, а иной по четыре городы; колко ковов, толко градов. От Чювиля до Чюнеря 20 ковов, а от Чюнеря до Бедеря 40 ковов, а от Бедеря до Кулонгеря 9 ковов, *а отъ Бедеря до Колубергу 9 ковов.*

В Бедере же торгъ на кони, на товар, да на камки, да на шелкъ, на всей иной товар, да купити в нем *люди* черные; а иные в нем купли нѣт. Да все товар ихъ гундустанской, да сьестное все овощь, а на Рускую землю товару нѣт. А все черные люди, а все злодѣи, а жонки все бляди, да вѣд*и*, да тати, да ложь, да зелие, осподарев морят зелиемъ.

В Ындѣйской земли княжат все хоросанцы, и бояре всѣ хоросанцы. А гундустанцы все пѣшеходы, а ходят перед хоросанцы

Зимой у них простые люди ходят — фата на бедрах, другая на плечах, а третья на голове; а князья да бояре надевают тогда на себя порты, да сорочку, да кафтан, да фата на плечах, другой фатой себя опояшет, а третьей фатой голову обернет. (О боже, боже великий, господь истинный, бог великодушный, бог милосердный!)

И в том Джуннаре хан отобрал у меня жеребца, когда узнал, что я не бесерменин, а русин. И он сказал: «И жеребца верну, и тысячу золотых впридачу дам, только перейди в веру нашу — в Мухаммеддини. А не перейдешь в веру нашу, в Мухаммеддини, и жеребца возьму, и тысячу золотых с твоей головы возьму». И срок назначил — четыре дня, на Спасов день, на Успенский пост. Да господь бог сжалился на свой честной праздник, не оставил меня, грешного, милостью своей, не дал погибнуть в Джуннаре среди неверных. Накануне Спасова дня приехал казначей Мухаммед, хорасанец, и я бил ему челом, чтобы он за меня хлопотал. И он ездил в город к Асад-хану и просил обо мне, чтобы меня в их веру не обращали, да и жеребца моего взял у хана обратно. Таково господне чудо на Спасов день. А так, братья русские христиане, захочет кто идти в Индийскую землю — оставь веру свою на Руси, да, призвав Мухаммеда, иди в Гундустанскую землю.

Солгали мне псы бесермены, говорили, что много нашего товара, а для нашей земли нет ничего: все товар белый для бесерменской земли, перец да краска, то дешево. Те, кто возят волов за море, те пошлин не платят. А нам провезти товар без пошлины не дадут. А пошлин много, и на море разбойников много. Разбойничают кафары, не христиане они и не бесермены: молятся каменным болванам и ни Христа, ни Мухаммеда не знают.

А из Джуннара вышли на Успенье и пошли к Бидару, главному их городу. Шли до Бидара месяц, а от Бидара до Кулонгири — пять дней и от Кулонгири до Гулбарги пять дней. Между этими большими городами много других городов, всякий день проходили по три города, а иной день по четыре города: сколько ковов — столько и городов. От Чаула до Джуннара двадцать ковов, а от Джуннара до Бидара сорок ковов, от Бидара же до Кулонгири девять ковов, и от Бидара до Гулбарги девять ковов.

В Бидаре на торгу продают коней, камку, шелк и всякий иной товар да рабов черных, а другого товара тут нет. Товар все гундустанский, а из съестного только овощи, а для Русской земли товара нет. А здесь люди все черные, все злодеи, а женки все гулящие, да колдуны, да тати, да обман, да яд, господ ядом морят.

В Индийской земле княжат все хорасанцы, и бояре все хорасанцы. А гундустанцы все пешие и ходят перед хорасанцами,

на конех, а иные всѣ пѣши, ходятъ борзо, а всѣ наги да боси, да щит в руцѣ, а в другой меч, а иные с луки великими с прямыми да стрелами. А бой их все слоны. Да пѣших пускают наперед, а хоросанцы на конех да в доспѣсех, и кони и сами. А к слоном вяжут к рылу да к зубом великие мечи по кентарю кованых, да оболочат ихъ в доспѣхи булатные, да на них учинены городкы, да в городкѣх по 12 человѣкъ в доспѣсех, да всѣ с пушками да с стрелами.

Есть у них одно мѣсто, шихбъ Алудин пиръ ятыр базар Алядинандъ. На год единъ базаръ, съезжается вся страна Индийская торговати, да торгуют 10 дни; от Бедеря 12 ковов. Приводят кони, до 20 тысящь коней продавати, всякый товар свозят. В Гундустаньской земли тъй торгъ лучьший, всякый товар продают и купят на память шиха Аладина, а на русскый на Покров святыя богородица. Есть в том Алянде птица гукукь, летает ночи, а кличет: «кукъ-кукь», а на которой хоромине седит, то тут человѣкъ умрет; и кто хощет еа убити, ино у ней изо рта огонь выйдет. А мамоны ходят нощи, да имают куры, а живут в горѣ или в каменье. А обезьяны, то тѣ живут по лѣсу. А у них есть князь обезьяньский, да ходит ратию своею. Да кто замает, и они ся жалуют князю своему, *и онъ посылаеть на того свою рать,* и оны, пришед на град, дворы разваляют и людей побьют. А рати их, сказывают, велми много, а язык у них есть свой. А детей родят много; да которой родится ни в отца, ни в матерь, ини тѣх мечют по дорогам. Ины гундустанцы тѣх имают, да учат ихъ всякому рукодѣлию, а иных продают ночи, чтобы взад не знали бежать, а иных учат *базы* миканет.

Весна же у них стала с *Покрова* святыа богородица. А празднують шигу Аладину, веснѣ две недѣли по Покровѣ, а празднуют 8 дни. А весну дрьжат 3 мѣсяцы, а лѣто 3 мѣсяца, а зиму 3 мѣсяцы, *а осень 3 мѣсяца.*

В Бедери же их стол Гундустану бесерменскому. А град есть великъ, а людей много велми. А салтан невелик — 20 лѣт, а держат бояре, а княжат хоросанцы, а воюют все хоросанцы.

Есть хоросанець меликтучар боярин, ино у него двѣсте тысящь рати своей, *а у Меликхана 100 тысячь,* а у Фаратхана 20 тысяч, а много тѣхъ ханов по 10 тысящь рати. А с салтаном выходят триста тысящь рати своей.

А земля людна велми, *а сельскыя люди голы велми, а бояре силны добрѣ* и пышны велми. А все их носят на кровати своеи на сребряных, да пред ними водят кони в *снастех* златых до 20; а на конех за ними 300 человѣкъ, а пѣших

которые на конях; а остальные все пешие, ходят быстро, все наги да босы, в руке щит, в другой — меч, а иные с большими прямыми луками да со стрелами. Бой ведут все больше на слонах. Впереди идут пешие воины, за ними — хорасанцы в доспехах на конях, сами в доспехах и кони. Слонам к голове и бивням привязывают большие кованые мечи, по кентарю весом, да облачают слонов в доспехи булатные, да на слонах сделаны башенки, и в тех башенках по двенадцать человек в доспехах, да все с пушками, да со стрелами.

Есть тут одно место — Аланд, где шейх Алаеддин (святой, лежит и ярмарка). Раз в год на ту ярмарку съезжается торговать вся страна Индийская, торгуют тут десять дней; от Бидара двенадцать ковов. Приводят сюда коней — до двадцати тысяч коней — продавать да всякий товар привозят. В Гундустанской земле эта ярмарка лучшая, всякий товар продают и покупают в дни памяти шейха Алаеддина, а по-нашему на Покров святой богородицы. А еще есть в том Аланде птица гукук, летает ночью, кричит: «кук-кук»; а на чьем доме сядет, там человек умрет, а захочет кто ее убить, она на того огонь изо рта пускает. Мамоны ходят ночью да хватают кур, а живут они на холмах или среди скал. А обезьяны, те живут в лесу. Есть у них князь обезьяний, ходит с ратью своей. Если кто обезьян обидит, они жалуются своему князю, и он посылает на обидчика свою рать и они, к городу придя, дома разрушают и людей убивают. А рать обезьянья, сказывают, очень велика, и язык у них свой. Детенышей родится у них много, и если который из них родится ни в мать, ни в отца, таких бросают на дорогах. Иные гундустанцы подбирают их да учат всяким ремеслам; а если продают, то ночью, чтобы они дорогу назад не могли найти, а иных учат (людей забавлять).

Весна у них началась с Покрова святой богородицы. А празднуют память шейха Алаеддина и начало весны через две недели после Покрова; восемь дней длится праздник. А весна у них длится три месяца, и лето три месяца, и зима три месяца, и осень три месяца.

Бидар — стольный город Гундустана бесерменского. Город большой, и людей в нем очень много. Султан молод, двадцати лет — бояре правят, а княжат хорасанцы и воюют все хорасанцы.

Живет здесь боярин-хорасанец, мелик-ат-туджар, так у него двести тысяч своей рати, а у Мелик-хана сто тысяч, а у Фарат-хана двадцать тысяч, и у многих ханов по десять тысяч войска. А с султаном выходит триста тысяч войска его.

Земля многолюдна, да сельские люди очень бедны, а бояре власть большую имеют и очень богаты. Носят бояр на носилках серебряных, впереди коней ведут в золотой сбруе, до двадцати коней ведут, а за ними триста всадников, да пеших

пятьсот человѣкъ, да трубников 10 человѣкъ, да *нагарниковъ* 10 человѣкъ, да свирѣлников 10 человѣкъ.

Салтан же выезжает на потѣху с матерью да з женою, ино с ним человѣкъ на конех 10 тысящь, а пѣших пятьдесят тысящь, а слонов выводят двѣсте, наряженых в доспѣсех золоченых, да пред ним трубников сто человѣкъ, да плясцов сто человѣкъ, да коней простых 300 в *снастех* золотых, да обезьян за ним сто, да блядей сто, а все гаурокы.

В салтанове же дворѣ семеры ворота, а в воротех седит по сту сторожев да по сту писцов кафаров. Кто поидет, ини записывают, а кто выйдет, ини записывают. А гарипов не пускают въ град. А дворъ же его чюден велми, все на вырезе да на золоте, и послѣдний камень вырезан да златом описан велми чюдно. Да во дворѣ у него суды розные.

Город же *Бедерь* стерегут в нощи тысяща человѣкъ кутоваловых, а ѣздят на конех в доспѣсех, да у всѣх по свѣтычю.

А яз жеребца своего продал в Бедери. Да наложил есми у него шестьдесят да осмь футунов, а кормил есми его год. В Бедери же змеи ходят по улицам, а длина еѣ двѣ сажени. Приидох же в Бедерь о заговейнѣ о Филиповѣ ис Кулонгѣря, и продахъ жеребца своего о Рожествѣ.

И тут бых до Великого заговейна в Бедери и познася со многыми индѣяны. И сказах имъ вѣру свою, что есми не бесерменинъ исаядениени есмь християнинъ, а имя ми Офонасей, а бесерменьское имя хозя Исуфъ Хоросани. И они же не учали ся от меня крыти ни о чемъ, ни о ѣствѣ, ни о торговле, ни о маназу, ни о иных вещех, ни жонъ своих не учали крыти.

Да о вѣрѣ же о их распытах все, и оны сказывают: вѣруем въ Адама, а буты, кажуть, то есть Адамъ и род его весь. А *вѣръ* въ Индѣи всѣх 80 и 4 вѣры, а все вѣрують в бута. А вѣра с вѣрою *ни* пиеть, ни ястъ, ни женится. А иныя же боранину, да куры, да рыбу, да яица ядять, а воловины не ядять никакаа вѣра.

В Бедери же бых 4 мѣсяца и свѣщахся съ индѣяны поити к Первоти, то их Ерусалимъ, а по бесерменьскый Мягъкат, гдѣ их бутхана. Там же поидох съ индѣяны да будутханы мѣсяць. И торгу у бутьханы 5 дни. А бутхана же велми велика есть, с пол-Твѣри, камена, да рѣзаны по ней дѣяния бутовыя. Около ея всея 12 рѣзано вѣнцевъ, какъ бутъ чюдеса творил, какъ ся имъ являлъ многыми образы: первое, человѣческым образомъ являлся; другое, человѣкъ, а носъ слоновъ; третье, человѣкъ, а виденье обезьянино; в четвертые, человѣкъ, а образом лютаго звѣря, а являся им *все съ* хвостомъ. А вырезан на камени, а хвостъ через него сажени.

пятьсот воинов, да десять трубачей, да с барабанами десять человек, да дударей десять.

А когда султан выезжает на прогулку с матерью да с женою, то за ним всадников десять тысяч следует да пеших пятьдесят тысяч, а слонов выводят двести и все в золоченых доспехах, и перед ним — трубачей сто человек, да плясунов сто человек, да ведут триста коней верховых в золотой сбруе, да сто обезьян, да сто наложниц, гаурыки называются.

Во дворец султана ведет семь ворот, а в воротах сидят по сто стражей да по сто писцов-кафаров. Одни записывают, кто во дворец идет, другие — кто выходит. А чужестранцев во дворец не пускают. А дворец султана очень красив, по стенам резьба да золото, последний камень — и тот в резьбе да золотом расписан очень красиво. Да во дворце у султана сосуды разные.

По ночам город Бидар охраняет тысяча стражей под начальством куттавала, на конях и в доспехах, да в руках у каждого по факелу.

Продал я своего жеребца в Бидаре. Издержал на него шестьдесят восемь футунов, кормил его год. В Бидаре по улицам змеи ползают, длиной по две сажени. Вернулся я в Бидар из Кулонгири на Филиппов пост, а жеребца своего продал на Рождество.

И жил я здесь, в Бидаре, до Великого поста и со многими индусами познакомился. Открыл им веру свою, сказал, что не бесерменин я, а (веры Иисусовой) христианин, и имя мое Афанасий, а бесерменское имя — ходжа Юсуф Хорасани. И индусы не стали от меня ничего скрывать, ни о еде своей, ни о торговле, ни о молитвах, ни о иных вещах, и жен своих не стали в доме скрывать.

Расспрашивал я их о вере, и они говорили мне: веруем в Адама, а буты, говорят, и есть Адам и весь род его. А всех вер в Индии восемьдесят и четыре веры, и все веруют в бута. А разных вер люди друг с другом не пьют, не едят, не женятся. Иные из них баранину, да кур, да рыбу, да яйца едят, но говядины никто не ест.

Пробыл я в Бидаре четыре месяца и сговорился с индусами пойти в Парват, где у них бутхана — то их Иерусалим, то же, что для бесермен Мекка. Шел я с индусами до бутханы месяц. И у той бутханы ярмарка, пять дней длится. Велика бутхана, с пол-Твери, каменная, да вырезаны в камне деяния бута. Двенадцать венцов вырезано вкруг бутханы — как бут чудеса совершал, как являлся в разных образах: первый — в образе человека, второй — человек, но с хоботом слоновым, третий — человек, а лик обезьяний, четвертый — наполовину человек, наполовину лютый зверь, являлся все с хвостом. А вырезан на камне, а хвост с сажень, через него переброшен.

К бутхану же съезжается вся страна Индийская на чюдо бутово. Да у бутхана бреются старые и молодые, жонки и девочки. А бреют на себѣ всѣ волосы,— и бороды, и головы, и хвосты. Да поидут к бутхану. Да со всякие головы емлют по двѣ шешькѣни пошлины на бута, а с коней по четыре футы. А съезжается к бутхану всѣх людей бысты азаръ лекъ вах башет сат азаре лек.

В бутхане же бут вырезан ис камени ис чернаго, велми великъ, да хвостъ у него через него, да руку правую поднялъ высоко да простеръ еѣ, аки Устенеянъ царь Цареградскый, а в лѣвой руцѣ у него копие. А на нем нѣт ничего, а гузно у него обязано ширинкою, а видение обезьянино. А иные буты наги, нѣт ничего, кот ачюкъ, а жонки бутовы нагы вырѣзаны и с соромом, и з детми. А перед бутом же стоит волъ велми велик, а вырѣзан ис камени ис чернаго, а весь позолочен. А целуют его в копыто, а сыплют на него цвѣты. *И на бута сыплют цвѣты.*

Индѣяне же не ѣдят никоторого же мяса, ни яловичины, ни боранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины, а свиней же у них велми много. Ядят же в день двожды, а ночи не ядят, а вина не пиют, ни сыты. А з бесермены ни пиютъ, ни ядят. А ѣства же ихъ плоха. А один с одным ни пьет, ни ѣсть, ни з женою. А ѣдят брынец, да кичири с маслом, да травы розные ядят, а варят с маслом да с молоком, а ѣдят все рукою правою, а лѣвою не приимется ни за что. А ножа не дрьжат, а лжицы не знают. А на дорозе кто же варит себѣ кашу, а у всякого по горньцу. А от бесермен крыются, чтоб не посмотрил ни в горнець, ни въ ѣству. А толко посмотрит, ино тое ѣствы не едят. А едят, покрываются платомъ, чтобы никто не виделъ его.

А намаз же их на восток, по-русьскыи. Обе руки подымают высоко, да кладут на тѣмя, да ложатся ниць на землѣ, да весь ся истягнет по земли, то их поклоны. А ѣсти же садятся, и оны омывают руки да ноги, да и рот пополаскивают. А бутханы же их без дверей, а ставлены на восток, а буты стоят на восток. А кто у них умрет, ини тѣх жгут да и попел сыплют на воду. А у жены дитя ся родит, ино бабит муж, а имя сыну дает отець, а мати дочери. А добровта у них нѣт, а сорома не знают. Пошел или пришелъ, ини ся кланяют по чернеческыи, обе руки до земли дотычют, а не говорит ничего.

К Первоти же ѣздят о Великом заговение, къ своему *буту.* Их туто Иерусалимъ, а бесерменскыи *Мякъка,* а по-русьскы Иерусалимъ, а по-индѣйскыи Порват. А сьезжаются всѣ наги, только на гузне плат; а жонки всѣ наги, толко на гузне фота, а иные ф фотах, да на шеях жемчюгу много, да яхонтов, да на руках обручи да *перстьни* златы. Олло оакь! А внутрь к бутхану ѣздят на волѣх, да у вола рога окованы

На праздник бута съезжается к той бутхане вся страна Индийская. Да у бутханы бреются старые и молодые, женщины и девочки. А сбривают на себе все волосы, бреют и бороды, и головы. И идут к бутхане. С каждой головы берут по две шешкени для бута, а с коней — по четыре футы. А съезжается к бутхане всего людей (двадцать тысяч лакхов, а бывает время и сто тысяч лакхов).

В бутхане же бут вырезан из камня черного, огромный, да хвост его через него перекинут, а руку правую поднял высоко и простер, как Юстиниан, царь цареградский, а в левой руке у бута копье. На нем не надето ничего, только бедра повязкой обернуты, а лик обезьяний. А иные буты совсем нагие, ничего на них не надето (срам не прикрыт), и жены бутовы нагими вырезаны, со срамом и с детьми. А перед бутом — бык огромный, из черного камня вырезан и весь позолочен. И целуют его в копыто, и сыплют на него цветы. И на бута сыплют цветы.

Индусы же не едят никакого мяса, ни говядины, ни баранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины, хотя свиней у них очень много. Едят же днем два раза, а ночью не едят, и ни вина, ни сыты не пьют. А с бесерменами не пьют, не едят. А еда у них плохая. И друг с другом не пьют, не едят, даже с женой. А едят они рис, да кхичри с маслом, да травы разные едят, да варят их с маслом да с молоком, а едят все правой рукой, а левою не берут ничего. Ножа и ложки не знают. А в пути, чтобы кашу варить, каждый носит котелок. А от бесермен отворачиваются: не посмотрел бы кто из них в котелок или на кушанье. А если посмотрит бесерменин, — ту еду не едят. Потому едят, накрывшись платком, чтобы никто не видел.

А молятся они на восток, как русские. Обе руки подымут высоко да кладут на темя, да ложатся ниц на землю, весь вытянется на земле — то их поклоны. А есть садятся — руки обмывают, да ноги, да и рот полощут. Бутханы же их без дверей, обращены на восток, и буты стоят лицом на восток. А кто у них умрет, тех сжигают да пепел сыплют в реку. А когда дитя родится, принимает муж, и имя сыну дает отец, а мать — дочери. Добронравия у них нет, и стыда не знают. А когда придет кто или уходит, кланяется по-монашески, обеими руками земли касается, и все молча.

В Парват, к своему буту, ездят на Великий пост. Тут их Иерусалим; что для бесермен Мекка, для русских — Иерусалим, то для индусов Парват. И съезжаются все нагие, только повязка на бедрах, и женщины все нагие, только фата на бедрах, а другие все в фатах, да на шее жемчугу много, да яхонтов, да на руках браслеты и перстни золотые. (Ей-богу!) А внутрь, к бутхане, едут на быках, рога у каждого быка окованы

мѣдию, да на шеи у него триста колоколцов, да копыта подкованы мѣдию. А тѣ волы аччеи зовут.

Индѣяне же вола зовут отцем, а корову материю. *А каломъ их* пекут хлѣбы и ѣству варят собѣ, а попелом тѣмъ мажутся по лицу, и по челу, и по всему тѣлу знамя. В недѣлю же да в понедѣлник едят однова днем. В Ындѣя же какъпа чектуръ а учюсьдерь: секишь илирсень ики жител; акичаны ила атарсын алты жетел берь; булара достуръ. А куль коравашь учюзь чяр фуна хубъ, бем фуна хубѣ сиа; капъкара амьчюкь кичи хошь.

От Первати же приѣхал есми в Бедерь, за пятнатцать денъ до бесерменьскаго улубагря. А Великаго дни и въскресения Христова не вѣдаю, а по примѣтам гадаю Великъ день бывает християньскы первие бесерменьскаго баграма за девять дни или за десять дни. А со мною нѣт ничего, никоея книги; а книги есмя взяли с собою с Руси, ино коли мя пограбили, инии ихъ взяли, а яз забыл вѣры кристьяньские всее. Праздники крестьянскые, ни Велика дни, ни Рожества Христова *не вѣдаю, ни среды, ни пятници* не знаю; а промежу есми вѣр таньгрыдан истрѣмень ол сакласын: «Олло худо, олло акь, олло ты, *олло акъберъ, олло рагымъ, олло керимъ, олло рагым елъло,* олло карим елло, таньгресень, худосеньсень. Богъ един, тъй царь славы, творець небу и земли».

А иду я на Русь, кѣтъмышьтыр имень, уру*чь* тутътым. Мѣсяць мартъ прошел, и яз заговѣлъ з бесермены в недѣлю, да говѣл есми мѣсяць, мяса есми не ѣлъ и ничего скоромнаго, никакие ѣствы бесерменские, а ѣлъ есми по двожды на день хлѣбъ да воду, авратыйля ятмадым. Да молился есми Христу вседрьжителю, кто сотворил небо и землю, а иного есми не призывал никоторого именемъ, богъ олло, богъ керим, богъ рагимъ, богъ *худо,* богъ акьберь, богъ царь славы, олло варенно, олло рагим ельно сеньсень олло ты.

А от Гурмыза итти морем до Галат 10 дни, а от Галаты до Дѣгу шесть дни, а от Дѣга до Мошката 6 дни, а от Мошката до Кучьзрята 10 дни, а от Кучьзрята до Камбата 4 дни, а от Камбата до Чивиля 12 дни, а от Чювиля до Дабыля 6 дни. И Дабыло же есть пристанище в Гундустани послѣднее бесерменьству. А от Дабыля до Колекота 25 дни, а от Келекота до Силяна 15 дни, а от Силяна до Шаибата мѣсяць итти, а от Шаибата до Певгу 20 дни, а от Певгу до Чини да до Мачина мѣсяць итти, морем все то хожение. А от Чини до Китаа итти сухом 6 мѣсяць, а морем 4 дни итти, арастъ хода чотъмъ.

медью, да на шее триста колокольцев и копыта медью подкованы. И быков они называют ачче.

Индусы быка называют отцом, а корову — матерью. На помете их пекут хлеб и кушанья варят, а той золой знаки на лице, на лбу и по всему телу делают. В воскресенье и в понедельник едят они один раз на дню. В Индии же (гулящих женщин много, и потому они дешевые: если имеешь с ней тесную связь, дай два жителя; хочешь свои деньги на ветер пустить — дай шесть жителей. Так в сих местах заведено. А рабыни-наложницы дешевы: 4 фуны — хороша, 5 фун — хороша и черна; черная-пречерная амьчюкь маленькая, хороша).

Из Парвата приехал я в Бидар за пятнадцать дней до бесерменского улу байрама. А когда Пасха, праздник воскресения Христова, не знаю; по приметам гадаю — наступает Пасха раньше бесерменского байрама на девять или десять дней. А со мной нет ничего, ни одной книги; книги взял с собой на Руси, да когда меня пограбили, пропали книги, и не соблюсти мне обрядов веры христианской. Праздников христианских — ни Пасхи, ни Рождества Христова — не соблюдаю, по средам и пятницам не пощусь. И живя среди иноверных (молю я бога, пусть он сохранит меня: «Господи боже, боже истинный, ты бог, бог великий, бог милосердный, бог милостивый, всемилостивейший и всемилосерднейший ты, господи боже). Бог един, то царь славы, творец неба и земли».

А иду я на Русь (с думой: погибла вера моя, постился я бесерменским постом). Месяц март прошел, начал я пост с бесерменами в воскресенье, постился месяц, ни мяса не ел, ничего скоромного, никакой еды бесерменской не принимал, а ел хлеб да воду два раза на дню (с женщиной не ложился я). И молился я Христу вседержителю, кто сотворил небо и землю, а иного бога именем не призывал. (Господи боже, бог милостивый, бог милосердный, бог господь, бог великий), бог царь славы (бог зиждитель, бог всемилостивейший,— это все ты, о господи).

От Ормуза морем идти до Калхата десять дней, а от Калхата до Дега шесть дней и от Дега до Маската шесть дней, а от Маската до Гуджарата десять дней, от Гуджарата до Камбея четыре дня, а от Камбея до Чаула двенадцать дней, и от Чаула до Дабхола шесть дней. Дабхол же в Индостане пристань последняя бесерменская. А от Дабхола до Кожикоде двадцать пять дней пути, а от Кожикоде до Цейлона пятнадцать дней, а от Цейлона до Шабата месяц идти, а от Шабата до Пегу двадцать дней, а от Пегу до Южного Китая месяц идти — морем весь тот путь. А от Южного Китая до Северного идти сухим путем шесть месяцев, а морем четыре дня идти. (Да устроит мне господь крышу над головой.)

Гурмыз же есть пристанище велико, всего свѣта люди в нем бывают, всякый товар в нем есть, что во всем свѣте родится, то в Гурмызе есть все. Тамга же велика, десятое съ всего емлют.

Камбаят же пристанище Индийскому морю всему, а товаръ в нем все дѣлают алачи, да пестреди, да киндя*ки,* да чинят краску нил, да родится в нем лекь да ахикь да лон.

Дабыло же есть пристанище велми велико, а приводят кони из Мисюря, изо Арабъстани, *изъ Хоросани, ис Туркустани, из Негостани,* да ходят сухом мѣсяць до Бедери да до Кельбергу.

А Келекот же есть пристанище Индѣйскаго моря всего. А проити его не дай бо никакову костяку: а кто его не увидит, тот поздорову не приидет морем. А родится в нем перець, да зеньзебил, да цвѣт, да мошкат, да каланфуръ, да корица, да гвоздники, да пряное коренье *да адряк, да всякого коренья* в нем родится много. Да все в немъ дешево. Да кул да калавашь писааръ хубь сия.

А Силянъ же есть пристанище Индѣйскаго моря немало, а в немъ лежит баба Адамъ на горѣ на высоцѣ. Да около еѣ родится камение драгое, да червьцы, да фатисы, да бабугури, да бинчаи, да хрусталь, да сумбада. Да слоны родятся, да продают ихъ в локот, да девякуши продают в вѣс.

А Шабатское пристанище Индѣйскаго моря велми велико. А хоросанцем дают алафу по тѣнке на день, и великому и малому. А кто в нем женится хоросанець, и князь шабатскый дает по тысячи тенекъ на жертву, да алафу дает на всякый мѣсяць по пятидесяти тенекъ. Да родится в Шабате шолкъ, да сандалъ, да жемчюгъ, да все дешево.

А в Пегу же есть пристанище немало. Да все в нем дербыши живут индийскыи, да родятся в нем камение драгое, маникъ, да яхут, да кирпук; а продают же каменье деръбыши.

А Чинское же да Мачинское пристанище велми велико, да дѣлают в нем чини, да продают же чини в вѣс, а дешево. А жоны их с мужи своими спят в день, а ночи жены их ходят спати к гарипом да спят с гарипы, да дают имъ алафу, да приносят с собою ѣству сахарную да вино сахарное, да кормят да поят гостей, чтобы еѣ любил, а любят гостей людей бѣлых, занже их люди черны велми. А у которые жены от гостя зачнется дитя, и мужи дают алафу; а родится дитя бѣло, ино гостю пошлины 300 тенекъ, а черное родится, ино ему нѣт ничего, что пилъ да ѣлъ, то ему халялъ.

Шаибат же от Бедеря 3 мѣсяцы, а от Дабыля до Шабата 2 мѣсяца морем итти, Мачим да Чим от Бедеря 4 мѣсяцы морем итти, а там же дѣлают чими, да все дешево.

Ормуз — пристань большая, со всего света люди тут бывают, всякий товар тут есть; что в целом свете родится, то в Ормузе все есть. Пошлина же большая: со всякого товара десятую часть берут.

Камбей — пристань всего Индийского моря. Делают тут на продажу алачи да пестряди, да киндяки, да делают тут краску синюю, да родится тут лак, да сердолик, да соль.

Дабхол — тоже пристань весьма большая, привозят сюда коней из Египта, из Аравии, из Хорасана, из Туркестана, из Бендер-Ормуза; отсюда ходят сухим путем до Бидара и до Гулбарги месяц.

И Кожикоде — пристань всего Индийского моря. Пройти мимо нее не дай бог никакому судну: кто ее пропустит, тот дальше по морю благополучно не пройдет. А родится там перец, да имбирь, да цветы муската, да орех мускатный, да каланфур — корица, да гвоздика, коренья пряные, да адряк, да всякого коренья родится там много. И все тут дешево. (А рабы и рабыни многочисленны, хорошие и черные.)

А Цейлон — пристань немалая на Индийском море, и там на горе высокой лежит праотец Адам. А около горы добывают драгоценные камни: рубины, да фатисы, да агаты, да бинчаи, да хрусталь, да сумбаду. Слоны там родятся, и цену им по росту дают, а гвоздику на вес продают.

А Шабатская пристань на Индийском море весьма большая. Хорасанцам платят там жалованье по тенке на день, и большому и малому. А женится хорасанец, ему князь шабатский дает тысячу тенек на жертву да жалованья каждый месяц по пятьдесят тенек дает. В Шабате родится шелк, да сандал, да жемчуг, — и все дешево.

А Пегу тоже пристань немалая. Живут там индийские дервиши, а родятся там драгоценные камни: маник, да яхонт, да кирпук, и продают те камни дервиши.

Китайская же пристань весьма велика. Делают там фарфор и продают его на вес, дешево. А жены их со своими мужьями спят днем, а ночью ходят к приезжим чужестранцам да спят с ними, и дают они чужестранцам деньги на содержание, да приносят с собой кушанья сладкие, да вино сладкое, да кормят и поят купцов, чтобы их любили, а любят купцов, людей белых, потому что люди их страны очень черны. А зачнет жена от купца дитя, то купцу деньги на содержание муж дает. А родится дитя белое, тогда купцу платят триста тенек, а черное дитя родится, тогда купцу ничего не платят, а что пил да ел, то (даром по их обычаю).

Шабат же от Бидара в трех месяцах пути; а от Дабхола до Шабата — два месяца морем идти, а до Южного Китая от Бидара четыре месяца морем идти, делают там фарфор, да все дешево.

А до Силяна 2 месяца итти морем, а до Келекота мѣсяць итти.

В Шаибате же родится шолкъ, да инчи, да жемчюг, да сандал*ъ*; слоны же продают в локот. В Силяне же родится аммоны, да червьцы, да фатисы, да хрусталь, да бабугури. В Лекоте же родится перець, да мошкат, да гвоздники, да фуфал, да цвѣт. В Кузряте же родится краска да лукь, да в Камбояти родится ахикь.

Во Рачюре же родится алмаз бир кона да новъ кона же алмаз. Продают почку по пяти рублев, а доброго по десяти рублевъ, *новаго же* почка алмазу пѣнечьче кени, сия же чара — шеше кѣнь, а сипит екъ тенка. Алмаз родится в горѣ каменой, а продают же ту гору каменую локот по двѣ тысячи фунтов златых новаго алмаза, а кона алмазу продаютъ в локот по десяти тысяч фунтовъ златых. А земля же таа Меликъханова, а холопъ салтанов. А от Бедеря 30 ковов.

А сыто жидове зовут Шабат своими жидовы, а то лжут; а шаибатене не жидова, ни бесермена, ни кристьяне, иная вѣра индийскаа, ни с худы, ни з бесермены ни пиют, ни ядят, а мяса никакова не ядят. Да в Шабате же все дешево. А родится шолкъ да сахар, велми дешев. Да по лѣсу у них мамоны ходят да обезьяны, да по дорогам людей дерут; ино у них ночи по дорогам не смѣют ѣздити обезьянъ дѣля да мамон дѣля.

От Шабата же 10 мѣсяць сухом итти, а морем 4 мѣсяцы аукыиков. А у оленей кормленых рѣжут пупки, а в нем м*у*скус родится; а дикие олени пупкы из собя роняют *по полю и* по лѣсу, ино ис тѣх воня выходит, да и *ѣсть* тот не свѣж.

Мѣсяца маиа 1 день Велик день взял есми в Бедере в бесерменском в Гун*ду*станѣ, а бесермена баграм взяли в середу мѣсяца; а заговѣл есми мѣсяца априля 1 день. О благовѣрнии рустии кристьяне! Иже кто по многим землям много плавает, во многия беды впадают и вѣры ся да лишают кристьяньские. Аз же, рабище божий Афонасий, сжалихся по вѣре кристьянской. Уже проидоша 4 великая говѣйна и 4 проидоша Великыя дни, аз же грѣшный не вѣдаю, что есть Велик день или говѣйно, ни Рожества Христова не знаю, ни иных праздников не вѣдаю, ни среды, ни пятницы не вѣдаю — а книг у меня нѣту. Коли мя пограбили, ини книги взяли у меня. Азъ же от многия беды поидох до Индѣя, занже ми на Русь поити нѣ с чем, не осталось у меня товару ничего. Первый же Велик день взял есми в Каинѣ, а другый Велик день въ Чебокару в Маздраньской землѣ, третей Велик день в Гурмызе, четвертый Велик день взял есми в Ындѣе з бесермены в Бедерѣ; ту же много плаках по вѣре кристьяньской.

А до Цейлона идти морем два месяца, а до Кожикоде месяц идти.

В Шабате же родится шелк, да инчи — жемчуг скатный, да сандал; слонам цену по росту дают. На Цейлоне родятся аммоны, да рубины, да фатисы, да хрусталь, да агаты. В Кожикоде родится перец, да мускатный орех, да гвоздика, да плод фуфал, да цветы муската. В Гуджарате родится краска да лак, а в Камбее — сердолик.

В Райчуре же родятся алмазы (старой копи и новой копи). Алмаз продают по пять рублей почка, а очень хорошего — по десять рублей. Почка алмаза новой копи (по пять кени, черного — по четыре — шесть кени, а белого алмаза — одна тенка). Алмазы родятся в горе каменной, и платят за локоть той горы каменной: новой копи — по две тысячи фунтов золотых, а старой копи — по десять тысяч фунтов. А землей той владеет Мелик-хан, султану служит. А от Бидара тридцать ковов.

А что евреи говорят, что жители Шабата их веры, то неправда: они не евреи, не бесермены, не христиане, иная у них вера, индийская, ни с иудеями, ни с бесерменами не пьют, не едят и мяса никакого не едят. Все в Шабате дешево. Родится там шелк да сахар, и все очень дешево. По лесу у них мамоны ходят да обезьяны, да по дорогам на людей нападают, так что из-за мамонов да обезьян у них ночью по дорогам ездить не смеют.

От Шабата посуху десять месяцев идти, а морем — четыре месяца ⟨нрзб.⟩ У оленей домашних режут пупки — в них мускус родится, а дикие олени пупки роняют по полю и по лесу, но запах они теряют, да и мускус тот не свежий бывает.

Месяца мая в первый день отметил я Пасху в Индостане, в Бидаре бесерменском, а бесермены праздновали байрам в середине месяца; а поститься я начал месяца апреля в первый день. О благоверные христиане русские! Кто по многим землям плавает, тот во многие беды попадает и веру христианскую теряет. Я же, рабище божий Афанасий, исстрадался по вере христианской. Уже прошло четыре Великих поста и четыре Пасхи прошли, а я, грешный, не знаю, когда Пасха или пост, ни Рождества Христова не соблюдаю, ни других праздников, ни среды, ни пятницы не соблюдаю: книг у меня нет. Когда меня пограбили, книги у меня взяли. И я от многих бед пошел в Индию, потому что на Русь мне идти было не с чем, не осталось у меня никакого товара. Первую Пасху праздновал я в Каине, а другую Пасху в Чапакуре в Мазандаранской земле, третью Пасху — в Ормузе, четвертую Пасху в Индии, среди бесермен, в Бидаре, и тут много печалился по вере христианской.

Бесерменин же Меликъ, тот мя много понуди в вѣру бесерменьскую стати. Аз же ему рекох: «Господине! Ты намаз каларъсень, мен да намаз *киларьменъ; ты бешь намазъ* кыларъсиз, мен да 3 калаpемен; *мень гарипъ,* а сень инчай». Он же ми рече: «Истинну ты не бесерменин кажешися, а кристьяньства не знаешь». Азъ же во многыя помышлениа впадох, и рекох в себѣ: «Горе мнѣ, окаянному, яко от пути истиннаго заблудихся и пути не знаю, уже камо поиду. Господи боже вседрьжителю, творець небу и земли! Не отврати лица от рабища твоего, яко въ скорби есмь. Господи! Призри на мя и помилуй мя, яко твое есмь создание; не отврати мя, господи, от пути истиннаго, настави мя, господи, на путь правый, яко никоея же добродѣтели в нужи *тъй* не сътворих тобѣ, господи боже мой, яко дни своя преплых во злѣ все. Господи мой, олло перводигерь, олло ты, карим олло, рагим олло, карим олло, рагимелло; ахамдулимо. Уже проидоша Великия дни четыре в бесерменской землѣ, а кристьянства не оставих. Дале богъ вѣдает, что будет. Господи боже мой, на тя уповах, спаси мя, господи боже мой».

В Ындѣе же бесерменско*й*, в Великом Бедерѣ, смотрил есми на Великую нощь на Великый день Волосыны да Кола в зорю вошли, а Лось главою стоит на восток.

На багрям на бесерменской выѣхал султан на *т*еферич, ино с ним 20 возыров великых, да триста слонов наряженых в доспѣсех булатных да з городки, да и городкы окованы. Да в городкѣх по 6 человѣкъ в доспѣсех, да и с пушками да и с пищалми, а на великом слоне по 12 человѣкъ. Да на всяком по два проборца великых, да к зубом повязаны великые мечи по кентарю, да к рылу привязаны великыа желѣзныа гири. Да человѣкъ седит в доспѣсе промежу ушей, да крюк у него желѣзной великой, да тѣм его правят. Да коней простых тысяща в *снастѣхъ* златых, да верьблюдов сто с нагарами, да трубников 300, да плясцов 300, да ковре 300. Да на салтане кавтан весь сажен яхонты, да на шапке чичяк олмаз великый, да саадак золот сь яхонты, да три сабли на нем золотом окованы, да седло золото, да снасть золота, да все золото. Да пред ни*м* скачет кафаръ пѣшь да играет теремцо*мъ*, да за ним пѣших много. Да за ним благой слонъ идет, а весь в кам*кѣ* наряженъ, да обивает люди, да чѣпь у него желѣзна велика во рте, да обивает кони и люди, кто бы на салтана не наступил блиско.

А брат султанов, а тот седит на кровати на золотой, да над ним терем оксамитен, да маковица золота съ яхонты, да несут его 20 человѣкъ.

А *махтумъ* седит на кровати же на золотой, да над ним терем шидян с маковицею золотою, да везут его на 4-х конех

Бесерменин же Мелик сильно понуждал меня принять веру бесерменскую. Я же ему сказал: «Господин! Ты молитву (совершаешь и я также молитву совершаю. Ты молитву пять раз совершаешь, я — три раза. Я — чужестранец, а ты — здешний)». Он же мне говорит: «Истинно видно, что ты не бесерменин, но и христианских обычаев не соблюдаешь». И я сильно задумался, и сказал себе: «Горе мне, окаянному, с пути истинного сбился и не знаю уже, по какому пути пойду. Господи, боже вседержитель, творец неба и земли! Не отврати лица от рабища твоего, ибо в скорби пребываю. Господи! Призри меня и помилуй меня, ибо я создание твое; не дай, господи, свернуть мне с пути истинного, наставь меня, господи, на путь правый, ибо в нужде не был я добродетелен перед тобой, господи боже мой, все дни свои во зле прожил. Господь мой (бог покровитель, ты, боже, господи милостивый, господь милосердный, милостивый и милосердный. Хвала богу). Уже прошло четыре Пасхи, как я в бесерменской земле, а христианства я не оставил. Далее бог ведает, что будет. Господи боже мой, на тебя уповал, спаси меня, господи боже мой».

В Бидаре Великом, в бесерменской Индии, в Великую ночь на Великий день смотрел я, как Плеяды и Орион в зорю вошли, а Большая Медведица головою стояла на восток.

На байрам бесерменский совершил султан торжественный выезд: с ним двадцать везиров великих выехало да триста слонов, наряженных в булатные доспехи, с башенками, да и башенки окованы. В башенках по шесть человек в доспехах с пушками и пищалями, а на больших слонах по двенадцать человек. И на каждом слоне по два знамени больших, а к бивням привязаны большие мечи весом по кентарю, а на шее — огромные железные гири. А между ушей сидит человек в доспехах с большим железным крюком — им слона направляет. Да тысяча коней верховых в золотой сбруе, да сто верблюдов с барабанами, да трубачей триста, да плясунов триста, да триста наложниц. На султане кафтан весь яхонтами унизан, да шапка-шишак с огромным алмазом, да саадак золотой с яхонтами, да три сабли на нем все в золоте, да седло золотое, да сбруя золотая, все в золоте. Перед ним кафир бежит вприпрыжку, теремцом поводит, а за ним пеших много. Позади идет злой слон, весь в камку наряжен, людей отгоняет, большая железная цепь у него в хоботе, отгоняет ею коней и людей, чтоб к султану не подступали близко.

А брат султана сидит на золотых носилках, над ним балдахин бархатный, а маковка — золотая с яхонтами, и несут его двадцать человек.

А махдум сидит на золотых же носилках, а балдахин над ним шелковый с золотой маковкой, и везут его четыре коня

в *снастехъ* златых. Да около его людей многое множество, да пред нимъ певцы, да плясцов много; да всѣ з голыми мечи, да с саблями, да с щиты, да с сулицами, да с копии, да с луки с прямыми с великими. Да кони всѣ в доспѣсех, да саадаки на них. А иные наги всѣ, одно платище на гузне, сором завѣшен.

В Бедере же мѣсяць стоит три *дни* полонъ. В Бедере же сладкаго овощу нѣт. В Гундустани же силнаго вару нѣт. Силен варъ в Гурмызе да в Кятобагряим, гдѣ ся жемчюг родит, да в Жидѣ, *да в Бакѣ,* да в *Мисюрѣ,* да в Оръобьстани, да в Ларѣ. А в Хоросанской землѣ варно, да не таково. А в Чеготани велми варно. В Ширязи, да въ Езди, да в Кашини варно, да вѣтръ бывает. А в Гиляи душно велми да парище лихо, да в Шамахѣе паръ лих; да в Вавилоне варно, *да в Хумитѣ, да в Шамѣ варно*, а в *Ляпѣ* не так варно.

А в Севастии губѣ да в *Гурзыньской* землѣ добро обилно всѣм. Да Турская земля обилна велми. Да в Волоской землѣ обилно и дешево *все съѣстное.* Да и Подольская земля обилна всѣм. А Русь еръ тангрыд сакласын; олло сакла, *худо сакла!* Бу даниада муну кибить ерь *ектуръ;* нечикь Урус ери бегляри акой тугиль; Урусь ерь абоданъ болсынъ; растъ кам даретъ. Олло, худо, богъ, данъиры.

Господи боже мой! На тя уповах, спасти мя, господи! Пути не знаю, иже камо поиду из Гундустана: на Гурмыз поити, а из Гурмыза на Хоросан пути нѣту, ни на Чеготай пути нѣту, ни в Бодату пути нѣт, ни на Катабогряим пути нѣту, ни на Ездь пути нѣт, ни на Рабостан пути нѣт. *То* вездѣ *булгакъ* стал; князей вездѣ выбил. Яишу мырзу убил Узоасанбѣгъ, а султа*н* Мусяитя окормыли, а Узуосанбекъ на Ширязе сѣлъ, и земля ся не окрепила, а Едигерь Махмет, а тот к нему не ѣдет, блюдется. А иного пути нѣт никуды. А на Мякку итти, ино стати в вѣру бесерменскую. Занеже кристьяне не ходят на Мякку *вѣры дѣля, что ставять в вѣру.* А жити в Гундустани, ино вся собина исхарчити, занеже у них все дорого: один есми человѣкъ, ино по полутретья алтына на харчю идет на день, а вина есми не пивал, ни сыты.

Меликътучар два города взял индийскых, что разбивали по морю Индийскому. А князей поималъ семь да казну их взял, юкъ яхонтов, да юкь алмазу да кирпуков, да сто юков товару дорогово, а иного товару безчислено рать взяла. А стоял под городом два года, а рати с ним двѣсте тысячь, да слоновъ сто, да 300 верблюдов.

Меликътучар пришол *с* ратию своею к Бедерю на курбантъ багрям, а по-рускому на Петров день. И султанъ послал 10 возыревъ срѣтити его за 10 ковов, а в ковѣ по 10 вестъ, а со всяким возырем по 10 тысяч рати своей да по 10 слоновъ в доспѣсех.

в золотой сбруе. Да около него людей великое множество, да перед ним певцы идут и плясунов много; и все с обнаженными мечами да саблями, со щитами, дротиками да копьями, с прямыми луками большими. И кони все в доспехах, с саадаками. А остальные люди нагие все, только повязка на бедрах, срам прикрыт.

В Бидаре луна полная стоит три дня. В Бидаре сладкого овоща нет. В Индостане большой жары нет. Очень жарко в Ормузе и на Бахрейне, где жемчуг родится, да в Джидде, да в Баку, да в Египте, да в Аравии, да в Ларе. А в Хорасанской земле жарко, да не так. Очень жарко в Чаготае. В Ширазе, да в Йезде, да в Кашане жарко, но там ветер бывает. А в Гиляне очень душно и парит сильно, да в Шамахе парит сильно; в Багдаде жарко, да в Хумсе и в Дамаске жарко, а в Халебе не так жарко.

В Сивасской округе и в Грузинской земле всего в изобилии. И Турецкая земля всем обильна. И Молдавская земля обильна, и дешево там все съестное. Да и Подольская земля всем обильна. А Русь (бог да сохранит! Боже, сохрани ее! Господи, храни ее! На этом свете нет страны, подобной ей, хотя эмиры Русской земли несправедливы. Да устроится Русская земля и да будет в ней справедливость! Боже, боже, боже, боже!).

Господи, боже мой! На тебя уповал, спаси меня, господи! Пути не знаю — куда идти мне из Индостана: на Ормуз пойти — из Ормуза на Хорасан пути нет, и на Чаготай пути нет, ни в Багдад пути нет, ни на Бахрейн пути нет, ни на Йезд пути нет, ни в Аравию пути нет. Повсюду усобица князей повыбивала. Мирзу Джехан-шаха убил Узун Хасан-бек, а султана Абу-Саида отравили, Узун Хасан-бек Шираз подчинил, да та земля его не признала, а Мухаммед Ядигар к нему не едет: опасается. А иного пути нет. На Мекку пойти — значит принять веру бесерменскую. Потому, веры ради, христиане и не ходят в Мекку: там в бесерменскую веру обращают. А в Индостане жить — значит издержаться совсем, потому что тут у них все дорого: один я человек, а на харч по два с половиной алтына в день идет, хотя ни вина я не пивал, ни сыты.

Мелик-ат-туджар взял два города индийских, что разбойничали на Индийском море. Семь князей захватил да казну их взял: вьюк яхонтов, вьюк алмазов, да рубинов, да дорогих товаров сто вьюков, а иных товаров его рать без числа взяла. Под городом стоял он два года, и рати с ним было двести тысяч, да сто слонов, да триста верблюдов.

В Бидар мелик-ат-туджар вернулся со своею ратью на курбан байрам, а по-нашему — на Петров день. И султан послал десять везиров встретить его за десять ковов, а в кове — десять верст, и с каждым везиром послал по десять тысяч своей рати да по десять слонов в доспехах.

А у меликътучара на всяк день садятся за софрею по пятисот человѣкъ. А с ним садятся три возыри за его скатертию, а с возырем по 50 человѣкъ, а его 100 человѣкъ бояринов вшеретных. У меликътучара на конюшне коней 2000, да 1000 осѣдланых и день и нощь стоят готовы, да 100 слонов на конюшне. Да на всякую нощь двор его стерегут сто человѣкъ в доспѣсех, да 20 трубников, да 10 нагаръ, да 10 бубнов великых — по два человѣка бьют.

Мызамылкъ, да Мекхан, да Хафаратхан, а тѣ взяли три городы великие. А с ними рати своей 100 тысяч человѣкъ да 50 слонов. А тѣ взял бесчислено яхонтов да камени всякого драгаго много *множьство*. А все то камение, да яхонты, да алмаз покупили на меликтучара, заповѣдал дѣлярем пришие, что гостем не продавати, а тѣ пришли о Оспожинѣ дни к Бедерю граду.

Султан выѣзжает на потѣху в четвергъ да во вторникъ, да три с ним возыри выезжают. А брат выезжает султанов в понедѣлник с материю да с сестрою. А жонок двѣ тысячи выеждает на конех да на кроватех на золоченых, да коней пред ними простых *сто* в доспѣсех золотых. Да пѣших с нею много велми, да два возыря, да 10 возореней, да 50 слонов в попонах сукняных. Да по 4 человѣкы на слонѣ сидит нагих, одно платище на гузне. Да жонки пѣшие наги, а тѣ воду за ними носят пити да подмыватися, а одинъ у одного воды не пиет.

Меликтучар выехалъ воевати *индѣян* с ратию своею из града Бедеря на память шиха Аладина, а по-рускому на Покров святыя богородица, а рати вышло с ним 50 тысящь, а султан послал рати своей 50 тысящь, да три с ними возыри пошли, а с ними 30 тысячь. Да сто слонов с ними пошло з городкы да в доспѣсех, да на всяком слонѣ по 4 человѣкы с пищалми. Меликтучар пошол воевати Чюнедара великое княжение индийское.

А у бинедарьскаго князя 300 слонов да сто тысяч рати своей, а коней 50 тысяч у него.

Султан выѣхал из града Бедеря восмой мѣсяць по Велице дни. Да с нимъ возыревъ выехало 26 возыревъ; 20 возыревъ бесерменскых, а 6 возыревъ индийских. А с султаном двора его выѣхало сто тысяч рати своей конных людей, а двѣсте тысяч пѣших, да 300 слонов з городки да в доспѣсех, да сто лютых звѣрей на двою чепѣхъ.

А з братом салтановымъ вышло двора его *100 тысячь конных, да* 100 тысяч пѣших людей, да 100 слонов наряженых в доспѣсех.

А за Мал-ханом вышло двора его 20 тысяч конныхъ, а пѣших 60 тысяч, да 20 слонов наряженых. А з Бездер-ханом вышло

У мелик-ат-туджара садится за трапезу каждый день по пятьсот человек. С ним вместе за трапезу садятся три везира, и с каждым везиром по пятьдесят человек, да еще сто его бояр ближних. На конюшне у мелик-ат-туджара две тысячи коней да тысячу коней оседланными день и ночь держат наготове, да сто слонов на конюшне. И каждую ночь дворец его охраняют сто человек в доспехах, да двадцать трубачей, да десять человек с барабанами, да десять бубнов больших — бьют в каждый по два человека.

Низам-ал-мульк, Мелик-хан да Фатхулла-хан взяли три города больших. А рати с ними было сто тысяч человек да пятьдесят слонов. И захватили они яхонтов без числа, да других драгоценных камней множество. И все те камни, да яхонты, да алмазы скупили от имени мелик-ат-туджара, и он запретил мастерам продавать их купцам, что пришли в Бидар на Успенье.

Султан выезжает на прогулку в четверг и во вторник, и с ним выезжают три везира. Брат султана совершает выезд в понедельник с матерью да с сестрой. И женок две тысячи выезжает на конях да на носилках золоченых, да перед ними ведут сто верховых коней в золотых доспехах. Да пеших множество, да два везира и десять везирыней, да пятьдесят слонов в суконных попонах. А на слонах сидит по четыре человека нагих, только повязка на бедрах. И пешие женки наги, носят они за ними воду — пить и умываться, но один у другого воды не пьет.

Мелик-ат-туджар со своей ратью выступил из города Бидара против индусов в день памяти шейха Алаеддина, а по-нашему — на Покров святой богородицы, и рати с ним вышло пятьдесят тысяч, да султан послал своей рати пятьдесят тысяч, да пошли с ними три везира и с ними еще тридцать тысяч воинов. И пошли с ними сто слонов в доспехах и с башенками, а на каждом слоне по четыре человека с пищалями. Мелик-ат-туджар пошел завоевывать Виджаянагар — великое княжество индийское.

А у князя виджаянагарского триста слонов да сто тысяч рати, а коней у него — пятьдесят тысяч.

Султан выступил из города Бидара на восьмой месяц после Пасхи. С ним выехало двадцать шесть везиров — двадцать бесерменских везиров и шесть везиров индийских. Выступили с султаном двора его рати сто тысяч конных людей, двести тысяч пеших, триста слонов в доспехах и с башенками да сто лютых зверей на двойных цепях.

А с братом султана вышло двора его сто тысяч конных, да сто тысяч пеших, да сто слонов в доспехах.

А с Мал-ханом вышло двора его двадцать тысяч конных, шестьдесят тысяч пеших, да двадцать слонов в доспехах. А с Бедер-

30 тысяч конных, да и з братом, да пѣших сто тысяч, да слонов 25 наряженых с городки. А с Сул-ханом вышло двора его 10 тысяч конных, а пѣших 20 тысяч, да 10 слонов з городки. А с Возыр-ханом вышло 15 тысяч конных людей, да пѣших 30 тысяч, да 15 слоновъ наряженых. А с Кутовал-ханом вышло двора его 15 тысяч конных, да пѣших 40 тысяч, да 10 слонов. А со всяким возырем по 10 тысяч, а с ыным 15 тысяч конных, а пѣших 20 тысяч.

А с ындѣйским авдономом вышло рати своей 40 тысяч конных людей, а пѣшихъ людей сто тысяч, да 40 слоновъ наряженых в доспѣсех, да по 4 человѣкы на них с пищалми.

А с султаном вышло возырев 26, а со всякымъ возырем по десяти тысяч рати своей, а пѣшихъ 20 тысящ, а с ыным возырем 15 тысяч конных людей и пѣших 30 тысяч. А индѣйскии 4 возыри великих, а с ними рати своей 40 тысячь конных людей, а пѣших сто тысяч. И султан ополѣлся на индѣян, что мало *вышло* с ним, и он еще прибавилъ 20 тысяч пѣших людей, *двѣ* тысячи конных людей, да 20 слонов. Такова сила султанова индѣйскаго бесерменьскаго. Мамет дени иариа. А растъ дени худо донот — а правую вѣру богъ вѣдает. А праваа вѣра бога единаго знати, и имя его призывати на всяком мѣсте чисте чисто.

В пятый же Велик день възмыслих ся на Русь. Идох из Бедеря града за мѣсяць до улубагряма бесерменьскаго Мамет дени розсулял. А Велика дни кристьянскаго не вѣдаю Христова въскресения, а говѣйно же ихъ говѣх з бесермены, и розговѣхся с ними, и Велик день взял в Кельбери от Бедери 10 ковов.

Султан пришол да меликътучаръ с ратию своею 15 *день* по улѣбагрямѣ, а в Келбергу. А война ся имъ не уда*ла*, один город взяли индийской, а людей их много изгибло, и казны много истеряли.

А индийскый же салтан кадам велми силен, и рати у него много. А сидит в горѣ в Бичинѣгѣрѣ, а град же его велми велик. Около его три ровы, да сквозѣ его река течет. А с одну страну его женьгѣль злый, а з другую страну пришол долъ, и чюдна мѣста велми *и* угодна *на* все. На одну же страну приитти нѣкуды, сквозѣ градо дрога, а града же взяти нѣкуды, пришла гора велика да дебер зла тикень. Под городом же стаяла рать мѣсяць, и люди померли безводни, да голов велми много изгибло з голоду да з безводицы. А на воду смотрит, а взяти нѣкуды.

А град же взял индийской меликъчанъ хозя, а взял его силою, день и нощь бился з городомъ 20 дни, рать ни пила, ни ѣла, под городом стояла с пушками. А рати его изгибло

ханом и его братом вышло тридцать тысяч конных, да пеших сто тысяч, да двадцать пять слонов, в доспехах и с башенками. А с Сул-ханом вышло двора его десять тысяч конных, да двадцать тысяч пеших, да десять слонов с башенками. А с Везир-ханом вышло пятнадцать тысяч конных людей, да тридцать тысяч пеших, да пятнадцать слонов в доспехах. А с Кутувал-ханом вышло двора его пятнадцать тысяч конных, да сорок тысяч пеших, да десять слонов. А с каждым везиром вышло по десять тысяч, а с некоторыми и по пятнадцать тысяч конных, а пеших — по двадцать тысяч.

С князем виджаянагарским вышло рати его сорок тысяч конных, а пеших сто тысяч да сорок слонов, в доспехи наряженных, и на них по четыре человека с пищалями.

А с султаном вышло двадцать шесть везиров, и с каждым везиром по десять тысяч конной рати, да пеших по двадцать тысяч, а с иным везиром по пятнадцать тысяч конных людей и по тридцать тысяч пеших. А великих индийских везиров четыре, а с ними вышло конной рати сорок тысяч да сто тысяч пеших. И разгневался султан на индусов, что мало людей с ними вышло, и прибавил еще пеших двадцать тысяч, да две тысячи конных, да двадцать слонов. Такова сила султана индийского, бесерменского. (Мухаммедова вера годится.) А раст дени худо донот — а правую веру бог ведает. А правая вера — единого бога знать и имя его во всяком месте чистом в чистоте призывать.

На пятую Пасху решился я на Русь идти. Вышел из Бидара за месяц до бесерменского улу байрама (по вере Мухаммеда, посланника божья). А когда Пасха, воскресение Христово,— не знаю, постился с бесерменами в их пост, с ними и разговелся, а Пасху отметил в Гулбарге, от Бидара в десяти ковах.

Султан пришел в Гулбаргу с мелик-ат-туджаром и с ратью своей на пятнадцатый день после улу байрама. Война им не удалась — один город взяли индийский, а людей много у них погибло и казны много поистратили.

А индийский великий князь могуществен и рати у него много. Крепость его на горе, и стольный город его Виджаянагар очень велик. Три рва у города, да река через него течет. По одну сторону города густые джунгли, а с другой стороны долина подходит — удивительное место, для всего пригодное. Та сторона не проходима — путь через город идет; ни с какой стороны город не взять: гора там огромная да чащоба злая, колючая. Стояла рать под городом месяц, и люди гибли от жажды, и очень много людей поумирало от голода да от жажды. Смотрели на воду, да не подойти к ней.

Ходжа мелик-ат-туджар взял другой город индийский, силой взял, день и ночь бился с городом, двадцать дней рать ни пила, ни ела, под городом с пушками стояла. И рати его погибло

пять тысяч люду добраго. А город взял, ини высѣкли 20 тысяч поголовья мужскаго и женьскаго, а 20 тысяч полону взял великаго и малаго. А продавали голову полону по 10 тенекъ, *а иную по 5 тенекъ,* а робята по две тенкы. А казны же не было ничего. А болшаго города не взял.

А отъ Кельбергу поидох до Кулури. А в Кулури же родится ахикь, и ту его дѣлают, на весь свѣт оттуду его розвозят. А в Курили же алмазников триста сулях микунѣт. И ту же бых пять мѣсяць, а оттуду же поидох Калики. Ту же бозар велми великъ. А оттуду поидох Конаберга, а от Канаберга поидох к шиху Аладину. А от шиха Аладина поидох ко Аменьдрие, и от Камендрия к Нярясу, и от Кинаряса к Сури, а от Сури поидох к Дабыли — пристанище Индийскаго моря.

Дабил же есть град велми велик, а к тому же Дабыли асьѣзжается вся поморья Индийская и Ефиопская. Ту же и окаянный аз рабище Афонасей бога вышняго, творца небу и земли, възмыслихся по вѣре по кристьянской, и по крещении Христовѣ, и по говѣйнех святых отець устроеных, по заповедех апостольских и устремихся умом поитти на Русь. И внидох *же в таву,* и зговорих о *налонѣ* корабленем, а от своеа главы два златых до Гурмыза града *дати.* Внидох же в корабль из Дабыля града до Велика дни за три мѣсяцы бесерменскаго говѣйна.

Идох же в тавѣ по морю мѣсяць, а не видѣх ничего. На другий же мѣсяць увидѣх горы Ефиопскыа, ту же людие вси воскричаша: «Олло перводигер, олло конъкар, бизим баши мудна насинь больмышьти», а по-рускыи языком молвят: «Боже осподарю, боже, боже вышний, царю небесный, здѣ нам судил еси погибнути!»

В той же землѣ Ефиопской бых пять дни. Божиею благодатию зло ся не учинило. Много раздаша брынцу, да перцу, да хлѣбы ефиопом, ини судна не пограби*ли.*

А оттудова же идох 12 дни до Мошката. В Мошкате же шестой Велик день взял. И поидох до Гурмыза 9 дни, и в Гурмызе бых 20 дни. *А* из Гурмыза поидох к Лари, и в Лари бых три дни. Из Лари поидох к Ширязи 12 дни, а в Ширязе бых 7 дни. И из Ширяза поидох к Вергу 15 дни, а в Велергу бых 10 дни. А из Вергу поидох къ Езди 9 дни, а въ Езди бых 8 дни. А изь Езди поидох *къ Спагани 5 дни, а въ Спагани 6 дни. А ис Пагани* поидох Кашини, а в Кашини бых 5 дни. А ис Кашина поидох к Куму, а ис Кума поидох в Саву. А из Сава поидох к Султанью, а из Султания придох до Тервизя, *а ис Тервиза* поидох в оръду Асанбѣгъ. В ордѣ же бых 10 дни, ано пути нѣт никуды. А на турскаго послал рати двора своего 40 тысяч. Ини Севасть взяли,

пять тысяч лучших воинов. А взял город — вырезали двадцать тысяч мужского полу и женского, а двадцать тысяч — и взрослых, и малых — в плен взяли. Продавали пленных по десять тенек за голову, а иных и по пять, а детей — по две тенки. Казны же совсем не взяли. И стольного города он не взял.

Из Гулбарги пошел я в Каллур. В Каллуре родится сердолик, и тут его обрабатывают, и отсюда по всему свету развозят. В Каллуре триста алмазников живут (оружье украшают). Пробыл я тут пять месяцев и пошел оттуда в Коилконду. Там базар очень большой. А оттуда пошел в Гулбаргу, а из Гулбарги к Аланду. А от Аланда пошел в Амендрие, а из Амендрие — к Нарясу, а из Наряса — в Сури, а из Сури пошел к Дабхолу — пристани моря Индийского.

Большой город Дабхол — съезжаются сюда и с Индийского и с Эфиопского поморья. Тут я, окаянный Афанасий, рабище бога вышнего, творца неба и земли, призадумался о вере христианской, и о Христовом крещении, о постах, святыми отцами устроенных, о заповедях апостольских и устремился мыслию на Русь пойти. Взошел в таву и сговорился о плате корабельной — со своей головы до Ормуза-града два золотых дал. Отплыл я на корабле из Дабхола-града на бесерменский пост, за три месяца до Пасхи.

Плыл я в таве по морю целый месяц, не видя ничего. А на другой месяц увидел горы Эфиопские, и все люди вскричали: «Олло перводигер, олло конъкар, бизим баши мудна насинь больмышьти», а по-русски это значит: «Боже, господи, боже, боже вышний, царь небесный, здесь нам судил ты погибнуть!»

В той земле Эфиопской были мы пять дней. Божией милостью зла не случилось. Много роздали рису, да перцу, да хлеба эфиопам. И они судна не пограбили.

А оттуда шли двенадцать дней до Маската. В Маскате встретил я шестую Пасху. До Ормуза плыл девять дней, да в Ормузе был двадцать дней. А из Ормуза пошел в Лар, и в Ларе был три дня. От Лара до Шираза шел двенадцать дней, а в Ширазе был семь дней. Из Шираза пошел в Эберку, пятнадцать дней шел, и в Эберку был десять дней. Из Эберку до Йезда шел девять дней, и в Йезде был восемь дней. А из Йезда пошел в Исфахан, пять дней шел, и в Исфахане был шесть дней. А из Исфахана пошел в Кашан, да в Кашане был пять дней. А из Кашана пошел в Кум, а из Кума — в Савэ. А из Савэ пошел в Сольтание, а из Сольтание шел до Тебриза, а из Тебриза пошел в ставку Узун Хасан-бека. В ставке его был десять дней, потому что пути никуда не было. Узун Хасан-бек на турецкого султана послал двора своего сорок тысяч рати. Они Сивас взяли. А Токат взяли

а Тохат взяли да пожгли, Амасию взяли, и много пограбили сел, да пошли на караманского воюючи.

И яз из орды пошол ко Арцыцану, а из Орцыцана пошол есми в Трепизон.

В Трепизон же приидох на Покров святыя богородица и приснодѣвы Мариа, и бых же въ Трапизоне 5 дни. И на корабль приидох и сговорил о налонѣ — дати золотой от своеа главы до Кафы; а золотой есми взял на хар*чь*, а дати в Кафѣ.

А в Трапизоне ми же шубаш да паша много зла учиниша. Хлам мой весь к себѣ възнесли в город на гору, да обыскали все — что мѣлочь добренкая, ини выграбили все. А обыскивают грамот, что есми пришол из орды Асанбега.

Божиею милостию приидох до третьяго моря *Чернаго,* а парсийскимъ языкомъ дория Стимбольскаа. Идох же по морю вѣтром 10 дни, доидох до Вонады, и ту нас срѣтили великый вѣтръ полунощный, възврати нас къ Трапизону, и стояли есмя в Платанѣ 15 дний, вѣтру велику и злу бывшу. Ис Платаны есмя пошли на море *двожды, и* вѣтръ нас стрѣчает злый, не дастъ нам по морю ходити. Олло акь, олло худо перводигерь! Развие бо того иного бога не знаю.

И море же проидохъ, *да занесе насъ* сыс къ Баликаеѣ, а оттудова *к* Токорзову, и ту стояли есмя 5 дни. Божиею милостию приидох в Кафу за 9 дни до Филипова заговѣниа. Олло перводигер!

Милостию божиею преидох же три моря. Дигерь худо доно, олло перводигерь дано. Аминь! Смилна рахмам рагим. Олло акьбирь, акши худо, илелло акшь ходо. Иса рух оало, ааликъ солом. Олло акьберь. Аилягаиля илелло. Олло перводигерь. Ахамду лилло, шукур худо афатад. Бисмилнаги рахмам ррагим. Хуво могу лези, ляляса ильлягу яалимуль гяиби ва шагадити. Хуя рахману рагиму, хубо могу лязи. Ляиляга *иль ляхуя. Альмелику, алакудосу, асалому, альмумину, альмугамину,* альазизу, алчебару, альмутаканъбиру, алхалику, альбариюу, *альмусавирю,* алькафару, алькалъхару, альвазаху, альрязаку, альфатагу, альалиму, алькабизу, альбасуту, альхафизу, алльрравию, алмавизу, алмузилю, альсемилю, албасирю, альакаму, альадюлю, алятуфу.

да пожгли, и Амасию взяли, да много сел пограбили и пошли войной на караманского правителя.

А из ставки Узун Хасан-бека пошел я в Эрзинджан, а из Эрзинджана пошел в Трабзон.

В Трабзон же пришел на Покров святой богородицы и присно-девы Марии и был в Трабзоне пять дней. Пришел на корабль и сговорился о плате — со своей головы золотой дать до Кафы, а на харч взял я золотой в долг — в Кафе отдать.

И в том Трабзоне субаши и паша много зла мне причинили. Добро мое все велели принести к себе в крепость, на гору, да обыскали все. И что было мелочи хорошей — все выграбили. А искали грамоты, потому что шел я из ставки Узун Хасан-бека.

Божией милостью дошел я до третьего моря — Черного, что по-персидски дарья Стамбульская. С попутным ветром шли морем десять дней и дошли до Воны, и тут встретил нас сильный ветер северный и погнал корабль назад к Трабзону. Из-за ветра сильного, встречного стояли мы пятнадцать дней в Платане. Из Платаны выходили в море дважды, но ветер дул нам навстречу злой, не давал по морю идти. (Боже истинный, боже покровитель!) Кроме него — иного бога не знаю.

Море перешли, да занесло нас к Балаклаве, и оттуда пошли в Гурзуф, и стояли мы там пять дней. Божиею милостью пришел я в Кафу за девять дней до Филиппова поста. (Бог творец!)

Милостию божией прошел я три моря. (Остальное бог знает, бог покровитель ведает.) Аминь! (Во имя господа милостивого, милосердного. Господь велик, боже благой, господи благой. Иисус дух божий, мир тебе. Бог велик. Нет бога, кроме господа. Господь промыслитель. Хвала господу, благодарение богу всепобеждающему. Во имя бога милостивого, милосердного. Он бог, кроме которого нет бога, знающий все тайное и явное. Он милостивый, милосердный. Он не имеет себе подобных. Нет бога, кроме господа. Он царь, святость, мир, хранитель, оценивающий добро и зло, всемогущий, исцеляющий, возвеличивающий, творец, создатель, изобразитель, он разрешитель грехов, каратель, разрешающий все затруднения, питающий, победоносный, всеведущий, карающий, исправляющий, сохраняющий, возвышающий, прощающий, низвергающий, всеслышащий, всевидящий, правый, справедливый, благий.)

РАССКАЗ О СМЕРТИ ПАФНУТИЯ БОРОВСКОГО

О господи, спаси же! О господи, поспѣши же!

Молитва: Владыко мой, господи вседръжителю, благмъ подателю, отче господа нашего Иисуса Христа! Прииди на помощь мнѣ и просвети сердце мое на разумѣние заповѣдий твоих и отверзи устнѣ мои на исповѣдание чюдес твоихъ и на похваление угодника твоего. Да прославится имя твое святое, яко ты еси помощник всѣм, уповающимъ на тя. В вѣкы аминь.

Възмагающу мя господу Иисусу Христу и того свѣту, всенепорочнѣй матери и угодника ея, о нем же мнѣ нынѣ слово. Аз же окаанный что имам рещи? Невѣжда сый и грубъ, паче грѣховъ исполненъ.

Исповѣдати хощу о тацѣм свѣтилѣ, святѣмъ и велицѣмъ отци нашемъ Пафнутии, аще и не достоинъ есмь отъ начала житиа его споведати, ниже пакы онъ требуаше сия отъ мене, поне же божий человекъ выше нашея похвалы; но души своей на въспоминание, паче же — на обличение, да не реку — на осужение. Не вѣмъ како получивши сожительство такова мужа, и многым лѣтом единокровенъ быти, и толика учения его насладитися, и любви его со мъногымъ изообильством восприяти, аще и дерзостно ми есть рещи, яко же ин никто же.

Въ лтѣо 6985, и индикта 10, по святом же и честнѣмъ праздницѣ Пасхы, въ четверг 3 недели, назавтрее Георгеева дни, в 3 час дни, позва мя старець походити за манастырь. Егда же изыдохом, тогда начатъ шествовати кь пруду, его же създа многым трудомъ своимъ. Егда же приидохом на заплот, узрѣ поток водный, явльшийся под мостъ, и начат мя учити, како заградити путь водѣ. Мнѣ же о сем рекшу: «Азъ иду съ братьями, а ты нам указывай», ему же рекшу:

РАССКАЗ О СМЕРТИ ПАФНУТИЯ БОРОВСКОГО

О господи, спаси! О господи, помоги!

Молитва: Владыка мой, господь вседержитель, благо дарующий, отец господа нашего Иисуса Христа! Приди на помощь мне и просвети сердце мое, дабы уразумел я заповеди твои, и отверзи уста мои, чтобы поведать мне о чудесах твоих и восхвалить угодника твоего. Да прославится имя твое святое, ибо ты помощник всем, уповающим на тебя. Вовеки аминь.

Да помогут мне господь Иисус Христос и духовный свет его, всенепорочная матерь божия и угодник ее, о котором ныне мое слово. Я же, окаянный, что смогу сказать? Невежда и груб я, сверх меры грехами преисполнен.

Поведать хочу о таком светиле, святом и великом отце нашем Пафнутии, хотя и недостоин я описывать все житие его, тем более что и не требовал он этого от меня — ведь божий человек выше нашей похвалы; но делаю это на спасение души своей, более того — на обвинение, чтобы не сказать — на осуждение. Не разумею, как удостоился я жить вместе много лет под одной кровлей с таким мужем, и наслаждаться поучениями его, и любовь его безмерную восприять, как никто иной, хотя и дерзко говорить мне так.

В 6985 (1477) году, индикта десятого, после святого и честного праздника Пасхи, в четверг третьей недели, на другой день после Георгиева дня, в третьем часу дня, позвал меня старец с ним походить за монастырем. Когда же вышли из монастыря, то пошел он к пруду, который создал многими трудами своими. И вот, когда пришли мы на место за плотиной, увидели ручей, просочившийся под мостом, и стал он меня наставлять, как преградить путь воде. Когда я на это сказал ему: «Я приду с братьями, а ты нам указывай», он ответил:

«Нѣсть ми на се упражнения, понеже ино дѣло имамъ неотложно, по обѣде имам нужнѣе дѣло». Пакы старець възвъратися в монастырь уже время литургии. Егда же свершися божественая служба, тогда с братьями в трапезу по обычаю шествоваше и пищи причастися.

Егда же 6-му часу скончавшюся, тогда прииде ко мнѣ ученикъ старцев юнный Варсануфье и рече ми: «Старець Пафнотей посла къ тебѣ, поиди, идѣ же ти сам повелѣхъ».

Мнѣ же смутившуся о семъ, скоро вьстах и идох къ старцу, и отворивъ дверь, и видѣхъ старца сѣдяща въ сѣнехъ у дверей на одрѣ въ велицѣ устроении, ничто же глаголюща ко мнѣ. Аз же рѣх ему: «Что ради не изыдеши самъ? Нужи не имаши?» Блаженый же рече ми: «Нужу имам, ты не вѣси, понеже съуз хощеть раздрѣшитися». Мнѣ же недоумѣющуся и понеже страхом обьят бых о необычных его глаголѣхъ, не смѣях ничто же рещи, и изыдох на не же мя дѣло посла.

Поях с собою братию, их же ми повелѣ, и преже со старцемъ бывшая ученика его Варсанофья, Зосиму и Малха. И мало тружьшиемся възвратихомся в монастырь, ничто же усьпѣвше, понеже мног мятежь в душах имѣюще. И обрѣтох старца в кѣльи сѣдяща. Тогда глагола ми: «Скоро пошли ко князю Михаилу, чтобы ко мнѣ сам не ѣхал, ни присылал никого ни о чем, понеже ино ми дѣло прииде».

Егда же приспѣ вечерни время, тогда не возможе ити с братиями на вечернее правило. По отпущении же вечерни братиа приидоша къ кѣлии старца увѣдѣти, что ради не приде в собор. Старець ни единому не повелѣ внити к себѣ, рекъ: «Въ утрений день да сберутся вся братия». Тако же и на павечернее правило не возможе изыти. Мнѣ же не отступающу его, рече бо ми: «В сий же день четверток имам премѣнитися немощи моея».

Мнѣ же дивяшуся о необычных глаголѣхъ. Таже повелѣ ми павечерницу проглаголати, таже отпусти мя ити в кѣлию мою. Мнѣ же не хотящу едва изыдох. Тогда не обрѣтох покоя всю нощь, но без сна пребывах, множицею и к кѣлии старца прихождахъ в нощи и не смѣях внити, понеже слышах его не спяща, но молящася. Ученику же его, юну сущу, ничто же от сих вѣдящу, точию сну прилежащу.

Егда же бысть час утрени, тогда вжегъ свѣщу, поидох, понеже заповѣдь имам от старца преже многых лѣтъ во время пѣниа приходити и часом времена являти. Повелѣ братии поити на утренее славословие, мнѣ же повелѣ у себе полунощницу и завтреню проговорити, сам же въставъ сѣдѣше, дондеже скончах.

«Не могу я этим заниматься, потому что есть у меня другое, неотложное дело, после обеда ждет меня более важное дело». Потом старец возвратился в монастырь, а уже настало время литургии. Когда же закончилась церковная служба, тогда, как обычно, пошел с братьями в трапезную и пищи отведал.

Когда же прошел шестой час, тогда пришел ко мне ученик старца, юный Варсонофий, и сказал мне: «Старец Пафнутий послал меня к тебе, иди туда, куда тебе повелел».

Я же, недоумевая, быстро поднялся и пошел к старцу, и отворил дверь, и увидел старца сидящим в сенях у дверей на постели во всем облачении, и он ничего мне не говорил. Тогда я сказал ему: «Почему не пойдешь сам? или не видишь в том нужды?» Блаженный же ответил мне: «Меня другое заботит, только ты не знаешь что — ведь узы должны разрешиться». Я же, не понимая, о чем он говорит, охваченный страхом из-за необычных его речей, не посмев ничего сказать, пошел туда, куда посылал меня старец.

Взял я с собой братьев, которых он повелел,— Варсонофия, ученика старца, Зосиму и Малха. И, немного потрудившись, возвратились мы в монастырь, ничего не сделав, потому что большое смятение царило в душах наших. И застали старца сидящим в келии. Тогда он сказал мне: «Поскорее пошли к князю Михаилу, чтобы и он сам ко мне не ездил и не присылал бы никого ко мне ни с какими просьбами, потому что приспели мне иные заботы».

Когда же наступило время вечерни, то не смог он пойти с братиею на вечернее богослужение. По окончании же вечерни братия пришла к келье старца, чтобы узнать, почему он не пришел в церковь. Старец же никому не разрешил войти к себе, сказав: «Наутро пусть соберется вся братия». Также и на повечерие не смог пойти. Я же не отходил от него, потому что сказал он мне: «В сей день недели, в четверг, избавлюсь от немощи моей».

Я же подивился необычным словам его. Потом велел он мне читать повечерие, а потом отпустил меня в келью мою. Я же с большой неохотой ушел. И не обрел я покоя во всю ночь, но без сна пребывал, много раз ночью к келье старца приходил и не смел войти, потому что слышал — не спит он, а молится. Ученик же его, совсем еще юный, ничего не ведал и крепко спал.

Когда же наступило время утрени, тогда зажег я свечу и пошел, потому что за много лет еще до этого велел мне старец ко времени пения приходить к нему и тем возвещать о времени. И повелел братии идти на утреню, мне же велел у него в келии полунощницу и заутреню прочитать, а сам поднялся и прослушал всю службу, пока я не закончил.

Егда же бысть день, пятку сущу, тогда по молебном правилѣ священници и вся братиа приидоша благословитися и видѣти старца. Старець же повелѣ всѣм безъ возбранениа входити и начатъ съ братиею пращатися, старець же въставъ сѣдѣше.

Прилучи же ся в то время старець Кирилова монастыря, ему же имя Дионисие, художествомъ часовникъ. Тогда и тьй влѣзе съ братьею прощение прияти. Дионисию же много молящуся, дабы его благословилъ рукою старець, ему же и слышати не хотящу. Много же стужаще о сем. Тогда оскръбився рече старец: «Что от мене, господине старець, отъ грѣшна человѣка ищеши благословениа и помощи? Я самъ въ час сей требую многы молитвы и помощи!» Ему же изшедшу, старець же пакы воспомяну и́, глагола: «Что сему старцу на мысли? Я сѣжю, сам себѣ не могу помощи, а он от мене рукы требѣаше».

Братии же всей собравшимся, и немощным и слѣпотою стражющимъ, и по прощении не хотящим отити. Старець же понуди отити когождо в кѣлью свою. Бѣ же тогда братии числом 95. Мнѣ же не отступающу от старца ни на мал час, старець же о всем млъчаше, развѣ точью молитву Иисусову непрестанно глаголаше.

Егда же приспѣ час литургии, приде священник благословитися по обычаю, понеже обычай имѣють священници на всяк день благословятися у старца, в кѣлью приходяще. Священник же поиде на божественую службу. Самъ же начать облачитися в ризы своя, понеже хотяше ити въ святую церковь къ божественѣй службѣ, мнѣ же ему с братьею во всем помогающу.

Егда же свершися святая литургиа, взем святыя дары, изыде из церкве, братиямъ его провожающимъ, шествуя с посохом, опочивая мало, не дадяше себѣ свершенѣ прикоснутися братии или водити весма, но со многымъ опасением приближахомся ему.

Егда же бысть въ кѣлии, отпусти братию, сам же взлеже немощи ради. Мнѣ же оставшу у старца, аще о чемъ помянет. Ничто же о пищи рече, точью повелѣ ми сыты, мало воды сладчае, дати себѣ жажди ради. Отнели же разболѣся, ничто вкуси.

По малѣ часѣ присла князь Михайло Андрѣевичь диакона своего увѣдѣти, что ради не повелѣ ему старець у себе быти, яко же рѣх преже, и что прилучися старцу. Мнѣ же сказавшу, что князь присла, ему же ничто же отвѣщавшу, точию отпустити повелѣ: «Нѣсть ему у мене ни о чем дѣла».

Когда же наступил день, а была пятница, тогда по окончании молебного правила священники и вся братия пришли благословиться у старца и повидать его. Старец же разрешил всем невозбранно входить к нему, а сам, поднявшись, начал у каждого брата просить прощения.

Оказался в это время в монастыре и старец из Кириллова монастыря, по имени Дионисий, ремеслом часовник. Тогда и тот вошел с братиею, чтобы прощение получить. И хотя очень молил Дионисий, чтобы старец благословил его своею рукою, тот и слышать не хотел. И Дионисий сильно огорчился из-за того. Тогда, огорчившись, сказал старец: «Что ты от меня, господин мой старец, от грешного человека, требуешь благословения и помощи? Я сам в сей час много нуждаюсь в молитве и в помощи!» И когда Дионисий вышел, старец, снова вспомнив о нем, сказал: «О чем этот старец думает? Я сижу, сам себе не могу помочь, а он от меня благословящей руки требует».

Собралась же у старца вся братия, и больные, и слепые, и после старцева прощения никто не хотел уходить. Старец же повелел каждому уйти в келью свою. Было же тогда братии девяносто пять человек. А я не отходил от старца даже на малое время, старец же все время молчал, только непрестанно молитву Иисусову творил.

Когда же приспело время литургии, пришел священник благословение взять, по обычаю, потому что священники, как заведено было, каждый день приходили в келью, чтобы благословиться у старца. После этого священник пошел на богослужение. Старец же начал облачаться в одежды свои, потому что хотел пойти в святую церковь на литургию, я же помогал ему во всем с братьями.

Когда же окончилась святая литургия, приняв святые дары, он вышел из церкви, а братия его провожала, шел он с посохом и, понемногу отдыхая, не разрешая братии подходить к себе и помогать, и мы с большим опасением приближались к нему.

И когда пришел он в келию, то отпустил братию, а сам лег в изнеможении. Я же остался у старца на случай, если что-нибудь понадобится. И ничего он о еде не сказал, только велел мне дать ему сыты, чуть слаще простой воды, так как пить захотел. С тех пор, как разболелся, ничего не вкусил.

Спустя немного времени прислал князь Михаил Андреевич дьяка своего узнать, почему не велел ему старец приходить к себе, как я уже сказал раньше, и что случилось со старцем. Когда же я сказал старцу, что от князя посланец пришел, он ничего мне не ответил, только велел его отпустить: «Нет у него до меня никакого дела».

В то же время привезоша грамоты от предѣла тферьскаго да деньги золотые; мнѣ же явившу ему, он же не повелѣ к себѣ внити пришедшим. Аз же, взем грамоты и деньги, принесох в кѣлью к старцу, таже явих ему: «Азъ прочту грамоты пред тобою». Старець же не повелѣ прочести, повелѣ отдати принесшим. Мнѣ же глаголющю: «Повели мнѣ взяти, нам то надобе», старець же оскорбися на мя и запрѣти ми, рек сице: «Ты возмешь — ино то я взял».

Обычай же имѣше старець всегда Пречистые имя нарицати и надежу имѣти, и рече: «Еще, брате, у Пречистой есть братии что пити и ѣсти. Они прислали не моея ради пользы, но от мене, грѣшьнаго, требуют молитвы и прощения, а я, видите, самъ наипаче во время се требую молитвы и прощения».

Аз же ничто же ино рѣх, точью прощения прося о всем, и отпустих я́ отъ монастыря со всѣмъ. И испытах ихъ, о ней же вещи приидоша, и вся тако суть, яко же ми старець рече.

Обычай же бѣ старцу: егда кто от братии в немощь впадаше, тогда старець прихожаше к брату и воспоминаше ему послѣднее покаание и святых даровъ причащение. О себѣ же ничто же о сих глаголаше, нам же дивящимся, еда како в забвение приде о сихъ старець.

По малѣ часѣ приде церковный служитель, глаголя: «Время вечерни приближися». Нам же глаголющим, старець начатъ осязати ризы своя. Мнѣ же вьпросившу: «Камо хощешь изыти, еда нужи ради коея?»,— ему же рекшу: «Имам ити къ вечерни». Начахом старца облачити в ризы его, таже взят посох свой, нам же спомогающим ему со обою страну, не дадяше старець приимати за руцѣ, развѣе за ризы помогахом ему.

Егда же приде въ церковь, тогда ста на своем мѣстѣ, аз же ему уготових сѣдалище. Старець же, на посох руцѣ положь, таже главу преклонивъ, стояше. Егда же братия начаша стихиры пѣти, тогда старець начатъ пѣти съ братиею по обычаю. Обычай же имѣше старець ни единого стиха мимоити с молчаниемъ, но всегда пояше съ братиею. Егда же случашеся не услышати ему стиха или коего слова вь стихѣ, тогда повелѣваше кононарху пакы възвращатися множицею и повторяше стихы, дабы извѣстно разумѣлъ.

Скончанѣ же бывши вечерни, начеyьшу священнику понахиду, понеже предание святых отець по обычаю церковному в пяток вечеръ всегда помяновение о усопших бываеть. Братиа хотяще старца в кѣлью вести, ему же не хотящу, рече бо: «Азъ требую паче слышети, понеже мнѣ нужнѣйше, к тому не возмогу слышати». Братия же начаша пѣти

В это время привезли грамоты из удела тверского и деньги золотые; я ему сказал об этом, он же не разрешил пустить к себе прибывших. Я же, взяв грамоты и деньги, принес в келью к старцу и сказал ему: «Я прочту тебе грамоты». Но старец не велел читать, приказав отдать их принесшим. А когда я сказал: «Разреши мне взять, ведь нам это нужно»,— старец рассердился на меня и запретил мне, говоря так: «Ты возьмешь — все равно что я взял».

Был же у старца обычай всегда имя Пречистой призывать и надеяться на нее, и сказал он: «Еще, брат, у Пречистой есть чем братию кормить и поить. Они прислали не ради моей пользы, но от меня, грешного, хотят получить молитву и прощение, а я, вы видите, сам больше других сейчас нуждаюсь в молитве и прощении».

Я же ничего не ответил, только просил его простить меня за все и отпустил из монастыря пришедших со всем принесенным. И расспросил я их, для чего они приходили, и оказалось все именно так, как мне старец сказал.

Был же у старца такой обычай: если кто-нибудь из братии заболевал, тогда старец приходил к этому брату и напоминал ему о последнем покаянии и о причащении святых даров. О себе же он ничего не говорил, и мы дивились — не забыл ли об этом старец.

По прошествии некоторого времени пришел церковный служитель, говоря: «Время вечерни приблизилось». И когда мы заговорили, то старец потянулся к одеждам своим. Когда же я спросил его: «Куда хочешь пойти, по какой нужде?» — он ответил: «Пойду к вечерне». Стали мы облачать старца в одежды его, а он взял посох свой, мы же поддерживали его с обеих сторон, и не разрешал старец держать его за руки, а только за одежды поддерживать его.

Когда же пришел он в церковь, то встал на своем месте, я же приготовил ему сидение. Старец же, опершись руками о посох и голову преклонив, остался стоять. И когда братия начала петь стихиры, то старец, как и всегда, начал петь с братиею. Обычай же был у старца ни единого стиха не пропускать молча, но всегда петь вместе с братиею. Если же случалось ему не услышать стиха или какого-нибудь слова в стихе, то велел кононарху снова возвращаться по нескольку раз и повторять стихи, чтобы тот как следует запомнил.

По окончании вечерни начал священник служить панихиду, потому что, по заветам святых отцов, по обычаю церковному, в пятницу на вечерне всегда поминовение усопших бывает. Братия хотели старца вести в келью, он же не захотел, сказав: «Я должен более других слушать, потому что мне это нужнее всего, впредь уже не смогу слушать». Братия же начали петь

«Блажени непорочни». Старець же усердно припѣваяше братьямъ, яко же братиамъ мнѣти, еда како легчае ему бысть.

По скончании правила излѣзе старець из церкве. Идущу же ему в кѣлью, священници же и прочая братия шествують по старцѣ, провожающе. Егда же приде въ кѣлью, тогда отпусти всѣхъ съ благословениемъ и прощением и самъ у всѣхъ простися. Мнѣ же и иному брату, именем Варсонофию, не отлучающуся ни единого часа. Старцу же взлегшу изнеможения ради телеснаго, намъ же безмолствующим, и по малѣ часѣ приде паномаръ, прося благословения на павечернее правило. Старець братиямъ повелѣ пѣти, сам же не возможе поити, мнѣ повелѣ у себѣ проговорити павечерницу.

По соборнѣмъ отпѣтии пакы приде Арсение. Аз же рѣх ему: «Азъ иду въ кѣлью, ты же возми свѣтилник, възжи да посѣди у старца, дондеже прииду». Обычай же бѣ старцу никогда же по павечернѣмъ правилѣ свѣщѣ или свѣтилнику горѣти, но всегда в нощи молитву творяше, множицею же сѣдя усыпаше, вервицу в руках держаше, Иисусову молитву глаголаше. Егда же възженъ бысть свѣтилникъ, старець же во изнеможени лежаше, аз же, приемъ благословение, идох в кѣлью мою малаго ради покоя.

Едва уснух от многых помыслъ о старцѣ, пакы же съкоро убудився, въстах и идох в кѣлью старца. Старец же лежаше, молитву творяше. Аз же, сотворь молитву, възвѣстих ему утрьни час. Старець же не возможе поити, аз же глаголахъ ему полунощьницу и прочее правило, он же, въставъ, сѣдѣше, моляшеся.

Егда же бысть день, обычай же бѣ многолѣтный старцу на всякъ день молбены пѣти, или праздникъ или простъ день,— иногда дващи, множицею и три случашеся,— братия же начаша пѣти въ соборѣ, мнѣ же повелѣ у себе проговорити канон Иисусовъ, таже Пречистой похвалный. Егда же изглаголахъ, тогда мало умлъчах, таже с тихостию въставъ, начах себѣ часы глаголати. Старець же, въставъ, сѣдѣше. Аз же въпросихъ: «Что ради въставъ сѣдиши? Еда вонъ хощеши изыти?» Ему же рекшу: «Сего ради сѣжю,— ты часы глаголеши, а мнѣ лежать?» Мнѣ же удивльшуся великому трезвѣнию блаженаго.

Помалѣ же начатъ понуждати на божественую службу. Аз же възвѣстих служителю церковному. Старець же начат облачитися в ризы своя, нам же спомогающим ему. Старцу же пришедшу въ церковь, стоящю же ему на обычном мѣстѣ. Егда же свершися божественая служба, старцу по обычаю вземшу святыа доры, излѣзе изъ церкве.

Егда же бысть в кѣлии, аз же уготовах ему малы потребы, еда како вкусити восхощет. Отнелиже разболѣся, ничто же вкуси, развѣ воды мало медом услажены,

«Блаженны непорочные». Старец же усердно подпевал братии, и братия подумала, что ему стало легче.

По окончании службы вышел старец из церкви. А когда шел он в келью, то священники и остальная братия шли за старцем, провожая его. Когда же пришел он в келью, тогда отпустил всех, дав благословение и прощение, и сам у всех прощения попросил. Я же и другой брат, по имени Варсонофий, не отлучались от него ни на мгновение. И старец лег в изнеможении и усталости, мы же сидели молча, и вот вскоре пришел пономарь, чтобы получить благословение на повечерие. Старец братиям велел идти на службу, сам же не смог пойти и велел мне у него в келье читать повечерие.

По окончании службы в храме снова пришел Арсений. Я же сказал ему: «Я схожу в свою келью, а ты возьми светильник, зажги да посиди у старца, пока не приду». А у старца был обычай никогда после повечерия не зажигать свечу или светильник, но в ночной темноте молиться, и часто он так сидя и засыпал, держа в руках вервицу и творя Иисусову молитву. И когда зажгли светильник, старец в изнеможении лежал, я же, приняв от него благословение, пошел в келью свою, чтобы немного отдохнуть.

И едва уснул я из-за беспрерывных дум о старце, как вскоре снова проснулся, встал и пошел в келью старца. Старец лежал и творил молитву. Я же, сотворив молитву, возвестил ему, что наступило время утрени. Но старец не смог пойти в церковь, и я прочитал полунощницу и остальную службу, он же, поднявшись, сел и молился.

Когда наступил день, то, по исстари заведенному старцем обычаю во всякий день петь молебны,— был ли то праздничный или будничный день (и иногда по два, а часто и по три молебна пели),— братия стала молиться в церкви, мне же старец повелел у него в келье прочитать канон Иисусов, а также канон похвальный Пречистой. Когда я все закончил, то, немного помолчав, с тихостью встал я и начал про себя читать часы. Старец же поднялся и сел. Тогда я спросил: «Почему ты поднялся? Хочешь из кельи выйти?» Он же мне ответил: «Потому сижу,— ты часы читаешь, а мне лежать?» И подивился я великой твердости блаженного.

Спустя немного времени велел старец готовиться к литургии. Я сказал об этом церковному служителю. Старец начал облачаться в одежды свои, мы же помогали ему. Когда старец пришел в церковь, то стал на своем обычном месте, а когда окончилось богослужение, старец, как и обычно, приняв святые дары, вышел из церкви.

Когда вернулись в келью, я приготовил для него немного еды на случай, если захочет поесть. С тех пор как разболелся он, то ничего не вкушал, только пил воду, слегка подслащенную медом,

едва познаватися сытѣ, меду же кислего или квасу никако же вкуси. Мнѣ же понужающу вкусити немощи ради, старець же рече ми: «Не токмо не полезно есть, но и пагубно пианому умрети».

Мартирию же диакону сущу, тогда по старцеву благословению имущу службу на трапезѣ представляти мед и пиво братьям. Тогда ему пришедшу благословитися у старца, что повелить братии взяти на трапезу пити, старець же повелѣ ему мед лучший всегда взимати на трапезу, рекъ сице: «Братиа да пьють, после мене миряне то попиють». Аз же рѣх ему: «Днесь и сам вкуси, понеже субота есть, еще же Пятдесятница». Старець же ми рече: «И азъ вѣм, что субота и 50-ница, но писано въ правилехъ: «Аще и велика нужа будет, ино три дни попоститися болящему причащения ради святых тайнъ». Мене же видиши немощна суща. Аще господь сподобит и пречистая богомати, заутра хощю причаститися святым тайнам»».

Мы же почюдихомся великому его опасению: преже помышляхом, яко же напреди рекох, еда како в забвение приде о сих старец, а онъ отнелиже разболѣся, от того часа посту прилежаше, а нам ничто же о сих яви.

Таже братию отпусти в трапезу ити на обѣд, сам же мало упокоися немощи ради. Братии же заповѣда, да не стужають ему ни о чемъ, дондеже сподобится божественаго причащения святых даров.

Се же ему обычай бяше многолѣтный: егда хотяше причаститися святым тайнамъ, тогда всю неделю пребываше молчя не токмо от мирян, но и с братьею не глаголаше и о нужных вещехъ, ни живущему с ним в кѣльи что глаголаше. Постъ же ему всегда обыченъ бѣше.

Нам же отшедшим кождо в кѣлью свою. По малѣ врѣмени посылаеть ученика своего и призывает священника, именем Исаия. Преже не бѣ ему обычай сего призывати. Священнику же вшедшу въ кѣлью старца и стоящу, старець же съ смирениемъ начатъ глаголати ему о духовных дѣлех. Священнику же о семъ недоумѣющуся, паче же страхом и трепетомъ одержим о старцевых глаголѣхъ, яко же сам извѣствоваше мнѣ. Таже повелѣваеть ему покаание прочести и прочая по ряду. И благословение приемлеть и прощению сподобляется, преже от бога прощеный.

Въ то же время присылаеть князь Михайло Андрѣевич духовника своего попа Ивана старца посѣтити,— и сам князь много желаше ѣхати къ старцу, но не смѣяше безъ повелѣния,— аще ли не повелить ему быти у себе старець, да благословить и простит его старець и сына его князя Ивана? Старець же не повелѣ попу Ивану к себѣ внити, ниже бесѣды

так что это едва походило на сыту, забродившего же меду или квасу даже не пробовал. Когда же стал я, по причине немощи старца, уговаривать его поесть, старец сказал мне: «Не только не на пользу, но пагубно пресытившемуся умереть».

В то время по благословению старца Мартирий-диакон во время трапезы подносил братии мед и пиво. Когда пришел он, чтобы благословиться у старца и спросить, какое повелит он взять питие на трапезу братии, то старец велел ему всегда лучший мед приносить на трапезу, сказав так: «Пусть братья пьют, а то после меня миряне его выпьют». Я же сказал ему: «Сегодня и сам вкуси, потому что суббота сегодня, к тому же и Пятидесятница». И старец мне ответил: «Я и сам знаю, что суббота и Пятидесятница, но в правилах написано: «Даже если и великая нужда будет, все равно три дня следует поститься больному ради причащения святых тайн». А меня, сам видишь, недуг охватил. Если господь и святая богоматерь сподобят меня, то завтра хочу причаститься святых тайн».

И удивились мы его великому послушанию: сначала думали мы, как я уже раньше сказал, что просто забыл об этом старец, а он, оказывается, как только разболелся, с того самого времени постился, а нам об этом ничего не говорил.

Потом отпустил он братию в трапезную обедать, сам же немного отдохнул из-за немощи своей. Братии же повелел, чтобы не тревожили его ни из-за каких дел, пока не сподобится он божественного причащения святых даров.

Был же у старца такой долголетний обычай: когда хотел он причаститься святых тайн, тогда всю неделю пребывал в молчании, и не только с мирянами, но и с братьею не говорил даже о необходимых делах, и с живущим с ним в келье ни о чем не говорил. Пост же для него всегда обычен был.

И разошлись мы по кельям своим. Вскоре после этого посылает старец ученика своего позвать к себе священника по имени Исайя. А прежде он обычно не звал того к себе. Когда священник вошел в келью к старцу и стал, начал старец со смирением говорить ему о духовных делах. Удивился этому священник, а еще более, как потом сам рассказал мне, был он объят страхом и трепетом из-за того, что говорил ему старец. Однако повелел священник старцу покаянную молитву прочесть и все остальное, что полагается. И вот благословение получает и прощения сподобляется тот, кто давно уже богом прощен.

В это же время прислал князь Михаил Андреевич духовника своего, попа Ивана, старца навестить,— князь и сам хотел очень приехать к старцу, но не смел без разрешения,— и узнать, не разрешит ли старец побывать ему самому у него и не благословит ли старец его и сына его, князя Ивана? Старец же не разрешил попу Ивану к себе войти и говорить

сподобитися. Он же много братию моляше, ни единого обрѣте довести его до старца. Послѣжде и ко мнѣ приходить со княжим словом, чтобы видѣти старца и князем повелѣнная глаголати. Мнѣ же, вѣдящу старцевъ разумъ и твердость нърава, не смѣющу о томъ и глаголати. Ему же много на се мя нудящу.

Аз же единъ идох кь старцу и сказах ему, что: «Князь Михайло прислалъ попа Ивана тебе видѣти и чтобы еси благословил и простил князя Михайла и сына его кънязя Ивана». Ему же молчащу. Аз же не обрѣтъ дръзновения кь старцу, по малѣ часѣ восхотѣх изыти, сотворивъ метание. Преподобная же она глава ни тогда мя скорбяща отпусьти, рече бо ми: «Дивлюся князю, съ чѣм присылаеть — «Сына моего благослови князя Ивана», а князь Василей ему не сынъ ли? Самъ на ся раздѣлися. Богъ вѣсть, гдѣ имат обрѣсти миръ и благословение!» Таже рече ми: «Ни о чемъ ему у мене дѣла нѣт, аще и самъ князь бы был».

Аз же, и не хотя, сия вся извѣстих попу Ивану. Он же, не увѣрися моими словесы, на ину мысль преложися: восхотѣ вечерни ждати, да сподобится бесѣды и благословения от старца. Егда же бысть время вечерни, тогда съ старцем идохом въ церковь, попъ же, предваривъ южными враты, съкоро вниде в церковь, хотя получити желаемое. Старець же, ощутивъ пришествие попа, скоро вниде въ светый олтарь. Егда же попъ изыде изъ церкве, таже и от моностыря, тогда старець излѣзъ из церкве, идяше въ кѣлью свою.

Таже отпустивъ братию, к тому ничто же бесѣдуя, понеже на всенощное пѣние с братиею готовяшеся, рече бо: «К тому прочее не мощно ми будеть напред свершити». Мы же мнѣхом: изнеможения ради телеснаго сия глаголеть, послѣжде разумѣхомъ, яко отшествие свое назнаменаше намъ не явѣ, но яко да не оскоръбит нас. Таже повелѣ мнѣ у себе святыя Троица канон проговорити, сам же бѣ во мнозѣ подвизѣ.

Мало по захожении солнца сам воздвиже братию на всенощное бдѣние, понеже на се много усерден бѣ. Братиам же дивящимся многому его тщанию, никако же ослабѣ, дондеже свершися всенощное правило. Уже дни освитающу умаления ради нощнаго, тогда повелѣ Иосифу крилошанину правило ему обычное свершати. Таже и к святому причащению молитвы изглаголавъ, старець же начат поспѣшати, со многымъ тщаниемъ шествуя во святую церковь, священнику же повелѣ свершати святую литургию, сам же пребысть вь святѣмъ жрьтвеницѣ до причащения божественаго тѣла и крове Христа, бога нашего.

с ним не захотел. Тот же сильно братию упрашивал, но ни одного не нашел, кто бы согласился провести его к старцу. Потом и ко мне пришел с княжьим поручением — увидеть старца и повеленное князем передать. Я же, зная твердость старца и непреклонность его нрава, не осмеливался и говорить об этом. Поп же Иван долго упрашивал меня.

Тогда я один пошел к старцу и сказал ему: «Князь Михаил прислал попа Ивана, чтобы тебя повидать и чтобы ты благословил и простил князя Михаила и сына его, князя Ивана». Старец же молчал. Я же, не осмелившись больше беспокоить старца, немного подождал и хотел уйти, земно поклонившись ему. Преподобный же старец не отпустил меня огорченным, но сказал мне: «Дивлюсь я князю, с чем посылает ко мне — «Сына моего благослови, князя Ивана»,— а князь Василий разве не сын ему? Сам в своей семье раздор заводит. Бог весть, где обретет мир и благословение!» Потом сказал мне: «Никакого дела у князя до меня нет, даже если бы и сам прибыл».

Я же, и не желая того, все это рассказал попу Ивану. Он же, не поверив моим словам, вот что задумал: решил дождаться вечерни, чтобы сподобиться беседы со старцем и его благословения. Когда настало время вечерни, пошли мы со старцем в церковь, а поп заранее незаметно вошел в церковь через южные двери, чтобы добиться своего. Старец же, поняв, что поп в церкви, поспешно вошел в святой алтарь. И лишь после того как поп ушел из церкви, а потом и из монастыря, вышел старец из церкви и пошел в келью свою.

После этого отпустил он братию, не сделав никакого наставления, так как приготовился пойти на всенощное бдение вместе со всей братией, сказав: «Впредь больше я уже не смогу этого совершить». Мы же тогда подумали: из-за немощи своей так говорит, и лишь потом уразумели, что уход свой из жизни так, намеком, предсказал нам, чтобы не огорчать нас. Потом повелел мне прочесть у него в келье канон святой Троице и сам усердно молился.

Вскоре же после захода солнца сам поднял братию на всенощное бдение, потому что с большим усердием относился к этому. Братия же дивилась его великому усердию, которое не ослабело до окончания всенощной службы. Когда забрезжил рассвет и пошла ночь на убыль, тогда повелел он клирошанину Иосифу читать положенную службу. Когда прочитал он молитвы, к святому причащению относящиеся, старец стал поспешать, со многим старанием шествуя в святую церковь, а священнику повелел совершать святую литургию, сам же пребывал в святом жертвеннике до причащения телу и крови Христа, бога нашего.

Егда же свершися божественая служба, старець прииде вь свою кѣлью, братьи провожающим его. Мнѣ же мало нѣчто уготовльшу, аще пищи причаститися восхощеть: отнелиже разболѣся, ничто же вкуси. Братьям же понудившим на се. Старець же не восхотѣ нас оскрбити: не естеству желающу, мало нѣчто вкуси, паче же братию понуди ясти отъ уготованых ему. Он же от многаго труда упокоися мало.

Въ то же время от великого князя Ивана Васильевича скоро достигоша послания, понеже нѣкоимъ мановениемъ, или от бога, или отъ скоропришедших человекъ возвѣщено бысть ему. Посланный же Федя Викентиев приходить ко мнѣ и рече ми слово великого князя: «Доведи мя до старца до Пафнотья, князь великий послалъ к нему грамоту свою». Аз же рѣх ему: «Никто же от мирянъ входить кь старцу, ниже самый князь, аще ли же истинну ти реку — ни пославый тя внидет». Он же рече ми: «И ты донеси послание и возвѣсти ему».

Аз же, взем запечатано послание, принесох кь старцу и сказах ему вся подробну реченная посланым. Старец же ми рече: «Отдай то послание пакы принесшему, да отнесеть пославшему: уже к тому ничто же требую отъ мира сего, ниже чести желаю, ниже страха от мира сего боюся». Аз же рѣх ему: «Вѣмъ и азъ о тебѣ сия тако суть, но бога ради намъ полезное сотвори, понеже хощет князь великий; о сем оскръбитися, не разгнѣви его!» Старець же паки рече ми: «Истину вам глаголю — не разгнѣвите Единого, ничто же вам успѣеть гнѣвъ человѣчьский. Аще ли же Единого разгнѣвите, еже есть Христосъ, никто же вам помощи может. А человекъ, аще и разгнѣвается, пакы смирится». Аз же не смѣях ничто же рещи, точью изшед рѣх ему вся предреченая и послание отдах; он же, и не хотя, скоро изыде изъ монастыря и с посланием.

Въ то же время приспѣ посланый от матери великого князя, христолюбивые и благочестивые великие княгини Марии, понеже велику вѣру имѣше кь Пречистые монастырю и любовь кь своему богомольцу, старцу Пафнотью, яко же инъ никто же. Аще и не бѣ преже такова, но добродѣтелию старцевою усугуби сторицею преложение свое на благое къ старцу со истинным покаянием. Таже и от великие княгини Софьи грекини приспѣ посланый с посланиемъ, еще же и деньги златые приносить.

Мнѣ же старьцу возвѣстивщу, старець же никако от принесеных взяти повелѣ, паче же оскорбися многаго ради стужения. Множае же азъ оскорбихся, молву творя старцу, пришедшимъ на се нудящим мя по слову посылающих.

Когда же завершилось богослужение, старец пришел в свою келью в сопровождении братьи. Я же приготовил немного пищи — вдруг захочет поесть что-нибудь: с тех пор, как разболелся, ничего не ел. Братья стали уговаривать его поесть. Старец же не захотел нас огорчать: против желания своего немного кое-что поел, больше же братию заставил есть то, что было для него приготовлено. И от многих трудов отдохнул немного.

А в это время от великого князя Ивана Васильевича прибыло послание, потому что то ли каким-то мановением, или же от бога, или от быстрых гонцов пришло к нему известие о происходящем. Посланный великим князем Федя Викентьев приходит ко мне и передает мне повеление великого князя: «Проводи меня к старцу Пафнутию, князь великий прислал ему грамоту свою». Я же сказал ему: «Никто из мирян не смеет входить к старцу, даже сам князь, и если правду тебе сказать, то и пославший тебя не посмеет войти». Он же ответил мне: «А ты отнеси послание и извести его».

Я же, взяв запечатанное послание, принес его к старцу и подробно передал ему все, сказанное посланцем. Старец же мне сказал: «Отдай снова это послание принесшему, пусть отнесет его пославшему: уже ничего не хочу от мира сего: и почестей не желаю, и ничто уже не страшит меня в мире этом». Я же сказал ему: «Знаю и я о тебе, что так это, но, бога ради, о нашей участи подумай: ведь этого желает князь великий; осердится он за это, не разгневай его!» Старец же снова сказал мне: «Истинно говорю вам — если не прогневаете Единого, ничего не причинит вам гнев человеческий. Если же Единого прогневаете, Христа, никто вам помочь не сможет. А человек, если и прогневается, то снова смирится». Я же не посмел больше ничего сказать, только вышел и передал посланцу все, о чем уже сказано выше, и послание отдал; тот же, против желания своего, быстро ушел из монастыря, с посланием.

В это же время приспел посланец от матери великого князя, христолюбивой и благочестивой великой княгини Марии; ведь великую веру имела она к монастырю Пречистой и питала любовь к своему богомольцу, старцу Пафнутию, как никто другой. Прежде она не была такой, но добродетель старца изменила ее отношение к нему, и она стала по-доброму относиться к старцу, с истинным покаянием. Потом и от великой княгини Софьи-гречанки приспел посланец с посланием, еще и деньги золотые принес.

И когда я известил об этом старца, старец ничего из принесенного брать не велел и сильно огорчился из-за того, что так досаждают ему. Еще более же я сам огорчился, обо всем говоря старцу, ибо приходящие понуждали меня к этому по приказанию посылавших их.

Аз же, изшед от старца, отпустих ихъ и со златом. Не токмо же от князя и от княгини, но и от прочего народа, отъ боляр же и от простых со всѣх странъ приходящих, мы же о сих ничто же старцу рещи смѣяхом, понеже искусихомся от предиреченных.

Пакы же приидох кь старцу, тогда рѣх ему: «Добрѣ неможешь, государь Пафнотей?» Старець же рече ми: «Ни так ни сякъ, видиши, брате, сам; болѣ не могу, понеже изнеможение телесное приде, а выше силы ничто же ощущаю от болѣзний».

От пищи же ничто же вкушааше: питаем бо бѣ божиею благодатию. Аще и повелить что устроити на въкушение, егда же принесена будуть, тогда сладцѣ похваляше и глаголаше братии: «Ядите, а я съ вами, понеже добра суть», видящим, яко бы рещи по Лѣствичнику, чрѣвообьястиа себе показоваше.

Пища же его бѣ всегда братнее угожение, сам же всегда худѣйшая избираше. Не ткъмо о пищи, но и келейное устроение вся непотребна. Еще же и ризы его, мантия, ряска, овчая кожа, сандалия ни единому от просящих потребна быша.

Бесѣда же его вся проста, сладцѣ бесѣдоваше не токмо братиям, но и мирьскымъ и странным. Не по человекоугодию, но по божию закону вся глаголаше, паче же дѣлы творяше. Не устыдѣся никогда же лица княжска или болярска, ни приносом богатых умягчися когда, но сильным крѣпко закону соблюдение глаголаше и заповѣдем божиимъ. Простым же тако же бесѣдоваше, братию нарицаше. Никто же от бесѣды его изыде скорбенъ когда, многымъ же и сердечныя тайны бесѣдою отвръзаше, они же отходяще чюдящеся славляху бога, прославляющаго своя угодникы.

И что много глаголю? Аще сия вся по единому начьну изчитати, не довлѣеть ми все время живота моего, но сиа вся совокупивъ, вькратцѣ реку: ничим же скуден бѣ в добродѣтелех дивный сей муж древних святыхъ, глаголю же Феодосиа, Савы и прочих святыхъ.

Пакы же нощи наставши, прежереченный братъ Варсонофье вжизаеть по обычаю свѣщникъ, старцу же сего не требующу, яко же преже рѣх, но намъ не терпящим свѣтило душь наших во тмѣ оставити. Мнѣ же малаго ради покоя отшедшу въ кѣлью, пакы помалѣ възвратихся кь старцу, обрѣтох его неспяща, Иисусову молитву глаголюща, брата же сѣдяща и дрѣмлюща. Аз же възвѣстих старцу часъ утрени, он же братиям въ соборѣ по обычаю вся повелѣ свершати, мнѣ же повелѣ у себе обычьная правити, яко же всегда обычай ему бѣше,

И, выйдя от старца, я отпустил их с их золотом. И не только от князей и от княгинь приходили, но и от других: от бояр и от простых людей из разных мест стали приходить, мы же о них старцу и сказать не смели, потому что видели, что было с ранее названными посланцами.

И вот когда снова вернулся я к старцу, то спросил его: «Очень тебе неможется, государь Пафнутий?» Старец же ответил мне: «Ни то ни сё, видишь, брат, сам: не могу больше, потому что немощь охватила меня, а кроме этого, ничего не ощущаю от болезни».

Из пищи же ничего не ел: питался божьей благодатью. Если и повелит что-нибудь приготовить из еды, то, когда принесут, тогда похвалит ее и говорит братии: «Ешьте, а я с вами — уж очень хороша», так что видящим, если сказать по Лествичнику, любителем полакомиться себя выказывал.

Пищу же всегда просил такую, чтобы братии угодить, а сам всегда худшее выбирал. И не только в пище, но и во всем келейном устроении довольствовался самым малым. И одежды его — мантия, ряса, кожух, обувь были такими, что ни одному из нищих не годились бы.

Беседа же его была проста, усладительно беседовать с ним было не только инокам, но и мирянам и странникам. Не ради человеческого угождения, но по божьему закону говорил он о всем, а более того в делах своих поступал так. Не робел он никогда ни перед лицом княжеским, ни перед боярским, дары богатых не могли улестить его, и сильным мира сего он повелевал неукоснительно соблюдать законы и заповеди божии. С простыми людьми так же, как и с великими, беседовал и братьями их называл. И никто после беседы с ним никогда не уходил от него неутешенным, многим он своей беседой сердечные тайны раскрывал, и они уходили от него, удивляясь и славя бога, прославляющего своих угодников.

Да что много говорю? Если все подряд начну перечислять, то не хватит мне всей жизни моей на это, но, объединив все вместе, вкратце скажу: ничем не уступал в добродетелях дивный сей старец древним святым, разумею Феодосия, Савву и прочих святых.

И вот снова наступила ночь, упомянутый уже ранее брат Варсонофий возжег, как обычно, светильник, не потому, как я уже говорил прежде, что этого требовал старец, но потому, что мы не в силах были светило душ наших во тьме оставить. Я же, уйдя в свою келью, чтобы немного отдохнуть, снова вскоре возвратился к старцу и застал его неспящим, творящим Иисусову молитву, брат же дремал сидя. Я возвестил старцу, что наступило время утрени, он же повелел братии, по обычаю, совершать богослужение в соборе, мне же велел у него в келии, как им было уже давно принято, читать что полагалось.

Понедѣлнику же наставшу, во время божественыя службы, пакы старець въ святую божию церковь шествуя со многым трудом, братиям помогающимъ. По свершении божественыя службы братьям выпрашающим, аще что похощеть вкусити. Старцу же не хотящу, токмо мало исьпиваше сыты, яко же преже рѣх.

Егда же упокоися мало старець, аз же от многых помыслъ борим, како хощеть после старца быти строение монастырьское, понеже старець ничто же о сих глаголеть, аще вопрошю его о семъ или ни, таже сотворих молитву, ему же отвѣщавшу «Аминь». Тогда начах со умилениемъ глаголати.

Въспросъ Инокентиев: «Государь Пафнотей! Повели при своемъ животѣ написати завѣщание о монастырьском строении: какъ братии по тебѣ жити и кому игумену быти повелиши?»

Старцу же молчащу.

Отвѣт Пафнотиа старца. Таже по малѣ часѣ начатъ глаголати старець, слезам изо очию текущимъ: «Блюдите убо сами себе, братие, как чинъ церковный и строение монастырю хощете имѣти: пѣсньнаго правила никогда же преставляйте; свѣщамъ вжизания просвѣщайте; священници держите честно, яко же и азъ, оброка их не лишайте; божественыя службы да не оскудѣвають, тѣми бо вся поспѣются; трапезы от любостранна не затворите; о милостыни попецѣтеся; просяща потребная, тща не отпустите; от мира приходящих бесѣд удаляйтеся; в ручнѣмъ дѣлѣ тружающеся; сердце свое хранѣте всяцѣм трезвѣнием от помыслъ лукавых; по павечернѣмъ правилѣ бесѣдъ не творите другъ со другом, кождо въ своей кѣльи да безмолъствуеть; соборныя молитвы не отлучайтеся никакою нужею, развѣе немощи; весь уставъ и правило церьковное кротко и немятежно, и молчаливо, и просто рещи, яко же мене видите творяща, и вы творите. Аще бо тѣх, заповѣданнаа мною, не презрите, вѣрую богови вседрьжителю и того всенепорочнѣй матере свѣту, не лишить господь всѣх благыхъ ему своихъ мѣста сего. Но вѣм, яко по отшествии моем Пречистые монастырю будеть мятежникъ много, мню, душю мою смути и въ братии мятежь сотвори. Но пречистая Царица мятежникы утолить, и бурю мимо ведеть, и своему дому и в немъ живущей братии тишину подасть».

Аще ли же реченная вамъ, братие, не вѣрна мнятся, не буди мнѣ лгати на преподобнаго, понеже и свѣдѣтелие суть неложнии: приидоша тогда братиа на посѣщение старца — Иосиф, Арсеней и Варсанофей и келейникъ старцевъ. Сия слышаще, дивляхуся, что хотят сия быти.

И когда наступил понедельник, во время литургии опять старец, с великим трудом, с помощью братии, пошел в святую божию церковь. По завершении богослужения стали братья спрашивать — не хочет ли он что-нибудь поесть. Старец же ничего не хотел, только немного испил сыты, как я уже и раньше рассказывал.

Когда же старец немного отдохнул, я, охваченный тревожными мыслями о том, каким хочет старец чтобы было после его смерти устроение монастырское,— ибо старец ничего не говорил об этом ни в ответ на мои вопросы, ни просто так,— сотворил молитву, а он ответил: «Аминь». Тогда начал я в волнении говорить.

Вопрос Иннокентиев: Государь Пафнутий! Прикажи при своей жизни написать завещание о монастырском устроении: как жить после тебя братии и кому повелишь быть игуменом?

Старец же молчал.

Ответ старца Пафнутия. Потом, спустя немного времени, начал говорить старец, проливая из глаз слезы: «Блюдите сами себя, братья, если чин церковный и монастырские порядки хотите сохранить: церковного пения никогда не оставляйте; свечи возжигайте; священников держите честно, как и я, не лишайте их положенного им; пусть не оскудевают божественные службы — ведь ими все держится; трапезную от странников не затворяйте; о милостыне пекитесь; просящего с пустыми руками не отпускайте; бесед с приходящими мирянами избегайте; в рукоделье трудитесь; храните сердце свое с неизменным усердием от лукавых помыслов; после повечерницы в разговоры друг с другом не вступайте — пусть каждый в своей келье безмолвствует; от общей молитвы ни по какой причине, кроме болезни, не уклоняйтесь; весь устав монастырский и правило церковное блюдите со смирением, и покорностью, и молчаливостью, и, попросту сказать, поступайте так, как видите меня поступающим. Если всем этим, заповеданным мною, не будете пренебрегать, верую я богу-вседержителю и его всенепорочной и пресветлой матери,— не лишит господь места сего всех благостей своих. Но знаю я, что по отшествии моем в монастыре Пречистой будет смутьянов много, чувствую — душу мою смутят и среди братии раздор поднимут. Но пречистая Царица мятежников усмирит, и бурю отвратит, и своему дому и в нем живущей братии успокоение подаст».

Если все это рассказанное вам, братья, кажется неправдой, то ведь нельзя мне ложь возводить на преподобного, тем более что и свидетели есть истинные: пришли тогда братья навестить старца, Иосиф, Арсений и Варсонофий, келейник старцев. Слышав это, дивились они тому, что до́лжно случиться.

Отци и братие! Господа ради простите ми сие, понеже написах сия, не судя братии своей — не буди то! Но почюдихся старцеву пророчению, понеже сия вскорѣ в дѣло произыдоша: единъ день, пятокъ, безмолъствова, въ он же день старца въ гробѣ положихом. Прочая же напреди явлена будуть.

Егда же старець сия изглагола, таже умолче изнеможения ради телеснаго, дни уже скончавающуся. Таже нощь препроводи в обычных правилѣхъ.

Третьему дни седмици наставшу вторнику, таже пакы от утра начинаеть безмолвие, не повелѣ себѣ стужати ни единому от братии, желаше паки причастникъ быти тѣлу и крови Христовѣ, понеже празднику наставшу преполовение Пятьдесятници. Мнѣ же с молчанием сѣдящу у старца со учеником его, старець же глаголаше псалмы Давидовы согласомъ не от единого ни от двою, но от многых избрание творя, таже премѣняя пояше молбены, Пречистой похвалный канон, таже и Одигитрие, еще же и «Многими съдръжим напастьми», таже и по Евангелии стих богородици «Не остави мене въ человеческое предстоя». Се же беспрестани творяше, не единою, ни дващи, но и множицею паки тоже начинаше. Нам же дивящимся необычному его гранесословию, но понеже не смѣяхом ни о чем же подвигнути слова, токмо ужасохомся, что хощеть сие быти. Еще же, и яко же преже рѣхъ, заповѣда не стужати ему.

Дни же прешедшу, ничто же ино не глаголаше, точью псалмы и прочаа. Нощи же наставши, мнѣ ему обычное правило изглаголавшу. Всю же ону нощь безъ сна препроводи въ велицѣ трудѣ, мало сѣдааше, а множае стояше.

Егда же бысть день, паки Иосифъ сверши ему причастное правило. Старцу же спѣшно готовящуся, таже понужаше насъ кь церкви; мы же с ним шествующе, спомогахом ему мало, таже въ святемъ жрьтвеницѣ сѣдалище уготовихом ему. Божественѣй же службѣ свершившися, пакы причастник бываеть тѣлу и крове Христовѣ. По отпущении же службы изыде из церкве. Се же бѣ ему обычай многолѣтны: не преже священник служивы излѣзе от олтаря, никогда же изыде из церкве, не прием благословения от служащаго священника.

Егда же бысть въ кѣльи, таже ставъ в сѣнех, братьи со обою страну стоящим, възрѣ душевным оком на братию, а чювьственым на образ Владычень и пречистые Богоматере, двѣ святѣи иконѣ имѣя, таже исполни очи слез, въздохнувъ, глаголаше. Молитва: «Господи вседръжителю, ты вѣси вся, испытаяй сердца и помыслы! Аще кто поскорбит мене ради грѣшнаго, въздажь ему, господи, сторицею в се время

Отцы и братья! Господа ради простите мне сие, ибо написал я это, не осуждая братию свою — ни в коем случае! Но изумился я пророчеству старца, потому что все это вскоре в действительности произошло: один день, пятницу, безмолвствовали только, в тот день, когда старца в могилу положили. Об остальном впереди рассказано будет.

Когда старец все это проговорил, то замолчал из-за немощи своей, а день уже подходил к концу. После этого провел он ночь в обычных молитвах.

Наступил третий день недели — вторник, старец с утра стал безмолвствовать и не велел себя беспокоить ни одному из братий, желая причаститься тела и крови Христовой, ибо наступил праздник преполовения Пятидесятницы. Я же молча сидел у старца с учеником его, старец же пел псалмы Давидовы,— не из одного или двух псалмов, но из многих стихи избирая, вместе с псалмами пел молитвы, канон похвальный Пречистой, и канон Одигитрии, еще и — «Многими одержим напастьми», а по прочтении Евангелия стих богородице — «Не оставь меня в человеческом предстоянии». И все это он беспрестанно повторял, и не один или два раза, но много раз снова начинал те же песнопения. Мы же дивились необычным его стихословиям, но ни о чем не смели спросить, а только удивлялись — чем это все завершится. К тому же, как я уже сказал прежде, велел он никому не тревожить его.

Прошел целый день, и ничего не произнес, но только пел псалмы и другие песнопения. Когда настала ночь, я прочел старцу обычное правило. Всю же ту ночь провел он без сна, в беспрерывной молитве, ненадолго присаживаясь, а больше стоял.

Когда же наступил день, снова Иосиф прочел старцу правило к причастию. Старец же поспешно стал готовиться, поторапливая и нас идти в церковь; мы пошли вместе с ним, помогая ему немного, и в жертвеннике приготовили ему место для сидения. После окончания литургии снова причастился он тела и крови Христовой. После же того, как служба завершилась, вышел он из церкви. И был у него давний обычай: прежде чем священник, свершавший богослужение, не выйдет из алтаря, не покидал он церковь, не приняв благословения от служащего священника.

Когда же подошли к келии, то, остановившись в сенях,— а братия стояла по обеим сторонам от него,— воззрил он в душе своей на братию, а очами телесными на образа́ Владыки и пречистой Богоматери — две этих святых иконы были у него — с очами, полными слез, вздохнув, стал говорить. Молитва: «Господь вседержитель, ты все знаешь, испытывающий сердца и помыслы! Если кто поскорбит обо мне, грешном, воздай ему, господи, сторицей в этой жизни,

и въ будущий вѣкъ живот вѣчный. Аще ли кто порадуется о моей смерти, грѣшна человека, не постави ему, господи, грѣха».

Зрить бо сия обоя въ братии.

Мы же, слышаще сия, ужасохомся — кождо свою съвѣсть въ себѣ судию имать, паче же азъ окаанный!

Сия изъглаголавъ, таже ж повелѣ себе въ кѣлью вьвести. Пакы начатъ утѣшителна словеса глаголати братии и радостнымъ лицемъ, яко же забыти нам прежереченных глаголъ, комуждо по своей совѣсти, яко же преже рѣх, себѣ зазрѣвшу. Глаголаше бо не ощущати выше силы болѣзни. Мы же, сия видяще, мнѣхом — хощет легчае ему быти. Братия же понуждаху его и пищи причаститися, старець же не хотяше, токмо мало вкушаше нужа ради сыты, яко же множицею преже рѣх. Таже братии подоваше, глаголя: «Пийте чашю сию, чада, пийте аки послѣднее благословение, аз бо к сему не еще от сея пию или вкушу». И еще к сему многа утѣшителна словеса изьглагола, таже вьзлеже на обычномъ своемъ мѣстѣ, на нем же и к господу по едином дни отиде.

Отци и братие! Да никто же ми зазрит, понеже множицею себе именую. Увы моему окааньству! Аще ли себе умлъчю, вся имам ложна писати.

Таже рече ми старець: «Инокентей!» Аз же прилѣжно зрѣхъ на священную его главу, что хощеть рещи? И глагола: «Есть у мене сосудъ меда, прислали ми поминка, не помню, какъ его наричють». — Братья же рекоша: «Кузня». — «Возми себѣ, благословляю тя, понеже нужу мою исполнялъ еси». Мнѣ же о сем много почюдившуся, что мене грѣшнаго и в таковѣй немощи благословения своего сподоби. Таже братию со многым обрадованием отпусти, паче же понуди ити въ трапезу, понеже обѣду вход.

Аз же, не терпях нимало отлучитися старца, паки вьзвратихся скоро, обрѣтох его по обычаю лежаща на своем мѣстѣ, молитву творяща, аз же с молчаниемъ стоях. Таже по малѣ часѣ сотворь молитву, глаголах ему: «Государь Пафнотей! Не лучшаеть тебѣ, понеже всю неделю ничто же вкусилъ еси пищи. Чему, господине, молчиши? Что еси здумалъ, кому приказываеши монастырь, братии ли или великому князю? О чемъ не глаголеши?» Ему же рекшу: «Пречистой». Таже по малѣ глагола ми: «Брате Инокентей! Правду ли се ты глаголеши?» Мнѣ же молчащу, еда како смутихъ старца.

«Мнѣ, брате, кто приказывалъ? Пречистая сама царица изволила, паче же возлюбила на семъ мѣстѣ прославити свое имя, и храм свой воздвигла, и братью совокупила, и мене, нищаго, много время питала и покоила и съ братьею. И мнѣ, пакъ въ гроб зрящу смертну человеку,

а в будущем веке даруй жизнь вечную. Если же кто и порадуется моей, грешного человека, смерти, не поставь ему, господи, это во грех».

Предвидел ведь и то и другое в братии.

Мы же, слышав это, ужаснулись — каждый свою совесть своим судьей имеет, больше же всех я, окаянный!

Произнеся это, повелел он ввести себя в келью. После этого начал с радостным лицом утешительные слова говорить братии, чтобы забыли мы прежде сказанное им, ведь каждый, как я уже сказал выше, почувствовал укоры совести. И говорил он так, что казалось — не ощущает сверх силы болезнь свою. Мы же, увидев это, подумали — становится ему легче. Братья уговаривали его поесть что-нибудь, старец же ничего не хотел, только вкушал по нужде немного сыты, как я уже не раз говорил раньше. Братию же стал угощать, говоря: «Пейте чашу сию, чада, пейте, как последнее благословение, ведь я уже больше от сей не изопью и не вкушу». И к этому еще многие утешительные слова проговорил, а потом лег на обычное свое место, на котором через один день и к господу отошел.

Отцы и братья! Пусть никто не осудит меня за то, что часто себя называю. Увы моему окаянству! Но если про себя умолчу, то ложь напишу.

Потом позвал меня старец: «Иннокентий!» Я же со вниманием посмотрел на священный его лик — что скажет? А он говорит: «Есть у меня сосуд меда, прислали мне на поминанье, а как поминаемого зовут — не помню». Братья же сказали: «Кузня». «Возьми себе, благословляю тебя, потому что все нужное для меня делал ты». Я же сильно подивился тому, что меня, грешного, в такой немощи своего благословения сподобил. Потом братию со многими подарками отпустил, заставив всех идти в трапезу, так как наступило время обеда.

Я же, не в силах и ненадолго оставить старца, снова возвратился поспешно и нашел его лежащим на своем обычном месте и молящимся, и остановился я в молчании. Потом, немного подождав, сотворил молитву и сказал ему: «Государь Пафнутий! Не легчает тебе, потому что целую неделю ничего не ел ты. Почему, господин, молчишь? Что надумал, кому поручишь монастырь — братии ли или великому князю? Отчего не говоришь?» Он же ответил: «Пречистой». Потом, немного погодя, говорит мне: «Брат Иннокентий! Взаправду ли ты это говоришь?» Я же молчал, думая, что расстроил старца.

«Мне, брат, кто монастырь поручал? Сама пречистая Царица так решила, и, более того, пожелала на этом месте прославить свое имя, и храм свой воздвигла, и братию собрала, и меня, нищего, долгое время питала и охраняла вместе с братиею. А я, смертный человек, в могилу смотрящий, себе

себѣ не могущу помощи; сама Царица какъ начала, такъ и устроити имат полезное своему дому. Вѣси самъ, не княжьскою властию, ни богатством силных, ни златомъ, ни сребром воздвижеся мѣсто сие, но изволениемъ божиимъ и пречистыя его матери хотѣниемъ. Не требовах от земных князь даровъ, кыихъ приати или приложити здѣ, и хотящимъ тѣмъ даяти та, но всю надежю и упование положих о всем на пречистую Царицу до сего дни и часа, в он же разлучити имать содѣтель и творець душю от телесе, и по отсюду отшествии пречистаа же Царица покрыеть своею милостию от насилия мрачных и лукавых духовъ, и въ страшный день праведнаго суда вѣчныя мя избавить мукы и со избранными причтеть. Аще ли и я нѣку благодать получю, не премолчю, о вас молитву творя к господу. Сице убо поспѣшите: чисте живете, ни яко же при мнѣ точию, но велми паче по отшествии моем, со страхом и трепетом сдѣ спасение содѣловающе, да добрых ради ваших дѣлъ и азъ почию и по мнѣ пришедшеи вселятся добрѣ, и по скончании вашем покой обрящете, и кождо, в нем же званъ бысть, в том да пребываеть. Своихъ мѣръ, братие, не преходите, не полезно бо вамъ се, но и душевредно. Над немощными братьями чювьством или паче рещи и обычаемъ не возноситеся, но дълготрьпите о нихъ, яко же своим удовом. Ей, чада, поспѣшите добродѣтельми!» Сиа и ина полезнаа глаголавъ, умолче изнеможения ради.

По малѣ часѣ скоро приходить посланный от содержащаго в то время престолъ русьския митрополия Горонтиа пресвященнаго посѣщения ради, носся миръ и благословение старцу. Таже паки от великаго князя Ивана Васильевича скоро приходить в монастырь Феодоръ, протопопъ его благовѣщеньскый, так же и от предреченных княгинь, от великие княгини, грекини, Юрьи грекъ. О всем приходят ко мнѣ, понеже кь старцу не получиша входа, глаголюще ми слово великаго князя, чтобы навсяко видѣти старца и бесѣды от него сподобитися, понеже много оскорбишася, не приемше извѣщения от преже посланных.

Мнѣ же о семъ не имѣющу дрьзновения не довести токмо, но и авити старцу. Они же много о семъ стужиша ми, аз же всячьскы отлагах, вѣды мужа крѣпость и неславолюбный его нравъ. Не могох имъ извѣститися никако и, не хотя въшедъ, сказах старцу о посланыхъ. Старець же много на мя оскорбися, таже рече ми: «Что тебѣ на мысли? Не даси же ми от мира сего ни единъ часъ отдохнути. Не вѣси ли — 60 лѣт угажено миру и мирьскым человѣкомъ, княземъ и бояромъ: и вь срѣтенье им сованося,

помочь не могу; так пусть, как Царица начала, так сама и устроит на благо дома своего. Сам знаешь — не княжеской властью, не богатством сильных, не золотом и не серебром создавалось место сие, но волею божьей и помощью пречистой матери его. Не просил я от земных князей никаких даров для монастыря и не принимал от тех, кто хотел принести их сюда, но всю надежду и упование о всем возложил на пречистую Царицу до сего дня и часа, в который разлучит создатель и творец мою душу с телом, и по отшествии из этого мира пречистая Царица да защитит своей милостью от насилия темных и лукавых духов, и в страшный день праведного суда избавит меня от вечной муки и причтет к избранным. Если же и я некоей благодати сподоблюсь, то неумолчно буду молиться за вас господу. Вот чему следуйте: живите в чистоте, не только пока я с вами, но тем более по отшествии моем, со страхом и трепетом спасаясь здесь, чтобы ради добрых ваших дел и я почил с миром, и после меня приходящие поселялись бы здесь хорошо, тогда по скончании своем покой обрящете, и пусть каждый, к чему призван он, в том и пребывает. Выше своих возможностей, братья, на себя не берите — это не только не на пользу, но и во вред душе. Над немощными братьями в мыслях, а более того сказать — в поступках, не возноситесь, но будьте милосердны к ним, как к собственной плоти своей. Призываю вас, чада, спешите делать добро!» Это и много другого полезного сказав, умолк он в изнеможении.

По прошествии недолгого времени приходит поспешно посланец от занимавшего тогда престол русской митрополии преосвященного Геронтия, чтобы навестить старца и передать ему мир и благословение. Потом скоро приходит еще в монастырь от великого князя Ивана Васильевича его благовещенский протопоп Феодор, потом и от прежденазванных княгинь, от великой княгини, гречанки, Юрий-грек. И со всем приходят ко мне, потому что к старцу не могли войти, передавая мне повеление великого князя, чтобы обязательно повидать старца и беседы его сподобиться, ибо сильно огорчились все, не получив никакого известия от ранее приходивших посланцев.

Я же не смел не только передать все это, но даже сказать старцу о пришедших. Они же упрекали меня за это, а я всячески пытался оправдаться, зная непреклонность старца и его презрение к почестям. Однако, не сумев никак отговориться, против воли своей пошел и сказал старцу о посланцах. Старец же сильно на меня осердился и сказал мне: «Что у тебя на уме? Не даешь мне ни на минуту от мира сего отдохнуть. Не знаешь разве — шестьдесят лет угождал я миру и мирским людям, князьям и боярам: встречая их, суетился,

и в бесѣдѣ съ ними маньячено, и вслѣдъ по них тако же praсованося, а того и не вѣмъ, чесого ради? Нынѣ познах: никая ми от всего того полза, но паче души испытание о всемъ. Господь пакы своим милосердиемъ, не хотя бес покаяниа смерти грѣшнику навести, дасть мнѣ грѣшному 6 день покаяниа ради, ино пакъ ты мнѣ не даешь покоя ни на единъ час, наводиши на мене миряне. Уже к тому и ис келия не имам изыти, да не стужають ми».

Аз же множае оскорбихся, не токмо не получивъ отвѣта посланым, но яко старца смутих. Аз же, изшед, вся сказах имъ, понужаахъ я изыти из монастыря. Им же и не хотящим отидоша, уже вечеру сущу, таже уклоньшеся препочиша в веси близ живущих человекъ.

От часа же того ни о чем же смѣях стужити старцу, точью обычное правило нощное свершаахъ.

Старець же к тому не уже на се понуди мя, понеже всю нощь пребысть без сна, псалмы Давыдовы гранесловяше, таже Иисусову молитву глаголаше. Се же бѣ ему обычай многолѣтный: по всяком правилѣ никогда же Иисусову молитву не оставляше, вервицу в руках держаше.

Егда же бысть день паки, старець по обычаю повелѣваше священнику ранѣе литурьгию свершати, понеже и сам мысляше ити, паче же спѣшаше, глаголаше бо себѣ: «Се день приде». Братьи же взирающим между собою, что се глаголаше, не вѣмы.

Аз же въпросих и: «Государь Пафнотей! О коем дни глаголеши —«Се приде день»?» Старець же рече: «О том дни, о нем же преже глаголахъ вам». Аз же начах именовати дни: «Неделя, или понедельникъ, или вторникъ?» Старець же рече: «Сь день четверток, о нем же и преже рѣхъ вамъ». Нам же недоумѣющимся о семъ, понеже многа о себѣ назнаменаше кь отшествию, таже паки сокрываше, ничто же явлена о себѣ глаголаше.

Старцу же пакы начинающу шествие творити кь церкви, тьщашеся, и егда приближися кь дверем, хотя излѣсти но манастырь, Иосиф возвѣсти ему преже бывших посланник пакы пришествие в монастырь, не токмо же тѣ, но и иных множество, еще же намѣстнику града Василию Феодоровичю и тому тогда приспѣвшу, понеже и преже того ему бывшу, не получи входа кь старцу. Тогда, собравшеся вси, стояху пред церковью на пути, имъ же старцу хотящу шествовати.

Егда же услыша старець приход их, что стояще ожидаху его, тогда и не хотя пакы обратися, паче же оскорбися, понеже възбраниша ему къ церкви шесьтвие. Таже отпусти братию ити в соборъ, сам же сѣде в сѣнех.

а сколько в беседах с ними было суетного наговорено, провожая их, снова суетился, а того и не ведаю — чего ради? Ныне познал: никакой мне от того пользы, но лишь душе во всем испытание. Господь по своему милосердию, не желая смерть навести на непокаявшегося грешника, дал мне, грешному, шесть дней для покаяния, так нет — ты мне не даешь покоя. ни на один час, наводишь на меня мирян. Уже не могу и из кельи выйти без того, чтобы не досаждали мне».

И я еще сильнее огорчился, не столько из-за того, что не получил ответа посланцам, сколько из-за того, что старца расстроил. Выйдя от старца, сказал я им все, веля им уйти из монастыря. И против желания своего ушли они, когда уже наступил вечер, и заночевали в близлежащем селении.

С этого времени ни о чем не смел я докучать старцу, только свершал положенную ночную службу.

А старец уже и не заставлял меня этого делать, потому что всю ночь пребывал без сна, читая псалмы Давидовы и повторяя Иисусову молитву. Был у него давний обычай — окончив службу, никогда не забывал он творить Иисусову молитву, держа в руках вервицу.

Когда снова наступил день, старец, как обычно, повелел священнику раннюю литургию служить, потому что и сам думал пойти, и очень спешил, говоря себе: «День сей пришел». Братья же недоуменно взирали друг на друга, не понимая, о чем он говорит.

Я же спросил его: «Государь Пафнутий! О каком дне говоришь — «День сей пришел»?» Старец же ответил: «О том дне, о котором и прежде говорил вам». Я же начал называть дни: «Воскресенье, или понедельник, или вторник?» Старец же сказал: «Этот день четверг, о нем я и прежде говорил вам». Мы же недоумевали, что сие значит, ибо многое указывало на то, что он готовится к отшествию, однако он скрывал это и определенно о себе ничего не говорил.

Снова, с трудом, начал старец свое шествие в церковь, и, когда приблизился к дверям кельи и хотел выйти на монастырский двор, Иосиф сказал ему, что в монастырь опять пришли ранее приходившие посланцы, и не только они, но много и других, к тому же пришел еще и наместник града Василий Федорович, который и раньше приходил, но не был допущен к старцу. И, собравшись все, стояли они тогда перед церковью, в том месте, где должен был проходить старец.

И когда услыхал старец о их приходе и о том, что они стоят и ожидают его, тогда, против желания своего, должен был вернуться, сильно он огорчился тем, что помешали ему пойти в церковь. Тогда послал он братию идти в собор, а сам остался сидеть в сенях.

Старець же глаголаше: «Никто же ми сие сотвори, точию Инокентей, тому се повелѣвшу». Азъ же и рещи не смѣяхъ, что о семъ неповиненъ есмь.

Егда же изыдохом кь церкви, единъ братъ у него оста Арсеней, старець же самъ утверди двери келиа, да никто же внидет.

Егда же свершися божественая литургия, не увѣдѣша старца, тогда вси разумѣша, яко не возможно им видѣти старца, ниже слышати глас его, и не хотяще скоро разыдошася кождо своимъ путем. Паче же богу се устроившу по писанному: «Помыслъ праведнаго приятенъ ему есть».

Аз же по божественѣй службѣ скоро възратихся кь старцу, обрѣтохъ и еще двери утвержены, брату же у него присѣдящу, о нем же преже рѣх. Егда же внидох, обрѣтох старьца в кѣльи възлегша на лавици под преднимъ окномъ, на монастырь же не повелѣ окна нимало утворити, на весь день не повелѣ себѣ стужати и до вечерни.

Братьи же мльчащи, старець же глаголаше о нѣкоем человецѣ, яко умрети имать; нам же о семъ недомыслящимся, мнѣхом, еда кто возвѣсти ему? Азъ же вопросих его: «О комъ се глаголеши? Мы нѣ вѣмы». Старець же рече: «О нем же вы глаголете, яко болить, а он, покаявся, умрети хотяше». Нам же сия вся недоумѣнна суть.

Таже братью отпусти, повелѣ въ трапезу ити. Азъ же от того часа не изыдох от старца.

Егда же изыдоша братиа, тогда рече ми старець: «Преведи мя на другую страну келия, понеже тамо имамъ покой от мятежа сего, таже и уснути хощу, понеже утрудихся. Да никто же от братии входит ко мнѣ до вечерни, ниже окна отверзи, ниже двери отвори, занеже по вечерни братья приити хотять». Аз же вся сия разсмотривъ, не к тому сомнѣхся, но извѣстнѣ увѣрихся, яко отити житиа сего хощеть старець, понеже ми и в началѣ немощи своея рекъ старець, яко соузъ хощеть разрѣшитися.

Азъ же отшествию нужных начах вьпрашати: «Государь Пафнотей! Егда прѣставишися, звати ли протопопа или иных священниковъ из града проводити тебе къ гробу?» Старець же рече ми: «Никако же не мози звати, понеже великъ мятеж хощеши сотворити мнѣ. Да никто же увѣсть, дондеже погребе мя в землю своимъ священникомъ. Молихся о семъ — и проводити, и на гробѣ простити, и земли предати». Аз же вопросих: «Где велиши себѣ гробѣ ископати и в земли положити?» Старець же ми рече: «Идѣ же еси Клима гуменника положил, с тѣмъ мя погребите. А гроба не купи дубова.

И сказал старец: «Никто другой устроил мне это, как только Иннокентий, он им так велел сделать». Я же и сказать не посмел, что нисколько не повинен в этом.

Когда же пошли мы все в церковь, то остался у него один брат — Арсений. Старец же сам запер двери келии, чтобы никто не вошел.

И когда окончилась божественная литургия, а старца так никто и не увидел, поняли тогда все, что невозможно им увидеть старца и даже голоса услышать его, и против желания своего вскоре каждый ушел путем своим. Вернее же сказать — бог так устроил, ведь написано: «Помысел праведного приятен ему».

Я же после богослужения скоро возвратился к старцу и нашел двери кельи еще запертыми, и брат, о котором я говорил, сидел у него. Когда я вошел, то застал старца в келье лежащим под передним окном на лавке, окно же, выходящее на монастырский двор, не велел открывать ни насколько и повелел не тревожить себя до вечерни.

Братия молчала, старец же стал говорить, что человек один умрет скоро; мы же недоумевали — кто это, думая — может, кто-то известил его об этом? И тогда я спросил его: «О ком это ты говоришь? Мы не знаем». Старец же сказал: «О том, про которого вы говорите, что он болеет, а он, покаявшись, умереть хочет». Нам же все это оставалось непонятным.

Потом отпустил он братию, повелев идти в трапезную. Я же с этого времени не покидал старца.

Когда вышла братия, тогда сказал мне старец: «Переведи меня на другую сторону келии, потому что там обрету покой от суеты этой да и уснуть хочу, потому что устал. И пусть никто из братии не входит ко мне до вечерни, и никак окна не открывай, и двери никак не отворяй, потому что после вечерни братья прийти хотят». Я же, обо всем этом размыслив, больше уже не сомневался, но твердо уверился в том, что собирается старец уйти из жизни этой, потому что уже в самом начале болезни своей сказал старец, что узы должны разрешиться.

И стал я обо всем, что необходимо при отшествии, спрашивать: «Государь Пафнутий! Когда ты преставишься, звать ли протопопа или других священников из города провожать тебя до могилы?» Старец же ответил мне: «Ни в коем случае не зови, ибо великое беспокойство причинишь мне этим. Пусть никто ничего не узнает, пока не погребете меня в землю с монастырским священником. И прошу о том, чтобы сами проводили, и на могиле простились, и земле предали». Тогда я спросил: «Где велишь могилу себе ископать и в землю тебя положить?» Старец же мне ответил: «Где я Клима гуменщика положил, с ним меня погребите. А гроба дубового не покупай.

На ту шесть денег колочей купи, да раздѣли нищимъ. А мене лубкомъ оберти да, под страну подкопавъ, положи».

Мнѣ же единому сиа с ним глаголющу, ученику же его спящу, братьям же всѣмъ безмолъствующимъ в кѣльях, а овѣмъ почивающимъ, полуденному часу наставшу. Азъ же умлъчах, еда како старець заснеть.

Старець же начат молити господа бога вседрьжителя о спасении душа своея еще же и пречистую владычицю нашю богородицу о всемъ, и имя ее нарицаше, и всю надежю на Царицу полагаше о души своей. Молитва: «Въ часъ, Дево, конца моего рукы бѣсовьскыя мя исхыти, и суда, и прѣния, и страшнаго испытания, и мытарьствъ горкых, и князя лютаго, богомати, и вѣчнаго осужения».

Таже моляше пречистую, да сотворить попечение о богосозданнѣмъ ея монастыри: «Ты, Царице, создала, ты и промышляй о полезномъ дому своему, и въ имя твое собравшихся вь святѣмъ мѣстѣ сем сподоби угодити сыну твоему и богу нашему чистотою, и любовию, и мирным устроениемъ».

Обычай же бѣ старьцу никогда же нарещи свой ему монастырь, но — «Пречистые», «Та создала», ниже стерпѣ слышати его монастырь нарицающу кому, но и велми о семъ запрещаше, глаголаше бо: «Аще не господь созиждеть дому, всуе трудишася зиждущеи».

Старцу молящуся, яко же преже рѣх, аз же възбудих ученика его спяща и жестокыми словесы прѣтих ему, и нерадива и непотрѣбна нарицах его: «Не видиши ли старца въ послѣднемъ издыхании, а ты не трепещеши, ни трезвишися!» Таже повелѣх ему стояти у старца, мнѣ же изшедшу вон внѣ келия простужения ради, въсклоншу ми ся малаго ради покоя, и скоро уснух.

Спящу же ми, ощутих гласы поющих и абие со ужасомъ вьскочих, въскорѣ дверь отверзъ, внидох в кѣлью, обрѣтох старца на обычном мѣстѣ лежаща, ученика же у одра предстояща. Аз же его впросих: «Кто от братьи былъ здѣ?» Он же: «Никто»,— рече. Мнѣ же ему сказавшу слышаная, он же рече ми: «Отнели же ты изшел еси, старець начат пѣть «Блажени непорочни в путь ходящеи в законѣ господни», таже и стихи припѣваше, еще же и «Руцѣ твои сотвористѣ мя и создастѣ мя», к симъ же и «Благословенъ еси, господи, научи мя оправданием твоимъ», «Святых ликъ обрѣте» и прочая тропари».

Аз же рѣх ему: «Отходит старець къ богу».

Припадохом со ученикомъ к ногама старца и облобызахом нозѣ его, таже надклоншеся над перси ему, просяще благословениа и прощения конечнаго. Со многымъ трудом, недовѣдомѣ получихом сия,— старець не уже к тому внимаше словесѣмъ

На те шесть денег калачей купи да раздели нищим. А меня лубком оберни да, сбоку от него подкопав, положи».

Я один с ним об этом говорил, ученик его в это время спал, братия же вся безмолвствовала в келиях, а иные спали, ибо день наступил. Я же замолчал, думая, что, может быть, старец заснет.

Старец же начал молить господа бога-вседержителя о спасении души своей, молил также и пречистую владычицу нашу богородицу о всем, и имя ее призывал, и всю надежду о душе своей на небесную Царицу возлагал. Молитва: «В час кончины моей, Дева, из рук бесовских исторгни меня, и огради меня, богоматерь, от суда и осуждения, и от страшного испытания, и от мытарств горьких, и от дьявола, и от вечного осуждения».

Потом стал он молить пречистую, чтобы пеклась она о богосозданном ее монастыре: «Ты, Царица, создала, ты и позаботься о необходимом дому своему и во имя твое собравшимся в святом месте этом помоги угодить сыну твоему и богу нашему чистотой, и любовью, и мирным устроением».

Обычай же был у старца никогда не называть монастырь своим, но — «Пречистой», говорил — «Та создала», никогда не терпел, если кто-нибудь называл монастырь его монастырем, всегда запрещал это, так говоря: «Если не господь созидает дом, всуе будут трудиться его строители».

Когда старец, как я уже сказал раньше, молился, я разбудил спящего ученика его, и суровыми словами упрекнул его, и нерадивым и непотребным назвал его: «Не видишь разве, что старец при смерти, а ты нисколько не страшишься и не бодрствуешь». После этого велел я ему стоять около старца, а сам вышел из келии остудиться, прилег я, чтобы немножко отдохнуть, и вскоре задремал.

Когда спал я, то показалось мне, что поют, и я сразу же с ужасом вскочил и, быстро открыв дверь и войдя в келью, увидел старца лежащим на том же месте, а ученик стоял около его постели. Я же спросил ученика: «Кто был здесь из братии?» Он же ответил: «Никого». Тогда я сказал ему, что слышал пение, он же мне сказал: «Как только ты вышел, старец начал петь «Блаженны непорочные, ходящие путем в законе господнем», также и стихи напевал, еще же и «Руки твои сотворили меня и создали меня», кроме того, «Благословен ты, господи, научи меня оправданием твоим», «Святых лик обрел» и другие тропари».

Я же сказал ему: «Отходит старец к богу».

Припали мы с учеником к ногам старца и облобызали ноги его, потом, склонившись над грудью его, стали просить благословения и последнего прощения. Со многим трудом, не знаю как,— старец уже не внимал словам нашим,— услышали мы

нашимъ,— молитва: «Царю небесный всесильне! Молю ти ся, владыко мой, Иисусе Христе, милостивъ буди души моей, да не удержана будеть противных лукавством, но да усрящють ю аггели твои, проводяще ея сквозѣ пронырьствъ тѣх мрачных мытарьствъ и наставляюще ю кь твоего милосерьдиа свѣту. Вѣм бо и азъ, владыко, яко без твоего заступления никто же можеть избыти козней духов лукавьствия».

Таже к тому ничто же моги глаголати явленѣе. Аще и глаголаше, но мы уже не можем разумѣти глаголаных.

Таже на нем же одрѣ лежаше, начат отвращатися шуяя страны, на десную обращатися. Сего же николи преже не сотвори. Мнѣ же сего не разумѣющю, пакы обращах и дващи, и трищи, старець же пакы, аще и едва можаше двизатися, пакы обращашеся, еще же ми и глаголаше нѣкаа словеса, но аз же не разумѣвах, языку уже оскудѣвающу от конечнаго изнеможения.

Тогда разумѣх, яко видить нѣкая отъ необычных приходящаа. Братьям же ничто же от сихъ вѣдящим: яко же преже рѣх, не повелѣ себѣ стужати от обѣдня часа до вечерни. Аще ли кто отъ братей и прихожааше, аз же глаголахъ, яко утишися старець. Не смѣх никому же рещи, яко отходить къ господу, понеже хощеть молва велика быти.

Уже вечернему правилу приспѣвшу, братьямъ по обычаю свершающим, аз же и ученикъ его терпяховѣ ожидающе, понеже не возмогохом от старца в соборъ ити, присѣдѣхомъ у одра его.

Егда же вечернее правило свершашеся, тогда старець опрятався, и нозѣ простеръ, и руцѣ на прьсѣхъ крестаобразно положь. Аз же рѣх ученику его: «Сяди ту, подрьжи старца, посмотрю на манастырь, уже ли братья отпѣли суть».

Мнѣ же и окна не дошедшу, ученикъ старцевъ възва со ужасомъ: «Инокентей, Инокентей!» Аз же скоро обратився, рѣх: «Что видиши?» Он же рече ми: «Воздохну старець». Мнѣ же зрящу паки легко отдохну, помалѣ третицею, понеже треми дохновении предасть святую свою душю в руцѣ божии, его же изъмлади възлюби. И к тому не обрѣтеся духъ в старци, понеже усну вѣка сего сномъ, нозѣ простеръ и руцѣ на перьсѣхъ крестаобразно положь, приложися къ святымъ отцамъ, ихъ же и житию поревнова.

В той час предсташа священници и братиа дверемъ келии старца, хотяще увѣдѣти, что бысть старьцу. Нам же к тому таити не могущемъ, аз же и ученикъ старцевъ и инъ братъ, его же множицею помянух, на лицах знамения обносящемъ, паче же слезамъ лѣющимся, множицею и гласы испущахом со ученикомъ старцевѣмъ, не могуще терпѣти конечнаго разлучения, понеже солнцу зашедшу душь наших преже единаго часа всемирнаго солнца зашествия.

сию молитву: «Царь небесный всесильный! Молюсь тебе, владыка мой, Иисусе Христе, милостив будь к душе моей, да не будет она удержана лукавством врагов человеческих, да встретят ее ангелы твои, и проведут ее сквозь препоны всех мрачных мытарств, и препроводят ее к свету твоего милосердия. Знаю ведь и я, владыка,— без твоего заступничества никто не может избежать козней духов лукавых».

После этого не мог уже старец говорить внятно. Если и говорил что-то, то мы уже не могли уразуметь сказанного.

Потом начал он на своей постели, где лежал, с левого бока на правый поворачиваться. А раньше никогда так не делал. Я же, не разумея — к чему это, переворачивал его назад и два, и три раза, старец же снова поворачивался, хотя едва мог двигаться, на правую сторону, к тому же что-то пытался сказать мне, но я не понимал, ибо язык уже не повиновался ему из-за полного изнеможения.

Наконец уразумел я, что видит он кого-то явившегося к нему. Братия же ничего о происходящем не знала: как я уже сказал прежде, не велел старец досаждать ему от обеденного часа до вечерни. Если же кто из братии и приходил, я говорил, что спит старец. Не смел же никому сказать, что отходит он к господу — а то началась бы великая суматоха.

Когда приспела вечерня, то братья, по обычаю, начали свершать ее, я же и ученик его оставались в ожидании, ибо не могли от старца уйти в собор и сидели у постели его.

Когда же шла вечерняя служба, то старец лег чинно, вытянул ноги и руки на груди сложил крестообразно. Тогда я сказал ученику его: «Ты сиди здесь, будь при старце, а я посмотрю на монастырский двор — может быть, братья уже окончили службу».

И еще я и до окна не дошел, как ученик старца воскликнул в страхе: «Иннокентий, Иннокентий!» Я же, быстро обернувшись, спросил: «Что видишь?» Он же ответил мне: «Вздохнул старец». И я увидел, как он еще раз слегка вздохнул и, немного погодя, в третий раз: тремя вздохами передал святую свою душу в руки бога, которого возлюбил с юных лет. И отлетела душа от старца, ибо уснул вечным сном, ноги вытянул и руки на груди крестообразно сложил, присоединился к святым отцам, житию которых подражал.

И в самое это время подошли к дверям келии старца священники и братья, желая узнать, что со старцем. Мы же утаить случившегося уже не могли: я и ученик старца и еще один брат, которого я не раз упоминал, осеняли крестным знамением лица свои, лили горькие слезы, многократно восклицали с учеником старца, не в силах перенести последней разлуки, ибо зашло солнце душ наших за один час до захода всемирного солнца.

Тогда же братиа сотвориша над нимъ плачъ велик, и тако вземьше его, несоша въ ветхую церковь, понеже вечеру сущу не возмогохом того погребению предати.

Воутрии же уранше дни наставшу, пятку сущу, въ 1 час, ископавше братья гроб, тѣло преподобнаго земли предахом. Никто же от мирскых человекъ ту обрѣтеся в то время, ни одру коснуся, ни въ гробъ полагаема узрѣ кто.

Егда же погребохом старца, тогда нѣции приидоша от града, повѣдающе намъ, яко вес град подвижеся, не точью игумени, и сьвященници, и мниси, но и содержащии того града намѣстници и прочий общий народъ уже путь начинають шесьтвовати. Аще не быша предварили прежеречении скорошественици, бывъшии в монастыри, повѣдающе им, яко: «Всуе трудитеся, желаемаго не получите, понеже аще и мы уранихом, ничто же возмогохомъ видѣти от надѣемых труд наших без успѣха». Они же, сия слышавше, велику тщету себѣ вмѣниша быти, окающеся сами и глаголюще, яко: «Недостойни быхом такова раба божиа поне одру прикоснутися». Мнози же от велможь скоро въ монасьтырь приидоша, аще и не видѣшя преподбнаго, поне со многою любовию гробу его поклонишася. Такожде и общий народ, весь день от града приходяще, покланяхуся гробу преподобнаго.

Тогда братия оплакала старца великим плачем и, взяв его, отнесла в старую церковь, потому что наступил уже вечер и не могли его погребению предать.

Назавтра же, как только настал день, в пятницу, в первом часу, выкопала могилу братия и предала тело преподобного земле. Никого же из мирских людей не было тут в это время, никто из мирян и к одру его не прикоснулся, никто не увидел, как в могилу его опускали.

Когда уже погребли мы старца, тогда некоторые жители пришли из города, поведав нам, что весь город поднялся: не только игумены, и священники, и монахи, но и правящие городом наместники и все остальные горожане направились в путь. И все пришли бы в монастырь, если бы не предупредили их преждеупомянутые скоровестники, уже побывавшие в монастыре, сказав им: «Всуе трудитесь — не получите того, к чему стремитесь, потому что даже мы, хотя и пошли раньше вас, ничего не смогли увидеть, безуспешными оказались надежды наши». Горожане же, слышав это, увидели тщетность замыслов своих, сильно опечалились и стали говорить: «Недостойными мы были даже к одру прикоснуться такого раба божия». Многие же из вельмож быстро пришли в монастырь и, хотя и не увидели преподобного, все же с великой любовью могиле его поклонились. Также и горожане, весь день из города приходя, поклонялись могиле преподобного.

ПОВЕСТЬ О СТОЯНИИ НА УГРЕ

Прииде же вѣсть к великому князю, яко дополна царь Ахмат *идеть* со своею ордою и царевичи, уланы и князми, еще же и с королем во единой думе с Казимером, король бо и подвел его на великаго князя, хотя разорити християнство. Князь великий поиде на Коломну и сам став на Коломне, а сына своего, великаго князя Ивана, в Серпухове постави, а князь Андрѣя Василиевича Меньшаго в Торусе, прочии князи и воеводы по инем мѣстам и инии по брегу.

Слышав царь Ахмат, что князь великий стоит у Оки по брегу со всеми силами, поиде к Литовской земли, обходя реку Оку и ожидая себѣ на помочь короля или силы его, и знахори ведяху его ко Угрѣ рецѣ на броды. Князь же великий сына своего, и брата, и воевод своих на Угру посла со всѣми силами, и, шедше, сташа на Угрѣ и броды и перевозы отняша. А сам князь великий ѣха с Коломны на Москву ко всемилостивому Спасу, и Пречистой госпоже богородицы, и ко святым чюдотворцамъ, прося помощи и заступления православному християнству, на совѣт и думу своему отцу к митрополиту Геронтию, и к своей матери великой княгини Марфе, и к своему дяди Михайлу Андрѣевичу, и к духовному своему отцу архиепископу ростовскому Васьяну, и ко всѣмъ бояром, вси бо тогда быша во осаде на Москве. И молиша его великим молением, чтобы стоял крѣпко за православное християнство противу бесерменству.

Князь велики послуша моления их: взем благословение, поиде на Угру и, пришед, ста на *Кременцѣ* с малыми людьми, а людей всѣх отпусти на Угру. Тогда же на Москвѣ мати его великая княгини и с митрополитом Геронтием, и архиепископъ Васьян, и троецкой игумен Паисей молиша великаго князя о братии его. Князь же великий прием

ПОВЕСТЬ О СТОЯНИИ НА УГРЕ

Пришла весть к великому князю, что царь Ахмат идет в полном сборе, со своей ордой и царевичами, с уланами и князьями, да еще в соглашении с королем Казимиром — ибо король и направил его против великого князя, желая сокрушить христианство. Князь великий пошел на Коломну и стал у Коломны, а сына своего великого князя Ивана поставил у Серпухова, а князя Андрея Васильевича Меньшого в Тарусе, а прочих князей и воевод в иных местах, а других — по берегу.

Царь Ахмат, услышав, что князь великий стоит у Оки на берегу со всеми силами, пошел к Литовской земле, обходя реку Оку и ожидая на помощь себе короля или его силы, и опытные проводники вели его к реке Угре на броды. Князь же великий сына своего, и брата, и воевод послал на Угру со всеми силами, и, придя, они стали на Угре и заняли броды и перевозы. А сам князь великий поехал из Коломны на Москву к церквам Спаса и Пречистой богородицы и к святым чудотворцам, прося помощи и защиты православному христианству, желая обсудить и обдумать это с отцом своим митрополитом Геронтием, и со своей матерью великой княгиней Марфой, и своим дядей Михаилом Андреевичем, и со своим духовным отцом архиепископом ростовским Вассианом, и со своими боярами — ибо все они тогда пребывали в осаде в Москве. И молили его великим молением, чтобы он крепко стоял за православное христианство против басурман.

Князь великий послушался их мольбы: взяв благословение, пошел на Угру и, придя, стал у Кременца с небольшим числом людей, а всех остальных людей отпустил на Угру. Тогда же в Москве мать его великая княгиня с митрополитом Геронтием, и архиепископ Вассиан, и троицкий игумен Паисий просили великого князя пожаловать его братьев. Князь же принял

моление их, повелѣ матери своей великой княгине послати по них, рекся жаловати их. Княгини же посла к ним, веля им прямо ити к великому князю на помощъ вборзе.

Царь же и со всѣми татары поиде по Литовской землѣ мимо Мченескъ, и Лубутескъ, и Одоев и, пришед, ста у Воротынска, ожидая к себѣ помощи королевы. Король же не поиде к нему, ни посла, бѣша бо ему свои усобицы, тогда бо воева Менгирей, царь перекопский, королеву Подольскую землю, служа *великому князю. Ахматъ же прииде къ Угрѣ* со всѣми силами, а хотя реку перейти.

И приидоша татарове, начаша стрѣляти, и наши на них, инии же приидоша противу князя Андрѣя, а инии противу великаго князя мнози, а овии противу воевод вструг приступиша. Наши стрѣлами и пищалми многих побиша, а их стрѣлы межу наших падаху и никого же уязвляху. И отбиша их от брегу. И по многи дни приступаху бьющеся и не возмогоша, ждуще, егда река станет. Быша же мрази великы тогда, река нача бо ставитися. Бысть же страх на обоихъ,— едини других боящеся. И приидоша же и братия тогда к великому князю на Кременец — князь же Андрѣй и князь Борис. Князь же великий с любовию прия их.

Егда же ста река, тогда князь великий повелѣ сыну своему, великому князю, и брату своему князю Андрѣю, и всѣм воеводам со всѣми силами преити к себѣ на Кременецъ, боящеся татарскаго прихожения, яко да совокупляшася брань и сотворят с противными.

Во граде же Москвѣ всѣм во страсѣ пребывающим и *долгъ общедательный* во ум примающе, ни от кого же помощи ожидающе, токмо ко вседержителю Спасу и богу господу нашему Исусу Христу и пречистей его матери преславные богородицы со слезами и воздыханми молящеся непрестанно. Тогда же бысть преславное чюдо пречистыя богородица: егда отступиша от брегу наши, татарове страхом обдержими побѣгоша, мняще, яко берег даяху им русь и хотят с ними битися. И наши, мнящи, татар за ними реку прешедших, за ними женут, приидоша на Кременецъ. Князь же великий с сыном своим, и братиею, и со всѣми воеводами поидоша *к Боровску,* глаголюще, яко «на тѣх полях бой с ними поставим», и *слушающи* злых человѣкъ — сребролюбцев, богатых и брюхатых, предателей християнских, а наровников бесерменских, иже глаголютъ: «Побѣжди, не можеши с ними стати на бой». Сам бо диавол их же усты *глаголаше*, той же, иже древле вшед в змию и прельсти Адама и Евву. Бѣ бо дивно тогда свершися пречистые чюдо: едини от других побѣже и никто же женяше.

их просьбу и повелел своей матери, великой княгине, послать за ними, пообещав пожаловать их. Княгиня же послала к ним, веля им прямо отправиться к великому князю поскорее на помощь.

Царь же со всеми татарами пошел по Литовской земле мимо Мценска, Любутска, и Одоева и, придя, стал у Воротынска, ожидая, что король придет к нему на помощь. Король же не пришел к нему и сил своих не послал — были у него свои междоусобия, воевал тогда Менгли-Гирей, царь перекопский, королевскую Подольскую землю, помогая великому князю. Ахмат же пришел к Угре со всеми силами, хотя перейти реку.

И пришли татары, начали стрелять, а наши — в них, одни наступали на войска князя Андрея, другие многие — на великого князя, а третьи внезапно нападали на воевод. Наши поразили многих стрелами и из пищалей, а их стрелы падали между нашими и никого не задевали. И отбили их от берега. И много дней наступали, сражаясь, и не одолели, ждали, пока станет река. Были же тогда большие морозы, река начала замерзать. И был страх с обеих сторон — одни других боялись. И пришли тогда братья к великому князю в Кременец — князь Андрей и князь Борис. Князь же великий принял их с любовью.

Когда же река стала, тогда князь великий повелел своему сыну, великому князю, и брату своему князю Андрею, и всем воеводам со всеми силами перейти к себе в Кременец, боясь наступления татар — чтобы, соединившись, вступить в битву с противником.

В городе же Москве в это время все пребывали в страхе, помнили о неизбежной участи всех людей и ни от кого не ожидали помощи, только непрестанно молились со слезами и воздыханиями Спасу-вседержителю и господу богу нашему Иисусу Христу и пречистой его матери, преславной богородице. Тогда-то и свершилось преславное чудо пречистой богородицы: когда наши отступали от берега, татары, думая, что русские уступают им берег, чтобы с ними сражаться, одержимые страхом, побежали. А наши, думая, что татары перешли реку и следуют за ними, пришли в Кременец. Князь же великий с сыном своим и братией и со всеми воеводами отошел к Боровску, говоря, что «на этих полях будем с ними сражаться», а на самом деле слушая злых людей — сребролюбцев богатых и брюхатых, предателей христианских и угодников басурманских, которые говорят: «Беги, не можешь с ними стать на бой». Сам дьявол их устами говорил, тот, кто некогда вошел в змея и прельстил Адама и Еву. Вот тут-то и случилось чудо пречистой: одни от других бежали, и никто никого не преследовал.

Царь же бѣжаше во Орду, и прииде на него ногайский царь Ивак и Орду *взя* и его уби. Един же царевичь хотя за рекой Окою имати украину, князь же великий посла братию свою, дву Андрѣевъ, и услыша татарове и тии побѣгоша. И тако избави богъ и пречистая Рускую землю от поганых. Бѣ бо тогда студен и мрази велицы. Царь побѣжал ноября 11.

В лѣто 6989 прииде князь великий на Москву из Боровска и похвали бога и пречистую богородицу, глаголюще: «Ни аггел, ни человѣкъ спасе нас, но сам господь спасе нас пречистые и всѣх святых моленми. Аминь».

Тогда же и братии своей дастъ жалование князь великий и прият их в докончание, князя Андрѣя и князя Бориса, и князю Андрѣю дал Можайскъ, а князю Борису отступился сел его; и утвердившеся крестным цѣлованием, разыдошася.

Тое же зимы прииде великая княгиня Софья из бѣгов, бѣ бо бѣгала на Белоозеро *от татаръ, а не гонялъ никто. И по которым странамъ ходила, тѣмъ пуще стало татаръ, и отъ боярьскыхъ холоповъ,* от кровопийцев християнских. Воздай же им, господи, по дѣлом их и по лукавству начинания их, по дѣлом рук их, дай же им. Быша бо их жены тамо, возлюбиша бо паче жены, нѣже православную християнскую вѣру и святыя церкви, в них же просвѣтишася и породившеся банею святаго крещения, согласившеся предати християнство, ослѣпи бо я́ злоба их. Но премилостивый богъ не презре создания руку своею, слез християнских, помилова своим милосердием и молитвами пречистые матери и всѣх святых. Аминь.

Сие же писахомъ не укаряющи их, но да *не* похвалятся своим безумиемъ несмыслении, глаголюще: «Мы своим оружием избавихом Русскую землю», но дадят славу богу и пречистей его матери богородицы, той бо спасе, и престанут от таковаго безумия, притяжут брань к брани и мужество к мужеству за православное християнство противу бессерменству, да восприимут в сем житии от бога милость и похвалу, а во ономъ вѣцѣ вѣнцы нетленными от вседержителя бога увязаются и царство небесное наслѣдят. Буди же *сие* получити и нам грѣшным молитвами богородица. Аминь.

О храбри мужствении сынове рустии! Подщитеся свое отечество, Рускую землю, от поганых сохранити, не пощадите своих глав, да не узрят очи ваши разпленения и разграбления домов ваших, и убьяния чад ваших, и поругания над женами и дѣтми вашими, яко же *пострадаша инии* велицыи славнии земли от *турков.* Еже глаголю: болгаре, и сербы, и грѣцы, и Трапизон, и Амморея, и албанасы, и хрьватыи, и Босна, и Манкуп, и Кафа и инии мнозии земли, иже не стяжа *мужства* и погибоша, отечество изгубиша

Царь же бежал в Орду, и пришел на него ногайский царь Ивак, и Орду взял, и его убил. Один только царевич хотел захватить окраинные земли за рекой Окой, князь же великий послал братьев своих, двух Андреев, услышали это татары и побежали. И так избавил бог и пречистая Русскую землю от нехристей. Был же тогда холод и великие морозы. Царь побежал 11 ноября.

В 6989 (1481) году пришел князь великий в Москву из Боровска и воздал хвалу богу и пречистой богородице, говоря: «Не ангел, не человек спас нас, но сам господь спас нас по молитвам пречистой и всех святых. Аминь».

Тогда же князь великий и братью свою пожаловал, включил их в договор, князя Андрея и князя Бориса, и князю Андрею дал Можайск, а князю Борису уступил его села; и, скрепив этот договор крестным целованием, они разошлись.

В ту же зиму вернулась великая княгиня София из побега, ибо она бегала на Белоозеро от татар, хотя никто за ней не гнался. А тем землям, по которым она ходила, стало хуже, чем от татар, от боярских холопов, от кровопийц христианских. Воздай же им, господи, по их делам и по коварству их поступков, по делам рук их дай им. Были же и жены их там, ибо возлюбили они больше жен, нежели православную христианскую веру и святые церкви, где просвятились и начали жизнь в купели святого крещения, и согласились они предать христианство, ибо ослепила их злоба. Но премилостивый бог не презрел тех, кто был создан его рукой, не презрел слез христианских, помиловал их по своему милосердию и молитвам пречистой матери и всех святых. Аминь.

Это мы писали не для того, чтобы их укорять, но да не хвалятся неразумные в безумии своем, говоря: «Мы своим оружием избавили Русскую землю», но воздадут славу богу и пречистой его матери богородице, ибо он нас спас, и отринут это безумие, и творят битву за битвой и доблесть за доблестью ради православного христианства против басурманства, чтобы воспринять в этой жизни от бога милость и похвалу, а в том мире венчаться нетленными венцами бога-вседержителя и обрести царство небесное. Да получим и мы, грешные, это царство по молитвам богородицы. Аминь.

О храбрые, мужественные сыновья русские! Потрудитесь, чтобы спасти свое отечество, Русскую землю, от неверных, не пощадите своей жизни, да не узрят ваши очи пленения и разграбления домов ваших, и убиения детей ваших, и поруганья над женами и детьми вашими, как пострадали иные великие и славные земли от турок. Назову их: болгары, и сербы, и греки, и Трапезунд, и Морея, и албанцы, и хорваты, и Босна, и Манкуп, и Кафа и другие многие земли, которые не обрели мужества и погибли, отечество загубили,

и землю и государьство, и скитаются по чюжим странамь бѣдне воистину, и странне, и много плача, и слез достойно, укаряеми и поношаеми, оплюваеми, яко немужствении. Иже избѣгоша которыя именми многими и з женами и з дѣтми в чюжие страны, вкупѣ со златом и душа и телеса своя загубиша и ублажают тѣх, иже тогда умерших, неже скитатися по чюжим странам, яко бездомномь. Тако ми бога, видѣх своима очима грѣшниима великих государей, избѣгших от турков со имѣнием, и скитающихся, яко странным и смерти у бога просящих, яко мздовоздаяния от таковыя бѣды. И пощади, господи, нас, православных християн, молитвами богородица и всѣх святых. Аминь.

и землю, и государство, и скитаются по чужим странам, воистину несчастные и бездомные, и много плача и достойные слез, укоряемые и поношаемые, оплевываемые за отсутствие мужества. Люди, которые сбежали с многим имуществом, и с женами, и с детьми в чужие страны, не только золото потеряли, но и души и тела свои погубили и завидуют тем, кто тогда умер и не должен теперь скитаться по чужим странам бездомными. Ей-богу, видел я своими грешными очами великих государей, бежавших от турок с имением, и скитающихся, как странники, и смерти у бога просящих, как избавления от такой беды. И пощади, господи, нас, православных христиан, молитвами богородицы и всех святых. Аминь.

ПОСЛАНИЕ НА УГРУ ВАССИАНА РЫЛО

Благовѣрному и христолюбивому, благородному и богом вѣнчаному, богом утверженому, въ благочестии всеа вселенныа конциx въсиавшему, наипаче же во цариx пресвѣтлѣйшему и преславному государю великому князю Ивану Васильевичю всея Руси, богомолецъ твой, господине, *архиепископъ Васьянъ ростовский,* благословляю и челом бью.

Молю же убо и величество твое, о боголюбивый государю, да не прогнѣваешися на мое смирение, еже первѣе дръзнувшу ми усты къ устом глаголати твоему величеству, твоего ради спасениа. Наше убо, государю великий, еже воспоминати твое, а ваше, еже слушати. Нынѣ же дръзнух написати къ твоему благородству, нѣчто же мало хощу воспомянути от божественаго Писаниа, елико богъ вразумит мя, на крѣпость и утвержение твоей державѣ.

Нашедшая ради нынѣшняя скорби и бѣд от безбожных варваръ, богу тако изволшу нашего ради согрешениа, и тебѣ убо, государю нашему, приѣхавшу во царствующий град Москву ко всемилостивой госпоже богородици и ко святым чюдотворцем помощи ради и заступлениа, и ко своему отцу митрополиту, и ко своей матери великой княгине, благовѣрным князем и богочтивым бояром добраго ради совѣта и думы, еже како крѣпко стояти за православное христьянство, за свое отчьство противу безбожному бесерменству. Тебѣ же, государю нашему, повинувшеся молению и доброй думѣ и обещавшуся крѣпко стояти за благочестивую нашу православную вѣру и оборонити свое отчьство от бесерменьства, духъ еже лстивых, шепчюще во ухо твоей державѣ, еже предати христьянство, никако же послушавшу, обещавшу ти ся. И митрополиту со всѣм боголюбивым собором тебя, государя нашего, благословившу и знаменавшу, вкупе же и сие

ПОСЛАНИЕ НА УГРУ ВАССИАНА РЫЛО

Благоверному и христолюбивому, благородному и богом венчанному, богом утвержденному, в благочестии во всех концах вселенной воссиявшему, самому среди царей пресветлейшему и преславному государю нашему всея Руси Ивану Васильевичу, богомолец твой, господин, архиепископ Вассиан ростовский шлет благословение и челом бьет.

Молю величество твое, о боголюбивый государь, не прогневайся на меня, смиренного, что первым дерзнул я заговорить с твоим величеством откровенно, твоего ради спасения. Нам подобает, государь великий, помнить о твоих делах, а вам, государям, нас слушать. Ныне дерзнул я написать твоему благородству, хочу кое-что напомнить из Священного писания, как бог вразумит меня, на крепость и утверждение твоей державе.

По божьему изволению, наших ради согрешений, охватили нас скорби и беды от безбожных варваров. И ты, государь, приехал в царствующий город Москву за помощью и заступлением ко всемилостивой госпоже богородице и к святым чудотворцам, к отцу своему митрополиту, и к матери своей, великой княгине, к благоверным князьям и богобоязнивым боярам, за добрым советом — как крепко постоять за православное христианство, за свое отечество против безбожных басурман. Ты, государь, повинуясь нашим молениям и добрым советам, обещал крепко стоять за благочестивую нашу веру православную и оборонять свое отечество от басурман; льстецы же нашептывают в ухо твоей власти, чтобы предать христианство, не считаясь с тем, что ты обещал. А митрополит со всем священным и боголюбивым собором тебя, государя нашего, благословил на царство и к тому же так

прирекшу: «Богъ да сохранит царство твое силою честнаго креста своего и дасть ти побѣду на враги, и покорить под нозѣ твои вся сопротивныя твоя, яко же древле Давыду и Костянтину, молитвами пречистыя его матери и всѣх святых».

Токмо мужайся и крепися, о духовный сыну, яко же добрый воинъ Христов, по евангельскому великому господню словеси: «Ты еси пастырь добрый, душу свою полагает за овца, а наимник нѣсть, иже пастырь, ему же не суть овца своя, видит волка грядуща, и оставляет овца, и бѣгаеть; и волкъ расхитит и распудить. А наимник же бежить, яко наимникъ есть, и не радит о овцах». Ты же убо, государю, духовный сыну, не яко наимник, но яко истинный пастырь, подщися избавити врученное тебѣ от бога словесное ти стадо духовных овець от грядущаго волка. А господь богъ укрепить тя и поможет ти, и все твое христолюбивое воинство. Нам же всѣм вкупе рекшим: «Аминь», еже есть: «буди».

Тако господу помогающу, тебѣ же вся сиа, государю нашему, на сердци своем положшу, яко истинный добрый пастырь. Взем бога на помощь и пречистую его матерь, и святых его, и святительское благословение, и всенародная молитва, крѣпко вооружився силою честнаго креста, исходиши противу оному окаанному мысленому волку, еже глаголю страшливому Ахмату, хотя изхитити из уст его словесное стадо Христовых овець. И по *твоем* отшествии, государя нашего, святителем, митрополиту, вкупе же и нам, богомолцем вашего благородиа, со всѣми боголюбивыми съборы молитву непрестанно сътворяющим, по всѣм святым церквам всегда молебены и святую службу во всей нашей отчинѣ о вашей побѣдѣ съвершающим, и всѣм христианом, непрестанно бога молящим, дабы даровал тебѣ побѣду над супротивныа ти врагы, иже и надѣемся улучити от всемилостиваго бога.

Нынѣ же слышахом, яко же бесерменину Ахмату уже приближающуся и христианство погубляющу, наипаче же на тебе хвалящеся и на твое отечьство, тебѣ же пред ними смиряющуся и о мире молящуся, и к нему пославшу. Ему же окаанному одинако гнѣвом дышущу и твоего молениа не послушающу, но хотя до конца разорити християнство. Ты же не унывай, но възверзи на господа печаль твою и той тя укрѣпит. Господь бо гордым противится, смиреным же дает благодать. Прииде же убо въ слухы наша, яко прежнии твои развратници не престают, шепчуще въ ухо твое льстивая словеса, и совещают ти не противитися сопостатом, но отступити и предати на расхищение волком словесное стадо Христовых овець. Внимай убо себѣ и всему стаду, в нем же тя духъ святый постави.

тебе сказал: «Бог да сохранит царство твое силою честного креста своего, и даст тебе победу над врагами, и покорит под ноги тебе всех противников твоих, как в древности Давиду и Константину, молитвами пречистой его матери и всех святых».

Только мужайся и крепись, духовный сын мой, как добрый воин Христов, по великому слову господа нашего в Евангелии: «Ты пастырь добрый. Пастырь добрый полагает жизнь свою за овец. А наемник, не пастырь, которому овцы не свои, видит приходящего волка, и оставляет овец, и бежит; и волк расхищает овец и разгоняет их. А наемник бежит, потому что наемник, и не заботится об овцах». Ты же, государь, сын мой духовный, не как наемник, но как истинный пастырь постарайся избавить врученное тебе от бога словесное стадо духовных овец от приближающегося волка. А господь бог укрепит тебя и поможет тебе и всему твоему христолюбивому воинству. Мы же все вместе скажем: «Аминь», то есть: «Да будет так».

Господь поможет тебе, если ты, государь наш, все это возьмешь на сердце свое, как истинный добрый пастырь. Призвав бога на помощь, и пречистую его матерь, и святых его, и святительское благословение и всенародную молитву, крепко вооружившись силою честного креста, выходи против окаянного мысленного волка, как называю я ужасного Ахмата, чтобы вырвать из пасти его словесное стадо Христовых овец. А когда ты уйдешь, государь наш, святители, митрополит и мы все вместе с ними, молящиеся за ваше высокородие, со всем боголюбивым собором будем молитву непрестанно творить, по всем святым церквам всегда молебны и святую службу совершать по всей нашей отчизне о вашей победе, и все христиане непрестанно будут бога молить, чтобы даровал он тебе победу над супротивными врагами, и надеемся получить ее от всемилостивого бога.

Ныне же слыхали мы, что басурманин Ахмат уже приближается и губит христиан, и более всего похваляется одолеть твое отечество, а ты перед ним смиряешься, и молишь о мире, и послал к нему послов. А он, окаянный, все равно гневом дышит и моления твоего не слушает, желая до конца разорить христианство. Но ты не унывай, но возложи на господа печаль твою, и он тебя укрепит. Ибо господь гордым противится, а смиренным дает благодать. А еще дошло до нас, что прежние смутьяны не перестают шептать в ухо твое слова обманные и советуют тебе не противиться супостатам, но отступить и предать на расхищение врагам словесное стадо Христовых овец. Подумай о себе и о своем стаде, к которому тебя дух святой поставил.

О боголюбивый вседержавный государю, и молимся твоей державѣ, не послушай таковаго совѣта их, послушай убо вселенныа учителя Павла, глаголюща о таковых: «Открыется гнѣв божий с небесе на всяко нечестие и неправду человѣком, иже истинну въ неправдѣ держащим, но осуетишася помышленми своими и омрачися неразумное их сердце. Глаголюще быти мудрѣ, обьюродѣша и яко же не искусиша бога имѣти в разумѣ, предасть их богъ в неискусен умъ творити неподобная». И паки самому господу глаголющу: «Аще око твое съблажняет ти, исткни е», или рука или нога, отсѣщи повелѣвает. Не сию же разумѣвай видимую и чювьственую свою руку, или ногу, или око, но ближних твоих, иже совѣтующих ти неблагое, отверзи далече, отгони, сирѣчь отсѣцы и не послушай съвѣта их. И что убо совѣщают ти льстивии сии же лжеименитии, мнящеся быти христиане, но токмо еже повергше щиты своя, нимала съпротивльшеся окаанным сим сыроядцом, предав христианство и свое отечьство, яко бѣгуном скытатися по иным странам.

Помысли убо, о велеумный государю, от каковы славы и в каково безчестие сводят твое величество! И толиким тмам народа погыбшим и церквам божьим разореным и оскверненым, и кто каменосердечен не въсплачется о сей погыбели! Убойся же и ты, о пастырю, не от твоих ли рук тѣх кровь взыщет богъ, по пророческому словеси? И гдѣ убо хощещи избѣжати или воцаритися, погубив врученное ти от бога стадо? Слыши, что пророк глаголет, яко: «Аще взыграешися, яко орелъ, и аще посредѣ звѣздъ гнѣздо свое сътвориши, то и оттуду тя свергу, рече господь». И ин же глаголет: «Камо поиду от духа твоего и от лица твоего камо бѣжу; аще възыду на небо, ты тамо еси, и в послѣдних моря рука божиа наставляет и удержит десница». И гдѣ паки отходиши, пастырю добрый, кому оставляеши нас, яко овца не имущи пастыря? Мы же надѣемся, яко не отринет господь людий своих и достояниа своего не оставит. Не послушай убо, государю, таковых, хотящих твою честь в безчестие и твою славу в бесславие преложити, и бѣгуну явитися и предателю христьанскому именоватися. Но отложи весь страх и возмогай о господѣ, о державѣ и крѣпости *его;* «един бо поженет тысящу, а два двигнета тмы», по пророческому словеси. И не суть бо бози их, яко же богъ наш. И рече господь: «Где суть бози их, иже уповаша на ня, яко близ день погыбели их». И паки: «Лукъ силных изнеможе, а немощни препоясашася силою»; «Господь мертвит и живит», «и дасть крѣпость князем нашим, и възнесет рогъ Христа своего». И паки: «Близ господь призывающим и, всѣм призывающим и воистинну» и «не в силѣ коньстѣй въсхощет, ни в лыстех мужьских благоволит, благоволит господь

О боголюбивый вседержавный государь, молим мы твое могущество, не слушай таких советов их, послушай лучше учителя вселенной Павла, сказавшего о таковых: «Разразится гнев божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдой; осуетились они в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце. Называя себя мудрыми, обезумели, и так как они не заботились иметь бога в разуме, то предал их бог превратному уму — делать непотребства». А также и сам господь сказал: «Если глаз твой тебя соблазняет, выколи его», а если рука или нога, то отсечь повелевает. Но понимай под этим не плотскую, видимую руку, или ногу, или глаз, но ближних твоих, которые советуют тебе совершить неправое дело, отринь далеко их, то есть отсеки, и не слушай их советов. А что советуют тебе эти обманщики лжеименитые, мнящие себя христианами? Одно лишь — побросать щиты и, нимало не сопротивляясь этим окаянным сыроядцам, предав христианство и отечество, изгнанниками скитаться по другим странам.

Подумай же, великоумный государь, от какой славы к какому бесчестью сводят они твое величество! Когда такие тьмы народа погибли и церкви божии разорены и осквернены, кто настолько каменносердечен, что не восплачется о их погибели! Устрашись же и ты, о пастырь — не с тебя ли взыщет бог кровь их, согласно словам пророка? И куда ты надеешься убежать и где воцариться, погубив врученное тебе богом стадо? Слышишь, что пророк говорит: «Если вознесешься, как орел, и даже если посреди звезд гнездо совьешь, то и оттуда свергну тебя, говорит господь». А другой пророк говорит: «Куда пойду от духа твоего и от лица твоего куда убегу? Взойду ли на небо — ты там; и на краю земли направит рука божья и десница удержит». Куда же ты уходишь, пастырь добрый, кому оставляешь нас, словно овец, не имеющих пастыря? Мы же надеемся, что господь не оттолкнет людей своих и достояния своего не оставит. Не слушай же, государь, тех, кто хочет твою честь в бесчестье и славу в бесславье превратить, и чтобы стал ты изгнанником и предателем христиан назывался. Отложи весь страх, будь силен помощью господа, его властью и силой, ведь «один разгонит тысячу, а двое — тьму», по пророческому слову. Их боги — совсем не то, что наш бог. Господь сказал: «Где боги их, на которых они надеялись? Близок день их погибели». И еще он сказал: «Лук сильных ослабел, а немощные препоясались силою»; «Господь живит и мертвит»; «Он даст крепость князьям нашим и вознесет рог помазанника своего». И еще: «Близок господь к призывающим его, всем призывающим его воистину» и «Не на силу коня смотрит он, не к быстроте ног человеческих благоволит, благоволит господь

на боящихся его и на уповающих на милость его». Слыши, что глаголет Димокрит, философом первый: «Князю подобает имѣти умъ ко всѣм временным, а на супостаты крѣпость, и мужество, и храбрость, а къ своей дружинѣ любовь и привѣт сладок». Въспоминай же реченная неложными усты господа бога нашего Исус Христа: «Аще весь миръ человѣкъ приобрящет, а душю свою отщетит, и что дасть измѣну на души своей?» И паки: «Блаженъ человѣкь, иже положит душю свою за другы своя».

И сей убо, яко слышим, безбожный сей агарянский язык приближися ко странам нашим, къ отечьству тии. Уже бо многыа сумежныа странам нашим поплѣни и движется на ны. Изыди убо скоро, въ срѣтение ему изыди, взем бога на помощь и пречистую богородицю, нашего христианства помощницю и заступницу, и всѣх святыхъ его. И поревнуй преже бывшим прародителем твоим, великим князем, не точию обороняху Русскую землю от поганых, но и иныа страны приимаху под себе, еже глаголю Игоря, и Святослава, и Владимера, иже на греческих царих дань имали, потом же и Владимира Манамаха, како и колико бися съ окаанными половци за Русскую землю, и инеи мнози, иже паче нас вѣси.

И достойным хвалам великый князь Дмитрие, прадѣд твой, каково мужьство и храбьство показа за Доном над тѣми же окаанными сыроядци, еже самому ему напреди битися и не пощадѣ живота своего избавлениа ради христьанскаго! И видѣвъ милосердый человѣколюбивый богъ непреложную его мысль, како хощет не токмо до кровѣ, но и до смерти страдати за вѣру и за святыя церкви, и за врученное ему от бога словесное стадо Христовых овець, яко истинный пастырь, подобяся преже бывшим мученикомъ. Святии бо мученици на страданиа и раны любве ради божиа, яко же на пищу, святии, на смерть течаху. Тако и сей боголюбивый и крѣпькый смерть яко же приобрѣтение вмѣняаше. Не усумнѣся, ни убояся татарьскаго множества, не обратися въспять, и не рече въ сердци своем: «Жену имѣю и дѣти, и богатество многое; аще и землю мою возмут, то инде вселюся». Но без сомнѣниа скочи в подвигъ и напред выѣха, и в лице ста противу окаанному разумному волку Мамаю, хотя исхытити от устъ его словесное стадо Христовых овець. Тѣм же и всемилостивый богъ дерзости его ради не покоснѣ, ни умедли, ни помяну перваго его съгрѣшениа, но въскорѣ посла свою помощь, аггелы и святыя мученикы, помогати ему на супротивныа. Тѣм же господа ради подвизавыйся и донынѣ похваляем есть и славим, не токмо от человѣкъ, но и от бога. Аггелы удиви и человѣкы возвесели своим мужеством, и сподвизающимися ему иже до смерти, от бога согрѣшением оставление приаша и вѣнци мученичьскыми почтени быша,

к боящимся его и уповающим на милость его». Слышал, что сказал Демокрит, древнейший из философов: «Князь должен трезво рассуждать о всем происходящем, а против супостатов быть крепким и мужественным и храбрым, а к своей дружине иметь любовь и ласку». Вспоминай сказанное неложными устами господа бога нашего Иисуса Христа: «Хоть человек и весь мир приобретет, а душе своей повредит, какой даст выкуп за свою душу?» И еще: «Блажен человек, который положит душу свою за друзей своих».

А это, как мы слышим, безбожное племя агарян приблизилось к земле нашей, к вотчине твоей. Уже многие соседние с нами земли захватили они и движутся на нас. Выходи же скорее навстречу, призвав бога на помощь и пречистую богородицу, нам, христианам, помощницу и заступницу, и всех святых его. Последуй примеру прежде бывших прародителей твоих, великих князей, которые не только обороняли Русскую землю от поганых, но и иные страны подчиняли; я имею в виду Игоря, и Святослава, и Владимира, которые с греческих царей дань брали, а также Владимира Мономаха,— как и сколько раз бился он с окаянными половцами за Русскую землю, и иных многих, о которых ты лучше нас знаешь.

А достойный похвал великий князь Дмитрий, прадед твой, какое мужество и храбрость показал за Доном над теми же окаянными сыроядцами — сам он впереди бился и не пощадил жизни своей ради избавления христиан. И видел милосердный человеколюбивый бог твердое его намерение, что хочет он не только до крови, но и до смерти страдать за веру и за святые церкви, за врученное ему богом словесное стадо Христовых овец, как истинный пастырь, уподобиться древним мученикам. Ибо святые мученики ради любви божией на страдания и раны как на пир шли. Так и этот боголюбивый и крепкий смерть за приобретение считал. Он не усомнился, не убоялся татарского множества, не обратился вспять, не сказал в сердце своем: «У меня жена, и дети, и богатство многое; если и возьмут мою землю, поселюсь где-нибудь в другом месте». Но без сомнения устремился он на подвиг, и вперед выехал, лицом к лицу встретил окаянного разумного волка Мамая, чтобы вырвать из его пасти словесное стадо Христовых овец. Поэтому, за его отвагу, всемилостивый бог не замедлил, не задержался, не вспомнил его прежних грехов, но быстро послал ему свою помощь — ангелов и святых мучеников, помогать ему против его врагов. Поэтому он, пошедший на подвиг господа ради, и доныне похваляем и славим не только людьми, но и богом. Ангелов он удивил и людей возвеселил своим мужеством, а те, что подвизались вместе с ним до смерти, от бога получили оставление грехов и мученическими венцами почтены были,

равно яко же первии мученици, иже вѣры ради пострадаша от мучителей, исповѣдания ради Христова умроша. Сии же такожде и в послѣднее врѣмя за вѣру и за церкви божиа умроша и равно с сими вѣнца приаша. А иже тогда от супротивных уязвляеми и по побѣдѣ живи обрѣтошася, сии кровию своею отмыша первая съгрѣшения и яко побѣдители крѣпци врагом явишася, и великим хвалам и чести достойни быша не токмо от человѣкъ, но и от бога.

Тако же убо и нынѣ, аще поревнуеши своему прародителю, великому и достойному хвалам Димитрию, и тако же потщися избавити стадо Христово от мысленаго волка, и господь богъ, видѣвъ твое дерзновение, такожде поможет ти и покорит врагы твоя под нозѣ твои. И здрав и ничим же врежен побѣдоносець явишися богу съхраняющу тя, и осѣнит господь над главою твоею въ день брани. Аще ли убо ты, о крѣпкый, храбрый царю, и еже о тебѣ христолюбивое воиньство до крове и до *смерти* постражут за православную христову вѣру и за божиа церкви, яко истиннии присная церковная чада, в ней иже породишася духовною и нетлѣнья банею, святым крещениемъ, яко же мученици своею кровию, *блажени бо и* преблажени будут в вѣчном наслѣдии, улучивше сие крещение, по нем же не възмогут согрѣшити, но восприимут от вседержителя бога вѣнца нетлѣнны и радость неизреченную, их же око не видѣ и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взиде. Яко же первии мученици и исповѣдници, тако сии послѣднии будут, бо рече *господь:* «Первии послѣднии, а послѣднии первии».

Аще ли же еще любопришися и глаголеши, яко: «Под клятвою есмы от прародителей,— еже не поднимати рукы противу царя, то како аз могу клятву разорити и съпротив царя стати»,— послушай убо, боголюбивый царю, аще клятва по нужди бывает, прощати о таковых и разрѣшати нам повелѣно есть, иже прощаем, и разрѣшаем, и благословляем, яко же святѣйший митрополит, тако же и мы, и весь боголюбивый събор,— не яко на царя, но яко на разбойника, и хищника, и богоборца. Тѣм же луче бѣ солгавшу живот получити, нежели истинствовавшу погибнути, еже есть пущати тѣх в землю на разрушение и потребление всему христьанству и святых церквей запустѣние и осквернение. И не подобитися окаанному оному Ироду, иже не хотѣ клятвы преступити и погибе. И се убо который пророк пророчествова, или апостол который, или святитель научи сему богостудному и скверному самому называющуся царю повиноватися тебе, великому Русских стран христьанскому царю!

Но точию нашего ради согрѣшениа и неисправления к богу, паче же отчааниа, и еже не уповати на бога, попусти богъ на преже тебе прародителей твоих и на всю землю нашю окаанного

также как и древние мученики, которые за веру пострадали от мучителей, за исповедание веры Христовой умерли. А эти также, в последние времена, за веру и за церкви божии умерли и равно с теми венцы приняли. Те же, которые тогда были ранены врагами и после победы остались живы,— те кровью своей омыли прежние грехи и как победители великие врагов явились и были достойны великой хвалы и чести не только от людей, но и от бога.

Так и теперь, если последуешь примеру прародителя твоего, великого и достойного похвал Димитрия, и постараешься избавить стадо Христово от мысленного волка, то господь, увидев твое дерзновение, также поможет тебе и покорит врагов твоих под ноги твои. И здрав и невредим победоносцем будешь перед богом, который сохранит тебя, и покроет господь главу твою своею сенью в день брани. Если бы ты, о крепкий и храбрый царь, и твое христолюбивое воинство до крови и смерти пострадали за православную веру христианскую и за божии церкви, как истинные во всем чада церкви, в которой породились духовно банею нетления, святым крещением, как мученики своею кровью,— блаженны и преблаженны будут в вечном наследии, получив это крещение, и после него не смогут согрешить, но получат от вседержителя-бога венцы нетленные и радость неизреченную, какой око не видело, и ухо не слышало, и на сердце человеку не входило. Как первые мученики и исповедники, так и эти последние будут, ибо сказал господь: «Первые — последние, и последние — первые».

Если же ты будешь спорить и говорить: «У нас запрет от прародителей — не поднимать руку против царя, как же я могу нарушить клятву и против царя стать?» — послушай же, боголюбивый царь,— если клятва бывает вынужденной, прощать и разрешать от таких клятв нам повелено, и мы прощаем, и разрешаем, и благословляем — как святейший митрополит, так и мы и весь боголюбивый собор: не как на царя пойдешь, но как на разбойника, хищника и богоборца. Уж лучше тебе солгать и приобрести жизнь вечную, чем остаться верным клятве и погибнуть, то есть пустить их в землю нашу на разрушение и истребление всему христианству, на святых церквей запустение и осквернение. Не следует уподобляться окаянному тому Ироду, который не хотел клятвы нарушить и погиб. А это что — какой-то пророк пророчествовал, или апостол какой-то, или святитель научил этому богомерзкому и скверному самозванному царю повиноваться тебе, великому страны Русской христианскому царю!

И не только ради наших прегрешений и проступков перед богом, но особенно за отчаяние и маловерие попустил бог на твоих прародителей и на всю нашу землю окаянного

Батыа, иже пришед разбойнически и поплѣни всю землю нашу, и поработи, и воцарися над нами, а не царь сый, ни от рода царьска. И тогда убо прогнѣвахом бога, и богъ на ны прогнѣвася и наказа нас, яко же чадолюбивый отець, по глаголющему апостолу: «Его же любит господь, наказает, бьет же всякого сына, его же приемлет». И се убо тогда и нынѣ той же богъ и в вѣкы, потопивый фараона и избавлей Израиля, и преславная съдѣявы. И аще убо, государю, покаешися от всего сердца и прибѣгнеши под крѣпкую руку его, и обѣщаешися всѣм умом и всею душею своею престати от первых твоих, еже прилучитися, яко человѣку, согрѣшити. Человѣчьско бо еже согрѣшати, рекше падати, и покаанием возстаати, аггельское же не падати, бѣсовское же не возстаяти и отчаятися. «И сотвориши суд и правду посредѣ земля». Любов же имѣти ко ближним и не насиловати никому же, и милость показати к согрѣшающим, да милостива господа обрящеши в день зол.

Не словом же кайся, а въ сердци ина помышляй, не приимлет бо богъ таковаго покаания, но точию же словом, то и сердцемь. Яко же благоразумный разбойник на крестѣ не в долзѣ времени, но единѣм словом спасенъ бысть, истинно, всѣм сердцемъ позна свое согрѣшение к творцу возпий: «Помяни мя, господи, егда приидеши во царствии сии». Но милостивый и щедрый господь не токмо согрѣшениа прости ему, но и раю наслѣдника сотвори его. Сицевому поревнуй покаанию, истинное бо покаяние — престати от грѣха. Аще убо сице покаемся, и тако же помилует ны милосердый господь, и не токмо свободит и избавит, яко же древле израильских людей от лютаго и гордаго фараона, нас же, новаго Израиля, христианских людей, от сего новаго фараона, поганого Измаилова сына Ахмета, но нам и их поработит. Яко же дрѣвле согрѣшающии израильтяне к богу, и поработи их богъ иноплеменником; егда же покаахуся, тогда воставляет имъ богъ от их колѣна судиа и избавляаше их от работы иноплеменник, и работаху имъ иноплеменници. Яко же се, егда работаху въ Египтѣ, и избави их господь от работы египетскиа Моисеом, рабом своим. Потом же дарова имъ господь Исуса сына Навгина, еже и введе их в землю обѣтованиа, прием 29 царствъ, и вселишася ту. И по сем согрѣшиша сынове Израилеви господу богу, и господь богъ предасть их в работу в руцѣ врагом ихъ. И пакы покаашася, и востави имъ господь богъ Июду от рода их, и изби хананея и ферзея и поима царя их Аданивезека. И повелѣ Июда Аданивезеку отсѣщи по запястье руку его и плѣсне ногу его. Сей же Аданивезек самъ глаголя: «Седмидесят царем отсѣкох конець рукам ихъ и окорнени збирахуся под трапезою моею; яко же бо сътворих,

Батыя, который пришел по-разбойничьи и захватил всю землю нашу, и поработил, и воцарился над нами, хотя он и не царь и не из царского рода. Мы ведь тогда прогневили бога, и он прогневался на нас и наказал нас, как чадолюбивый отец, по словам апостола: «Кого любит господь, того он наказывает; бьет всякого сына, которого принимает». И так вот — тогда, и теперь, и вовеки тот же бог, который потопил фараона, и избавил израильтян, и преславное совершил. Покайся, государь, от всего сердца и прибегни под крепкую руку его, и обещай всем умом и всей душою своею отказаться от того, что было прежде, когда случалось тебе, как человеку, согрешать. Человеку свойственно согрешать, то есть падать, и через покаяние восставать, а ангелам свойственно не падать, а бесам — не восставать и отчаиваться. «Да сотворишь ты суд праведный посреди земли». Нужно иметь любовь к ближним, никого не притеснять и быть милостивым к виноватым — да обрящешь господа милостивым в страшный день. Не словом кайся, в сердце об ином помышляя,— не приемлет бог такого покаяния — но только если в словах будет то же, что и в сердце. Как благоразумный разбойник на кресте сразу же, лишь за одно только слово спасся, ибо он истинно, всем сердцем познал свое согрешение и к творцу возопил: «Помяни меня, господи, когда приидеши во царствие твое!» А милостивый и щедрый господь не только согрешения ему простил, но и сделал его наследником рая. Такому покаянию подражай, ибо истинное покаяние — отречься от греха. Если мы так покаемся, то так же помилует нас милосердный господь, и не только освободит и избавит нас, как некогда израильтян от лютого и гордого фараона,— нас, нового израиля, христианских людей от этого нового фараона, поганого измаилова сына Ахмета,— но и нам их поработит. Так же некогда согрешали израильтяне перед богом, и отдал их бог в рабство иноплеменникам; когда же каялись они, тогда ставил им бог от племени их правителей и избавлял их от рабства иноплеменников, и были иноплеменники у них в рабстве. Также, когда были израильтяне в рабстве в Египте, избавил их господь от египетского рабства через Моисея, раба своего. Потом даровал им господь Иисуса Навина, который привел их в землю обетованную, захватил двадцать девять царств и вселился туда. А после этого согрешили сыны Израиля перед господом богом, и господь бог предал их в руки врагов их. И снова покаялись они, и поставил им господь бог Иуду из рода их, и он разбил хананеян и ферезеев и захватил царя их Адонивезека. И повелел Иуда отсечь Адонивезеку руку по запястье и ступню ноги его. Этот же Адонивезек сам сказал: «Семидесяти царям отсек я кисти рук их, и они, покалеченные, собирали крохи под столом моим; как я сделал,

тако же и отда ми богъ». И приведоша и во Иерусалимъ и умре ту. Июда же не усумнѣвся и не рече тако, яко не царь есмь сый, ни от рода царьскаго, како царю съпротивлюся, но на бога надѣяние и всю надежу имѣа, царя царем побѣжвааше. Поимав же и казнию повелѣв казнити его, и взя землю их, поработи их сыном Израилевом. И паки, егда согрѣшаху сынове Израилеви господу богу, тогда предаааше их в руцѣ врагом ихъ и работаша имъ. И егда покаашася, тогда воставляше имъ от рода их судиа, яко же се глаголю Годаниила, и Аода, и Девору с Вараком, и Гедеона, погубившаго трема сты множество тысящь мадиамлян, даже и до Самсуна, убившаго ослею челюстью тысящу муж. И иных многых въставляаше имъ богъ и избавляаше их от работы иноплеменник, и работаша имъ иноплеменници.

Нынѣ же той же господь, аще покаемся вседушевно престати от грѣха, и возставит нам господь тебе, государя нашего, яко же дрѣвле Моисиа и Исуса и иных, свободивших Израиля. Тебе же подасть нам господь свободителя новому Израилю, христоименитым людем, от сего окааннаго, хвалящагося на ны, новаго фараона, поганаго Ахмата. Но его велерѣчие покорит господь под нозѣ твои и послет ти способникы, аггелы своя и святыя мученикы, и смятут ихъ, и погибнут. Тѣм же и пророческии рещи, богом утверженый царю,— напрязи, и спѣй, и царствуй истинны ради, и кротости, и правды. И наставит тя чюдне десница твоя, престолъ твой правдою, и кротостью, и судом истинным свершен есть, и жезлы силы послет ти от Сиона, и удолѣеши посрѣди враг твоих. Тако глаголет господь: «Аз воздвигох тя, царя правды, призвах тя правдою и приях тя за руку десную, и укрѣпих тя, да послушают тебѣ языци. И крѣпость царем разрушу, отворю ти двери и гради не затворятся. Аз пред тобою поиду и горы поравнаю, и двери мѣдныа сокрушу, и затворы желѣзныа сломаю». Се твердое, и честное, и крѣпкое царство дасть господь богъ в руцѣ твои, богом утвержденый государю, и сыновомъ сыновъ твоих в род и род в вѣки.

Тѣм же убо от чистыа вѣры, молитвою к богу день и нощь, въ молитвах и молбах, литиами и соборы святительскыми, и божественными возношенми вашими, потребную и лѣпую память о благочестивѣй вашей державѣ и царскиа вашеа побѣды исповѣдаем во святыхъ тайнах, яко да покорени будут врази ваши под ногами вашими и да одолѣете среди ратных. Да разсыплются поганыа страны, хотящая брани, от божиа молниа омрачаеми, яко пси гладни языки своими землю да лижют, и аггелъ господень буди поганяа их.

так и воздал мне бог». И привели его в Иерусалим, и умер он там. Иуда же не усомнился, не сказал, что, мол, не царь я, и не из рода царского, и как мне царю сопротивляться — он на бога упование и надежду имел и царя царей победил. Поймав его, он повелел его казнить, и взял землю их, и поработил их сынам Израилевым. И снова, когда согрешали сыны Израиля перед богом, тогда предавал он их в руки врагов их, и были они в рабстве у них. А когда каялись, тогда ставил им правителя из их рода — я имею в виду Гофониила, и Аода, и Девору с Вараком, и Гедеона, погубившего тремястами воинов много тысяч мадиамлян, и кончая Самсоном, который убил ослиной челюстью тысячу человек. И многих других правителей ставил им бог, и избавлял их от рабства у иноплеменников, и были у них в рабстве иноплеменники.

И ныне этот же господь, и если покаемся от всей души и отречемся от греха, то поставит нам господь тебя, государя нашего, как некогда Моисея и Иисуса и иных, освободивших Израиль. Тебя даст нам господь как освободителя нового Израиля, христианских людей, от этого окаянного, возносящегося над нами нового фараона, поганого Ахмата. Но его похвальбу обрушит господь под ноги твои и пошлет тебе пособников, ангелов своих и святых мучеников, и сметут они их, и те погибнут. И пророки сказали бы: богом утвержденный царь, соберись с силой, преуспей и царствуй истины ради, и кротости, и правды. И бог чудесным образом направит твою десницу, престол твой правдой, кротостью и судом истинным создан будет, и жезл силы пошлет тебе господь от Сиона, и одолеешь ты окруживших тебя врагов. Так говорит господь: «Я воздвиг тебя, царя правды, призвал тебя правдой, взял тебя за руку правую, укрепил тебя, чтобы покорились тебе народы. Силу царей я разрушу, и отворю тебе ворота, и города не затворятся. Я пойду перед тобой, сравняю горы, двери медные сокрушу и затворы железные сломаю». И тогда непоколебимую и безупречную царскую власть даст господь бог в руки твои, богом утвержденный государь, и сыновей сынов твоих в род и род и вовеки.

Итак, от чистой веры молитвою к богу день и ночь, в молитвах и мольбах, литиями и соборами святительскими, божественными возношениями нашими необходимое и подобающее поминовение о благочестивой державе вашей и царской вашей победе совершим за литургией, чтобы покорены были враги ваши под ноги ваши, чтобы одолели вы их в сражениях. Да рассыплются поганые страны, рвущиеся в бой, ослепляемые божьей молнией, и пусть они, как псы голодные, языками своими землю лижут, и ангел господень погоняет их.

Радуемся и веселимся, слышаще доблести твоя и крѣпость и твоего сына богомъ данную ему побѣду, и великое мужество, и храбрость, и твоего брата,— государей наших, показавшим противу безбожных сих агарянъ. Но по еуангельскому великому словеси: «Претерпѣвый до конца, той спасенъ будет». Молю же и о сем царское твое остроумие, и богом данную ти премудрость, да не позазриши моему худоумию. Писано бо есть: «Дай премудру вину, премудрѣе будет, сказай праведному, приложит приимати; и еже разумѣти закон помысла есть блага. Сим бо образом много лѣтъ поживеши и приложат тие ся лѣта животу». Съ сими же всѣми да будет милость великаго бога господа нашего Исус Христа, молитвами пречистыя его матере и всѣх святыхъ и великих чюдотворець земли нашеа, пресвященных митрополит русскых Петра, Алексѣя и Ионы, и Леонтия, епископа ростовскаго, чюдотворца Исаиа и Игнатиа и преподобных и богоносных отець наших Сергиа, Варлаама и Кирила и прочих, и нашего смирениа благословение на тебѣ, нашем государи, и на твоем сыну, и на твоем государьствѣ, и на твоей братии, на ваших князех, и болярех, и воеводах, и на всем вашем христолюбивом воиньствѣ. И мирно да будет и многолѣтно ваше государьство, побѣдно, со всѣми послушающими вас христолюбивыми людьми да пребудет во вся дни живота вашего в вѣкы вѣком. Аминь. Лѣта 89.

Радуемся и веселимся, слыша о доблести и крепости твоей и о победе твоего сына, данной богом, и о великом мужестве и храбрости твоего брата,— государей наших, ставших против безбожных этих агарян. Но по евангельскому великому слову: «Претерпевший до конца спасется». Молю же твое царское многоумие и богом данную тебе премудрость, да не пренебрежешь моим худоумием. Ибо сказано: «Дай наставление мудрому, и он будет еще мудрее, научи правдивого, и он приумножит знание, потому что познание святыни — разум. Таким образом много лет проживешь и прибавится тебе лет жизни». И с этим всем да будет милость великого бога господа нашего Иисуса Христа, молитвами пречистой его матери и всех святых, и великих чудотворцев земли нашей, преосвященных митрополитов русских Петра, Алексия, и Ионы, и Леонтия, епископа ростовского, чудотворцев Исайи и Игнатия, преподобных и богоносных отцов наших Сергия, Варлаама и Кирилла, и прочих, и нашего смирения благословение на тебе, нашем государе, и на сыне твоем, и на твоем государстве, и на твоей братии, и на всех князьях, и боярах, и воеводах, и на всем вашем христолюбивом воинстве. И мирно и многолетно да будет ваше государство, победно со всеми послушающими вас христолюбивыми людьми, да пребудет во все дни жизни вашей и во веки веков. Аминь. В год 89(1481).

«ЛАОДИКИЙСКОЕ ПОСЛАНИЕ» ФЕДОРА КУРИЦЫНА

Душа самовластна, заграда ей *вѣра*.
Вѣра — наказание, ставится пророкомъ.
Пророкъ — старѣйшина, исправляется чюдотворением,
Чюдотворения даръ мудростию усилѣетъ.
Мудрости — сила, фарисѣйство — жительство,
Пророкъ ему наука, наука преблаженая,
Сею приходимъ въ страх божий.
Страх божий — начало добродѣтели.
Симъ вооружается душа ⟨...⟩.

Иже аще кто хощетъ увѣдати имя приведшаго Лаодикийское послание: дващи четыре со единымъ; и дващи два со единымъ; седмьдесятия по десяти и десятия по десяти, царь; и дващи два; и шестиа по десяти со единою десятию; десятиа по пяти и пятия по десяти, еръ скончеваетъ. В сем же имени словъ седмерица, царь и три плоти и три души.

От роду же прозывается: десять и дващи по пяти; тридцатья по десяти и дващи по пятидесят; девятьа по десяти и дващи по пяти; и дващи три з двѣма; осмьдесятьа по десяти и девятьа по девяти и дващи девять со единым; три дващи со двѣма; четыре по пяти и пятиа по четыре со единою десятию, совершается ером. Четыре столпы, и четыре приклады.

От дѣйства же: трищи со единым, и дващи четыре; и единъ; трищы пять и дващи два со единым, навершает ером. Двѣ плоти, и двѣ души, и самодержец, во ино время и оживление творит.

«ЛАОДИКИЙСКОЕ ПОСЛАНИЕ» ФЕДОРА КУРИЦЫНА

Душа самовластна, ограда ее — вера.
Вера — наставление, устанавливается пророком.
Пророк — старейшина, направляется чудотворением.
Чудотворения дар поддерживается мудростью.
Мудрость — сила, фарисейство — образ жизни.
Пророк ему наука, наука преблаженная.
Ею приходим к страху божьему.
Страх божий — начало добродетели.
Им вооружается душа ⟨...⟩.

Если кто-нибудь хочет узнать имя человека, доставившего Лаодикийское послание, то пусть сосчитает: дважды четыре с одним; и дважды два с одним; семьдесят раз по десяти и десять раз по десяти, царь; дважды два; и шесть раз по десяти и один десяток; десять раз по пяти и пять раз по десяти, заканчивается ером. В этом имени семь букв, царь, три плоти и три души.

Отроду же прозывается: десять и дважды пять; тридцать раз по десяти и дважды пятьдесят; девять раз по десяти и дважды пять; и дважды три с двумя; восемьдесят раз по десяти и девять раз по девяти и дважды девять с одним; дважды три и два; четырежды пять и пять раз по четырем с одним десятком, завершается ером. Четыре столпа и четыре приклада.

Занятие же: три и один, и дважды четыре; и один; трижды пять и дважды два с единицей, завершается ером. Две плоти и две души, и самодержец, в иное время и оживление творит.

ПОСЛАНИЕ ГЕННАДИЯ ИОАСАФУ

Генадие, милостию божиею архиепископъ Великого Новаграда и Пъскова, святѣйшему и боголюбивому о святѣмъ дусѣ Иосафу, бывшему архиепископу ростовьскому и ярославьскому достойную и духовную любовь сим нашим писаниемь въспосылаем боголюбию твоему, яко да будеши въ здравии всесвященнѣ и духовнѣ и телеснѣ.

Мню, яко не невѣдомо твоему святительству церковный раздор от еретичьскаго нападениа, что есми посылал подлинникы великому князю, да и митрополиту, отцу его, и митрополит, деи, то и вам являл, тѣ великие скръби, иже от начала не бывали в Руской земли. А и тамо въ Цариградѣ, отнеле же Константин Великый пръвый съборъ съвокупи на Ариа, оттолѣ смѣсь была до Феофила иконоборьца, православныя цари, да и еретики *были*, ино православных же болши было: православных было 30 без одного, и еретиков было 12, и съ Феофилом иконоборцем; и какъ Михаил православный Феофилов сынъ, учинил православие, той бысть от прьваго царя Константина 43-й православный царь. И оттолѣ всѣх тѣх царей православных было от Михаила до Калуяна царя — 42, а ни при одном не было дрързновениа жидовьскаго и еретичьскаго въ Цариградѣ и до сѣх местъ. А отнеле же князь велики Володимеръ Киевьский крестил всю землю Рускую, а тому 500 лѣт с лѣтом, а того ни в слуху не бывало, чтобы быти в Руси какой ереси.

И какъ избрание сътвори господинъ нашь и отець Геронтей митполит всея Руси с вами, архиепископы и епископы, и еже о нем священный съборъ, и съ благоволением и с совѣтом сына своего, государя нашего великаго князя Ивана Васильевича всея Руси, послали мене на архиепископью Великаго Нова-

ПОСЛАНИЕ ГЕННАДИЯ ИОАСАФУ

Мы, Геннадий, божией милостью архиепископ Великого Новгорода и Пскова, Иоасафу, бывшему архиепископу ростовскому и ярославскому, этим нашим посланием возвещаем достойную и духовную любовь твоему боголюбию, святейшему и боголюбивому силою святого духа, и да пребываешь ты во здравии духовном и телесном, достойном твоего всесвященства.

Полагаю, что твоему святительству не остались неведомы раздоры в церкви из-за нападения еретиков, о чем я посылал следственные дела великому князю и духовному отцу его митрополиту, и митрополит, по его словам, сообщал и вам о тех великих бедствиях, каких изначала не бывало в Русской земле. Да и там в Цареграде, после того, как Константин Великий созвал первый собор против Ария, до времени Феофила-иконоборца творилось смешение — были цари православные, были цари еретики, но православных было больше: православных было тридцать без одного, а еретиков было двенадцать, считая и с Феофилом-иконоборцем; и когда Михаил, Феофилов сын, установил православие, то стал он сорок третьим православным царем после Константина. И с тех пор всех тех православных царей было от Михаила до Калоиоанна-царя сорок два, но ни при одном в Царьграде не было такой иудейской и еретической дерзости. На Руси же, с тех пор, как князь Владимир Киевский крестил всю землю Русскую,— а прошло с того времени пятьсот лет с годом,— и слуху не бывало, чтобы была на Руси какая-нибудь ересь.

И когда господин наш и отец митрополит всея Руси Геронтий вместе с вами, архиепископами и епископами, и вместе с ним священный собор, избрали меня с согласия и по совету сына своего, государя нашего великого князя Ивана Васильевича всея Руси, и послали на архиепископию Великого Нов-

города и Пьскова, не по моему достоиньству, еже не ослушати ми ся было своего господина и отца Геронтиа митрополита всея Руси. И обрѣтох здѣсе новугородскых еретиковъ, жидовьскаа мудрьствующих, покрыты же суть онѣхь еретикъ клятвеною укоризною, марькианьскиа глаголю и месалианскиа. Сии бо, егда въпрашаеми, от своих велѣний отметници бывают, и безстудно и усръдно кленутся, и проклинают вся тако мудрьствующаа или мудръствовавших, и ротятся без страха, яко таковаа повелѣниа ненавидящим. Сице и сии еретици говорят явьственно и учат православное христианство своей злобѣ, и какъ их спроси, и онъ говорит: «Яз, деи, православной христианинъ», а того всего своего лихово дѣла запрѣлся. Ино то в них не одно июдейство — смѣшано с месалианскою ересью: сиа главы в правилѣх у себе изнайдешь; а то ми накрѣпко высказал их товарищь поп Наум. Да и псалмы ко мнѣ принесъ, по чему они себѣ правили по жидовскы. И тѣ яз псалмы послал к митрополиту же съ подлинником.

Да потом государь мой князь великый приказал своим бояромъ, Якову да Юрью Захариичем, со мною и своим богомольцемь обыскати того накрѣпко. И как мы тѣх еретиковъ велѣли пред собою поставити, и они тѣ всѣ своих дѣйствъ позапрѣлися да почали съ безстрашиемь клятись, а называют ся христиане православные. Ино было как то все увѣдати по их клятвѣ, как они отмѣтаются своих велѣний? И попы их завтрокавъ и пивъ до обѣда, обѣдню служат. А что они кленутся без страха, а то въ 19 главѣ тѣх же ересей месалианскых явлено. А что недостойно служать божественую литургию, а то явлено въ 12 главѣ тѣх же ересей. Да что ни есть ересей месалианскых, то все они мудрьствують, толко то жидовскым десятословиемь людей прелщают, яко чествующе мнятся.

Да та прелесть здесе распрострелася не токмо въ градѣ, но и по селом. А все от поповъ, которые еретики ставились в попы. Да егда будут где православных, и они таковых же себе являют. Аще ли видят кого от простых, и они готова себѣ на ловъ имѣют. Да того ради и в попы ся ставят, чтобы кого, какъ мощно, въ свою ересь привести, зане ж уже дѣти духовныя имут дръжати. И кто будет вѣрою огражденъ и въ православии христианства крѣпокъ, и они того таятся, а ему таковы ся являют. Аще ли кто слабъ, и лѣностенъ, и удобь къ грѣховному игу прекланяем, сего они, яко слаба, отступника вѣрѣ проказуют и приимают его въ свою ересь. Да что он согрѣшил, или блуд, или прелюбодѣйство, или ины грѣх сътворилъ, то удобь пращают, церковным каноном не послѣдующе. Аще ли пакы кто от православных въ обличение въсхощет стати на них про

города и Пскова — я не был достоин этого, но не мог ослушаться своего господина и отца, митрополита всея Руси Геронтия. И нашел я здесь новгородских еретиков, предававшихся иудейским мудрствованиям, которые были прикрыты постыдной клятвой этих еретиков — назову ее маркианской, или месалианской. Ибо последние, когда их вопрошают, отрекаются от своих заповедей, бесстыдно и усердно клянутся и проклинают всех так мудрствующих или мудрствовавших, и присягают без страха, будто они такие заповеди ненавидят. Так и эти еретики говорят открыто и учат православных христиан своему зловерию, а спроси их, и он говорит: «Я, дескать, православный христианин»; а во всем том лихом деле запираются. А у них не одно иудейство — смешано оно с месалианской ересью: главы об этом ты найдешь у себя в правилах; а все это мне твердо сказал их товарищ, поп Наум. Да и псалмы ко мне принес, составленные ими по иудейскому образцу, и те псалмы я послал к митрополиту же со следственными делами.

А потом государь мой, князь великий, приказал своим боярам, Якову и Юрию Захарьевичам, со мною, своим богомольцем, расследовать это твердо. Когда же мы тех еретиков велели перед собой поставить, все они стали запираться во всех обвинениях да начали бесстрашно клясться, называя себя православными христианами. Как же можно было все это узнать, когда они клянутся и отрекаются от своих заповедей? А попы их, завтракав и пив до обеда, служат обедню. А то, что они клянутся без страха, это соответствует девятнадцатой главе месалианских ересей. А то, что недостойно служат святую литургию — это соответствует двенадцатой главе тех же ересей. Да сколько ни есть ересей месалианских,— то все они исповедуют, а иудейским десятословием только прельщают людей, притворяясь, что они его соблюдают.

А это прельщение здесь распространилось не только в городе, но и по селам. А все от попов, которые поставлены в попы еретиками. А когда находятся среди православных, они себя объявляют такими же православными. А если видят какого-нибудь простака, то считают его готовой добычей. Да для того и ставятся в попы, чтобы всех, кого можно, обратить в свою ересь, чтобы обрести детей духовных. А кто окажется огражденным верою и крепким в православном христианстве, того они таятся, и объявляют себя такими же. А если кто слаб или ленив и легко может быть вовлечен под власть греха, того они губят, как слабого и отступника веры, и принимают его в свою ересь. А если он согрешил, или впал в блуд, или в прелюбодейство, или иной грех сотворил, то легко прощают, не следуя церковным канонам. Если же потом кто-нибудь из православных захочет выступить с обличением

их ересь, и они отметници бывают своих ересей, да и проклинают всѣх таковаа творящих, да и ротятся без страха. А сами то творят, да грѣха себѣ в твой клятвѣ не ставят. Ино как же их мощно было доити, аще бы князь великый не приказал своим бояромъ со мною, своим богомолцем, того обыскати? И молитвами пречистыя богоматере и его государьскою грозою, съ его бояры, съ Яковом да съ Юрьем Захариичи, того есмя обыскали накрѣпко, да и явьственно то учинили своему государю великому князю, да и отцу своему митрополиту, да и вамъ, своей братии, архиепископом и епископом. И какъ мню, нынѣ вы положили то дѣло ни за что, какъ бы вам мнится, Новъгород с Москвою не едино православие; не поболѣзновали есте о томъ ни мала!

Ты будешь нѣчто оскорбленъ от кого в телѣсном дѣлѣ, да оставил архиепископью, да предал еси овци влъком на расхищение, а слыша таковую бѣду церковную. А гдѣ бы в то врѣмя тръпѣниемь великим въоружитись, аще бы что и пострадати за православие душевныя ради ползы, чая от господа бога за то мьзду восприати! Да понезазриши ми, что есми къ твоему боголюбию писал, поминаа рекшаго: «Дай премудрому вину, премудрѣе будет, обличай премудраго, възлюбит тя». Да и се въ слух мой пришло, что, деи, посылал по тебе князь великы, и не одинова, и ты, деи, не поѣхал к нему, а моглъ бы еси и тамо крѣпость свою подрьжати, за что будешь оставил архиепископью, а государьское бы еси сердце не ожестил. Да не мни: то мал грѣх сътворил еси. Что ся ни учинит пакость какова христианьству въ твоей архиепископии, или бы еси церкви каковую управу учинил в ту пору, ино то все на твоей головѣ легло. Да однова нѣчто государь князь великый въспалу учинит и на монастырь тебе же для, ино тебѣ и за то отвѣтъ дати. Да не позазриши ми о том, что тебѣ писал, сердечнѣ жалуя того, что однова от бога за то въ грѣсѣ будешь. Зане же иной тебѣ того стыдится млъвити или не смѣет; а многы люди добрые духовные тому зазрять,— а яз то от слуху же слышелъ. И толко то будет такъ се, и яз совѣтъ тебѣ даю, однова нѣчто богъ положит государю на сердце, пошлет по тебе, и ты бы ся никако не ослушал, тамо пакы приѣхавъ к нему. Какову себѣ крѣпость хочешь о своемъ дѣлѣ, тако учинишь, толко бы ся князь великы у тебе того не опросил.

А нынѣ бы еси о государѣ о великом князи бога молилъ, чтобы государю богъ положил на сердце, чтобы управил церковь божию, а православное бы христианьство от еретичьскаго нападаниа, от тѣх еретиковъ, жидовьская мудрьствующих, непоколѣбимо было. Понеже образу господа нашего Исус Христа и пречистыя его матери наругалися! А слышел еси в подлинникѣ, како о них писано.

их ереси, то они отрекаются от своей ереси, и проклинают всех ее творящих, и клянутся без страха. А сами именно ее и творят, и в грех себе такую клятву не ставят. Как же можно было до них добраться, если бы князь великий не приказал своим боярам со мной, своим богомольцем, учинить сыск? И мы, молитвами пречистой богоматери и силой государевой, вместе с его боярами, с Яковом и Юрием Захарьевичами, расследовали это дело твердо и довели его до сведения своего государя великого князя, да и своего отца митрополита, да и до вас, своей братии, архиепископов и епископов. И как я понял, ныне вы признали это дело за ничтожное, словно вам кажется, что Новгород с Москвой — не одно православие; не побеспокоились об этом нисколько!

Ты же как будто претерпел от кого-то оскорбление в мирских делах, да и оставил архиепископию, и предал овец волкам на расхищение, зная, какое бедствие терпит церковь. А как бы в то время терпением великим вооружиться, даже если бы пришлось пострадать за православие для пользы души, ожидая за то воздания от господа бога! Да не обидишься на меня, что я написал твоему боголюбию, вспоминая слова сказавшего: «Покажи премудрому его вину — премудрее будет, обличай премудрого — возлюбит тебя». Да и то дошло до моего слуха, что, говорят, посылал за тобой князь великий, и не однажды, и ты, дескать, не поехал к нему, а мог бы и там отстоять свое дело, из-за которого ты, видимо, оставил архиепископию, а государево сердце не ожесточил бы. И не думай, что этим сотворил малый грех. Какая бы ни совершилась беда христианству в твоей архиепископии, от которой ты мог бы защитить в то время церковь,— все это на тебе. А если государь из-за тебя при случае положит опалу и на монастырь — тебе и за это ответ дать. Не обижайся на меня за то, что я написал это тебе, душевно беспокоясь о том, что когда-нибудь ты за это можешь оказаться грешным перед богом. Ибо иной стыдится тебе это сказать или не смеет, а многие добрые духовные люди это осуждают — до меня доходили такие слухи. И коль это так, даю тебе совет: если однажды бог положит на душу государю, а он пошлет за тобой, ты бы тогда не ослушался, тут же приехал к нему. О чем бы тебя ни спросил великий князь, ты можешь держаться в своем деле так твердо, как хочешь.

А ныне молил бы ты бога о государе великом князе, чтобы государю бог положил на душу управить церковь божию, чтобы православное христианство осталось непоколебимым от еретического нападения, от еретиков, мудрствующих по-иудейски. Ибо они над образом господа нашего Иисуса Христа и его пречистой матери надругались! Ты ведь знаешь из дела, что о них написано.

Да чтобы еси послал по Паисея, да по Нила, да с ними бы еси о том посовѣтовал: «Преидут три лѣта, кончается седмая тысяща». Ино и яз слыхал у Алексѣя: «И мы, деи, тогды будемь надобны». Ино еритици себѣ надежно чинят!

Да и «Шестокрилъ» есми училъ того для, и обрѣтох в нем ересь: числа поставлены — от Адама 200 и 70 и 6 девятнадесятиць! Нынѣ идеть шестаа девятнадесятица, по чему жидова лѣта чтут. Ино то учинили на прелесть христианьскую. Хотять рещи: «Лѣта христианьскаго лѣтаписца скратишась, а наша пребывают!» А то хотят ту прельсть явити, како изойдеть наша паскалиа. Занеже я испытно «Шестокрил» прошелъ, да и написанъ у мене. Ино тѣ числа, что поставлены, 276 девятнадесятниц, лѣт будеть от Адаама до сѣх мѣстъ 5000 и 200 и 28. И потому ино у них еще пришествиа Христова нѣтъ, ино то они ждуть антихриста. Ино прелесть великаа!

А Еуангелие кончины не явлено, когда будеть. Да и Енох праведны писал сице: «Преж даже вся не быша, постави богъ вѣка тварнаго, и потом сътвори всю тварь видимую и невидимую, и по всѣм томь създа человека въ образ свой. И тогда раздѣли богъ вѣкъ человека ради на времена, на лѣта, и на месяци, и на дни, и на часы,— и да разумѣет человекъ временъ премену и чтеть своеа жизни конець. И егда скончается вся тварь, юже сътвори господь, тогда времена погибнут, и лѣта не будеть к тому, дние и часы не почтутся. Но станеть вѣкъ единъ, и вси праведници убѣжат Суда великаго и прикупятся велицем вѣцѣ, и вѣкъ велик прикупится праведницѣх», и прочаа. И яз нашел в писании, что которой царь по котором был, и колко лѣт которы царь жил, также которой патриархъ по котором был, да колко кто лѣт жил. А пишет их епископы, а не патриархы. Ино написано сице: мирских лѣт 5000 и 600 и 21, а от божественаго въплощениа лѣт 121, римьскы епископъ 9 Угиинъ лѣта 4, а Еросалиму епископъ четвертыйнадесять Иосифъ, лѣта два, таче Иерусалиму же епископъ 15 Июда, тѣ были крещены от июдей при том Июде Андрѣяномь, конечное и послѣднее плѣнение градное и жидовское бысть. Да по сем прьвый епископъ Марко лѣт 8 был, от языкъ необрѣзаных. Ино тамо писано: лѣт 5000 и 600 лѣт и 21, в неже лѣто и плѣнение их бысть послѣднее. И оттолѣ до сѣх мѣсть 400 лѣт, да 1000 въ гнѣвѣ божии пребывають. Да аще к тому безстудствують, развращающе наше православие, яко же о них писано: «Ни сами входяще, ни хотящих внити оставляюще». Да что которые лѣта у нас украли еретици жидовьскыми числы,

Да послал бы ты по Паисия и по Нила и посоветовался о таком деле: «Пройдут три года, окончится седьмое тысячелетие». Слышал я от Алексея: «И тогда, дескать, придет нужда в нас!» Вот на что надеются еретики!

А «Шестокрыл» я изучал потому, что нашел в нем ересь: время рассчитано — от Адама двести семьдесят шесть девятнадцатилетий! А сейчас идет шестое девятнадцатилетие по летосчислению иудеев. А ведь сделано это для прельщения христиан! Хотят сказать: «Года христианского летописца подходят к концу, а наши длятся!» А как окончится наша пасхалия, тут они и хотят начать прельщение. Я ведь проверил весь «Шестокрыл», да и выписан он у меня. Ибо̀ то время, которое там указано, двести семьдесят шесть девятнадцатилетий, это значит от Адама до нас пять тысяч двести двадцать восемь лет. И потому ведь у них еще нет пришествия Христа, значит, они ждут антихриста. Вот великое прельщение!

А в Евангелии не сказано, когда будет конец мира. Да и Енох праведный писал так: «Прежде всего, когда еще ничего не было, основал бог сотворенный мир, а затем сотворил всю тварь — видимую и невидимую, а после этого создал человека по образу своему. И тогда разделил бог ради человека вечность на времена, и на годы, и на месяцы, и на дни, и на часы,— чтобы человек постиг смену времен и предвидел конец своей жизни. А когда скончается вся тварь, сотворенная господом, тогда времена погибнут, и не будет годов, не будут считать дней и часов. Но наступит единая вечность, и все праведники избегнут Суда великого и воссоединятся в великой вечности, и великая вечность дастся праведникам», и прочее. А я нашел в писаниях, какой царь был после какого, и сколько лет какой царь жил, и какой патриарх после какого был и сколько лет жил. А называют их епископами, а не патриархами. Написано так: мирских лет пять тысяч шестьсот двадцать одно, а от божественного воплощения лет сто двадцать одно, девятый римский епископ Угиин четыре года, а четырнадцатый епископ Иерусалима Иосиф два года, потом также епископ Иерусалима пятнадцатый — Иуда, эти были крещены от иудеев Андреаном при том же Иуде, когда было последнее и окончательное пленение города и евреев. А после него был первый епископ Марко восемь лет, от необрезанных народов. А там записано: лет пять тысяч шестьсот двадцать одно, в то же лето было и последнее их пленение. И с того времени и до сих пор четыреста лет и тысяча пребывают под божиим гневом. И к тому еще и бесстыдствуют, развращая наше православие — как о них сказано: «Ни сами не вступают, ни желающих вступить не пускают». А ведь в те годы, которые украли у нас еретики из-за иудейского летосчисления,

и в тѣ лѣта которые цари, или папы, или патриархи, писаны по именомь, ино тѣх где вмѣщати?

Ино надобѣ о том подвигъ великъ дръжати, егда скончаются лѣта, а животом еще прибавитъ богъ миръ. Ино то еретикомъ, жидовьскаа мудрьствующимь, будеть дръзость, а христианству будеть спона велика. А списавы «Зръцало», то яко гаданиемъ положи 7000 лѣт, глаголя сице: «По домыслу убо рѣша мнози, глаголюще: понеже въ 6 дней сътворенъ бысть миръ сей, и скончаваемѣ убо шестой тысящи быти и скончание миру; слъгаша же тии, рече. Глаголють же пакы друзии, яко понеже есть седмориченъ настоящий сѣй вѣкъ, лѣпо есть пребыти миру, дондеже и седмаа тысяща скончается, яко же Соломонъ реклъ есть: даждь чясть убо седмым, и тогда осмому, седмь бо вѣк дѣланиа, осмы же будущаго вѣка образ носить. Но и се речение не благословно ми мнится. И пакы покаряюся, рече, Григорию Богослову, глаголющу: егда горний миръ наплънится, тогда ожидай скончаниа».

А что «Шестокрилъ» они себѣ изучивъ, да тѣмь прелщают христианство, мня, яко съ небесе знамение сводять; ино то не их съставлениа бысть! «Шестокрил» бо взятъ от астрономии, яко капля от моря. А то звѣздозаконие дано бысть Сифу, третиему сыну Адаамову. Да потомь Енох списалъ праведны дни, и часы, и лѣта, и потомъ Ной послѣднему роду предаде. Авраамъ в Египетъ вшел, египтяна учи землемѣриа, да и росчет земны. Да потомъ и жидова от них по тому навыкли. Егда же Филаделфь Птоломей по Алексаньдрѣ Македонстѣмь над Египтомъ царствова, сей посла ко Азарии, иже тогда в жидовьстѣй странѣ пръвосвященнику, избрати от художнѣйших в разумѣ, иже законъ истлъковати могущих. Архиерѣй же усмотривъ, иж у него искуснѣйших жидовъ, иже отечьское и еллинское навыкли бѣша наказание, и от коегождо племени 70 и два мужей избрал, с радостию посылаеть ко Птоломѣю. Они же в различных клѣтех по двѣма или по единому раздѣлшеся въ Фарѣ, Александрѣстѣмь островѣ, все божественое Писание и сия псалмы, сирѣчь Псалтырю, истлъковавше, и вси въ тлъковании съгласиша, яко же дивитися Птоломѣю. Бысть же 70 и двоих сѣхъ изложение прежде трею сотъ и единого лѣта Спасова пришествиа. И оттолѣ распространилося то преведение въ еллиньском языцѣ, и от еллинскаго языка преиде въ латынскы языкъ, за 300 лѣт до Христова пришествиа. А жидова, какъ распяли Христа, такъ их въ плѣнение предалъ богъ, да и книги их истреблени бышя. Тажде в лѣта Андриана грецкаго самодрьжца Акила от Синопиа от еллиньства въ христианство преложься, таже въ иудейство уклонись,

были цари, или папы, или патриархи, записанные по именам,— как же их тогда уместить?

Но надобно будет выдержать великое борение, если окончатся годы пасхалии, а бог еще продлит жизнь мира. Ведь это прибавит дерзости еретикам, мудрствующим по-иудейски, а для христиан будет великая тягость. А тот, кто написал «Зерцало», то как бы по догадке поставил семь тысяч лет, говоря так: «По домыслу ведь решили многие, говорящие: если в шесть дней сотворен был мир сей, то с окончанием шестой тысячи лет должен наступить и конец мира; но они солгали, говорит. Утверждают же, в свою очередь, другие, что, если настоящий сей век семиричен, следует пребыть миру до тех пор, пока и седьмая тысяча окончится; как сказал Соломон: отдай часть седьмым, а потом и восьмому, семь веков человеческой деятельности, восьмой же носит образ будущего века. Но и это рассуждение не кажется мне достаточно основательным. Следую же я, говорит, Григорию Богослову, заявляющему: когда высший мир достигнет совершенства, тогда ожидай конца».

А что иудеи, изучив «Шестокрыл», прельщают им христиан, представляясь, что добывают знамение с небес,— так ведь это не ими составлено! Ибо «Шестокрыл» взят от астрономии, как капля из моря. А это звездозаконие было открыто Сифу, третьему сыну Адама. Потом Енох записал священные дни, и часы, и годы, а Ной затем передал последующим родам. Авраам ходил в Египет, учил египтян землемерию и измерению земли. А потом и евреи от них этому научились. Когда же Птоломей Филадельф, после Александра Македонского, царствовал над Египтом, он послал к Азарии, бывшему тогда первосвященником в Иудейской стране, чтобы тот избрал наиболее острых умом людей, способных истолковать божественный закон. Архиерей же выбрал наиболее искуснейших из евреев, изучивших и отеческий и эллинский закон, и, избрав от каждого племени по семьдесят два мужа, с радостью посылает к Птоломею. Они же, разделенные в Фаре, александрийском острове, в разных помещениях по одному или два человека, все божественное Писание и эти псалмы, то есть Псалтырь, перевели, и перевод у всех у них оказался сходным, и дивился этому Птоломей. Был же этот перевод семидесяти двух толковников за триста один год до Спасова пришествия. И оттуда распространился этот перевод среди эллинов, а с эллинского языка был переведен на латинский язык, за триста лет до Христова пришествия. А евреи, как распяли Христа, так их в пленение и предал бог, и книги их были истреблены. Потом, во время Адриана, греческого самодержца, Акила из Синопии, перешедший из эллинства в христианство, а затем уклонившийся в иудейство,

обрадовано жидовом тлъкование изложи. По сем же при Севирѣ, иже от Самариа Симмах еретику Маркиону бѣсѣдовавъ, и възвѣстивъ самаритом, и сего ради иудейская избравъ благодѣйствует имъ растлѣнны въ изложении смыслъ. По тѣх же при Комодѣ цари Феодотион, иже от Ефеса, священныя книги злѣ и развращеннѣ изложи. Нам же священномученикъ Лукианъ, при Диоклитианѣ мучители, жидовьскыя книги в нашу бесѣду предлагает, добрѣе же и твердѣйше. Мы же таковое изложение почитающе, и 70-тих и двоих прилежимъ паче, яко разно языку преложение сътворшимъ единъ коегождо разумъ и бесѣду издаше. Ино нынѣшнее жидова еретическое предание дрьжать, псалмы Давыдовы или пророчьства испревращали по тому, как имъ еретици предали — Акила, и Симмах, и Феодотионъ уже по Христовѣ пришествии и по плѣнении их, а не яко же нам предали святии апостоли и святии отци тѣх отъ мудрых, еже превели жидовьскы законъ на еллинскы за 300 лѣт преже Христова пришествиа; ино то и достовѣрно есть, ниже тогда еретици быша. По Христовѣ бо пришествии и по проповѣданию святых апостолъ, сие предание, еже есть 70-тих и двоих преложение, истолковаша святии отци, Давидом реченнаа в псалмѣх, и еже пророцы глаголаша, о Христѣ.

Ино мнит ми ся, по Еноху вѣкъ работает человечьству, а седмь тысящь лѣт человечьска ради премененна положена. А по Богуслову, и намъ на всякъ часъ ждати скончаниа.

Да и то ми ся мнит: однова будут еретици у нас украли лѣт! Занеже у латыны нашего болши осмию лѣты. Да еще говорят: «У нас, деи, писано седмь тысящ лѣт да 8 до скончаниа вѣка». И язъ ихъ съпросил: «Что ж тлъкуется 8?» И они млъвят: «То, деи, тому слову имя: аще будете добри, придам вам, аще ли будете зли, уйму у вас». А татарове сказывают: еще у них до скончаниа миру, сиирѣчь до второго пришествиа Христова, 100 лѣт да два.

А се писано: «Седмь вѣк дѣланья, о́смый же будущаго». Ино нам 6 день в недели велѣно дѣлати, а седмы покой приимати от трудов. И будет однова в нашей паскалии дѣланиа время не исполнилося, и ты бы о том с Пасѣем да с Нилом накрѣпко поговорил, чтобы есте и ко мнѣ отписали о том.

Да и о том ми отпиши: мощно ли у мене побывати Паисею да Нилу, о ересех тѣх было с ними поговорити? Да есть ли у вас в Кириловѣ, или в Фарафонтовѣ, или на Каменном книги: «Селивестрь папа Римскы», да Афанасей Александрѣйскы, да «Слово» Козмы прозвитера на новоявльшуюся ересь на богумилю, да «Послание» Фотѣя патриарха ко князю Борису Болгарьскому, да Пророчьства, да Бытия, да Царства,

сделал перевод, благоприятный для евреев. После него при Севере житель Самарии Симмах, вступив в общение с еретиком Маркионом и излагая Писание самаритянам, избрал для этого иудейские источники, поэтому и смысл Писаний, испорченный им в изложении, оказался для них благоприятным. А после них, при царе Коммоде, Феодотион, житель Эфеса, изложил священные книги дурно и вредоносно. Нам же святой мученик Лукиан, при мучителе Диоклетиане, еврейские книги перелагает на наш язык, лучше и правильнее. Мы же, почитая этот перевод, опираемся более всего на тех семьдесят двух толковников, которые переводили раздельно и создали одинаковый по содержанию и языку перевод. Но нынешние евреи держатся еретического предания, псалмы Давида и пророчества исказили согласно тому, что им перевели еретики — Акила, и Симмах, и Феодотион, уже после Христова пришествия и их пленения, а не так, как нам передали святые апостолы и святые отцы, опираясь на тех мудрых, которые перевели еврейское Писание на эллинский язык за триста лет до Христова пришествия; потому оно достоверно, что тогда еретиков не было. Ибо после Христова пришествия и проповеди святых апостолов это предание, то есть перевод семидесяти двух, истолковали святые отцы, найдя пророчества о Христе в словах Давида в псалмах и в том, что говорили пророки.

Но кажется мне, что согласно Еноху вечность служит человечеству, а семь тысяч лет установлены для человеческого искупления. А по Григорию Богослову, нам нужно ждать скончания мира во всякий час.

И все-таки мне кажется: как-то еретики у нас украли года! Потому что у латинян на восемь лет больше, чем у нас. Да еще говорят: «У нас, дескать, написано, что до конца мира семь тысяч лет и восемь». И я их спросил: «Как же толкуются эти восемь?» И они говорят: «Вот, дескать, какой этому смысл: если будете добродетельны, прибавлю вам, а будете злы — отниму у вас». А татары говорят: у них еще до конца мира, то есть до второго пришествия Христа, сто лет и два года.

А писано так: «Семь веков для дел, восьмой — для будущего». Но ведь нам шесть дней в неделю приказано трудиться, а в седьмой отдыхать от трудов. А если окажется, что время делания не кончится вместе с нашей пасхалией, так ты бы о том с Паисием и Нилом обстоятельно поговорил и мне об этом написал.

Да и о том мне напиши: возможно ли Паисию и Нилу побывать у меня, чтобы поговорить с ними о тех ересях? Да есть ли у вас в Кириллове, или в Ферапонтове, или в Каменном монастыре книги: Сильвестр папа Римский, да Афанасий Александрийский, да Слово Козьмы пресвитера на новоявившуюся ересь богомилов, да Послание патриарха Фотия ко князю Борису,

да Притчи, да Менандръ, да Исус Сираховъ, да Логика, да Деонисей Арепагит? Зане же тѣ книги у еретиков всѣ есть.

Да чтоб еси себѣ мнѣния не подръжал. Занеже не нашо дѣло гнѣвъ дръжати. Будет твой сынъ боярьской невѣжливо приѣхалъ, ино ведь по посольству и отвѣт дается. И ты нынѣ задняа забывай, а на предняа простирайся. Где пакъ будут наши недостаткы, или невѣдѣнием что будем учинили, и ты бы то намъ также простил, яко господень ученикъ рекшаго: «Аще съгрешит к тебѣ брат твой, глаголя: «каюся», остави ему». Да и о том еще воспоминаю твоему святительству, аще будешь съвершено оставил той великы святительскы санъ, хотя смѣрениа образъ въсприятъ, да не запнеть врагъ предложениа твоего, предносящ помыслъ, въспоминаа велико что сътворивъ. Но паче подобает ти имѣти помыслъ всегда уничиженъ, поминая Закхѣем реченнаа: «Аще кого чѣмъ изобидѣх, да въздамь четверицею». Сиа и Законом положена быша. Аще ли речеши: «Нѣсмь обидѣлъ никого же», ино от служащих твоих кто будеть изобидѣлъ, хотя и тебѣ невѣдомо, а отвѣчати тебѣ же за то. Занеже секира безъ сѣкущаго не сѣчеть, сице и слуги наши не могуть никого изъбидѣти, аще не от нас будуть власти прияли. Ползы бо ради сиа писахъ тебѣ, поминаа рекшаго: другъ другомъ подкрѣпляемъ, яко град твердъ. Да и тебѣ молим тя, аще что услышишь о наших недостаткахъ, еже будеть злѣ творимаа нами, такожде писаниемъ възвѣсти намъ, а то мнѣ от тебе за великую любовь. А милость господа бога вседержителя и его пречистыя богоматери и нашего смѣрениа молитва, купно же и благословение, да есть всегда съ твоимъ святительствомъ и боголюбьемъ. Аминь.

Бывшему архиепископу ростовьскому и ярославьскому Иасафу.

В лѣто 6997, февраля 23, 24, 25 преписахь сие послание, въ грамотѣ строкъ девяносто и 5.

Болгарскому, да Пророчества, да книги Бытия, да Царства, да Притчи, да Менандр, да Иисус Сирахов, да Логика, да Дионисий Ареопагит? Потому что эти книги у еретиков все есть.

И советую тебе — не стой на своем. Не наше это дело — гнев держать. Может быть, твой сын боярский вел себя невежливо при приезде — так ведь по посольству и ответ дается. А ты ныне прошлое забудь и обращайся к будущему. А если мы, в свою очередь, в чем-нибудь погрешили или по неведению что-нибудь не так сделали, то ты б это нам так же простил, как ученик господа, возвестившего: «Если согрешит перед тобой брат твой и скажет «каюсь», отпусти ему грех». Да и о том еще напоминаю твоему святительству: если ты окончательно оставил великий святительский сан и принял смиренный монашеский образ, то да не воспрепятствует враг твоему делу, внушая помыслы и напоминая о прежнем величии. Но особенно подобает тебе быть всегда скромным в помыслах, вспоминая слова Закхея: «Если кого чем обидел, отдам вчетверо». Так и в Ветхом завете было установлено. Если же скажешь: «Никого я не обидел», то, может быть, какой-либо из твоих служителей обидел кого-нибудь — хоть ты этого и не знаешь, а отвечать все равно тебе. Как секира не сечет без секущего, так и слуги наши никого не могут обидеть, если бы не власть, которую мы им дали. Писал это тебе пользы ради, вспоминая сказавшего: «Друг, поддерживаемый другом, тверд, как крепость». Да и тебя молим: если что-нибудь услышишь о наших недостойных поступках, о сотворенном нами зле, также извести нас об этом в послании, а я приму это как знак великой любви. И да будет всегда милость господа бога-вседержителя и его пречистой богоматери и молитва нашего смирения вместе с благословением на твоем святительстве и боголюбии. Аминь.

Бывшему архиепископу ростовскому и ярославскому Иоасафу.

В 6997(1489) году, февраля 23, 24, 25 переписал это послание, а в грамоте девяносто пять строк.

СКАЗАНИЕ О ДРАКУЛЕ

СКАЗАНИЕ О ДРАКУЛѢ ВОЕВОДѢ

Бысть в Мунтьянской земли греческыя вѣры християнинъ воевода именем Дракула влашеским языком, а нашим — Диаволъ. Толико зломудръ, яко же по имени его, тако и житие его.

Приидоша к нему нѣкогда от турьскаго поклисарие и, егда внидоша к нему и поклонишась по своему обычаю, а капъ своих з главъ не сняша. Он же вопроси их: «Что ради тако учинисте, ко государю велику приидосте и такову срамоту ми учинисте?» Они же отвѣщаша: «Таковъ обычай нашь, государь, и земля наша имѣет». Он же глагола имъ: «И азъ хощу вашего закона потвердити, да крѣпко стоите». И повелѣ им гвоздиемъ малым желѣзным ко главам прибити капы и отпусти ихъ, рекъ имъ: «Шедше, скажите государю вашему: онъ навыкъ от вас ту срамоту терпѣти, мы же не навыкохом, да не посылает своего обычая ко иным государемъ, кои не хотят его имѣти, но у себе его да держит».

Царь же велми разсердити себе о том, и поиде воинством на него, и прииде на него со многими силами. Он же, собравъ елико имѣаше у себе войска, и удари на турковъ нощию, и множьство изби их. И не возможе противу великого войска малыми людьми и възратися. И кои с нимъ з бою того приидоша, и начат ихъ сам смотрити; кой раненъ спереди, тому честь велию подаваше и витязем его учиняше, коих же сзади, того на колъ повелѣ всажати проходом, глаголя: «Ты еси не муж, но жена». А тогда, коли поиде на туркы, тако глагола всему войску своему: «Кто хощет смерть помышляти, той не ходи со мною, останизде». Царь же, слышавъ то, поиде прочь с великою срамотою, безчислено изгуби войска, не смѣ на него поити.

СКАЗАНИЕ О ДРАКУЛЕ

СКАЗАНИЕ О ДРАКУЛЕ-ВОЕВОДЕ

Был в Мунтьянской земле воевода, христианин греческой веры, имя его по-валашски Дракула, а по-нашему — Дьявол. Так жесток и мудр был, что каково имя, такова была и жизнь его.

Однажды пришли к нему послы от турецкого царя и, войдя, поклонились по своему обычаю, а колпаков своих с голов не сняли. Он же спросил их: «Почему так поступили: пришли к великому государю и такое бесчестие мне нанесли?» Они же отвечали: «Таков обычай, государь, наш и в земле нашей». А он сказал им: «И я хочу закон ваш подтвердить, чтобы крепко его держались». И приказал прибить колпаки к их головам железными гвоздиками, и отпустил их со словами: «Идите и скажите государю вашему: он привык терпеть от вас такое бесчестие, а мы не привыкли, и пусть не посылает свой обычай являть другим государям, которым обычай такой чужд, а у себя его блюдет».

Царь же весьма разгневался, и пошел на Дракулу войной, и напал на него с великими силами. Тот же, собрав все войско свое, ударил на турок ночью и перебил их множество. Но не смог со своей небольшой ратью одолеть огромного войска и отступил. И стал сам осматривать всех, кто вернулся с ним с поля битвы: кто был ранен в грудь, тому воздавал почести и в витязи того производил, а кто в спину,— того велел сажать на кол, говоря: «Не мужчина ты, а женщина!» А когда снова пошел войной против турок, то так сказал своим воинам: «Кто о смерти думает, пусть не идет со мной, а здесь остается». Царь же, услышав об этом, повернул назад с великим позором, потеряв без числа воинов, и не посмел выступить против Дракулы.

Царь же поклисаря посла к нему, да ему дасть дань. Дракула же велми почести поклисаря оного, и показа ему все свое имѣние, и рече ему: «Азъ не токмо хощу дань давати царю, но со всѣмъ своимъ воинством и со всею казною хощу к нему ити на службу, да како ми повелитъ, тако ему служу. И ты возвѣсти царю, какъ поиду к нему, да не велить царь по своей земли никоего зла учинити мнѣ и моимъ людем, а язъ скоро хощу по тебѣ ко царю ити, и дань принесу, и самъ к нему прииду». Царь же, услышав то от посла своего, что Дракула хощет приити к нему на службу, и посла его почести и одари много. И велми рад бысть, бѣ бо тогда ратуяся со восточными. И посла скоро по всѣм градом и по земли, да когда Дракула поидет, никоего ж зла никто дабы Дракулѣ не учинилъ, но еще и честь ему воздавали. Дракула же поиде, събрався съ всѣм воиньством, и приставове царстии с нимъ, и велию честь ему воздаваху. Он же преиде по земли его яко 5 дни, и внезапу вернуся, и начат плѣнити градове и села, и множьство много поплѣни и изсѣче, овых на колие сажаху турков, а иных на полы пресѣкая и жжигая, и до ссущих младенець. Ничто ж остави, всю землю ту пусту учини, прочих же, иже суть християне, на свою землю прегна и насели. И множьство много користи взем, возвратись, приставовъ тѣх почтив, отпусти, рек: «Шедше, повѣсте царю вашему, яко же видѣсте: сколко могох, толико есмь ему послужил. И будет ему угодна моя служба, и азъ еще хощу ему тако служити, какова ми есть сила». Царь же ничто ж ему не може учинити, но срамом побѣженъ бысть.

И толико ненавидя во своей земли зла, яко хто учинит кое зло, татбу или разбой, или кую лжу, или неправду, той никако не будет живъ. Аще ль велики бояринъ, иль священник, иль инок, или просты, аще и велико богатьство имѣл бы кто, не может искупитись от смерти, и толико грозенъ бысть.

Источникъ его и кладязь на едином мѣстѣ, и к тому кладязу и источнику пришли путие мнози от многых странъ, и прихождаху людие мнози и пияху от кладязя и источника воду, студена бо бѣ и сладка. Он же у того кладязя на пустом мѣстѣ постави чару велию и дивну злату, и хто хотяще воду пити, да тою чарою пиетъ, на том мѣстѣ да поставит, и, елико оно время пребысть, никто ж смѣаше ту чару взяти.

Единою ж пусти по всей земли свое велѣние, да кто старъ, иль немощенъ, иль чимъ вреденъ, или нищъ, вси да приидут к нему.

И отправил царь к Дракуле посла, требуя от него дани. Дракула же воздал послу тому пышные почести, и показал ему свое богатство, и сказал ему: «Я не только готов платить дань царю, но со всем воинством своим и со всем богатством хочу пойти к нему на службу, и как повелит мне, так ему служить буду. И ты передай царю, что, когда пойду к нему, пусть объявит он по своей земле, чтобы не чинили зла мне и людям моим, а я вскоре вслед за тобою пойду к царю, и дань принесу, и сам к нему прибуду». Царь же, услышав от посла своего, что хочет Дракула прийти к нему на службу, послу почесть воздал и одарил его богато. И рад был царь, ибо в то время вел войну на востоке. И тотчас послал объявить по всем городам и по всей земле, что, когда пойдет Дракула, никто никакого зла бы ему не причинял, а, напротив, встречали бы его с почетом. Дракула же, собрав все войско, двинулся в путь, и сопровождали его царские приставы, и воздавали ему великие почести. Он же, углубившись в Турецкую землю на пять дневных переходов, внезапно повернул назад и начал разорять города и села, и людей множество пленил и перебил, одних турок на колья сажал, других рассекал надвое и сжигал, не щадя и грудных младенцев. Ничего не оставил на пути своем, всю землю в пустыню превратил, а бывших там христиан увел и поселил в своей земле. И возвратился восвояси, захватив несметные богатства, а приставов царских отпустил с почестями, напутствуя: «Идите и поведайте царю вашему обо всем, что видели: сколько смог, послужил ему. И если люба ему моя служба, готов и еще ему так же служить, сколько сил моих станет». Царь же ничего не смог с ним сделать, только себя опозорил.

И так ненавидел Дракула зло в своей земле, что, если кто совершит какое-либо преступление, украдет, или ограбит, или обманет, или обидит, не избегнуть тому смерти. Будь он знатным вельможей, или священником, или монахом, или простым человеком, пусть бы он владел несметными богатствами, все равно не мог откупиться он от смерти, так грозен был Дракула.

Был в земле его источник и колодец, и сходились к тому колодцу и источнику со всех сторон дороги, и множество людей приходило пить воду из того колодца и родника, ибо была она холодна и приятна на вкус. Дракула же возле того колодца, хотя был он в безлюдном месте, поставил большую золотую чару дивной красоты, чтобы всякий, кто захочет пить, пил из той чары и ставил ее на место, и сколько времени прошло — никто не посмел украсть ту чару.

Однажды объявил Дракула по всей земле своей: пусть придут к нему все, кто стар, или немощен, или болен чем, или беден.

И собрашась бесчисленое множество нищих и странных к нему, чающе от него великиа милости. Он же повелѣ собрати всѣх во едину храмину велику, на то устроену, и повелѣ дати имъ ясти и пити доволно; они ж ядше и возвеселишась. Он же сам приде к нимъ и глагола имъ: «Что еще требуете?» Они же вси отвѣщаша: «Вѣдает, государю, богъ и твое величество, как тя богъ вразумит». Он же глагола к ним: «Хощете ли, да сотворю вас беспечалны на сем свѣтѣ, и ничим не нужни будете?» Они же, чающе от него велико нѣчто, и глаголаша вси: «Хощемъ, государю». Он же повелѣ заперети храм и зажещи огнем, и вси ту изгорѣша. И глаголаше к боляром своимъ: «Да вѣсте, что учиних тако: первое, да не стужают людем и никто ж да не будеть нищь в моей земли, но вси богатии; второе, свободих ихъ, да не стражут никто ж от них на семъ свѣтѣ от нищеты иль от недуга».

Единою ж приидоша к нему от Угорскыя земли два латинска мниха милостыни ради. Он же повелѣ их развести разно, и призва к себѣ единого от них, и показа ему округ двора множьство бесчисленое людей на колѣхъ и на колесѣх, и вопроси его: «Добро ли тако сътворих, и како ти суть, иже на колии?» Он же глагола: «Ни, государю, зло чиниши, без милости казниши; подобает государю милостиву быти. А ти же на кольи мученици суть». Призвав же и другаго и вопроси его тако же. Он же отвѣща: «Ты, государь, от бога поставленъ еси лихо творящих казнити, а добро творящих жаловати. А ти лихо творили, по своимъ дѣломъ въсприали». Он же призвавъ перваго и глагола к нему: «Да почто ты из монастыря и ис келии своея ходиши по великым государемъ, не зная ничто ж? А нынѣ самъ еси глаголалъ, яко ти мученици суть, азъ и тебе хощу мученика учинити, да и ты с ними будеши мученикъ». И повелѣ его на колъ посадити проходомъ, а другому повелѣ дати 50 дукатъ злата, глаголя: «Ты еси разуменъ муж». И повелѣ его на возѣ с почестиемъ отвести и до Угорскыя земли.

Нѣкогда ж прииде купець гость нѣкы от Угорскыя земли въ его град. И по его заповѣди остави возъ свой на улици града пред полатою и товаръ свой на возѣ, а самъ спаше в полатѣ. И пришед нѣкто, украде с воза 160 дукатъ злата. Купец же иде къ Дракулѣ, повѣда ему изгубление злата. Дракула же глагола ему: «Поиди, в сию нощь обрящеши злато». И повелѣ по всему граду искати татя, глаголя: «Аще не обрящется тать, то весь град погублю». И повелѣ свое злато, несъ, положити на возѣ в нощи и приложи единъ златой. Купец же въставъ, и обрѣте злато, и прочет единою и дващи, обрѣташесь единъ

И собралось к нему бесчисленное множество нищих и бродяг, ожидая от него щедрой милостыни. Он же велел собрать их всех в построенном для того хороме и велел принести им вдоволь еды и вина; они же пировали и веселились. Дракула же сам к ним пришел и спросил: «Чего еще хотите?» Они же все отвечали: «Это ведомо богу, государь, и тебе: на что тебя бог наставит». Он же спросил их: «Хотите ли, чтобы сделал я вас счастливыми на этом свете, и ни в чем не будете нуждаться?» Они же, ожидая от него великих благодеяний, закричали разом: «Хотим, государь!» А Дракула приказал запереть хором и зажечь его, и сгорели все те люди. И сказал Дракула боярам своим: «Знайте, почему я сделал так: во-первых, пусть не докучают людям, и не будет нищих в моей земле, а будут все богаты; во-вторых, я и их самих освободил: пусть не страдает никто из них на этом свете от нищеты или болезней».

Пришли как-то к Дракуле два католических монаха из Венгерской земли собирать подаяние. Он же велел развести их порознь, позвал к себе одного из них и, указав на двор, где было бесчисленное множество людей, посаженных на кол или колесованных, спросил: «Хорошо ли я поступил и кто эти люди, посаженные на колья?» Монах же ответил: «Нет, государь, зло ты творишь, казня без милосердия; должен государь быть милостивым. А те на кольях — мученики!» Призвал Дракула другого и спросил его о том же. Отвечал тот: «Ты, государь, богом поставлен казнить злодеев и награждать добродетельных. А люди эти творили зло, по делам своим и наказаны». Дракула же, призвав первого монаха, сказал ему: «Зачем же ты вышел из монастыря и из кельи своей и ходишь по великим государям, раз ничего не смыслишь? Сам же сказал, что люди эти — мученики, вот я и хочу тебя тоже мучеником сделать, будешь и ты с ними в мучениках». И приказал посадить его на кол, а другому велел дать пятьдесят золотых дукатов, говоря: «Ты мудрый человек». И велел его в колеснице довезти до рубежа Венгерской земли.

Однажды прибыл из Венгерской земли купец в город Дракулы. И, как принято было у Дракулы, оставил воз свой на городской улице перед домом, а товар свой — на возу, а сам лег спать в доме. И кто-то украл с воза 160 золотых дукатов. Купец, придя к Дракуле, поведал ему о пропаже золота. Дракула же отвечал: «Иди, этой же ночью найдешь свое золото». И приказал по всему городу искать вора, пригрозив: «Если не найдете преступника, весь город погублю». И велел той же ночью положить на воз свое золото и добавить один лишний дукат. Купец же наутро, встав, обнаружил золото, и пересчитал его и раз, и другой, и увидел, что один дукат

лишний златой; и шед къ Дракулѣ, глагола: «Государю, обрѣтох злато, и се есть единъ златой не мой, лишний». Тогда же приведоша и татя оного и съ златом. И глагола купцю: «Иди с миром; аще бы ми еси не повѣдалъ злато, готовъ бых и тебе с симъ татемъ на колъ посадити».

Аще жена кая от мужа прелюбы сътворит, он же веляше срамъ ей вырѣзати, и кожю содрати, и привязати ея нагу, и кожу ту на столпѣ среди града и торга повѣсити. И девицамъ, кои девьства не сохранят, и вдовам також, а иным сосца отрѣзаху, овым же кожу содравше со срама ея, и роженъ желѣзенъ разжегши, вонзаху въ срам ей, и усты исхожаше. И тако привязана стояше у столпа нага, дондеже плоть и кости ей распадутся иль птицам в снѣдь будет.

Единою ж яздящу ему путем, и узрѣ на нѣкоем сиромахѣ срачицю издрану худу и въпроси его: «Имаши ли жену?» Он же отвѣща: «Имамъ, государю». Он же глагола: «Веди мя в дом твой, да вижю». И узрѣ жену его, младу сущу и здраву, и глагола мужу ея: «*Не* си ли ленъ сѣялъ?» Он же отвѣща: «Господи, много имам лну». И показа ему много лну. И глагола женѣ его: «Да почто ты лѣность имѣеши к мужу своему? Онъ долженъ есть сѣяти, и орати, и тебе хранити, а ты должна еси на мужа своего одежю свѣтлу и лѣпу чинити, а ты и срачици не хощеши ему учинити, а здрав*а* сущ*и* тѣлом. Ты еси повинна, а не мужь твой, аще ли бы муж не сѣялъ лну, то бы мужъ твой повиненъ был». И повелѣ ей руцѣ отсѣщи и трупъ ея на колъ всадити.

Нѣкогда ж обѣдоваше под трупиемъ мертвых человекъ, иже на колие саженых множьство бо округ стола его; он же среди ихъ ядяше и тѣмъ услажашесь. Слуга ж его, иже пред нимъ ясти ставляше, смраду оного не моги терпѣти, и заткну носъ, и на страну главу свою склони. Он же вопроси его: «Что ради тако чинишь?» Он же отвѣща: «Государю, не могу смрада сего терпѣти». Дракула же ту и повелѣ его на колъ всадити, глаголя: «Тамо ти есть высоко жити, смрад не можеть тебе доити».

Иногда же прииде от угорскаго короля Маттѣашя апоклисарь до него, человекъ не малъ, бояринъ, в лясѣх родом. И повелѣ ему сѣсти с собою на обѣдѣ среди трупия того. И пред нимъ лежаше единъ колъ велми дебелъ и высокъ, весь позлащенъ, и вопроси апоклисаря Дракула: «Что ради учинихъ сей колъ тако? Повѣж ми». Посол же той велми убояся и глагола: «Государю, мнит ми ся тако: нѣки великий человекъ пред тобою согрѣши, и хощеши ему почтену смерть учинити паче иных». Дракула же глагола: «Право реклъ еси; ты еси велика государя посолъ кралевьскы, тебѣ

лишний, и, придя к Дракуле, сказал: «Государь, нашел золото, но вот один дукат не мой — лишний». В это время привели и вора с похищенным золотом. И сказал Дракула купцу: «Иди с миром! Если бы не сказал мне о лишнем дукате, то посадил бы и тебя на кол вместе с этим вором».

Если какая-либо женщина изменит своему мужу, то приказывал Дракула вырезать ей срамное место, и кожу содрать, и привязать ее нагую, а кожу ту повесить на столбе, на базарной площади посреди города. Так же поступали и с девицами, не сохранившими девственности, и с вдовами, а иным груди отрезали, а другим сдирали кожу со срамных мест, и, раскалив железный прут, вонзали его в срамное место, так что выходил он через рот. И в таком виде, нагая, стояла, привязанная к столбу, пока не истлеет плоть и не распадутся кости или не расклюют ее птицы.

Однажды ехал Дракула по дороге и увидел на некоем бедняке ветхую и разодранную рубашку и спросил его: «Есть ли у тебя жена?» — «Да, государь»,— отвечал тот. Дракула повелел: «Веди меня в дом свой, хочу на нее посмотреть». И увидел, что жена бедняка молодая и здоровая, и спросил ее мужа: «Разве ты не сеял льна?» Он же отвечал: «Много льна у меня, господин». И показал ему множество льна. И сказал Дракула женщине: «Почему же ленишься ты для мужа своего? Он должен сеять, и пахать, и тебя беречь, а ты должна шить мужу нарядные и красивые одежды; ты же и рубашки ему не хочешь сшить, хотя сильна и здорова. Ты виновна, а не муж твой: если бы он не сеял льна, то был бы он виноват». И приказал ей отрубить руки и труп ее посадить на кол.

Как-то обедал Дракула среди трупов, посаженных на кол, много их было вокруг стола его, он же ел среди них и в том находил удовольствие. Но слуга его, подававший ему яства, не мог терпеть смрада и заткнул нос и отвернулся. Тот же спросил его: «Что ты делаешь?» А он отвечал: «Государь, не могу вынести этого смрада». Дракула тотчас же велел посадить его на кол, говоря: «Там ты будешь сидеть высоко, и смраду до тебя будет далеко!»

Пришел однажды к Дракуле посол от венгерского короля Матьяша, знатный боярин, родом поляк. И повелел Дракула сесть с ним обедать среди трупов. И лежал перед Дракулой толстый и длинный кол, весь позолоченный, и спросил Дракула посла: «Скажи мне, для чего я приготовил такой кол?» Испугался посол тот немало и сказал: «Думается мне, государь, что провинился перед тобой кто-либо из знатных людей и хочешь предать его смерти более почетной, чем других». Дракула же отвечал: «Верно говоришь; вот ты — великого государя посол, посол королевский, для тебя

учиних сей колъ». Он же отвѣща: «Государю, аще достойное смерти содѣлалъ буду, твори, еже хощеши: праведный бо еси судия — не ты повиненъ моей смерти, но азъ самъ». Дракула же расмияся и рече: «Аще бы ми еси не тако отвѣщал, воистину бы был еси на семъ колѣ». И почти его велми и, одаривъ, отпусти, глаголя: «Ты вправду ходи на поклисарство от великых государей к великым огосударемъ, научен бо еси съ государьми великыми говорити, прочии же да не дерзнуть, но первое учими будуть, какъ имъ съ государьми великыми бесѣдовати». Таковъ обычай имѣаше Др*а*кула: отколе к нему прихождаше посолъ от царя или от короля неизященъ и не умѣаше противъ кознем кто отвѣщати, то на колъ его всажаше, глаголя: «Не азъ повиненъ твоей смерти — иль государъ твой, иль ты самъ. На мене ничто же рци зла. Аще государь твой, вѣдая тебе малоумна и не научена, послал тя есть ко мнѣ, *к в*еликоумну государю, то государь твой убил тя есть; аще ль самъ дерзнулъ еси, не научився, то самъ убилъ еси себя». Тако поклисарю учиняше колъ высокъ и позлащенъ весь, и на него всаждаше, и государю его тѣ рѣчи отписоваше с прочими, да не шлет к великоумну государю малоумна и не научена мужа в посольство.

Учиниша же ему мастери бочкы желѣзны; он же насыпа их злата, в рѣку положи. А мастеровъ тѣх посѣщи повелѣ, да никто ж увѣсть съдѣланнаго имъ окаанства, токмо тезоимениты ему диаволъ.

Нѣкогда же поиде на него воинством король угорскы Маттѣашь; он же поиде противъ ему, и срѣтеся с ним, и ударишась обои, и ухватиша Дракулу жива, от своихъ изданъ по крамолѣ. И приведенъ бысть Дракула ко кралю, и повелѣ его метнути в темницю. И сѣде в Вышеградѣ на Дунаи, выше Будина *4 мили,* 12 лѣт. А на Мунтьянской земли посади иного воеводу.

Умершу же тому воеводѣ, и краль пусти к нему в темницю, да аще восхощет быти воевода на Мунтианской земли, яко же и первие, то да латиньскую вѣру приметь, аще ль же ни, то умрети в темници хощеть. Дракула же возлюби паче временнаго свѣта сладость, нежели вѣчнаго и бесконечнаго, и отпаде православия, и отступи от истинны, и остави свѣтъ, и приа тму. Увы, не возможе темничныя временныя тяготы понести, и уготовася на бесконечное мучение, и остави православную нашу вѣру, и приатъ латыньскую прелесть. Крал же не токмо дасть ему воеводство на Мунтьянской земли, но и сестру свою родную дасть ему в жену, от нея же роди два сына. Пожив же мало, яко 10 лѣт, и тако скончася в той прельсти.

Глаголют же о немь, яко, и в темници сѣдя, не остася своего злаго обычая, но мыши ловя и птици на торгу покупая,

и приготовил этот кол». Отвечал тот: «Государь, если совершил я что-либо, достойное смерти, делай как хочешь. Ты судья справедливый — не ты будешь в смерти моей повинен, но я сам». Рассмеялся Дракула и сказал: «Если бы ты не так ответил, быть бы тебе на этом коле». И воздал ему почести великие, и, одарив, отпустил со словами: «Можешь ходить ты послом от великих государей к великим государям, ибо умеешь с великими государями говорить, а другие пусть и не берутся, а сначала поучатся, как беседовать с великими государями». Был такой обычай у Дракулы: когда приходил к нему неопытный посол от царя или от короля и не мог ответить на его коварные вопросы, то сажал он посла на кол, говоря: «Не я виноват в твоей смерти, а либо государь твой, либо ты сам. На меня же не возлагай вины. Если государь твой, зная, что неумен ты и неопытен, послал тебя ко мне, многомудрому государю, то твой государь и убил тебя; если же ты сам решился идти, неученый, то сам себя и убил». И тогда готовил для посла высокий позолоченный кол и сажал его на кол, а государю его посылал грамоту с кем-либо, чтобы впредь не отправлял послом к многомудрому государю глупого и неученого мужа.

Изготовили мастера для Дракулы железные бочки, а он наполнил их золотом и погрузил в реку. А мастеров тех велел казнить, чтобы никто не узнал о его коварстве, кроме тезки его — дьявола.

Однажды пошел на него войной венгерский король Матьяш; Дракула выступил ему навстречу, сошлись, и сразились, и выдали Дракулу изменники живым в руки противника. Привели Дракулу к королю, и приказал тот бросить его в темницу. И провел он там, в Вышеграде на Дунае, в четырех верстах выше Буды, двенадцать лет. А в Мунтьянской земле король посадил другого воеводу.

Когда же тот воевода умер, послал король к Дракуле в темницу сказать, что если хочет он, как и прежде, быть в Мунтьянской земле воеводой, то пусть примет католическую веру, а если не согласен он, то так и умрет в темнице. И предпочел Дракула радости суетного мира вечному и бесконечному, и изменил православию, и отступил от истины, и оставил свет, и вверг себя во тьму. Увы, не смог перенести временных тягот заключения, и отдал себя на вечные муки, и оставил нашу православную веру, и принял ложное учение католическое. Король же не только вернул ему Мунтьянское воеводство, но и отдал в жены ему сестру родную, от которой было у Дракулы два сына. Прожил он еще около десяти лет и умер в ложной той вере.

Рассказывали о нем, что, сидя в темнице, не оставил он своих жестоких привычек: ловил мышей или птиц покупал на базаре

и тако казняше ихъ, ову на колъ посажаше, а иной главу отсѣкаше, а со иныя перие ощипавъ, пускаше. И научися шити и тѣмъ в темници кормляшесь.

Егда же краль изведе его ис темници, и приведе его на Будинъ, и дасть ему домъ в Пещи противу Будина, и еще у краля не былъ, случися нѣкоему злодѣю уйти на его дворъ и съхранися. Гонящии же приидоша, и начаша искати, и найдоша его. Дракула же воставъ, взем мечь свой, и скочи с полаты, и отсѣче главу приставу оному, держащему злодѣя, а злодѣя отпусти; прочии же бѣжаша, и приидоша к биреву, и повѣдаша ему бывшее. Бирев же съ всѣми посадникы иде ко кралю, жалуяся на Дракулу. Король же посла к нему, вопрошая: «Что ради таково зло учини?» Он же тако отвѣща: «Зло никое ж учиних, но онъ самъ себе убил; находя разбойническы на великаго государя домъ, всякъ такъ погибнеть. Аще ли то ко мнѣ пришел бы, явил, и азъ во своемъ дому нашел бы того злодѣя, или бы выдалъ, или *простил* его от смерти». Кралю же повѣдаша. Король же нача смѣятися и дивитись его сердцю.

Конец же его сице: живяше на Мунтианской земли, и приидоша на землю его турци, начаша плѣнити. Он же удари на них, и побѣгоша турци. Дракулино же войско безъ милости начаша их сѣщи и гнаша их. Дракула же от радости възгнавъ на гору, да видить, како сѣкуть турковъ, и отторгъся от войска; ближнии его, мнящись яко турчинъ, и удари его единъ копиемъ. Он же видѣвъ, яко от своих убиваемъ, и ту уби своих убийць мечем своимъ 5, его же мнозими копии сбодоша, и тако убиенъ бысть.

Король же сестру свою взят, и со двѣма сынми, въ Угорскую землю на Будинъ. Единъ при кралевѣ сынѣ живет, а другий был у варадинского бископа и при нас умре, а третьяго сына, старѣйшаго, Михаила, тут же на Будину видѣхом, от царя турскаго прибѣгъ ко кралю; еще не женився, прижил его Дракула съ единою дѣвкою. Стефан же молдовскый з кралевы воли посади на Мунтьянской земли нѣкоего воеводскаго сына, Влада именем. Бысть бо той Владъ от младенства инокъ, потомъ и священникъ и игуменъ в монастыри, потомъ ростригся и сѣлъ на воеводство, и женился, понялъ воеводскую жену, иже после Дракулы мало *побылъ,* и убилъ его Стефанъ волосьскы, того жену понялъ. И нынѣ воевода на Мунтьянской земли Владъ, иже бывы чернецъ и игуменъ.

В лѣто 6994 февраля 13 прежь писал, та же в лѣто 6998 генваря 28 вдругье переписах азъ, грѣшны Ефросинъ.

и мучил их — одних на кол сажал, другим отрезал голову, а птиц отпускал, выщипав перья. И научился шить, и кормился этим в темнице.

Когда же король освободил Дракулу из темницы, привезли его в Буду, и отвели ему дом в Пеште, что против Буды,— но еще не был допущен Дракула к королю, и вот тогда случилось, что некий разбойник забежал во двор к Дракуле и спрятался там. Преследователи же пришли и стали искать преступника и нашли его. Тогда Дракула вскочил, схватил свой меч, выбежал из палат, отсек голову приставу, державшему разбойника, а того отпустил; остальные же обратились в бегство и, придя к судье, рассказали ему о случившемся. Судья же со всеми посадниками отправился к королю с жалобой на Дракулу. Послал король к Дракуле, спрашивая: «Зачем же ты совершил такое злодеяние?» Он же отвечал так: «Никакого зла я не совершал, а пристав сам же себя убил: так должен погибнуть всякий, кто, словно разбойник, врывается в дом великого государя. Если бы он пришел ко мне и объявил о происшедшем, то я бы нашел злодея в своем доме и либо выдал его, либо простил бы его». Рассказали об этом королю. Король же посмеялся и удивился его нраву.

Конец же Дракулы был таков: когда был он уже в Мунтьянской земле, напали на землю его турки и начали ее разорять. Ударил Дракула на турок, и обратились они в бегство. Воины же Дракулы, преследуя их, рубили их беспощадно. Дракула же в радости поскакал на гору, чтобы видеть, как рубят турок, и отъехал от своего войска; приближенные же приняли его за турка, и один из них ударил его копьем. Тот же, видя, что убивают его свои, сразил мечом пятерых своих убийц, но и его пронзили несколькими копьями, и так был он убит.

Король же взял сестру свою с двумя сыновьями в Венгерскую землю, в Буду. Один сын при короле живет, а другой был у Варданского епископа и при нас умер, а третьего старшего сына, Михаила, видели тут же в Буде — бежал к королю от турецкого царя; еще не будучи женат, прижил этого сына Дракула с одной девкой. Стефан же молдавский по королевской воле посадил в Мунтьянской земле некоего воеводского сына по имени Влад. Был тот Влад с юных лет монахом, потом — священником и игуменом монастыря, а потом расстригся и сел на воеводство, и женился он на вдове воеводы, правившего недолгое время после Дракулы и убитого Стефаном молдавским, вот на его вдове он и женился. И ныне воевода в Мунтьянской земле тот Влад, что был чернец и игумен.

В год 6994 (1486) февраля в 13 день описал я это впервые, а в году 6998 (1490) января в 28 день еще раз переписал я, грешный Ефросин.

ПОВЕСТЬ О БАСАРГЕ И О СЫНЕ ЕГО БОРЗОСМЫСЛЕ

СКАЗАНИЕ О ТРЕХ ЦАРЕЙ: ОРКАДИ, О ЦАРѢ НЕСМЕЯНЕ ГОРДОМЪ И О ЦАРЕ БОРЗОСМЫСЛЕ ДМИТРЕВИЧЕ

В некоемъ великомъ граде, во Антиохи, царствовал на царстве царь, именемъ Аркадию. Царств*ующи* во Антиохи 16 лѣт, жиль и преставися, и погребѣнъ бысть во Антиохи Анфилогиемъ, потриярхомъ антиохискимъ. По преставлению же Аркадию, к царю собрашеся множества народа гречен и сотвориша советъ промежъ собою с потриярхоми, и послаша посланиковъ своих в Римъ, и призваша къ себѣ властелина от римъских велможъ. И ведоша посланики в Римъ, избраше к себѣ единаго от упатъ, именемъ Несмеянъ Горды, молиша его, добы шел в Антиохию и царствовал над греки. Он же прият моления ихъ и шедши царьствова над ними. По дьяволскому новожъдению нача Несмеянъ Горды царь с пришедшими своими с рымълены града того прелшати своимъ деяниямъ и златомъ и сребромъ, иных привлекоша неволею, во свою латынъскою веру приводитъ.

Минушеся многия лѣта, окояньны понужъдаетъ к своей лотынъской верѣ неволею не *тъкмо* во своемъ царьстве,— из ыных царьствъ купцы прихожъдху купли ради, онъ же дияволскимъ научениемъ привлекоша ихъ к своей латынской вере. А кто не хочетъ християнския веры отстать,— и онъ, окоянны, *по* дьяволскому научению техъ купцовъ в темъницы вметаетъ, гладомъ томитъ, имена ихъ на себѣ взымаетъ.

В то же время неки купецъ, зело богатъ, именем Дмитрей, исхожъдаху ему ис *Царяграда*, с нимъ же быстъ рабовъ множества, и с нимъ бысть сынъ его единочадны, младъ возростамъ. Плавалъ же по морю 8 месяцавъ, внезапу воста ветръ великъ и носяше корабль волною, и узреша изъдолѣче видивъ гратъ великъ, и возрадовашеся радостию великою, и обратися, и присташа во присьтаниша короблиное. И виде

ПОВЕСТЬ О БАСАРГЕ И О СЫНЕ ЕГО БОРЗОСМЫСЛЕ

СКАЗАНИЕ О ТРЕХ ЦАРЯХ — АРКАДИИ, ЦАРЕ НЕСМЕЯНЕ ГОРДОМ И О ЦАРЕ БОРЗОСМЫСЛЕ ДМИТРИЕВИЧЕ

В одном великом городе, в Антиохии, царствовал в своем царстве царь по имени Аркадий. Царствовав в Антиохии шестнадцать лет, жил да и преставился, и погребен был в Антиохии Амфилохием, патриархом антиохийским. По кончине же Аркадия собралось во дворце его множество людей греческих, и устроили они совет с патриархом, и послали послов своих в Рим, чтобы призвать к себе властелина из числа римских вельмож. И отправились посланные в Рим, избрали себе одного из правителей, по имени Несмеян Гордый, и умолили его, чтобы пошел в Антиохию царствовать над греками. И тот внял их мольбам, и, прийдя, воцарился над ними. Но по дьявольскому наущению начал царь Несмеян Гордый с пришедшими с ним римлянами город тот весь соблазнять, и своими деяниями, и золотом, и серебром, а кого, побуждая к тому и против воли, в свою латинскую веру приводить.

По прошествии многих лет окаянный понуждает перейти в свою латинскую веру насильно не только людей в своем государстве: из иных государств купцы приходили торговать, так он по дьявольскому наущению и их завлекал в свою латинскую веру. А если кто не желал от христианской веры отречься, так он, окаянный, по дьявольскому наущению таких купцов в темницы бросает, голодом морит, имущество их себе забирает.

В то же время один купец, очень богатый, по имени Дмитрий, отправлялся из Царьграда, и было с ним много рабов, и был с ним сын его единственный, малый возрастом. Уж плавал он по морю восемь месяцев, как внезапно поднялся сильный ветер и носил корабль по волнам, и увидели вдруг вдалеке город большой, и возрадовались радостию великою, и повернули к нему, и пристали в гавани корабельной. И увидел

множества короблей, помыслиша в себѣ, яко великъ сей гратъ и богата земля, купцовъ многа. Сниде купець Дмитрей с кorобля своего, иде во гратъ, и стретоша его граждене и рекоша ему: «Откуды, господине, и коея веры еси?» И рече купецъ Дмитрей: «Азь *есмь* християнин греческия веры от преслоушаго града купець *греческия веры!*» — «*Купче*, единыя еси греческия веры с нами, толка за наша прегрешения имеемъ у себе царя законоотступника латынския веры, томитъ нась, хотя привлеши во свою латынъску веру! Видеши, господине,— приходетъ купцы со всехъ странъ, хотяше торговать!» — «Вемъ!» — «Царь же повелѣ имъ три загатки отгадать, приводя ихъ к своей латыньской верѣ: не можетъ имъ техъ три загатки отгадатъ,— и за то всажены бысть в темъницы! Мы же имели у себѣ учителя, потриярха Анфилофия, царь же откоянны, не вемы камо, сослалъ его въ заточения!»

Купецъ же Дмитрей, слышавъ токовыя глаголы от гражденъ, возвратися на корабль свой и хотя отплытъ от града того, и приди на корабль свой, а ужъ на корабле его стоятъ сторожи царевы, понеже закон токовъ царевъ: егда приде ко граду корабль, коковъ и от которава царства, повелитъ царь сторожамъ своимъ стеречъ, чтобы не ушель купецъ прочъ.

Дмитърей же купецъ, воздевъ упование на бога и въземъ дары великия, и поиде к царю, имя же царю — Несмеянъ Горды. И приде к нѣму купецъ Дмитрей, и ста *пред* царемъ, и рече: «Государь царь Несмеянъ Горды! Купчишка *есми,* пришель из греческия земли от преслаушаго Царяграда, чтобы, господинъ, дары принель, а мне, купчишку, во своемъ царьстве велель торьговать всякими товары!» И рече царь: «Завътре буди ко мне отобедать!»

Наутре же приде к царю обѣдать. Пообѣдовъши же, и рече царь купцу: «Купче, коея еси веры?» Купецъ же рече царю: «Я ес*ми,* государь, веры християньския, греческаго языка!» И рече царь: «Аз чаел, еси единыя веры со мъною! И аз хотель тебѣ датъ во своемъ царьстве торговатъ всякими товары и хотель тебѣ отпуститъ з дары и с проводники — ин ты со мънοю не единыя веры! Купче, ведома тебѣ буди: отгодай мне три загатки. Аще ли отгадаешъ,— азь тебѣ повелю во своем царьстве торговатъ всякими товары, аще ли не отгадаешъ — и ты пребуди со *мною* в моей вере, аще ли не хочещъ со мною бытъ в моей вере,— и то тебѣ велю главу твою отсечи мечемъ своимъ, а товар твой взятъ в козьну!» Дмитре же купецъ ста на долги часъ, поипче главу свою. И Несмеян царь рече: «Что царю не отвешаеш?» И, склонися, купецъ рече царю: «Государь царь Несмеянъ Горды! Дай же мне сроку на три дни!»

Приде Дмитърей на корапль, плаче и рыдаетъ, чая на себе смерти от царя. А сынъ его игъраетъ на корабли на дьревце:

купец множество кораблей, подумал про себя, что велик этот город, и богата земля, и купцов много. Сошел купец Дмитрий с корабля своего, пошел в город, и встретили его горожане и спросили: «Откуда ты, господин, и какой веры?» И ответил купец Дмитрий: «Я христианин греческой веры, из преславного града купец греческой веры!» — «О купец, одной ты греческой веры с нами, но только имеем мы за наши прегрешения у себя царем вероотступника, латинской веры, мучает нас, желая склонить к своей латинской вере! Видишь, господин,— приходят купцы со всех сторон, желая тут торговать?» — «Вижу!» — «А царь повелел им всем три загадки отгадать, приводя их в свою латинскую веру: никто не может тех загадок отгадать — бросает их в темницы! Был же у нас и учитель, патриарх Амфилохий, но царь окаянный, не ведаем как, и его сослал в заточение!»

И купец Дмитрий, услышав такие слова от горожан, возвратился на свой корабль и решил отплыть от того города, но пришел на корабль свой — а уж на корабле его стоит царская стража, ибо правило было таково у царя: как придет к пристани корабль, какого бы ни было царства, повелевает царь страже своей стеречь, чтоб не ушел купец прочь.

Дмитрий же купец, возложив все надежды на бога и взяв с собою большие дары, пошел к царю, а имя царя — Несмеян Гордый. И пришел к нему купец Дмитрий, и стал пред царем, и сказал: «Государь царь Несмеян Гордый! Купчишка я, прибыл из Греческой земли из преславного Царьграда, чтобы ты, господин, дары мои принял, а мне, купчишке, в своем царстве разрешил торговать всякими товарами!» И сказал царь: «Завтра приходи ко мне обедать!»

И наутро пришел он к царю обедать. После обеда сказал царь купцу: «Купец, какой ты веры?» Купец же ответил царю: «Я, государь, веры христианской, греческой веры!» И сказал царь: «А я думал, что ты одной веры со мною! И хотел тебе дать в моем царстве торговать всякими товарами, и хотел тебя отпустить с дарами и с проводниками — ан ты со мной не одной веры! Так знай же, купец: должен отгадать мне три загадки. Если отгадаешь — разрешу тебе в моем царстве торговать всяким товаром, но если не отгадаешь — перейдешь в мою веру, а если не пожелаешь со мною быть в моей вере — повелю отсечь твою голову мечом моим, а товар твой забрать в казну!» И задумался Дмитрий-купец надолго, поникнув головой. А Несмеян-царь сказал: «Почто царю не ответствуешь?» И, поклонясь, сказал купец царю: «Царь-государь Несмеян Гордый! Дай же мне сроку три дня!»

Пришел Дмитрий на корабль, плачет и рыдает, ожидая себе смерти от царя. А сын его играет на корабле с прутиком:

единою рукою древца держитъ, а другою рукою по древцу бияше и седя, яко на кони, и скокаша по кораблю, якоже токовъ извычай детишенъ игру творяше. И видевъ отрок отца своево, плаче велми печаленъ, и абия отрокъ, отложивъ игру свою прочъ, и скоро притече ко отцу своему и рече: «Вижу тя, отче, вельми печаленъ! Что тебѣ прилучилося в граде семъ от царя?» И рече Дмитре сыну своему: «Чадо мое милое! Еще еси ты млатъ, семи лѣтъ, и ты играешъ подецъки, таво не ведоешъ отцовай печали! И не веселися, чадо милое, что мнѣ царь смертъ скозал! И тебѣ, чадо мое, не пособитъ!» И рече отрокъ отцу своему: «Отча, скажи мнѣ, кокую тебѣ царь смертъ скозалъ? И аз тебѣ пособлю». И воздохнувъ из глубины серца своего, и рече купецъ сыну своему: «*Как*, чада милое, *пособити, толику младу сущу*? Мне, отцу своему, пособитъ не смыслишъ! *Аз, чадо, отец твой — муж совершен,* смыслю много, болши тебѣ,— аше не знаю, что царю отвещати,— а ты, млат, хочешъ пособитъ!» И рече детища отцу своему: «Ведома тебѣ, отча, буди: удаль конъ познаваетца на рати, а веренъ друхъ у дела познаваеца! Токмо поведой мнѣ, отча, слова царево! Аще не поведаешъ,— самъ от царя смертъ наведешъ и меня погубишъ!» Слышевъ же отецъ от сына своего мудрыя речи, подивися и рыдание свое утали, печаль свою на радостъ преложи, и рече отецъ сыну своему: «То мя печаль и рыданье — сказаль мне царь, велель пред собою 3 загатьки отгодатъ. И сихъ ради трехъ загадакъ кораблей множества купцевъ сидятъ въ темъницах и терпетъ великую муку и *скорбь* имене ради Христова! И заповедал царь, не велитъ хлѣба на торгъ печъ, дабы гладомъ мерли, аще ли кто не хочетъ, да обратились ево латынской вере! Азь, чадо, страха царева убояся, взялъ сроку на три дни, а в четверты денъ хочетъ главу отсечи мечемъ, а товар мой хочетъ взятъ в козьну!» И рече сынъ отцу своему: «Прости мя, господи, и ты, отча,— скорби, и рыдания, и печаль — безумъных людей, а се ты, отча, тому жъ уподобися: хочешъ единъ печаль свою в себѣ удержатъ, а мне ты, сыну своему, не поведоешъ! И аз тебѣ, отча, пособлю и загатъки царевы отгадаю!» И взятъ отрок игру свою и начатъ игратъ.

И пришедше той четверьты денъ, приде купецъ к сыну своему и рече ему: «Сынъ мой! Четверты денъ, коего я у царя просил, пришель! Что велишъ глаголати пред царемъ?» И рече отрокъ: «Придемъ, отча, пред царя, и возми себѣ единаго раба да меня, да буди воля господня! Якоже годна господеви, тако и совершимъ!» Купецъ же Дмитрей подивися разуму ево и мудрому ево ответу, сына своего, и помыслиша в себе: «Что ся хощетъ быты!» И ста купецъ сыномъ своимъ и с рабомъ пред царемъ.

одной рукою прутик держит, а другою рукою по прутику бьет и, сев как на коня, скачет по кораблю, как обычно дети играют. Как увидел мальчик отца своего, плачущего и опечаленного, тотчас он, отбросив свою игру, быстро прибежал к отцу своему и сказал: «Вижу, отец, что очень печален ты! Что с тобою случилось в городе этом у царя?» И ответил Дмитрий сыну своему: «Чадо мое милое! Молод еще ты, семи лет, и играешь по-детски, так что не поймешь отцовской печали! И не веселись, чадо милое, ибо осудил меня царь на смерть! И тебе, мое чадо, не помочь!» И ответил мальчик отцу своему: «Отец, скажи мне, на какую тебя смерть обрек царь? И я тебе помогу!» И, вздохнув от всего сердца своего, сказал купец сыну своему: «Как, чадо милое, можешь ты помочь, будучи столь малым? Мне, отцу своему, помочь не сообразишь! Вот я, чадо, отец твой,— муж зрелый, понимаю много и больше тебя,— но не знаю, что царю отвечать,— а ты, маленький, хочешь помочь!» И ответил ребенок отцу своему: «Пусть известно тебе, отец, будет: удалой конь познается в бою, а верный друг в деле познается! Лишь поведай мне, отец, слово царское! А коли не поведаешь — сам от царя смерть получишь и меня погубишь!» Услышав от сына своего столь мудрые речи, подивился отец и рыдать перестал, печаль свою в радость превратил, и сказал отец сыну своему: «Оттого у меня печаль и плач, что сказал мне царь, чтобы я перед ним три загадки отгадал. А из-за этих трех загадок множество купцов, чьи здесь корабли, сидит в темницах и терпит великое мучение и скорбь имени ради Христова! И повелел царь даже хлеб на продажу не печь, чтобы голодом мерли, так чтобы тот, кто и не желает, но обратился в его латинскую веру! А я, чадо, гнева царского испугался, попросил сроку три дня, а на четвертый день хочет мне голову он отсечь мечом, товар же мой забрать в свою казну!» И сказал сын отцу своему: «Прости меня, господи, и ты, отец: скорби, и рыдания, и печаль — удел слабоумных людей, и вот ты, отец, им уподобился: хочешь сам в себе печаль свою держать и мне, сыну твоему, ее не поведаешь! Я же тебе, отец, помогу и загадки царские отгадаю!» И вернулся мальчик к игре своей и продолжал играть.

И как наступил тот четвертый день, пришел купец к сыну своему и сказал ему: «Сын мой! Четвертый день, о котором царя я просил, наступил. Что скажешь говорить пред царем?» И ответил мальчик: «Пойдем, отец, к царю, возьми с собою одного раба да меня, а в остальном пусть будет воля господня! Как богу угодно, так и поступим!» И подивился купец Дмитрий разуму его и мудрости его, сына своего, ответу, и подумал про себя: «Что-то будет!» И предстал купец с сыном своим и с рабом перед царем.

И рече царь купцу: «Купецъ! День твой пришель, коего ты просиль,— отгадывай загатки мои!» И рече сынь купцевъ: «Дай мне, царю, меду пить,— я тѣбе загатки твои отгадаю!» И рече царь детишу: «Не тебе аз загатки загадываю, но сему купцу!» И рече детиша: «Царь! Аз — купцевъ сынъ есми,— загатки твои за отца своего отгадаю!» Царь же, наливъ чашу меду, и дастъ детишу. Детише же дастъ отцу своему. Отець же, испивъ меду, хотя отдатъ чашу, и рече детише отцу своему: «Отча! Не довай царева даяния чашу, но скры в нѣдры своя, понеже царева дояния не отходитъ въспятъ!» Отецъ же скры чашу вь недры своя. Царь же, наливъ вторую чашу меду, и дастъ детишу, детише же дастъ рабу своему, повелиша питъ, скрыти в недры. Рабъ же тако сотвориша повеления. Царь же, наливъ третью чашу меду, и дастъ отроку. Отрокъ, выпивъ, и скры чашу в нѣдры своя. И рече детиша: «Царева даяния не отходит вьспятъ!» И рече царь отъроку: «Отроча! Тебѣ глаголю, отгадывай загатьку мою: много ли от востока до запода?» Отрокъ рече: «От востока до запода 12 часовъ, от запода до востока 12 часовъ, и всего тово во дни и в ночи от востока солнца до запода 24 чеса!» И удивися царь младому ево разуму и мудрому ево ответу. И паки наливъ чашу меду, и дастъ купцу, и сыну ево, и рабу ихъ. Они же, выпивъ чаши, и скрыша в нѣдры своя и рекоша: «Царево дояния не отходитъ вьспятъ!» И рече царь отроку: «Отроча! Вторая загатка: *от чего* десятая частъ в мире пребываетъ *и десятая часть убывает?*» И рече царю отрокъ: «Аз твою загатъку отгадаю завътра, ась ты, царю, постави престоль свой среди двора своего и сиди на немъ!»

Наутре же приде онъ купецъ *с* сыномъ своимъ и с рабомъ и ста пред царемъ и поклонишеся ему, и рече царь: «Млады отрокъ! Отгодывой мою вторую загатку: чесо днемъ десятоя частъ в миру убываетъ, а десятоя частъ в миру пребываетъ?» И рече отрокъ царю: «Государь царь, Несмеянъ Горды! То ли твоя мудроя загатка? У нась ети твои загатки младыя отроки, мнѣ сверстники, промежъ собою загадываютъ и отъгадываютъ! То ли твоя, царю, загатъка? — Сонъце зноемъ высушаетъ десятою частъ воды в мори, и в реках, и в озерах. Понеже нощъ имеетъ в себе мокроту и росу впушаетъ в мори, и в реки, и в озеры,— и то десятая часть в мире прибываетъ ношъшию,— то тебе, царю, вторая загатка!» И удивися царь *таковому* ево разуму и многорозумному ево мудрому отъвету,— борзо токово смышленъ. И рече царь: «Отроча! Отгадывай третью загатьку: чтобы естъ окояныя не смеялись поганы *вамъ*, провославным християном?» И рече отрокъ к царю: «Дай мнѣ сроку на петь дней, а въ те 5 дней повели проповедникомъ своимъ по въсемъ

И сказал царь купцу: «Купец! День тот настал, о котором просил ты — отгадывай загадки мои!» И ответил сын купца: «Дай мне, царь, медку испить — я тебе загадки твои разгадаю!» И сказал царь ребенку: «Не тебе я загадки загадываю, а этому купцу!» И ответил ребенок: «Царь! Я — сын купца, загадки твои вместо отца своего разгадаю!» И царь, налив чашу меду, подает ее ребенку, а ребенок передает отцу своему. Отец же, выпив мед, хотел вернуть чашу, но сказал ребенок отцу своему: «Отец! Не возвращай царского дарения чашу, но спрячь ее поглубже, ибо царевы дарения не отдаются назад!» И отец спрятал чашу за пазуху. Царь же, налив вторую чашу меду, дал ребенку, и ребенок передал ее рабу своему, приказав выпить и спрятать поглубже. И раб совершил повеленное. Тогда царь, налив третью чашу меду, дал ее ребенку. Ребенок же, выпив, спрятал чашу поглубже. И сказал мальчик: «Царевы дарения не отдаются назад!» И сказал царь мальчику: «Мальчик! Тебе говорю, отгадай загадку мою: далеко ли от востока до запада?» Мальчик ответил: «От востока до запада двенадцать часов, от запада до востока двенадцать часов, и всего так, со днем и с ночью, от восхода солнца и до его заката,— двадцать четыре часа!» И поразился царь юному его разуму и мудрому его ответу. И, снова налив чашу меда, дал купцу, и сыну его, и рабу их. Те же, выпив чаши, спрятали их за пазухи свои и произнесли: «Царевы дарения не отдаются назад!» И сказал царь отроку: «Мальчик! Вторая загадка: чего десятая часть в мире прибывает, а десятая часть убывает?» И ответил мальчик царю: «Я твою загадку отгадаю завтра, но ты, царь, поставь престол свой посреди двора своего и сядь на него!»

И наутро пришел тот купец с сыном своим и с рабом, и предстал перед царем, и поклонился ему, и сказал царь: «Отрок младой! Отгадывай мою вторую загадку: чего десятая часть днем в мире убывает, а десятая часть в мире прибывает?» И ответил мальчик царю: «Царь-государь Несмеян Гордый! Это ли твоя мудрая загадка? У нас такие твои загадки маленькие мальчики, мои сверстники, друг другу загадывают и отгадывают! Это ли, о царь, твоя загадка? — Солнце зноем осушает десятую часть воды в море, в реках и в озерах. Но так как ночь приносит с собою сырость и влагу, вносит их в моря, и в реки, и в озера,— то десятая часть в мир возвращается ночью,— вот тебе, царь, вторая загадка!» И удивился царь таковому его разуму и многосмысленному его мудрому ответу, что так он смышлен. И сказал царь: «Мальчик! Отгадывай третью загадку: что нужно сделать, чтобы, проклятые, не смеялись язычники над вами, православными христианами?» И ответил мальчик царю: «Дай мне сроку пять дней, а за эти пять дней прикажи вестникам твоим по всем

торгамъ и по всему граду, чтобъ все *шли* к лобному месту, и ты повели себѣ сотворитъ на лобномъ месте выше всех людей место, чтобы глась твой быль слышитъ во все люди!» И дастъ ему царь сроку на пет дней, а в те пятъ днѣй, по велению его и по приказу, все устроили.

В шесты денъ сяди царь на высокое место, на престоле своемъ. И сбрашеся вси людия града того. Царь же на лобьном месте седя и держаше у себѣ в руце мечъ, а въ другой руце жезль, и хотя имъ отсечи главу купцу, и сыну ево, и робу их. И приде купецъ с сыномъ своимъ и с рабомъ их, и ста пред царемъ, и поклонишеся ему до земъли. И рече царь детишу: «Млады отрокъ борзомысленны! Отгадывай мою третью загатъку: чтобы поганыя не смеялись *вам,* провославънымъ християномъ?» И рече отрокъ: «Ты, царь, великъ еси, а сидишъ на высокомъ месте, и глась твой сходитъ во все люди слышитъ,— азъ я — отрокъ младъ, а се стою на земъли ниско, отгатъки моей никто не услышит,— соиди ты, царю, с высокова места своего, да пусти менѣ и дай мне одеяние свое, и жезль свой, и мечъ,— аз тебъ отгадаю загатъку твою!» Слыше же царь, попы, и тироны, князи, и бояри, и вси людие: «Государь царь! Отрокъ *есть* младъ, что можетъ сотъворитъ? Царь же сниде с высокова места своего и даде отроку одеяние свое, и жезль, и мечъ свой. Отрокъ же взыде на высокое место. Царь же помыслиша в себе: «Что будетъ?»,— а того не ведает, яко *богъ дает* царьствовати кому хощетъ, се и творитъ. И бысть в народе шумъ великъ: всякъ хошет видитъ, что ся будетъ. Рече отърокъ: «Повели, царю, молчати!» И быстъ тишина великая. И возопи отърок великимъ гласомъ: «Попы, и тироны, князи, и бояря, и вси людие, мужие и жены! В которою веру хошетя вероватъ? Во светую ли троицу: отца и сына и светаго духа, или в проклятою ельенскую веру?» И возопиша вси людие единымъ гласомъ: «Хошем, господине, вероватъ во светую троицу: отца и сына и светаго духа!» Отрокъ же извлекъ мечъ и отсече царю главу и рече себе: «То твоя третъя загатка отгадана! Не смейся, поганы, намъ, провославънымъ християном!»

И бысть в мире молва велика, и рече отрок: «Миръ вамъ, провославнымъ християномъ!»,— и вси *умолкоша.* И паки рече отърокъ: «Изберитя себе царя от православныя веры!» И возопиша вси людие единым гласомъ, глаголаше: «Ты нас избавил от толикия вѣры и от злаго мучителя — ты намъ буди царь!» И рече отърокъ: «Коли естъ изволиль богъ, и мнѣ быстъ у вас себѣ царемъ! Царь же именуеца слуга *божиим изволением,* и царьство бо ему даетца божиемъ повелѣниемъ, и мы возьвеличим господа и прославимъ матер его,

площадям и по всему городу объявлять, чтобы шли все к лобному месту; и ты повели тебе построить на лобном месте выше всех прочих место, так чтобы голос твой был слышен всем!» И дал ему царь сроку пять дней, а в эти пять дней по велению его и по приказу все устроили.

На шестой день сел царь на высоком помосте, на престоле своем. И собрались все жители города того. Царь же, сидя на лобном месте, держал в своей руке меч, а в другой руке жезл, собираясь отсечь голову и купцу, и сыну его, и рабу их. И пришел купец с сыном своим, и с рабом их, и предстал перед царем, и поклонился ему до земли. И сказал царь ребенку: «Ну, смышленый маленький мальчик, отгадывай мою третью загадку: так чтó нужно сделать, чтобы язычники не смеялись над вами, православными христианами?» И ответил мальчик: «Ты, царь, велик ведь, и сидишь на высоком месте, и голос твой расходится так, что все люди его слышат; я же — маленький мальчик, и вот я стою на земле так низко, что отгадки моей никто не услышит; сойди же ты, царь, с высокого своего места и пусти меня, и дай мне одежду твою, и жезл твой, и меч,— и вот тогда отгадаю я загадку твою!» И услышал царь, что попы, и воины, князья и бояре, и все люди кричат: «Царь-государь! Мальчик ведь мал, что он может сделать?» И сошел царь с высокого места своего, и дал мальчику одеяние свое, и жезл, и меч свой. Мальчик же взошел на высокое место. Царь же подумал про себя: «Что будет?» — а того не знает, что бог позволяет царствовать, кому пожелает, и делает так. И начался средь народа страшный шум: каждый желает увидеть, что случится. И сказал мальчик: «Повели, царь, молчать!» И настала тишина великая. И крикнул тогда мальчик громким голосом: «Попы и воины, князья и бояре, и все люди, мужчины и женщины! В какую веру хотите веровать? В святую ли троицу: отца, и сына, и святого духа,— или в проклятую языческую веру?» И вскричали все люди единогласно: «Хотим, господин, веровать в святую троицу: в отца, и сына, и святого духа!» И мальчик извлек меч, и отсек царю голову, и сказал про себя: «Вот и третья твоя загадка отгадана! Не смейся, поганый, над нами, православными христианами!»

И поднялся на площади шум великий, но сказал мальчик: «Мир вам, православным христианам!» — и все смолкли. И снова сказал мальчик: «Изберите себе царя православной веры!» И вскричали все люди единогласно, так говоря: «Ты нас избавил от языческой веры и от злого мучителя — ты нам и будь царем!» И сказал мальчик: «Коли есть на то воля божья, быть мне у вас царем! Царем же зовется слуга по божией милости, и царство ему дается по божьей воле, мы же возвеличим господа и прославим мать его за то, что

яко избавиль господь отца моего, и мене, и раба нашего от латынъского сего мучительства и от толикия напрасныя смерти. И вась милостию своею посетил богъ, не отринуль вась от православныя веры, и вамъ подобаетъ славитъ троицу светую: отца и сына и светаго духа. Сие сотворил божиемъ повелениемъ, а *не нашим* изволением: аше богъ с нами — никто же на ны!» И зкликнуша вси людие единымъ гласомъ, яко едиными усты глаголюше: «О божи мудрости владыки много лѣты, государю нашему, царю Борзосмыслу Дмитреевичу!»

Но вопросиша царь народа: «Был ли у вась *патриярх* вселенны, и свещеники, и дьяконы, или черорисцы, или чернецы?» Они рекоша ему: «Новы государь, царь Борзосмысль Дмитриевичъ! Потриярха нашего онь, окоянны богоотступникъ, Несмеян Горды, не вемъ, камо сослаль в заточения!» Царь же Борзосмысл Дмитриевичъ *повеле пустити заповедь великую во область* Антиохиского царьства: аше кто где обряшетъ потриярха, или свешенники, или дьякона, или черорисцавъ, или чернецовъ, дабы привели их во градъ Антиохию к новому царю Борзосмыслу Дмитревичу. И многих поповъ и дияконовъ обретоша: иных при миру утоишеся, а чернецовъ обретоша в пустынехъ и въ лѣсах в пешерах. И призва их во гратъ Антиохию и скозаша имъ нового царя Борзосмысла Дмитревича, християнина веры. А потриярха нигде не обретоша. Печалънъ же бысьт царь о потриярхе. И приде неки пастырь овцам поведати царю: «Азь видель потриярьха, в горе живушу, в пешере, былия едуше, а въместо воды росу лижуше!» От радости посла царь к потриярху кнъзей и боярь, и множества лю*д*ей и пастырей, повеле ево молити, дабы *ш*ель во Антиохию и сел бы на свой престол, якоже первыя, и научиль людей вере християнской, како подобаеть жити провославным християномъ и по заповедемъ божиимъ ходити, «и мене бы благословил на царство сестъ!» И приде и скозаша ему, и онъ прият моления ихъ и пришель во гратъ Антиохию. И пришель предъ царя и поклонися ему до земъли. А царь, воставъ, и поклонися ему ниже ево, и благословения принялъ на царство сестъ, и проводиль ево с честию, и повеле сести на престоле своемъ попрежънему, и вел*ел*ь научитъ людей вѣре християнъския, и житъ по-прежънему. Аминъ.

избавил господь отца моего, и меня, и раба нашего от латинского этого мучения и от безвременной такой смерти. И вас милостью своею посетил бог, не отринул вас от православной веры, и подобает вам прославлять троицу святую: отца, и сына, и святого духа. Все это я совершил божьим повелением, а не своим желанием: если бог с нами — кто против нас!» И воскликнули все люди единогласно, будто одними устами говорили: «О, по божьей мудрости владыке многие лета, государю нашему, царю Борзосмыслу Дмитриевичу!»

Но вопросил царь народ свой: «Был ли у вас патриарх вселенский, и священники, и дьяконы, или монахи, то есть чернецы?» И те ответили ему: «Новый государь, царь Борзосмысл Дмитриевич! Патриарха нашего тот окаянный богоотступник, Несмеян Гордый, не знаем даже куда, сослал в заточение». И повелел царь Борзосмысл Дмитриевич разнести приказ его главный по всем областям Антиохийского царства: если кто отыщет патриарха, или священников, или дьяконов, или черноризцев, то есть монахов,— чтобы вели их в город Антиохию к новому царю Борзосмыслу Дмитриевичу. И многих попов и дьяконов сыскали — иные из них в миру утаились, а черноризцев нашли в пустынях, и в лесах, и в пещерах. И призвал он их в город Антиохию, и рассказали им о новом царе Борзосмысле Дмитриевиче, христианине по вере. А патриарха нигде не нашли. И печалился царь о патриархе. Тогда пришел один овечий пастух и поведал царю: «Видел я патриарха, в горах живущего, в пещере, питается быльем, а вместо воды росу слизывает!» В радости послал царь к патриарху князей, и бояр, и множество людей, и пастухов, повелел его умолить, чтобы шел в Антиохию и сел бы на свой престол, как и прежде, и учил людей христианской вере,— как подобает жить православным христианам и заповеди божии блюсти, «и меня бы благословил на царство сесть!» И пришли, и сказали ему, и принял он просьбы их, и вернулся в город Антиохию. И пришел он к царю, и поклонился ему до земли. Царь же, поднявшись, ему поклонился, и ниже его, и благословение принял на царство сесть, и проводил его с честью, повелев сесть на патриарший престол, как и прежде, и просил учить людей вере христианской и жить, как и жили. Аминь.

СЛОВО О ХМЕЛЕ

КИРИЛА, ФИЛОСОФА СЛОВѢНЬСКАГО

Тако глаголеть Хмель ко всякому человеку, и ко священническому чину, и ко князем и боляромь, и ко слугам и купцемь, и богатымь и убогым, и к женамь такоже глаголеть — не осваивайте мене, добро вы будеть. Аз же ти есмь силенъ боле всѣх плодовъ земных, от керени силна, от племени есмь велика и многородна, мати же моя богом сътворена. Имѣю у себе нозѣ тонцѣ, а утробу необьядчиву, руцѣ же мои держат всю землю, а главу имѣю высокоумну, а умомь есмь не равенъ ни х кому.

А хто дружить ся со мною, а имет мя осваивати, первое доспѣю его блудна, а к богу не молебника, а в нощи не сонлива, а на молитву не встанлива. А изоспався ему стенание и печаль ему наложу на сердце, вставшу ему с похмелиа глава ему болить, а очемь его свѣта не видѣти, и ни на что ему на добро умь не идеть, а ясти не жадаеть, жадаеть и горить душа его, пакы пити хощеть. Да изопьеть с похмелиа чашу, и другую, и потомь многыя пиеть, тако напиваяся по вся дни. И въздвижю в нем похоти телесныя, и потом ввергу его в болшую погибель — град его или село доспѣю пусто, а самого во злыхъ, а дѣти его в работѣ.

Тѣм же, братия, не уподобляйтеся симь, не долго спите, не много лежите, вставайте рано, а ложитеся поздо, молитеся богу, да не внидете в напасть. Лежати долго — не добыти добра, а горя не избыти.

Лежа не мощно бога умолити,
чести и славы не получити,
а сладка куса не снѣсти,
медовыя чаши не пити,
а у князя в нелюбви быти,
а волости или града от него не видати.

СЛОВО О ХМЕЛЕ

КИРИЛЛА, ФИЛОСОФА СЛОВЕНСКОГО

Так говорит Хмель всякому человеку — и священникам, и князьям, и боярам, и слугам, и купцам, и богатым, и бедным, и женам также советует — не водитесь со мной, будете счастливы. Я же сильней всех плодов на земле, от корня сильного, от племени великого и многородного, мать же моя богом создана. Ноги мои тонки, зато утроба ненасытна, руки же мои держат всю землю, а глава моя высокоумна — умом со мной никто не сравнится.

А кто подружится со мною и начнет любить меня, тотчас же того сделаю блудным, а богу не молящимся, а в ночи не спящим, а на молитву не встающим. А как проснется он — стон и печаль ему наложу на сердце, а когда встанет он — с похмелья голова у него болит, а очи его света не видят, и ничто ему доброе на ум не идет, а есть не желает, жаждет и горит душа его, еще пить хочет. Да изопьет с похмелья чашу, и другую — а там и многие пьет, так напиваясь во все дни. И разбужу в нем похоти телесные, и потом ввергну его в бóльшую погибель — град его или село опустошу, а самого по миру пущу, а детей его в рабство предам.

Потому, братья, не уподобляйтесь им, долго не спите, много не лежите, вставайте рано, а ложитесь поздно, молитесь богу, тогда не попадете в беду. Лежать долго — не добыть добра, а горя не избыть.

Лежа нельзя бога молить,
чести и славы не получить,
а сладкого куска не съесть,
медовой чаши не пить,
а у князя в нелюбви быть,
а волости или града от него не видать.

Недостаткы у него дома сѣдять, а раны у него по плечемь лежать, туга и скорбь по бедрамь гладомь позванниваеть, убожие у него в калитѣ гнѣздо свило, привязалася к нему злая лѣность, какъ милая жена, а сонъ — какъ отець, а охание — какъ лю́бая чяда. А злыдни на *не*го смотрят, уловляють его, какъ свинию. Свиния бо аще где не внидет, да рылом тычеть. Тако и пианый человекъ, аще в кый дворъ не пустять, у тына стоить послушивая: «Пиют ли в дворѣ семь, братие?»— спрашиваеть у коегождо человека.

Пианьство князь и боляромь землю пусту створяет, а людей добрых и равныхъ, и мастеровъ в работѣ счиняеть. От пианьства охъ и убожие злое привязуется. Пианьство брата с братом сваживаеть, а мужа отлучает от своея жены. Пианство ногамь болесть сътворяет, а рукы ему дрожат, зракъ от очию погибаеть. Пияньство къ церкви молитися не пус*кает* и во огнь вѣчны посылаеть. Пияньство красоту лица измѣняеть. О комь молва в людех? О пианици. Кому сини очи? Пианици. Кому охание велико? Пианици. Кому горе на горе? Пианици. Кому проспати заутреня? Пьянчиву человеку.

Пьяница богу молитися не хощеть, книгъ не чтеть и не слушаеть, свѣтъ ему от очию заступаеть. Аще ли кто пиянъ умреть, то и самъ себѣ врагъ и убийца, а приношение его — ненависть богу.

Тако глаголет Хмель,— аще познается со мною жена, какова бы ни была, а иметь упиватися, учиню ея безумницею, и будет ей всѣхъ людей горѣе. И въздвижю в ней похоти телесныя, и будет от людей в посмѣсѣ, а от бога отлучена и от церкви божия, то лучши ся бы ей не родити.

Нужда-скудость у него дома сидят, а беды у него на плечах лежат, печаль и скорбь по бедрам голодом позванивает, убожество у него в кошельке гнездо свило, привязалась к нему злая лень, как милая жена, а сон — как отец, а оханье — как любимые дети. А козни на него смотрят, ловят его, как свинью. Свинья же, если куда влезть не сможет, так рылом роет. Так и пьяница, если его в какой двор не пустят, у тына стоит, подслушивая. «Пьют ли во дворе этом, братья?» — спрашивает у каждого человека.

Пьянство князьям и боярам землю опустошает, а людей достойных и свободных и мастеров в рабство повергает. От пьянства охи и убожество злое привязывается. Пьянство брата с братом ссорит, а мужа отлучает от своей жены. От пьянства ноги у него болят, а руки дрожат, зрение очей меркнет. Пьянство к церкви молиться не пускает и в огонь вечный посылает. Пьянство красоту лица уничтожает. О ком молва в людях? О пьянице. У кого под глазами синяки? У пьяницы. Кому оханье великое? Пьянице. Кому горе горькое? Пьянице. Кто просыпает заутреню? Упившийся человек.

Пьяница богу молиться не хочет, книг не читает и не слушает, свет от глаз его заслонен. Если кто пьян умрет, то сам себе враг и убийца, а причащение его ненавистно богу.

Так говорит Хмель,— если познается со мною жена, какова бы ни была, а станет упиваться, учиню ее безумной, и будет ей всех людей горше. И воздвигну в ней похоти телесные, и будет посмешищем меж людьми, а от бога будет отлучена и от церкви божьей, так что лучше бы ей и не родиться.

КОММЕНТАРИИ

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

БАН — Библиотека Академии Наук СССР, Ленинград
ГБЛ — Государственная библиотека им. В. И. Ленина, Москва
ГИМ — Государственный исторический музей, Москва
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград
ИРЛИ АН СССР — Институт русской литературы Академии Наук СССР (Пушкинский дом), Ленинград
ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории Академии Наук СССР
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов, Москва

АЛЕКСАНДРИЯ

(Стр. 22)

«Сербской Александрией» принято называть литературное произведение, которое является одной из поздних версий Александрии Псевдокаллисфена, греческого сочинения II—III вв. н. э. Различают несколько версий (рецензий) Александрии Псевдокаллисфена: первоначальная рецензия α, остальные (β, γ, ε, λ) возникли на ее основе. К греческим рецензиям восходят латинские, армянские, сирийские, арабские версии Александрий. «Сербская Александрия» ближе всего стоит к рецензии ε (как предполагают, VII—VIII вв.). Возникшая, по всей вероятности, как и все главные версии Александрии Псевдокаллисфена, на греческом языке, она не позднее XIV века была переведена южными славянами. На Руси «Сербская Александрия» появилась в XV в.

В Древней Руси «Сербскую Александрию» называли просто «Александрией» (наиболее частое название — «Книга глаголемая Александрия»). Кроме нее, были и другие сочинения об Александре Македонском, например, так называемая «Хронографическая Александрия» (восходит к рецензии β Псевдокаллисфена), встречающаяся обычно в составе хронографов, где излагается всемирная история.

«Сербская Александрия», хотя она не является историческим сочинением, была в Древней Руси одним из источников сведений о царе Александре. Хотя речь идет не о вымышленном герое, а о действительном знаменитом историческом лице, однако внимание обращено не столько на исторический портрет Александра, сколько на его славу, на его избранность, необычность. Поэтому история Александра в значительной степени трансформирована в историю о событиях, в которых элементы необычного и чудесного соединены с назидательными рассуждениями. В отличие от исходного эллинистического сочинения Псевдокаллисфена «Сербская Александрия» имеет выраженный характер средневекового произведения, в котором отражен характерный для средних веков круг интересов и бытующих представлений, связанных, в частности, с эсхатологизмом. Это христианская переделка Александрии Псевдокаллисфена, в ней Александр

совершает поход к земному раю, которого он, как и все смертные люди, не смог увидеть. Чудовищные народы и звери, встречающиеся Александру на его пути на восток за пределами Вселенной (т. е. обитаемой части земли), осмысляются здесь как видения ужасов и мучений, находящиеся перед Эдемом. В «Сербской Александрии» неоднократно говорится о конце мира, о человеческой душе и теле после смерти, о Страшном суде.

Из исторических лиц, представленных в «Сербской Александрии» современниками Александра, некоторые жили совсем в другое время; но это не следует рассматривать как выражение невежества или незнания создателя «Сербской Александрии», для которой такие анахронизмы неважны. Собственные имена и географические названия, встречающиеся в «Сербской Александрии», лишь отчасти совпадают с известными нам историческими; в значительной же мере они либо вымышлены, либо передают несохранившуюся (у других) традицию. В переводе они оставлены в том виде, в каком читаются в древнерусском тексте.

О том, что «Сербская Александрия» привлекала к себе интерес в Древней Руси, свидетельствует большое число списков, относящихся к периоду от XV до начала XIX в.

Текст издается по списку XVII в. — *ГПБ*, Q.XVII.169. От XV—XVI вв. дошел единственный русский список конца XV в. (в сборнике кирилло-белозерского писца Ефросина), который был издан в 1965 г. в серии «Литературные памятники»; он относится к особому виду русских текстов «Сербской Александрии», в котором много изменений по сравнению с первоначально появившимся на Руси текстом памятника. Издаваемый текст принадлежит к небольшой группе списков, которые наиболее близки к первоначальному русскому тексту «Сербской Александрии». Но, конечно, удаленность почти на два века сказалась, в частности, в том, что в тексте XVII в. встречается сравнительно много мест, где искажается отдельное слово или же смысл фразы.

Все дополнения и исправления (сделанные по русским спискам, близким к издаваемому) выделены курсивом.

В примечаниях использованы следующие работы: исследование А. Н. Веселовского («Из истории романа и повести», вып. I. СПб., 1886); издания сербских текстов — «Život Alexandra Velikoga». Izdao V. Jagič, Zagreb, 1871, и «Приповетка о Александру Великом у старој српској књижевности. Критички текст и расправа од Ст. Новаковића». Београд, 1878; издания греческих текстов А. Н. Веселовским (в приложении к его исследованию) и В. М. Истриным («История «Сербской Александрии» в русской литературе», вып. I, Одесса, 1909).

Стр. 22. *...Таркинию-царю.* — Историческая традиция относит правление последнего римского царя с именем Тарквиний к VI в. до н. э. В «Сербской Александрии» Тарквиний упоминается еще один раз.

...Иеремѣю пророку... — Временем деятельности библейского пророка Иеремии считается также VI в. до н. э.

...Криксу-сыну, Дарию... — Дарию, сыну Кира. Современником и противником Александра Македонского в войне был Дарий III, не сын Кира, основателя

персидского царства (VI в. до н. э.), а лишь один из его далеких преемников. В том, что Дарий назван сыном Кира, следует видеть упрощение родственных и преемственных связей, встречающееся в средневековой литературе.

...Нектанав... — В истории Египта было два царя с именем Нектанеб. Нектанеб II (IV в. до н. э.) вынужден был из-за нашествия персов бежать из своего царства. Во всех рецензиях (версиях) сочинения Псевдокаллисфена (α, β, γ, ε, λ и др.) египетский царь Нектанав назван отцом Александра; однако нет оснований сомневаться в том, что отцом исторического Александра был Филипп.

...Ридиискимъ странамъ... — Придийским, т. е. фригийским. Фригия — название, отмечавшее в древности не всегда одну и ту же область в Малой Азии.

...«избранне муж». — По-гречески «Александр» значит «защитник мужей».

Стр. 24. *...перси, ивери, арапи, кияне и ефиопи, еглаги...* — Среди них легко отождествляются с историческими народами лишь персы, иверы (грузины), арабы и эфиопы.

...египецкии краишницы... Верверехъ... — Правитель соседней с Египтом области (Берберии). «Краиштник» значит «соседний», «пограничный». Имя «Верверех» происходит от названия области и племени берберов.

Стр. 26. *...леканомандию...* — Леканомантия — разновидность гадания на воде, от греч. λεκ'ανη (блюдо, миска) и μαντεία (предсказание). Родиной леканомантии называют Вавилон, известна была и в Египте.

...в Филипус, в Македонъскии градъ... — В греческом тексте город назван «Филиппы». В «Сербской Александрии» под Филипусом имеется в виду главный город Македонии, т. е. столица Пелла. А. Н. Веселовский сообщает, что в «Греческой народной книге» (сочинении, близком к «Сербской Александрии») здесь также назван город Филиппы, но добавлено: «называемый в древности Пелла».

...врач... — Это и врач в современном смысле, и предсказатель.

...Пасидону... — Возможно, это испорч. «Серапейон» или «Серапис». Серапейон — название храма бога Сераписа, эллинистического божества, культ которого появился в Египте при Птолемеях. Но, возможно, что Пасидон — это Посейдон, как предположил А. Н. Веселовский, одно из имен ливийского Амона; о культе Посейдона в Ливии сообщает Геродот (кн. II, 50): «Ведь первоначально ни один народ не знал имени Посейдона, кроме ливийцев, которые издревле почитали этого бога».

Стр. 28. *...Амона, и Пинеса, и Неркулия...* — Из этих имен ясным является только первое; третье — испорч. «Геракла»; во втором А. Н. Веселовский предполагал Диониса. Амон — верховный бог Древнего Египта в период фиванских династий Среднего и Нового Царства (конец III — конец II тысячелетий до н. э.). Древнейший культ Амона был в Фивах в Верхнем Египте. Одно из изображений Амона — в виде барана или человека с бараньей головой. В период последних туземных династий и в эллинистическом Египте особенно знаменит был его храм и оракул в оазисе Аммонии (в ливийской пустыне, недалеко от Мемфиса), о посещении которого Александром Великим сообщают древние историки. Греки отождествляли Амона с Зевсом, существовали его храмы и алтари у лакедемонян, в Олимпии, в греческих Фивах и др.

Аспид — ядовитая змея; сказочный змей.

...Дафенеону Аполону... — Вероятно, имеется в виду оракул Аполлона в Дельфах.

Стр. 30. *Целюш* — Ахилл, сын царя мирмидонян Пелея и нереиды Фетиды, герой «Илиады» Гомера.

Омир — Гомер.

«Органъ великии». — Возможно, имеется в виду «Органон», сочинения Аристотеля.

Стр. 32. *Птоломѣй* — Птолемей I Сотер, основатель династий Птолемеев в Египте (IV—III вв. до н. э.)

...во грить... — В сербских рукописях «вь сьньгрите» или «у двор»; возможно, что это испорч. «в синклите» (в собрании). В греческих текстах не сказано, где происходит битва юношей.

Завес Акинтос — Зевс-гиацинт (камень, изображавший в астролябиях планету Юпитер).

Кронос — планета Сатурн.

Фровити — искаж. Афродита (планета Венера).

...Ерьрасия... — В одно слово объединены названия планет Меркурия (Ермис) и Марса (Арис).

Стр. 34. *Волуя же глава...* — Судя по русским лицевым, т. е. иллюстрированным, «Александриям», это место понимали так, что на правом бедре коня было изображение головы быка.

Локоть — мера длины, около полуметра.

...Раклия витязя — Геракла.

...Во Алимпиятцких странахъ... — В Греции.

...близъ суици Дафенеона и Аполона... — Из текста непонятно, какие именно игры имеются здесь в виду. В греческих текстах сказано, что Александр идет на игры, чтобы «поклониться» эллинскому богу Аполлону, но вряд ли это означает, что Александр участвовал в дельфийских (пифийских) играх. В ранних рецензиях Псевдокаллисфена Александр участвует в олимпийских играх в честь Зевса, в «Сербской Александрии» бог эллинов всегда носит имя Аполлона.

Стр. 36. *...неглиторъскими витезми...* — В греческом тексте витязи происходят ἀπὸ τὴν Ἐγγλητέραν, т. е. из Англии.

Фруние — испорч. «Урание» («небесный»); этот же философ упоминается дальше, в афинском эпизоде.

...кумане. — Другое название этого народа — «половцы».

Стр. 38. *...Анаксархоносъ никто, пелапоньскии царь...* — В сербских текстах он назван «пелагонскыи», или «пелагонитьски», царь — пелопонесский (?) царь.

Стр. 40. *...к Филипу...* — В город Филиппы, или Филипуст.

Филон. — В соответствии с исторической традицией, Филона среди соратников Александра не было. Его также нет и в ранних рецензиях Псевдокаллисфена; в рецензии ε Филон есть.

Селевкуи. — Основатель династии Селевкидов в Передней Азии, Селевк I, Никатор, сын македонянина Антиоха; участвовал в походе Александра в Азию.

Антиох. — В числе известных сподвижников Александра Великого у древних

историков не упоминается. Имя Антиох встречается у Селевкидов, например, Антиох I Сотер, сын Селевка I Никатора.

Андигон. — Основатель эллинистической династии Антигонидов Антигон I, был участником походов Александра, сатрапом Великой Фригии (в Малой Азии).

Щитари — мастера, изготовляющие щиты.

Стр. 46. *...Архидонъ, селуньскии царь.* — Г. Солунь (Фессалоники) находится на западном побережье Эгейского моря; один из важных городов византийской империи.

Талант. — Здесь: мера веса, около тридцати кг.

...Софликии... Диоген. — В «Сербской Александрии» использованы знаменитые у греков имена — Софокл и Диоген. Софокл, афинский трагик, жил в V в. до н. э.; Диоген, кинический философ, был современником Александра; рассказ о их встрече есть у Плутарха.

Стр. 48. *...нѣколи... грецы сотворили.* — Имеется в виду история взятия Трои.

Стр. 50. *...тракиньстии, и мореистии, и далматиистии, и полуцы, и гостиницы, и тривалиистии.* — Из этих имен первые три называют известные нам земли — Фракию, Морею, Далмацию; «тривалиистии» — имеется в виду народ трибаллов во Фракии, который был побежден македонским царем Филиппом, а затем Александром Великим. «Гостиницы» — испорч. «готские»; готы — народ германского происхождения, сыгравший большую роль в истории великого переселения народов в первые века нашей эры.

Стр. 52. *...на парѣжах...* — Парижи или фарижи — кони (греч. — τὰ φάρια).

Соломон — царь Израильско-Иудейского царства (965—928 до н. э.), сын и преемник царя Давида; библейская традиция наделяла его необыкновенной мудростью.

...Навходоносоръ. — Здесь имеется в виду Навуходоносор II, вавилонский царь (VII—VI вв. до н. э.), который в Библии представлен главным образом как разрушитель Иерусалима и иерусалимского храма, как виновник вавилонского пленения евреев.

...Сивилии царицы. — Сивиллы — древние пророчицы. Трудно решить, имеется ли в виду какая-либо из сивилл, например, сивилла, пришедшая в Рим во времена Тарквиния, или же говорится о какой-то «царице Сивилле». Вероятно, здесь имеет место известная неопределенность представлений, свойственная «Сербской Александрии». Ср. имеющуюся в поздних русских списках «Повесть о Сивильском царстве»: где-то за рекой Нилом есть гора, в которой находится царство девиц «нескверных и бессмертных» и царствует у них царица Сивилла.

...андрамана — испорч. «адаманта», алмаза.

...Елгаменеуша. — Агамемнон, микенский царь, брат Менелая; предводитель греческого войска в походе против Трои.

...копие лanпандилово... — Копье из слоновой кости.

...Якша Теломоника... — Аякса Теламонида, одного из героев Троянской войны.

Таркнен. — Вероятно, это Тарквиний (см. комм. к с. 22).

Стр. 54. *Аполлон.* — В «Сербской Александрии» имена Амон и Аполлон обозначают просто языческого бога и поэтому взаимно заменяют друг друга.

...пророка Данила — Даниил, еврейский пророк времени вавилонского пленения (VII—VI вв. до н. э.). Книга пророка Даниила (в составе Библии) содержит историю его жизни и бывшие Даниилу видения о судьбе Иудеи и языческих царств. В «Сербской Александрии» используется видение ему овна и козла, символов царств мидо-персидского и греческого: козел вступает в единоборство с овном и побеждает его.

Стр. 56. *...Византа же и иные витязи остави далече от града Ликия.* — Эта фраза противоречит дальнейшему рассказу, где Визант основывает Византию; в других текстах «Сербской Александрии» он, подобно Антиоху и Селевку, назначается главой над тремя тысячами кораблей. Визант — согласно преданию, сын Посейдона, глава переселенцев из Милета, основавших в 658 г. до н. э. г. Византий. Никифор Григора (XIII—XIV вв.) упоминает в своей «Ромейской истории» о столпе у восточного акрополя в Константинополе, на котором «раньше стояла статуя Византа, основателя Византии».

...Ликеи. — Один из городов с названием «Селевкия» находился в Киликии, области Малой Азии.

...Триньскаго моря — Фракийского моря.

...онтиописких — испорч. «эфиопских».

...О семь Александръ здумавъ рече... — В данном списке пропущен текст, в котором говорится о намерении воинов Александра строить города.

...апридиискои — фригийской.

...акедоньскаго — лакедемонского.

Мелеуи — Менелай, спартанский царь.

...Приялъмужа... — Приама, троянского царя; он же назван затем Приемушем.

Вариж — Парис.

Стр. 58. *...Целеша краля, сына короля Прелеша* — Ахилла, сына Пелея.

...от камени андракса... — Драгоценный камень красного цвета. В средневековом сочинении Епифания Кипрского о двенадцати камнях сказано, что камень анфракс родится в Африке; находят его ночью по свету, так как он светится как свеча и блеск его ничем невозможно скрыть.

...Менеры. — Минервы (Афины); по-видимому, имеется в виду троянский палладий (древнее деревянное изображение Афины). В сербских списках в этом месте более понятный текст: «Вынесли ему изображение госпожи Минервы, глядя на которую дочь троянского короля, госпожа Кассандра, предсказала все, что случилось с Троей».

...Апелонъ трогоделскии... — Аполлон дельфийский.

...Алекидушъ. — Имя, образовавшееся из двух — Александра и Дивуша (Деифоба?). В «Сербской Александрии» рассказ о смерти Ахилла соответствует византийским версиям истории Троянской войны.

...Лагонискую землю. — Пелопоннес (?).

Стр. 60. *...Еликтора.* — Гектора, сына троянского царя Приама.

...философа от Рима — испорч. «Омира» (Гомера).

...Алелешукторе, Якъшунесторе... — Искажены и объединены в два имени имена: Ахилл, Гектор, Аякс, Нестор.

...Федите жены... — Фетида, нереида, жена Пелея, мать Ахилла.

...Скамудруши... — Река Скамандр, протекает около Илиона (Трои). Хотя в

«Сербской Александрии» встреча Александра с Олимпиадой происходит в Македонии, но место (река Скамандр) объясняется только из текста рецензии ε Псевдокаллисфена, в котором Александр и Олимпиада встречаются в Трое.

Стр. 62. *...терьяха...* — Гетеро-арха, главы над этими женами (гетерами).

Стр. 68. *...архиерея Аарона...* — Аарон, брат Моисея, ставший после выхода евреев из Египта первым первосвященником.

...лихнитарии... — Драгоценный камень яркого красного цвета. В одной из рецензий «Александрии» Псевдокаллисфена (ε) этот камень обозначает в астролябии царя Нектанава планету Марс.

...Исусь Навгинь... — Иисус Навин, преемник Моисея. В Библии говорится о его победах над иноплеменниками и — в результате этого — покорении иудеями Палестины под его руководством.

...Голиядъ... — Голиаф, воин-великан из войска филистимлян, во время войны филистимлян с израильтянами побежденный в поединке Давидом, будущим царем: Давид убил Голиафа и отрубил ему голову его же мечом.

Стр. 70. *Давид* — второй царь Израильско-Иудейского царства (конец XI в.—ок. 950 до н. э.)

Самсон — один из судей израилевых, знаменитый своими подвигами в борьбе с филистимлянами.

...анта гвоздия... — Ср. дальше — «оружие от акинта гвоздия», которое дарит Александру царица Кандакия. Название этого металла не объясняют и греческие тексты; возможно, что это восходит к ἀδάμας или ἀδαμάντινος (стальной), к названию того божественного металла, который, по причине своей крепости, послужил материалом для шлема Геракла.

...Атана... — Ионафана, сына первого царя евреев Саула.

Стр. 76. *...Сенарьское поле...* — Библейское название — долина Сенаар (южная область между реками Евфрат и Тигр); это место упоминается в «Александрии» несколько раз.

Стр. 78. *Сескерсена* — персидский царь Ксеркс (V в. до н. э.) или один из Артаксерксов (V и IV вв. до н. э.).

...от змиевых очеи. — Вероятно, это название драгоценного камня, возможно, берилла. В сочинении о камнях Епифания Кипрского сказано, что в верховьях Евфрата встречаются камни «вирулиона» (берилла), подобные зрачкам драконовых глаз.

Сонхос — египетский царь Сесострис, о котором пишет во второй книге «Истории» Геродот.

Стр. 84. *Филинѣс* — библейский первосвященник Финеес, сын Елеазара, внук Аарона.

Стр. 86. *...ты персомъ государь еси...* — В других списках правильное чтение: «злодей».

...на Синарьстеи рецы... — Дальше она называется Арсинорской рекой. В ранних рецензиях Псевдокаллисфена эта река, замерзающая ночью и размерзающая днем, называется Странга. Какая из известных нам рек здесь имеется в виду, неясно. Название «Арсиния» или «Арсания» имели в древности два восточных притока Евфрата.

Стр. 90. *Пор* — царь индов; о войне с ним Александра, закончившейся по-

ражением Пора и взятием его в плен, сообщают древние историки (Диодор, Арриан, Плутарх).

Стр. 96. ...*Кандарвуша же и Оризвана...* — В предшествующих рецензиях «Александрии» Псевдокаллисфена убийцы называются Бесс и Арнобарзан.

Стр. 98. ...*соколов взводных...* — В сербских текстах Александру выносят охотничьих соколов и грифов, на которых можно подняться в небо.

...*Клиса, лидоньскаго царя...* — Вероятно, это Крез (Крис), последний лидийский царь (VI в. до н. э.).

Стр. 100. ...*птицы* — испорч. «питици», обезьяны.

Стр. 102. ...*Ираклия царя и Серамиды царицы...* — Царь Ираклий (Геракл) и царица Семирамида, ниневийская (ассирийская) царица. Древние авторы приписывают ей основание Вавилона; ей же приписываются походы и завоевания до самой Индии и оазиса Амона в Ливии. В ранних рецензиях Псевдокаллисфена рассказывается о двух статуях, до которых дошел Александр в своем походе на восток. Одна из них была золотой, другая серебряной, и поставлены они были Гераклом. Арриан сообщает, что Александр прошел по трудной дороге к столице гидросов в Индии, не желая уступать в славе царице Семирамиде и царю Киру, единственному, кому до него удалось здесь пройти. В «Сербской Александрии» на основе тех же имен представлена совершенно другая история.

Стр. 104. ...*Тракинскою землею* — Фракийской землей.

Стр. 110. ...*Гион, Фисон, Тигръ, Ефратъ».* — Эти сведения о четырех реках восходят к Библии; в средние века Гион (Гихон) отождествляли с Нилом, Фисон с Индом (или Гангом), т. е. главной рекой Индии.

Стр. 122. ...*Алфион.* — Имеется в виду река Инд (Фисон — в средние века).

...*хинкире и наасаре...* — Первое (хинкирь, хонкиарь), вероятно, от тур. hün-kâr — повелитель (титул османского султана), второе, по мнению В. Ягича сближается с арабским nasr (защитник, покровитель).

Стр. 126. ...*Илиюполь...* — Гелиополь («Город Солнца»).

Темищра — в греческих текстах — Клитемнестра.

Стр. 128. ...*часовникъ месячныи...* — Что нужно под этим понимать, неясно. Возможно, имеется в виду таблица, в которой соотнесены ночные часы с положением луны, на каждый месяц года.

...*о женах о мазаньских...* — Об амазонках, и упоминаемая далее «Мазаньская земля» — земля амазонок.

...*образ свои...* — Образ — вид, изображение, икона. Здесь имеется в виду изображение Александра (ср. с рассказом о посещении Александром Клеопилы Кандакии).

Стр. 130. ...*Евремитра, миръсилоньскаго царя.* — Берсилия (Мерсилия) — область на Северном Кавказе, где жило хазарское племя берсилов.

...*сунклитом.* — «Сунклит» (ʼασύγχυτος) значит «неразрушимый».

Стр. 132. ...*готти, магогти...* — Эпизод затворения Александром нечистых народов является заимствованием из средневекового сочинения «Откровение Мефодия Патарского»; оттуда же и этот перечень нечистых народов (Гог и Магог в Библии).

...*Клеопила Кандакия, царица амастридонская...* — Здесь в одном лице соединены: Клеопила, упоминавшаяся у древних историков, правительница пле-

мени ассакенов; эфиопская правительница Кандака (наследница царицы Семирамиды в ранних рецензиях «Александрии» Псевдокаллисфена); возможно, Амастрис, племянница последнего персидского царя Дария, основавшая г. Амастрис.

...Евагридъ же, силурьскии царь... — В ранних рецензиях Псевдокаллисфена Евагрид называется царем бебриков.

Стр. 136. *...кучмом.* — Кучма — шапка с меховым верхом.

Стр. 146. *...анфарскаго* — испорч. «арабского».

Стр. 148. *...Мирсилоньскую землю и Сѣверьскую...* — См. комм. к с. 130— земли Евремитра, мерсилонского царя (берсилов), и Северные холмы.

...Межюречие Сѣверьское... — Междуречие Северское — в других текстах Междуречие Сирское (Месопотамия).

Предекискиия — испорч. «Придийские» (фригийские) — ср. земли, которыми владел царь Филипп (см. комм. к с. 22).

Стр. 154. *...индѣяне, и сирии...* — Среди приводимых названий народов остается непонятным «еглефи».

...дидаскале... — Греч. слово, означает «учитель».

Стр. 162. *...сирини намелии.* — Возможно, означает «певучие» или «сладкозвучные» свирели.

...каруха. — Это место во всех славянских списках испорчено. В греческом тексте воины Александра бросают копья и стреляют из луков; затем идет речь о «χαρὲς» (радости, восторге). Можно отметить только созвучие этого слова славянскому «каруха», но греческий текст не дает в этом случае возможности восстановить первоначальный смысл фразы в «Сербской Александрии».

Стр. 168. *...теряком.* — «Териак» — вещество, считавшееся в древности противоядием и всеисцеляющим снадобьем.

Стр. 172. *...в земли нарицаемеи Гесем...* — «Гесем» — библейское название области в Нижнем Египте, где поселился Иаков со своим родом; под «Египтом» следует здесь понимать город (может быть, Мемфис); «Междуречие Северское» — в других текстах «Сирское». Возможно, указывается не конкретное место смерти Александра, а область (по разделу земель она входила в часть Птоломея, ср. выше). Но, возможно, что эти названия говорят о неясности географических представлений в «Сербской Александрии». Согласно древним историкам Александр умер в Вавилоне.

СЛОВО О РАХМАНАХ

(Стр. 174)

Публикуемое «Слово о рахманах» представляет собой своеобразный памятник утопической мысли Древней Руси. В своем настоящем виде оно сохранилось в единственном списке — в сборнике кирилло-белозерского книгописца конца XV в. Ефросина. Однако большая часть текста «Слова» не оригинальна — она восходит к рассказу о рахманах, содержащемуся в Хронике Георгия Амартола (В. М. Истрин. Книгы временьныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе, т. I. Пг., 1920, с. 48—49), в свою очередь, заимствованному из сочинения Палладия, также переведенного в Древней Руси и включенного

в состав так называемой «Хронографической Александрии». Рассказ о путешествии Александра Македонского в страну блаженных мудрецов настолько интересовал Ефросина, что он обращался к этой теме многократно, включив в свои сборники и «Сербскую Александрию» с эпизодом о рахманах, и «Хронографическую Александрию», и отдельно рассказ Палладия, и, наконец, комментируемое «Слово о рахманах» Амартола с уникальными дополнениями, придающими этому памятнику черты социальной утопии.

Рассказ публикуется по списку Ефросина — *ГПБ*, Кирилло-Белозерское собрание, № 11/1088, л. 483—485 об., с исправлением по «Хронике Амартола».

Стр. 174. *...рахманьскы островъ...* — В одном из своих сборников Ефросин дал такое определение легендарного народа рахманов: «Рахмане Сифово племя, не согрѣшили богу, близь рая живут». Сиф — в Библии один из сыновей Адама. Прообразом рахманов служили индийские брахманы (брамины), а также библейские рехавиты, которых отождествляли с ессеями, жившими на западном побережье Мертвого моря, проповедовавшими в Иудее во II в. до н. э. — I в. н. э. аскетизм и равенство (ср.: А. Н. Веселовский. Из истории романа и повести, вып. I. Греко-византийский период. СОРЯС, т. XI, № 2, с. 265—303).

В них же нѣсть... ни соли, ни царя, ни купли, ни продажи, ни свару, ни боя, ни зависти, ни велможь, ни татбы, ни разбоя, ни игръ... — Этих слов нет ни в прямом источнике ефросиновского текста — «Хронике Амартола», ни у Палладия. При перечислении других вещей и институтов, отсутствующих у рахманов, текст Ефросина расходится с текстом Амартола еще упоминанием о том, что у рахманов нет «ни храмовъ, ни риз» — у Амартола сказано только «ни создания»; но у Палладия читается «ни ризы». В популярном в Древней Руси «Сказании об Индийском царстве» (также переписанном Ефросином) упоминалось, что в Индийском царстве нет «ни татя, ни разбойника, ни завидлива человека», но царь там есть (от его имени и написано «Сказание»); имеются и вельможи. Указание ефросиновской версии «Слова о рахманах» на отсутствие у этого народа властей и знатных лиц («ни царя... ни велможь») и таких общественных явлений, как «купля», «продажа», «разбой», и т. д., каким-то образом связано с утопическими идеями, появившимися на Руси в конце XV в., после разрыва русской церкви с константинопольской патриархией.

Стр. 176. *Тако бо глаголять и про Нилъ рѣку... яко солнцю всюдѣ зрящу восточны поясъ, и инѣмъ срищущемся рѣкамъ изсякнувшемъ, сему же далече сущу.* — Сопоставление «рахманских мужей», ходящих к своим женам «месяца июля до август», с Нилом связано, очевидно, в «Слове о рахманах» с представлениями об особенностях тропического климата, при котором нет специфически летних месяцев. Поэтому в июле — августе (когда солнце уходит в сторону земель, находящихся восточнее Африки и Индии) засуха не наступает — Нил может разливаться, а рахманские мужи быть «мокри».

...звѣрь в ней есть, глаголемы «зуботомитель». — Слово «ὀδοντοτύραννον» — «одонтотуранон», употребленное в греческом оригинале (и сохраненное в

«Хронографической Александрии» без перевода), в буквальном переводе означает «зубной тиран», «страж зубов», но возможно, что оно представляет собой искажение слова «ὁδοτύραννον» — «страж дороги».

СКАЗАНИЕ О ДОЧЕРИ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО
(Стр. 178)

Рассказ о дочери Александра Македонского, похитившей «живую воду», переписан в 60-х гг. XV в. монахом Кирилло-Белозерского монастыря Ефросином. По своему содержанию он связан со средневековыми романами об Александре — «Хронографической» и «Сербской» «Александриями», переведенными на Руси с греческого. В греческой «Александрии», приписанной современнику Александра Каллисфену («Александрия» Псевдокаллисфена), есть история о поваре, нашедшем «живую воду» и напоившем ею дочь Александра Калу. В наказание за полученное бессмертие Александр приказал бросить их в воду, но Кала стала нереидой, а повар — морским демоном. В «Сербской Александрии» есть рассказ о том, как Александр расположился станом на берегу озера. Повар его хотел обмыть в озере сушеную рыбу, но рыбы, когда их окунули в воду, ожили и уплыли. В ефросиновском рассказе эти мотивы дополнены еще одним — о верном юноше Юдрее (Андрее), соблазненном и погубленном дочерью Александра Панорией (это имя близко к греческому слову, означающему хитрость, коварство). Так возникает новая версия сюжета, известная также в болгарской литературе, а впоследствии распространившаяся в новогреческом, славянском и румынском фольклоре. (См.: Al. Wesselofsky. Zur bulgarischen Alexandersage. — Archiv für slavische Philologie. Bd. I, H. 1. Berlin, 1875, S. 608—611.) Сохранение в славянском варианте непереведенных греческих слов — педопул, ливады, кондир, апрод — указывает на греческий оригинал «Сказания».

Основная тема ефросиновского рассказа — стремление Александра Македонского, которому была предсказана ранняя гибель, к бессмертию,— занимает большое место в русских «Александриях».

Текст «Сказания о дочери Александра Македонского» публикуется по списку XV в. — *ГПБ,* Кирилло-Белозерское собр., № 22/1099, л. 505—506.

Стр. 178. *...едини нагомудреци не приаша его...* — нагомудрецы, рахманы, в «Сербской Александрии» потомки Сифа, безгрешные, живущие близ рая.

...ни женьское царство... — страна амазонок, в «Сербской Александрии» названа «Мазаньской Землей», жительницы которой так яростно сражались, что никто не мог их победить. Александр заключает мир с царицей амазонок Клитеврой.

Егда приатъ звѣря, которыяй разбиваху вся въйскы... — В «Сербской Александрии» говорится о львах, обученных для боя, и боевых слонах, применяемых в войске индийского царя Пора.

...породимъ кладязь... — Порода — рай, породьскый, породный — райский (см.: И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II, стб. 1208—1210).

СКАЗАНИЕ О ВАВИЛОНСКОМ ЦАРСТВЕ

(Стр. 182)

«Сказание...» («Слово о Вавилоне...») — древнейшее произведение из цикла легендарных сказаний о Вавилонском царстве, очень популярного на Руси и сохранявшегося в течение пяти столетий в рукописных копиях XVI — XX вв., а также в устной передаче, в виде легенды о Федоре Бармине, устных рассказов и сказок («Вавилонское царство», о Борме-Ярыжке и других). Интерес к сказаниям о Вавилоне был обусловлен их сюжетной занимательностью и тем, что произведения этого цикла касались вопросов происхождения царской власти и законности наследования ее и царских регалий.

Этот цикл включает легендарные повествования о вавилонских царях, о Навуходоносоре и его сыне Василии Навуходоносоровиче, об Артаксерксе, Нимвроде и Иоанне; произведения этого цикла воссоздают легендарную генеалогию первых царей вселенной, рассказывают разные притчи о рождении царя Навуходоносора, о происхождении его имени, об избрании на царство и женитьбе, его сыне, о строительстве града Вавилона, о создании вокруг Вавилона городского вала в виде огромного глиняного змея и изображении на всех вещах змеиных знаков —«печати», о причинах запустения Вавилона, в котором ожившие змеи поедают жителей всех до единого и последним — царя Навуходоносора; от великой династии вавилонских царей остаются только царские венцы. В поздних сказаниях о Вавилонском царстве, уже испытавших влияние идеи «Москва — третий Рим» и возникших в годы крестьянских войн начала XVII в., «смуты» и утверждения на царстве Романовых, рассказывается о том, как византийский царь дарит добытые в Вавилоне царские регалии (в числе которых оказывается уже и «шапочка Мономаха») великому киевскому князю Владимиру Мономаху.

Публикуемый текст «Слова о Вавилоне, о трех отрок...» представляет древнейший список центрального произведения цикла сказаний о Вавилонском царстве. В нем повествуется о легендарном посольстве греческого царя за «знамением» в Вавилон к трем вавилонским отрокам (см. комм. ниже). «Знамение», однако, посланцы греческого царя обретают не в церкви, а в царских палатах, и оно оказывается регалиями царя Навуходоносора. Верный данному обещанию, греческий царь, увенчанный вавилонскими царскими венцами, остается истым поборником христианской веры и Иерусалима, символизирующего чистоту христианской церкви, и прислушивается к совету мудрого критского царя Давида вместо похода в Индию пойти походом на иноверных врагов в защиту северных православных стран.

В основу сказания о Вавилоне-граде, как установлено еще академиком А. Н. Веселовским, положена устная легенда о византийском императоре Льве VI Премудром (Философе, 886—911), известная на Руси уже в начале XIII в. в записи новгородского путешественника Антония (в миру Добрыни Ядрейковича); Антоний слышал ее в Константинополе в Софийском соборе, где находился портрет императора. Опираясь на данные этих рассказов, русский автор создает свою версию легенды о посольстве некоего «греческого» царя «Леукия»—«Василия» в Вавилон, и посланцами его делает представителей трех православных стран: русского, грека

и «обежанина» (из Абхазии — Грузии — Иверии), которые только совместно, втроем, могут прочесть на вавилонской лестнице надпись на трех языках, указывающую путь к «знамению».

Отсутствие среди участников легендарного посольства представителей трех христианских стран, которые уже были покорены Турцией (Сербии, павшей в 1389 г., и Болгарии — в 1393 г.), и ряд других соображений позволяет предположительно датировать создание памятника последним десятилетием XIV — первыми десятилетиями XV вв. (до заключения в 1439 г. Флорентийской унии). По своей идейно-политической направленности и поэтическим особенностям это легендарное произведение ближе всего кругу митрополита Киприана, активно ратовавшего в ту пору за создание антитурецкого союза во главе с Византией.

Текст произведения публикуется по рукописи: *ГИМ*, Музейное собрание, № 2952.

Стр. 182. *Слово о Вавилонѣ, о трех отрокъ.* — Согласно библейской легенде три отрока: Анания, Азария и Мисаил — во время пленения Иерусалима Навуходоносором были отправлены им в Вавилон, в халдейскую школу; за отказ поклоняться языческому идолу были брошены в горящую печь, но остались невредимы. Вавилон в данном памятнике, изображенный как царство змей, является символом враждебных языческих сил, а три вавилонских отрока символизируют вечное, неистребимое христианское начало.

...от Леукия царя, а во крещеньи нареченаго Василия... — Под таким двойным именем фигурирует в русской легенде обобщенный образ византийского императора (это не только Лев VI Философ устной византийской легенды); его второе имя «Василий» (базилевс) в переводе с греческого — «царь», «государь»,— по замыслу автора, должно было воплощать общее представление о византийском императоре.

...из Безъ обяжанина... — Термин «Без», «Обез» в русской исторической литературе был основным словом, обозначающим Грузию вплоть до XVI в.

Стр. 184. *...царя Навходоносора...* — Известного по библейским преданиям царя Навуходоносора, который дважды пленял Иерусалим, уводя многих его жителей в Вавилонию. При нем велось большое строительство, был построен новый царский дворец, а Вавилон превращен в неприступную крепость.

...створи тѣло златое и постави на полѣ Дирѣлмстѣй». — Идол, согласно библейской легенде, сооруженный Навуходоносором.

...и царѣцѣ блаженнии Александрѣ... — Под пером автора русской версии легенды соправитель Льва VI Философа, его брат Александр, превратился в соправительницу-царицу; оба византийских императора были родом из армян (см. текст далее).

Сынъ жѣ обѣжанинъ, именемъ Яковъ, запенъся съ 15 степени и полетѣ долу... — Русский автор обыгрывает одно из значений имени Яков — «запинатель».

Стр. 186. *...по 3 перпера злата.* — Перпер — название византийской золотой монеты времени крестовых походов.

Давидъ же, царь критьскый... — Критскому царю дано имя мудрого библейского царя.

ПОВЕСТЬ О ПОСАДНИКЕ ДОБРЫНЕ

(Стр. 188)

Повесть эта входит в число тех памятников новгородской литературы, в основе которых лежат устные легенды местного происхождения. В произведении ярко отразились особенности новгородского средневекового быта, обусловленные тесными торговыми связями Новгорода со странами Западной Европы. Торговые интересы новгородских купцов заставляют новгородцев согласиться с постройкой в городе неправославного храма; но сторонникам чистоты православия трудно примириться с этим, и вот создается легенда, согласно которой посадник Добрыня, за взятку потворствовавший немцам и отведший под их божницу то место, где раньше стояла православная церковь, жестоко наказан. Римско-католическая церковь действительно существовала в Новгороде и была основана там очень рано (в летописных записях упоминается уже в XII в.). Посадник Добрыня — историческое лицо, он был посадником в начале XII столетия (ум. в 1117 г.). В. Л. Янин считает, что «существуют заметные признаки достоверности этой легенды» (В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962, с. 88, примеч. 173). Сама легенда, по-видимому, возникла очень рано, не позже XII в., но «Повесть» была написана значительно позже. В тексте ее названы игумен Островского монастыря Сергий и игумен Хутынского монастыря Закхей. С. О. Шмидт («Предания о чудесах при постройке новгородской ропаты». — Историко-археографический сборник. Изд. МГУ, 1962, с. 319—325) обратил внимание на то, что имя игумена Островского Никольского монастыря Сергия названо в новгородских грамотах начала второй половины XV в. Е. А. Рыбина («Повесть о новгородском посаднике Добрыне». — Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978, с. 79—85) отметила, что хутынский игумен Закхей назван в грамоте, датируемой 1477/78 г. Следовательно, «Повесть» не могла быть написана ранее второй половины 70-х гг. XV в. Ярко выраженная антибоярская направленность «Повести», слова в начале ее о новгородской независимости, явно ощущаемое в «Повести» осуждение новгородских обычаев,— все это говорит о том, что она была написана уже после утраты Новгородом самостоятельности, т. е. опять-таки не ранее конца 70-х гг. XV в.

Мы не можем сказать, какова была направленность первоначальной легенды о Добрыне, но характер «Повести» свидетельствует, что произведение это было создано в демократической среде и в «Повести» на первый план выступают уже не религиозные мотивы, а антибоярские: обличается продажность посадника, его готовность посягнуть за взятку на самое святое для новгородцев.

Повесть публикуется по списку первой половины XVI в.: *ГБЛ*, Волоколамское собр., № 659, лл. 352—354.

Стр. 188. ...*и посадником, и тысяцкимъ*... — Посадник — высшая государственная должность в Новгороде и Пскове. Посадник избирался на вече из числа наиболее богатых и знатных бояр. С 1354 г. вместо одного стали избираться шесть посадников, а с 1417 г. — восемнадцать. После подчинения

Новгорода Москве, с 1478 г. институт посадников в Новгороде был упразднен. Тысяцкий — военачальник, возглавлявший городское ополчение — «тысячу». В Новгороде тысяцкий избирался из числа бояр на вече на определенный срок и являлся помощником посадника.

Божница — так назывались как православные, так и неправославные церкви.

...посадник степенный... — Сначала из числа шести, а затем из восемнадцати посадников избирался сроком на год старший среди них — степенный посадник.

Ропата — неправославная, иноверческая церковь.

Стр. 190. *...церковь... святаго Иоанна Предотечи...* — В. Л. Янин считает, что в виду имеется церковь Ивана на Опоках, на Торговой стороне.

Великий мост — мост в Новгороде через Волхов с Софийской на Торговую сторону. Казнь в Новгороде совершалась на Великом мосту — осужденных сбрасывали с моста в Волхов. Поэтому новгородцы смотрят с Великого моста, как свершается божий суд над Добрыней.

Насад — ладья с «насаженными» бортами (цельное большое дерево, выдолбленное в форме ладьи и надшитое досками с бортов), палубным перекрытием, с приподнятой носовой частью.

Сажень — мера длины, равная 152 см.

Островский монастырь — Никольский Островский монастырь в семи верстах от Новгорода. Основан в конце XII в., в XVIII в. был упразднен.

...игумена Хутиньского. — Спасо-Хутынский монастырь в десяти верстах к северу от Новгорода на Волхове. Основан в конце XII в. Варлаамом Хутынским.

Левкас — смесь алебастра или мела с клеем, которой грунтуется поверхность под живопись.

О ЗЕМНОМ УСТРОЕНИИ

(Стр. 192)

Усиление интереса к природе мира и человека характерно для эпохи русского Предвозрождения (XIV — середина XV в.). В ряду явлений, свидетельствующих нам об этом, находится предлагаемая здесь вниманию читателя подборка статей на естественнонаучные темы. Они переведены с греческого, а на Русь попали, по-видимому, от южных славян, может быть с Афона. Так позволяет думать и правописание их старейшего русского списка первой четверти XV в., по которому они здесь публикуются, и их язык, в частности, оставленные без перевода некоторые греческие слова, для которых имелся русский эквивалент (например, «напе», а не русское «горчица»).

Поставленные во главе подборки слова «Галиново. На Ипократа» показывают, что ее источником, вернее, первым из ее источников, послужили трактаты римского врача II в. Клавдия Галена, написанные как комментарий к «Своду Гиппократа». Этот знаменитый свод прежде считался целиком принадлежащим перу основателя греческой научной медицины (V — начало IV в. до н. э.), теперь же полагают, что туда вошли произведения и его ближайших учеников и последователей, в частности Полиба (IV в. до н. э.). Комментарии Галена начинаются трактатом «О природе человека». Они обширны и многочисленны; публикуемые же славянские переводы сравнительно невелики. Они представляют собой, по всей види-

мости, перевод краткой выборки из Галеновых комментариев, сделанной в средние века византийским компилятором. К какому или к каким в точности из трактатов Галена восходит славянский текст, пока не установлено.

В тексте, озаглавленном «Галиново. На Ипократа», речь идет о четырех элементах, из которых состоит материальный мир, о соответствующих им веществах в «малом мире», т. е. человеческом теле, об их свойствах, их влиянии на здоровье и на изменение с возрастом характера человека, о «частях» души, о том, что такое здоровье и врачебное искусство, о чувствах, о частях тела и о том, в какое время года что лучше есть и от чего надлежит воздерживаться. Надо сказать, на эти темы писали не только Гален и Гиппократ. По крайней мере, к предшественнику Гиппократа Алкмеону Кротонскому (первая половина V в. до н. э.) восходит учение о равновесии противоположных начал в человеческом теле как условии здоровья, а учение о четырех стихиях-элементах, «корнях», составляющих мир,— по крайней мере, к Эмпедоклу. Представление же о трех частях души разделял и Платон. Но свод Гиппократа с комментариями Галена, оказав громадное влияние на всю античную и средневековую византийскую, ближневосточную и западноевропейскую медицину, наверное, больше всего способствовал распространению этих взглядов. Они стали общими местами унаследованных Византией от античности естественнонаучных представлений, а благодаря переводной на славянский язык литературе — частью и русского средневекового мировоззрения. Представления эти отразились даже в смысле некоторых славянских слов. Так, старое слово «благорастворение» отражает учение о желательном равновесии противоборствующих начал, а слово «растворение», встречающееся и в нашем тексте (греческое «красис»), стало — под влиянием свойственного школе Гиппократа применения этого учения к человеческому телу — означать также человеческий характер, темперамент.

Далее в подборке идет статья под названием «Александрово». В ней говорится о развитии человека в утробный период его жизни—от момента зачатия до рождения. Греческий ее оригинал с точностью не установлен, однако заголовок имеет в виду скорее всего Александра из Афродисии, греческого ученого и комментатора Аристотеля, работавшего в начале III в.; с отдельными местами из его сочинений эта статья близко сходствует. Как и предыдущая статья, это, по-видимому, выборка, сделанная в византийское время образованным компилятором.

Той же цели призваны служить и следующие статьи: «О широте и долготе земли», где речь идет о размерах земной суши; «О стадиях и поприщах» — заметка о греческих мерах длины с переводом их в сажени; здесь же приводятся три названия Земли — «по-эллински», «по-гречески» и «по-еврейски», причем из еврейского названия объясняется имя Адам; «О земном устроении», где излагается представление о шарообразности Земли, восходящее к античности — к Аристарху Самосскому, Аристотелю, Платону, Пармениду, Пифагору, причем образ, который здесь используется,— образ яйца с его желтком, белком, пленочками и скорлупой, по-видимому, далеко не так случаен, как может показаться; он отражает древний даже для античной Греции орфический миф о «мировом яйце» (возникший, возможно,

под влиянием космогонических легенд Индии и Египта). Таким образом, в данном случае статья знакомит читателя с одним из фундаментальных элементов греко-византийской культуры.

Остальные статьи подборки — о том, насколько отстоит небо от земли, о причинах землетрясений, о взаимоотношении материальных элементов, об имеющихся в мире четырех морях (прочие — болота), об Океане, окружающем сушу (об Америке по ту сторону Земли автор статьи, конечно, еще не знает), о возникновении облаков, о причинах дождя, града, тумана, грома и молнии, а также о падающих звездах, «денницах»,— тоже свидетельствуют о стремлении понять окружающий физический мир и уважении к имеющимся представлениям о нем. Естественным для средневекового склада ума образом эти представления возбуждают у компилятора желание не столько продолжать наблюдения над явлениями природы и размышления об их причинах, сколько связать их с данными Священного писания и предания. Об этом свидетельствуют полемика с превратными мнениями о форме Земли, порожденными буквальными толкованиями слов Писания; замечание о необычной причине землетрясения, бывшего во время распятия Христа, уподобление появления жемчуга в морской раковине зачатию Христа богородицей, почерпнутое из апокрифической повести о Макарии Римском известие о том, что Макарий побывал вблизи от рая, ворота которого и являются, согласно статье, источником охватывающего землю Океана. Как видим, естествознание не являлось для средневекового мировоззрения чем-то отдельным от литературы, как и та — от религии.

Текст произведения печатается по древнейшему известному списку — *ГПБ*, Кирилло-Белозерское собр., № XII, Сборник, первая четверть XV в., л. 219—239. Первоначально он находился в личной библиотеке Кирилла Белозерского (1337—1427), основателя получившего его имя монастыря и, возможно, им самим собран и сделан.

Стр. 200. *Стадие...* — Стадий, или стадион, древнегреческая мера длины, ок. 185 м.

Сажень — мера длины, равна 152 см.

Поприще — древняя мера длины, восходящая к римской миле, равной 1480 м. Русское поприще равно приблизительно 1066 м.

Стр. 208. *...и то есть нѣдро, раздѣлшееся иногда Моисеом.* — Согласно библейской книге «Исход», преследуемые египтянами евреи во главе с Моисеем спаслись от погони, пройдя по дну отогнанных сильным восточным ветром вод Красного моря; ветер дул, когда Моисей держал руку свою простертой на море.

...даже до Аламания... — по-видимому, от названия реки Аламана, или Сперхей, в Центральной Греции.

...посрѣди Гадаринскыя земля... Гадарийстии прѣдели... — Имеется в виду Гадирский, со времен арабского завоевания Гибралтарский, пролив. Его название здесь уподоблено названию упоминаемой в Евангелиях Гадаринской страны, расположенной на восточном берегу Галилейского моря.

Стр. 210. *...губовидна, сирѣчь сфуггаровидна...* — Новогреческое слово «сфунгари» обозначает губку.

ПОВЕСТЬ О ВЗЯТИИ КОНСТАНТИНОПОЛЯ ТУРКАМИ В 1453 ГОДУ

(Стр. 216)

29 мая 1453 года, после двухмесячной осады, турецкая армия, предводительствуемая султаном Мехмедом II Фатихом («Завоевателем»), штурмом взяла столицу некогда могущественнейшей Византийской империи — Константинополь. Судьба страны давно была предрешена. К началу XV в. турки-османы существенно расширили свои владения на Балканах и в Малой Азии, Византия удерживала лишь небольшую территорию вокруг столицы и на юго-западном берегу Черного моря, а также полуостров Пелопоннес (Морею). И тем не менее падение Константинополя произвело огромное впечатление на все европейские народы. Среди многочисленных литературных откликов на это событие особо значительное место занимает древнерусская историческая «Повесть о взятии Константинополя», являющаяся не только талантливым произведением, но и важным историческим источником, находящимся в одном ряду с описаниями взятия Константинополя, принадлежащим грекам: Дуке, Георгию Сфрандзи и Лаонику Халкокондилу.

Мнения ученых об авторе «Повести» расходятся. Одни склонны доверять послесловию, читающемуся в одном из списков повести, из которого следует, что автором произведения был Нестор Искандер — славянин, «измлада» попавший в плен к туркам, очевидец и участник осады Константинополя. Однако многих исследователей смущает то обстоятельство, что турецкий пленник, на многие годы оторванный от национальной культуры, смог создать произведение, отмеченное таким литературным мастерством, столь естественно следовать правилам литературного этикета, употребляя традиционные обороты речи, создавая (нередко вопреки действительному течению событий) подобающие в том или ином случае сюжетные коллизии. Все это требовало не только литературного таланта, но и определенной писательской выучки и, по крайней мере, широкой начитанности. Поэтому вопрос о доле участия в создании «Повести» Нестора Искандера (если вообще это лицо не литературная мистификация для придания повести большей авторитетности) остается пока открытым. Но несомненно, что перед нами произведение выдающегося русского писателя XV в., прекрасно осведомленного об обстоятельствах гибели Константинополя.

«Повесть» известна в двух редакциях, текстуально весьма близких и восходящих, как полагают, к общему оригиналу: «искандеровской», известной лишь в Троицком списке XVI в. (*ГБЛ*, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 773), сохранившем приписку об авторе, и «хронографической», названной так потому, что «Повесть» в этой редакции чаще всего является заключительной главой Русского хронографа редакции 1512 г.

В настоящем издании публикуется Троицкий список. В издании его архимандритом Леонидом (в 1886 г.) было допущено много отклонений от оригинала, так как публикатор, не оговаривая, исправлял и унифицировал весьма своеобразную и нетрадиционную орфографию списка.

Исправления, внесенные в публикацию на основании списка *ГПБ*, собр. Вяземского, F, № 97, «хронографической» редакции, и дополнения, внесенные другим (поздним) почерком в текст Троицкого списка, выделены курсивом.

Стр. 216. ...*Костянтину Флавию...* — Флавий Валерий Константин (Великий) — римский император (306—337). Христианская историография изображала его ревностным поборником новой религии; в действительности же процесс превращения христианства из преследуемой религии в терпимую и наконец предпочитаемую происходил постепенно. Миланский эдикт 313 г., предоставивший христианам свободу вероисповедания, был издан соправителем Константина Лицинием (308—324), хотя подписан также и Константином.

...*въсхотѣ град создати въ имя свое...* — Константинополь начал строиться как новая столица империи на месте небольшого городка Византия с 324 г. Торжества по случаю провозглашения столицы состоялись 11 мая 330 г.

...*на Трояду... греком на фряги.* — Троянская война, воспетая Гомером, рассматривается здесь как борьба греков с «фрягами», то есть итальянцами. Возможно, троянцев отождествили с «фрягами» потому, что, согласно легендам, цари Рима ведут свой род от троянца Энея.

...*магыстров...* — Магистр — титул высокопоставленного чиновника или военачальника.

...*кесари два сына...* — При императоре Диоклетиане (284—305) Римская империя была разделена на четыре части, которыми управляли два августа — Диоклетиан и Максимиан (286—305) и два цезаря (кесаря) — Галерий (293—311) и Констанций Хлор — отец Константина (293—306). Титул цезаря в империи носили соправители императоров, а также члены императорской фамилии. После смерти Константина в Италии правил Констант (337—350), погибший в борьбе с восставшим против него Магнецием, а в Галлии — Константин II Младший (337—340). Кто такой Адамант — неясно.

Стр. 218. ...*сына своего Констянтина...* — Констанция, после смерти отца правившего Востоком (337—361). В 351 или 352 г. он нанес поражение Магнецию и стал править всей империей.

...*Ликиния, зятя своего...* — Соправитель Константина Лициний был женат на его сводной сестре.

...*Далмата... Галу и Улияна.* — Братья Константина и его племянник Галл были убиты в 337 г. Констанцием. Юлиана Констанций женил на своей сестре, в 355 г. провозгласил кесарем, в 360 г. — августом. В 361—363 гг. Юлиан был римским императором, он погиб во время похода на персов.

...*мегистан...* — Вельмож.

...*межи дву морь — Чернаго и Бѣлаго.* — Константинополь расположен на полуострове, омываемом с юга Мраморным морем, а с севера — Черным морем, но непосредственно городская граница на северо-востоке идет по берегу залива Золотой Рог.

Стр. 220. ...*двѣ импол̄ѣ...* — Так передано греческое слово «емболой»— крытая галерея, портик.

...*Новый Рим.* — Византийские авторы свидетельствуют, что Константин назвал основанную им столицу «Новый Рим». Древнерусское именование «Царьград» — калька греческого названия («Басилéвуса пóлис» — «царственный город»).

...*Софею великую... Архангела Михаила.* — Здесь перечисляются константинопольские храмы, построенные, однако, в различное время: церковь святой Ирины в 532 г., храм святой Софии в 532—537 гг. Анфимием из Трал̄л и

Исидором с Милета на месте деревянной базилики, храм Святых апостолов построен в конце IX — начале X в. и т. д.

...пречюдный он столпъ багряный... — Колонна из розового порфира, привезенная из Рима. На ней находилось изваяние Аполлона, замененное в XII в. изображением креста.

...12 кош, их же благослови Христос... — Имеется в виду евангельский рассказ о том, как Христос пятью хлебами накормил пять тысяч человек; после этого осталось еще двенадцать коробов хлеба.

...от дрѣва честнаго... — От креста, на котором был распят Христос.

...Одигитрие... — Речь идет об особом типе иконы богоматери («путеводительнице»), которая почиталась в Константинополе как патрональная икона — покровительница города.

Стратиг — военачальник.

Стр. 222. *...богомужнаго нерукотвореннаго образа, иже от Едеса...* — Эдесса — в IV—VI вв. значительный центр христианства (ныне город Урфа в Турции). Нерукотворный образ — плащаница (полотно), на которой, согласно легенде, запечатлелся образ Христа.

...великий Иустиниян цесарь и Федосий Великий и цесарица Евдокия... — Упомянуты византийские императоры Юстиниан Великий (527—565), Феодосий Великий (379—395) и Евдокия, жена императора Феодосия II, правившего в 408—450 гг. При всех названных императорах в столице велось большое строительство.

...Андрѣй Критцкий... — Андрей Критский, византийский церковный поэт, создатель «Великого канона» (ок. 660—ок. 740).

...Магумет, Амуратов сынъ... — Мехмед II, турецкий султан (1451—1481), сын султана Мурада II. Мехмед отличался неукротимой энергией, непомерным честолюбием, хитростью, изощренной жестокостью, сочетавшимися, однако, с недюжинным умом и блестящей образованностью.

...съ цесаремъ Костянтином... — Последним императором Византии был Константин XI Палеолог (1449—1453), сын императора Мануила II и сербской принцессы Елены Драгаш.

...братиям цесаревым не сущимъ. —Речь идет о Димитрии и Фоме, деспотах (правителях) Морейского деспотата — византийских владениях на полуострове Пелопоннесе, фактически независимых от императора.

...пищалми... — Автор последовательно различает пушки и орудия меньшего калибра — пищали.

...зане един бьяшеся с тысящею, а два — съ тмою. — Традиционный образ неравенства сил противников здесь употреблен совершенно уместно. Турецкая армия, осадившая Константинополь, насчитывала по современным оценкам около 150—200 тысяч воинов, тогда как в городе было около 5 тысяч воинов-греков и 2-х тысяч наемников, преимущественно итальянцев (генуэзцев); в повести они именуются фрягами.

Стр. 224. *...начаша сурны играти и в варганы и в накры бити...* — Речь идет о музыкальных инструментах типа свирели, флейты и бубна.

Стр. 226. *...тумбан...* — Тимпан — ударный музыкальный инструмент, сходный с литаврами.

Стр. 228. *...зиновьянин князь, именем Зустунѣя...* — Генуэзец Джиованни

(Иоанн) Джустиниани, по прозвищу Лонг — «длинный», предводитель отряда генуэзских наемников. Его роль в обороне города источники освещают по-разному, порой обвиняя его в пассивности и даже измене своему долгу. Русский автор, напротив, подчеркивает мужество Джустиниани и, в частности, оправдывает его уход с поля боя тяжестью ранения.

...катаргах... — Галерах, приводимых в движение двумя-тремя сотнями весел.

В них же пушкы бяху 2 велице... — Турецкая артиллерия была более мощной, чем византийская. Венгр Урбан, перешедший от греков на службу к туркам, отлил две огромные бомбарды, стрелявшие каменными ядрами. Дука так описывает их доставку к стенам Константинополя: «...и запрягли тридцать упряжек, и тащили ее позади себя 60 быков... А с боков бомбарды — по 200 мужчин с каждой стороны, чтобы тянули и уравновешивали ее». Лаоник Халкокондил пишет, что при полете выпущенного из нее ядра «стоял непереносимый гул и земля сотрясалась на 400 стадий вокруг».

Стр. 230. *...со всѣе страны полные...* — То есть со стороны городской стены, пересекавшей полуостров от Золотого Рога до Мраморного моря.

Зелейник — казенная часть пушки, куда насыпали порох («зелье»).

Ягма — турецкое слово, обозначающее «грабеж»; здесь: как побудительный призыв к приступу.

Стр. 232. *...пажушинѣ Галатцкой...* — Имеется в виду, вероятно, пролив, соединяющий Золотой Рог с морем, между Константинополем и генуэзской крепостью Галата, находившейся на другом берегу залива.

...Лименю... — В рукописи «илменю». Видимо, испорчено слово «лимень», употреблявшееся в древнерусском языке со значением «залив».

Стр. 234. *Туры* — осадные башни.

Стр. 236—238. *...збудуться вся прежереченная о градѣ сем... Мефодием Паторомским.* — Имеется в виду истолкование знамения при основании города, а также предсказания о его судьбе, приписываемые византийскому императору Льву Мудрому (886—911) и Мефодию Патарскому — епископу малоазийского города Патар, жившему в III—IV вв.

Стр. 238. *Башта* — башня, наскоро возводимая на месте разрушенной стены.

...яньчанин... — Янычар. Янычары — гвардия турецких султанов, известная со времени Мурада II. Первоначально она насчитывала три тысячи воинов.

Флабурар — от греч. «флампуриариос» — знаменосец. Судя по тексту, речь идет о бейлербеях (ниже они именуются в повести бегиларбеями), командующих войсками восточной, азиатской, части Турции (Анатолии) и западной, европейской (Румелии). Западным бейлербеем был Амар-бей, восточным — Мустафа.

...Рахкавѣю стратигу... — Греческому военачальнику, принадлежавшему, вероятно, к знатному византийскому роду Рангаве.

Стр. 240. *...стратиг сингурла...* — Значение термина «сингурл» неясно.

...Гедеон на мадиямлян... — В Библии рассказывается, как израильский предводитель Гедеон с помощью бога одолел превосходящее по численности войско мадианитян.

Кир Лука же и архидуксъ... — Кир — господин. Архидукс (или мегадука) Лука Нотара командовал византийским флотом. Автор хроники о падении Константинополя Дука считает Луку одним из виновников гибели города.

Враждебно относившийся к союзу православных греков с католиками («латинянами») Нотара будто бы сказал, что «лучше видеть царствующей среди города турецкую чалму, чем латинскую тиару».

...Николай епархъ... — Эпарх — высшее должностное лицо в Константинополе. Епархом в описываемое время был Николай Гуделли.

Великий же доместик... — Высшая военная должность в империи, главнокомандующий.

Логофет — глава гражданского управления в Византии. Этот пост занимал в 1453 г. Георгий Сфрандзи — автор хроники о последних годах существования империи.

Стр. 242. *...събрав баши свои и санчакбиев...* — Баша (паша) — высший гражданский и военный чин в Турции. Санджакбей — военачальник.

...гауровѣ... — Так турки называли христиан; «гяур» значит «неверный», то есть не мусульманин.

...у великие церкви Премудрости божиа... — То есть у храма святой Софии (см. комм. к с. 220).

Стр. 244. *...ангелъ божий, его же укрѣпи богъ при Устиянѣ цесари...* — В легендах о постройке храма Софии при императоре Юстиниане рассказывалось о чудесной помощи ангела.

Стр. 246. *...карачбѣю...* — Караджбей — титул приближенных султана.

Стр. 246—248. *...противу цесарскых полатъ... Хорсуни всѣя.* — В оборонительной крепостной стене Константинополя, обращенной к материку, было несколько ворот. В северной ее части, у берега залива Золотой Рог находились Деревянные ворота, южнее их—Калигарийские (здесь—Калисария), к юго-востоку от соединяющей их стены располагался Влахернский дворец («цесарские полаты»); далее к югу находились Харисийские ворота (Хорсунь), ворота святого Романа, ворота Пиги и, наконец, у южной оконечности стены, у берега Мраморного моря — Золотые ворота («Золотое место»).

Стр. 248. *Столу же морскому Балтауглию и Загану...* — То есть адмиралам (турецкий титул — капудан-паша) — Балта-оглы и Заган-паше.

Стр. 252. *Протостратор* — придворный чин: вельможа, ведавший царской конюшней.

Бяху же трие ты инафтыи... — Возможно, прочтение *ифнатыи;* существует догадка, что следовало бы писать *инфантыи,* в этом случае перед нами латинизм со значением «подростки».

...склопу... — И. И. Срезневский видел в этом слове грецизм «сколопс» — заостренное оружие (стрела?).

...и поношаше его проч, тако и фряговѣ вси поидоша за ним. — Некоторые современники утверждали, что рана Джустиниани не была столь серьезной, и осуждали его уход с поля боя. Раненого Джустиниани перевезли в Галату, генуэзскую крепость на противоположном берегу залива Золотой Рог.

Стр. 254. *...морский путь преспѣ...* — Смысл этих слов неясен: почему именно теперь стало возможным достичь осажденного города морем?

Патриярхъ же Анастасие... — Источники упоминают патриарха Афанасия, занимавшего престол в 1450 г. Кого имеет в виду автор повести — неясно.

Стр. 256. *...сунклит...* — Так именовался в Византии сенат.

...придѣ гуфою... — Стремительно, неожиданно напав.

Стр. 258. *...три тысяща избранных...* — То есть янычар. См. комм. к с. 238.

И тако пострада благовѣрный царь Костянтин... — О подробностях гибели императора и о том, как было обнаружено его тело, источники сообщают различно, однако во всех подчеркивается воинская доблесть и мужество Константина.

Стр. 260. *Царица... иночство прия.* — В момент падения города Константин был вдовцом. Здесь либо отражена устная легенда, либо перед нами домысел автора повести, изобразившего традиционную ситуацию — пострижение вдовы.

Стр. 262. *...со всеми чины врат своих...* — То есть со свитой, с приближенными. Турецкое слово «капи» значило «дверь» и «дворцовая гвардия».

Стр. 264. *...великый дукас... повѣле их, истязав, посещи.* — Лука Нотара был сначала благосклонно принят султаном. Мехмед посетил его дом, навестил больную жену дуки. Однако после того, как Нотара отказался передать евнуху султана своего двенадцатилетнего сына, Лука, его родственники и многие византийские вельможи были казнены. Анактос — грецизм со значением «правитель, властитель».

...одолѣ одолевших гордаго Артаксерксиа... — Автор вспоминает о победе греков над Артаксерксом I, персидским царем (465—424 до н. э.).

...потреби потребивших Троию... обраняему. — Речь идет о победе греков в Троянской войне. Однако неясно, откуда взято число «семьдесят четыре короля», оборонявших Трою. А. С. Орлов видел здесь влияние «Троянской истории» Гвидо де Колумна, известной в русском переводе, но там нет соответствующего подсчета защитников Трои.

Стр. 264—266. *«И востанет великый Филиппъ... четвертый в Сѣлуни».*—Приводится обширная цитата из апокрифического видения пророка Даниила. С его именем в средневековье связывалось много предсказаний о будущем народов и судьбе мира. Имена, упоминаемые в пророчестве, не поддаются надежному отождествлению с теми или иными историческими лицами.

Искиндѣр — турецкое произношение имени Александр.

ИНОКА ФОМЫ СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ

(Стр. 268)

«Смиренного инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче» —похвала величию и могуществу тверского князя Бориса Александровича (1425—1461), а также тверскому княжеству. Произведение это разделяется на шесть частей (считая последнюю, оборванную на первых строках), самостоятельных композиционно и тематически, но объединенных единой идеей и стилем. «Слово» было сочинено около 1453 г. Об авторе его, иноке Фоме, ничего не известно. Опираясь на текст самого «Слова», можно только сказать, что это было лицо, близкое к князю Борису Александровичу, хорошо знакомое с его двором; из характеристики, данной автором себе самому, видно, что он был профессиональным придворным писателем. Для исследователей остается загадкой, был ли Фома, тверской посол на упоминаемый в первой части «Слова» Ферраро-Флорентийский собор, одним лицом с иноком Фомой или это были два разных лица.

«Слово» отражает время возвышения тверского княжества, когда Москва, раздираемая усобицами, находилась в состоянии упадка. Основная мысль этого произведения — прославление тверского князя Бориса Александровича как «самодержавного государя», достойного встать во главе всей Русской земли. Вторая четверть XV в. была эпохой последнего возвышения Твери. Очень скоро (к последней четверти XV в.) Тверь утратит свое первенствующее значение и окончательно уступит его Москве. Но пока, в середине XV в., инок Фома именует великого князя тверского царем и самодержцем и рассказывает, как он является своим подданным, увенчанным царским венцом; пока именно тверской посол, боярин великого князя, выступает как единственный светский представитель Руси на Ферраро-Флорентийском соборе; пока именно тверской великий князь Борис Александрович покровительствует великому князю московскому Василию Темному, поддерживая его в долгой борьбе с Дмитрием Шемякой и первенствуя в союзе с Москвой.

Естественно поэтому, что когда впоследствии идея создания единодержавного Русского государства перешла к Москве, «Слово инока Фомы» не оказалось включенным в официальную московскую литературу и дошло до нас в единственном списке второй половины XVI в., по которому и печатается,— *ЛОИИ,* собр. Н. П. Лихачева, № 689, л. 212—315 (издано Н. П. Лихачевым; «Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче». Сообщение Н. П. Лихачева. Изд. ОЛДП, 1908). Список имеет много дефектов, обрывается на полуфразе, плохо переписан, со множеством ошибок; исправления делаются по смыслу и набраны курсивом.

Стр. 268. *...инока Фомы слово похвалное...*—Инок Фома упоминается как автор только в первом из шести слов, на которые распадается комментируемый памятник; однако большинство исследователей считают его автором всего «Похвального слова» в целом.

...яко же рече Соломан... — Соломон — см. о нем комм. к с. 52. Ему приписывается авторство нескольких библейских и апокрифических книг.

...яко же рече Иван Дамаскын... — Иоанн Дамаскин (673—777) — один из отцов церкви, богослов, писатель, гимнограф.

...иже от Владимера, добрѣ да ублажим... — Владимир I Святославич (ум. в 1015 г.), князь киевский, креститель Русской земли, был признан русской церковью святым.

...пророком Давидом. — См. о нем комм. к с. 70. Давиду приписывается авторство библейской книги Псалтыри.

Стр. 270. *...Моисея того именуют... новаго израиля... добрѣ правящи.* — Моисей — библейский персонаж, освободитель и законодатель еврейского народа.

...втораго Констянтина... — Константин Великий. См. комм. к с. 216.

...новаго Ярослава... — Киевский князь Ярослав Владимирович Мудрый (ум. в 1054 г.).

...рече Иевъ... — Иов — библейский персонаж; ему посвящена библейская Книга Иова.

...рече Иаковъ целомудрому Иосифу... — Иаков и сын его Иосиф — библейские персонажи; Иосиф был любимым сыном Иакова.

...бывшу стязанию о православной вѣре христианомъ с римляне. — Речь идет о Ферраро-Флорентийском церковном соборе (1438—1439), ставившем своей целью соединение западной и восточной церквей (см.: «Хождение на Флорентийский собор» в кн.: «Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века». М., 1981).

...царю же цариградскому Иоанну възвѣстившу в послании... И приимъ же царская послание великий князь Борис Александрович... — Византийский император Иоанн VIII Палеолог (1425—1448), инициатор и участник Ферраро-Флорентийского собора. Текст неясен и исправлен предположительно по смыслу. В рукописи: «возъстиша ⟨переправлено из *въвѣстити*⟩ наши послании», и далее: «царская послания великаго князя Бориса Александровича». Если бы это чтение было верным, то следовало бы предполагать, что еще до приглашения принять участие в соборе Борис отправил со своими посланцами «царская послания» императору (послания тверского великого князя могли именоваться «царскими», так как и далее автор именует Бориса «царем»); император принял их с радостью. Но текст приходится считать дефектным, так как далее идет речь не о том, как поступил император, получив послание Бориса, а о том, как Борис чествовал императорских послов и готовил своего посла.

Стр. 272. *...епископа Илию...* — Илья, епископ тверской (упом. в 1437, 1438, 1451 гг.).

...посла... именем Фому. — Фома, тверской посол на Флорентийском соборе, упоминается и в других памятниках, в том числе и западных (в одном случае как «Фома Матвеевич»).

...на Немецкую земълю... — Очевидно, земли немецкого Ливонского ордена, с которыми граничила Псковская земля.

...Курвскую землю... — Курляндия, часть Ливонии.

...Жмотьскую землю... — Жмудская земля, часть Литвы.

...Прускую землю... — Земли немецкого Прусского (Тевтонского) ордена.

...Словенъскую землю... — Название непонятно, может быть, речь идет о земле лужицких сербов.

...Любутскую землю... — Название не совсем понятно: если речь идет о ганзейском городе Любеке, то это противоречит дальнейшему изложению, где речь идет, очевидно, о более близких к началу маршрута германских землях.

...Морьскую землю... — Возможно, что речь идет о северо-восточной немецкой земле — Померании.

...Жуньскую землю... — Очевидно, «Зундскую землю»; возможно, речь идет о немецком прибалтийском городе Штральзунде.

...Свѣйскую землю... — Это указание особенно усложняет описание маршрута тверских послов. Едва ли русские послы могли ехать через Швецию (и сразу из нее попасть во Флоренцию); судя по другим описаниям путешествия во Флоренцию, из Германии русские послы ехали через Тироль и Триент (Тридент); поэтому если «Свейская земля» означает Швейцарию, то это указание также неточно.

...ту наехалъ есми папу римьскаго Евгениа... — Папа Евгений IV (1431—1447); если первое лицо («есми») в этой фразе не является ошибкой в рукописи, то автор может считаться участником посольства во Флоренцию.

...и вселеньскаго патриарха Иосифа... — Константинопольский патриарх Иосиф II (1416—1439).

Стр. 274. *Ираклийский митрополитъ Антоней рече...* — Здесь начинаются явно легендарные речи в честь тверского князя двадцати двух митрополитов православных церквей (византийской, русской, болгарской, молдавской, грузинской), участвовавших в работе Ферраро-Флорентийского собора.

...и крѣпостию съвершаяся, а мужство... — Окончание речи ираклийского митрополита Антония утрачено, так как далее в рукописи вырван лист, на котором, вероятно, были также записаны речи митрополитов: Марка Эфесского, Исидора Русского и Досифея Монемвасийского.

Стр. 276. *...но и до царствующаго града и до Святыя горы...* — Имеются в виду Константинополь (Царьград) и колония православных монастырей на полуострове Афон.

...подобенъ есть великому царю Констянтину. Онъ бо съ святыми отци на 1-м съборѣ былъ. — Византийский император Константин Великий участвовал в Первом вселенском церковном соборе (325 г.). В рукописи ошибочно: «7-м съборѣ».

Стр. 278. *И мы же почтохомъ такова писаниа и удивихомься...* — Это замечание и заставляет сомневаться в том, что Фома, автор «Слова», читавший «похвалу святыхъ отець о великомъ князѣ Борисѣ», записанную по приказу посла Фомы, идентичен этому послу.

Пишетъ бо в Бытии... — Имеется в виду одна из библейских книг, Книга Бытия.

Стр. 280. *...слыша южескаа царици премудрость Соломоню и прииде от конець земли и слышати хотя премудрость Соломоню?* — В Библии повествуется, что царица Савская (из южной части Аравии), наслышавшись о необычайной мудрости еврейского царя Соломона, решила лично убедиться в достоверности слухов и совершила поездку в столицу Соломона.

...нарку его Тивириа кесара правосудна. Но Тиверий не повели людемъ своимъ въ красныхъ ризахъ и въ златыхъ блистаниихъ предъ собою ходити. — О Тиберии, римском императоре (14—37), писали, что он жил в простоте, собственным примером борясь против роскоши общества.

...нареку его Премудраго Лва... — Лев VI Мудрый (886—911), византийский император.

Стр. 282. *И Августа его нареку, и при немо же имена человечьская напишася...* — Август — римский император (27 до н. э. — 14 н. э.); при нем была произведена очень тщательная перепись населения. Эта перепись упоминается в Евангелии от Луки в связи с рассказом о рождении Иисуса Христа.

...Семиона ли его нареку златоструйнаго и любокьнижнаго или Птоломию Книголюбца? — Речь идет о болгарском царе Симеоне (893—927), покровителе литературы и книжности, которого сравнивали с другим книголюбцем древности, царем Птолемеем Египетским (ум. в 283 г. до н. э.), создателем публичной библиотеки в Александрии.

...Констянтина ли царя его нареку, или Устиана царя, или Феодосѣя, царя благочестиваго, иже и соборы утвердиша православна ихъ крестианства? — Имеются в виду византийские императоры, принимавшие деятельное участие во вселенских соборах христианской церкви: Константин Великий, участвовавший в 325 г. в Никейском первом соборе; Феодосий Великий,

участвовавший в 381 г. в Константинопольском первом соборе; и Юстиниан Великий, созвавший в 553 г. Константинопольский второй собор.

...а по Владимерѣ приатъ такую великославную честь... — Имеется в виду Владимир I Святославич, при котором в качестве официальной религии на Руси было принято христианство (988—989).

...Моисѣя великого нареку его... еже проведе израиля немокреными стопами сквозѣ Черьмное море? — Согласно Библии, Моисей, выводя еврейский народ из египетского плена, чудесно провел его через Красное море.

...Иосифа... его же постави богъ господина надо всѣмъ Египтомъ? Но той толико пшеницею препиталъ градъ Египет... — В Библии повествуется, что Иосиф сделался верховным правителем Египта и спас народ от голода, прокормив его сбереженной в урожайные годы пшеницей.

Стр. 284. *...Григорей Богослов...* — Григорий Богослов (IV в.) — один из отцов церкви, богослов, писатель, поэт.

...Иаковъ, братъ божий... — Иаков — один из апостолов, считается в христианской традиции братом Иисуса Христа, согласно одной версии — потому, что был сыном Иосифа Обручника от первой жены, согласно другой — потому, что принадлежал к числу двоюродных братьев Иисуса Христа; под его именем известна одна из книг Нового завета «Соборное послание святого апостола Иакова».

...яко же оноя вдовици двѣ лѣпте... — В Евангелии повествуется о бедной вдове, пожертвовавшей в иерусалимский храм две лепты (лепта — денежная единица) «от скудости своей» и тем превзошедшей всех, жертвовавших много, но «от избытка своего».

...пою пѣснь побѣдную, яко же и Мариамъ древле... — Согласно Библии сестра Моисея Мариам сложила восторженную песнь богу в честь перехода евреев через Красное море.

Аминь. — Эта концовка, возможно, обозначает окончание первой части (первого слова) памятника, посвященной Флорентийскому собору, и переход к другой теме — войне с Москвой.

Стр. 286. *...Тфѣрьская же земля... Михаилом хвалящеся...* — Имеется в виду Михаил Ярославич, великий князь владимирский и тверской (1304—1318), убитый в Орде, или Михаил Александрович, великий князь тверской (1368—1399), претендовавший в 1375 г. на великое княжение владимирское.

...гордыя съ власти сверже, а смиренныя на престолѣ со собою посади... — Начало княжения Бориса Александровича было ознаменовано борьбой с удельными князьями. После смерти его деда Ивана Михайловича и кратковременного правления отца Александра Ивановича и старшего брата Юрия Александровича в 1425 г. престол занял Борис. Но у Юрия был сын, Иван Юрьевич, который мог считаться прямым наследником престола; однако Борис не допустил его к власти, дав ему небольшой удел — Зубцов. В том же 1425 г. Борис лишил престола и заточил старого соперника своего деда — Василия Михайловича Кашинского.

...въ дни Авраама, егда бѣ плененъ бысть Лотъ... и възврати сыновца своего. — О возвращении Лота из плена Авраамом рассказывается в Библии (Книга Бытия).

...нѣкто от предѣлъ московскихъ, именемъ Колычевъ, и тъй прииде в силѣ

тяжцѣ, хотя пленити сына брата его, князя Юрия Александровичя. — Иван Юрьевич, князь зубцовский, племянник Бориса; Колычев, нападавший на тверские земли, был, очевидно, одним из сыновей Федора Колыча, родоначальника Колычевых. Андрей Федорович Колычев погиб в 1445 г. в бою с татарами под Суздалем.

...и гнаша ихъ до Сижешкы, и еже есть ошуюю Ржевы. — Ржева, Ржев — город на границе между Тверским и Московским княжествами и Литвой; была постоянно предметом спора между этими землями (ср. ниже). Река Сижешка, по-видимому, идентична реке Сишке вблизи Ржева или Гастижке вблизи Зубцова. Нападение москвичей на тверские земли происходило, очевидно, перед 1439 г., так как в этом году был заключен договор, упоминающий пленных, захваченных во время столкновения между княжествами.

Стр. 288. *...Павла, глаголюща...* — Имеется в виду апостол Павел.

Стр. 290. *...ревнуя по своемъ праотцѣ, великомъ князе Борисе Александровиче.* — Текст явно испорчен. Среди предков Бориса не было князя Бориса Александровича; речь идет, вероятнее всего, о Михаиле Александровиче Тверском.

Стр. 292. *...великого князя Ивана Михайловича.* — Дед Бориса Александровича Иван Михайлович, великий князь тверской (1399—1425).

...манастырь близу... града Тфѣри на рѣцѣ Тмацѣ и нарѣкова церковъ 3-ю святители... — Н. П. Лихачев считал, что речь идет о монастыре Святых отец, «иже в Никеи», который был разрушен литовцами в начале XVII в.

...князь же великий Александръ Ивановичь... — Отец Бориса, бывший великим князем пять месяцев в 1425 г.

...манастырь устрои на рѣцѣ Перемере и нарече Благовещение пресвятыя богородици... — Благовещенский монастырь при впадении речки Перемерки в Волгу.

...манастырь на рѣцѣ Върърщинѣ и нарѣковахъ церковь самого творьца... еже ему на небеса Възнесению. — Очевидно, здесь имеется в виду Вознесенский Оршинский монастырь, находившийся при впадении речки Орши в Волгу. Реки Ворщины в тверских пределах нет.

...входъ господу нашему Иисусу Христу въ градъ Иерусалимь, и от дѣтей еврейскыхъ велику почесть приимъ... — Согласно евангельской легенде, Иисус Христос при входе в Иерусалим с почестями был встречен народом, многие устилали его путь своими одеждами.

Стр. 294. *Но и слуги же почти царя Христа, святыхъ великихъ мученикъ... Бориса и брата его Глѣба. И устрои имъ храмъ среди своего двора от камени бѣлаго...* — Борис и Глеб — сыновья киевского князя Владимира I Святославича, убитые по приказанию брата, Святополка Окаянного, первые святые, канонизированные в русской церкви. О создании церкви в честь Бориса и Глеба в Тверской летописи упоминается под 1438 г. Писцовая книга XVI в. сообщает, что храм стоял «на сенях», т. е. был связан с княжеским дворцом. В 1612 г. в нем произошел пожар, а к 1626 г. храм уже «завалился».

...при Соломонѣ въ Святая Святыхъ. — Согласно Библии, царем Соломоном был воздвигнут храм богу, Святая Святых, чудесно и богато украшенный.

...святого Христова мученика Феодора. — Имеется в виду византийский святой Феодор Тирон (сожжен на костре в 306 г.). В Тверской летописи строительство «града» (крепости) на месте прежнего монастыря Федора Тирона упо-

минается не под 6955 (1447), а под 6954 г., и говорится в связи с этим, что Борис «разорилъ манастырь... Феодора Тирона, а поставил город, архимандритию перевелъ къ святому Григорию Богослову и церковь поставил святаго Феодора». По мнению исследователя древнерусского зодчества Н. Н. Воронина, укрепление монастыря было лишь формой, в которую было облечено сооружение на острове княжеского замка с особым княжеским двором.

Стр. 296. *...яко же и Моисѣй новаго Веселеила...* — Согласно Библии Веселиил был художником и строителем скинии, походного храма евреев.

Стр. 298. *...городню...* — Городня — сруб стены, засыпаемый изнутри землей.

Кашин — крупнейший после Твери центр Тверского княжества; «запустение» Кашина было, вероятно, связано с уничтожением удельного княжества Кашинского в начале правления Бориса или с нападением Дмитрия Шемяки (см. комм. к с. 308), сжегшего в 1453 г. посады Кашина.

...градъ въ области Клинской... тако же за многыя лѣта запустѣвший. — Город Клин в Тверском княжестве был разорен татарами во время нашествия Едигея в декабре 1408 г. По мнению Н. Н. Воронина, «город в области Клинской» — это Городня, где, по сведениям дозорной книги 1614 г., находилась церковь Рождества богородицы «строенья великого князя Бориса Александровича Тверского».

...Иоанну Златаусту... — Иоанн Златоуст (ок. 350—407) — один из отцов церкви, знаменитый своими проповедями.

Стр. 300. *...апостольскыи книги имаши...*— Имеются в виду книги Нового завета: Деяния апостолов, апостольские послания, Откровение Иоанна Богослова.

...почти Царства. — Имеются в виду библейские Книги Царств, посвященные истории иудейского и израильского царств.

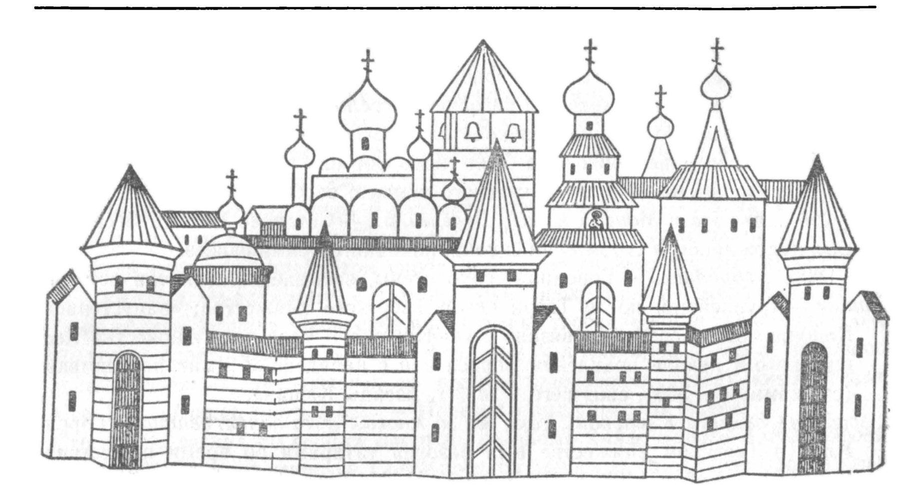
...Дионисиа Арепагита... — Дионисий Ареопагит упоминается в новозаветной книге Деяния апостолов. Христианская традиция приписывает Дионисию Ареопагиту ряд богословских и христологических сочинений (ср. комм. к с. 552).

...убоимься притчи лениваго оного раба, съкрывъшаго таланътъ государя своего... — Имеется в виду евангельская притча о человеке, отправившемся в чужую страну и поручившем свои деньги (талант — денежная единица) своим рабам. Двое рабов пустили деньги в оборот и получили на них прибыль для господина. Ленивый же раб закопал порученный ему талант в землю и не получил прибыли.

Стр. 302. *...какъ царскому и праоческому престолу достоинъ есть великий князь Борисъ Александровичь.* — Упоминания о «царском престоле» Бориса Александровича, встречающиеся в «Слове» неоднократно, связаны, очевидно, с далеко идущими политическими претензиями тверского князя. Претензии эти получили отражение в памятнике начала XVI в. «Послание о Мономаховом венце», автор которого Спиридон-Савва, тверской монах, претендовавший на митрополичий престол, повествуя о переходе римско-византийских царских регалий на Русь, заканчивал изложение родословием тверских князей — потомков Владимира Мономаха.

Стр. 306. *...великий Павелъ...* — Речь идет об апостоле Павле.

...при великомъ цари Устианѣ и при великомъ цари Феодосии таковыя и незабвеныя пожары быша... И сей же бысть пожаръ в лѣтъ 6957. — В Твер-



Панорама Тверского Кремля по литографии с иконы XVI—XVII веков с изображением князя Михаила Тверского и его матери Ксении (местонахождение неизвестно).

ской летописи упоминаются виновники пожара 1449 г. — «Ростопчины дѣти, Иванко да Степуря», казненные по приказу Бориса Александровича. Феодосий I Великий — римско-византийский император в 379—395 гг., Юстиниан I Великий — византийский император в 527—565 гг.

Стр. 308. *...король великопольский и краковьский и великий князь литовъский Казимиръ...* — Казимир Ягеллон, литовский великий князь с 1440 по 1492 г.; в 1447 г. был избран польским королем (Казимир IV).

...домъ святого Спаса... — Речь идет о Спасо-Преображенском соборе, патрональном храме Твери, по которому и само Тверское княжество именовалось «домом святого Спаса».

...недругъ бысть великому князю Борису и князю Дмитрею, зовомому Шемяцѣ. — Дмитрий Юрьевич Шемяка, удельный князь галицкий, занимавший в 1446—1447 гг. московский великокняжеский престол.

...мученика Христова Дмитриа, и какъ о своихъ си людехъ глаголаше... — Речь идет о византийском святом Димитрии Солунском; согласно житию, Дмитрий Солунский, встав из гроба, отказался покинуть город Солунь (современ. Солоники), где находились его мощи, и оставить без защиты жителей, которым грозило нападение врагов.

...брата по своего по молодшаго, по князя Ивана Андрѣевича. — Удельный князь Иван Андреевич Можайский, активный участник войны 1446—1447 гг. между Дмитрием Шемякой и Василием II, в июле 1447 г. заключил перемирие, а в сентябре — «докончание» с Василием Темным, в котором признавал себя «братом молодшим» московского великого князя; Борис Александрович выступил с Василием Темным «за один человек». Именование Ивана Андреевича «братом молодшим» Бориса связано, возможно, и с тем, что в сентябре 1447 г. Ивану Андреевичу был передан Бежецкий Верх, примыкавший к владениям тверского князя.

Стр. 312. ...*от Шаврукова царьства...* — Царство Шахруха, сына Тимура, бывшего с 1409 по 1447 г. номинальным властителем всей территории, находившейся под властью Тимура перед его смертью. Столицей этого обширного царства (включавшего Среднюю Азию, Афганистан, Иран и Пенджаб) был Герат.

...*от лѣтописца вкратцѣ...* — Летопись, используемая далее в «Слове», не совпадает с так называемой Тверской летописью или Тверским сборником (*ПСРЛ,* т. XV) и во многом расходится с нею (см. комм. к с. 322 и 328).

...*хотя убити брата своего старийшаго великого князя Василиа...* — Подробный рассказ об этих событиях содержится в «Повести об ослеплении Василия II» — см.: «Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV в.», а также известия Севернорусского летописного свода 1472 года в наст. т., с. 420—426.

...*еже зоветься Маковець...* — Название «Маковец» носит гора, на которой Сергий Радонежский основал Троицкий монастырь.

Стр. 314. ...*старца Сергиа в поруку вписаша...* — Сергий Радонежский (ок. 1321—1391), основатель и игумен Троицкого монастыря, был свидетелем при составлении в 1389 г. завещания Дмитрия Донского (вокруг которого велись споры между его внуками), но в договоре Василия II с Дмитрием 1441 г., предшествующем феодальной войне, он упоминаться как свидетель, естественно, не мог. Однако в «Повести об ослеплении Василия II» Василий также упоминает Сергия: «цѣловали есмя животворящий крестъ и сию икону... у сего же чюдотворцева гроба Сергиева».

...*княгиню великую Софию послалъ въ Галичь...* — Согласно великокняжеской летописи мать Василия II была сослана в Чухлому.

...*коломенского владыку Варламиа...* — Участие коломенского владыки Варлаама вместе с будущим митрополитом Ионой в «поимании» Шемякой детей Василия Темного в других летописях не упоминается.

Стр. 316. ...*князь Дмитрей послал посла своего к великому князю Борису Александровичю...* — В отличие от комментируемого летописца общерусские летописи (как и Новгородская четвертая) утверждают, что Борис Александрович уже с начала заговора Дмитрия Шемяки и Ивана Можайского знал о нем и был его соучастником.

...*твою отчину... да и наши отчины хощет предати тотаромъ...* — Об обвинении Василия II в пособничестве татарам, выдвинутом Шемякой, упоминается и в «Повести об ослеплении Василия II», и Севернорусском летописном своде 1472 года.

...*князя Ондрѣя Дмитреевича...* — Вероятно, Андрей Дмитриевич Дорогобужский, представитель княжеского рода, служившего в первой половине XV в. тверским великим князьям, а затем перешедшего на московскую службу.

...*яко же Ярославъ...* — Очевидно, имеется в виду киевский князь Ярослав Мудрый, отомстивший Святополку Окаянному за убийство братьев Бориса и Глеба.

...*намѣстника своего кашинскаго, князя Феодора Шуйскаго...* — Видимо, Федор Юрьевич Шуйский, внук великого князя суздальско-нижегородского Василия Дмитриевича. С XV в. потомки суздальских князей Шуйские превращаются в служилых князей при московском и, как мы видим из «Слова» Фомы, тверском дворе.

Стр. 318. *...нѣкогда пришедшу на меня дядѣ моему, князю Юрию... не обрѣтохъ обиталища ни у кого же, но развѣе... у великого князя Бориса Александровича.* — Василий II впервые нашел убежище в Твери в 1433 г. после победы над ним его дяди князя Юрия Дмитриевича (отца Шемяки).

...преже бо видѣша брата своего великого князя Василиа добролѣпна... и нынѣ же уничижиина и нищевидна... — Здесь повествуется уже, очевидно, о личном свидании обоих князей после бегства Василия в 1446 г. в Тверь. В предшествующем тексте, однако, ничего не говорится об этом бегстве (речь идет только о приглашении, переданном через Шуйского) — возможно, что здесь какой-то пробел в тексте «Слова».

...великии княгини, Настасиа с великою княгинею Мариею... — Первая жена Бориса Александровича — княгиня Анастасия Андреевна, сестра князя Ивана Андреевича Можайского (ум. в 1451 г.); жена Василия II — Мария Ярославна (сестра князя Василия Ярославича Серпуховского).

Стр. 320. *Александр Садык* — по-видимому, представитель тверского служилого рода Садыковых-Шетневых.

...воеводу своего Лва... — По-видимому, Льва Измайлова, упоминающегося в Тверской летописи (*ПСРЛ,* т. XV. СПб., 1863, с. 493). В великокняжеском летописании здесь назван только московский воевода Плещеев.

...до градака, зовомого Редена... — Возможно, Редын (Редынь), в Дорогобужской волости, в южной части великого княжества Тверского.

...егда же умолим бысть от него... и отпусти его на первое его государство. — Составитель «Слова» подчеркивает полную зависимость «нищевидного» Василия Темного: ему приходится «молити» Бориса возвратить ему Москву.

...Бориса Захариинича да брата его Семена Заахариинича... — Представители рода Бороздиных, перешедших впоследствии на московскую службу.

Стр. 322. *...и град отвориша.* — Об участии тверских сил (пушек) в осаде Углича упоминается и в Тверском сборнике; но великокняжеская летопись об этом умалчивает.

...къ Ярославу... — К Ярославлю, находящемуся к востоку от Углича.

...восхотѣ поискати изгыбшей драгмы... — Драхма — древнегреческая монета; здесь в смысле — вернуть утерянное. В Тверском сборнике присоединение Ржевы (Ржева) объясняется тем, что Василий Темный дал ее Борису (в «Слове» далее также упоминается, что московские князья «отступают» ее Твери); в великокняжеском летописании о переходе Ржева к Тверскому княжеству ничего не говорилось.

...князя Дмитрея Феодоровича... — Неясно, о ком идет речь. Среди тверских служилых князей (Дорогобужские, Чернятинские, Холмские и Микулинские) это имя не встречается.

...Григориа Никитича. — Очевидно, Григория Никитича Бороздина, двоюродного брата Бориса и Семена Захарьиничей.

Опоки — город (ныне село) Опоки на Волге между Зубцовом и Ржевой.

Карп Феодорович — сын московского служилого боярина Федора Коробьина, отъехавшего в первой четверти XV в. в Тверь; его потомки (вновь отъехавшие в Москву) именовались Карповыми-Долматовыми.

Стр. 324. *Туры* — осадные передвижные укрепления.

Стр. 326. *...ни о чемъ же не обрежет, а меч любит».* — Традиционный сюжет о князе, отвергающем дорогие подарки и предпочитающем меч, встречается в древнерусской литературе в «Повести временных лет» (рассказ о Святославе) и в «Сербской Александрии».

...на Федоровѣ недели... — В первую неделю Великого поста.

...посли от Великого Новагорода... — Столкновение между Тверью и Новгородом произошло, судя по Новгородской первой летописи, в августе 1445 г., когда тверские воеводы напали на Торжок. Сохранился новгородский проект договора о мире с Тверью 1446—1447 гг.

Стр. 328. *...дву царевичъ, Трегуба да Агуба...* — Речь идет о двух сыновьях Улу-Мухаммеда, Ягупе и Касыме, чья помощь Василию II в 1446—1447 гг. отмечалась и в «Повести об ослеплении Василия II». Прозвище Касыма «Трегуб» упоминается и в Севернорусском летописном своде 1472 года (см. в наст. т., с. 424); впоследствии он стал царем вассального по отношению к Руси Касимовского царства.

...прииде князь Василей со Тфѣри на Москву и седе на великое княжение владимерское... — В великокняжеском летописании и других летописях (ср. с. 424) пребывание Василия Темного в Твери относится лишь ко времени до взятия Москвы и сражений под Угличем и Костромой. В «Слове» о возвращении Василия в Москву сообщается дважды.

...князя Ивана Бѣлскаго. — Иван Владимирович Бельский, внук великого князя литовского Ольгерда, сын киевского князя Владимира Ольгердовича, двоюродный брат короля Казимира. О военных действиях под Ржевом в «Слове» сообщается дважды (см. выше, с. 322). В Тверском сборнике об отвоевании Ржева тверичами не упоминается; говорится лишь, что «князь великий Борис Александрович со княгинею убежал в Опоки».

...церковъ каменную... святого Михаила... — О строительстве церкви «архистратига Михаила» в 1452 г. сообщается и в Тверском сборнике.

Стр. 330. *...Иван Яковлич...* — В Тверском сборнике, где тоже сообщается о нападении Шемяки на Кашин в 1453 г., дано прозвище этого воеводы — «Киньдир»; Иван Яковлевич Киндырь был родоначальником Киндыревых.

Стр. 330—332. *...князя Андрѣя Дмитреевича да князя Михаила Дмитреевича же.* — Очевидно, князя Андрея Дмитриевича Дорогобужского и князя Михаила Дмитриевича Холмского.

Стр. 332. *...княжна Настасиа...* — Вторая жена Бориса Александровича Анастасия Александровна, дочь суздальского князя.

...город среди езера и нарекы имя ему Троки. — Название этого тверского города (крепости) было дано, вероятно, в подражание известной литовской крепости Троки (Трокай) — резиденции литовских королей, также находившейся среди озера.

Исайя — библейский пророк, с именем которого связана одна из книг Библии.

Приточник — царь Соломон, которому приписывается авторство библейской книги Притч Соломона.

И сей благовѣрный... брат его старѣйший князь великий Юрий... — Данный раздел «Похвального слова» явно оборван; возможно, что раздел, следующий после сообщения об основании тверских Трок, представляет собой начало еще одного, незаконченного «слова».

ПОВЕСТЬ О ЖИТИИ МИХАИЛА КЛОПСКОГО

(Стр. 334)

Эта повесть — памятник новгородской литературы конца 70-х гг. XV в. В основе произведения лежат местные предания о юродивом Михаиле, подвизавшемся в Клопском Троицком монастыре под Новгородом с 10-х по 50-е гг. XV в. Монастырь занимал особое место среди новгородских монастырей. Возник он поздно (в конце XIV — начале XV в.) и первоначально земельных владений не имел, что вело к столкновению монастыря с новгородскими боярами-землевладельцами в Шелонской пятине, на территории которой монастырь был расположен. Это определяло антибоярскую позицию монастыря, его связь с демократическими слоями новгородского населения. Характерно, что игумен монастыря Феодосий во время выступления народных масс Новгорода против бояр в 1421 г. был избран архиепископом Новгорода (через два года он был отстранен от архиепископства боярами). Антибоярская позиция монастыря особенно ярко проявилась во время борьбы в 70-х гг. Москвы с Новгородом: монастырь выступал сторонником подчинения Новгорода великому князю московскому. Антибоярская направленность, промосковская ориентация отличают и «Житие Михаила Клопского»: в памятнике оправдываются все действия московского князя, направленные против новгородских бояр, резко осуждаются действия крамольников, восстающих против великого князя московского. В этом отношении «Житие Михаила Клопского» следует расценивать как одно из ярких проявлений идеологической борьбы конца 70-х гг. XV в. Не случайно «Повесть о житии» создается именно в эти годы как цельное произведение и в него включается рассказ о пророчестве святым событий 1470-х гг., т. е. тех событий, свидетелем которых Михаил уже не был, так как умер, по крайней мере, за двадцать лет до них. Популярный среди новгородских демократических слоев юродивый Михаил Клопский выступал в эпизодах жития обличителем бояр, поборником подчинения Новгорода Москве, гневно осуждал тех, кто поддерживал сепаратистские устремления новгородской боярской верхушки. Примечательно, что после присоединения Новгорода к Москве, когда земельные владения многих новгородских монастырей были конфискованы московским великим князем, Клопскому монастырю были пожалованы земельные наделы.

«Повесть о житии Михаила Клопского»— не столько житие святого, сколько собранные воедино краткие, увлекательные рассказы о достопримечательных случаях из его жизни. Динамичность, занимательность повествования усиливается ярким, сочным языком, который и по строю своему, и по лексике близок к живой разговорной речи новгородцев той поры. В своем первоначальном виде «Житие», созданное в стенах Клопского монастыря, не соответствовало церковно-служебному, назидательному назначению житийного жанра. Поэтому уже вскоре после написания первой редакции «Жития», в 90-х гг. XV в., создается вторая редакция произведения, автор которой стремится придать этому памятнику более отвечающий житийному канону вид. В этой редакции появляются цитаты из книг Священ-

ного писания, приводятся молитвы святого, язык произведения принимает более книжный характер. В 1537 г. боярским сыном Василием Михайловичем Тучковым создается третья редакция «Жития Михаила Клопского», уже полностью отвечающая всем требованиям житийного жанра. Живость и непосредственность языка первой редакции здесь полностью исчезают.

Первая редакция «Жития Михаила Клопского» дошла до нас в двух вариантах — А и Б. В варианте А есть несколько эпизодов, отсутствующих в варианте Б; в свою очередь, в варианте Б есть эпизоды, которых нет в варианте А. Во второй редакции памятника имеются все эпизоды, вошедшие в варианты первой редакции. Поэтому у нас есть основание утверждать, что в первоначальном тексте первой редакции произведения имелись все эпизоды, а варианты А и Б первой редакции отражают уже более поздний этап литературной истории произведения. Мы публикуем текст «Повести о житии Михаила Клопского» по списку варианта А первой редакции — *ГБЛ,* собр. Волоколамское, № 659, первая половина XVI в. (лл. 344—351 об.). В этом списке, в отличие от всех остальных списков варианта А, после посмертного чуда Михаила (с купцом Михаилом Марковым) присоединены эпизоды, отсутствующие в других списках этого варианта и имеющиеся в варианте Б. Научное издание всех текстов «Повести о житии Михаила Клопского» см. в кн.: Повести о житии Михаила Клопского. Подгот. текстов и статья Л. А. Дмитриева. М. — Л., 1958. Издание реконструкции первоначального вида произведения см.: «Изборник» (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969, с. 414—430 (реконструкция Л. А. Дмитриева).

Стр. 334 *...на Клопско, на Веряжи... къ святѣй Троицѣ...* — Клопский Троицкий монастырь основан в конце XIV — самом начале XV в., в двадцати км южнее Новгорода, на правом берегу реки Веряжи.

...при Феодосии, нареченнѣмъ на владычество. — Игумен монастыря Феодосий, при котором Михаил пришел в монастырь, в 1421 г. был избран новгородским архиепископом, через два года отстранен от архиепископства новгородскими боярами, после чего снова вернулся в монастырь.

...канунъ дни честнаго рожества Иоанна... — Рождество Иоанна Предтечи, Иванов день, день Ивана Купалы праздновался 24 июня. По народным поверьям в ночь накануне Ивана Купалы цветет папоротник и совершаются всевозможные чудеса.

...«Дѣаниа», святаго апостола Павла и плавание. — Имеется в виду 27 и 28-я главы «Деяний святых апостолов». В них рассказывается о плавании Павла из Кесарии в Италию на суд в Рим к кесарю.

Стр. 336. *...позвонили обѣдню...* — Обедня — богослужение, совершаемое в первую половину дня, до обеда (называется также литургией).

И гдѣ пришло пѣть «Единородный»... — Имеется в виду церковное песнопение «Единородный сыне», совершаемое в начальной части литургии.

...далъ проскуру... — Просфора (просвира), от греч. προσφορά — приношение. Круглый пшеничный хлебец особой выпечки с изображением наверху креста и слов, обозначающих победу Христа — іс:хс:ні:ка. В обряде прича-

щения — приобщения верующих к Христу, которым завершалась литургия,— просфора играла важнейшую роль, символизируя собой тело Христа. Давая просфору незнакомому пришельцу в монастырь, игумен не только подтверждает этим свои слова, что «богъ намъ посла̀лъ сего старца», но и приобщает тем самым Михаила к братии монастыря.

Чюдо 2-е, о разбойникѣх. — В варианте Б первой редакции «Жития» чудо о разбойниках изложено с бо́льшими подробностями. Здесь сообщается, что до прихода разбойников Михаил говорит игумену: «Будут у нас гости». Когда «гости» приходят в монастырь (при этом сообщается, что они пришли «в доспесех со оружьи и з сулицами»), то Михаил говорит им: «Не збудетца ваше — почто есте пришли!», т. е. подразумевается намерение разбойников ограбить монастырь.

Чюдо 3-е о Михайлѣ. Како позналъ князь Костянтинъ его. — Константин Дмитриевич, младший сын Дмитрия Донского, родившийся в 1389 г. за четыре дня до смерти отца; князь углицкий. Бывал в Новгороде неоднократно. В данном эпизоде имеется в виду пребывание князя Константина в Новгороде в 1413 г. (см.: В. Л. Янин. К вопросу о происхождении Михаила Клопского. — Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979, с. 52—61).

Преображение господне. — По евангельской легенде, перед Петром, Иаковом и Иоанном произошло изменение облика Иисуса Христа —«и просияло лицо его как солнце, одежды же его сделались белыми как свет» (Евангелие от Матфея, 17, 2). Этот праздник отмечается церковью 6 августа по ст. ст.

...Книгу честь Иева праведнаго... — Читать библейскую Книгу Иова. В этой Книге рассказывается о неколебимой вере Иова и его преданности богу несмотря на все испытания, которым он подвергся.

Стр. 338. *...намъ человекъ той своитинъ.* — В. Л. Янин (см. указ. выше его статью), исследуя вопрос о происхождении Михаила Клопского, пришел к убедительному заключению, что он был сыном героя Куликовской битвы 1380 г. Дмитрия Михайловича Волынского-Боброка, воеводы великого князя московского, и Анны Ивановны, дочери великого князя Ивана Красного, сестры Дмитрия Донского.

По времени же не малѣ прииде князь Костянтинъ Дмитреевичь... — В этом эпизоде имеется в виду пребывание Константина в Новгороде в 1419—1420 гг., когда он приехал туда из-за ссоры с братом, великим князем московским Василием Дмитриевичем. В самом начале 1421 г. Константин был уже в Москве, так как между братьями произошло примирение.

...а в ту церковь святого Николу, что на Ляткѣ».—Николо-Лятский монастырь в окрестностях Новгорода, основан в XIV в., в XVIII в. упразднен.

Однорядка — долгополый однобортный кафтан без ворота.

...на царя Костянтинов день. — 21 мая.

А свершиша святую Троицу на Дмитреевъ день. — Вероятнее всего, 26 октября — день памяти святого Дмитрия Солунского. По летописным данным каменная церковь в Клопском Троицком монастыре была построена как раз во время пребывания в Новгороде Константина Дмитриевича, в 1419 или 1420 г. Правда, в летописи сообщается, что она была сооружена за

шестьдесят дней. Следует отметить, что в варианте Б первой редакции «Жития» названы иные дата и сроки постройки церкви и весь рассказ изобилует целым рядом подробностей.

Стр. 340. *...немоглъ владыка Иванъ 3 года...* — Новгородский архиепископ Иоанн II (с 1389 по 1415 гг.) в 1415 г. по болезни оставил архиепископскую кафедру, ум. в 1417 г.

...и взяша мужа честна у святого Спаса на Хутынѣ на владычество — Семиона. — Спасо-Хутынский монастырь к северу от Новгорода на Волхове. Симеон был архиепископом новгородским с 1415 по 1421 г.

...при Еуфимии... — Евфимий I Брадатый был новгородским архиепископом с 1423 по 1429 г., до избрания на архиепископство — инок Емельян Деревяницкого Воскресенского монастыря.

...от посадника Григориа Кириловича. — Новгородский посадник Григорий Кириллович Посахно, крупный землевладелец, играл большую роль в политической жизни Новгорода в 30-х гг. XV в.

Велик день — пасхальное воскресение.

...на жары... — Жар — пожня на болоте.

...ни кануна приимати... — Канун — угощение, приготовленное к празднику или для поминок.

Яковъ Ондрѣановъ сынъ, Феофилат Захарьинъ сынъ, Иванъ Василъев. — Имена новгородских бояр Феофилата Захарьина и Ивана Васильева известны и по документальным источникам.

Стр. 342. *И пошли съ Евангелием на выход... И дойде до переноса...* — Здесь имеются в виду различные части литургии. «Малый вход», совершаемый во второй части литургии («литургия оглашенных»), когда выносят из алтаря Евангелие. Перенос, иначе называемый «великий вход» — перенос священником святых даров с жертвенника на престол, совершаемый в начале третьей части литургии («литургия верных»).

...на Святой недѣли... — Пасхальная неделя.

Притвор — передняя часть церкви, следующая сразу после паперти (паперть — закрытая площадка перед входом в церковь).

...Олферью Ивановичу с Ыванoм с Семеновичемъ с Лошиньскимъ. — Имена новгородских бояр-землевладельцев, известные и по документальным источникам.

Курецко — погост вблизи Клопского монастыря.

...възвели владику Еуфимиа Другаго... — Евфимий II Вяжицкий был архиепископом Новгорода с 1429 по 1459 г. До избрания в архиепископы был священноиноком в монастыре на Лисьей (Лисичей) горе в окрестностях Новгорода.

Стр. 344. *Приѣхалъ тогды князь Дмитрей Юрьевич...* — Имеется в виду бегство Дмитрия Юрьевича Шемяки в Новгород в 1450 г., после поражения в Угличе в борьбе с великим князем московским Василием Васильевичем Темным. В 1452 г. Шемяка предпринял новую попытку пойти на Василия Темного с целью захватить московский великокняжеский стол, потерпел поражение и снова бежал в Новгород, где умер в 1453 г.

...канунъ Ильина дни преставился. — 19 июля (20 июля день Ильи-пророка). Некоторые летописи сообщают, что Дмитрий Шемяка был отравлен.

...канунъ Покрова дни. — 30 сентября (день Покрова богородицы — 1 октября).

...на Савинъ день... — 5 декабря, день памяти Саввы Освященного.

А дары взялъ на Феодосиевъ день... — Т. е. причастился (принял причастие), день памяти Феодосия Великого 11 января.

Стр. 346. *Иное проречение — Микифору попу.* — Последние три пророчества Михаила, начиная с этого, в варианте Б первой редакции «Жития» идут в тексте до рассказа о смерти Михаила.

Панагия — в монастырях так назывался особый ящичек (ковчежец), в котором переносилась часть от просфоры из церкви в трапезу. Так же называлась круглая или овальная небольшая икона, обычно украшенная драгоценностями, которую носили на груди архиереи и архимандриты некоторых ставропигиальных монастырей как знак их сана.

...Иванъ Васильевич Немиръ... — При жизни Михаила Клопского в Новгороде было два посадника с именем Иван Васильевич. Имя Немира — Иван Афанасьевич. Он был избран на посадничество до 1459 г., в 1476 г. схвачен и увезен в Москву (см.: В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962). Таким образом, именно Немир должен был принимать участие в событиях, которым посвящен данный эпизод «Жития», но Михаила Клопского в это время уже не было в живых. Здесь имеются в виду события 70-х гг. XV в., когда происходили походы на Новгород 1471, 1476 и 1478 гг. великого князя московского Ивана III Васильевича. После этих походов оппозиция новгородских бояр власти Москвы была разгромлена и Новгород был окончательно подчинен Москве. Данный эпизод «Жития» имеет важное значение для датировки памятника. В нем ничего не говорится о том, что новгородский владыка схвачен и отослан в заточение в Москву, что произошло в 1480 г. Вместе с тем, завершающая фраза этого эпизода «Да по малѣ времени князь великий опять будетъ да город возметь, да всю свою волю учинитъ» имеет в виду события 1478 г. Таким образом, «Житие» было написано между 1478—1480 гг.

«Что твоя, чадо, за дума — ѣздишь думаешь ж жонъками?» — Хотя в эпизоде названа «пратеща» Немира, в виду, вероятнее всего, имелась Марфа Борецкая — вдова новгородского посадника Исаака Андреевича Борецкого, возглавлявшая вместе с сыновьями враждебную Москве партию новгородских бояр.

...Михайло Литовъской». — Имеется в виду Михаил Олелькович, правнук великого князя литовского Ольгерда; он с конца 1470 г. находился в Новгороде. Согласно московской летописи, боярская группировка Марфы Борецкой вела переговоры с литовским великим князем Казимиром IV о подданстве Новгорода Литве и рассчитывала, что Михаил Олелькович возглавит борьбу Новгорода с Москвой.

Стр. 346—348. *Станет князь великий в Бурегах и роспустить силу свою на Шолонѣ...* — На реке Шелоне (Шелонь расположена на юг от Новгорода, течет с юго-запада на северо-восток и впадает в озеро Ильмень) произошло решительное столкновение сил великого князя московского с новгородцами во время похода 1471 г.

Стр. 348. *И послати вамъ преподобнаго отца владыку да посадникы...* — Имеется в виду посольство из Новгорода в Москву в марте 1476 г., когда

новгородский архиепископ Феофил и посадники ездили в Москву с челобитьем об освобождении бояр, схваченных великим князем московским во время его похода «миром» в Новгород в 1475/76 г.

ПОВЕСТЬ ОБ ИОНЕ, АРХИЕПИСКОПЕ НОВГОРОДСКОМ

(Стр. 350)

«Повесть о новгородском архиепископе Ионе» принадлежит к числу произведений, созданных в Новгороде на рубеже XV—XVI вв. с целью подчеркнуть значение местных новгородских святынь и утвердить начавшее рушиться в результате объединительной политики московского княжества независимое положение Новгорода.

Бурные политические события конца XV в. (борьба Василия Темного с Дмитрием Шемякой, сложные отношения с Великим Литовским княжеством и др.) отразились в новгородском и московском летописании.

«Повесть о новгородском архиепископе Ионе», используя летописные сведения и по-своему их интерпретируя, входит в круг повестей агиографического характера о новгородских владыках, прославившихся не только своим благочестием и верным служением церкви, но и игравших весьма заметную роль в политической жизни города и княжества. Так, при посредничестве новгородского архиепископа Евфимия I (Емелиана Брадатого) удалось отвести угрозу разорения Новгорода литовским князем Витовтом, а Иона выхлопотал у московского князя мир с Новгородом и независимость и поддержку своей обители.

Жанр «Повести об Ионе» обусловил и выдержанные в агиографическом стиле сцены встречи Ионы с великим князем Василием и беседы с ним в московском Кремле, эпизод переписки архиепископа Ионы с Ионой митрополитом московским. На самом деле Новгород не признавал московского митрополита Иону, и отношение к нему новгородского архиепископа было не столь благодушным. Немаловажным сюжетным звеном явились в «Повести» пророчества-предсказания Михаила Клопского отроку Ионе, Ионы — будущему великому князю Ивану, которые вообще характерны для житийного повествования этого времени. «Повесть» в лице архиепископа Ионы дает нам агиографически-просветленный образ мудрого пастыря, строгого наставника и советчика всех нуждающихся в нем, устроителя монастыря, заботящегося не только о материальном благополучии обители, но и об архитектурном и живописном убранстве построенных или обновленных им церквей (что, несомненно, представляет интерес для историков искусства). Кроме того, Иона приглашает известного писателя того времени Пахомия Серба для увековечения памяти почитаемых им русских святых. Его жизнеописания многих выдающихся деятелей русской церкви являют собой образец особого, «украшенного» панегирического стиля. Таким образом, согласно «Повести...», архиепископ Иона—благочестивый муж, стоящий во главе новгородской епископии, духовный просветитель христиан. Судя по заключительным фразам «Повести», можно думать, что она была создана вскоре после кончины архиепископа Ионы в 1471 г.

Написанная в традициях новгородской литературы, для которой было характерно внимание к общественным событиям и известная документальность, «Повесть об Ионе» представляет интерес не только как литературное произведение, но и как исторический источник, дополняющий летописные сведения и показывающий «новгородскую» позицию автора.

«Повесть об Ионе» издается по списку: *ГПБ,* Софийское собр., № 1424, конец XVI — начало XVII вв., сверенному с текстом, изданным в «Памятниках старинной русской литературы», вып. IV, и в Великих Минеях-Четьих под 5 ноября.

Стр. 350. *...по вторемъ архиепископѣ Еуфимии чюдотворци, иже на Вежищахъ.* — Новгородский архиепископ Евфимий II умер в 1458 г., канонизован в 1549, назван Евфимием II в отличие от Евфимия I (см. комм. к с. 340), похоронен в Вяжицком монастыре, основанном ок. 1411 г. Во время его архиепископства (с 1429 г.) усилилась борьба Новгорода с Москвой. Евфимий способствовал развитию местной новгородской литературы, всячески утверждая славу древних новгородских святынь, чтобы противопоставить Новгород Москве и тем самым идеологически обосновать политическую борьбу Новгорода за независимость.

...яко добрыи пастырь — въистину Еуфимие! — Евфимий по-гречески означает «благочестивый». Автор хочет подчеркнуть значение имени архиепископа.

Преже бо зѣло малѣхъ днеи епископьства его въздвижеся Витовтъ, князь виленьскии... — Великий князь литовский Витовт (1350—1430), сын князя Кейстута, соперничая с польским королем Ягайло, вел борьбу за политическую независимость Литвы. Дочь Витовта, Софья, была женой великого князя Василия I Дмитриевича, сына Дмитрия Донского. Нарушая договор с великим князем, Витовт в 1404 г. захватил Смоленск, в 1426 г. ходил на Псков, а в 1428 г. на новгородские земли. В 1410 г. в Грюнвальдской битве Витовт в союзе с польскими и русскими полками одержал победу над Орденом. Летописец намекает на то, что ему «воздаст господь через ордынских царей».

Стр. 352. *...тогда блаженному Еуфимию с послы великаго Новаграда отъ архиепископа Емелиана, иже Еуфимиемъ преименованнаго...* — Евфимий I (Емелиан Брадатый), с 1423 по 1429 г. — архиепископ новгородский и псковский, был ранее иноком Деревяницкого Воскресенского монастыря. Как сообщают новгородские летописи, в 1426 г. псковичи просили его о помощи в защите от Витовта. В 1428 г. он с новгородскими послами приезжал в Порхов для вручения Витовту крупной суммы серебра.

...якоже и въспоминаниих о нем сказася и блаженным Ионою, в повелѣном списании в лѣта яже архиепископьства его. — Очевидно, имеется в виду жизнеописание Евфимия, написанное по повелению архиепископа Ионы Пахомием Сербом.

Аще и в мало лѣт прилучися ему настояти, тредесяте бо лѣт точию пасе... — Не совсем понятно, почему тридцать лет. В действительности — три года.

...в пустыни рекомѣй Отни архимандрита Харитона... — Харитон — архимандрит киево-печерский, основатель в начале XV в. Отенского общежитийного монастыря, в 50 верстах от Новгорода.

...и игуменьства тоя обители достоинъ бывъ, прозвитерства даръ имыи. — Пресвитер — священник. Обычно пресвитером становился человек, обладающий глубокими богословскими познаниями и мудростью.

Стр. 354. *...честному Михаилу, уродивому мирови...* — Имеется в виду Михаил Клопский. Повесть о житии Михаила Клопского см. с. 334—349.

Стр. 356. *Тогда честному Ионѣ, епископу рязаньскому...* — Иона, епископ рязанский, московский митрополит с 1448 по 1461 г. Был автором нескольких посланий.

Стр. 358. *Еще же и бывшаго ради лукавьства Митяева изволиша общею волею благословение напред приимати...* — Имеется в виду распря между претендентом в митрополиты, ставленником великого князя Дмитрия Ивановича, архимандритом новоспасским Михаилом (Митяем), с одной стороны, и митрополитом Киприаном - с другой. На пути в Константинополь за поставлением на митрополичью кафедру Митяй встретился в Орде с ханом Мамаем и получил от него ярлык. Не доехав до Константинополя, Митяй неожиданно умер и был похоронен в Галате.

...управися митрополиа честному Ионѣ епископу рязаньскому по Исидорѣ митрополитѣ. Сему же Исидору не по правилу пришедшу... — Исидор, киевский митрополит, ездил в Рим на восьмой церковный собор, собиравшийся папой Евгением IV в Ферраре и во Флоренции (1438), где «отступил» от православия. Обвинялся Ионой, митрополитом московским, в католических симпатиях. См. также комм. к с. 270 и 378.

...въ имя святых триех святитель: Василиа Великаго, Григория Богослова, Иоанна Златаустаго... — Три византийских писателя IV в., авторы литургий — главной церковной службы, многих «бесед», «слов» и «поучений». Считались в Древней Руси носителями богословской мудрости, для придания авторитетности их именами надписывались многие русские сочинения.

Стр. 360. *...возведе основаниа каменемъ и плинфомъ...* — Плинфа — тонкий кирпич с известковым раствором, применяемый в древнерусском зодчестве.

Стр. 362. *Прииде же московскии князь в Великии Новъград Василеи, сынъ Василиевъ, и с нимъ сынове его Георгии и Андрѣи мирно.* — В 1460 г. князь Василий Васильевич Темный (1425—1462) с сыновьями прибыл в Новгород с мирными целями. Об этом сообщается потому, что незадолго до этого, в 1456 г., московский князь ходил на Новгород военным походом, окончившимся Яжелбицким миром. После него наступило временное спокойствие в отношениях между Москвой и Новгородом. Архиепископ Иона продолжил начатую его предшественником, Евфимием II, политику мирных отношений с Москвой.

Тогда же и великое чюдо преподобнаго Варлама сотворися на постелници княжемъ Григории, иже рязаньских бояръ сынъ... — Во время пребывания великого князя в Новгороде возникла легенда о чудесном исцелении великокняжеского постельничего у гроба святого Варлаама Хутынского в Спасо-Варлаамовом Хутынском монастыре, основанном в 1192 г. в Новгороде. Эта легенда повышала авторитет новгородского святого и способствовала промосковской политике Ионы.

...Пахомию тогда попу сербину, от Святыя Горы пришелцу... — Пахомий Серб, или Пахомий Логофет,— известный южнославянский писатель-агиограф,

приехал в Новгород с Афона по приглашению архиепископа Евфимия II между 1429 и 1438 гг., когда ему было около тридцати лет. Кроме Новгорода, Пахомий работал в Москве, в Троице-Сергиевом монастыре, в Кирилло-Белозерском монастыре. Автор житий Кирилла Белозерского, Варлаама Хутынского, Сергия Радонежского и др., многих служб святым. Житиям Пахомия присуще внимание к «чудесам» и «похвалам», отвлеченность от конкретного местного материала, риторически-панегирический стиль. Пахомий Серб умер около 1484 г.

Куна — денежная мера серебра, мелкая серебряная монета.

Ктитор — обычно основатель монастыря.

Канон — церковное песнопение в похвалу святого или церковного праздника.

Бысть же зовому... князьми Василиемъ и Иваном в Москву к себѣ ити. — Имеются в виду великий князь Василий Васильевич Темный и его старший сын, будущий великий князь Иван III.

Бывшу же ему близ Москвы аки шестьдесят поприщь... — Поприще — мера пути, см. комм. к с. 200.

...въспомянувъ Сергиа преподобного... — См. о нем комм. к с. 314. Активно участвовал в политических событиях своего времени, примирял враждующих князей, поддерживая и пропагандируя объединительную политику московского князя. В повестях о Куликовской битве говорится, что перед битвой великий князь Дмитрий Иванович получил благословение у Сергия.

...и преподобному Савѣ, создавшему монастырь не Вешѣрѣ рѣкѣ... — Вишерский Саввин монастырь расположен в окрестностях Новгорода. Он был основан Саввою в 1420 г.

Стр. 364. *Медлящу же князю отпусти архиепископа нашего Иону въ град свои, яко жалящу князю на град его, тѣм же и запиная от мнозѣ ему.* — Имеется в виду давняя вражда Василия Темного с Новгородом.

Стр. 368. *...чюдесному Сергию отцу завѣщание исполняет: храмъ каменъ внутрь епископиа во имя его созда.* — Под 1463 г. летописная запись сообщает о поездке Ионы в Москву и о поставлении им в этом году церкви святого Сергия в новгородском детинце «при архиерейских палатах», между Часозвоней и Евфимиевским корпусом.

Стр. 370. *Тропарь* — краткое церковное песнопение в честь святого или важного священного события.

Стр. 372. *...яко же Иаковъ прострѣ нозѣ свои на ложи своем...* — Имеется в виду библейский персонаж, один из сыновей патриарха Исаака. Ср.: «...и возложивъ Иаковъ нозѣ свои на одр, умре...» (Бытие, 49, 33).

МОСКОВСКАЯ ПОВЕСТЬ О ПОХОДЕ ИВАНА III ВАСИЛЬЕВИЧА НА НОВГОРОД

(Стр. 376)

Повести о походе на Новгород в 1471 г. были посвящены одному из важнейших событий в истории образования Русского централизованного государства — победе Ивана III над Новгородом и фактическому подчинению

Новгорода великокняжеской власти (формально уничтожение Новгородской республики произошло семь лет спустя — в 1478 г.).

Включение Новгорода в состав единого Русского государства было задачей, необходимость которой осознавалась новгородским и всем русским населением еще давно: формально Новгород с древнейших времен признавал суверенитет Рюриковичей — киевских, затем владимиро-суздальских, а с XIV в. и московских великих князей. Однако, признавая верховную власть этих князей, новгородцы уже с XII в. настаивали на значительной автономии вечевой республики — на праве «господина Великого Новгорода» самому решать свои дела и по воле веча «приводить» к себе и «выгонять» тех или иных родичей великого князя, исполнявших в Новгороде функции князей-военачальников. Такая идея автономии городов-коммун в рамках единого государства не была чужда и некоторым общерусским политическим идеологам первой половины XV в. Во всяком случае общерусский (вероятнее всего, митрополичий) свод 1448 г., отразившийся в Софийской первой и Новгородской четвертой летописях и содержащий такие патриотические памятники, как пространная «Летописная повесть о Куликовской битве» (см.: «Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV в.»), «Повесть о нашествии Тохтамыша» (там же), «Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича» (там же), вместе с тем последовательно и без всякого неодобрения подчеркнуто отмечал многочисленные случаи приглашения и изгнания новгородцами своих князей.

Однако в последней трети XV в. великокняжеская власть уже явно не склонна была признавать права новгородских «вечников». Походу Ивана III на Новгород в московском летописании были приданы черты крестового похода на «неверных». Эта тенденция была особенно резко выражена в «Словесах избранных от святых писаний... о гордости величавых мужей новгородских», связанных, очевидно, с митрополитом Филиппом и помещенных в дополнительной части Бальзеровского списка Софийской первой летописи (*ПСРЛ,* т. VI, СПб., 1853) и в Новгородской летописи по списку Дубровского (*ПСРЛ,* т. IV, ч. I, вып. 2. Л., 1925); но характерна она и для публикуемой повести великокняжеского свода.

Московская повесть о походе в 1471 г., находящаяся в великокняжеском летописании, была составлена вскоре после этого похода — в 1472 г. Наиболее ранний текст этой повести читается в компиляции, которая может быть названа Музейным сборником и которая дошла до нас в двух списках — Музейном (*ГБЛ,* ф. 178, Музейное собрание, № 3271, последней четверти XV — начала XVI в.) и Воронцовском (*БАН,* 34, 2. 31). Вторая часть этого сборника содержит древнейший памятник московского великокняжеского летописания — Музейный летописец, доведенный до 1452 г. (текст «Повести об ослеплении Василия II» по этому летописцу см.: «Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV в.»), и две отдельных летописных повести — комментируемую «Повесть о походе Ивана III» на Новгород и «Повесть о стоянии на Угре» (близкую к Вологодско-Пермской летописи и отличную от той ростовской повести, которая публикуется в наст. изд.). Происхождение комментируемой повести о походе на Новгород может быть объяснено двояко: она (вместе с

«Повестью об Угре») могла быть заимствована из цельного летописного свода, типа Вологодско-Пермской летописи, либо быть отдельной «заготовкой» для такого свода.

Текст повести, близкий к Музейному сборнику, читается в Вологодско-Пермской (*ПСРЛ*, т. XXVI. М. — Л., 1959) и Никаноровской (*ПСРЛ*, т. XXVII, М. — Л., 1962) летописях. Несколько дополненная редакция той же повести содержится в Московском своде конца XV в. (*ПСРЛ*, т. XXV. М. — Л., 1949) и последующих великокняжеских (царских) летописях.

Повесть о походе на Новгород, включенная в великокняжеское летописание, отражает идеологию централизованной феодальной монархии, начавшую складываться к концу XV в. Идеология эта стала господствующей с XVI в., но историческая роль ее была сложной и противоречивой. «Необходимость централизации была очевидна... Мы не думаем все же, что московский абсолютизм был единственным средством спасения для России... Россия могла быть спасена путем развития общинных учреждений или установлением самодержавной власти одного лица. События сложились в пользу самодержавия, Россия была спасена: она стала сильной, великой, но какой ценою?» — писал А. И. Герцен (Соч. в 9-ти томах, т. III. М., 1956, с. 393—394).

Московская повесть о походе Ивана III на Новгород публикуется по списку Музейного сборника — *ГБЛ*, ф. 178, № 3271, лл. 240 об. — 252; разделы, пропущенные в Музейном сборнике, восполнены по Воронцовскому списку — *БАН*, 34.2.31, лл. 444 об. — 457 об. (раздел от слов: «Невѣрнии бо изначала не знаху бога...» до слов: «...жити люди и мастеры всякие, спроста» — с. 386—390; и от слов: «челомъ битьа, но свое бо благосердие показал...» до слов: «...епископи рустии и архимандрити» — с. 396—402). Исправления — по Воронцовскому списку, а при дефектности обоих списков — по Вологодско-Пермской летописи.

Стр. 376. *Феофил* — в прошлом владычный протодиакон; несмотря на свою промосковскую позицию в 1470—1471 гг. был впоследствии, в 1484 г., заточен и лишен престола по повелению Ивана III.

...преставися архиепископъ Новагорода Великаго Иона. — Вступил на владычный престол в 1459 г. Иона занимал, в общем, промосковскую позицию, но не всегда достигал согласия с великим князем. Избрание Ионы архиепископом совпало с разрывом между западнорусской (литовской) православной церковью и московской. В связи с этим Иван III обращался к Ионе с призывом не признавать главой русской церкви западнорусского митрополита.

Стр. 378. *Митрополит Филипп.* — Занимал митрополичий престол в 1465—1473 гг.

...посадничи дѣти Исакова Борецкого съ материю своею Марфою... — Марфа, вдова посадника Исака Андреевича Борецкого и мать посадника Дмитрия Исаковича, упоминается в повести московского великокняжеского свода лишь один раз; в новгородской повести она вообще не фигурирует. Единственный рассказ, уделивший Марфе Борецкой важное место, это — «Словеса избранна»; Марфа уподобляется здесь библейским «злохитривым

женам» — Иезавели, Иродиаде и т. д., и этим еще более подчеркивается греховность «величавых мужей новгородских». Именно из «Словес избранных» образ Марфы-посадницы, как едва ли не важнейшей политической фигуры Новгорода накануне его падения, перешел в историографию и литературу XIX—XX вв. (Н. М. Карамзин и др.).

...за короля полского и великого князя литовского за Казимира!» — См. о нем комм. к с. 308. Вопреки тенденциозному рассказу московского летописного свода план прямого признания суверенитета польско-литовского короля возник в Новгороде не в ноябре 1470 г., а позже — летом 1471 г. (см. ниже, комм. к с. 404).

...от Григория, называющася митрополитом Руси, а ученик-то Исидоров, сущей латинин». — Исидор занимал престол митрополита всея Руси с 1437 г.; в 1439 г. участвовал во Флорентийском соборе и поддержал унию с католической церковью; в 1440 г. вновь приехал на Русь, но после отказа русских князей признать унию вынужден был уехать на запад. В 1458 г. главой православной церкви в Западной Руси стал Григорий, которого в Москве считали учеником Исидора; первоначально посвящение его в этот сан действительно исходило от патриарха-униата, проживавшего в Риме, но в 1470 г. Григорий порвал с патриархом-униатом и получил сан митрополита всея Руси от патриарха Дионисия, находившегося в Константинополе (завоеванном турками), и не признававшего унии. Поэтому формально Григорий не мог считаться «латинином».

Стр. 380. *...послаша къ королю... Панфила Селифонтова да Кирила Иванова...* — Не совсем понятно, о каком посольстве идет речь. Текст договора Новгорода с Казимиром, дошедший до нас, упоминает житьих людей (см. комм. ниже) Панфила Селифонтова и Кирилла Иванова в качестве участников переговоров, но этот договор не мог быть составлен ранее начала военных действий между Новгородом и Москвой (см. комм. к с. 404).

...князя посла к ним Михаила, Олелькова сына, киевьского. — Сообщение московского великокняжеского свода о присылке Михаила Олельковича в Новгород Казимиром явно тенденциозно и неточно. Согласно новгородской и псковской летописям Михаил Олелькович приехал в Новгород осенью 1470 г., еще до избрания Феофила архиепископом (Псковская третья летопись относит его приезд к 8 ноября, датируя смерть Ионы 5 ноября). В качестве киевских князей братья Семен и Михаил Олельковичи были вассалами Казимира; они были его родичами (внуками Ольгерда), но вместе с тем они были православными князьями и, по матери, двоюродными братьями Ивана III. В 70-х гг. XV в., во всяком случае, отношения Олельковичей с Казимиром были натянутыми — он не признавал их вотчинные права на Киевскую землю. Сближение новгородцев с Казимиром произошло не до приезда Михаила Олельковича в Новгород и не во время пребывания Михаила там, а уже после того, как этот князь в марте 1471 г. покинул Новгород. В «Словесах избранных» о приезде Михаила Олельковича также говорится после сообщения об избрании Феофила (но с указанием, что это произошло «прежде того»), кроме того, сообщается о сговоре Марфы Борецкой с Михаилом, о ее намерении «пойти замужь за литовьского же пана за королева», но о договоре новгородцев с Кази-

миром сообщается в дальнейшем изложении — уже после описания Шелонской битвы.

...Василий Горбатой, брат суздалских князей... — Василий Васильевич Шуйский-Гребенка-Горбатый Суздальский, внук последнего суздальского князя Семена Дмитриевича, новгородский воевода, неоднократно участвовавший в военных действиях с Москвой.

...до великого князя Дмитрия Юрьевича Всеволода Владимерьского. — Речь идет о владимиро-суздальском князе (1176—1212) Всеволоде Большое Гнездо — родоначальнике владимирских и московских князей XIII—XVI вв.

Житии люди — новгородские землевладельцы менее высокого ранга, чем бояре, представители городского патрициата.

Стр. 380—382. *...наимоваху злых тѣх смердовъ... и прочих безименитых мужиков... яко же они новогородстии людие, невѣгласи, осподарем зовяху себѣ Великим Новым городомъ.* — Московский великокняжеский свод настойчиво подчеркивает сочувствие «лучших людей» Новгорода — бояр и житиих людей — Москве и приверженность «безименитых мужиков» вечевому строю; особенное возмущение его вызывает то обстоятельство, что этих «смердов», собравшихся на вече, полагалось именовать «осподарем Великим Новгородом». Однако в изображении новгородского летописца внутриполитическая ситуация в Новгороде оказывалась более сложной (см. с. 636—637). Типографская летопись, содержащая ростовский рассказ, близкий по тенденциям и построению к рассказу великокняжеского свода, обвиняет в склонности к «кралю литовскому» «боярев вѣчников», «крамольников» и «всех новгородцев», но прибавляет, что «земстии же людие того не хотяху».

Стр. 382. *...якоже въ Иерусалимѣ бысть, егда предасть его господь в руцѣ Титовѣ...* — Автор имеет в виду рассказ известной на Руси «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия о внутренней борьбе в Иерусалиме и Иудее накануне римского завоевания.

...розослал по всю братью свою и по всѣ епископы земля своея, и по вся князи, и по бояре свои, и воеводы, и по вся воя своя. ...възвещает мысль свою, что итти на Новгород ратию, понеже бо во всем измѣниша. — Этот чрезвычайно широкий совет, созванный Иваном III перед походом на Новгород, по составу напоминает земские соборы XVI—XVII вв. Вслед за этой фразой в Московском своде вставлен текст, близкий к «Словесам избранным», о непроходимости новгородских земель в летнее время (см. комм. к с. 392).

...грамоты розметные... — Грамоты о разрыве мирных отношений и объявлении войны.

...во Тфирь посла к великому князю Михаилу... — Великий князь Михаил Борисович занимал тверской престол с 1461 по 1485 г. (когда Тверь была присоединена Иваном III, а Михаил бежал в Литву).

А къ Пьскову послал дьяка своего Якушку Шачебалцова мая въ 23. — По известиям псковских летописей посольство «дьяка Якова» с предложением выступить против Новгорода было уже вторым посольством Ивана III в Псков по этому вопросу (первое посольство приезжало осенью 1470 г.). Связанный вассально-союзническими обязательствами и с Новгородом и

с Москвой, Псков старался занять нейтральную позицию, предлагая обеим сторонам свое посредничество.

...с моимъ воеводою, княземъ Феодором Юрьевичем Шуйскымъ или съ его сыном, княземъ Васильемъ». — Воевода Федор Юрьевич Шуйский с 1463 г. предводительствовал псковскими войсками в войне с Ливонским орденом; в 1464 г. он уже именуется наместником великого князя; с 1468 г. в Пскове появляется и его сын Василий Федорович.

Стр. 384. *...послал... Бориса Слѣпца...* — Борис Матвеевич Слепец-Тютчев несколько раз выступал как великокняжеский воевода на Двине (см. выше: Севернорусский летописный свод 1472 года, с. 436).

...к Василью Федоровичю къ Бразьцю... — Василий Федорович Образец Симский (из крупного боярского рода Редегиных-Добрынских) был одним из видных деятелей при Иване III; после победы над новгородцами в 1471 и 1478 гг. он участвовал в войне под Казанью и походе на Тверь, был наместником в Боровске и Твери.

...князя Данила Дмитриевича Холмовского да Феодора Давыдовича... — Имеются в виду видные воеводы Ивана III — князь Д. Д. Холмский, выходец из тверских удельных князей, участвовавший, кроме походов на Новгород в 1471 и 1478 гг., в отражении нашествия Ахмата в 1480 г., в войнах с Ливонским орденом, походах на Тверь и Казань, подвергавшийся в 70-х гг. княжеской опале, но прощенный, и князь Ф. Д. Стародубский-Пестрый (см. текст, с. 412), военная деятельность которого (начавшаяся еще в 1429 г. нападением на казанских татар) длилась не менее полувека (он участвовал в окончательном присоединении Новгорода в 1478 г.).

Юрий Васильевич — брат Ивана III, удельный князь дмитровский.

Борис Васильевич — брат Ивана III, удельный князь волоцкий.

Русса (Старая Русса) — новгородское поселение к югу от озера Ильмень (на реке Полисть).

...князя Ивана Васильевича Оболенского Стригу... с ним князей царевичевых Даньяровых со многими татары. — О князьях Оболенских см. комм. к с. 416. Даньяр (в других памятниках также «Айдар» и «Алдаяр») Касимович — видный полководец Ивана III, глава созданного при Василии II зависимого от Москвы татарского Касимовского (Мещерского) царства, участник походов на Новгород в 1471 и 1478 гг. (ср. рассказ об обороне Алексина на с. 440); важная роль «царева сына Алдаяна Касымовича своей земли Мещерьские и съ его царевичи и со князьями и съ его казаки» отмечена также в «Словесах избранных»; роль татарской рати отмечена и в новгородской повести (см. с. 404). Даньяр возглавлял Касимовское царство до 1486 г.

...на Волочек да по Мьстѣй. — Речь идет, очевидно, о поселении Волок (Волочек) в Новгородской земле, на месте, где судна переволакивались из Мсты в Мологу (по-видимому, на месте нынешнего Вышнего Волочка). Более крупное поселение с тем же названием, также формально принадлежавшее Новгороду,— Волок на Ламе (Волоколамск),— расположено значительно южнее фактической московско-новгородской границы 1471 г. и едва ли могло здесь иметься в виду.

...чюдотворець Петръ... — митрополит московский в 1308—1325 гг.

...преосвященных митрополит Фегнаста, и Киприана, и Фотия, и Ионы. — Имеются в виду митрополиты Феогност (1328—1353), Киприан (1377—1406), Фотий (1410—1430) и Иона (1448—1461).

...от великаго князя Ивана Даниловича... — Иван Калита (правил в 1325—1340 гг.).

Стр. 386. *...яко же Самоил Давыда на Гольяда.* — Имеется в виду библейский рассказ о победе Давида, благословленного пророком Самуилом, над гигантом Голиафом.

...за 20 лѣт до скончания седмыя тысящи... — Через двадцать лет после описываемых событий, в 1492 г. (семитысячном году от «Сотворения мира»), на Руси ждали конца света (см. комм. на с. 678).

Мытарь — сборщик податей, здесь (как в Евангелии) в смысле — грешник, отверженный.

...поиде на них князь великий не яко на христиан, но яко на иноязычникъ и на отступникъ православья. — Этот мотив, настойчиво повторяемый в «Московской повести» о походе 1471 г., имел для всего ее построения важное значение. Повесть была построена по схеме рассказов о борьбе с «неверными»: враги «вопиют», бесятся «яко звѣри дивии», лают «яко пси», князь «скорбит», молится, «изливает слезы» и получает благословение от святителей на войну с «иноязычниками» (ср. «Летописную повесть о Куликовской битве»). Сходные черты свойственны и «Словесам избранным». Однако некоторые затруднения московским публицистам доставляло то обстоятельство, что противниками в данном случае были единоплеменники и единоверцы, а в войске Ивана III важное место занимали татарские войска Данияра. Оправдание этому автор находил в том, что противники были «горѣе невѣрных»: «невѣрнии бо изначала не знаху бога», а эти были христианами и «отступили».

Стр. 388. *...князь Михайло Андрѣевич с сыном Васильем...* — Удельные князья Михаил Андреевич Верейско-Белозерский и Василий Михайлович Верейский.

...сына своего, великого князя Ивана, да брата его князя Андрѣя Меньшего. — Иван Иванович Молодой, сын и соправитель Ивана III, и князь Андрей Вологодский (см. комм. к с. 514).

Петров день — 29 июня.

Торжок (Новый Торг) — город на юго-востоке Новгородской земли (на р. Тверце). В 1471 г., как и в предшествующие годы, новоторжцы сразу же выступили в ходе конфликта Новгорода с великим князем на стороне последнего.

...князь Юрья Андрѣевичь Дорогобужский... — Тверской воевода, потомок удельных князей Дорогобужских.

...Иван Микитинъ Жито... — Тверской воевода, впоследствии перешедший на московскую службу и участвовавший в окончательном присоединении Новгорода в 1478 г.

...Козма Коробьин... — Третий посол Ивана III в Псков (см. комм. к с. 382), добившийся наконец выступления псковичей на стороне великого князя (псковский посол Василий Быков был оставлен в Торжке в качестве заложника).

Коростыня — город при впадении Шелони в Ильмень.

...тѣмъ же изнимаемым самимъ межи себе повелѣша носы, и губы, и уши рѣзати, и отпущати их назад к Новугороду... — Достоверность этого известия о жестокой расправе над новгородскими пленными подтверждается тем, что о ней сообщает великокняжеская летопись — очевидно, летописец не видел в таком способе воздействия на новгородцев ничего экстраординарного или бросающего тень на великокняжеских воевод.

Пола — правый приток р. Ловати.

Стр. 390. *Демон* (Демань, Демянск) — город на реке Явоне (приток р. Полы), через который проходила дорога с юга на Старую Руссу и Новгород.

...Васили Казимеръ... — Василий Александрович Казимир, один из виднейших политических деятелей Новгорода, неоднократно занимал должность посадника в 60—70-х гг.; после пленения и заточения был освобожден Иваном III и выступал в числе его сторонников; однако в 1480—1481 гг. его земли были конфискованы и он сослан в Москву.

...Кузма Григорьевъ... — Кузьма Григорьевич Овинов (Овин), после пленения и освобождения примкнул к сторонникам великого князя; в 1478 г. был казнен по приговору веча по обвинению в тайном сговоре с Москвой.

...Яковъ Федоровъ... — Посадник, после пленения и освобождения выступал в 1477 г. в качестве новгородского посла на переговорах с великим князем, кончившихся капитуляцией Новгорода.

...Матфѣй Селезневъ, Васили Селезневъ — два сестричича Казимеровы. — Матвей и Василий — представители одной из видных боярских фамилий. Селезневы были племянниками по сестре Василия Казимира (см. выше). Посадник Василий Губа Селезнев через 10 дней после пленения был казнен великим князем (см. с. 394). Матвей Селезнев в числе посадников не упоминается.

...Павелъ Телятевъ... — В числе посадников не упоминается.

...Кузму Грузова... — Речь идет о посаднике Кузьме Остафьевиче Грузове.

Стр. 392. *...но еще инные полки видѣхом, в тыл по нас пришедших... и говоръ людцки мног и топот коньский страшен, и тако ужас нападе на ны...* — В новгородском рассказе поражение в Шелонской битве также связывается с тем, что после первого успеха новгородцев, «ударишася на новгородцевъ западнаа рать татарове» (см. с. 404), но в московском рассказе появление «инных полков» имеет черты чуда. Еще определеннее «чудесный» характер победы 1471 г. выражен в «Словесах избранных»: «по божьей благодати» пересыхают обычно непроходимые летом новгородские болота и озера (этот мотив был введен и в более позднюю версию комментируемой повести — в Московском своде); господь посылает великому князю «своего божества невидимую силу», и даже там, где никто не нападает на новгородцев, им слышится «ясак» (клич) «полков князя великого: Москва».

...по рѣку Нерову... — Река Нарва (Нарова) была границей между Новгородской землей и Ливонией.

...послаша к великому князю Замятню... — Очевидно, Иван Васильевич Замятня, о котором в «Словесах избранных» сообщается, что он привез великому князю договор Новгорода с Казимиром, найденный в «кошевых вьюках» побежденных на Шелони новгородцев.

Лука Климентьев — один из представителей великокняжеской партии в Нов-

городе. По известию «Словес избранных» он ездил к Ивану III еще до Шелонской битвы. В 1477 г., перед последним походом Ивана III на Новгород, Климентьев сразу же перешел на сторону великого князя.

...сто рублев новгородцкую. — Первоначально понятие «рубль» означало серебряный брусок весом около 200 г. В Новгороде ценность рубля во второй половине XV в. оставалась прежней; Москва же во время феодальной войны 1430—1450 гг. пережила значительное снижение веса монет, и московский рубль (200 денег) стал вдвое дешевле новгородского.

Стр. 394. *...посадник Никита...* — Никита Ларионович, в течение многих лет занимавший должность псковского посадника.

Савастьян Кушелев — выступал в роли посланца Ивана III в Пскове и позднее — во время похода на Новгород в 1478 г.

...повелѣл казнити главною казнью новгородцких посадниковъ... — Из перечисленных далее лиц посадниками были Дмитрий Борецкий и Василий Селезнев (см. комм. к с. 378 и 390); Киприан Арзубьев и Еремей Сухощек — не посадники и не бояре, а житьи люди (см. выше, комм. к с. 380); согласно новгородской повести, Еремей был владычным чашником (см. с. 406). Казнь Борецкого, Селезнева, Арзубьева и Сухощека отмечена во всех летописных рассказах о событиях 1471 г. (новгородский рассказ — см. с. 406); даже в летописи союзного с Москвой Пскова говорится: «...немилостиво казнише их и секирою отсѣкоша им главы, к колоде прикладая». В Ермолинской летописи указано, что Иван III «разъярився за их измену и повеле казнити их: кнутьем бити и главы отсечи».

...а Василья Казимира... да Федота Базина велѣлъ отвести на Коломну. — Все перечисленные здесь лица, за исключением Федота Базина, упоминались среди пленников, захваченных во время Шелонской битвы 14 июля (см. с. 390).

...а бой имъ был на Двинѣ. — По известию Устюжского летописца сражение происходило на реке Шиленге (Шиленьге), одном из восточных притоков Северной Двины.

Колмогоры — Холмогоры, крупнейший город Двинской земли в XV—XVI вв.

Стр. 396. *А добиша челомъ великому князю 16 тысяч сребра новгородскых рублевъ...* — По известию Псковской третьей летописи Иван III сперва запросил семнадцать тысяч рублей, потом «владычия ради челобития» согласился на шестнадцать тысяч. В дошедшей до нас грамоте от 9 августа 1471 г. сумма контрибуции определена в пятнадцать с половиной тысяч рублей; та же сумма названа и в новгородском рассказе (см. с. 406).

...до моря. — Новгородская земля ограничивалась на северо-западе Финским заливом, а на севере — Белым морем и Северным Ледовитым океаном.

Порхов — город на реке Шелони, на западе Шелонской пятины; постоянное место столкновений новгородцев с псковичами.

Дубсков — Дубков, Дусков — псковский городок.

Козму Сысоева — Козьма Сысоев Ледов, псковский посадник.

Стефан Афанасьевич Винков — псковский посадник.

Стр. 398. *...пожаловал их, дасть имъ миръ на своей воле, как сами восхотѣ...* — Текст в разных версиях московской повести расходится: в Никаноровской «сами восхотѣ»; в древнейшей редакции Вологодско-Пермской летописи «сами въсхотѣли»; в Московском своде — «самъ всхотѣ». Дошед-

ший до нас текст договора 11 августа 1471 г. (Коростынского мира), в общем, сходен с текстом предыдущего Яжелбицкого договора 1456 г.; великий князь обязался «держати» Новгород «в старине», но новгородские «мужи вольные» обязались не отдаваться под власть литовского короля и не принимать от него князей; Новгород признавал зависимость новгородских архиепископов от московского митрополита и отказывался от своих (фактически уже потерянных) владений — Вологды и Волоколамска.

...послал в Поле Никиту Беклемишева искати царевича Муртазы, Мостофина сына... — Никита Федорович Беклемишев, представитель московского служилого рода, впоследствии ездивший послом в Крым и участвовавший в «походе миром» на Новгород в 1475 г. «Полем» или «Диким полем» называли пустынные земли к югу от Оки, где часто появлялись кочевые татарские отряды. Муртоза — сын казанского хана Мустафы, перешедший в конце 1473 г. на вассальную службу к Ивану III.

...вятчане... взяша Сарай. — Вятка в XIV—XV вв. представляла собой независимую феодальную республику, созданную новгородскими поселенцами и имевшую сходный с Новгородом политический строй; во время войны 1470—1471 гг. вятчане выступили на стороне Москвы. Независимость Вятки была уничтожена Иваном III в 1489 г.

...мѣсяца сентебря въ 1 день, в началѣ индикта, еже есть новое лѣто. — Счет по индиктам (пятнадцатилетиям), заимствованный из Византии, применялся иногда и в Древней Руси; в Византии началом года считалось 1 сентября. На Руси существовало два календаря — мартовский (год начинался 1 марта) и сентябрьский; в Москве сентябрьский стиль установился раньше, чем в Новгороде (еще до 1471 г.).

Стр. 400. *...поидоша из Новагорода из осады многое множество людей...* — В Новгородской четвертой летописи (где рассказ об этом событии помещен вне повести о походе Ивана III) указывается, что люди, утонувшие в Ильмени, были рушане (жители Руссы), укрывавшиеся в Новгороде от московского войска.

...в великих учанехъ. — Учан — лодка, речное судно.

...Икирѣй с царевым послом... — Кирей, представитель татарского рода, находившегося на положении холопов московских князей — дед Кирея был куплен Василием I у литовского великого князя Витовта. Осенью 1470 г. Кирей бежал от Ивана III к королю Казимиру и был послан им к ордынскому царю (хану) Ахмату для заключения союза против Руси. Приезд «царева посла» с Киреем был ответом на миссию Казимира.

...со иным королем, со угорским. — Речь идет о венгерском короле Матвее Корвине, которого Казимир в 1471 г. безуспешно пытался лишить престола в пользу своего сына.

Онтон Фрязин — Антонио Джислярди, итальянец, принимавший участие в посольстве Юрия Траханиота в Москву в 1469 г. по поводу женитьбы Ивана III на Зое (Софии) Палеолог, жившей в Риме.

...посол... от дюки венецѣйского Ениколы Трона Иван именем, Тривизан прозвище... — Джан Баттиста Тревизан, посол венецианского дожа Николо Трона в Большую Орду для заключения союза против Турции.

...Иван Фрязин Волпъ... — Джан Баттиста де ле Вольпе, итальянец, москов-

ский денежный мастер, ездивший в Рим по поручению Ивана III в ответ на посольство Юрия Траханиота в 1469 г. Обман, задуманный Иваном Фрязиным, был разоблачен в ноябре 1472 г., значит, повесть была написана не раньше этого времени.

...а по царевну бы по Софию, Аморейскаго царя по Фомину дщерь... — София (Зоя) Палеолог была дочерью деспота Морейского Фомы Палеолога, брата последнего византийского императора.

Стр. 402. *...здати церкви святыя Богородица.* — Речь идет о первой попытке построения при Иване III Успенского собора, окончившейся неудачно: в 1474 г. эта церковь, еще не доконченная, рухнула. Известием о построении Успенского собора, главного храма страны, воздвигаемого в честь победы над Новгородом, возможно, должен был быть закончен великокняжеский свод 1471—1472 гг., но, после разрушения собора, он был оборван на известии о привезении камней для постройки (с. 402).

...епископъ, Филофей именемъ... — Филофей был епископом пермским до 1501 г.

...посадници... Александръ Сапсонович да Лука Феодорович. — Оба эти посадника сохранили свою власть до 1476—1478 гг.; Лука Федоров вел переговоры с Иваном III во время последнего похода на Новгород в конце 1477 г.; в 1480 г. вотчины Луки Федорова были конфискованы.

...епископ Феодосий... — Феодосий был епископом рязанским, вероятно, до 1481 г., когда его сменил Симеон.

...тѣх всѣх отпусти с честию, а было их на Москвѣ 30. Самого же архиепископа отпусти того же месяца... — Освобождение Василия Казимира и других пленных новгородцев свидетельствовало о том, что в 1471 г. Иван III еще не решался на открытое уничтожение вечевого строя: на этот шаг он пошел лишь шесть лет спустя — в 1477—1478 гг. Слова: «Самого же архиепископа...», без сказуемого «отпусти», читающиеся в Музейном сборнике и в ранних редакциях Вологодско-Пермской летописи, непонятны — создается впечатление, что слова эти относятся к последующему известию о камнях для строительства Успенского собора. В более поздних памятниках (Московский свод и др.): «Самого же архиепископа *отпусти* того же месяца 23»; возможно, что этот текст является первоначальным.

НОВГОРОДСКАЯ ПОВЕСТЬ О ПОХОДЕ ИВАНА III ВАСИЛЬЕВИЧА НА НОВГОРОД

(Стр. 404)

Новгородская повесть о походе Ивана III в 1471 г. сохранилась в последнем новгородском своде времени самостоятельности Новгорода — Новгородской четвертой летописи по Строевскому (и сходному с ним Синодальному) списку (во всех остальных списках Новгородской четвертой летописи после 1448 г. текст либо оканчивается, либо продолжается иными известиями и комментируемой повести нет). Новгородская повесть о событиях 1471 года строилась совершенно иначе, чем московские. Никаких провиденциальных черт в победе Ивана III новгородцы не искали и не находили; изложение событий в новгородском рассказе просто и реально. Рассказ явно состав-

лен очевидцем, осуждавшим распри между «большими» и «меньшими» в Новгороде и непоследовательную политику «больших», начавших «рать» (борьбу с великим князем) и не сумевших отстоять города. Характерное для автора повести отождествление себя скорее с «меньшими», нежели с «большими», присуще и многим другим рассказам новгородского летописания, но рассказ о войне 1471 г. свидетельствует о глубоком внутреннем кризисе в вечевой республике — кризисе, в значительной степени предопределившем ее падение.

Текст публикуется по Строевскому списку — *ГПБ,* Погодинское собрание, № 2035, лл. 305—307 об.; исправления сделаны по Синодальному списку — *ГИМ,* Синодальное собрание, № 152.

Стр. 404. *...нелюбие на Великий Новъгород...* — В новгородской повести нет предыстории похода Ивана III на Новгород в 1471 г.; под предыдущим годом упоминается о смерти Ионы, избрании Феофила и приезде «князя литовского» Михаила Александровича (Олельковича; см. комм. к с. 380), но эти события никак не комментируются.

«Владыка нам не велѣл на великого князя руки подынути, послалъ нас владыка на пьскович». — Такое поведение конного отряда, подчиненного архиепископу, объясняется двойственной позицией самого Феофила, связанного скорее с московской, чем с враждебной великому князю партией. Между новгородскими архиепископами и Псковом постоянно происходили столкновения из-за стремления псковичей избавиться от церковной власти Новгорода.

Моськвичамь же до понедельника отлагающим, бяше бо недиля. — Согласно московским известиям, Шелонская битва происходила как раз 14 июля 1471 г., в воскресенье.

И послаша новгородци посла в Литву, чтобы король всѣл на конь за Новъгород. — В противоположность московской повести, новгородская повесть относит прямые переговоры с Казимиром ко времени после вступления великокняжеских войск в Новгородскую землю. Дошедший до нас в одном из сборников новгородских грамот договор, или, вернее, проект договора с Казимиром, подкрепляет такую датировку, так как, судя по его тексту, он был составлен во время «розмирья» с Иваном III («...а умиришь, господине честны король, Велики Новъгород с великим князем...»). Если бы этот договор был официально заключен, он сохранился бы в литовском архиве, но в составе этого архива («Литовская метрика») его нет. Московские «Словеса избранны...» утверждали даже, что договор был захвачен в «кошевых вьюках» новгородцев, попавших в плен на Шелони.

...«местеръ не дастъ пути чрес свою землю в Литву ѣхать». — Магистр Ливонского ордена Вольтус фон Герзе в принципе считал желательной помощь новгородцам, но решил задержать ответ на их запрос, дабы извлечь максимальную выгоду из создавшейся обстановки. Он снарядил в Новгород посольство, которое прибыло уже после Шелонской битвы и Коростынского мира.

Стр. 406. *...въ Звѣринцах церковь новаа святый Семионъ...* — Церковь Симеона, построенная в 1467 г. в Зверинце (северной оконечности Софийской стороны, получившей название от существовавшего здесь в XI в. заповедника для охоты).

...Онтонов манастырь... — Антониев монастырь на правом берегу Волхова, ниже Новгорода.

Полянка — Полянка или Поле, место за земляным валом, опоясывавшим Торговую сторону Новгорода.

Юрьев монастырь — к югу от Новгорода, на левом берегу Волхова.

Городище — княжеская резиденция на правом берегу Волхова, напротив Юрьева монастыря.

Рожественый манастырь и церковь... — Церковь в монастыре Рождества на Поле.

И бысть на лутьшие люди молва, яко тѣ приведоша великого князя на Новгород, а то богъ сердцевидець и суди им, зачинающим рать и обидящим нас. — Это место наиболее ясно выражает позицию автора новгородской повести о походе Ивана III. Он безусловно не принадлежит к феодальным верхам города — напротив, он причисляет себя к тем, кого «лучшие люди» обижают. Он также не принадлежит и к сторонникам великого князя — «лучших людей» подозревает в том, что они привели великого князя на Новгород, победу Ивана III воспринимает как «нашу печаль» и наказание за грехи, в конце повести гневно осуждает «лукавъство» некоего Упадыша, выступавшего на стороне великого князя и заколотившего новгородские пушки. Но автор повести и не сторонник решительной борьбы: он весьма ярко описывает растерянность «молодых людей» на Шелони и упрекает «лучших» также и за то, что они «зачали рать», не имея возможности бороться.

...князь Василей Васильевич и воевода заволоцкий Василей Микифорович... — Новгородский воевода В. В. Шуйский-Гребенка (см. комм. к с. 380) и Василий Никифорович Пенков, сын посадника, впоследствии (в 1476 г.) осужденный Иваном III за злоупотребления, но помилованный по ходатайству владыки и после этого выступавший в качестве сторонника великого князя; казнен в 1477 г. по решению веча за измену Новгороду.

СЕВЕРНОРУССКИЙ ЛЕТОПИСНЫЙ СВОД 1472 ГОДА

(Стр. 410)

Севернорусский летописный свод, противостоящий великокняжескому летописанию 70-х гг., отразился главным образом в двух летописях — Ермолинской, текст которой доведен до 1481 г., и Сокращенном летописном своде конца XV в. (опубликован в *ПСРЛ*, т. XXVII. М.—Л., 1962, в двух видах: Сокращенный свод 1493 г. и Сокращенный свод 1495 г.; сохранился еще неопубликованный Соловецкий вид). Начальная часть свода, до 1425 г., к сожалению, не может быть реконструирована с достаточной точностью, так как в Ермолинской летописи эта часть почти полностью заменена текстом, сходным с Московским великокняжеским сводом 1479 г. Сходный текст Ермолинской летописи и Сокращенных сводов оканчивается известием о смерти удельного князя Юрия Васильевича Дмитровского 12 сентября 6981 (1472) г.; очевидно, до этой даты и был доведен лежащий в их основе Севернорусский свод.

В целом Севернорусский свод охватывал время, начиная с X в. (общее известие Ермолинской летописи и Сокращенного свода о том, что вещий Олег

умер, «уяден скорпией из главы мертваго коня своего» — 912 г.) до 70-х гг. XV в. Публикуемая часть свода излагает события от смерти Василия Дмитриевича (1425), включая историю борьбы за московский престол в 1430—1450 гг., новгородские походы 1456 и 1471 гг., приведшие к фактическому подчинению Новгорода, присоединение Ярославского княжества в 1463 г., казанские походы.

Севернорусский свод 1472 г. во многих отношениях может считаться замечательным литературным памятником. Завершение свода известием о смерти Юрия Дмитровского, как и ряд известий о его военных подвигах, позволяет связывать свод с этим князем; однако перед нами не местная летопись Дмитровского княжества, а общерусский свод, для которого Юрий Васильевич является лишь одним из важных персонажей — наряду с опальным воеводой Федором Басенком, сосланным в Кирилло-Белозерский монастырь, князем Михаилом Андреевичем Белозерским и его сыном Василием и т. д. Связь целого ряда персонажей свода с Кирилло-Белозерским монастырем (Юрий Дмитровский был одним из крупных вкладчиков монастыря), а также отражение Севернорусского свода в ряде кратких кирилло-белозерских летописцев позволяют видеть в нем летопись, составленную в этом монастыре — одном из важнейших культурных центров Древней Руси (подробнее см.: Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XVI вв. Л., 1976, с. 168—209). Кирилло-Белозерский монастырь постоянно занимал самостоятельную позицию в борьбе между основными политическими силами XV в., в монастыре переписывались разнообразные, в том числе и сугубо «не полезные» с точки зрения официальной церковной идеологии, памятники. Скептическая позиция, которую занимал составитель публикуемого свода в рассказе 1463 г. о ярославских чудотворцах, соответствует позиции бывшего игумена монастыря Трифона, занимавшего в 1462—1467 гг. ростовский архиепископский престол и вынужденного оставить его из-за того, что он не признал новоявленных чудотворцев; вероятно, свод был создан в кругу кирилловских сподвижников Трифона. Многими чертами этот свод перекликается с литературной деятельностью кирилло-белозерского книгописца Ефросина (см. о нем комм. на с. 593 и к с. 564), включавшего в свои сборники ряд «отреченных» сочинений, которые он сам не рекомендовал «честь в зборе» и показывать «многим»; краткий летописчик Ефросина связан с публикуемым Севернорусским сводом. Признавая московского великого князя «великим осподарем», севернорусский летописец позволил себе, однако, резкую и яркую критику действий этого государя и его воевод — особенно в описании казни серпуховских дворян в 1462 г. и рассказе о ярославских чудотворцах.

Публикуемый текст представляет собой научную реконструкцию, отдельные части которой имеют гипотетический характер. В реконструкцию включались прежде всего совпадающие известия Ермолинской летописи (*ПСРЛ*, т. XXIII. СПб, 1910; далее: *Е*) и Сокращенных сводов (*ПСРЛ*, т. XXVII. М. — Л., 1962; далее: *СС*), учитывались также близкий к *Е* до 1481 г. «Летописец Русский» (опубликованный А. Н. Насоновым в сборнике «Материалы по истории СССР», т. II. М., 1957; далее: *ЛР*) и близкие к Сокращенному своду Устюжский летописец (Устюжский летописный свод.

М. — Л., 1950; далее: *Уст*) и Софийская вторая летопись (*ПСРЛ,* т. VI. СПб., 1853; далее: *С II*). Включались также известия, сохранившиеся лишь в одной из летописей, но логически и текстуально связанные с основным текстом. Для того, чтобы читателю были ясны источники публикуемого текста, приводим краткую схему реконструкции (далее указываются годовые даты и сокращенные обозначения той летописи, по которой реконструируется соответствующая годовая статья; если годовая статья реконструируется по нескольким источникам, перечисляются летописи, к которым восходит каждый фрагмент):

6933 *ЛР*; *Е*; *ЛР*; 6934 *ЛР*; 6935 *ЛР*; 6936 *Е*; *ЛР* (сходно с *Уст*); 6937 *Е*; 6938 *Е*; 6939 *Е*; 6940 *Е*; 6941 *Е* (с пропусками в середине и конце); 6942 *Е; СС;* 6943 *Е* (с пропуском окончания); 6944 *Е; СС; Е; СС; Е;* 6945 *ЛР;* 6946 *ЛР* (сходно с *С II*); *Е*; *С II* (сходно с *Уст*); 6947 *СС*; *Е*; *СС*; 6949 *СС*; 6950 *Е*; 6951 *Е*; 6953 *Е*; *СС*; 6954 *СС*; 6955 *СС*; 6956 *Е*; 6957 *СС*; 6958 *Е*; 6959 *Е*; 6960 *Е*; 6961 *СС*; 6962 *Е*; 6963 *СС*; 6964 *Е* (с пропуском); 6966 *СС*; 6967 *Е*; 6968 *Е*; 6969 *СС*; 6970 *Е* (конечное известие о Ермолине — в приложении); 6971 *Е*; 6972 *Е* (с пропуском; конечное известие — в приложении); 6973 *Е*; 6975 *Е* (конечное известие — в приложении); 6976 *СС* (с пропуском окончания); 6977 *Е; СС; Е* (конечное известие — в приложении); 6978 *Е;* 6979 *Е* (середина — в приложении); 6980 *Е* (конечное известие — в приложении); *СС; Е; СС.* В приложении даны известия о Ермолине, содержащиеся только в *Е.* Переходы от одного источника к другому внутри годовых статей отмечены абзацами; пропуски внутри источника мест, не имеющих соответствия в других источниках и не включаемых в реконструкцию, отмечены отточиями в тексте.

Текст публикуется по двум основным источникам: по единственной рукописи *Е — ГБЛ,* ф. 178 (Музейное собрание), № 8665, и по неизданному Соловецкому списку *СС — ГПБ,* Соловецкое собр., № 922/1032; дефектные места Соловецкого списка (текст в начале 6976 г., до слов «кликну на них, они же» — с. 434 и под 6980 г. текст «бѣаше воевода... через рѣку» и конец — с. 438—440) дополнены по рукописи *ГПБ,* Погод., 1409. Включенный в реконструкцию фрагмент *С II* публикуется по рукописи *ЦГАДА,* ф. 181, № 371; фрагмент *ЛР* — по рукописи *ГБЛ,* ф. 178 (Музейное собрание), № 3841.

Стр. 410. *Преставися благовѣрный... князь велики Василей Дмитреевичь...* — Василий I Дмитриевич — великий князь с 1389 г. Согласно завещанию Василия I, престол перешел к его сыну Василию II; однако, по завещанию Дмитрия Донского, наследником его старшего сына должен был стать следующий сын — Юрий Галицкий, сразу же занявший враждебную позицию по отношению к племяннику, митрополиту Фотию удалось добиться только краткого перемирия между ними.

Иван Михайлович Тверской — занимал тверской престол в 1400—1425 гг. В *Е* преемником Ивана Михайловича называется его сын Александр (умерший через несколько месяцев), в *СС* — внук Борис Александрович.

На лѣто ходил Витовтъ... — Великий князь литовский в 1392—1430 гг.

...под Опочками да под Вороночем. — Пригороды Пскова.

Моръ... великъ. — Известие о море в 6935 (1427) г. читается во всех летопи-

сях, отражающих комментируемый свод; однако указания на города, где происходил мор, расходятся (в *Е* упоминается также мор во Пскове, в Новгороде, Твери, Москве и др. в 1426 г.).

...игуменъ Никонъ, чюдный старець... — игумен Троице-Сергиева монастыря в 1392—1427 гг. с перерывами.

...Ивана Дмитреевича... — Иван Дмитриевич Всеволожский, представитель московского боярского рода Всеволожей-Заболотских, играл выдающуюся роль при малолетстве Василия II.

...в Троцехъ... — Троки (Трокай), город и замок литовских великих князей недалеко от Вильно (Вильнюса).

...Витофтъ умре. — Великий князь литовский Витовт умер вскоре после созванного им съезда всех соседних государей (включая Василия II, упоминаемого в *СС*).

Швитригайло — Свидригайло Ольгердович, двоюродный брат Витовта, занимавший литовский престол с 1430 г.; с 1432 г. началась его борьба за власть с соперником — Сигизмундом Кейстутовичем, закончившаяся в 1438 г. окончательным поражением Свидригайло.

Стр. 412. *Айдаръ* — ордынский князь, приближенный хана, участвовавший год спустя в решении спора из-за московского престола между Василием II и Юрием Галицким.

...Григорья Протасьева поималъ... — Григорий Протасьев, мценский воевода, участвовавший еще в 1424 г., по поручению Витовта, в сражении с татарами; после пленения в 1430 г. в течение года находился в татарском плену.

...Фотѣй митрополитъ преставися. — Смерть Фотия, занимавшего митрополичий престол в 1408—1431 гг. и фактически правившего за юного Василия II, сразу же привела к перенесению Юрием Галицким спора о великом княжении в Орду.

...царь Махметъ... — Улу-Мухаммед, хан (царь) Золотой Орды, впоследствии свергнутый с престола и захвативший Белев, а затем — Казань (см. комм. к с. 420).

Андрей Дмитреевич — дядя Василия II, удельный князь белозерский и можайский.

И князь... сѣде на великомъ княжении. — В *СС* и в *С II* указано еще, что на великое княжение Василия II посадил приехавший с ним «посол Мансырь-уланъ царевичь» (известие это, возможно, было в протографе и опущено в *Е*).

И князь Юрьи иде въ... Звенигородъ, а придалъ ему царь Дмитровъ. — Владения Юрия Дмитриевича, как и других удельных князей, были расположены в различных концах Московской земли: Галич — на северо-востоке; Звенигород — к западу от Москвы; включение в удел Юрия города Дмитрова, расположенного к северу от Москвы, значительно усиливало его позиции. Согласно *СС* (и великокняжеским сводам), в том же 1432 г. Василий II «Дмитров взял за собя», но в *Е* нет этого известия.

Захарья Ивановичь Кошкинъ имался за поясъ у князя Васильа у Юрьевича у Косого... — Речь идет о ссоре на свадьбе Василия II в 1433 г. из-за двух золотых поясов, подаренных когда-то великим князем суздальским Дмитрию Донскому и тысяцкому Вельяминову. Вельяминов якобы подменил пояса и великокняжеский пояс достался сыну тысяцкого, а затем, переходя

из рук в руки, попал в конце концов к Василию Юрьевичу Косому (сыну Юрия Галицкого). На свадебном пиру в 1433 г. пояс был опознан и отобран у Василия Косого по приказу матери Василия II Софии Витовтовны. Знаменитая ссора из-за золотого пояса подробно описывается в великокняжеском летописании. Захарий Иванович Кошкин, представитель московского боярского рода Кобылиных-Кошкиных и прямой предок Романовых, был родичем невесты Василия II — Марии Ярославны.

...Иванъ Дмитриевичь с ним... — Иван Дмитриевич Всеволожский, помогавший Василию II в получении великокняжеского престола, в 1431 г. был ослеплен по приказу Василия II и перешел к его противнику Юрию; известие (дефектное) об этом ослеплении содержится в *Е* в конце летописной статьи 6941 (1433 г.); в *СС* известия об ослеплении нет, но о переходе Ивана Дмитриевича к Юрию Галицкому сообщается уже под 6940 (1432 г.); под 6941 (1433 г.) сообщается об обратном переходе его к Василию, находившемуся в Коломне. Судя по Медоварцевскому летописцу начала XVI в., Всеволожский был ослеплен за согласие на уступку Дмитрова галицкому князю еще до перехода к Юрию.

...Семенъ Ивановичь Морозовъ, любовникъ княжь Юрьевъ. — В *СС* и других летописях нет отчества Морозова (в *Е* Семен Иванович); по-видимому, речь идет о Семене Федоровиче Морозове, представителе одного из старейших московских боярских родов.

...не повыкли бо служити удѣлнымъ княземъ... — В *СС:* «не повыкли галичьскым княземъ служити»; возможно, что именно этот текст читался в общем протографе *Е* и *СС*.

Стр. 414. *...въ Рузу...* — Г. Руза был частью Звенигородского удела Юрия Дмитриевича; в *СС* вместо этих слов читается: «поиде к Звенигороду».

...князь Юрьи поиде въ Галич, а князь великы князя Юрья Патрекѣевича посла... — Князь Юрий Патрикеевич, сын Патрикея Наримантовича, литовского князя (внука Гедимина), перешедшего на службу к Дмитрию Донскому, был деверем и ближайшим сподвижником Василия II; неоднократно возглавлял великокняжеские войска в борьбе с галицкими князьями. Об уходе Юрия после первого пребывания на великокняжеском престоле в 1433 г. в Галич не упоминается в *СС*, но этот факт (отмеченный в великокняжеском летописании) подтверждается известиями следующего, 1434 года.

...а князь Юрьи побеже на Бѣлоозеро... — Бегство Юрия на Белоозеро (не упоминаемое в *СС*, но отмеченное и в великокняжеском летописании) было, очевидно, связано с его сложными отношениями с сыновьями Андрея Дмитриевича Белозерского и Можайского — Михаилом Белозерским и Иваном Можайским; оба князя заключали в эти годы договоры и с Василием II, и с Юрием.

...в суботу Лазареву. — Лазарева суббота в древнерусском календаре предшествовала Страстной неделе; в 1434 г. она приходилась на 20 марта.

...на Страстной недѣли въ среду, и стоялъ под городомъ недѣлю, а на Святой недѣли городъ ему отворили в среду... — Поскольку Пасха в 1434 г. приходилась на 28 марта, то среда Страстной недели приходилась на 24 марта, среда Святой недели — на 31 марта.

...и послал в Рузу. — В великокняжеском летописании местом ссылки княгинь назван Звенигород (ср. комм. к с. 412).

А Шемякѣ дал князь велик Углич да Ржеву, а меньшему дал князю Дмитрею Бѣжицкой Верхъ. — Согласно договору, заключенному в 1434 г. Василием II с сыновьями Юрия Дмитриевича Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным (Меньшим), Углич и находившиеся к северо-западу от Москвы Ржев и Бежецкий Верх переходили к галицким князьям по завещанию их отца.

Стр. 416. *...у Кузмы Демьяны на Которосли...* — У церкви Кузьмы и Демиана на реке Которосль, притоке Волги, впадающем в нее в Ярославле.

Кашин — город и удел великого княжества тверского.

Феодора Михайловича Челядню, Василья Михайловича Шею, Андрѣя Феодоровича Голтяева... — Эти воеводы были представителями московских боярских родов: Федор Михайлович — из рода Ратшичей, родоначальник бояр Челядниных; Василий Михайлович — из рода Морозовых, родоначальник Шеиных; Андрей Федорович Голтяев — из рода Кобылиных-Кошкиных.

Изгоном — внезапно, неожиданным набегом, тайно.

...и оттоле иде въ Заозерье... тѣхъ всѣхъ отполонили у него. — Весь этот рассказ о походе Василия Косого в 1435 г. в Заозерье (Заозерское княжество было уделом Ярославского княжества) и на Устюг отсутствует в великокняжеском летописании и не читается в *СС*, но он тесно связан с рассказом следующего 1436 г. о мести Василия Косого устюжанам за то, что они «хотѣли его самого изъимати», и о женитьбе Шемяки на плененной его братом дочери Дмитрия Заозерского; очевидно, этот рассказ принадлежит протографу обеих летописей.

...и владыку ростовьскаго, идучи, пограбилъ... — Архиепископом ростовским был в 1427—1454 гг. Ефрем. Об ограблении ростовского владыки Василием Косым в 1436 г. не упоминается в *СС*, но поскольку и в *СС* и в *Е* сообщается далее о казни владычного «десятинника» (сборщика десятины) Иова Булатова, то можно предполагать, что и известие об ограблении владыки читалось в протографе.

...воеводу Глѣба Ивановича убилъ Оболеньского... — Удельные князья Оболенские перешли на московскую службу еще в конце XIV в.; Глеб Иванович Оболенский был воеводой на Устюге.

Стр. 418. *...князя Дмитрея Заозерьского...* — Дмитрий Васильевич, князь кубенско-заозерский (удел Ярославского княжества).

...Иван Старков, а Коломна за ним же. — Наместник коломенский Иван Федорович Старков из рода Серкизовых-Старковых впоследствии стал сторонником своего узника Шемяки (см. комм. к с. 422).

Дмитрей Юрьевич Менший (Красный). — В отличие от двух старших братьев выступил в 1436 г. на стороне Василия II.

...Иван Баба дрюцьских князей... — друцкой князь, потомок князей смоленских (ставших с начала XV в. вассалами Литвы), в 1424 г. помогавший Василию I, по поручению Витовта, против татарского царя Кудайдата, а в 1436 г. окончательно перешедший на литовскую службу. Иван Баба стал родоначальником служилых князей Бабичевых.

Сидор митрополит — игумен константинопольского монастыря святого Дмитрия Исидор, сторонник унии с католической церковью, назначенный в

1437 г. русским митрополитом. Рассказы летописей, составленных со второй половины XV в., отражают тенденции более позднего периода, когда уния 1439 г. была отвергнута на Руси, а Исидор изгнан. Окончание известия 1437 г. в *Е*, *СС* и *ЛР* расходится: в *ЛР* (в отличие от *Е* и *СС*) о поездке Исидора в Рим в 1437 г. не упоминается и, судя по известию *ЛР* следующего года, этого известия под 6945 г. в протографе быть не могло.

Сентября 5 Сидор пошел к Риму на 8 сборъ, похоронивъ княгиню Еупраксу... — Княгиня Евпраксия (Елена) — вдова князя Владимира Андреевича Серпуховского, дочь Ольгерда Литовского. Довольно длительное пребывание Исидора в 1437—1438 гг. на Руси, где он исполнял свои святительские обязанности, подтверждается новгородскими и псковскими летописями. О Флорентийском соборе см.: «Хождение на Флорентийский собор» — «Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века».

...Юрьи Болшей. — Юрий Васильевич, первый из сыновей Василия II с этим именем, умер в 1441 г.

...посылалъ братью свою, два князя Дмитреа Юрьевичевъ... — Рассказ о Белевском бое с ханом Улу-Мухаммедом (см. комм. к с. 412, 420) начинается в *СС* словами: «...месяца декабря 5 бой бысть великимъ княземъ русскым на Белевѣ...» — возможно, что этот текст (с упоминанием великокняжеского титула во множественном числе, что означает признание его и за Шемякой) читался в протографе — Севернорусском своде начала 70-х гг.

И бѣ нѣкто Григорей Протасиевъ... — См. о нем комм. к с. 412. Рассказ об измене Григория Протасьева отсутствует в *Е* и *СС*, но он читается в *Уст* (декабрь 6946 г.) и *С II* (6945 г.); наличие этого известия в протографе доказывается тем, что под следующим годом в *Е* рассказывается о наказании (ослеплении) Протасьева.

Стр. 420. *Приходил царь Магамет...* — Улу-Мухаммед, бывший хан Золотой Орды, правивший в 1439 г. в Белеве; подробнее о борьбе с Улу-Мухаммедом рассказывается в «Повести об ослеплении Василия II» — см.: «Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века».

...митрополит Сидор убежал с Москвы. — Сообщение об изгнании митрополита Исидора после его возвращения с Флорентийского собора и принятия унии расходится в *СС*, *Е*, где говорится об «обличении» его безумия епископом Авраамом и дьяком Василием-Карлом, и *ЛР*, где под 6948 г. говорится о «поимании» Сидора, а под 6949 г. — о его бегстве.

Дмитрий Красный — младший сын князя Юрия Дмитриевича; после его смерти в 1441 г. между Василием II и Дмитрием Шемякой был заключен новый договор.

Дѣмон город взял, а мятля убили порховьского. — Город Демон (Демань, Демянск) находился на юге Новгородской земли; в войне 1441 г. участвовали на стороне московского князя и псковичи, осадившие новгородский город Порхов. Слово «мятль» (мятельник),— видимо, обозначение должностного лица.

...князь Юрьи родися, мѣсяца генваря 22, на Тимофѣев день. А дотолѣ за год на тот же день родился князь велик Иван Васильевич... — Юрий Васильевич, впоследствии удельный князь дмитровский, далее упоминается в своде многократно (см. с. 434, 436, 440). В большинстве списков *СС* о рождении

Ивана III упоминается дважды — под 6948 (1441) (в *Е* под этим годом рассказ о чудесном предсказании рождения Ивана III — явно вторичного происхождения) и 6949 (1442) годом, но в Соловецком списке, содержащем особый вид *СС*, наиболее близкий к первоначальному, этой дублировки нет, и о рождении Ивана III сообщается только под 6949 г. в связи с упоминанием о рождении его брата Юрия в Тимофеев день — когда, за год до этого, родился и Иван. По-видимому, версия Соловецкого списка отражает первоначальную версию Северного свода (связанного именно с Юрием Васильевичем), ибо маловероятно, чтобы известие о рождении Ивана III в 6948 (1441) г., если бы оно содержалось в протографе, было опущено каким-либо из летописцев XV в.

Кулодарь Ирешьский — дьяк, служивший затем князьям Михаилу Андреевичу Белозерскому и Ивану Андреевичу Можайскому.

...а далъ ему Суздаль, а преже был за Черторижьскымъ. — Князь Александр Васильевич Чарторыйский (Черторижский, Чарторижский), западнорусский князь, участник убийства великого князя литовского Сигизмунда Кейстутовича в 1440 г., перешедший к Василию II. Суздаль был, очевидно, получен Чарторыйским в удел от Василия II. Передача Суздаля Ивану Андреевичу Можайскому привела к заключению договора между Шемякой и лишенными своих владений суздальскими князьями. В 1443 г. Чарторыйский пришел в Псков «от князя великого Василия Васильевича на княжение».

...игуменъ Зеновей... — Игумен Троице-Сергиева монастыря, упоминаемый выше как иерарх, крестивший князей Ивана и Юрия Васильевичей.

Григорья Васильева сына Глѣбова застрелили в челюсть... — Григорий Васильевич Глебов — представитель рода Сорокоумовых-Глебовых; его братья Иван Ощера и Дмитрий Бобр играли важную роль в дальнейшей борьбе за московский престол (см. «Повесть об ослеплении Василия II»). Очевидно, вследствие ранения в 1443 г. он получил прозвище Криворот.

Федор Васильевич Басенок — видный сподвижник Василия II (см. «Повесть об ослеплении Василия II»). О «мужьстве» Басенка в сражении с Мустафой (как и о других обстоятельствах битвы на Листани) не упоминается в *СС* и в других летописях, но особое внимание к нему Северного свода 1472 г. в других случаях позволяет и данное известие возводить к этому своду.

...поималъ боярина своего Андрѣа Дмитреева и с дѣтьми, а жену его Марью сжеглъ безлепъ.—Андрей Дмитриевич Мамон, служилый боярин князя Ивана Андреевича Можайского, отец Григория Мамона, приближенного Ивана III. По известию летописи, враждебной Григорию Мамону, его мать, жена Андрея Мамона, Мария была сожжена можайским князем «за волшебство».

Стр. 422. *...к Мурому отъ Новагорода отъ Нижняго...* — Под предыдущим 6952 (1444) г. в *Е* сообщается о замыслах Махмета захватить Нижний Новгород; в *СС*, как и в великокняжеском летописании, известия 6952 г. отсутствуют.

...убиша Александра Иванова сына Костяньтиновича въ Гороховцѣ... — Александр, сын Ивана Константиновича, был, по-видимому, представителем боярского рода потомков Бяконта (Плещеевых), к которым принадлежал в XIV в. митрополит Алексей. Гороховец — город в нижнем течении Клязьмы, к северу от Мурома.

...князь Феодоръ Давидовичь... — Князь Федор Давыдович Пестрой-Стародубский, московский воевода, представитель рода князей Стародубских-Ряполовских, впоследствии — участник Шелонской битвы (см. с. 392).

Юшко Драница — выходец из Литвы, служивший Василию II; см. «Повесть об ослеплении Василия II».

...литовьскые воеводы: Судивой панъ, Иванъ панъ Гонцевичь, панъ Юрша, Захарья Ивановичь Кошкинъ... — Перечень литовских воевод, напавших в 1445 г. на Калугу, в *Е* отличается от перечня их в великокняжеском летописании (Никаноровская летопись и др.): только в *Е* упоминается Иван Гонцевич и Юрша. Участие в этом нападении Захария Ивановича Кошкина объясняется, очевидно, тем, что после столкновения 1433 г. из-за золотого пояса (см. комм. к с. 412) Кошкин «отъезжал» в Литву — переходил на службу литовскому князю.

...князь Михайло Ондрѣевичь... — Удельный князь верейско-белозерский с 1432 г. Участие Михаила Андреевича в сражении под Калугой отмечается только в *Е* и кратком сообщении *СС* — в великокняжеском летописании об этом не упоминается.

...князя Аньдрѣя Лугвицю... — Андрей Васильевич Лугвица, погибший в 1445 г.— потомок князей суздальских-шуйских, перешедших на московскую службу.

...а Судока изымаша... — Иван Федорович Судок-Монастырев, воевода, боярин Михаила Андреевича Верейского.

Прииде Маматек... съ братом своим съ Ягупом... — Сыновья Улу-Мухаммеда, ставшего после 1445 г. казанским ханом. В *Е* о походе сыновей Улу-Мухаммеда на русские территории рассказано подробнее — упоминается захваченный ими город Лух (на реке того же названия, невдалеке от Шуи) и взятые ими с собой «казаки» из «черкас», как именовались в то время бродячие орды различного этнического происхождения.

И сдумавше князь Дмитрей Шемяка... а с ними коромолил с Москвы Иван Старков, да и от гостей и от троицьких черньцев... — Подробное описание заговора 1446 г. и последующей борьбы за власть, окончившейся победой Василия Темного, см. в «Повести об ослеплении Василия II», помещенной в великокняжеской летописи. В отличие от великокняжеской летописи, Севернорусский свод начала 70-х гг. отмечает участие в заговоре старцев Троицкого монастыря, московских купцов, а также (судя по *СС*; в *Е* этого имени нет) Ивана Старкова-Серкизова (см. комм. к с. 418). В *Е*, в отличие от *СС*, приводится здесь заявление Шемяки, затеявшего «крамолу»: «Князь велики всю землю свою царю процѣловалъ и насъ, свою братью»; эти слова, очевидно, связаны с тем обстоятельством, что Шемяка вел борьбу с Василием II под антиордынскими лозунгами.

Трифон — игумен Кирилло-Белозерского монастыря в 1435—1447 гг., впоследствии архиепископ ростовский (см. комм. к с. 430 и 434). Роль Трифона в освобождении Василия Темного от крестного целования Шемяке отмечается только в Севернорусском своде; великокняжеское летописание об этом умалчивает.

Стр. 424. *...владыка Иона...* — См. «Повесть об ослеплении Василия II». Поставление Ионы «своими епископы» без санкции Константинополя заверши-

ло восьмилетний период, наступивший после бегства Исидора (см. комм. к с. 420), когда на Руси не было митрополита.

Бѣжецкий Верх — принадлежал прежде галицким князьям (см. комм. к с. 414).

...родися Борисъ... — Борис Васильевич, удельный князь волоцкий с 1462 по 1494 г.

...до Похры... — Пахра, приток Москвы-реки в 40 км к югу от Москвы.

...полонили княгиню Марью съ снохою Степанидою, князя Василия Оболеньского, да Григорьеву жену Козлову Морозова. — Мария Федоровна Оболенская (племянница Ивана Дмитриевича Всеволожского — см. о нем комм. к с. 410), жена Василия Ивановича Оболенского, брата Семена и Глеба Оболенских (см. комм. к с. 416); Соломонида, жена Григория Ивановича Козлова-Морозова, дочь Ивана Ивановича Кошкина-Голтяева (имя ее читается только в *Е*). Пленение в 1448 г. снохи княгини Оболенской и Соломониды Козловой-Морозовой в других летописях XV в. не упоминается.

...убьенъ бысть удалый Григорей Семеновичь Горъсткинъ... — Вероятно, сын Семена Остафьевича Горсткина, убитого (согласно *Е* и великокняжескому летописанию) в Белевской битве 1438 г. Эпитет «удалый» употреблен под 1456 г. по отношению к Басенку (с. 428) и под 1472 г. *(СС)* по отношению к князю Василию Михайловичу Верейскому (с. 440) и, очевидно, принадлежит составителю комментируемого свода.

...Владимиръ Григорьевичь Ховрин, гость да и болярин великого князя... — Представитель рода Ховриных (Головиных), перешедших на московскую службу в начале XV в. (предки Ховриных, по-видимому, были крымскими греками). Строительная деятельность «гостей-бояр» Ховриных развивалась параллельно со строительной деятельностью Василия Дмитриевича Ермолина, подробно отмеченной в дополнениях *Е* к Севернорусскому своду 1472 г. (см. с. 442).

Стр. 426. *...на Бетюцѣ...* — Река Бетюк (Битюг), приток Дона; поход на Бетюк был совершен, согласно великокняжескому летописанию, в связи с известием о нашествии татар с юга.

Ромодан — по великокняжеской летописи — Ромодан Зиновьев.

Георгиа было в Пятокъ велик Страстныя недѣли. — Весенний Георгиев (Юрьев) день — 23 апреля; летописец отмечает, что в 1441 г. на это число пришлась пятница Страстной недели — день Великого поста.

...отъ Сиди-Ахметовы орды... — «Сиди-Ахметова» (Сеид-Ахметова) орда нападала на русские земли неоднократно с конца 40-х и в течение 50-х гг. XV в. Исследователи отождествляют эту орду с Большой Ордой — основной частью распадавшейся Золотой Орды (Джучиева улуса).

...князя Ивана Звенигородскаго, намѣстника коломенскаго... — Иван Александрович Звенигородский — сын Александра Федоровича Звенигородского, перешедшего на московскую службу из Литвы в начале XV в. Звенигородские, как и Оболенские, вели свой род от Михаила Черниговского.

...царевичь, Сиди-Ахметовъ сынъ... и Едегерь... — В великокняжеском летописании «царевич», предводительствовавший татарским войском в 1451 г., именуется Мазовшей; о его родстве с Сеид-Ахметом и об Едигере не упоминается.

...посылалъ... Иоана Васильевичя, Кокшенги воевати. — Поход двенадцатилетнего княжича Ивана (будущего Ивана III, очень рано начавшего помогать Василию Темному в государственных делах) в 1452 г. на реку Кокшенгу (к западу от Устюга, в бассейне Северной Двины) был направлен против Дмитрия Шемяки (параллельно с походом Оболенского и Басенка на Устюг); по известию великокняжеского летописания, поход был успешным.

...поятъ княжну Марью... — Марию Борисовну, дочь тверского великого князя, с которой Иван III был обручен в 1447 г. (см. комм. к с. 434).

...Андрѣй Меньший... — Андрей Васильевич Меньший, удельный князь вологодский с 1462 по 1472 г.

...великаа княгини Софья... — София Витовтовна, мать Василия II.

...Дмитрей Шемяка Юрьевич умре со отравы... — В *Е* слухи об отравлении Шемяки переданы подробнее: «...а привозилъ с Москвы Стефанъ Бородатый дьякъ къ Исаку к посаднику к Богородицкому ⟨правильнее Борецкому. — *Я. Л.*⟩, а Исак деи подкупилъ княжа Дмитреева повара, именем Поганка, тъй же дасть ему зелие в куряти. И пригна с вѣстью на Москву к великому князю Василей Бѣда подьячей; князь же велики пожаловалъ его дьячествомъ, и прорѣкоша ему людие мнози, яко не надолго будеть времени его, и помалѣ сбыстьса ему». В великокняжеском летописании об отравлении ничего не говорится, но указывается, что подьячий Беда, «пригнавший» с вестью о «напрасной смерти» Шемяки, «оттолѣ бысть дьяк».

...царь турскы Царьгород взял. — О завоевании Константинополя турецким султаном великокняжеское летописание сообщает под 6950 (1452) г. Дата Севернорусского свода точнее, так как Константинополь был взят 29 мая 1453 г.

Ефрѣм — архиепископ ростовский с 1427 по 1454 г.

Феодосий Бывальцев — ростовский архиепископ с 1454 по 1461 г. (см. комм. к с. 430).

...князь Иванъ Андрѣевичь побѣжалъ в Литву... — Иван Андреевич после присоединения его удела к Московскому княжеству стал вассалом короля Казимира и получил от него города Стародуб и Гомель и Черниговский замок.

...вогуличи. — Под названием «вогуличи» («гогуличи») летописцы, по-видимому, понимали не только зауральских манси, обычно обозначавшихся этим именем, но и вообще население покоряемой московскими князьями Пермской земли (коми-пермяки и др.).

Иван Васильевич Ощера — представитель рода Сорокоумовых-Глебовых, брат Григория Глебова (см. комм. к с. 420). О неудаче Ощеры в сражении с татарами в 1455 г. великокняжеское летописание не упоминает, говорится только о победе «христиан».

Стр. 428. *...князя Семена Бабича...* — Князья Бабичи (Бабичевы), по-видимому, перешли на московскую службу из Литвы. По известию великокняжеской летописи, Семен Бабич был убит не «на суйме» (в сражении), «но притчею некою» (т. е. при загадочных обстоятельствах, вследствие несчастного случая).

...пришед Феодоръ Басенокъ... — О роли Басенка (см. комм. к с. 420) в сражении с татарами в 1455 г. в великокняжеском летописании не упоминается.

...под Русу... — Старая Русса, один из древнейших центров Новгородской земли, к югу от Новгорода.

Иоанъ Васильевичь Оболеньский Стрига з братьею, да Феодоръ Васильевичь Басенок, удалый воевода, новогородцевъ смердов били... — В великокняжеском летописании роль Стриги-Оболенского и Басенка в походе на Новгород в 1456 г. изображается иначе: они польстились на «товар» (трофеи) и были захвачены новгородцами врасплох и «устрашишася»; поражение новгородцев объясняется «гнѣвом божиим».

...во Ажелобицахъ... — Яжелбицы (Яжелобицы), село в 127 км к юго-востоку от Новгорода (в Деревской пятине), место заключения Яжелбицкого мира 1456 г., значительно усилившего административную и судебную власть великого князя в Новгороде.

...архиепископъ Еуфимий... — Евфимий II, архиепископ новгородский с 1434 (фактически уже с 1429) по 1458 г.

...князь велики Иоанъ Феодорович Рязанский. — Великий князь, занимавший рязанский престол с конца 20-х гг. XV в. После смерти Ивана Федоровича опекуном его малолетнего сына Василия стал Василий Темный, пославший в Рязань московских наместников.

...князя Василья Ярославичя... — После ареста бывшего сподвижника Василия II в 1445—1447 гг. Василия Ярославича серпуховское удельное княжество было присоединено к Москве. Сын серпуховского князя Иван Васильевич бежал в Литву, где заключил договор с другим эмигрантом, Иваном Можайским, о совместной борьбе за освобождение своих «отчин».

...родися... сынъ, и нарекоша имя ему Иванъ. — Иван Иванович Молодой, сын Ивана III, с 1473 г. носил титул великого князя и считался, очевидно, соправителем отца; умер в 1490 г.

...посылалъ на Вятку Ряпаловьскых... — Вятская земля представляла собой до Ивана III вечевую республику и обладала известной самостоятельностью; во время феодальной войны вятчане поддерживали галицких князей. Князья Ряполовские-Стародубские служили московским князьям с XIV в.; в 1446—1447 гг. помогали Василию II в борьбе за власть.

...святое Ведение на Симановьском дворѣ в городѣ. — Церковь Введения богородицы во дворе Симонова монастыря в Москве.

...князя Ивана Юрьевичя... — Князь Иван Юрьевич Патрикеев, сын Юрия Патрикеевича (см. комм. к с. 414), видный сподвижник Ивана III, впоследствии подвергшийся опале; отец известного церковного деятеля Вассиана (Василия) Патрикеева.

...Орловъ да Котельничь, а под Хилинымъ стоял долго... — Орлов (ныне — Халтурин) и Котельнич — города Вятской земли, Хилин (*СС* — Хылынов, Хилынов) — Хлынов, главный город Вятской земли, с конца XVIII в. — Вятка, ныне — Киров.

...на Городище, и удариша на него шилники... — Городище — резиденция великого князя в Новгороде; шильники — термин, которым московское и общерусское летописание именует новгородскую бедноту; московская великокняжеская летопись упоминала, что противники великого князя в начале 70-х гг. нанимали «смердов, убийц, шилниковъ и прочих безъименитых мужиков». О нападении шильников на Басенка в 1460 г. великокняжеское летописание не упоминает; кроме комментируемого свода, об этом кратко сообщает *С II*, где говорится также, что новгородцы помышляли и об убий-

стве Василия Темного, но от этого поступка их отвратил архиепископ Иона.

Стр. 430. *...царь Ахмутъ Большые Орды...* — Ахмат (Ахмед), хан Большой Орды, имя которого появляется в русских источниках с 1460 г. (его отношения с Сеид-Ахмедом, нападавшим в предшествующие годы, неясны).

...к Переяславьлю к Рязаньскому... — Переяславль-Рязанский (ныне Рязань) — главный город Рязанского княжества с XIV в. (прежний центр, Старая Рязань, был разрушен татаро-монголами в 1237 г.).

Кулат-улан-мирза — (улан — член княжеского рода, мирза — княжий сын) упоминается только в этом рассказе Севернорусского свода; в великокняжеском летописании о нем ничего не говорится.

...перед княжимъ двором Васильевича, в Боровитьскихъ воротѣхъ, заложили церковь камену святаго Иоана Предтечи. — Судя по *СС*, речь идет о княжьем дворе Юрия Васильевича Дмитровского у Боровицких ворот Кремля. Великокняжеская летопись сообщает о строительстве церкви Рождества Иоанна Предтечи у Боровицких ворот под 1461 г.; в 1493 г. она сгорела.

...поставиша на митрополию Феодосиа... — В *Е* прибавлено: «своими епископы на Русь»; Феодосий был вторым после Ионы митрополитом, поставленным (на основе специальной «благословенной» грамоты Ионы) без санкции Константинополя. Ростовским архиепископом стал в 1462 г. бывший кирилловский игумен Трифон, но комментируемый свод ничего не сообщает об этом, возможно, потому, что архиепископство Трифона было непродолжительным и неудачным (см. комм. на с. 639).

...у Михаилова Чюда в монастыри... — Чудов Михаила архангела монастырь в Кремле.

...Володку Давидова... — Владимир Давыдов Красной был связан с сыном Василия Ярославича Серпуховского Иваном и привез на Русь договор, заключенный в Литве между двумя эмигрантами — Иваном Васильевичем (сыном Василия Ярославича) и Иваном Андреевичем Можайским (см. комм. к с. 428).

...недостойно бяше православному великому осподарю, по всей подсолнечной сущу, и такими казньми казнити... — В *СС* этих слов нет, но казнь серпуховских дворян определена как «незнаемая». Выражение «осподарю по всей подсолнечной» сходно с обращением публицистов XVI в. (Филофей) к русскому государю, как единому «во всей поднебесней» христианскому царю.

Стр. 432. *Хотунь* — город на реке Лопасне. Хотунь упоминается и в завещании Василия II, но в великокняжеском летописании среди владений князя Юрия Дмитровского Хотунь не названа.

...Романовъ город на Волзѣ... — Севернее Ярославля (ныне Тутаев). Романов, предназначенный по завещанию Василия II его вдове, был передан в 1472 г. Андрею Углицкому после смерти его брата Юрия Дмитровского в возмещение за включение всего Дмитровского княжества в число владений Ивана III. Поэтому данное известие, как и последующие известия о Вышгороде, селе Голтяевой, городах Тарусе и Городце, могло быть написано только до перераспределения владений Юрия Васильевича, умершего в сентябре 1472 г. (см. с. 440).

...Вышегород Поротовьский да Марьины села Голтяевы... — Поротва (Прот-

ва) — приток Оки. Мария Федоровна (Голтяева) — дочь московского боярина Федора Голтяя, бабка Бориса Волоцкого по матери; в *СС* указано, что Борис был «въскормленником Голтяевы» и приведено его прозвище «Скупой».

...придалъ ему городокъ Торусу... — Торуса (Таруса) — город и княжество, отошедшее к Москве (от князей суздальско-нижегородских) в 1393 г.

...при князи Александрѣ Феодоровиче Ярославьскомъ... — Александр Федорович — последний представитель династии ярославских князей, восходящей к смоленскому князю Федору Ростиславичу; после потери своих вотчин в 1463 г. продолжал жить в Ярославле и умер в 1471 г.

...у святаго Спаса в монастыри... — Спасо-Преображенский монастырь в Ярославле, существовал уже с начала XIV в.

...князь велики Феодоръ Ростиславичь Смоленский, и з дѣтми, со князем Костянтиномъ и з Цавидомъ... — Федор Ростиславич, потомок смоленских князей Ростиславичей, получил Ярославль в конце XIII в. в приданое. В начале 70-х гг. XV в. житие его было написано иеромонахом Спасо-Преображенского монастыря Антонием; сходный житийный рассказ был включен под 6971 (1463) и 6975 (1467) г. в *С II* и Львовскую летопись.

...прощати множество людей... — То есть исцелять от болезней (это исцеление рассматривалось как «прощение» грехов, вызвавших болезнь). Здесь: игра словом «прощатися», употребленном далее и в обычном смысле (ярославские князья «простилнсь» со своими вотчинами).

Сии бо чюдотворци явишася не на добро всѣм князем ярославскимъ... — Иронический рассказ о ярославских чудотворцах в комментируемом своде, возможно, связан с кругами, близкими к ростовскому архиепископу Трифону, о неверии которого в явленные в 1463 г. мощи сообщается в житийном рассказе, включенном в *С II*. Лицами, близкими к Трифону, вероятнее всего, могли быть монахи Кириллова монастыря, где он был прежде игуменом (см. комм. на с. 639 и к с. 430).

Алексей Полуектович — дьяк великого князя в 60—70-х гг., попавший в опалу из-за того, что его жена, согласно *С II*, обвинялась в соучастии в отравлении «зельем» великой княгини Марии Борисовны (см. комм. к с. 434), но в 1473 г. снова занявший видное место в государственных делах; участвовал в новгородском походе.

...новой чюдотворець, Иоанъ Огафоновичь Сущей... — В научной литературе высказывалось предположение об идентичности этого лица с Иваном Васильевичем Стригой-Оболенским, не раз выступавшим в роли великокняжеского воеводы и наместника; однако известий о пребывании Стриги-Оболенского в Ярославле нет.

...цьяшосъ. — Слово «дьявол» зашифровано здесь так называемой «простой литореей», при которой согласные «б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н» заменяются соответственно на «щ, ш, ч, ц, х, ф, т, с, р, п».

...князь велики ⟨...⟩ рязаньский женися на Москвѣ... — Великий князь рязанский Василий Иванович (в *Е* ошибочно «Иванъ Васильевичь», в *СС* имени нет) с 1456 г. (см. комм. к с. 428) жил в Москве; после женитьбы вернулся в Рязань с женой (ум. в 1483 г.).

...поставили на Москвѣ Иосифа Грека архиепископом в Кесарию Филиппову... — Кесария Филиппова (Палестинская) — город и епархия в составе

иерусалимской патриархии, находившейся под властью египетских султанов. В великокняжеском летописании говорится о поставлении Иосифа митрополитом кесарийским в связи с поездкой на Русь его брата, иерусалимского патриарха, терпевшего «истому» от «египетского салтана» и умершего по дороге в Кафе (Феодосии). Отдельный рассказ об этом поставлении, сохранившийся в рукописной традиции, имеет черты легенды (легендарный рассказ о землетрясении в Иерусалиме, анахронистическое упоминание иерусалимского патриарха Иоакима и т. д.).

Феодосий митрополит остави митрополию... — В *С II* и Львовской летописях отставка Феодосия объясняется его неудачной попыткой «попов и дьяконов нужею навести на божий путь» (запретить попам-вдовцам служение в церкви, держать наложниц и т. д.).

Филипп — Филипп I занимал митрополичий престол до 1473 г.

Стр. 434. ...*великаа княгини Марьа тферянка...* — *С II* и Львовская летописи сообщают, что Мария Борисовна умерла «от смертного зелия».

...*Трифонъ остави архиепископью ростовьскую.* — В Типографской летописи отставка Трифона в 1467 г. объясняется тем, что он был «болен вельми»; в уже упомянутом рассказе *С II* и Львовской отставка эта объясняется божьей карой за неверие Трифона в ярославских чудотворцев (см. комм. на с. 639).

...*посылал под Казань царевича Каисыма...* — Казанское царство (ханство) образовалось уже в 1445 г., но первые столкновения Москвы с Казанью начались в 60-х гг. Казанским ханом в 1468 г. был Абреим (Ибрагим), сын основателя ханства Махмета (Улу-Мухаммеда); его брат, царевич Каисым (Касим), стал вассалом Москвы и возглавлял русский поход на Казань.

...*князя Ивана Юрьевича, да князя Ивана Васильевича Стригу...* — Иван Юрьевич Патрикеев — см. комм. к с. 428; Иван Васильевич Стрига-Оболенский (в *Е* не упоминается) — сын Василия Ивановича Оболенского (Косого) (ср. комм. к с. 384), неоднократно бывший наместником и воеводой Ивана III (ср. комм. к с. 432).

...*Васияна Рыла...* — Вассиан Рыло, занимавший ростовский архиепископский престол до своей смерти в 1481 г., был видным церковным и политическим деятелем, автором «Послания на Угру» Ивану III в 1481 г. (см. комм. на с. 672).

...*понял княжну Елену, мизоцьского князя дщерь.* — Елена, дочь князя Романа Мезецкого, умерла в 1483 г. (великокняжеские своды сообщают о женитьбе Андрея под следующим, 1470 г.).

...*послалъ на Казань рать судовую, а берегомъ послал брата своего...* — Описание казанского похода 1469 г. в комментируемом своде существенно отличается от рассказа великокняжеской летописи (там не упоминается о разделении рати на судовую и береговую, об участии Юрия и Андрея Васильевичей).

...*Иван Дмитреевич, нарицаемый Руно...* — Воевода Ивана III, впоследствии (ок. 1481 г.) подвергшийся опале. В великокняжеском летописании ничего не говорится об отрицательной роли Руна в походе 1469 г.; напротив, указывается, что он был избран всеми воинами «по своей воли» главным воеводой, «чтобы единаго всем слушати»; далее говорится, что, придя под

Казань, где жители еще спали, воеводы «повелѣша трубити, а татар начаша сѣчи и грабити и в полон имати». В *Е* рассказ, сходный с рассказом *СС* (помещенным в комментируемой реконструкции), дополнен словами «нни по[ча]ли трубить 〈...〉, они же воскакавше, и в воротахъ почали битися», возможно, заимствованными из великокняжеского летописания.

...Хрипунъ княжь Семеновъ сынъ Ряполовьского... — Федор Семенович Хрипун Ряполовский, сын известного деятеля времени Василия II и Ивана III Семена Ивановича Ряполовского (см. комм. к с. 428). В великокняжеской летописи о походе Федора Хрипуна на татар сообщается под предыдущим, 1468 г.

...убили тогды на Волзѣ князя Данила Васильевичя Ярославьского да Никиту Костянтинова сына Бровцина, да устюжанъ много, а Тимофѣя Плещѣева Юрлища полонили... — Даниил Васильевич Ярославский — великокняжеский воевода, внук князя Ивана Васильевича, занимавшего ярославский престол в начале XV в. Тимофей Юрло — представитель старого московского боярского рода Плещевых (см. комм. к с. 422); после пленения вернулся на Русь и умер в 1496 г. в чине окольничего.

Стр. 436. *...князь же Юрьи помирися с нимъ на всей своей воли...* — Этот рассказ о победе Юрия Васильевича Дмитровского под Казанью в сентябре 6978 (1469) г. совершенно уникален в летописании XV в. — великокняжеские своды XV в. ничего не сообщают об этой победе над Казанью (известие это проникает в официальное летописание только в XVI в.); ростовский свод 80-х гг. XV в. (Типографская летопись) сообщает о победе под предыдущим 6977 годом, не выделяя роли Юрия (Георгия) Дмитровского и ничего не говоря о неудаче Руна.

...Прохоръ... на епископью на Сарайскую. — Сарайский (Сарский) епископ с середины XV в. пребывал уже не в Сарае (столице Золотой Орды), где православная епископия была учреждена в XIII в., а в Москве. Прохор был архиепископом до 1493 г.

Вездѣ бо бог помогаше великому князю за его исправление. — Эта концовка рассказа о походе на Новгород показывает, что составитель комментируемого свода в основном сочувствовал великому князю, хотя упоминание о том, что Иван III «разъярився» (*СС* —«разгнѣвася») на новгородцев, восходит здесь к новгородской повести (ср. с. 406). Дата Шелонской битвы «иуля 14» дана по *СС* — в *Е* ошибочно «иуля 4».

Стр. 438. *...поставили игумена Филофия ис Ферапонтовы пустыни на Пермь...* — Филофей был епископом пермским до 1503 г. Ферапонтов монастырь (именуемый в актах XV в. обычно «Ферапонтовой пустынью») был основан в конце XIV — начале XV в. сподвижником Кирилла Белозерского Ферапонтом в 20 км от Кириллова монастыря.

...поставленъ бысть во епископы на Рязань Феодосий... — Феодосий был епископом рязанским до 1495—1496 гг.

...посла̀лъ князя Феодора 〈...〉 Пестрого воевати Перми Великиѣ... — Князь Феодор Давыдович (в *Е* ошибочно «Феодорович») Стародубский-Пестрый — воевода Ивана III, участник похода на Новгород в 1471 г. (см. с. 384). После 1472 г. Пермская земля (область, населенная коми-пермяками) признала вассальную зависимость от великого князя.

...заложи церковь Успение святыя богородица... а разрушы церковь каме-

ну... — Эта первая попытка перестройки Успенского собора окончилась неудачей; новый Успенский собор был построен в 1479 г.

...к рецѣ Окѣ под город под Олексин... — Алексин — город на границе с великим княжеством литовским, уже с первой половины XV в. включался в число непосредственных владений великого князя московского.

Семион Васильевич Беклемишев — представитель рода служилых землевладельцев, известных с начала XV в. Иронический рассказ о Семене Беклемишеве передан в *Е* короче, чем в *СС*.

Стр. 438—440. *...князь Василий Михайлович Удалый...* — Сын удельного князя Верейско-Белозерского Михаила Андреевича, уже с 1468 г. выступавший в роли великокняжеского воеводы.

Стр. 440. *Юрьи Васильевичь изъ Серпохова...* — По завещанию Василия II, Серпухов входил в число владений Юрия Васильевича Дмитровского, роль которого (в частности, в войне с Ахматом в 1472 г.) постоянно подчеркивается комментируемым сводом.

Петр Феодорович Челяднин — боярин, сын Федора Михайловича Челяднина (см. комм. к с. 416).

...князь велики стоить под Ростиславлемъ... — Ростиславль — город на Оке в Рязанском княжестве.

...царевичь Даниаръ Касымовичь... — Один из главных воевод в походе на Новгород в 1471 г. (см. комм. к с. 384).

...киличиа Григориа Влънина... — Григорий (Гридя) Иванов Волнин, дьяк, посол («киличей») Ивана III при Ахмате; в 1477 г. принимал участие в окончательном присоединении Новгорода.

...княгини великая... разболѣся... — Мать Ивана III Мария Ярославна (в иночестве Марфа) умерла позже, в 1485 г.

ДОПОЛНЕНИЯ В ЕРМОЛИНСКОЙ ЛЕТОПИСИ, СВЯЗАННЫЕ С ВАСИЛИЕМ ДМИТРИЕВИЧЕМ ЕРМОЛИНЫМ

Далее приводятся записи о Ермолине, которых нет ни в *СС*, ни в других летописях, и которые, очевидно, были добавлены при составлении, на основе Севернорусского свода, уникального текста, дошедшего до нас в Ермолинской летописи (названной так открывшим ее А. А. Шахматовым). Об обстоятельствах и причинах составления такой летописи, связанной с Ермолиным, могут быть только высказаны предположения. Возможно, что Ермолинская летопись, доведенная до 1481 г., была составлена после смерти Ермолина (строительная деятельность его оборвалась в 1472 г., но дата смерти неизвестна) как своего рода памятный летописный свод,— подобно тому как ее протограф, Севернорусский свод 1472 г., мог быть составлен в память Юрия Васильевича Дмитровского, а Троицкая летопись начала XV в. — в память митрополита Киприана. Василий Дмитриевич Ермолин — видный деятель русской культуры второй половины XV в., выходец из богатого купеческого рода, породнившегося с боярами Сорокоумовыми-Глебовыми и связанного с Троице-Сергиевым монастырем (там постриглись дед Ермолина Ермола-Ефрем и его отец Дмитрий-Дионисий). Ермолины в памятниках XV в. описываются как люди весьма ученые (отец Василия умел говорить «русски, гречески, половецки»), но не-

достаточно благочестивые и склонные к «духу хульному». Впрочем, сам Ермолин проявлял интерес не только к искусству (скульптуре, архитектуре), но и к духовной письменности — ему принадлежит «Послание от друга к другу», в котором он сообщает своему корреспонденту, писарю литовского короля, «пану Иакову», как ему получить «добрый список» «Пролога с осмогласником».

Стр. 442. *...во Фроловьскыхъ воротехъ...* — Имеются в виду Фроловские (Спасские) ворота Кремля.

...мученикъ Георгий... рѣзанъ на камени, а нарядомъ Васильевымъ, Дмитриева сына Ермолина. — Имеется в виду приписываемая Ермолину скульптура святого Георгия, частично сохранившаяся (ныне в Государственной Третьяковской галерее). «Нарядчики» или «предстатели» — своеобразные подрядчики или руководители артели мастеров.

...святое Вознесение обновлено внутри града... — Церковь женского монастыря Вознесения в Кремле была первоначально воздвигнута в 1407 г.

...у Троици поставили трапезу камену... — Речь идет, очевидно, о монастырской столовой и поварне (не сохранившихся), с барельефной иконой Одигитрии, также приписываемой Ермолину.

...в Володимери обновили двѣ церкви камены, Воздвижение в торгу, а другую на Золотыхъ Воротехъ... — Обе эти церкви (не сохранившиеся) были поставлены на месте более древних (XII в.).

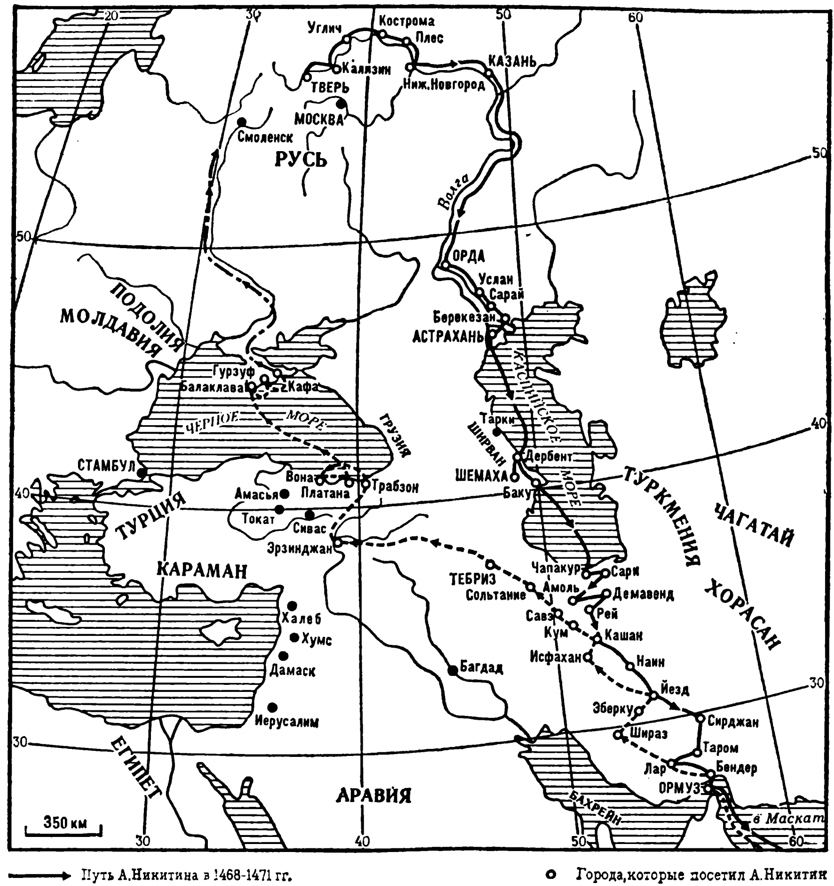
...во градѣ Юрьевѣ в Полскомъ... святый Георгий... а рѣзаны на камени вси... — Юрьевский собор начала XIII в., сохранившийся в том виде, в каком его восстановил В. Ермолин, принадлежал к числу наиболее замечательных памятников домонгольского зодчества. Под 6738 (1230) г. в *Е* к известию (сходному с известием в Московском своде) о построении этой церкви князем Святославом добавлено: «...созда чюдну велми, рѣзанымъ каменемъ»; возможно, что это добавление принадлежит тому же летописцу, который писал о строительных работах Ермолина. Не имея возможности восстановить все рельефы древнего собора, Ермолин бережно собрал уцелевший резной камень и пустил его в кладку фасадов без какой-либо определенной системы.

...Иванъ Голова Володимеровъ... — Иван Владимирович Голова-Ховрин — сын Владимира Григорьевича Ховрина (см. комм. к с. 424). Рассказом о «пре» (ссоре) Ермолина с Головой-Ховриным оканчиваются известия о Ермолине в *Е* — возможно, потому, что в 1472 г. его строительная деятельность окончилась.

«ХОЖДЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ» АФАНАСИЯ НИКИТИНА

(Стр. 444)

«Хождение за три моря» тверского купца XV в. Афанасия Никитина — бесспорно, один из наиболее замечательных памятников древнерусской литературы. Важнейшей особенностью этого памятника следует считать его совершенно неофициальный характер — это записки русского человека, попавшего на чужбину, не имевшие определенного адресата. Мы ничего не знаем об Афанасии Никитине, кроме сведений, содержащихся в «Хожде-



Путь А.Никитина в 1468-1471 гг.
Путь А.Никитина в 1474 г.
Предполагаемая часть пути А.Никитина в 1475 г.
Города, которые посетил А.Никитин
Города, упомянутые в "Хождении" и летописном введении

нии», и заметки, предшествующей ему в летописной редакции. Как может быть установлено по этим источникам, путешествие Никитина происходило в 1468—1475 гг., незадолго до присоединения Твери к Московскому государству; умер он около 1475 г., не дойдя до Смоленска. Нет оснований считать Афанасия Никитина особенно предприимчивым купцом, сознательно стремившимся в Индию; не был он и дипломатом. Товары, с которыми он отправился в путь, предназначались, очевидно, для продажи на Кавказе. В Индию он пошел «от многия беды», после того как был ограблен в низовьях Волги. Единственным товаром, который он доставил в Индию, был купленный по дороге и проданный с большим трудом конь. Путевые записки Никитина были, в сущности, дневником, только без разбивки на даты. Он предполагал, конечно, что его дневник прочтут на родине (именно поэтому он записывал наиболее сомнительные с официальной точки зре-

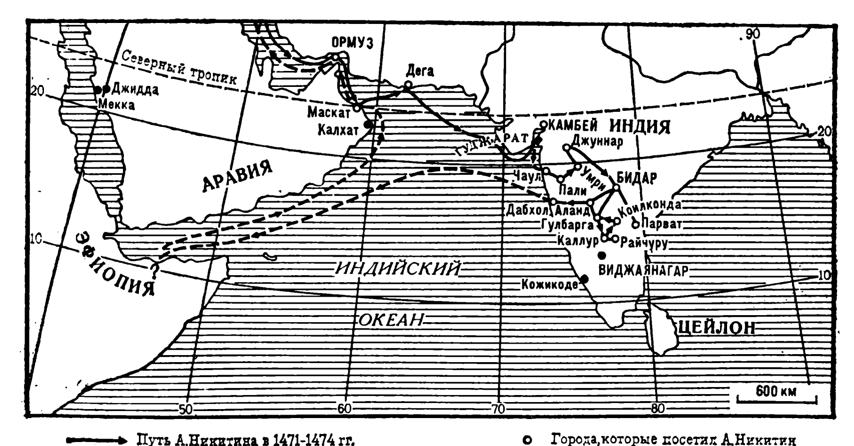
ния разделы по-тюркски и персидски), но не приспосабливал его к этикетным нормам, характерным для церковной и официальной светской литературы того времени. Своей непосредственностью и конкретностью «Хождение» напоминало рассказ Иннокентия о последних днях жизни Пафнутия Боровского. Личностный характер рассказа Никитина, способность его автора раскрыть читателю свой внутренний мир — этими чертами «Хождение» перекликается с величайшим памятником древнерусской литературы, созданным два века спустя,— «Житием» протопопа Аввакума.

«Хождение за три моря» дошло до нас в трех изводах, или редакциях. Один из них содержится в составе Софийской второй и Львовской летописей, восходящих к своду 1518 г., отражавшему, в свою очередь, более ранний летописный свод 80-х гг. XV в.; второй входит в сборник конца XV — начала XVI в. из Музейного собрания *ГБЛ* (принадлежавший ранее Троицкому монастырю и именуемый поэтому обычно Троицким); третья редакция, входящая в состав поздней летописно-хронографической компиляции, относится уже к XVII в. Отрывки из «Хождения» читаются также в сборнике конца XV в. — *ГБЛ*, ф. 178, № 3271 (л. 35 об.).

В настоящем издании мы публикуем текст «Хождения за три моря» по Эттерову списку Львовской летописи (*ГПБ, F.* IV. 144, лл. 442 об. — 458 об.) с исправлением по Архивскому списку Софийской второй летописи (*ЦГАДА*, ф. 181, № 371/821, лл. 193—220 об.) и Троицкому списку (*ГБЛ*, ф. 178, № 8665, лл. 369—392 об.).

Два больших пропуска в летописном изводе («...всѣх в Дербентъ доброволно... Гурмызъ есть на островѣ, а ежедень...» — с. 448, «Приидох же в Бедерь... а виденье обезьянино» — с. 456) восполнены по Троицкому списку (вставки эти, в отличие от более мелких, не отмечены в тексте курсивом).

Местоположение географических пунктов, упоминаемых в «Хождении» — см. карты на с. 656—657. Перевод тюркских и персидских текстов выполнен А. Д. Желтяковым. Карты составлены В. Л. Семеновым.



Стр. 444. *Того же году обретох написание Офонаса тверитина купца...* — Запись эта, относящаяся к 1474—1475 гг., скорее всего принадлежит составителю независимого летописного свода 80-х гг. XV в. (возможно, митрополичьему дьяку Родиону Кожуху).

...в Ындѣе 4 годы... — Афанасий Никитин пробыл в Индии, как мы можем полагать, с середины 1471 до начала 1474 г.; см. приведенные далее известия индийских хроник о времени взятия городов, упоминаемых Никитиным, и указания на соотношения между датами русского календаря и мусульманского лунного календаря.

...коли князь Юрьи под Казанию был, тогды его под Казанью застрелили. — Речь идет, очевидно, о походе на Казань русских войск под предводительством брата Ивана III князя Юрия Васильевича Дмитровского (см. выше, с. 434—436), закончившемся в сентябре 6978 (1469) г.; вне комментируемого памятника сведений о после Ивана III в Ширван Василии Папине нет.

...Смоленьска не дошед, умеръ. — Смоленск до 1514 г. входил в состав Литовского государства.

Василий Мамырев (1430—1490) — великокняжеский дьяк, оставленный Иваном III вместе с И. Ю. Ряполовским в Москве во время нашествия хана Ахмата в 1480 г. (см. с. 514) и руководивший в 1485 г. строительством укреплений во Владимире.

За молитву... Афонасья Микитина сына. — Отчество («фамилия») автора «Хождения за три моря» упоминается только в начальной фразе памятника, восполненной в издании по Троицкому списку (в летописном изводе ее нет).

...море Дербеньское, дориа Хвалитьскаа... — Каспийское море; дарья (перс.) — море.

...море Индѣйское, дорѣя Гундустанскаа... — Индийский океан.

...дориа Стебольская. — Черное море именуется также Стебольским (Стамбульским) по греческому народному и турецкому названию Константинополя — Истимполи, Стамбул.

...от Спаса святаго златоверхаго... — Главный собор Твери (XII в.), по которому и Тверская земля именовалась часто «домом святого Спаса».

Михаил Борисович — великий князь тверской в 1461—1485 гг.

владыка Геннадий — епископ тверской в 1461—1477 гг., бывший московский боярин Геннадий Кожа.

Борис Захарьич — воевода, возглавлявший тверские войска, помогавшие Василию Темному в борьбе с его противником Дмитрием Шемякой (см. комм. к с. 320), представитель рода Бороздиных, перешедших впоследствии на московскую службу.

...манастырь Колязин ко святѣй Троицы... Борису и Глѣбу. — Троицкий монастырь в тверском городе Калязине на Волге был основан игуменом Макарием, упоминаемым у Никитина; церковь Бориса и Глеба находилась в Макарьевском Троицком монастыре.

...на Углеч — Углич, город и удел великого княжества московского.

...приѣхалъ... на Кострому ко князю Александру... — Кострома на Волге входила в число непосредственных владений великого князя московского.

Стр. 446. *...в Новгород в Нижней...* — Нижний Новгород с 1392 г. входил в состав владений великого князя московского; наместник Михаил Киселев —

видимо, отец Ф. М. Киселева, получившего жалованную грамоту Ивана III до 1485 г.

...две недѣли... — Очевидно, ошибка переписчика: эти слова (в Троицкой редакции их нет) повторяются далее в той же фразе.

...Ширваншин — ширваншах Фаррух Ясар правил в Ширванском государстве в 1462—1500 гг.

...«Кайсымъ салтан... — Хан Касим, второй по времени правитель Астраханского ханства.

...на ѣзу... — Ез (закол) — деревянное заграждение на реке для рыбной ловли.

...тезикы... — Так обычно называли купцов из Ирана.

...пришли кайтакы... — Кайтак — горная область в Дагестане.

Стр. 448. *...к Бакѣ, гдѣ огнь горить неугасимы...* — Вероятно, речь идет о пламени в местах выхода нефти и газов или о храме огнепоклонников.

А ту убили Шаусеня... — В дни памяти имама Хусейна (погиб в Месопотамии в VII в.) участники процессии восклицают: «Шахсей! Вахсей!» (Шах Хусейн! Вах Хусейн!); эти дни отмечаются шиитами в начале года по мусульманскому лунному календарю (в 1469 г. ошур байрам приходился на конец июня — начало июля). Запустение округа Рея связано с войнами XIII в.

...батманъ по 4 алтыны... — Батман (перс.) — мера веса, достигавшая нескольких пудов; алтын — денежная счетная единица, заключавшая в себе шесть денег.

...а ежедень поимаеть его море по двожды на день... — Морские приливы в Персидском заливе имеют полусуточный характер.

И тут есми взял первый Великъ день... — Из дальнейшего изложения следует, что в Ормузе Никитин отметил третью Пасху за пределами Руси.

...в Радуницу. — Радуница — девятый день после Пасхи.

...в таву, с конми. — Тава (маратск. даба) — парусное судно, без верхней палубы. Массовый завоз лошадей в Индию осуществлялся для пополнения конницы и нужд местной знати в течение многих веков.

...краска да лекъ. — Речь идет о синей краске индиго (ср. ниже «да чинят краску нил») и приготовлении лака.

Стр. 450. *...фота на головѣ, а другая на гузнѣ...* — Путешественник говорит о чалме (перс. фота) и дхоти (инд.), которые, так же как и женская одежда сари, изготовлялись из несшитой ткани.

...Асатхан Чюнерскыа индийскый, а холоп меликътучаровъ. — Асадхан джуннарский, выходец из Гиляна, упоминается в индийских хрониках как лицо, близкое великому везиру, Махмуду Гавану, носившему титул мелик-ат-туджар (повелитель купцов).

...кафары... — Кафир (арабск.) — неверный, так сначала Никитин называл индусов, пользуясь термином, принятым среди мусульман; позднее он называет их «гундустанцы» и «индѣяны».

Хоросанцы — здесь и далее: мусульмане не индийского происхождения, выходцы из различных областей Азии.

Зима же у них стала с Троицына дни. — Имеется в виду период муссонных ливней, длящийся в Индии с июня по сентябрь. Троица — пятидесятый день после Пасхи; приходится на май — июнь.

...кози гундустанская... — Гоуз-и хинди (перс.) — кокосовые орехи.
...в татну. — Речь идет о соке, добываемом из коры пальмиры.
...да варят кичирисъ... — Кхичри — индийское блюдо из риса с приправами.
Шешни — по-видимому, зеленые листья дерева Dalbergia sissor, которые в Индии с древнейших времен употреблялись в качестве корма лошадей.
Стр. 452. *...в Оспожино говѣйно на Спасов день.* — Спасов день приходится на 6 августа; Успенский пост длится с 1 августа до Успенья.
...на Оспожин день... — Успенье, приходится на 15 августа.
...к Бедерю, к болшому их граду. — Бидар являлся в это время столицей Бахманидского султаната.
Кулонкерь, Кулонгерь... — Неясно, какой именно город имеет в виду А. Никитин; гири (инд.) — город.
...колко ковов... — Ков (инд.) — мера длины, в среднем около десяти километров.
Камка — цветная шелковая ткань, расшитая золотом, парча.
Стр. 454. *...по кентарю...* — Кантар (арабск.) — мера веса, превышавшая три пуда.
...шихбъ Алудин... — Шейх Алаеддин, местный мусульманский святой.
...а на русскыи на Покров святыя богородица. — Покров приходится на 1 октября. Далее, однако, Никитин указывает, что дни памяти шейха Алаеддина отмечают через две недели после Покрова.
Есть в том Алянде... — Никитин передает местные поверья, отразившие культ совы (гхукук) и культ обезьяны.
Мамоны — здесь и далее: некрупный хищник.
Весна же у них стояла с Покрова... — Имеется в виду начало нового сезона в октябре после периода муссонных ливней.
А салтан невелик — 20 лѣт... — В год приезда Никитина в Индию султану Мухаммеду III было семнадцать лет, в год отъезда — двадцать.
Есть хоросанець меликтучар боярин... — Так Никитин называет великого везира Махмуда Гавана, выходца из Гиляна.
Стр. 456. *...тысяща человѣкъ кутоваловых...* — Кутувал (перс.) — комендант крепости.
...футунов... — Возможно, что Никитин так называет золотую монету фанам.
...о заговѣйне о Филиповѣ... — Филиппов пост длится с 14 ноября до Рождества, которое приходится на 25 декабря.
...до Великого заговейна... — Великий пост начинается за семь недель до Пасхи, т. е. в феврале — начале марта.
...а имя ми Офонасей, а бесерменьское имя хозя Исуф Хоросани. — Обычай пользоваться восточными именами, созвучными христианским, был распространен среди европейцев, живших на Востоке.
...буты... — Бут (перс.) — идол, кумир; здесь: боги индийского пантеона.
...бутхана. — Бутханэ (перс.) — дом идола, кумирня.
Стр. 458. *...на чюдо бутово.* — Здесь: ежегодный праздник в честь Шивы, отмечаемый в феврале — марте.
...по двѣ шешькѣни... — Шешкени — серебряная монета, шесть кени.
...лекъ... — Лакх (инд.) — сто тысяч.

В бутханѣ же бут вырезан... — Здесь: статуя Шивы; его атрибуты: змей, обвивающий его тело (у Никитина — «хвост»), и трезубец.

...аки Устенеянъ царь... — Юстиниан I (527—565); его статуя в Константинополе была уничтожена в XVI в.

...стоит волъ велми велик, а вырѣзан ис камени... — Статуя быка Нанди, спутника Шивы.

...сыты. — Сыта — медовый напиток.

Стр. 460. *...жител...* — Житель — медная монета.

...до бесерменьскаго улубагря. — Улу байрам — великий праздник, то же, что курбан байрам (праздник жертвоприношения) — один из главных праздников в исламе, отмечается 10—13 числа месяца зу-ль-хиджжа по мусульманскому лунному календарю, соотношение которого с солнечным календарем меняется ежегодно. Далее Никитин указывает, что праздник состоялся в середине мая; это позволяет установить год — 1472 г.

...а от Мошката... — По-видимому, вставка летописца; эти слова противоречат указанному времени пути; в Троицком списке они отсутствуют.

Стр. 462. *...алачи, да пестреди, да киндяки...* — Алача — ткань из шелковых и бумажных нитей; пестрядь — хлопчатобумажная ткань из разноцветных нитей; киндяк — хлопчатобумажное полотно.

...да адряк... — Адрак (перс.) — вид имбиря.

...да фатисы, да бабугури, да бинчаи, да хрусталь, да сумбада. — Фатис — камень, употреблявшийся на изготовление пуговиц; бабагури (перс.) — агат; бинчаи — вероятно, банавша (перс.) — гранат; хрусталь — возможно, берилл; сумбада — корунд.

...в локот. — Локоть — древнерусская мера длины, равная 38—47 см.

...Шабатское пристанище... — Полагают, что это либо Бенгалия, либо страна Чамба в Индокитае.

...по тѣнке на день... — Танка — серебряная монета; в разных местностях разного достоинства.

...маникъ, да яхут, да кирпук... — Мани (санскр.) — рубин; якут (арабск.) — яхонт, чаще сапфир (синий яхонт), реже рубин (лал); кирпук (искаж. карбункул) — рубин.

Стр. 464. *...родится аммоны...* — Аммон — драгоценный камень, возможно, алмаз.

Продают почку по пяти рублев... — Почка — мера веса для драгоценных камней («тяжелая» — одна двадцатая и «легкая» — одна двадцать пятая золотника, соответственно: 0,21 г и 0,17 г).

...аукыиков (в Троицком списке: аукыковъ) — текст неясен. Предполагают указание на а) тип кораблей (арабск. — гунук); б) расстояние.

Мѣсяца маиа 1 день Велик день взял есми в Бедере... — Четвертую Пасху за пределами Руси Никитин отметил не в положенный срок: Пасха не бывает позже 25 апреля.

...а бесермена баграм взяли в середу мѣсяца... — Курбан байрам в 1472 г. приходился на 19 мая.

Первый же Велик день взял есми в Каинѣ, а другый Велик день въ Чебокару... — Относительно этого места высказаны предположения, что Каин либо искаженное название какого-то пункта в Закавказье, либо Наин в Иране; но

Никитин посетил Наин после Чапакура, в таком случае следует, что первую за пределами Руси Пасху Никитин встретил в Чапакуре, а вторую—в Наине.

Стр. 466. ...*да к рылу привязаны великыа желѣзныа гири.* — Никитин принял за гири большие колокольцы, которые вешали на шею слону.

Да коней простых тысяща... — При выезде знатных особ было принято выводить верховых лошадей в полном конском уборе, демонстрируя богатство и знатность владельца.

Саадак — набор вооружения: лук в чехле и колчан со стрелами.

...*играет теремцомъ...* — Имеется в виду парадный зонт чхатра (и н д.), символ власти.

...*махтум...* — Махдум (а р а б с к.) — господин. Почетный титул, который великий везир Махмуд Гаван получил в мае 1472 г. после взятия Гоа.

Стр. 468. ...*бегляри.* — Беги (т ю р к., мн. ч. от бег, бей) — представители феодальной знати (арабск. синоним — эмир).

Яишу мырзу убил Узоасанбѣгъ... — Джеханшах Кара-Коюнлу, правивший в Иране и ряде соседних областей, был убит в ноябре 1467 г. в сражении с войсками своего соперника Узуна Хасана Ак-Коюнлу.

...*а султан Мусяитя окормыли...* — Султан Абу-Саид, правивший в Средней Азии, вторгся в Закавказье. Окруженный войсками Узуна Хасана и его союзника Фаррух Ясара попал в плен и в феврале 1469 г. был казнен.

...*а Едигерь Махмет...* — Мухаммед Ядигар — соперник Абу-Саида, временно захвативший власть после его гибели.

...*два города взял индийскых...* — Согласно индийским хроникам во время войны 1469—1472 гг. были взяты два прибрежных города Сангамешвар и Гоа; последний, как видно из переписки Махмуда Гавана, был занят 1 февраля 1472 г.

...*стоял под городом два года...* — Речь идет об осаде крепости Келна во время той же войны.

Стр. 470. ...*взяли три городы великие.* — Согласно индийским хроникам во время похода в Телингану в 1471—1472 гг. были заняты три важные крепости — Варангал, Кондапалли, Раджамандри. Войсками командовал Малик Хасан, носивший титул низам-ал-мулькь.

...*пришие...* — Ошибка переписчика; в следующей фразе содержится правильно написанное слово «пришли».

...*у бинедарьскаго князя...* — Вирупакша II, махараджа Виджаянагара, правил в 1465—1485 гг. Далее Никитин называет его «индийский авдоном» и «индийский султан кадам».

Султан выѣхал из града Бедеря восмой мѣсяць по Велице дни. — Султан Мухаммед III, как устанавливается из переписки Махмуда Гавана, выступил в поход на Белгаон 15 марта 1473 г.

Стр. 472. ...*а правую вѣру богъ вѣдает. А праваа вѣра бога единаго знати, и имя его призывати на всяком мѣсте чисте чисто.* — Это высказывание Афанасия Никитина, непосредственно примыкающее к написанной по-персидски фразе: «А Мухаммедова вера годится», свидетельствует о своеобразии его мировоззрения. Оно не может быть сведено к простой идее веротерпимости: слова «бог ведает» в другом месте у Никитина означают неуверенность —«дале богъ вѣдает, что будет» (с. 466). Никитин считает обяза-

тельным свойством «правой веры» только единобожие и моральную чистоту. В этом отношении его мировоззрение сближается со взглядами русских еретиков конца XV в., утверждавших, что «приятным богу» может стать представитель любого «языка», лишь бы он «творил правду».

...за мѣсяць до улубагряма... — В 1473 г. начало этого праздника приходилось на 8 мая.

...и розговѣхся с ними, и Велик день взял в Кельбери... — Следовательно, шестую Пасху Никитин отметил в мае, т. е. не в срок, так же как и предыдущую.

...один город взяли индийской... — Город Белгаон, осада и взятие которого в 1473 г. подробно описаны в индийских хрониках.

Под городом же стаяла рать мѣсяць... — Речь идет о неудачной осаде города Виджаянагар.

Стр. 474. *...поидох ко Аменьдрие, и от Камендрия к Нарясу, и от Кинаряса к Сури...* — Неясно, о каких именно городах между Аландом и Дабхолом говорит путешественник.

...до Велика дни за три мѣсяцы бесерменскаго говѣйна. — Никитин указывает здесь на соотношение в данном году двух переходящих дат мусульманского и православного календаря. В 1474 г. начало поста Рамазан приходилось на 20 января, а Пасха на 10 апреля.

А на турскаго... — Турецкий султан Мехмед II правил в 1451—1481 гг.

Стр. 476. *...на караманского...* — Власть в Карамане в эти годы несколько раз переходила из рук в руки. Наместником султана был Мустафа, сын Мехмеда II. Наследственным правителем Карамана был Пир Ахмед (ум. в 1474 г.), союзник Узуна Хасана.

...шубаш да паша... — Су-баши — начальник охраны города; паша — наместник султана.

РАССКАЗ О СМЕРТИ ПАФНУТИЯ БОРОВСКОГО

(Стр. 478)

Рассказ о смерти Пафнутия, основателя и первого игумена Пафнутиева Боровского монастыря (1394—1477), написан учеником Пафнутия, иноком Иннокентием. Основанный Пафнутием в 1444 г. в трех верстах от города Боровска монастырь стал одним из крупнейших русских монастырей. Пафнутию и основанному им монастырю покровительствовал великий князь московский Иван III Васильевич, вкладчиками монастыря были многие князья и бояре, постриженниками Пафнутия были такие известные идеологические деятели XVI в., как волоцкий игумен Иосиф Санин и его брат Вассиан — архиепископ ростовский. Однако рассказ Иннокентия замечателен не только тем, что он посвящен столь известному и интересному человеку, как Пафнутий Боровский, но и характером этого рассказа, тем, что это живая, непосредственная хроника последних семи дней его жизни, написанная близким к нему человеком. Иннокентий написал свой рассказ вскоре после описываемого события, но это были не дневниковые, непосредственно составляемые в те дни записи — он имеет в виду и то, что произошло через определенное время уже после смерти Пафнутия; таким образом, рассказ этот писался в 1477—1478 гг.

В первом десятилетии XVI в. Вассиан напишет «Житие Пафнутия Боровского», и рассказ Иннокентия о смерти Пафнутия будет в числе его источников. Характерно, однако, что источник этот был использован Вассианом в очень незначительной степени. И это не случайно — рассказ Иннокентия резко расходился с требованиями житийного жанра. Перед нами рассказ не о чудесной кончине святого, а о смерти человека, постигшего в свои последние дни всю суетность уходящей жизни, и рассказ этот замечателен не только живой и глубокой передачей душевного состояния умирающего человека, его поступков час за часом в эти дни, но и той живостью и непосредственностью, с которыми Иннокентий описывает жизнь монастыря, свои собственные чувства и мысли, поведение монастырской братии и всех, кто побывал в это время в монастыре. Д. С. Лихачев пишет, что это произведение «своеобразное литературное «чудо» XV в. ...налицо такие явления литературного ряда, которые осознанно вступают в литературу значительно позднее. Перед нами как бы бессознательный, стихийный средневековый натурализм. Раньше, чем характер человека был открыт в литературе, здесь перед нами выступает вполне четко обрисованная индивидуальность: волевой, очень решительный человек, необыкновенно сильный и властный, старчески раздражительный и упрямый». (Д. С. Лихачев. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970, с. 129).

Текст рассказа Иннокентия публикуется по списку — *ГБЛ,* ф. 113, собр. Волоколамского монастыря, № 515, сборник XVI в., лл. 395—419.

Стр. 478. *Пафнутий Боровский* — родился в 1394 г. в селе Кудиново, недалеко от Боровска на р. Протве, в 90 км на юго-запад от Москвы. Двадцати лет он постригся в иноческий чин в Покровском Высоцком монастыре в Боровске, со временем стал игуменом этого монастыря. В 1444 г. основал монастырь Рождества богородицы недалеко от Боровска, в месте впадения р. Истерьмы в р. Протву. В летописной статье о Пафнутии Боровском, написанной в близкое к его кончине время, так говорится об основанном им монастыре: «И церковь въздвиже, преже древяну, по том же камену устрои, и подписа ея чюдно велми, и украси ея иконами, и книгами, и всякою утварию церковною, яко дивитися и самем тем самодръжцем Русскыа земля, и при животе его приходити к нему благословениа ради и молитвы еже о них, яко же и к древним преподобным отцем земля нашеа; тако же и прочии князи и боаря и прочие православное христьаньство, и от Литовскые земли и от прочих стран благословениа и молитвы требующе от него» (*ПСРЛ*, т. XXV. М. — Л., 1949, с. 310). Расписывали церковь Рождества богородицы известные художники той поры Дионисий и Митрофан. Умер Пафнутий 1 мая 1477 г. В том же летописном рассказе об этом сказано так: «Месяца маия 1 день в четверток после вечерни, в 15 час дне, преставися преподобный игумен Пафнотей... На утреи же в пяток в 1 час дне погребен бысть, а не бе нихто же от града, ниже от весей на погребении его, точию манастыря того священници и ученици его и старци его постриженици. Един тогда толко прилучися мирскы священник, духовник князя Андреа Васильевича Меньшого, Никыта именем. Той же Никыта, да и инии от братии ученици его поведаша, яко ни пети, ниже конархати нихто же обретеся над-

гробнаа, но един точию от ученик его, Инокентий именем, той с многими же слезами надгробнаа проглагола. А прочии вси слезами обливаху себе, яко от многих слез их и на землю падати или и проливатися» (т а м ж е, с. 309—310). До нашего времени церковь, построенная при Пафнутии Боровском, не сохранилась — уже в конце XVI в. на ее месте был построен новый собор.

...индикта 10... — Индиктный счет, счет по пятнадцатилетним периодам — остаток древневизантийского счета времени. Номер года в пятнадцатилетнем периоде и называется индиктом года.

...назавтрее Георгеева дни... — То есть 24 апреля; Георгиев день, день Георгия Победоносца, 23 апреля.

...в 3 час дни... — В Древней Руси время суток исчислялось начиная с восхода солнца, поэтому часы, в зависимости от времени года, менялись. В конце апреля 3-й час дня соответствует 7 ч. 30 м. утра по современному времяисчислению. Остальные часы дня с современными соотносятся так: 1-й час — 5 ч. 30 м.; 2-й — 6 ч. 30 м. и т. д. до 15 часа. После 15-го часа идут уже часы ночи: 1-й час ночи — 20 ч. 30 м.; 2-й — 21 ч. 30 м. и т. д.

Стр. 480. *...уже время литургии.* — Литургия, или обедня,— основная служба в церкви, которая свершается до обеда.

...пошли ко князю Михаилу... — Михаил Андреевич, князь Верейского удельного княжества (с 30-х гг. XV в. по 1486 г.), внук Дмитрия Донского, находился в вассальной зависимости от великого князя московского. Был женат на дочери боровского князя Елене Ярославне, от брака с которой имел двух сыновей — Василия, по прозвищу Удалой, и Ивана.

...приспѣ вечерни время... — Вечерня — одно из суточных богослужений, совершаемое вечером, до захода солнца.

...павечернее правило... — Вечернее богослужение, совершаемое после вечери, т. е. после ужина.

...повелѣ ми павечерницу проглаголати... — Повечерница — повечерние молитвы.

...бысть час утрени... — Утреня — церковное богослужение, совершаемое утром.

Повелѣ... полунощницу и завтреню проговорити... — То есть прочесть службы полунощницы и заутрени. Полунощница — церковная служба, совершаемая ночью. На этой службе читаются тексты, связанные с темой смерти, воскресения из мертвых, второго пришествия Христа. Заутреня — церковная служба, совершаемая утром, прежде обедни.

Стр. 482. *...старець Кирилова монастыря...* — То есть монах из Кирилло-Белозерского монастыря.

...молитву Иисусову непрестанно глаголаше. — Краткая молитва, в которой молящийся просит Иисуса Христа помиловать его.

...взем святыя дары... — Святые дары — приготовленные в первой части литургии (проскомидии) для причащения по специальному обряду просфоры и вино, которые символизируют собою тело и кровь Христа. Взять святые дары — причаститься.

Сыта — мед, разбавленный водой.

Стр. 484. *...начаша стихиры пѣти...* — Стихиры — церковные песнопения, по содержанию приуроченные к тому дню и к тому времени, когда происходит служба в церкви. Здесь имеются в виду стихиры стиховны вечерние, которые поются в конце вечерни.

...повелѣваше кононарху... — Кононарх — монах, который читал громким речитативом фразу за фразой распеваемого текста, а все остальные, находившиеся в храме монахи, пели за ним этот текст.

...наченьшу священнику понахиду... — Панихида — молебное пение об усопших.

Стр. 486. *Пономарь* — низший церковный служитель.

...вервицу в руках держаше... — Вервица — монашеские четки.

Канон — совокупность богослужебных песнопений, объединенных единой темой; как правило, состоит из девяти песен.

...начах себѣ часы глаголати. — Часы — молитвословия, состоящие из трех псалмов, нескольких стихов и молитв, приуроченных к каждой четверти дня.

Стр. 488. *...еще же Пятдесятница».* — Церковный праздник, празднуемый на пятидесятый день после Пасхи. Установлен в память сошествия святого духа на апостолов, которое якобы свершилось на пятидесятый день после воскресения Христа. Иначе называется Троицын день. В Древней Руси «Пятидесятницей» назывался весь период в пятьдесят дней от Пасхи до Пятидесятницы. В данном контексте имеется в виду именно второе значение этого термина.

Стр. 490. *Самъ на ся раздѣлися.* — Это восклицание Пафнутия восходит к евангельскому тексту: «...Иисус, зная помышления их (фарисеев. — *Л. Д.*), сказал им: всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит. И если сатана сатану изгоняет, то он разделился сам с собою: как же устоит царство его?» (Евангелие от Матфея, 12, 25—26).

...тогда повелѣ Иосифу крилошанину... — Клирошанин — вообще член клира, всякий священно- и церковнослужитель, но имеет значение и более узкое — поющий на клиросе причетник (младший чин церковного причта), дьячок. Вероятнее всего, что здесь имеется в виду Иосиф Волоцкий — будущий известный церковный деятель (ум. в 1515 г.), постриженник (в 1460 г.) Пафнутиева монастыря.

Стр. 492. *...от великого князя Ивана Васильевича...* — Великий князь московский Иван III Васильевич (1440—1505).

...от матери великого князя... великие княгини Марии... — Марья Ярославна, дочь Ярослава Владимировича, князя боровско-серпуховского, жена великого князя московского Василия Васильевича Темного (с 1433 г.), ум. в 1484 г.

...от великие княгини Софьи грекини... — Зоя Фоминична Палеолог, дочь морейского деспота Фомы Палеолога, племянница последнего греческого императора Константина Палеолога; имя «Софья» получила на Руси. Вторая жена (с 1473 г.) великого князя московского Ивана III Васильевича, ум. в 1503 г.

Стр. 494. *Лествичник* — Иоанн Синайский (VI в.), игумен Синайского монастыря. Прозван Лествичником за сочинение «Лествицы» — книги морально-аскетических поучений. Книга состоит из тридцати глав, соответствующих тридцати ступеням постепенного восхождения по лестнице «духовных совершенств» (отсюда и название «Лествица» — лестница).

...глаголю же Феодосиа, Савы и прочих святыхъ. — Пафнутий сравнивается с великими подвижниками монашества: Феодосием Великим (V—VI вв.), положившим начало монашеским скитам в Палестине, и Саввой Освящен-

ным (V—VI вв.), ставшим монахом с восьми лет и прославившимся своими монашескими подвигами (основал лавру около Иерусалима).

Стр. 498. *...преполовение Пятьдесятници.* — Середина четвертой недели по Пасхе — церковный праздник.

...псалмы Давидовы... — Библейская книга псалмов «Псалтирь» приписывается полулегендарному царю израильско-иудейского государства Давиду (кон. XI в. — ок. 950 г. до н. э.).

...таже и Одигитрие... — То есть канон иконе Богородицы путеводительницы, наставницы в пути (одигитрия, греч. — путеводительница); по преданию, этот тип иконы богородицы впервые написан был евангелистом Лукой.

Стр. 502. *...содержащаго... престолъ русьския митрополия Горонтиа...* — Геронтий, митрополит московский и всея Руси. Поставлен в митрополиты в 1473 г., ум. в 1489 г.

...Феодоръ, протопопъ его Благовѣщеньскый... — Протопоп церкви Благовещения богородицы на княжеском дворе в Кремле, которая являлась по существу домовой церковью великого князя московского.

...Юрьи грекъ. — Траханиот Юрий Мануилович. Человек, близкий к великой княгине Софии Палеолог. Он вместе с братом Дмитрием выполнял в свое время роль посредника-свата Ивана III Васильевича.

Стр. 508. *Тропарь* — краткое церковное песнопение в честь какого-либо праздника или святого.

ПОВЕСТЬ О СТОЯНИИ НА УГРЕ

(Стр. 514)

«Повесть о стоянии на Угре» читается под 6988—6989 (1480—1481) гг. в составе Типографской летописи (*ПСРЛ,* т. XXIV. Пг., 1921), представляющей собою свод, по-видимому, составленный в 80-х гг. XV в. и связанный с ростовской архиепископской (владычной) кафедрой. О происхождении и характере «Повести об Угре» (в частности, рассказа Типографской летописи) в научной литературе высказывались разные точки зрения. Некоторым авторам казалось, что упоминание о том, будто Иван III во время «стояния на Угре» слушал «злых человек — сребролюбцев, богатых и брюхатых, предателей християнских», свидетельствует о враждебности автора повести к великокняжеской власти. Однако это несправедливо. По своей политической направленности повесть, содержавшаяся в ростовском владычном своде 80-х гг., совпадала с общими тенденциями этого свода — независимого, но сочувствовавшего великокняжеской власти и ее объединительной политике. Повесть заканчивалась патриотическим призывом к «храбрым мужественным сынам русским» не пощадить «своих глав», спасая Русскую землю от участи тех стран, которые были завоеваны к концу XV в. мусульманами (Греция, южнославянские земли). Историческое значение этого призыва было чрезвычайно велико — именно события на Угре в 1480 г. положили конец почти трехсотлетнему ордынскому игу. Вероятной представляется связь «Повести об Угре» с другим памятником, связанным с тем же событием — «Посланием на Угру» ростовского архиепископа Вассиана Рыло (см. с. 522—537).

Очевидно, в 1480 г. Иван III действительно испытывал колебания, пойти или нет на прямое столкновение с ханом. Победа сторонников решительного сопротивления и успех русских привели к тому, что неофициальный ростовский рассказ был использован впоследствии официальным великокняжеским летописанием. В различных редакциях этого свода — в Московском своде конца XV в., Симеоновской летописи читается рассказ, в своей основе сходный с ростовской «Повестью о стоянии на Угре», но с исключением слов о том, что русским воеводам не следует говорить, что они «своим оружием» избавили Русскую землю от завоевания, и особым подчеркиванием предательской роли братьев великого князя — Андрея Большого и Бориса. Из трехчастной концовки была сохранена только первая часть, где осуждалась София Палеолог. Связано это было, очевидно, с репрессиями против братьев Ивана III и некоторых бояр, выступавших против сопротивления Ахмату в 1480 г., а также с опалой, постигшей Софию Палеолог в середине 80-х гг. Более краткий рассказ о стоянии на Угре, близкий к тексту Московского свода и Симеоновской летописи, содержится в неизданном Лихачевском летописце (*ЛОИИ,* ф. 238, оп. 1, № 365, лл. 851—852 об.).

Типографская летопись, в которой содержится публикуемая повесть, представлена (как доказал А. Н. Насонов) двумя редакциями: Типографской-Синодальной и Типографской-Академической; Типографская-Академическая лучше отражает протограф. Мы издаем здесь текст Типографской-Академической летописи по списку XVII в. — *БАН,* 32. 8. 3, лл. 493—496 об., с исправлениями по рукописи Типографской-Синодальной XVI в. — *ГИМ,* Синодальное собр., № 789.

Стр. 514. *...царь Ахмат идеть со своею ордою... во единой думе с Казимером... хотя разорити християнство.* — Ахмат (Ахмед) — хан (1459—1481) Большой Орды, наиболее крупного государства, образовавшегося в низовьях Волги в результате распада Золотой Орды; нападал на Русь и до 1481 г. (см. выше, с. 430). *Уланы* — члены ханского рода в Орде. Казимир IV Ягеллон — литовский великий князь и польский король (см. комм. к с. 308). Московский свод и Лихачевский летописец сообщают о враждебных планах Ахмата и Казимира еще подробнее, упоминая, что Ахмат хотел восстановить иго, «яко же при Батыи беше», и что к походу Ахмата были причастны братья Ивана III Андрей Большой и Борис. В рассказе Вологодско-Пермской летописи особенно подчеркивается роль Казимира.

...сам став на Коломне, а сына своего, великаго князя Ивана, в Серпухове постави, а князя Андрея Васильевича Меньшаго в Торусе... — Известие об отправлении Иваном III против татар на Оку (на которой стоят Серпухов и Таруса) своего сына Ивана Молодого (1458—1490; с 1471 г. — соправитель отца) и брата Андрея Меньшого (1452—1481; с 1462 г. — удельный князь вологодский) приведено в той части Типографской летописи, которая предшествует комментируемому рассказу; возможно, что получившаяся дублировка объясняется вставным характером «Повести об Угре» в Ростовском своде. В Московском своде, Лихачевском летописце и сходных с ними летописях приход Ивана и Андрея Меньшого на Оку датирован 8 июня, а великого князя в Коломну — 23 июня (в Московском явная описка — 23 июля).

Слышав царь Ахмат, что князь великий стоит у Оки... со всеми силами, поиде к Литовской земли... ко Угорѣ рецѣ... — Угра — северный приток Оки, впадающий в нее в районе Калуги, западнее Серпухова и Тарусы. Известие о том, что Ахмат, не сумев переправиться через Оку, противоположный берег которой был занят русскими войсками, двинулся к Литовским землям, дословно совпадает в ростовском рассказе, Московском своде и Лихачевском летописце.

...ѣха с Коломны на Москву... — Согласно Московскому своду и Лихачевскому летописцу Иван III приехал в Москву 30 сентября. В Софийской второй и Львовской, где содержится ростовская «Повесть об Угре» (типа Типографской) в соединении с другим рассказом, остро критичным по отношению к великокняжеской власти, сообщается, что Иван III пробыл в Москве две недели. В результате соединения в Софийской второй — Львовской летописях двух рассказов о стоянии на Угре, известие о поездке Ивана III в Москву удвоилось: здесь рассказывается о поездке князя и до и после пребывания в районе Угры. Аналогичное удвоение (но с другими подробностями) обнаруживается и в Вологодско-Пермской летописи. Достоверным, по-видимому, является известие Типографской летописи и Московского свода об однократном приезде князя 30 сентября 1480 г. в Москву.

...ко всемилостивому Спасу, и Пречистой госпоже богородицы... — Имеются в виду церковь Спаса Преображения в Новоспасском монастыре и церковь Успения богородицы (Успенский собор) в Кремле.

...своему отцу к митрополиту Геронтию... — Геронтий занимал митрополичий престол в 1473—1489 гг. Митрополит именуется в повести «отцом» как глава церкви и, следовательно, духовный пастырь великого князя, но автор отличает его от «духовного отца» (духовника) Ивана III — Вассиана. В своей политике Геронтий неоднократно сталкивался с великим князем и поддерживал его противников — удельных князей (об этих столкновениях подробнее всего рассказывает оппозиционный летописный источник Софийской второй и Львовской летописей, обычно сочувствующий Геронтию); Вассиан во всех таких столкновениях выступал за Ивана III и против митрополита. Но во время событий 1480 г. Геронтий также выступал за сопротивление хану, хотя и не так решительно, как Вассиан.

Великая княгиня Марфа — вдова Василия II, великая княгиня Мария Ярославна, постригшаяся в 1478 г. в монахини под именем Марфы.

Михаил Андреевич — удельный князь верейско-белозерский в 1432—1486 гг.

...и к духовному своему отцу архиепископу ростовскому Васьяну... — В Московском своде ростовский архиепископ (1468—1481) Вассиан Рыло не упоминается в качестве советника Ивана III во время поездки в Москву в 1480 г.

...ста на Кременцѣ... — Кременец (Кременьск, Кременское) — город к северу от Угры, на реке Луже, невдалеке от русско-литовской границы. Согласно Московскому своду Иван III пошел из Москвы к Кременцу 3 октября; Лихачевский летописец, по-видимому, относит эту дату к приходу на Угру сына и брата великого князя.

...троецкой игумен Паисей... — Паисий Ярославов, известный церковный деятель, игумен Троице-Сергиева монастыря в 1478—1482 гг.

Стр. 516. *...поиде по Литовской землѣ мимо Мченескъ, и Лубутескъ, и Одоев и, пришед, ста у Воротынска...* — Этот и дальнейший текст (до конца абзаца) дословно совпадает в ростовском рассказе с Московским сводом и Лихачевским летописцем. Мценск и Любутск по русско-литовским договорам 1449 и 1494 гг. считались литовскими городами; князья Одоевские и Воротынские были до 1494 г. вассалами польско-литовского короля. Город Воротынск — к западу от Калуги, к югу от места впадения Угры в Оку.

...бѣша бо ему свои усобицы, тогда бо воева Менгирей, царь перекопский, королеву Подольскую землю, служа великому князю. — Речь идет, по-видимому, о двух событиях: о заговоре православных князей Литовского государства и о нападении союзника Ивана III крымского хана (1468—1515) Менгли-Гирея на польско-литовскую Подолию. Как и Типографская летопись, Московский свод соединяет известие об «усобицах» с известием о нападении Менгли-Гирея, но Лихачевский летописец, Симеоновская и более поздние летописи помещают известие о нападении Менгли-Гирея вне «Повести об Угре».

Ахматъ же прииде къ Угрѣ... — Рассказ Вологодско-Пермской летописи датирует приход Ахмата к низовьям Угры 8 октября.

...противу великаго князя мнози... — Речь идет не об Иване III (не находившемся на берегу Угры), а о его соправителе и сыне Иване Молодом, также носившем звание великого князя.

Наши стрѣлами и пищалми многих побиша... — Пищаль — ручное огнестрельное оружие. Несмотря на то, что рассказ Типографской летописи — ростовского происхождения, московские войска он именует «наши» (а не «москвичи», как в других летописях), явно считая «наши» и «москвичи» единым понятием.

И приидоша... князь же Андрѣй и князь Борис. — Речь идет об Андрее Большом (князе углицком) и Борисе (князе волоцком). В Московском своде (и Лихачевском летописце) о приходе Андрея Большого и Бориса говорится ранее, до упоминания прихода Ахмата к Угре.

...преити к себѣ на Кременецъ, боящеся татарскаго прихожения... — Эти слова читаются также в Московском своде и зависимых от него летописях. Отступление войск, стоявших на берегу, к Кременцу, могло объясняться тем, что замерзшая Угра перестала быть естественным препятствием для татарского войска. Однако, по сведениям ряда летописей, Иван III не хотел решительного сражения и вел во время стояния на Угре переговоры с Ахматом через своего посла Ивана Товаркова (Вологодско-Пермская летопись) или Никифора Басенкова (Софийская вторая и Львовская летописи).

...поидоша к Боровску... и слушающи злых человѣкъ... — Боровск — город к северо-востоку от Кременца, до 1456 г. принадлежавший удельным князьям серпуховским и боровским; по завещанию Василия Темного 1462 г. вошел в состав прямых владений великого князя. В Московском своде также рассказывается о «злых человеках», которых слушал Иван III, но не после, а до упоминания о Боровске.

...диавол их же усты глаголаше... — О противниках войны с Ахматом, выступавших во время стояния на Угре, см. в комментарии к «Посланию на Угру Вассиана Рыло».

Царь же бѣжаше во Орду... — Наиболее простое и конкретное объяснение от-

ступления Ахмата дается в оппозиционном рассказе, присоединенном к ростовской «Повести о стоянии на Угре» в Софийской второй и Львовской летописях: наступили «мрази велики» (великие морозы), а татары были «наги и босы, ободралися». Этот бесславный конец Ордынской власти знаменовал крайнее ослабление и распадение Орды, совпавшее с усилением Русского государства.

Стр. 518. *...прииде на него ногайский царь Ивак и Орду взя и его уби.* — Ногайская орда была расположена между Волгой и Иртышом; об убийстве Ахмата ханом Иваком (Ибаком) или одним из его сподвижников рассказывают Московский свод и другие летописи.

Един же царевичь хотя за рекой Окою имати украину... — Согласно Вологодско-Пермской летописи (в Московском своде текст совпадает с Типографской) нападение на города за Окой совершил сын Ахмата Муртоза.

...ноября 11. — Эта дата отступления Ахмата совпадает с датой Московского свода и других летописей.

В лѣто 6989... — Эта годовая дата поставлена в Типографской летописи явно не на месте (в Московском своде сходный текст без годовой даты), так как годовые статьи в Типографской летописи обычно начинаются с сентября. Эта неточность, так же как дублировка известий вначале (см. комм. к с. 514), подкрепляет предположение, что рассказ об Угре первоначально существовал вне летописи.

...утвердившеся крестным цѣлованием... — Договор Ивана III с Андреем Углицким и Борисом Волоцким был заключен 2 февраля 1481 г. Текст с упоминанием «крестного целования» читается в Московском своде так же, как в Типографской летописи, но в Симеоновской и в других сводах, составленных в последние годы XV в., эти слова опущены. Это связано, очевидно, с тем, что в 1491—1494 гг. Иван III нарушил это «крестное целование»: арестовал, а впоследствии и «уморил» Андрея Большого (в 1494 г. умер и Борис).

...прииде великая княгиня Софья из бѣгов... — София (Зоя) Палеолог, вторая жена Ивана III (с 1472 г.), во время стояния на Угре покинула Москву (в отличие от матери Ивана III, оставшейся в городе). София в 1484 г. оказалась замешанной в деле князя Василия Михайловича Верейского, бежавшего в Литву. Резкие замечания против Софии Палеолог, читающиеся в Типографской летописи, частично содержатся также в Московском своде (до слов «...по делом руку дай же им, господи!..»), и в совсем краткой форме — в Симеоновской и Никоновской летописях.

...болгаре, и сербы... — Болгарские и сербские земли были завоеваны Турцией в конце XIV в.

...и грѣцы, и Трапизон, и Амморея... — Завоевание турками греческих земель уже распавшейся в XIII—XIV вв. Византийской империи — Царьграда (Константинополя), Трапезундской империи (на берегу Черного моря) и Морейского деспотата (в Пелопоннесе) произошло в середине XV в.

...албанасы... — Завоевание Албании Турцией было завершено в 1479 г., накануне стояния на Угре, но войны с турками велись все предшествующие годы.

...хрьватыи... — К 1480 г. хорватские земли еще не были полностью завоеваны турками (окончательное завоевание произошло лишь в XVI в.), но уже происходили систематические нападения турок на хорватские земли.

...Босна... — Босния была завоевана турками в середине XV в.

...Манкуп, и Кафа... — Крымские крепости Кафа (Феодосия) и Мангуп (Феодоро) были завоеваны турками в 1475 г.

Стр. 520. *...видѣх своима очима грѣшниима великих государей, избѣгших от турков...* — Это место в повести служило основанием для предположения, что автором ее был какой-то русский, побывавший в те годы за рубежом,— возможно, Федор Курицын, с именем которого связывается «Сказание о Дракуле» (см. с. 554). Но «великих государей, избегших от турков» можно было видеть и в Москве — например, Софию Палеолог и ее брата Андрея, наследника морейского деспота, приезжавшего в 1479 г.

ПОСЛАНИЕ НА УГРУ ВАССИАНА РЫЛО
(Стр. 522)

«Послание на Угру» ростовского архиепископа (1467—1481) Вассиана Рыло — один из наиболее замечательных памятников русской публицистики XV—XVI вв. Послание было вызвано политическими спорами, возникшими в русском обществе в связи с нашествием ордынского хана. Архиепископ Вассиан был обеспокоен известиями о колебаниях Ивана III во время «стояния на Угре» и призывал его к решительной борьбе (см. выше, с. 667—668). Послание Вассиана оценивается исследователями по-разному: некоторые авторы считали, что спор архиепископа с князем свидетельствует о его принадлежности к «консервативной группе феодалов», но большинство историков и филологов (Л. В. Черепнин, М. Н. Тихомиров, А. Н. Насонов, И. М. Кудрявцев) видели в Вассиане не консерватора, а, напротив, одного из идеологов складывающегося Русского государства, отражавшего в послании на Угру взгляды горожан, также требовавших от Ивана III отпора хану. Вся предшествующая деятельность Вассиана свидетельствует о его сочувствии государственному единству: в ходе столкновений Ивана III с митрополитом Геронтием (см. комм. к с. 514) Вассиан неизменно поддерживал великого князя.

«Послание на Угру» сохранилось как в отдельных списках, так и в летописных сводах. Из отдельных текстов наиболее древним является список *ГБЛ*, ф. 178 (Музейное собрание), № 3271, последней четверти XV — начала XVI в., состоящий из двух частей. Во второй части рукописи содержится Музейный летописец и отдельные летописные повести (текст «Московской повести о походе Ивана III на Новгород» см. в настоящем томе). В первой части сборника читается ряд памятников эпистолярного и иного характера и среди них — «Послание на Угру». «Послание на Угру» содержится также в ряде летописей — в Вологодско-Пермской, включая ее первую редакцию 1499 г., в Софийской второй, Львовской и других летописях XVI в.

Текст «Послания на Угру» публикуется по списку *ГБЛ*, ф. 178, № 3271, лл. 19 об. — 26 с исправлениями по Вологодско-Пермской летописи.

Стр. 522. *...еже первѣе дрьзнувшу ми... глаголати твоему величеству...* — Вассиан имеет в виду, очевидно, разговор, происходивший между ним и Иваном III во время поездки великого князя в Москву в конце сентября — начале октября 1480 г. (см. комм. к с. 514).

...митрополиту со всѣм боголюбивым собором тебя... благословившу и знаменавшу... — Согласно «Повести о стоянии на Угре» митрополит Геронтий также был в числе лиц, «моливших» в Москве Ивана III стоять «за православное християнство».

Стр. 524. *...Давыду и Костянтину...* — Имеется в виду библейский царь Давид (см. о нем комм. к с. 70) и Константин Великий (см. комм. к с. 216).

...страшливому Ахмату... — Имеется в виду ордынский хан Ахмат (Ахмед) — см. комм. к с. 514.

...тебѣ же пред ними смиряющуся и о мирѣ молящуся.. — Переговоры с Ахматом происходили, очевидно, во время стояния на Угре во второй половине октября 1480 г., чем и определяется время написания «Послания...».

...прежнии твои развратници не престают... и совещают ти не противитися сопостатом... — О «духах лстивых», шепчущих «во ухо твоей державѣ, еже предати христьянство», Вассиан говорил и в начале послания. Имена этих «развратников» и «духов лстивых» могут быть раскрыты благодаря летописным рассказам (Софийская вторая — Львовская летописи и Московский свод), где упоминаются противники войны среди советников Ивана III — боярин Иван Васильевич Ощера, представитель рода Сорокоумовых-Глебовых, служивших московским князьям еще с XIV в., и Григорий Андреевич Мамон из рода Нетши, находившегося до Ивана III на службе у удельных князей (ср. выше, комм. к с. 420).

Стр. 526. *...възнесет рогъ Христа своего».* — В Библии слово «рог» символически обозначает силу, крепость, могущество (см. подробнее в статье М. П. Алексеева «Пророче рогатый» Феофана Прокоповича, в кн. «Из истории русских литературных отношений XVIII—XX вв.». М.—Л., 1959, с. 17—43). Слово «Христос» — по-гречески, «помазанник».

Стр. 528. *...что глаголет Димокрит, философом первый...* — Слова античного философа Демокрита (V в. до н. э.) заимствованы Вассианом из «Пчелы», греческого сборника изречений XI в., переведенного уже в XII—XIII вв. Характеристика Демокрита, как первого (возможно, в смысле — наиболее древнего) из философов, в «Пчеле» отсутствует — она принадлежит Вассиану.

...Игоря, и Святослава, и Владимера... — Речь идет о киевских князьях X в. Игоре, его сыне Святославе и о Владимире Святославиче.

...великый князь Дмитрие, прадѣд твой, каково мужьство и храбьство показа за Доном... — Ссылка Вассиана на Дмитрия Донского (к этому же примеру он обращается и далее), очевидно, имела особое значение; его оппоненты, «лстивые духи» и «развратники», отговаривавшие Ивана III от сражения с ханом (Ощера и Мамон), ссылались, судя по рассказу Софийской второй — Львовской летописей, в поддержку своей позиции на пример Дмитрия Донского: «егда Тахтамышь приходилъ, а князь велики Дмитрий Ивановичь бѣжал на Кострому». В противовес этому сторонники решительной борьбы с ханом вспоминали о роли Дмитрия Ивановича в Куликовской битве. Характерно, что и известный нам текст «Задонщины» (краткий вариант) был переписан кирилло-белозерским писцом Ефросином в 1479—80 гг. к столетию Куликовской битвы; к тому же времени некоторые исследователи относят и создание «Сказания о Мамаевом побоище».

...не рече въ сердци своем: «Жену имѣю и дѣти, и богатество многое; аще и

землю мою возмут, то инде вселюся»... — Этот отвергаемый Вассианом аргумент против борьбы с ханом представляет значительный интерес потому, что он перекликается с рассказами других источников об Угре. В заключительной части «Повести о стоянии на Угре», помещенной в Типографской летописи, содержащей призыв к «храбрым, мужественным сынам» русским, автор упоминает «великих государей», бежавших от турок «с имѣнми многими и з женами и з дѣтми» и «скитающихся, яко странных» (см. с. 520); он умоляет бога избавить православных христиан от такой же участи. Близость этих текстов дает основание предположить, что и ростовская «Повесть об Угре» вышла из кругов, близких к Вассиану. Рассказ Софийской второй — Львовской летописей, обличающий советников великого князя — Ощеру и Мамона, также упоминает, что они «помышляюще богатство много, и жену, и дѣти».

Стр. 530. *«Под клятвою есмы от прародителей,— еже не поднимати рукы противу царя, то како аз могу клятву разорити и сътротив царя стати»...* — Этот текст также передает (хотя едва ли точно) возможную аргументацию противников борьбы с ханом. Русские князья, получая ярлык на великое княжение, несомненно, приносили какую-то присягу («клятву») ханам, митрополиты «правым серцем» молились за ханов и их «племя» и «благословляли» их; ханы неизменно именовались в древнерусских источниках «царями». Сторонники подчинения хану, несомненно, ссылались на законность (легитимность) власти ордынского «царя», опираясь на принципы, сформулированные в апостольских посланиях («Несть бо власти, аще не от бога», «бога бойтеся, царя чтите...»). Слова из «Послания на Угру» о «клятве царю» содержатся и в особом рассказе о стоянии на Угре в кратком кирилло-белозерском летописце (ТОДРЛ, т. XVIII. М. — Л., 1962, с. 289—293), но там они приводятся как слова самого Ивана III.

Стр. 532. *...востави имъ господь богъ Июду... и изби хананея и ферзея и поима царя их Аданивезека.* — Здесь, как и перед этим, в упоминании Моисея, Исуса Наввина, Вассиан передает сюжеты библейских сказаний. Сказание о победе израильского судьи Иуды над царем Адонивезеком содержится в библейской Книге Судей. Это же сказание упоминается в кирилло-белозерском рассказе об Угре, причем явная немотивированность его и дословное совпадение с посланием Вассиана дает основание полагать, что кирилло-белозерский рассказ основан на послании Вассиана.

Стр. 534. *...Годаниила, и Аода, и Девору с Вараком, и Гедеона... и до Самсуна...* — Библейские персонажи, израильские воители, описанные в Книге Судей после рассказа о победе над Адонивезеком. Гофониил победил хананеев, Аод — моавитян, Варак, посланный пророчицей Деворой (Деборой), одержал победу над союзом ханаанских племен, Гедеон — над мадианитянами, Самсон — филистимлянами.

Стр. 536. *...пресвященных митрополит русскых Петра, Алексѣя и Ионы, и Леонтия, епископа ростовскаго, чюдотворца Исаиа и Игнатиа и преподобных и богоносных отець наших Сергиа, Варлаама и Кирила...* — Здесь перечисляются московские митрополиты — Петр (начало XIV в.), Алексей (конец XIV в.) и Иона (середина XV в.), затем ростовские святители — епископ Леонтий (XII в.), Исайя (XI в.) и Игнатий (XIII в.), затем святые, осно-

ватели монастырей — Сергий Радонежский (конец XIV в.), Варлаам Хутынский из Новгорода (конец XII — нач. XIII в.), Кирилл Белозерский (конец XIV — начало XV в.). Имена этих святителей и порядок их перечисления различаются в разных версиях «Послания на Угру».

Лѣта 89. — Дата дана, по всей видимости, по сентябрьскому стилю и не противоречит датировке послания октябрем 1480 г. В Вологодско-Пермской летописи указано еще, что послание писалось «на Москве, на Дорогомилове», но это единичное указание отсутствует в остальных текстах послания.

«ЛАОДИКИЙСКОЕ ПОСЛАНИЕ» ФЕДОРА КУРИЦЫНА

(Стр. 538)

«Лаодикийское послание» — памятник, непосредственно связанный с новгородско-московской ересью (так называемой «ересью жидовствующих»). О характере этого движения мы знаем довольно мало. Конкретные обвинения еретиков в иудаизме («жидовстве») появились относительно поздно — в «Просветителе» Иосифа Волоцкого начала XVI в., составленном уже после того, как ересь была побеждена и шла речь о наказании еретиков (простые еретики, отрекшиеся от ереси, не подлежали смертной казни, а «отступники» — «жидовствующие» в любом случае могли быть сожжены). В более ранней «обличительной» литературе обвинения имели довольно неопределенный и смешанный характер (см. ниже «Послание Геннадия Иоасафу»). Можно полагать, что движение не было единым: новгородские еретики (осужденные в 1491 г.) выступали против иконных изображений Троицы (возможно, вообще против икон) и церковной иерархии, а московские, «начальником» которых считали Федора Курицына — против авторитета византийских «отцов церкви» (которых они противопоставляли Библии) и института монашества и монастырей-землевладельцев.

Сочинения еретиков до нас почти совершенно не дошли; несколько рукописей, связанных с ними, представляют собой книги не сочиненные, а лишь переписанные. «Лаодикийское послание» — редчайшее исключение. В цифровой тайнописи, которой завершается послание, указано имя, родовое прозвание (фамилия) и «действо» (профессия) человека, «приведшего» (доставившего или переведшего) этот памятник; оно расшифровывается как «Ѳеѡдор Курицин диак». Речь, несомненно, идет о видном сподвижнике Ивана III, дьяке, ведавшем посольскими делами («министре иностранных дел») при великом князе. О еретичестве Федора Курицына и его большом влиянии на Ивана III писали и Иосиф Волоцкий, и архиепископ Геннадий Новгородский. Федор Курицын занимал свой пост вплоть до 1500 г.; в 1502 г. его покровители при дворе Ивана III (внук Ивана III Дмитрий и его мать Елена) были лишены власти и заточены, а в 1504 г. был казнен брат Федора Курицына Иван Волк; судьба самого «начальника» московских еретиков осталась неизвестной. «Лаодикийское послание» сохранилось в рукописной традиции (с конца XV по начало XVIII в.), по-видимому, потому, что зашифрованная подпись автора была понятна не всем книгописцам.

Большинство списков памятника состоит из трех частей: 1. Философского введения, построенного так, что каждое его изречение начинается с того слова,

каким оканчивалось предыдущее («Душа самовластна, заграда ей вѣра. Вѣра — наказание, ставится пророкомъ. Пророкъ...» и т. д.), образуя девять или десять строк стихотворения, 2. Особой таблицы — «литореи в квадратах» и 3. Подписи Курицына. Литературное значение имеет, в основном, первая часть «Лаодикийского послания» — философское «стихотворение»; текст второй части мы в настоящее издание не включаем.

Полный текст «Лаодикийского послания» (по трем версиям) публиковался в книге: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI в. М. — Л., 1955, с. 265—276.

В настоящем издании текст публикуется по одному из древнейших списков (начала XVI в.) — *ГПБ*, Q. I. 1468, л. 139 об. — 140; отсутствующий в этом списке конец (от слов: «От роду же прозывается...») по списку XVI в. — *ГПБ*, Кирилло-Белозерское собрание, № 21/1098, л. 7.

Стр. 538. *Душа самовластна...* — Вера в самовластие души (свободу воли) не противоречит ортодоксально-церковным воззрениям; представление о свободе воли было основой идеи об ответственности человека за его грехи. Однако специальное подчеркивание тезиса о «самовластии» у ряда авторов XV—XVI вв. вызывало возражение официальных идеологов («Валаамская беседа», послания королю Сигизмунду II Августу, сочиненные Иваном Грозным), настаивавших, что в мире, со времен Адама, «везде несвободно есть». В близком к «Лаодикийскому посланию» памятнике, «Наказании о грамоте», воплощением «самовластия» объявлялась «грамота»: «грамота есть самовластие, умнаго волное разумение».

...заграда ей вѣра. — «Заграда» в большинстве древнерусских памятников означает «ограду» — нечто, охраняющее двор, загон и т. д. Неправы поэтому были авторы XIX в., считавшие, что Федор Курицын, приводя эти слова, выступал против «веры», считая ее преградой для «самовластной души» — скорее, он считал ее оградой души.

Вѣра — наказание, ставится пророкомъ. — Автор считает пророка установителем (источником) вероучения; это также не противоречит ортодоксальным взглядам, хотя обычно в средневековой церковной литературе предполагалось, что учения пророков воспринимаются верующими не непосредственно, а через Священное писание.

Пророк — старѣйшина, исправляется чюдотворением. — «Исправляться» может означать «направлять(ся)», а также «разузнавать(ся), исследовать»; очевидно, в данном случае дар чудотворения объявляется свойством пророка, по которому он может быть узнан, или направляющей его силой.

Чюдотворения даръ мудростию усилѣетъ. — Как отметила Ф. Лилиенфельд, мысль об усилении (поддержании) чудотворческого дара мудростью не обычна для святоотеческой литературы — она встречается лишь в ранних памятниках христианской «святоотеческой» литературы.

Мудрости — сила, фарисѣйство — жительство (в других списках: «житие фарисейску»). — Это одно из наиболее сложных и спорных мест памятника. Обычно в древнерусской литературе слово «фарисейство» имело отрицательный смысл, свойственный евангелиям (неискренняя, внешняя религиозность). Но встречалась и иная оценка — например, гонитель еретиков ар-

хиепископ Геннадий с одобрением говорил о фарисеях, как о благочестивых людях, признававших «воскресение мертвых» (в отличие от саддукеев); аналогичное понимание встречается и в переводных памятниках — «Хронике Амартола», «Аристотелевых вратах» и т. д. Считал ли автор «Лаодикийского послания», что для приобретения «мудрости» следует вести строгую жизнь фарисеев, или, напротив, полагал, что с мудростью связано фарисейское лицемерие? Возможно еще третье понимание комментируемых слов (А. И. Клибанов): мудрости принадлежит «сила», а фарисейству только «жительство» (внешний порядок жизни, πολιτεία).

Сею приходимъ в страх божий. — Понятие «страха божия» восходит к Библии: «начало премудрости — страх господень» (Псалмы, Притчи Соломона). В «Написании о грамоте» указывалось, что «человеци приходят в страх божий» грамотой.

Страх божий — начало добродѣтели. — Дословная цитата из сочинения византийского «отца церкви» Исаака Сирина («Слова подвижнические», слово 1-е), в свою очередь восходящая к приведенной выше библейской цитате.

Симъ вооружается душа... — Далее в «Лаодикийском послании» помещена «литорея в квадратах» (в настоящем издании мы ее опускаем) — своеобразная таблица, в каждой клетке которой помещено по две крупно выписанных славянских буквы (а — ѱ, Б — ѕ̌, В — ѵ и т. д.) и грамматический комментарий к ним. Смысл такого построения таблицы неясен. Помещение двух букв в каждой клетке может дать ключ к шифру (а = ѱ и т. д.), комментарий к буквам мог служить своеобразной грамматической энциклопедией (гласные и согласные, указания на особенности сонантов и т. д.), некоторые из пояснений к буквам могли также отражать своеобразную алфавитную мистику (кабалистический смысл букв), характерную для средневековья (Ф. Лилиенфельд).

Иже ище кто хощетъ увѣдати имя приведшаго Лаодикийское послание... — Далее следует цифровая тайнопись: $2\times4+1=9=$ ѳ҃; $2\times2+1=5=$ є҃; $70\times10+10\times\times10=800=$ ѡ҃; $2\times2=4=$ д҃; $6\times10+10=70=$ о; $10\times5+5\times10=100=$ ρ (Θεωдор). Гласные буквы именуются «душами»; согласные—«плотями», ер именуется «царем». Слово «приведший» могло означать и «доставивший» («привести, приведу») и «переведший» («прѣводити, превожу»,— в частности, с одного языка на другой). Памятник, аналогичный «Лаодикийскому посланию», в греческой и иной письменности, доступной русскому переводчику, не обнаруживается. Высказывалось предположение (Кемпфер, Штихель), что приписка Федора Курицына о переводе «Лаодикийского послания» первоначально не была связана со стихотворно-философским введением («Душа самовластна...») и с «литореей в квадратах» и соединилась с ними случайно — при переписке. Однако все эти три части сосуществуют уже в рукописной традиции начала XVI в. и бытовали вместе еще до разделения памятника на два известных нам типа — пасхальный и грамматический. Мы можем поэтому рассматривать «Лаодикийское послание» Федора Курицына как единый памятник, состоящий из философских «стихов», «литореи» и подписи Курицына.

От роду же прозывается... — Далее тайнопись: $10+2\times5=20=$ к҃; $30\times10+$ $+2\times50=400=$ ѵ҃; $9\times10+2\times5=100=$ р҃; $2\times3+2=8=$ и҃; $80\times10+9\times9+$

$+2\times9+1=900=$ ц̃; $3\times2+2=8=$ н̃; $4\times5+5\times4+10=50=$ н̃ (Курицин). Гласные именуются «прикладами», согласные — «столпами».

От дѣйства же... — Далее тайнопись: $3+1=4=$ д̃; $2\times4=8=$ н̃; $1=$ а̃; $3\times5+$ $+2\times2+1=20=$ к̃ (диак). Гласные — «души», согласные — «плоти», ер — «самодержец».

ПОСЛАНИЕ ГЕННАДИЯ ИОАСАФУ

(Стр. 540)

Послание Геннадия новгородского Иоасафу — один из наиболее ранних и интересных памятников полемики против новгородских еретиков конца XV в. (см. комм. на с. 675). Написанное в 1489 г., после вынужденного ухода Иоасафа с архиепископского престола, оно отражало тот момент в борьбе Геннадия с еретиками, когда ему уже удалось добиться (в 1488 г.) наказания нескольких новгородских еретиков за иконоборчество, но не удалось вызвать доверия в Москве к более широким обвинениям против еретиков. Геннадию, по его словам, стало казаться даже, что «Новъгород с Москвою не едино православие». Смущала Геннадия и неожиданная и недостаточно мотивированная отставка его собрата по иерархии — Иоасафа Ростовского. Но главным предметом тревоги был для Геннадия вопрос о Конце мира, который русские книжники того времени, и в числе их сам новгородский владыка, ожидали в 1492 г. (7000-й год от «Сотворения мира»). Вера в неизбежное наступление Конца мира в 1492 г. была настолько распространена в то время, что даже пасхалия (таблица для определения праздника Пасхи) была доведена только до 7000 года. Еретики не верили в Конец мира и надеялись («себе надежно чинят») на торжество своих идей после 7000-го года. В послании Геннадий пытается уяснить основания этой еретической «надежды» и дать собственный ответ на вопрос о ближайших судьбах мира и человечества.

Прямой целью послания было также привлечение к борьбе с еретиками видных церковных деятелей того времени — Паисия Ярославова и Нила Сорского (см. комм. к с. 546). По отношению к Нилу Сорскому эта цель была, по-видимому, достигнута: есть основания предполагать, что Нил Сорский участвовал в создании главного сочинения против еретиков, составленного в начале XVI в. — «Просветителя» Иосифа Волоцкого.

Адресованное дружественному читателю и не имевшее такого сугубо «обличительного» характера, как более поздние сочинения Иосифа Волоцкого против еретиков, послание Геннадия Иоасафу было написано разговорным языком с просторечными оборотами и введением прямой речи упоминаемых в послании лиц.

«Послание Геннадия Иоасафу» публикуется по единственному списку, в котором оно читается: *ГБЛ,* ф. 304 (Троицкое собрание), № 730, лл. 246—253 об., с одним исправлением по смыслу.

Стр. 540. *Генадие... архиепископъ Великого Новаграда и Пъскова...* — Геннадий был архиепископом новгородским с 1484 г. (см. ниже, с. 679) по 1504 г., когда был лишен архиепископской кафедры за требование «мьзды» от поставленных священников.

...*Иосафу, бывшему архиепископу ростовьскому и ярославьскому...* — Иоасаф был архиепископом ростовским с 1481 по 1489 г.

...Константин Великый Пръвый съборъ съвокупи на Арий... — Император Константин I (см. о нем комм. к с. 216) созвал Первый вселенский собор, осудивший арианство, в 325 г.

...до Феофила иконоборьца... — Византийский император Феофил (829—842).

...Михаил православный... — Византийский император Михаил III (842—867), при котором в 843 г. было восстановлено иконопочитание.

...до Калуяна царя... — Иоанн VIII Палеолог (1425—1448), предпоследний византийский император; в русских источниках часто именуется прозвищем, известным и на греческой почве: «Калоиоанн»—«Иоанн Добрый»).

...отнеле же князь велики Володимеръ Киевскый крестил всю землю Рускую... не бывало, чтобы быти на Руси какой ереси. — Утверждение Геннадия об отсутствии на Руси со времени крещения каких-либо ересей заведомо не соответствовало действительности. Во второй половине XIV — первой половине XV в. в Новгороде и Пскове была широко распространена ересь стригольников, с которой Геннадий был хорошо знаком (одного из обличаемых им еретиков, Захара, Геннадий как раз обвинял в стригольничестве).

...послали мене на архиепископью... — Геннадий был поставлен в архиепископы из архимандритов Чудова монастыря; в спорах между Иваном III и митрополитом Геронтием поддерживал князя. Однако к концу 80-х гг. отношения новгородского владыки с великим князем ухудшаются, в частности, в связи с тем, что Иван III пригласил в Москву, в кремлевские соборы, новгородских священников Алексея, Дениса и Гавриила, которых Геннадий обвинял в ереси.

Стр. 542. *...новугородскых еретиковъ, жидовьскаа мудрьствующих, покрыты же суть онѣхь еретикъ клятвеною укоризною, марькианьскиа глаголю и месалианскиа.* — Представления Геннадия о взглядах еретиков были довольно неясными и противоречивыми. Обвинение в «жидовском мудрствовании», ставшее в «Просветителе» Иосифа Волоцкого (начало XVI в.) главным обвинением против еретиков, не занимало еще такого места в «обличениях» Геннадия. В послании Геннадия Нифонту суздальскому (1488), предшествовавшем его посланию Иоасафу, обвинения в «жидовском мудрствовании» нет совсем. «Месалианством» древнерусская церковно-полемическая литература именовала обычно болгарскую ересь богомилов, считавших, что в мире господствуют два начала — доброе (от бога) и злое (от дьявола); в не вполне ясном термине «маркианство» исследователи видели указание на «маркелианство» (ересь IV в., отрицавшая Троицу) или на «маркионитство» (ересь II в., в основе которой, как и в основе богомильства, лежали дуалистические представления о мире).

...не одно июдейство — смѣшано с месалианскою ересью: сиа главы в правилѣх у себе изнайдешь... — Геннадий имеет в виду «Главы масалиамского злочестивого повеления», содержащиеся в «Кормчих книгах» (сборниках документов, относящихся к церковному праву) и направленные против богомилов.

Поп Наум — главный свидетель обвинения, выставленный Геннадием; в соборных делах о еретиках его имя не упоминается, и дальнейшая судьба его неизвестна.

...псалмы ко мнѣ принес, по чему они себѣ правили по жидовскы. — Текст этих псалмов, отправленных Геннадием в Москву еще в 1487 г. (об этом он

сообщает в наиболее раннем из противоеретических посланий — послании Прохору Сарскому), до нас не дошел. Очевидно, они не показались великому князю и митрополиту заслуживающими осуждения: в ответных грамотах 1488 г. о наказании новгородских еретиков при перечислении их «ересей, хул и поруганья» псалмы даже не упоминаются. «Мирские составленные псалмы» были довольно широко распространены в древне-русской письменности; за несколько лет до этого сам Иван III и митрополит Филипп (1465—1473) поручили некоему «Федору новокрещенному» перевод еврейской средневековой Псалтыри.

...*Якову да Юрью Захариичем...* — Московские бояре из рода Кобылиных-Кошкиных. Яков Захарьич был с 1484 г. наместником в Новгороде; его жестокая политика вызвала там в 1488 г. мятеж. Юрий Захарьевич, брат Якова, прямой предок Романовых, также служил в Новгороде.

А что они кленутся без страха, а то въ 19 главѣ тѣх же ересей месалианскых явлено. — «Обвинение месалиан» (богомилов) в лицемерных клятвах содержится в 19-й из «Глав масалиамского злочестивого повеления», дошедших до нас в составе «Кормчей книги».

...*а то явлено въ 12 главѣ тѣх же ересей.* — В 12-й главе «Масалиамского злочестивого повеления» богомилы обвиняются в отрицании таинства причастия.

...*что ни есть ересей месалианскых, то все они мудрьствують, толко то жидовскым десятословиемь людей прелщают, яко чествующе мнятся.* — В отличие от Иосифа Волоцкого, Геннадий здесь объявляет основой новгородской ереси «месалианство» (богомильство), считая «жидовьское десятисловие», т. е. десять заповедей Моисея («не сотвори себе кумира, не убий, не укради...» и т. д.) лишь благовидным прикрытием ереси: делая вид, что они соблюдают это «десятисловие», еретики в действительности обращают своих приверженцев в «месалианство».

Стр. 544. ...*вам мнится, Новъгород с Москвою не едино православие...* — Недоброжелательство великого князя и митрополита к новгородскому владыке выражалось не только в том, что не были приняты во внимание обвинения, высказанные им против еретиков, но и в прямых актах недоверия: при отставке Иоасафа не было спрошено мнение Геннадия, в 1490 г. новый митрополит Зосима потребовал от Геннадия «исповедания веры», хотя, как указывал Геннадий в ответной грамоте, вторичное «исповедание» (первое он давал при поставлении) никогда от владык не требовалось. Очевидно, это объяснялось подозрениями (против которых Геннадий специально оправдывался в ответной грамоте), что новгородский владыка связан с «латинством». Действительно, в окружении Геннадия были католики (доминиканец Вениамин) и униаты.

...*образу господа нашего Исус Христа и пречистыя его матери наругалися!* — О кощунствах, якобы совершавшихся в Новгороде неизвестными лицами, Геннадий писал в грамоте 1488 г. суздальскому епископу Нифонту.

Стр. 546. ...*по Паисея, да по Нила...* — Геннадий имеет в виду известного церковного деятеля, игумена Троицкого монастыря (1477—1482) Паисия Ярославова и кирилло-белозерского старца Нила Сорского.

Ино и яз слыхал у Алексѣя: «И мы, деи, тогда будемь надобны». — Прото-

поп Алексей — виднейший из новгородских еретиков; по известию Иосифа Волоцкого, Алексей был в 1480 г. поставлен, по воле Ивана III, протопопом главного московского храма — Успенского собора. К 1490 г. его уже не было в живых. Аргументы, побуждавшие Алексея и других еретиков не верить в неизбежный Конец мира в 1492 г., точно неизвестны. Судя по «Сказаниям о скончании седьмой тысящи», написанным уже после 1492 г. (и включенным впоследствии в «Просветитель» Иосифа Волоцкого), исходной посылкой в рассуждении еретиков было их недоверие к «святоотеческой» литературе, в которой и содержалось предсказание о Конце мира в 7000 (1492) г. (Ефрем Сирин и др.); в Библии, которая была для еретиков авторитетной, такой точной даты «скончания миру» нет. Геннадию, очевидно, аргументация еретиков не была известна, и он пытался ее так или иначе разгадать.

«Шестокрилъ» — «Шестокрыл», средневековое астрономическое сочинение, состоящее из таблиц для определения лунных фаз и затмений. «Шестокрыл» был переведен с еврейского оригинала на Западной Руси и сохранился в западнорусских списках. Прямых данных об использовании «Шестокрыла» еретиками (и даже об их знакомстве с этим памятником) нет.

...от Адама 200 и 70 и 6 девятнадесятниць! — Счет годов по «девятнадесятницам» (девятнадцатилетиям) имеет целью согласовать лунный календарь (основанный на месяцах, сменах фаз луны) с солнечным (годичный цикл солнца); уже в древности было установлено, что 19 солнечных лет приблизительно равны 235 лунным месяцам (цикл Метона). В иудейском лунном календаре дата «Сотворения мира» определялась как 3761 г. до н. э. — иначе, чем в византийском и древнерусском календарях (5508 г. или 5500 г. до н. э.); на 1460—1480-е гг. приходилась поэтому в иудейском календаре 276-я девятнадесятница, т. е. 5225 — 5244 гг. от «Сотворения мира».

...276 девятнадесятниц, лѣт будеть от Адаама до сѣх мѣстъ 5000 и 200 и 28. — Этот подсчет Геннадия свидетельствует о том, что он считает 276-ю «девятидесятницу» иудейского календаря еще не завершенной (умножение 276 на 19 дало бы 5244 г.), а только начавшейся ($275\times19=5225+3=5228$). Если это так, то вычисленная им дата иудейского календаря соответствует 1467 г. Возможно, что эта дата относится к той рукописи «Шестокрыла», которой пользовался Геннадий. В дошедшем до нас древнерусском тексте «Шестокрыла» приведенной Геннадием цитаты и даты нет.

...Енох праведны... — Геннадий здесь цитирует апокрифическую (не входившую в Библию) «Книгу о тайнах Еноховых», имевшую распространение на Руси, но включавшуюся в индексы «отреченных книг».

И яз нашел в писании... А пишет их епископы, а не патриархы. — Рассказ о первых пятнадцати иерусалимских епископах, включая Иоасафа и Иуду (живших после Иудейской войны 66—70 гг. не в Иерусалиме, а в Пелле), восходит к «Церковной истории» византийского писателя III в. Евсевия Памфила Кесарийского. После окончательного разрушения Иерусалима в 135 г. епископом впервые ставится Марко — христианин не иудейского происхождения.

Угиин — римский епископ (папа) Игин (Гигин, 137—142); также упоминается в «Церковной истории» Евсевия.

Стр. 548. *«Зръцало».* — Здесь сокращенно цитируется переводный памятник,

появившийся в русской письменности с конца XIV в. — «Диоптра» («Зерцало») византийского писателя XI в. Филиппа Монотропа (Пустынника). Рассуждения Филиппа, не дававшего окончательное решение вопроса о дате «Конца мира», но полагавшего, что время существования мира должно быть «седморично» — кратно семи, более подробно цитировались в «Сказаниях о седьмой тысяще», написанных после 1492 г.

А что «Шестокрилъ» они себѣ изучивъ, да тѣмъ прелщают християнство... — Все дальнейшее рассуждение относится не к новгородским еретикам, о которых Геннадий упоминал вначале, а к иудеям. Геннадий называет ряд библейских персонажей — Адама, Сифа, Еноха, Авраама, рассказывает о переводе Библии на греческий язык, связанный с 72-мя толковниками («Септуагинта») при египетском царе Птоломее II Филадельфе (283—246 гг. до н. э.). Далее упоминаются переводчики Библии на греческий язык: Акила (Аквила), которого Геннадий считает современником императора Адриана (117—138), Симмах, современник Севера (династия Северов правила в 193—235), и Феодотион (Теодотион), современник Коммода (180—192). Геннадий утверждает, что иудеи, когда они обращаются к переводам Библии, предпочитают именно переводы Акилы, Симмаха и Феодотиона (с его точки зрения «еретические»), между тем как христиане придерживаются «Септуагинты» и ее обработки, произведенной святым Лукианом при Диоклетиане (284—305), а также толкований к ним, сделанных «святыми отцами».

Стр. 550. *Да и то ми ся мнит: однова будут еретицы у нас украли лѣт! Занеже у латыны нашего болши осмию лѣты.* — На католическом Западе летосчисление уже с VI в. велось от «Рождества Христова»; на Руси, как и в Византии, употреблялся счет лет от «Сотворения мира». Фактически различие между русской и западной эрами составляло 5508 лет (так наз. «Византийская эра»), но теоретически на Руси считали, что от «Сотворения мира» до «Рождества Христова» прошло 5500 лет («эра Африкана»). Поэтому, когда Геннадий обратился к «латинам» для решения вопросов, связанных с предстоящим «Концом мира», он должен был убедиться, что 7000-й год будет, согласно их календарю, не 1500-м годом, как он думал, а 1492-м годом. Совершенно чуждый представлению об относительности систем летоечисления (эр), Геннадий воспринимал все календарные различия как акты божьего гнева и милости, объясняя отличия русского календаря от иудейского и от календаря «латин» тем, что «еретици у нас украли лѣт» «жидовскими числы» или каким-либо иным способом.

А татарове сказывают: еще у них до скончания миру, сирѣчь до второго пришествиа Христова, 100 лѣт да два. — Мусульманский календарь — последовательно лунный; продолжительность года в нем на 11 дней короче солнечного. Счет лет ведется от «Хиджры» — времени бегства Магомета из Мекки в Медину (622). Через 102 года после 1489 г. должен был наступить 1591 г. (7099 г. от «Сотворения мира»), соответствующий 1000-му году хиджры — году, с которым у мусульман связывались представления о «Конце мира».

...в Кириловѣ, или в Ферапонтовѣ, или на Каменном... — Геннадий называет три севернорусских монастыря, находившихся в ведении ростовского архиепископа — Кириллов-Белозерский (основан в 1397 г.), Ферапонтов (основан в 1398 г., в 20 км от Кириллова) и Спасо-Каменный (на Кубенском озере).

...*«Селивестръ папа римскы», да Афанасей Александрѣйскы, да «Слово» Козмы прозвитера на новоявльшуюся ересь на богумилю, да «Послание» Фотѣя патриарха ко князю Борису Болгарьскому...* — Сочинения богословского и церковно-полемического характера. *«Селивестръ...»* — житие папы Сильвестра I (314—335), с именем которого (как и с именем его современника Константина I) связывалось официальное принятие христианства Римско-Византийской империей; *Афанасей Александрѣйскы* — «слова» александрийского архиепископа Афанасия против ариан; *«Слово» Козмы прозвитера* — широко распространенное в русской письменности сочинение болгарского писателя X в. Козьмы против богомилов; в конце XV или в XVI в. была создана краткая русская переработка сочинения Козьмы; *«Послание» Фотѣя патриарха* — поучительное послание патриарха Фотия (852—886) болгарскому царю Борису I Михаилу (852—889) о соблюдении решений семи вселенских соборов (известно в русской письменности XVI в.). Сочинения эти представляли интерес как для еретиков, так и для их «обличителей». Стремясь к тому, чтобы эти книги, бывшие у еретиков, были доступны и его единомышленникам, Геннадий запросил Паисия и Нила и, получив, видимо, ответ на этот запрос, организовал переписку и рассылку «Сильвестра», «Афанасия Александрийского» и «Козмы Пресвитера» в Кирилло-Белозерский, Соловецкий и Волоколамский монастыри.

Стр. 550—552. *...да Пророчьства, да Бытия, да Царства, да Притчи...* — Библейские книги. Библейское Пятикнижие (которое иногда именовалось по своей первой книге просто «Бытие»), Книги Царств, Притчи Соломона и большинство Книг Пророков уже были переведены к XV в. на древнерусский язык (не переведены были только часть книг Иеремии и Иезекииля), но в единый кодекс они собраны не были. Создание единого русского библейского кодекса (на основе древних переводов с греческих оригиналов с дополнениями по латинской Вульгате) было осуществлено также Геннадием спустя десять лет — в 1499 г., и это важнейшее мероприятие было, очевидно, связано с его борьбой против еретиков («Пророчества» были в числе книг, переписанных в Новгороде в 1493—1495 гг. для Соловецкого монастыря).

Стр. 552. *Менандр* — афинский драматург (комедиограф) IV в. до н. э. В русской письменности XV в. имела распространение книга «Мудрости Менандра Мудрого», сборник изречений, извлеченных из комедий Менандра. Нравоучения эти носили вполне светский характер, и в рукописях встречались также предостережения против чтения Менандра.

Исус Сирахов — книга, не входившая в ветхозаветный канон, но включенная в греческую «Септуагинту» и переписывавшаяся в древнерусских рукописных сборниках. Впоследствии была включена в Геннадиевскую Библию.

Логика — наиболее загадочная из книг, перечисленных Геннадием среди литературы, бывшей у еретиков. Исследователи обычно отождествляют ее с «Книгой, глаголемой Логика, сиречь словесница», восходящей к философскому трактату, составленному из сочинений Моисея Маймонида, еврейского философа XII в., и арабского ученого конца XI — начала XII в. Аль-Газали. «Логика» Маймонида — Аль-Газали была переведена с еврейского языка на русский в Западной Руси и сохранилась в списках не ранее конца XVI в.

Дионисий Ареопагит — легендарный афинский проповедник христианства I—

II вв. Дионисий, ученик апостола Павла, которому приписывается корпус сочинений, созданных, по мнению большинства ученых, во второй половине V в. под сильным влиянием неоплатонизма. Корпус сочинений Псевдо-Дионисия Ареопагита был переведен на славянский язык (с греческого) на Балканах в конце XIV в. и уже с начала XV в. стал известен на Руси.

...*Закхѣем реченнаа...* — Далее приводятся слова мытаря (сборщика налогов) Закхея, о котором рассказывается в Евангелии от Луки.

СКАЗАНИЕ О ДРАКУЛЕ

(Стр. 554)

«Сказание о Дракуле» представляет собой древнейший известный нам памятник оригинальной беллетристики (художественной прозы), известный на Руси. Уже в Киевской Руси памятники такого характера («Повесть об Акире Премудром», «Девгениево деяние») проникали в Россию, но произведения оригинальной письменности были посвящены либо святым (жития), либо известным историческим лицам, жившим в определенное, точно указанное время (как правило, подобные произведения входили под соответствующими годами в более широкие исторические своды — летописи или хронографы), и считались поэтому «полезными» — нужными с точки зрения религиозного культа или познания мира.

«Сказание о Дракуле» было, по выражению того времени, «неполезной повестью». Правда, и здесь речь шла о реально существовавшем лице — «мунтьянском» (румынском) князе Владе, известном под прозвищем Цепеша (т. е. «Сажателя на кол», «Прокалывателя») и Дракулы («Дракона»). Но русскому читателю ничего не было известно о Владе Цепеше, и повесть не сообщала ему ни о его подлинном имени, ни о времени правления, ни о точном местонахождении «Мунтьянской земли». Начинаясь с типично сказочного «зачина» («Бысть в Мунтьянской земли греческия веры христианин воевода Дракула...»), повесть не рассказывала, как Дракула стал «воеводой», и сразу переходила к одному из эпизодов его жизни (расправа над турецкими послами). Вся она состояла из таких эпизодов-анекдотов о Дракуле.

Рассказы о Дракуле стали известны русскому автору во время его пребывания в Юго-Восточной Европе. Судя по сообщенным им сведениям, автор повести был в Венгрии и соседних землях в 80-х гг. XV в. (после смерти Влада Цепеша). Эти указания позволяют прийти к выводу, что автором повести был русский посол в Венгрии и Молдавии — скорее всего дьяк Ивана III Федор Курицын, возглавлявший в 1482—1484 гг. русское посольство к венгерскому королю Матвею Корвину и молдавскому господарю Стефану Великому. Анекдоты, которые он положил в основу своей повести, записывали в те годы и другие иностранцы, побывавшие в придунайских землях: авторы анонимных немецких брошюр «О великом изверге Дракола Вайда», поэт-мейстерзингер Михаэль Бехайм и итальянский гуманист Антонио Бонфини, создавший «Венгерскую хронику».

Смысл русской «Повести о Дракуле» был своеобразен. Автор рассказывал о многочисленных жестокостях Дракулы, сравнивал его с дьяволом, но од-

новременно сообщал и о справедливости Дракулы, беспощадно каравшего всякое преступление, кто бы его ни совершил. Этим повесть отличалась от немецких сказаний о Дракуле, где описывались только жестокости «великого изверга», и сходилась с «Хроникой» Бонфини, автор которой считал соединение жестокости и справедливости обязательным свойством государя. Так считал и младший современник Бонфини, идеи которого составитель «Венгерской хроники» во многом предвосхитил,— Макиавелли; так считал и русский публицист XVI в. Иван Пересветов. Но в отличие от Бонфини, Макиавелли или Пересветова автор «Повести о Дракуле» создал не публицистический трактат, а «неполезную повесть» — художественное произведение. Рассказав о жестокости и справедливости Дракулы, он не сделал никаких выводов, и предоставил самим читателям вынести приговор герою. Они могли ужасаться его жестокостям, могли считать (как Пересветов), что «без такой грозы нельзя установить правду в царстве», а могли и задумываться над тем, не лишают ли средства, употребляемые «мунтьянским воеводой», всякого смысла поставленную им цель — создание справедливого государства.

«Повесть о Дракуле» — публикуется по списку *ГПБ,* Кирилло-Белозерское собрание, № 11/1086 с исправлениями по спискам *ГИМ,* собр. Забелина, № 451 и *ГБЛ,* собр. Румянцева, ф. 256, № 358.

Стр. 554. *...в Мунтьянской земли...* — Мунтения (горная страна)—область в Румынии, восточная часть Валахии. Мунтьянской землей русский автор именует Валашское княжество, представлявшее собой в XV в. феодальное государство, ведшее борьбу за свою независимость против Турции и соседней Венгрии.

...Дракула влашеским языком, а нашим — диаволъ. — Влад Цепеш (правил в 1456—1462 и 1477 гг.) получил прозвище «Дракула», распространенное за пределами Румынии, в наследство от отца, также носившего имя Влада (1436—1446); первоначально это прозвище было, по-видимому, связано с принадлежностью Влада-старшего к рыцарскому ордену Дракона, основанному германскими императорами, но затем оно стало ассоциироваться с румынским словом «drac» — дьявол.

...от турьскаго поклисарие... — Поклисарь, поклисарие (от греч. 'αποκρισριος посол, послы; имеются в виду послы от Мехмеда (Магомета) II, турецкого султана, многократно вторгавшегося в Валахию. Рассказ о после (послах), отказавшемся снять шляпу, за что она была приколочена ему к голове, в западных странах относили впоследствии к Ивану Грозному.

Стр. 556. *...велми рад бысть, бѣ бо тогда ратуяся с восточными.* — В 50—60-х гг., после завоевания Царьграда и уничтожения Византийской империи, Мехмед II вел войну с главой тюркского государства Ак-Коюнлу Узун-Хазаном.

Дракула же поиде, събрався съ всѣм воиньством... — Военные действия между Владом Цепешем и турецким султаном происходили в 1461—1462 гг. Известия об этой войне в источниках противоречивы; современные румынские историки считают известия об успехах Влада (во время летнего похода 1462 г.) достоверными.

Стр. 560. *...от угорскаго короля Маттѣаша...* — Матвей Корвин (Матиаш Хуньяди) — венгерский король (1458—1490).

Стр. 562. *...от своихъ изданъ по крамолѣ.* — Дракула попал в венгерский

плен в конце 1462 г. История его пленения довольно сложна. Первоначально Матвей Корвин заявил о своем желании помочь валашскому господарю, ведшему войну с турками, но затем он обвинил Влада в тайном сговоре с султаном и признал господарем его брата Раду Красивого (которого до этого поддерживали турки). Румынские историки считают известие об измене в войске Цепеша достоверным.

...в Вышеградѣ на Дунаи, выше Будина 4 мили... — Указание на расстояние от королевского замка Вышеграда (Vizčegrad, нем. Plintenberg) до венгерской столицы Будина (Буды, часть нынешнего Будапешта) пропущено в Кирилловском (Ефросиновском) списке, но читается в других списках той же редакции.

Пожив же мало, яко 10 лѣт, и тако скончася в той прельсти. — В действительности Матвей Корвин восстановил Влада Цепеша на валашском престоле в 1476 г., и его вторичное царствование длилось около года.

Стр. 564. *Конец же его сице...* — Влад Цепеш погиб в сражении с турками в 1477 г.; на престол был посажен его давний соперник (представитель соперничающей династии Данов) Лайот Басараб.

...варадинского бископа... — Епископа города Вардан или Варадин Великий (ныне Орадя в Румынии).

...Михаила... — Михня Злой, впоследствии (1508—1510) валашский господарь.

...Стефанъ волосьскы... — Стефан (Штефан) Великий — молдавский князь (1457—1504), союзник и свояк великого князя Ивана III (сын Ивана был женат на дочери Стефана Елене).

...Владъ, иже бывы чернець и игуменъ. — Известия о преемниках Влада Цепеша противоречивы. Влад, ставший валашским князем,— по-видимому, Влад Монах, бывший по одним сведениям сыном, а по другим—братом Влада Цепеша.

Ефросин — монах Кирилло-Белозерского монастыря, составитель сборников (ныне в *ГПБ,* Кирилло-Белозерское собрание), включающих ряд выдающихся памятников светской литературы Древней Руси (кроме «Повести о Дракуле» — «Задонщина», «Сербская Александрия», «Сказание об Индийском царстве», «Повесть о двенадцати снах царя Шахаиши», несколько вариантов сказаний о Соломоне и Китоврасе и др).

ПОВЕСТЬ О БАСАРГЕ И О СЫНЕ ЕГО БОРЗОСМЫСЛЕ

(Стр. 566)

«Повесть о Басарге и о сыне его Борзосмысле» сохранилась в рукописной традиции под разными названиями: «Сказание о трех царей, о царѣ Несмеяне Гордом и царе Борзосмысле Дмитриевиче», «Повесть о Дмитрии-купце и о премудром слове сына ево», «Повесть о неком купце богобоязливом и о детище его» и др.; даже в списках древнейшей антиохийской редакции, по которой издается памятник: «Сказание-повесть о царе Борзосмысле Дмитриевиче и о мудрых его загатъках», «Слово о Дмитрии купце Басарге».

«Повесть о Басарге и о сыне его Борзосмысле» дошла до нас только в рукописях XVII в. и более позднего времени, но характер повести и ряд реалий (напр., упоминание Антиохии без ссылки на ее завоевание турками в начале XVI в. — см. ниже) дает основание предполагать, что она возникла еще в конце XV — начале XVI в. и просто не сохранилась в более ранних списках. В основе «Повести о Басарге и о сыне его Борзосмысле» лежит широко распро-

страненный в фольклоре и литературе «мировой сюжет», обычно именуемый в литературоведении и фольклористике анекдотом об «императоре и аббате» (ср.: В. Андерсон. Император и аббат. История одного народного анекдота. Казань, 1916). Как и во всех рассказах на этот сюжет, жестокий правитель задает загадки, которые отгадывает не тот человек, кому они загаданы (в повести — купец Басарга), а выступающий вместо него мудрый «простак», которым в данном случае оказывается семилетний мальчик Борзосмысл. Наиболее полное исследование рукописной традиции и литературной истории памятника было предпринято М. О. Скрипилем («Повесть о Дмитрии Басарге и о сыне его Борзосмысле». Исследование и подготовка текстов М. О. Скрипиля. Л., 1969). М. О. Скрипиль доказал, что древнейшей редакцией повести является «антиохийская редакция» (где Басарга приезжает из Царьграда в Антиохию — в других редакциях упоминается приезд Басарги из Киева к неизвестному острову или к «царственному граду», в Венецию и т. д.). Однако в основу при издании «антиохийской редакции» исследователь положил список *ГБЛ,* собр. Тихонравова, ф. 299, № 480, между тем как анализ разночтений показывает, что более первичные чтения «антиохийской редакции» сохранились в списке *ГБЛ,* Румянцевское собр., № 2432 (ныне *ГБЛ,* библиотека А. Попова, № 71); см. об этом в рецензии на издание М. О. Скрипиля: «Известия АН СССР», серия литературы и языка, т. XXIX, № 4, с. 350—351. В настоящем издании текст публикуется по списку *ГБЛ,* ф. 236 (библиотека А. Попова), № 71, лл. 40—44 об., с исправлениями по списку *ГБЛ,* Музейное собрание, ф. 178, № 380.

Сказание о трех царей: Оркади, о царѣ Несмеяне Гордомъ и о царе Борзосмысле Дмитревиче. — Из «трех царей», упомянутых в заголовке публикуемой версии, чертами историчности обладает только Аркадий, византийский император (395—408), и упоминаемый далее патриарх Амфилохий (394—403). Однако к истории борьбы православных с «латинами» из-за Антиохии оба эти лица никакого отношения не имеют. Несмеян как «мирское» (бытовое,— в отличие от имени, полученного при крещении) имя встречается на Руси в XV—XVII вв., однако, как и имя «Борзосмысл», в повести оно имеет явно нарицательный смысл, определяя характер персонажа.

...во Антиохи... — Антиохийское княжество с центром в г. Антиохии, входило в состав византийской Сирии. В конце XI в. было захвачено католическими крестоносцами и стало независимым государством. В XII в. на некоторое время вновь было присоединено к Византии.

...во свою латынъскою веру приводитъ. — Основной сюжетный конфликт повести отражает обстановку XI—XIII вв., когда в Антиохии сталкивались «латинские» (крестоносные) и греко-православные (связанные с распавшейся в начале XIII в. и вновь возрожденной Византией) силы. С конца XV — начала XVI в. положение на Ближнем Востоке резко изменилось — турки уничтожили Византийскую империю, а в 1516 г. завоевали Антиохию. Полное отсутствие в повести турецкой темы дает основание предполагать, что русская повесть была написана до конца XV в.

...именем Дмитрей... — В других списках антиохийской редакции, а также в других редакциях повести купец имеет прозвище «Басарга» (отсюда и

распространенное в литературоведении название повести). Слово «базарган» имеет, как и ряд других имен в повести, нарицательный смысл, ибо по-болгарски (где это слово заимствовано из турецкого или персидского языка) оно означает «купец».

...ис Царяграда... — В более поздних редакциях памятника (в научной литературе они именуются киевской, басурманской, венецианской) Дмитрий Басарга именуется русским купцом.

Стр. 572. *Не довай царева даяния чашу, но скры в нѣдры своя...* — Мотив спрятанной чаши, не играющий далее никакой роли, в «Повести о Басарге», возможно, заимствован из «Сербской Александрии» (см. с. 86), где так же поступает Александр Македонский, явившийся к персидскому царю под видом собственного посла: спрятанные чаши служат ему затем своеобразным пропуском, по предъявлении которого персидские стражи выпускают его из дворца.

Стр. 576. *...и жить по-прежънему. Аминъ.* — Так заканчивается текст в списке *ГБЛ,* ф. 236, № 71. В других списках той же редакции рассказывается о приезде к Борзосмыслу отца и матери; в двух списках (*ГБЛ,* собр. Тихонравова, № 480, *БАН,* № 32.2.25) говорится, что Басарга стал под своим сыном «вторым царем»— возможно, что, рисуя такое отношение между отцом и его сыном-царем, повесть отражала роль патриарха Филарета в первой четверти XVII в., когда Филарет именовался «великим государем», как и его сын — царь Михаил Федорович.

СЛОВО О ХМЕЛЕ
(Стр. 578)

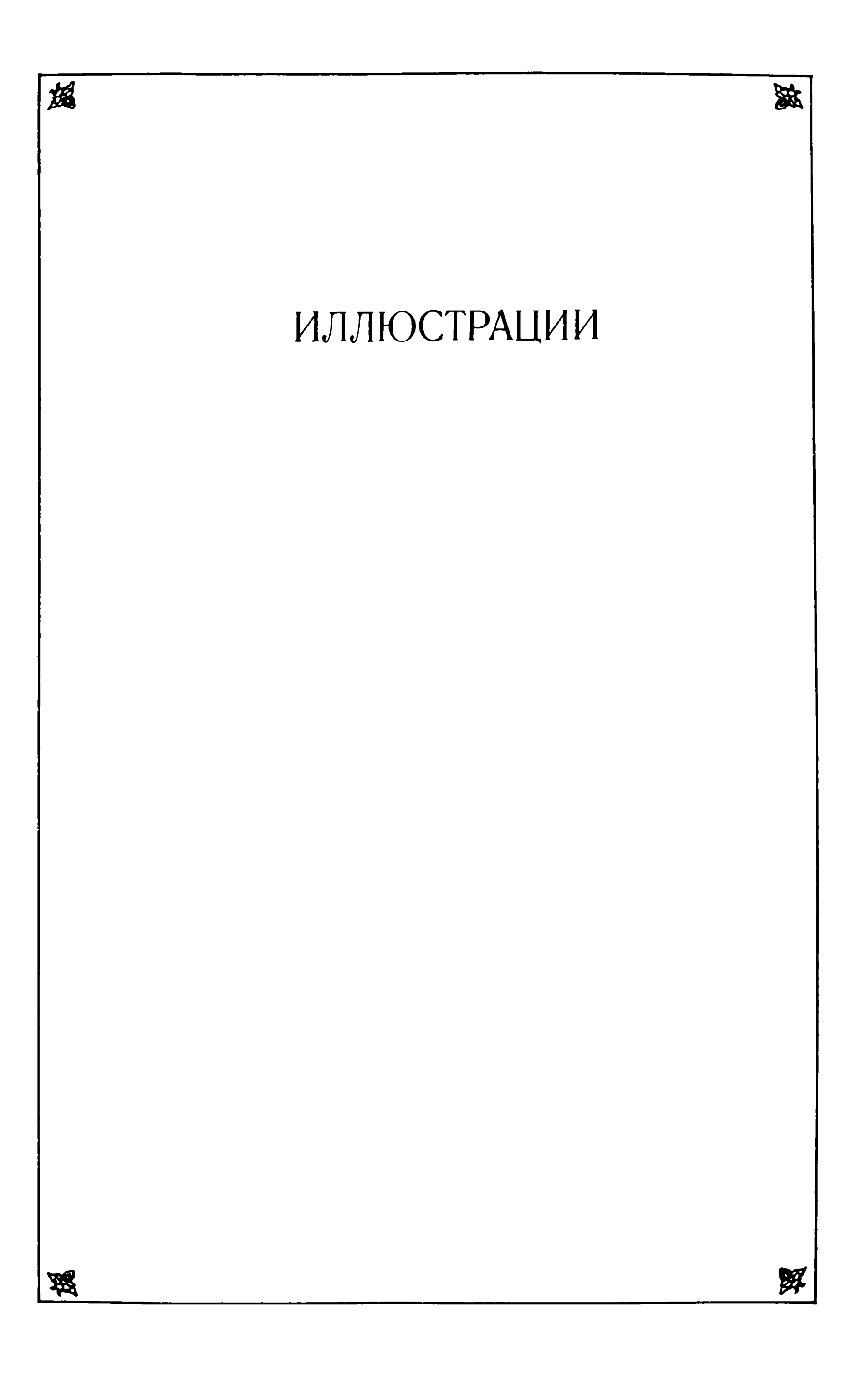
«Слово о Хмеле» в ряду аналогичных произведений, осуждающих пьянство, широко распространено в древнерусских рукописных сборниках. Оно предостерегает читателей от пагубного пристрастия к хмельному питию, рисует несчастья, грозящие пьянице,— обнищание, лишение места в социальной иерархии, потерю здоровья, отлучение от церкви. Подружившись с Хмелем, не избегнут бед ни князья и бояре, ни священники и купцы, ни ремесленники и слуги, ни мужчины, ни женщины. В «Слове...» соединено гротескное обращение к читателю самого Хмеля с традиционной проповедью против пьянства.

«Слово о Хмеле» написано ритмической прозой, переходящей местами в рифмованную речь. Это обстоятельство, а также некоторые обороты и сцены делают его близким к устно-поэтическим произведениям, известным в более поздних записях XVIII—XX вв., но, возможно, существовавшим и в XV в.

«Слова о Хмеле» в древнерусских рукописях сильно отличаются друг от друга. Мы публикуем текст по одному из наиболее ранних списков, написанных в 70-х гг. XV в. монахом Кирилло-Белозерского монастыря Ефросином,— *ГПБ,* Кирилло-Белозерское собр., № 9/1086, лл. 517—519 об.

Стр. 578. *...а самого во злыхъ...* — Ср. с пословицей: во зле жити — по миру ходити.

...туга и скорбь по бедрамь гладомь позваниваеть... — Ср. с пословицами: быть было беде, да случились деньги при бедре; как деньги при бедре, так помогут при беде.



ИЛЛЮСТРАЦИИ

Подбор иллюстраций
О. А. Белобровой

Успенский собор Московского Кремля.
1475—1479 годы.

Церковь Ризположения в Московском Кремле.
1480-е годы.

Грановитая палата в Московском Кремле.
1487—1491 годы.

Церковь Сошествия Святого Духа (Духовская)
в Троице-Сергиевом монастыре (Загорск). 1470-е годы.

Церковь Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря.
1491 год.

Георгиевский собор в Юрьеве-Польском. 1230—1234 годы.
Перестроен к концу XV века.

Александр Македонский. Миниатюра из рукописи. XV век, *ГПБ*.

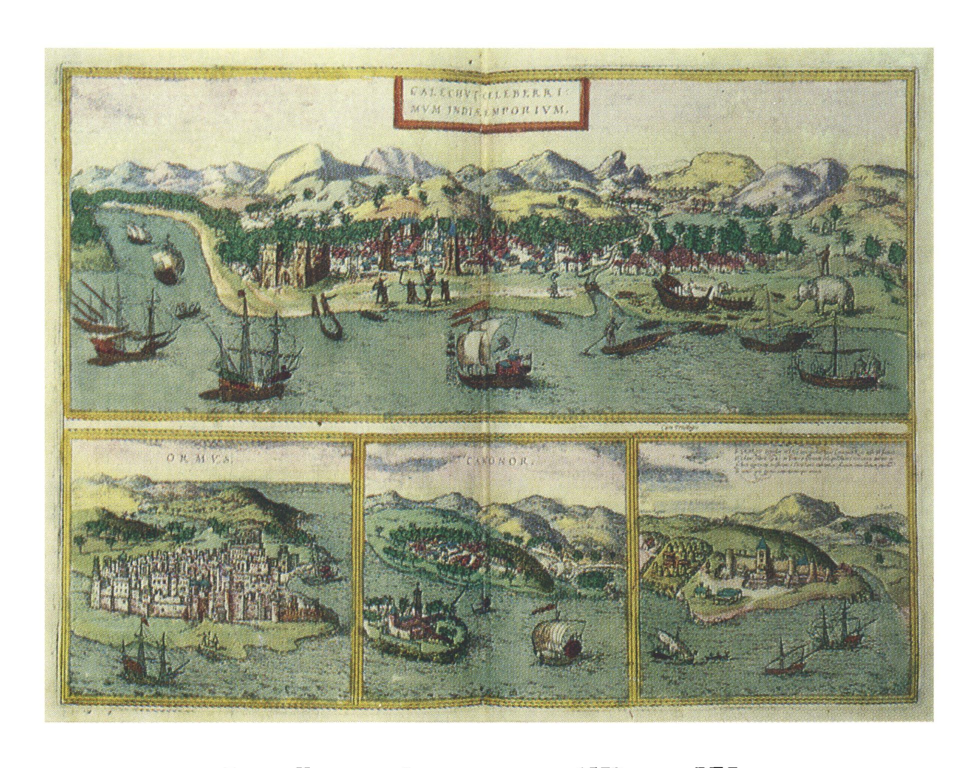
О лунном цикле, о затмениях. Рукопись XV века, *ГПБ*.

Начало «Сочинения Александрова» о развитии младенца.
Рукопись XV века, *ГПБ*.

Борьба орла и змеи при основании Царьграда.
Миниатюра лицевого летописного свода XVI века.
Голицынский том, *ГПБ*.

Осада Царьграда турками в 1453 году.
Миниатюра лицевого летописного свода XVI века.
Голицынский том, *ГПБ*.

Страны света: Индеи, Скифи, Эфиопи, Кельти.
Миниатюра из рукописной «Христианской топографии Козмы Индикоплова». XVII век, *ГПБ*.



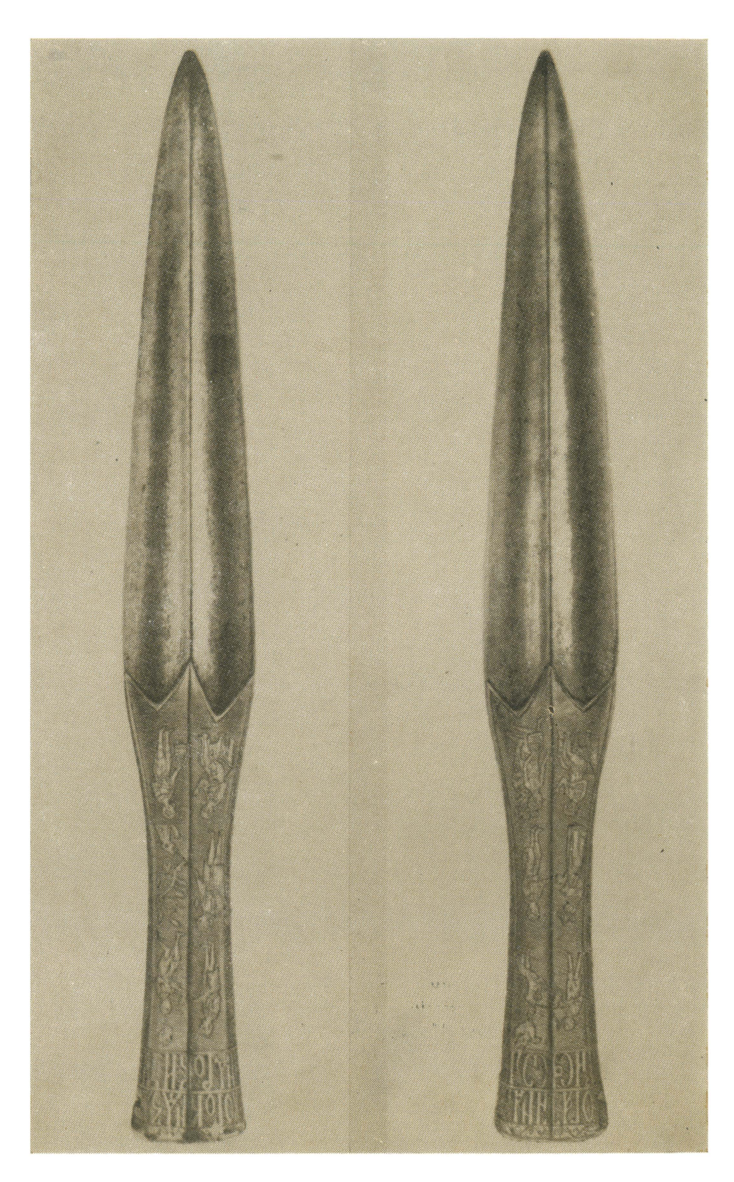
Город Каликут. Фрагмент карты 1572 года, *ГПБ*.

Дионисий. Иоанн Предтеча. Фреска церкви Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря. 1500—1502. Конха северной апсиды.

Николай Чудотворец. Фреска церкви Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря работы Дионисия. 1500—1502. Конха южной апсиды.

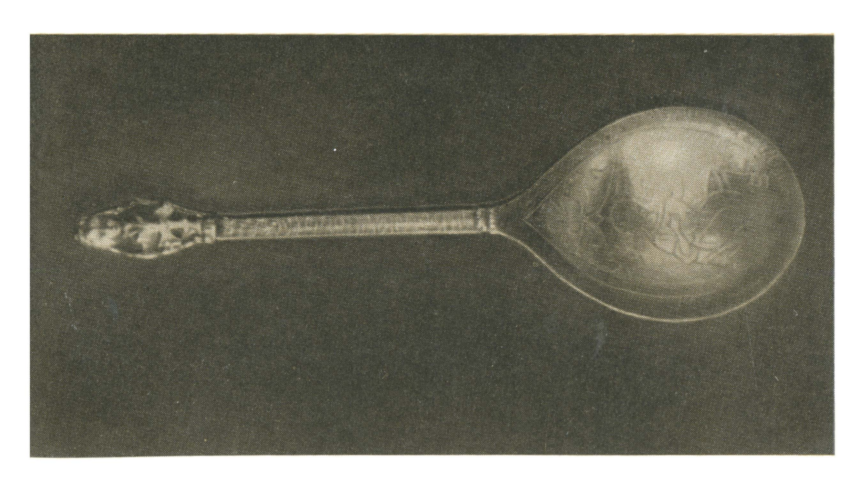
Дионисий и мастерская. Митрополит Петр с житием.
Икона конца XV — начала XVI века.
Музеи Московского Кремля.

Дионисий и мастерская. Путешествие в Константинополь. Клеймо иконы «Митрополит Петр с житием». Конец XV — начало XVI века.
Музеи Московского Кремля.



Рогатина великого князя Бориса Александрозича Тверского.
Середина XV века. *Музеи Московского Кремля.*

Василий Ермолин. Святой Георгий на коне («ездец»).
Фрагмент белокаменной раскрашенной скульптуры. 1464 год, *ГТГ*.



Ложка волоцкого князя Федора Борисовича.
Начало XVI века. *Загорский музей-заповедник.*

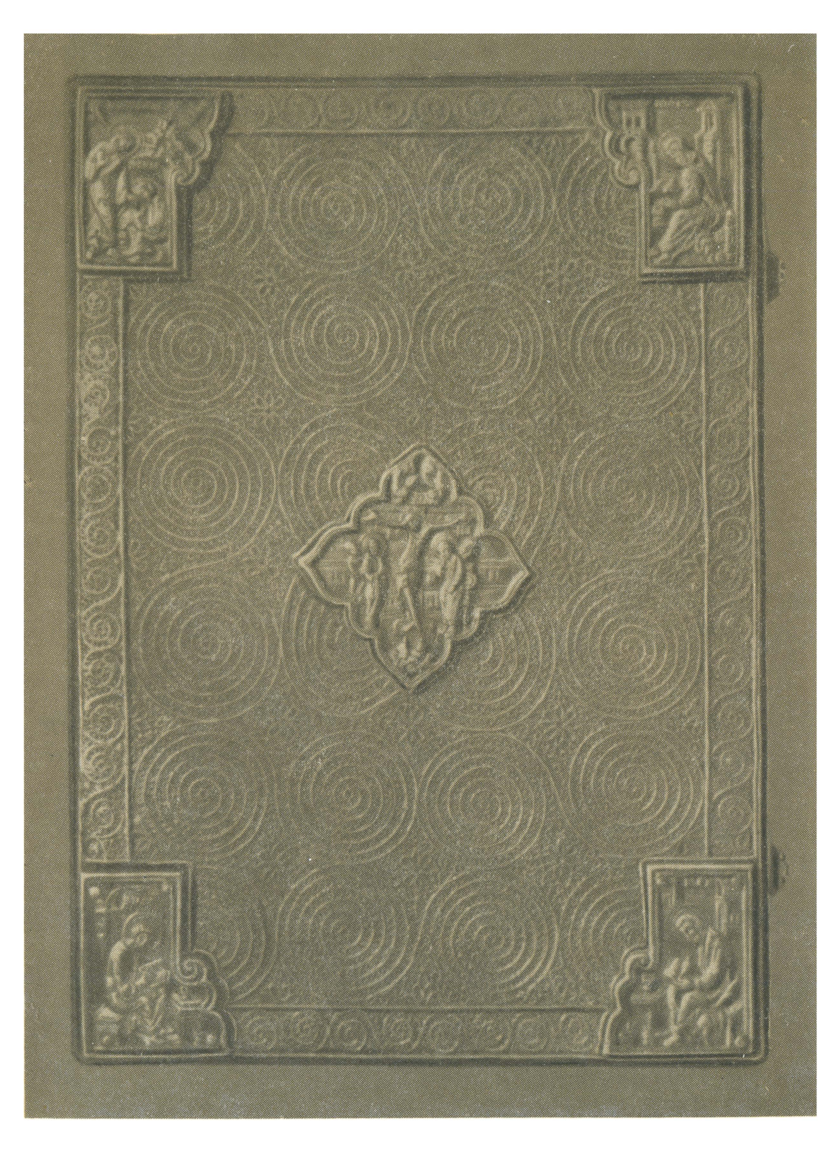
Молящиеся новгородцы. Икона 1467 года.
Новгородский музей-заповедник.

Пафнутий Боровский. Шитый покров начала XVI века, деталь. *ГРМ*.

Чудо Михаила Клопского о попе, укравшем панагию.
Миниатюра из жития Михаила Клопского, *ИРЛИ*.

Чудо Михаила Клопского о купце Михаиле.
Миниатюра из жития Михаила Клопского. XVII век, *ИРЛИ*.

Амвросий, троицкий резчик. Серебряный золоченый сканный ковчег-мощевик с гравированным изображением апостолов Петра и Павла. 1463 год. Заказ игумена Вассиана Рыло.
Загорский музей-заповедник.



Рукописное Евангелие XVI века в серебряном окладе работы новгородца Ивана Попова. 1527 год, *ГБЛ*.

Посольство Федора Курицына в Венгрию и Молдавию, в 1482—1484 годах. Миниатюра из лицевого летописного свода XVI века. Шумиловский том, *ГПБ*.

Стояние на реке Угре в 1480 году. Миниатюра из лицевого летописного свода XVI века. Шумиловский том, *ГПБ*.

СОДЕРЖАНИЕ

Д. С. Лихачев. Литература эпохи исторических размышлений 5

ЛИТЕРАТУРА ДРЕВНЕЙ РУСИ
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XV ВЕКА

Александрия. *Подготовка текста, перевод и комментарии Е. И. Ванеевой* 22
Слово о рахманах. *Подготовка текста, перевод и комментарии Я. С. Лурье* 174
Сказание о дочери Александра Македонского. *Подготовка текста, перевод и комментарии М. Д. Каган-Тарковской* 178
Сказание о Вавилонском царстве. *Подготовка текста, перевод и комментарии Н. Ф. Дробленковой* 182
Повесть о посаднике Добрыне. *Подготовка текста, перевод и комментарии Л. А. Дмитриева* 188
О земном устроении. *Подготовка текста, перевод и комментарии Г. М. Прохорова* 192
Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году. *Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова* 216
Инока Фомы «Слово похвальное». *Подготовка текста и перевод Н. В. Понырко, комментарии Н. В. Понырко и Я. С. Лурье* 268
Повесть о житии Михаила Клопского. *Подготовка текста, перевод и комментарии Л. А. Дмитриева* 334
Повесть об Ионе, архиепископе новгородском. *Подготовка текста, перевод и комментарии М. В. Рождественской* 350
Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород. *Подготовка текста В. П. Бударагина, перевод В. В. Колесова, комментарии Я. С. Лурье* 376
Новгородская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород. *Подготовка текста В. П. Бударагина, перевод В. В. Колесова, комментарии Я. С. Лурье* 404
Севернорусский летописный свод 1472 года. *Подготовка текста и комментарии Я. С. Лурье, перевод В. В. Колесова* 410
«Хождение за три моря» Афанасия Никитина. *Подготовка текста М. Д. Каган-Тарковской и Я. С. Лурье, перевод Л. С. Семенова, комментарии Я. С. Лурье и Л. С. Семенова* 444
Рассказ о смерти Пафнутия Боровского. *Подготовка текста, перевод и комментарии Л. А. Дмитриева* 478
Повесть о стоянии на Угре. *Подготовка текста Е. И. Ванеевой, перевод и комментарии Я. С. Лурье* 514
Послание на Угру Вассиана Рыло. *Подготовка текста Е. И. Ванеевой, перевод О. П. Лихачевой, комментарии Я. С. Лурье* 522

«Лаодикийское послание» Федора Курицына. *Подготовка текста, перевод и комментарии Я. С. Лурье* 538
Послание Геннадия Иоасафу. *Подготовка текста, перевод и комментарии Я. С. Лурье* 540
Сказание о Дракуле. *Подготовка текста и комментарии Я. С. Лурье, перевод О. В. Творогова* 554
Повесть о Басарге и о сыне его Борзосмысле. *Подготовка текста и комментарии Я. С. Лурье, перевод В. В. Колесова* 566
Слово о Хмеле. *Подготовка текста, перевод и комментарии М. Д. Каган-Тарковской* 578
Комментарии 585

На форзаце воспроизведен фрагмент иконы «Молящиеся новгородцы», 1467 год.

П 15 Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века. /Вступит. статья Д. С. Лихачева; Сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. — М.: Худож. лит., 1982. — 688 с.

В пятый выпуск серии «Памятники литературы Древней Руси» включены произведения, отражающие процесс централизации Русского государства вокруг Москвы: московская и новгородская повести о походе Ивана III на Новгород, Севернорусский летописный свод 1472 года, Повесть о стоянии на Угре, а также другие произведения, созданные или получившие особенно широкое распространение в данный период.

П $\frac{4702010100\text{-}333}{028(01)\text{-}82}$ 43-82 Р1

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XV ВЕКА

Составители
Л. А. Дмитриев
Д. С. Лихачев

Редактор
Ю. Козловский

Художественный редактор
Г. Масляненко

Технический редактор
О. Ярославцева

Корректоры
Л. Коншина и М. Чупрова

ИБ № 2522

Сдано в набор 22.02.82. Подписано к печати 06.10.82. Формат 60×90[1]/16. Бумага типогр. № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 43 + альбом=45. Усл. кр.-отт. 49,81. Уч.-изд. л. 47,49 + альбом = 48,83. Тираж 50 000 экз. Изд. № II-825. Заказ 323. Цена 4 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

ПАМЯТНИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ

ДРЕВНЕЙ

РУСИ

ВТОРАЯ
ПОЛОВИНА
XV
ВЕКА

4р.10к.